This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25 (1867 (3))

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ. 1867.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ III. — СЕНТЯБРЬ 1867.

I. — СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА. — III. — МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ. — Глава третья. — **Н. И. Костомарова.**

II. — ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФІИ КАВКАЗА. — Статья первая. — **Евг. П. Ковалевскаго.**

III. — ДАГЕСТАНЪ, ЕГО НРАВЫ И ОБЫЧАИ. — **П. Пржецлавскаго.**

IV. — ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА. — Глава первая и вторая.

V. — ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ЕВРОПѢ. — II. — **А. И. Скребицкаго.**

VI. — ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ. — V. — **С. М. Соловьева.**

VII. — РУССКОЕ МАСОНСТВО ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ. — Статья вторая.

VIII. — ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НАКАНУНѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. — Статья вторая. — **М. М. Стасюлевича.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Иностранная: 1) французская; 2) нѣмецкая.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Сентябрь, 1867.

Идея о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени. — **П. П.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Сентябрь, 1867.

I. Очерки изъ исторіи земства въ 1866 году. — Очеркъ третій. — **П. П. Колюпанова.**

II. Первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса. — Очеркъ второй. — **W.**

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ и ЗАМѢТКИ. — О всемірной выставкѣ 1867 года. — Письмо второе. — **Е. О.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

1867
3

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

XXXI. — ТОМЪ CLXXXI. — 9/21 СЕНТЯБРЯ 1867.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Галерная, 20.

1867.

P Slav 176.25 (3)
~~131.84~~
~~Slav 30.2~~

18[illegible], Oct. 6.
[illegible]
Eugene Schuyler,
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О

ЕЖЕМѢСЯЧНОМЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛА

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

ВЪ 1868 ГОДУ.

Съ будущаго 1868 года мы расширяемъ кругъ дѣятельности журнала, основаннаго нами въ 1865 году, какъ по отношенію *объема*, такъ и самаго *содержанія*, сохраняя при этомъ его прежній, по преимуществу исторический характеръ.

Два года тому назадъ, когда мы приступали къ своему изданію, намъ было необходимо, какъ мы выразились, „имѣть время своимъ союзникомъ“, и потому мы рѣшились ограничиться четырьмя томами, не разбивая ихъ даже на отдѣльныя книги, хотя объемъ томовъ, какъ то могли замѣтить сами наши читатели, не только дозволялъ подобное раздѣленіе, но даже почти всегда требовалъ. Опытъ двухъ лѣтъ показалъ, что, не смотря на безусловное исключеніе изъ программы нашего журнала перевода сочиненій иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ, Редакція была

до того переполнена матеріалами, что, вмѣсто 35 обѣщанныхъ листовъ для каждаго тома, необходимо было прибавить иногда до 10 листовъ, и за всѣмъ тѣмъ многое уже принятое не могло быть однако помѣщено, при всемъ искреннемъ желаніи Редакціи воспользоваться предложеніями своихъ сотрудниковъ. Начавъ, такимъ образомъ, съ опасенія за недостатокъ въ матеріалахъ, мы весьма скоро начали затрудняться ихъ обиліемъ, и вслѣдствіе того явилась теперь сама собою возможность и даже необходимость присоединить къ прежнимъ четыремъ томамъ еще два; потому съ будущаго года мы будемъ издавать ежегодно шесть томовъ — отъ 50 до 60 листовъ каждый, или отъ 300 до 350 листовъ въ годъ, вмѣсто прежнихъ 150 листовъ. Такой объемъ томовъ требуетъ, очевидно, раздѣленія каждаго изъ нихъ на двѣ книги, а потому „Вѣстникъ Европы“ съ января слѣдующаго года начнетъ выходить ежемѣсячно, что и составитъ въ годъ — шесть томовъ, въ двѣнадцати книгахъ.

Расширеніе круга дѣятельности „Вѣстника Европы“, по отношенію къ его содержанію, было внушено намъ другого рода необходимостью, еще болѣе настоятельною: мы должны были, наконецъ, восполнить тотъ пробѣлъ въ программѣ, который, впрочемъ, мы сдѣлали не безъ основанія, при самомъ началѣ своей дѣятельности. Желая, въ первые годы своего опыта, какъ можно болѣе ограничить задачу журнала, мы исключили въ немъ, не смотря на его *историческій* характеръ, весьма важную область исторіи, а именно *исторію слова*, исторію литературъ, и держались исключительно исторіи политической, бытовой и былевой. Уже въ послѣднее время начала у насъ сама собою обнаруживаться искусственность такой исключительности: при всемъ желаніи оставаться строго въ предѣлахъ собственной исторіи и политики, мы не могли иногда не переступать этихъ предѣловъ, и видѣли себя въ необходимости удаляться насильственно отъ вопросовъ и фактовъ литературныхъ, хотя и признавали ихъ вѣсъ и значеніе въ судьбахъ современнаго общества, а слѣдовательно и въ его исторіи. Убѣдившись въ невозможности на будущее время устранять отъ себя литературные вопросы и будучи приведены къ нимъ самымъ развитіемъ дѣла, мы рѣшились съ 1868 года открыть у себя особый отдѣлъ для литературы, а также и для тѣхъ ея произведеній, которыя могутъ быть отнесены къ числу *фактовъ* современной исторіи литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной. Относясь такимъ образомъ къ литературѣ, мы можемъ сохранить неизмѣнно его прежній *историческій* характеръ.

Во всякомъ случаѣ, въ нашемъ историческомъ журналѣ, литература и ея произведенія займутъ мѣсто по той же причинѣ, по какой они занимаютъ мѣсто въ исторіи дѣйствительной жизни. Литературныя произведенія могутъ быть также справедливо названы историческими фактами, дѣломъ человѣческихъ рукъ, какъ все прочее, что мы условились называть содержаніемъ исторіи.

Современники имѣютъ, правда, свое основаніе относиться нѣсколько строго къ литературѣ, въ виду той легкости, съ которою, повидимому, пріобрѣтается званіе литератора, и того обилія, съ которымъ ежедневно творятся факты исторіи литературы. Но чтобы оцѣнить вполнѣ и огромное значеніе литератора, на ряду съ другими общественными, болѣе матеріальными дѣятелями общества, и глубокое вліяніе литературнаго произведенія, — нужно отойти подальше отъ своего времени, стать посреди болѣе древней эпохи. Тогда только мы увидимъ, что произведенія такъ-называемаго творческаго воображенія распоряжаются судьбами общества, служатъ школою цѣлыхъ поколѣній и образуютъ собою новыя эпохи, не менѣе какъ и блестящее законодательство, громкія побѣды, и политическія мѣры. Ордонансы, напримѣръ, французскихъ королей XIV и XV вѣка, записанные исторіею и составившіе собою историческіе факты, были направлены противъ рыцарства; но въ силѣ историческаго значенія съ ними можетъ поспорить поэма Сервантеса „Донъ-Кихотъ“.

Мы ограничиваемся сказаннымъ, и даже сказанное нами считаемъ вынужденнымъ, вслѣдствіе временнаго, безъ сомнѣнія, положенія нашей литературы, которое внушило своему обществу не совсѣмъ правильные взгляды на роль литератора въ историческихъ судьбахъ каждаго народа, и нѣкоторое недовѣріе вообще къ произведеніямъ литературы, впрочемъ не безъ вины самихъ литературныхъ дѣятелей. Искуственная тенденціозность, не всегда притомъ поддерживаемая талантомъ и знаніемъ быта человѣческаго сердца, много вредитъ вообще литературному дѣлу; изъ литературы иногда дѣлаютъ довольно вялыя диссертаціи о предметахъ, которыя должны собственно составлять трудный предметъ медленнаго анализа наукъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что литература должна быть чужда вопросовъ, волнующихъ современное ей общество; такое требованіе противорѣчило бы высказанному нами, когда мы говорили о литературѣ, какъ о школѣ народовъ, а возможно-ли думать руководить обществомъ, когда самъ отстаешь отъ него въ своихъ идеяхъ, и не понимаешь его потребностей?!

Мы думаемъ только, что литература не должна ни въ какомъ случаѣ сходить съ своего художественнаго и творческаго поля, а на чужомъ — у нея не окажется почвы подъ ногами, и она рискуетъ утратить довѣріе къ себѣ. Какъ наука слаба и безплодна, если она ограничивается достиженіемъ однихъ литературныхъ цѣлей (хотя мы опять не допускаемъ, чтобы наука совершенно отрѣшалась отъ цѣлей литературныхъ); такъ и литература безсильна, если она не находитъ *въ самой себѣ* средствъ къ вліянію на общество. Какъ наука могущественна не своимъ презрѣніемъ къ литературѣ, такъ и литература не можетъ служить для своего дѣятеля предлогомъ къ научному невѣжеству; каждая изъ нихъ имѣетъ свою тяжелую задачу, свою глубину, но одну общую цѣль — истину.

Поставивъ свой журналъ въ такое отношеніе къ литературѣ, какъ къ одной изъ важнѣйшихъ отраслей исторической дѣятельности всякаго человѣческаго общества, мы тѣмъ самымъ осуждаемъ себя имѣть дѣло чаще съ анализомъ и критикою фактовъ исторіи литературы, нежели съ помѣщеніемъ на страницахъ нашего журнала самыхъ ея матеріаловъ.

С.-Петербургъ. — 10 іюня, 1867.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Źródło tey sprawy, z którego następuiące płynęli potoki, wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego, coby na potym przestrzedz nieprzyjaciela miało *).»

(Рукоп. библіот. Краснинск. В. 1. 8.)

III.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ **).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Видѣнія. — Постъ. — Троицкая грамата въ Нижнемъ. — Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. — Избраніе Пожарскаго въ предводители. — Образованіе ополченія и походъ въ Ярославль. — Грамата о присылкѣ выборныхъ для выбора царя.

Поднятая Гермогеномъ и Ляпуновымъ народная сила во имя вѣры не истощалась отъ неудачъ и неурядицы. Надежда на

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ, заключается въ *тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что̀ можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». *(Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени.)*

**) Глава первая и вторая, см. выше: въ т. I, отд. I, стр. 1—74, и въ т. II, отд. I, стр. 1—96.

высшее содѣйствіе не покидала русской земли. Въ московскомъ ополченіи сталъ ходить по рукамъ свитокъ; о немъ говорили, что онъ неизвѣстно откуда взялся, подобно тѣмъ древнимъ свиткамъ, которые — какъ гласили преданія — спадали съ неба. Въ этомъ свиткѣ было написано: «Въ Нижнемъ-Новгородѣ мужу, по имени Григорію, было видѣніе въ полунощи: снялся верхъ избы его въ полунощи, просіялъ на него свѣтъ чудесный, и въ свѣтѣ томъ явилось два мужа: одинъ сѣлъ у груди Григорія, другой сталъ у него въ головахъ. И тотъ, который сталъ, сказалъ сидящему: Господи, что сидишь и не повѣдаешь ему! — Тогда сидящій сказалъ: Если люди по всей русской земли покаются и станутъ поститься три дня и три нощи, не только старые и молодые, но и младенцы, тогда Московское государство очистится.— На это стоящій сказалъ: Господи, если очистится Московское государство, какъ имъ дать царя? — Сидящій отвѣчалъ: Пусть поставятъ новый храмъ Троицы-на-рву, и положатъ харатью на престолѣ, а въ той харатьѣ будетъ написано, кому быть царемъ у нихъ. — Стоящій спросилъ: Господи, а если не покаются, что̀ надъ ними будетъ?—Сидящій отвѣчалъ: Если не покаются и не станутъ поститься, то всѣ погибнутъ и царство разорится.—Потомъ видѣніе исчезло; верхъ избы покрылся снова.» Легенда эта возникла не въ Нижнемъ; напротивъ, тамъ долго не знали о ней, когда она ходила по русской землѣ; а когда узнали нижегородцы, то никакъ не могли отыскать, кто бы могъ быть этотъ Григорій, и всѣ удивлялись, откуда взялись такіе слухи. Межъ тѣмъ, разсказъ о Григорьевомъ видѣніи пошелъ изъ города въ городъ, изъ области въ область; одинъ городъ писалъ объ этомъ въ другой; всенародно читались граматы объ этомъ видѣніи; стали являться въ разныхъ мѣстахъ другія подобныя видѣнія. Такъ, носился слухъ, что было какое-то важное видѣніе во Владимирѣ, 24-го августа.

Духовные поддерживали эти разсказы. Къ концу года, осенью 1611 года, послѣ взаимныхъ отписокъ, въ разныхъ среднихъ и поволжскихъ городахъ, по приговору всей земли русской, опредѣлили: поститься три дня въ недѣлю;—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего ни ѣсть, ни пить; а въ четвергъ и пятницу сухо ѣсть. Этотъ обрядъ, совершаемый повсюду съ единою для всѣхъ цѣлію, укрѣплялъ общія побужденія русскаго народа. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вѣрили этому откровенію,—всенароднаго сокрушенія не было, а, между тѣмъ, изъ этого-то Нижняго-Новгорода исходило дѣйствительное спасеніе русской земли.

Гермогенъ не могъ уже писать свободнымъ словомъ къ рус-

скому народу. За-то свободнѣе и горячѣе произносили свою проповѣдь къ Руси троицкій архимандритъ и его келарь Авраамій Палицынъ. Не даромъ послѣдній хитро выбрался отъ поляковъ: теперь онъ пригодился для русскаго дѣла и былъ гораздо полезнѣе въ русской землѣ, чѣмъ могъ быть въ плѣну. Они сносились со всѣми областями, и, черезъ приходившихъ къ Троицѣ людей, отправляли свои воззванія.

Въ октябрѣ 1611 г., такая грамата троицкихъ властей прибыла въ Нижній. Тотчасъ собрались нижегородскія власти на воеводскій дворъ. Тутъ были оба нижегородскіе воеводы Алябьевъ и Рѣпнинъ, дьякъ Семейка съ приказными людьми, печерскій архимандритъ Ѳеодосій, Спасскаго собора протопопъ Савва съ клиромъ, стряпчіе Биркинъ и Юдинъ, дворяне и дѣти боярскіе, головы и старосты; въ числѣ старостъ былъ Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ; ремесломъ онъ былъ «говядарь» (быть можетъ, мясникъ, но скорѣе: торговецъ скотиною), но ратное дѣло ему было не чуждо: прежде онъ служилъ въ ополченіи Алябьева и Рѣпнина.

Мининъ сказалъ: «Прикажите прочитать грамату властей животворящей Троицы въ соборѣ, а тамъ какъ Богъ дастъ. Мнѣ было видѣніе: явился св. Сергій во снѣ, и повелѣлъ разбудить спящихъ.»

Тутъ стряпчій Биркинъ, недоброхотъ Минину, сказалъ: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!»

Этотъ Биркинъ былъ человѣкъ двусмысленнаго поведенія и служилъ прежде тушинскому вору. За нимъ водились грѣхи; Мининъ зналъ про нихъ, могъ обличить его, и сказалъ ему теперь тихо: «Молчи,—а не то я тебя выявлю передъ православными!» Биркинъ принужденъ былъ прикусить языкъ. Видѣніе Минина пошло за правду. Тогда была пора видѣній: доведенный до отчаянія народъ только въ нихъ и искалъ надежды и утѣшенія.

На другой день, у св. Спаса зазвонили въ большой колоколъ. Былъ день будній. Народъ понялъ, что звонятъ затѣмъ, чтобы сообщить что-нибудь новое. Идучи къ церкви, одни говорили: «Авось, наши не посилили ли польскихъ людей, не думаютъ ли служить ради-того благодарнаго молебна». Другіе говорили: «Нѣтъ, намъ уже не будетъ избавленія: чаять намъ бо́льшей гибели!» Сошлись толпы у св. Спаса. Тамъ отслужили обѣдню. Протопопъ Савва сказалъ всенародно:

— Православные христіане! Господа братія! Горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Погибаетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое обстояніе! Польскіе и литовскіе люди, въ нечести-

вомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство разорить, и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ, Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія богохранимый градъ Москву, и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе, и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за св. соборную церковь Богородицы ея честнаго Успенія, и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ! А се грамата властей живоначальныя Троицы монастыря Сергіева.....

Грамата была прочитана. Въ ней такимъ образомъ возбуждались чувства русскаго народа:

«Вы сами видите близкую конечную гибель всѣхъ христіанъ: гдѣ завладѣли литовскіе люди, какое тамъ разореніе Московскому государству! Гдѣ святыя церкви? Гдѣ божіи образа? Гдѣ иноки, цвѣтущіе многолѣтними сѣдинами, инокини, украшенныя добродѣтелями? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ безчисленное множество христіанскихъ чадъ въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончались, безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены? Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не сжалились надъ незлобивыми ссущими млеко младенцами. Не всѣ ли испили чашу ярости и гнѣва божія? Помяните и смилуйтесь надъ видимою нашею смертною погибелью, чтобъ и васъ самихъ не постигла та же лютая смерть. Бога ради, положите подвигъ своего страданія, чтобы вамъ, всему общему народу, молить служилыхъ людей, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ соединеніи, и служилые люди однолично, безъ всякаго мѣшканія, поспѣшили бы къ Москвѣ на сходъ ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству народа всего православнаго христіанства. Сами знаете, что ко всякому дѣлу едино время належитъ; безвременное же начинаніе всякому дѣлу суетно и бездѣльно бываетъ. Хоть и будутъ и есть близко въ вашихъ предѣлахъ какіе недоволы, Бога ради отложите то на время, что бы вамъ всѣмъ съ нами о единомъ положити подвигъ свой и страдать для избавленія православной христіанской вѣры.»

Народъ пришелъ въ умиленіе. Слышались голоса: «Горе намъ! Погибъ царствующій градъ! Гибнетъ и все Московское государство!»

Много народа столпилось около собора. Тутъ Козьма Мининъ вышелъ изъ храма и сказалъ громкимъ голосомъ: «Пра-

вославные люди! Если намъ похотѣть помочь Московскому государству, не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ.... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ, чтобы кто-нибудь вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. И какая хвала будетъ намъ отъ всей земли, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю: только мы на это дѣло поднимемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ.» Нижегородцамъ любы показались такія слова. У многихъ слезу прошибло.

И еще послѣ того сходились нижегородцы; Мининъ еще говорилъ имъ возбудительныя рѣчи, и міръ обратился къ Минину. Ему говорили: «Ты будь намъ старшій человѣкъ; отдаемъ себя во всемъ на твою волю!»

Стали думать: кого бы изъ бояръ выбрать себѣ въ предводители такого, чтобы и въ ратномъ дѣлѣ былъ искусенъ, и въ измѣнѣ не объявился. Всѣ остановились на князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ: за прежнія времена не лежало на немъ неправды; въ смутные годы онъ не былъ въ воровскихъ таборахъ и у польскаго короля милостей не просилъ. Онъ уже съ Ляпуновымъ подвизался противъ враговъ и теперь едва оправился отъ ранъ, что̀ ему нанесли поляки подъ Введеніемъ-на-Лубянкѣ.

Пожарскій былъ въ это время за сто двадцать верстъ отъ Нижняго, въ своей вотчинѣ Линдехѣ. Туда къ нему прибылъ посланный отъ нижегородцевъ печерскій архимандритъ Ѳеодосій, да дворянинъ Жданъ Болтинъ, а съ ними нижегородскіе посадскіе люди, и повѣдали ему желаніе своей братьи нижегородцевъ. Князь отвѣчалъ: «Скажите пославшимъ васъ, что я радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобы могъ быть со мною у великаго дѣла, выдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ.»

Выборные стали-было думать, кто бы на это дѣло годился, но Пожарскій не далъ имъ долго ломать головы и сказалъ: «Есть у васъ въ городѣ человѣкъ — Козьма Мининъ-Сухорукъ; онъ бывалый человѣкъ; ему такое дѣло за обычай.»

Посланцы, возвратившись въ Нижній, сказали объ этомъ всему міру. Нижегородцы обратились къ Козьмѣ. Этотъ человѣкъ былъ остороженъ. Чтобы себѣ вытребовать власть полную, необходимую для успѣха самаго дѣла, онъ сталъ отказываться; но чѣмъ онъ упрямѣе отказывался, тѣмъ настойчивѣе его просили. На-

конецъ, онъ, какъ будто нехотя, лишь бы исполнить мірскую волю, принялъ предлагаемую должность и сказалъ:

— Когда такъ, я прошу, поставьте приговоръ, приложите руки на томъ, чтобы слушаться меня и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги, нужныя на жалованье ратнымъ людямъ, а если денегъ не будетъ, то силою брать у васъ животы, даже женъ и дѣтей въ кабалу отдавать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было.

Приговоръ былъ составленъ; если кто и не хотѣлъ бы прикладывать къ нему руки, то долженъ былъ: нельзя было отказываться. Написанный приговоръ былъ отданъ въ руки Козьмѣ, а Козьма нарочно послалъ этотъ приговоръ изъ Нижняго поскорѣе, чтобы нижегородцы не одумались и не сдѣлали перемѣны, когда имъ станетъ трудно. Въ самомъ дѣлѣ, имъ было не легко. Мининъ учредилъ оцѣнщиковъ всѣхъ имуществъ, и съ цѣны ихъ бралъ пятую деньгу, то-есть пятую часть, на земское дѣло; не допускалось ни льготъ, ни отсрочекъ. Были такіе, что давали охотно и больше. Осталась въ хронографахъ память объ одной вдовѣ, которая принесла къ сборщикамъ десять тысячъ и сказала: «Я осталась послѣ господина своего безчадна; было у меня двѣнадцать тысячъ, отдаю десять, а себѣ оставляю двѣ [1]).» Этимъ—говоритъ сказаніе—она многихъ людей въ страхъ вложила. Кто скупился, у тѣхъ отнимали силою, а неимущихъ отдавали въ кабалу тѣмъ, кто за нихъ платилъ; не спускали ни попамъ, ни монастырямъ [2]).

Еще не успѣлъ прибыть въ Нижній избранный воевода, а ужъ ополченіе собиралось. Пришли въ Нижній смольняне изъ Арзамаса. Это были прежніе помѣщики Смоленской земли; выгнанные врагами, они пришли подъ Москву и просили у начальниковъ подмосковскаго ополченія—крова и хлѣба. Ихъ отправили въ Арзамасъ поселиться въ тамошнихъ дворцовыхъ волостяхъ. Но когда они пришли въ Арзамасъ и стали во Въѣздной слободѣ, дворцовые люди не хотѣли слушать граматъ Зарудкаго и Трубецкаго и служить новоприбывшимъ дворянамъ. Съ ними за-одно стали арзамасскіе стрѣльцы и не давали пришлымъ дворянамъ дѣлить между собою мужиковъ. Происходили драки. Наконецъ, дворяне увидали, что не осилятъ мужиковъ, и ушли въ Нижній-Новгородъ. Нижегородцы приняли скитальцевъ; они составили первое ядро будущей рати. Изъ нихъ люди

---

[1]) Арх. Калач. VI. 3. 36.

[2]) Подробности — изъ Хронографа, напечатаннаго г. Мельниковымъ въ Отеч. Зап. 1850 г.

отправились къ Пожарскому и просили, чтобы онъ прибылъ скорѣе. Пожарскій, выступивши изъ своей вотчины, на дорогѣ встрѣтилъ дорогобужанъ и вязьмичей — дѣтей боярскихъ. Заруцкій отправилъ ихъ селиться въ Ерополчемъ (нынѣшніе Вязники), но тамъ имъ не давали помѣстьевъ, и они шли къ Нижнему. Они пристали къ Пожарскому. Когда прибылъ Пожарскій въ Нижній, тогда послали стряпчаго Ивана Биркина въ Казань, къ тамошнимъ властямъ, просить совѣта о Московскомъ государствѣ. Вслѣдъ затѣмъ, во всѣ стороны покатили изъ Нижняго гонцы съ возбудительными граматами, написанными отъ имени главнаго предводителя, Пожарскаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и посадскихъ людей Нижняго-Новгорода, и отъ всѣхъ, пришедшихъ къ ратному дѣлу въ Нижній, дорогобужанъ, вязьмичей и смольнянъ. Въ этихъ граматахъ описывалось несчастное положеніе Московскаго государства; извѣщалось, что ратные люди, дворяне и дѣти боярскіе, стоявшіе подъ Москвою въ ополченіи, разъѣхались для временной сладости, грабежей и хищничества; казаки покушаются посадить на престолъ Марину съ ея законопреступнымъ сыномъ; литовскіе люди грабятъ замосковные города, чтобы набрать и привезти въ Москву своимъ людямъ запасы. Верховые города просятъ прислать къ нимъ ратныхъ людей для обороны. Нижегородцы извѣщали, что они порѣшили общимъ совѣтомъ, собравшись съ ратными людьми, идти всѣми своими головами на помощь Московскому государству; приговорили раздѣлить животы свои и домы и дать жалованье ратнымъ людямъ; приглашали города, куда посылались граматы, собирать ратныхъ людей и быть съ ними въ одномъ совѣтѣ. «Какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ (говорилось въ граматахъ) [1]), то учнемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять вмѣстѣ за одинъ, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, не дадимъ учинить никакого дурна людямъ, которые подъ Москвою или въ иныхъ городахъ похотятъ Маринкою и ея сыномъ новую кровь всчинать; а мы, всякіе люди Нижняго-Новгорода, утвердились на томъ, и къ Москвѣ и боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринку съ сыномъ и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотѣть, также что и литовскаго короля.»

Эта грамата повсюду читалась на всенародныхъ собраніяхъ въ городахъ, куда сзывались для того лучшіе люди, постановлялись приговоры, собирались деньги на жалованье ратнымъ лю-

[1]) А. Э. II. № 201.

дямъ и отсылались нижегородцамъ, а потомъ отправлялись къ Нижнему и ополченія. Городъ городу вѣсть давалъ; одинъ городъ убѣждалъ другого спѣшить на выручку православной вѣры и Московскаго государства. Пришло въ Нижній ополченіе изъ Рязани; пришли коломенцы, изгнанники изъ родного города, бывшаго тогда въ рукахъ Марины. Изъ Казани, изъ Свіяжска, изъ Чебоксаръ и другихъ понизовыхъ городовъ писали, что всѣ идутъ своими головами. Нижній сталъ наполняться воинами. Мининъ распоряжался казною, раздавалъ денежное жалованье и кормы; Пожарскій отъ себя учреждалъ для нихъ кормы.

Въ Москвѣ, откуда, въ январѣ 1612 года, бояре писали въ Кострому и Ярославль похвальную грамату за вѣрность Владиславу, узнали о возстаніи въ Нижнемъ въ февралѣ того же года, Гонсѣвскій приступилъ къ заключенному Гермогену и требовалъ, чтобы онъ написалъ къ нижегородцамъ увѣщаніе распустить ополченіе и оставаться въ вѣрности Владиславу. Патріархъ, доведенный до крайняго огорченія, рѣзко и твердо отвѣчалъ: «Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.» За эти слова, его еще тѣснѣе заперли въ Чудовомъ монастырѣ, стали морить голодомъ, и онъ умеръ февр. 17, какъ говорили современники, голодною смертію. Его погребли въ Чудовомъ монастырѣ.

Услышалъ о нижегородскомъ возстаніи и Заруцкій, и понялъ, что это на него собирается новая земская туча. Онъ послалъ отъ имени Марины посла въ Персію, чтобы найдти себѣ тамъ союзъ; но письмо перехвачено было въ Казани. Съ другой стороны, Заруцкій заботился, чтобы нижегородское ополченіе не захватило верховыхъ городовъ Поволжья, и отправилъ въ Ярославль Андрея Просовецкаго мѣшать ярославцамъ соединиться съ нижегородскимъ ополченіемъ. Но ярославцы провѣдали объ этомъ заранѣе, и дали знать Пожарскому. Предводитель ополченія немедленно послалъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ князя Димитрія Петровича Пожарскаго-Лопаты и дьяка Самсонова, занять Ярославль. Они вошли въ этотъ городъ, прежде чѣмъ дошелъ до него Просовецкій, и посадили въ тюрьму присланныхъ Просовецкимъ казаковъ. Просовецкій, узнавши, что Ярославль перехваченъ, не пошелъ туда..

Ярославцы ожидали нижегородцевъ, но ополченіе медлило выходомъ изъ Нижняго, оттого что ждало помощи изъ Казани. Посланный туда стряпчій Биркинъ стакнулся съ тамошнимъ дьякомъ Никифоромъ Шульгинымъ. Они соображали, что

успѣхъ ополченія сомнителенъ, и государству Московскому суждено разложиться: не лучше ли имъ воспользоваться случаемъ и утвердить за собою власть въ отдаленной Казани? Они, по этой причинѣ, медлили высылать ополченіе къ Нижнему. Князь Пожарскій и Мининъ, подождавши казанцевъ, догадались, что въ Казани недоброе, и рѣшились не ожидать оттуда помощи; «положили — говоритъ лѣтописецъ — упованіе на Бога, и утѣшали себя воспоминаніями, какъ издревле Богъ поражалъ малыми людьми множество сильныхъ.»

Они выступили изъ Нижняго и достигли Балахны; тамъ къ нимъ пристали балахонцы и толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, разогнанныхъ изъ-подъ Москвы, подъ начальствомъ Матвѣя Плещеева. Въ Балахнѣ дали ополченію казны въ подмогу.

Изъ Балахны—усиленное свѣжими силами ополченіе выступило въ Юрьевецъ. И здѣсь дали имъ казны въ подмогу. Къ ополченію пристали юрьевскіе татары; имъ дали жалованье.

Изъ Юрьевца ополченіе перешло въ Рѣшму. Здѣсь ихъ встрѣтили посланцы изъ Владимира, отъ воеводы Артемія Измайлова. Онъ былъ давній другъ Димитрію Михайловичу Пожарскому; теперь онъ извѣщалъ, что Заруцкій и Трубецкой съ казачьимъ полчищемъ, стоящимъ подъ Москвою, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ назвался царемъ Димитріемъ. Вслѣдъ за ними явились [1]) посланцы отъ самыхъ подмосковныхъ предводителей, Трубецкого и Заруцкаго. «Мы прельстились — писали предводители — мы цѣловали крестъ вору, что̀ явился во Псковѣ, но потомъ узнали вражью прелесть и цѣловали крестъ на томъ, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единогласіи. Идите подъ Москву, не опасайтесь.» Эту грамату Пожарскій велѣлъ прочитать всему своему ополченію, и посланнымъ былъ данъ такой отвѣтъ: «Мы никакого развращенія и опасенія не имѣемъ; идемъ подъ Москву вамъ въ помощь, на очищеніе Московскаго государства.»

Изъ Рѣшмы ополченіе пришло въ Кинешму: и тамъ приняли его съ радостью и дали казны въ подмогу.

Изъ Кинешмы дошли они до Костромы. Здѣсь ихъ ожидалъ иной пріемъ. Тамъ былъ воеводою Иванъ Шереметьевъ. Его считали однимъ изъ виновниковъ гибели Ляпунова. Теперь онъ былъ поставленъ на воеводство московскими боярами, хотѣлъ слѣдовать увѣщательнымъ боярскимъ граматамъ, убѣждавшимъ оставаться въ повиновеніи Владиславу, не пускалъ къ городу ополченія, и намѣревался отбиваться отъ него силою. Но у костро-

[1]) Новый Лѣтоп. 147.

мичей мало было охоты стоять за польское дѣло. Въ противность воеводѣ многіе вышли на встрѣчу къ Пожарскому и Минину, просили прибыть въ городъ и обѣщали стать съ ними за одно. Пожарскій подвинулъ свое войско къ костромскимъ посадамъ. Тогда костромичи, что̀ оставались въ городѣ, раздѣлились: одни держались приказаній своего воеводы, другіе кричали, что онъ измѣнникъ, и переходили къ Пожарскому. Послѣднихъ стало больше. Они бросились на воеводскій дворъ, низложили Шереметьева и чуть не убили его. Князь Пожарскій и Мининъ вошли въ Кострому, взяли съ костромичей казны въ подмогу, и назначили имъ иного воеводу вмѣсто Шереметьева—князя Романа Гагарина съ дьякомъ Андреемъ Подлѣсовымъ. Тутъ пришли къ Пожарскому посланцы отъ суздальцевъ; просили суздальцы удѣлить имъ ратныхъ людей на помощь, затѣмъ что около ихъ города бродилъ Просовецкій съ своею шайкою.

Пожарскій разрознилъ свое войско и отрядилъ къ Суздалю своего родственника, князя Романа Петровича Пожарскаго съ нижегородскими и балахонскими стрѣльцами: они и отогнали Просовецкаго отъ Суздаля. Самъ Пожарскій повелъ ополченіе въ Ярославль. Ярославцы вышли къ нему на встрѣчу съ образами и предложили все, какое у нихъ есть, имущество, въ его распоряженіе. Сверхъ того, въ знакъ радости и благодарности, они подносили Пожарскому и Минину подарки; но тѣ не приняли ничего.

Это было въ началѣ апрѣля. Необходимымъ показалось обождать, пока соберутся ополченія изъ тѣхъ городовъ, куда отправлены воззванія. Притомъ Пожарскій и Мининъ соображали, что имъ приходится биться, можетъ быть, разомъ и съ поляками и съ казаками; нужно было осмотрѣться, на-сколько появленіе новаго Димитрія соблазнило московскихъ людей; нужно было провѣдать, какія силы можетъ употребить Польша противъ новаго возстанія, обозначить отношенія, въ какихъ придется стать къ шведамъ; наконецъ, нужно было собрать денегъ для войны. За этимъ пособіемъ обращались въ сѣверные города, меньше другихъ пострадавшіе отъ смутъ. Такъ, въ Соль-Вычегодскую писалось: «Присылайте къ намъ въ Ярославль денежную казну, что̀ есть у васъ въ Соли-Вычегодской въ сборѣ, ратнымъ людямъ на жалованье. Поревновать бы вамъ, гостямъ и посадскимъ людямъ, чтобъ вамъ промежъ себя обложить, что̀ кому съ себя дать подмогу ратнымъ людямъ. Тѣмъ бы вамъ во всей землѣ совершенную правду и радѣніе показать, и собравъ съ себя тѣ деньги, прислать къ намъ въ Ярославль тотчасъ.»

Тогда созналась необходимость, чтобы предводители, идущіе

въ Москву, имѣли законное значеніе, освященное волею всей земли, и могли бы смѣло говорить, что подняли не произвольный мятежъ, а идутъ по совѣту всего народа Московскаго государства. Уже теперь, по отношенію къ польской сторонѣ, было не то, что при Ляпуновѣ, когда считали возможнымъ поладить съ Сигизмундомъ, лишь бы онъ прислалъ Владислава на царство. Теперь о Владиславѣ не могло быть рѣчи. Его ужъ никакъ не приняло бы Московское государство.

Были посланы граматы въ разные города. Въ этихъ грамотахъ излагались прошлыя и настоящія бѣдствія Московской земли и ея народа, и приглашались выборные на общій совѣтъ. «Вамъ бы, господа (было написано въ этихъ граматахъ), пожаловать, помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ, по совѣту всего государства, выбрать общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосердный Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ, чтобы во многое время отъ такихъ находящихъ бѣдъ Московское государство въ конецъ бы не разорилося. Сами, господа, вѣдаете, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь всчинаютъ. Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться. И по всемірному совѣту пожаловать бы вамъ — прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣкъ по два и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками» [1]).

Такимъ образомъ, Пожарскій хотѣлъ окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли.

Граматы были разосланы, а въ Ярославль одинъ за другимъ пріѣзжали стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе и люди всякихъ чиновъ, и вступали въ ополченіе. Уже седьмого апрѣля, какъ видно изъ надписей на граматѣ, были въ Ярославлѣ бояре: Василій Петровичъ Морозовъ, Владимиръ Тимоѳеевичъ Долгорукій, окольничій Семенъ Головинъ, князья Иванъ Никитичъ Одоевскій, Петръ Пронскій, Петръ Барятинскій, и другіе. Мининъ значился между ними выборнымъ человѣкомъ всей земли; за его безграмотствомъ подписывался Пожарскій.

Въ Казани Биркинъ съ Шульгинымъ не успѣли произвести того, чтобы Казань не послала вовсе людей: казанцы хотѣли

[1]) А. Э. II. 256.

идти, и Биркинъ самъ повелъ ихъ, но въ дорогѣ настраивалъ ихъ противъ Пожарскаго и Минина. Шедшій съ нимъ татарскій голова Лукьянъ Мясной не потакалъ Биркину, и оба они были во взаимной враждѣ. Казанцы пришли въ Ярославль. Биркинъ, какъ начальникъ одного изъ собравшихся въ Ярославлѣ ополченій, сталъ добиваться участія въ совѣтѣ, а Мининъ, какъ личный его врагъ, вооружалъ противъ него бояръ и дворянъ; его не хотѣли допустить въ совѣтъ; тогда Биркинъ ушелъ назадъ; за нимъ пошли казанцы; остался только Лукьянъ Мясной и съ нимъ немного людей.

II.

Дѣятельность троицкихъ властей. — Медленность Пожарскаго. — Сношенія съ Новгородомъ. — Безпорядки въ ополченіи. — Скудость средствъ. — Гибель псковского вора. — Покушеніе на жизнь Пожарскаго. — Бѣгство изъ-подъ Москвы Заруцкаго. — Походъ Пожарскаго изъ Ярославля. — Пожарскій у Троицы.

Троицкія власти безпрестанно сносились съ Пожарскимъ, сообщали ему извѣстія о томъ, что̀ дѣлается на Руси, оживляли добрыми вѣстями, извѣщали, что города: Серпуховъ, Калуга, Тула, Рязань, Торжокъ, Старица, Ржевъ, Погорѣлое Городище и Тверь не захотѣли признавать новаго вора. Ихъ желаніе было соединить Трубецкого съ Пожарскимъ, и они въ своихъ граматахъ къ Пожарскому увѣряли, что Трубецкой цѣловалъ вору крестъ только неволею, а теперь готовъ соединиться и вмѣстѣ промышлять надъ врагами. Но желанія троицкихъ властей были противъ намѣренія собрать изъ городовъ выборныхъ, которые прежде всего избрали бы новаго царя. Они находили, что прежде всего лучше освободить Москву, прогнать чужеземцевъ, искоренить внутреннихъ враговъ, а потомъ уже избирать государя. Они убѣждали не медлить, идти скорѣе подъ Москву, пока поляки не привели туда новыхъ силъ.

Но Пожарскій, по выраженію лѣтописца [1]), многомолебное писаніе отъ обители въ презрѣніе положилъ; онъ не считалъ возможнымъ отважиться идти подъ Москву съ малыми силами, оставался въ Ярославлѣ, ждалъ денегъ, ждалъ ратныхъ и выборныхъ людей, а между тѣмъ отправлялъ отряды въ окрестные города противъ казацкихъ шаекъ, которыя тамъ безчинствовали. Одинъ отрядъ прогналъ ихъ изъ-подъ Антоньева-Бѣжицкаго монастыря, другой—изъ Пошехонья. Очистили отъ казаковъ Угличъ и Переяславль.

[1]) Ин. ск. о Самозв. 123.

Въ то же время, Пожарскій сносился съ Великимъ Новгородомъ, и такъ какъ этотъ городъ со своею землею, какъ бы то ни было, составлялъ часть русской державы, то Пожарскій, въ началѣ мая, послалъ туда Степана Лазаревича Татищева пригласить и оттуда выборныхъ, какъ изъ прочихъ земель; онъ просилъ сообщить ему обстоятельно: на чемъ состоялся договоръ со шведами? Новгородскій владыка прислалъ ему списокъ съ договорной граматы. Пожарскій велѣлъ этотъ списокъ переписать и разослалъ по городамъ для земскаго обсужденія. Въ іюлѣ, Новгородъ отправилъ не выборными для совѣта, а послами—Геннадія, вяжищенскаго игумена, и князя Ѳедора Оболенскаго. Они извѣщали, что шведскій король Карлъ умеръ и завѣщалъ шведское королевство Густаву-Адольфу, а новгородское—королевичу Филиппу, который скоро прибудетъ въ Выборгъ. Они приглашали Пожарскаго быть съ Новгородомъ въ общей любви и совѣтѣ, и также похотѣть на всѣ государства россійскаго царствія королевича Филиппа.

«При прежнихъ великихъ государяхъ—отвѣчалъ Пожарскій—приходили послы отъ другихъ государствъ; нынѣ пришли вы, послы отъ Великаго Новагорода; а Великій Новгородъ искони, какъ начались государи на россійскомъ государствѣ, отъ россійскаго государства отлученъ не былъ; и теперь надобно, чтобы Новгородъ былъ по прежнему съ россійскимъ государствомъ. Мы уже искусились: не учинилось бы снова такъ, какъ съ польскимъ и литовскимъ королемъ. Польскій король Жигимонтъ хотѣлъ дать на россійское государство сына своего королевича, и не далъ; а чего надѣлали польскіе и литовскіе люди—вамъ самимъ извѣстно! И шведскій король Карлусъ, хоть и хотѣлъ отпустить на новгородское государство сына, однако, вотъ ужъ близко года прошло, а королевичъ въ Новгородъ не бывалъ.»

Ѳедоръ Оболенскій увѣрялъ, что «шведскій королевичъ Карло-Филиппъ Карловичъ отпущенъ въ Новгородъ изъ Свѣи вскорѣ послѣ договора съ новгородскими людьми, но ему въ дорогѣ учинилась вѣсть, что короля, его отца, не стало, такъ онъ воротился съ дороги и мѣшкалъ по своей вѣрѣ для погребенія; а тутъ, когда учинился королемъ братъ его Густавъ-Адольфъ, такъ датскій король войну всчалъ, и королевичъ Карло-Филиппъ за тѣмъ позамѣшкалъ, что вмѣстѣ съ братомъ своимъ Густавомъ промышлялъ противъ датскаго короля, и многихъ людей датскихъ побилъ, а теперь, какъ они учинились съ датскимъ королемъ въ миру, такъ королева свѣйская мать и король Густавъ-Адольфъ отпустили королевича Карла-Филиппа, и онъ вѣрно пришелъ на Ивановъ день въ Выборгъ, и ужъ навѣрное на Петровъ день

тамъ будетъ. Отъ свѣйскаго королевства не чаемъ того, что учинилъ надъ Московскимъ государствомъ литовскій король.»

Пожарскій сказалъ: «Мы всѣ у милосердаго Бога милости просимъ и хотимъ, чтобы намъ всѣмъ, людямъ Московскаго государства, быть въ соединеніи и брать на Московское государство въ цари государскаго сына, только бы онъ былъ въ греческой православной вѣрѣ, а не въ иной какой-нибудь, которая вѣра съ нашею православною не состоится. Когда шведскій королевичъ будетъ въ нашей православной вѣрѣ, тогда мы тотчасъ выберемъ отъ всего россійскаго государства честныхъ людей, которые будутъ годны къ такому великому дѣлу, и дадимъ имъ полный наказъ о государственныхъ и о земскихъ добрыхъ дѣлахъ говорить и становить, какъ государствамъ быть въ соединеньи, а теперь пословъ въ Свѣю объ этомъ посылать намъ нельзя; были посланы какіе люди къ польскому королю, боярин князь Василій Васильичъ Голицынъ съ товарищи: вотъ держатъ ихъ въ неволѣ, и они погибаютъ въ чужой землѣ отъ нужи и безчестья!»

Новгородскіе послы сказали: «А что же себѣ за пользу тѣмъ учинилъ польскій король? Вы развѣ не стоите противъ него въ собраньи?»

Пожарскій сказалъ: «Былъ бы у насъ такой столпъ, какъ Василій Васильевичъ Голицынъ — всѣ бы его держались; а я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся: меня нынѣ къ этому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля. Видя, что̀ учинилось съ литовской стороны, намъ не посылать пословъ въ Свѣю, и мы не захотимъ на наше государство государя не нашей православной вѣры греческаго закона.» — «И мы — отвѣчали новгородцы — не отпали отъ истинной вѣры; если королевичъ не захочетъ быть въ православной вѣрѣ греческаго закона, то мы съ вами хотимъ помереть за нашу истинную вѣру и не примемъ ни за что государя не нашей вѣры; и не токмо съ вами, бояре и воеводы и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ,—хоть вы насъ подадите, такъ мы одни за нашу истинную православную христіанскую вѣру хотимъ помереть.» [1])

Такъ покончились сношенія съ Новгородомъ. Пожарскій еще разъ отправилъ гонца съ увѣреніями, что изберутъ на царство королевича, если онъ приметъ греческую вѣру; но это дѣлалось только для того — говоритъ лѣтопись [2])—чтобы шведы не помѣшали ополченію идти подъ Москву.

---

[1]) А. Э. II. 370.

[2]) Дипл. Сношен. II, стр. 1,405—1,431.

Сносясь съ Новгородомъ, Пожарскій въ Ярославлѣ случайно завелъ сношенія съ посломъ нѣмецкаго императора Юзефомъ, возвращавшимся изъ Персіи черезъ Московское государство. Посолъ замѣтилъ, что было бы недурно московскимъ людямъ просить себѣ царя изъ цесарскаго дома. Пожарскій зналъ, что этого нельзя, что надобно будетъ, во всякомъ случаѣ, выбирать царя изъ своихъ, а не изъ чужихъ, но изъявилъ послу одобреніе такой мысли, потому-что считалъ императора сильнымъ монархомъ и полагалъ, что его доброе расположеніе къ Московскому государству можетъ быть полезно. Съ этою цѣлью, онъ отправилъ къ императору гонцовъ Іеремію Ватермана, и въ своей граматѣ просилъ императора оказать денежную помощь и запретить польскому королю проливать кровь христіанскую. Впослѣдствіи, на Пожарскаго брошена была тѣнь подозрѣнія, будто онъ хотѣлъ государя изъ австрійскаго дома, но Пожарскій былъ виноватъ только за свое простодушіе, съ которымъ въ крайней нуждѣ обратился къ сильному государю, думая найти въ немъ заступничество, и не остерегался корыстныхъ видовъ, безъ которыхъ, разумѣется, никто бы и не подалъ помощи Московскому государству.

Время проходило. Въ іюнѣ, у Троицы узнали, что Ходкѣвичъ двинулся отъ Можайска къ Москвѣ. Медленность воеводъ въ Ярославлѣ возбуждала негодованіе троицкихъ властей. Онѣ послали въ Ярославль соборнаго старца Серапіона Воейкова съ другимъ старцемъ Аѳанасіемъ Ощеринымъ. Эти повезли увѣщаніе, украшенное приличными выраженіями, выписками изъ св. книгъ, и благочестивымъ мудрословіемъ. Смыслъ его былъ таковъ: «Вы начали доброе дѣло, и теперь о немъ не радѣете; знайте, что если Ходкѣвичъ придетъ съ большимъ войскомъ и съ запасами подъ Москву, то вашъ трудъ будетъ всуе, и собраніе ваше напрасно [1]).» Но Пожарскій — говоритъ лѣтописецъ — и послѣ этого посланія промышлялъ о шествіи косно и медленно.

Пожарскій ожидалъ ратныхъ, ожидалъ выборныхъ, ждалъ денегъ, и между тѣмъ держалъ у себя въ рукахъ управленіе, называясь: «по избранію всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства, многочисленнаго войска у ратныхъ и земскихъ дѣлъ» [2]), давалъ именемъ своимъ судъ всей землѣ русской, раздавалъ помѣстья, распоряжался постройкою городовъ, требовалъ денежныхъ пособій, подтверждалъ монастырямъ тарханы, назначалъ обычныя наказанія и вообще совмѣщалъ въ себѣ верховную

[1]) Ин. сказ. о Самозв. 123.
[2]) А. Э. II. 362.

власть надъ русскою землею. Но Пожарскій не имѣлъ такихъ качествъ, которыя внушали бы къ нему всеобщее повиновеніе; онъ самъ чувствовалъ, что поставленъ на свое мѣсто болѣе за безупречное поведеніе, чѣмъ за способности; боялся приступить къ чему-нибудь рѣшительному, боялся сдѣлать что-нибудь такое, что̀ послѣ оказалось бы неугоднымъ народу, повѣрившему ему власть. Его мало слушались; въ ярославскомъ ополченіи то-и-дѣло, что было соревнованіе, козни, драки, полная рознь. Это тѣмъ болѣе удерживало Пожарскаго идти далѣе и принуждало стоять въ Ярославлѣ. Не въ силахъ былъ онъ самъ никакъ установить ладъ въ своемъ ополченіи, и пригласилъ жившаго у Троицы на покоѣ бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла. Тотъ послушался, прибылъ въ Ярославль, и сталъ тамъ въ качествѣ третейскаго судьи. Когда начинались споры, къ нему должны были обращаться враждующія стороны. Но мало оказалъ благотворнаго вліянія этотъ примиритель. Дни проходили. Троицкія власти теряли терпѣніе. Поѣхалъ въ Ярославль, наконецъ, келарь Авраамій Палицынъ, и увидѣлъ тамъ — какъ онъ самъ выражается — мятежниковъ, ласкателей и трапезолюбцевъ, воздвизавшихъ гнѣвъ и свары между воеводами и во всемъ воинствѣ. Онъ требовалъ одного, чтобы ополченіе не теряло напрасно времени, чтобы шло подъ Москву, пока еще не пришли новыя польскія силы. Но воеводы медлили. Важнѣйшею причиною медленности былъ, безъ сомнѣнія, недостатокъ денегъ. Еще въ апрѣльской граматѣ въ Соль-Вычегодскую было писано, что всѣ деньги, какія собраны были въ Нижнемъ, розданы дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ, что безпрестанно пріѣзжаютъ стряпчіе, стольники, дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди на службу, бьютъ челомъ о денежномъ жалованьи, а давать имъ нечего [1]). Средина государства была разорена; пріостановилась всякая производительность, народъ обнищалъ. Другіе города, напр. украинные, еще держались Димитрія, и нужно было писать къ нимъ граматы и уговаривать: такъ, напр., была послана грамата въ Путивль, гдѣ уговаривали путивлянъ отстать отъ вора, и наравнѣ съ вѣрными городами прислать выборныхъ въ Ярославль. Но пока эти граматы могли произвести свое дѣйствіе,—помощи изъ украинныхъ мѣстъ, сильно истощенныхъ и разоренныхъ, ожидать нельзя было. Новгородъ съ его землею былъ въ иноземныхъ рукахъ. Оставалась надежда на сѣверовосточные края, куда и прежде обращались преимущественно за пособіями и Скопинъ и Ляпуновъ. Пожарскій пи-

[1]) А. Э. II. 356.

салъ граматы въ Пермь, Верхотурье, Устюгъ, Тобольскъ, и пр. и пр., и требовалъ оттуда доставки денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ; оттуда везли въ Ярославль, кромѣ сборныхъ денегъ, муку, овесъ, толокно, сухари, крупу, полти свиного мяса; но все это, конечно, не могло доставиться скоро: нужно было время, нужно было ждать. Притомъ же, отдаленные края, не испытавшіе отъ поляковъ того горя, какое постигло середину государства, были по-прежнему недостаточно усердны. Въ граматѣ въ Верхотурье, 26 мая, приказывалось хватать торговыхъ людей, ѣдущихъ съ товарами изъ тѣхъ городовъ, которые лѣнились взносить деньги и запасы, и отнимать у нихъ товары силою [1]). Очевидно, скудость побуждала прибѣгать къ такимъ суровымъ мѣрамъ. Отсюда-то и несогласія, и ссоры, и неурядица въ Ярославлѣ.

Трубецкой совсѣмъ отпалъ отъ казацкаго атамана и ждалъ Пожарскаго, чтобы съ нимъ быть за-одно. Псковского самозванца уже не стало. Тотъ самый Плещеевъ, который осенью первый въ московскомъ станѣ провозгласилъ его имя, весною отправился во Псковъ и сталъ увѣрять псковичей, что онъ не царь, а воръ, обманщикъ. Неизвѣстно, заговорила ли въ Плещеевѣ совѣсть, или онъ не поладилъ съ воромъ, и по личной враждѣ захотѣлъ его погубить. Псковичамъ и безъ того уже опротивѣлъ этотъ царикъ: какъ только онъ добрался до власти, тотчасъ сталъ дѣлать тяжелые поборы и велъ себя распутно. Воръ смекнулъ, что ему можетъ быть худо, и 18-го мая бѣжалъ изъ города ночью, не успѣвши осѣдлать коня и даже надѣть шапки. За нимъ бросились въ погоню, поймали и 20 мая привезли, приковавши цѣпями къ лошади. Во Псковѣ его посадили въ тюрьму за стражею, и тамъ онъ просидѣлъ до іюля. 1 числа этого мѣсяца, вора повезли къ Москвѣ [2]). На дорогѣ напалъ на провожавшій его отрядъ Лисовскій, и тутъ пришелъ конецъ вору. Лисовскій, хотѣвшій освободить его, одолѣвалъ; казаки, провожавшіе царика, бѣжали и тащили за собою связаннаго вора на конѣ; вдругъ онъ упалъ съ лошади; тогда кто-то изъ казаковъ прокололъ его копьемъ; потомъ ему накинули на шею веревку и привязали къ лошади. Такъ разсказываетъ шведскій историкъ [3]). По русскимъ извѣстіямъ, его успѣли провезти къ Москвѣ и тамъ казнили. Шведское извѣстіе, кажется, вѣроятнѣе, иначе—появленіе его подъ Москвою не обошлось бы

[1]) С. Г. Гр. II, 598.
[2]) Псков. Лѣт. 330.
[3]) Videk. 353.

безъ волненій. Какъ бы то ни было, когда Пожарскій шелъ къ Москвѣ, соперника этого уже не было.

Заруцкій стоялъ только за сына Марины. Но этимъ именемъ нельзя было соединять всѣхъ. Было опасеніе, что какъ только Пожарскій явится, многіе казаки пристанутъ къ нему. Заруцкій рѣшилъ избавиться отъ Пожарскаго и подослалъ къ нему двухъ убійцъ—казаковъ Обрѣзку и Стеньку. Затесавшись въ ополченіе, они успѣли пріобрѣсти сообщниковъ между людьми, близкими къ предводителю. Вошли съ ними въ заговоръ человѣкъ семь; изъ нихъ одинъ жилъ во дворѣ князя; Пожарскій кормилъ его и одѣвалъ. Стали они выбирать случай убить князя. И вотъ, одинъ разъ Пожарскій былъ въ съѣзжей избѣ, вышелъ, сталъ у разрядныхъ дверей и разсматривалъ пушки, какія изъ нихъ взять съ собою подъ Москву, какія покинуть. Около него была большая тѣснота. Какой-то казакъ Романъ схватилъ князя за руку: должно думать, онъ былъ соучастникъ убійцъ и хотѣлъ попридержать убиваемаго. Тогда изъ толпы, расталкивая людей, бросился на Димитрія Михайловича Стенька, направилъ свой ножъ въ животъ князю, но промахнулся и перерѣзалъ ногу казаку Роману. Казакъ упалъ и вопилъ отъ боли; князь Пожарскій сначала было-думалъ, что казака нечаянно ранили въ толпѣ, но тутъ народъ закричалъ: «тебя хотятъ убить, господинъ!» Ратные и посадскіе схватили Стеньку и стали мучить. Онъ во всемъ сознался, указалъ и на сообщниковъ. Народъ хотѣлъ всѣхъ перемучить, но князь Пожарскій не велѣлъ этого дѣлать: однихъ послалъ въ темницы по городамъ, другихъ приказалъ везти подъ Москву для обличенія Заруцкаго. Между тѣмъ, Заруцкій, подсылая тайно убійцъ, явно, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, отправилъ къ Пожарскому посланцевъ съ извѣстіемъ, что Ходкѣвичъ приближается на помощь своимъ, и надобно Пожарскому съ ополченіемъ спѣшить къ Москвѣ.

И послѣ этого приглашенія Пожарскій оставался нѣсколько времени въ Ярославлѣ, пока не пришли къ нему новые посланцы изъ-подъ Москвы. Они были отъ ополченія украинныхъ городовъ; тамъ какъ узнали, что на Волгѣ собирались новыя ратныя силы, и какъ получили призывныя граматы отъ Пожарскаго, то выступили въ походъ, пришли подъ Москву и стали у Никитскихъ воротъ отдѣльно отъ казаковъ, которые за это начали дѣлать имъ пакости. Эти новопришлые послали къ Пожарскому отъ себя Ивана Кондырева и Ивана Бегичева; они разсказывали съ плачемъ объ оскорбленіяхъ, какія дѣлаютъ имъ казаки, говорили, что имъ не даютъ жалованья, и просили, чтобы Пожарскій шелъ скорѣе. Пожарскій далъ имъ жалованье деньгами

и сукнами, отпустилъ подъ Москву и велѣлъ сказать всѣмъ ратнымъ людямъ, что онъ съ ополченіемъ выходитъ тотчасъ и прибудетъ скоро.

Вслѣдъ за этимъ, Пожарскій выступилъ изъ Ярославля.

Отошедши семь верстъ, Пожарскій поручилъ свое войско князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьмѣ Минину, и приказалъ вести его въ Ростовъ, а между тѣмъ въ сосѣдніе города побѣжали гонцы, понуждая людей этихъ городовъ и уѣздовъ спѣшить въ Ростовъ на сходъ. Самъ Пожарскій отправился поклониться гробамъ своихъ прародителей въ Спасскій Суздальскій монастырь, гдѣ впослѣдствіи довелось лежать и ему самому. То былъ благочестивый обычай, наблюдаемый въ княжескихъ родахъ предъ начатіемъ важныхъ дѣлъ. Въ то же время, Пожарскій отправилъ воеводою Григорія Образцова на Бѣлоозеро, беречь тамошній край отъ шведовъ, если бы послѣдовало отъ нихъ нападеніе, а Михайло Самсоновича Дмитріева съ отрядомъ отправилъ подъ Москву и велѣлъ стать у Петровскихъ воротъ, но отдѣльно отъ казаковъ, и не входить въ ихъ таборы. Окончивъ свой благочестивый подвигъ, Пожарскій прибылъ къ ополченію въ Ростовъ, посѣтилъ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, затворника Иринарха, предсказавшаго смерть Сапѣгѣ. Прозорливый на этотъ разъ предсказалъ Пожарскому успѣхъ и тѣмъ, конечно, ободрилъ его духъ. Когда Пожарскій готовился выступать изъ Ростова, явился къ нему новый посланецъ отъ подмосковнаго войска, атаманъ Кручина Внуковъ. Трубецкой черезъ него извѣщалъ, что Заруцкаго уже нѣтъ подъ Москвою.

Вотъ какъ это случилось.

Когда Кондыревъ и Бегичевъ воротились въ подмосковный таборъ и стали склонять казаковъ на сторону Пожарскаго, Заруцкій велѣлъ ихъ убить; но они спаслись въ станѣ Михайла Самсоновича Дмитріева, присланнаго недавно Пожарскимъ. Земское ополченіе по частямъ начало прибывать; въ казацкомъ таборѣ возникла рознь: многіе стали отпадать отъ Заруцкаго. На Трубецкого не было уже надежды: онъ готовъ былъ тотчасъ перейти къ Пожарскому, какъ только послѣдній явится. Не дожидаясь прибытія этого опаснаго соперника, Заруцкій, 17-го іюля, ушелъ ночью въ Коломну; за нимъ послѣдовала часть табора; остальные казаки остались подъ Москвою, подъ начальствомъ Трубецкого. Поляки поясняютъ это дѣло такъ: Ходкѣвичъ разсчиталъ, что Заруцкаго можно склонить куда угодно, и подослалъ къ нему какого-то товарища Борисловскаго. Тотъ прибѣжалъ въ подмосковный лагерь, объявилъ, что недоволенъ гетманомъ и хочетъ служить русскому дѣлу. Его приняли казаки. Тогда онъ

вручилъ тайно Заруцкому письмо Ходкѣвича. Въ войскѣ казацкомъ было нѣсколько поляковъ: они были въ соумышленіи съ Бориславскимъ. Но одинъ изъ нихъ, Хмѣлевскій, донесъ объ этомъ Трубецкому. Поляковъ перехватали, пытали и замучили. Бориславскаго сожгли живьемъ. Заруцкому нельзя было оставаться, и онъ убѣжалъ [1]). Заруцкій недолго былъ въ Коломнѣ, гдѣ жила Марина, ограбилъ городъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ Мариною и ея ребенкомъ въ Михайловъ.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Заруцкаго, пришелъ подъ Москву еще одинъ отрядъ князя Пожарскаго-Лопаты, и сталъ особымъ станомъ между Тверскими и Никитскими воротами. Между тѣмъ главное ополченіе изъ Ростова прибыло въ Переяславль-Залѣсскій. Всѣ годные къ битвѣ переяславцы пристали къ нему. Оттуда Пожарскій шелъ къ Троицѣ принять благословеніе отъ чудотворца Сергія, считавшагося издревле хранителемъ русской земли отъ иноплеменныхъ. 14 августа, ополченіе стояло между монастыремъ и Клементьевскою слободою. Тутъ къ нему пришли дворяне и казаки изъ-подъ Москвы и просили идти скорѣе, затѣмъ что Ходкѣвичъ приближается къ столицѣ. Пожарскій немедленно отправилъ подъ Москву еще одинъ отрядъ подъ начальствомъ князя Василія Туренина, и велѣлъ ему стать у Чертольскихъ воротъ. Другой отрядъ отправили тогда же въ отдаленный Архангельскъ [2]), чтобы оттуда моремъ не сдѣлано было нападеній отъ какихъ бы то ни было иноземцевъ. Тогда уже русскіе поняли, что надобно спасать свою землю исключительно своими собственными силами, а всякая иноземная помощь скорѣе можетъ приносить вредъ, чѣмъ пособіе. Отрядъ иноземскихъ воиновъ—сбродъ изъ разныхъ странъ—хотѣлъ вступить въ службу Московскаго государства (Адріанъ Фрейгеръ, Артуръ Эстонъ, Яковъ Гиль) и биться вмѣстѣ съ русскими противъ польскихъ и литовскихъ людей. Извѣстили Пожарскаго, что они прибудутъ осенью въ Архангельскъ, и просили заключить съ ними договоръ. Пожарскій отвѣчалъ, что «бояре и воеводы великихъ государствъ россійскаго царствія благодарятъ ихъ и похваляютъ за желаніе, но теперь наемные люди не надобны Московскому государству; были польскіе и литовскіе люди сильны Московскому государству до тѣхъ поръ, пока само Московское государство было въ розни, а теперь московскіе люди стали за-одно; тѣ, которые были въ воровствѣ, отстали отъ воровства; изъ доходовъ, какіе собираются, дается жалованье ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ

---

[1]) Hist. Chodk. II. — Niemc. III. 22. — Krajewski, 44, 49.

[2]) С. Г. Гр. II, 606.

и казакамъ, а бояре, окольничьи, стольники, дворяне и дѣти боярскіе служатъ и бьются за вѣру и за свое отечество безъ жалованья.» При этомъ Пожарскій замѣтилъ, что русскимъ людямъ удивительно то, что иноземцы, хотѣвшіе вступить на службу Московскому государству—въ совѣтѣ съ французомъ Яковомъ Маржеретомъ. «Мы его знаемъ достаточно — писалъ Пожарскій — онъ при Борисѣ выѣхалъ изъ цесарской земли съ дьякомъ Власьевымъ, былъ пожалованъ помѣстьемъ и жалованьемъ; при Шуйскомъ отправился во французскую землю, а потомъ снова пришелъ въ Московское государство, присталъ подъ Москвою къ вору, который назвался вновь Димитріемъ Углицкимъ, проливалъ христіанскую кровь, потомъ присталъ къ полякамъ, приходилъ съ Жолкѣвскимъ подъ Москву, остался съ Гонсѣвскимъ въ Москвѣ, и когда поляки жгли Москву и рубили людей, онъ проливалъ христіанскую кровь злѣе польскихъ людей, и потомъ ушелъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Михайломъ Салтыковымъ, награбивши московской казны. И теперь ему бы намъ противъ польскихъ людей помогать? Мы удивляемся этому. Намъ кажется, Яковъ хочетъ войти въ Московское государство, по умышленію польскаго короля и польскихъ и литовскихъ людей, чтобы учинить Московскому государству какое-нибудь зло.»

Стоя близъ Троицы, Пожарскій принималъ отъ Діонисія благословеніе войску. Ополченіе было поставлено въ порядкѣ на горѣ Волкушѣ. Со звономъ вынесли изъ монастыря икону Живоначальной Троицы, иконы мѣстныхъ чудотворцевъ Сергія и Никона. Діонисій совершилъ водоосвященіе и окропилъ имъ войско. Разсказываютъ, будто въ то время сильный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо войску, обращенному на путь къ Москвѣ. Но какъ только совершилось водоосвященіе, вѣтеръ сталъ дуть ополченію въ тылъ. Это сочтено добрымъ предзнаменованіемъ. Московскіе люди утѣшались мыслью, что Богъ побораетъ по нихъ и благословляетъ ихъ на благое начинаніе.

III.

Струсь замѣняетъ Гонсѣвскаго въ Кремлѣ. — Движеніе Ходкѣвича. — Прибытіе Пожарскаго къ Москвѣ. — Битва на Дѣвичьемъ-Полѣ. — Битва на Замоскворѣчьи. — Отбитіе возовъ съ запасами. — Потери Ходкѣвича. — Его отступленіе отъ Москвы.

Втеченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, когда Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ, положеніе поляковъ въ Кремлѣ было таково, что ихъ выжить оттуда было легче, чѣмъ послѣ; оттого-

то власти троицкія такъ торопили Пожарскаго. Ходкѣвичъ стоялъ въ Можайскѣ и ожидалъ свѣжихъ силъ. Смоленскій воевода Якубъ Потоцкій извѣстилъ его, наконецъ, что высылаетъ племянника своего, Николая Струся, съ тремя тысячами, на смѣну тѣмъ, которые сидѣли въ Кремлѣ. Но Потоцкій, соперникъ Ходкѣвича, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ удалить литовскаго гетмана отъ участія и настроилъ своего племянника въ такомъ же духѣ. Ходкѣвичъ выступилъ изъ Можайска и сталъ за пятьдесятъ верстъ отъ Москвы. Здѣсь онъ ожидалъ Струся цѣлыхъ четыре недѣли. Изъ его стана доставляли кремлевскому гарнизону продовольствіе; свободно проходили въ Кремль запасы. Жолнѣры требовали жалованья, а Ходкѣвичъ успокоивалъ ихъ письменнымъ ручательствомъ, увѣрялъ, что король пріѣдетъ ко дню св. Матвѣя, 12 сентября, и уговаривалъ подождать до этого времени. Съ своей стороны, онъ писалъ къ королю, упрашивалъ его идти поскорѣе подъ Москву съ Владиславомъ, и собрать плату для войска. Послѣ четырехъ недѣль стоянки, Ходкѣвичъ двинулся къ Москвѣ. Струсь шелъ вслѣдъ за нимъ. Въ первыхъ числахъ іюня, Ходкѣвичъ перешелъ Москву-рѣку и сталъ на Дѣвичьемъ-Полѣ; и Струсь пришелъ подъ Москву и сталъ особымъ обозомъ. Тутъ начались переговоры и споры. Струсь требовалъ, чтобы Гонсѣвскій сложилъ съ себя званіе начальника Москвы и уступилъ ему. Ходкѣвичъ сталъ защищать Гонсѣвскаго и считалъ требованіе Струся оскорбленіемъ заслугамъ Гонсѣвскаго. Но самъ Гонсѣвскій разсудилъ, что честь не велика оставаться въ столицѣ, и благоразумнѣе будетъ уступить ее сопернику, который безразсудно домогался этой чести. Онъ мало надѣялся успѣха при медленности Сигизмунда, при всеобщемъ ожесточеніи русскихъ противъ польской власти, при деморализаціи войска. Онъ видѣлъ впереди плачевный исходъ всего московскаго дѣла, и охотно сложилъ съ себя начальство. Струсь съ своимъ отрядомъ вошелъ въ Кремль. Тогда сторонники Гонсѣвскаго нашли въ этомъ предлогъ оставить Москву. Они раздражались тѣмъ, что любимый полководецъ оставилъ свое мѣсто, и сами не хотѣли повиноваться его сопернику. Такимъ образомъ, Струсь своимъ приходомъ скорѣе ослабилъ польскую власть въ Московской землѣ, чѣмъ усилилъ. Изъ прежнихъ воиновъ, занимавшихъ Кремль, со Струсемъ осталась только часть сапѣжинцевъ подъ командою Будзила [1]). Остальные примкнули къ войску Ходкѣвича, но требовали уплаты за тѣ вещи, которыя имъ были заложены. Заплатить имъ было нечѣмъ. Тогда четыре тысячи сапѣжинцевъ

[1]) Надъ его пѣхотою поставленъ былъ Харлинскій, надъ конницею—Хоцимирскій.

составили новую конфедерацію, и ушли съ своими залогами въ Польшу—взыскивать самовольно слѣдуемое имъ за службу жалованье съ королевскихъ имѣній. Ходкѣвичъ разсчиталъ, что ему незачѣмъ стоять подъ столицею, и опять отправился сбирать продовольствіе кремлевскому гарнизону. Самъ онъ сталъ подъ Крайцарёвымъ [1]), а его жолнѣры ходили отрядами собирать запасы, и такъ какъ вблизи повсюду край былъ ограбленъ, то они пустились въ глубину Новгородской земли, и тамъ были разбиты шведами [2]). Вся забота Ходкѣвича была та, чтобы какъ-нибудь продовольствовать гарнизонъ до зимы, когда надѣялся прибытія короля по окончаніи сейма. Тутъ-то самое удобное время было ярославскому ополченію явиться подъ Москвою. Но Ходкѣвичу, вѣроятно, было извѣстно, какъ не ладили русскіе въ ополченіи, и оттого-то онъ самъ не спѣшилъ. Уже въ августѣ поймали русскаго плѣнника, и тотъ сказалъ, что Пожарскій, наконецъ, идетъ къ Москвѣ. Тогда Ходкѣвичъ двинулся къ столицѣ, поспѣшая придти туда раньше Пожарскаго.

Пожарскій предупредилъ Ходкѣвича и 20-го августа подходилъ къ разоренной столицѣ. Прежде всего онъ отправилъ передовой отрядъ—высмотрѣть удобное мѣсто для стана. Посланные нашли такое мѣсто противъ Арбатскихъ воротъ.

Тутъ пришли и допущены были къ Пожарскому и Минину посланцы отъ Трубецкого. Они приглашали ихъ съ ополченіемъ стать въ одномъ таборѣ съ казаками, но у земскихъ людей были живы воспоминанія временъ Ляпунова и оставалась сердечная непріязнь къ казачеству. Пожарскій и Мининъ отвѣчали: «Мы не можемъ стоять въ одномъ таборѣ съ казаками: они начнутъ враждовать съ нашими людьми.»

Отпустивши посланцевъ, предводитель двинулъ ополченіе къ Москвѣ, и когда оно приближалось къ ея обширнымъ развалинамъ, Трубецкой самъ выѣхалъ на-встрѣчу Пожарскому. Трубецкой былъ бояринъ, пожалованный въ это званіе тушинскимъ воромъ. Пожарскій — только стольникъ. Трубецкой тогда на время ставилъ ни во что свое боярство и оказывалъ честь народному ополченію. Онъ просилъ стать вмѣстѣ; но Пожарскій и Мининъ отвѣчали, что не будутъ стоять съ казаками. Трубецкой воротился огорченный.

Земское ополченіе стало станомъ, обогнувши (считая пришедшіе прежде отряды) часть Бѣлогородской стѣны отъ Петровскихъ воротъ до Алексѣевской башни на Москвѣ-рѣкѣ. Глав-

[1]) Рук. Им. П. Б. 221.
[2]) Videk. 362.

ное ядро его было у Арбатскихъ воротъ; тамъ стояли Пожарскій и Мининъ. Ратные люди, заложивши станъ, стали копать около него ровъ и спѣшили работать, потому-что безпрестанно выглядывали Ходкѣвича. Казаки занимали восточную сторону Бѣлаго-города и Замоскворѣчье. Въ послѣднемъ мѣстѣ имъ приходилось выдержать первый натискъ непріятеля. Все Замоскворѣчье было хорошо укрѣплено: прорыты были рвы, во рвахъ должна была сидѣть казацкая пѣхота.

Черезъ день, послѣ прибытія Пожарскаго, увидали ратные люди на западѣ идущее войско. Съ Ходкѣвичемъ, кромѣ стараго войска, были новыя силы [1]). За ними ѣхали огромные ряды въ нѣсколько сотъ возовъ съ набранными запасами. Ему нужно было привезти ихъ въ Кремль и въ Китай-городъ — осажденнымъ. Въ этомъ состояла вся задача его прибытія. Ходкѣвичъ сталъ переходить Москву-рѣку у Дѣвичьяго-Поля. Трубецкой съ главною силою стоялъ у Крымскаго двора, въ тылу переправы. Онъ послалъ къ Пожарскому просить нѣсколько сотенъ въ подкрѣпленіе. Пожарскій послалъ ему.

Часть литовскаго войска успѣла переправиться черезъ рѣку и сбила московскую конницу, которая не допускала переправляться. Московскіе люди покинули лошадей, стали биться пѣшіе; поляки погнали ихъ съ поля. Въ это время выскочили осажденные изъ Кремля къ Чертольскимъ воротамъ: у Ходкѣвича было намѣреніе черезъ эти ворота провезти запасы до Кремля. Московскіе стрѣльцы отбили польскій гарнизонъ съ урономъ. «Хорошо было — говоритъ участникъ дѣла — Москвѣ биться съ нами, наѣвшись хлѣба, а наши съ мая мѣсяца терпѣли недостатокъ; прежде, когда хлѣба вдоволь было, — и Москва намъ страшна не была; а теперь не то что руки, и ноги не слушали, чтобъ убѣгать» [2]). Ходкѣвичевы воины погнали московскихъ людей до Тверскихъ воротъ; но изъ-за печей и церквей разрушеннаго Земляного города начали ихъ сильно поражать московскіе люди выстрѣлами со всѣхъ сторонъ.

Трубецкой долго только смотрѣлъ на битву. Казаки не хотѣли помогать земскимъ людямъ и еще подсмѣивались надъ ними: «богаты пришли изъ Ярославля! отсидятся отъ гетмана сами!»

---

[1]) Отрядъ литовцевъ, пятнадцать хоругвей, присланныхъ вновь изъ Польши, нѣсколько сотъ конныхъ и сто пѣшихъ привелъ къ нему князь Корецкій изъ Смоленска; полковникъ Невяровскій пришелъ къ нему съ восемью стами пѣхоты; отряды Граевскаго (въ 400 человѣкъ) и Млоцкаго (въ 200), восемь тысячъ украинскихъ казаковъ и неопредѣленное число вольныхъ охотниковъ явились подъ начальствомъ ротмистра Величинскаго.

[2]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Hist. Pol. IV, № 33.

Только тѣ сотни, что были присланы Пожарскимъ, побѣжали въ бой, а за ними пошли четыре казацкихъ атамана со своими отрядами.

Въ слѣдующую ночь, московскій измѣнникъ Григорій Орловъ провелъ шесть сотъ гайдуковъ вдоль Москвы-рѣки. Они напали на московскій острожекъ у церкви Егорія-на-Яндовѣ, и овладѣли имъ. Самъ Орловъ вошелъ въ городъ и далъ знать осажденнымъ о положеніи и намѣреніяхъ Ходкѣвича.

Слѣдующій день, 23 августа, прошелъ безъ боя.

24 августа, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ собралъ все войско, рѣшился идти на проломъ во что бы то ни стало, и доставить осажденнымъ запасы. Пожарскій сталъ у Ильи Обыденнаго, Трубецкой у Лужниковъ. Гетманъ двинулся къ Донскому монастырю; лѣвой стороною командовалъ онъ самъ, направо былъ Конецпольскій и четыре тысячи украинскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ширая.

Посланные противъ него стрѣльцы были сбиты. Поляки пошли по Замоскворѣчью; конные спѣшились: невозможно было ѣхать верхомъ черезъ груды развалинъ; только на возахъ медленно везли запасы, разчищая путь. Казаки Ходкѣвича выбили казаковъ московской стороны, засѣвшихъ во рвахъ. Такимъ образомъ, воины Ходкѣвича достигли до Пятницкой улицы и напали на русскій острожекъ, поставленный близъ церкви св. Климента, папы римскаго. Казаки, защищавшіе острожекъ, не выдержали. Литовцы захватили острожекъ, ввезли туда часть запасовъ и поставили свое знамя на стѣнахъ острожка въ знакъ побѣды. Но казаки тотчасъ же поправились; къ нимъ подоспѣли ихъ братья, бросились снова на острожекъ такъ внезапно, что литовцы не ожидали этого. Острожекъ достался казакамъ со ввезенными туда запасами. Но тутъ распространился между казаками ропотъ. Они кричали: «Что жъ это? Дворяне только стоятъ да смотрятъ, а намъ не помогаютъ. Они богатятся имѣніями, а мы босы, и наги, и голодны: не станемъ биться за нихъ».

Объ этомъ волненіи донесли Пожарскому. Тогда, по извѣстію, переданному келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, онъ обратился къ нему; Авраамій въ то время совершалъ богослуженіе у Ильи Обыденнаго. Келарь взялъ съ собою нѣсколькихъ дворянъ, перешелъ на Замоскворѣчье, достигъ острожка, и, увидѣвъ толпу казаковъ, которая стояла надъ трупами литовцевъ, сталъ расточать имъ похвалы... «Отъ васъ, казаки — говорилъ онъ — началось доброе дѣло; вамъ слава и честь; вы первые возстали за христіанскую вѣру, претерпѣли и раны, и голодъ, и наготу; слава о вашей храбрости и мужествѣ гремитъ въ отдаленныхъ

государствахъ; на васъ вся надежда; неужели же, братія милая, вы погубите все дѣло?» — «Хотимъ—кричали казаки—умереть за православную вѣру; иди, отче, къ нашимъ братіямъ-казакамъ въ станы, умоли ихъ идти на невѣрныхъ; мы пойдемъ и не воротимся назадъ, пока не истребимъ въ конецъ враговъ нашихъ!»

Палицынъ поворотилъ къ Москвѣ-рѣкѣ и увидалъ толпу казаковъ, которые послѣ боя ворочались въ свой станъ. И этимъ произнесъ онъ горячее слово. И этихъ онъ тронулъ своимъ словомъ. «Кричите — говорилъ онъ—ясакъ: Сергіевъ! Сергіевъ! Чудотворецъ поможетъ; вы узрите славу Божію!» Они отозвались всѣ однимъ восторженнымъ восклицаніемъ: «Спѣшимъ пострадать за имя Божіе! Сергіевъ! Сергіевъ!» Они поворотили къ острожку на бой.

Палицынъ перешелъ рѣку, достигъ казацкаго табора и увидалъ толпу упрямыхъ; они пьянствовали и играли въ карты. И этимъ Палицынъ произнесъ горячее слово, и всѣхъ такъ тронулъ, что казаки покинули свои забавы, схватились за оружіе; всѣ за Палицынымъ закричали: «Сергіевъ! Сергіевъ!» и пустились въ бой. Такъ, если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль, одинъ человѣкъ нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда русское дѣло. Босые, оборванные, съ оружіемъ въ рукахъ летѣли казаки и призывали имя св. Сергія. Темное облако дыма покрыло борцовъ; восторженные крики были слышнѣе ружейныхъ выстрѣловъ. Тогда Мининъ сказалъ Пожарскому: «Князь, дай мнѣ войска; я пойду». — «Бери, коли хочешь», сказалъ предводитель. И Мининъ, человѣкъ мало искусный въ ратномъ дѣлѣ въ сравненіи съ опытными воинами, взялъ съ собою передавшагося поляка Яна Хмѣлевскаго, да три сотни дворянъ, перешелъ рѣку, ударилъ на двѣ роты, которыя стояли у Крымскаго двора. Одна была пѣшая, другая конная; обѣ побѣжали; конная смяла пѣшую. Въ этой схваткѣ передъ глазами Минина былъ убитъ племянникъ его, бывшій съ нимъ въ ополченіи. Московскіе люди бросились на Замоскворѣчье. «Бой разыгрался, по выраженію лѣтописца, зѣло великій и преужасный». Въ полдень казаки достигли литовскаго обоза, отрѣзали и захватили четыреста возовъ съ запасами [1]).

Тогда Ходкѣвичъ понялъ, что все пропало; цѣль, для которой онъ пришелъ, не достигнута; онъ приказалъ спасать остатокъ возовъ и уходить.

Литовцы убѣжали къ Воробьевымъ горамъ. Ратные люди и ка-

[1]) Piasecki, 278. — Kobierż. 443.

заки хотѣли ихъ преслѣдовать, но воеводы закричали: «Довольно! двухъ радостей въ одинъ день не бываетъ: какъ бы послѣ радостей горя не отвѣдать.» Успѣхъ былъ полный. Русскимъ достались запасы, которые везъ Ходкѣвичъ осажденнымъ. Пораженіе литовскаго гетмана до-того было пагубно, что у него оставалось не болѣе четырехъ сотъ конныхъ. Не смотря на то, что осажденные были заперты, Ходкѣвичъ нашелъ однако способъ сообщить имъ, что онъ долженъ удалиться, набрать новыхъ запасовъ, и обѣщалъ явиться впродолженіе трехъ недѣль со свѣжимъ войскомъ и продовольствіемъ.

28 августа, Ходкѣвичъ съ своимъ войскомъ ушелъ совсѣмъ отъ столицы. «О, какъ намъ горько было — говоритъ одинъ изъ осажденныхъ — смотрѣть, какъ литовскій гетманъ отходитъ, оставляя насъ на голодную нужду.»

На дорогѣ ушли отъ него южнорусскіе казаки; они отправились на сѣверо-востокъ и разорили Вологду. Литовскій гетманъ ушелъ въ Вязьмѣ и рѣшился оставить осажденныхъ на произволъ судьбы. Онъ писалъ королю, что бѣда происходила отъ медленности его величества.

IV.

Осада Кремля и Китай-города русскими. — Письма Пожарскаго къ полякамъ. Гордый отвѣтъ поляковъ. — Голодъ и людоѣдство между поляками. — Взятіе русскими Китай-города. — Поляки кладутъ оружіе. — Освобожденіе Москвы. — Судьба польскихъ плѣнниковъ.

Число осажденныхъ въ Кремлѣ увеличилось. Во время суматохи успѣлъ прорваться въ городъ полковникъ Невяровскій съ тремя стами пѣхоты, но, при недостаткѣ продовольствія, это умноженіе военныхъ силъ могло послужить къ большей тягости и затрудненіямъ. Русскіе заперли Кремль и Китай-городъ со всѣхъ сторонъ. На Замоскворѣчьи, въ чертѣ Деревяннаго города, стояли казаки; на другой сторонѣ русскіе выкопали глубокій ровъ, заплели высокій плетень въ два ряда, и насыпали земли между его стѣнами. Въ трехъ мѣстахъ были построены туры, съ которыхъ палили въ городъ; первые около Пушечнаго двора, на сѣверозападной сторонѣ, вторые у Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря, а третьи на Кулишкахъ у Всѣхъ Святыхъ. Простояли такимъ образомъ недѣли двѣ.

Побѣда надъ Ходкѣвичемъ примирила Пожарскаго съ Трубецкимъ. До сихъ поръ у нихъ разряды были разные, и Пожарскій не хотѣлъ ни за что соединиться съ казаками; но послѣ того, какъ

казаки хорошо показали себя въ общемъ дѣлѣ, оба предводителя съѣхались, помирились и положили постоянно съѣзжаться на Неглинной-на-Трубѣ: тамъ устроили общій разрядъ, управлявшій всею осадою.

Но казаки скоро опять стали враждебно противъ земства. Ихъ возбуждали прибывшіе, 5 сентября, въ станъ враги Пожарскаго. Главные изъ нихъ были Иванъ Шереметьевъ и князь Григорій Шаховской, извѣстный старый заводчикъ смутъ. Съ ними заодно былъ братъ Ивана Шереметева, Василій, князь Иванъ Засѣкинъ и Иванъ Плещеевъ, погубившій псковского самозванца. Они возстановляли казацкихъ атамановъ, а черезъ нихъ всю казацкую громаду на земство. «Намъ не платятъ за службу — кричали казаки — дворяне обогащаются, получаютъ помѣстья въ русской землѣ, а мы наги, босы и голодны.» Одни намѣревались уйдти въ Украину, другіе грозили напасть на дворянъ, ограбить ихъ достояніе и самихъ убить. Среди неурядицъ и волненія, келарь отправился къ Троицѣ, и тамъ архимандритъ держалъ совѣтъ со старцами, какъ дѣлу помочь. Денегъ въ обители не было, но оставались нетронутыми церковныя облаченія, вышитыя золотомъ, саженныя жемчугами. Троицкія власти отправили ихъ въ залогъ казакамъ на тысячу рублей, и обѣщали выкупить въ скоромъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ они послали казакамъ убѣдительное воззваніе и въ немъ расхваливали ихъ мужество и доблести. Когда троицкая грамата была прочитана въ казацкомъ кругу, казаки дотого были тронуты, что рѣшили отправить назадъ присланныя въ залогъ вещи. «Мы все сдѣлаемъ по прошенію троицкихъ властей — сказали они — какія скорби и бѣды ни пришлось бы намъ терпѣть, все выстрадаемъ, а отсюда не отойдемъ, не взявши Москвы, и не отомстивши врагамъ пролитія христіанской крови». Съ такимъ отвѣтомъ поѣхали къ Троицѣ двое атамановъ [1]).

15 сентября, Пожарскій послалъ въ городъ къ осажденнымъ полякамъ письмо, обращенное къ полковникамъ Стравинскому и Будзилу, къ ротмистрамъ, и черкасамъ, и гайдукамъ, минуя Струся. Онъ писалъ:

«Намъ вѣдомо, что вы, будучи въ Кремлѣ въ осадѣ, терпите немѣрный голодъ и великую нужду, и ожидаете день со дня своей погибели, а крѣпитесь потому, что Николай Струсь и московскіе измѣнники Ѳедька Андроновъ съ товарищи упрашиваютъ васъ, ради живота своего, и хотя Струсь учинился у васъ гетманомъ, но не можетъ васъ спасти. Сами видѣли, какъ гет-

[1]) Иное сказ. о Самозв. Врем. XVI. 129.

манъ приходилъ, и какъ отъ васъ ушелъ со срамомъ и со страхомъ, а мы еще были тогда не со всѣми силами. Объявляемъ вамъ, что черкасы, которые были съ паномъ-гетманомъ, ушли отъ него разными дорогами; дворяне и дѣти боярскіе, ржевичи, старичане и прочихъ ближнихъ городовъ взяли. въ плѣнъ живьемъ пять сотъ человѣкъ, а самъ гетманъ съ своимъ полкомъ, съ пѣхотою и съ служилыми людьми ушелъ въ Смоленскъ, 13 сентября, и въ Смоленскѣ нѣтъ ни души: всѣ воротились съ Потоцкимъ на помощь гетману Жолкѣвскому, котораго турки разбили. Королю вашему Жигимонту приходится теперь о себѣ самомъ помышлять, кто бы его отъ турокъ избавилъ. Жолнѣры Сапѣги и Зборовскаго въ Польшѣ разоренія чинятъ. Такъ вы не надѣйтесь, чтобы къ вамъ кто пришелъ на помощь. Все горе стало отъ неправды короля вашего Жигимонта и польскихъ и литовскихъ людей, нарушившихъ крестное цѣлованіе. И вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не губить, и нужды такой и голоду за нихъ не терпѣть. Присылайте къ намъ; не мѣшкайте; сохраните свои головы, а я беру васъ на свою душу и всѣхъ ратныхъ людей своихъ упрошу: кто изъ васъ захочетъ въ свою землю идти, тѣхъ отпустимъ безъ всякой зацѣпки, а которые сами похотятъ Московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству; а кому изъ вашихъ людей не на чѣмъ будетъ ѣхать, или идти не въ силахъ будетъ отъ голода, мы подмогу дадимъ, и какъ вы изъ города выйдете, мы прикажемъ противу вамъ выйти».

На это великодушное предложеніе польскіе предводители написали гордый отвѣтъ, превозносили вѣрность долгу и мужество поляковъ, съ омерзѣніемъ отвергали предложеніе сдаться, какъ измѣну, укоряли московскихъ людей въ вѣроломствѣ своимъ государямъ. «Не новость — писали они — для васъ, лгать въ своихъ писаніяхъ; у васъ нѣтъ стыда въ глазахъ; присмотрѣлись мы на храбрость и мужество ваше. Московскій народъ самый подлѣйшій въ свѣтѣ, и по храбрости подобенъ осламъ или суркамъ, которые только тѣмъ и обороняютъ себя, что въ ямы прячутся. Видѣли мы своими глазами, какъ литовскій гетманъ далъ вамъ себя знать съ малыми силами. Мы, ожидая счастливаго прибытія государя нашего, короля съ сыномъ Владиславомъ, не умремъ съ голоду, а дождемся его и возложимъ царю Владиславу на голову вѣнецъ вмѣстѣ съ вѣрными его подданными, сохранившими данную ему присягу, а вамъ Господь Богъ за кровопролитіе и разореніе Московскаго государства возложитъ кару на головы, и каждый старшій изъ васъ пусть ожидаетъ великой кары Божіей надъ собою. Не пишите къ намъ вашихъ

московскихъ глупостей: не удастся вамъ ничего отъ насъ вылгать; мы вамъ стѣнъ не закрываемъ, добывайте ихъ, если онѣ вамъ нужны, а царской земли шишами и блинниками не опустошайте: пусть хлопъ идетъ къ сохѣ, попъ—къ церкви, купецъ—на свой торгъ; здоровѣе будетъ царству. Не пиши намъ сказокъ, Пожарскій; мы лучше тебя знаемъ, что польскій король усовѣтовалъ съ сенатомъ, какъ довести до конца московское дѣло и укротить тебя, архимятежника. Не былъ намъ турокъ страшенъ, и не будетъ; и не только со своими негодями и шишами, что̀ у тебя теперь — но если бы къ тебѣ пристало гораздо больше бунтовщиковъ такихъ какъ ты, то и тогда не одолѣешь ты насъ, при помощи Божіей.»

Осажденные надѣялись, что вернется гетманъ. Проходили недѣли; гетмана не было. Русскіе палили на нихъ съ своихъ туръ, направляя выстрѣлы больше всего на башни; крѣпкимъ стѣнамъ ничего нельзя было сдѣлать, въ средину опасно было пускать ядра, чтобы не повредить церквей. На Замоскворѣчьи по всей линіи стояли казаки. Не смотря на то, что гарнизонъ былъ такимъ образомъ окруженъ русскими, оставалась возможность сношеній. 6 октября, жолнѣры могли еще выслать двухъ товарищей съ извѣстіемъ, что они не могутъ ждать болѣе недѣли, и должны будутъ помереть отъ голода. Отвѣта не было. Некому было дать его. Гетманъ былъ далеко. Осажденные оставлены были на погибель.

Черезъ недѣлю, послѣ того, голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. «Въ исторіи нѣтъ подобнаго примѣра — говоритъ современный дневникъ — писать трудно, что̀ дѣлалось. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу съ обуви — и этого не стало; грызли землю, въ бѣшенствѣ объѣдали себѣ руки, выкапывали изъ могилъ гніющіе трупы, и съѣдено было, такимъ образомъ, до восьми сотъ труповъ, и отъ такого рода пищи и отъ голода смертность увеличивалась [1]).» При съѣденіи умершихъ соблюдался строевой порядокъ. За слѣдуемаго ко съѣденію товарища велись процессы, шло разбирательство, кто имѣетъ право его съѣсть. Въ одной шеренгѣ гайдуки съѣли умершаго товарища; тогда родственники умершаго жаловались ротмистру, что они по праву родства имѣли право его съѣсть, а гайдуки доказывали, что товарищи по службѣ имѣютъ на это болѣе права, находясь съ нимъ въ одномъ десятнѣ. Ротмистръ не зналъ, какъ разсудить ихъ, и опасаясь, чтобы раздраженные декретомъ не съѣли судью, бѣжалъ отъ

[1]) Lubienicki, Polonentychia, 195.

ихъ. Стали и живые бросаться на живыхъ, сначала на русскихъ, потомъ уже не разбирая пожирали другъ друга. Панъ не могъ довѣриться слугѣ, слуга пану—говоритъ въ письмѣ своемъ Будзило. Сильный зарѣзывалъ и съѣдалъ слабаго; одинъ съѣлъ сына, другой слугу, третій мать. Иные перескакивали черезъ кремлевскія стѣны и убивались, или счастливо спускались и отдавались русскимъ. Добродушные кормили ихъ и потомъ посылали къ стѣнамъ уговаривать товарищей сдаться. Казаки такихъ перебѣжчиковъ не миловали, мучили ихъ, ругались надъ ними и изрубливали въ куски.

Русскіе, скучая осадой, хотѣли кончить скорѣе, и стали рыть подкопъ, по направленію подъ Китай-городъ, но не искусно. Какъ ни истощены были поляки, но умѣли найти и уничтожить его, залили водою и поймали подкопщика.

Но это не помогло полякамъ удержать Китай-городъ. 22 октября, Трубецкой, стоявшій станомъ на восточной сторонѣ Китай-города, ударилъ на приступъ. Голодные не могли защищать и ушли въ Кремль. Русскіе вошли въ Китай-городъ, и первое, что они тамъ увидѣли, были чаны, наполненные человѣчиною.

Въ Китай-городъ внесли съ торжествомъ икону Казанской Богородицы и, во имя ея, русскіе дали обѣтъ построить церковь, которая и была впослѣдствіи построена, и до сихъ поръ она служитъ памятникомъ этого входа, подъ именемъ Казанской, находясь на Кремлевской площади, противъ кремлевскихъ Никольскихъ воротъ. Тогда, чтобы избавить себя отъ многолюдства, поляки выпустили изъ Кремля женщинъ и дѣтей: то были жены и дѣти боярскія; ихъ мужья и отцы боялись казаковъ и обратились къ Пожарскому съ просьбою о защитѣ. Пожарскій выѣхалъ ихъ встрѣчать. Казаки зашумѣли и кричали, что слѣдуетъ ограбить боярынь, которыя выходили изъ осады съ имуществами. Пожарскій, Мининъ и земскіе люди выѣхали вооруженные впередъ — встрѣчать боярынь, и приняли ихъ благополучно въ свой станъ. Казаки разъярились за то, что имъ не дали ограбить боярынь, и похвалялись убить самого Пожарскаго.

Между тѣмъ, выпустивши женщинъ, голодные стали совѣтоваться между собою, что дѣлать. Ѳедоръ Андроновъ и другіе, подобные ему, противились сдачѣ; имъ лучше было помереть съ голода; они знали и надѣялись, что съ ними хуже голодной смерти будетъ, когда свои братья заберутъ ихъ въ руки. Но весь гарнизонъ зашумѣлъ и порывался отворять ворота, хоть бы на смерть. Самъ Струсь, мужъ великой храбрости и многаго разсужденія, какъ называетъ его русское сказаніе [1]), переставъ

[1]) Рук. Филар. 62.

уже храбриться. Послали къ русскимъ предводителямъ пословъ. Просили пощады, объявляли себя военноплѣнными, и выговаривали одно только условіе, чтобы сдавшимся оставили жизнь. Предводители сперва посовѣтовались между собою, потомъ дали обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча. Поляки, знавшіе свирѣпство казаковъ, уговаривались, чтобы начальствующія лица сдались только Пожарскому, а не хотѣли ни за что сдаваться Трубецкому, но этого нельзя было сдѣлать. Трубецкой увѣрялъ, что онъ употребитъ все вліяніе, чтобы казаки не обижали плѣнныхъ.

24 октября, поляки отворили ворота на Неглинную (Троицкія) и стали выпускать бояръ и русскихъ людей. Впередъ всѣхъ вышелъ Мстиславскій, за нимъ бояре, составлявшіе совѣтъ, дворяне и купцы, сидѣвшіе въ осадѣ. Ихъ видъ возбуждалъ состраданіе. Пожарскій и Мининъ выѣхали встрѣчать ихъ съ своимъ войскомъ. Казаки опять поднялись и кричали: «Надобно побить этихъ измѣнниковъ, а ихъ животы подѣлить въ войскѣ». Земское ополченіе стало въ боевой порядокъ. Русскіе вышли изъ воротъ и стали на каменномъ мосту въ нерѣшительности, и ожидали, какъ ихъ соотечественники начнутъ за нихъ бой между собою. Казаки показывали намѣреніе броситься на земское войско. Но до этого не дошло. Казаки покричали, пошумѣли и ушли въ свои таборы. Пожарскій и Мининъ съ честью проводили своихъ въ свой земскій станъ.

На другой день, 25 октября, отворились всѣ ворота Кремля. Русскіе хотѣли ознаменовать вступленіе въ свою столицу религіозною торжественностью. Земское войско собралось близъ Іоанна Милостиваго на Арбатѣ; войско Трубецкого—за Покровскими воротами. И оттуда и отсюда пошли архимандриты, игумены, священники въ облаченіи, съ крестами и иконами, въ Китай-городъ; за ними двигалось войско. Оба шествія сошлись въ Китай-городѣ на Лобномъ мѣстѣ. Здѣсь запѣли молебенъ. На челѣ духовенства стоялъ тогда доблестный Діонисій, нарочно прибывшій изъ своей обители. Тогда изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, вышли къ нимъ на встрѣчу архіепископъ галасунскій Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ. Самъ Арсеній держалъ въ рукахъ Владимирскую икону Богородицы. Показавши себя сторонникомъ Владислава, этотъ духовный чужеземецъ старался передъ русскими загладить свое уклоненіе. Онъ разсказывалъ, что передъ тѣмъ, какъ русскіе овладѣли Китай-городомъ, ему являлся св. Сергій и предрекъ побѣду своихъ соотечественниковъ. Соединившись, духовенство вошло въ Кремль къ Успенскому собору, и тамъ совершило литургію и благодарственный молебенъ.

И въ Кремлѣ, какъ въ Китай-городѣ, русскіе увидѣли чаны съ человѣчьимъ мясомъ, слышали стоны и проклятія умиравшихъ въ мукахъ голода. Горько тронуло русскихъ опустошеніе церковныхъ и царскихъ сокровищъ. Поляки побросали оружіе и ожидали своей судьбы. Ихъ погнали въ таборы. Струся заперли въ Чудовомъ монастырѣ; остатокъ его полка отдали казакамъ. Будзила взялъ Пожарскій къ себѣ съ остатками его сапѣжинцевъ. Все имущество плѣнныхъ было сдано въ казну; Мининъ распоряжался отборомъ, и все это отдали казакамъ въ награду.

Тѣ плѣнники, которые достались Пожарскому и земскимъ людямъ, уцѣлѣли; ихъ отправили въ разные города. Но казаки не вытерпѣли, и, въ противность крестному цѣлованію, перебили чуть не всѣхъ. Изъ пѣхоты не осталось ни одного въ живыхъ. По русскимъ городамъ народъ былъ ожесточенъ за разореніе Москвы и опустошеніе Московскаго государства; въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда посланъ былъ Будзило съ товарищами, плѣнныхъ чуть не разорвали; народъ озлобился даже на воеводъ, которые ихъ стали оборонять, и едва-едва мать Пожарскаго спасла ихъ отъ позорной смерти.

Плѣнныхъ позапирали въ темной и сырой тюрьмѣ. Другіе сосланы были въ Ярославль, въ Галичъ, на Бѣлоозеро, въ Вологду. Будзило изъ тюрьмы писалъ къ королю, описывалъ крайность, которая заставила ихъ сдаться, и умолялъ обратить на плѣнныхъ вниманіе и избавить ихъ отъ тяжелой неволи. Впослѣдствіи, однако, новоизбранный государь приказалъ ихъ содержать не какъ узниковъ, а, по выраженію посла, дававшаго объ нихъ объясненія нѣмецкому императору [1]), какъ учтивыхъ людей; велѣлъ давать имъ кормы довольные и на платья. Черезъ посредство Струся, пересылавшаго нужное женѣ своей въ Польшу, онъ отправлялъ своему плѣнному отцу деньги. Вообще уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, до размѣна плѣнныхъ, съ ними обходились такъ хорошо, что они позволяли себѣ даже буянить.

V.

Прибытіе короля Сигизмунда съ Владиславомъ въ Московское государство. — Станъ подъ Волокомъ-Ламскимъ. — Неудачное посольство въ Москву. — Сигизмундъ уходитъ домой. — Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.

Освобожденіе Москвы не избавило еще русскихъ отъ новыхъ опасностей. Когда кремлевскій гарнизонъ доведенъ былъ голо-

[1]) Пам. Дипл. Сношен. II, 1221.

домъ до сдачи, король Сигизмундъ былъ уже въ Московскомъ государствѣ. Долго Жолкѣвскій, Ходкѣвичъ и другіе паны уговаривали его выступить съ сыномъ, чтобы спасти свое дѣло: все было напрасно. Король медлилъ. Наконецъ, только лѣтомъ 1612 года, онъ прибылъ въ Вильну съ королевою, съ сыномъ Владиславомъ и цѣлымъ дворомъ. Были разосланы универсалы къ войску, которое расположилось въ южныхъ провинціяхъ и безчинствовало. Оно не послушалось короля, не двигалось съ мѣста, не надѣялось на уплату жалованья и предпочитало пользоваться грабежемъ въ своемъ отечествѣ, чѣмъ идти искать счастія въ чужой землѣ. Только пришли въ Вильну, въ концѣ августа, два пѣшихъ полка подъ начальствомъ Теодора Денгофа и Урвенберга. Съ ними отправился король въ Оршу, а между тѣмъ, 25-го сентября, послалъ въ Москву Ивана Салтыкова съ граматою, гдѣ извинялся передъ боярами тѣмъ, будто Владиславъ былъ нездоровъ, и это помѣшало его прибытію на царство въ надлежащее время [1]). Только теперь король убѣдился, что съ Москвою иначе сладить нельзя, какъ показать ей Владислава. Прождавши въ Оршѣ напрасно нѣсколько времени новыхъ силъ, король въ октябрѣ двинулся далѣе и прибылъ въ Смоленскъ. Здѣсь стояла на квартирахъ еще часть войска, но оно не хотѣло слѣдовать за Сигизмундомъ; не склонили рыцарства его просьбы и обѣщанія; только тысяча двѣсти конныхъ, уговоренные королемъ, рѣшились идти за нимъ. Съ этими ничтожными силами король выѣхалъ изъ Смоленска, съ нимъ ѣхалъ Владиславъ. Отецъ везъ его теперь на показъ московскимъ людямъ, какъ избраннаго ими царя. Дурное предзнаменованіе огорчило его, когда онъ съ сыномъ выѣзжалъ изъ воротъ, называемыхъ Княжими. Оборвалась цѣпь, на которой висѣлъ опускной воротный щитъ; король и Владиславъ должны были повернуть назадъ и выѣхать изъ Смоленска другими воротами. «Не будетъ успѣха предпріятію!» говорили послѣ этого. Король прибылъ въ Вязьму. Туда примкнулъ и Ходкѣвичъ съ своимъ, отбитымъ отъ столицы, войскомъ. Еще не знали ни король, ни Ходкѣвичъ о томъ, что сдѣлалось съ московскимъ гарнизономъ; они спѣшили его выручать. Выступивши изъ Вязьмы, король прибылъ въ село Ѳедоровское: тутъ принесли ему вѣсть, что поляки въ Кремлѣ погибли отъ голоду, остальные сдались, и столица въ рукахъ Пожарскаго. Никто не приходилъ на поклонъ ни къ Сигизмунду, ни къ Владиславу. Кругомъ бродили шиши, хватали и замучивали польскихъ воиновъ, когда они отправлялись за продовольствіемъ.

---

[1]) Собр. Госуд. Гр. II, 607.

Но подъ Москвою вѣсть о пріѣздѣ короля надѣлала всполоху. Воеводы, покончивши поляковъ, стали-было по-прежнему ссориться между собою, и казаки по-прежнему завраждовали съ земскими, какъ вдругъ отъ пойманнаго посланнаго въ Москву гонцомъ сына боярскаго, Енгильдѣева, узнали, что Сигизмундъ съ Владиславомъ въ Вязьмѣ. Вѣсть эта принесена была не точно. Енгильдѣева пытали, но онъ не сказалъ, сколько у короля войска; московскіе люди могли ожидать большихъ силъ; но болѣе опаснымъ, чѣмъ всякое войско, казалось появленіе Владислава. Боялись, что русскіе, какъ только узнаютъ, что Владиславъ, давно ожидаемый царь, наконецъ, пріѣхалъ,—вспомнятъ свою присягу, скажутъ, что стало-быть Сигизмундъ ихъ не обманывалъ, и примутъ Владислава на царство. Тогда стоявшимъ подъ Москвою и выгнавшимъ польскій гарнизонъ было бы худо. Прибытіе Владислава замедлило выборъ новаго государя, который иначе долженъ былъ начаться тотчасъ по изгнаніи поляковъ изъ Кремля. Король изъ Ѳедоровскаго шелъ на Погорѣлое-Городище. Сидѣвшій тамъ воеводою князь Шаховской сталъ обороняться, но въ то же время послалъ къ Сигизмунду сказать такъ: «Иди, король, подъ Москву; будетъ Москва за тобой, и мы всѣ будемъ.»

Король нашелъ этотъ отвѣтъ справедливымъ, оставилъ Городище и подошелъ подъ Волокъ-Ламскій. Время текло. Кончался ноябрь; начиналась зимняя стужа. Король заложилъ станъ подъ Волокомъ и отправилъ въ Москву двухъ бывшихъ въ посольствѣ съ Филаретомъ: князя Данила Мезецкаго и дьяка Грамотина — уговаривать московское войско признать Владислава; съ ними поѣхали Самуилъ Зборовскій, Андрей Млоцкій съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ. Воеводы, узнавши о такихъ гостяхъ, не только рѣшились не входить съ ними ни въ какіе переговоры и толки о Владиславѣ, а еще выслали противъ нихъ рать, чтобы прогнать отъ города, и не допустить ихъ, ставши вблизи, подъ предлогомъ переговоровъ, разсѣявать смуту въ русскомъ таборѣ.

Поляки взяли въ плѣнъ одного смольнянина, по имени Ивана Философова, и стали допытываться у него: много ли подъ Москвою войска, есть ли запасы, и есть ли желающіе видѣть королевича на царствѣ? Философовъ отвѣчалъ: «Москва людна и хлѣбна; всѣ обѣщались не брать королевича на царство и умирать за православную вѣру!» Съ этимъ отвѣтомъ поляки и Грамотинъ воротились подъ Волокъ. Князь Мезецкій съ обратнаго пути убѣжалъ къ своимъ подъ Москву. Между тѣмъ самый Волокъ не думалъ отдаваться Сигизмунду. Засѣвшіе тамъ казаки отбивали приступы. Сигизмундъ видѣлъ образчикъ, какъ будутъ встрѣчать московскіе люди царя, котораго теперь не въ пору

имъ навязывали. Морозы становились все суровѣе. Продовольствіе истощалось. Подвозъ изъ Смоленска былъ затруднителенъ, а собирать запасы въ Московскомъ государствѣ мѣшали бродившія по пути шайки шишей [1]).

Кругомъ край былъ опустошенъ, а посылать подальше собирать запасы нельзя было: силъ было мало. Ничего не оставалось Сигизмунду съ Владиславомъ, какъ уйти назадъ, и онъ ушелъ со срамомъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска — въ Польшу.

Московскіе воеводы оповѣстили граматою, отъ 21-го декабря, по всей землѣ объ избавленіи Москвы, и приказали повсюду пѣть молебны, звонить въ колокола — на радости, что Москва освободилась отъ польскихъ и литовскихъ людей. Тогда оставалось выбрать царя. Еще изъ Ярославля Пожарскій писалъ во всѣ города, чтобы отовсюду присылали выборныхъ людей для этого важнаго дѣла. Но, вѣроятно, число присланныхъ оказалось недостаточнымъ, или, быть можетъ, несостоятельнымъ, притомъ же бояре и вообще сановники, бывшіе прежде съ поляками въ Кремлѣ, избѣгая народнаго мщенія, разъѣхались изъ Москвы. Нужно было ихъ собрать. На совѣтѣ, который воеводы держали съ людьми всякихъ чиновъ, бывшими тогда въ столицѣ, порѣшили послать и послали еще новую грамату во всѣ города, чтобы вездѣ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя на

---

[1]) Въ одной изъ граматъ царя Михаила Ѳеодоровича, 1619 г., говорится о крестьянинѣ Иванѣ Сусанинѣ, котораго польскіе и литовскіе люди, пришедши въ Костромской уѣздъ, около этого времени, пытали немѣрными муками и допрашивали: гдѣ находился тогда Михаилъ; но Сусанинъ, зная, гдѣ онъ находился, не сказалъ имъ, и они его замучили до смерти. Въ статьѣ: «Иванъ Сусанинъ», напечатанной въ первомъ томѣ «Историческихъ Монографій и Изслѣдованій», показана несостоятельность позднѣйшихъ подробностей объ этой личности и, именно, несообразность съ обстоятельствами извѣстія о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромской уѣздъ, а равно и невозможность, если бы они, въ самомъ дѣлѣ, туда приходили, ограничиться спросомъ и пытками одного только лица. Правдоподобно было бы допустить, что это происшествіе случилось не въ Костромскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь поближе къ Волоку, гдѣ стояли тогда польскіе и литовскіе люди. Они должны были знать о желаніи русскаго народа избрать Романова, и очень естественно было дать какому-нибудь разъѣзду, который отправлялся за продовольствіемъ, порученіе развѣдать, гдѣ находился Михаилъ Романовъ. Отправленные въ разъѣздъ могли схватить крестьянина изъ вотчины Михаила и допрашивать его, а другихъ русскихъ, которые могли быть при этомъ, не трогать, если они были изъ другихъ мѣстностей, не принадлежали Романовымъ и, слѣдовательно, не возбуждали подозрѣнія, что они знаютъ о мѣстопребываніи Михаила. Эти послѣдніе и могли принести объ этомъ событіи вѣсть въ Кострому. Зять Сусанина, просившій черезъ семь лѣтъ себѣ вознагражденія за смерть тестя, могъ не знать въ точности, гдѣ убійство совершилось, а подъячіе, не всегда наблюдая точность выраженій въ граматахъ, могли поставить извѣстіе о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромской уѣздъ въ томъ смыслѣ, что они еще намѣревались идти въ Костромской уѣздъ. Впрочемъ, это только предположеніе.

государства Владимирское, Московское, Новгородское, и на царства Казанское, Астраханское и Сибирское, и на всѣ русскія государства, кого Богъ дастъ [1]). «Пусть—говорили тогда—избраніе сіе совершится отъ Бога, а не отъ человѣкъ.»

Но пока состоялось желанное избраніе, станъ подъ Москвою представлялъ величайшую неурядицу. Знатные воеводы и бояре ссорились между собою; у многихъ были подобранныя партіи: люди служилые, поддѣлавшись къ тому или другому изъ бояръ, соблазняли ихъ тѣмъ, что обѣщали для нихъ изъ себя готовую силу противъ соперниковъ. Нѣкоторые изъ бояръ думали получить царскій вѣнецъ, но кто именно этого тогда домогался—не сохранилось извѣстій. Между тѣмъ, у казаковъ съ земскими продолжались раздоры. Казаки страшно безчинствовали. Ихъ отряды бѣгали изъ-подъ Москвы по разнымъ краямъ, грабили и мучили жителей. По извѣстіямъ хронографовъ, въ первые мѣсяцы послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, казаки такъ дурно вели себя, что русская земля страдала отъ нихъ тогда еще хуже, чѣмъ прежде. Все, что̀ успѣвали казаки награбить по окрестностямъ, подъ Москвою пропивалось и проигрывалось въ карты и кости. Бѣшеное военное разгулье кипѣло въ казацкомъ таборѣ, состоявшемъ въ значительномъ числѣ изъ малороссовъ: день и ночь гремѣли бандуры, сурьмы, цимбалы, кобзы, гусли; разливались веселыя пѣсни, пилось вино, плясали веселыя женщины, ломались, съ своими непристойными дѣйствами, скоморохи. Благочестивые люди страшились, чтобы Господь не навелъ опять какого-нибудь горя на землю русскую, ужъ и такъ запустѣвшую «отъ беззаконныхъ люторовъ и мерзкихъ отступниковъ латинъ, варваровъ татаръ и разбойниковъ черкасъ»; и троицкія власти написали велерѣчивое посланіе; убѣждали воеводъ прекратить ссоры, напоминали имъ о любви Христовой, а наипаче убѣждали воздерживаться отъ разгула: «Облекитесь въ Господа Іисуса Христа и не творите въ похотяхъ попеченія плоти; вы, сущіе во власти, нынѣ беззаконно и богопротивно пируете, съ гуслями, съ сурмами и цимбалами и всяческими смѣхотвореніями, обливаючи себя сквернословіемъ и буесловіемъ» [2]).

Но при попойкахъ и забавахъ шли работы: обновляли церкви, строили жилья. Москва начинала принимать видъ города.

Когда съѣхалось въ Москву достаточное число выборныхъ людей, опредѣлили тридневный строжайшій постъ; мужчины, женщины и малыя дѣти не должны были ничего отвѣдывать въ эти

---

[1]) С. Г. Г. III, 2.
[2]) А. А. Э. II, 372.

дни. Межъ тѣмъ все служили молебны, просили Бога вразумить выборныхъ и руководить ихъ важнымъ дѣломъ. Хотѣли, чтобы избраніе было указано свыше, чтобы совѣсть избирателей была спокойна, чтобы народъ потомъ зналъ и вѣрилъ, что онъ повинуется божьему персту, а не человѣческому измышленію.

По свершеніи поста, начался выборъ. Прежде всего единодушно всѣ объявили, чтобъ отнюдь не выбирать никакого иноземца, ни законопреступнаго сына Марины. Изъ Новгорода прибылъ на соборъ Богданъ Дубровскій, въ качествѣ посланника отъ Делагарди, и объявилъ, что королевичъ уже идетъ въ Новгородъ, напоминая, что изъ Ярославля ссылались объ этомъ. Ему велѣли передать Делагарди такой отвѣтъ воеводъ и выборныхъ людей: «У насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ взять иноземца на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, такъ это мы дѣлали для того, чтобы вы намъ въ тѣ поры не помѣшали и не пошли на наши морскіе города: теперь же Богъ Московское государство очистилъ, и мы ради съ помощію Божіею итти биться за очищеніе и Новгородскаго государства». Никто, еслибъ внутренно и хотѣлъ, не посмѣлъ тогда заикнуться объ избраніи какого бы то ни было иноземца. Всѣ согласились на то, чтобъ выбрать достойнаго царя изъ своихъ.

Казалось, нечего было даже разсуждать. Заранѣе можно было предвидѣть, что выборъ падетъ на Михаила, сына Филаретова. Еще въ 1610 году, Жолкѣвскій видѣлъ, что тѣ изъ московскихъ людей, которые не желаютъ имѣть царемъ иноземца, желаютъ— одни Голицына, другіе Михаила Романова. Теперь Голицына не было. Михаилу никто не мѣшалъ. Никакой другой родъ въ Московскомъ государствѣ не пользовался такою любовью, и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ. Въ народномъ чувствѣ не изглаживалась память добродѣтельной Анастасіи; помнили любимаго въ свое время народомъ Никиту Романовича; не только никто на него не могъ сказать, чтобы онъ былъ причастенъ къ мучительствамъ царя Ивана Грознаго, но о немъ сохранились преданія, что онъ постоянно заступался за мучениковъ, хоть и самому ему за то грозилъ гнѣвъ царскій. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Борисѣ, печальная смерть трехъ братьевъ въ изгнаніи, заточеніе Ѳеодора и его супруги. Народъ въ то время ужасно выстрадалъ; у него и сочувствіе обращалось къ такому роду, который также выпилъ горькую чашу, да еще безвинно. У русскаго народа съ Романовыми, поэтому, стала сердечная, крѣпкая связь взаимныхъ страданій. Наконецъ, послѣдній подвигъ Филарета, его твердость въ дѣлѣ посольства, его плѣнъ во вражеской землѣ, все давало

ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за святую вѣру, за русскую землю, за правое дѣло. Все это должно было склонять всѣ сердца, усилять всѣ побужденія въ пользу Михаила. Не обошлось, однако, безъ волненій и козней, пока еще не съѣхались всѣ на соборъ и не приступали къ рѣшительному выбору. Домогались нѣкоторые изъ бояръ получить вѣнецъ, подкупали голоса, подсылали своихъ пособниковъ къ выборнымъ: это производило волненіе. Есть извѣстіе, что были голоса въ пользу Василія Голицына, который находился въ Польшѣ въ плѣну; но его положеніе не давало хода такимъ заявленіямъ; тоже не кстати вспоминали о возвращеніи короны Шуйскому; было мнѣніе въ пользу Воротынскаго, но противъ этого возразили тотчасъ, что онъ уже старъ. Ѳедоръ Шереметьевъ, родственникъ Романовыхъ, склонялъ думныхъ людей въ пользу Михаила Ѳедоровича, и указывалъ, что народъ весь его одного хочетъ [1]).

Начались письменныя извѣщенія дворянъ, что они желаютъ царемъ Романова, а потомъ послѣдовало такое же заявленіе и отъ казаковъ о томъ, что ближе всѣхъ къ прежнему царскому роду — Романовы. Толпа изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казацкихъ атамановъ пришла къ Авраамію Палицыну, который жилъ тогда въ Богоявленскомъ монастырѣ на Троицкомъ подворьи. Принесли ему челобитную, подписанную многими, объ избраніи Романова, кланялись и просили, чтобъ Авраамій представилъ эту челобитную освященному собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Палицынъ похвалилъ ихъ за то и представилъ это мнѣніе. Въ это время прибылъ изъ Калуги гость Смирной, съ челобитной отъ Калуги и отъ всѣхъ Сѣверскихъ городовъ: и въ ней было показано, что во всѣхъ городахъ не хотятъ никого видѣть царемъ, кромѣ Михаила Ѳедоровича Романова. Время дотянули, однако, до 21 февраля, когда была первая недѣля великаго поста. Не было въ Москвѣ еще боярина князя Мстиславскаго, не было и нѣкоторыхъ выборныхъ. Между тѣмъ казаки, составлявшіе главную военную силу, громко кричали, что не допустятъ иного царя, кромѣ Михаила Ѳедоровича. Въ этомъ желаніи и у земскихъ и у казаковъ не было розни. Прибылъ, нако-

---

[1]) Извѣстный нашъ даровитый писатель П. И. Мельниковъ, занимавшійся нѣкогда самъ смутною эпохою, много видѣвшій въ разныхъ мѣстахъ старыхъ актовъ, относящихся къ этимъ временамъ, сообщилъ мнѣ, что знаетъ о существованіи письма Ѳедора Шереметьева къ Голицыну, находившемуся тогда въ плѣну, гдѣ было сказано: «Выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ.» Смыслъ этого письма таковъ, что бояре склонились къ выбору Романова, между прочимъ, потому что, при его молодости и неопытности, думали править сами и поступать по своей волѣ.

нецъ, Мстиславскій, собрались всѣ выборные. Тянуть дѣла нельзя было долѣе.

Въ недѣлю православія собрали всѣхъ выборныхъ на Красную площадь. Набралась туда громада всякого званія народа обоего пола и вооруженныя толпы казаковъ, готовыя поднять оружіе, еслибъ не сдѣлалось по ихъ волѣ. Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Авраамій Палицынъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ— всѣ сторонники Михаила—взошли на Лобное мѣсто. Но имъ не пришлось ни говорить, ни спрашивать. Прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ успѣлъ сказать слово, все сборище въ одинъ голосъ закричало: «Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ!»—«Се бысть по усмотрѣнію всесильнаго Бога»—сказалъ Авраамій. Послѣ этого единодушнаго избранія, не оставалось мѣста боярскимъ кознямъ. Надобно было повиноваться голосу народа. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны тѣ пружины, которыя употребляли въ дѣло противники Михаила, но ясно, что, между прочимъ, скорое безпрепятственное избраніе Михаила зависѣло отъ того, что казацкая громада, вмѣсто того, чтобъ противодѣйствовать земщинѣ, какъ это дѣлалось во многихъ случаяхъ прежде, провозгласила его царемъ разомъ съ земскими людьми. Это подало поводъ полякамъ говорить, что Михаила выбрали не бояре, а взбунтованное казачество. Послѣ избранія, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ и на ектеніи провозгласили новонареченнаго царя Михаила Ѳедоровича. Молились Богу о томъ, чтобы греческая вѣра въ Россійскомъ государствѣ сіяла на всю вселенную, а пресвѣтлое царское имя передъ всѣми великими государями было славно и страшно, къ очищенію, расширенію, и къ прибавленію великихъ государствъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ совершилась присяга новому царю по чинамъ, начиная отъ бояръ до казаковъ и стрѣльцовъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, земскій соборъ снарядилъ посольство для приглашенія новаго царя. Выбраны были отъ освященнаго собора, то-есть, отъ духовенства, тѣ же, что въ недѣлю православія выходили спрашивать народъ: архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, троицко-сергіевскій келарь Авраамій Палицынъ, два архимандрита, новоспасскій и симоновскій, и протопопы изъ соборовъ. Отъ свѣтскихъ чиновъ должны были ѣхать двое бояръ: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметьевъ и князь Владимиръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Го-

[1]) Дворц. Разр. I, 16.

ловинъ, дьякъ Иванъ Болотниковъ, а съ ними служилые люди изъ разныхъ чиновъ по спискамъ, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, головы стрѣлецкіе, гости атаманы, казаки стрѣльцы и другихъ чиновъ люди; посланнымъ дали письменный наказъ, по которому они должны были пригласить новонареченнаго государя. Отправивши это посольство, земскій соборъ послалъ гонцовъ въ разные города съ граматами. Соборъ выборныхъ людей извѣщалъ всю русскую землю, ихъ пославшую, объ избраніи новаго царя. Приглашались города пѣть молебны со звономъ, благодарить Бога съ молитвою о царскомъ здоровьѣ и о тишинѣ и успокоеніи государства, и пребывать подъ однимъ кровомъ и державою, подъ высокою рукою христіанскаго государя [1]).

Соборъ потомъ отправилъ грамату къ польскому королю, исчислилъ въ ней всѣ неправды, коварства и насилія поляковъ, не говорилъ объ избраніи Михаила, но извѣщалъ, что Московское государство никоими мѣрами не желаетъ болѣе имѣть Владислава царемъ, изъявлялъ желаніе заключить съ Польшей миръ, просилъ возвратить задержанныхъ пословъ и всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ, съ своей стороны былъ готовъ отпустить Струся и всѣхъ взятыхъ въ Кремлѣ поляковъ; въ граматѣ было замѣчено, что плѣнные содержатся не въ нуждѣ, а въ довольствѣ.

VI.

Посольство къ Михаилу въ Кострому. — Его прибытіе въ Москву и вступленіе на царство.

Молодой, нареченный соборомъ царь проживалъ тогда въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, лежащемъ близъ самой Костромы, на углу, образуемомъ рѣками Волгою и Костромою и укрѣпленномъ твердыми каменными стѣнами. Былъ онъ построенъ въ XIV вѣкѣ мурзою Четомъ, предкомъ Годуновыхъ, и, кажется, составлялъ ихъ родовой монастырь. Борисъ Годуновъ въ свое царствованіе украшалъ его и надѣлялъ вкладами. Вѣроятно, Димитрій подарилъ его Романовымъ, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ страданія, которыя потерпѣлъ этотъ родъ отъ рода Годуновыхъ. Туда уѣхала старица Марѳа, бывшая Ксенія Ивановна Романова, съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ, послѣ того какъ ей, вмѣстѣ съ боярами и боярынями, пришлось освободиться

[1]) Дворц. Разр. I, 52.

изъ кремлевской осады. Посольство явилось въ Ипатьевскомъ монастырѣ 13 марта, во время вечерни; Марѳа назначила ему пріѣхать на другой день. Послы, для большей важности, пригласили костромскихъ воеводъ, всѣхъ служилыхъ и толпу жилецкихъ людей обоего пола изъ костромскаго посада и окольныхъ селъ; матери несли и вели маленькихъ дѣтей. 14 марта, послѣ обѣдни, двинулось изъ Костромы народное шествіе при колокольномъ звонѣ: несли хоругви и иконы, въ томъ числѣ иконы московскихъ чудотворцевъ, заступниковъ царственнаго града, и чудотворную Ѳедоровскую икону Богородицы. Преданіе гласило объ этой иконѣ, что въ древности она была въ Городцѣ, а послѣ разоренія этого города татарами, св. икона была перенесена въ Кострому св. Ѳеодоромъ Стратилатомъ и была найдена внукомъ Александра Невскаго, костромскимъ княземъ Василіемъ. О многихъ чудесахъ, совершившихся отъ этой иконы, разсказывалось въ народѣ. Марѳа съ сыномъ вышли на встрѣчу за ворота монастыря, приложились къ иконамъ и показали нежеланіе принимать того, что̀ имъ пріѣхали предлагать; они не хотѣли идти за образами въ соборную церковь. Едва упросили ихъ, чтобъ они пошли. Послѣ молебна, въ соборной церкви, послы вручили Михаилу грамату, прочитали по наказу длинную рѣчь, извѣщали объ избраніи на царство, совершившемся въ Москвѣ, и просили ѣхать въ царствующій градъ.

Послѣдовалъ отказъ. Михаилъ и мать его отговаривались тѣмъ, что избранный еще не въ совершенныхъ лѣтахъ; Московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, не прямили прежнимъ государямъ своимъ; вспомянута была измѣна Ѳедору Борисовичу и его убійство; вспоминали, какъ многіе не стыдились служить тушинскому вору, вспоминали низложеніе и насильное постриженіе Шуйскаго. Говорили: «Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и черезъ непостоянство русскихъ людей разорено до конца; литовскіе люди вывезли царскія сокровища; дворцовыя села и черныя волости и пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и запустошены; всякіе служилые люди бѣдны: чѣмъ миловать ихъ, чѣмъ полнить государевы обиходы? чѣмъ стоять противъ недруга польскаго и литовскаго короля и иныхъ пограничныхъ государствъ? Мнѣ — прибавила Марѳа — благословить сына на государство развѣ на одно погубленіе, для того, что отецъ его Филаретъ митрополитъ у короля въ Литвѣ въ великомъ утѣсненіи; свѣдаетъ король, что, по прошенію и по челобитью всего Московскаго государства, сынъ учинится царемъ, велитъ надъ отцемъ его, Филаретомъ, какое-нибудь зло сдѣлать.»

На это послы объясняли, что съ Годуновыми такъ сталось оттого, что Богъ мстилъ за кровь праведнаго и безпорочнаго Димитрія, а Василія Шуйскаго выбрали немногіе люди и по волѣ божіей города не хотѣли ему служить, и была въ Московскомъ государствѣ рознь и междоусобіе, а теперь уже всѣ люди въ Московскомъ государствѣ пришли въ соединеніе, и Михаила Ѳедоровича выбрали всею землею и крестъ ему цѣловали, служить и прямить хотятъ и головы за него класть и кровь свою лить до смерти. А чтобы король не учинилъ какого-нибудь зла отцу государеву, то изъ Москвы послали уже посланниковъ и даютъ королю въ обмѣнъ за государева отца многихъ польскихъ людей. Старица Марѳа и сынъ ея нѣсколько времени отказывались: оно, во всякомъ случаѣ, такъ слѣдовало бы и изъ приличія; но для Михаила и на самомъ дѣлѣ было мало привлекательнаго — принимать царство въ такое время. Употребленъ былъ такой же оборотъ, какъ при избраніи Бориса: объявлено, что если мать и сынъ откажутся, то Московское государство будетъ въ конечномъ разореніи, святыя церкви и иконы и многоцѣлебныя мощи будутъ въ поруганіи, а все это взыщется на инокинѣ Марѳѣ и ея сынѣ. Послѣ этого, какъ бы испугавшись божія гнѣва, Марѳа Ивановна объявила, что благословляетъ сына на Владимирское и Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія; а Михаилъ Ѳедоровичъ объявилъ, что, по многому моленью и челобитью, учиняется на царскомъ нареченьи, и принялъ изъ рукъ Ѳеодорита привезенный имъ царскій посохъ, какъ знакъ власти. Прежній посохъ, съ которымъ онъ ходилъ, (сообразно обычаю времени, по которому всѣ знатные люди ходили всегда съ посохомъ), онъ оставилъ въ монастырѣ на память грядущимъ вѣкамъ. Запѣли многолѣтіе новому царю; потомъ, всѣ прибывшіе подходили къ царской рукѣ.

Послѣ того новый царь, съ матерью и въ сопровожденіи всего посольства, отправился въ Ярославль и, прибывъ туда 21 марта, помѣстился въ Спасскомъ монастырѣ. Онъ не рѣшался ѣхать въ Москву, которая еще была въ развалинахъ; въ самыхъ царскихъ покояхъ не было ни оконъ, ни кровли. Тутъ молодой царь скоро испыталъ, какъ тяжело бремя, которое на него возложила земля русская, въ такое ужасное время. Какъ узнали служилые люди, что, наконецъ, есть на Руси царь, такъ и обступили его въ Ярославлѣ и закидали челобитьями о помѣстьяхъ.

Въ прошлые смутные годы, многіе, какъ мы видѣли, присвоивали себѣ право давать помѣстья; на иное помѣстье было по нѣскольку граматъ отъ разныхъ лицъ разнымъ помѣщикамъ: тѣ

владѣли, получивши грамату отъ Ляпунова, другіе отъ Сигизмунда; въ послѣднее время верстали вновь служилыхъ людей Трубецкой и Пожарскій. Теперь являлись челобитчики къ царю съ жалобами на воеводъ, обвиняли ихъ, что они раздаютъ и отнимаютъ помѣстья безъ сыску; жаловались стольники, дворяне и дѣти боярскіе, что воеводы отнимаютъ у нихъ дворцовыя села, которыя до того времени были за ними. Явились къ царю съ челобитными казаки и стрѣльцы, и просили денежнаго и хлѣбнаго жалованья, трогательно писали, что имъ ѣсть нечего, что мёрзнутъ безъ одежды, умираютъ безъ помощи отъ ранъ.

Къ царю неслись отовсюду печальныя вѣсти, что вездѣ на Руси казаки и разные воры ходятъ шайками, грабятъ и мучатъ людей. Царь не въ силахъ былъ отвѣчать на все это, не только показать свою управу, — и написалъ въ Москву земскому собору, а самъ остался въ Ярославлѣ. Земскій соборъ просилъ царя идти скорѣе въ Москву, но извѣщалъ его, что во дворцѣ нѣтъ запасовъ; за сборами ихъ отправились сборщики; денегъ нѣтъ ни въ одномъ приказѣ; все Московское государство разорено въ конецъ; иные уѣзды и города запустѣли. Въ украинныхъ городахъ и Сѣверской землѣ шла борьба съ литовскими людьми и черкасами, въ Рязанской землѣ—съ Заруцкимъ; на Псковъ покушались овладѣвшіе Новгородомъ шведы. Нѣкоторые изъ восточныхъ русскихъ земель тотчасъ же крестъ цѣловали новому царю, въ томъ числѣ Нижній-Новгородъ и другіе; но юго-восточный край терпѣлъ отъ набѣговъ ногайцевъ, а въ Казани и понизовыхъ городахъ мутилъ Никаноръ Шульгинъ и поджигалъ людей — не цѣловать крестъ Михаилу; во многихъ городахъ и деревняхъ служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе не слушали указовъ земскаго собора и не выходили на службу въ Москву, откуда разъѣхались на житье; но ужаснѣе всего было то, что, казалось, не унималась распущенность безгосударнаго времени. Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ тревогѣ и медлилъ; и не ранѣе 13-го апрѣля переѣхалъ изъ Ярославля въ Ростовъ.

Отсюда онъ отписалъ въ Москву, что долженъ идти мѣшкотно: подводъ нѣтъ; провожавшіе его служилые люди должны были идти пѣшкомъ. Видно было, что для царя, что ни шагъ, то новая тревога, новое раздумье. Были, правда, вѣсти и одобрительныя; пришло извѣстіе, что Казань покорилась, и строптивый Никаноръ Шульгинъ цѣловалъ крестъ избранному всею землею царю; но Заруцкій не думалъ покориться, разбойничьи шайки не уменьшались.

Изъ Ростова прибылъ царь къ Троицѣ. 23-го апрѣля на дорогѣ, на стану въ селѣ Сватковѣ явились къ государю на глаза

израненные и до-нага ограбленные дворяне и дѣти боярскіе; они извѣщали, что, недалеко отъ Москвы, въ Мытищахъ и на Клязьмѣ, на нихъ напали казаки, изранили, держали у себя подъ стражею на станахъ, и хотѣли перебить, но они развязались и ушли; сверхъ того, пришло извѣстіе, что воры-казаки напали на городъ Дмитровъ, совершили тамъ безчинства, и дмитровцы разбѣгаются; по селамъ и по деревнямъ вездѣ происходили убійства и мучительства. Эти происшествія очень поразили молодого царя и мать его: 26 апрѣля, они говорили митрополиту казанскому Ефрему и бывшимъ съ ними особамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, что когда царю били челомъ о царствѣ, тогда увѣряли, что все Московское государство въ единомысліи и воровства нѣтъ, а теперь оказывается, что это была ложь, и царь не хочетъ идти въ Москву на свой царскій престолъ. Насилу упросили его, и Михаилъ отослалъ въ Москву митрополиту ростовскому Кириллу, бывшему главнымъ въ освященномъ соборѣ за неимѣніемъ патріарха, и всему земскому совѣту, грамату, гдѣ понуждалъ, чтобъ употреблены были мѣры къ прекращенію разбоевъ, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ нѣтъ никакой торговли, и жители, которые въ московское разоренье разбѣжались, не могутъ теперь возвратиться и заселить столицу. Земскій соборъ, получивъ эту грамату, велѣлъ прочитать ее въ Успенскомъ соборѣ передъ казацкими атаманами и казаками, а тѣ сказали, что они души свои на томъ даютъ и крестъ цѣлуютъ, и хотятъ великаго государя слушать, и будутъ сыскивать воровъ и класть имъ наказанье. Тогда, по всей Москвѣ и въ подгородныхъ слободахъ устроили объѣзжихъ головъ, которые должны были наблюдать, чтобы не было безчинствъ, и атаманы обязывались устроить между собою такъ, чтобы черезъ день двое атамановъ у третьяго осматривали его станицу въ подмосковныхъ таборахъ, и какъ только провѣдаютъ про какое-нибудь воровство — не потаятъ его, а выдадутъ преступниковъ. По близкимъ околицамъ разосланы были отряды для преслѣдованія воровъ и доставки ихъ въ Москву; но это было возможно только близъ Москвы: въ даль посылать было нельзя отрядовъ; притомъ, дворяне и дѣти боярскіе самовольно разъѣхались. Съ отпискою такого содержанія земскій совѣтъ послалъ къ царю суздальскаго архіепископа Гермогена и князя Ивана Воротынскаго, Василія Петровича Морозова и окольничаго князя Данила Ивановича Мезецкаго съ людьми всякихъ чиновъ. Они увѣряли, что земскій совѣтъ учинитъ заказъ крѣпкій, чтобы воровства не было, и просили умилосердиться надъ православными христіанами, идти не мѣшкая въ Москвѣ, чтобы учинить радостными всѣхъ людей Московскаго государства.

Было еще и другое недоумѣніе. Царь приказывалъ устроить и изготовить себѣ, къ своему приходу, Золотую палату, которая служила нѣкогда для царицы Ирины, съ проходными сѣньми, и палату Мастерскую съ сѣньми—все до церкви Рождества Богородицы, а для своей матери деревянныя хоромы царицы, жены царя Ивана Васильевича. Земскій совѣтъ отписалъ, что изготовить ему палату Золотую, что отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу съ сѣньми, переднюю палату и двѣ комнаты, гдѣ жилъ царь Иванъ, которыя назывались: чердакъ царицы Анастасіи Романовны, да грановитую палату, да мыльню, а для матери—тѣ хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Марѳа Ѳедоровна; но царь не считалъ годными для матери хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, можетъ быть, по непріятнымъ воспоминаніямъ о судьбѣ Марѳы, уже тогда умершей, и требовалъ для матери непремѣнно тѣхъ хоромъ, на которыя указалъ прежде. Теперь новые послы объявили, что нѣтъ возможности скоро сдѣлать поправокъ: палаты всѣ худы, не покрыты, половъ нѣтъ, ни лавокъ, ни окончинъ, ни дверей, и хоть бояре велѣли ихъ дѣлать, но скоро нельзя.... Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала челобитная отъ Митьки Трубецкого и Митьки Пожарскаго, чтобы царь дозволилъ видѣть свои ясныя очи на встрѣчѣ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, жильцамъ, атаманамъ, казакамъ и всѣмъ служилымъ людямъ, которые подъ Москвою терпѣли голодъ и великую нужу, не щадя головъ своихъ бились съ разорителями христіанской вѣры, и приводили другихъ не уходить изъ-подъ Москвы, не увидя милости божіей.

Новые послы застали царя и мать его въ Братошинѣ 1 мая, въ субботу. На ихъ просьбы и увѣренія царь и мать его сказали, что, услышавъ, какъ въ Москвѣ и по дорогамъ совершаются бѣды, грабежи и кровопролитія, они не хотѣли-было идти въ Москву, но по прошенію Ефрема, митрополита казанскаго, Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго, и по челобитью бояръ и всякихъ чиновъ Московскаго государства, помиловали ихъ, идутъ въ Москву и будутъ въ тотъ же день въ Тайнинскомъ, а на другой день, въ воскресенье 2 мая, прибудутъ въ столицу. Вечеромъ прибылъ царь въ Тайнинское, гдѣ былъ ему послѣдній станъ, и гдѣ изготовлено было восемь шатровъ и палатокъ. На другой день утромъ, въ недѣлю Женъ-Мироносицъ, новый царь въѣхалъ въ возраждавшуюся изъ пепла столицу. Духовенство съ иконами, всякихъ званій люди, отъ мала до велика, встрѣчали его. Царь съ матерью прибылъ прежде въ Благовѣщенскій соборъ; тамъ отслужили молебенъ; царь принялъ благословеніе отъ духовныхъ, а потомъ стали подходить къ рукѣ его

всѣхъ чиновъ люди и здравствовали его на великихъ государствахъ Россійскаго царствія. «Дай Богъ—говорили царю—чтобы ты многолѣтенъ и счастливъ былъ, въ неисчетныя лѣта; цѣлуемъ тебѣ всѣ крестъ служить и прямить до конца живота своего!»

11 іюля, Михаилъ Ѳеодоровичъ вѣнчался на царство. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій былъ пожалованъ бояриномъ; Мининъ получилъ званіе думнаго дворянина. Но болѣе ихъ и болѣе всѣхъ былъ награжденъ Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, бояринъ тушинскаго вора, сподвижникъ Заруцкаго. Онъ не только остался при законномъ царѣ съ саномъ, пожалованнымъ ему воромъ, но еще получилъ во время безгосударное отъ великаго земскаго собора вотчину Вагу, богатую область, которая была нѣкогда у Годунова и Шуйскихъ. И государь, еще не твердый въ своей власти, утвердилъ ее за нимъ въ награду за его великіе подвиги и пользу, оказанную землѣ русской [1]).

VII.

Судьба Заруцкаго и Марины съ ея сыномъ, нареченнымъ Иваномъ Димитріевичемъ.—Конецъ смутнаго времени, и значеніе этой эпохи въ русской исторіи.

Когда Москва праздновала возвращеніе къ порядку и, послѣ ряда похитителей, увидѣла, наконецъ, на престолѣ царя, дѣйствительно избраннаго землею и, слѣдовательно, вполнѣ законнаго, на югѣ государства подымалась опять воровская смута. Заруцкій и Марина провозглашали наслѣдникомъ престола трехъ-лѣтняго Ивана Димитріевича, и накликали къ себѣ вольницу. Казаки великорусскіе въ большинствѣ уже обращались къ новоизбранному царю, надѣясь, что этотъ царь, избранный съ ихъ участіемъ, будетъ царемъ желаннымъ и для нихъ; но по московской Руси бродило множество черкасъ (малороссовъ); они были чужіе Московскому государству и по сердцу и по преданіямъ, и готовились терзать его. Они стеклись къ Заруцкому. Еще съ дороги въ Москву царь назначилъ противъ Заруцкаго главнымъ воеводой князя Ивана Никитича Одоевскаго. Велѣно помогать ему воеводамъ украинныхъ городовъ Михайлова, Зарайска, Ельца, Брянска, Мценска, а также Суздаля и Владимира.

---

[1]) А. Ѳ. Бычковъ сообщилъ намъ въ разговорѣ, что онъ видѣлъ приписку къ одной рукописи, изъ которой видно, что Трубецкого даже избирали въ цари на земскомъ соборѣ, предъ избраніемъ Михаила.

Послали сборщиковъ собирать нѣтчиковъ, дѣтей боярскихъ, въ Рязань, Тарусу, Алексинъ, Тулу и другіе города. Одоевскій съ собранными силами двинулся къ Лебедяни, гдѣ былъ Заруцкій съ своими черкасами. Онъ ушелъ къ Воронежу. Одоевскій погнался за нимъ, и подъ Воронежомъ, въ концѣ мая, произошелъ между ними упорный бой. Бились цѣлыхъ два дня. Заруцкій былъ разбитъ. Взяли у него обозъ, коши, знамена. Заруцкій убѣжалъ за Донъ, къ Медвѣдицѣ. Одоевскій воротился въ Тулу. Повидимому, дѣло было покончено съ нимъ. Кажется, послѣ того, на Заруцкаго мало обращали вниманія до весны слѣдующаго года. Но Заруцкій очутился въ Астрахани и тамъ себѣ нашелъ притонъ. Осенью онъ утвердился въ этомъ городѣ [1]).

У Заруцкаго были тогда широкія затѣи; онъ задумалъ накликать на Русь силы персидскаго шаха Аббаса, втянуть въ дѣло и Турцію, поднять юртовскихъ татаръ, ногаевъ, волжскихъ казаковъ, стянуть къ себѣ всѣ бродячія шайки черкасъ и воровъ Московскаго государства, и со всѣми идти вверхъ по Волгѣ, покорять своей власти города. Дѣло его, казалось, могло пойти успѣшно, при крайнемъ недостаткѣ средствъ, необходимыхъ для защиты, при общемъ обнищаніи государства. Заруцкій захватилъ рыбные учуги и ловли, и обратилъ ихъ доходы въ свою пользу, лишивъ, такимъ образомъ, Московское государство этого источника. Астраханскій воевода Иванъ Хворостининъ воспротивился-было заводимой смутѣ. Заруцкій убилъ его, перебилъ съ нимъ вмѣстѣ многихъ лучшихъ людей. Овладѣвши Астраханью, онъ освободилъ содержавшагося въ тюрьмѣ ногайскаго князя Джанъ-Арслана, врага начальствовавшаго надъ юртовскими татарами Иштерека. Послѣдній призналъ уже избраннаго Русью царя и отправилъ своего мурзу бить ему челомъ, какъ вдругъ Заруцкій послалъ противъ него татаръ джанъ-арслановыхъ и воровъ своихъ, и они сказали ему: «Весь христіанскій міръ провозгласилъ государемъ сына царя Димитрія. Служи и ты, дай подписку, дай сына своего аманатомъ, да смотри не хитри, не веди съ нами пестрыхъ рѣчей, не то — мы подвинемъ на тебя Джанъ-Арслана съ семиродцами, твоими врагами, и пойдемъ сами на тебя.» Передъ

---

[1]) Есть подозрѣніе, что онъ называлъ себя царемъ Димитріемъ. Повидимому, ему подъ этимъ именемъ писались и подавались челобитныя, хотя, конечно, всѣ должны были бы знать, что онъ Заруцкій, лицо черезъ-чуръ извѣстное по всей Руси. Челобитныя эти (А. И. II, 430) писались не на одно его имя, но рядомъ съ нимъ обращались къ государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Маринѣ Юрьевнѣ, и государю царевичу и великому князю Ивану Димитріевичу. Но, быть можетъ, эти челобитныя, писаны еще прежде къ тому вору, который прежде прибытія въ Астрахань Заруцкаго назывался Димитріемъ и котораго судьба неизвѣстна.

татарами Заруцкій не называлъ себя Димитріемъ, какъ его называли въ астраханскихъ челобитныхъ. Иштерекъ долженъ былъ исполнить требованіе; его татары волновались; онъ не зналъ, кто въ самомъ дѣлѣ крѣпче: тотъ ли царь, котораго выбрали въ Москвѣ, или тотъ, котораго признавали въ Астрахани. Заруцкій взялъ у него, вмѣсто одного сына, двухъ, обманомъ — какъ выражался отецъ въ своемъ письмѣ [1]). Иштерекъ съ своими мурзами шертовалъ Заруцкому на томъ, что весною поможетъ идти вверхъ по Волгѣ подъ Самару и подъ Казань. Подобно Иштереку, шертовали Заруцкому другіе татарскіе князья—Тильмаметъ и Каракелмаметъ: одинъ далъ ему въ аманаты сына, другой брата [2]). Заруцкій надѣялся на татаръ и ласкалъ ихъ; они съ утра до вечера ѣли и пили у него; иногда онъ съ мурзами и сыновьями Иштерека ѣздилъ гулять верстъ за пять и за шесть отъ Астрахани; отрядъ татаръ, человѣкъ въ пятьсотъ или шестьсотъ, провожалъ его при этомъ [3]). Изъ нихъ онъ посылалъ отрядъ въ Темниковскія и Алатырскія мѣста [4]) и подъѣзды — провѣдывать калмыковъ. Татары болѣе всего удерживали его власть въ Астрахани [5]). Собственно астраханцевъ было тысячи три, и они были мало расположены къ нему; но у Заруцкаго было до тысячи воровскихъ казаковъ, кромѣ татаръ, стоявшихъ подъ городомъ ордою: съ этими средствами онъ принуждалъ повиноваться астраханцевъ. Передъ зимнимъ Николинымъ днемъ Заруцкій, постоянно находившійся въ Каменномъ городѣ, послалъ на посадъ казака Тимоѳея Чулкова съ граматою, и велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ прикладывать руки, но никому не дозволилъ посмотрѣть въ грамату; астраханскіе попы и дьяконы подписывались, а за ними прикладывали руки безграмотные міряне, и никто не зналъ, къ чему пристаютъ они всѣ. Тѣхъ, которые противились или послѣ показывали свое нерасположеніе къ Заруцкому, хватали ночью, мучили огнемъ и бросали въ воду. Каждый день кого-нибудь казнили; кровь лилась. За-то каждый день Марина думала о возможности внезапнаго возстанія. Она не велѣла звонить рано къ заутрени, какъ будто для того, что ея сынъ полошится отъ звона. Это уѣзднѣй дѣлалось оттого — какъ пояснялъ одинъ изъ убѣжавшихъ астраханцевъ — что она боялась «приходу» [6]). Заруцкій отправилъ посольство къ

[1]) А. И. III, 444.
[2]) А. И. III, 421.
[3]) А. И. III, 412.
[4]) А. И. III, 424.
[5]) А. И. III, 412.
[6]) А. И. III, 412.

шаху [1]) и отдавалъ Персіи въ подданство Астрахань: этимъ онъ думалъ втянуть Персію съ Московскимъ государствомъ въ войну. Посланы были «прелестныя» письма къ волжскимъ казакамъ и къ донскимъ. Донскіе рѣшились оставаться въ вѣрности избранному, по желанію казаковъ наравнѣ съ земскими людьми, московскому царю, но между волжскими, состоявшими изъ сброда разныхъ бѣглецовъ, жившихъ станицами по берегамъ Волги, ниже истребленнаго тогда Саратова, и по волжскимъ притокамъ, произошло раздѣленіе: люди молодые увлеклись «прелестію» и готовились весною идти вверхъ по Волгѣ до Самары. «Намъ — говорили они — куда ни идти, лишь бы гдѣ было зипуны наживать.» Двое волжскихъ атамановъ, Неупокой Карга и Караулко, находились въ Астрахани у Заруцкаго, и оттуда волновали своихъ собратій на Волгѣ. Но были изъ волжскихъ атамановъ и такіе, что не хотѣли идти съ Заруцкимъ, но обманывали его: надѣялись выманить у вора жалованье, и дожидались прихода персидскихъ судовъ, которыя должны были, какъ распространяли пособники Заруцкаго, придти на помощь, для принятія Астрахани подъ руку персидскаго шаха. Они надѣялись ихъ ограбить. Всю зиму Заруцкій накупалъ татарскихъ лошадей, часть держалъ въ городѣ, въ стойлахъ, гораздо бо́льшую отправлялъ кормиться на отары къ татарамъ [2]), изготавливалъ струги, и перетаскивалъ на другой берегъ [3]), готовился къ весеннему походу, разсылалъ казаковъ по Руси собирать охотниковъ до воровства, и больше всего обнадеживалъ своихъ воровъ скорымъ приходомъ помощи изъ Персіи. Носились въ Астрахани слухи, будто шахъ писалъ въ Астрахань: «Что вамъ надобно, пишите ко мнѣ, и будьте надежны [4]).» Но бывшій въ Астрахани персидскій купецъ, по имени Муртаза, говорилъ добрымъ людямъ въ Астрахани: «Шахъ Астрахани не возьметъ, и людей волжскимъ ворамъ въ Астрахань не пришлетъ, и казны имъ не дастъ, и не захочетъ ссориться съ Московскимъ государствомъ [5])». Надежда Заруцкаго на татаръ также не могла быть очень прочною. Они отстали бы отъ него, какъ только придетъ московское войско и имъ станетъ очевидно, что Московское государство въ силахъ одолѣть и уничтожить астраханское воровство. Заруцкій безпрестанно открывалъ между астра-

[1]) Посланы: Иванъ Хохловъ, Яковъ Гладковъ, Богданъ Некрачѣевъ Караганъ. Ibid.

[2]) А. И. III, 224.

[3]) А. И. III, 412.

[4]) А. И. III, 412.

[5]) А. И. III, 423.

ханцами себѣ враговъ, безпрестанно казнилъ ихъ и мучилъ, и безпрестанно убѣгали изъ Астрахани его противники, спасая жизнь.

Зима приходила къ концу. Въ Московскомъ государствѣ принимались мѣры къ подавленію воровства. Царь поручилъ очищеніе Астрахани боярину князю Ивану Никитичу Одоевскому; товарищемъ ему данъ былъ окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, нѣкогда шуринъ и сподвижникъ Скопина; дьякомъ у нихъ былъ Юдинъ. Въ мартѣ они отправились въ Казань собирать войско.

Въ то же время посланы были къ Заруцкому граматы отъ царя и отъ освященнаго собора духовенства. Въ царской граматѣ было, между прочимъ, сказано къ Заруцкому: «Чтобъ ты, вспомня Бога и душу свою и нашу православную крестьянскую вѣру, и видя на насъ, великомъ государѣ, и на всемъ нашемъ великомъ государствѣ Божію милость, и надъ врагами нашими побѣду и одолѣніе, отъ такихъ непригожихъ дѣлъ отсталъ, и снова кровопролитія въ нашихъ государствахъ не всчиналъ, тѣмъ души своей и тѣла не губилъ, во всемъ великому государю добилъ челомъ и вину свою принесъ, — а мы, великій государь, по своему царскому милостивому нраву тебя пожалуемъ: вины твои тебѣ отдадимъ и поправимъ вины твои нашимъ царскимъ милосердіемъ, и впредь тѣ твои вины воспоминовены не будутъ, а се тебѣ наша царская грамата опасная [1])». Освященный соборъ, въ своей граматѣ, подробнѣе исчислилъ вины Заруцкаго, и извѣщалъ, что, по преданію св. отецъ, повелѣно духовнымъ о забылшихъ овцахъ пещись и приводить на истину, и потому они уговариваютъ Заруцкаго принести повинную государю и обнадеживаютъ его царскою милостію, а сами ручаются за истину царскаго слова. «И ты бы — писано было — той царской граматѣ вѣрилъ: инако государево слово не будетъ.» За непослушаніе грозили Заруцкому царскимъ гнѣвомъ и божіимъ взысканіемъ въ день страшнаго суда. Такимъ образомъ, власть употребила прежде всѣ кроткія мѣры, чтобы дать возможность этимъ остаткамъ смутной эпохи получить прощеніе и забвеніе наравнѣ со всѣмъ, что въ прошедшіе годы наносило русской землѣ тягости и разоренія, чтобы потомъ, когда никакихъ увѣщаній не послушаютъ, можно было достойно и праведно наказать ихъ. Были, безъ сомнѣнія, увѣрены, что увѣщанія не послужатъ къ пользѣ, и въ одно и то же время, когда писали Заруцкому, обращались, граматами къ жителямъ Астрахани и

[1]) А. А. Э. III, 64—65.

увѣщевали ихъ отстать отъ Заруцкаго и Маринкина злого душепагубнаго заводу и умышленья, и принести вины свои государю, а государь обѣщалъ всѣмъ прощеніе и забвеніе прошлаго. Писаны были тогда, въ одно и то же время, отъ царя, освященнаго собора и отъ бояръ граматы къ донскимъ и волжскимъ казакамъ; извѣщали ихъ, что съ княземъ Одоевскимъ отправлено къ нимъ жалованье — деньги, сукна, селитра, вино. Побуждали ихъ не вѣрить ни въ чемъ злодѣйской прелести Ивашка Заруцкаго и Сендомирскаго дочери, быть въ соединеніи неотступаемомъ со всѣмъ великимъ Россійскимъ государствомъ, и идти на государеву службу на спѣхъ за православную вѣру и за разоренье великихъ Россійскихъ государствъ, и за свою христіанскую природу и за отечество. Въ этихъ граматахъ исчислялись подробно отъ начала совершенныя злодѣянія и вины противъ Московскаго государства Ивашка Заруцкаго и некрещеной еретицы польки Маринки, которая по ссылкѣ съ Жигимонтомъ королемъ и съ папою римскимъ, хотѣла въ Россійскомъ государствѣ попрать истинную православную христіанскую вѣру, и учинить римскую и люторскую и иныя отъ святыхъ отецъ проклятыя и богомерзкія вѣры.

Одоевскій съ товарищи, прибывши въ Казань, отправилъ гонцовъ по сосѣднимъ городамъ съ граматами, гдѣ требовалось доставить на плавную службу подъ Астрахань указанное въ граматахъ для каждаго города число ратныхъ людей съ оружіемъ: изъ иныхъ городовъ съ пищалями и рогатинами, на которыхъ должны быть непремѣнно прапоры; изъ другихъ — только съ лучнымъ боемъ и съ рогатинами [1]).

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ, съ сѣвера, изъ-за Онеги, изъ-за Бѣлоозера стали стягиваться и подвигаться къ югу шайки черкасъ и съ ними разныхъ воровъ. Они зимовали на сѣверныхъ предѣлахъ Московскаго государства, вѣроятно, зашедши туда съ

[1]) Вятка должна была доставить триста человѣкъ, Нижній — шестьсотъ, Алатырь — сто, Арзамасъ — сто, Свіяжскъ — двадцать три, Ядринскъ — семьдесятъ пять, Малмыжъ — двадцать пять, Кузьмодемьянскъ — сто двадцать; изъ Чебоксаръ слѣдовало прислать двадцать пять, изъ Курмыша — сто пятдесятъ, изъ Царевосанчурска — сто, изъ Балахны — пятьдесятъ, изъ Лаишева — семдесятъ, изъ Яренска — сто человѣкъ. Нижній былъ исправнѣе всѣхъ. Во многихъ изъ прочихъ городовъ возникало замедленіе. Въ Вяткѣ, Курмышѣ, Кузьмодемьянскѣ, Ядринскѣ не могли найти струговъ. Въ Ядринскѣ даже брали ихъ насильно у жителей. Въ Чебоксарахъ, Курмышѣ, Ядринскѣ и, отчасти, въ другихъ, не могли собрать дѣтей боярскихъ, а въ Лаишевѣ — «бусурманъ». Воевода долженъ былъ уже въ маѣ посылать нарочныхъ на счетъ неисправныхъ городовъ. Въ Царевосанчурскѣ не было никакого оружія; въ другихъ городахъ оказывалась также скудость оружія. Это показываетъ истощеніе силъ того края, когда и такое малое число людей трудно было доставить въ надлежащемъ видѣ и въ свое время.

цѣлью грабить края, менѣе опустошенные и болѣе укрытые отъ ужасовъ смутнаго времени, чѣмъ срединныя области государства. До нихъ дошли призывы Заруцкаго; они почуяли, что снова поднимается воровство, и поспѣшали на помощь къ зачинщику воровства. Ихъ шайки появились въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ, по своему обычаю, начали мучить и жечь огнемъ крестьянъ: послѣдніе бѣжали и принесли вѣсти о движеніи воровъ. Другіе шли черезъ Вологодскій уѣздъ, на соединеніе съ своею братіею въ Пошехоньѣ. Въ Городецкомъ уѣздѣ, при селѣ Бѣлыхъ, угличане разбили на-голову ихъ отрядъ. Сзади тѣхъ, которые были въ Пошехоньѣ, собирались еще шайки въ Череповцѣ. Воры дѣлали себѣ струги, хотѣли опуститься по Шекснѣ, потомъ плыть внизъ по Волгѣ до Астрахани [1]); между тѣмъ отдѣльными шайками дѣлали на окрестности набѣги. 9 мая, напали на Любимъ [2]); другія, около того же времени, опустошили уѣзды Романовскій и Ярославскій. Дошли объ этомъ вѣсти до Одоевскаго, и онъ сдѣлалъ распоряженіе—отрядить и поставить на разныхъ мѣстахъ по берегу Волги караулы, чтобы не пропускать воровскихъ шаекъ. Эти караулы, изъ отрядовъ стрѣльцовъ, по нѣскольку сотъ, поставлены были на Ирыховомъ островѣ, за десять верстъ отъ Свіяжска на устьѣ Казанки, на Услонѣ, въ Тетюшахъ и на рѣкѣ Усѣ. Эти караулы прекратили всякое торговое и промышленное сообщеніе, и по письмамъ самарскаго воеводы Димитрія Петровича Пожарскаго къ Одоевскому выходило, что прежде, чѣмъ явятся тѣ воры, которыхъ боятся, самарскіе жители, получавшіе съѣстное съ верху, могли помереть съ голода [3]). Въ половинѣ мая, самъ Одоевскій спустился и сталъ въ Самарѣ. Къ счастью, всѣ эти предостереженія оказались лишними противъ Заруцкаго.

На вербной недѣлѣ къ Заруцкому въ Астрахань пришли на помощь пять сотъ шестдесятъ воровскихъ волжскихъ казаковъ изъ станицъ. Тогда между астраханцами распространился слухъ, будто Заруцкій, въ совѣтѣ съ новыми и прежними своими соумышленниками, хочетъ семь сотъ астраханцевъ послать на море, какъ будто для охраненія персидскихъ бусъ, а триста человѣкъ въ Карабузу, и затѣмъ всѣхъ остальныхъ астраханцевъ побить во время заутрени свѣтлаго воскресенья, чтобы овладѣть ихъ имуществами. Непріязненныя отношенія, возникшія уже давно

[1]) А. И. III, 14.
[2]) Ibid. 15.
[3]) А. И. III, 421. Ibid. 426. — Ненапечатанные акты о Заруцкомъ, хранящіеся въ Арх. Коммиссіи.

передъ тѣмъ между Заруцкимъ и астраханцами, придавали этому вѣроятіе. Въ среду на страстной недѣлѣ астраханцы, предупреждая ожидаемую опасность, поднялись сами на Заруцкаго; началась драка. Заруцкій съ пришедшими казаками и прежними товарищами заперся въ Каменномъ городѣ; ихъ было у него до восьми сотъ. Астраханцы укрѣпились въ острогѣ: ихъ было тысячъ до трехъ [1]). Юртовскіе татары, какъ только узнали, что астраханцы отпали отъ воровства, да къ тому же услыхали, что съ верху подъ Астрахань идетъ царская рать, и сами отпали отъ Заруцкаго и изрубили присланныхъ имъ трехъ человѣкъ. Изъ Астрахани, въ первый день усобицы убѣжалъ стрѣлецъ Никита Коробинъ съ восемнадцатью товарищами въ Самару, и далъ знать Одоевскому. Воевода тотчасъ отправилъ подъ Астрахань на судахъ отрядъ стрѣльцовъ, приказавъ имъ идти днемъ и ночью, а самъ намѣревался выступить за ними [2]). Но пока они поспѣли, узнали въ Теркѣ о томъ, что происходитъ въ Астрахани. Теркъ присталъ-было къ ворамъ, но когда Заруцкій потребовалъ къ себѣ тамошняго воеводу Петра Головина, вѣроятно, не хотѣвшаго пристать къ ворамъ, жители Терка не дали его и отвѣчали: «Развѣ съ Головинымъ хотите сдѣлать то, что уже сдѣлали съ Хворостининымъ? Не быть намъ съ вами въ воровскомъ совѣтѣ. Не отстать намъ отъ московскихъ чудотворцевъ» [3])! Головинъ, вслѣдъ за тѣмъ, услышавши о возстаніи въ Астрахани и о сборѣ противъ Заруцкаго московской рати съ верху, отправилъ на помощь астраханцамъ отрядъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Василія Хохлова. Заруцкій, узнавъ объ этомъ, сообразилъ, что онъ неизбѣжно пропалъ, если со всѣхъ сторонъ на него придетъ рать, и, собравши своихъ воровъ, прежде прибытія Хохлова, 12-го мая, въ ночь съ четверга на пятницу, прорвался изъ Каменнаго города, сѣлъ на струги и убѣжалъ вверхъ изъ Астрахани на Балду: внизъ ему бѣжать было трудно, чтобы не встрѣтиться съ Хохловымъ. На другой день, 13 числа, Хохловъ прибылъ въ Астрахань. Тотчасъ въ соборной церкви отслужили благодарственное молебствіе, звонили на радости въ колоколa, цѣловали крестъ царю Михаилу. Заруцкій рано въ субботу вознамѣрился проскользнуть на стругахъ мимо Астрахани и убѣжать на море, но астраханцы увидали; Хохловъ съ своими стрѣльцами и астраханцами бросился къ стругамъ, и противъ Астрахани на Волгѣ началась битва. Многіе изъ во-

[1]) А. И. III, 436.
[2]) А. И. III, 431. 433.
[3]) А. И. III, 421.

ровскихъ казаковъ причаливали къ берегу, покидали струги, разбѣгались или прятались въ камышахъ, многіе въ торопяхъ попадали въ воду и топились. Взяли въ плѣнъ нѣсколько атамановъ и казаковъ, взяли также польку Варвару Казановскую, подругу Марины [1]). Но Заруцкаго и Марины не успѣли схватить. Они съ немногими стругами убѣжали впередъ. Вѣроятно, они воспользовались извилистыми руслами Волги, и стрѣльцы не могли скоро отгадать, куда они уѣхали, а разбиваться на мелкіе отряды было опасно.

Въ концѣ мая, прибыли въ Астрахань посланные Одоевскимъ стрѣльцы: за медленность они получили выговоръ; ибо, вмѣсто того, чтобы спѣшить, они на Саратовскомъ городищѣ искали какихъ-то поклажъ [2]).

Засимъ вскорѣ прибылъ, 1 іюля, въ Астрахань и Одоевскій съ своими товарищами. Хохловъ, по его приказанію, приготовилъ ему церемоніальную встрѣчу. Часть служилыхъ людей встрѣчала его верстъ за двадцать отъ Астрахани; другіе должны были стоять съ оружіемъ на берегу Волги. Одоевскій въѣхалъ въ городъ съ иконою казанской Богородицы. Духовенство должно было въ облаченіи встрѣтить его у соборной церкви, и весь астраханскій народъ, мужчины и женщины, даже со ссущими младенцы, должны были встрѣчать его. Хохловъ очистилъ для него съ товарищами дворы. Одоевскій вступалъ какъ побѣдитель, хотя не онъ прогналъ Заруцкаго; впрочемъ, безъ сомнѣнія, страхъ его прибытія много помогъ бѣгству Заруцкаго [3]).

Долго не знали, гдѣ Заруцкій, и что съ нимъ. Но 29 мая, еще до прихода Одоевскаго, явился къ Хохлову стрѣлецъ Григорій Елизарьевъ съ рыбнаго учуга Колуберей. Онъ разсказалъ: «Переѣзжалъ я черезъ притоку Теребердѣеву и мой весельщикъ увидалъ: плывутъ лодки; я сталъ въ камышахъ и вижу: гребутъ два струга, а меня не видятъ. Я сталъ спускаться внизъ, для того, что вверхъ нельзя было плыть, чтобы на нихъ не наткнуться, и слышу большой шумъ, и увидѣлъ я изъ камышей: плыветъ Ивашка Заруцкій съ Маринкою и съ ними воры-казаки и дворяне, и поплыли по притоку Арычану» [4]). По этимъ вѣстямъ, Хохловъ отправилъ погоню для розыска слѣдовъ Заруцкаго и Марины. Думая, что воры ушли на открытое море, ихъ стерегли на Терекѣ, но они на морѣ не объявились, и объ этомъ

---

[1]) А. И. III, 441.
[2]) А. И. III, 441.
[3]) А. И. III, 18. 445.
[4]) А. И. III. 15. — А. И. III, 447.

извѣстилъ Одоевскій, отправивши Хохлова съ вѣстью въ Москву. Узнали или догадались, что Заруцкій и Марина отправились на Яикъ. 7-го іюня, Одоевскій выслалъ отрядъ подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ Гордѣя Пальчикова и Севастьяна Онучина на Яикъ, разсматривать станы и соймы, куда пошли воры и гдѣ ихъ найдутъ, промышлять надъ ними [1]). Пальчиковъ и Онучинъ прибыли на Яикъ 11-го іюня, и напали на слѣды мѣста, гдѣ стояли воры [2]). Плывя вверхъ, черезъ два дня, 13 іюня, они напали на другой слѣдъ на Баксаковомъ верховьѣ; было видно, гдѣ воры останавливались, разводили огни, ловили рыбу, стрѣляли звѣря. На другой день снова напали на станъ, и нашли тамъ драное воровское письмо [3]). По этимъ примѣтамъ отрядъ подымался все выше и выше по Яику, мало тогда извѣстному русскимъ, кромѣ казаковъ. Ихъ вели вожи. Такъ они плыли между лѣсистыми берегами Яика до 24 іюня, и въ этотъ день нашли воровской таборъ на Медвѣжьемъ острову. Воры сдѣлали острогъ. Пойманные около Астрахани ногайцы объясняли, что казаки стали на Медвѣжьемъ острову, съ тѣмъ, чтобы оттуда, промысливши лошадей, переволочься на Самару. Было воровъ человѣкъ до шести сотъ; многіе изъ нихъ были ранены. Всѣмъ заправлялъ атаманъ Треня Усъ съ товарищами. Заруцкому и Маринѣ ни въ чемъ не было воли [4]). Даже сына Марины держалъ у себя Усъ. По этимъ вѣстямъ Одоевскій отправилъ на подмогу на Яикъ еще одинъ отрядъ.

Стрѣльцы осадили воровъ; казаки никакъ не ожидали гостей, не приготовились ихъ встрѣтить, и, увидя себѣ тѣсноту, на другой же день связали Заруцкаго и Маринку съ сыномъ и какимъ-то чернецомъ Николаемъ, отдали ихъ стрѣлецкимъ головамъ, а сами объявили, что бьютъ челомъ и цѣлуютъ крестъ царю Михаилу Ѳедоровичу [5]). Взяли также захваченныхъ Заруцкимъ и находившихся у него въ аманатахъ дѣтей ногайскаго князя Иштерека и мурзу Джанъ-Арслана. Только атаманы, Тренка Усъ да Верзига, ушли какъ-то и нѣсколько времени занимались разбоями, но уже не во имя воровскихъ властей!

6 іюля, плѣнниковъ привели въ Астрахань. Казаки, бывшіе въ воровскомъ дѣлѣ, цѣловали крестъ. Держать Заруцкаго и Марину оказалось опаснымъ въ Астрахани, чтобы не произошло смуты. 13 іюля, Одоевскій отправилъ ихъ въ Казань. Заруцкаго прово-

[1]) А. И. III, 448.
[2]) А. И. III, 32.
[3]) А. И. III, 23.
[4]) А. И. III, 26—24.
[5]) А. И. III, 32.

жалъ стрѣлецкій голова Баимъ Голчинъ. Съ нимъ для береженья было сто тридцать стрѣльцовъ и сто астраханцевъ. Маринку съ сыномъ провожалъ другой стрѣлецкій голова, Михайло Соловцовъ: съ ними было пять сотъ человѣкъ стрѣльцовъ самарскихъ. Въ наказѣ, данномъ имъ, было сказано такъ:

«Михаилу и Баиму везти Марину съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ береженьемъ, скованныхъ, и станомъ ставиться осторожливо, чтобы на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А будетъ на нихъ прійдутъ откуда воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и Михаилу и Баиму — Марину съ в..... и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобъ ихъ воры живыхъ не отбили [1]).»

Въ такомъ видѣ ихъ привезли въ Казань, а оттуда, по царскому указу, въ такомъ, конечно, видѣ, прибыла Марина и въ ту самую Москву, куда съ такимъ великолѣпіемъ въѣзжала когда-то въ первый разъ въ жизни, надѣясь тамъ царствовать и принимать поклоненія.

Скоро послѣ того, за Серпуховскими воротами народъ видѣлъ послѣднюю сцену своей многолѣтней трагедіи.

Заруцкаго посадили на колъ.

Четырехлѣтняго сына Марины повѣсили.

Разомъ въ то же время повѣсили и Ѳедьку Андронова. Неизвѣстно, зачѣмъ такъ долго его держали въ живыхъ.

О судьбѣ Марины говорятъ различно. Польскіе историки утверждаютъ, что ее умертвили. Русскіе, напротивъ, сообщали полякамъ, при размѣнѣ плѣнныхъ, что Маринка умерла въ Москвѣ въ тюрьмѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ. «Намъ и надобно было, чтобъ она была жива, для обличенія неправдъ вашихъ» — говорилъ полякамъ, въ концѣ 1614 г., Желябужскій.

Послѣ расправы съ Заруцкимъ, еще нѣсколько времени продолжали свирѣпствовать черкасы по разнымъ концамъ государства. Въ числѣ ихъ атамановъ былъ нѣкто Захаръ Заруцкій, можетъ быть, братъ или родственникъ Ивана [2]). Его разбилъ и уничтожилъ бояринъ Лыковъ подъ Балахною, 4 января 1615 г.[3]) Черкасы, по извѣстію царской граматы [4]), церкви Божіи обдирали, и православныхъ мучили разными муками, «какихъ по ся мѣсто во всѣхъ земляхъ не бывало мукъ.» Они—говоритъ лѣтопись — [5])

---

[1]) А. И. III, 31.
[2]) А. А. Э. III, 93.
[3]) Арх. Мин. ин. дѣлъ. Дѣл. Польск. № 30.
[4]) Ibid. 25.
[5]) Никон. 214.

людей кололи на дрова, въ ротъ насыпали пороху и зажигали, женщинамъ прорѣзывали груди, продѣвали веревки и вѣшали, инымъ насыпали снизу пороху и зажигали. Изъ атамановъ прославился противъ другихъ звѣрствомъ какой-то по прозвищу Баловень. Долго возились съ нимъ, а равно и съ Лисовскимъ, который совался по всей московской Руси, преслѣдуемый воеводами, пока, на конецъ, въ Сѣверской землѣ не сломилъ себѣ головы въ день, посвященный памяти св. Сергія, въ знаменіе кары за троицкую осаду, какъ говорили современники.

Неурядицы продолжались и послѣ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, какъ послѣдствіе «смутнаго времени»; но эти неурядицы уже не имѣли тѣхъ опредѣленныхъ стремленій—ниспровергнуть порядокъ государства и поднять съ этою цѣлью знамя какихъ-нибудь воровскихъ царей; а таковъ именно былъ, въ началѣ XVII вѣка, характеръ самой эпохи смутнаго времени, не представляющей ничего себѣ подобнаго въ такихъ же эпохахъ, какія случались и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Чаще всего, за потрясеніями этого рода слѣдовали важныя измѣненія въ политическомъ, общественномъ и нравственномъ строѣ той страны, которая ихъ испытала — наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія, ничего такого, что̀, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на новый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Страшная встряска перебуровала все вверхъ дномъ, нанесла народу несчетныя бѣдствія; не такъ скоро можно было поправиться послѣ того Руси,— и до сихъ поръ, послѣ четверти тысячелѣтія, нечитающій своихъ лѣтописей народъ говоритъ, что «давно-де было литейное разоренье — Литва находила на Русь и такая бѣда была наслана, что малость людей въ живыхъ осталась, и то отъ того, что Господь на Литву слѣпоту наводилъ.» Но въ строѣ жизни нашей нѣтъ слѣдовъ этой страшной кары божіей. Если въ Руси XVII вѣка, во время, послѣдующее за смутной эпохой, мы замѣчаемъ различія отъ Руси XVI вѣка, то эти различія произошли не изъ событій этой эпохи, а явились вслѣдствіе причинъ, существовавшихъ до нея, или возникшихъ послѣ нея. Русская исторія, вообще, идетъ чрезвычайно послѣдовательно; но ея разумный ходъ какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же пріемами, какъ прежде. Въ тяжелый періодъ смуты были явле-

нія новыя и чуждыя порядку вещей, господствовавшему въ предшествовавшемъ періодѣ; однако, они не повторялись впослѣдствіи, и то, что̀, казалось, въ это время сѣялось, не возрастало послѣ. Такъ, напримѣръ: мы видимъ два избранія государей съ условіями, ограничивающими самодержавную власть — избраніе В. Шуйскаго и Владислава,—но послѣ смутнаго времени не было ничего подобнаго, и самодержавіе стало столь же крѣпко, какъ прежде. Самъ Михаилъ Ѳедоровичъ выбранъ былъ безъ всякихъ ограниченій власти; противное свидѣтельство русскаго эмигранта XVII вѣка, Котошихина, не подтверждается еще ничѣмъ положительнымъ; да еслибъ было что̀-нибудь въ этомъ родѣ для насъ неизвѣстное, все-таки, впослѣдствіи, мы видимъ полное самодержавіе въ Россіи на тѣхъ же началахъ, которыя стали развиваться гораздо ранѣе смутной эпохи. Нѣкоторые признаки участія выборныхъ, какъ будто признаваемаго нужнымъ для государственныхъ и земскихъ дѣлъ, въ первые годы царствованія Михаила были слѣдствіями еще не установившагося порядка, молодости и неопытности государя, а никакъ не признакомъ сознательнаго права. Съ возвращеніемъ Филарета все уже пошло неуклонно полнымъ самодержавнымъ путемъ. Въ смутное время обстоятельства выдвинули на историческую сцену земскій соборъ; это собраніе возъимѣло тогда значеніе верховной власти; оно управляло дѣлами всей Руси, налагало поборы, жаловало землями, назначало начальниковъ, вооружало страну, считало себя вправѣ вести войну, заключать союзы и избирать царя. И послѣ смутнаго времени мы встрѣчаемъ нѣсколько соборовъ; но ихъ нельзя считать послѣдствіемъ тѣхъ, какіе были въ смутное время. Такія собранія существовали и въ XVI вѣкѣ до смутъ; и тогда, какъ и въ XVII вѣкѣ при Романовыхъ, они отнюдь не имѣли верховной власти, собирались по волѣ царей не въ опредѣленное время, а когда царямъ угодно, или въ междуцарствіе (какъ было предъ избраніемъ Бориса); ихъ легко было не собирать и вычеркнуть изъ русской жизни, какъ и сдѣлалось, когда самодержавіе не признало ихъ умѣстными; тогда мы не встрѣчаемъ никакого заявленія со стороны народа о ихъ необходимости; слѣдовательно, въ народѣ, послѣ смутнаго времени, отнюдь не образовалось понятія о томъ, чтобъ царская власть была раздѣлена или съ волею земскаго собора, или съ волею бояръ: примѣры смутнаго времени прошли безслѣдно. Въ смутное время показывается стремленіе князей и бояръ возвратить свое родовое независимое положеніе, подчиненное служебному московскому началу; но послѣ смутнаго времени, еще болѣе чѣмъ прежде, они были слугами единовластія, и родовыя ихъ преимущества больше, чѣмъ

прежде, зависѣли отъ службы. Ѳедоръ и Петръ вели дѣло Ивановъ, а не смутнаго времени. Въ смутное время, народная громада искала освобожденія отъ тягла, закрѣпощенія и вообще отъ всякой неволи; но, по миновеніи бурь, она не только не пріобрѣла никакихъ льготъ, а подверглась вообще бо̀льшимъ тягостямъ, прогрессивно по отношенію къ прежнимъ временамъ. Народная громада завершила дѣло спасенія Руси; когда сильные земли русской склонились предъ внѣшнею силою, искали у нея милостей или упадали духомъ и смирялись,—народная громада, почуявши и увѣрившись, что ей будетъ худо подъ иноземцами, одушевленная именемъ угрожаемой вѣры, не покорилась судьбѣ и показала исторіи, что въ ней-то именно и хранится живущая сила Руси, что въ этой Руси есть душа, народное сердце, народный смыслъ. Но и эта громада, послѣ того, погрузилась въ безгласіе и ничтожество глубже, чѣмъ была до переворота. Только казачество послѣ того развилось и усилилось; но скоро, оттѣсненное къ окраинамъ государства, гдѣ оно существовало и до смутъ, казачество продолжало, по-прежнему, впитывать въ себя все, что̀ было недовольнаго текущимъ порядкомъ государственной жизни и заявляло свое противоборство не стремленіемъ къ достиженію какихъ-нибудь правъ народу, не сознательными требованіями положительныхъ измѣненій въ общественномъ строѣ, а неопредѣленною и неосмысленною враждою ко всему, что̀ могло тяготѣть надъ русскимъ человѣкомъ во имя государственнаго долга и обязанностей; а потому казачество не развило въ себѣ никакого идеала гражданскаго общества, ограничиваясь черезъ-чуръ общимъ, первоначальнымъ и неяснымъ чутьемъ равности и свободы; казачество Стеньки Разина, хотѣвшаго, чтобъ на Руси не было ни бояръ, ни воеводъ, ни приказныхъ людей, ни дѣлопроизводства, и чтобъ всякъ всякому былъ равенъ, не подвинулось въ своихъ понятіяхъ далеко отъ временъ Болотникова. Шумны и кровавы были его вспышки, тряски удары, которые оно наносило иногда государству; но, въ заключеніе, оно всегда, по причинамъ собственнаго нравственнаго безсилія, отдавалось на произволъ государственной власти. До извѣстной степени важное въ значеніи оплота окраинъ, казачество, при всякомъ своемъ самодѣятельномъ движеніи къ государству, оказывалось неразумно и потому мѣшало успѣху развитія русской общественной жизни; а въ той степени, въ какой развило его смутное время, и казачество прошло безслѣдно для будущаго. Замѣтимъ, наконецъ, что въ смутное время Русь болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, столкнулась съ западною Европою, по близкимъ соотношеніямъ съ поляками и шведами; но тутъ также не послѣдовало для нея въ будущемъ ничего важнаго.

Послѣ смутнаго времени, сношенія съ иноземцами шли такимъ-же путемъ, какъ и прежде, подвергаясь измѣненіямъ, зависѣвшимъ отъ иныхъ обстоятельствъ, а не отъ посѣщенія Руси поляками и шведами. Русскіе отъ разноплеменныхъ ратей Рожинскаго, Жолкѣвскаго и Делагарди ничего не переняли, не усвоили, да и не развратились отъ ихъ вліянія на грядущія времена. Эпоха Петра Великаго не имѣетъ источника въ разореніяхъ, нанесенныхъ русской землѣ этими врагами, и ужъ, конечно, преобразователь Россіи въ своихъ предпріятіяхъ не бралъ себѣ за образецъ попытокъ Димитрія, какъ бы съ перваго взгляда ни представлялись наружно схожими виды того и другого. Западное вліяніе подготовляло Россію къ будущему перевороту исподоволь, путемъ дипломатическихъ сношеній, торговли, призыва иностранцевъ на службу; эпоха смутъ, когда западные иноземцы выказали себя столь враждебно къ русскимъ, менѣе всего была благопріятнымъ временемъ для плодотворности этого вліянія. Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ разныя стороны русской жизни, мы приходимъ къ заключенію, что смутная эпоха не произвела коренного переворота во внутреннемъ мірѣ исторической жизни русскаго народа и Русской земли. Кромѣ временныхъ ранъ, конечно, очень чувствительныхъ, но все-таки временныхъ, она не нанесла Московскому государству и такого рокового удара, который повелъ бы его къ упадку. Опрокинутая внезапнымъ толчкомъ, московская Русь встала и пошла по прежней дорогѣ. Многознаменательныя явленія, ожидавшія ее впереди, расширеніе ея предѣловъ, дальнѣйшее внутреннее сплоченіе, и самое важнѣйшее—ея умственное, общественное и политическое движеніе по европейскому пути, все это не истекаетъ изъ смутнаго времени: да и успѣхи Россіи въ этихъ отношеніяхъ замедлило оно мало и не на долго. Территоріальныя потери, которыя понесло Московское государство, едва ли много значатъ для ея внутренней исторіи; отнятое поляками было возвращено черезъ полвѣка и опять по другимъ причинамъ, не вытекавшимъ непосредственно изъ смутнаго времени; отнятіе шведами балтійскаго прибрежья по Столбовскому договору произвело, повидимому, впослѣдствіи Сѣверную войну; но, присмотрѣвшись поближе, мы найдемъ, что, собственно, для внутренней русской жизни эта потеря не была очень важна; торговля русская уже и прежде избрала путь черезъ Архангельскъ, а выгодами, какія представляло Балтійское море, для заведенія флота и сношенія съ Европой, русскіе, и владѣя этимъ краемъ, пользовались мало; самая Сѣверная война едва ли была бы избѣгнута, еслибъ даже мѣсто нынѣшняго Петербурга оставалось при Петрѣ въ русскихъ рукахъ: все равно, движеніе Рос-

сіи къ Европѣ чрезъ этотъ путь непремѣнно встрѣтило бы сопротивленіе со стороны Швеціи и возникли бы недоумѣнія, какъ они много разъ уже возникали и прежде. Такимъ образомъ, и по отношенію къ Сѣверной войнѣ, то, что̀ было непосредственнымъ послѣдствіемъ смутнаго времени для этой войны, послужило болѣе ближайшимъ поводомъ, чѣмъ дѣйствительною причиною.

Такая безслѣдность смутной эпохи для внутренняго строя московской Руси въ послѣдующія времена зависитъ отъ того, что причинъ появленія этого переворота слѣдуетъ искать не внутри, а внѣ Россіи. Едва ли, безъ натяжки, можно указать на что̀-нибудь такое, что̀ бы условливало неизбѣжность смутъ и потрясеній въ началѣ XVII в. въ самомъ Московскомъ государствѣ: мы можемъ только указать на то, что̀ способствовало въ ней удобству нанесенія внѣшнихъ ударовъ и ихъ тягости, но не видимъ причинъ, чтобы въ немъ должна была произойти смута во всякомъ случаѣ, такъ или иначе повернулись бы обстоятельства. Источникъ этого потрясенія — на западѣ, а не въ Москвѣ. Источникъ этотъ восходитъ къ очень отдаленнымъ временамъ; онъ, прежде всего, въ папской власти, которая, съ самаго раздѣленія церквей, много вѣковъ стремилась подчинить отдѣлившуюся восточную церковь римско-католическому единству, и по этому пути шла неуклонно. Какъ на папскомъ престолѣ ни мѣнялись лица, а главная задача не измѣнялась: она была все одна и та же; одно и то же стремленіе то усиливалось, то ослабѣвало, смотря по обстоятельствамъ, но не прекращалось никогда. Но за-то никогда обстоятельства не располагали римскій первосвященническій престолъ обратить дѣятельность свою на восточную церковь въ Россіи, какъ въ это время, когда въ его распоряженіи было превосходное войско іезуитовъ, производившихъ чудесные успѣхи въ Польшѣ; когда только-что передъ тѣмъ русская церковь въ земляхъ Рѣчи Посполитой въ лицѣ своихъ іерарховъ уже признала главенство папы и единство съ римскою церковью. Половина работы надъ русскою церковью казалась уже совершонною; какъ не желать, какъ не стремиться докончить ее! Было бы совершенно невозможно представить, чтобъ въ это именно время не было сильныхъ попытокъ присоединить и церковь Московскаго государства къ папѣ. Отъ этого-то, какъ мы видѣли, римскій дворъ такъ пристально слѣдилъ за московскими дѣлами, и римско-католическая пропаганда только и высматривала лазейку, чтобы войти туда. Какой бы путь ни представился — сколько-нибудь удобный — покушеніе дѣлалось неизбѣжнымъ и иначе не могло совершиться какъ чрезъ посредство польской Рѣчи Посполитой, потому-что

это была самая ближайшая къ Московскому государству католическая страна, гдѣ были готовые дѣятели и удобное мѣсто отправленія для дѣйствія, и гдѣ, притомъ, уже положено начало дѣлу съ русскою церковью. Самое желанное, самое надежное для католичества положеніе дѣлъ было бы тогда, когда бы возможно было Польшѣ покорить Московское государство вовсе. Во-вторыхъ, въ самой Польшѣ, какъ уже о томъ говорено, была историческая необходимость двигаться и распространяться на счетъ Руси и подчинять русскую стихію польской, — призваніе, усвоенное ею со времени соединенія съ Литвою. Мы знаемъ, какъ поляки передъ тѣмъ нѣсколько разъ пытались возложить вѣнецъ польскій на русскаго государя. Примѣръ Литвы долженъ былъ ободрять ихъ надеждою, что въ такомъ союзѣ господство останется опять за польскою національностью и католическою вѣрою. Попытка идти этимъ путемъ не удавалась; представилось соображеніе иного рода — посадить на Московскомъ престолѣ такого государя, который былъ бы подручникомъ Польшѣ, или, что̀ еще лучше — просто присоединить Московское государство къ Рѣчи Посполитой — что̀ удастся! Виды Польши и стремленія, освященныя преданіями, какъ нельзя лучше сходились съ видами Рима. Вступивши уже на путь исключительнаго католичества, Польша могла надѣяться удержать за собой русскія земли прочно только съ распространеніемъ въ нихъ римско-католической вѣры: таково и было тогда господствовавшее понятіе. Понятно, что съ усиленіемъ католической ревности къ обращенію схизматиковъ въ лоно римско-католической церкви, у Сигизмунда и окружающей его партіи сдѣлалась ходячею мысль о наложеніи рукъ на Московію. Въ это-то время, когда и въ Римѣ и въ Польшѣ крѣпко думали о Московіи, явился названый Димитрій.

До сихъ поръ исторія не можетъ рѣшить, кто̀ былъ этотъ загадочный человѣкъ. Есть въ немъ черты, которыя и теперь располагаютъ изслѣдователя склоняться къ признанію его дѣйствительнымъ сыномъ Ивана Грознаго: его постоянная смѣлая увѣренность, съ которою онъ высказывался, нигдѣ не измѣняя себѣ, съ самаго начала своего поприща до трагическаго конца; потомъ, признаніе матерью, прощеніе Шуйскаго, характеръ чуждый подозрительности и до крайности довѣрчивый, несовмѣстимый съ званіемъ сознательнаго обманщика. Но съ другой стороны — допустивъ даже, что всѣ сказанія объ углицкомъ убійствѣ, противорѣчащія его спасенію, лживы, останется много такого, что̀ мѣшаетъ исторической критикѣ окончательно признать это. Въ своей граматѣ, въ которой онъ извѣщаетъ о себѣ, онъ ограничивается общими словами; не описываются подробности о его

спасеніи: это внушаетъ сильное подозрѣніе. Если мы и здѣсь допустимъ, что въ этой граматѣ, писанной еще при жизни Годуновыхъ, онъ могъ скрывать имена тѣхъ, которыхъ враги его могли погубить, прежде-чѣмъ онъ достигнетъ престола; если мы предположимъ, что могли существовать другіе документы, гдѣ описывались эти подробности, но они были истреблены его врагами, — останется все-таки очень страннымъ и сомнительнымъ, чтобы тѣ, которые спасли маленькаго Димитрія, оставили его воспитываться у какого-то сына боярскаго (который даже не названъ), скитаться по монастырямъ и потомъ уйти въ Польшу, и искать службы и хлѣба по панскимъ дворамъ. Тѣмъ, которые, такимъ образомъ, сохранили бы жизнь царственнаго отрока, прямая выгода была отвести его въ какую угодно сосѣднюю землю, а ближе всего въ ту же Польшу, гдѣ Димитрій потомъ объявилъ о себѣ, и отдать на воспитаніе самому Сигизмунду, который, имѣя въ своихъ рукахъ такой важный залогъ, конечно наградилъ бы достойно спасителей. Наконецъ, еслибы допустить, что ихъ отъ этого поступка удерживалъ страхъ и опасеніе, чтобъ Сигизмундъ, по просьбѣ отъ имени Ѳедора, не выдалъ его, почему же не объявили объ немъ тогда, когда избирали Бориса и нѣсколько недѣль продолжалось междуцарствіе? Тогда стоило только заявить о Димитріѣ, и Борису, конечно, не видать бы вѣнца. Несообразность характера названаго Димитрія съ званіемъ обманщика побудила С. М. Соловьева прибѣгнуть къ предположенію, что, не будучи Димитріемъ, онъ былъ обманутъ, а обманутый и самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе, въ которомъ увѣрили его подготовившіе его бояре — враги Годуновыхъ. Это предположеніе имѣло бы за собою большое вѣроятіе, еслибы названому Димитрію внушили, что его спасли въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ себя еще не помнилъ. Но изъ современныхъ свидѣтельствъ и, между прочимъ, изъ писемъ самого Сигизмунда видно, что онъ разсказывалъ, будто его спасли въ Угличѣ тогда, когда пришли убійцы его умертвить, — тогда, когда Димитрію было уже восемь лѣтъ; каждый изъ насъ помнитъ ясно себя въ такомъ возрастѣ при такихъ же дѣлахъ. Едва ли возможно кого-нибудь увѣрить, что онъ въ восемь лѣтъ былъ обставленъ такими обстоятельствами и лицами, какихъ онъ не помнитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выбить изъ его памяти впечатлѣнія, которыя у него остаются отъ дѣтскихъ лѣтъ. Если названый Димитрій не былъ дѣйствительнымъ Димитріемъ и разсказывалъ то, чего съ нимъ не было, то, слѣдовательно, хорошо сознавалъ, что онъ не Димитрій.

Онъ никакъ не былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, — личность,

за которую ухватились съ перваго раза, когда необходимо было какъ можно скорѣе увѣрить народъ, что назвавшій себя въ Польшѣ Димитріемъ—не тотъ, за кого себя выдаетъ. Мы представили уже доводы, обличающіе несостоятельность признанія Гришкою Отрепьевымъ лица, царствовавшаго подъ именемъ Димитрія. Едва ли не самый вѣрнѣйшій доводъ есть то, что названый царь Димитрій, по своему характеру, понятіямъ, воспитанію и пріемамъ, никакъ не могъ быть діаконъ Чудова монастыря. Послѣ его смерти, для удержанія себя на престолѣ, Шуйскому необходимо было, чтобы низверженный имъ царь объявленъ былъ предъ народомъ не Димитріемъ, а какимъ-нибудь инымъ лицомъ. Въ неизвѣстности оставить его личность нельзя было. И такимъ образомъ, признаніе названаго Димитрія Гришкою Отрепьевымъ переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе и усвоялось за предѣлами Московскаго государства. Но уже въ то время, когда правительство старалось распространять въ народѣ, что онъ былъ Гришка, ходили толки о томъ, что, хотя низверженный царь и не былъ настоящій Димитрій, однако не былъ и Отрепьевъ. Многіе знатные поляки (сообщается въ хроникѣ Буссова) говорили, что онъ долженъ быть побочный сынъ Стефана Баторія. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ повѣрить это извѣстіе. Нѣкоторые заявляли мысль, что этотъ человѣкъ былъ заранѣе подготовленъ іезуитами. Но въ пользу этого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ обычно признаваемаго за іезуитами коварства, побуждающаго считать ихъ способными на подобную продѣлку: черты же личности, о которой идетъ дѣло, вовсе не говорятъ въ пользу такого предположенія; что іезуиты были очень довольны его появленіемъ и спѣшили имъ воспользоваться—это вѣрно, но это не даетъ повода признавать, что они же его и произвели. Также точно нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того предположенія, чтобы онъ былъ подготовленъ въ Москвѣ противными Борису боярами. Намъ кажется, еслибъ такъ было, это не утаилось бы; продѣлка хотя бы удалась, а все-таки она не укрылась бы впослѣдствіи отъ исторіи: бояре московскіе не жили между собою такъ согласно, душа въ душу, чтобъ, устроивъ подобную затѣйливую крамолу, не выдать ея. Для появленія тогда Димитрія нѣтъ нужды подозрѣвать заранѣе устроенную интригу. Слухъ, расходившійся при Борисѣ по Московскому государству о томъ, что Димитрій живъ, могъ быть вовсе не пущенъ съ разсчетомъ, могъ возникнуть такъ, какъ и въ наше время появлялись подобные слухи, напр., о томъ, что живъ императоръ Павелъ или великій князь Константинъ; такіе слухи на нашей памяти ходили въ народѣ, а за ними появлялись и самозванцы, только

они исчезли безслѣдно для исторіи, потому-что дальнѣйшему ихъ успѣху не было благопріятствующихъ обстоятельствъ. Но во времена Бориса, царь, своими преслѣдованіями и стараніями открыть виновниковъ этого слуха, вооружилъ противъ себя народъ и тѣмъ способствовалъ успѣху того, кому суждено было оправдать этотъ слухъ. Мы уже говорили, что этотъ слухъ не могъ не проникнуть въ Украину, гдѣ вольница привыкла собираться подъ знаменами самозванцевъ; онъ долженъ былъ проникнуть и въ Польшу и въ Римъ, гдѣ слѣдили за всѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ, и готовы были ухватиться за все, что только могло дать поводъ покуситься на независимость церкви и державы Московскаго государства. Прежде, чѣмъ названый Димитрій явился, тамъ уже должны были желать, чтобы случилось что-нибудь въ такомъ родѣ. Всего правдоподобнѣе предположить, что тотъ, кто назвался именемъ Димитрія, былъ по происхожденію изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ значительномъ количествѣ убѣгали, въ царствованіе Ивана Грознаго, во владѣнія Рѣчи Посполитой и получали тамъ помѣстья. На это предположеніе наводитъ характеръ его и пріемы, которые онъ оказывалъ. Онъ хорошо говорилъ по-русски и вообще его не признавали не-русскимъ, а между тѣмъ на немъ были глубокіе признаки не-русскаго воспитанія и польскихъ пріемовъ жизни, усвоенныхъ съ дѣтства и, такъ сказать, приросшихъ къ его естеству въ такой степени, въ какой трудно было усвоить ихъ перебѣжчику изъ Московскаго государства. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и прикладывался къ иконамъ, благочестивые люди тогда уже замѣтили, что онъ дѣлалъ это и знаменовался неистовно, не такъ какъ слѣдовало бы. Русскій того времени не могъ сдѣлать такой ошибки; народные пріемы благочестія до-того сроднились съ его существомъ, что скорѣе выдали бы его, еслибъ онъ вздумалъ утаить ихъ, чѣмъ онъ измѣнилъ бы имъ. Въ поступкахъ названаго Димитрія въ Москвѣ видно недостаточное знакомство съ тѣмъ кругомъ, гдѣ онъ находился. А между тѣмъ, никто — и враги его и друзья не считали его поэтому за не-русскаго; такимъ только и могъ быть человѣкъ русскій по происхожденію, научившійся по-русски съ дѣтства отъ русскихъ, но живя въ чужой землѣ. Судя по его веселому и отважному нраву, самое принятіе на себя имени Димитрія было, вѣроятно, скорѣе дѣломъ минутнаго увлеченія, чѣмъ обдуманнаго плана. Пылкое юношеское воображеніе раздражено было носившимися слухами и толками, и при удобномъ случаѣ увлекло его за границы благоразумія, а стоило только произнести слово,—и возврата уже не было. Полякамъ Димитрія нужно было. Очень мо-

жетъ быть, что сказаніе хроники Буссова о томъ, какимъ образомъ этотъ молодой человѣкъ впервые назвался Димитріемъ, вѣрнѣе всѣхъ другихъ. Человѣкъ нрава чрезвычайно живого и вспыльчиваго, получивъ оскорбленіе отъ Вишневецкаго, въ порывѣ негодованія и мести могъ сказать, что онъ Димитрій; онъ тотчасъ же былъ отомщенъ, когда легковѣрный князь, надѣливши его пощечиною, сталъ просить у него прощенія и оказывать ему почести, подобающія царственной особѣ. Разъ назвавшись Димитріемъ, отступать было невозможно: сознаться въ обманѣ опасно; и притомъ было заманчиво и соблазнительно стать царевичемъ, и онъ долженъ былъ играть принятую роль; такимъ путемъ можетъ объясниться, какимъ образомъ человѣкъ съ открытымъ, прямымъ, довѣрчивымъ, добродушнымъ характеромъ могъ быть сознательнымъ обманщикомъ. Впослѣдствіи, князь Адамъ Вишневецкій, чтобъ скрыть оскорбленіе, нанесенное имъ царевичу, могъ выдумать и сообщить королю и другимъ исторію о его болѣзни и признаніи передъ священникомъ. Впрочемъ, находя въ настоящее время это, по сказанію Буссова, предположеніе правдоподобнымъ, мы не считаемъ и не имѣемъ за нимъ несомнительныхъ доводовъ, и вопросъ о личности названаго царя Димитрія остается до сихъ поръ (а, можетъ быть, навсегда останется) неразрѣшимымъ; наличныя данныя недостаточны, и только какой-нибудь случай, счастливая находка новаго свидѣтельства, неизвѣстнаго намъ, могутъ пролить неожиданно свѣтъ на то, что̀ должно пока представляться намъ тайной. Замѣчательно одно, что уже въ эпоху смутнаго времени въ Польшѣ, въ сенатѣ на сеймѣ, 1611 года, говорили, что «источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ, заключается *въ тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и *не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ* того, что̀ можетъ на будущее время предостеречь непріятеля [1]).» Въ Польшѣ, слѣдовательно, знали *что-то*, но держали въ тайнѣ; мы можемъ заключить изъ этого одно, что именно въ польскихъ источникахъ должно открыться когда-нибудь неожиданное для объясненія тайны всего этого дѣла.

Остается несомнѣннымъ только то, что, сдѣлавшись царемъ Московскаго государства, Димитрій открылъ для этого государства дорогу къ потрясеніямъ и переворотамъ. Если бы легкомысленное обращеніе съ своею безопасностью и не погубило его такъ рано,— его смѣлыя предпріятія и затѣи, съ которыми онъ разомъ вооружилъ противъ себя и Турцію съ Крымомъ, и Швецію, и самого Сигиз-

[1]) Румян. Библ. Краснинск. В. 1. 8.

мунда съ его партіей въ Польшѣ, были не по силамъ тогдашней Россіи и вѣроятнѣе всего погубили бы его и потомъ надѣлали бѣды государству. Беззаконное убійство не избавило этого государства отъ потрясеній. Названый царь палъ, открывши за собою бездну. Выступили на свѣтъ таившіяся до-времени побужденія; тогда казалось, что государство во многомъ еще не было достроено; московское единодержавіе еще не совсѣмъ успѣло истребить элементы прежняго строя удѣльновѣчевой Руси. Давно сдавленные единодержавствомъ, эти элементы уже ослабѣли; едва ли когда-нибудь они могли проснуться и заиграть сами собою и, конечно, должны были совершенно растаять подъ давящей силой; но когда эта давящая сила пошатнулась, онѣ еще разъ показались въ исторіи. И вотъ, мы видимъ, князья и бояре стали думать объ ограниченіи самодержавія боярскою думою. Видимъ — народная громада ищетъ вольности. Въ прошедшія времена, когда усиливалось единодержавіе и усложнялись формы государственнаго механизма, оппозиція противъ государства существовала въ народѣ, но только по причинѣ слишкомъ большого географическаго пространства: она выражалась бѣгствомъ, удаленіемъ отъ тягостей, которыя налагала на народъ государственная связь, а не дѣятельнымъ противодѣйствіемъ, не борьбою, гдѣ могли бы изъ ряда столкновеній и обоюдныхъ уступокъ вырабатываться такія государственныя основы, которыя соглашали бы сознательныя противорѣчивыя заявленія власти и народа. Русскій человѣкъ когда чувствовалъ, что ему дурно, бѣжалъ на окраины — въ украинныя земли или въ казачество, и тамъ накоплялись и прозябали эти враждебныя государству стихіи. Теперь внѣшняя сила, ударившая на государство, вызвала ихъ вмѣстѣ съ собою къ оппозиціи дѣятельной, вмѣсто страдательной. Недовольство тягостями, неизбѣжными съ государствомъ, таилось и въ тѣхъ, которые не бѣжали, а терпѣливо ихъ несли. Русскій народъ сталъ искать, желать и ожидать льготъ, а это, при неясныхъ тогдашнихъ понятіяхъ, значило вообще какъ можно меньше подчиняться государственному порядку. Народъ сталъ желать, если возможно, жить безъ государства. И кто ему обѣщаетъ больше льготъ, то-есть, кто указываетъ ему надежду не чувствовать на себѣ тягости государства, тотъ (если только обѣщающій силенъ) — ему другъ и властитель. Когда порядокъ въ государствѣ не потрясенъ и есть крѣпкая власть, народъ не поддается такимъ льстивымъ обѣщаніямъ, потому-что онъ не вѣритъ и боится; но въ такую эпоху, когда не стало единой сильной власти, — обѣщанія, чуть-чуть сопровождаемыя признаками силы, тотчасъ привлекаютъ толпу. И потому-то въ смутное время,

пока народъ не испыталъ, что онъ обманывается, — кто ему льготъ ни обѣщаетъ, тотъ ему и царь. Жалобы современниковъ на всеобщее развращеніе и «малодушество» русскихъ — понятны, когда мы представимъ себѣ, что всѣ русскіе люди почувствовали разомъ надежду освободиться отъ разныхъ тягостей единодержавнаго государства, которыя у нихъ лежали на плечахъ: князья и бояре — отъ царской грозы и опалы; дворяне, дѣти боярскіе и вообще служилые — отъ маловознаграждаемыхъ службъ; народъ посадскій и крестьянскій — отъ тягла, поборовъ, посохъ, работъ, мытъ, кабалъ и вообще всякой неволи. И оттого начали русскіе люди перебѣгать то къ тушинскому Димитрію, то къ Шуйскому, а другіе толпились около иныхъ названыхъ царевичей — все ища себѣ льготы, то есть, безсознательно ища разрушенія государства. Чувства законности не могли ихъ сдерживать, когда не было такого, кто законно могъ бы назваться царемъ. Сначала, какъ извѣстно, сторона Тушинскаго вора брала верхъ; народъ склонялся къ нему, но тутъ же народъ очень скоро ошибся въ разсчетѣ и надеждахъ; насилія и своевольства польскихъ и русскихъ ратныхъ бродягъ показались народу хуже всякихъ государственныхъ тягостей — и дѣло Шуйскаго поправлялось. Неспособность и ошибки Шуйскаго довели его до паденія и открыли дорогу полякамъ въ Москву. Князья, бояре и дворяне поспѣшили подъ знамя Владислава, потому-что увидали возможность пріобрѣсть льготы и права для себя. Народъ покорялся съ перваго раза съ недовѣрчивостью; онъ зналъ поляковъ уже и ненавидѣлъ ихъ: онъ готовъ былъ лучше стать подъ власть вора Димитрія, чѣмъ отдаваться полякамъ; извѣстно, что расположеніе, возникшее тогда въ московскомъ черномъ народѣ къ вору, побудило бояръ пригласить польское войско помѣститься въ Москвѣ. Народъ былъ правъ по-своему. Съ польскимъ вліяніемъ — высшимъ классамъ было бы хорошо; многіе (какъ видно по легкой присягѣ самому Сигизмунду) полагали, что для нихъ даже было бы лучше, еслибъ не Владиславъ сдѣлался царемъ, а самъ король польскій, и Московское государство присоединилось бы къ Польшѣ. Пользоваться правомъ и значеніемъ польскихъ пановъ въ своей землѣ было очень заманчиво для тѣхъ, которымъ всего дороже были личныя выгоды; но за-то народной громадѣ подъ польскимъ владычествомъ предстояло такое тягло, какого она еще и не испытывала; вѣдь и въ договорѣ съ Владиславомъ о народѣ мало заботились, а, напротивъ, закрѣпощеніе землевладѣльцамъ ставилось условіемъ. Украинныя земли, населенныя издавна бѣглецами отъ тягла, болѣе другихъ ненавидѣвшія государственныя тягости и неволю, первыя упорствовали

противъ признанія Владислава. Казаки — тѣмъ болѣе. Поляки очень скоро привели къ тому, что и вся земля русская на всѣхъ концахъ своихъ заговорила противъ нихъ въ одинъ голосъ.

Государство Московское какъ ни долго составлялось, но въ эти печальные годы стало показывать признаки разложенія; земли, имъ соединенныя, начинали проявлять сознаніе самобытности. Сѣверовостокъ Руси лѣниво и неохотно помогалъ спасенію Москвы. Украинные города и Сѣверская земля постоянно шли въ разрѣзъ съ столицей; инородцы на востокѣ волновались и хотѣли сбросить съ себя русскую власть. Въ Казани и Астрахани виднѣются попытки оторваться; Псковъ, съ своею землею, явно припомнилъ себѣ былую независимость, показывалъ мало участія къ общему дѣлу и вращался въ своей особой сферѣ. Новгородъ хотя заявлялъ о своей нераздѣльности съ Москвою, но уже считалъ себя государствомъ, имѣющимъ право заключать договоры и распоряжаться своею судьбою — связь его съ Москвою сама собой переходила изъ строго-государственной въ древнюю федеративную. Понятно, что еще при нѣсколькихъ годахъ разстройства, такое распаденіе пошло бы прогрессивно, и Русь скоро очутилась бы опять съ удѣльными землями.

Но въ Руси крѣпче государства была другая соединяющая связь — вѣра. Псковичъ, новгородецъ, русскій казанецъ, сибирякъ, казакъ,—всѣ чувствовали одинаково, что они—православные, всѣ люди одной русской вѣры, принадлежатъ къ одной церкви. Даже казаки малорусскіе, вообще чуждые Московскому государству, на этомъ вопросѣ чувствовали свое съ нимъ единеніе и становились въ ряды его защитниковъ. Русскій народъ не былъ искусенъ въ религіозной догматикѣ; самые духовные, при тогдашнемъ малознаніи, были, большею частью, плохіе богословы; но за-то въ народѣ было безпредѣльное уваженіе къ внѣшнимъ признакамъ православнаго благочестія: храмы, св. мощи, иконы, церковные обряды и уставы были для него предметами духовнаго утѣшенія, высочайшею надеждою и опорою въ жизни; въ житейскихъ бѣдахъ, не находя ни средствъ, ни способовъ избавиться, русскій человѣкъ видѣлъ единственную отраду въ упованіи будущей жизни, а къ ея достиженію вела церковь, — понятно, что народъ охранялъ въ ней то, что было дороже всего, что оставалось въ утѣшеніе тогда, когда все отнималось; понятно, поэтому, что чѣмъ угнетеннѣе его положеніе, тѣмъ онъ живѣе ощущаетъ важность церкви; тутъ всѣ одинаково чувствовали, одинаково мыслили и всѣ одинаково поднимались противъ поляковъ, когда убѣдились, что поляки, овладѣвъ Москвою, посягнутъ на эту святыню. Нельзя сказать, что больше поднимало

русскій народъ — страхъ ли польскихъ насилій надъ своими тѣлами и «животами», или страхъ за вѣру—и то и другое соединилось вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые не уважали вѣры, по народному понятію, само собою не могли быть справедливы и милостивы къ православнымъ. Духовенство съ самаго начала болѣе другихъ званій стояло за старый государственный порядокъ. Во-первыхъ — церковь всегда охранительна по своему принципу и всегда склоняется къ миру, а не къ переворотамъ, слѣдовательно — къ старинѣ, за которою — порядокъ, а не къ новизнамъ, неизбѣжнымъ съ безпорядками. Во-вторыхъ, духовенство и для церкви, и для своего сословія не могло ничего хорошаго ждать отъ польскаго владычества: духовные слышали, что дѣлалось съ православіемъ во владѣніяхъ Сигизмунда; они понимали и гласно вопіяли, что вся эта буря затѣмъ и поднялась на русскую землю, чтобы ввести латинство. Они понимали, что по Руси разсыпятся іезуиты и всевозможнѣйшихъ видовъ латинскіе монахи, и прежде всѣхъ подвергнется гоненіямъ — православное русское духовенство. Въ видахъ самосохраненія, духовные прежде всего должны были стоять и возбуждать народъ противъ поляковъ.

Послѣ духовенства, за старый государственный строй стояли болѣе другихъ люди торговые и промышленные; для нихъ, поставившихъ себѣ цѣлію обогащеніе посредствомъ промысловъ и разсчета, естественно, прежде всего, необходимъ порядокъ и миръ. Ихъ можно соблазнить обѣщаніями льготъ тогда только, когда они видятъ какое-нибудь ручательство прочности; привыкши къ соображеніямъ, они дальновиднѣе другихъ; каковы бы ни были тягости, возлагаемыя на нихъ государственными властями — все же онѣ легче безпорядка въ странѣ, грабежей, разбоевъ, игры разнузданныхъ страстей. Правда, жившіе въ отдаленныхъ краяхъ, куда не достигали польскія шайки, лѣниво принимались за дѣло возстановленія государства, пока у нихъ были свои источники и пути обогащенія; но торговые города, которыхъ промыслы и операціи были въ органической связи съ Москвою и срединою Руси, какъ напр.: богатая Вологда, Ярославль, Нижній, прежде и живѣе чувствовали необходимость государственнаго порядка. Отъ этого и послѣднее возстаніе русскаго народа въ Нижнемъ, городѣ, гдѣ находилось тогда нѣсколько зажиточныхъ капиталистовъ и промышленниковъ, благоразумно сообразившихъ, что лучше пожертвовать всѣмъ достояніемъ, чтобы имѣть средства опять нажить потерянное, чѣмъ отдать его на разграбленіе иноземцамъ и разбойникамъ, и не видѣть послѣ того возможности вознаградить себя. Служилые люди и народъ скорѣе увлекались надеждами на новизну, чѣмъ

купцы и зажиточные промышленники. Служилые надѣялись отъ новыхъ властей милостей и правъ, народъ — льготъ отъ тягла; и тѣхъ и другихъ соблазняла видимая возможность скоро пользоваться обѣщаннымъ, тогда какъ, напротивъ, торговый и промышленный человѣкъ не можетъ пользоваться самыми заманчивыми правами иначе, какъ съ теченіемъ времени, для котораго необходимъ порядокъ, а коль скоро онъ не видитъ гражданскаго порядка и безопасности, то не даетъ никакой цѣны надеждамъ, ожиданіямъ и предложеніямъ. Служилому даютъ жалованье и помѣстье; онъ пользуется жалованьемъ, ѣдетъ въ помѣстье и беретъ съ этого помѣстья что̀ взять возможно; его, такимъ образомъ, можно соблазнить скоростью полученія; онъ живетъ службою и, при несложности управленія хозяйствомъ, не привыкъ смотрѣть на будущія времена; живетъ — какъ Богъ посылаетъ. Крестьянина освобождаютъ отъ тягостей,—онъ доволенъ, потому-что не даетъ того, что̀, иначе, давалъ бы; онъ уже чувствуетъ пріобрѣтенія, его нужды несложны, плановъ впереди у него мало. Но купцу и промышленнику пусть дадутъ права, свободу отъ пошлинъ и поборовъ — все это для него ничего не значитъ; ему нужно благоустройство и спокойствіе въ краю, чтобы онъ могъ пользоваться дарованными правами. Эти обстоятельства, по нашему мнѣнію, были, между прочимъ, причиною того, что въ смутное время торговый и промышленный зажиточный классъ, послѣ духовенства, больше другихъ склонялся къ поддержанію старины и возстановленію расшатавшагося государства въ прежнемъ видѣ; онъ не могъ сочувствовать полякамъ, такъ какъ поляки его только грабили и производили въ краѣ безпорядокъ, а ему нуженъ былъ порядокъ и миръ. Служилые и черные становились во-едино за возстановленіе прежняго государства, когда увидѣли суетность всѣхъ надеждъ на милости, льготы и права.

Безразсудство поляковъ также не мало помогло русскому дѣлу. Поляки сдѣлали все, чтобы раздражить, озлобить и довести до отчаянія русскій народъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все, чтобъ облегчить ему успѣхъ и побѣду надъ собою. У нихъ, по отношенію къ московскому дѣлу, господствовало противорѣчіе побужденій, видовъ, соображеній, намѣреній, и они не знали, за что̀ имъ въ пору схватиться, куда обратиться, какъ поступить; считали легкимъ, что̀, въ самомъ дѣлѣ, было для нихъ трудно, и труднымъ, что̀ могло быть легко; король оставался подъ Смоленскомъ, когда ему слѣдовало идти въ Москву; Жолкѣвскій подъ Москвою уступалъ, когда надо было упорствовать; Сапѣга подъ Смоленскомъ упорствовалъ, когда уже надобно было уступать; поляки показывали свою грозу подъ Смоленскомъ, гдѣ слѣдовало дѣйство-

вать мирно; вступали въ мирныя сдѣлки съ шайкою вора, когда на нее надобно было дѣйствовать грозою; обманывали московскихъ людей, когда ихъ нельзя было обмануть, и не давали королю денегъ и войска для окончанія начатаго дѣла; но въ то же время позволяли они своимъ бродягамъ разорять Московское государство и тѣмъ возбуждать и усиливать противъ себя ненависть въ русскомъ народѣ; въ концы концовъ, они довели дѣло до того, что эти бродяги обратились въ свое отечество и начали терзать его также, какъ терзали передъ тѣмъ чужую землю, а упущенное изъ-подъ рукъ Московское государство, возвративши себѣ независимость, воспитало въ себѣ завѣтъ мщенія Польшѣ за смутное время. Если эта эпоха для Московскаго государства нанесла величайшія, но временныя и поправимыя бѣдствія, то для будущаго Польши она же оказалась съ важными и роковыми послѣдствіями. Вслѣдъ за освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ, нѣкоторые дальновидные паны и въ томъ числѣ Ходкѣвичъ понимали, что между Польшею и Москвою существуетъ такая историческая необходимость, что либо Москву—Польша, либо Польшу—Москва покорить должна; они предрекали, что коль скоро упущенное и этотъ разъ Московское государство оправится и окрѣпнетъ, то припомнитъ Польшѣ старые годы, и совершитъ надъ Польшею то, чего Польша не успѣла совершить надъ Москвою. Поляки хотѣли-было исправить дѣло — но уже поздно. Въ 1618 году, Владиславъ былъ подъ Москвою и отошелъ отъ нея; по Деулинскому договору Польша сдѣлала пріобрѣтеніе — удержала за собою Смоленскъ, часть Сѣверщины, но должна была признать царя Михаила на престолѣ того государства, которое было у нея уже въ рукахъ: для Польши была потеря, а не пріобрѣтеніе. Обѣ стороны чувствовали непрочность и неудовлетворительность положенія и заключили только перемиріе. Но съ этихъ поръ, въ борьбѣ Руси съ Польшею—дѣятельною, наступательною стороною дѣлается Русь, а страдательною Польша — не такъ, какъ было прежде. Московскому государству приходилось расширяться и расти, а Польшѣ терять и падать. Не прошло пятидесяти лѣтъ — какъ Польша, недавно чуть не покорившая московскую Русь, должна была бороться противъ попытокъ къ освобожденію той части Руси, которая уже давно была у ней во власти. Московское государство вмѣшивается въ эту борьбу — и Польша чуть не погибла: только неблагоразумію тогдашней московской политики она обязана была тѣмъ, что могла, послѣ испытаннаго потрясенія, влачить еще цѣлое столѣтіе съ небольшимъ болѣзненное существованіе, постепенно хирѣя и согнивая, пока не насталъ для нея неизбѣжный часъ

разложенія. Московская война начала XVII вѣка была послѣднимъ фактомъ ея расширительнаго стремленія, и вмѣстѣ—послѣднимъ событіемъ, которое заключаетъ цвѣтущій періодъ польской исторіи и начинаетъ періодъ ея упадка. Конечно, причины этого упадка могутъ отыскаться во времена предшествовавшія смутной эпохѣ, — но съ этихъ поръ паденіе Польши стало выражаться послѣдовательнымъ рядомъ взаимозависимыхъ фактовъ. Такимъ образомъ, смутная эпоха Московскаго государства была событіемъ чрезвычайно богатымъ, по непосредственнымъ послѣдствіямъ, во вредъ Польшѣ. Никогда еще съ такою рѣзкостью и такъ не кстати не заявлена была боязнь усиленія королевской власти въ ущербъ шляхетской свободѣ; во всемъ разгулѣ разъигрывалась польская вольница: наша смутная эпоха была школою своевольства, несогласія, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія, распущенности, мелкаго эгоизма, не цѣнящаго общихъ нуждъ, — словомъ, всего того, что впослѣдствіи впилось въ плоть и кровь польскаго общества и повело его къ разложенію.

Но то самое обстоятельство, что страшное потрясеніе, испытанное и тяжко прочувствованное государствомъ Московскимъ, оказало на него только временное вліяніе и осталось безъ важныхъ послѣдствій для его внутренняго организма, — очень знаменательно въ русской исторіи. Не смотря на множество разрушительныхъ элементовъ, которые всѣ вышли тогда съ самаго дна жизни, государство это заключало въ себѣ столько здоровыхъ и живительныхъ началъ существованія и дальнѣйшаго саморазвитія, что устояло противъ внѣшняго напора, удержалось на той самой степени развитія, до какой успѣло прежде того дойти, скоро оправилось отъ ударовъ и пошло, какъ ни въ чемъ не бывало, своею прежнею историческою дорогою, зарубивши, такъ сказать, себѣ на память былое для будущаго разсчета. Основной матеріалъ этого государства, не смотря на слабость связей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказался до того крѣпокъ, что Польша, наперши на него съ размаха, скорѣе сама больно зашиблась объ него своимъ, уже нездоровымъ тѣломъ, и усилила тѣмъ свою болѣзнь, но не одолѣла сломить его и раздробить; а потому смутное время останется чрезвычайно знаменательною эпохою въ русской исторіи, какъ свидѣтельство крѣпости внутренней жизни народа — важный задатокъ для ея будущаго.

Н. Костомаровъ.

С.-Петербургъ. — 9 іюня, 1867.

II.

ОЧЕРКИ

ЭТНОГРАФІИ КАВКАЗА.*)

I.

Кавказъ, стоящій каменною стѣною, между Азіей и Европою, по своему географическому положенію, по геологическому образованію его горъ и по разнообразію его жителей, привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе наблюдателя. Горы, напол-

*) Въ манускриптѣ помѣщено подъ этимъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ сочиненія: о народахъ живущихъ и нынѣ живущихъ въ предѣлахъ Россіи». — Авторъ, какъ видно изъ такого заглавія, поставилъ себѣ обширную задачу, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ рѣшить ее во всей полнотѣ. Отъ предположеннаго имъ труда мы имѣемъ только настоящіе очерки этнографіи Кавказа, и, какъ мы слышали отъ Егора Петровича Ковалевскаго, его покойный братъ много занимался изслѣдованіемъ сибирскихъ народовъ, потому въ бумагахъ могутъ быть найдены подобные же очерки этнографіи Сибири. Издаваемый нынѣ манускриптъ доставленъ въ Редакцію по волѣ покойнаго Евграфа Петровича Ковалевскаго, выраженной имъ въ самую минуту смерти. Узнавъ отъ насъ объ основаніи «Вѣстника Европы», онъ сказалъ намъ еще тогда: «Подождите, и вамъ также помогу»; но мы приняли эти слова за одно желаніе выразить сочувствіе къ предпринимаемому нами изданію. Въ самый день кончины, не болѣе какъ за четверть часа, покойный обратился къ своему сыну, Михаилу Евграфовичу, и поручилъ достать ему изъ ящика лежавшую тамъ рукопись, перелистовалъ ее, привелъ въ порядокъ и, возвращая, прибавилъ: «Передай это С. для «Вѣстника Европы». Сынъ, обманутый и твердостью голоса и направленіемъ мысли больного, не предвѣщавшимъ близкой катастрофы, отложилъ рукопись и вышелъ изъ кабинета. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того Евграфа Петровича не было уже въ живыхъ.

При всеобщемъ уваженіи, которое такъ справедливо заслужилъ покойный своимъ умомъ, образованностью и характеромъ благороднымъ, прямымъ и откровеннымъ, мы

няющія Кавказскій перешеекъ, не простираются правильными грядами, но образуютъ или горные узлы, между собою перепутанные, или громадныя плоскогорья, изрѣзанныя ущельями. Между ними, то возникаютъ гигантскія плутоническія сопки (пики),

---

считаемъ особенною честью для своего журнала помѣстить на его страницахъ трудъ лица, которое находило возможнымъ, при своей государственной дѣятельности, посвящать время и наукѣ, и литературѣ. Такого рода явленія особенно рѣдки у насъ, гдѣ литературное или научное слово и практическое дѣло отстоятъ, къ сожалѣнію, весьма часто на почтенной дистанціи другъ отъ друга: ученый и литераторъ считается потеряннымъ для практической дѣятельности, и наоборотъ, практическій дѣятель до-того поглощенъ этою самою дѣятельностью, что всякое литературное занятіе представляется ему чистѣйшею потерею времени. Быть можетъ потому, въ нашемъ обществѣ образовалась такая рознь вообще между словомъ и дѣломъ: такъ-называемые дѣловые люди впадаютъ въ отсталость, а литература страдаетъ платоническою любовью къ прогрессу. Практикъ и теоретикъ, при такомъ направленіи, не только не служатъ другъ другу, но даже становятся враждебными, а общество, между тѣмъ, ничего не выигрываетъ: консерватизмъ, самъ того не подозрѣвая, перерождается въ обскурантизмъ, а прогрессисты ограничиваются утопіею, если безвредною, то также мало и полезною.

Научная и литературная задача, избранная Евграфомъ Петровичемъ Ковалевскимъ, имѣетъ близкое отношеніе къ самому возвышенному пункту государственной дѣятельности покойнаго, какъ перваго министра народнаго просвѣщенія, избраннаго настоящимъ царствованіемъ, которому суждено составить новую эпоху въ отечественной исторіи.

На долю исторіи русскаго народа, съ самыхъ первыхъ моментовъ его существованія, выпала тяжелая и вмѣстѣ великая задача—пронести европейскую цивилизацію далеко на сѣверъ и востокъ, введя въ семью образованнаго человѣчества забытые исторіею народы и разбросанные ею по пути, въ эпоху великаго переселенія племенъ. Первоначально эта колоссальная работа совершалась нами инстинктивно; христіанство и русскій языкъ служили орудіемъ просвѣщенія инородцевъ. На огромныхъ пространствахъ такая работа закончена до-того, что отъ нея не осталось и слѣдовъ; но предъ нами и теперь еще лежитъ темная инородная масса, которую мы должны принять въ себя и переродить. Изученіе нравовъ этой массы, ея положенія, степени умственнаго развитія — необходимо, чтобы рѣшить задачу во всемъ ея объемѣ. Но и это не все: перерожденіе инородцевъ не можетъ быть достигнуто непосредственно правительственными и административными мѣрами; надобно заботиться о повышеніи уровня своего собственнаго народа, который безпрестанно долженъ являться предъ инородцами, какъ образецъ новой жизни, въ качествѣ «припущенниковъ». Чѣмъ выше развиты «припущенники», тѣмъ быстрѣе и могущественнѣе они будутъ дѣйствовать на полуварварскихъ инородцевъ. Вотъ, почему «народное» образованіе играетъ самую важную роль въ нашихъ общихъ политическихъ судьбахъ и должно составлять первый параграфъ программы нашей государственной жизни. Такъ отнесся къ этому вопросу и авторъ начатаго сочиненія: «О народахъ, жившихъ и нынѣ живущихъ въ предѣлахъ Россіи», когда онъ былъ призванъ Высочайшею волею къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія. Если исторія есть судъ, то никому не дозволено быть вмѣстѣ и свидѣтелемъ и историкомъ, а мы были свидѣтелями министерской дѣятельности Евграфа Петровича Ковалевскаго. Въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, мы обязаны только указать будущему біографу покойнаго или вообще историку русской образованности въ переживаемую нынѣ нами эпоху на одно обстоя-

достигающія необыкновенной высоты [1]), въ ребрахъ которыхъ хранится неистощимый запасъ ледниковъ, то являются живописные пригорки, покрытые богатою растительностью. Низменности, между этими своеобразными группами образовавшіяся, представляютъ то дикія разсѣлины и котловины, изъ которыхъ вырываются бурныя рѣки, то плодоносныя долины, питающія огромныя стада домашнихъ животныхъ. Вездѣ слѣды какого-то хаоса. «Пространство между Каспіемъ и Чернымъ моремъ — говоритъ сочинитель очерковъ геологіи Кавказа [2]) — взволновано разнообразными горами; точнѣе сказать, это цѣлый океанъ горъ, бурный, клокочущій, то воздымающійся до облаковъ, то упадающій въ бездны: тутъ видимо происходила нѣкогда ужасная борьба

тельство: министерство Евг. П. Ковалевскаго по народному просвѣщенію было первымъ выборомъ настоящаго царствованія, и направленіе этого министерства какъ нельзя болѣе гармонировало со всѣми великими реформами, которыя были такъ славно совершены въ послѣдующіе годы этого же самаго царствованія. Никогда, какъ въ послѣднее десятилѣтіе, не было столько сдѣлано для развитія здоровыхъ народныхъ силъ, и первое министерство народнаго просвѣщенія превосходно поняло, чѣмъ оно должно послужить новой эпохѣ нашей жизни. Министерство гр. Уварова оставило по себѣ славу заботъ о высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но то была и другая эпоха; Евг. П. Ковалевскій, при всей краткости своего управленія, ознаменовалъ свое время заботами о народныхъ училищахъ, воскресныхъ школахъ, и т. д. Но мы только указываемъ на главное, свидѣтельствуемъ и не вдаемся ни въ подробности, ни въ ближайшую оцѣнку всего, что было совершено или задумано покойнымъ; онъ могъ утѣшить себя мыслью, что, въ дальнѣйшей исторіи нашего народнаго образованія, возвратиться назадъ къ его цѣлямъ и планамъ будетъ именно значить — пойти впередъ, сдѣлать успѣхъ. Справедливо замѣчено, что такія личности весьма часто испытываютъ неудачу, что онѣ слишкомъ настойчивы, что онѣ хотятъ приносить пользу во что бы то ни стало, даже противъ воли тѣхъ, кому считаютъ долгомъ быть полезными; но таковы всегда бываютъ люди, которые всецѣло предаютъ себя дѣлу и служатъ этому дѣлу, а не самому себѣ. Служеніе дѣлу, конечно, можетъ вредить личнымъ успѣхамъ, и, напротивъ, самослуженіе иногда обладаетъ многими пріятными качествами и можетъ на короткое время нравиться болѣе службы дѣлу; но послѣднее рано или поздно найдетъ себѣ вѣрную оцѣнку, когда мы начнемъ подниматься отъ интересовъ дня на высоту интересовъ эпохи. Если большинство людей заботится исключительно о томъ, чтобы какъ можно болѣе имѣть «своихъ дней», и затѣмъ считается надъ выгодами добраго имени въ потомствѣ, то это заставляетъ только тѣмъ выше дорожить тѣми немногими, которые, какъ Евг. П. Ковалевскій, не стараются во что бы то ни стало увеличивать числа «своихъ дней», и служатъ дѣлу, а не самимъ себѣ. *М. С.*

[1]) По послѣднимъ измѣреніямъ, абсолютная высота Эльбруса = 18,528 ф., Арарата = 16,916 ф., Казбека = 16,554 футамъ. Изъ атласа, при «Космосѣ» Гумбольдта приложеннаго, видно, что Эльбрусъ уступаетъ высотою только нѣкоторымъ горамъ Гималая и южной Америки, которыя возвышаются надъ уровнемъ Океана, отъ 20,000 до 26,438 футовъ.

[2]) Профессоръ Щуровскій, въ геологическихъ очеркахъ Кавказа, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за мартъ 1862 года.

между земной корой и внутренними плутоническими силами, стремившимися поднять и разорвать ее.» Дѣйствительно, если бросить взглядъ на Кавказскія горы въ общемъ ихъ объемѣ, то представляется невольное сравненіе ихъ съ морскими волнами во время сильной бури, которыя въ такомъ видѣ внезапно окаменѣли. Но усиліе науки восторжествовало надъ затрудненіями, полагаемыми природою и населеніемъ Кавказа. Направленіе главнаго кряжа отыскано среди кажущагося хаоса; побочные отроги и соединеніе ихъ съ главнымъ хребтомъ опредѣлены; возвышенные пункты и другія замѣчательныя мѣстности, значительною частью, измѣрены барометрически и тригонометрически; географическое положеніе, въ той же мѣрѣ, опредѣлено астрономически. Всѣмъ этимъ мы обязаны трудамъ офицеровъ генеральнаго штаба Кавказской арміи, въ числѣ которыхъ занимаетъ видное мѣсто генералъ Ходзько. Но усилія науки не остановились на такихъ успѣхахъ. Геологическія и геогностическія изслѣдованія Кавказскихъ горъ открыли намъ не только внутренній составъ ихъ и формаціи, къ которымъ онѣ принадлежатъ, но указали главныя направленія ихъ поднятій, перевороты, при томъ происшедшіе, и геологическія эпохи такихъ поднятій. Послѣдними научными пріобрѣтеніями мы обязаны преимущественно академику Абиху, посвятившему этому дѣлу лучшіе годы своей жизни и связавшему свое имя съ геологіею Кавказа.

Не такая участь выпала на долю этнографіи Кавказа. Прошло слишкомъ 60 лѣтъ, какъ, съ владычествомъ русскихъ на Кавказѣ, началось ихъ знакомство съ его жителями, но этнографическія о немъ свѣдѣнія недалеко подвинулись впередъ. Конечно, этому препятствовала непріязнь большей части народовъ Кавказа къ русскимъ; но, независимо отъ этого обстоятельства, существовала и другая, не менѣе важная причина. При знакомствѣ съ жителями Кавказа не обращалось особеннаго вниманія на существенный признакъ, отличающій народы между собою, именно на языки, которыми они говорятъ. Попытки, въ этомъ родѣ, нашихъ академиковъ Гильденштета и Палласа и иностранныхъ путешественниковъ—Клапрота, Каленатано, Боденштедта и др., не могли привести къ прочнымъ результатамъ, потому-что эти ученые ограничивались записываніемъ нѣмецкими буквами, со слуха, нѣкоторыхъ словъ; тогда-какъ только элементарныя формы и грамматическій строй представляютъ существенное основаніе каждаго языка и различіе его отъ другихъ. Для избѣжанія этого недостатка и для разъясненія запутанной этнографіи Кавказа, путемъ филологическимъ, составлена была отъ нашей Академіи наукъ особая программа (въ 1853 г.). Но она, какъ и всѣ про-

граммы, оставаясь бы надолго безъ исполненія, если бы не явился надежный дѣятель на этомъ поприщѣ, въ лицѣ генерала Услара. Знакомый съ Кавказомъ и обладая способностью изучать языки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и духомъ настойчивости, предъ которою преклоняются всѣ препятствія, онъ, въ короткое время, успѣлъ уже сдѣлать довольно для лингвистики; но предпринятые имъ труды, въ послѣднее время, обѣщаютъ въ будущемъ еще болѣе. Прежде всего, Усларъ обратилъ вниманіе на недостатки употреблявшихся алфавитовъ, для изображенія звуковъ изучаемыхъ языковъ. Разбирая съ сею цѣлію разные алфавиты, онъ пришелъ къ убѣжденію, что система звуковъ грузинскаго алфавита есть самая приложимая къ кавказскимъ языкамъ. Но какъ знаки его употребляются только для языка грузинскаго, мало извѣстнаго внѣ Грузіи, въ самомъ Кавказѣ, то изображеніе буквъ принялъ Усларъ изъ самаго общеизвѣстнаго здѣсь алфавита, который, безъ сомнѣнія, есть русская азбука. Буквы ея, съ необходимыми дополненіями, прилагаются къ грузинской азбукѣ, и такимъ образомъ составился новый алфавитъ для языковъ и нарѣчій Кавказа. При этомъ пособіи разработаны имъ языки: абхазскій, чеченскій и аварскій; результаты трудовъ его помѣщены, съ лингвистическими дополненіями, академикомъ Шифнеромъ, въ «Мемуарахъ» нашей Академіи наукъ 1862, 1863 и 1864 годовъ (на нѣмецкомъ языкѣ). Въ настоящее время, Усларъ посвящаетъ труды свои на изученіе языковъ и діалектовъ Дагестана. Но, кромѣ Услара, въ послѣднее время были и другіе дѣятели въ разработкѣ кавказскихъ языковъ. Самое видное мѣсто, между этими дѣятелями, занимаетъ академикъ Шифнеръ издавшій лингвистическія разработки Услара, съ своими дополненіями, и изслѣдовавшій подробно діалекты языковъ тушинъ и удовъ [1]) въ своихъ академическихъ студіяхъ, помѣщенныхъ въ трудахъ Академіи наукъ 1856 и 1863 годовъ. Ему же, вмѣстѣ съ покойнымъ академикомъ Шегреномъ, мы обязаны окончательною разработ-

[1]) Поводомъ къ изслѣдованію языка *удовъ* послужило любопытное заявленіе, въ Географическомъ Обществѣ, члена его Яновскаго о родствѣ этого народца, вымирающаго, котораго остатки сохраняются въ Закавказьи, въ двухъ деревняхъ (Варташенѣ и Надкѣ), между Шемахой и Нухой, среди тюркскаго населенія, — съ финскими вотяками, которые именуютъ себя также *Удью* (Вотью). Академикъ Шифнеръ, воспользовавшись матеріалами, переданными ему отъ Географическаго Общества, и свѣдѣніями, полученными имъ отъ компетентныхъ лицъ о языкѣ удовъ, составилъ грамматику его и пришелъ къ убѣжденію, что онъ находится въ близкомъ родствѣ съ другими кавказскими языками, именно Нагорнаго Дагестана, но подвергся, въ теченіи времени, сильному вліянію тюркскаго элемента. Объ отношеніи же собственно удскаго языка или нарѣчія къ вотякскому, г. Шифнеръ не сдѣлалъ особаго заключенія.

кою осетинскаго языка до такой степени, что можно было вывести безошибочно родственную связь его съ извѣстными уже языками, и указать осетинскому народу мѣсто въ общей классификаціи народовъ. Большею же частью, свѣдѣнія о языкахъ Кавказа въ настоящее время представляютъ только матеріалы, требующіе дальнѣйшей обработки, и недостаточны для выводовъ сравнительной филологіи [1]) и для прочнаго основанія этнографіи Кавказа.

Кавказскій перешеекъ служилъ однимъ изъ путей, по которымъ совершалось, предшествовавшее среднимъ вѣкамъ и паденію Западной имперіи, великое переселеніе, или, вѣрнѣе сказать, стремленіе народовъ съ востока на западъ. Народныя массы, двигаясь чрезъ Кавказскія горы, не могли не оставлять тамъ своихъ осадковъ. Сверхъ того, народы, слѣдовавшіе по другому, главнѣйшему пути, который шелъ изъ средней Азіи, мимо сѣверныхъ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей, и осѣвшіе на привольныхъ для кочевки низменностяхъ Волги, Дона и Днѣпра, будучи тѣснимы новыми пришельцами, находили убѣжище, иногда временно, а иногда навсегда, въ неприступныхъ горахъ Кавказа. Все это могло имѣть послѣдствіемъ населеніе Кавказа разными народами, тѣмъ болѣе, что гористое и разъединенное положеніе его препятствовало слитію ихъ между собою. Но чтобы это разнообразіе кавказскаго населенія доходило до такой степени, какъ оно казалось въ древности Птоломею, Плинію, Страбону и другимъ, и какъ оно кидается въ глаза и нынѣшнему наблюдателю, чтобы имена, которыми называютъ себя кавказскіе жители и которыми испещрены географическія карты, дѣйствительно принадлежали разнымъ народамъ,—въ томъ усомнится всякій, кому только доступны основанія, служащія для народной классификаціи. Несомнѣнно, что сравнительная филологія, послѣ историческихъ данныхъ, доказывающихъ настоящее происхожде-

---

[1]) Такъ-какъ и филологія и лингвистика имѣютъ предметомъ языки, то многіе принимаютъ эти слова за синонимы. Филологія употребляетъ языки какъ орудіе, для изученія сущности духовной жизни народа или сравнительно нѣсколькихъ народовъ; она преимущественно дѣйствуетъ тамъ, гдѣ существуетъ литература, а потому принадлежитъ къ *наукамъ историческимъ:* можетъ быть филологія—классическая, китайская, романская, славянская, и т. д.; каждая изъ нихъ объемлетъ большій или меньшій кругъ исторической жизни одного или нѣсколькихъ родственныхъ между собою народовъ. Лингвистика, напротивъ, занимается языкомъ, не обращая вниманія на народъ, которому онъ принадлежитъ; для нея можетъ быть весьма интересенъ языкъ народа, у котораго вовсе нѣтъ письменности. Лингвистику можно отнести къ *наукамъ естественнымъ*: она, какъ и эти науки, останавливается на наблюденіяхъ современныхъ. (Подробности въ главѣ моихъ изслѣдованій: «Объ основаніяхъ классификаціи народовъ».)

ніе народа, есть самое вѣрнѣйшее изъ означенныхъ основаній. Не смотря на то, что правильнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ Кавказа начали заниматься весьма недавно, однакожъ эти занятія довели уже насъ до убѣжденія, что многіе изъ обитателей западной части его, считавшіеся отдѣльными народами, составляютъ только отрасли ихъ. Восточная окраина Кавказа, извѣстная подъ именемъ Дагестана, какъ въ геологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи представляетъ наиболѣе запутанностей. Дагестанъ образуютъ горные узлы или гигантскія плосогорья, изрытыя по разнымъ направленіямъ ущельями. Въ этихъ дикихъ, неприступныхъ мѣстахъ гнѣздятся жители небольшими обществами, считающимися отдѣльными народами, а діалекты ихъ принимаются за особенные языки, которыхъ многочисленность дала поводъ персіянамъ называть эту страну—«Горою языковъ». Чтобы выйти изъ этнографическаго лабиринта въ Дагестанѣ, одна только Аріаднина нить — сравнительная филологія. Хотя, какъ выше сказано, наша разработка на этомъ поприщѣ началась недавно, но, тѣмъ не менѣе, она уже указываетъ намъ на то, что число настоящихъ народовъ, говорящихъ отдѣльными языками, а не нарѣчіями, должно значительно уменьшиться и въ Дагестанѣ. Этимъ только путемъ можно развязать этнографическую путаницу Дагестана и достигнуть важныхъ результатовъ не только для этнографіи, но и для исторіи Кавказа. Наука ожидаетъ этого отъ полезной дѣятельности г. Услара, посвятившаго свои занятія, въ послѣднее время, изученію языковъ и нарѣчій дагестанскаго населенія. Затѣмъ, будетъ предлежать трудъ для ученыхъ, спеціально занимающихся сравнительною филологіею, воспользовавшись мѣстными лингвистическими изслѣдованіями — ввести народы Кавказа въ общую классификацію и указать имъ въ ней извѣстное мѣсто. До того же времени, мы должны довольствоваться такими свѣдѣніями, изъ которыхъ можно составить только очерки. Но прежде нежели мы приступимъ къ нимъ, просимъ читателя еще разъ бросить взглядъ на географическое положеніе Кавказскаго перешейка.

Главный хребетъ Кавказскихъ горъ простирается, какъ вообще принято, отъ NW къ SO; но, по нашему мнѣнію, будетъ правильнѣе сказать, въ общемъ орографическомъ смыслѣ, отъ SO къ NW. Это протяженіе его служитъ основаніемъ къ раздѣленію Кавказа: на Верхній, или *собственно Кавказъ*, и на Нижній, или *Закавказье*. Народы, населяющіе Закавказье, большею частью имѣющіе письменность и исторію, и занявшіе уже мѣсто въ общей классификаціи, вошли уже въ наше описаніе обитателей Россіи

въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ*). Настоящую задачу нашу составляютъ обитатели *собственно Кавказа*, не имѣющіе ни письменности, ни исторіи, а потому требующіе особеннаго изученія. Мы будемъ касаться исторической географіи Закавказья на сколько то необходимо будетъ намъ для уясненія происхожденія и исторической судьбы народовъ, населяющихъ собственно Кавказъ. Для бо̀льшаго же удобства и наглядности, мы раздѣлимъ собственно Кавказъ на *Западный, Средній и Восточный*. Дѣленіе это, впрочемъ, не будетъ представлять математической точности. Мы увидимъ впослѣдствіи, что, напримѣръ, территорія одного изъ кавказскихъ народовъ—сванетовъ, относимыхъ нами къ обитателямъ западной его части, входитъ нѣсколько и въ предѣлы Закавказья. Но мы не остановились на этомъ неизбѣжномъ неудобствѣ въ виду очевидной пользы принятаго нами дѣленія.

НАРОДЫ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА:

ЧЕРКЕСЫ.

Значительнѣйшую часть Западнаго Кавказа составляетъ, такъ-называемый, Закубанскій Край, ограничивающійся съ сѣвера и востока—теченіемъ Кубани отъ истока до устья сей рѣки, съ запада—берегомъ Чернаго моря, съ юга—частью симъ моремъ, а большею частью Кавказскимъ хребтомъ и его отрогами. По крайней мѣрѣ двѣ трети этого огромнаго пространства занимаютъ горы, и только одну треть—равнины и горныя долины. Отъ сѣверной его границы, горы постепенно возвышаются: съ одной стороны, къ берегамъ Чернаго моря, въ которые онѣ какъ бы упираются, а съ другой—къ истокамъ рѣкъ: Бѣлой, Лабы, Урупа и Зеленчуковъ, вытекающихъ изъ главнаго хребта. Покатости этихъ горъ покрыты дѣвственными лѣсами разныхъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Равнины тянутся по лѣвому берегу Кубани и по низовьямъ рѣкъ: Лабы, Бѣлой и др., въ нее впадающихъ, составляя почву плодородную и весьма удобную для земледѣлія и скотоводства. Что̀ касается до продольныхъ и поперечныхъ горныхъ долинъ, то онѣ представляютъ разнообразныя климатическія и почвенныя полосы, ожидающія только рукъ для культуры самыхъ разновидныхъ растеній. Въ этомъ благодатномъ краѣ было самое рѣдкое населеніе, разбросанное на обширномъ пространствѣ, не-

*) Это описаніе должно хранится въ бумагахъ покойнаго. — *Ред.*

большими поселками (аулами), изъ которыхъ составлялись общества, носившія разныя названія и считавшіяся за особые народы. За исключеніемъ русскихъ поселеній въ казачьихъ станицахъ и въ укрѣпленіяхъ, означенныя общества занимали въ Закубанскомъ краѣ, начиная съ сѣверо-запада, слѣдующія мѣстности:

Натухайцы жили близъ Анапы и Суджукской бухты, между моремъ и рѣками Адагумомъ и Кубанью.

Шапсуги были извѣстны подъ именами большихъ и малыхъ: послѣдніе, или приморскіе, граничили съ натухайцами и тѣсно съ ними соединялись, занимая мѣста отъ Анапы до рѣки Шахе; первые обитали на западъ отъ абадзеховъ, до р. Адагума, а на югъ до р. Псезуапсе, по обоимъ склонамъ главнаго хребта.

Убыхи жили на юго-западномъ склонѣ главнаго хребта, между рѣками Псезуапсе и Саше; по берегу моря, они составляли смѣшанныя общества съ шапсугами и абхазами, носившія разныя наименованія, и между прочимъ, имя *варданъ*, напоминающее рѣку Кубань, которая у эллинскихъ и римскихъ писателей называлась «Варданъ» [1]).

Абадзехи занимали центральное положеніе края и обитали по сѣвернымъ лѣсистымъ склонамъ главнаго хребта, отъ истоковъ Бѣлой до рѣки Шабша. Эти четыре общества, извѣстныя подъ именемъ закубанскихъ горцевъ или черкесовъ, были настоящими представителями своей народности. Они считали себя совершенно независимыми, не смотря на Адріанопольскій трактатъ, по которому Турція уступила ихъ Россіи, и представляли миніатюрныя республики, соединенныя между собою, въ родѣ федеральнаго союза. Поэтому ихъ называли вольными черкесами, въ противоположность съ другими обществами, болѣе или менѣе подвластными русскому правительству, которыя управлялись назначаемыми отъ него князьями, почему они и носили названіе княжескихъ или мирныхъ черкесовъ. Впрочемъ, имъ предоставлялось также внутреннее самоуправленіе, а владѣтельные князья обязаны были только наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія, что, на самомъ дѣлѣ, мало исполнялось. Я не буду исчислять здѣсь всѣхъ обществъ, принадлежащихъ къ послѣдней категоріи, нерѣдко состоящихъ изъ небольшого числа ауловъ, и представляющихъ одинъ и тотъ же типъ; но упомяну только о важнѣйшихъ изъ нихъ. Первое мѣсто между

---

[1]) Примѣчательно—во 1) что родъ владѣтелей Гуріи (Гуріель) назывался *Вардаидзе* (Газ. Кавказъ, 1847 г., № 26), и во 2) что, по свидѣтельству кабардинца Шора-Бекова, исторіографа адигскаго народа, слово *варде* значитъ великій, сильный, откуда происходитъ уордъ или уоркъ—дворянское званіе у черкесовъ.

ними занимаютъ *бжедухи*, жившіе между шапсугами и абадзехами, по низовьямъ рѣкъ—Пшекупсъ и Пшеша, и хотя подчинившіеся Россіи за нѣсколько лѣтъ до общаго покоренія западнаго Кавказа, но не переставшіе принимать участія во враждебныхъ замыслахъ къ ней, вмѣстѣ съ своими сосѣдями. Не въ дальнемъ разстояніи отъ бжедуховъ обитали *жанеевцы* или *жанѣ*—отрасль, нѣкогда сильная, которой остатки занимаютъ нынѣ островъ, образуемый двумя рукавами Кубани и называемый черноморскими казаками «Кара-Кубанскимъ островомъ». Часть жанѣевцевъ слилась съ натухайцами. Далѣе на востокъ и на югъ отъ бжедуховъ, закубанцы занимаютъ мѣста, болѣе близкія къ русскимъ военнымъ поселеніямъ и потому болѣе удобныя для наблюденія. Сюда принадлежатъ: *гатюкои*, живущіе частью на правомъ берегу р. Сагуаша, частью между Бѣлой и Лабой, въ низовьяхъ сихъ рѣкъ; *темиргоевцы*, обитающіе по низовьямъ Лабы; *мохоши*, на лѣвомъ берегу Лабы, выше темиргоевцевъ; *беслиневцы* и *кабардинцы*, занимающіе ближайшія мѣста къ Кубани: первые по большой Лабѣ на Теченяхъ, а послѣдніе, выселенные за разбои, въ 1822 г., изъ настоящей Кабарды, по рѣкѣ Урупѣ. По свидѣтельству же Люлье (Записки Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества 1857 г.), и *бесленеевцы* выселились изъ настоящей Кабарды не болѣе ста лѣтъ тому назадъ, сохраняя и понынѣ нить родства съ кабардинцами. Объ этихъ послѣднихъ, составляющихъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей черкесскаго народа, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, при описаніи народовъ центральнаго Кавказа. Всѣ, такъ-называемые, княжескіе или мирные черкесы представляютъ небольшія общества отъ трехъ до семи тысячъ душъ и, въ совокупности, составляютъ отъ 50,000 до 60,000 душъ. Между тѣмъ, населеніе вольныхъ черкесовъ, до послѣдняго выселенія ихъ, составляло до 350,000, а, по другимъ извѣстіямъ, доходило, до 400,000 душъ. Впрочемъ, эти цифры не представляютъ безусловной вѣрности, но должны быть принимаемы только какъ приблизительныя. Въ народѣ, совершенно замкнутомъ и къ другимъ враждебномъ, у котораго не сохраняется времени рожденія и смерти, у котораго даже почитается грѣхомъ считать людей, невозможно достигнуть вѣрности въ дѣлахъ такого рода [1]).

---

[1]) Генералъ Фадѣевъ (въ 9-мъ изъ Кавказскихъ его писемъ, напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за октябрь, ноябрь и декабрь 1864 г.) показываетъ, что, въ 1864 г., переселилось въ турецкія владѣнія 190 т. душъ черкесовъ. Изъ оффиціальныхъ турецкихъ извѣстій (Wanderer, 15 февраля 1865 г.) видно, что, по произведенной турецкимъ правительствомъ ревизіи, въ началѣ 1865 года, оказалось поселенныхъ черкесовъ въ Болгаріи и на границѣ Сербіи—70,000 семействъ или до двухъ сотъ ты-

Всѣ вышепоказанные обитатели Закубанскаго края говорятъ однимъ языкомъ, измѣняющимся только въ нарѣчіяхъ, сходствуютъ между собою образомъ жизни, нравами и обычаями, наружнымъ видомъ, нравственными и духовными свойствами; почему, несомнѣнно составляютъ одинъ народъ, который называетъ себя вообще, по имени языка, *адыге*, и у насъ извѣстенъ подъ названіемъ *черкесовъ*. Отличительныя свойства этого народа — неограниченная любовь къ свободѣ и привязанность къ роднымъ горамъ своимъ, духъ воинственный, личная храбрость и необузданная страсть къ хищничеству и разбоямъ. Упражняясь съ малолѣтства въ дѣлахъ этого рода [1]), черкесы пріобрѣтали, съ одной стороны, ловкость и отвагу, а съ другой—способность переносить всевозможныя лишенія. Напрягая всѣ свои способности для изысканія средствъ къ вѣрной гибели противника, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, не щадя ничего,—черкесъ, въ одно и то же время, является и героемъ и пошлымъ разбойникомъ. Воровство всякого рода считается не преступленіемъ, а достоинствомъ; преступенъ, по понятію черкесовъ, только тотъ, кто попадается на дѣлѣ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить и вѣроломство черкесовъ: обмануть не только чужого, но и своего, а особенно русскаго, и даже вѣроломно убить его—это верхъ достоинства и заслуга предъ Аллахомъ.

Черкесы, говоря вообще, средняго роста, крѣпко сложены и

сячъ душъ. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить хотя небольшое число переселившихся въ Малую Азію и много погибшихъ на пути черкесовъ. Далѣе, исчисляя переселившихся какъ въ турецкія владѣнія, такъ и на кубанскія плоскости, а равно оставшихся мирныхъ черкесовъ, генералъ Фадѣевъ опредѣляетъ общее число для всѣхъ ихъ 320 т. душъ. Баронъ Торнау, бывшій въ плѣну у черкесовъ съ 1836 по 1838 годъ (Воспоминанія кавказскаго офицера Т., помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 годъ), опредѣляетъ число всѣхъ черкесовъ, вообще, до 500 т. душъ, въ томъ числѣ однихъ шапсуговъ съ натухайцами до 300 т., а убыховъ только 6 т.; но, соображая это съ другими свѣдѣніями, мы видимъ, что первое число преувеличено, а второе слишкомъ уменьшено. Ренегатъ Лапинскій (Тафикъ-Бей), жившій у черкесовъ 3 года (Die Bergvölker des Kaukasus), утверждаетъ, что общее число черкесовъ должно составлять до 900 т. душъ. Но какъ онъ, отвергая вообще имя черкесовъ, смѣшиваетъ ихъ съ абазами или абхазами, то, вычтя даже число населенія сихъ послѣднихъ, составляющее до 150 т. душъ, изъ означенной суммы, приходится на долю населенія черкесовъ 750 т. душъ! Впрочемъ, черкесофилъ Лапинскій смотритъ въ увеличительное стекло на все, что относится до закубанскихъ горцевъ. Вышеприведенныя, разнообразныя цифры подтверждаютъ, какъ трудно достигнуть истиннаго опредѣленія населенія такого народа, какъ черкесы.

1) Черкесъ всегда вооруженъ, какъ говорится, съ головы до ногъ: за плечами—мѣткая винтовка, при бедрѣ—острая шашка (по-черкесски сашенсху—большой ножъ), за поясомъ—одинъ или два длинныхъ пистолета и широкій кинжалъ—всегдашніе его спутники, съ которыми онъ не разлучается.

отличаются правильными и мужественными чертами лица, сквозь которыя нерѣдко проглядываетъ свирѣпость. Между черкешенками встрѣчаются настоящія красавицы, но это составляетъ принадлежность болѣе высшаго сословія, пользующагося удобствами жизни. Въ низшихъ же слояхъ черкесскаго общества, женщины, по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ возможность видѣть ихъ тысячами, при переселеніи въ Турцію, не отличаются красотою, и въ этомъ отношеніи уступаютъ мужчинамъ. Сверхъ того, красота черкешенокъ непродолжительна, и сохраняется преимущественно у дѣвицъ; по выходѣ же замужъ, самыя красивыя женщины, отъ тяжелыхъ трудовъ и безпрерывныхъ заботъ, весьма скоро измѣняются и дурнѣютъ. Что касается до молвы о красотѣ черкешенокъ вообще, то она возникла оттого, что турки получали, для своихъ гаремовъ, красивыхъ женщинъ чрезъ прибрежныхъ черкесовъ, которые занимались этою постыдною торговлею, по удобству своего жительства; сами же они пріобрѣтали ихъ во всемъ мусульманскомъ населеніи края.

Замкнутость и отчужденіе черкесскаго народа отъ чужеземцевъ и ненависть къ гяурамъ и особенно къ русскимъ, представляли неимовѣрныя затрудненія къ ознакомленію съ ихъ домашнею, соціальною и политическою жизнью. Все, что̀ намъ по этому извѣстно, мы обязаны лицамъ, которымъ, по особеннымъ случаямъ, удалось ближе познакомиться съ черкесами [1]). Добытыя такимъ путемъ, данныя, между прочимъ, показываютъ, что народъ черкесскій стоитъ на низкой степени соціальнаго развитія; вся жизнь его, какъ домашняя, такъ и общественная, проникнута элементомъ патріархальнаго, родового быта. Старѣйшій въ семействѣ есть полный властелинъ надъ членами его. Родительская власть ничѣмъ не ограничена: отецъ ни предъ кѣмъ не отвѣчаетъ за жизнь своего ребенка. Впрочемъ, злоупотребле-

---

[1]) Мы укажемъ на эти лица и на изданныя ими сочиненія, которыми пользовались. Первое мѣсто занимаетъ *баронъ Торнау*, русскій штабъ-офицеръ, слишкомъ два года бывшій въ плѣну у черкесовъ (1836—1838 г.) и описавшій свои приключенія въ замѣчательномъ сочиненіи: «Воспоминанія кавказскаго офицера Т.»; оно напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 годъ. Затѣмъ слѣдуютъ: *Теофилъ Лапинскій*, полякъ, извѣстный подъ именемъ Тафикъ-Бея, который прожилъ у черкесовъ три года и, по этому случаю, издалъ сочиненіе «Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen», 1863 г.; англійскій туристъ *Белль*, проживший три года у горцевъ и издавшій о нихъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Bell's Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838, 1839 г.»; *Фридрихъ Боденштедтъ*, живший между черкесами нѣсколько времени и издавшій сочиненіе подъ названіемъ: «Die Völker des Kaukasus», 1847 г. (второе изданіе, дополненное, вышло въ 1855 г.). Кромѣ того, я пользовался кавказскими періодическими изданіями и свѣдѣніями о бытѣ черкесовъ отъ лицъ, которымъ, по служебному ихъ положенію, онъ сдѣлался извѣстенъ.

нія родительской власти у черкесовъ составляютъ рѣдкость, исключая развѣ продажи дочерей и мальчиковъ-сыновей въ Турцію, которая въ нашихъ глазахъ есть жестокость, но, по ихъ понятію, показываетъ только родительское попеченіе о доставленіи дѣтямъ своимъ счастливой будущности. Въ этомъ случаѣ, они руководствовались тѣмъ, что проданныя дочери попадали нерѣдко въ гаремы могущественныхъ пашей и даже султановъ, а сыновья достигали высшихъ степеней оттоманской іерархіи.

Въ народѣ, у котораго личная храбрость и физическая сила составляютъ все достоинство, женщина не можетъ пользоваться своими правами и должна находиться въ угнетеніи. Дѣйствительно, жена или жёны черкеса, которыхъ онъ покупаетъ — настоящія рабы его. Нѣтъ ничего обиднѣе для черкеса, какъ уподобить его женщинѣ. Удалецъ (джигитъ), предпринимающій какое-либо отчаянное дѣло, говоритъ: «если я не совершу его, то позволю себѣ надѣть чрезъ плечо, вмѣсто ружья, ярлку.» Сказать черкесу, что онъ достоинъ носить юбку, значитъ—нанести ему такое оскорбленіе, какое можетъ быть искуплено только кровью. Если свободный и зажиточный черкесъ не былъ на войнѣ и не участвовалъ въ набѣгахъ, то или наслаждался дома покоемъ, или чистилъ свое оружіе, или игралъ на пшенарѣ (двухструнная балалайка), или, наконецъ, разъѣзжалъ по гостямъ. На женѣ или на женахъ его лежали всѣ заботы и труды по домашнему хозяйству и воспитанію дѣтей; онѣ, сверхъ того, приготовляли не только для нихъ и для себя, но и для мужа, бѣлье и даже большую часть одежды. По свидѣтельству очевидцевъ, черкешенки отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ женскихъ рукодѣліяхъ; что онѣ ни дѣлаютъ, во всемъ видно практическое приспособленіе и даже хорошій вкусъ. За-то, искусство въ этихъ работахъ, послѣ красоты, считается важнѣйшимъ достоинствомъ дѣвушки и служитъ приманкою для жениховъ. Чѣмъ красивѣе [1]) или искуснѣе въ женскихъ рукодѣліяхъ дѣвушка, тѣмъ болѣе должно заплатить за нее выкупа (калыма)

---

[1]) Красоту женщины, по вкусу черкесовъ, должны преимущественно составлять — тонкій и гибкій станъ, съ малымъ развитіемъ грудей. Увѣряютъ, что для достиженія этого идеала красоты зашиваютъ талію черкесскихъ дѣвушекъ съ ранняго возраста въ кожу, которая остается на нихъ до выхода ихъ въ замужество, и что, въ день свадьбы, счастливый мужъ разрѣзываетъ со всею осторожностью своимъ кинжаломъ этотъ щитъ красоты и невинности. Торнау опровергаетъ этотъ слухъ, утверждая съ тѣмъ вмѣстѣ, что черкесскія дѣвушки дѣйствительно носятъ подъ рубахою, такъ-называемый, пша-кафтанъ (дѣвичій кафтанъ) — родъ корсета — изъ кожи, холста или бумажной матеріи, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, который сжимаетъ талію и груди.

родителямъ. Этотъ калымъ (по свидѣтельству Лапинскаго) простирается на наши деньги отъ 100 до 2,000 руб., и уплачивается преимущественно: скотомъ, оружіемъ, разнымъ товаромъ и весьма рѣдко — деньгами. Но удивительнѣе всего, что (по свидѣтельству Торнау) черкешенки могутъ разбирать коранъ, умѣютъ читать и писать по-турецки и ведутъ даже переписку на этомъ языкѣ, за своихъ отцовъ и мужей, которые пренебрегаютъ ученіемъ. Черкесскія дѣвушки пользуются нѣкоторою свободою: имъ дозволено показываться въ мужскомъ обществѣ съ открытымъ лицомъ; онѣ могутъ принимать у себя родныхъ и постороннихъ, въ присутствіи какой-либо старухи; участвовать при свадебныхъ и другихъ празднествахъ, даже танцовать тамъ съ молодыми людьми. Потеря невинности считается величайшимъ несчастіемъ для черкесской дѣвушки, которое искупается только женитьбою или смертью соблазнителя. Вообще дѣвушка отвѣтствуетъ за свое поведеніе — родителямъ, жена — мужу, а вдова — никому, если только она не нарушаетъ правилъ общественнаго приличія; она можетъ выйти вторично замужъ, когда пользуется красотою, знатнымъ происхожденіемъ или богатствомъ. Но вышедши за мужъ, всякая женщина становится рабою своего мужа; никто ее не видитъ и она не можетъ переступить порога своего дома, не надѣвъ длиннаго бѣлаго покрывала. За невѣрность своему мужу, по шаріату, она наказывается смертью, равно какъ и соблазнитель ея. Но если мужъ не хочетъ невѣрную жену подвергнуть суду, то имѣетъ право продать ее какъ невольницу. Не смотря однакожъ на всю строгость гаремной жизни и всѣ мѣры, принимаемыя ревнивыми мужьями, случаются иногда примѣры нарушенія супружеской вѣрности, которые оканчиваются обыкновенно трагически для соблазнителя и для жертвы соблазна. Баронъ Торнау приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ трагическихъ происшествій.

Право собственности сохраняется между черкесами, и рѣдко когда нарушается; а потому существуетъ у нихъ и право наслѣдства, которое обыкновенно переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ мужескаго пола. При раздѣлѣ имущества между наслѣдниками по ровной части, старшій изъ нихъ имѣетъ преимущество предъ другими, состоящее въ томъ, что онъ, сверхъ своей части, получаетъ еще одну цѣнную вещь. Для разбора споровъ и тяжбъ между собою, черкесы рѣдко обращаются къ кадіямъ, зная впередъ, что они истолкуютъ законъ въ пользу того, отъ кого могутъ получить болѣе для себя выгоды, но гораздо охотнѣе прибѣгаютъ они къ суду избранныхъ старшинъ (тамата), выбираемыхъ изъ среды людей, пользующихся добрымъ

именемъ, преимущественно же изъ стариковъ, къ которымъ вообще питаютъ большое довѣріе. За убійство зовутъ на судъ только люди, неимѣющіе силы отмстить обидчику, или, въ крайнихъ случаяхъ, когда кровомщеніе угрожаетъ принять слишкомъ большіе размѣры, причемъ весь народъ заставляетъ кровомстителей кончить распрю духовнымъ судомъ, назначающимъ размѣръ кровавой пени, по шаріату ли, одинаково опредѣляющему цѣну крови для всѣхъ сословій, или по адату, указывающему постепенность въ этой цѣнѣ, судя по сословіямъ, т. е.: жизнь князя оцѣнивается дороже, чѣмъ дворянина, а жизнь дворянина болѣе противъ простолюдина. По большей же части, за кровь платится кровью. Кровомщеніе, *«канла»*, переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и распространяется на всю родню убійцы и убитаго. Самые дальніе родственники убитаго должны мстить за его кровь. Сила и значеніе рода зависитъ отъ числа мстителей, которыхъ онъ можетъ выставить. Наравнѣ съ этою характеристическою чертою нравовъ черкесовъ стоитъ не менѣе характерное свойство ихъ, состоящее въ гостепріимствѣ. Хотя оно существуетъ у всѣхъ народовъ, ведущихъ патріархальную жизнь, но черкесамъ оно принадлежитъ по преимуществу. Гость, кто бы онъ ни былъ, считается лицомъ неприкосновеннымъ и самымъ почетнымъ; его принимаютъ, не спрашивая, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, въ особомъ, имѣющемся у каждаго небѣднаго человѣка, отдѣленіи дома, называемомъ кунацкою (дружескою), и угощаютъ всѣмъ, что̀ есть лучшаго у хозяина; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранился даже древній обычай омовенія ногъ гостя почетнѣйшею въ домѣ женщиною. Пока гость въ домѣ хозяина, жизнь его въ совершенной безопасности; самый страшный его врагъ, самъ кровомститель не смѣетъ нарушить правъ гостепріимства и нападать на гостя, пока онъ не оставитъ дома, гдѣ онъ принятъ. Не можемъ оставить безъ вниманія еще одну характеристическую черту черкесскихъ обычаевъ. Князья и знатные дворяне не воспитываютъ своихъ сыновей въ родительскомъ домѣ, но отдаютъ ихъ съ младенчества на воспитаніе постороннимъ, по избранію, лицамъ, далеко отъ нихъ живущимъ и нерѣдко принадлежащимъ другому обществу или народу, какъ, напримѣръ: абадзехи шапсугамъ, шапсуги убыхамъ, и т. д. Цѣль этого обычая, какъ кажется, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти дома не изнѣжились и привыкли переносить физическіе труды и лишенія. Воспитатель, «аталыкъ» (слово татарское), имѣетъ надъ своимъ питомцемъ родительскую власть, учитъ его съ молодыхъ лѣтъ — ѣздить верхомъ, дѣйствовать шашкой, стрѣлять изъ пистолета и ружья. Когда же онъ достигнетъ юношескаго возра-

ста, то аталыкъ отправляется съ нимъ на разные поиски и обучаетъ его, какъ должно искусно воровать, грабить и джигитовать; въ этомъ главнѣйше состоитъ обязанность воспитателя. По достиженіи питомцемъ зрѣлаго возраста и по изученіи имъ, по понятію черкесовъ, военнаго дѣла, аталыкъ возвращаетъ сына отцу, получаетъ отъ него значительные подарки, оружіемъ, лошадьми и проч., и пріобрѣтаетъ затѣмъ большое уваженіе отъ всего дома, особенно же отъ своего воспитанника, который обязанъ во всемъ и всегда ему помогать. Вообще этотъ способъ воспитанія служилъ большою связью между черкесами разныхъ сословій и родовъ. Женскій полъ высшихъ званій отдается также на воспитаніе въ чужіе дома, гдѣ содержатъ дѣвицъ въ строгомъ повиновеніи, заботятся о сохраненіи наружной ихъ красоты, и обучаютъ рукодѣліямъ, особенно вышиванью золотомъ и серебромъ. Въ этомъ заключается все воспитаніе, по окончаніи котораго и по выходѣ въ замужество дѣвицы, часть полученнаго калыма выдѣляется воспитательницѣ.

Черкесы — небольшіе охотники до земледѣлія и производятъ хлѣба столько, сколько потребно для своего продовольствія; гораздо охотнѣе они занимаются скотоводствомъ и пчеловодствомъ, пользуясь для того всѣми удобствами. Изъ фабричныхъ занятій черкесовъ заслуживаетъ вниманія только приготовленіе огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія, которое составляетъ существенную потребность ихъ жизни и потому цѣнится выше всего. Прочія фабричныя и мануфактурныя издѣлія, за исключеніемъ малаго числа приготовляемыхъ дома, пріобрѣтались преимущественно посредствомъ контрабандной торговли, которой способствовали малодоступные для наблюденія берега Чернаго моря. Кромѣ бумажныхъ, шелковыхъ и суконныхъ товаровъ, черкесы получали этимъ путемъ соль, въ которой они особенно нуждались, сѣру для приготовленія пороха, имѣя у себя дома селитренную землю, а отчасти порохъ и оружіе. Въ замѣнъ этихъ товаровъ, они отпускали свои произведенія, преимущественно: воскъ, медъ, невыдѣланныя кожи и скотъ. Отпускная торговля, также какъ и привозная, имѣла, большею частью, мѣновой характеръ. Но самый дорогой изъ отпускныхъ товаровъ, идущихъ въ Турцію, составляли дѣвушки и мальчики. Этотъ живой товаръ обогащалъ не только прямыхъ хозяевъ его, но также и турецкихъ коммиссіонеровъ, для пріобрѣтенія его скитавшихся по берегамъ Чернаго моря и въ самой Черкесіи. Русскіе крейсеры строго преслѣдовали суда, нагруженныя этимъ товаромъ, но частью по легкости хода ихъ, а частью по неприступности морского берега во многихъ мѣстахъ, — имъ нерѣдко удавалось скрываться

отъ такихъ преслѣдованій. Теперь положенъ конецъ этому постыдному торгу.

Черкесское общество представляетъ четыре сословія: высшаго дворянства или князей (пши), дворянъ (уоркъ, уздень), свободныхъ людей (твоколъ) и рабовъ (тлхо-кошао). Князья ведутъ свой родъ съ глубокой древности и стараются сохранить чистоту своей крови, не смѣшиваясь даже съ дворянами, такъ-что сынъ, родившійся отъ князя и дворянки, не можетъ почитаться настоящимъ княземъ. Между вольными черкесами, древнихъ княжескихъ фамилій сперва было немного, но число ухъ увеличилось впослѣдствіи пожалованіемъ нѣкоторыхъ семействъ въ княжеское достоинство турецкимъ правительствомъ. Что̀ касается до мирныхъ или княжескихъ черкесовъ, то у нихъ еще болѣе княжескихъ фамилій, которыя преимущественно переселились изъ Кабарды. Хотя князья вообще пользуются въ Черкесіи особеннымъ почетомъ, но вліяніе ихъ на общественныя дѣла мало разнствуетъ отъ вліянія дворянъ, и зависитъ преимущественно отъ личныхъ свойствъ и достоинствъ каждаго. Дворяне, по бо́льшей своей числительности и по бо́льшему вліянію на народъ, пре́дставляли сильный аристократическій элементъ у черкесовъ. Но въ послѣднее время, отъ распространившагося мюридизма, (воинственно-религіозной секты, игравшей великую роль въ магометанскомъ населеніи Кавказа), котораго главный догматъ составляетъ — приведеніе въ одинъ уровень всѣхъ сословій народа и прямое подчиненіе его единоличной власти имама, а, можетъ быть, и отъ другихъ жизненныхъ условій, аристократическій элементъ сталъ упадать, а народъ или свободные люди начали возвышаться и преобладать. Вотъ, какъ описываетъ Люлье эти событія у шапсуговъ и натухайцевъ [1]): «Въ сихъ обществахъ было много княжескихъ и дворянскихъ фамилій, но вліяніе ихъ мало по малу стало ослабѣвать, а въ народѣ начали проявляться стремленія къ бо́льшей свободѣ; изъ этого возникли столкновенія партій и безначаліе. Для возстановленія порядка были созваны народныя собранія, но не общія, а отдѣльныя — дворянскія или аристократическія (какъ называетъ ихъ авторъ), и народныя или демократическія; послѣднія, по своей числительности, одержали верхъ надъ первыми. Дворяне старались потомъ разными средствами удержать свое вліяніе, но, не успѣвъ въ томъ, прибѣгли къ оружію и, при помощи дворянъ сосѣднихъ бжедуховъ, одержали-было побѣду надъ народомъ, но это не остано-

[1]) А. Люлье: о натухайцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ, въ Запискахъ кавказскаго отдѣленія Географическаго Общества, книга IV.

вило хода событій, а, напротивъ, ускорило его. Вся надежда дворянъ на успѣхъ была потеряна: права и преимущества ихъ уничтожены, всенародно объявлено равенство, и пеня за кровь опредѣлена одинаково для всѣхъ». Въ обществѣ же бжедуховъ, дворяне даже были изгнаны изъ общихъ ауловъ, и принуждены были жить съ своими рабами, въ отдѣльныхъ аулахъ [1]). Вообще раздоры между сословіями не могли не отразиться на прочности союза, связывавшаго черкесовъ, и послужили одною изъ причинъ его шаткости въ послѣднее время.

Независимо отъ сословныхъ преимуществъ, пользуются у черкесовъ большимъ уваженіемъ: старики и особенно тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ даромъ слова, имѣющимъ сильное вліяніе на весьма воспламенительный черкесскій народъ; люди благочестивые, посѣщавшіе гробъ Магомета и носившіе почетное названіе «хаджи»; удалые храбрецы, «гаджериты», извѣстные у насъ подъ именемъ «абрековъ», которые обрекали себя на всѣ опасности, сопряженныя съ заклятою местью къ русскимъ [2]); наконецъ, народные барды «гекуокамы», сохранившіе въ памяти геройскіе подвиги своего народа или особенныхъ личностей, отличавшихся необыкновенною храбростью,— все это излагалось въ пѣсняхъ, нерѣдко риѳмованныхъ, которыя гекуакамы пѣли на пиршествахъ и предъ началомъ сраженія, для возбужденія храбрости; съ усиленіемъ ислама, гекуокамы стали постепенно исчезать.

Между черкесами, которые сами пользуются неограниченною личною свободою, существовало рабство въ полномъ смыслѣ этого слова. Всякій свободный черкесъ могъ имѣть столько рабовъ, сколько позволяли ему средства, и продавать ихъ кому и какъ хотѣлъ. Дворянинъ же, а тѣмъ болѣе князь, не могли даже обойтись безъ рабовъ, потому-что личный трудъ для нихъ почитался постыднымъ [3]). Рабы пріобрѣтались или покупкою, или захватомъ въ плѣнъ, и употреблялись для всѣхъ тяжелыхъ работъ. Если

---

[1]) Четвертое письмо изъ Тифлиса генерала Фадѣева, помѣщенное въ № 7-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», за ноябрь 1864 г.

[2]) Не было — говоритъ Торнау въ своихъ «Воспоминаніяхъ» — ни хитрости, ни вѣроломнаго обмана, считавшихся неповоленными для абрека, когда дѣло шло—убить русскаго, а для казака, когда предвидѣлась возможность подкараулить абрека; ни казаки, ни абреки, при встрѣчѣ, не просили и не давали пощады.

[3]) Когда Торнау самымъ вѣроломнымъ образомъ былъ взятъ въ плѣнъ, то гнусный владѣлецъ его Асланъ-бекъ Тамбіевъ, кабардинскій уздень чистой крови, прежде всего спросилъ его: дворянинъ ли онъ по рожденію, или только по чину? Получивъ въ отвѣтъ, что онъ природный дворянинъ, Тамбіевъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ нельзя заставлять его работать. Но тѣмъ не менѣе онъ приковалъ несчастнаго Торнау къ стѣнѣ и окружилъ его всѣми возможными стѣсненіями. Это, по понятію истаго черкеса, не нарушало преимуществъ прирожденнаго дворянина.

они не знали какого-либо ремесла, полезнаго для владѣльца, то, участь ихъ была самая жалкая. Въ особенности подвергались всѣмъ возможнымъ угнетеніямъ русскіе плѣнные, если только не имѣлось въ виду получить за нихъ значительнаго выкупа. Дѣти, рожденныя отъ рабовъ, оставались въ томъ же состояніи, но съ ними обращались человѣколюбивѣе, такъ же какъ и со стариками, на основаніи вообще уваженія, питаемаго черкесами къ сѣдинамъ. Торговля рабами была самая выгодная для черкесовъ. Ею преимущественно занимались убыхи и производили ее или сами, или посредствомъ турецкихъ агентовъ, пріѣзжавшихъ нарочно для того изъ Константинополя и конечно получавшихъ огромные барыши [1]). Число рабовъ въ каждомъ изъ черкесскихъ обществъ было различное. По свидѣтельству Лапинскаго, между убыхами рабы составляли почти четвертую часть всего населенія, между абадзехами — десятую, а между шапсугами — едва двадцатую.

Дворъ, помѣщавшій нѣсколько домиковъ, въ которыхъ жили не только владѣлецъ съ семействомъ, но и родные его по прямой восходящей и нисходящей линіи, со всѣми рабами, имъ принадлежащими, — составлялъ у черкесовъ административную единицу (юнегъ-домъ, или дворъ). Сто такихъ дворовъ, образующихъ нѣсколько ауловъ, разсѣянныхъ на довольно значительномъ пространствѣ, представляли общину или волость (юнегъ-исъ), которыя управлялись старшинами (тамата), при содѣйствіи муллъ и кадіевъ. Нѣсколько такихъ общинъ, расположенныхъ обыкновенно по теченію какой-либо рѣки, составляли родъ или область, въ которую входило до двадцати и болѣе общинъ. Изъ областей уже образовалось то, что̀ носило названіе народа — абадзеховъ, шапсуговъ, и т. д. Такъ, какъ ни одно важное дѣло не предпринималось у черкесовъ, безъ предварительнаго совѣщанія, то на совѣты посылалось обыкновенно отъ каждой общины по два и болѣе выборныхъ старшинъ (тамата). Въ дѣлахъ же особенной важности, касающихся религіи, ополченія противъ русскихъ, обсужденія предложеній турецкаго правительства и т. п., составлялись общіе федеральные совѣты изъ нарочно избранныхъ для того старшинъ отъ каждаго народа, извѣстныхъ своею опытностью въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ, и пользовавшихся особеннымъ вліяніемъ. Въ этихъ совѣтахъ избирались

---

[1]) Вотъ мѣстныя цѣны этому живому товару на наши деньги, по указанію Лапинскаго: обыкновенный мальчикъ стоилъ около 100 р. сер.; отличающійся особою красотою отъ 300 до 500 р.; взрослый мужчина, годный для военной службы — 200 р. На женщинъ не было постоянныхъ цѣнъ: за нихъ платилось по градусамъ ихъ красоты; 5,000 р. было однакожъ максимумъ. Въ Константинополѣ товаръ этотъ стоилъ вдвое, втрое, а иногда въ десять разъ болѣе противъ показанной цѣны.

военные начальники и опредѣлялось, сколько каждая община должна выставить вооруженныхъ воиновъ, пѣшихъ и конныхъ [1]). Такой, повидимому, простой и приспособленный къ духу и степени развитія народа порядокъ нарушался и колебался въ своемъ основаніи отъ необузданнаго своеволія черкесовъ, отъ внутреннихъ ихъ раздоровъ и безпрерывныхъ кровомщеній. Послѣдній изъ трехъ наибовъ Шамиля, высланныхъ имъ къ черкесамъ для распространенія между ними мюридизма — Мегметъ-Эминъ, бывшій при Шамилѣ секретаремъ и постигшій вполнѣ его политику, видя, что администрація и судъ у нихъ находятся въ большомъ разстройствѣ, старался ввести порядокъ и поэтому началъ учреждать «мехкемэ», или окружные судебные приказы, которые составляли не одни только судьи, но и лица, завѣдывающія полиціею и другими отраслями администраціи. Распоряженія эти однакожъ не нравились привыкшимъ къ своеволію черкесамъ: шапсуги скоро ихъ отвергли, а у абадзеховъ, гдѣ Мегметъ-Эминъ пользовался особымъ вліяніемъ, «мехкемэ» существовали кое-гдѣ, до самаго паденія наиба.

Все вышесказанное примѣняется къ черкесамъ вообще, но преимущественно принадлежитъ вольнымъ черкесамъ, сохранившимъ въ чистотѣ національный типъ. Они составляли, какъ выше сказано, четыре отрасли: *абадзеховъ*, *шапсуговъ*, *натухайцевъ* и *убыховъ*. Но изъ нихъ только *абадзехи* и *шапсуги* представляли основу и могущество черкесскаго народа, по чистотѣ типа и по числу населенія: первыхъ считалось приблизительно отъ 140,000 до 150,000 душъ, послѣднихъ отъ 120,000 до 130,000 душъ. *Натухайцы*, ничѣмъ не отличаясь отъ *шапсуговъ*, составляли одну съ ними массу, а потому численность ея должна увеличиться по крайней мѣрѣ еще 60,000 душъ *натухайцевъ*. Что касается до *убыховъ*, то они представляли самое малочисленное общество, между вольными черкесами, простиравшееся до 25,000 душъ. Но тѣмъ не менѣе убыхи имѣли значительное вліяніе на общія дѣла союза, по бо́льшему соціальному своему развитію и по богатству, сравнительно съ другими обществами. Этому они обязаны были близости къ нимъ морского берега, дававшаго имъ возможность имѣть сношенія съ болѣе ихъ образованными народами и производить прибыльную торговлю особенно живымъ товаромъ. По этимъ особенностямъ и по говору, который отличается отъ прочихъ нарѣчій языка

[1]) Черкесы также храбро сражались на конѣ, какъ и пѣшіе, чѣмъ и отличались отъ другихъ горцевъ. Удальство ихъ въ наѣздничествѣ и искусство въ эквилибрическихъ пріемахъ (джигитовкѣ) усвоены нашими казаками вполнѣ.

«адиге», нѣкоторые считаютъ ихъ за народъ особаго происхожденія. Такого мнѣнія держится, между прочимъ, Люлье, считая убыховъ отдѣльнымъ народомъ, имѣющимъ особенный языкъ, который, по его же словамъ, составляетъ только принадлежность простого народа и то жителей горныхъ ущелій; дворяне же и обитатели морского берега всѣ говорятъ адигскимъ языкомъ, удобно понимая притомъ и сосѣдственный абхазскій говоръ. Гильденштетъ, Лапинскій, Бель, Боденштедтъ и Торнау утверждаютъ, что убыхи составляютъ съ прочими черкесами одинъ народъ. Послѣдній изъ нихъ присовокупляетъ къ тому, что, можетъ быть, они составились изъ черкесовъ, абхазовъ и европейцевъ, выброшенныхъ, какъ говоритъ преданіе, на черкесскій берегъ, во время перваго крестоваго похода. Все это указываетъ на то, что убыхи — народъ смѣшанный, въ основѣ котораго однакоже остался адигскій элементъ преобладающимъ. Къ этой основѣ удобно могъ присовокупиться элементъ ближайшихъ убыхамъ сосѣдей — джикетовъ, отрасли абхазовъ, съ которыми они находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Можетъ быть, въ составъ смѣшаннаго народа вошелъ и европейскій элементъ, тѣмъ ли путемъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, или, вѣрнѣе, посредствомъ вліянія оставшихся отъ прежняго поселенія грековъ, имѣвшихъ, какъ извѣстно, свои колоніи по восточному берегу Чернаго моря и преимущественно на территоріи, которую занимали убыхи и сосѣдніе съ ними абхазы, какъ въ своемъ мѣстѣ будетъ разъяснено. Ближайшее знакомство съ убыхами, при переселеніи ихъ въ Турцію, показало, что они свободно объясняются съ прочими черкесами и легко усвоиваютъ ихъ нарѣчіе [1]); а потому они очевидно сохранили общій съ ними типъ и должны составлять одинъ съ ними народъ.

Въ настоящее время, всѣ черкесы исповѣдуютъ магометанскую вѣру по суннитскому обряду. Но, что прежде у нихъ было распространено христіанство, это доказываютъ — преданія, памятники и исторія. До сихъ поръ, у черкесовъ существуетъ смутное воспоминаніе о христіанствѣ; до сихъ поръ сохраняются у нихъ нѣкоторые обряды и праздники христіанской церкви, которые они смѣшиваютъ съ обрядами ислама и язычества. Они чтятъ память Іисуса Христа, признавая его Сыномъ Божіимъ, но еще болѣе питаютъ благоговѣнія къ Матери Божіей и празд-

[1]) Академикъ Шифнеръ въ разборѣ сочиненія барона Услара: «Этнографія Кавказа: абхазскій и чеченскій языки», представленнаго къ соисканію Демидовской премія, упоминаетъ мимоходомъ, что Усларъ занимался и языкомъ убыховъ, но, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны результаты его трудовъ.

нуютъ торжественно вознесеніе ея на небеса, въ іюнѣ мѣсяцѣ. По морскому берегу и даже нѣсколько въ глубь горъ, встрѣчаются развалины церквей и остатки надгробныхъ памятниковъ съ латинскими и греческими надписями. Памятники съ латинскимъ крестомъ и гербомъ Генуезской республики попадаются болѣе въ сѣверной части прибрежья, а съ греческими надписями и съ изображеніемъ греческаго креста находятся преимущественно въ южной части Черкесіи. Встрѣчаемые здѣсь и особенно ближе къ Абхазіи, остатки христіанскихъ церквей носятъ на себѣ явственно типъ византійскаго стиля. Изъ византійской исторіи извѣстно, что въ VI вѣкѣ по Р. Х. были посылаемы изъ Византіи особые миссіонеры для введенія христіанства въ западномъ Кавказѣ. Съ восточной стороны, предпринимались подобные подвиги грузинскими царями, на что̀ указываютъ источники грузинской исторіи.

Когда фанатическіе послѣдователи Магомета стали мечомъ и огнемъ распространять его ученіе повсюду, куда только могли проникнуть, тогда и жители Кавказа подверглись ихъ напору. Изъ народовъ, обитавшихъ на Кавказѣ и въ Закавказьи, одни только армяне и грузины, просвѣтившіеся христіанствомъ въ началѣ IV-го столѣтія, отстояли свою вѣру; прочіе же, волею и неволею, сдѣлались мусульманами. Турецкіе султаны, занявъ, въ срединѣ XV-го столѣтія, престолъ византійскихъ императоровъ, распространили магометанскую вѣру между кавказскими народами, въ томъ числѣ и между черкесами, и съ того времени начали считать ихъ своими подданными. Для поддержанія своей власти, они построили, въ XVI столѣтіи, приморскія крѣпости Поти, Сухумъ, Апсюгу, и др. Не смотря на то, черкесы, которыхъ турецкій султанъ считалъ своими подданными, на дѣлѣ никогда ему не повиновались. Они признавали его, какъ наслѣдника Магомета и падишаха всѣхъ мусульманъ, духовнымъ своимъ главою, но не платили никакихъ податей, не поставляли солдатъ и не допускали вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, терпя турокъ, занимавшихъ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, по праву только единовѣрія. Въ случаѣ посягательства на ихъ свободу, они прибѣгали къ оружію и выходили побѣдителями. Такъ продолжалось до 1829 года. По силѣ Адріанопольскаго трактата, Оттоманская Порта уступила Россіи Закубанскую область съ ея жителями-черкесами, вплоть до границъ Абхазіи, предавшейся Россіи лѣтъ двадцать ранѣе. Но эта уступка осталась только на бумагѣ и не имѣла никакой фактической силы. Черкесы упорно стояли на томъ, что они и предки ихъ были всегда независимы. Султанъ никогда ими не владѣлъ, а потому и уступать ихъ ни-

кому не могъ [1]). Должно было брать силою то, что слѣдовало по праву трактата, послѣ побѣдъ, проложившихъ русскимъ войскамъ путь къ стѣнамъ Константинополя. Но вести войну съ горцами обычнымъ способомъ было невозможно. Какъ дикія птицы, когда ихъ спугнутъ съ одного мѣста, перелетаютъ на другое, пока не найдутъ неприступнаго для себя убѣжища или пока не утомятъ охотника: такъ поступали черкесы съ нашими войсками. Наши укрѣпленія, построенныя въ стратегическихъ пунктахъ, были страшны для тѣхъ только черкесовъ, которые жили на разстояніи пушечнаго выстрѣла, и которые не могли переселиться далѣе въ глубь горъ, и тамъ удобно устроить свои подвижныя жилища. Приморскія же укрѣпленія, требовавшія такъ много жертвъ, были полезны только противъ внѣшнихъ, враждебныхъ намъ вмѣшательствъ, но не могли имѣть прямого вліянія на покореніе черкесовъ. Впродолженіе тридцати лѣтъ, послѣ Адріанопольскаго мира, много было пролито русской крови, много было геройскихъ подвиговъ съ нашей стороны, но покореніе края подвигалось медленно.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Кавказа разыгривалась кровавая драма, въ которой дѣйствующими лицами были фанатики ислама — *мюриды*, главная обязанность которыхъ состояла въ возбужденіи религіозной войны противъ невѣрныхъ, и конечно прежде всего противъ русскихъ. Извѣстный въ Россіи и весьма памятный на Кавказѣ Шамиль сдѣлался имамомъ мюридовъ, неограниченнымъ повелителемъ Дагестана и непримиримымъ врагомъ Россіи. Для противодѣйствія его замысламъ, нужно было отвлечь часть войскъ отъ запада, гдѣ и безъ того ихъ было недостаточно; это дало возможность усилиться здѣсь козняхъ противъ Россіи. Шамиль имѣлъ тайныя сношенія съ черкесами, пытался-было, въ 1846 году, съ своимъ войскомъ, проникнуть къ нимъ чрезъ Кабарду, для личнаго возбужденія ихъ противъ русскихъ; наконецъ, посылалъ къ нимъ съ этою цѣлію своихъ наибовъ, изъ которыхъ первые два не имѣли успѣха,

---

[1]) При пріемѣ шапсугскихъ депутатовъ, генералъ, командовавшій Черноморскою береговою линіею (Раевскій), старался объяснить имъ обязанности ихъ по Адріанопольскому трактату. Видя же, что они не понимаютъ его, и желая поставить дѣло ближе къ ихъ понятію, онъ сказалъ, что падишахъ отдалъ ихъ русскому царю въ бешъ-кешъ (подарилъ ихъ). «А! теперь понимаю»—отвѣчалъ одинъ изъ депутатовъ и, указавъ на птичку, сидѣвшую на деревѣ, прибавилъ: «генералъ, я дарю тебѣ эту птичку, поди возьми ее.» Сравненіе шапсуга было вполнѣ вѣрно и оригинально. Это происшествіе было лѣтъ десять спустя послѣ Адріанопольскаго мира, и явилось въ печати, если не ошибаемся, въ первый разъ въ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера». (Русскій Вѣстникъ, сентябрь 1864 г.)

но послѣдній, Мегметъ-Эминъ, настоящій питомецъ Шамиля, исполнилъ удачно возложенное на него порученіе, долго имѣлъ вліяніе на абадзеховъ и только послѣ паденія своего имама, видя его судьбу, а, можетъ быть, склоняясь и на другія убѣжденія, покорился Россіи и увлекъ съ собою абадзеховъ. Въ концѣ 1859 года, они дали клятву покорности Россіи, а въ началѣ 1860 г. послѣдовали ихъ примѣру и натухайцы; но при первой возможности, какъ тѣ, такъ и другіе соединились съ воюющими противъ Россіи собратіями своими. Восточная война представляла черкесамъ самый удобный случай завоевать независимость, а покровительствующей имъ Турціи и прочимъ воюющимъ противъ насъ державамъ — нанести сильный ударъ Россіи на Кавказѣ. Бо́льшая часть войскъ ея должна была двинуться на югъ, для защиты границъ со стороны Азіатской Турціи. Черкесы ожидали существеннаго пособія со стороны Турціи и ея союзницъ — войскъ и воинскихъ припасовъ; но къ нимъ прислали только военачальника въ лицѣ стараго, неспособнаго Сеферъ-паши, потому только, что онъ былъ родомъ натухаецъ и въ молодости служилъ въ русскомъ войскѣ. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ ловкимъ Мегметъ-Эминомъ и дѣйствовать съ нимъ за-одно, паша не преминулъ поссориться съ нимъ, а эта ссора еще болѣе усилила несогласіе между черкесами, изъ которыхъ одни начали держать сторону паши, а другіе шамилева наиба. Прибытіе потомъ въ Анапу еще высшаго турецкаго сановника, Мустафы-паши, не могло пособить дѣлу, и на вызовъ его едва явилось до 20,000 натухайцевъ и шапсуговъ; изъ абадзеховъ же никто не прибылъ. Англичанинъ Лонгворсъ и его агенты напрасно тратили англійскія деньги. Черкесское войско, усиленное горстью польскихъ туристовъ и турецкихъ солдатъ, ограничило свои дѣйствія нѣсколькими набѣгами и стычками съ русскимъ войскомъ, которыя оканчивались всегда въ пользу послѣдняго [1]). Между тѣмъ, время ушло, и съ нимъ потерянъ невозвратно благопріятный для черкесовъ случай. Тяжелый для Россіи Парижскій миръ былъ началомъ счастливыхъ событій на Кавказѣ. Свободныя и притомъ усиленныя войска были направлены противъ Шамиля, съ паденіемъ котораго покорился и Дагестанъ. Оставалось покорить черкесовъ, для чего было подъ руками весьма достаточно войскъ. Но кавказское начальство, наученное опытомъ, пришло къ убѣжденію, что, для достиженія этой цѣли, не-

[1]) Высадка Омеръ-паши съ войскомъ, въ Сухумъ-Кале, въ концѣ восточной войны, имѣла цѣлію отвлечь наши побѣдоносныя войска отъ предѣловъ Малой Азіи и не могла имѣть прямого вліянія на общее возстаніе черкесовъ.

обходимо вести съ ними войну значительными массами, окружая ихъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, — вести войну энергически, безостановочно, безъ отдыха; въ занятыхъ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ удобство, ставить казацкія станицы, — подвигаться такимъ образомъ все далѣе и далѣе, до самыхъ крайнихъ предѣловъ — до Чернаго моря, не давая непріятелю вздохнуть и собраться съ силами. Система [1]), задуманная съ такимъ знаніемъ края и его обитателей, благодаря храбрости войскъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Исторія не забудетъ, что война, по этой системѣ, съ черкесами, началась при намѣстникѣ, фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ, и окончилась блистательно при намѣстничествѣ великаго князя Михаила Николаевича. Исторія сохранитъ также имя генерала Евдокимова, какъ главнаго дѣятеля при покореніи западнаго Кавказа. Такимъ образомъ, предсказаніе черкесофиловъ: польскаго ренегата Лапинскаго, англійскаго туриста Беля и нѣмецкаго либерала Боденштета, что Россія, при всей громадности своихъ силъ, не въ состояніи будетъ покорить черкесовъ — не исполнилось!

Правительство русское, убѣжденное многими опытами въ томъ, что никакъ нельзя довѣрять обязательствамъ черкесовъ, и что, если оставить ихъ въ горахъ, — то они станутъ по-прежнему грабить мирныхъ жителей и враждовать противъ Россіи, предложило имъ выселиться на плодородную Кубанскую плоскость, въ противномъ же случаѣ удалиться въ Турцію, на что многіе уже предварительно высказывали свое желаніе. Изъ народонаселенія вольныхъ черкесовъ, которое съ полу-мирными бжедухами составляло, по крайней мѣрѣ, 400,000 душъ, три четверти рѣшилось удалиться въ Турцію, и едва одна четвертая часть согласилась переселиться на Кубанскую плоскость; причемъ шапсуги и убыхи удалились почти цѣликомъ, а абадзехи и бжедухи болѣе нежели на половину. Конечно, тутъ много дѣйствовали люди вліятельные на толпу впечатлительную; но не менѣе того участвовало въ этомъ и ожесточеніе черкесовъ противъ русскихъ, питаемое полувѣковою враждою. Къ несчастію, переѣздъ черкесовъ въ Турцію сопровождался болѣзнями и большою смертностью, за что наши недоброжелатели за границею не преминули обвинять русское правительство. Но справедливо ли это? Наше правительство платило деньги за перевозъ черкесовъ и снабжало неимущихъ всѣмъ необходимымъ для пути; турецкое правительство, съ своей

[1]) Старожилы кавказскіе утверждаютъ, что этой системы держался, въ тридцатыхъ годахъ, и генералъ Вельяминовъ, пользуясь ею, по мѣрѣ имѣвшихся у него ограниченныхъ средствъ; съ этою же цѣлью онъ устраивалъ и дороги въ горахъ.

стороны, высылало суда для перевозки переселенцевъ. Но они теряли терпѣніе въ ожиданіи очереди и кидались на вольнонаемныя суда греческія. На этихъ-то судахъ, тѣсныхъ и неудобныхъ, развивались болѣзни и явилась большая смертность. Особенно же пагубенъ былъ переѣздъ для тѣхъ черкесовъ, которые, рѣшившись сперва поселиться на Кубанской плоскости, отъ распространившагося между ними ложнаго слуха, что ихъ хотятъ обратить въ христіанство, а скорѣе отъ опасенія потерять своихъ рабовъ, начали потомъ обращаться къ переселенію въ Турцію. Они прибыли къ берегамъ Чернаго моря въ позднюю осень, когда начинаетъ свирѣпствовать здѣсь опасный сѣверо-восточный вѣтеръ, извѣстный подъ именемъ «боры», отъ которой гибнутъ и люди и суда. Участь этихъ несчастныхъ, какъ отправившихся въ море, такъ и оставшихся на берегу, дѣйствительно заслуживаетъ всякого состраданія. Но и тутъ русское правительство оказало имъ всевозможныя пособія, снабжая нуждающихся пищею и одеждою, и принимая больныхъ въ лазареты Константиновскаго укрѣпленія. Нельзя не пожалѣть объ этихъ бѣдныхъ переселенцахъ, тѣмъ болѣе, что и въ новомъ ихъ отечествѣ ожидала ихъ та же горькая участь; но они сами стремились къ ней, по какому-то непостижимому влеченію.

Обвиняютъ также русское правительство въ жестокости вообще изгнанія черкесовъ изъ мѣстъ ихъ родины. Въ нравственномъ отношеніи, эта мѣра кажется жестокою. Но при обсужденіи ея нельзя терять изъ виду другой стороны — политической. Съ этой точки зрѣнія, принятая мѣра была вызвана прискорбною, но крайнею необходимостью. Вражда между черкесами и русскими дошла до крайнихъ предѣловъ и сосредоточилась въ одномъ вопросѣ: кому владѣть страною — черкесамъ или русскимъ? Оставить ли черкесамъ въ обладаніе эту богатую дарами природы страну съ тѣмъ, чтобы они по-прежнему вели въ ней полу-кочевую жизнь и занимались грабежемъ, или предоставить ее Россіи для водворенія въ ней промышленности и цивилизаціи? Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть сомнителенъ. Для всякого русскаго патріота остается одно и самое искреннее желаніе, чтобы заселеніе благодатной страны послѣдовало какъ можно успѣшнѣе, и чтобы притомъ не повторились грустныя событія, случавшіяся у насъ въ подобныхъ дѣлахъ. Мы не будемъ указывать здѣсь, для сравненія, на то, какъ поступали европейцы съ туземцами, при поселеніи въ Америкѣ, и на колонизацію англичанъ въ Австраліи. Это уже далеко не то, что сдѣлало русское правительство съ черкесами, предложивъ имъ на выборъ — переселиться на Кубанскую плоскость или, согласно ихъ

желанію, отправиться въ Турцію. Отъ нихъ зависѣло избрать послѣднее.

Я остановился болѣе, нежели сколько дозволяли мнѣ предѣлы моей задачи, на черкесскомъ народѣ, съ единственною цѣлію — сохранить хотя главныя черты его типа и послѣдней его исторіи, предоставляя довершить дѣло людямъ, имѣющимъ болѣе меня къ этому возможности. Я рѣшился на это тѣмъ болѣе, что, по прошествіи нѣкотораго времени, остатки его, разсѣянные по Европейской и Азіатской Турціи и частью раскиданные по Кавказу, сольются, по непреложному закону, съ болѣе мощною массою народа господствующаго и потеряютъ, вмѣстѣ съ именемъ и языкомъ, свою національную самобытность, до такой степени, что трудно будетъ отыскивать слѣды ихъ. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ такого поглощенія слабаго народа болѣе сильнымъ, и образованія, симъ путемъ, народовъ смѣшанныхъ.

Если мы убѣдились въ томъ, что обитатели Закубанскаго края, извѣстные подъ разными народными наименованіями — абадзеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ, бжедуховъ, и т. д., составляютъ одинъ и тотъ же народъ, то послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ: къ какому же племени или къ какой расѣ принадлежитъ этотъ народъ, съ какими извѣстными народами онъ находится въ генеалогическомъ родствѣ? Разрѣшеніе этого вопроса, въ настоящее время, представляетъ большія затрудненія по недостатку необходимыхъ для того средствъ. Народъ, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ своей исторіи; языкъ его не разработанъ до такой степени, чтобы можно было вывести родственную связь его съ извѣстными уже языками. Въ такомъ положеніи ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ древнимъ источникамъ исторической литературы, отыскать въ нихъ слѣды народа, который называемъ теперь черкесами, прослѣдить за нимъ въ его движеніи и такимъ образомъ, хотя приблизительно, указать ему мѣсто въ великой народной семьѣ. А какъ въ памятникахъ исторической литературы эллиновъ, римлянъ и арабовъ, народъ, который мы называемъ черкесами, носилъ иныя имена, и какъ судьба его въ древности была тѣсно связана съ судьбами другихъ народовъ Кавказа и особенно того изъ нихъ, съ которымъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, то намъ необходимо слѣдуетъ отложить наше сужденіе о первобытности и генеалогическомъ родствѣ черкесовъ — до разсмотрѣнія положенія по крайней мѣрѣ этого послѣдняго народа, а именно — абхазовъ.

АБХАЗЫ.

Самый ближайшій къ черкесамъ народъ — *абхазы*. Они соприкасаются другъ другу, а часто даже смѣшиваются между собою, на занимаемыхъ ими территоріяхъ, какъ по берегу Чернаго моря, такъ и по юго-западнымъ и по сѣверо-восточнымъ отрогамъ главнаго Кавказскаго хребта. *Абхазы* называются у насъ также *абазами* — имя, подъ которымъ они извѣстны и у черкесовъ; грузины именуютъ ихъ *афхазети*, а древніе греческіе писатели—*абазги;* сами же себя они называютъ *абсне* и *азга*, а свою страну — *абсуа*. Абхазы, также какъ и сосѣди ихъ черкесы, которыхъ они вообще называютъ *адухэ*, раздѣляются на многія отрасли, носящія разныя имена, что̀ давало поводъ считать ихъ за отдѣльные народы. Ближайшее знакомство съ ними показало, что всѣ эти отрасли или общества сходствуютъ между собою типическими тѣлесными формами, нравами, обычаями, образомъ жизни и, что̀ всего важнѣе, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, распадающимся только на діалекты, близкіе къ своему корню, а потому, очевидно, они составляютъ одинъ и тотъ же народъ. Страну, занимаемую нынѣ абхазами, можно раздѣлить на двѣ части: на западную, простирающуюся по юго-западному склону главнаго хребта и по морскому берегу, и на восточную, лежащую по сѣверо-восточнымъ отрогамъ. По пространству территоріи и по численности населенія, первую можно назвать *Большою*, а по древности жительства обитателей ея, *Старою Абхазіей;* вторую же, по малочисленности жителей и по недавности выселенія ихъ изъ прежней родины, *Малою*, или *Новою Абхазіею.*

БОЛЬШАЯ АБХАЗІЯ.

Первое абхазское общество, граничащее по берегу Чернаго моря съ черкесами, называется *джигеты*, а также *садзень*. Территорія, принадлежащая джигетамъ, ограничивается съ запада—рѣкою Саче, отдѣляющею ихъ отъ убыховъ, съ востока—рѣкою Бзыбью, съ юга и частью съ запада — моремъ, а съ сѣвера — отрогами Кавказскаго хребта. *Джигеты* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно перемѣшаны съ убыхами, что̀ представляетъ какъ бы переходъ одного народа къ другому. Они раздѣляются на нѣсколько мелкихъ обществъ, изъ которыхъ иныя называются по именамъ своихъ князей и подчинены имъ, таковы: *Кечьба*, *Аребда*, *Цандрапшъ* и проч.; другіе же живутъ независимо, какъ то:

Цвинджи, *Бага* и проч. Вообще, *джигеты* приморскіе не отличались такою свирѣпостью, какъ ихъ горные братья. Но на раздѣленныя общества джигетовъ имѣли всегда сильное вліяніе убыхи, которые направляли ихъ по своему произволу и часто разоряли ихъ за покорность Россіи. Вліяніе это было такъ велико, что, при послѣднемъ переселеніи убыховъ въ Турцію, они увлекли за собою много семействъ джигетскихъ. До этого времени, считалось приморскихъ джигетовъ до 10,000 душъ. Но здѣсь мы должны повторить то, что было сказано при обозрѣніи черкесовъ, именно, что отъ тѣхъ же самыхъ причинъ цифры, означающія численность народа абхазскаго вообще, слѣдуетъ принимать только за приблизительныя. Въ послѣднее время, джигеты были магометане суннитскаго обряда, но прежде они, какъ и всѣ прочіе абхазы, исповѣдывали христіанскую религію, о которой сохранились у нихъ преданія. Вмѣстѣ съ уставами ислама, они удерживали нѣкоторые христіанскіе обряды и языческія преданія.

На томъ же самомъ пространствѣ, которое выше описано, но удаляясь отъ морскаго берега и приближаясь къ горнымъ ущеліямъ, обитаютъ три абхазскія общества: *Ахчипсоу*, *Айбга* и *Псху*, которыхъ иные причисляютъ къ джигетской, а другіе относятъ къ особенной отрасли, называемой *медозюями* или *медовѣевцами*. *Ахчипсоу* живутъ на верховьяхъ рѣкъ Псху и Мздымты. Никому не подвластные, они отличаются духомъ воинственности и свирѣпостью. Съ своими сосѣдями, убыхами, они находились въ тѣсной связи и участвовали въ ихъ предпріятіяхъ. Высокія горы и неприступныя ущелья, занимаемыя *Ахчипсоу*, и недоступность къ нимъ со стороны моря представляли большія затрудненія для покоренія этого общества, которое было, въ свое время, изъ всѣхъ абхазовъ самымъ вреднымъ для Россіи. *Айгба* живутъ между обществами Ахчипсоу и Псху, на верховьяхъ рѣки Хашуапсе; это самое малое изъ трехъ обществъ медовѣевцевъ, занимавшееся преимущественно воровствомъ и грабежами въ Абхазіи и у черкесовъ, обитавшихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. *Псху* живутъ на верховьяхъ рѣкъ Бзыбы и Меджиты. Это общество раздѣляетъ со всѣми медовѣевцами наклонность къ хищничеству и захвату плѣнныхъ, для продажи ихъ потомъ турецкимъ купцамъ. Въ 1840 году, оно покорилось Россіи и выдало аманатовъ, но въ послѣдней войнѣ съ черкесами принимало участіе противъ русскихъ. Народонаселеніе всѣхъ медовѣевцевъ, до времени выселенія черкесовъ въ Турцію, простиралось приблизительно до 7 — 8 тысячъ душъ [1]),

[1]) Въ опредѣленіи народонаселенія абхазовъ вообще я руководствовался статьею

изъ числа которыхъ самая значительная часть приходится на долю *Ахчипсоу*, а самая малая на *Айбга*. Относительно религіи медовѣевцевъ можно сказать, что только князья и дворяне между ними соблюдаютъ наружные обряды магометанской вѣры, прочіе же держатся болѣе язычества.

За симъ слѣдуютъ собственно, такъ-называемые, *абхазы*, составляющіе корень и ядро всего народа, извѣстнаго подъ этимъ именемъ. Территорія, занимаемая собственно *абхазами*, простирается въ длину по берегу Чернаго моря отъ устья Бзыбы до устья Игнура, а въ ширину отъ морского берега до Кавказскихъ горъ, гдѣ они соприкасаются сперва съ *Медовѣями*, потомъ съ *Цебельдою* и, наконецъ, съ *Самурзиканью*. Рѣка Игнуръ составляла прежде южную границу Абхазіи и отдѣляла ее отъ Мингреліи; впослѣдствіи, эта граница перенесена на рѣку Гализгу, и такимъ образомъ Абхазія съ этой стороны сдѣлалась пограничною съ Самурзиканью. На вышесказанномъ пространствѣ, составляющемъ до 250 квадратныхъ географическихъ миль, живутъ небольшими населеніями до 94,000 душъ [1]) народа, стоящаго на низкой степени соціальнаго развитія. Но, говоря сравнительно, абхазы не такъ свирѣпы и отважны, какъ ихъ родичи джигеты, медовѣевцы и цебельдинцы. Это происходитъ сколько отъ соприкосновенія ихъ съ русскими, живущими въ укрѣпленіяхъ, находящихся на ихъ территоріи: Пицундѣ, Бомборахъ и Сухумѣ, столько же и отъ подчиненія ихъ одному владѣтельному князю. Мы не коснемся здѣсь древней исторіи абхазскаго народа, предоставляя себѣ сдѣлать это въ своемъ мѣстѣ; но, упомянувъ о томъ, что онъ долгое время находился подъ владычествомъ грузинскихъ государей, имѣвшихъ потому титулъ владѣтелей Грузіи и Абхазіи, перейдемъ къ тому, какъ въ послѣднее время образовалось въ Абхазіи національное единовластіе, и какъ оно прекратилось.

Турки, завоевавъ, въ XVI столѣтіи, Грузію съ Мингреліею и подчинивъ себѣ потомъ Абхазію, построили на берегу моря крѣпости Поти, Сухумъ и Геленджикъ. Въ XVIII столѣтіи, абхазы, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Левана и Зураба Шервашидзе, возстали противъ турокъ и выгнали ихъ изъ Сухума;

г. Берже, помѣщенною въ «Кавказскомъ Календарѣ» на 1859 годъ. Онъ соединяетъ джигетовъ вмѣстѣ съ медовѣевцами и опредѣляетъ число народонаселенія ихъ совокупно въ 16,923 души. Баронъ Торнау отдѣляетъ джигетовъ отъ медовѣевцевъ и считаетъ первыхъ въ 11,000, а другихъ въ 10,000 = 21,000 душъ — слѣдовательно, болѣе противъ показанія г. Берже на 4,000 душъ, не смотря на то, что исчисленіе послѣдняго было слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ показанія перваго.

[1]) По показанію г. Берже, а по Торнау — 80,000 душъ.

но, поссорившись потомъ между собою, Леванъ передалъ Сухумъ опять во власть туркъ, которые однакожъ владѣли имъ не долго. Келешъ-бей, изъ той же фамиліи Шервашидзе, овладѣвъ Сухумомъ и подчинивъ себѣ абхазскій народъ, отдался подъ верховную власть султана, который за то призналъ его владѣтелемъ Абхазіи и сухумскимъ наслѣдственнымъ пашою. Благоволеніе Порты къ Келешъ-бею не долго продолжалось. Давъ убѣжище требизонтскому пашѣ, осужденному султаномъ на смерть, онъ навлекъ на себя гнѣвъ его и сталъ искать защиты Россіи, взявшей тогда подъ свое покровительство Грузію, а для бо́льшаго успѣха принялъ тайно христіанскую вѣру. Султанъ, узнавъ объ этомъ, подговорилъ старшаго сына Келешъ-бея, Асланъ-бея, убить своего отца; преступленіе совершилось въ Сухумѣ. Но отцеубійца не могъ воспользоваться плодами своего преступленія. Младшіе его братья, Сеферъ-бей и Гасанъ-бей, осужденные также на смерть своимъ братомъ, успѣли скрыться и вооружили противъ Аслана всю Абхазію. Опасаясь народнаго мщенія, онъ принужденъ былъ въ свою очередь бѣжать; послѣ чего, братъ его Сеферъ-бей сдѣлался владѣтелемъ Абхазіи, отдалъ ее подъ покровительство Россіи и принялъ явно православную вѣру. Русское правительство ограничилось только занятіемъ своими войсками Сухумской крѣпости и оставило въ рукахъ князя управленіе страною. Послѣ смерти Сеферъ-бея, наслѣдовалъ ему старшій сынъ Димитрій, воспитывавшійся въ Петербургѣ. Пользуясь отсутствіемъ его и волнуемые происками Асланъ-бея, абхазы возстали-было противъ русскихъ; но дѣло кончилось водвореніемъ Димитрія на княжествѣ. Гасанъ-бей былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ пять лѣтъ и потомъ возвращенъ на родину. Между тѣмъ, Димитрій, послѣ трехлѣтняго владычества, умеръ бездѣтенъ въ 1824 году. Возстаніе въ Абхазіи повторилось и вызвало новое вооруженное вмѣшательство со стороны Россіи, въ пользу Михаила, второго сына Сеферъ-бея [1]). Князь Михаилъ, носившій также имя Гамидъ-бея, вступилъ въ управленіе Абхазіею молодымъ человѣкомъ и, по своимъ личнымъ качествамъ, обѣщалъ много для своего народа и въ пользу облагодѣтельствовавшей его Россіи. Сперва онъ оправдывалъ эти надежды и пріобрѣлъ полное довѣріе русскаго правительства, за что̀ получилъ чинъ генерала и удостоенъ почетнаго званія генералъ-адъютанта русскаго императора. Но впослѣдствіи поступки его, относительно абхазцевъ и особенно своихъ родственниковъ, сдѣлались притѣс-

[1]) Воспоминанія кавказскаго офицера, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сентябрь 1864 г. «Историческія извѣстія о Кавказѣ», Броневскаго, часть 1-я, 1825 года.

нительными, а относительно Россіи — неблагодарными. Во время восточной войны, поведеніе его было весьма двусмысленно, и, по окончаніи ея, обнаружились явныя доказательства его неблагонамѣренности. Вслѣдствіе чего, князь Михаилъ, послѣ сорокалѣтняго управленія, былъ удаленъ изъ Абхазіи на жительство въ Россію, и страна поступила въ непосредственное завѣдываніе кавказскаго начальства.

Во время управленія Абхазіею князьями изъ династіи Шервашидзе, власть ихъ была весьма ограничена. Народъ не платилъ въ пользу ихъ никакихъ податей, и они пользовались только доходами съ своихъ собственныхъ земель и пенями, налагаемыми ими по суду, за преступленія и проступки, совершаемые въ ихъ владѣніяхъ. Сверхъ того, по древнему обычаю, владѣтели пользовались правомъ раза два въ годъ посѣщать каждаго князя и дворянина и, при этомъ случаѣ, получать отъ нихъ подарки. Между тѣмъ, они должны были содержать тѣлохранителей (ашнамхуа) — родъ постояннаго войска, которые составляли особое сословіе, значеніемъ нѣсколько ниже дворянства, но имѣвшее права его, относительно владѣнія землею и крестьянами. Вообще, владѣтель Абхазіи находился въ зависимости отъ князей и дворянъ, которые готовы были всегда сопротивляться его требованіямъ, когда это не согласовалось съ ихъ сословными интересами. Дѣйствовать на нихъ въ свою пользу, онъ могъ только съ помощью тѣхъ же дворянъ и князей, склоняя ихъ къ тому не столько убѣжденіемъ, сколько подарками. А потому владѣтельные князья Абхазіи были бы очень стѣснены въ средствахъ содержанія, еслибъ не поддерживали ихъ выгоды отъ тайной торговли.

Изъ греческихъ источниковъ исторической литературы намъ извѣстно, что, въ VI вѣкѣ по Р. Х., послѣ покоренія Абхазіи, при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ I-мъ, была введена въ этой странѣ православная вѣра, которая, впослѣдствіи, поддерживалась и распространялась со стороны Грузіи. Главою церкви въ Абхазіи былъ митрополитъ (католикосъ), имѣвшій пребываніе въ Пицундскомъ монастырѣ; въ Драндахъ находилось епископство, и по всей Абхазіи были церкви, которыхъ развалины встрѣчаются въ большомъ числѣ. Турки, завоевавъ Абхазію, обратили ея жителей въ магометанство; но при всемъ усиліи они не могли совершенно уничтожить у нихъ воспоминаніе о христіанствѣ. Когда Сеферъ-бей принялъ православную вѣру, то примѣру его послѣдовало нѣсколько абхазцевъ; другіе же крестились потомъ при его преемникахъ, но осталось много и магометанъ. Часто въ одномъ и томъ же семействѣ встрѣчаются

и христіане и магометане. Въ самомъ семействѣ владѣтельныхъ князей, правитель Михаилъ былъ христіанинъ, а родной дядя его, Гасанъ-бей—магометанинъ. Новообращенные христіане—говоритъ Торнау — строго исполняя наружные обряды церкви, не разстаются однакожъ съ нѣкоторыми мусульманскими привычками, вошедшими въ народный обычай. Они имѣютъ, напримѣръ, не болѣе одной жены, но за-то позволяютъ себѣ мѣнять ее при случаѣ. Абхазскіе магометане не отказываются отъ вина, ни отъ мяса нечистаго животнаго, противнаго каждому доброму мусульманину. Христіане и магометане празднуютъ вмѣстѣ: Рождество Христово, Святую пасху, Духовъ день, джуму и байрамъ, и постятся въ рамазанъ и въ великій постъ, для того чтобъ не давать другъ другу соблазна. Тѣ и другіе уважаютъ въ одинаковой степени священные лѣса, и боятся горныхъ и лѣсныхъ духовъ, которыхъ благосклонность они снискиваютъ небольшими жертвами, приносимыми по старой привычкѣ, но тайкомъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время абхазы — полу-христіане, полу-магометане и отчасти — язычники.

Собственно Абхазія богата развалинами и именами мѣстностей, напоминающими пребываніе здѣсь греческихъ колоній и владѣніе византійцевъ, которые ввели въ Абхазіи христіанскую вѣру. Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Пицунда;* въ древности, здѣсь былъ значительный, торговый греческій городъ *Питіосъ* или *Питіунта*, который Страбонъ называетъ великимъ. Византійцы устроили тутъ монастырь, на мѣстѣ весьма здоровомъ и въ высшей степени живописномъ, вблизи котораго находилась единственная по всему абхазскому прибрежью сосновая роща. Монастырь снабжался отличною ключевою водою, посредствомъ водопроводовъ. Церковь, чисто-византійской архитектуры, устроена, по свидѣтельству Прокопія, въ VI столѣтіи по Р. Х., въ царствованіе Юстиніана; въ одномъ изъ придѣловъ ея сохранились на стѣнахъ и потолкѣ фрески, пережившія владычество, въ здѣшнихъ мѣстахъ, турокъ. По свидѣтельству Торнау, уцѣлѣлъ даже колоколъ, повѣшенный близъ церкви на большомъ орѣховомъ деревѣ, съ латинскою надписью и съ означеніемъ 1562 года, напоминающаго время генуезскаго владѣнія. Верстахъ въ 30 отъ Пицунды, по берегу моря, къ югу, находится укрѣпленіе *Бомборы*, съ небольшимъ форштадтомъ, въ которомъ армянскіе и греческіе купцы производятъ торгъ съ сосѣдними абхазами и черкесами. Бомборы лежатъ въ трехъ верстахъ отъ морского берега, въ привольной долинѣ р. Ишандры; въ самомъ близкомъ отъ Бомборъ разстояніи, жилъ владѣтельный князь, въ селеніи *Лежне*, называемомъ турками *Саукъ-су*.

Въ 45 верстахъ отъ Бомборъ, по тому же направленію, находится *Сухумъ* или *Сухумъ-кале*, лучшее укрѣпленіе и лучшая гавань въ русскихъ владѣніяхъ по восточному берегу Чернаго моря. Здѣсь находилась генуэзская крѣпость, которою воспользовались потомъ турки и сдѣлали изъ нея важнѣйшій пунктъ своего владычества по восточному берегу Чернаго моря. Во время турецкаго владѣнія, крѣпость была окружена многолюдными предмѣстьями и садами, пользовалась здоровою водою, проведенною изъ горъ далѣе мили. Теперь Сухумскую крѣпость окружаютъ болота, заражающія воздухъ гнилыми испареніями, которыя порождаютъ злокачественныя лихорадки; предмѣстья опустѣли, а водопроводъ разрушился. Все это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ пребываніе нашихъ войскъ въ Абхазіи. Турецкіе жители предмѣстій, видя, что русскіе окончательно утвердились въ крѣпости, оставили свои жилища; абхазы, по образу своей жизни, не могли занять ихъ мѣста; русское же населеніе не могло существовать тамъ при тревожномъ и неустроенномъ состояніи края. Оставалась горсть войскъ, которымъ достаточно было только бороться съ непріятелемъ и съ болѣзнями. Теперь, когда всѣ неблагопріятствовавшія намъ обстоятельства миновались, когда мы безусловно владычествуемъ на восточномъ берегу Чернаго моря отъ Анацы почти до Батума, отъ насъ зависитъ воскресить Сухумъ, который турки называли не даромъ вторымъ Стамбуломъ — и поставить его въ то положеніе, въ которомъ онъ нѣкогда находился, и котораго онъ заслуживаетъ по своей мѣстности. За Сухумомъ, по тому же направленію, верстахъ въ 20-ти, мы встрѣчаемъ *Дранду*, отличающуюся здоровымъ мѣстоположеніемъ и напоминающую народъ, въ древности здѣсь жившій — *дандары*. Драндская церковь, верстахъ въ пяти отъ морского берега, построена, какъ полагать должно, вмѣстѣ съ Пицундскимъ монастыремъ, на возвышеніи, образующемъ площадь, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Эта церковь заслуживаетъ особаго вниманія, какъ памятникъ византійскаго зодчества, отличающійся, съ одной стороны своею простотою и величественностью, а съ другой—необыкновенною прочностью. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Драндъ находился греческій городъ *Діоскуріасъ*, въ долинѣ рѣки Кодора, который, впослѣдствіи, былъ также извѣстенъ подъ именемъ *Севастополиса*. Онъ построенъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х., по свидѣтельству Аріана, милейзійскими греками, и считался вмѣстѣ съ Фазисомъ (на устьѣ Ріона) двумя важнѣйшими греческими городами на всемъ восточномъ берегу Понта-Эвксина. Нѣсколько разъ былъ этотъ городъ разоряемъ сосѣд-

ними варварами, какъ называли греческіе писатели окружавшій его народъ, и нѣсколько разъ возобновляемъ; нынѣ не осталось слѣдовъ его. Полагаютъ, что на мѣстѣ его лежитъ ничтожная деревушка *Искурія*, которая даже не на всѣхъ картахъ Кавказа обозначается.

На востокъ отъ территоріи, занимаемой собственно абхазами, лежитъ *Цебельда*, иначе называемая *Цымбарѣ*, а у черкесовъ извѣстная подъ именемъ *Хирпсэ-куаджэ*, т. е., аулъ Херпса, что̀ напоминаетъ имя перваго руководителя цебельдинцевъ — Херпса Маршанія, подъ предводительствомъ котораго они вышли изъ Абхазіи и поселились въ настоящемъ мѣстѣ жительства. И понынѣ самыя вліятельныя фамиліи въ Цебельдѣ принадлежатъ князьямъ Маршаніямъ, которыхъ родственники остались и живутъ также въ Абхазіи. Причинами такого оставленія родины и переселенія на другія свободныя мѣста были обыкновенно у горцевъ: внутренніе раздоры, кровомщеніе и недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ для скота. *Цебельда* расположена на юго-западномъ склонѣ Кавказскаго хребта, по верховьямъ рѣки Кодора и по сопредѣльнымъ ущельямъ. Неприступность этой страны, особенно же той части ея, которая лежитъ у самой вершины Кодора и называется верхнею Цебельдою (Далъ), а равно безпокойный духъ и склонность къ разбоямъ ея жителей, долгое время затрудняли русское правительство въ прочномъ устройствѣ Абхазіи вообще. Для достиженія этой цѣли были предпринимаемы нѣсколько разъ военныя экспедиціи въ Цебельду, жители которой покорились-было въ 1837 году, но потомъ, въ 1840 году, опять возмутились. Это побудило кавказское начальство возвести въ Цебельдѣ особое укрѣпленіе, а потомъ на рѣкѣ Кодорѣ водворить военное поселеніе. Мѣрами этими цебельдинцы мало по малу приведены въ повиновеніе; но буйные абреки ихъ не переставали и потомъ упражняться въ любимомъ ремеслѣ грабежа. Жителей въ Цебельдѣ считается до 10,000 душъ [1]). Относительно вѣры, цебельдинцы находятся въ такомъ же положеніи, какъ медовѣевцы.

На юго-востокъ отъ Абхазіи лежитъ *Самурзикань*, отдѣляясь отъ нея рѣкою Галидзею, а отъ Мингреліи—рѣкою Ингуромъ; къ юго-западу, она касается морского берега, а съ противоположной стороны упирается въ отроги главнаго хребта; вся территорія ея имѣетъ въ длину не болѣе шестидесяти, а въ ширину сорокà верстъ. Хотя Самурзиканъ, въ правительственномъ

[1]) По исчисленію г. Берже (въ 1858 г.) — 9,327 душъ, а по показанію барона Торнау (1838 г.) до 8,000 душъ.

отношеніи, причисленъ къ Мингреліи, но жители его — настоящіе абхазы. Они совершенно сходны между собою по типическимъ наружнымъ признакамъ, по нравамъ, обычаямъ и по языку. Подтвержденіемъ тождества народности ихъ служитъ самое происхожденіе самурзиканъ отъ абхазовъ. По народному преданію, хотя вся Абхазія находилась подъ главнымъ начальствомъ князя Шервашидзе, но раздѣлялась на четыре округа, изъ коихъ каждый управлялся однимъ изъ членовъ этого дома. Послѣдній властитель округа, извѣстнаго теперь подъ именемъ *Самурзакана — Мурзаканъ Шервашидзе* отложился, около 1760 года, отъ главнаго владѣтеля Абхазіи и сдѣлался самостоятельнымъ повелителемъ своего удѣла, который и названъ Самурзаканомъ, что̀, по буквальному переводу, значитъ *Мурзакану принадлежащій*. Князья и дворяне Самурзакана ведутъ свой родъ прямо изъ Абхазіи, за исключеніемъ весьма немногихъ, перешедшихъ изъ Мингреліи. Наконецъ, что Самурзаканъ составлялъ нераздѣльную часть Абхазіи, доказывается и тѣмъ, что смежный съ Самурзаканомъ округъ Абхазіи называется Абжибскимъ, что̀ значитъ (по-абхазски) — средній, между тѣмъ, какъ нынѣ онъ есть крайній, пограничный съ Самурзиканомъ [1]). Территорію Самурзикана составляютъ, въ настоящее время, четыре участка: Окумскій, Бедійскій, Набакаевскій и Саберійскій; въ первыхъ двухъ, близкихъ къ Абхазіи, — жители говорятъ чисто по-абхазски, а въ послѣднихъ, прилегающихъ къ Мингреліи, болѣе по-мингрельски; здѣсь уже явственно смѣшеніе абхазовъ съ мингрелами. При этомъ мы не можемъ не замѣтить весьма важнаго факта — удобства, съ которымъ смѣшивались между собою: черкесы съ абхазами, эти съ мингрелами, а послѣдніе съ грузинами. Что въ Самурзиканѣ, какъ и по всей Абхазіи было, до владычества турокъ, распространено христіанство — это доказываютъ многія развалины христіанскихъ храмовъ. Наиболѣе сохранившійся памятникъ христіанства въ Самурзаканѣ есть великолѣпная бедійская церковь превосходной архитектуры, построенная на живописномъ мѣстѣ, близъ границы Самурзикана и Абхазіи; подробному описанію этого памятника христіанства въ Самурзаканѣ, мы обязаны нашему академику г. Броссе. Другой христіанскій храмъ, болѣе грубой архитектуры, находится въ селеніи Речхи, въ горахъ между Саберіей и Окумомъ; онъ былъ осмотрѣнъ и подробно описанъ генераломъ Бартоломеемъ. Послѣ паденія Ви-

[1]) Записки кавказскаго отдѣла Географическаго Общества, книжка VI, статья: «Нѣчто о Самурзиканѣ», составленная изъ свѣдѣній, доставленныхъ генераломъ Бартоломеемъ и протоіереемъ Давыдомъ Мачаваріани.

зантіи, когда сообщеніе по Черному морю съ Кавказомъ перешло въ руки турокъ, они ввели магометанскую вѣру и въ Самурзиканѣ, но здѣсь она не могла такъ сильно водвориться, какъ въ прочихъ частяхъ Абхазіи; доказательствомъ тому служитъ, съ одной стороны, отсутствіе въ Самурзаканѣ мечетей, а, съ другой стороны, то, что миссіонерство гораздо легче и успѣшнѣе здѣсь могло дѣйствовать въ пользу христіанства. Вообще, въ Самурзиканѣ считается наиболѣе христіанъ, противъ всѣхъ частей Абхазіи. Хотя Самурзиканъ до русскаго владычества, находясь между Абхазіей и Мингреліею, служилъ предметомъ раздора между ними и былъ театромъ постоянной войны, хотя жители его часто подвергались разоренію, но, въ настоящее время, они, говоря сравнительно, болѣе развиты и пользуются бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ прочіе абхазцы: это слѣдуетъ приписать сколько правленію, подъ которымъ они находились въ послѣднее время, столько же и прибыльной торговлѣ корабельнымъ лѣсомъ, въ изобиліи растущемъ по морскому прибрежью. Число жителей въ Самурзиканѣ можно полагать до 10,000 душъ (по показанію г. Берже — 9,896 душъ).

МАЛАЯ АБХАЗІЯ.

Колыбель жителей этой страны есть собственно, такъ-называемая, Абхазія, откуда они удалились съ юго-западнаго на сѣверо-восточный склонъ Кавказскаго хребта, не позже XVIII-го столѣтія, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ вышли изъ нея цебельдинцы и медовѣевцы; они сохранили типъ и языкъ своей отчизны. Мало-абхазцы, если можно ихъ такъ называть, раздѣляются на нѣсколько самыхъ малочисленныхъ обществъ, носящихъ разныя названія большею частью по именамъ своихъ владѣтелей или бывшихъ предводителей при ихъ переселеніи. Я ограничусь указаніемъ только мѣстъ ихъ жительства и нѣкоторыхъ особенностей, потому-что вообще они весьма мало отличаются другъ отъ друга и совершенно сходствуютъ съ своими коренными родичами, выше уже описанными. Первое мѣсто между жителями Малой Абхазіи, по своей численности, занимаютъ *басхоги*, которымъ особенно приписывается названіе *абазинцевъ*, хотя оно придается и всѣмъ абхазамъ; татары называютъ ихъ *алтыкисекъ*, т.-е., «шесть кусковъ», потому-что они составились изъ шести родовъ. *Басхоги* населяютъ возвышенную полосу сѣверной покатости главнаго хребта, между верховьями рѣкъ: Кумы и Подкумка, и у истоковъ рѣкъ: Кефара, Лабы и Губса; ихъ

раздѣляютъ обыкновенно на кумскихъ и кубанскихъ; послѣдніе, занимавшіе земли кабардинцевъ до 1822 года, были въ подчиненіи у ихъ князей; съ того же времени, и тѣ и другіе подвластны русскому правительству. Народонаселеніе басхоговъ составляетъ до 6,500 душъ, въ томъ числѣ кубанскихъ до 4,000 и кумскихъ до 2,500. На сѣверо-западъ отъ нихъ, между верховьями рѣкъ Кефара и Лабы, живутъ *башильбеи* или *бесильбеи*, которыхъ населеніе составляетъ до 3,000 душъ. Прежде они занимали земли бесленеевцевъ и платили имъ дань, но послѣ покоренія этого черкесскаго общества считаются въ числѣ прямо подвластныхъ Россіи и состоятъ подъ управленіемъ своихъ князей, изъ абхазскаго княжескаго рода Маршаніевъ. За ними слѣдуютъ, по направленію къ сѣверу и сѣверо-западу, самыя малочисленныя общества, имѣющія отъ 600 до 1,000 душъ и расположенныя по сѣверному склону Кавказскаго хребта, а именно: *Тамъ*—на верховьяхъ большой Лабы; *Кызылбекъ*—между большою и малою Лабою; *Шегирей*—по малой Лабѣ; *Баги* или *Бегъ*—на рѣкѣ Ходзѣ, у подошвы лѣсистой горы Ашимбахъ; *Баракай*—на рѣкѣ Губсѣ, у подошвы главнаго хребта. На эти послѣднія общества имѣли сильное вліяніе, до настоящаго времени, черкесы: съ одной стороны—бесленеевцы, а съ другой—абадзехи; а потому, хотя они сами по себѣ безсильны, но служили убѣжищемъ для абрековъ и отъявленныхъ разбойниковъ, какъ изъ Абхазіи, такъ и со стороны абадзеховъ и кабардинцевъ. Вслѣдствіе этого же вліянія, всѣ общества Малой Абхазіи тверже въ магометанской вѣрѣ, чѣмъ ихъ родичи. Число жителей Малой Абхазіи простирается до 15,000 душъ, а съ присовокупленіемъ 131,000 душъ, считающихся въ Большой или Старой Абхазіи, народонаселеніе всей вообще Абхазіи составляетъ около 146,000 душъ [1]).

Абхазы вообще, тѣлеснымъ устройствомъ, образомъ жизни, нравами, обычаями, занятіями, одеждою и вооруженіемъ, весьма схожи съ своими сосѣдями — черкесами. Это сходство было за-

---

[1]) Въ «Русскомъ Инвалидѣ» (4-го марта 1866 г., № 56) помѣщено тоже болѣе приблизительное «Свѣдѣніе о кавказскомъ горномъ населеніи за послѣднее время», которое составлено впрочемъ не по народностямъ, а по правительственнымъ округамъ, т. е., въ отношеніи административномъ, а не въ смыслѣ этнографическомъ; а потому, показанныя въ этомъ «Свѣдѣніи» числа никакъ не могутъ совпадать съ вышеприведенными нами числами. Въ означенномъ «Свѣдѣніи», между прочимъ, значится, что въ Сухумскомъ военномъ отдѣлѣ жителей: въ округѣ Сухумскомъ 16,475, въ Абхазіи только 26,762, въ Самурзаканѣ, напротивъ, 25,570, да въ Цебельдинскомъ приставствѣ 10,643, а всего: только 79,190. Изъ этого заключить слѣдуетъ, что часть остальнаго населенія Большой Абхазіи и все населеніе Малой Абхазіи отнесены къ другимъ правительственнымъ округамъ.

мѣчаемо и прежде, какъ византійскими, такъ и грузинскими писателями; въ послѣднее время, оно до такой степени поражало нѣкоторыхъ наблюдателей, какъ напримѣръ: Дюбоа, Лапинскаго и другихъ, что они почитаютъ абхазовъ и черкесовъ за одинъ народъ, конечно, не обращая вниманія на языки, которыми говорятъ эти народы. Нѣкоторые изъ наблюдателей однакожъ находятъ, что абхазы не такъ живы, какъ черкесы, смугляе и сухощавѣе ихъ; притомъ, не такъ смѣлы и воинственны. Но всѣ эти оттѣнки относятся до собственно такъ-называемыхъ абхазовъ; другія же общества ихъ, какъ-то: джигеты, медовѣевцы, цебельдинцы и отчасти малоабхазцы, и по наружному виду, и по смѣлости, и по наклонности къ войнѣ и грабежу, весьма схожи съ черкесами. Если, говоря вообще, абхазы должны уступить что-нибудь по тѣлесной красотѣ черкесамъ, то женщины ихъ въ этомъ отношеніи могутъ состязаться съ черкешенками. Между ними много красавицъ, но только въ тѣхъ же сословіяхъ и въ томъ же возрастѣ, какъ это было замѣчено и у черкешенокъ. При этомъ нельзя не вспомнить словъ Волнея, который, въ свое время, считался знатокомъ востока. Описывая базары его, гдѣ производилась купля и продажа невольницъ для гаремовъ, и гдѣ красота женщины была опредѣляема съ математическою точностью, онъ говоритъ, что на этихъ базарахъ выше всего цѣнились черкешенки, вслѣдъ затѣмъ — абхазки, потомъ имеретинки и грузинки и, наконецъ уже — европейки. Обращаясь къ образу жизни, занятіямъ, нравамъ и обычаямъ абхазовъ, мы находимъ разительное сходство съ черкесами: тоже патріархальное устройство семьи, таже неограниченная власть отца надъ дѣтьми, мужа надъ женою, тоже наказаніе за невѣрность ея; тотъ же калымъ за жену, тоже униженіе женщины, тоже уваженіе къ сѣдинамъ, тоже безчеловѣчное и дикое кровомщеніе и тоже безусловное гостепріимство; наконецъ, тоже одѣяніе и вооруженіе [1]). Если же нѣкоторыя изъ абхазскихъ обществъ не такъ воинственны и отважны, какъ черкесы, то это происходитъ отъ жизненныхъ условій и отъ обстоятельствъ, которыя не позволили у нихъ вполнѣ развиться природнымъ качествамъ и наклонностямъ къ войнѣ и грабежу.

Въ коренной, собственно называемой Абхазіи, были владѣтели (ахъ) и при нихъ тѣлохранители (ашнамхуа), оберегающіе

[1]) Мы пользовались тѣми же источниками, которые были указаны при описаніи быта черкесовъ; относительно же статистическихъ свѣдѣній руководствовались преимущественно кавказскими періодическими изданіями, представляющими болѣе оффиціальный характеръ.

ихъ особу. Но учрежденіе единовластія владѣтельныхъ князей, не говоря уже объ ограниченности его, было не продуктъ внутренней жизни народа, а устройство, извнѣ явившееся: сперва князьямъ Шервашидзе предоставлено было управленіе страною отъ Порты, а потомъ отъ русскаго правительства. Изъ исторіи адыгейскаго народа, составленной по преданіямъ его Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ, мы видимъ, что и у черкесовъ были прежде такіе же правители и тѣмъ же путемъ образовавшіеся, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ подробно объяснено. Прочія абхазскія общества представляютъ, относительно управленія, большое сходство съ черкесами. У нихъ есть князья (таводъ), дворяне (амистъ), свободные люди (анҳоа) и рабы (агруа). Князья составляютъ съ дворянами почти одно сословіе; первые пользуются только нѣсколько бо́льшимъ почетомъ предъ вторыми, но тѣ и другіе составляютъ господствующій классъ землевладѣльцевъ. Въ собственной Абхазіи, они имѣютъ одинакія обязанности къ владѣтелю, не платятъ никакихъ податей и не подлежатъ за преступленія никакому наказанію, кромѣ денежной пени. По призыву владѣтеля, они обязаны были собираться для защиты, какъ его, такъ и своего края; сверхъ того, они подносили владѣтелю подарки, когда онъ посѣщалъ ихъ. Въ другихъ абхазскихъ обществахъ, гдѣ также существуютъ князья и дворяне, власть ихъ надъ народомъ весьма ограничена; только тѣ изъ нихъ пользуются ею, которые отличаются личными достоинствами, или которыхъ предки оказали особыя заслуги народу. Свободные люди во всей Абхазіи имѣютъ право владѣть землей и даже рабами, но сами несутъ установленныя обычаемъ повинности по отношенію къ князьямъ или дворянамъ, на землѣ которыхъ поселены. Они обязаны помогать имъ въ полевыхъ работахъ и два раза въ годъ давать имъ по арбѣ кукурузы или проса, по одной скотинѣ и по одному кувшину вина. Тѣлесное наказаніе въ Абхазіи не существуетъ. Въ случаѣ сопротивленія владѣтелю земли, или неисполненія своихъ обязанностей, свободныхъ людей заковываютъ въ желѣзо и представляютъ въ судъ. Съ своей стороны, они въ правѣ приносить жалобы за обиды и притѣсненія, и когда владѣлецъ по суду окажется виновнымъ, то крестьянинъ навсегда освобождается отъ его подчиненія. Рабство у абхазовъ существуетъ въ той же степени, какъ и у черкесовъ. Всякій свободный человѣкъ можетъ имѣть рабовъ и распоряжаться ими, какъ своею собственностью. Рабы въ Абхазіи двухъ родовъ: коренные, рожденные въ домѣ, и новые, добытые грабежемъ или на войнѣ. Первыхъ, въ Абхазіи, нельзя иначе продать, какъ съ разрѣшенія владѣтельнаго князя. Новоприобрѣтеннаго же раба всякій владѣлецъ

имѣетъ право продать куда и какъ ему угодно. Рабы не изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, но оно почти никогда не исполняется, потому-что горцы вообще имъ гнушаются.

Законы или, лучше сказать, обычаи о наслѣдствѣ у абхазовъ весьма просты. Имѣніе, послѣ умершаго, дѣлится поровну между сыновьями. Дочери не участвуютъ въ наслѣдствѣ, но получаютъ пропитаніе до замужества отъ своихъ братьевъ, обязанныхъ, сверхъ того, дать имъ приданое, сообразное съ ихъ состояніемъ. Въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, имѣніе дѣлится поровну между ближайшими родственниками умершаго, на которыхъ переходитъ обязанность содержанія и выдачи въ замужество его дочерей. Вдова ничего не наслѣдуетъ послѣ смерти своего мужа, но въ правѣ требовать пожизненнаго содержанія отъ его наслѣдниковъ. Выморочное имѣніе въ коренной Абхазіи поступаетъ въ пользу владѣтелей или князя.

Дѣла спорныя о наслѣдствахъ, по семейнымъ распрямъ, по условіямъ и проч., а равно дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ рѣшаются въ Абхазіи по *обычаю*. Мы обязаны барону Торнау за сообщеніе свѣдѣнія о процессѣ абхазскаго суда, который въ простой, первобытной своей формѣ, много сближается съ формою суда, выработанною продолжительнымъ опытомъ и усиліемъ науки у народовъ просвѣщенныхъ. Тяжущіяся или заинтересованныя стороны выбираютъ обыкновенно судей изъ числа лицъ, пользующихся довѣріемъ въ народѣ. Избранные судьи назначаютъ день суда, по своему усмотрѣнію. Въ случаѣ особенной важности дѣла, засѣданіе назначается въ оградѣ древняго монастыря, возлѣ развалинъ церкви или подъ сѣнію особо чтимаго дуба, вообще—въ мѣстахъ, уважаемыхъ абхазами по преданіямъ христіанской или языческой старины. Народъ собирается къ слушанію дѣла, которое обсуживается публично. Судьи сперва даютъ присягу въ томъ, что они будутъ судить дѣло по совѣсти, по правдѣ и по обычаю; потомъ выслушиваютъ тяжущихся и свидѣтелей, и когда всѣ обстоятельства выяснены, удаляются для тайнаго совѣщанія и рѣшенія дѣла. Но до объявленія приговора, судьи берутъ отъ противныхъ сторонъ присягу и поручительство въ томъ, что онъ будетъ исполненъ, для того что на судьяхъ лежитъ обязанность не только рѣшить дѣло, но и привести рѣшеніе въ исполненіе. Смертная казнь не существуетъ въ Абхазіи. Князья и дворяне отвѣчаютъ обиженному своимъ имуществомъ, а прочіе — своею личною свободою, когда не достанетъ у нихъ собственности на уплату пени; въ первомъ случаѣ, они дѣлаются рабами до тѣхъ поръ, пока не найдутъ сред-

ства окупиться. Пени уплачиваются деньгами, скотомъ и всякаго рода имуществомъ, въ томъ числѣ и рабами.

Хлѣбопашество у абхазовъ, какъ и у сосѣдей ихъ, черкесовъ, находится въ самомъ первобытномъ состояніи и ограничивается небольшимъ посѣвомъ кукурузы, мингрельскаго проса (гомми), ячменя и табаку, для своего потребленія. Абхазія весьма богата виноградомъ, изъ котораго выдѣлывается порядочное вино, и разными фруктами, особенно грушами, сливами и персиками, которыхъ деревья доставляютъ изобильные плоды, безъ всякаго ухода за ними. Лѣса абхазскіе изобилуютъ дубомъ, букомъ, чинаромъ, грецкимъ орѣхомъ, каштаномъ и шелковицею; около Сухума растутъ огромныя буковыя деревья и буксъ [1]). Скотомъ абхазы бѣднѣе своихъ сосѣдей; лошади ихъ мелки и слабосильны; во многихъ мѣстахъ замѣняютъ ихъ ослы. Изъ дикихъ звѣрей въ абхазскихъ лѣсахъ водятся въ большомъ числѣ дикія козы, серны, кабаны, медвѣди, волки, лисицы, шакалы, рѣдко—барсы. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ открытіе Торнау въ лѣсистыхъ горахъ Малой Абхазіи — зубра, животнаго, котораго до сихъ поръ находили только въ одной Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи.

Прибрежные абхазы занимаются рыбною ловлею и добычею дельфиновъ, изъ которыхъ вытапливаютъ жиръ, пріобрѣтаемый у нихъ турецкими и греческими купцами. Кромѣ этого товара, предметы отпускной торговли ихъ составляютъ: строевой лѣсъ, невыдѣланныя звѣриныя кожи и медъ, добываемый отъ дикихъ пчелъ, отличающійся необыкновенною добротою; онъ почти не имѣетъ воска, твердъ и чистъ какъ сахаръ; преимущественно, этотъ медъ требовался въ Константинополь. Но, конечно, въ былое время, самый прибыльный торгъ абхазовъ, какъ и черкесовъ, составлялъ живой товаръ. Изъ привозимыхъ въ Абхазію товаровъ наиболѣе требовались соль и огнестрѣльное оружіе; затѣмъ — бумажныя, шелковыя и суконныя матеріи.

СВАНЕТЫ.

Территорія *Сванетіи* занимаетъ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ населенія Западнаго Кавказа; она лежитъ у главнаго хребта, простираясь, такъ сказать, по ребрамъ его. Здѣсь, въ малодоступныхъ ущельяхъ, живетъ народъ, носящій на

---

[1]) Buxus sempervirens, отличающійся особенною крѣпостью; это дерево неправильно называютъ пальмою.

себѣ отпечатокъ дикой природы, представляющій живой остатокъ древности, которому удалось, можетъ быть, сохранить свой первообразный типъ—явленіе въ высшей степени интересное для наблюденій психолога и этнографа! Горы, окружающія Сванетію, до сихъ поръ впрочемъ остающіяся неизмѣренными [1]), представляютъ разнообразныя формы; вершины ихъ во многихъ мѣстахъ входятъ въ линію вѣчнаго снѣга, дающаго начало многимъ горнымъ источникамъ и рѣкамъ, изъ коихъ значительнѣйшія: Ингуръ, Хопи и Цхени-Цхали — древній Гиппосъ. Рѣки эти принадлежатъ Сванетіи только своими вершинами; въ дальнѣйшемъ же теченіи, Ингуръ отдѣляетъ Абхазію отъ Мингреліи, впадая въ Черное море у Анаклiи; Хопи протекаетъ по Мингреліи, вливаясь въ море у Редутъ-кале; а Цхени-Цхали составляетъ восточную границу Мингреліи съ Имеретіею и впадаетъ въ рѣку Ріонъ — древній Фазисъ. Границы Сванетіи можно опредѣлить такимъ образомъ: съ сѣвера — Кавказскій хребетъ, въ который она упирается; съ запада — Цебельда и Самурзаканъ; съ юга — Лечгумскій округъ; съ сѣверо-востока—Карачаевскія общества: Чегемъ, Безингей и Балкаръ, которыя отдѣляются отъ сванетовъ главнымъ хребтомъ; а съ юго-востока—Рачинскій уѣздъ Кутаисской губерніи. По своему положенію, труднодоступному впродолженіе короткаго лѣта и совершенно недоступному въ теченіе продолжительной зимы, и по свойствамъ обитателей Сванетіи, не отличающихся такимъ воинственнымъ духомъ и такою наклонностью къ грабежу, какъ другіе народы Западнаго Кавказа, она не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія русскаго правительства, а потому Сванетія была долго terra incognita. Знакомствомъ съ этою страною мы обязаны лицамъ, посѣщавшимъ ее въ послѣднее время [2]).

Сванетію обыкновенно раздѣляютъ: на *дадіановскую*, *вольную* и *княжескую*. Дадіановскіе сванеты сосредоточены по верх-

---

[1]) Мы ожидаемъ этого отъ ученаго путешественника, г. Раде.

[2]) Послѣ замѣтокъ о Сванетіи князя Лобанова-Ростовскаго, помѣщенныхъ въ газетѣ «Кавказъ» 1852 года, явилась солидная статья генерала Бартоломея: «Поѣздка въ вольную Сванетію», въ III книжкѣ «Записокъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества». Въ VI книжкѣ тѣхъ «Записокъ», г. Бакрадзе своею статьею «о Сванетіи» еще болѣе ознакомилъ насъ съ малоизвѣстною страною. Въ первыхъ нумерахъ газеты «Кавказъ» 1866 года, помѣщены статьи о Сванетіи извѣстнаго натуралиста Раде, познакомившаго насъ съ естественною исторіею Амурскаго края, подъ заглавіемъ: «Предварительный отчетъ путешествія и изысканія на Кавказѣ въ 1864 году». Въ этомъ же самомъ году, посѣтилъ Сванетію г. Гогоберидзе, объ изслѣдованіяхъ котораго мы имѣемъ отрывочныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ отчетѣ Географическаго Общества (по кавказскому отдѣлу), за 1865 годъ. Источники эти, какъ результаты наблюденій очевидцевъ, служили намъ руководствомъ, по преимуществу.

нему теченію рѣки Цхени-Цхали, и занимаютъ три деревни: Лентехи (120 дворовъ), Чолуры (100 дворовъ) и Лашхеты (200 дворовъ); къ нимъ присоединяютъ еще деревню Холеты (20 дворовъ) на рѣкѣ Хеледулы, лежащую въ пяти верстахъ отъ Лентехъ. Населеніе дадіановской Сванетіи состоитъ изъ 440 дворовъ, или приблизительно до 3,000 душъ. Жители этой части Сванетіи составляютъ или непосредственную собственность потомковъ владѣтельнаго дома Мингреліи — князей Дадіановъ, или принадлежатъ другимъ лицамъ, находившимся въ ихъ зависимости. Дадіановскіе сванеты до такой степени перемѣшаны съ мингрелами, что потеряли свой типъ, говорятъ преимущественно мингрельскимъ языкомъ и удерживаютъ образъ жизни, нравы и обычаи мингреловъ. Сколько поэтому, столько же и потому, что дадіановская Сванетія, будучи составною частью Мингреліи, входитъ уже въ предѣлы Закавказья, мы не остановимся на ней и перейдемъ къ настоящей Сванетіи. Выше было сказано, что эта Сванетія дѣлится на *вольную* и *княжескую*. Но при этомъ мы должны замѣтить, что сами сванеты не знаютъ такого раздѣленія своей страны; имъ извѣстно только дѣленіе ея на общества, отдѣляющіяся естественными границами — перевалами, урочищами и рѣками, напоминая собою древніе шотландскіе кланы.

Территорія вольной Сванетіи ограничивается: съ сѣвера и востока — спусками главнаго хребта, отдѣляющаго ее отъ карачаевскихъ обществъ (Чегемъ, Безингей и Балкаръ), а съ запада — княжескими сванетами; особенный хребетъ, носящій по отдѣльнымъ горамъ разныя названія, и служащій раздѣленіемъ водъ, вливающихся съ одной стороны въ Ингуръ, а съ другой въ Цхени-Цхали, представляетъ южную границу вольной Сванетіи. Она состоитъ изъ одиннадцати обществъ, которыя расположены по теченію рѣки Ингура, частью по рѣкѣ Мульхре и по ихъ притокамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ восточной границы ея до княжеской Сванетіи: *Ушкули*, *Адыши*, *Кали*, *Ипари*, *Цюрми*, *Эли*, *Местія*, *Мужали*, *Мулахи*, *Ленжари* и *Латали*. Въ обществѣ *Ушкули* — четыре деревни съ 67 дворами. Это общество сильно перемѣшано съ имеретинцами, и по народному преданію жители его при царицѣ Тамарѣ выселены сюда изъ Рачи; они говорятъ и одѣваются по грузински, а по очертанію лица сходствуютъ съ имеретинцами. Ушкульцы отличаются отъ прочихъ своихъ родичей кротостью и чистотою нравовъ; у нихъ не существуетъ обычай кровомщенія. Вообще во всей Сванетіи свято чтится память царицы Тамары; но между ушкульцами это сохраняется по преимуществу; они убѣждены, что грузинская государыня похоронена въ одной изъ церквей ихъ, куда не допускаютъ

проникать любопытныхъ. Въ этомъ же обществѣ сохранились развалины дворца Тамары. *Адышское* общество — самое малочисленное; оно состоитъ изъ двухъ деревень съ 14 дворами. Жители трудолюбивы, но, по климатическимъ условіямъ, съ большими усиліями едва добываютъ скудную жатву ржи и ячменя. Здѣсь уже является и климатъ и типъ сванетскій. *Кальское* общество расположено по рѣкѣ Ингуру и состоитъ изъ 6 деревень и 50 дворовъ; въ немъ нѣтъ ни одного дворянина, а потому его можно назвать самымъ демократическимъ въ Сванетіи. Это общество обладаетъ святынею Сванетіи — единственнымъ монастыремъ въ этой странѣ, находящимся вблизи деревни Довберъ. Монастырь этотъ, осмотрѣнный и описанный подробно генераломъ Бартоломеемъ, по словамъ его, далеко не представляетъ великолѣпныхъ размѣровъ тѣхъ храмовъ, которые были сооружены со временъ Тамары. Кальскій монастырь построенъ во имя Квирика и Ивлиты, состоитъ изъ одной маленькой церкви безъ купола, съ небольшою башнею; все это сложено изъ грубо-отесаннаго камня и окружено полуразвалившеюся, зубчатою оградой, вокругъ которой, въ низенькихъ каменныхъ кельяхъ, жили когда-то монахи, а нынѣ поочередно помѣщаются деканосы (потомки прежнихъ рукоположенныхъ священниковъ, исправляющіе церковныя требы), которые стерегутъ эту уединенную обитель. Въ этой церкви нашелъ Бартоломей, между прочими болѣе или менѣе интересными предметами, превосходное евангеліе, на греческомъ языкѣ, писанное на пергаментѣ, красивымъ почеркомъ, которое, по его мнѣнію, должно принадлежать къ числу самыхъ древнихъ рукописей. Въ кальскомъ же обществѣ, въ деревнѣ Хе, находится церковь во имя св. Варвары, довольно бѣдная, въ которой, по народному преданію, покоится прахъ царицы Тамары. Такимъ образомъ, кальцы оспариваютъ у ушкульцевъ честь владѣть гробницею грузинской Семирамиды; но и тѣ и другіе пребываютъ въ заблужденіи. Отъ кальскаго общества, внизъ по теченію Ингура, расположены общества вольной Сванетіи, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Ипарское*, въ которомъ три деревни съ 63 дворами; *Цвримское*, въ которомъ шесть деревень съ 28 дворами; *Эльское*, въ которомъ три деревни съ 11 дворами. Къ сѣверу отъ сихъ обществъ, въ горной долинѣ рѣки Мульхре, расположены два общества — *Мужальское* и *Мулахское*, изъ которыхъ — въ первомъ три деревни съ 27 дворами, а въ послѣднемъ семь деревень съ 82 дворами. Не смотря на возвышенное положеніе, эти два общества, по послѣднему извѣстію г. Раде, окружены роскошными лугами и полями; деревни ихъ живописно разбросаны частью въ самой до-

линѣ, частью по лѣсистымъ горнымъ склонамъ, и состоятъ изъ каменныхъ выбѣленныхъ башень, отличающихся своимъ контрастомъ отъ дикой природы верхнихъ обществъ вольной Сванетіи. У жителей означенныхъ обществъ особенно являются зобы большой величины, и, сопутствующій этой болѣзни, кретинизмъ, что, впрочемъ, замѣчается и въ другихъ обществахъ вольной Сванетіи, а также и въ дадіановской, преимущественно по вершинамъ Цхени-Цхали. Въ Мулахскомъ обществѣ живутъ много азнаурскихъ (дворянскихъ) фамилій, а потому оно считается по преимуществу аристократическимъ. Ниже сихъ обществъ, по теченію рѣки Мульхре, находятся общества — *Местійское* и *Ленжарское;* въ первомъ изъ нихъ четыре деревни съ 69 дворами, а въ послѣднемъ пять деревень съ 50 дворами. Местійское общество расположено у самой подошвы Эльбруса; жители его сообщаются по тропинкамъ, проложеннымъ чрезъ главный снѣговой хребетъ, съ карачаевскими балкарами. Общество *Латальское* расположено при сліяніи рѣки Мульхре съ Ингуромъ; въ немъ, по показанію г. Бакрадзе, которому мы до сихъ поръ слѣдовали въ исчисленіи деревень и дворовъ, принадлежащихъ вольной Сванетіи, считается одиннадцать деревень и 78 дворовъ. Напротивъ того, г. Бартоломей утверждаетъ, что Латальское общество есть самое населенное и, вмѣстѣ съ Ленжарскимъ (имѣющимъ 95 дымовъ, вмѣсто 60, показанныхъ Бакрадзе), состоитъ изъ 360 дворовъ или дымовъ, и что два эти общества представляютъ почти одну треть всего населенія вольной Сванетіи. Такое противорѣчіе необходимо требуетъ разъясненія, тѣмъ болѣе, что этимъ не ограничиваются противорѣчія въ исчисленіи жителей Сванетіи. Слѣдуя г. Бакрадзе,—въ вольной Сванетіи 539 дворовъ; но если принять показаніе г. Бартоломея для двухъ обществъ Латальскаго и Ленжарскаго 360 дворовъ, вмѣсто 128 дворовъ, назначаемыхъ для нихъ г. Бакрадзе, то означенная цифра населенія вольной Сванетіи увеличится до 771 двора. Наконецъ, является третья цифра этого населенія въ «Кавказскомъ Календарѣ» на 1858 г. (статья г. Берже), гдѣ показано въ вольной Сванетіи 683 двора [1]). При такихъ противорѣчіяхъ ничего не остается, какъ принять послѣднюю цифру, по болѣе оффиціальному характеру сочиненія, въ которомъ она показана, не отвѣчая, впрочемъ, за точность ея. Но

[1]) Мы не упомянемъ здѣсь о противорѣчіяхъ и несообразностяхъ по этому предмету, встрѣчаемыхъ у иностранныхъ писателей; укажемъ только, для примѣра, на Боденштедта, который насчитываетъ въ вольной Сванетіи три тысячи дворовъ; другіе же принимаютъ число дворовъ за число жителей! Въ оффиціальномъ свѣдѣніи о кавказскомъ горномъ населеніи (Инвалидъ, 4 марта 1866 г.) число жителей Сванетіи, къ сожалѣнію, вовсе не показано.

сколько въ показанномъ числѣ дворовъ должно считаться жителей? Въ Россіи обыкновенно принимается на одинъ дворъ пять душъ обоего пола. Для населенія горцевъ Кавказа, это число будетъ недостаточно, потому-что они живутъ патріархально, раздѣлы семействъ у нихъ рѣдки, и оттого въ одномъ дворѣ помѣщаются родственники и въ боковой линіи; притомъ, съ ними живутъ и рабы. Г. Бакрадзе, при исчисленіи дворовъ въ княжеской Сванетіи, показалъ случайно въ двухъ ея обществахъ (Чуби-Хеви и Пари) и число дворовъ, и число душъ. Это дало возможность опредѣлить среднее число душъ на дворъ, которое оказалось $7^3/_5$. Принимая эту пропорцію, будетъ въ 683 дворахъ вольной Сванетіи — 5,190 душъ. Наконецъ, мы должны замѣтить, что изъ всѣхъ сванетскихъ обществъ, Латальское есть самое сильное. Латальцы отличаются отъ своихъ собратій болѣе воинственнымъ духомъ и независимостью; повидимому, они болѣе другихъ сохранили первобытный типъ. А потому, при будущихъ изслѣдованіяхъ Сванетіи, болѣе всего слѣдуетъ обратить вниманіе на это общество.

Княжеская Сванетія такъ называется потому, что жители ея подвластны князьямъ изъ фамиліи Дадешкаліаны. Она граничитъ съ востока—съ вольною Сванетіею; съ сѣвера—съ отрогами главнаго хребта; съ юга и юго-запада—съ особеннымъ хребтомъ Бахи, а съ сѣверо-запада—съ Цебельдою и съ Самурзаканомъ. Главное населеніе Княжеской Сванетіи сгруппировано внизъ по теченію рѣки Ингура, почему называютъ ее также нижнею Сванетіею, въ противоположность съ вольною или верхнею Сванетіею, расположенною преимущественно по верхнему теченію Ингура. Княжеская Сванетія, также какъ и вольная, состоитъ изъ нѣсколькихъ обществъ, которыя отдѣляются другъ отъ друга естественными гранями — рѣчками, перевалами, оврагами. Такихъ обществъ считается пять: *Бечо*, *Цхмари*, *Эцери*, *Чуби-Хеви* и *Пари*. Общество *Бечо*, принадлежащее Левану Дадешкаліани, расположено сѣвернѣе всѣхъ прочихъ; въ немъ считается 56 дворовъ. Общество *Цхмари*, принадлежащее Тингизу Дадешкаліани, занимаетъ самую южную часть княжеской Сванетіи, между Ингуромъ и хребтомъ Бахи; оно состоитъ изъ 38 дворовъ. Въ принадлежащей этому обществу деревнѣ Лафсхали, въ церкви во имя Архангеловъ, сохраняется много образовъ и древнихъ церковныхъ книгъ, съ грузинскими надписями, свидѣтельствующими объ именахъ жертвователей; все это подробно описано г. Бакрадзе въ его статьѣ. Общество *Эцери*, принадлежащее Тингизу Дадешкаліани, расположено на сѣверъ отъ Цхмари, по теченію Ингура; оно состоитъ изъ 83 дворовъ. Въ принад-

лежащей этому обществу деревнѣ Пхотрери, въ церкви во имя Архангеловъ, хранится также много церковныхъ книгъ и образовъ, изъ которыхъ храмовой образъ заслуживаетъ особаго вниманія по надписи на оборотѣ его, въ которой исчисляются побѣды, одержанныя жертвователемъ образа, Леваномъ Дадіаномъ. По мнѣнію Бакрадзе, это былъ имеретинскій царь Левань II или Великій, извѣстный своими преступленіями и побѣдами въ Абхазіи, Имеретіи и Грузіи. Общество *Чуби-Хеви* — ниже Эцери, по теченію Ингура; оно состоитъ изъ 59 дворовъ. Въ многолюдной деревнѣ этого общества, называемой *Пари*, имѣютъ пребываніе приставъ Сванетіи и благочинный ея церквей; слѣдовательно, въ ней сосредоточена русская администрація. Здѣсь прежде жилъ князь Константинъ Дадешкаліани, который, за совершенное имъ убійство, поплатился своею жизнью, а имѣніе его конфисковано. Общество *Пари* находится еще ниже предъидущаго, по теченію Ингура; въ немъ 94 двора. Жители этого общества принадлежали Константину Дадешкаліани, а по смерти его поступили въ казну и сдѣлались вольными [1]). Такимъ образомъ, въ княжеской Сванетіи, оказывается 338 дворовъ; въ статьѣ же, помѣщенной въ «Кавказскомъ Календарѣ» за 1858 г., показано въ этой Сванетіи 516 дворовъ. Принимая, по вышеприведеннымъ причинамъ, послѣднюю цифру, и полагая, по тѣмъ же уваженіямъ, ту же пропорцію жителей на каждый дворъ, выходитъ, что въ княжеской Сванетіи 3,920 жителей. Если мы присовокупимъ къ тому 5,190 жителей вольной Сванетіи, то все населеніе обѣихъ Сванетій составитъ 9,110 жителей. Остатокъ ничтожный отъ народа, нѣкогда многочисленнаго, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Климатъ Сванетіи, говоря вообще, отличается разнообразіемъ. Почва нижней Сванетіи, возвышающаяся не болѣе 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря (глазомѣрно, по указанію г. Бакрадзе), производитъ пшеницу, кукурузу, виноградъ, грецкій орехъ; луга ея тучны и способны для скотоводства. Въ верхней же Сванетіи, по мѣрѣ удаленія въ глубь горъ, гдѣ почва восходитъ до 8,000 фут. надъ уровнемъ моря (глазомѣрно, по указанію г. Бартоломея), климатъ становится все суровѣе и переходитъ,

---

[1]) Въ поправкѣ къ статьѣ о Сванетіи г. Бакрадзе (книжка VI «Записокъ кавказскаго отдѣла Географическаго Общества»), основанной на донесеніи того же самаго пристава, который сообщилъ свѣдѣніе о томъ же предметѣ автору статьи, — вмѣсто двухъ послѣднихъ обществъ (Пари и Чуби-Хеви) показано четыре: *Майжинское, Лахмульское, Лагарь-Загарынское* и *Чеби-Хевское*. Но въ исчисленіи дворовъ въ этихъ обществахъ оказывается самая незначительная разница, которую однакожъ мы приняли при исчисленіи общаго населенія княжеской Сванетіи.

наконецъ, въ климатъ самыхъ сѣверныхъ странъ; здѣсь растетъ только горная сосна и береза, а изъ зерновыхъ хлѣбовъ — ячмень и частію рожь; скотоводство ничтожно. Дѣйствіе климата отражается на наружномъ видѣ жителей: обитатели нижней Сванетіи смуглы, черты лица ихъ довольно мягки; верхніе же сванеты большею частью бѣлокуры, видъ у нихъ суровый. Г. Бакрадзе замѣчаетъ, что, по наружному виду, по физіономіи лица и по очертанію головы, эти сванеты напоминаютъ горныхъ грузинъ — хевсуровъ и пшавовъ. Вообще, сванеты роста выше средняго и одарены крѣпкимъ здоровьемъ и физическими силами. Имъ неизвѣстны обыкновенныя болѣзни; но въ обществахъ, расположенныхъ на альпійскихъ высотахъ, какъ мы уже выше сказали, господствуетъ особеннаго рода болѣзнь, присущая такимъ возвышеннымъ странамъ. У жителей этихъ обществъ зобы доходятъ до безобразной величины, и эта болѣзнь нерѣдко сопровождается кретинизмомъ. Сванетки, говоря вообще, не отличаются ни красотою, ни чистоплотностью; по увѣренію Бакрадзе, онѣ напоминаютъ, по физіономіи и по костюму, пшавокъ и тушинокъ. Хотя у сванетовъ, какъ и у другихъ горцевъ Кавказа, женщина составляетъ низшее существо противъ мужчины, но тѣмъ не менѣе, сванетки пользуются гораздо большею свободою и преимуществами сравнительно съ черкешенками и абхазками. Онѣ не скрываются подъ покрывалами отъ постороннихъ и не запираются въ своихъ домахъ, но свободно обращаются не только съ своими, но и съ чужеземными; участвуютъ въ публичныхъ празднествахъ и сборищахъ, безъ всякаго стѣсненія. Женщинъ въ Сванетіи, сравнительно съ мужчинами — мало, и это происходитъ отъ безчеловѣчнаго обычая умерщвлять новорожденныхъ дѣвочекъ, который, благодаря участію правительственныхъ лицъ, мало по малу выводится. Причину этого варварскаго обычая приписывали бѣдности жителей; между тѣмъ, онъ существовалъ не у однихъ бѣдняковъ, но и у зажиточныхъ. Г. Бакрадзе утверждаетъ, что обычай умерщвлять дѣвочекъ у сванетовъ происходитъ отъ суевѣрнаго ихъ убѣжденія, что убійство дочери вознаграждается рожденіемъ сына. Къ этому наблюдатель присовокупляетъ, что послѣдствіемъ такого дикаго суевѣрія есть уменьшеніе женскаго пола и потребность похищенія чужихъ женъ, съ согласія или безъ согласія ихъ самихъ, что̀ весьма распространено въ Сванетіи.

Относительно духовнаго развитія, сванеты находятся въ дѣтскомъ возрастѣ. Они отъ природы веселаго нрава, добродушны и гостепріимны; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, кровомщеніе у нихъ господствуетъ почти въ такой же степени, какъ у свирѣпыхъ чер-

кесовъ или грубыхъ абхазовъ. Сванетъ горячо любитъ свое семейство, но добровольно умерщвляетъ новорожденную дочь, въ надеждѣ чрезъ то получить сына. Онъ привязанъ къ родинѣ, но ограничиваетъ ее деревнею, въ которой родился, и рѣдко обществомъ, которому принадлежитъ; онъ враждуетъ безпрерывно не только съ жителями другого округа, но даже съ своими однодеревенцами. Сванеты лично храбры, но рѣшительно неспособны къ дружному дѣйствію противъ внѣшнихъ враговъ. Вообще, они принадлежатъ къ категоріи народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго, естественнаго состоянія, въ нравахъ которыхъ мы видимъ непостижимое для насъ смѣшеніе добродѣтелей съ пороками, достоинствъ съ недостатками. Если мы не станемъ смотрѣть на эти народы съ точки зрѣнія того положенія, въ которомъ они представляются намъ въ данное время, но будемъ обращать вниманіе, какъ и слѣдуетъ, на то, къ чему они, по врожденнымъ своимъ качествамъ, способны,—то убѣдимся фактически многими примѣрами, что, какъ сванеты, такъ и другіе горные обитатели Кавказа имѣютъ всѣ задатки къ духовному и нравственному развитію, которое задерживалось только жизненными условіями и средою, ихъ окружающею. Сванеты исповѣдуютъ христіанскую вѣру; но она ограничивается у нихъ одними наружными обрядами; духъ и евангельская нравственность ея недоступны имъ. Но мы должны быть благодарны хотя и необразованнымъ сванетскимъ деканосамъ за то, что, пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей страны, они противодѣйствовали вторженію въ нее ислама, сберегли христіанскіе храмы и хранящуюся въ нихъ святыню, удержали, наконецъ, въ народѣ привязанность къ православію. Нива готова и ожидаетъ только вѣрныхъ сѣятелей, которые и являются мало по малу въ лицѣ рукоположенныхъ священниковъ. Въ Сванетіи, и особенно въ верхней, много церквей, и въ нихъ хранятся въ большомъ числѣ иконы, кресты, книги и другія принадлежности церкви, принесенныя въ даръ значительными лицами Грузіи и Имеретіи. Подробнымъ описаніемъ этихъ памятниковъ въ неприступной Сванетіи, благоговѣйно хранимыхъ ея жителями, мы обязаны генералу Бартоломею, обогатившему археологію и нумизматику своими изысканіями въ разныхъ частяхъ Кавказа, и просвѣщенному члену Кавказскаго Географическаго Общества — г. Бакрадзе.

Жилища сванетовъ отличаются особенною оригинальностью. Деревни ихъ разбросаны живописно группами по скаламъ и горнымъ долинамъ. Въ каждомъ почти дворѣ находится четвероугольная, высокая, въ нѣсколько этажей башня, сложенная изъ необтесанныхъ камней, стѣны которой въ нижнихъ обществахъ

большею частью выбѣлены, а въ верхнихъ состоятъ изъ темныхъ плитъ глинистаго сланца. Къ каждой башнѣ для входа въ нее приставлена деревянная лѣстница, которая удобно отнимается. Обыкновенное помѣщеніе для жильцовъ и скота прилѣпляется къ башнѣ, которая составляетъ главное строеніе и представляетъ какъ бы отдѣльную цитадель, гдѣ жители могли укрываться отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ внутреннихъ враговъ-кровомстителей, и гдѣ также они удобно могли сохранять награбленное имущество.

Въ народѣ, гдѣ все зависитъ отъ физической силы, которая замѣняетъ собою право и законъ, неудивительно встрѣтить явленіе дикаго кровомщенія. Эту характерную черту не могла смягчить у сванетовъ и христіанская вѣра. Они преслѣдуютъ за кровь близкаго и отдаленнаго родственника всѣхъ, имѣющихъ родственную связь съ убійцею; они враждуютъ другъ противъ друга, деревня противъ деревни, общество противъ общества. Все это порождаетъ безпрерывныя опасенія, общія смуты и упадокъ соціальнаго развитія; такимъ положеніемъ можно объяснить и происхожденіе отдѣльныхъ укрѣпленій въ видѣ башень. Не менѣе разоряло Сванетію и то, когда личное мщеніе замѣнялось, по суду, пенею, размѣръ которой былъ весьма тягостенъ для такой бѣдной страны, какъ Сванетія. По законамъ грузинскаго царя Вахтанга, имѣвшихъ въ этомъ отношеніи силу и для Сванетіи, цѣна крови опредѣлялась по степенямъ, начиная отъ послѣдняго класса азнаура и купца до перваго класса князя (тавада), и простиралась, по свидѣтельству г. Броссе, отъ 112 до 15,360 р., на наши деньги. За неимѣніемъ денегъ, надобно было отплачиваться скотомъ, оружіемъ, землею и даже личною свободою. Почтенный академикъ сдѣлалъ извѣстнымъ весьма любопытный въ этомъ отношеніи договоръ, постановленный въ 1432 году о цѣнѣ крови, взысканной съ сванетовъ за убіеніе ими тавада первой степени — Джапаридзе, изъ Рачи. По принятому участію въ семъ дѣлѣ имеретинскаго царя Александра, которому означенный Джапаридзе былъ подвластенъ, сванеты должны были уступить наслѣдникамъ умерщвленнаго обширное пространство земель, подробно обозначенныхъ въ договорѣ, и населенныхъ 400 семействъ, съ азнаурскими дѣтьми и принадлежащими имъ крестьянами, и къ тому присовокупить тысячу головъ барановъ и четыреста фунтовъ воску. Договоръ этотъ, безъ сомнѣнія, былъ весьма тягостенъ для сванетовъ, а между тѣмъ онъ допущенъ только по ходатайству за нихъ доброжелательнаго имъ Мамія Дадіана [1]).

[1]) Bulletin scientifique de l'Académie Imperiale des sciences, tome IV, 1838, pag. 266—271.

Въ горахъ Сванетіи, по удостовѣренію ея жителей, находится много металлическихъ мѣсторожденій; въ особенности же они обращаютъ вниманіе на попадающіеся во множествѣ куски свинцоваго блеска, содержащіе серебро, которые они показываютъ каждому посѣтителю. Въ послѣднее время явился здѣсь и золотой промыселъ. Правительство отвело для того французскому подданному Кастенгу участокъ по рѣкѣ Ингуру, а по смежности съ нимъ заявлены признаки золота и г. Бениславскимъ (Московскія Вѣдомости, 1865 г. № 8). Г. Раде, путешествовавшій, въ 1864 г., по Сванетіи, встрѣтилъ Кастенга, возвращавшагося съ своихъ развѣдокъ, который объявилъ ему, что онъ во многихъ мѣстахъ открылъ признаки золота, нашелъ розсыпи, достойныя разработки, и намѣренъ приступить къ тому въ нижней части долины Ингура. Если это предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, то мы увидимъ осуществленіе «золотого руна» древней Колхиды, и съ тѣмъ вмѣстѣ увидимъ улучшеніе судьбы бѣдныхъ сванетовъ и мингреловъ, которые на золотыхъ пріискахъ найдутъ для себя выгодную работу.

Главная промышленность сванетовъ есть земледѣліе, которымъ они занимаются въ настоящее время собственно для своего пропитанія. Каждый дворъ имѣетъ свой полевой участокъ; за обработку чужой земли уступается обыкновенно половина урожая. Скотоводство у сванетовъ ничтожно; но, какъ хорошіе стрѣлки, они занимаются охотою, особенно же ловлею куницъ, шкуры которыхъ продаютъ въ Мингреліи. У народа бѣднаго и отчужденнаго отъ другихъ, какъ сваneты, торговля не можетъ развиваться. Но, по свидѣтельству г. Бакрадзе, она однакожъ начала у нихъ возникать съ того времени, когда открылась возможность сообщенія ихъ съ промышленными карачаевцами, отъ которыхъ отдѣляетъ ихъ главный хребетъ. Но и эта торговля находится исключительно въ рукахъ однихъ лахмульцевъ, живущихъ въ княжеской Сванетіи, въ числѣ 50 дворовъ. Они говорятъ сванетскимъ языкомъ, исповѣдуютъ православную вѣру, имѣютъ священниковъ, но, не смотря на то, настоящіе сваneты чуждаются ихъ, считая ихъ нечистыми; женщины ихъ красивѣе и чистоплотнѣе сванетокъ, но настоящіе сваneты не смѣютъ вступать съ ними въ бракъ подъ страхомъ неизбѣжнаго взысканія. Бакрадзе свидѣтельствуетъ, что лахмульцы—еврейскаго происхожденія. Но какъ попали сюда сыны Израиля, какимъ образомъ, потерявъ свой языкъ, даже свою вѣру, которой они такъ упорно держатся, они сохранили однакожъ отличительную черту своего характера—наклонность къ торговлѣ? Изъ исторіи Арменіи и Грузіи мы видимъ, что, во время владѣнія этими странами ассирій-

скихъ государей, по повелѣнію ихъ было выведено много жителей изъ Іудеи и тамъ поселено. Потомки этихъ колоній сохранились во многихъ мѣстахъ Закавказья. Можно предполагать, что и лахмульцы представляютъ отрывокъ этихъ колоній.

Въ настоящее время, одна только фамилія князей Дадешкаліановъ пользуется этимъ титуломъ, фактически не дающимъ ей болѣе тѣхъ преимуществъ, какими пользуются помѣщики. Въ вольной Сванетіи нѣтъ князей, а остались потомки азнаурскихъ, т. е., дворянскихъ родовъ; большая часть ихъ живетъ въ обществахъ — Мулахи и Местіи; въ другихъ же обществахъ, какъ то: Эльскомъ, Адышскомъ, Кальскомъ и Ушкульскомъ, вовсе нѣтъ дворянъ. Предки нынѣшнихъ азнаурскихъ фамилій имѣли здѣсь такія же права, какія имѣетъ нынѣ*) дворянство въ Имеретіи и Грузіи; имъ принадлежали земли и крестьяне. По мнѣнію Бакрадзе, едва ли не бо́льшая часть обществъ Сванетіи принадлежала помѣщикамъ, которые лишились ихъ, какъ полагать должно, во время ослабленія вліянія на Сванетію грузинскихъ и имеретинскихъ государей и мѣстныхъ ея правителей. Переворотъ начался съ самыхъ отдаленныхъ обществъ, гдѣ, дѣйствительно, мы не видимъ слѣдовъ дворянъ, и остановился на латальцахъ, которые упорно боролись противъ Дадешкаліановъ, и отстояли свою свободу. Не смотря однакожъ на то, что многія изъ азнаурскихъ фамилій обѣднѣли и ведутъ образъ жизни точно такой, какъ и простолюдины, онѣ не сливаются съ ними и роднятся между собою. Все преимущество ихъ предъ крестьянами состоитъ въ томъ, что эти обязаны ихъ угощать одинъ разъ въ годъ, и въ случаѣ кровомщенія—платить имъ двойную цѣну крови.

Относительно языка сванетовъ существуютъ разныя мнѣнія: иные утверждаютъ, что это самобытный языкъ, отличающійся отъ другихъ извѣстныхъ языковъ; иные, — что это языкъ смѣшанный, въ которомъ основа хотя самобытная, но въ нее проникъ элементъ грузинскій; иные, наконецъ, что это только діалектъ грузинскаго языка. Такъ какъ у сванетовъ нѣтъ письменности, и языкъ ихъ достаточно неразработанъ, то намъ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ мнѣнію людей компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. По словамъ г. Бакрадзе, которому, по его происхожденію и по спеціальнымъ занятіямъ, должны быть извѣстны, какъ языкъ грузинскій, такъ его діалекты, — сванетскій языкъ

*) *Нынѣ*, т. е. въ концѣ 50-хъ годовъ, когда это изслѣдованіе могло быть писано, какъ предполагаетъ Ег. П. Кавалевскій. Но въ другихъ мѣстахъ видно, что авторъ дѣлалъ позднѣйшія вставки и исправленія, по мѣрѣ выхода новыхъ изслѣдованій. — *Ред.*

имѣетъ большое сродство съ ними. Вотъ доказательства его для подтвержденія этого мнѣнія: большая часть сванетскихъ деревень напоминаетъ грузинскія наименованія; едва ли не треть сванетскихъ фамилій — грузинскаго происхожденія; нынѣшнее названіе Сванетіи — грузинскія лѣтописи производятъ отъ грузинскаго слова «саванети» — убѣжище; названія внутри страны урочищъ, существовавшія въ старину и удержавшіяся понынѣ, какъ то: «*кведа-хева*» (по-грузински)—«*чвабе-хева*» (по-сванетски), и «*зедахева*» (по-грузински)—«*жабе-хеви*» (по-сванетски), то есть: *нижняя долина* и *верхняя долина*, совершенно согласуются съ наименованіями, бывшими въ большомъ употребленіи во всѣхъ горныхъ областяхъ Грузіи; названіе сванетовъ въ грузинскихъ лѣтописяхъ: «*сони*», «*цани*» — образовалось отъ грузинскаго слова «*чани*», подъ какимъ именемъ до сихъ поръ извѣстны *лазы*, ближайшіе родичи мингреловъ, которыхъ сами сванеты называютъ «*зани*». Но, конечно, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу вышеозначеннаго мнѣнія служитъ то, что, какъ сванеты, такъ и мингрелы, весьма скоро усвоиваютъ вполнѣ не только грузинскій языкъ, но и фонетическіе оттѣнки выговора его. Приведемъ слова другого компетентнаго судьи, имѣющаго на то полное право. Вотъ, что̀ говоритъ г. Гогоберидзе: «Звуки сванетскаго языка, съ самыми малыми оттѣнками, общи съ звуками грузинскаго и мингрельскаго. Въ ряду этихъ трехъ языковъ, средину занимаетъ мингрельскій». Далѣе, онъ приходитъ къ заключенію, «что сванетскій языкъ происходитъ отъ грузинскаго на томъ основаніи, что самыя неизбѣжныя слова языка, какъ, напр. мѣстоименія личныя и числительныя имена и нѣкоторыя существительныя, самыя употребительныя, происходятъ въ сванетскомъ языкѣ отъ грузинскихъ корней и даже почти тождественны въ фонетическомъ отношеніи; наконецъ, то же видно и въ формахъ вспомогательнаго глагола». (Отчетъ Русскаго Географическаго Общества, за 1865 г., по кавказскому отдѣлу.) Одинъ изъ новѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ сравнительной лингвистики, Максъ Мюллеръ—о сванетскомъ языкѣ выражается такимъ образомъ: «Языкъ сванетскій имѣетъ во многомъ свои особенности, если сравнивать его съ языками мингреловъ и лазовъ; но сходство корней, словъ и грамматическихъ формъ въ этихъ языкахъ такъ значительно, что нельзя не считать ихъ принадлежащими одному грузинскому семейству.» Далѣе, изъясняя, что это семейство состоитъ изъ четырехъ вѣтвей — грузинъ, мингрелъ, сванетовъ и лазовъ, Максъ Мюллеръ продолжаетъ: «Эти четыре народныя отрасли говорятъ четырьмя діалектами, которые однакожъ *рѣшительно* между собою родственны, хотя и имѣютъ мѣстныя

различія. Діалекты различаются болѣе въ словахъ, чѣмъ въ грамматическомъ строѣ. Грамматическая система ихъ во всемъ сходна и соединяетъ діалекты языка на востокѣ и западѣ Кавказскаго хребта въ одно семейство.» «Трудно сказать—говоритъ потомъ авторъ—распространяются ли діалекты грузинскаго языка до береговъ Каспійскаго моря, но отъ рѣки Алазани на западъ они составляютъ непрерывную цѣпь чрезъ весь перешеекъ. Между ними два—лазскій и мингрельскій представляютъ столько сходства въ словахъ и грамматикѣ, что ихъ должно почитать языкомъ, принадлежащимъ одному народу. Отношеніе ихъ къ діалекту сванетскому гораздо далѣе отклоняется, однакожъ не на столько, чтобы нельзя было отыскать слѣдовъ общаго фамильнаго типа, если только мы будемъ съ бо̀льшимъ тщаніемъ производить наши изслѣдованія и сравненія [1]).» Наконецъ, новѣйшій путешественникъ по Сванетіи, натуралистъ Раде признаетъ сванетскій языкъ смѣшаннымъ, но присовокупляетъ къ тому, что въ немъ преобладаютъ элементы грузинскіе (отчетъ Географическаго Общества за 1855 годъ, кавказскій отдѣлъ). По закону филологическому, языкъ не можетъ быть смѣшаннымъ, какъ бываютъ народы смѣшанными. Языкъ есть особый организмъ, представляющій недѣлимое единство. Онъ можетъ заимствовать отъ другого языка слова̀, обороты рѣчи и даже систему звуковъ; можетъ измѣнить, такъ сказать, наружную физіономію; но сущность, духъ, грамматическій строй его остаются неизмѣнно, до тѣхъ поръ, пока языкъ не исчезнетъ совершенно, пока народъ, которому онъ принадлежитъ, не потеряетъ своей самобытности и не поглотится окончательно другимъ народомъ. Въ такомъ только случаѣ языкъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, теряя, съ тѣмъ вмѣстѣ, и свое имя. Однимъ словомъ, языкъ никогда не можетъ заимствовать отъ другого такихъ элементовъ, безъ которыхъ онъ не могъ бы существовать самъ собою. Въ своемъ мѣстѣ (въ главѣ объ основаніяхъ для классификаціи народовъ), для наглядnаго убѣжденія въ этомъ, мы привели много примѣровъ, взятыхъ въ разныхъ странахъ земного шара; здѣсь ограничимся только тѣмъ, что̀ представляется намъ въ Россіи. Языкъ, напримѣръ, уральскихъ финновъ, вотяковъ, пермянъ, зырянъ, вогуловъ (какъ доказываютъ грамматики этихъ языковъ) принялъ отъ русскаго слова̀, обороты рѣчи, выговоръ, и т. д., но сохранилъ въ цѣлости грамматическій строй общаго финскаго языка. Тоже самое послѣдовало и съ языкомъ латышскимъ, прикасающимся къ

[1]) The languages of the seat of war in the east, with a survay of three families of languages-semitic, arien and turanian, by Max Müller, pag. 126—127.

славяно-русскому; заимствуя отъ него систему звуковъ и выраженій, онъ удержалъ однакожъ существенный элементъ своего коренного литовскаго языка. Изъ всего вышесказаннаго можно, кажется, убѣдиться въ томъ, что сванетскій языкъ имѣетъ одинъ корень съ грузинскимъ, мингрельскимъ и лазскимъ; что, по силѣ обстоятельствъ, онъ ранѣе другихъ отдѣлился отъ своего корня, и, вслѣдствіе особыхъ жизненныхъ условій народа, которому онъ принадлежитъ, подвергался, сравнительно съ другими отраслями, бо̀льшимъ измѣненіямъ, но сохранилъ однакожъ всѣ типическіе элементы языка коренного; что поэтому грузины, мингрелы, лазы и сванеты, говорящіе діалектами этого языка, составляютъ одно народное семейство. Утверждающіе напротивъ, что сванетскій языкъ есть самобытный, отличающійся отъ извѣстныхъ языковъ, слѣдовательно и отъ грузинскаго, не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Изданная въ Тифлисѣ, въ 1864 году, азбука сванетскаго языка, съ присовокупленіемъ къ ней краткаго словаря и нѣкоторыхъ молитвъ, не можетъ служить подкрѣпленіемъ такого мнѣнія. Сочиненіе это не представляетъ данныхъ для сравненія сванетскаго языка съ другими, ни для опредѣленія элементарныхъ формъ и грамматическаго строя его, что̀ составляетъ сущность всякого языка.

Съ своей стороны, исторія свидѣтельствуетъ, что между грузинами, мингрелами, лазами и сванетами съ древнихъ временъ существовала тѣсная связь, которая можетъ проявляться только между народами родственными. Хотя свѣдѣнія, заключающіяся въ древнихъ источникахъ исторической литературы объ этихъ народахъ, весьма скудны; но, сводя вмѣстѣ все, что̀ говорится объ нихъ эллинскими и римскими писателями, мы можемъ убѣдиться въ истинѣ вышесказаннаго. Самый древнѣйшій памятникъ, знакомящій насъ съ Западнымъ Кавказомъ, есть поэма Аргонавтика, приписываемая Орфею, въ которой прославляются подвиги Аргонавтовъ (такъ названныхъ по имени корабля «Аргосъ»), подъ предводительствомъ Язона, на восточныхъ берегахъ Понта-Эвксина, за XIII вѣковъ до Р. Х. Въ этой поэмѣ, за исключеніемъ вымысловъ, необходимыхъ для такого рода сочиненій, и фантастическихъ эпизодовъ, къ которымъ эллины, по увлекательности своего пылкаго воображенія, были такъ наклонны,— топографія мѣстъ оказывается вѣрною. Мы видимъ и рѣку Фазисъ и городъ Кутаисъ (Кутайонъ) на своихъ мѣстахъ; видимъ, что народъ, населявшій описываемыя мѣста, назывался колхами, а страна носила названіе Колхиды; видимъ, какъ древніе пелазги изъ своихъ поселеній — въ Элладѣ и Малой Азіи, руководимые, съ одной стороны, духомъ предпріимчивости и отваги, а съ

другой — склонностью къ мореходству и торговлѣ, завязали близкія сношенія съ обитателями восточнаго берега Чернаго моря. Троянская война, занявшая всю дѣятельность эллиновъ, пріостановила-было эти сношенія, которыя однакожъ потомъ возникли еще сильнѣе и имѣли послѣдствіемъ устроеніе колоній по всему восточному берегу Понта-Эвксина, отъ Фазиса (нынѣшняго Поти) до Фанагоріи на Меотидѣ, милезійскими эллинами, въ VI вѣкѣ до Р. Х. Это уже фактъ вполнѣ историческій. Но какіе предметы торговли привлекали эллиновъ къ Колхидѣ въ особенности? По свѣдѣніямъ эллинскихъ и римскихъ писателей, эта страна могла доставлять строевой лѣсъ и особенно невольниковъ. Присовокупимъ къ этому и золото. Извѣстно, что цѣль путешествія аргонавтовъ была похищеніе «Золотого руна». Многіе видятъ въ этомъ словѣ метафору, обозначающую богатство; мы же полагаемъ, что его слѣдуетъ принимать въ прямомъ его значеніи. До настоящаго времени, притоки Ріона и Ингура (входившихъ въ предѣлы древней Колхиды), берущіе начало съ горъ, гдѣ должны заключаться мѣсторожденія жильнаго золота, увлекаютъ съ собою частицы этого металла и осаждаютъ ихъ потомъ въ долинахъ; этимъ путемъ образуются золотоносныя розсыпи или пески, которые, какъ нынѣ, такъ и въ древности, могли служить предметомъ добычи золота, съ тою только разницею, что, въ настоящее время, для промывки тѣхъ песковъ и полученія металла устроиваются различныя машины, а прежде употреблялись для того самыя простыя средства и, между прочимъ, овчины (руно) [1]). Конечно, не столько прямая торговля съ Колхидою, сколько транзитная чрезъ нее, привлекала къ себѣ эллиновъ. Посредствомъ этого транзита, они получали изъ Индіи, Персіи и средней Азіи пряности, драгоцѣнные каменья, сандалъ, слоновую кость и китайскія ткани. Транзитный путь этотъ, по сказанію древнихъ, шелъ черезъ Кавказъ такимъ образомъ: суда отправлялись отъ торговаго города Фазиса, вверхъ по теченію рѣки того же имени до города Кутаиса; отъ него продолжалось плаваніе по нижнему рукаву Фазиса (рѣка Квирилла) до укрѣпленнаго мѣста Сарапань (Шорапани); отсюда, сухимъ путемъ, удобнымъ для колеснаго проѣзда, достигали, въ четыре дня, до судоходной рѣки Куроса или Цируса (Куры), вливающейся въ Каспій. Такимъ образомъ, сношенія эллиновъ съ туземными жителями были чисто коммерческія. Совсѣмъ иныя отношенія къ нимъ были римлянъ; они познакомились съ народомъ восточ-

[1]) Въ Валахіи понынѣ, цыганы употребляютъ этотъ способъ полученія золота, выносимаго ручьями Карпатскихъ отроговъ.

ныхъ береговъ Понта-Эвксина, съ мечомъ въ рукахъ. Римскіе легіоны, подъ предводительствомъ Помпея, послѣ побѣдъ въ Малой Азіи, послѣ покоренія Арменіи и Грузіи, очутились и на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, преслѣдуя заклятаго врага своего, понтійскаго государя Митридата. Съ этого времени, т. е., съ послѣдняго столѣтія до христіанской эры, начались сношенія римлянъ съ покоренными ими народами Кавказа, сношенія административныя, а потому болѣе опредѣленныя. Мы имѣемъ цѣлый рядъ писателей, которые касаются, правда мимоходомъ, этнографіи Кавказа, въ томъ числѣ и той части его, о которой идетъ теперь рѣчь. За ними слѣдуетъ не менѣе длинный рядъ византійскихъ авторовъ о томъ же предметѣ. Мы извлекли изъ нихъ, что относилось до обитателей Закавказья, и помѣстили свѣдѣнія о томъ въ своемъ мѣстѣ; воспользуемся впослѣдствіи означенными литературными источниками при описаніи народовъ восточнаго Кавказа; здѣсь же ограничимся только тѣмъ, что касается собственно до сванетовъ и до ихъ родственныхъ отношеній къ колхамъ (нынѣшнимъ мингреламъ, имеретамъ и лазамъ). Географъ Страбонъ, болѣе другихъ писателей знакомый съ Западнымъ Кавказомъ, жившій (въ первой половинѣ I вѣка по Р. Х.) въ близкомъ времени отъ походовъ римлянъ, откуда начинаются болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія, сообщаетъ нѣкоторыя данныя и о сванетахъ. Описавъ подробно географическое положеніе Колхиды, свойства, нравы и образъ жизни ея жителей, промышленность, миѳическія преданія и историческія свѣдѣнія о странѣ подъ управленіемъ Митридата и послѣ его смерти, Страбонъ, между прочимъ, говоритъ (Lib. XI, edit. Casaub.): «Къ сѣверу живетъ горное племя, которое, по причинѣ чрезвычайной неопрятности, получило отъ грековъ названіе ѳтирофаговъ (вшеѣдовъ); вблизи ихъ живутъ саоны, не менѣе ихъ неопрятные, но болѣе могущественные и превосходящіе, можетъ быть, всѣ окрестные народы силою и храбростью; такимъ образомъ, они повелѣваютъ всею страною, занимая сами вершины Кавказа, господствующія надъ Діоскуріемъ. Они могли, говорятъ, поставить на ноги до двухъ сотъ тысячъ воиновъ, разумѣется, потому-что у нихъ всякій носитъ оружіе; но вообще они не знаютъ дисциплины. Увѣряютъ, что въ ихъ странѣ ручьи выносятъ изъ горъ золото, которое эти варвары собираютъ посредствомъ рѣшетокъ изъ прутьевъ и овечьихъ шкуръ, и изъ этого видно основаніе сказанія о золотомъ рунѣ». Мы же, съ своей стороны, видимъ, что положеніе Сванетіи остается почти то же, какое было слишкомъ за 1800 лѣтъ тому назадъ, что жители ея весьма мало измѣнились въ физи-

ческомъ и духовномъ отношеніи, что только число ихъ чрезвычайно уменьшилось, и народъ утратилъ совершенно свою національную силу. Объяснить послѣднее явленіе иначе нельзя, какъ тѣмъ, что по силѣ историческихъ событій, сванеты въ значительномъ числѣ смѣшались съ своими близкими родичами, что̀ и подтверждается дальнѣйшими обстоятельствами. Не должно при этомъ упускать изъ виду, что Страбонъ вездѣ называетъ *сановъ* жителями *Колхиды*; Птоломей еще опредѣлительнѣе выражается: онъ соединяетъ оба эти народа и называетъ ихъ *саны-колхи*. Послѣ Страбона, самый достовѣрный писатель о западномъ Кавказѣ, безъ сомнѣнія, есть Арріанъ, управлявшій каппадокійскою провинціею, который, по порученію императора Адріана, осматривалъ приморскія области, находившіяся подъ римскою властью (въ 137—140 г. христіанской эры). Изъ его сочиненія (Arriani, Periplus Ponti Euxini, edit. Hoffmani) видно, что Колхида въ то время сильно распространилась противъ прежняго и границы ея по берегу моря доходили до предѣловъ трапезонтскихъ. Въ своемъ «Периплѣ», Арріанъ, между прочимъ, говоритъ: «что, по словамъ Ксенофонта, изъ колховъ самый воинственный и самый вредный для трапезонтцевъ народъ были *дрилы;* это, по мнѣнію моему, то же, что̀ и *сваны*. Въ самомъ дѣлѣ, сваны весьма воинственны и страшные враги трапезонтцамъ; они живутъ въ мѣстахъ укрѣпленныхъ природою. У нихъ нѣтъ государей; прежде они были данниками римлянамъ; теперь же, занимаясь разбоемъ, они перестали платить слѣдующую дань; но съ божіею помощью, мы ихъ принудимъ къ тому.» У Арріана, въ первый разъ, установляется правильная орѳографія слову «сваны», и въ первый же разъ является имя лазовъ въ опредѣлительномъ смыслѣ. Впослѣдствіи этотъ народъ является въ Колхидѣ на первомъ планѣ; имя же колховъ мало по малу исчезаетъ. Прокопій, писатель и государственный человѣкъ при императорѣ Юстиніанѣ, въ началѣ VI вѣка нашей эры, въ своихъ сочиненіяхъ (Bellum Persicum, lib. II, и Bellum Gothicum, lib. IV) говоритъ положительно, что въ его время «лазы занимали страну, которую древніе называли Колхидою, и которая стала именоваться Лазикою». По словамъ его, въ Лазикѣ, простиравшейся по морскому берегу отъ Діоскуриса до рѣки Акампсиса (Чорохъ), протекалъ Фазисъ — центръ населенія и промышленности страны; были города: Кутаисіонъ или Кутайонъ (нынѣ Кутаисъ), Соропана, Археполисъ (древній-городъ), на мѣстѣ котораго нынѣ находится мѣстечко Накалакеви, Родополисъ — городъ розъ (напоминающій розовые сады Имере-

тіи), и пр. [1]); однимъ словомъ, Лазика заключала въ себѣ все, что̀ составляло древнюю Колхиду, и что̀ тѣсно входитъ въ составъ Мингреліи, Имеретіи и частію Сванетіи. Наконецъ, Прокопій, а съ нимъ и другіе византійскіе лѣтописцы утверждаютъ, «что лазы тотъ же самый народъ, какъ и древніе колхи, и что между ними нѣтъ никакого другого различія, кромѣ перемѣны именъ.» Возвышенныя части Лазики, съ сѣверной стороны, по словамъ Прокопія, были заняты суанами и скумнами, и тѣ и другіе платили дань государямъ лазовъ, но управлялись своими начальниками. Мы знаемъ, что̀ такое суаны, которыхъ Прокопій называетъ также суанитами; знаемъ, что византійскіе писатели именуютъ ихъ, придерживаясь грузинскому произношенію, тсуанами, даже тцанидами; знаемъ, что всѣ эти названія принадлежатъ народу, извѣстному теперь подъ именемъ сванетовъ. Но кто были «скумны»? Птоломей упоминаетъ о народѣ «скумниты», который обиталъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа и который, въ первые вѣка нашей эры, перешелъ на южный склонъ этого хребта, гдѣ Прокопій находилъ его живущимъ вмѣстѣ съ нынѣшними сванетами. Дальнѣйшіе слѣды этого народа вовсе исчезаютъ, точно также, какъ и сосѣдняго съ нимъ горнаго народа, котораго Агаѳій называетъ «мизиміанами», а Плиній «мессиніанами», который также былъ подвластенъ государямъ лазовъ, но отличался особеннымъ языкомъ отъ суановъ и отъ скумновъ. Сколько можно заключить изъ этихъ краткихъ извѣстій, скумны составляли только отрасль сванетовъ, напоминающую нынѣшній «лечгумъ», а мизиміани, жившіе въ укрѣпленныхъ природою мѣстахъ въ центрѣ главнаго хребта, указываютъ на нынѣшнихъ осетинъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что сванеты, въ первые вѣка нашей эры, распространившіеся по берегамъ Чернаго моря, являются на прежнемъ своемъ мѣстѣ въ VI столѣтіи по Р. Х., именно съ того времени, когда возникло въ Колхидѣ владычество лазовъ. Все это ведетъ къ заключенію, что въ странѣ, называвшейся въ древности Колхидою, являлись попеременно на исторической сценѣ три народа: колхи, лазы и сванеты. Первые, впослѣдствіи, распались на отрасли и приняли названія мингреловъ (по грузинскимъ лѣтописямъ «мегрели»), имеретинъ (имеровъ), гурійцевъ, удержавъ свою прежнюю территорію; остатки лазовъ мы встрѣчаемъ по берегу Чернаго моря отъ рѣки Чороха до Трапезонта подъ турецкимъ правительствомъ, которому доставляютъ они

[1]) Прокопій не упоминаетъ о городѣ Фазисѣ, существовавшемъ при устьѣ рѣки того же имени; но современникъ и продолжатель его, Агаѳій, исправляетъ этотъ пропускъ.

лучшихъ мореходовъ; сванеты, подобно лазамъ, смѣшались большею частью съ своими родичами, а остатки ихъ притиснуты судьбою къ ущеліямъ Кавказскаго хребта, гдѣ имъ было суждено прозябать до настоящаго времени. Такимъ образомъ, народы Колхиды, уступая владычество другъ другу, не уничтожали одинъ другого, какъ это бываетъ съ народами иноплеменными, но сохранили родственную связь, какъ между собою, такъ и съ своимъ корнемъ, который есть народъ, именующій себя картвелами, извѣстный эллинамъ и римлянамъ подъ названіемъ иверовъ, иберовъ, намъ—подъ именемъ грузинъ, а прочимъ европейцамъ подъ названіемъ георгіанъ (Georgiennes). Въ этомъ отношеніи, обитатели Кавказа и Закавказья (за малыми исключеніями) отличаются сохраненіемъ своей національности, впродолженіе многихъ вѣковъ, отъ народовъ въ другихъ странахъ, гдѣ, напримѣръ, въ большей части Европы, въ Малой Азіи и сѣверной Африкѣ, одни слои народовъ замѣнялись другими, совершенно иноплеменными.

Изъ грузинскихъ лѣтописей мы усматриваемъ, что въ XII столѣтіи, когда Грузія находилась въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, страна сія дѣлилась на семь областей или эриставствъ, по числу территорій, населенныхъ народами картвельскаго корня (за исключеніемъ Абхазіи), куда входила и Сванетія. Эриставы, главы народа Сванетіи, назначались преимущественно изъ туземцевъ, то грузинскими, то имеретинскими государями, смотря потому, отъ кого изъ нихъ эта страна зависѣла. При Тамарѣ (1184—1212 г.), эриставомъ Сванетіи былъ Баранъ Варданидзе, потомки котораго владѣли ею до конца XIV столѣтія. Багратъ Великій, наказавъ сванетовъ за разбои, производимые ими въ Мингреліи, отнялъ эриставство у Варданидзе и отдалъ его роду Геловани, получившему это имя отъ Гели — деревни сванетской, находящейся, по мнѣнію академика Броссе, въ княжеской, а по изысканію Бакрадзе, въ вольной Сванетіи. Въ первое время эриставства Гелованов, Сванетія, пользуясь безпрерывными смутами въ Грузіи и Имеретіи, начала пріобрѣтать самостоятельность; но потомъ власть Гелованов надъ народомъ, всегда впрочемъ ограниченная, стала постепенно упадать. Въ концѣ XVIII столѣтія, эта власть, хотя сильно потрясенная, еще держалась; но потомъ—неизвѣстно, впрочемъ, когда именно—жители верхней Сванетіи сдѣлались свободными, а обитатели нижней поступили подъ власть князей Дадешкаліановъ. Имя это, нигдѣ у сосѣдей Сванетіи невстрѣчаемое, по объясненію генерала Услара [1]), обра-

[1]) Раде, кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества за 1865 годъ.

зовалось отъ соединенія весьма употребительнаго въ картвельскихъ нарѣчіяхъ слова: «дадашъ», съ родовымъ именемъ «Геловани». Если мы присовокупимъ ко всему вышесказанному, что жители Сванетіи свободно переходили въ Грузію и тамъ селились, а грузинскіе азнауры и князья находили вѣрное убѣжище въ Сванетіи; что здѣсь мы встрѣчаемъ такое обиліе церковныхъ книгъ и иконъ, съ грузинскими надписями; что государи и духовенство Грузіи оказывали такое стараніе о водвореніи въ Сванетіи христіанской вѣры и о построеніи православныхъ церквей, какъ *у себя дома*,—то неминуемо убѣдимся въ тѣсной, родственной связи этихъ двухъ народовъ. Сами сванеты, хотя смутно, сознаютъ свое родство съ грузинами; у нихъ сохранилась память о замѣчательныхъ государяхъ Грузіи, которыхъ считаютъ *своими*, особенно же о славной царицѣ Тамарѣ. По народному преданію, хотя она жила въ Грузіи, но любила особенно свою Сванетію, гдѣ часто проводила время, строила церкви и украшала ихъ богатыми иконами. Сванеты почитаютъ Тамару безсмертною, думаютъ, что она пребываетъ въ подземельи подъ церковью въ Ушкулѣ, и полагаютъ, что открытіе этого мѣста принесетъ имъ страшныя бѣдствія.

Неоднократно было заявлено наше убѣжденіе, что для прочнаго основанія классификаціи народовъ, существуютъ два вѣрные пути — историческій и филологическій, что только помощью историческаго процесса, объясняющаго происхожденіе народа, и помощью языка, тѣсно связаннаго съ духовною его жизнью, мы можемъ назначить ему мѣсто въ общей классификаціи; что, наконецъ, тѣлесные, наружные признаки народовъ не могутъ служить вѣрнымъ для того путеводителемъ, по причинѣ ихъ измѣнчивости отъ внѣшнихъ условій или среды, въ которой народы пребываютъ. А потому не было бы удивительнымъ, еслибъ сванетъ — обитатель дикой альпійской высоты, ведущій замкнутую жизнь и лишенный всѣхъ способовъ къ умственному развитію, отличался отъ вступившаго на путь цивилизаціи грузина или отъ живущаго въ роскошной долинѣ мингрела. Но мы видимъ, что законъ дѣйствія среды проявляется и въ народѣ сванетскомъ, что жители верхней Сванетіи, занимающіе альпійскія высоты, отличаются отъ своихъ собратій, обитающихъ въ нижней Сванетіи; что первые изъ нихъ сходствуютъ съ горными грузинами, а послѣдніе—съ жителями долинъ, мингрелами. Это окончательно убѣждаетъ насъ въ мнѣніи, что грузины съ мингрелами, имеретинами, лазами и сванетами, составляютъ одно народное семейство.

Но къ какому изъ извѣстныхъ племенъ принадлежитъ означенное семейство? Для разрѣшенія этого вопроса, мы должны

обратиться къ единственному, въ научномъ отношеніи, представителю того семейства, народу грузинскому, имѣющему свою исторію и письменный языкъ. Въ своемъ мѣстѣ (въ отдѣлѣ о грузинахъ), мы, руководствуясь переводами лѣтописей грузинскихъ, а еще болѣе армянскихъ, превосходящихъ первыя и числомъ и внутреннимъ достоинствомъ, удостовѣрились на основаніи преданій, тѣсно связанныхъ съ жизнью обоихъ народовъ—древнихъ гайковъ, нынѣшнихъ армянъ, и прежнихъ картвеловъ, нынѣшнихъ грузинъ, — что они происходятъ отъ одного прародителя Таргамоса, правнука Іафетова, что одинъ изъ сыновей Таргамоса, Гайкъ былъ родоначальникъ гайковъ, а другой Картлосъ—родоначальникомъ картвеловъ. Конечно, это—преданіе; но оно сохранилось въ народѣ всецѣло, безъ измѣненія, впродолженіе многихъ вѣковъ переходило отъ одного къ другому поколѣнію и, наконецъ, занесено въ народныя лѣтописи. Послѣ сего, если можно имѣть какое-либо сомнѣніе въ исторической точности именъ прародителей обоихъ народовъ, то уже нельзя допустить сомнѣнія въ томъ, что они происходятъ отъ одного корня. При этомъ не должно упускать изъ виду, что потомки Гайка и Картлоса имѣли счастливую участь, не выпавшую на долю другихъ древнихъ народовъ: они сохранили свою прежнюю территорію и въ сущности—свой первобытный языкъ, а съ нимъ и народныя преданія, не затемняемыя иноплеменными легендами, а потому и преданіе могло сохраниться у нихъ неизмѣннѣе и тверже. Извѣстно притомъ, что происхожденіе ни одного болѣе древняго народа не доказано вполнѣ исторически. Наконецъ, съ одной стороны, преданіе о родствѣ грузинъ съ армянами, заявляемое армянскими писателями и подтверждаемое грузинскою исторіею Вахтанга V-го [1]), а съ другой, удостовѣреніе объ этомъ родствѣ классической и мусульманской литературъ (о чемъ подробно сказано въ статьяхъ о грузинахъ и армянахъ)—не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эти народы находятся, дѣйствительно, въ родственномъ отношеніи между собою и какъ іафетиды, происходятъ отъ одного корня.

Обратимся къ сравнительной филологіи; она должна окон-

---

[1]) Исторія царя (Меп) Вахтанга, составленная въ началѣ XVIII столѣтія (1708—1721), имѣетъ названіе: «Картлисъ Цховреба», т. е., бытъ картвеловъ; она издана профессоромъ Чубиновымъ и переведена по-французски академикомъ Броссе. Изъ армянскихъ писателей, упоминающихъ о родствѣ гайковъ съ картвелами, укажемъ на извѣстнаго историка Моисея Хоренскаго, жившаго въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х., на Мхитара Анеца, котораго сочиненіе писано въ XIII вѣкѣ по Р. Х., и сохранилось въ отрывкахъ, на Вардана (переводъ Эмина, 1863) и Стефаноса (переводъ французскій Броссе, въ 1866).

чательно рѣшить вопросъ о родствѣ грузинъ съ армянами и, при утвердительномъ рѣшеніи, съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлить степень самаго родства. Послѣднее обстоятельство принадлежитъ собственно филологіи, и въ этомъ отношеніи заключается важная услуга, которую она оказываетъ этнографіи. Въ своемъ мѣстѣ (въ отдѣлѣ объ армянахъ), мы привели всѣ доводы, служащіе къ убѣжденію въ томъ, что языкъ армянскій принадлежитъ къ классу языковъ индо-европейскихъ и именно къ семейству иранскому. Это мнѣніе, впрочемъ, сдѣлалось научною истиною, противъ которой не споритъ ни одинъ филологъ. Къ иранскому семейству языковъ, кромѣ армянскаго, филологи причисляютъ языки на Кавказѣ: осетинскій и грузинскій, внѣ Кавказа—персидскій, таджикскій (въ Бухаріи), .авганскій и курдскій. Классификація эта есть результатъ многостороннихъ изслѣдованій филологовъ, изъ которыхъ одни обработывали каждый изъ означенныхъ языковъ отдѣльно, въ подробности, какъ напримѣръ: армянскій языкъ—прусскій филологъ Беттихеръ (Ur-Geschichte der Armenier); армянскій и грузинскій языки—нашъ академикъ Броссе, посвятившій всю ученую дѣятельность свою на изученіе исторіи и языковъ армянъ и грузинъ (l'Art Liberal ou Grammaire de la langue géorgienne, 1834; Eléments de la langue géorgienne, 1837, и его же, Броссе, статьи, относящіяся до армянскаго языка, помѣщенныя въ трудахъ С.-Петербургской Академіи); отдѣльно грузинскій языкъ—профессоръ петербургскаго университета, уроженецъ Грузіи г. Чубиновъ (грузино-русско-французскій словарь съ грузинскою грамматикою, 1841 г.) и т. д. [1]);—другіе же, на основаніи отдѣльныхъ изслѣдованій о каждомъ языкѣ иранскаго семейства, опредѣлили его значеніе къ санскриту, и мѣсто, которое тотъ языкъ занимаетъ въ системѣ индо-европейскаго класса; таковы, между прочимъ, Павелъ Беттихеръ, Вильгельмъ Розенъ и, особенно, знаменитый филологъ Боппъ, положившій основаніе означенной системѣ (Über das Georgische in sprachverwandtschaftlicher Beziehung, 1846; Die Kaukasische Glieder des Indogermanischen Sprach-Stammes, 1847). На такихъ началахъ основано заключеніе о принадлежности, какъ армянскаго, такъ и грузинскаго языковъ къ семейству иранскому и классу индо-европейскихъ языковъ. Въ послѣднее однакожъ время, немногіе изъ германскихъ филологовъ начали выказывать сомнѣніе насчетъ грузинскаго языка. Представитель ихъ, Фридрихъ Мюллеръ, исклю-

[1]) Считаемъ излишнимъ входить въ исчисленіе филологовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ прочихъ языковъ иранскаго семейства—осетинскаго, персидскаго, курдскаго и авганскаго.

чаетъ именно этотъ языкъ изъ семейства иранскаго и даже изъ класса индо-европейскихъ языковъ. Онъ выступилъ въ борьбу, по этому предмету, съ могучимъ своимъ соперникомъ Боппомъ въ журналѣ «Orient und Occident», издаваемомъ Бенфеемъ. Въ коротенькой статьѣ (2 Jahrhang, 3 Heft, 1863), которую хотя авторъ озаглавливаетъ: «Über die sprachwissenschaftliche Stellung der Kaukasischen Sprachen», но въ которой сравниваетъ одинъ грузинскій языкъ съ однимъ осетинскимъ, не давая даже отчета въ томъ, что̀ разумѣлъ онъ подъ именемъ кавказскихъ языковъ: тѣ ли только, которые находятся въ близкомъ отношеніи къ грузинскому, или вообще всѣ? Напротивъ того, Боппъ сравниваетъ языки грузинскій и армянскій прямо съ санскритомъ, котораго, если нельзя назвать прародителемъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ считать кореннымъ представителемъ индоевропейскихъ языковъ, что̀, безъ сомнѣнія, гораздо раціональнѣе. Для подтвержденія своего мнѣнія, Фридрихъ Мюллеръ особенно ссылается на различіе въ системѣ звуковъ, существующее между языками грузинскимъ и осетинскимъ, чему онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ; далѣе, кратко указываетъ на то, что нѣтъ единства между этими языками въ образованіи чиселъ, падежей, глагольныхъ временъ и числительныхъ именъ. Боппа главные аргументы заключаются въ сходствѣ, какъ грузинскаго, такъ армянскаго, осетинскаго и персидскаго языковъ между собою и съ санктритомъ, въ флектическихъ элементахъ, а равно въ согласіи ихъ относительно корней, сказательныхъ или глагольныхъ и мѣстоименныхъ или указательныхъ, что̀, какъ извѣстно, составляетъ сущность языковъ. Замѣчательно, что Фридрихъ Мюллеръ, отвергая родство грузинскаго, или, какъ онъ смѣшанно показываетъ, кавказскихъ языковъ съ иранскими, доказываетъ въ той же статьѣ, что языкъ грузинскій не принадлежитъ ни къ туранскимъ или, какъ называетъ ихъ, урало-алтайскимъ, ни къ семитическимъ, слѣдовательно, ни къ какимъ извѣстнымъ классамъ языковъ. Не будучи спеціалистами въ сравнительной филологіи, мы предоставляемъ судьямъ компетентнымъ оцѣнить достоинство филологическаго труда Фридриха Мюллера и опредѣлить, до какой степени заслуживаетъ онъ уваженія въ научномъ отношеніи. Но мы не можемъ оставить безъ особеннаго вниманія изысканія вышеприведенныхъ нами филологовъ, изучавшихъ языки, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, какъ отдѣльно, такъ и сравнительно,— изысканія, результатомъ которыхъ было внесеніе языка грузинскаго въ классъ языковъ индо-европейскихъ [1]). Мы не почитаемъ

[1]) Фридрихъ Мюллеръ, какъ и большинство нѣмецкихъ филологовъ, называютъ

себя въ правѣ не раздѣлять этого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что оно принадлежитъ такому авторитету, какъ Боппъ, которому наука обязана открытіемъ родства древняго санскрита съ нынѣшними индо-европейскими языками. А какъ дѣйствительно оказываются въ языкахъ грузинскомъ, мингрельскомъ, лазскомъ и сванетскомъ уклоненія отъ прочихъ членовъ семейства иранскаго,—то не предстоитъ затрудненія выдѣлить ихъ изъ этого семейства и составить изъ нихъ особое семейство, которое, по имени корня ихъ, можно назвать *картвельскимъ*. Подобный примѣръ мы уже встрѣчаемъ въ языкахъ индо-европейскихъ. Такъ, нѣкоторые филологи соединяютъ языки славянскіе съ литовскими или летскими въ одно семейство, называя его вендскимъ; другіе же полагаютъ раціональнѣе считать ихъ принадлежищими отдѣльнымъ семействамъ.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, мы полагаемъ народъ сванетскій причислить къ семейству картвельскому и къ племени индо-европейскому или арійскому. А какъ это племя дѣлится на двѣ части или, согласно нашей номенклатурѣ, на два поколѣнія, т. е., на южное, заключающее въ себѣ народы, обитающіе въ Азіи, и на сѣверное, совмѣщающее народы Европы,—то, естественно, сванеты должны быть отнесены къ первому изъ сихъ поколѣній.

Евг. Ковалевскій.

языки «индо-европейскіе» — «индо-германскими», принимая, такимъ образомъ, часть за цѣлое. Извѣстный филологъ Яковъ Гримъ объясняетъ это тѣмъ, что германскіе ученые положили первое основаніе системѣ означенныхъ языковъ, а потому, въ память такой заслуги, они и должны именоваться индо-германскими. Конечно, заслуга великая; но, тѣмъ не менѣе, въ ученыхъ терминахъ прежде всего должна соблюдаться явственная точность.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

III.

ДАГЕСТАНЪ,

ЕГО

НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Въ своихъ наблюденіяхъ за нравами и обычаями жителей Дагестана, я ограничусь однимъ среднимъ Дагестаномъ — мѣстностью, съ которою мнѣ былъ случай близко познакомиться, когда я занималъ тамъ административную должность, по военному управленію краемъ.

Въ составъ средняго Дагестана, составляющаго отдѣлъ Дагестанской области, входятъ округи: Кази-Кумухскій, Гунибскій, Аварскій и Андійскій.

Кази-Кумухскій округъ раздѣляется на три наибства, или участка: Мукаркское, Дуфаратское и Аштикумгайское. Окружное управленіе состоитъ въ селеніи Кумухѣ.

Гунибскій округъ — восемь наибствъ: Тлейсерухское, Тилитлинское, Гидатлинское, Согратлинское, Куядинское, Унцукульское, Араканское и Чохское. Управленіе военнаго начальника средняго Дагестана и Гунибскаго округа основано въ урочищѣ Гунибѣ, превратившемся нынѣ въ городокъ съ укрѣпленіемъ.

Аварскій округъ дѣлится на три наибства: Хунзахское, Цатанихское и Каратинское. Окружное управленіе находится въ сел. Хунзахѣ, прежней резиденціи аварскихъ хановъ.

Андійскій округъ — шесть наибствъ: Андійское, Гумбстовское, Техъ-Нуцалское, Чамаляло-Ункратльское, Тиндальское и Хвар-

шинское. Окружное управленіе находится въ сел. Ботлихѣ, близъ укр. Преображенскаго (Аджаба-кала), извѣстнаго своимъ дурнымъ климатомъ и, впослѣдствіи, упраздненнаго.

Общая цифра народонаселенія въ среднемъ Дагестанѣ, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ 1865-го года, простирается до 175,000 душъ обоего пола, въ 370 селеніяхъ.

Господствующія нарѣчія слѣдующія: въ Кази-Кумухскомъ округѣ—аварское, за исключеніемъ селеній Шали и Ярчу: въ первомъ жители говорятъ нарѣчіемъ кази-кумыхскимъ, а въ послѣднемъ существуетъ особое нарѣчіе, нигдѣ, кромѣ этого селенія, неупотребляемое. Въ Гунибскомъ округѣ нарѣчіе аварское; Гидатлинскаго же наибства въ обществѣ ахвахскомъ — ахвахское, и въ сел. Мегеу, Чохскаго наибства, есть особое нарѣчіе, нѣсколько похожее на акушинское, употребляемое въ Даргинскомъ округѣ сѣвернаго Дагестана. Въ Андійскомъ округѣ: андійское и чеченское; въ Аварскомъ: аварское, за исключеніемъ обществъ, называемыхъ Караляль и Багаляль, говорящихъ ахвахскимъ нарѣчіемъ. Впрочемъ, зная кумыхскій языкъ, можно разговаривать не только по всему Дагестану и во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ на Кавказѣ, но въ Крыму, Казани, Персіи и Турціи.

Всѣ вообще селенія въ Дагестанѣ построены тѣсно, большею частью на возвышенныхъ мѣстахъ, или на отлогостяхъ горъ, имѣя видъ амфитеатра. У каждаго болѣе зажиточнаго поселянина есть особый хуторъ (махи), въ которомъ онъ зимою содержитъ рогатый скотъ, заготовляя для него, въ свое время, кормъ. Хутора эти обыкновенно располагаются по ущельямъ вблизи рѣчекъ, родниковъ и покосовъ,—нѣкоторыя изъ нихъ построены съ такимъ комфортомъ, что, для лѣтняго пребыванія хозяевъ, есть особая комната, внутри которой резервуаръ наполняется холодною, какъ ледъ, родниковою проточною водою. Половина комнаты, въ замѣнъ стульевъ и кроватей, занята широкимъ, изъ камней, диваномъ. Комната эта служитъ единственнымъ и пріятнымъ убѣжищемъ отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца. Постройки жилыхъ домовъ и службъ по селеніямъ средняго Дагестана точно такія же, какъ и на плоскости (плоскостью — горцы называютъ мѣстность, лежащую при Каспійскомъ морѣ) съ тою только развѣ разницею, что онѣ, будучи безъ наружной штукатурки, имѣютъ видъ развалинъ, почернѣвшихъ отъ времени и атмосферическихъ вліяній. Домъ прилѣпленъ къ дому; вмѣсто окошекъ — маленькія отверзтія, а двери до-того низки, что непривыкшему къ поклонамъ и обиванію пороговъ человѣку приходится часто носить на лбу шишки! Улицы узкія и грязныя, едва дающія возможность проѣхать одной повозкѣ; даже мечети содержатся неопрятно. Вну-

три селенія какое-то, наводящее тоску, спокойствіе. Въ каждомъ изъ нихъ есть избранная площадка, съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, куда въ установленные дни собирается сельское общество (донамаатъ), для совѣтовъ (маслягатъ) или, просто, для частной бесѣды (лакыртъ). На подобныхъ пунктахъ сходки, ежедневно, съ утра до сумерекъ, сидятъ въ огромныхъ шубахъ — саахкалы (бѣлобрадые старцы), занятые вялымъ, поучительнымъ разговоромъ, серьёзною бесѣдою. Здѣсь, вслѣдствіе памяти о шамилевскомъ шаріатѣ, вы не услышите ни веселой пѣсни, ни звучныхъ зурны и барабана: одинъ неизмѣнный крикъ эшаковъ (ословъ) терзаетъ ваши уши, такъ-что невольно вспомнишь о селеніяхъ плоскости, гдѣ стоитъ только затянуть мотивъ національной пѣсни: «Анайдасы-ананай», съ припѣвомъ въ родѣ «ай люли», и каждый встрѣчный, отвѣтивъ протяжно: «хай, хаай»—готовъ тотчасъ же пропѣть съ вами хоровую, веселую пѣсенку.

Жители средняго (вновь покореннаго) Дагестана находятся еще какъ бы въ переходномъ состояніи и сами не знаютъ на что̀ имъ рѣшиться: продолжать ли слѣдовать строгимъ обычаямъ, предписаннымъ имъ бывшимъ главою мюридизма, или, относительно общественнаго строя, подражать болѣе ихъ цивилизованнымъ мунафикамъ — врагамъ мюридизма! Такъ, напримѣръ, въ день празднованія въ Улли-Калѣ начала посѣвовъ, сельское общество пригласило меня на пирушку («той»), устроенную на площадкѣ внутри селенія, съ зурмою и бубнами. Зная, что мы, квартируя на плоскости среди мунафиковъ, привыкли видѣть, чтобы при каждомъ увеселеніи присутствовалъ прекрасный полъ, приглашающіе увѣрили насъ, что на ихъ «тоѣ» появятся только двѣ дамы, потому — оправдывались они — что: «бизымъ хатумляръ айюкимыкъ, біймага бильмай», то-есть: «наши женщины похожи на медвѣдей — танцовать не умѣютъ.»

Сравненіе оказалось вѣрнымъ: во время бала насъ поражали неуклюжія движенія и грубоватыя черты танцорокъ; впослѣдствіи мы узнали, что это были переодѣтые въ женское платье молодые парни. Желая сохранить правила мюридизма, запрещавшія танцовать женщинамъ, и угодить нашимъ обычаямъ, дозволяющимъ имъ это удовольствіе, почтенные амфитріоны употребили хитрость. Честь приглашенія, по обыкновенію, стоила нѣсколькихъ рублей, отданныхъ въ пользу танцоровъ, пѣсельниковъ и раздиравшаго уши оркестра. При подобныхъ пирушкахъ, отъ которыхъ, ради пріобрѣтенія популярности, нельзя отказаться, угощеніе состоитъ изъ отварныхъ кусковъ баранины, шашлыка, замѣняющаго жаркое, отваренныхъ курицъ, яичницы,

овечьяго сыру, меду, луку и фруктовъ, и изъ винъ: сотерну, хересу, портеру и, для второстепенной публики, водки и джабы.

Національныя пѣсни, прославляющія военныя дѣла и любовь, лезгины всегда поютъ въ двоемъ: оба — высокимъ, крикливымъ альтомъ, нагнувшись другъ къ другу почти къ самому уху и прикрывая наружную сторону щеки ладонью, какъ бы желая, чтобы выходящія изъ гортани голоса слились въ одно цѣлое созвучіе. Большая часть пѣсенъ поется речитативомъ. Слушатели, за каждымъ куплетомъ поощряютъ пѣвцовъ прикрикиваньемъ въ мотивъ пѣсни: «Хай, хаай! и, по окончаніи пѣнія, непремѣнно благодарятъ пѣвцовъ фразою: «Ай барракяла котчахляръ»! то есть, «ай да спасибо, молодцы!»

Лезгинку (тлюрды) пляшутъ вездѣ одинаково, но искуснѣе и граціознѣе другихъ — жители селеній Куппы и Цудахара. Порядокъ пляски слѣдующій: первоначально долженъ выйти въ кругъ мужчина и сдѣлать небрежно, переступая съ ноги на-ногу, одинъ-два тура, посматривая искоса на сгруппированныхъ въ отдѣльную кучку женщинъ; затѣмъ, между прекраснымъ поломъ начинается толкотня локтями и рѣшается вопросъ: кому изъ нихъ присоединиться къ танцору. Тутъ представляется возможность дѣвицамъ выказать свое предпочтеніе кавалеру, а, иногда, бойкій молодой танцоръ самъ броситъ вызовъ: «ай Девлетъ-канъ чихъ!» и Девлетъ-канъ выходитъ! Вѣжливость требуетъ, чтобы кавалеръ прекратилъ танецъ послѣ дамы. Заканчивая танецъ, оба отступаютъ въ свои мѣста пятясь назадъ, для того, чтобы дамамъ быть лицомъ къ кавалерамъ, а кавалерамъ къ дамамъ, при чемъ послѣднія кокетливо подаютъ свой корпусъ впередъ и всегда поправляютъ головной платокъ, закидывая одинъ конецъ его черезъ плечо, съ цѣлью показать публикѣ свое пригожее личико. Женщины, перешедшія за тридцати-лѣтній возрастъ, рѣдко танцуютъ.

Пляска производится всегда въ кружокъ, съ поворотами на право и на-лѣво, а при встрѣчахъ одинъ изъ танцующихъ дѣлаетъ нѣсколько па назадъ, и потомъ уже поворачивается къ одному направленію. Танцующіе, дѣлая кругъ на-право, держатъ правую руку, съ сжатою кистью, противъ лица или шеи, а лѣвую руку — на отлетѣ нѣсколько назадъ; при поворотѣ на-лѣво — положеніе рукъ перемѣняется. Лезгинку женщины танцуютъ всегда въ три мелкія па; мужчины же па импровизируютъ.

Второй танецъ, подъ мотивъ лезгинки, составляется слѣдующимъ порядкомъ: шеренга женщинъ и шеренга мужчинъ становятся визави, и во все продолженіе пляски, дѣлая то поочередно, то вмѣстѣ, отступленіе и наступленіе, бьютъ тактъ (херсъ) въ ладоши. За неоднократнымъ повтореніемъ этихъ эволюцій,

которыя мы, русскіе, назвали: зурма—кадрилью, слѣдуетъ обыкновенная лезгинка, причемъ каждый кавалеръ, начиная съ праваго фланга, долженъ танцовать съ бывшею съ нимъ vis-à-vis дамою. Болѣе ловкіе танцоры стрѣляютъ подъ ноги своей дамы изъ пистолета, нерѣдко заряженнаго пулею.

Особенно искусные, привилегированные танцоры, выступая въ кругъ по вызову, снимаютъ сапоги и усердно отплясываютъ босикомъ, подъ мотивъ протяжной лезгинки, то въ присядку, то на вывороченныхъ внутрь носкахъ, перекидывая съ руки въ руку подъ колѣнями два обнаженные кинжала, и держа въ зубахъ клинокъ шашки. Щебенистое паркé раздираетъ имъ ноги до крови, и потому иногда догадливый хозяинъ приказываетъ усыпать мѣсто, выбранное для танцевъ, саманомъ (мякиною).

Всадники конно-иррегулярнаго полка (изъ горцевъ), эти дагестанскіе драгуны, установили еще одинъ танецъ, смѣсь гросфатера съ канканомъ, въ которомъ участвуютъ только мужчины. Для танца этого составляются двѣ шеренги; участвующіе, по-очередно перепрыгивая съ ноги-на ногу подъ тактъ протяжной лезгинки, дѣлаютъ кругъ, подобно маршировкѣ съ-права по одному; вожатый представляетъ разные комическіе жесты и дѣйствія, какъ, напримѣръ: постепенно снимаетъ съ себя оружіе и одежду до рубашки, что̀ должны исполнять и слѣдующіе за нимъ кавалеры. Чѣмъ изобрѣтательнѣе вожатый, тѣмъ болѣе танецъ комиченъ. Любопытныя дочери прародительницы Евы, отворачиваясь въ сторону и закрывая носы широкими рукавами своихъ сорочекъ, посматриваютъ изподтишка на эти продѣлки, приговаривая: «тобе! тобе!» — обыкновенное изъявленіе удивленія.

Туземные музыкальные инструменты составляютъ: 1) зурма, похожая на нашъ рожокъ; играющій на ней превращаетъ свое лицо въ надутый пузырь; 2) камышевая свирѣль: лялю; 3) дудочка изъ двухъ связанныхъ рядомъ камышинъ, называемая: ляляби; 4) барабанъ: кили, и 5) балалайка: комусъ.—На лялю и ляляби играютъ обыкновенно пастухи. Барабанщикъ бьетъ тактъ въ обѣ стороны барабана, съ особеннымъ всегда усердіемъ. Кромѣ означенныхъ, въ употребленіи здѣсь тамбуринъ (джиргинъ) и дудочка на подобіе флейты: шантыхъ, играть на которой, по религіи, считается угоднымъ аллаху дѣломъ (халяль). Полный оркестръ составляетъ зурма съ барабаномъ, но горцы (конечно, не фанатики) готовы плясать и тогда, когда имъ будутъ бить тактъ лезгинки въ ладоши, доску, мѣдный тазъ и тому подобное.

Большая часть жителей недавно завоеваннаго края такъ же хорошо пляшутъ, какъ и жители плоскости. Не смотря на то,

что имамъ Шамугисъ строго преслѣдовалъ ихъ за пляску, они, по ночамъ, тайкомъ отъ шпіоновъ, собирались въ подвалы и конюшни, устраивали танцъ-классы и практиковали тамъ свои ноги. Пѣніе и куреніе табаку равномѣрно преслѣдовались при Шамилѣ; во время военныхъ движеній, мюридамъ и прочимъ воинамъ ополченія дозволялось пѣть хоромъ: зикру, состоящую изъ непрерывно повторяемыхъ словъ: «Ля иль Алла-иль Алла»! то-есть: нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Пѣснь эту поютъ только одни отъявленные фанатики, отъявленные враги христіанъ, жаждущіе газавата (священной войны). Житель, пойманный агентами Шамиля, съ крошечною, на тоненькомъ чубучкѣ, трубкою въ зубахъ, или спрятанною за околышемъ папахи, подвергался въ первый разъ пени (куду); а во второй разъ — ему продѣвали чубучокъ сквозь ноздрю.

Наибы, правители обществъ, сановники шамилевской іерархіи, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ запрещеній шаріата, изыскивая предлоги подвергать жителей часто незаслуженному оштрафованію. Самъ Шамиль утверждаетъ, что онъ имѣлъ много хлопотъ съ недобросовѣстностью своихъ администраторовъ; бывали примѣры, что наибъ, зайдя къ сосѣду, между завлекательнымъ разговоромъ, замѣтитъ, что у него холодно, — само собою разумѣется, что вѣжливый хозяинъ предложитъ почетному гостю надѣть его шубу. Тогда хитрый наибъ, обнюхавъ шубу справа и слѣва, объявляетъ, что она припахиваетъ табачнымъ дымомъ, сажаетъ амфитріона въ яму, откуда онъ выходитъ неиначе, какъ съ уплатою порядочнаго штрафа! Избавившись шаріата, теперь рѣдкій житель не куритъ трубочки.

Всѣ горы средняго Дагестана болѣе или менѣе замѣчательны по своей вышинѣ и характеру мѣстности. Изъ нихъ въ Гунибскомъ округѣ первенствуютъ: Ибута-Мееръ, или уроч. Мансуратъ (мееръ, по-аварски, и тау, по-кумыкски, значитъ гора); Бакли-Мееръ и Геоцо-Мееръ въ наибствѣ Араканскомъ; Гуни-Мееръ, или Гунибъ, въ Чохскомъ; Тлили-Мееръ, въ Тилитлинскомъ, Куяданы-Мееръ, въ Куядинскомъ. Аракъ-Тау, Талакутъ-Мееръ и Чине-Мееръ принадлежатъ Аварскому округу. На Аракъ-Тау, во времена хановъ, жители сел. Игали пасли своихъ лошадей и рогатый скотъ, предоставляя за то нѣкоторымъ аварскимъ селеніямъ право пользоваться игалинскимъ строевымъ лѣсомъ; за пастьбу же овецъ, впродолженіе трехъ мѣсяцевъ въ году, аварцы брали съ каждаго пастуха (чобана) по одному барану. Сдѣлка эта, съ общаго согласія законныхъ владѣтелей Аракъ-Тау и Игалинскаго лѣса вновь установлена на прежн-

нихъ основаніяхъ, принявшихъ право адата (обычая). До 1859-го года, за пастьбу на горѣ Аракъ-Тау, считавшейся байтулъ-маломъ, то-есть, имуществомъ имамата, Шамиль получалъ плату по рублю серебромъ отъ 200 штукъ барановъ: по денежкѣ съ барана—плату чрезвычайно дешевую! Гору Тлили-Мееръ (сѣдло-гора, по-аварски) русскіе называютъ Чемоданъ-горою, по сходству ея съ чемоданомъ. На Аракъ-Тау Шамиль принялъ власть имама.

Гунибская гора, окаймленная неприступными пропастями и построенными Шамилемъ каменными оборонительными стѣнами, на верхнемъ плато которой разыгралась послѣдняя драма паденія имама, имѣетъ волнистую поверхность, въ окружности до 20 верстъ, и пространство подошвы до 50 верстъ, — вышина же надъ уровнемъ моря 7,890 футовъ. На первомъ уступѣ подъема на Гунибъ, съ юго-восточной стороны, огибаемой рѣкою Кара-Койсу, отъ Когорскихъ высотъ и равнины Гудулъ-Майданъ, былъ хуторъ, называемый Хубитль; съ этого пункта дѣйствовала артиллерія Шамиля по осаждающимъ и штурмующимъ колоннамъ войскъ нашихъ. Артиллерія состояла въ вѣдѣніи чохскаго жителя Енкоу-Гаджи (глухого Гаджи), родственника Шамиля. Семидесятилѣтній старецъ этотъ, во время службы моей на Гунибѣ, часто посѣщая любимую гору, съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ на прежнее свое жилище — хуторъ, на мѣстѣ котораго въ настоящее время воздвигнуты капитальныя зданія, принадлежащія къ вновь устроенному укр. Гунибъ. Въ послѣдній пріѣздъ Енкоу-Гаджи на Хубитль, всегда мечтавшаго, что наше правительство предоставитъ ему во владѣніе эту мѣстность, произошла забавная сцена: глухой старикъ началъ доказывать одному изъ судей народнаго суда (диванъ-бекъ), что уроч. Хубитль — «ата-бабаденъ» (отъ отцовъ и дѣдовъ, любимый терминъ ябедниковъ), принадлежало и должно принадлежать ему. Судья, опровергая это показаніе, стоялъ на своемъ, фактически доказывая Гаджи, что земля, занятая подъ хуторъ, также «ата-бабаденъ»—составляетъ собственность чохскаго сельскаго общества. Разговоръ, происходившій въ палаткѣ, былъ веденъ такъ крикливо, что разбудилъ все народонаселеніе Гуниба, наслаждавшееся въ сосѣднихъ палаткахъ послѣ-обѣденнымъ отдыхомъ. Глухой выходилъ изъ себя, и спору не было бы конца, еслибъ прибѣжавшій на крикъ переводчикъ не предложилъ, что онъ порѣшитъ дѣло миролюбиво. Енкоу-Гаджи, предполагая, что переводчикъ приметъ его сторону, согласился на предложеніе. Тогда переводчикъ, хладнокровно отмѣривъ $2\frac{1}{2}$ аршина земли въ длину и $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину, сказалъ претенденту, что

для 70-ти лѣтняго старца, стоящаго уже одною ногою въ гробу, такого пространства земли достаточно, и что чохцы, отъ родственника бывшаго имама, владѣнія этого оспаривать не будутъ! Гаджи обидѣлся и уѣхалъ въ сел. Чохъ, гдѣ сталъ подговаривать нѣкоторыхъ жителей переселиться въ Турцію, за что̀ ему приказано было оставить родное селеніе.

На самой возвышенности Гуниба, въ ложбинѣ, близъ рѣчки, получающей свое начало изъ родниковъ, съ прекрасною, всегда холодною какъ ледъ, водою, было селеніе Гунни, или Гунибъ, состоявшее изъ 200 дворовъ; теперь оно представляетъ такія развалины, что въ немъ уцѣлѣлъ только домъ, бывшій послѣднимъ убѣжищемъ сдавшагося военно-плѣннымъ имама. Жители Гуниба, разсѣянные въ настоящее время по разнымъ частямъ Дагестана и Терской области, имѣли кругомъ селенія, пашни и покосы, въ соотвѣтственномъ ихъ потребностямъ количествѣ, рощу, истребленную въ послѣдніе дни штурма Гуниба, водяныя мельницы и прочія хозяйственныя заведенія; здѣсь же Шамиль имѣлъ пороховой заводъ. Произрастаніе травъ и всходъ посѣвовъ изобильны, — почва земли плодородна. На верхней части Гуниба растетъ въ большомъ количествѣ красная ромашка (pirethrum roseum), изъ которой приготовляется порошокъ, уничтожающій блохъ, мухъ и отравляющій даже ядовитыхъ насѣкомыхъ: фалангу и скорпіоновъ. Послѣднихъ въ изобиліи можно встрѣтить на Хубитлѣ. Порошокъ изъ гунибской ромашки слабѣе подобнаго же порошка, привозимаго къ намъ изъ Персіи, если только послѣдній герметически былъ закупоренъ при перевозкѣ. На Хубитлѣ есть три родника, вода которыхъ прозрачна, какъ хрусталь, вкусна и холодна всегда какъ ледъ; къ сожалѣнію, она, будучи известковою, вредна безъ привычки для желудка и едвали не имѣетъ такого же вліянія на зубы. Текущіе съ верхняго на два нижнія плато̀ ручейки, образуютъ три великолѣпные водопада, летящіе внизъ на 100 футовъ. Что вся Гунибская гора имѣетъ подъ своимъ основаніемъ огромные камни, съ пустымъ между ними пространствомъ, это подтверждается слѣдующимъ фактомъ: однажды, на хубитльской площади, довольно большой ручей, дойдя до половины канавы, положительно исчезъ въ промытое маленькое отверзтіе на 4 дня, и исчезъ бы вѣроятно на вѣки, еслибъ старожилы, опытные въ подобномъ дѣлѣ, не помогли намъ отыскать и заложить промоины. Въ окрестностяхъ Гуниба встрѣчается, мѣстами, дикая спаржа и дикая марена.

Достойно удивленія, что на Гунибѣ нѣтъ почти никакой птицы; иногда только посѣщаетъ его воронъ, или сорока, — послѣднюю, какъ предвѣстницу прибытія гостей, встрѣчаютъ съ

особеннымъ удовольствіемъ: гость, въ такой глуши, какимъ былъ Гунибъ—великій подарокъ! Изъ дичи водятся только дикія курочки (кехлихъ), но за ними охотиться нѣтъ возможности, во-первыхъ по причинѣ недоступности горъ, а во-вторыхъ потому, что этихъ сѣрыхъ птичекъ отлично скрываютъ отъ глазъ охотника сѣрые камни. Въ зимнее время, посѣщеніе Гуниба волками и шакалами весьма часто; они, задавая мѣстному населенію концерты, таскаютъ плохо гуляющихъ лошадей и эшаковъ, оставляя большую часть своей добычи на съѣденіе коршунамъ и орламъ.

Лучшее украшеніе верхняго плато Гуниба составляетъ березовая роща, отстоящая отъ селенія на добрый ружейный выстрѣлъ, и носящая нынѣ названіе «рощи князя Барятинскаго». Проложенныя въ ней уступами дорожки, усыпанныя желтымъ щебнемъ, ведутъ къ большому квадратному камню, сидя на которомъ, князь Александръ Ивановичъ принялъ сдавшагося военноплѣннымъ Шамиля.

Между дагестанскимъ народомъ существуетъ древняя поговорка: «гдѣ бы ни собирались тучи, онѣ разражаются дождемъ, молніею и громомъ на Гунибѣ»; и дѣйствительно, намъ приходилось быть свидѣтелями такихъ ударовъ, отъ которыхъ, съ вершинъ отвѣсныхъ скалистыхъ утёсовъ, сваливались камни въ 50 пудовъ; однажды, подобный камень чуть не попалъ въ наши палатки!

Заключаю описаніе горъ нѣсколькими словами о замѣчательной горѣ, находящейся въ Андійскомъ округѣ, за Андійскимъ озеромъ, на правомъ берегу рѣки Шаро-Аргуна; она называется: Тадъ-Бурты (на картѣ: Чарбили, или Тадъ-Бутры). Мѣстность эта, составляющая огромное на вершинѣ своей плато, по географическому положенію командуетъ Чечнею и Дагестаномъ. По разсказамъ бывалыхъ и заслуживающихъ полнаго довѣрія людей, во всей Чечнѣ и Дагестанѣ нѣтъ здоровѣе, живописнѣе и богаче землею мѣста, какъ Тадъ-Буртинская возвышенность. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ такъ изобильно, что содержаніе жителями окрестныхъ селеній большого количества скота, даже въ рѣдкихъ случаяхъ неурожая, не представляетъ никакого затрудненія; порода овецъ и мясо ихъ отлично хороши, а молока, овечьяго сыру и коровьяго масла, прекраснаго приготовленія и качества — избытокъ. Вода въ родникахъ чистая, вкусная и здоровая. Лѣсовъ въ окрестностяхъ Тадъ-Бурты достаточно, такъ-что, при экономическомъ употребленіи, въ топливѣ никогда не можетъ быть недостатка, даже при увеличеніи народонаселенія. На сѣверномъ склонѣ горы находится большое и очень глубокое, раздѣляющееся на три рукава, окаймленное скалистыми берегами озеро, называемое горцами «Ден-

гисъ», море; въ него впадаетъ много ручейковъ, но куда убываетъ изъ озера вода — неизвѣстно; она, вѣроятно, просачиваясь къ материку горы, образуетъ у подошвы ея новые родники. Озеро изобилуетъ форелью (марджанъ-балыкъ, коралловая рыба). Около 20 лѣтъ тому назадъ, прибывшій въ Дагестанъ изъ Египта чеченецъ, по имени Юсупъ-Гаджи, игравшій въ горахъ роль инженера и по всѣмъ отраслямъ знанія спеціалиста, предлагалъ Шамилю, прорывъ канаву (къ исполненію чего, по близости одного рукава озера къ утёсу, не представляется большого труда) — спустить воду и воспользоваться драгоцѣнностями (имаратъ), которыя, по преданіямъ, необходимо должны находиться на днѣ каждаго моря; но какъ предложеніе это могло навѣрное затопить окрестныя поля и селенія, и разорить жителей, то проектъ самоучки-инженера остался непримѣнимымъ къ дѣлу.

Обратимся теперь къ различнымъ обрядамъ, обычаямъ и повѣрьямъ жителей средняго Дагестана, не стѣсняя себя, впрочемъ, исключительностью этой программы.

Жители сел. Чохъ, Гунибскаго округа, въ первый день праздника курбанъ-байрама (въ память жертвоприношенія Авраама), послѣ совершенія установленной молитвы въ джумма-мечети, главномъ молитвенномъ домѣ, выходятъ поголовно на дорогу, ведущую къ сосѣдственному сел. Ругджа; старшій муэзинъ (призыватель къ молитвѣ) имѣетъ въ рукѣ обнаженную саблю; по сторонамъ его, въ видѣ ассистентовъ, слѣдуютъ два муталима (ученика): первый изъ нихъ несетъ значекъ, похожій на флюгеръ (байдакъ), второй — глиняный большой порожній кувшинъ (раа); остальная, затѣмъ, публика вооружена камнями. Остановясь на опредѣленномъ мѣстѣ, муэзинъ, прокричавъ громко и троекратно: «Алла акберъ! Ля иль Алла-иль Алла! то-есть: «Богъ великъ, нѣтъ Бога—кромѣ Бога», оборачивается къ Ругджѣ и, съ энтузіазмомъ размахивая по воздуху саблею, рубитъ брошенный высоко вверхъ кувшинъ, который, будучи осыпанъ градомъ камней, въ осколкахъ падаетъ на землю. Чѣмъ мельче обломки кувшина, тѣмъ обильнѣйшаго ожидаютъ урожая. По преданіямъ, чохцы, исповѣдующіе нынѣ исламизмъ, были прежде христіанами. Они, съ вышеописаннымъ обрядомъ соединяютъ не только повѣрье объ обильномъ урожаѣ, но еще объ обильномъ урожаѣ въ ущербъ христіанамъ, именно тушинамъ, въ сторону которыхъ обращаются, разбивая кувшинъ, и съ которыми враждуютъ, вслѣдствіе различія религіозныхъ вѣрованій. Ругджинцы, принявшіе исламъ далеко позже чохцевъ, совершаемый послѣдними обрядъ относятъ на свой счетъ, и, не довѣряя показаніямъ, что онъ черезъ ихъ головы направляется собственно на тушинъ, сначала старались

отдушиться отъ чохцевъ, посылая имъ въ подарокъ къ байраму одного быка, но потомъ, видя, что церемонія не прекращается, просили бывшаго имама — запретить обрядъ кувшино-разбиванія, потому-что онъ можетъ подрывать ихъ урожаи. Шамиль, обративъ въ шутку жалобу эту, посовѣтовалъ обижающимся совершать подобный же обрядъ, и при разбиваніи кувшина обращаться къ населенію, живущему на плоскости и подчинившемуся русскимъ, направляя свои недружелюбныя желанія черезъ головы чохцевъ.

Ежегодно, въ послѣднихъ числахъ февраля, жители Койсубулинскаго общества Гунибскаго округа празднуютъ день начала посѣва хлѣбовъ слѣдующею церемоніею. Одинъ изъ зажиточныхъ и почетныхъ мѣстныхъ жителей, у котораго въ предшествовавшемъ году хлѣбъ уродился болѣе хорошо, собравъ въ перемѣтныя эшачьи корзины сѣмена различныхъ растеній, приглашаетъ своихъ односельцевъ въ поле, на мѣсто, еще нетронутое сохою. Ожидающій ихъ тамъ мулла прочитываетъ молитву, послѣ которой первенствующій мѣстный житель проводитъ по полю двѣ борозды сохою, и вспаханное мѣсто засѣваетъ привезенными сѣменами. Болѣе преданные суевѣріямъ жители, взявъ на ладонь земли изъ вновь вспаханнаго и засѣяннаго мѣста, смачиваютъ ее слюною, превращаютъ въ глину и мажутъ ею себѣ нѣкоторыя части тѣла. Это средство, по ихъ убѣжденію, излечиваетъ ревматизмъ и другія наружныя болѣзни. Съ выходомъ мужчинъ въ поле, рой дѣвицъ, отъ 7 до 16-лѣтняго возраста, наряженныхъ въ лучшее разноцвѣтное платье своихъ матерей и бабушекъ, выступаетъ, вслѣдъ за ними, на гуляніе — побѣгать и порѣзвиться, на муравѣ поляны, или въ садахъ, окружающихъ селеніе. Удовольствіе порѣзвиться и пощеголять въ парадныхъ шелковыхъ платьяхъ не часто имъ представляется.

При обратномъ шествіи публики, вблизи селенія, происходятъ: пальба, пѣніе и джигитовка (скачка на лошадяхъ); а въ заключеніе, мальчишки, снявъ нижнее платье, босикомъ совершаютъ бѣгъ, по прямому, въ 25 саженей длины, направленію. Первый, достигшій опредѣленной черты, получаетъ отъ родныхъ въ видѣ приза: оружіе, тутъ же на него надѣваемое, которое, по возвращеніи домой, онъ обязательно вымѣниваетъ на сласти, или фрукты. Остальные мальчики, участвующіе въ бѣгѣ, получаютъ отъ общества по кусочку пшеничнаго чурека (лепешки).

Неопрятность жителей Гунибскаго округа и Аваріи поразительна! Женщина здѣсь носитъ свое платье до невозможности дальнѣйшаго употребленія; замѣняя обновою покрывало и рубаху, она кладетъ ихъ въ котелъ съ щелокомъ, прибавляетъ къ нему кусочекъ курдючаго сала, и превращаетъ свой новый уборъ

въ грязную тряпку, въ томъ разсчетѣ, что, послѣ этой процедуры, обнова будетъ прочнѣе и не потребуетъ частаго мытья. Спрошенный мною горецъ—зачѣмъ ихъ женщины переваривают свои рубахи въ сальной водѣ? отвѣчалъ съ улыбкою: «Если у моей хозяйки платье будетъ чистое и бѣлое, то злые языки, пожалуй, скажутъ, что она никогда не видитъ въ глаза ни мяса, ни курдючаго сала!» На основаніи такого вывода, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ сальнѣе должно быть ея платье!.. Въ Гунибскомъ округѣ, только селенія Ирганай и Могохъ отличаются опрятностью и щеголеватостью своихъ женщинъ; о нихъ сосѣди отзываются съ ироніею, не чуждою зависти: «биръ сабу ашлыхъ іохъ, биръ туманлыхъ опрахъ гіэ», то-есть: нѣтъ дома сабы хлѣба, а на десять рублей надѣто платья!.. Въ двухъ названныхъ выше селеніяхъ, а также въ сел. Гимрахъ можно встрѣтить женщинъ съ красивыми личиками, въ остальныхъ же селеніяхъ средняго Дагестана неопрятность и неуклюжесть наряда превратили прекрасный полъ — въ черныхъ, или, правильнѣе сказать, грязныхъ мумій, а усиленные труды—въ преждевременныхъ старухъ, такъ-что нѣтъ возможности опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ красота здѣшнихъ женщинъ....

Костюмъ горскихъ женщинъ далеко непохожъ на извѣстный костюмъ, который носятъ проживающія на плоскости. Нарядъ горянокъ состоитъ: лѣтній — изъ рубахи, большею частью полотняной, или бумажной, сшитой экономически, въ $2^1/_2$ полотнища, съ круглыми въ одно полотнище рукавами, закрывающими всю руку; длина рубахи ниже колѣнъ; шейная выемка круглая, безъ воротника; передній разрѣзъ прямой; нерѣдко нескромно длинный, — онъ застегнутъ на груди на одну нитяную пуговку, но чаще зашитъ ниткою на-глухо. Головной платокъ полотняный, или коленкоровый, квадратный болѣе сажени, носится, въ видѣ покрывала, съ особенною неуклюжестью, образуя подъ подбородкомъ толстыя складки; вмѣсто шароваръ—узкія изъ пунцовой набойки панталоны, на нитяномъ очкурѣ; а въ замѣнъ архалука привязывается, за спиною, что-то въ родѣ одѣяльца изъ ситца на ватѣ, длиной до колѣнъ и шириною въ поларшина. Головной уборъ, то-есть собственно повязка волосъ, такая же, какъ на плоскости, за исключеніемъ селенія Ругджи, въ которомъ женщины имѣютъ бритыя головы, и сел. Куппы, гдѣ женщины носятъ кокошники, украшенные серебряною старинною монетою. Жителей обоихъ этихъ селеній — мусульмане считаютъ потомками евреевъ. Во время ненастья и холодовъ, женщины надѣваютъ на себя шерстяные чувалы — мѣшки, превращая ихъ (сложивъ во внутрь до половины) въ бедуины. Къ зимнему ко-

стюму прибавляются только полу-шубки изъ самаго простого курпея мѣстной выдѣлки, а ноги обуты въ уродливые полу-сапожки изъ краснаго сафьяна, или просто изъ сыромяти, съ подковками о двухъ шипахъ, отъ которыхъ жестоко страдаютъ полы нашихъ комнатъ. Вообще, какъ бы лезгинецъ хорошо ни одѣлся, ноги его, отъ національной обуви, изъ-рукъ-вонъ неуклюжи!

Женщины, при встрѣчѣ съ мужчиною, должны изъ приличія, по правиламъ шаріата, повернуться къ нему спиною, уткнувшись почти носомъ къ стѣнѣ, или забору. Обычай этотъ на плоскости исчезъ окончательно; онъ исчезъ бы и въ горахъ, еслибъ сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка были расквартированы среди населенія, подчинявшагося еще по привычкѣ шамилевскому ученію. По моему убѣжденію, основанному на долголѣтнемъ опытѣ, всадники этого полка и ихъ жены много способствуютъ въ дѣлѣ цивилизаціи и смягченіи грубыхъ нравовъ и обычаевъ своихъ одновѣрцевъ-односельцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что переходное движеніе всадниковъ отъ невѣжества на степень возможной для нихъ цивилизаціи всегда шло быстрыми шагами, такъ-что дикій горецъ, зачисленный въ полкъ, черезъ годъ-два сбросивъ свою грубую оболочку, превращается въ человѣка вѣжливаго, ловкаго, щеголеватаго и сознающаго свое достоинство. Всадники мѣстныхъ милицій, какое бы они названіе ни носили: временныхъ, или постоянныхъ, не имѣя сотенныхъ квартиръ, регулярныхъ сотенныхъ командировъ, и состоя болѣе въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстныхъ властей, нежели своего инспектора, котораго они знаютъ, какъ раздавателя имъ жалованья и только, оставаясь такими же невѣждами и мюридами, какими были при имамахъ,—никогда не принесутъ существенной пользы, ни службѣ, ни цивилизаціи края.

Въ послѣднее время, благоразумная мѣра—не обременять жителей излишнимъ отбываніемъ натуральной повинности безплатно, возможность сбыта на мѣстѣ продуктовъ и домашнихъ произведеній, замѣтно разливая въ краѣ довольство, обезпечивающее существованіе домохозяевъ, начинаетъ пріучать населеніе къ большей опрятности. Проходя по улицамъ, встрѣчаешь теперь щегольски сшитыя черкески мужчинъ, безукоризненной бѣлизны женскіе платки-покрывала и ситцевыя рубахи, изъ-подъ которыхъ кокетливо выглядываютъ изъ пунцоваго канауса широкія шаровары, имѣющія внизу парчевую каемку. Пріѣзжія къ роднымъ жены всадниковъ, эти деревенскія франтихи, законодательницы модъ, служатъ предметомъ зависти провинціялокъ, неимѣющихъ средствъ, или позволенія мужа-фанатика, надѣть кумык-

ское платье, болѣе дорогое и красивое по фасону, нежели національное платье тавлинокъ (горянокъ).

До умиротворенія Дагестана, женщины, принадлежавшія къ семействамъ сановниковъ духовной и гражданской іерархіи имама Шамиля, ходили подъ покрывалами изъ разноцвѣтной кисеи, коленкора, или бѣлаго полотна — въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, съ небольшими прорѣзными, подобно маскѣ, отверзстіями для глазъ, такія покрывала, недопускавшія видѣть лица, носились, впрочемъ, всѣми женщинами, за исключеніемъ дѣвицъ, недостигшихъ 7-лѣтняго возраста, и старухъ. Женщины, вышедшія на улицу безъ покрывала, подвергались палочнымъ ударамъ блюстителя благонравія — мюрида. Въ полѣ, при работахъ, покрывало снималось [1]).

Чалмы (тюрбаны) при Шамилѣ носили всѣ жители, подчинявшіеся правиламъ преподаваемаго имъ мюридизма; цвѣта ихъ означали степень значенія чалмоносцевъ; такъ, напримѣръ: у самого имама и у болѣе важныхъ административныхъ лицъ была чалма бѣлая; у пяти-сотенныхъ и сотенныхъ начальниковъ въ ополченіи — пестрая; у наибовъ, управляющихъ обществами — желтая; у кадіевъ и другихъ грамотныхъ людей духовнаго званія, считавшихся алимами (учеными) — зеленая; у гаджіевъ, бывшихъ въ Меккѣ и Мединѣ на поклоненіи гробу пророка — коричневая; у чаушовъ (глашатаевъ, передающихъ приказанія) — красная; и, наконецъ, у палачей (балтачи), фискаловъ и артиллеристовъ — черная. Подобно сіямцамъ, бѣлый цвѣтъ и у здѣшнихъ мусульманъ считается первенствующимъ. Хотя религія дозволяетъ всѣмъ правовѣрнымъ носить чалмы изъ тканей нитяныхъ и шерстяныхъ, за исключеніемъ шелковыхъ, различныхъ цвѣтовъ, но Шамиль, желая отличить званія, распредѣлилъ чалмы цвѣтами по вышеприведенному описанію. Совершеніе одного намаза въ чалмѣ — фанатики равняютъ шестидесяти намазамъ безъ нея. Должности палачей и фискаловъ считались почетными потому, что, по свидѣтельству Шамиля, они, убивая и вредя невѣрнымъ и преступнымъ, открывали себѣ врата рая [2]).

Съ паденіемъ имамской власти пали и символы мюридизма: покрывала (перде) съ лицъ женщинъ, и чалмы съ головъ мужчинъ; такъ-что, въ настоящее время, только на родинѣ Шамиля, въ сел. Гимрахъ, фанатики и самъ *ex*-имамъ въ Калугѣ оставили своихъ женъ подъ покрывалами.

---

[1]) Ношеніе покрывалъ предписываютъ 55-й и 59-й стихи 33-й главы Корана.

[2]) 12-й стихъ 49-й главы Корана предписываетъ мусульманамъ: «Избѣгайте подозрѣнія, не старайтесь подсматривать шаги другихъ»; но фанатики опредѣлили, что это запрещеніе до невѣрныхъ не относится.

Еще весьма недавно до покоренія Дагестана, женщины, уличенныя въ преступной связи съ мужчинами, были убиваемы, или за-живо забрасываемы камнями [1]); не смотря на то, прекрасный полъ не прочь отъ любовныхъ интрижекъ даже съ неправовѣрными ловеласами, которымъ интрижки эти достаются не даромъ. Временемъ свиданій назначается полночь — пронзительный крикъ эшаковъ бываетъ вѣрнымъ указателемъ завѣтнаго часа...

Въ обществѣ Цунта-Ахвахъ, Аварскаго округа, прозваннома жителями другихъ обществъ: Квеше-Ахвахъ, въ переводѣ Скверными-Ахвахомъ, существуетъ слѣдующій оригинальный обычай. Ежедневно собираются на водяныхъ мельницахъ по нѣсколько дѣвицъ, для смолки хлѣба — ихъ преслѣдуютъ ватагою молодые парни-женихи. Придя къ мѣсту, мужчины, найдя дверь запертою, спрашиваютъ дѣвицъ,—сколько ихъ собралось на мельницѣ? Дѣвицы отвѣчаютъ положительною цифрою, и если число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, то лишніе, по жребію, отправляются въ другимъ мельницамъ, а остальные бросаютъ черезъ окошечко во внутрь мельницы свои папахи, подбираемыя дѣвицами на-удачу. Послѣ этого дверь отпирается, мужчины входятъ и справляются: въ чьихъ рукахъ ихъ головные уборы.... Жители того же Ахваха, въ видахъ утонченнаго гостепріимства, укладываютъ гостя-кунака спать ночью съ дочерью ихъ, въ томъ убѣжденіи, что деликатный кунакъ не нарушитъ законовъ гостепріимства.... Въ противномъ случаѣ, такой считается скверньйшимъ гостемъ, и ему приходится расплачиваться за невоздержность — деньгами, или свадьбою.

Всѣ трудныя работы по хозяйству исполняются женщинами и эшаками; вы увидите повсюду навьюченнаго дровами, сѣномъ, или зерновымъ хлѣбомъ эшака, а рядомъ съ нимъ, съ такою же ношею—женщину-горянку! Подрядчики по перевозкѣ казеннаго провіанта для войскъ, расположенныхъ въ краѣ, опредѣляютъ вѣсъ тяжести на одного эшака въ 3 пуда; подобныя же тяжести здѣшнія женщины, для заработанія 40—60 к. сер., переносятъ на своей спинѣ за 30 верстъ, по гористымъ, едва проходимымъ тропинкамъ!

Кладбища (зиратляръ) устроены такимъ образомъ, что они или примыкаютъ къ самымъ селеніямъ, или находятся внутри ихъ. Надъ могилами усопшихъ обыкновенно ставится надгробный камень съ надписью имени умершаго, года его смерти и изрѣче-

---

[1]) Въ началѣ исламизма виновную женщину убивали камнями, хотя этого правила нѣтъ въ Коранѣ; впослѣдствіи, для незамужнихъ это замѣнено было розгами и изгнаніемъ. См. 19-й стихъ 4-й главы Корана.

нія изъ Корана, или просто безъ надписи. Надъ могилами убитыхъ на газаватѣ (священной войнѣ съ невѣрными), около надгробнаго камня развѣваются небольшіе, разныхъ цвѣтовъ, значки, иногда съ деревянною куклою птицы на верху древка. Кладбища содержатся неопрятно и не имѣютъ ограды; рѣдкія окопаны земляным валомъ. Если кладбище находится на горѣ, имѣющей перпендикулярно-отвѣсный обрывъ, образующій стѣну, то умершіе хоронятся какъ бы въ катакомбахъ, въ два этажа.

Въ палаткѣ, или навѣсѣ изъ войлока, устраиваемыхъ надъ могилою покойника, мулла или опытный муталимъ читаютъ отъ доски до-доски Коранъ, со дня погребенія—40 дней; за этотъ трудъ чтецъ получаетъ отъ 3 до 30 рублей серебромъ. Обмывавшій, въ длинномъ овальномъ корытѣ (оно имѣется при каждой мечети), мертвое тѣло, получаетъ платье съ покойника. Лицо умершей женщины, подруги и родственницы бѣлятъ, румянятъ и чернятъ ей брови и рѣсницы.

Мусульмане (сунниты) обязаны дѣлать въ сутки пять установленныхъ Кораномъ фарсъ-намазовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ [1]):

1) Сабахъ-намазъ — утренняя молитва и омовеніе, на разсвѣтѣ дня.

2) Тушъ-намазъ — въ полдень. Въ солнечный день, для повѣрки полудня, ставится вертикально палка: если тѣнь равна палкѣ, то это означаетъ полдень.

3) Экимджи-намазъ — послѣ-полуденный. Примѣтою времени этого намаза служитъ тѣнь той же палки, соотвѣтствующая двойной ея длинѣ — по нашимъ часамъ, половина перваго.

4) Ахшамъ-намазъ — вечерній, при захожденіи солнца.

5) Яссы-намазъ дѣлается тогда, когда лучи заходящаго солнца, отражаясь на противуположной сторонѣ горизонта, совершенно померкнутъ.

Часы у мусульманъ ставятся $2^3/_4$ часами впереди нашихъ. На основаніи 2-й главы Корана, мусульмане, гдѣ бы ни находились, молятся, обращаясь лицомъ къ Каабѣ (Меккѣ).

Кромѣ выше означенныхъ пяти фарсъ-намазовъ, есть еще годовые обязательные и суточные необязательные намазы, называемые: «суннетъ»; исполняющій послѣдніе совершаетъ дѣло богоугодное—«зуабъ»; а неисполняющій не грѣшитъ передъ законами своей религіи.

Передъ совершеніемъ каждаго намаза, мусульманинъ долженъ обмыть семь членовъ своего тѣла: двѣ руки, двѣ ноги, лицо, голову

---

[1]) О времени дѣланія намазовъ, въ стихахъ 2—6 и 20-мъ главы 78-й Корана и другихъ мѣстахъ его говорится хотя болѣе подробно, но неопредѣлительно.

и проч. [1]). Впрочемъ, однажды сдѣлавъ омовеніе, онъ можетъ сохранить его и для послѣдующихъ намазовъ—«достомазъ», то-есть, чистоту къ молитвѣ, избѣгая прикосновенія къ женщинѣ и нечистымъ животнымъ: собакѣ и свиньѣ. Платье равномѣрно должно сохранять чистоту: облитое виномъ, оскверненное прикосновеніемъ собаки или свиньи, вымывается семь разъ съ ряду. При молитвѣ мужчины снимаютъ съ себя обувь, а женщины обувь и шаровары. Подъ ноги, при молитвѣ дома, кладется коврикъ, называемый намазлыкъ, а въ дорогѣ—черкеска, или архалукъ; при рѣкѣ и родникахъ, гдѣ всегда можно найти камень съ плоскою поверхностью, въ подстилкѣ нѣтъ необходимости. Во время путешествія, въ случаѣ неимѣнія воды, совершается: теемумъ, то-есть, намазъ съ замѣною воды пескомъ. По религіи, мусульманину, ѣдущему на газаватъ, или даже по своимъ дѣламъ бывшему въ пути болѣе двухъ сутокъ, позволяется не совершать намазовъ, потому-что онъ дѣлаетъ сафаръ-халяль, то-есть — путешествіе богоугодное; всякое же слѣдованіе по дѣламъ и для пользы невѣрныхъ, называется сафаръ-массіятъ, путешествіе богопротивное, а потому не освобождаетъ отъ обязанности совершать установленные намазы.

Пересчитаемъ послѣдовательно всѣ намазы и при нихъ земные поклоны (ракаять) [2]):

А) ФАРСЪ-НАМАЗЫ,

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ДЛЯ ВСѢХЪ МУСУЛЬМАНЪ.

Сабахъ-намазъ	1	поклоновъ	2
Тушъ-намазъ	1	—	4
Экимджи-намазъ	1	—	4
Ахшамъ-намазъ	1	—	3
Яссы-намазъ	1	—	4
Итого намазовъ	5	—	17

Б) СУННЕТЫ,

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ НАМАЗЫ.

Ишрахъ-намазъ, передъ зарею		1	поклоновъ	4
Зуха-намазъ, между разсвѣтомъ и полднемъ		6	—	12
Суннетъ-намазы, или ратибатъ.	передъ полднемъ	2	—	4
	послѣ полудня	2	—	4
	передъ сабахъ-намазомъ	1	—	2
	передъ экимджи	2	—	4
	послѣ ахшамъ	1	—	2
	передъ яссы	2	—	4

[1]) Объ омовеніи говорится въ 8 и 9-мъ стихахъ 5-й главы Корана.

[2]) Молитва состоитъ изъ колѣнопреклоненія—ракаять, и обожанія—суджудъ, поверженіе лица къ землѣ. 104-й стихъ 4-й гл. Корана.

Авабинъ-намазъ, между ахшамъ и яссы-намазами .	3	поклоновъ	6
Витру-намазъ, передъ сномъ (можно дѣлать 1, 3, и т. д., нечетное число)	5½	—	11
Тагаджютъ-намазъ, въ полночь	3	—	6
Тахіятъ-намазъ, при первомъ входѣ въ мечеть . .	1	—	2
Итого намазовъ	29½	= покл.	61
А всего въ сутки намазовъ	34½	= покл.	78

Въ мѣсяцѣ рамазанѣ, во время уразы или великаго поста, намазы-суннеты прибавляются: «таварихъ» дѣлается послѣ яссы и передъ витру-намазами, въ числѣ 10 намазовъ и 20 поклоновъ; — большая часть мусульманъ ограничиваетъ это число 4 намазами и 8 поклонами, или колѣнопреклоненіями, согласно 77-й главѣ Корана, составляющими принадлежность мусульманской молитвы. Святоши при поклонахъ касаются лбомъ голой земли, или носимаго при себѣ квадратнаго кирпичика [1]).

в) годовые намазы,

обязательные.

Джумма-намазъ, по пятницамъ	1	поклоновъ	2
Рамазанъ-байрамъ-намазъ, послѣ окончанія поста .	1	—	2
Курбанъ-байрамъ-намазъ, въ праздникъ жертвоприношенія	1	—	2

г) случайные намазы.

Салатуль-кусубъ-шамсъ-намазъ, при затмѣніи солнца.	1	—	2
Салатуль-хусупуль-камаръ-намазъ, при затмѣніи луны	1	—	2
Итого намазовъ . .	5	= поклон.	10

Если положить для каждаго намаза, съ предписаннымъ Кораномъ углубленіемъ въ религіозное размышленіе ½ часа, то, для 34 въ сутки, нужно времени 17 часовъ, и только 7 часовъ останется для сна, ѣды и другихъ житейскихъ процедуръ! Суннетъ-намазы исполняютъ и требуютъ отъ подчиненныхъ ихъ исполненія — только одни отъявленные фанатики; либералы же полагаютъ правильнымъ — подчиняться установленію пророка, а не богослововъ-имамовъ.

При совершеніи намаза читается молитва: альхамъ и атахъятуль, первая—стоя на ногахъ, вторая—стоя на колѣняхъ. Не-

[1]) Болѣе строгіе мусульмане, при молитвѣ, имѣютъ круглые или квадратные кирпичики, на которые, преклонясь къ землѣ, кладутъ лобъ. Толкованіе 29-го стиха 48-й главы Корана.

обязательно, но богоугодно читать прежде ихъ молитву, называемую: ваджахту. Переведу первыя двѣ молитвы:

АЛЬХАМЪ.

«Во имя Бога милосердаго и милостиваго!

«Хвала будь Богу, Господу всѣхъ тварей, царю въ день суд-«ный, дѣлающему добро на землѣ всѣмъ, и на томъ свѣтѣ имѣю-«щему воздать достойное по заслугамъ каждаго! Тебѣ мы слу-«жимъ, отъ тебя помощи просимъ, настави насъ на путь истин-«ный, на путь благоугодный передъ тобою, отклони отъ насъ «путь, навлекающій на насъ гнѣвъ твой. Аминь!» [1])

Молитва эта составляетъ первую главу Корана и хотя имѣетъ нѣсколько названій, но обыкновенно именуется: фатигатъ, т. е., начальная глава. Мусульмане почитаютъ ее производящею необыкновенныя дѣйствія, и потому читаютъ чаще другихъ главъ Корана.

АТАХЪ-ЯТУЛЬ.

Магометъ: Почетъ, благодать, богочестіе, благополучіе Богу!

Богъ: Привѣтствую! это пророкъ — благодать моя Тебѣ и почетъ!

Магометъ: Привѣтъ намъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ!

Ангелы: Заявляемъ: что нѣтъ Бога — кромѣ Бога! еще заявляемъ, что Магометъ — его пророкъ!

Прибавленіе молящагося: Просимъ у Бога милости для Магомета и его потомства!

Молитва эта, по преданіямъ, есть цитированіе разговора съ Богомъ, въ бытность пророка Магомета на седьмомъ небѣ у престола Всевышняго творца. Простой народъ ограничиваетъ намазъ только альхамомъ.

Съ окончаніемъ молитвы, молившійся поворачиваетъ голову къ правому и лѣвому плечамъ и говоритъ сидящимъ будто-бы тамъ ангеламъ, записывающимъ всѣ его хорошія и дурныя дѣла въ книги, которыя будутъ заявлены на страшномъ судѣ (кыйметъ-гюнь):

Асалямъ алейкюмъ, ва рахматулла! т. е.
Привѣтъ и благодать вамъ Божья! [2])

---

[1]) Аминь — говоритъ послѣ прочтенія 1-й главы Корана есть обычай «Суннета» основанный на словахъ Магомета: «Гавріилъ научилъ меня говорить всегда аминь, когда я кончу фатигатъ.»

[2]) Стихъ 12-й, глава 13-я Корана: «У всякаго человѣка ангелы, которые безпрестанно смѣняются, помѣщаясь передъ нимъ, позади его; они по повелѣнію Бога наблюдаютъ за нимъ.»

Привѣтствовать христіанина фразою: «асалямъ-алейкюмъ», т. е., миръ или благодать съ тобою, по убѣжденію фанатиковъ-мусульманъ, не подобаетъ и грѣшно; вслѣдствіе этого они, руководствуясь 39-мъ стихомъ 76-й главы Корана, заявляющимъ правило: «Если вы располагаете какой хитростью, то приводите въ дѣйствіе противъ невѣрныхъ», — при встрѣчѣ съ христіаниномъ, желая себя выказать чуждыми будто фанатизма, привѣтствуютъ его похожею фразою: «асамъ-алейкюмъ», означающею — бѣда съ тобою!

Брачные союзы заключаются: или словесно, при свидѣтеляхъ, или же повѣреннымъ отъ жениха или его родителя; при чемъ составляется письменное условіе, контрактъ (никахъ), который, впрочемъ, рѣдко здѣсь имѣетъ мѣсто. Вся церемонія брачной сдѣлки состоитъ обыкновенно въ томъ, что родители невѣсты и жениха, собравшись вмѣстѣ и пригласивъ почетныхъ свидѣтелей, объявляютъ: первые о желаніи выдать, а послѣдніе о согласіи принять въ свое семейство избранную женихомъ невѣсту, причемъ приводится въ извѣстность обоюдный взносъ приданаго (кибинъ-хавъ), и затѣмъ, безъ особенныхъ затѣй, невѣста переходитъ во власть жениха.

Изъ свадебныхъ мѣстныхъ обрядовъ въ селеніяхъ Чохъ и Гергебилѣ замѣчателенъ тотъ, что невѣсту, въ послѣдній день свадьбы, родственники и друзья жениха усердно упрашиваютъ идти въ его домъ. Послѣ долгаго колебанія, невѣста, получившая урокъ отъ старушекъ, схватившихъ взятку за содѣйствіе, выходитъ за ворота родительскаго дома и, дѣлая шагъ впередъ, останавливается; опять умаливаніе родственниковъ, кланяющихся до земли, заставляетъ упрямую сдѣлать еще одинъ самый медленный шагъ впередъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, если домъ жениха далеко, невѣста, выйдя изъ своего жилища въ полдень, достигаетъ цѣли путешествія вечеромъ, жестоко испытывая терпѣніе новобрачнаго!... Обычай этотъ послужилъ поводомъ къ общеизвѣстной въ Дагестанѣ поговоркѣ, относимой къ медленно идущимъ и ѣхавшимъ: «бара гергебильны гэлинъ-кимыкъ», т. е., идетъ, какъ гергебильская невѣста!

Во время владычества Шамиля, на свадьбахъ музыка не допускалась — она запрещена правилами мюридизма; мужчины могли плясать только подъ тамбуринъ, но всегда безъ участія прекраснаго пола, вслѣдствіе чего они мало пользовались этимъ исключеніемъ, не доставлявшимъ имъ особеннаго удовольствія.

Каждый простой горецъ, находящійся при управленіи на службѣ, или по своимъ дѣламъ, считаетъ какъ бы непремѣннымъ долгомъ вѣжливости, сдѣлать начальнику утренніе и ве-

черніе визиты; онъ, осторожно постучавъ иногда три раза, а чаще безъ этой формальности, отворяетъ дверь комнаты, просовываетъ голову, и, не обращая вниманія, смотритъ ли на него начальникъ, или нѣтъ, живо махнувъ во внутрь комнаты снятою съ головы папахой, привѣтствуетъ: урьчами! т. е. доброе утро! или: сордотликъ! т. е. спокойной ночи!—на какія заявленія если и не получитъ въ отвѣтъ: барракялла, или родотликъ! то-есть: спасибо! или: и тебѣ покойной ночи! — не бываетъ въ претензіи.

При встрѣчахъ, привѣтствія имѣютъ слѣдующую неизмѣнную форму: тликъ бугу? тликъ бугишь? чу? мунъ? казанкай? то-есть: каково? какъ поживаешь? каковы: лошадь, самъ лично, семейство? Такъ какъ лошадь для горца всегда дорога, то они считаютъ приличнымъ освѣдомляться объ ея состояніи [1]).

Къ сословію грамотныхъ людей Дагестана принадлежатъ духовенство и муталимы (родъ семинаристовъ); изъ послѣднихъ, съ окончаніемъ курса ученія, одни поступаютъ въ званіе муллъ или кадіевъ, а другіе, — въ званіе мирзы (письмоводителя) при разныхъ административныхъ управленіяхъ. Званіе это сопряжено нынѣ съ довольно приличнымъ денежнымъ отъ казны содержаніемъ, отъ 150 до 300 р. с. въ годъ. Неграмотные люди, занимающіе должности, утверждаютъ написанное по ихъ приказанію мирзою, своею печатью, а простой народъ—приложеніемъ пальца. Печати вырѣзываются мѣстными мастерами на мѣди и стали, имѣя форму: полу-луны, сердечка, и тому подобное. Ручка печати бываетъ изъ мѣди, или изъ серебра, подъ чернью; при ней, на двухъ тоненькихъ цѣпочкахъ, имѣется, изъ того же металла, шарообразный ящичекъ — хранилище туши, служащей для смазыванія печати при оттискѣ ея на бумагѣ. На подобныхъ печатяхъ дозволяется вырѣзывать, кромѣ званія, имени и отчества, изрѣченія изъ Корана и разные девизы. Мнѣ однажды случилось видѣть печать шутника участковаго засѣдателя, съ слѣдующею оригинальною надписью: «Нѣтъ Бога — кромѣ Бога; нѣтъ участка — кромѣ моего; нѣтъ засѣдателя — кромѣ меня!» такой-то! На печати *ex*-имама Шамиля, вырѣзана слѣдующая надпись: «Рабъ Божій Шамиль», и кругомъ ея имена семи отроковъ и бывшей съ ними собаки, а именно: «Ямлихъ,

[1]) Это, впрочемъ, есть долгъ, предписанный 61-мъ стихомъ 24-й главы Корана, гдѣ говорится: «Когда вы входите въ домъ (кто входитъ и кто принимаетъ), взаимно здоровайтесь, желая отъ Бога добраго и счастливаго здоровья.» Кромѣ того, въ 4-й главѣ стихъ 88-й говоритъ: «Если кто васъ привѣтствуетъ, отдайте привѣтъ еще вѣжливѣе, или, по крайней мѣрѣ, отдайте привѣтъ. Богъ считаетъ все!» Но фанатики не относятъ этихъ правилъ къ невѣрнымъ.

Максалинъ, Маслинъ, Марнушъ, Дабарнушъ, Шазанушъ, Кафаштатіушъ и кытмиръ (собака).

Тушь (мюракабъ) приготовляется у грамотѣевъ домашними, дешевыми, или, правильнѣе, ничего нестоющими средствами; для этого, сожженное въ порошокъ просо растирается съ молокомъ въ густую массу, прибавляется свѣчная копоть, безъ которой она имѣла бы цвѣтъ коричневый, и затѣмъ, вся эта смѣсь, засушенная на солнцѣ, заступаетъ мѣсто туши. Каждый писецъ носитъ въ карманѣ жестяной, раскрашенный, длиною въ 10 и шириною въ $^3/_4$ вершка ящичекъ, для храненія ножика и камышевыхъ перьевъ. Въ одномъ концѣ этого ящика есть нѣчто въ родѣ чернильницы съ крышкою, въ которой лежитъ напитанная разведенною водою съ тушью хлопчатая бумага, замѣняющая чернила. На оффиціальныхъ и частныхъ письмахъ, имѣющихъ всегда конфиденціальный характеръ, по правиламъ восточной вѣжливости, именная печать должна быть приложена внизу, на противоположной страницѣ. Письменнымъ столомъ туземнымъ грамотѣямъ служитъ колѣно, отчего ихъ бумаги всегда бываютъ порядочно измяты.

Пересылка корреспонденціи, на первыхъ порахъ послѣ покоренія Дагестана, до учрежденія правильнаго сообщенія, имѣла весьма оригинальный характеръ. Конверты передавались жителями изъ деревни въ деревню. Получившій конвертъ, горецъ шелъ не по прямому направленію того мѣста, куда слѣдовало посланіе, но въ ту деревню, которая отъ него ближе, такъ-что конвертъ, вмѣсто сутокъ, колесилъ нерѣдко цѣлую недѣлю и дѣлалъ вмѣсто 20 верстъ—100. Преданные лѣни горцы зачастую заставляли своихъ женъ играть роль почталіоновъ; можно часто было видѣть женщину, путешествующую съ пакетомъ, воткнутымъ въ оконечность расщепленной палочки!

Большая часть мусульманскихъ сочиненій, какъ-то: Суннетъ и Гадисъ — религіозныхъ преданій, Маали и Шіабъ — юридическихъ — рукописныя [1]). Грамотные люди, съ цѣлью продажи, переписываютъ ихъ на вылощенной морскою раковиною бѣлой бумагѣ, обозначая главы и комментаріи разноцвѣтными чернилами. За одну книгу, написанную на стопѣ бумаги, я заплатилъ 18 р. с. — плата, соразмѣрно трудамъ, ничтожная! У мусульманъ есть своего рода настольная книга, это «Харидатуль

---

[1]) По толкованію 42-го стиха 35-й главы Корана, «Суннетъ», собственно значитъ обычный путь, отсюда «Сунна» — собраніе обычаевъ, сохраненныхъ преданіемъ. Толкователи говорятъ: «Богъ всегда идетъ однимъ путемъ, остерегаетъ, потомъ уже наказываетъ нечестивыхъ.»

Эдженбъ» (сумка чудеснаго). Книга эта, хотя и заключаетъ въ себѣ много бредней, но въ ней находится также и много любопытныхъ свѣдѣній. Фанатики не терпятъ, чтобы въ рукахъ христіанина были ихъ арабскія религіозныя книги.

Кавказскихъ мусульманъ никогда не слѣдуетъ слишкомъ баловать ни обхожденіемъ, ни наградами, потому-что они скоро забудутся; дайте мусульманину награду одинъ годъ, дайте другой годъ, а на третій годъ не дадите, онъ будетъ недоволенъ и, пожалуй, отомститъ вамъ измѣною!

Служба между вновь-покоренными жителями, въ качествѣ управляющаго ими, была сопряжена съ невыносимымъ стѣсненіемъ свободы; незнакомые съ правилами деликатности и субординаціи, они не давали намъ времени: ни одѣться утромъ, ни отдохнуть послѣ обѣда, ни выйдти изъ дома безъ свиты. Входящій въ комнату проситель, жалобщикъ, или нукеръ (конвойный всадникъ-тѣлохранитель), такъ и наровилъ подать руку и усѣсться въ креслѣ по-товарищески! Все достояніе начальствующаго лица подвергалось осмотру; грязныя руки безъ церемоніи тащили съ его письменнаго стола, изъ-подъ самаго почти носа: печать, прессъ-папье, и такъ далѣе. Случится наказывать виновнаго за воровство, или представится надобность считать около денежнаго ящика звонкую монету, на это мѣсто стекается со всѣхъ сторонъ множество публики, любопытной до зрѣлищъ, какъ французы! Каждаго просителя и жалобщика сопровождаетъ толпа слушателей и ходатаевъ; первые изъ нихъ, въ изъявленіе довѣрія и расположенія къ своему начальнику, подаютъ ему уже не одну, но обѣ потныя, грубыя и грязныя руки! Много стоило трудовъ пріучить прежнихъ мюридовъ къ вѣжливости и обращенію.

Мусульмане вообще, а горцы въ особенности, имѣютъ дарованіе разсказывать свои жалобы и дѣла крайне-растянуто: о похищеніи, напримѣръ, у него гривенника, онъ будетъ говорить вамъ полчаса, начиная разсказъ съ предшествовавшихъ за мѣсяцъ обстоятельствъ; слово: «ценги», то-есть, «потомъ», такъ у него и сыплется!... Большая часть жалобъ и исковыхъ дѣлъ имѣютъ начало за 10, 20 и 30 лѣтъ, причемъ представляются документы, обыкновенно сомнительнаго свойства, писанные на лоскуткахъ бумаги въ два вершка длиною и шириною, съ подписями давно умершихъ свидѣтелей. У болѣе склонныхъ къ тяжбамъ и кляузамъ жителей, такихъ документовъ хранится въ тряпкахъ штукъ десять, и они берегутъ ихъ, какъ зеницу своего ока. Тяжебные иски, это — конекъ мусульманъ; предложите горцу простого званія, въ видѣ одолженія, клочекъ собственной

земли, предоставивъ ему спокойно владѣть два-три года, вамъ трудно будетъ получить землю обратно: воспользовавшійся вашимъ одолженіемъ, забывая благодарность, которая далеко не въ характерѣ мусульманъ, непремѣнно подастъ на васъ жалобу, утверждая, что эта земля — «ата-бабаденъ», т. е. была въ его владѣніи.

Крѣпостного сословія въ среднемъ Дагестанѣ нѣтъ; только въ Аварскомъ округѣ жители селеній: Кахъ, Канибъ и Тляйлюхъ—составляли родовую собственность владѣтельныхъ хановъ и носили названіе: «гулъ» — рабы. Бывшій ханъ Аваріи, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества полковникъ Ибрагимъ Ханъ-Мехтулинскій, 10 іюня 1860 года, даровалъ имъ свободу. Населеніе Кахъ большею частью состоитъ изъ давно взятыхъ въ плѣнъ грузинъ и армянъ, обращенныхъ въ мусульманство; люди эти отличались испытанною преданностью къ своимъ ханамъ.

По туземному значенію, «уздень» есть свободный гражданинъ, не отбывающій другихъ повинностей, кромѣ общественныхъ, владѣющій собственною землею и даже рабами. Во времена первобытныхъ хановъ, уздени преимущественно занимали мѣста наибовъ и сельскихъ старшинъ, и изъ нихъ составлялъ владѣтель свою [illegible]ранную стражу; послѣ ханскихъ фамилій, бековъ и чанковъ, уздени считались высшимъ въ краѣ сословіемъ; за ними слѣдовали раяты (крестьяне) и гулы (рабы). Время и деспотизмъ новыхъ хановъ отняли отъ узденей ихъ права и преимущества. Нынѣ, во всемъ Дагестанѣ, уздени, наравнѣ съ другими низшими сословіями, обложены незначительнымъ, впрочемъ, въ пользу казны взносомъ денегъ и исполняютъ натуральную повинность. Узденей, считающихъ себя благороднымъ сословіемъ, ханы и правители округовъ, за преступленія, нарушающія общественное спокойствіе и порядокъ, подвергаютъ тѣлесному наказанію, противъ котораго, ссылаясь на свое происхожденіе, они не протестуютъ! Въ заключеніе скажу, что узденей Дагестана нельзя сравнить съ узденями Кумыкской плоскости, Терской области, гдѣ сословіе это, раздѣляясь на степени, пользуется правами и преимуществами столбовыхъ дворянъ.

Хотя, на основаніи идеи равенства, горцы не оказываютъ особеннаго уваженія своимъ землякамъ-офицерамъ, которые держатъ себя, въ отношеніи ихъ, совершенно на равной ногѣ, но, при всемъ томъ, каждый оборванный уздень, протягивая по-товарищески руку русскому офицеру, не подастъ ее русскому же простому солдату.

Справедливость требуетъ замѣтить, что вообще жители Да-

гестана весьма переимчивы: они, постоянно обращаясь къ русскимъ за совѣтами и указаніями, какъ имъ слѣдуетъ себя держать, чтобы не быть ни назойливыми, ни смѣшными, очень скоро превращаются въ людей послушныхъ, вѣжливыхъ и услужливыхъ. Хотя горецъ и не откажется отъ подарка и денежнаго вознагражденія за услугу, но никогда не будетъ надоѣдать вамъ неотвязчивою просьбою — пожаловать «на-чаёкъ». При встрѣчахъ, каждый почти горецъ охотно даетъ дорогу старшему и привѣтствіе поклономъ. Сниманіе папахи передъ старшимъ вообще не означаетъ исключительно низкопоклонничества и искательности — это обычай должнаго привѣтствія: экрамъ-этмага, который запрещался только грубымъ и дикимъ ученіемъ шаріата! Въ одной изъ религіозныхъ книгъ этого ученія сказано, что «истинно правовѣрный мусульманинъ, чтобы не осквернить себя, обязанъ избѣгать общительности съ гяурами, не дотрогиваться до ихъ руки, не привѣтствовать и не прикасаться даже до вещей, невѣрному принадлежащихъ» [1]).

Мусульмане-фанатики (я говорю о мусульманахъ Дагестана, приверженцахъ мюридизма, проповѣдываемаго бывшими имамами: Кази-муллою, Гамзатъ-бекомъ и Шамилемъ), никогда не разстаются съ религіозными аттрибутами, сохраненіе которыхъ при себѣ знаменуетъ мусульманина праведнымъ, строго соблюдающимъ правила шаріата и совершающимъ дѣло богоугодное, однимъ словомъ — кандидата поступить въ рай, обѣщанный пророкомъ Магометомъ!...

Такіе аттрибуты суть: чалма на головѣ, или тюрбанъ (амаметъ); зубочистка (сивакъ) на подобіе бритвенной кисточки въ миніатюрѣ, съ лошадиными волосами въ оконечности, оправленная въ ручку изъ дерева аракъ, произрастающаго въ Аравіи, или, за неимѣніемъ его, въ кисточку отъ гусиной ножки; и, наконецъ — серебряное, или мѣдное колечко, носимое на мизинцѣ правой руки. Совершеніе одного намаза въ чалмѣ равняется 25-ти намазамъ безъ нея, съ зубочисткою и съ кольцомъ — 60-ти намазамъ. Кромѣ зубочистки, мусульманамъ позволяется вытирать зубы и десны, передъ молитвою, сукномъ или полотномъ,

---

[1]) По поводу отчужденія отъ невѣрныхъ (гяуровъ) говорится въ Коранѣ, гл. 3, ст. 27: «Не берите въ друзья, союзники и покровители невѣрныхъ — кто сдѣлаетъ это, ничего не надѣйся отъ Бога.» Стихъ 114-й: «Составляйте сердечные союзы только между собой; ненависть невѣрныхъ проникаетъ въ ихъ слова, но что заключается въ ихъ сердцѣ, то еще хуже!» Гл. 4, ст. 114: «Невѣрные будутъ въ огнѣ, и ты не увидишь у нихъ покровителя.» Гл. 5, ст. 17: «Мы возбудили въ христіанахъ нелюбовь и ненависть, которыя должны продлиться до дня суднаго.» Глава 60, ст. 1, 9 и 13: «Не имѣйте никакой связи съ невѣрными: Богъ запретилъ вамъ это», и проч.

но отнюдь не пальцемъ. Мунафики, или приверженцы древняго адата (обычая), установленіямъ этимъ вообще не слѣдуютъ.

Главными качествами привилегированнаго фанатика, или, какъ мы привыкли ихъ называть — мюрида, есть: ханжество, хитрость, притворство, обманъ и шарлатанство; въ разговорѣ съ русскимъ онъ отлично прикинется человѣкомъ прогрессивнымъ, для достиженія предположенной цѣли, но хитритъ даже передъ роднымъ братомъ, и, въ намѣреніи пріобрѣсти славу глубокаго, праведнаго, богоугоднаго алима, не задумается выдавать себя за ясновидящаго, подвергающагося, по благости великаго Аллаха, предсказательнымъ иллюзіямъ, душевному состоянію, называемому «зульматъ», похожему на обморокъ, во время котораго одержимый, сквозь пыльную призму, видитъ будто бы предстоящее событіе!...

Глубокіе фанатики, до плоти и крови враги христіанамъ, узнаются по слѣдующимъ примѣтамъ:

1) Онъ не пропуститъ ни одного намаза, ни минуты, установленной для совершенія его, а напротивъ, къ пяти обязательнымъ прибавитъ тридцать необязательныхъ, называемыхъ «суннетъ», намазовъ.

2) Онъ носитъ карманные часы съ мѣдными досками и, изъ того же металла, ключикомъ и цѣпочкой.

3) Никогда не разстается съ чѣтками, зубочисткой и кольцомъ на мизинцѣ правой руки.

4) Если только предстоитъ возможность не быть въ присутствіи христіанъ, надѣваетъ для молитвы чалму.

5) При разговорѣ съ христіаниномъ, постоянно шепчетъ губами молитву, называемую «зикру», состоящую изъ повторенія словъ: «Ля иль Алла-иль Алла».

6) Боится табачнаго дыму.

7) Находясь, по необходимости, между христіанами, избѣгаетъ быть тамъ, гдѣ присутствуютъ женщины (изъ ханжества, а не изъ нежеланія глядѣть на прекрасное); женъ своихъ держитъ взаперти и подъ покрывалами.

8) Не будетъ пить чаю и кофе съ сахаромъ,—не изъ подражанія китайцамъ, но изъ опасенія, что сахаръ очищается сквозь кости, въ числѣ которыхъ могутъ быть кости животныхъ, употребленіе которыхъ въ пищу считается для мусульманъ запрещеннымъ (харамъ).

9) Не будетъ ѣсть мяса отъ скотины и птицы, зарѣзанной рукою христіанина [1]).

---

[1]) Что дозволено, и что запрещено употреблять въ пищу мусульманамъ, объясняется въ 1, 4 и 6 ст. 5-й гл. Корана, и повторяется 116-мъ стихомъ 16-й главы.

10) Ни за что не надѣнетъ европейскаго костюма, а эполеты, кресты и медали, если ихъ имѣетъ, надѣваетъ только по необходимости, представляясь начальству.

11) Не носитъ золотыхъ вещей и шелковыхъ матерій, какъ украшеній, исключительно принадлежащихъ будущимъ обитателямъ рая.

12) Краситъ бороду только тогда, когда есть надежда обмануть, или предстоитъ возможность бить христіанъ, или враждовать съ ними, а, лишившись этой пріятной возможности, оставляетъ ее сѣдою.

13) Бреетъ голову и подстригаетъ усы наравнѣ съ верхнею губою [1]).

14) Ѣстъ жидкости только деревянною ложкой, и т. д.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мусульманинъ, строго сохраняющій приведенныя выше правила, при случаѣ, утопитъ каждаго христіанина въ ложкѣ воды!...

Познакомимъ читателей нашихъ съ легендою о колечкѣ, носимомъ на мизинцѣ правовѣрными поборниками ислама.

Однажды въ Египтѣ (Миссири), къ пророку Магомету, совершавшему молитву въ полѣ, приползла змѣя, преслѣдуемая кошкою; испуганная грозившею ея жизни опасностью, будучи на волосъ отъ погибели, она стала умолять пророка именемъ Аллаха: дать ей убѣжище за пазухою; но когда пророкъ, сжалившись надъ несчастною, исполнилъ ея просьбу, то она, не считая себя достаточно обезпеченною, стала еще убѣдительнѣе умолять Магомета, на самое короткое время, скрыть ее въ своихъ внутренностяхъ. Увлекшись великодушіемъ, пророкъ открылъ ротъ и змѣя проскользнула!...

Упрекая Магомета въ томъ, что онъ лишилъ ее добычи, предоставленной ей въ пищу самимъ Аллахомъ, огорченная и голодная кошка, опустивъ голову, удалилась въ кусты, а пророкъ предложилъ змѣѣ выйти вонъ изъ даннаго ей убѣжища. Змѣя, вмѣсто послушанія, заплатила Магомету измѣною и самою черною неблагодарностью: она, находя, что жить во внутренностяхъ пророка и удобно и безопасно, отказалась возвратиться на сей превратный свѣтъ, утверждая притомъ весьма логично, что,

---

[1]) Въ 30 ст. 22-й гл. Корана сказано: «Положите предѣлъ небрежности въ отношеніи вашей наружности». Толкователи полагаютъ, что этимъ стихомъ Магометъ внушаетъ: брить бороду, стричь ногти, и проч. Въ 27 ст. 48-й гл. говорится: «Вы войдете въ священный домъ молитвы съ бритой головой и коротко остриженными волосами.» Тутъ фанатики затруднились: борода и голова выбриты, какіе же волосы подстригать коротко? Они порѣшили: бороды не брить, а усы подстригать наравнѣ съ верхнею губою.

какъ человѣкъ считается всегда врагомъ всѣхъ пресмыкающихся, а въ особенности змѣй, то она необязана быть снисходительною къ человѣку.

Послѣ долгихъ преній, змѣя согласилась, наконецъ, выйти на свѣтъ, съ условіемъ, чтобы великій пророкъ далъ ей полакомиться однимъ изъ членовъ его тѣла. Уступая необходимости, Магометъ предложилъ на съѣденіе мизинецъ правой руки. Змѣя жадно высунула свою голову и половину туловища изъ рта пророка и уже впилась въ злосчастный палецъ, какъ появившаяся въ этотъ моментъ, подстерегавшая въ кустахъ добычу кошка схватила въ свои когти измѣнницу, вытащила ее на землю и черезъ мгновеніе змѣи не существовало! Въ изъявленіе благодарности, пророкъ нѣсколько разъ погладилъ кошку рукою по спинѣ, вслѣдствіе чего, какъ бы вы ни бросали ея высоко вверхъ, она никогда не упадетъ на спину, но на ноги.

Затѣмъ, раненый и обиженный мизинецъ униженно заявилъ пророку жалобу, почему именно онъ, изъ числа другихъ членовъ Магомета, былъ предоставленъ на съѣденіе? Пророкъ, считая справедливымъ оказать обиженному вознагражденіе и доставить утѣшеніе, украсилъ его колечкомъ, котораго не снималъ никогда.

— Въ нашей странѣ есть особаго рода змѣи, сказалъ мнѣ однажды въ бесѣдѣ одинъ изъ пресловутыхъ алимовъ.

— Какія же это змѣи въ Дагестанѣ? спросилъ я.

— Есть змѣи длинныя, которыя, зацѣпившись за дерево однимъ концомъ, обкручиваютъ ногу буйвола, притягиваютъ его къ себѣ и потомъ душатъ!... Объ нихъ говорится въ нашихъ книгахъ...

— Ну ужъ извините! такихъ змѣй не только въ Дагестанѣ, но и во всемъ Кавказѣ нѣтъ!

— Нѣтъ, есть, я это знаю, стоялъ на своемъ алимъ.

— Въ какомъ же мѣстѣ?

— Есть въ Улли-Калѣ, есть въ Могохѣ...

— Помилуйте! я цѣлый годъ жилъ въ Улли-Калѣ и около Могоха, и не только не видѣлъ подобныхъ змѣй, но и не слышалъ объ ихъ существованіи!...

— Повѣрьте, что есть; онѣ просто утаскивали самыхъ огромныхъ буйволовъ, твердилъ старикъ.

— Да у васъ въ Дагестанѣ и буйволовъ-то нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? оспаривалъ мой собесѣдникъ: у умама была буйлица, у эфендія Джамалъ Эддина была буйлица, у Даніель Бека...

— Далеко же змѣямъ-душителямъ было рыскать изъ Могоха въ Дарго и Ирибъ за этими тремя буйволицами, сказалъ я раз-

смѣявшись, и спросилъ алима, вѣрующаго всему написанному неопредѣленно въ книгахъ арабскихъ, видѣлъ ли онъ самъ лично своихъ змѣй?

— Нѣтъ, я не видѣлъ, но мнѣ говорили! отвѣчалъ онъ.....

— Квартируя въ Дженгутаѣ — началъ я разсказъ — и находясь однажды на вечеринкѣ (былкха), гдѣ было много женщинъ, моя хозяйка Бакай разсказывала, что въ пустомъ домѣ за ханскимъ дворцомъ поселились черти.

— Ты ихъ сама видѣла? спросилъ я.

— Нѣтъ, я сама не видѣла, но видѣла Айхали...

— Не я, видѣла Туту-кушъ! отозвалась Айхали.

— Нѣтъ, я не видѣла, а видѣла Девлетъ-кизъ...

— Іохъ! іохъ! я не видѣла: мнѣ говорила Манаша и такъ далѣе....

— Вѣроятно, такой же результатъ былъ бы по справкамъ о вашихъ змѣяхъ, сказалъ я высоко-ученому алиму.

Обрядъ наименованія новорожденныхъ—слѣдующій: младенца, уложеннаго на большой бѣлой подушкѣ и покрытаго бѣлымъ одѣяльцемъ, отецъ передаетъ на колѣни муллѣ, который, нагнувшись къ дитяти, поётъ ему въ правое ухо, составляющія символъ вѣры слова: «Ля иль Алла-иль Алла-Магометъ расуль Алла!» затѣмъ, перевернувъ младенца, поётъ ему тоже въ лѣвое ухо, каждый разъ троекратно.

— Какое имя желаешь дать своему дитяти? спрашиваетъ мулла у отца, присовокупляя, что у пророка ихъ, Магомета, были дочери: Аминатъ, Фатимаѣъ, Написатъ, Умма-гульсумъ и Заидатъ.

— Умма-гульсумъ! выбираетъ отецъ.

Затѣмъ мулла, нагнувшись къ лицу младенца, подувъ направо и налѣво, кричитъ надъ нимъ троекратно: «Ей! Умма-гульсумъ! Ля иль Алла-иль Алла, Магометъ расуль Алла!» и передаетъ наименованное дитя отцу. Надъ мальчикомъ-младенцемъ производится такой же точно обрядъ, а потомъ, когда онъ будетъ въ состояніи произносить слова: Ля-иль Алла — обрѣзаніе. Какъ у насъ имя Иванъ, такъ у мусульманъ имя Магометъ встрѣчается чаще другихъ именъ. Женщины въ обрядахъ наименованія младенцевъ не участвуютъ. Обрѣзанія Коранъ не предписываетъ: оно производится на основаніи «суннета», то-есть богословскихъ преданій. Въ 49-й главѣ Корана, стихъ 11-й говоритъ: «Не безчеститесь между собой, не давайте себѣ прозвищъ»; вѣроятно, Магометъ подразумѣвалъ ругательныя прозвища, но алимы, истолковавъ это по-своему, запретили родителямъ давать дочерямъ любимыя женщинами имена, какъ, напримѣръ: Ма-

наша (фіалка), Гюль-кизъ (дѣвица-роза), Туту-кушъ (попугай), Девлетъ-канъ (богатая кровь), и т. п.

Между мусульманами существуютъ три присяги: 1) обыкновенная клятва, съ непремѣнною оговоркою — «если Богъ дастъ», состоитъ изъ словъ: «валлаги, биляги, талаги», въ родѣ нашей: клянусь Богомъ, или ей-Богу; 2) тройная клятва: «талакамъ», относящаяся собственно до женъ; если мужъ при обѣщаніи скажетъ: «клянусь тѣмъ, что твоя спина будетъ для меня спиною моей матери», — и не исполнитъ обѣщаннаго, то жена, безъ развода, можетъ его покинуть; 3) клятва «отреченія»; она сильнѣе другихъ и формула ея слѣдующая: «Если я напредъ того-то не сдѣлаю, или того-то не исполню, то отрекаюсь отъ силы и могущества божьяго и вступаю въ свою собственную силу!» [1]).

У мусульманъ, слова: «сеидъ» и «ханъ» означаютъ степень происхожденія: сеидами называются потомки пророка Магомета (Завиль-Курба), ханами—удѣльные владѣтели нѣкоторыхъ территорій — аристократы мусульманскаго міра. Слова: сеидъ и ханъ, употребляются, также какъ прилагательныя къ именамъ собственнымъ; такъ напримѣръ: человѣкъ простого происхожденія можетъ называться: Сеидъ-ирза, Али-ханъ, Амиръ-ханъ, вмѣсто: Ирза, Али, или Амиръ. Незнавшіе этой тайны кавказскіе сановники, въ видахъ привлеченія къ себѣ аристократовъ, пользующихся вліяніемъ въ народѣ, при распредѣленіи наградъ, нерѣдко ошибались въ обиду достойныхъ поощренія демократовъ.

Вотъ, по подобному случаю разговоръ, веденный мною съ милиціонерами, изъ горцевъ офицерами.

За одну изъ удачныхъ экспедицій воспослѣдовали награды.

— Кто получилъ награду? спросилъ меня поручикъ Али-кличъ.

— Али-ханъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, отвѣчалъ я.

— А намъ ничего не вышло? спросилъ прапорщикъ Кази.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я лаконически.

— Али-ханъ счастливъ тѣмъ, что носитъ названіе Али-ханъ,

---

[1]) Достоинство мусульманской клятвы опредѣляется 91 стихомъ 5-й гл. Корана: «Богъ не наказываетъ васъ за промахъ въ вашихъ рѣчахъ, но накажетъ за нарушеніе обѣщанія. Очищеніемъ такого нарушенія будетъ пища 10-ти бѣднымъ, или освобожденіе невольника; кто не въ состояніи исполнить этого возмездія, будетъ поститься 3 дня. Таково очищеніе вашихъ нарушенныхъ присягъ!» Замѣчательно толкованіе алимовъ 43-го стиха 38-й главы Корана, принятое къ руководству: Іовъ въ горячахъ поклялся — дать своей женѣ за какую-то вину 100 ударовъ, но потомъ сообразилъ, что жена наказанія не заслужила. Богъ повелѣлъ ему взять пучекъ травы и высѣчь жену: такимъ образомъ онъ исполнилъ клятву. Коранъ дозволяетъ такъ исполнять клятвы, данныя безразсудно, или при нежеланіи исполнить ихъ. Относительно клятвъ, 2-й ст. 66-й гл. Корана говоритъ: «Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши обѣщанія. Онъ вашъ покровитель.»

а не просто Али; — родители его умно поступили, давъ ему подобное имя!... Начальство, продолжалъ желчно и подъ вліяніемъ зависти поручикъ, читая въ наградномъ спискѣ имена: Кази, Исмаилъ, Али-ханъ, и думая, что первые по происхожденію — плебеи, а послѣдній — ханъ, конечно, не затруднится рѣшеніемъ предпочесть хана простому узденю!...

Мнѣ случилось однажды имѣть разговоръ съ молодымъ алимомъ, позволившимъ себѣ поліберальничать.

— Аллахъ — сказалъ онъ — передавалъ правила нашего закона архангелу Гавріилу (Джабраиль), Гавріилъ — пророку Магомету, Магометъ — четыремъ халифамъ: Абу-Бакару, Омару, Осману и Али, халифы — четыремъ богословамъ: Шафи, Ганафи, Мелику и Ханбали, а послѣдніе — мусульманскому народу, которому оставили къ руководству книги: «Суннетъ» и «Гадисъ», принявшія силу закона. Пророкъ Магометъ сказалъ, что эти четыре, указанныя богословами дороги, вѣрны; кто будетъ слѣдовать не отступая отъ нихъ, тотъ истинно правовѣрный мусульманинъ. Не могу понять, отчего же преданія этихъ четырехъ богослововъ, по многимъ предметамъ, говорятъ розно; такъ напримѣръ: Ганафи говоритъ, что, дотронувшись до женщины хотя бы однимъ пальцемъ, чистота къ молитвѣ испортится, а Шафи утверждаетъ, что нѣтъ; Ганафи позволяетъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, а Шафи положительно запрещаетъ, и, за несоблюденіе этого запрещенія, опредѣляетъ тѣлесное наказаніе. По моему мнѣнію, было бы лучше придерживаться установленій одного изъ четырехъ богослововъ...

— Всѣ ваши имамы и высшее духовенство — сказалъ я — предпочитаютъ лучшимъ руководствоваться четырьмя книгами, нежели одной, — вотъ, напримѣръ, ты человѣкъ съ протекціей напился пьянъ, тебя требуютъ къ отвѣту. Мулла роется въ книгахъ и объявляетъ, что какъ имамъ Ганафи пить вино позволяетъ, то, слѣдовательно, ты не подлежишь наказанію. Вслѣдъ за тобою приводятъ въ судилище другого пьянаго человѣка, неимѣющаго ни протекціи, ни денегъ для взятки. Мулла опять роется въ книгахъ и объявляетъ, что какъ имамъ Шафи пить вино запрещаетъ, то виновнаго должно высѣчь!... По моему мнѣнію — прибавилъ я — «шіиты», которыхъ вы, сунниты, такъ не любите, дѣлаютъ отлично, руководствуясь только установленіями одного халифа Али — сына Абу-Талиба...

— Шіитовъ, сказалъ мой собесѣдникъ, мы не признаемъ правовѣрными мусульманами, точно также не любимъ ихъ, какъ не любимъ огнепоклонниковъ (меджюсы), поклоняющихся идоламъ

и портретамъ (сенамъ), евреевъ (джугутъ) отступниковъ отъ магометанской вѣры (муртатъ)...

— И признающихъ Бога, въ трехъ лицахъ (кяфуръ, или мушрикъ), то-есть насъ христіанъ, заключилъ я.

Собесѣдникъ мой улыбнулся.

Участки, или наибства средняго Дагестана управляются наибами изъ туземцевъ, имѣющими и неимѣющими офицерскихъ чиновъ; они нынѣ, съ состоящими при нихъ мирзами (письмоводителями), получаютъ отъ правительства въ жалованье до 700 руб. сер. въ годъ. Для исполненія порученій, при каждомъ наибѣ состоитъ 6 конныхъ всадниковъ изъ рядовъ постоянной милиціи, получающихъ жалованья по 120 руб. сер. въ годъ каждый. Сельскіе старшины (бегоулы), старосты (карты) и десятскіе (чауши) жалованья отъ казны не получаютъ, довольствуясь частью взыскиваемыхъ съ жителей за провиненія штрафовъ. При настоящемъ управленіи, они назначаются въ должности по выбору обществъ или мѣстнаго окружного начальника; прежде же мѣста эти переходили между болѣе значительными и вліятельными въ обществѣ фамиліями (тохумами) наслѣдственно. Чауши, вступая въ должность, вооружаются длинными, толстыми палками, означающими власть исполнительную. Сельскіе муллы, или кадіи, избираются обществами на опредѣленный срокъ; вмѣсто содержанія, имъ отводится, съ согласія обществъ, земля для посѣвовъ, или же собирается отъ жителей зерно, мѣрою до одной сабы, съ двора. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана, сельскія общества надѣляютъ излишнею землею тѣхъ односельцевъ, у которыхъ есть семь сыновей.

Предписанный религіею ежегодный сборъ десятины (закятъ) со всѣхъ произведеній земли и другой собственности, въ пользу сиротъ и неимущихъ, исполняется жителями въ точности: раздѣлъ производится или кадіями, или самими хозяевами-приносителями, что послѣднимъ, по ихъ врожденной подозрительности и недовѣрчивости, болѣе нравится. Порядокъ взноса «закята» слѣдующій: десятину даетъ хозяинъ, собравшій съ полей зерна болѣе 50 сабъ, то-есть, съ 60-ти сабъ 6, съ 70-ти 7, и т. д. Съ 30-ти штукъ быковъ, коровъ и телятъ — 1 штуку. Съ 40 до 100 барановъ — одного, съ 101 до 200 — двухъ, съ 201 до 499 — трехъ, и такъ далѣе. Изъ собираемой при Шамилѣ десятины, 4-я часть отдѣлялась въ казнохранилище имамата (байтуль-малъ), на покрытіе военныхъ расходовъ.

Жители, занимающіеся овцеводствомъ, при перегонѣ своей баранты черезъ дороги, прилегающія къ чужимъ покосамъ и пастбищамъ, взносятъ хозяину ихъ, за прогонъ или за ночлегъ, опре-

дѣленную дань: баранами, ягнятами (иркъ), масломъ, или сыромъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ взимается подобная же дань и за перегонъ стадъ черезъ мосты. Чобаны, или койджи, то-есть пастухи, содержатъ, при своихъ стадахъ, большое число собакъ крупной породы.

Внутренняя торговля въ среднемъ Дагестанѣ незначительна; она состоитъ въ сбытѣ: хлѣба, масла, овечьяго сыру (пиндыръ), фруктовъ, кожъ и оружія. Произведенія эти сбываются на мѣстѣ пріѣзжимъ торговцамъ и въ войска, въ краѣ расположенныя, или же доставляются для продажи въ укр. Темиръ-Ханъ-Шуру, уроч. Дашлагаръ и даже въ г. Дербентъ. Продажею водки, торговлею мелочными колоніяльными и красными товарами занимаются пріѣзжіе торговцы — армяне и частью зажиточные жители наибствъ Чохскаго и Согратлинскаго, къ чему послѣднихъ пріучили ихъ сосѣди кази-кумухцы, ведущіе значительную торговлю съ закавказскимъ краемъ.

Въ среднемъ Дагестанѣ есть селенія, славящіяся своими произведеніями; такъ, напримѣръ, Гунибскаго округа, селенія: Араканы и Унцукуль — выдѣлкою холоднаго оружія и трубокъ деревянныхъ, изящно украшенныхъ металлическою насѣчкою; сел. Чохъ и Согратль — серебряныхъ вещей и оправою оружія въ серебро подъ чернью (тамъ есть даже часовой мастеръ-самоучка); селеніе Салты — сыромятныхъ кожъ и сафьяновъ изъ овечьихъ шкуръ; селеніе Ругджа — сѣдельныхъ орчаковъ; селенія Андійскаго округа — выдѣлкою бурокъ; и, наконецъ, Аварскаго округа, Боголяль — выдѣлкою азіатскихъ суконъ изъ верблюжьей и овечьей шерсти, преимущественно бѣлаго и желтовато-свѣтлаго цвѣта. Въ этихъ сукнахъ основа дѣлается изъ шерсти, съ примѣсью шелковыхъ хлопокъ, привозимыхъ жителями черезъ горы изъ Кахетіи и Грузіи. Цѣна этихъ, необыкновенно мягкихъ и легкихъ суконъ, довольно высокая: она доходитъ до 10 руб. сереб. за аршинъ. Впрочемъ, нужно сознаться, что ни одна отрасль промышленности, за исключеніемъ дѣланія вышеозначеннаго сукна и дубленія овечьихъ шкуръ, не получила здѣсь удовлетворительнаго развитія.

Посѣвныхъ мѣстъ немного: произрастаніе хлѣбовъ и травъ особенно хорошо только на низменностяхъ въ ущельяхъ и на покатостяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу. Южные склоны — песчаны и неплодородны. Впрочемъ, земледѣліе при урожаѣ, безъ неблагопріятныхъ случайностей, удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Въ среднемъ Дагестанѣ произрастаютъ: пшеница, магаръ (нѣчто среднее между пшеницею и рожью), ячмень, овесъ и просо. Овесъ засѣвается очень рѣдко, потому-что лошадей

здѣсь обыкновенно кормятъ ячменемъ. Изъ огородныхъ овощей: огурцы, дыни, арбузы, тыква, морковь, лукъ, чеснокъ, бобы, фасоль и кукуруза; изъ плодовъ: яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики, грецкіе орѣхи, шелковица, виноградъ, и проч. Плоды эти потребляются на мѣстѣ, продаются въ ближайшихъ городахъ и промѣниваются на другія произведенія земли, или домашняго издѣлія жителямъ тѣхъ селеній края, которые не имѣютъ садоводства. Ленъ и конопля разводятся въ небольшомъ количествѣ собственно для сбора сѣмянъ, употребляемыхъ при изготовленіи медоваго варенья (урбечь), по убѣжденію мѣстныхъ жителей—полезнаго для груди. Орѣховыхъ деревьевъ такое изобиліе, что жители рубятъ ихъ безъ сожалѣнія; самое толстое бревно, болѣе аршина въ діаметрѣ, можно купить за 4—5 руб., вслѣдствіе чего, въ Дагестанѣ нѣтъ другой мебели, кромѣ орѣховой. Въ Кази-Кумухскомъ округѣ, только въ одномъ сел. Курки имѣется нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ, но и тѣ плохого качества; огородовъ тамъ также нѣтъ — почва не совсѣмъ благопріятна для ихъ разведенія, а, по неизобильному количеству земли, обыватели предпочитаютъ засѣвать на ней хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что огородныхъ овощей они въ пищу не употребляютъ, а лукъ и чеснокъ доставляется имъ въ изобиліи изъ Аваріи и Дербента.

Главное занятіе горцевъ состоитъ въ устройствѣ, съ тяжелымъ трудомъ, нагорныхъ площадокъ, которыя орошаются искусно проводимою вверхъ изъ рѣкъ и родниковъ водою и даютъ хорошій урожай. Площадки эти дѣлаются слѣдующимъ образомъ: параллельно къ отлогой горѣ, выстраивается возможно длинная каменная на глинѣ стѣна, вышиною отъ одной до двухъ саженей и шириною въ $^1/_2$ сажени; затѣмъ пространство, до уровня стѣны засыпанное землею, взятою съ той же горы и утрамбованною, образуетъ площадь. Нѣсколько подобныхъ площадокъ, на одной горѣ уступами устроенныхъ, имѣютъ видъ ступеней лѣстницы.

Для торговыхъ и мѣновыхъ операцій существуютъ базары. Болѣе значительные въ Кази-Кумухѣ (гдѣ собирается нерѣдко до 4,000 человѣкъ), въ Чохѣ и Согратлѣ. Попытка учредить базары на Гунибѣ и въ Хунзахѣ не вызвала много охотниковъ-посѣтителей. На первыхъ порахъ, на базарахъ этихъ продавались огурцы, куры, яйца; было нѣсколько продавцевъ съ краснымъ товаромъ и оружіемъ, потерявшимъ нынѣ въ глазахъ миролюбиваго горца цѣну, но по отсутствію запроса на предметы предложенія, а, въ особенности, по неимѣнію мелкой монеты, гунибскій и хунзахскій базары вскорѣ прекратились. Въ настоящее

время, когда прежняя неудободостигаемая вершина Гуниба обратилась въ городокъ съ порядочнымъ населеніемъ военнаго элемента, чохскій и согратлинскій базары уступили мѣсто гунибскому.

Примѣръ евреевъ-туземцевъ, приходящихъ съ краснымъ товаромъ изъ Мехтулы и Шамхальства, возбудилъ и въ горцахъ охоту заняться подобнымъ же промысломъ. Получивъ безпрепятственно отпуски въ г. Кубу, Дербентъ и даже Шемаху, они привозятъ оттуда: ситецъ, нанку, бязь, бумажныя одѣяла, платки, шелковыя сырцовыя одѣяла, и продаютъ ихъ односельцамъ и сосѣдямъ, получая за провозъ съ рубля 25%.

Винодѣліемъ туземцы не занимаются; изъ остающагося отъ продажи винограда приготовляютъ хмѣльной напитокъ, называемый «джаба», и массу, похожую на медъ—«душабъ», употребляемую жителями въ пищу и, при разведеніи ея водою, въ питье (шербетъ). Самый лучшій по качеству виноградъ произрастаетъ въ сел. Гимрахъ и Могохѣ. Нѣкоторые мусульмане, взамѣнъ джабы, предпочитаютъ дѣлать изъ винограда вино, но, чтобы не отступить отъ буквы шаріата, запрещающаго имъ пить непереваренное вино, они, на кувшинъ обыкновеннаго виноградаго соку, льютъ ложку или двѣ переваренаго, и дѣло—въ шляпѣ!...

Полакомившійся виноградомъ изъ своего собственнаго сада раньше опредѣленнаго для снятія его срока, подвергается непремѣнному штрафу, установленному адатомъ. Заподозрѣнныхъ въ нарушеніи этого постановленія наибы сажаютъ въ яму, гдѣ держатъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится нѣкоторою повѣркою: ѣлъ ли онъ виноградъ неспѣлый, или нѣтъ?... Листья свѣжаго винограда употребляются въ пищу: въ нихъ завертываются клѣцки изъ сарачинскаго пшена и варятся въ подливкѣ, составленной изъ воды, съ примѣсью необходимой пропорціи курдючаго сала и чесноку.

Кромѣ джабы, горцы приготовляютъ крѣпкіе напитки: буза или чаа—напитокъ, охмѣляющій порядочно, хотя вкусомъ похожій на квасъ. Густая буза, не разведенная водою, называется бокача; изъ нея составляется напитокъ, дозволенный религіею, потому-что, будучи разведена большою пропорціею воды, она не охмѣляетъ потребителей. Жидкость эта, какъ полагать должно, по своему количеству воды, носитъ три названія: андаракай, наксума и тлимча. Приготовленіе бокачи совершается по слѣдующему способу: въ котелъ воды крошатся чуреки, спеченные изъ пшеничной муки въ родѣ блиновъ (сура); когда вода перекипитъ, опускается въ нее ячменный солодъ (салатъ, или тый) и, наконецъ, изъ пересушенной въ печкѣ пшеницы—мука (коутъ).

Чѣмъ бо́льшая пропорція солоду, тѣмъ бокача бываетъ крѣпче. Жители Аваріи, сел. Голотль, начали гнать фруктовую водку и продавать ее по 20 коп. за бутылку; но мусульмане, позволяющіе себѣ отступать отъ запрещеній шаріата, предпочитаютъ имѣть за эту цѣну хлѣбную водку, которую именуютъ аракъ и сыпиртъ, и пьютъ не иначе, какъ стаканами — невоздержно!...

Шелковичныхъ деревьевъ мало, и добываемый изъ нихъ, въ маломъ количествѣ и низкаго качества, шелкъ-сырецъ, едва удовлетворяетъ домашнимъ потребностямъ хозяекъ, которыя всѣ безъ исключенія шьютъ шелковыми нитками. Приторныя ягоды шелковицы (тутъ), имѣющія видъ бѣлой и темнокрасной малины — любимый фруктъ туземцевъ. Разведеніемъ табаку жители стали заниматься съ прекращеніемъ ученія мюридизма, навязываемаго имъ бывшими имамами, которые охотнѣе налегали на исполненіе обрядовъ, предписанныхъ богословами, нежели самимъ Кораномъ, несравненно менѣе стѣснявшимъ жизнь магометанъ.

Въ топливѣ—ощутительный недостатокъ: есть кое-гдѣ сосновые и березовые лѣса, но далеко не въ такомъ количествѣ, чтобы они могли на долгое время обезпечить войска и мѣстное населеніе топливомъ, особенно при совершенно безпорядочной рубкѣ этихъ лѣсовъ; раздѣлить ихъ на участки, рубить ихъ по-очереди, давъ первому время отрасти, когда дойдетъ очередь до вырубки послѣдняго участка,—подобная метода горцамъ незнакома. Болѣе обширные лѣса составляютъ угодья обществъ селеній: Игали, Чохъ, Боцада, Гонода, Ратлу-Ахвахъ, и проч. Сплавъ лѣса по рѣкѣ Кара-Койсу сдѣлался возможенъ, со взрывомъ пороговъ, изъ Боцадинскаго и Кулинскаго лѣсовъ—къ Гунибу и, по рѣкѣ Аварское-Койсу, изъ Ратлу-Ахвахскаго лѣса—къ с. Голотлю и Кородахскому мосту. Только взрывомъ пороговъ и учрежденіемъ сплавки, съ необходимою постройкою боннъ, можно было избѣжать огромныхъ для казны издержекъ по заготовленію для войскъ и управленій топлива и строевого лѣса для возведенныхъ на Гунибѣ и около Кородинскаго моста построекъ казенныхъ зданій. Одинъ брусъ, длиною 4—5 саженей и толщиною 4 вершка, доставленный отъ Темиръ-Ханъ-Шуры изъ Агачъ-калинскаго лѣса—на Гунибъ, обходился первоначально 16 руб.; сплавляемый же впослѣдствіи, подобный брусъ, съ поставкою его на Хубитль, стоилъ не болѣе 4 руб., а на Кородинскій мостъ и того меньше. Идея сплавки лѣсного матеріяла принадлежитъ генералу И. Д. Лазареву.

Доставка дровъ, на коммерческомъ правѣ, обходится непомѣрно дорого: ни одинъ подрядчикъ, даже въ настоящее время, при существованіи еще въ краѣ скудныхъ лѣсовъ, не согласится

доставлять ихъ дешевле 30 руб. сер. за сажень, — на болѣе же отдаленные пункты расположенія управленій и гарнизоновъ, операціи этой никто не приметъ на себя ни за какую цѣну. Предпринятая генераломъ Лазаревымъ сплавка лѣсного матеріяла на возможные пункты сократила огромную перевозку, по ограниченности перевозочныхъ средствъ, весьма трудную для жителей, и, главное, доставила возможность сбереженія скудныхъ лѣсовъ въ другихъ мѣстахъ края. Независимо отъ явныхъ выгодъ, производство сплавки, посредствомъ мѣстныхъ жителей, за опредѣленную имъ плату, въ нравственномъ отношеніи весьма полезно для края: мѣра эта пріучаетъ народъ къ трудолюбію и даетъ ему понять, что безъ грабежа и разбоя, сопровождавшихъ бытъ мюридовъ, можно честнымъ трудомъ обезпечить свое существованіе и быть хорошимъ, полезнымъ гражданиномъ.

На предложенный мнѣ вопросъ (газета «Кавказъ», № 29-й 1860 г.): какимъ образомъ гергебильскіе и другіе жители вновь покореннаго края, впродолженіе многихъ лѣтъ окруженные всѣми невыгодами военнаго положенія края, при скудости лѣсовъ, довольствовались топливомъ?—отвѣчу слѣдующее: не говоря о тѣхъ селеніяхъ, вблизи которыхъ нѣтъ вовсе ни лѣсовъ, ни кустарниковъ, гдѣ топливомъ служатъ кизяки, около многихъ селеній, въ томъ числѣ и около Гергебиля, есть горы, вершины которыхъ, доступныя лишь для привычныхъ ногъ туземцевъ, покрыты кустарникомъ и тощею сосною. Добываніе тамъ дровъ для войскъ и управленій сопряжено съ трудомъ и опасностью — туземецъ же съ эшакомъ вскарабкается туда свободно. Годовая пропорція дровъ, заготовляемыхъ жителями для 300 семействъ, соотвѣтствуетъ почти количеству дровъ, потребному для батальона; притомъ, у горцевъ, которые большею частью довольствуются сухою пищею — кусочкомъ сыра или курдючаго сала и лепешкою изъ кукурузной муки (мучари) или, что̀ уже роскошь — изъ пшеничной, — служатъ для варенія пищи: стебли отъ кукурузы, бурьянъ, комокъ засушенаго навоза и даже саманъ (мякина). Лишь въ исключительные дни, для приготовленія хинкала — клёцекъ изъ пшеничной муки на водѣ съ курдючимъ саломъ и чеснокомъ — потребуется хозяйкѣ одно-другое полѣнцо дровъ — и только! Лѣтомъ и зимой, въ каминахъ всегда находится большой древесный пень, добытый въ лѣсу хозяиномъ, тлѣющійся днемъ и ночью около недѣли. Такой огонь поддерживается для того, чтобы иногда, раздувъ его, погрѣть руки и достать хозяину или гостю уголекъ для трубки. Хотя вся публика всегда помѣщается въ кружокъ около камина, но дверь въ комнату со двора весь день бываетъ отперта. На обязанности хозяекъ лежитъ гряз-

ное занятіе собиранія, въ полѣ и по улицамъ, свѣжаго почти навоза, который онѣ потомъ, съ примѣсью воды превративъ въ мягкій комокъ, налѣпливаютъ на обращенныя къ солнцу стѣны своихъ домовъ и конюшенъ, для просушки.

Мѣсторожденія каменнаго угля — въ Гунибскомъ округѣ, на уроч. Анада-майданѣ, между сел. Боцадою и Шуляйны, а горючаго сланца—близъ Кородинскаго моста; торфъ, находящійся около Кази-кумухской крѣпости, на уроч. Турчи-дахѣ въ Аваріи, при с. Батлухѣ и на уроч. Чара-майданѣ, между хребтами горъ Тала-кора и Инчара близъ с. Хунзаха, равно и кизяки послужатъ важнымъ подспорьемъ для топлива; и, быть можетъ, Аварія, съ разработкою торфа, будетъ обезпечена своимъ собственнымъ горючимъ матеріяломъ. По возложенному генераломъ Лазаревымъ на маіора Каменева изслѣдованію оказалось, что на Чара-майданѣ толщина торфянаго слоя, начиная съ четверти, доходитъ до одного аршина; по приблизительному вычисленію, площадь торфяного болота заключаетъ въ себѣ до 9,000 квад. саженей. Добываніе торфа въ Кази-кумухскомъ округѣ имѣетъ самые выгодные для казны результаты, чего нельзя сказать ни о каменномъ углѣ, ни о горючемъ сланцѣ, обходящихся черезъчуръ дорого. Неоднократные опыты надъ употребленіемъ горючаго сланца, для варенія пищи, печенія хлѣба, выжиги извести и кирпича, не привели къ окончательному о пользѣ или безполезности этого горючаго матеріяла заключенію, хотя, для опытовъ надъ нимъ, были изобрѣтаемы спеціалистами и неспеціалистами различныя печи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что сланцовый дымъ, отравляя воздухъ, имѣетъ вредное вліяніе на дыхательные органы, а пламя его значительно сокращаетъ срокъ служенія мѣдной и чугунной посуды.

Измѣнившіяся обстоятельства Дагестана, дѣлая воинственнаго горца мирнымъ гражданиномъ, сами собою доказали истину, что, при настоящемъ положеніи края, вооруженіе потеряло свое значеніе, и что тратить деньги и время на покупку и уходъ за оружіемъ нѣтъ надобности. Теперь большая часть жителей совершаетъ свои странствованія—съ единственнымъ кинжаломъ на поясѣ, безъ ружья, пистолета и шашки. Исподволь привыкая къ труду, до 3,000 дагестанцевъ ежегодно отправляются лѣтомъ въ г. Кизляръ и Дербентъ на заработки.

Жители средняго Дагестана характера вообще не злобнаго, безъ особеннаго фанатизма религіозны и весьма склонны къ повиновенію; испытавъ деспотизмъ имамовъ и ихъ сановниковъ, они умѣютъ цѣнить кроткое и разумное управленіе русскихъ офицеровъ. Число преступленій не можетъ служить ни мѣриломъ,

ни упрекомъ нравственности народа, потому-что убійство по кровомщенію (канлу — vendetta) между мусульманами, по духу ихъ религіи не считается преступнымъ, а воровство, по народнымъ тенденціямъ, есть скорѣе признакъ удальства и ловкости, нежели порокъ. Въ послѣднее время, вліяніе людей образованныхъ замѣтно измѣнило эти понятія и смягчило нравы. Реформы, постепенно вводимыя управленіями вновь покореннаго края, значительно уменьшили преступленія. Постановленіе, чтобы, въ случаѣ неоткрытія виновныхъ въ грабежѣ, убійствѣ, воровствѣ и т. п. преступленіяхъ, отвѣтственность падала на цѣлое общество того селенія, въ которомъ, или вблизи котораго случилось происшествіе — послужило дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію преступленій, которыя сами жители, въ видахъ соблюденія своихъ интересовъ, стали преслѣдовать, отказываясь скрывать грабителей, убійцъ и воровъ. Дѣла объ убійцахъ и пораненіяхъ, по кровомщеніямъ, большею частью рѣшаются по адату, который, съ паденіемъ шаріата, возвратилъ себѣ силу закона; впрочемъ, за вторичное совершеніе убійства по кровомщенію, подобно какъ за убійство съ цѣлью грабежа, виновные судятся по русскимъ уголовнымъ законамъ. То же наблюдается и по политическимъ преступленіямъ.

При каждомъ окружномъ управленіи имѣется народный судъ (дыванъ), для гласнаго разбора жалобъ и тяжебныхъ дѣлъ между жителями и рѣшенія спорныхъ дѣлъ: по бракосочетаніямъ, разводамъ, наслѣдствамъ, завѣщаніямъ и опекамъ надъ сиротами, по шаріату, т. е., по правиламъ духовнымъ, и для рѣшенія другихъ дѣлъ гражданскихъ — по адату, т. е., по обычаю. Къ разбору и рѣшенію дѣлъ судъ приступаетъ только послѣ совѣта примириться (маслягатъ). Въ штатѣ суда, въ которомъ окружной начальникъ, или его помощникъ бываетъ предсѣдателемъ, по выбору обществъ на двухгодичный срокъ, назначаются: окружной кадій и отъ каждаго наибства по одному гласному, или депутату, изъ числа почетнѣйшихъ, пользующихся общимъ довѣріемъ избирателей-согражданъ. Два переводчика, письменный и словесный, опредѣляются къ должностямъ по выбору начальства. Годовое денежное содержаніе, опредѣленное отъ казны чинамъ суда, слѣдующее: кадію или муллѣ 300, депутатамъ и письменному переводчику по 250, и словесному переводчику 100 р. с. Содержаніе, сообразно съ образомъ жизни получателей, весьма достаточное! Для рѣшенія подлежащихъ разбору этого суда дѣлъ, собраны къ руководству свѣдѣнія о существующихъ въ каждомъ обществѣ, по преданіямъ, адатахъ, и внесены въ книгу, хранящуюся при управленіи, вмѣстѣ съ книгою, для записыва-

нія послѣдовавшихъ рѣшеній. Въ послѣднюю изъ нихъ вносятся: на одной страницѣ—сущность предъявленной жалобы, или иска, а на другой — послѣдовавшее по нимъ рѣшеніе, съ котораго копія выдается сторонѣ, выигравшей дѣло; затѣмъ имена истца и отвѣтчика вносятся въ особую алфавитную книгу. Такъ-какъ мѣстные обычаи, большею частью, несовременны и нелѣпы, то окружные начальники нерѣдко рѣшаютъ жалобы и спорныя дѣла по внутреннему убѣжденію; подобными рѣшеніями жители остаются довольны, и, впослѣдствіи, рѣшенія эти имѣютъ силу адата, принимаемаго къ руководству.

Всѣ, постановляемыя въ судѣ, по жалобамъ и искамъ жителей рѣшенія, записываются письмоводителемъ въ подлежащія книги, или настольные журналы, и скрѣпляются подписями: истца, отвѣтчика, свидѣтелей, предсѣдателя и тѣхъ членовъ суда, которые лично участвовали въ рѣшеніи дѣла. Правило это введено потому, что жители Дагестана, какъ и всѣ мусульмане, имѣютъ привычку, особенно при перемѣнѣ начальниковъ, возобновлять жалобы, давно рѣшенныя.

При управленіяхъ и судахъ служатъ, съ большою пользою, военные переводчики изъ уроженцевъ Земли Войска Донского, воспитанники ново-черкасской школы восточныхъ языковъ; они во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ далеко выше большей части тѣхъ переводчиковъ изъ туземцевъ Кавказа, которыхъ г. Вердеревскій, въ сочиненіи своемъ «Плѣнъ у Шамиля», назвалъ органами правительства.

Каждая возникшая жалоба или тяжба поступаетъ первоначально на обсужденіе и рѣшеніе джамаата—общества сельскихъ старшинъ и почетныхъ стариковъ; если они сами не успѣютъ примирить тяжущихся, тяжущіяся стороны остаются недовольны ихъ рѣшеніемъ, или, если дѣло переходитъ за рамку ихъ власти, то жалоба переносится во вторую инстанцію — къ наибу, и затѣмъ, если и отъ послѣдняго тяжущіеся встрѣтятъ неправильность разбора, то поступаетъ на апелляцію въ окружной судъ, гдѣ оно утверждается, или кассируется. Рѣшенія, постановляемыя по разнымъ дѣламъ, подлежащимъ разбору наибовъ, и записываемыя въ имѣющуюся у нихъ на этотъ предметъ шнуровую книгу, контролируются въ окружномъ судѣ; такимъ же порядкомъ рѣшенія окружного суда подлежатъ контролю высшей инстанціи — областного народнаго суда.

Наказанія за преступленія и проступки и штрафы, опредѣленныя древнимъ адатомъ—не вездѣ одинаковы. Приведу въ примѣръ адатъ части Араканскаго, въ Гунибскомъ округѣ, наибства.

1) За убійство: все семейство убійцы подвергается кровомще-

нію, выходитъ въ канлу (vendetta). Въ теченіе трехъ лѣтъ движимое имущество этого семейства, при возможныхъ случаяхъ, конфискуется родными убитаго. Въ штрафъ поступаетъ 1 быкъ и на саванъ убитому — 1 лошадь. По истеченіи срока изгнанія, съ уплатою условленной суммы, можетъ состояться примиреніе, причемъ, возвратившееся на родину семейство обязано сдѣлать угощеніе родственникамъ и друзьямъ убитаго, на 50 человѣкъ. Убійца въ родное село никогда не возвращается. Древній обычай этотъ, постепенно смягчаясь, замѣнился слѣдующимъ правиломъ, дѣйствующимъ одинаково во всѣхъ обществахъ средняго Дагестана: убійца лично выходитъ въ изгнаніе и объявляется предметомъ кровомщенія, — между обоими, вступившими во вражду семействами, производится сходка (беты-гюрсетмага), и затѣмъ слѣдуетъ окончательное примиреніе и возвратъ убійцы на родину, при обстоятельствахъ, которыя опредѣляются въ данномъ случаѣ.

2) За сильное пораненіе при дракахъ: раненому 2 быка, туземному лекарю (хакиму) 1 быкъ, и продовольствіе имъ обоимъ до излеченія раны. Штрафу — 1 быкъ. За легкое пораненіе: раненому 1 баранъ и 2 сабы пшеницы, содержаніе лекарю и штрафу — 1 быкъ.

3) За соблазнъ дѣвицы, обвиненный выходитъ въ канлу на годъ; послѣ этого срока, совершается примиреніе посредствомъ бракосочетанія, или уплаты денегъ по условію, и угощеніе на 50 человѣкъ. За соблазнъ вдовы — канлу на 3 мѣсяца и такое же угощеніе при условленномъ примиреніи; штрафу въ обоихъ случаяхъ по 1 быку. Пойманный или заподозрѣнный въ преступной связи съ замужней женщиною мужчина въ канлу не выходитъ, но обязанъ примириться, по условію, съ неизбѣжнымъ угощеніемъ и заплатить штрафу 3 быка. Въ нѣкоторыхъ обществахъ подвергались подобнымъ наказаніямъ только женщины.

4) За уличенное воровство, кромѣ удовлетворенія обиженнаго, штрафу 3 быка, а съ остающихся въ сильномъ подозрѣніи — 1 быкъ. Адатъ этотъ замѣнился тѣлеснымъ наказаніемъ, арестомъ съ употребленіемъ на работы, и за неоднократное воровство — ссылкою во внутрь Россіи или на сровъ, или навсегда. За воровство, неимѣвшее послѣдствіемъ ссылки, виновный взноситъ штрафъ отъ 8 до 20 р., смотря по стоимости украденнаго.

5) За драку палками, камнями и вмѣшательство въ драку и ссору — штрафу 1 быкъ.

6) За нехожденіе по пятницамъ въ мечеть — штрафу, въ пользу мечети, 1 саба пшеницы, и съ недѣлающаго намазовъ, въ пользу наиба — 1 руб. Обычай этотъ, учрежденный во время

мюридизма, не соблюдается, потому-что наибу, въ видахъ личнаго интереса, не трудно было бы обвинять жителей въ недѣланіи намазовъ.

При взысканіи штрафовъ, предъявленный виновнымъ быкъ, какого бы онъ качества ни былъ, цѣнится въ 8 руб.; отъ виновнаго зависитъ внести штрафъ натурою, или деньгами, вслѣдствіе чего онъ, купивъ какого-нибудь одра за 3—4 р., презентуетъ его гг. судьямъ. Часть штрафныхъ быковъ поступала, по древнему адату, въ пользу сельскихъ обществъ; мясо съ быковъ раздѣлялось по числу дворовъ, кожа принадлежала картамъ (родъ сотскихъ), а одна ляшка доставалась тому, кто рѣзалъ быка; само собою разумѣется, что большею частью штрафовъ пользовались наибы. Только послѣ паденія имаматской іерархіи, наибамъ даны отъ нашихъ управленій особыя шнуровыя книги, для записыванія взыскиваемыхъ штрафовъ, и штрафныя деньги получили правильное распредѣленіе, именно: въ пособіе жителямъ, занимающимъ должности въ сельской управѣ безъ жалованья, и на общественныя потребности: устройство мостовъ, проведеніе проселочныхъ дорогъ, и т. п.

Кромѣ штрафовъ, о которыхъ говорилось выше, взыскиваются штрафы: за потраву полей, луговъ и огородовъ, и за похищеніе, изъ общественной водопроводной канавы, воды, раздѣляемой между жителями, для орошенія ихъ посѣвовъ, съ соблюденіемъ очереди. По поводу этихъ штрафовъ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ попался въ просакъ. Временно управляя однимъ мусульманскимъ населеніемъ и живя въ деревнѣ, онъ каждое почти утро, просыпаясь и заглядывая въ окошко, видѣлъ двухъ-трехъ быковъ, привязанныхъ къ балкону своего дома. По справкамъ оказалось, что это были быки, взятые въ штрафъ, выкупъ за которыхъ, по адату, долженъ составлять экстраординарный фондъ правителя!... Около полудня, являлась къ моему знакомому цѣлая толпа хозяевъ, а чаще хозяекъ съ дѣтьми, съ просьбами, сопровождаемыми плачемъ и челобитьемъ о прощеніи вины, уменьшеніи пени и возвращеніи быка. Весь сконфуженный такимъ скандальнымъ обычаемъ, и считая неприличнымъ званію русскаго штабъ-офицера публично торговаться и наживать подобнымъ образомъ деньги, мой знакомый всегда приказывалъ возвращать быковъ хозяевамъ, прося ихъ напредъ не оставлять скотины безъ присмотра и не прорывать ночью водопроводной канавы. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, было отпущено такимъ образомъ около 20 быковъ. При выѣздѣ на другую должность, явились къ моему знакомому четыре чауша (десятника).

— Предмѣстникъ вашъ—сказалъ одинъ изъ нихъ—опредѣ-

лилъ намъ изъ числа доставленныхъ въ штрафъ быковъ — десятаго быка....

— Ну такъ что же изъ этого? спросилъ мой знакомецъ, не догадываясь въ чемъ дѣло.

— Мы доставили вамъ 20 быковъ, поэтому намъ приходится на долю два быка.... или 12 рублей.

— Развѣ вамъ неизвѣстно, что я всегда возвращалъ быковъ хозяевамъ и не взялъ штрафовъ ни копѣйки?

— Это ваша начальническая воля, а намъ бѣднымъ людямъ получить свою часть слѣдуетъ!

Пожавъ плечами, знакомецъ мой бросилъ имъ изъ своего кошелька 8 рублей, не отдавая достальныхъ за то, что эти же самые чауши всегда бывали усердными, по привычкѣ мусульманъ, ходатаями — пощадить виновныхъ односельцевъ, которые, вѣроятно, не оставляли ихъ безъ благодарности.

Во время мюридизма, замѣченные въ неоднократныхъ преступленіяхъ жители, по власти, которою пользовались наибы, подвергались смертной казни, лишенію членовъ и другимъ истязаніямъ; оставшееся послѣ казненнаго имущество поступало въ ихъ пользу, и только впослѣдствіи часть имущества оставляема была дѣтямъ казненнаго. Тѣло убитаго за преступленіе жителя, привязанное къ позорному столбу, или брошенное съ кручи въ оврагъ, оставалось безъ погребенія. За побѣгъ къ намъ горцевъ, имѣніе перебѣжчиковъ конфисковалось въ пользу казначейства имамата и кармановъ его сановниковъ. При такомъ порядкѣ управленія, чѣмъ больше было преступленій и преступниковъ, тѣмъ это было выгоднѣе для правителей.

Даваемая мусульманами присяга, по слѣдственнымъ дѣламъ и другимъ случаямъ, не можетъ быть всегда доказательною, во-первыхъ потому, что присяга въ дѣлѣ противъ христіанъ, по убѣжденію фанатиковъ, считается дѣйствіемъ вынужденнымъ, и нарушеніе ея въ пользу своихъ единовѣрцевъ не грѣшно, а во-вторыхъ, что шаріатъ научаетъ ихъ къ каждой присягѣ неупустительно оговорить: «если это Богу угодно»; или: «если Богъ позволитъ»; такъ-что присягавшій, послѣ присяги, показавъ ложно, легко можетъ сослаться, что Богу было такъ угодно! Въ книгѣ законовѣдѣнія мусульманъ: «Мингачъ», съ толкованіемъ «Маали», находятся примѣры, какъ амириль-муминины, т. е., современники Магомета, правильно рѣшали споры между христіанами и мусульманами; но примѣрамъ этимъ дагестанскіе алимы не слѣдуютъ [1]).

---

[1]) Въ 5-й главѣ Корана, стихъ 91-й говоритъ мусульманамъ: «Очищеніемъ вашихъ нарушенныхъ обѣщаній, когда вы поклялись, будетъ пища десяти бѣднымъ, или осво-

Мясо скотины и птицы, зарѣзанной рукою христіанина, мусульмане не ѣдятъ, считая его пищею нечистою и запрещенною Кораномъ (харамъ); мясо тѣхъ же самыхъ животныхъ, зарѣзанныхъ мусульманиномъ, начавшимъ дѣло возгласомъ: «Бисъ милля рахманъ иррагимъ», т. е., во имя Бога всемогущаго и милосердаго — съ соблюденіемъ обряда, чтобы голова убиваемаго животнаго была обращена къ Меккѣ, считается пищею дозволенною (халяль), подобно тому, какъ у евреевъ есть мясо трефное и кошерное. Поэтому, всѣ служащіе по управленіямъ мусульманами русскіе офицеры, имѣя каждый день за своимъ столомъ гостей-мусульманъ, приготовляютъ кушанья изъ мяса скотины, зарѣзанной правовѣрною рукою и никогда не допускаютъ въ свое меню — свинины.

Послѣ покоренія Дагестана, нищихъ обоего пола, особенно въ Гунибскомъ и Аварскомъ округахъ, было множество; вдовы и сироты, мужья и отцы которыхъ пали въ прежнихъ противъ войскъ нашихъ дѣлахъ, или были казнены наибами, увеличивали ихъ число. Нѣкоторые изъ нихъ, почти умирая отъ голода, вымаливали у солдатъ нашихъ кусокъ чернаго хлѣба, или сухаря! Ощутительный недостатокъ продовольствія у жителей, въ 1859 году и въ началѣ послѣдующаго года, произошелъ оттого, что Шамиль, въ послѣднее время своего владычества, отвлекая населеніе для построекъ укрѣпленій и оборонительныхъ стѣнъ, по всевозможнымъ направленіямъ, и содержа почти постоянно въ сборѣ ополченіе, не давалъ жителямъ времени заняться хлѣбопашествомъ, даже въ такомъ размѣрѣ, чтобы обезпечить ихъ существованіе на одинъ годъ. Въ самое рабочее время — время посѣвовъ, покосовъ и уборки хлѣбовъ, дозволяемо было увольнять отъ похода на 20 дворовъ одного мужчину, который былъ обязанъ работать въ полѣ для каждаго двора поочередно, вмѣстѣ съ женщинами, оставшимися полными хозяйками этихъ дворовъ. Однимъ словомъ, Шамиль усердно придерживался буквы Корана, въ которомъ пророкъ Магометъ говоритъ: «собирай около себя массы войскъ и будь остороженъ!» Помощь, оказанная правительствомъ бѣднымъ жителямъ средняго Дагестана выдачею имъ 2,000 четвертей ржаной муки, выпускъ въ этомъ краѣ огромной суммы денегъ за произведенную жителями перевозку провіанта для войскъ, содержаніе, отпускаемое милиціонерамъ, сформированнымъ изъ мѣстнаго населенія и, наконецъ, щедрая плата за ма-

---

божденіе невольника. Кто не въ состояніи исполнить этого возмездія, будетъ три дня поститься». Послѣ этого можно судить о достоинствѣ каждой исполненной мусульманиномъ присяги....

лѣйшую услугу—все это дало горцамъ возможность мало по малу поправиться и привести въ порядокъ свои разстроенныя дѣла.

На урочищѣ Улли, Аракапскаго наибства, вблизи нашихъ укрѣпленій Ходжалъ-махи и Аймаки, была построена, съ разрѣшенія Шамиля, на самой выгодной для обороны скалѣ Гергебильскаго ущелья, крѣпость: Улли-кала (уллинская крѣпость, переименованная нами въ Уллу-кала — большая крѣпость). Сдача этой важнѣйшей въ Дагестанѣ имамской крѣпости генералу Лазареву гергебильскими жителями безъ боя, послѣдовала 24-го іюля 1859 года. Стѣны Улли-калы, по распоряженію начальства разбросанныя, опрокинуты, въ мартѣ мѣсяцѣ 1860 года, въ окружающую ихъ пропасть и рѣку. Такой же участи подверглись укрѣпленія въ селеніяхъ Чохѣ, Ирибѣ и оборонительныя стѣны въ разныхъ пунктахъ Дагестана. Сложенныя изъ камня на глинѣ прочно, аккуратно, окружавшія 300 дворовъ, стѣны Улли-калы, имѣли 4 въѣздныхъ воротъ, шириною и вышиною въ двѣ съ сѣдоками лошади. Ворота были защищаемы бастіонами и бойницами и вооружены девятью орудіями; коробки, створчатыя массивныя двери, съ крѣпкими желѣзными засовами, перемычки надъ воротами и бойницами—все это построено было изъ орѣховыхъ, грушевыхъ, яблочныхъ и тутовыхъ деревьевъ, срубленныхъ въ окружавшихъ разоренный Гергебиль садахъ. Скалистая, бугроватая и тѣсная мѣстность Улли-калы, трудность доставки воды изъ Кази-кумухскаго Койсу, рѣки, омывающей сѣверную подошву Улли, страшный холодъ зимой, нестерпимый зной и пыль отъ известковаго грунта лѣтомъ,—до-того прискучили жителямъ, что они, по разрѣшенію начальства, перенесли свои усадьбы и основали селеніе на платò, по сосѣдству съ прежнею своею осѣдлостью, находящеюся отъ урочища Улли въ верстѣ разстоянія, у самаго входа въ Аймакинское ущелье. Новое селеніе Гергебиль имѣетъ совершенно отличительный отъ другихъ селеній Дагестана характеръ: въ немъ нѣсколько правильныя улицы, просторъ и изобиліе воды, фруктовые сады, и водяныя мельницы подъ рукою. Жители съ удовольствіемъ приняли предложенный и начерченный нами планъ распредѣленія усадьбъ, такъ-что, въ сравненіи съ другими селеніями, Гергебиль — городокъ! Гергебильскія женщины, прежде слывшія красавицами, съ перемѣщеніемъ въ Улли потеряли свою красу, — нынѣ, возвратясь на старое пепелище, онѣ надѣются возстановить и прежнюю свою славу. Горцы вѣруютъ, что въ тѣхъ селеніяхъ, около которыхъ протекаетъ рѣка съ песчаными берегами, народъ бываетъ красивый. Гергебильцы, въ свою очередь, фаталисты, поселясь около песчанаго берега рѣки, разсчитываютъ и на фи-

зическую метаморфозу въ пользу своей красоты и на благодать будущей спокойной жизни, безъ военныхъ тревогъ, газавата и кровопролитія. Послѣдняя надежда ихъ основывается на извѣстномъ въ горахъ повѣрьи, предсказывающемъ: «что если Кавказъ, отъ береговъ Чернаго до Каспійскаго моря, подпадетъ подъ владычество одного царя, то въ немъ навсегда водворится миръ и спокойствіе.»

Дороги въ среднемъ Дагестанѣ были ужасны; колесныхъ дорогъ вовсе не было. Всѣ перевозки производились на вьючныхъ лошадяхъ и на эшакахъ, привыкшихъ везти вьюкъ по опаснымъ тропинкамъ, имѣвшимъ очень крутые спуски и подъёмы, проложеннымъ зигзагами по каменистой отвѣсной почти горѣ, у подошвы которой, саженей 50 внизъ, бушуетъ рѣка, переворачивая на своемъ днѣ огромные камни! На подобныхъ тропинкахъ, разъединенныхъ послѣ обрыва куска скалы, встрѣчаются переправы; горецъ понатыкаетъ въ стѣнки, имѣвшія всегда расщелины, кольевъ, перекинетъ четыре балки, размѣститъ ихъ на $^1/_4$ аршина другъ отъ друга, поверхъ балокъ накладетъ большихъ плоскихъ камней, заравняетъ мелкими, и воздушный, трепещущій мостъ — готовъ. Во время оно, изъ Гергебиля на Гунибъ, черезъ Салтинскую щель, которую прорѣзываетъ Каракойсу, были двѣ подобныя тропинки: одна изъ нихъ съ воздушными кривыми мостиками, другая—безъ мостиковъ; первая вела на Гунибъ кратчайшимъ путемъ, вторая, объѣздомъ, имѣла около 3 верстъ больше. Нынѣ проведенная казенная дорога, соединяющая укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру, уроч. Дашлагаръ, Кази-Кумухскій и Даргинскій округи съ Гунибскимъ и Аварскимъ, не смотря на то, что она проведена по гористымъ и прежде недоступнымъ мѣстностямъ, такъ хороша и удобна, что по ней вездѣ усиленнымъ аллюромъ можно ѣздить въ экипажахъ, рѣдко прибѣгая къ пособію тормозовъ. Жители средняго Дагестана, добровольно, за умѣренную плату, способствовали устройству мостовъ и проселочныхъ дорогъ, мечтая о скорой возможности—окончательно обзавестись арбами и тѣмъ улучшить мѣстныя перевозочныя средства; они поняли разсчетъ, что одна арба, съ тяжестью 25 пудовъ, замѣнитъ имъ 8 эшаковъ, для ухода за которыми въ пути, присмотра за вьюками и неизбѣжнаго подталкиванія этихъ полезныхъ, но до невѣроятія лѣнивыхъ тружениковъ, необходимо имѣть два человѣка, тогда-какъ съ арбою въ два быка, даже съ двумя арбами легко справиться одному погонщику. Для возбужденія ретивости въ эшакахъ, большая часть хозяевъ нарочно дѣлаетъ раны по обѣимъ сторонамъ хвоста этого бѣднаго животнаго; нахвостникъ, оконечности кото-

раго привязаны къ поперечной палочкѣ, самъ собою, при каждомъ шагу ударяя въ раны, подгоняетъ упрямаго лѣнивца!

Примѣръ общей дѣятельности въ краѣ заразителенъ,—женщины-лезгинки, въ свою очередь, усердно хлопочутъ о насѣдкахъ и огородахъ, разсчитывая нынѣ на хорошій сбытъ: цыплятъ, куръ, яицъ, огурцовъ и пр. Одни только мальчишки, не принимая участія въ трудахъ родителей, беззаботно бѣгая по улицамъ, рѣзвятся, или же, собравшись въ кружокъ на площадкѣ, отплясываютъ лезгинку подъ звуки гармоники, привезенной имъ изъ города въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ подарокъ. Во времена мюридскаго управленія, однажды разнесся слухъ, что гдѣ-то въ Дагестанѣ изъ яйца, бывшаго подъ насѣдкою, вылупилась ядовитѣйшая змѣя, вслѣдствіе чего, по разумному повелѣнію властей, всѣ курицы были перерѣзаны! Послѣ усиленныхъ просьбъ и ходатайствъ, разрѣшено было держать хозяйкамъ по одной куницѣ и на два двора — одного пѣтуха, съ опредѣленіемъ штрафа за увеличеніе, противъ нормы, куринаго населенія! Эта штука, вѣроятно, была придумана корыстолюбивыми наибами, ради предлога подвергать хозяекъ штрафамъ.

На переселочной дорогѣ отъ Кородинскаго моста, черезъ с. Готочъ въ Гунибъ, встрѣчается весьма замѣчательная, на протяженіи до 100 саженей, разсѣлина—естественный тоннель, пробитый теченіемъ воды; вышина его, съ отверзстіемъ, на верху въ сажень, въ промежуткѣ котораго живописно лежатъ два каменные шара, какъ бы угрожающіе ежеминутнымъ паденіемъ, простирается до 20 саженей. Русло рѣчки, съ дорогою и съ естественными нишами въ боковыхъ каменныхъ стѣнахъ, имѣетъ ширины до 4 саженей. Всѣ проѣзжающіе считаютъ интереснымъ, вступивъ во внутрь тоннеля, потѣшиться необыкновеннымъ гуломъ выстрѣловъ изъ пистолета и резонансомъ разговора и пѣсень. При выѣздѣ изъ этого естественнаго тоннеля къ мѣсту рожденія каменнаго угля, представляется дивное явленіе изобрѣтательности и ловкости горцевъ: на совершенно отвѣсной песчаной скалѣ, въ отверзстіяхъ, находящихся на высотѣ 40 саженей, дикія пчелы кладутъ медъ. Смѣльчаки-горцы, понатыкавъ въ отверзстія прутики, длиною съ аршинъ и толщиною не болѣе вершка въ діаметрѣ, съ продольными палочками въ родѣ перилъ, смастерили какъ бы прилѣпленную къ горѣ лѣстницу, достигающую импровизованныхъ ульевъ, нисколько не заботясь о томъ, что прогулка, по подобной воздушной и нѣжной лѣстницѣ, сопряжена съ рискомъ сломить шею!

Радостная встрѣча (шадлыхъ) возвращавшихся партій, послѣ удачнаго набѣга на непріятельскія мѣстности, изъявлялась вы-

стрѣлами изъ ружей и пистолетовъ; такимъ же образомъ устраивается встрѣча пріѣзжимъ въ селеніе начальствующимъ лицамъ. Для этого все мужское общество выходитъ къ въѣзднымъ воротамъ, съ хлѣбомъ-солью, съ музыкою, пѣснями, пальбою и крикомъ «ура!» По флангамъ этой неранжированной группы располагается, съ однимъ или двумя разноцвѣтными значками, мѣстная кавалерія, составленная изъ жителей, обязанныхъ нести конную службу. Желая не быть чуждыми церемоніи, деревенскіе мальчишки, сдѣлавъ себѣ значекъ нерѣдко изъ листа писчей бумаги, пристраиваются на лѣвый флангъ, имѣя въ своихъ рядахъ, для увеселенія, двухъ-трехъ плясуновъ, переодѣтыхъ въ вывороченныя шубы, съ черными изъ войлока масками на лицахъ и рогами на головѣ (даммайляръ). Въ минуту въѣзда въ ворота селенія, рѣжется жертва (курбанъ) — быкъ, или баранъ, преклоненный къ стопамъ встрѣчаемаго лица. Муллы и алимы привѣтствуютъ гостя сладкими словами, а муталимы—ученики при мечетяхъ, вручаютъ поздравительный съ пріѣздомъ адресъ, который всегда и вездѣ составляется на одну тему однимъ изъ грамотѣевъ. Подобная встрѣча обходится посѣтителю не дешево, потому-что, за всѣ эти не безъ задней мысли почести, нужно отблагодарить таровато. Зарѣзанная жертва раздѣляется между всадниками, состоящими на постоянной службѣ при начальникѣ; всадники эти носятъ мѣстное названіе начальническихъ нукеровъ, и выбираются изъ лучшихъ людей милиціи, состоящихъ на казенномъ жалованьи. Квартира почетнаго гостя наполняется публикою; нѣкоторые жители предъявляютъ ему въ подарокъ (пешкешь) пару свѣжихъ огурцовъ, тарелку грушъ, винограду, абрикосъ и другихъ фруктовъ; за эти приношенія, по адату, нужно положить на тарелку монету, по крайней мѣрѣ вдвое стоимости подарка. Каждый почти горецъ, получившій отъ васъ въ подарокъ золотую, или серебряную вещицу, прежде, нежели поблагодарить, взвѣшиваетъ ее на рукѣ и освѣдомляется, безъ церемоніи, о цѣнѣ подарка. Отъѣзжая изъ селенія, никогда не слѣдуетъ забывать подарить что-нибудь хозяйкѣ квартиры, а иногда, въ доказательство вѣротерпимости, пожертвовать нѣсколько рублей въ пользу мѣстной мечети. Гостямъ у хановъ—постель (орумъ) приготовляетъ горничная (кара-вашъ, правильнѣе—раба). Вставъ утромъ съ своего ложа, изъ деликатности, нужно положить подъ подушку монету, въ видѣ вознагражденія трудовъ горничной. Впрочемъ, неисполнившаго этого обычая никогда не преслѣдуютъ докучливыми напоминаніями.

По случаю обыкновенія—приносить въ подарокъ фрукты, произошло однажды слѣдующее: въ сел. Гергебиль пріѣхалъ гене-

ралъ; мѣстный обыватель Гусейнъ, бывшій наибъ мюридской іерархіи, принесъ ему тарелку свѣжихъ огурцовъ, и на тарелкѣ появился червонецъ; черезъ нѣсколько минутъ Гусейнъ опять явился съ тарелкою грушъ,—на тарелку брякнулъ серебрянный рубль. Разлакомившійся на деньги горецъ помчался домой и вновь явился съ тарелкою, на которой помѣщалась отваренная курица. Тутъ уже генералъ замѣтилъ ему, что онъ наглымъ образомъ злоупотребляетъ адатомъ.

Память умершихъ, безразлично, пользуется у горцевъ большимъ уваженіемъ, и въ этомъ случаѣ незамѣтно религіозной нетерпимости! Доказательствомъ можетъ служить то, что, по сосѣдству ихъ кладбищъ, вы часто увидите деревянные кресты, поставленные на могилахъ русскихъ солдатъ. Кресты эти стоятъ неприкосновенно, обращенные лицомъ къ памятникамъ правовѣрныхъ мусульманъ!

Простые горцы вообще очень склонны къ лести, изкательству, и всѣ свои мнѣнія подчиняютъ взгляду своего старшаго (уллусы), считая послѣднее долгомъ деликатности. Скажите имъ съ веселымъ довольнымъ видомъ: «Неправда ли, какое прекрасное мѣсто, напримѣръ—Аджаба-кала»? они всѣ хоромъ вамъ отвѣтятъ, что лучшаго мѣста нѣтъ на свѣтѣ; поверните же вопросъ въ другую сторону и съ досадою отзовитесь, что жизнь въ Аджабѣ-калѣ отвратительна, они также хоромъ подтвердятъ, что хуже мѣста «дуніяде-іохтуръ» нѣтъ на свѣтѣ! Начальнику, предполагавшему сдѣлать набѣгъ на непріятельскую страну, нужно имѣть снаровку, какъ разспрашивать горцевъ о путяхъ сообщенія.

Горскій рогатый скотъ и лошади — породы мелкой; однако, здѣшніе жители на своихъ малыхъ лошадкахъ дѣлаютъ неимовѣрно трудные и длинные, съ небольшимъ отдыхомъ, переѣзды; промчаться въ сутки 90—100 верстъ, усиленными аллюрами, для кавказца-кавалериста, не рѣдкость: отдохнешь сутки-другія, и опять на коня! Лошадей кормятъ здѣсь ячменемъ, но эта роскошь достается имъ только дома, въ поѣздкахъ же на два-три дня, онѣ пощиплютъ травки, иногда дубовыхъ листьевъ и—сыты! Цѣны на рогатый скотъ и лошадей, относительно ихъ породы, довольно высокія; породистыхъ лошадей достать трудно: офицеры покупаютъ ихъ изъ Кабарды и Карабаха. Лысую, или бѣлоногую лошадь можно всегда купить за болѣе сходную цѣну, потому-что тувемцы не любятъ ѣздить на конѣ, примѣты котораго предвѣщаютъ, будто бы, что жена сѣдока опозоритъ его брачное ложе!... Если при переправѣ черезъ рѣку лошадь остановится для естественной надобности, то это считается дурнымъ, для хозяина, предзнаменованіемъ; гарантируя себя отъ неблаго-

пріятныхъ казусовъ, онъ тотъ часъ промѣниваетъ съ товарищами или самую лошадь, или что-нибудь изъ сбруи—уздечку, подпругу и т. подобное. Ѣхавшій на кобылицѣ подвергается насмѣшкамъ; только муллы и глубокоученые алимы отъ нихъ избавлены.

Коноваловъ по профессіи нѣтъ — лошадей лечатъ знахари. У лошадей, потерявшихъ свободное дыханіе и храпѣвшихъ при галопѣ, искусно вырѣзываются простымъ ножикомъ изъ ноздрей нароставшіе внутри ихъ хрящи (циль); если же у лошади чешется хвостъ, то вырѣзывается снизу рѣпицы какая-то сухая жилка (тамуръ) или же вбивается мѣдный гвоздочикъ въ оконечность рѣпицы, первоначально слегка прорѣзанной на-крестъ. Вторая изъ этихъ операцій довольно рискована: неискусный знахарь вырѣжетъ, вмѣсто сухой, артерію, и лошадь погибла! Кровопусканія производятся очень ловко, нерѣдко съ помощью самыхъ грубыхъ инструментовъ, которымъ подивились бы наши ветеринары. У лошадей иногда появляется опухоль живота; подобный случай былъ съ моею верховою лошадью; когда всѣ средства и лекарства, употребляемыя нашими коновалами и мусульманскими знахарями оказались недѣйствительными, то нукеръ мой, строгій блюститель интересовъ своего господина, обратился къ искусству мѣстной Сивиллы. Отвратительная старуха принялась за дѣло: сначала она нашептывала какія-то завѣтныя слова, обходя кругомъ лошади три раза, потомъ проколовъ шиломъ подъ животомъ кожу въ двухъ почти рядомъ мѣстахъ, проткнула туда палочку, называемую ею: «еманъ-чубъ». Дерево это можетъ быть замѣнено палочкою изъ числа тѣхъ, которыя всегда находятся между сухою гвоздикою (мыхекъ), продаваемою въ лавкахъ. Изъ отверстій, проткнутыхъ палочкою, полилась грязная матерія — и лошадь выздоровѣла. Лекарка увѣряла положительно, что лошадь сглазили (гіозъ-тый-ганъ).

Лошадиныя подковы, въ формѣ подошвы копыта, дѣлаемыя изъ вытянутаго, немногимъ толще листовой жести, желѣза, съ небольшимъ по серединѣ отверзтіемъ и боковыми, кругомъ наружныхъ стѣнъ, къ землѣ загибами, прибиваются шестью гвоздями, головки которыхъ—столбиками, вмѣстѣ съ загнутыми стѣнками подковы, замѣняютъ отсутствіе шиповъ. Станъ этихъ легкихъ подковъ, съ оковкою, стоитъ 40 коп. сер. У каждаго почти всадника-горца есть въ сумахъ молоточикъ (чокушъ) а подъ ножнами кинжала острый ножикъ, служащій и бритвою, и столовымъ ножемъ, и ножемъ для расчистки копытъ; съ помощью этихъ инструментовъ онъ очень искусно и скоро, безъ содѣйствія кузнеца, подковываетъ своего коня, а нерѣдко даже и заковываетъ!... Не имѣющему подъ рукою молотка служитъ вмѣ-

сто него простой камень. Конечно, при подобной спѣшной ковкѣ нельзя ручаться за ея прочность. Для расчистки подошвы копыта, пригонки и прибивки подковы, нога у лошади поднимается, послѣ чего, поставивъ эту ногу на камень, поднимаютъ другую ногу, а у стоявшей на камнѣ закрѣпляютъ гвозди, загибая концы ихъ внизъ. Затѣмъ, обрѣзка копыта заканчиваетъ дѣло ковки.

Жители средняго Дагестана стали поступать, для излеченія болѣзней, въ наши госпитали и лазареты, но преимущественнѣе съ сифилитическою болѣзнью и чахоткою въ высшей степени. Судя по примѣру населенія плоскости, можно полагать, что они допустятъ и оспопрививаніе, увидѣвъ въ немъ явную пользу.

Мусульмане Дагестана имѣютъ огромную арабскую книгу, подъ заглавіемъ: «Харидатуль-эджаибъ», то-есть, сумка чуднаго, въ которой, между прочимъ, описываются цѣлебныя свойства, заключающіяся въ камняхъ, деревьяхъ и разныхъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, они вѣрятъ слѣдующему описанію:

а) Асватъ (черный камень) и добытая изъ него, посредствомъ напильника, мякоть, бѣлаго цвѣта, служитъ противоядіемъ отъ жидкихъ, а желтаго—отъ всѣхъ густыхъ ядовъ.

б) Хатафъ (камень, находящійся въ гнѣздѣ ласточки) бѣлый исцѣляетъ головную боль, а красный—укрѣпляетъ нервы, прогоняетъ печаль и страхъ.

в) Раха (мельничный камень-жерновъ): если частичку нижняго камня будетъ носить при себѣ женщина, подверженная выкидышамъ, то можетъ разрѣшаться отъ бремени благополучно.

г) Хаятъ (змѣиный камень, находящійся въ головѣ змѣи въ формѣ пули), носимый на тѣлѣ, избавляетъ отъ уязвленія змѣй, останавливаетъ всякое ненормальное кровотеченіе и укрѣпляетъ мысли; носимый же на шеѣ — исцѣляетъ головную боль.

д) Алмазадъ (алмазъ): войти съ нимъ къ раненому все равно, что дать ему яду.

е) Джуджаджатъ (куриный камень, находящійся у нихъ въ желудкѣ): если положить его на больную голову—боль исчезаетъ, а если подъ подушку младенца, то онъ не будетъ во снѣ вздрагивать; ношеніе постоянно при себѣ этого камня укрѣпляетъ нервы, и т. д.

Суевѣріе жителей Дагестана доходитъ до смѣшного: они, подъ вліяніемъ толкованій алимовъ, вѣрятъ всѣмъ симпатическимъ леченіямъ, всему, что̀ написано въ старыхъ книгахъ. Безплодныхъ женщинъ туземныя знахарки отвозятъ на старое кладбище и, послѣ совершенія намаза, дѣлаютъ тамъ надъ ними какія-то нашептыванія и ощупыванія, потомъ, возвратясь домой, сажаютъ

на нѣсколько часовъ своихъ паціентокъ на рѣшетчатый табуретъ, подъ которымъ въ жаровнѣ (мангалѣ) курятся разныя травы.

Въ Аварскомъ округѣ, между селеніемъ Голотль и уроч. Зан, есть развалины древняго храма, по преданіямъ, христіанскаго; къ сожалѣнію, бывшія на немъ надписи стерты или временемъ, или руками невѣждъ. Говорятъ, будто бы на дверной плитѣ храма было вырѣзано имя «Александръ» или «Алескендеръ», но за достовѣрность этого показанія ручаться, конечно, нельзя. Около 18-ти лѣтъ тому назадъ, бѣглые съ линіи раскольники въ числѣ семи человѣкъ, пожелавъ вести жизнь отшельническую, съ разрѣшенія Шамиля, поселились въ этомъ храмѣ и поставили въ немъ свои образа. Жители сел. Нитты, которымъ вѣроятно не нравилось сосѣдство пришлецовъ-гяуровъ, подозрѣвая, что они открыли въ стѣнахъ храма кладъ, допытывались, содержали ихъ въ ямѣ безъ пищи и, наконецъ, послѣ другихъ истязаній, всѣхъ умертвили. Шамиль строго взыскалъ за это самоуправство: съ зачинщика была снята голова, а съ остальныхъ участниковъ онъ взялъ въ штрафъ по 70 р. сер. за каждаго убитаго раскольника...

П. Пржецлавскій.

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ

В. И. ПАНАЕВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ *).

«Записки» мои, или правильнѣе сказать — «Воспоминанія», какъ я ихъ и назвалъ, обязаны существованіемъ своимъ желанію любознательныхъ друзей моихъ. Слушая иногда разсказъ мой о такъ-называемой эпохѣ мистицизма, проявившейся у насъ

*) Авторъ печатаемыхъ нами «Воспоминаній», Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, жилъ еще весьма недавно посреди насъ и имѣетъ между нами не мало товарищей по воспитанію, литературныхъ друзей и сослуживцевъ по государственной дѣятельности. Но не это одно обстоятельство освобождаетъ насъ отъ обязанности ознакомить читателей съ лицомъ автора и съ его отношеніями къ описываемымъ имъ предметамъ. В. И. Панаевъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», самъ постоянно указываетъ какъ источники своихъ свѣдѣній, такъ и разнообразныя отношенія къ современнымъ ему дѣятелямъ; а потому его трудъ можетъ быть названъ вмѣстѣ и автобіографіею. Наконецъ, въ «Предисловіи» мы находимъ исторію текста, написанную самимъ авторомъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о рукописи. Мы печатали по *списку* чужой руки, уступленному Редакціи дочерью покойнаго, Вѣрою Владимировною Толстою; но такъ какъ списокъ заключалъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки въ весьма извѣстныхъ собственныхъ именахъ и погрѣшности орѳографическія, то мы заключили изъ этого, что списокъ не былъ провѣренъ авторомъ, а потому обратились съ просьбою къ г. Директору Публичной Библіотеки И. Д. Делянову — разрѣшить намъ полученіе оригинальнаго списка, провѣреннаго карандашемъ рукою покойнаго и пожертвованнаго наслѣдниками Публичной Библіотекѣ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ выразить свою признательность И. Д. Делянову за возможность, которую мы имѣли вполнѣ исправить печатаемый нами манускриптъ по лучшему его списку. — *Ред.*

въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія императора Александра I-го, они настоятельно требовали, чтобы я изложилъ то на бумагѣ, и по благосклонности своей находили, что разсказъ мой, заключая въ себѣ замѣчательный эпизодъ исторіи означеннаго царствованія, можетъ пригодиться будущему бытописателю, а если и нѣтъ, то во всякомъ случаѣ останется повѣствованіемъ весьма любопытнымъ. Я обѣщалъ неоднократно— но обязанности служебныя, отнимая у меня утро и вечеръ каждаго дня, не давали никакой къ тому возможности. Наконецъ, въ 1858 году, вслѣдствіе перенесенной мною за полгода предъ тѣмъ тяжкой болѣзни, я былъ уволенъ для пользованія кумысомъ въ Оренбургской губерніи и морскими водами въ Ѳеодосіи. Прибывъ, по приглашенію гг. Тевкелевыхъ, въ имѣніе ихъ, село Килимово, въ 80 верстахъ отъ Уфы, славящееся приготовленіемъ кумыса, и увидавъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всѣхъ заботъ, занятій и развлеченій, я рѣшился воспользоваться моимъ уединеніемъ и приступилъ къ дѣлу. Бросивъ глубокій вопросительный взглядъ на прошедшее, я удивился, что, счастливая нѣкогда, память моя не отказалась и теперь услужить мнѣ. Она пробудилась съ необыкновенною свѣжестью и какъ будто перенесла меня въ среду тѣхъ лицъ и обстоятельствъ, къ которымъ относится разсказъ мой: я, кажется, видѣлъ передъ собою эти лица, съ ихъ физіономіями, страстями, дѣйствіями, даже рѣчами, эти обстоятельства — въ полной ихъ связи и послѣдовательности.... Не отъ того ли, что тѣ и другія производили на меня въ свое время слишкомъ сильное впечатлѣніе? Такое оживленіе памяти всего лучше доказалось тѣмъ, что въ двѣ недѣли написалъ я тридцать три листа кругомъ, окончившихся паденіемъ Магницкаго. Но какъ повѣствованіе мое, вмѣстѣ съ сказанными политическими обстоятельствами, заключало въ себѣ и очеркъ моей службы, то, поощренный неожиданнымъ успѣхомъ, я пустился далѣе, и, такимъ образомъ, отъ конца царствованія Александра I-го нечувствительно перешелъ къ первымъ годамъ царствованія Николая I-го, когда судьба и служба вновь поставили меня въ соприкосновеніе съ людьми замѣчательными, заслуживающими того, чтобы указать на нихъ любознательному читателю, и тутъ же, въ селѣ Килимовѣ, въ остальныя три недѣли моего тамъ пребыванія, написалъ еще около сорока листовъ, доведя разсказъ до 1832 года, или назначенія меня директоромъ Канцеляріи министерства Императорскаго двора. Эти двѣ тетради, названныя мною *главами*, заключали въ себѣ два средніе періода моей службы и жизни; слѣдственно, не было начала. Очутившись вскорѣ въ Ѳеодосіи, я, подъ вліяніемъ того

же уединенія (всегда плодотворнаго), написалъ третью главу: о поступленіи моемъ въ университетъ и опредѣленіи въ службу. Но какъ и эта третья глава не могла назваться началомъ, обнимая только время юношескихъ моихъ лѣтъ, то я разсудилъ написать четвертую (всё подвигаясь назадъ), чтобы, для полноты цѣлаго, сказать о моемъ происхожденіи, семействѣ и что-нибудь о моемъ дѣтствѣ. Намѣренія эти оставались, однакожъ, впродолженіе цѣлаго года однимъ предположеніемъ, потому-что тогдашній отпускъ мой приходилъ къ концу, и я долженъ былъ, оставя живописный, южный берегъ Крыма, возвратиться къ антиподамъ его — берегамъ финскимъ; въ Петербургѣ же, по причинамъ, объясненнымъ выше, не могъ написать ни строчки. Наконецъ, въ нынѣшнемъ 1859 году, вынужденный вновь позаботиться о возстановленіи моего здоровья, я отправился къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, и здѣсь, въ Пятигорскѣ, написалъ четвертую, собственно первую — главу моихъ «Воспоминаній», то-есть, кончилъ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы начать, еслибъ приступилъ къ дѣлу по суетному желанію говорить о себѣ, а не по другой, сказанной въ своемъ мѣстѣ, причинѣ.

Буду ли продолжать, не останавливаясь на 1832 годѣ? Вопросъ, на который и самъ себѣ не могу отвѣчать положительно. Это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ свободы располагать моими занятіями. Но если и буду, то уже не въ такой связи и послѣдовательности, какъ прежде, потому-что событія ближайшаго времени какъ-то менѣе удерживаются въ моей памяти, а притомъ ихъ набралось бы такъ много, что это составило бы огромный.... Можетъ быть, ограничусь разсказомъ, въ видѣ отдѣльныхъ статей, о тѣхъ только случаяхъ, которые и для меня болѣе памятны, и сами по себѣ болѣе любопытны. Сверхъ всякаго ожиданія, я написалъ нѣсколько такихъ статей, здѣсь, на Кавказѣ.

15 іюня 1859 г., Пятигорскъ.

ГЛАВА I.

Мое дѣтство. — Наше семейство. — Мой отецъ, мать, братья и сестры.

Я родился 6 ноября 1792 года, Казанской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Тетюшахъ. Мать моя, Надежда Васильевна, урожденная Страхова, была въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, когда отецъ мой, пермскій губернскій прокуроръ, коллежскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, вызванный тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ, княземъ Вяземскимъ, для полученія изъ рукъ императрицы назначеннаго ему ордена св. Владиміра 4-й степени (съ такою торжественностью жаловался тогда этотъ орденъ), долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. По настоящему положенію супруги своей, онъ счелъ за лучшее отвезти ее, почти мимоѣздомъ, къ матери, вдовѣ Аннѣ Ивановнѣ Страховой, барынѣ довольно достаточной, имѣвшей полторы тысячи душъ, производившей родъ свой отъ шведскихъ бароновъ Аминевыхъ, и постоянно жившей въ означенномъ городѣ Тетюшахъ, окруженномъ четырьмя ея деревнями.

Оставляя на рукахъ заботливой тещи беременную жену свою, онъ былъ покоенъ насчетъ ея разрѣшенія, и только просилъ, чтобы новорожденное дитя — если это будетъ дочь — было наименовано Екатериною, а если сынъ — Владимиромъ. Родился я, и, вслѣдствіе этого завѣта, нареченъ именемъ просвѣтителя Россіи.

Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей земли Русской», изданномъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, помѣщена біографія отца моего, составленная, большею частью, по документамъ, отъ меня имъ полученнымъ. Чтобы не писать новой, вношу ее сюда цѣликомъ, кромѣ конца, гдѣ благосклонному издателю, некстати и безъ моего вѣдома, вздумалось посвятить нѣсколько строкъ собственно мнѣ.

Панаевъ, Иванъ Ивановичъ, родился 23 сентября 1753 г., въ городѣ Туринскѣ [1]). Родъ Панаевыхъ происходитъ отъ тѣхъ новгородцевъ, которые грозою Іоанна Васильевича исторгнуты были изъ отчизны и поселились на восточныхъ предѣлахъ тогдашней Россіи. Тамъ, вмѣсто прежняго прозванія *Панагимоновыхъ*, стали они писаться Панаевыми—можетъ быть, не пород-

[1]) Тобольской губерніи.

нившись ли съ однимъ изъ сподвижниковъ Ермака, есауломъ Паномъ, дѣйствовавшимъ, какъ извѣстно, на берегахъ Туры и Тобола? Отецъ Ивана Ивановича, надворный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Панаевъ, бывшій, впродолженіе многихъ лѣтъ, туринскимъ воеводою, пользовался общимъ уваженіемъ края. Въ то время содержался въ Пелымѣ знаменитый изгнанникъ, графъ Минихъ, котораго воевода часто посѣщалъ по своей обязанности, и вмѣстѣ—по участію въ судьбѣ его. Возвращаясь, послѣ двадцатилѣтней ссылки, въ Петербургъ, фельдмаршалъ заѣхалъ къ Ивану Андреевичу, провелъ у него цѣлый день, обѣдалъ, пилъ чай. Старшая дочь хозяина, сестра Ивана Ивановича, имѣвшая тогда 10 лѣтъ, разсказывала впослѣдствіи, что Минихъ вошелъ къ нимъ въ новомъ нагольномъ тулупѣ, съ отпущенною сѣдою бородою, и что старики, впродолженіе длиннаго зимняго вечера, выпили чашекъ по пятнадцати чаю, съ прибавленіемъ французской водки. Чашки, впрочемъ, были, по тогдашнему обычаю, небольшія, а ромъ въ маломъ еще употребленіи.

Первоначальное воспитаніе Ивана Ивановича, въ домѣ родительскомъ, ограничивалось русскою грамотою, чтеніемъ церковныхъ и небольшого числа старинныхъ историческихъ книгъ. Отецъ его, всегда сохранявшій важную наружность, пышность въ одеждѣ и нѣкоторую недоступность въ обращеніи, держалъ его довольно строго; но строгость умѣрялась ласками матери. Иванъ Ивановичъ питалъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность и почти благоговѣйное уваженіе къ родителю. Эту дѣтскую покорность оказывалъ онъ ему и сдѣлавшись извѣстнымъ въ свѣтѣ, будучи самъ отцомъ многочисленнаго семейства. Родители его почти ежедневно посѣщали храмы божіи, которыхъ три украшали площадь предъ ихъ домомъ; и онъ, не смотря на отроческій свой возрастъ, долженъ былъ всегда имъ сопутствовать; когда же выучился бѣгло разбирать церковныя книги, отецъ въ большіе праздничные дни заставлялъ его читать Апостолъ, что было тогда въ обычаѣ. Товарищей дѣтства, кромѣ двухъ родныхъ сестеръ, у него не было, потому-что воевода туринскій, любимый и отличаемый предъ прочими главнымъ правителемъ Сибири, извѣстнымъ губернаторомъ Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ, держалъ себя слишкомъ высоко въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Все это вмѣстѣ, при уединеніи уѣзднаго городка, оставило рѣшительные слѣды въ характерѣ Панаева: покорность обстоятельствамъ (не смотря на врожденную пылкость нрава и почти нервическую чувствительность), благочестіе, склонность къ занятіямъ важнымъ и къ созерцательности. Одиннадцати лѣтъ былъ онъ записанъ въ гвардію, но до 15-ти оставался въ

отцовскомъ домѣ. Около этого времени Чичеринъ, объѣзжая Тобольскую губернію, посѣтилъ въ Туринскѣ Ивана Андреевича. Красивая наружность молодого Панаева, высокій ростъ не по лѣтамъ, скромность, умные отвѣты, обратили на него вниманіе губернатора. «Зачѣмъ ты держишь такого молодца дома? Чему онъ здѣсь выучится? Отпусти его со мною въ Тобольскъ. Я попекусь о его воспитаніи»,—сказалъ онъ воеводѣ. Иванъ Андреевичъ съ должною благодарностью принялъ такое милостивое предложеніе и благословилъ сына въ дорогу. Отселѣ наступила новая эпоха въ жизни его: Чичеринъ перечислилъ красиваго юношу прапорщикомъ въ одинъ изъ полковъ, состоявшихъ въ Сибири; помѣстилъ его въ пышномъ своемъ домѣ, приставилъ къ нему лучшихъ учителей изъ числа, такъ-называемыхъ, «несчастныхъ» [1]) и лицъ духовнаго званія. Панаевъ постигъ всю цѣну оказываемыхъ ему благодѣяній: не терялъ времени понапрасну, занимался науками съ необыкновеннымъ прилежаніемъ, въ особенности богословіемъ, исторіею и словесностью; между прочимъ, выучился по-латыни. Быстрые успѣхи и примѣрная, во всѣхъ отношеніяхъ, нравственность укоренили въ чувствахъ Чичерина отеческую къ нему любовь. Въ 1774 году, когда Панаевъ произведенъ былъ въ подпоручики, онъ отправилъ его въ Петербургъ съ рекомендательными письмами. Въ слѣдующемъ году, Панаевъ является уже адъютантомъ генералъ-маіора графа Михаила Петровича Румянцева, сына фельдмаршала, а черезъ четыре — флигель-адъютантомъ генералъ-аншефа графа Брюса, который былъ женатъ на сестрѣ Задунайскаго. Домъ престарѣлой матери великаго полководца былъ не только средоточіемъ родственнаго и дружескаго круга фамиліи Румянцевыхъ, но и всего высшаго петербургскаго общества. Графиня Марія Андреевна, игравшая важную роль при дворахъ Петра Великаго, Екатерины I-й, Анны и Елизаветы, послѣдняя отрасль рода Матвѣевыхъ, не смотря на восьмидесятилѣтнюю старость свою, отличалась умомъ, любезностью и великимъ запасомъ свѣдѣній о необыкновенныхъ и любопытныхъ событіяхъ сихъ четырехъ царствованій. Сквозь блестящую толпу окружавшей ея знати, она примѣтила молодого Панаева и почтила его особеннымъ вниманіемъ. Панаевъ сдѣлался у ней домашнимъ человѣкомъ, и въ обыкновенные дни составлялъ партію ея въ марьяжъ, въ ломберъ и въ вистъ. Но большой свѣтъ не вскружилъ ему головы: все свободное время отъ нетрудной своей службы и обязанности играть въ карты со старой графиней употреблялъ онъ на упражненія въ

[1]) Т. е., ссыльныхъ.

литературѣ и на бесѣды съ образованными людьми того времени. Таковы были: Новиковъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, Эминъ, Державинъ, Княжнинъ, Дмитревскій. У послѣдняго бралъ онъ уроки въ декламаціи, ибо страстно любилъ драматическое искусство, и нерѣдко, даже въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, съ великимъ успѣхомъ занималъ на домашнихъ театрахъ роли Ивана Аѳанасьевича. Такъ, однажды, играя «Беверлея», онъ до такой вѣрности выразилъ мучительную смерть героя трагедіи, отравившагося ядомъ, что зрители приведены были въ ужасъ, а самъ онъ надолго разстроилъ свое здоровье. Кругъ просвѣщенныхъ друзей его вскорѣ увеличился присоединеніемъ Поздѣева, двухъ Габлицей и Ивана Ивановича Тургенева. Стремленіе къ истинному просвѣщенію, утвержденному на правилахъ христіанской вѣры, было основаніемъ ихъ союза. Они собирались другъ у друга бесѣдовать о сихъ важныхъ предметахъ, читали чужія и свои собственныя сочиненія въ этомъ духѣ. Въ числѣ посѣтителей сихъ бесѣдъ были: князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ и нѣкоторыя другія лица изъ высшаго круга. Здѣсь открылось обширное поле дарованіямъ Панаева. Его произведенія, проникнутыя любовью къ Богу, къ человѣчеству и написанныя такимъ языкомъ, какимъ до того времени (до 1779 года) едва ли кто писывалъ, цѣнились выше всѣхъ прочихъ, читанныхъ въ сихъ немногочисленныхъ, но избранныхъ собраніяхъ, и не разъ были удостоены вниманія наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Къ сожалѣнію, Панаевъ, по необыкновенной своей скромности, никогда не печаталъ своихъ сочиненій, что̀ составляетъ истинный ущербъ для исторіи нашей словесности. Они сохранились въ письменныхъ экземплярахъ у нѣкоторыхъ его друзей, давно уже умершихъ, и частью нашлись по смерти Ивана Ивановича въ бумагахъ его. Прилагаемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ отрывковъ:

Естьли разсматриваніе міра, его порядка, взаимностей существъ, оный составляющихъ, заставляетъ насъ удивляться непостижимой премудрости Всевышняго Строителя, то разсмотрѣніе человѣка, разсмотрѣніе насъ самихъ должно наполнять сердца и мысли наши неизрѣченною къ Нему любовію и благодарностію. Его благость, Его безконечная благость, кажется, истощила себя въ тѣхъ дарахъ, кои излiяла она на человѣка. Коль онѣ безмѣрны! коль превосходны! и что̀ можетъ быть болѣе, что̀ совершеннѣе сего Создателева къ намъ благодѣянія, — что далъ Онъ намъ душу безсмертную, душу свободную!

Откроемъ на часъ плачевную картину бѣдоносныхъ слѣдствій порока. Воззримъ на гнуснаго безбожника, посмѣвающагося святѣйшимъ правиламъ вѣры; онъ пагубнымъ и развращеннымъ своимъ умствованіемъ влечется по пути мрачному и опасному, и отчаяніе его постигаетъ. Презритель общественныхъ должностей вооружаетъ на себя законы и страшится ихъ наказанія. Гордый честолюбецъ, возвышаясь надъ сво-

ими ближними, надъ равными себѣ человѣками, ощущаетъ несносную тягость, находясь часто принужденнымъ унизить себя предъ другими. Прилѣпленный къ подлой корысти, гоняется безпрестанно за оною и, муча себя тщетными попеченіями, лишается спокойствія, и пріобрѣтеніе злата не награждаетъ онаго. Утопающій въ невоздержности стонетъ подъ игомъ раскаянія и болѣзней. Человѣкъ злобный и немилосердый, который ищетъ погибели ближнему, котораго не трогаютъ страданія несчастныхъ, сей есть врагъ человѣчества, врагъ самого себя; ибо не можетъ онъ имѣть друга и ужасается всѣхъ его окружавшихъ. Угрызеніе совѣсти отъемлетъ сонъ его, слезы имъ обидимыхъ отравляютъ пищу и питіе его, и вопль отъ него утѣсненныхъ раздираетъ ожесточенное его сердце.

Изъ сихъ отрывковъ читатели увидятъ, что языкъ Панаева чрезвычайно уже былъ близокъ къ языку Карамзина, явившагося гораздо позднѣе, и что онъ составляетъ нѣчто среднее между имъ и Ломоносовымъ. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ разсказывалъ однажды, что въ молодости своей, желая пріобрѣсти какую-то книгу, переведенную Панаевымъ (безъ означенія имени переводчика), возбуждавшую тогда общее вниманіе, но не имѣя свободныхъ денегъ, перевелъ самъ небольшую книжку и подарилъ рукопись книгопродавцу, съ тѣмъ чтобы тотъ подарилъ ему экземпляръ перевода Панаева. Впослѣдствіи, онъ встрѣтился съ нимъ, будучи еще сержантомъ гвардіи, въ деревнѣ, на свадьбѣ симбирскаго помѣщика Далакина, гдѣ также былъ и Карамзинъ, почти еще дитя. «Мнѣ очень хотѣлось—говорилъ Дмитріевъ—подойти къ Ивану Ивановичу Панаеву и лично съ нимъ познакомиться, но я не осмѣлился; такъ онъ казался мнѣ важенъ.» Между тѣмъ, приближалось открытіе губерній, на основаніи новаго, начертаннаго Екатериною Великою, учрежденія. Многіе молодые люди, соревнуя благимъ намѣреніямъ императрицы, рѣшились оставить военную службу и занять, сообразно чинамъ своимъ, мѣста губернскія. Панаевъ былъ въ числѣ ихъ. Отецъ, одобривъ его желаніе, предложилъ ему кстати и богатую невѣсту. Въ 1781 году, онъ вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ, но невѣста ему не понравилась. Тогда онъ написалъ къ отцу слѣдующее письмо, замѣчательное по слогу, благородному образу мыслей и сыновней покорности родительской волѣ:

О извѣстномъ, Батюшка, намѣреніи, я во ожиданіи на прежнія мои письма отвѣта и приказанія Вашего, ничего рѣшительнаго не могу Вамъ сказать; да и нынѣшняя перемѣна моего чина и мѣста, и всѣ обстоятельства, сопряженныя съ оною, не позволяютъ мнѣ располагать себя къ сей женитьбѣ. Со всѣмъ тѣмъ, когда Вамъ угодно, извольте повелѣть, хотя противъ моей склонности, я оставлю все и женюсь единственно для того, чтобъ исполнить Вашу волю. Пусть послѣ жизнь моя, при всемъ ожидаемомъ богатствѣ, будетъ отравлена прискорбностями: я ихъ буду сносить, утѣшая себя, что исполнилъ долгъ и послушаніе сыновнее. Естьли, Батюшка, огорчаютъ Васъ сіи мои представленія, то простите моему смущенію, которое непрестанно меня колеблетъ и принуждаетъ къ таковымъ изъясненіямъ. Конечно, я знаю, Батюшка, что Вы для мо-

его же будущаго благоденствія о семъ стараетесь; но если чрезъ тысячи потекутъ мои слезы, будете ли Вы утѣшаться тогда моею жизнію? Сохрани меня Богъ, чтобы я порочилъ невѣсту: она имѣетъ всѣ достоинства; но когда нѣтъ сердечной склонности, какой тогда союзъ? Слѣдствіемъ такого супружества будутъ однѣ только преступленія; вѣчно отягощая совѣсть, онѣ отвратятъ небесное благословеніе, которое тамъ только бываетъ, гдѣ бракъ основывается на взаимной любви и искренности. Вы можете сказать, что многіе такъ женятся; но какая жизнь ихъ! Здѣсь много тому примѣровъ: они живутъ во всегдашней досадѣ, въ измѣнахъ и клятвопреступленіяхъ. Возможно ли и мнѣ опредѣлить себя къ тому же? Вы мнѣ дали чувствительное сердце и честную душу: могу ли я безъ всегдашняго безпокойства соединить участь свою съ тою, къ которой истинной привязанности и любви, составляющей блаженство супружества, имѣть не въ состояніи? Притомъ представьте, Батюшка, что я при штабскомъ чинѣ ожидаю получить и хорошее мѣсто, особливо, пользуясь милостію великихъ Особъ: не могу ли я тогда сыскать невѣсты, приличной моимъ лѣтамъ, по моимъ мыслямъ, и съ такимъ достаткомъ, который бы сдѣлалъ мою жизнь благополучною и пріятною? Теперь же, что ожидаетъ меня? Я буду несчастнымъ мужемъ, увянутъ лучшіе дни мои, и погрузитъ во всегдашнее меня унынie сіе богатое имѣніе, которое столь прелестно кажется! Но сколько бы оно богато ни было, возможно ли на него промѣнять спокойствіе душевное? Я еще повторяю, Батюшка, что сыщу можетъ быть въ себѣ столько силъ, чтобъ побѣдить волненіе моего сердца, которое предъ Вами теперь открыто; сдѣлаю все, что Вы мнѣ прикажете; покорю себя сей назначенной отъ Васъ судьбѣ моей; но не могу отвѣчать за будущую жизнь мою; но не предчувствую и не предвижу никакого себѣ въ ней благополучія. И для того, Батюшка, о томъ только прошу, припадая къ ногамъ Вашимъ, чтобъ прежде, нежели рѣшить мою участь, изволили Вы разсмотрѣть и разсудить о всѣхъ слѣдствіяхъ, какія могутъ послѣдовать за такимъ супружествомъ, которое на послушаніи, а не на склонности сердечной утверждается. Для сего-то важнаго для меня пункта нетерпѣливо, Батюшка, желаю я съ Вами видѣться, и Вы изволите увидѣть мою покорность Вашей волѣ, для меня священной. Я исполню, когда необходимо Вамъ то надобно, Ваше повелѣніе; преодолѣю себя. Кому я долженъ открыть мое сердце и мысли, какъ не Вамъ, Батюшка? И если противно Вамъ сіе открытіе, простите меня и извините мою слабость.

Въ 1782 году, Панаевъ опредѣленъ былъ губернскимъ стряпчимъ въ Казань и женился на дочери тамошней помѣщицы Страховой, Надеждѣ Васильевнѣ, которая, съ прекрасною наружностью, соединяла всѣ женскія добродѣтели, въ особенности — чего болѣе всего искалъ онъ — благочестіе и неограниченную преданность волѣ божіей. Этою женитьбою вошелъ онъ въ родство съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, который былъ двоюродный дядя его супругѣ. Года черезъ три, Панаевъ переведенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пермь; и такимъ образомъ, исполняя волю престарѣлаго родителя своего, сблизился съ нимъ мѣстомъ жительства, а въ 1792 году, будучи уже въ чинѣ коллежскаго совѣтника, получилъ изъ рукъ Екатерины орденъ св. Владиміра 4-й степени, для чего нарочно былъ вызванъ въ Петербургъ начальникомъ своимъ, генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ.

Примѣрною жизнью, просвѣщеннымъ умомъ, строгимъ соблю-

деніемъ правосудія, готовностью спѣшить на помощь бѣднымъ, на утѣшеніе несчастныхъ, Панаевъ и въ Казани и въ Перми привлекалъ къ себѣ общее уваженіе. Люди образованные, духовнаго и свѣтскаго званія, число которыхъ въ сихъ краяхъ было тогда, правда, невелико, тѣснилось около него, какъ ученики около наставника, и съ жадностью слушали сужденія его о важнѣйшихъ предметахъ религіи и нравственности, которыми преимущественно отличалась назидательная его бесѣда. Ведя постоянную переписку съ петербургскими и московскими своими друзьями (въ числѣ послѣднихъ были профессоры: Брянцевъ, Чеботаревъ, Страховъ), Панаевъ получалъ чрезъ нихъ всѣ лучшія издаваемыя тогда книги и снабжалъ ими своихъ пріятелей. Онъ въ особенности любилъ руководствовать молодыхъ заблудшихъ людей, и многихъ поставилъ на путь истинный. При открытіи народныхъ училищъ, Панаевъ вызвался принять въ свое завѣдываніе пермское народное училище, и обязанность свою исполнялъ съ истиннымъ отеческимъ попеченіемъ. Однажды посѣтивъ вечеромъ ассесора тамошней гражданской палаты, онъ случайно завелъ разговоръ съ 14-ти лѣтнимъ, худо одѣтымъ мальчикомъ, который принесъ въ комнату черный чайникъ (самовары были тогда не въ общемъ еще употребленіи). Отвѣты мальчика, изъ которыхъ, между прочимъ, оказалось, что онъ племянникъ хозяина (человѣка весьма недостаточнаго), и читаетъ уже книги, — такъ понравились Панаеву, что онъ, сдѣлавъ дядѣ выговоръ за пренебреженіе дальнѣйшимъ воспитаніемъ племянника и употребленіе вмѣсто слуги, на другой же день записалъ его въ училище и сталъ обращать на него особенное вниманіе. Спустя годъ, мальчикъ принесъ ему сочиненную имъ оду на день восшествія на престолъ императрицы. Достоинство стихотворенія было выше всякаго ожиданія. Иванъ Ивановичъ съ восхищеніемъ увидѣлъ, что, для развитія такого дарованія, кругъ пермскаго народнаго училища слишкомъ тѣсенъ. Въ этомъ убѣжденіи, онъ поручилъ одному изъ новыхъ друзей своихъ, г. Походяшину, отъѣзжавшему въ Москву, свезти его въ тамошній университетъ, надѣлилъ мальчика рекомендательными письмами къ тогдашнимъ кураторамъ: Хераскову, Тургеневу и Фонъ-Визину, а супруга Ивана Ивановича снабдила его нужнымъ бѣльемъ. Этотъ мальчикъ былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ — одно изъ блестящихъ свѣтилъ нашей поэзіи, принесшій столько чести и пользы Московскому университету. Упомянутое первое стихотвореніе его Панаевъ тогда же послалъ напечатать въ одномъ петербургскомъ журналѣ; подлинный экземпляръ, съ собственноручными поправками Панаева, донынѣ хранится у его наслѣдниковъ. Въ от-

правленіи Карамзина для путешествія по Германіи, Франціи и Англіи, Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ московскими друзьями своими, принималъ дѣятельное участіе. Осенью 1796 года, тяжкая болѣзнь родителя вызвала его въ Туринскъ. Онъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ своею супругою, нѣжно имъ любимою, и почти со всѣми дѣтьми, и имѣлъ горестное утѣшеніе лично отдать отцу послѣдній долгъ; но чрезъ нѣсколько дней (26 октября), на возвратномъ пути изъ Сибири, скончался, отъ жестокой горячки, въ Ирбитѣ, гдѣ и погребенъ у соборной церкви. Смерть постигла его 43 лѣтъ отъ роду. Восьмерымъ малолѣтнимъ сиротамъ своимъ (пятерымъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ) онъ оставилъ самое ограниченное состояніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, великое богатство — въ прекрасной о себѣ памяти. Императоръ Павелъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, вспомнилъ о Панаевѣ, повелѣлъ генералъ-прокурору князю Куракину отыскать его; но онъ, какъ мы уже сказали, скончался за десять дней до воцаренія новаго государя.

Иванъ Ивановичъ Панаевъ былъ высокаго роста, имѣлъ важную осанку, большіе голубые глаза, исполненные кротости, необыкновенную для мущины бѣлизну тѣла и свѣтлорусые волосы, которые, однакожъ, совершенно посѣдѣли на двадцать девятомъ году его возраста, вѣроятно отъ непрестанныхъ умственныхъ напряженій. Съ какимъ глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ отдавалъ онъ самому себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ!

Новый годъ! [1]) Сегодня благодарилъ я Господа за изліянныя Его въ прошедшемъ году различныя на меня благодѣянія и просилъ Его въ молитвахъ, дабы ниспослалъ мнѣ помощь Свою на исправленіе житія моего въ наступившемъ новомъ годѣ. Обращаясь на прошедшую жизнь мою, а ближе на прошедшій годъ, нахожу, что я препроводилъ оный большею частію въ суетностяхъ, разсѣянности и порокахъ; и малое весьма число добрыхъ дѣлъ и помышленій моихъ, или полезныхъ упражненій, совершилъ не самъ собою, но при содѣйствіи помощи Божіей. Отсюда разсуждаю я, что человѣкъ, доколѣ будетъ пребывать въ своей поврежденной волѣ, дотолѣ онъ ничего не можетъ творить, кромѣ дѣлъ противныхъ волѣ Божіей и, слѣдовательно, зла; а потому собственныя наши дѣла, безъ содѣйствія духа Его, не могутъ быть Ему благоугодны, хотя бы они по наружности и добрыми казались. Сія мысль да будетъ началомъ слѣдующихъ моихъ размышленій, которыя, если Господь изволитъ, буду я при Святой Его помощи продолжать на каждый день сего года и записывать ихъ въ сей книгѣ.

Супружескій союзъ моихъ родителей былъ примѣрный; они, какъ говорится, жили душа въ душу. Мать моя, и безъ того огорченная недавнею кончиною родительницы своей, лишившись теперь, и такъ неожиданно, нѣжно любимаго супруга, оставшись съ во-

[1]) Писано въ 1792 году.

семью малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему было 13 лѣтъ, а младшему одинъ только годъ — впала въ совершенное отчаяніе, слегла въ постель, не принимала никакой пищи, только изрѣдка просила пить. Жены ирбитскихъ чиновниковъ, видя ее въ такомъ положеніи, учредили между собою дежурство, и не оставляли ее ни днемъ, ни ночью. Такъ проходило тринадцать уже дней, какъ въ послѣдній изъ нихъ, около полуночи (здѣсь долженъ я разсказать происшествіе, отъ котораго волосы становятся дыбомъ), одна изъ дежурныхъ барынь, сидѣвшая на посланной для нея на полу перинѣ и вязавшая чулокъ (другая спала подлѣ нея), приказала горничной запереть всѣ двери, начиная съ передней, и ложиться спать въ комнатѣ передъ спальнею, прямо противъ незатворенныхъ дверей оной для того, чтобы, въ случаѣ надобности, скорѣе можно было позвать ее. Горничная исполнила приказаніе: затворила и защелкнула всѣ двери; но только-что, пославъ на полу постель свою, хотѣла прикрыться одѣяломъ, какъ звукъ отворившейся двери въ третьей комнатѣ остановилъ ее: опершись на-локоть, она стала прислушиваться. Чрезъ нѣсколько минутъ, такой же звукъ разразился во второй комнатѣ, и при ночной тишинѣ достигъ до слуха барыни, сидѣвшей на полу въ спальнѣ; она оставила чулокъ и тоже стала внимательно прислушиваться. Наконецъ, щелкнула и послѣдняя дверь, ведущая въ комнату, гдѣ находилась горничная... и что же? входитъ недавно умершій отецъ мой, медленно шарча ногами, съ поникшею головою и стонами, въ томъ же халатѣ и туфляхъ, въ которыхъ скончался. Дежурная барыня, услышавшая знакомые ей шаги и стоны, потому-что находилась при отцѣ моемъ въ послѣдніе два дни болѣзни его, поспѣшила, не подымаясь съ пола, достать и задернуть откинутый для воздуха пологъ кровати моей матери, которая не спала и лежала лицомъ къ двери — но, объятая ужасомъ, не могла успѣть въ томъ. Между тѣмъ, *онъ* вошелъ, съ тѣми же болѣзненными стонами, съ тою же поникшею головою, блѣдный, какъ полотно, и, не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ на стулъ, стоявшій подлѣ двери, въ ногахъ кровати. Мать моя, не заслоненная пологомъ, въ ту же минуту его увидала, но отъ радости, забывъ совершенно, что онъ скончался, воображая его только больнымъ, съ живостью спросила: *что тебѣ надобно, другъ мой?* и спустила уже ноги, чтобы идти къ нему, какъ неожиданный отвѣтъ его: *подай мнѣ лучше ножъ* — отвѣтъ, совершенно противный извѣстному образу его мыслей, его высокому религіозному чувству, остановилъ ее и привелъ въ самосознаніе. Видѣніе встало и, по-прежнему, не взглянувъ ни на кого, медленными шагами удалилось тѣмъ же путемъ. Пришедъ

въ себя отъ охватившаго всѣхъ оцѣпенѣнія, дежурившая барыня разбудила свою подругу и, вмѣстѣ съ нею и горничною, пошла осматривать двери комнаты: всѣ они оказались отворенными!

Событіе непостижимое, необъяснимое, а для людей, сомнѣвающихся во всемъсверхъ естественномъ, и невѣроятное; но вѣдь оно подтверждается свидѣтельствомъ трехъ лицъ! Если бы видѣніе представилось одной только матери моей, то, пожалуй, можно бы назвать его слѣдствіемъ разстроеннаго воображенія женщины больной, огорченной, которой всѣ помышленія сосредоточены были на понесенной ею потерѣ. Здѣсь, напротивъ, являются еще двѣ стороннія женщины, неимѣвшія подобнаго настроенія, находившіяся въ двухъ разныхъ комнатахъ, но видѣвшія и слышавшія одно и то же. Смиримся предъ явленіями духовнаго міра, пока недоступными изслѣдованіямъ ума человѣческаго и, повидимому, совершенно противными законамъ природы, намъ извѣстнымъ. А развѣ мы вполнѣ ихъ постигли? Развѣ совсѣмъ приподняли покрывало Изиды? Развѣ животный магнетизмъ не отворяетъ уже намъ дверей въ иную таинственную область той же природы, объемлющей все существующее видимое и невидимое? Развѣ, наконецъ, мало историческихъ и достовѣрныхъ частныхъ преданій о событіяхъ, подобныхъ случившемуся въ Ирбитѣ?

Оправившись нѣсколько въ здоровьи, мать моя спѣшила оставить мѣсто, отмѣченное такимъ для нея несчастіемъ, и возвратилась въ Пермь, гдѣ протекли нѣкогда счастливѣйшіе годы ея жизни, и гдѣ теперь ожидали ее одни горестныя воспоминанія прошедшаго. Ей было тогда только тридцать четыре года. Окруженная восемью сиротами, при ограниченномъ состояніи, она печально смотрѣла на ихъ будущность; не знала, что̀ предпринять: оставаться ли въ Перми, гдѣ у насъ былъ собственный домъ, ѣхать ли въ казанскую, или симбирскую деревню? Но ни въ той, ни въ другой не было пріюта, не было господскаго дома. Къ счастію, братья ея, отставной секундъ-маіоръ Иванъ и командовавшій оренбургскимъ драгунскимъ полкомъ, подполковникъ Александръ Васильевичи Страховы, увѣдомленные о кончинѣ своего зятя, поспѣшили утѣшить её своимъ пріѣздомъ; и какъ оба они были холостые, то убѣдили её отправиться къ нимъ въ Тетюши, на ея родину, поселиться въ тамошнемъ опустѣвшемъ ихъ домѣ и завѣдывать хозяйствомъ. Съ удовольствіемъ приняла она это предложеніе, и чрезъ мѣсяцъ начались сборы въ дорогу, сборы нешуточные, потому-что надобно было подыматься цѣлымъ домомъ.

Мнѣ исполнилось тогда четыре уже года, но память моя ни-

чего не сохранила объ этихъ сборахъ. Первое сознаніе о себѣ проявилось во мнѣ дордгою; помню, что мы, я, меньшая сестра и братъ, съ двумя нянями, ѣхали въ большомъ возкѣ, набитомъ перинами и подушками; что небольшія окна возка обложены были какимъ-то мѣхомъ, и нерѣдко замерзали, покрываясь красивыми узорами; что большею частью ѣхали мы густымъ лѣсомъ, и, какъ видно, дорогою не очень широкою, потому-что вѣтви деревъ, покрытыхъ инеемъ, хлестали иногда цо возку. Спустя лѣтъ сорокъ, мнѣ довелось проѣзжать этою дорогою, и я видѣлъ по ней много еще лѣсовъ.

Помню также, какъ мы, наконецъ, пріѣхали въ Тетюши и вошли въ большой деревянный домъ, въ которомъ, за четыре слишкомъ года, произошелъ я на свѣтъ; помню, какъ встрѣтила насъ какая-то старушка (дальняя родственница, временно тутъ жившая) въ черномъ шушунѣ и такой же юпкѣ; помню, какъ, проходя по комнатамъ и войдя въ дѣвичью, я увидѣлъ тамъ не менѣе двадцати дѣвокъ, за кружевомъ, съ бѣлыми на головѣ платками. (Впослѣдствіи узналъ я, что бѣлый платокъ на головѣ сѣнныхъ дѣвушекъ и женщинъ былъ, въ тѣ времена, знакомъ траура и вообще печали, и что всей дворни при этомъ домѣ считалось около двухъ сотъ человѣкъ мущинъ и женщинъ.) За дѣвичьею слѣдовала вправо дѣтская: тамъ помѣстили меня, сестеръ Поликсену, Глафиру и брата Петра, какъ меньшихъ, съ двумя нашими нянями; старшая, тринадцати-лѣтняя сестра, Татьяна, расположилась съ матушкою въ спальной; старшимъ же братьямъ: Николаю, Ивану и Александру, имѣвшимъ отъ 9-ти до 12 лѣтъ, отвели кабинетъ, тогда пустой, потому-что дядя Александръ Васильевичъ прямо изъ Казани отправился въ свой драгунскій полкъ и вскорѣ потомъ въ Петербургъ, а дядя Иванъ Васильевичъ, проводивъ насъ до Тетюшъ — въ свою заволжскую деревню.

Такимъ образомъ, мы остались одни, совершенно одни. Воцарившійся, незадолго предъ тѣмъ, императоръ Павелъ Петровичъ разсудилъ упразднить городъ Тетюши, и изъ уѣзднаго обратилъ его въ заштатный. Вслѣдствіе этого, всѣ бывшія служебныя лица разъѣхались во-свояси до нашего еще прибытія. Только священникъ съ своею попадьею, да старикъ купецъ, какой-то Иванъ Гавриловичъ съ своею старухою, посѣщали мать мою по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Каковъ же былъ переходъ для нея изъ губернскаго города — резиденціи намѣстника, гдѣ, пользуясь счастливымъ временемъ царствованія Екатерины, всѣ жили весело, открыто; гдѣ нерѣдко давались балы, маскарады и даже домашніе спектакли, подъ руководствомъ отца

моего, большого любителя и знатока сценическаго искусства, бравшаго уроки у Дмитревскаго, — каковъ же былъ переходъ для нея въ это захолустье, въ это глубокое уединеніе?! Оно только что питало и усугубляло тяжкую ея горесть, которая въ особенности разражалась въ дни поминовеній. Это были дни какой-то благоговѣйной скорби, распространявшейся на цѣлый домъ. Мать и старшая сестра, при необыкновенной, рано развившейся въ ней чувствительности, были неутѣшны. Первая, по совершеніи обряда, обыкновенно дня два не выходила изъ спальни, предаваясь тамъ тоскѣ и молитвѣ; вторая, отыскавъ какой-нибудь укромный уголокъ въ домѣ, гдѣ никого не было, развертывала украдкой портретъ отца, снятый съ него, когда онъ былъ уже въ гробу, орошала его своими чистыми, ангельскими слезами, но никогда не показывала ни матери, чтобы не растравлять сердечной ея раны, ни намъ, почитая насъ, по дѣтскимъ нашимъ лѣтамъ, того недостойными, и потомъ опять запирала въ свою шкатулку до слѣдующаго поминовенія. То была ея святыня, съ которою не разставалась она по самую преждевременную смерть свою. Всѣ эти подробности и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ ниже сдѣлались мнѣ извѣстными, когда я поболѣе уже подросъ: иное слышалъ отъ другихъ, иное самъ видѣлъ, могъ обсудить и сохранить въ памяти.

Мѣсяца чрезъ два, стали, однакожъ, наѣзжать къ намъ изъ деревень, изъ-за Волги, изъ Симбирска, отстоящаго отъ Тетюшъ въ 60-ти верстахъ, родственники, старые знакомые и бывшія подруги моей матери, и гостили обыкновенно по недѣлѣ и болѣе. Тогда домъ нашъ принималъ какой-то праздничный видъ: насъ одѣвали въ хорошее платье, зажигались стѣнныя жирандоли; люди суетились; разнаго рода варенья, пастилы, яблоки и орѣхи не сходили со стола отъ послѣ-обѣда до вечера; за обѣдомъ же, вмѣсто обыкновенныхъ пирожныхъ, печенья, сладкихъ пироговъ, вафлей, битыхъ сливокъ и проч., — подавалось бламанже, которое очень мнѣ нравилось. Но гости уѣзжали, и водворялась прежняя мертвая тишина, прежнее однообразіе. Можетъ быть, не отъ подобныхъ ли впечатлѣній грустнаго, туманнаго утра жизни нашей, всѣ мы, братья и сестры, получили любовь къ уединенію, нерасположеніе къ шуму большого свѣта, нѣкоторую застѣнчивость, наклонность къ мечтательности, къ поэзіи?

Послѣднему много способствовала и сама мѣстность. Маленькій городъ Тетюши, въ которомъ одна только церковь, да и та построена предками моими съ матушкиной стороны, расположенъ на превраснѣйшемъ мѣстѣ — на крутомъ нагорномъ берегу Волги, имѣющемъ тамъ высоты, по крайней мѣрѣ, саженъ

шестьдесятъ отъ уровня рѣки, — тамъ, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ, и гдѣ этотъ высокій берегъ, образуя обширный полукругъ, открываетъ зрителю, на немъ стоящему, живописные виды во всѣ три стороны, на необозримое пространство. Прямо впереди, стелется луговая полоса Волги, то съ песчаными, то съ зелеными берегами, съ тѣнистыми рощами и озерами; вправо и влѣво, чертою полукруга, тянется гряда горъ, то покрытая по скату дикимъ, недоступнымъ лѣсомъ, то проявляющая мѣстами широкіе пласты разноцвѣтной глины, или узорочные утесы известковаго камня. Въ весенніе половоды, когда рѣка разливается верстъ на 30 шириною, виды эти становятся еще великолѣпнѣе. Все пространство луговой стороны представляется тогда моремъ, со множествомъ большихъ и малыхъ острововъ, осѣненныхъ высокими деревьями, какъ бы выходящими прямо изъ воды. Мы часто всею семьею хаживали любоваться этою дивною картиною природы. Я же, когда мнѣ было отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ, особенно любилъ, уйдя тайкомъ изъ дому, забраться подалѣе въ сторону, туда, гдѣ Тетюшская гора принимаетъ суровый, пустынный видъ, и гдѣ съ половины ея бьётъ ключъ Гремячъ, источникъ прозрачной, холодной воды. Какъ ни дико было это мѣсто, какъ ни страшно мнѣ было оставаться тутъ одному, но я находилъ своего рода удовольствіе, превозмогая страхъ мой, сидѣть тамъ, смотрѣть, какъ ключъ Гремячъ вырывается изъ нѣдръ горы, скользитъ широкою струею по жолобамъ и теряется въ темной безднѣ; какъ внизъ по Волгѣ несутся суда, съ крутонадувшимися парусами; какъ изъ-за лѣсовъ противуположной луговой стороны рѣки выказываются два древніе болгарскіе минарета; какъ плоскій берегъ этой стороны, постепенно удаляясь вправо и влѣво, синѣя и блѣднѣя, исчезаетъ, наконецъ, отъ взора. Прилагаю стихи*), написанные мною въ 1820 г., когда, послѣ долгаго отсутствія, я вновь очутился въ Тетюшахъ и нашелъ прародительскій домъ нашъ совершенно уже оставленнымъ и опустѣлымъ: въ нихъ, можетъ быть, лучше изображена живописная мѣстность Тетюшъ. Эта дерзость—уходить одному на ключъ Гремячъ, была не послѣднимъ изъ тогдашнихъ моихъ подвиговъ. Я однажды опустился въ страшный оврагъ, глубиною въ саженъ 50, огибавшій домъ нашъ съ одной стороны, впрочемъ, не близко: мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать, что тамъ на днѣ его? Много разъ я подходилъ къ нему, смотрѣлъ въ бездну, но не рѣшался. Наконецъ, любопытство превозмогло. Цѣпляясь за находившіеся

*) Въ рукописи сохранено 1½ страницы пробѣла, но упомянутые стихи остались невставленными. — *Ред.*

кусты и высокую толстую траву, я спустился до самаго низу, и очень былъ доволенъ, что сдѣлалъ открытіе — нашелъ тамъ ручеекъ, стекавшій въ Волгу. Но вѣдь я могъ найти тамъ змѣю, или наткнуться на волка..... Перелѣзать заборы, карабкаться на деревья, было для меня также ни почемъ.

Но я слишкомъ ушелъ впередъ; надобно воротиться. Мѣсяцевъ чрезъ пять по водвореніи нашемъ въ Тетюшахъ, наступила весна, которую я помню и, начиная съ которой, кажется, все уже сталъ помнить: такъ возбудительно она на меня подѣйствовала. Вынули двойныя рамы; спустя нѣсколько дней стали, къ неописанной для меня радости, отворять окна, изъ которыхъ одни открывали видъ на часть Волги и береговъ ея, другія—на церковь и широкую площадь, покрытую зеленой муравою; стали брать меня по праздникамъ къ обѣднѣ; стали, наконецъ, пускать, подъ надзоромъ няни, побѣгать по двору, погулять и въ большомъ старинномъ саду, гдѣ было множество яблонь, смородины, крыжевника, черемухи, огромныхъ липъ, березъ и осокорн; гдѣ цвѣли піоны, кокушечьи-слезки, царскія-кудри, боярская-спѣсь, желтыя лиліи и даже тюльпаны. Съ тѣхъ поръ, эти цвѣты и понынѣ какъ-то особенно радуютъ меня, когда ихъ вижу — вѣроятно, по воспоминанію о счастливомъ времени дѣтства. Не могу также забыть пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня первымъ Троицынымъ днемъ, когда, вышедъ изъ дѣтской, я увидѣлъ, что всѣ комнаты обставлены березками, наполняющими ихъ своимъ освѣжительнымъ запахомъ, когда, въ прекраснѣйшее тихое утро, съ букетами въ рукахъ, шли мы въ церковь аллеею изъ березокъ же, натыканныхъ отъ крыльца до паперти. Впечатлѣніе это видно было очень сильно, потому-что Троицынъ день люблю я болѣе всѣхъ другихъ праздниковъ, исключая Свѣтлаго воскресенья. Вслѣдъ за весною, незамѣтно прошло и лѣто, богатое знойными днями, бабочками, ягодами, всякими овощами, яблоками, арбузами, что̀ все мнѣ очень нравилось. Оно, сверхъ того, было оживлено ярмаркою, бывающею въ іюлѣ мѣсяцѣ на площади, противъ нашего дома, и съѣздомъ къ намъ, по этому случаю, многихъ родныхъ и знакомыхъ, которые, съ кучею людей и лошадей, жили у насъ во все семидневное ея продолженіе и, за недостаткомъ кроватей, безъ церемоній спали, какъ говорится, вповалку — дамы въ гостиной, мущины въ залѣ. Наступила осень — конецъ бѣганью, гуляньямъ, конецъ всѣмъ моимъ удовольствіямъ; меня перестали брать даже въ церковь. Но и осень занимала меня, новичка жизни. По цѣлымъ часамъ, бывало, сидѣлъ я то у того, то у другого окна, смотря, какъ съ темныхъ, низко бродящихъ облаковъ, льется не-

скончаемый мелкій дождикъ; какъ куры и галки купаются въ лужахъ; какъ дерзкая ворона преспокойно садится на спину неповоротливой свиньи, и вмѣстѣ съ нею разгуливаетъ; какъ играютъ или грызутся обмокшія собаки; какъ по опустѣлому двору изрѣдка промелькнетъ кто-нибудь изъ дворни, спѣша поскорѣе укрыться подъ навѣсомъ амбара. Другое дѣло—зима: тутъ внѣшній міръ исчезъ для меня совершенно. Меня не выпускали даже въ сѣни, а окна комнатъ, вѣроятно отъ дурной вставки зимнихъ рамъ, или отъ вѣтхости ихъ, постоянно занесены были морозомъ. Старшіе братья иногда прокатывались въ саняхъ, особливо когда пріѣзжалъ изъ-за Волги дядя Иванъ Васильевичъ, большой охотникъ до лошадей; но меня съ ними не пускали, хотя мнѣ наступилъ шестой уже годъ. Одно утѣшеніе мое было—по утрамъ, когда матушка оставалась еще въ спальнѣ—расхаживать по комнатамъ и всматриваться въ каждый предметъ: въ образа̀, напримѣръ, которыхъ было у насъ много, съ ихъ богатыми украшеніями; въ старинную фарфоровую и хрустальную посуду, стоявшую безъ употребленія въ шкафу за стеклами; а всего болѣе—въ изразцы печей, съ разными изображеніями людей, животныхъ и растеній, и съ надписями подъ каждымъ. Надписи эти прочитывалъ мнѣ кто-нибудь изъ грамотныхъ лакеевъ, но чаще—сестра Поликсена, которая была старѣе меня пятью годами, и обыкновенно вмѣстѣ со мною выходила изъ дѣтской. Помню, какъ она смѣялась, читая эти глупыя надписи; напримѣръ: представленъ бѣгущій человѣкъ; надпись: *земля радуется мя носити;* другой человѣкъ стоитъ у цвѣтка, чуть ли не больше его ростомъ, и нюхаетъ его, надпись—*духъ его сладокъ.* Вниманіе мое привлекала также и мебель, стоявшая въ гостиной, дубовая, на орлиныхъ съ яблоками лапахъ, обитая шерстяною желтою матеріею, съ розанами и тюльпанами. Въ числѣ мебели этой были замѣчательны: большое кресло, въ которомъ свободно могли усѣсться два человѣка, и диванъ, на которомъ Пугачовъ, бѣжавшій изъ Казани, и заходившій въ домъ нашъ, оставленный въ то время жильцами, сдѣлалъ довольно глубокій шрамъ ударомъ сабли. Вечеромъ—съ нетерпѣніемъ ждалъ я наступленія вечера—и послѣ чая, я спѣшилъ пріютиться къ моей доброй нянѣ, которая, сидя за чулкомъ, поближе въ теплой лежанкѣ, любила сказывать мнѣ сказки. У нея былъ большой запасъ ихъ, а когда истощался—она приглашала, вмѣсто себя, кого-нибудь изъ дворовыхъ женщинъ, не уступавшихъ ей въ поэзіи этого рода. Слушать ихъ было для меня истиннымъ наслажденіемъ, и чѣмъ сказка была длиннѣе, притомъ и чѣмъ ужаснѣе и печальнѣе, тѣмъ болѣе меня занимала. Въ этихъ

бесѣдахъ, кромѣ сказокъ, наслушался я довольно разсказовъ о домовыхъ, чертяхъ, вѣдьмахъ, привидѣніяхъ и разбойникахъ. Какъ ни страшно мнѣ иногда было, страшно до-того, что я не смѣлъ оглянуться въ темный уголъ, прижимаясь къ нянѣ, но я всѣ слушалъ и ждалъ слѣдующаго вечера. Это имѣло, однакожъ, свои послѣдствія: со мною сдѣлался родъ безсонницы. Когда всѣ прочія дѣти и обѣ няни спали уже глубокимъ сномъ, я не могъ сомкнуть глазъ, думая о вѣдьмахъ, мертвецахъ и разбойникахъ. Тусклый свѣтъ лампады, подымавшейся на снуркѣ къ двумъ большимъ образамъ, повѣшеннымъ въ переднемъ углу подъ самымъ потолкомъ—такимъ, притомъ, мрачнымъ отъ многолѣтней копоти, что я и впослѣдствіи не могъ разглядѣть ихъ изображеній—усугублялъ мою мечтательность. Зная уже изъ розсказней, мною слышанныхъ, что всякая нечистая сила дѣйствуетъ только до перваго пѣнія пѣтуховъ, петерпѣливо ждалъ я этого отраднаго пѣнія, а оно, по счастію, таилось очень близко: зимою куры наши жили въ огромныхъ заднихъ сѣняхъ, отдѣлявшихся отъ дѣтской только стѣною и дверью, наглухо законопаченною. Пѣтухи, вслѣдъ одинъ за другимъ, воспѣвали: я дышалъ свободнѣе и засыпалъ. Нерѣдко, однакожъ, просыпался я и среди ночи. Тогда, не страшась уже нечистой силы, думалъ только о разбойникахъ, и не безъ основанія. Въ тѣ времена разбойники появлялись еще на Волгѣ въ своихъ косныхъ (ладьяхъ) лодкахъ, и приводили въ ужасъ береговыхъ жителей. Такъ, незадолго до прибытія нашего въ Тетюши, они ограбили и изрубили прикащика родственника нашего, генерала Ивашева, присланнаго изъ деревни за покупкою рыбы. При первомъ нападеніи, въ городѣ ударили въ набатъ, жители сбѣжались на гору, но не рѣшились спуститься внизъ—спасти несчастнаго. Разбойниковъ было двѣнадцать человѣкъ, зрителей, конечно безоружныхъ, можетъ быть—болѣе сотни! Въ этихъ непріятныхъ пробужденіяхъ меня успокоивало не пѣніе уже пѣтуховъ, а свѣтъ огня, мелькнувшій изъ-подъ дверей матушкиной спальни. Каждую ночь, въ часы заутрени, она вставала съ постели и, никого не безпокоя, зажигала по нѣскольку свѣчей предъ образами, покрывавшими почти всю переднюю стѣну, и долго молилась. Этотъ свѣтъ и тихій шорохъ въ спальнѣ давали мнѣ знать, что не всѣ въ домѣ погружены въ сонъ, что моя главная защитница, моя нѣжная охранительница—бодрствуетъ. Да, могу ли забыть, какъ она, заботилась, какъ пеклась о насъ! Бывало, простудишься, немножко занеможешь—начнется хлопотня, ухаживанье, укутыванье. Въ особенности любилъ я, когда въ такихъ случаяхъ она укладывала меня на своей постели; когда мягкая атласная рука ея

прикасалась къ головѣ моей или пульсу, когда она кормила меня компотомъ, или вареньемъ, показывая картинки, или какія-нибудь занимательныя вещицы изъ своей шкатулки, разсказывала что-нибудь изъ житія св. угодниковъ, которыхъ лики виднѣлись на образахъ. Право, я иногда жалѣлъ о томъ, что скоро выздоравливалъ.

Такъ, или почти такъ, съ небольшими развѣ измѣненіями, проходили дѣтскіе мои годы въ нѣдрахъ семейства. Хотя грустное однообразіе въ жизни нашей мало по малу, какъ увидимъ ниже, стало проясняться, но главное измѣненіе относительно меня состояло въ томъ, что, съ наступленіемъ слѣдующей весны, начали учить меня грамотѣ. Учителемъ избранъ былъ дьяконъ. Отслужили молебенъ, посадили меня за столъ, на которомъ лежали азбука и указка, а впереди поставлены были двѣ тарелки съ изюмомъ и черносливомъ, какъ награда, ожидавшая меня за успѣхъ перваго урока. Но, не смотря на эту сладкую приманку, урокъ, равно какъ и всѣ слѣдующіе, показался мнѣ киселъ. Дьяконъ училъ меня по азбукѣ славянской, хотя въ ней было отдѣленіе и русскихъ литеръ. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ изъ *азъ, буки, вѣди, глаголь* и проч., составляющихъ сами по себѣ цѣлыя рѣченія, могли составляться еще склады въ двѣ литеры? Тщетно дьяконъ старался растолковать мнѣ странный механизмъ этихъ несносныхъ складовъ—я иногда заучивалъ ихъ, но все-таки не понималъ, отчего они выражали такіе-то и такіе-то звуки? Притомъ, часто я вовсе не слушалъ, что̀ онъ говорилъ, и, посматривая чрезъ столъ въ растворенное окно на широкій дворъ, гдѣ рѣзвились дворовые мальчишки, думалъ только о томъ, какъ бы мнѣ самому побѣгать, или забраться въ маленькій нашъ садикъ, примыкаемый вплоть къ задней сторонѣ дома, гдѣ матушка любила сама сажать нѣкоторые цвѣты и огородныя растенія, и гдѣ няня моя имѣла особую грядку для своихъ шафрановъ, ноготковъ, зари и луку. Сестра Поликсена и я были усердными ея помощниками. Впослѣдствіи, когда я подросъ побольше, мы съ сестрою завладѣли однимъ уголкомъ садика. Тамъ насадилъ я нѣсколько кустовъ душистаго божьяго дерева, принесенныхъ съ берега Волги и образовавшихъ родъ маленькой бесѣдки — наше убѣжище въ жаркій полдень. Съ тѣхъ поръ возродилась во мнѣ, до сихъ поръ продолжающаяся, склонность къ садоводству.

Вообще, ученье мое шло плохо; миновало нѣсколько мѣсяцевъ, а я все сидѣлъ еще за складами. Между тѣмъ, дьяконъ занемогъ чахоткою и умеръ. Мѣсто его заступилъ бывшій подкамердинеръ покойнаго отца моего, Илья Ивановичъ, а какъ я

становился большимъ уже шалуномъ, и няня не всегда могла присмотрѣть за мною, то на него же была возложена и должность моего дядьки. Новый учитель, человѣкъ еще молодой, лѣтъ двадцати пяти, хотя самъ плохой грамотѣй, взялся, по настоянію, впрочемъ, старшей моей сестры, Татьяны, за другую методу — сталъ меня учить по русской азбукѣ. Дѣло пошло лучше; отчасти вѣроятно и потому, что я очень полюбилъ его. Мало по малу мнѣ самому захотѣлось умѣть читать, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ, при наступленіи долгихъ зимнихъ вечеровъ, сестра Татьяна учредила раза три въ недѣлю чтеніе вслухъ. Матушка и всѣ мы собирались въ гостиную, садились вокругъ стола: сестра читала — мы слушали. Большое впечатлѣніе произвелъ на меня вышедшій тогда романъ: *Яшенька и Жеоржета*. Помню форматъ книги, помню заглавную картинку, изображавшую двухъ дѣтей, робко стоящихъ передъ суровымъ солдатомъ, съ надписью внизу:

Невинны, право, мы, солдатъ,—
Не мы причиною, что дворъ огнемъ объятъ.

Я удвоилъ прилежаніе и, наконецъ, выучился по-немногу читать. Тогда старшая сестра, во всемъ помогавшая матушкѣ, дала мнѣ, для дальнѣйшаго упражненія, *Дѣтское чтеніе*, изданное, какъ извѣстно, Карамзинымъ. Оно очень меня занимало. Въ памяти моей всего живѣе сохранились: описаніе, въ одной повѣсти, разрушенія Лиссабона и четыре небольшія статьи: весна, лѣто, осень, зима, исполненныя, сколько могу судить теперь, поэзіи, и, вѣроятно, переведенныя, или написанныя самимъ Карамзинымъ.

Незадолго предъ тѣмъ пріѣхали въ нашу сторону изъ Петербурга два семейства гатчинскихъ офицеровъ, родственныхъ между собою, которымъ императоръ Павелъ пожаловалъ по студушъ въ самомъ близкомъ отъ Тетюшъ разстояніи, верстахъ въ семи. Они не замедлили съ нами познакомиться, а близость разстоянія произвела то, что взаимныя посѣщенія сдѣлались довольно частыми. Это пріятнымъ образомъ освѣжило однообразіе нашей жизни. Молодыя супруги отставныхъ этихъ офицеровъ были очень хороши собою, что̀ я тотчасъ замѣтилъ, и отличались отъ другихъ знакомыхъ дамъ, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ деревень, манерами и туалетомъ. Мать одной изъ нихъ была препочтенная толстая барыня, для которой только-что были впору вышесказанныя огромныя кресла; отецъ, высокій, худощавый старичекъ привлекалъ къ себѣ веселостью и остроуміемъ; меньшой братъ, молодой человѣкъ, но почти идіотъ, былъ для сестеръ и братьевъ моихъ предметомъ постоянныхъ шутокъ, а

во мнѣ, не знаю почему, возбуждалъ жалость, такъ-что я иногда горячо за него вступался. Впрочемъ, и послѣ, при другихъ подобныхъ случаяхъ, проявлялась во мнѣ подобная оппозиція. Я никогда не любилъ ни шутокъ, ни насмѣшекъ, какъ бы онѣ невинны ни были, надъ людьми, обиженными природою. Наконецъ, старшій его братъ, пріѣзжавшій въ отпускъ гусарскій офицеръ, въ голубомъ ментикѣ, съ серебрянымъ шитьемъ и палевыхъ чекчирахъ (форма еще екатерининская), красавецъ собою, — но столько же хорошъ, какъ и простъ, необразованъ. Онъ влюбился въ сестру мою Татьяну, которой было уже 16 лѣтъ, но она тотчасъ, по первой же игрѣ въ фанты, замѣтивъ ограниченность ума его, дала ему почувствовать, что онъ ей непара, и на сдѣланное предложеніе послѣдовалъ деликатный отказъ.

Не такое впечатлѣніе произвела на нее любовь провіантскаго офицера (провіантская служба была тогда въ чести, нѣчто въ родѣ гвардіи), пріѣзжавшаго для закупки хлѣба на Тетюшской пристани. То былъ также красивый молодой человѣкъ, но образованный, начитанный, деликатный. Она сама почувствовала къ нему взаимную склонность; дѣло, однакожъ, не состоялось, потому-что матушка никакъ не рѣшалась выдать дочь свою за человѣка неизвѣстнаго, котораго бѣдные родители, какъ самъ говорилъ онъ, жили въ маленькомъ своемъ имѣньицѣ, гдѣ-то въ Малороссіи. Тщетно черезъ годъ возобновилъ онъ предложеніе свое письменно — отвѣтъ былъ тотъ же. Сестра покорилась волѣ матери и приговору родныхъ, но чувство, возбужденное въ ней этимъ молодымъ человѣкомъ, осталось навсегда затаеннымъ въ ея сердцѣ, и мало по малу совершенно разстроило ея здоровье. Она видимо увядала.

Около того же времени стали появляться въ домѣ нашемъ морскіе офицеры съ *гаркоутовъ* (мелкихъ военныхъ судовъ), назначенныхъ для преслѣдованія волжскихъ разбойниковъ; но самою важною эпохою въ нашемъ житьѣ-бытьѣ было прибытіе дяди Александра Васильевича изъ Петербурга. Онъ прожилъ тамъ два съ половиною года, тщетно добиваясь разрѣшенія вновь поступить на службу, которую продолжалъ такъ счастливо, находясь прежде въ свитѣ князя Потемкина, потомъ командуя полкомъ, изъ которой выключенъ былъ императоромъ Павломъ, въ числѣ множества другихъ, за то, что опоздалъ воротиться изъ отпуска; отпускъ же взялъ онъ по случаю смерти матери своей и поѣздки въ Пермь, чтобы вывезти насъ оттуда. Ни старанія Державина, ни участіе наслѣдника престола, Александра Павловича, ничто не помогло. Съ глубокимъ огорченіемъ дядя оста-

вилъ Петербургъ, чтобы поселиться на родинѣ и заняться значительнымъ своимъ имѣніемъ. Пріѣздъ его послѣдовалъ въ зимнюю ночь предъ утромъ. Весь домъ всполошился, всѣ поднялись на ноги, даже и мы, маленькіе. До самаго почти обѣда выносили изъ повозокъ привезенныя имъ съ собою вещи, вынимали изъ ящиковъ, развертывали, разставляли по столамъ. То были: нѣсколько серебряныхъ тройныхъ канделябровъ, такихъ же высокихъ подсвѣчниковъ, такихъ же вазъ для льду, большія шкатулки съ чайнымъ, столовымъ и бритвеннымъ приборами, телескопъ, барометръ, ружья, пистолеты, сѣдла, трубки, чубуки, складной столикъ и многія другія красивыя вещи. Новое серебро блестѣло, да и все было для меня новостью. Сверхъ того, каждому изъ насъ привезъ дядя по подарку; мнѣ, напримѣръ, книжку съ картинками и матовымъ стекломъ въ футлярѣ. По стеклу этому, наложивъ его на картинку, можно было обвести карандашемъ, слѣдовательно — пріучаться рисовать.

Съ прибытіемъ дяди, порядокъ жизни нашей измѣнился: мы стали позже вставать, потому-что онъ удерживалъ насъ долго за ужиномъ; позже обѣдать, потому-что онъ такъ привыкъ въ Петербургѣ. Самыя кушанья появились другія: онъ привезъ съ собою хорошаго повара, купленнаго имъ въ Москвѣ. Посѣщенія деревенскихъ родныхъ и знакомыхъ сдѣлались чаще, число лакеевъ увеличилось; вообще, въ домѣ стало шумнѣе, церемоннѣе, но для меня не веселѣе. Замѣтивъ, что дядя строгъ и взыскателенъ, а матушка, безъ памяти его любившая, совершенно подчинилась его волѣ, я поприжалъ хвостъ. Однакожъ, мнѣ нравилось быть къ нему поближе, смотрѣть, какъ онъ брѣется, раскрывъ свою богатую шкатулку, какъ куритъ большую пѣнковую трубку, наполняя комнату ароматомъ американскаго табаку, какъ стираетъ нюхательный табакъ въ пальмовой круглой кубышкѣ, и потомъ медленно накладываетъ его въ красивую золотую табакерку.

Между тѣмъ, подоспѣло открытіе Казанской гимназіи, преобразованной по повелѣнію императора Павла. Дядя посовѣтовалъ матушкѣ опредѣлить туда трехъ старшихъ моихъ братьевъ своекоштными, съ тѣмъ, чтобы они жили въ нашемъ городскомъ домѣ, подъ надзоромъ дядьки, избраннаго имъ изъ числа старыхъ служителей, когда-то бѣжавшаго, поступившаго въ солдаты и чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратившагося, испытаннаго и все испытавшаго старика, а притомъ и самъ дядя, часто бывая по тяжебнымъ дѣламъ своимъ въ губернскомъ городѣ, надѣялся наблюдать за ними. Эта первая разлука съ братьями сильно подѣйствовала на сестеръ и на меня. Намъ стало грустно, скучно.

За-то, съ какою радостью, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, узнали мы, что они будутъ къ намъ на зимнюю вакацію. Я и сестра Поликсена не ложились спать всю ночь на Рождество Христово, чтобы первыми ихъ встрѣтить. И дождались: братья пріѣхали на разсвѣтѣ.

Года черезъ два, когда исполнилось мнѣ десять лѣтъ, выпалъ и мой жребій ѣхать въ Казань учиться. О! какъ тяжелъ показался мнѣ этотъ семейный приговоръ! Заботливый дядя пріискалъ въ Казани учителя, умнаго и добраго человѣка, который, въ родѣ гувернёра, жилъ бы съ нами и въ особенности занимался бы мною, для приготовленія меня въ гимназію. Братья мои не имѣли надобности въ подобномъ приготовленіи, потому-что еще въ Перми порядочно кое-чему научились: сестра Татьяна, во многомъ рано успѣвшая, постоянно руководствовала учебными ихъ занятіями. Дядя привезъ Егора Максимовича (пріисканнаго имъ учителя) въ Тетюши, чтобы отрекомендовать его матушкѣ и вмѣстѣ со мною отвезти обратно. Не могу выразить, что я чувствовалъ, когда приблизился роковой день отъѣзда, 4-го августа. Положено было выѣхать послѣ завтрака, но дядя, по извѣстной необыкновенной медлительности своей на сборы, о чемъ ниже сказано будетъ болѣе, оттянулъ время, сначала до обѣда, потомъ до чаю. Впродолженіе этого томительнаго дня, не разъ уходилъ я во внутреннія комнаты, чтобы поплакать съ сестрами и нянями. Дормезъ подали въ глубокія уже сумерки. Дядя и учитель заняли два главныя мѣста; меня посадили на скамеечку, спиной къ кучеру. Дорога, по выѣздѣ изъ города, круто заворачивалась вправо, огибая тотъ глубокій оврагъ, въ который я имѣлъ дерзость спускаться; и я опять увидалъ домъ нашъ, и сердце заныло пуще прежняго. На-бѣду, дядя забылъ какую-то нужную вещь, приказалъ остановиться, отстегнуть подручную и ѣхать лакею за этою вещью, самъ же съ учителемъ, вышедъ изъ кареты, сталъ взадъ и впередъ расхаживать по лугу. Пока лакей ѣздилъ, а они ходили, я не спускалъ глазъ съ нашего дома, очутившагося прямо предо мною, и отдѣленнаго отъ дороги однимъ только оврагомъ. Въ окнахъ мелькали уже огоньки, я слѣдилъ за ихъ движеніемъ и, отирая горькія слезы, думалъ: «Въ которой-то комнатѣ теперь матушка? что-то дѣлаютъ сестры, няни? Вѣрно, тоже все еще плачутъ, какъ я? Ахъ, лучше бы ужъ скорѣе уѣхать, чтобы не видать мнѣ этого дома, этихъ огоньковъ!»

Въѣздъ въ Казань поразилъ меня: до сихъ поръ видѣлъ я одно только каменное зданіе — тетюшскую церковь; тутъ вдругъ представились мнѣ цѣлые ряды каменныхъ домовъ, множество

церквей, стѣны и башни древней крѣпости, о которой тутъ же далъ мнѣ понятіе дядя. День былъ праздничный, ясный; по улицамъ встрѣчалось много народу, каретъ и дрожекъ; все имѣло, по крайней мѣрѣ для меня, веселый, оживленный видъ. Когда же мы вошли въ домъ нашъ, стоявшій на одной изъ лучшихъ улицъ, — онъ показался мнѣ какими-то царскими палатами, о которыхъ я наслушался въ сказкахъ. Потолки комнатъ были вдвое выше потолковъ комнатъ тетюшскаго дома; окна вдвое больше; самая бѣлизна штукатурныхъ стѣнъ, сравнительно съ мелкою пестротою тетюшскихъ обоевъ, придавала имъ что-то величавое, какой-то просторъ.

Новость предметовъ и всѣхъ дѣйствовавшихъ на меня впечатлѣній, по врожденному моему любопытству, мало по малу заглушили во мнѣ тоску разлуки съ семействомъ; притомъ же я соединился съ братьями, которые встрѣтили меня такъ радушно. Въ тотъ же день кровать моя заняла четвертое, вакантное мѣсто въ ихъ комнатѣ.

Егоръ Максимовичъ принялся за меня усердно и методически, такъ-что черезъ годъ я началъ уже ѣздить въ гимназію. Тамъ, переходя изъ класса въ классъ, обратилъ на себя вниманіе начальства постояннымъ прилежаніемъ, отличился же въ особенности: въ словесности, исторіи и географіи. Еще въ нижнемъ классѣ, сидя подлѣ С. Т. Аксакова, я посвятилъ ему первые мои стихи: *Зима;* онъ былъ старѣе меня, и года за три прежде поступилъ въ гимназію, но, часто и надолго увозимый матерью въ деревню, подвигался не быстро. Учитель высшаго класса словесности былъ въ мое время Николай Михайловичъ Ибрагимовъ. Онъ имѣлъ необыкновенную способность заставить полюбить себя и свои лекціи, самъ писалъ, особливо стихами, прекрасно, и обладая тонкимъ вкусомъ, такъ умѣлъ показывать намъ погрѣшности въ нашихъ сочиненіяхъ, что смышленый ученикъ не дѣлалъ уже въ другой разъ ошибки, имъ замѣченной, а иногда слегка и осмѣянной. Я былъ чуть ли не лучшимъ ученикомъ въ его классѣ, и послѣ сдѣлался его другомъ. Почитаю себя многимъ ему обязаннымъ.

Четыре года провелъ я въ обществѣ братьевъ моихъ, въ казанскомъ нашемъ домѣ, то-есть, до тѣхъ поръ, когда они (о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ) поступили на службу, а я — въ университетъ.

Нѣжнѣе всѣхъ ихъ былъ ко мнѣ старшій братъ, Николай, юноша кроткій, не по годамъ благочестивый, знавшій наизусть большую часть церковной службы, и чуждый всѣхъ шалостей, свойственныхъ его возрасту. Онъ любилъ читать, разсказывать

про батюшку; я любилъ его слушать. За-то, второй братъ, Иванъ, добрѣйшаго сердца, ловкій и сильный, предавался всякого рода ребяческимъ забавамъ и затѣямъ. Побѣгать, побороться, показать свою силу, рубить топоромъ, строгать, клеить ящички, отливать изъ свинца маленькія пушечки, стрѣлять изъ нихъ, лазить на голубятню (заведенную моимъ дядькою), — все это было его дѣломъ; кромѣ того, въ немъ обнаружился талантъ къ поэзіи, и онъ писалъ очень порядочные, судя по лѣтамъ, стихи. Къ нему привязался я болѣе: любилъ находиться при его шалостяхъ, работахъ, услаждать слухъ мой гармоніею его стиховъ, всегда правильныхъ по механизму, бѣгать съ нимъ на голубятню. Отъ этого вѣроятно и во мнѣ пробудилась склонность къ стихомаранью, а голубятникомъ сдѣлался я страшнымъ. Охота эта была тогда въ большомъ разгарѣ: ею занимались купцы, дворяне и приближенные къ нимъ служители. Въ самомъ дѣлѣ, есть, бывало, чѣмъ полюбоваться, когда стая пестрыхъ и бѣлыхъ голубей, поднявшись съ крыши и дѣлая правильные круги по воздуху, подымается все выше и выше, въ пространство голубого неба, когда отдѣлившіеся изъ среды ея, такъ-называемые турманы, быстро перекидываясь черезъ голову, или опускаясь винтомъ, кажется, готовы удариться о крышу, и вдругъ взлетаютъ опять къ верху на соединеніе съ прочими. Стая эта, сверкающая на солнцѣ, при каждомъ поворотѣ, бѣлизною крыльевъ и грудокъ голубей, такъ глубоко иногда уходитъ въ небо, что надобно смотрѣть въ тазъ съ водою, чтобы видѣть, гдѣ она находится: иначе закружилась бы поднятая голова и не достало бы утомленнаго зрѣнія. Третій братъ, Александръ, болѣе степенный, отличавшійся необыкновенною красотою, мечтательностью и мнительностью, хорошо рисовалъ и также занимался литературою, преимущественно въ прозѣ. Я почти не отходилъ отъ него, когда, въ свободное утро праздничнаго дня, онъ садился за какой-нибудь рисунокъ. А когда, будучи уже студентомъ, началъ онъ вмѣстѣ съ Аксаковымъ собирать бабочекъ, я присоединился къ нему и чуть ли не сильнѣе, чѣмъ онъ, прилѣпился къ этому занятію: на-яву и во-снѣ мнѣ мерещились бабочки. Да признаться, я ловлю ихъ теперь, здѣсь, въ Пятигорскѣ, что̀ пріятно развлекаетъ меня и переноситъ въ золотые дни дѣтства. Такимъ образомъ, отъ каждаго изъ моихъ братьевъ я невольно что-нибудь заимствовалъ. Не отъ этого ли, впослѣдствіи оказалось во мнѣ болѣе разнообразія во вкусахъ и склонностяхъ, чѣмъ въ другихъ членахъ нашего семейства?

Въ концѣ этого же четырехлѣтія, именно въ 1806 году, матушка оставила Тетюши и переѣхала на житье въ лаишевскую

нашу деревню, въ село Емельяново, гдѣ, въ кругу семейства, каждый годъ, до отъѣзда въ Петербургъ, проводилъ я по нѣскольку недѣль пріятнѣйшаго времени въ моей жизни.

ГЛАВА II.

Вступленіе мое въ университетъ. — Вступленіе въ службу. — П. Ѳ. Желтухинъ. — А. И. Тургеневъ. — А. А. Витовтовъ. — А. И. Красовскій. — И. И. Ястребцовъ.

Наступила вторая съ французами война; Наполеонъ, восторжествовавшій въ минувшемъ году въ борьбѣ съ Австріею, устремился съ побѣдоносною арміею на Пруссію. Императоръ Александръ Павловичъ двинулъ войска свои на помощь союзнику, но прежде чѣмъ они могли соединиться съ прусскою арміею — она была разбита и почти все королевство завоевано. Надлежало усилить вооруженіе. По гласу монарха, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, стало въ ряды милиціи, предводимой бывшими уже на покоѣ воинами временъ Екатерины, шесть сотъ тысячъ ратниковъ. Въ то же время приглашены были вступить въ военную службу взрослые воспитанники университетовъ, даже казенные студенты, не смотря на то, что они назначались для службы ученой. Юный казанскій университетъ, въ которомъ не было тогда и сорока студентовъ, опустѣлъ совершенно: едва ли осталось въ немъ человѣкъ десять. Старшіе братья мои послѣдовали примѣру прочихъ: двое изъ нихъ отправились въ Петербургъ, для вступленія по рекомендаціи казанскаго коменданта, генералъ-маіора Есипова, въ уланскій полкъ великаго князя Константина Павловича; а третій, самый старшій, по слабости здоровья, избралъ гражданскую службу. Я былъ тогда уже студентомъ, но моложе всѣхъ товарищей моихъ лѣтами. Надобно объяснить, что при открытіи университета первый наборъ студентовъ былъ въ февралѣ 1805 года, второй, весьма небольшой — въ половинѣ того же года, третій — въ концѣ слѣдующаго, довольно значительный по числу, но преждевременный по степени пріуготовительныхъ знаній, вынужденный близкимъ выходомъ старшихъ студентовъ въ военную службу. Я принадлежалъ къ этому послѣднему набору и стоялъ по списку первымъ, потому-что считался тогда первымъ ученикомъ гимназіи. Но каково жъ было мое огорченіе, когда Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, профессоръ, управлявшій университетомъ въ качествѣ ректора, при собраніи всѣхъ воспитанниковъ гимназіи и университета, выкликая по списку назначенныхъ въ студенты, и не произнося моего имени, объявилъ

наконецъ, что министръ просвѣщенія, усмотрѣвъ, что мнѣ не болѣе 15-ти лѣтъ, исключилъ меня! Я залился горькими слезами отъ такой обиды; всѣ старшіе студенты выразили тутъ же свое сожалѣніе; дядя мой Александръ Васильевичъ Страховъ, заступавшій въ семействѣ нашемъ мѣсто отца, поѣхалъ на другой день къ Яковкину съ просьбою—возобновить обо мнѣ представленіе. Добросердечный Яковкинъ, водившій притомъ съ семействомъ нашимъ хлѣбъ-соль, рѣшился вторично обо мнѣ представить, и чрезъ шесть недѣль я былъ утвержденъ студентомъ. Очень теперь сожалѣю, что тогдашнія слезы мои возбудили такое участіе: было бы гораздо лучше, еслибъ я года еще на два остался въ гимназіи, чтобы поболѣе приготовиться къ слушанію университетскихъ лекцій.

Когда въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что братья мои должны оставить университетъ для вступленія въ службу, тогда рѣшена была и моя участь. Къ этому времени поспѣвалъ у дяди нашего въ деревнѣ домъ; сверхъ того, онъ замышлялъ тамъ другія немаловажныя постройки, а потому не предполагалъ болѣе жить въ Казани; матушка тоже рѣдко пріѣзжала въ городъ; слѣдственно, мы съ меньшимъ братомъ оставались бы тутъ одни. Поэтому разсудили, принявъ совѣтъ Яковкина, предложить мнѣ поступить изъ своекоштныхъ студентовъ въ казенные, а съ тѣмъ вмѣстѣ посвятить себя ученой службѣ, такъ какъ я, по отзыву Ильи Ѳедоровича, и въ гимназіи хорошо учился и въ настоящее время оказывалъ большую любовь къ наукамъ. Будучи дѣйствительно очень любознателенъ, а притомъ польщенный лестнымъ обо мнѣ мнѣніемъ главнаго начальника, я охотно согласился избрать ученую дорогу; меньшого же брата Яковкинъ взялъ къ себѣ на пенсіонъ.

Счастливое было это время пребыванія моего въ университетѣ. Занятія науками, особливо исторіею и словесностью, и дружба, самая нѣжная, самая возвышенная услаждали юные дни мои. Оставшіеся отъ перваго набора старшіе студенты: А. М. Княжевичъ, Д. М. Перевощиковъ, В. И. Тимьянской, А. В. Кайсаровъ, оказывали мнѣ внимательное покровительство и почтили пріязнью; а ближайшіе по времени вступленія въ университетъ товарищи мои: Д. П. Самсоновъ, П. Трофимовъ, И. М. Поповъ, Н. М. Алехинъ, Е. П. Манассеинъ, С. Н. Гроздовскій, Н. Л. Филиповскій — были моими друзьями, болѣе или менѣе милыми. Въ свободное время отъ классовъ и забавъ, посвящали мы, особливо съ двумя первыми, сужденіямъ о предметахъ высокихъ, или изящныхъ: подвиги героевъ, черты самоотверженія, торжество добродѣтели, творенія великихъ писателей и поэтовъ, —

вотъ, что составляло преимущественно предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ помышленій, наполняло сердца наши и души; мы были самыми благородными, самыми честными молодыми людьми, и въ добавокъ—жаркіе патріоты, готовые положить жизнь на алтарь отечества. Но васъ уже нѣтъ, милые товарищи моей юности; почти всѣ вы слишкомъ рано сошли въ могилу; если жъ бы прекрасная жизнь ваша продолжалась доселѣ — вы много принесли бы пользы обществу и стяжали бы справедливое его уваженіе. Не могу также безъ особеннаго удовольствія вспомнить о нашихъ экскурсіяхъ за растеніями, бабочками, букашками. Въ праздничное утро, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ, вставъ еще до восхода солнечнаго, отправлялись мы подъ предводительствомъ Василія Ильича Тимьянскаго, посвятившаго себя натуральной исторіи, верстъ за шесть, за семь отъ города. Утренній вѣтерокъ прохладно дулъ намъ въ лицо, румяня еще неопушенныя наши щеки; роса, блиставшая на поверхности густой сочной травы, смачивала насъ иногда до колѣнъ, но мы не обращали на это вниманія, ни на крутизну горъ, ни на паденіе съ нихъ при какомъ-нибудь спускѣ, ни на нашу усталость: прелесть утра, красота мѣстности, успѣхъ добычи заставляли забывать все. Какое-нибудь еще незнакомое намъ растеніе, какая-нибудь рѣдкая, красивая бабочка, узорочный жучекъ, приводили насъ въ восторгъ. Такъ, однажды, въ рощѣ Кизическаго монастыря удалось мнѣ найти прекрасный цвѣтокъ, котораго и профессоръ Фуксъ не полагалъ свойственнымъ казанскому климату. То былъ особаго рода венеринъ-башмачокъ, бѣлаго цвѣта съ яркомалиновыми крапинами. Съ восхищеніемъ представилъ я его профессору, который самъ очень тому обрадовался, записавъ въ своемъ гербаріумѣ мѣсто и день находки и мое имя. Часовъ въ восемь заходили мы обыкновенно въ какую-нибудь подгородную деревню завтракать молокомъ, иногда съ ягодами (о, какъ это было вкусно), и, неторопясь, возвращались въ университетъ къ 12 часамъ, т. е. къ нашему обѣду — добрые, довольные, счастливые. Когда-жъ приближалась осень и наступали тихія лунныя ночи августа, мы любили послѣ ужина собираться на большомъ университетскомъ крыльцѣ, обращенномъ во дворъ, и усѣвшись на ступенькахъ, пѣть подъ кларнетъ Гроздовскаго русскія пѣсни. Мы пѣли ихъ съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, и стройные голоса наши разносились по обширному двору. Жившій въ университетскомъ домѣ, Яковкинъ не только не запрещалъ намъ этого удовольствія, но растворялъ у себя окна, чтобы слушать насъ съ своимъ семействомъ.

Семейство Яковкина! Да! оно мнѣ очень памятно. Украше-

ніемъ его были двѣ милыя дѣвицы, 15 и 16 лѣтъ. Старшая произвела на меня сильное впечатлѣніе и сама почувствовала ко мнѣ взаимное влеченіе. Ее нисколько нельзя было назвать красавицею, но голубые глаза ея, необыкновенная бѣлизна, почти безъ румянца, стройный станъ, руки удивительно красивой формы, мягкій, сладкій голосъ, простота обращенія, заключали въ себѣ столько идеальнаго, романтическаго, что я, будучи старѣе ея однимъ только годомъ, полюбилъ ее всѣми силами юной души моей, полюбилъ такъ, какъ можетъ полюбить только молодой человѣкъ въ полномъ развитіи возраста. Чтеніе тогдашнихъ чувствительныхъ романовъ Лафонтена, Жанлиса, Котенъ, безъ сомнѣнія много содѣйствовали преждевременному пробужденію во мнѣ такого глубокаго чувства, въ высшей степени платоническаго. Оно вспыхнуло вдругъ, вслѣдствіе искренняго участія дѣвицы этой, равно какъ и родителей ея въ тогдашней печали семейства нашего, по случаю кончины старшей сестры моей, Татьяны Ивановны, соединявшей въ себѣ съ красотою всѣ совершенства ума и сердца. Тяжкая эта потеря еще болѣе сблизила насъ съ Яковкиными и была причиною, что я сталъ чаще посѣщать домъ ихъ, чаще видѣть милую дочь ихъ, которая тоже не скрывала радости этихъ свиданій. Съ какимъ, бывало, нетерпѣніемъ жду я воскресенья, думая о немъ цѣлую недѣлю, чтобы отправиться обѣдать къ Яковкинымъ. Забыты были и греки и римляне; ученье пошло хуже. Напитанный предъ тѣмъ древнею исторіею, я начиналъ-было походить на спартанца: не хотѣлъ учиться танцовать, но она пожелала — и я черезъ мѣсяцъ танцовалъ уже съ ней экосезъ, матредуръ, нѣмецкую кадриль. Если почиталъ я счастіемъ видѣть ее, говорить, танцовать съ нею, то какое жъ чувствовалъ наслажденіе, когда она позволяла мнѣ лишній разъ поцѣловать бѣлую прекрасную свою ручку. Ахъ! признаться ли? Я находилъ почти такое же наслажденіе поцѣловать украдкою снятую ею перчатку, ея косынку, конецъ ленты, стягивавшій стройный станъ ея. Не одинъ разъ впослѣдствіи возникала въ сердцѣ моемъ любовь къ другимъ женщинамъ, но никогда не равнялась съ чувствомъ этой первой святой любви. Долго, долго я не могъ истребить ее изъ моего сердца. Тогдашнее блаженное состояніе мое скоро сдѣлалось вмѣстѣ съ тѣмъ и горькимъ. Мысль, что мнѣ, семнадцатилѣтнему студенту, нельзя же еще жениться, и что предметъ моей любви — того и гляди — выйдетъ за кого-нибудь за-мужъ (она и дѣйствительно вышла потомъ за человѣка весьма достойнаго), угнетала меня, лишала спокойствія, лишала сна. Нерѣдко, посреди самыхъ танцевъ, навертывались у меня на глазахъ слезы, когда я видѣлъ, какъ она

кружилась въ вальсѣ, или неслась въ экосезѣ, съ кавалеромъ, старѣе меня лѣтами, а особливо съ тѣмъ, за кого, какъ сказано, вышла впослѣдствіи за-мужъ, и котораго я же ввелъ въ домъ ихъ. Я удалялся изъ танцовальной залы, уходилъ въ какую-нибудь дальнюю, мало освѣщенную комнату, и тамъ, сидя въ темномъ уголку, тихонько плакалъ. Примѣтя мое отсутствіе, она спѣшила отыскать меня, отирала платкомъ своимъ слезы, но онѣ отъ этого только что усиливались. «Братецъ, милый братецъ — говорила она симпатичнымъ своимъ голосомъ — что̀ это? отчего эти слезы? перестаньте, пойдемте танцовать!» Наименованіе «братца» она дала мнѣ при самомъ началѣ нашего сближенія, очевидно, для прикрытія своей ко мнѣ нѣжности, продолжала же, и притомъ чаще и чаще, какъ надобно полагать, для тонкаго вразумленія, что между нами, судя по обстоятельствамъ, по моимъ лѣтамъ, не можетъ, не должно существовать другихъ отношеній, кромѣ подобныхъ родственныхъ. Дѣлаю это заключеніе потому, что хотя она была моложе меня, но, какъ женщина, была смѣтливѣе, умнѣе семнадцатилѣтняго юноши, скорѣе опомнилась, скорѣе увидѣла, что между нами лежитъ цѣлая бездна, и что безумная страсть моя можетъ наконецъ надѣлать ей непріятностей. Такъ и случилось, какъ увидимъ ниже. Года чрезъ полтора была она помолвлена. Предоставляю всякому вообразить, каково было положеніе мое при этой вѣсти? Надобно идти поздравлять; но у меня недоставало на это силы: я сказался больнымъ и отправился въ нашу университетскую больницу, находившуюся въ томъ же домѣ. Незадолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Казань одинъ веселый и, какъ говорится, разбитной господинъ, искавшій мѣста адъюнкта. Смѣтивъ, что старикъ Яковкинъ любитъ погулять, онъ вздумалъ дать ему вечерній праздникъ, на его же, Яковкина, загородной дачѣ, съ иллюминаціей, съ фейерверкомъ, какъ водится, и зная, что я коротокъ въ домѣ, а притомъ хорошо принятъ въ лучшемъ казанскомъ обществѣ (мнѣ уже былъ тогда девятнадцатый годъ, я уже слылъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ), пріѣхалъ звать меня. Сначала я отговаривался нездоровьемъ, хотя, по невозможности долѣе двухъ недѣль притворяться больнымъ, считался уже на выпускѣ, но узнавъ изъ разговора, что женихъ боленъ и не будетъ на праздникѣ, согласился, Пріѣхавъ попозже и выпивъ при входѣ въ садъ, для храбрости, стаканъ пуншу, я отправился искать невѣсту. Сдѣлавъ шаговъ сто, вижу, что она ходитъ съ сестрою по дальней пустой аллеѣ. Слава Богу! Онѣ однѣ: иду къ нимъ на встрѣчу, кажется, смѣло, но едва сошлись — прильпне языкъ къ гортани; кое-какъ, несвязно, дрожащимъ голосомъ

что-то я пролепеталъ ей. Смущеніе охватило насъ обоихъ, но она скорѣе изъ него вышла и старалась принять опять тонъ родственнаго со мною обращенія; перенесла разговоръ на сестеръ моихъ, на свою къ нимъ дружбу, просила имъ кланяться, такъ-какъ дня чрезъ три я долженъ былъ ѣхать на вакацію въ деревню. Недовольный собою, я отошелъ отъ нея — выпилъ, съ отчаянія, еще два стакана пуншу; но не почувствовалъ опьяненія, а только сталъ развязнѣе и пошелъ поцѣловать руку матери, которой амфитріонъ предоставилъ роль хозяйки. Эта женщина умная, любезная, красивая и еще молодая, имѣвшая не болѣе 35 лѣтъ, давно уже, съ самаго начала, примѣтила страсть мою къ ея дочери и нисколько не мѣшала развиваться взаимнымъ нашимъ чувствамъ, постоянно меня ласкала, отличая отъ другихъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ домъ ихъ. Казалось, она втайнѣ желала дождаться времени, когда я, повозмужавъ,. женился бы на ея дочери. Даже и теперь замѣтно было въ ней сожалѣніе, что подвернувшійся женихъ—не я, а другой. Когда я, поздравилъ ее не безъ замѣшательства, сѣлъ подлѣ, она, постигая внутреннее состояніе души моей, осыпала меня ласками. Тронутый такимъ нѣжнымъ вниманіемъ къ настоящему моему положенію, я расчувствовался, безпрестанно цѣловалъ ея руки и наконецъ склонилъ ей на грудь отуманенную мою голову, стараясь скрыть мои слезы, но она ихъ примѣтила, и оросила собственными слезами мои щеки. Ни я, ни она, — мы ничего яснаго не сказали другъ другу, но, кажется, очень понимали другъ друга. Для вѣрности картины надобно добавить, что это происходило при слабомъ освѣщеніи гаснувшихъ уже плошекъ. Праздникъ продолжался до разсвѣта. Въ теченіе ночи, проведенной въ саду, у самаго берега Казанки, комары такъ искусали мнѣ ноги — а я былъ по тогдашней модѣ въ башмачкахъ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ — что не осталось ни одного живого мѣстечка; но я, разгоряченный любовью и пуншемъ, этого не чувствовалъ и примѣтилъ только раздѣваясь. Въ четыре часа утра всѣ разомъ двинулись въ обратный путь. Поощренный ласками и участіемъ матери, я оставилъ мои дрожки и вскочилъ на запятки коляски, въ которой ѣхала она съ дочерьми, чтобы еще хотя нѣсколько минутъ, безъ помѣхи, свободно полюбоваться на милое, обожаемое мною существо, отъ меня ускользавшее. Когда къ вереница экипажей въѣзжала въ городъ, кто-то изъ родственниковъ закричалъ: «къ жениху! надобно невѣстѣ навѣстить больного, сдѣлать ему пріятный сюрпризъ!» Предложеніе было принято, и одинъ изъ свиты поскакалъ предупредить счастливца о неожиданномъ и, по правдѣ сказать, весьма несвоевременномъ

посѣщеніи. Благоразуміе требовало сойти съ коляски, сѣсть на дрожки и уѣхать домой, но, странное дѣло! — мнѣ захотѣлось горестнаго удовольствія — видѣть сцену свиданія жениха съ невѣстою. Я послѣдовалъ за семействомъ Яковкина даже до гостиной, но почувствовавъ, что меня бьетъ лихорадка, и что едва могу держаться на ногахъ, сталъ, прислонясь спиною къ печи. Женихъ вышелъ въ халатѣ, они обнялись. Въ ту же минуту выбѣжалъ я изъ комнаты, на дрожки и—домой. Этотъ неизвинительный, можно сказать, безумный мой поступокъ, не могъ быть не замѣченъ счастливымъ моимъ соперникомъ, о чемъ онъ въ свое время и припомнилъ.

Къ великому для меня счастію свадьба совершилась въ мое отсутствіе; я загостился тогда у дяди, и очень былъ ему благодаренъ, что онъ, по всегдашнему своему обыкновенію, со дня на день меня удерживалъ. Каково было бы мое положеніе, еслибъ въ эти роковые для меня дни находился я въ Казани? По близкимъ дружескимъ отношеніямъ семейства нашего съ Яковкиными, по личной моей, всѣмъ извѣстной, короткости въ ихъ домѣ, нельзя бы мнѣ было не принять участія во всѣхъ событіяхъ брачнаго торжества. Но какую-жъ бы я представлялъ тутъ роль, и могъ ли бы ее выдержать? Чрезъ три мѣсяца возвратился я въ городъ. Кажется, довольно времени для возможнаго успокоенія бунтующей страсти, для обсужденія, для приготовленія, какъ держать себя, но нѣтъ! при одной мысли, что мнѣ прежде всего надобно вынести тяжкое испытаніе — поздравить новобрачныхъ — захватывало дыханіе. Впрочемъ, думалъ я, лишь бы мнѣ перейти этотъ Рубиконъ, а тамъ я постараюсь превозмочь себя, найдусь, какъ себя поставить, особливо при помощи разсѣянія, при пособіи наступающихъ городскихъ увеселеній, которымъ вполнѣ предамся, и тѣмъ свободнѣе, что я уже кандидатъ 12-го класса [1]), что могу располагать образомъ моей жизни. Но какъ я ни гадалъ, ни думалъ, какъ, повидимому, ни хорошо избралъ, для совершенія этого тяжкаго подвига, сумерки ноябрьскаго дня, когда молодые были у родителей, мужество мое въ рѣшительную минуту исчезло. Прохожу первыя двѣ комнаты — новобрачныхъ нѣтъ; останавливаюсь на нѣсколько минутъ съ матерью; вхожу въ третью — они стоятъ одни, положа другъ другу на плечи руки, стало быть, въ самомъ нѣжномъ взаимномъ созерцаніи. Я растерялся, замѣшательство сдѣлалось общимъ.

[1]) Еще въ бытность мою у дяди получилъ я извѣстіе о производствѣ моемъ въ кандидаты. Тогда они считались въ 12 классѣ; впослѣдствіи, званію сему предоставленъ былъ 10-й классъ.

Какими словами всѣ трое обмѣнивались мы въ эту минуту — совершенно не помню; помню только, что онъ мое, а я его смущеніе очень примѣтили, и старались всячески отъ него освободиться. Когда-жъ, обращаясь къ молодой, я сказалъ, что имѣю къ ней отъ сестры моей письмо и посылочку, которыхъ однакожъ теперь со мною нѣтъ, она просила меня привезти ихъ къ ней на домъ, примолвивъ, чтобы я не забывалъ старыхъ друзей, посреди разсѣянности большого свѣта, что уже слышно о многихъ, готовящихся въ городѣ балахъ, что я вѣроятно буду въ нихъ участвовать, и проч. Спасибо ей: разговоръ получилъ другое, болѣе свободное направленіе, для всѣхъ насъ облегчительное. Признаться, мнѣ искренно желалось, для обоюднаго спокойствія, вовсе не бывать у нихъ и, сколько можно, встрѣчаться рѣже; но какъ это сдѣлать при отношеніяхъ, существовавшихъ между нашими семействами, и той пріязни, въ которой находился я съ моимъ соперникомъ? Если-жъ со времени помолвки мы съ нимъ не видались, то это только вслѣдствіе мнимой моей, потомъ настоящей его болѣзни, а наконецъ, по причинѣ продолжительнаго отсутствія моего изъ города; размолвки же никакой между нами не было; слѣдственно, приличіе требовало совершенно противнаго моему желанію и поставляло меня въ настоящіе тиски. Дня черезъ два я къ нимъ поѣхалъ; засталъ дома одну молодую хозяйку, вручилъ ей письмо и посылочку сестры моей, и во все время бесѣды нашей держалъ себя какъ нельзя лучше; она—также. Ни однимъ словомъ, ни съ той, ни съ другой стороны, не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на прошедшее, какъ будто его не бывало: мы говорили о вещахъ обыкновенныхъ. Вдругъ входитъ супругъ—и на лицѣ его сверкнуло неудовольствіе, какъ онъ ни старался это скрыть. Вскорѣ послѣ того я опять заѣзжалъ къ нимъ: мнѣ хотѣлось себя испытывать, привыкать постепенно къ роли, въ которой такъ хорошо началъ я дебютировать — и опять мужа не было дома. Въ праздникъ Рождества, возвращаясь отъ старика Яковкина, котораго пріѣзжалъ поздравить, встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ. Странно было бы не остановиться и не перекинуть другъ другу нѣсколько простыхъ, привѣтственныхъ словъ. Глядь, съ низу подымается супругъ ея, дѣлавшій визиты особо, и здоровается со мною очень сухо. Что это значитъ, думалъ я? Неужели ревность? Такъ и вышло. Наканунѣ Крещенья получаю отъ Яковкиной ласковую записку, съ просьбою заѣхать въ такомъ-то часу. Заѣзжаю, она принимаетъ меня наединѣ, расплаканная; объявляетъ, что между молодыми супругами произошелъ раздоръ, что дочь ея третій день живетъ уже не дома, а у нея, что можно

опасаться совершеннаго разрыва — и все отъ ревности ко мнѣ; что она меня не обвиняетъ, а относитъ это къ подозрительному характеру зятя, который, въ оправданіе свое, указываетъ на прошлогоднее ночное посѣщеніе мое при возвращеніи съ дачи, на крайнее замѣшательство мое при поздравленіи молодыхъ, на визиты мои въ его отсутствіе, на встрѣчу мою съ его женою на лѣстницѣ, встрѣчу, по его мнѣнію, условленную. Далѣе говорила, что если какъ-нибудь удастся примирить ихъ прежде огласки, то она убѣдительно проситъ меня болѣе къ нимъ не ѣздить. Съ признательностью выслушавъ такое откровенное объясненіе, притомъ будучи чистъ въ моей совѣсти, и самъ искренно желая удаленія, я обѣщалъ исполнить, и въ точности исполнилъ ея желаніе. Супруги, благодаря Бога, чрезъ нѣсколько дней помирились и жили потомъ счастливо.

Эта первая любовь, столь сильно охватившая юное мое сердце, много повредила моимъ занятіямъ науками, но за-то развила, увеличила склонность мою къ поэзіи и сочувствіе къ природѣ. Въ самое это время началъ я писать идилліи, и въ одной изъ нихъ «Дафнисъ и Милонъ» изобразилъ тогдашнее мое положеніе.

Вотъ, еще одно изъ сладостнѣйшихъ воспоминаній объ университетской жизни. Это—время вакацій. Съ какою, бывало, радостью передъ Рождествомъ, на страстной недѣлѣ, или послѣ лѣтнихъ экзаменовъ, спѣшилъ я, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ, въ деревню, гдѣ уже съ часу на часъ ожидали насъ нѣжнѣйшая мать, милыя сестры, добрый старшій братъ, почтенная старушка тетушка, любившая меня, какъ говорится, безъ памяти. Все въ домѣ принимало веселый, праздничный видъ; на всѣхъ лицахъ сіяло удовольствіе; няни наши, особливо одна (дай ей Богъ царство небесное), почтеннѣйшая, привязанная къ намъ старушка, какихъ, кажется, теперь не бываетъ, мой дядька, слуги и горничныя — всѣ хватали наши руки, съ выраженіемъ самой теплой преданности. Время проходило непримѣтно въ семейныхъ бесѣдахъ, въ какихъ-нибудь пріятныхъ занятіяхъ и забавахъ. Зимою, по вечерамъ, всего чаще чтеніе вслухъ, днемъ въ ясную погоду — катанье въ саняхъ, съ лихими пристяжными, которое обыкновенно устраивалъ старшій братъ нашъ, большой любитель лошадей; лѣтомъ—верховая ѣзда, охота съ ружьемъ, всегда удовлетворительная, по множеству всякаго рода дичи, прогулки всею семьею въ полѣ, по берегу рѣчки, извивавшейся самымъ прихотливымъ образомъ, или въ лѣсъ за ягодами, окружавшій деревню со всѣхъ сторонъ и рисовавшійся на горизонтѣ въ различныхъ живописныхъ очертаніяхъ, всего съ полверсты отъ дома. И что это былъ за лѣсъ! Его наполняли не сосна, не береза,

не ольха, а огромные дубы, вязъ, кленъ, липа, сплошной орѣшникъ и малинникъ. О, какъ я любилъ иногда забраться въ самую глушь его — побесѣдовать съ самимъ собою, прислушаться къ щебетанію птицъ, или къ отдаленной пѣсни дровосѣка. Тамъ находилъ я отжившія вѣкъ свой, поврежденныя вѣтромъ, такія деревья, что съ трудомъ могъ перелѣзать чрезъ нихъ. Еще съ бо́льшимъ удивленіемъ останавливался я надъ пнями, имѣвшими, почти невѣроятно — около сажени въ поперечникѣ. Дубъ, стоявшій когда-то на этомъ подножіи, конечно, засталъ еще болгарское въ странахъ сихъ владычество и видѣлъ Батыево нашествіе. Увы! теперь не осталось и слѣдовъ этого прекраснаго лѣса. Святотатственный топоръ принесъ его въ жертву корысти. Любя цвѣты, я находилъ также большое удовольствіе помогать сестрамъ разсаживать ихъ въ полисадникѣ, а въ послѣдній пріѣздъ на вакацію собственными руками садилъ молодыми деревьями три островка, на мельничномъ прудѣ. Пруда болѣе нѣтъ, но посаженныя мною на бывшихъ островахъ деревья представляютъ теперь густую, тѣнистую рощу. Простыхъ деревенскихъ увеселеній — на святкахъ игрищъ, весною — хороводовъ, я не только не чуждался, но почти всегда лично въ нихъ участвовалъ. Мнѣ хотѣлось тѣмъ поддержать эти старинные обычаи, знаменующіе русскую народность, и оградить ее отъ вторженія какихъ-нибудь другихъ обыкновеній или забавъ, ей несвойственныхъ, вредныхъ народнымъ нравамъ. Матушка охотно позволяла мнѣ собирать объ Рождествѣ въ залу нашу, такъ-называемыхъ, святошныхъ (святочныхъ), т. е. переряженныхъ въ разные, весьма незатѣйливые костюмы, преимущественно изъ числа дворовыхъ, съ хоромъ горничныхъ, предводимыхъ нянею, которая была помоложе упомянутой прежде, и веселаго нрава; весною же, на лугу, недалеко отъ барскаго дома собиралась по вечерамъ толпа крестьянскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, ожидая моего появленія, чтобы начать хороводъ. Скучненько подчасъ мнѣ было съ ними; звонкіе женскіе голоса терзали иногда слухъ мой, но я этого не показывалъ; за-то онѣ, довольныя присутствіемъ молодого барина, веселились отъ души, соблюдали въ играхъ всѣ вѣковыя условія, пренебрегая прежде нѣкоторыми; старались пѣть тѣ изъ самыхъ старинныхъ пѣсенъ, которыя мнѣ болѣе нравились, хотя знали много и новыхъ, много неодобряемыхъ; за-то всѣ, и въ деревнѣ и во дворѣ, исключительно меня любили. Бывъ нынѣшнимъ лѣтомъ на родинѣ, я встрѣтилъ, выходя изъ церкви, одну старушку, прежнюю хороводную пѣвицу. Она остановила меня и съ увлеченіемъ, по-своему, разсказывала, какъ онѣ помнятъ участіе мое въ ихъ забавахъ, какъ о томъ

передаютъ дѣтямъ своимъ. Довелось мнѣ въ Троицынъ день взглянуть и на хороводъ — все не то, что̀ было прежде: вяло, безъ одушевленія; другія, незнакомыя мнѣ, пѣсни, ситцевые рукава вмѣсто полотняныхъ, пестрые передники вмѣсто бѣлыхъ. Видно и къ нимъ проникаетъ такъ-называемый прогрессъ; только не знаю, къ добру, или къ худу? скорѣе къ послѣднему.

Такъ проходило время пребыванія моего въ нѣдрахъ семейства и, къ сожалѣнію, какъ я уже выразился, проходило непримѣтно. Наступалъ день разлуки. Мрачный вставалъ я съ постели, мрачнымъ казалось мнѣ самое ясное утро. Грустныя лица окружающихъ, на дворѣ хлопотня около экипажа, уже выдвинутаго изъ каретника, въ комнатахъ укладка въ чемоданы, приготовленіе завтрака, ранѣе обыкновеннаго, — все напоминало о близкомъ разставаньи и тяготило душу. Когда-жъ, послѣ обычнаго молебна въ путь напутствующихъ, всѣ собравшіеся въ гостиную, посидѣвъ немного, молча, вставали, чтобы еще нѣсколько помолиться, и я подходилъ наконецъ къ матери принять поцѣлуй ея и благословеніе, — неудержимыя слезы исторгались изъ глазъ моихъ. Я стоялъ передъ нею, благоговѣйно склоня голову, а она медленно, произнося шопотомъ молитву, осѣняла меня своими благословеніями. О! мнѣ казалось тогда, что изъ руки ея изливалась на меня благодать свыше. Забуду ли когда священныя эти минуты? Если я до сихъ поръ счастливо, можетъ-быть счастливѣе другихъ, проходилъ поприще жизни, — не подвергался никакому особенному бѣдствію, если постоянно пользовался расположеніемъ добрыхъ, благородныхъ людей, и пріобрѣлъ какое-нибудь имя, которое не стыдно мнѣ будетъ передать моимъ дѣтямъ, то всѣмъ этимъ обязанъ я не себѣ, а молитвамъ и благословеніямъ матери. Я и теперь вижу иногда во снѣ, что она меня благословляетъ.

Наступилъ вѣчно-памятный 1812 годъ — третья и послѣдняя борьба Александра съ Наполеономъ. Слышимъ, что войска наши собрались на западной границѣ; слышимъ, что выступила въ походъ гвардія, что императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильно, далѣе узнаемъ, что Наполеонъ въ Дрезденѣ, что онъ въ Варшавѣ, наконецъ, что онъ перешелъ Нѣманъ и съ огромною арміею вторгнулся въ наши предѣлы. По мѣрѣ того, какъ доходили до насъ эти извѣстія, ненависть къ врагамъ, ужасъ войны внутри государства, и какой-то страхъ, наводимый именемъ Наполеона, доселѣ непобѣдимаго, вездѣ торжествовавшаго, наполняли сердца всѣхъ сословій. Произнесенный государемъ обѣтъ — не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ царствѣ русскомъ, принятый со всеобщимъ умиленіемъ и при-

знательностью, освѣжилъ сердца надеждою, возстановилъ мужество. Съ единодушнымъ рвеніемъ и быстротою составилось ополченіе: старъ и младъ стали подъ знамена. Всѣ городскія удовольствія, всѣ занятія были остановлены; одни извѣстія изъ арміи, нетерпѣливо ожидаемыя, поглощали наше вниманіе. Образованное общество преимущественно собиралось около заслуженныхъ, пожилыхъ генераловъ — толковать о ходѣ событій, о судьбѣ отечества. Вѣсть о прибытіи Кутузова къ арміи, и кровопролитное Бородинское сраженіе и прокламаціи графа Ростопчина утѣшали насъ, подкрѣпляли упованіе на успѣхъ праваго дѣла; но вдругъ пресѣклось всякое сообщеніе съ Москвою. Трудно изобразить, что̀ мы чувствовали въ этой тяжкой неизвѣстности, продолжавшейся болѣе двухъ недѣль, и разразившейся, наконецъ, сначала слухомъ, а потомъ объявленіемъ правительства, что Москва занята непріятелями, что она погибла въ пламени; — перехожу собственно къ себѣ.

Пропитанный самою жаркою любовью къ отечеству, обожая государя, ненавидя Наполеона, за которымъ неотступно слѣдилъ съ 1804 года, постоянно читая газеты [1]), могъ ли я, при настоящихъ обстоятельствахъ, остаться только зрителемъ оныхъ? Я написалъ къ дядѣ, безъ согласія котораго ничего важнаго въ семействѣ нашемъ не дѣлалось, что хочу вступить въ военную службу, и прошу на это его разрѣшенія, что ожидаемое на-дняхъ прибытіе офицера въ Казань, для вербованія гусарскаго графа Салтыкова полка, представляетъ къ тому все удобство; что на основаніи состоявшагося тогда указа я могу быть принятъ поручикомъ, что мнѣ стыдно въ такую пору не стать въ ряды защитниковъ отечества. Дядя похвалилъ мое намѣреніе, но прибавилъ, что рѣшитъ дѣло при личномъ со мною свиданіи, надѣясь скоро быть въ Казани. Въ характерѣ этого достойнѣйшаго и глубоко-чтимаго мною человѣка была, можно сказать, комическая странность — необыкновенная во всемъ медлительность. За всякое дѣло онъ принимался съ живостью, но когда доходило до настоящаго дѣйствія — откладывалъ со дня на день, даже съ года на годъ. Довольно сказать, что, имѣя большія дѣла въ сенатѣ, онъ взялъ 12 подорожень, чтобы ѣхать въ Петербургъ,

---

[1]) Однажды, будучи еще 12 лѣтъ, я взялъ какъ-то въ руки лежавшія на столѣ «Московскія Вѣдомости». Онѣ развернулись на заговорѣ Моро, Пишегрю и Жоржа. Чтеніе это такъ завлекло меня, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующей почты и съ тѣхъ поръ не оставлялъ уже безъ прочтенія ни одного нумера. Наполеонъ игралъ тогда главную роль на политической сценѣ Европы. Я не выпускалъ его изъ вида, отъ всего сердца желая дождаться его гибели. А когда онъ погибъ, и когда потомъ исторія вступила въ права свои — я съ нимъ помирился.

и ни по одной не поѣхалъ. Хотя отвѣтъ его былъ для меня ободрителенъ, но намѣреніе пріѣхать для окончательнаго рѣшенія, судя по сказанной его медлительности, приводило меня въ уныніе. Однакожъ, нечего дѣлать, надобно было терпѣливо ждать. Жду; жду мѣсяцъ, другой — нѣтъ моего дядюшки, а пишетъ, что собирается, да не очень хорошо себя чувствуетъ; какъ же скоро поправится, тотчасъ пріѣдетъ, но собственно о намѣреніи моемъ не говоритъ уже болѣе ни слова. Между тѣмъ французы оставили Москву, разбиты подъ Малоярославцемъ, подъ Краснымъ, преслѣдуемы до границы; навербовавшійся полкъ графа Салтыкова готовится выступить, а дядя мой ни съ мѣста: увѣдомляетъ, что ему все не здоровится. Въ концѣ декабря, ѣдемъ къ нему всею семьею, чтобы провести съ нимъ праздникъ Рождества Христова. Онъ встрѣчаетъ меня, нѣжно обнимая, словами: «Ну спасибо, Володя, что ты меня старика послушалъ, не пошелъ въ военную службу». Слова эти меня удивили; я вовсе не думалъ отказываться отъ военной службы, и ждалъ только личнаго съ нимъ свиданія. Хотѣлъ возразить; но остановился, опасаясь, чтобы, по моей и его вспыльчивости, разговоръ не принялъ оборотъ непріятный. Дня за три до нашего отъѣзда, я, однакожъ, рѣшился спросить его:

— Чѣмъ же вы, дядюшка, рѣшаете судьбу мою?

— Какъ, чѣмъ? отвѣчалъ онъ: вѣдь ты остаешься продолжать ученую службу.

— Но я хотѣлъ вступить въ военную, и вы одобрили мое намѣреніе.

— Одобрилъ, когда была война.

— Но она продолжается, и можетъ быть долго еще продолжится. Я успѣю принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Вотъ вздоръ какой! французы изгнаны изъ Россіи; притомъ теперь зима; зимою не воюютъ, того и смотри—услышимъ о заключеніи мира.

— Не воевали въ ваше время, а теперь другая система войны; теперь воюютъ не останавливаясь. И смѣшно было бы, если бы армія наша расположилась на винтеръ-квартирахъ, какъ бывало въ старину. Увѣряю васъ, что война продолжится.

— Да что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ? Пророчишь что ли?

Я не могъ продолжать равнодушно разговора, рѣшавшаго судьбу мою; а тонъ его вопроса поджогъ мою вспыльчивость.

— Не пророчу, отвѣчалъ я, а скажу только, что въ дѣлѣ этомъ дальше васъ вижу.

— Ну такъ я замолчу, произнесъ онъ съ глубокимъ огорченіемъ.

И замолчалъ. И промолчалъ всѣ три остальные дня нашего у него пребыванія, хотя любилъ въ особенности разговаривать со мною. О, какъ тяжелы показались мнѣ эти безконечные три дня! Какъ раскаявался я въ томъ, что оскорбилъ дерзкимъ словомъ человѣка, столь искренно любимаго мною и уважаемаго! Нѣсколько разъ покушался пойти въ кабинетъ къ нему извиниться, но мысль о такомъ обидномъ рѣшеніи участи моей и какая-то гордость меня удерживали. Когда-жъ онъ въ послѣдній день, задержавъ, по обыкновенію своему, отъѣздъ нашъ съ утра до глубокой зимней ночи, и проводивъ за шесть верстъ, чтобы видѣть, какъ спущенъ будетъ съ высокой крутой горы экипажъ матушки, пошелъ отъ одной повозки къ другой прощаться, я былъ въ тревожномъ сомнѣньи, подойдетъ ли онъ къ той, въ которой я сидѣлъ съ меньшимъ братомъ. Но онъ подошелъ, и отстегнувъ полость, сказалъ: «Ну, прощай, Володя!» Я схватилъ его руку и съ жаромъ поцѣловалъ её, пристыженный его великодушіемъ. Онъ велъ со мною постоянную, хотя не частую переписку, дѣлая мнѣ разныя порученія въ городѣ и получая отъ меня свѣжія политическія новости. И теперь нельзя ему было прекратить сношеній со мною; но какая перемѣна въ тонѣ? Вмѣсто простого родственнаго *ты*, появилось въ письмахъ его вѣжливое *вы*, для меня терзательное; потомъ *вы* начало перемѣшиваться съ *ты*; наконецъ *ты* нечувствительно опять возобладало, такъ-что мало по малу взаимныя наши отношенія не только возстановились по-прежнему, но еще улучшились. Здѣсь кстати, хотя и не хронологически, сказать, что онъ, по самую кончину свою, послѣдовавшую съ небольшимъ двадцать лѣтъ назадъ, сохранилъ ко мнѣ самую нѣжную любовь, предпочтительно предъ моими братьями; хотѣлъ передать мнѣ все свое имѣніе, состоявшее въ двухъ тысячахъ душахъ; но по коварству одного человѣка, тоже умершаго — не хочу назвать его по имени — духовное завѣщаніе оставилъ не подписаннымъ.

Итакъ, мнѣ надлежало по-прежнему оставаться въ распоряженіи университета, имѣя въ виду или назначеніе меня учителемъ въ какую-нибудь гимназію, или, выдержавъ магистерскій экзаменъ, занять современемъ профессорскую каѳедру. Первое, по тогдашнимъ понятіямъ о дворянствѣ, казалось мнѣ невыносимымъ; второе требовало усиленныхъ занятій, а свѣтская жизнь, съ ея обольщеніями, въ которую вступилъ я съ успѣхомъ, увлекательнымъ для молодого человѣка, тому противилась. Такъ проходило около двухъ лѣтъ, когда, по окончаніи европейской войны, пріѣхали въ отпускъ двое сыновей жившаго въ Казани отставного сенатора Желтухина, оба генералъ-маіоры, оба увѣшенные

орденами. Меньшой изъ нихъ, Петръ Ѳедоровичъ, былъ человѣкъ съ достоинствами. Онъ служилъ сначала въ измайловскомъ полку; командуя потомъ лейбъ-гренадерскимъ, такъ отличился подъ Валутинымъ, на ретирадѣ отъ Смоленска, что обратилъ на себя вниманіе арміи; за Бородинское сраженіе произведенъ въ генералъ-маіоры; впослѣдствіи былъ начальникомъ штаба гвардіи, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, намѣстникомъ бессарабскимъ, правителемъ Молдавіи и Валахіи. Имѣлъ желчное сложеніе, оттого строгъ, и казался гордымъ, но гордость его имѣла основаніемъ чувство чести, высокое благородство, а не мелочное чванство.

Родитель его, человѣкъ богатый, умный, но слишкомъ рѣзкій на языкѣ, доживалъ свой вѣкъ, со старушкою женою, въ Казани. Домъ ихъ былъ, какъ говорится, открытый. Они принимали меня съ замѣтнымъ, въ сравненіи съ прочими молодыми людьми, вниманіемъ и ласкою; особенно рады были, когда, въ почтовый день, пріѣзжалъ я къ нимъ обѣдать и сообщалъ политическія новости, извлекаемыя мною изъ писемъ отъ брата, жившаго въ Петербургѣ, изъ «Сына Отечества» и «Академическихъ Вѣдомостей», которыя я только одинъ и получалъ въ Казани. Старушка-мать представила меня Петру Ѳедоровичу съ самымъ лестнымъ обо мнѣ отзывомъ. Онъ щелкнулъ шпорами и сказалъ: «очень радъ съ вами познакомиться». На третій послѣ этого день, 12 декабря, происходило въ университетѣ торжественное открытіе Общества любителей отечественной словесности, котораго состоялъ я членомъ. Къ этому торжеству предложено мнѣ было, или, лучше сказать, я самъ вызвался, написать похвальное слово императору Александру. Посѣтителей съѣхалось множество, до трехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ до пятидесяти дамъ. Казань была тогда полна оставшимися еще москвичами, наѣхавшими въ 1812 году, послѣ разгрома древней столицы, и отпускными офицерами. По назначенному порядку чтенія, мое похвальное слово было предпослѣднимъ; — ода же профессора Городчанинова оканчивала актъ. Когда настала моя очередь и когда я, взойдя на каѳедру, окинулъ взоромъ залу, наполненную такимъ множествомъ народа, у меня потемнѣло въ глазахъ. Помолчавъ съ минуту, я началъ читать, но отъ смущенія тихо, голосомъ не твердымъ; примѣтивъ же, что вдругъ настала глубокая тишина, какой до того не было, и въ слушателяхъ проявилось напряженное вниманіе—ободрился, читалъ смѣлѣе, громче; а когда сошелъ съ каѳедры, сѣлъ на свое мѣсто, ко мнѣ подошелъ маіоръ Ильинъ, хорошій мой пріятель, сидѣвшій позади Желтухина, и сказалъ: «Петръ Ѳедоровичъ въ восхищеніи, хочетъ

тебѣ выразить это, проситъ, чтобы ты подошелъ къ нему».—Не могу, отвѣчалъ я, актъ еще не кончился, и Городчаниновъ только-что взошелъ на каѳедру. Ильинъ передалъ отвѣтъ мой Желтухину и тотчасъ же опять ко мнѣ. Петръ Ѳедоровичъ говоритъ, что если ты не подойдешь къ нему, такъ онъ подойдетъ къ тебѣ, и тогда, пожалуй, всѣ за нимъ встанутъ. Нечего было дѣлать, я подошелъ. Желтухинъ, разумѣется всталъ,—чтобы взять меня за руку, и хотя не двинулся съ мѣста — весь первый рядъ креселъ, смотря на него, поднялся; тутъ все пришло въ движеніе, и ода профессора сдѣлалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Извините меня, сказалъ Желтухинъ, что я сухо обошелся съ вами третьяго дня; я васъ не зналъ. Между тѣмъ Ильинъ успѣлъ передать мнѣ, что вы желали поступить въ военную службу, но встрѣтили препятствіе со стороны начальства и вашего дяди. Надѣюсь отвратить эти препятствія. Не будете ли сегодня на балѣ дворянскаго собранія?

— Буду.

— Такъ объяснимся тамъ.

Пока онъ говорилъ, столпилось около насъ человѣкъ 20, болѣе военныхъ, а когда пересталъ и пошелъ,— они окружили меня и осыпали привѣтствіями; другіе изъ ближнихъ и дальнихъ рядовъ креселъ дѣлали мнѣ знаки одобренія. Я взглянулъ налѣво, гдѣ сидѣли дамы. Сестры мои отирали слезы.

На балѣ, лишь только я подошелъ къ Желтухину, какъ онъ взялъ меня не за руку, а подъ руку, совершенно по-дружески, повелъ въ боковыя комнаты, чтобы подробно разспросить о препятствіяхъ, встрѣченныхъ мною ко вступленію въ военную службу; а между тѣмъ дорогою изъявлялъ свое удивленіе, отчего я такъ хорошо знаю ходъ не только политическихъ событій, но и военныхъ дѣйствій, и хвалилъ чувства мои къ государю. Но едва мы сѣли, какъ ко мнѣ стали подходить съ поздравленіями тѣ изъ дамъ и мущинъ, которые не были на актѣ. «Невозможно, сказалъ Желтухинъ: лучше подите теперь танцовать, а завтра пріѣзжайте къ батюшкѣ обѣдать; тамъ намъ никто не помѣшаетъ».

На другой день послѣ обѣда пошли мы въ кабинетъ, гдѣ я и разсказалъ подробно, какъ въ 1812 году хотѣлъ поступить въ гусарскій графа Салтыкова полкъ, вербовавшійся въ Казани, куда, на основаніи состоявшагося предъ тѣмъ указа, могъ быть принятъ тѣмъ же чиномъ, т. е. поручикомъ, потому-что имѣлъ званіе кандидата 12 класса; какъ дядя мой (конечно изъ любви ко мнѣ) со дня на день откладывалъ рѣшеніе, до тѣхъ поръ,

когда полкъ вышелъ изъ города; какъ университетское начальство давало мнѣ чувствовать, что я, будучи казеннымъ воспитанникомъ, не могу располагать собою, и долженъ идти ученою дорогою. Объясненіе кончилось тѣмъ, что Желтухинъ потребовалъ отъ меня три экземпляра моего сочиненія, чтобы послать ихъ къ графу Строганову, своему дивизіонному командиру, къ Сипягину, начальнику гвардейскаго штаба, и къ Закревскому, дежурному генералу, и будетъ просить ихъ устроить дѣло такъ, чтобы я, примѣнительно къ тому указу, былъ принятъ въ лейбъ-гренадерскій его полкъ прапорщикомъ, «и тогда — примолвилъ онъ — вы мой адъютантъ, а съ дядюшкою вашимъ переговорю при первомъ свиданіи». Послѣднее было не нужно. Дядя мой, видя вниманіе ко мнѣ Желтухина, въ тотъ же день сказалъ мнѣ: «Ну вотъ, теперь ступай, пожалуй: и войны нѣтъ, и такой человѣкъ беретъ тебя подъ свое покровительство».

Въ концѣ января, всѣ трое — графъ Строгановъ, Сипягинъ и Закревскій, отвѣчали Желтухину (двое послѣднихъ были въ большой съ нимъ дружбѣ), что надѣются исполнить по его желанію, но что для этого нуженъ личный докладъ, нужно дождаться государя, котораго ожидаютъ съ Вѣнскаго конгресса къ первой недѣли поста. Съ искреннимъ и вмѣстѣ съ какимъ-то торжественнымъ удовольствіемъ читалъ онъ мнѣ эти письма, и съ тѣхъ поръ сталъ называть меня товарищемъ.

На масляницѣ собрался онъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы испросить позволеніе государя на вступленіе въ бракъ съ княжною Тенишевою, красавицею, въ которую былъ влюбленъ еще до начала войны. Прощаясь со мною на бывшемъ у него завтракѣ, онъ сказалъ: «Въ Страстную субботу я ворочусь сюда и привезу вамъ приказъ, что вы гвардейскій офицеръ и мой адъютантъ». Но Провидѣнію, видно, не угодно было, чтобы я шелъ стезею военною. Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы удержало государя за границею на цѣлый почти годъ. Возвратившійся въ Страстную субботу, Петръ Ѳедоровичъ съ горемъ объявилъ мнѣ, что безъ государя ничего нельзя было сдѣлать, да къ тому же 8 апрѣля былъ отмѣненъ и упомянутый указъ; убѣждалъ ѣхать въ Петербургъ и вступить хотя юнкеромъ, въ остающійся тамъ кексгольмскій полкъ, бывшій тогда подъ командою друга его Княжнина [1]), объясняя, что когда по правамъ

[1]) Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, сынъ извѣстнаго стихотворца, былъ очень умный, образованный человѣкъ, отличавшійся вѣжливостью прежнихъ временъ. Говорили, что онъ слишкомъ строгъ по службѣ и даже золъ, но изъ обращенія его ничего подобнаго заключить было нельзя. Я любилъ съ нимъ побесѣдовать.

студенческимъ, чрезъ полгода произведутъ меня въ офицеры, а вновь начинающаяся война будетъ еще продолжаться, онъ переведетъ меня въ свой полкъ. Но я не могъ согласиться, зная примѣры, что и со студенческими аттестатами иные служили до производства около двухъ лѣтъ. Не смотря на мой отказъ, Желтухинъ навсегда сохранилъ ко мнѣ самое доброе расположеніе и впослѣдствіи былъ въ поѣзжанахъ на моей сватьбѣ.

Такимъ образомъ, мнѣ оставалось взять отпускъ, ѣхать въ Петербургъ, просить высшее начальство объ увольненіи меня изъ ученаго вѣдомства и потомъ вступить тамъ въ гражданскую службу. Въ это самое время собирался въ Петербургъ же одинъ короткій знакомый нашъ, Семенъ Александровичъ Лихачевъ, чтобы отдать сына своего въ кавалергардскій полкъ. Признано было за удобнѣйшее отправить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бывалымъ, меня и меньшого брата моего Петра, назначеннаго тоже для поступленія въ кавалергарды. Нужно ли говорить, какъ грустно, какъ тяжело было мнѣ разставаться на неопредѣленное, и, конечно, на долгое время, съ матушкою, съ сестрами, съ братомъ, съ тетушкою? Первое, или, такъ-сказать, предварительное, разставанье послѣдовало въ деревнѣ, откуда всѣ, кромѣ тетушки, очень уже по преклонности лѣтъ слабой, поѣхали провожать насъ въ Казань. Наканунѣ отъѣзда изъ нашего Никольскаго я объѣхалъ верхомъ всѣ живописныя его окрестности, останавливаясь по нѣскольку минутъ въ мѣстахъ, которыя болѣе мнѣ нравились, которыя чаще посѣщалъ я,—прощаясь съ ними, какъ съ существомъ живымъ, меня понимающимъ. Увижу ли васъ когда-нибудь, милыя мѣста, думалъ я, обозрѣвая ихъ чуть не сквозь слезы? Въ дѣтствѣ моемъ вы были свидѣтелями забавъ моихъ, въ юности вдохновляли меня сельскою красотою своею. На васъ учился я изображать природу въ незатѣйливой, но плѣнительной простотѣ ея. Вы внушали мнѣ помышленія чистыя, благія, просвѣтляющія душу. Вы, кажется, сочувствовали мнѣ, когда я, въ обаяніи первой любви моей, такъ рано охватившей мое сердце, приходилъ сюда повѣрять вамъ тогдашнія мои чувства!...

Второе, окончательное разставанье было уже въ Казани. Послѣдніе три дня матушка ѣздила съ нами по церквамъ, служила молебны у раки святителей Гурія и Варсанофія, передъ чудотворнымъ образомъ Казанской Богородицы. Съ какимъ умиленіемъ молилась она, какія обильныя проливала слезы, ввѣряя насъ покровительству Божію!

Наконецъ, 29 іюля 1815 года, выплакавъ, по выраженію Карамзина, сердце, выѣхалъ я изъ Казани. Какъ ни занимала

меня моя будущность, какъ ни любопытенъ былъ я видѣть Москву, Петербургъ, — грусть о разлукѣ съ роднымъ семействомъ преобладала. Мы останавливались дня на два въ Лысковѣ, селѣ князя Грузинскаго, чтобы побывать на Макарьевской (нынѣ Нижегородская) ярмаркѣ, отдѣляемой отъ Лыскова только рѣкою. Полученное тутъ извѣстіе о вторичномъ низложеніи Наполеона чрезвычайно всѣхъ обрадовало, а меня и разсѣяло. При въѣздѣ въ Москву, еще на половину бывшую въ развалинахъ, схватила меня лихорадка. Въ Москвѣ прожили мы недѣлю; я лечился, но, не смотря на продолжавшуюся болѣзнь, успѣлъ посѣтить Мерзлякова и Каченовскаго, тогдашнихъ свѣтильниковъ нашей словесности. Добрый, простодушный Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, столько обязанный отцу моему, не зналъ, какъ выразить свое удовольствіе, что видитъ предъ собою сына перваго своего благодѣтеля, да еще и литератора—сочлена по Казанскому Обществу любителей словесности. Очень, очень обрадовался, когда узналъ, что я ѣду въ Петербургъ искать службы, но не имѣю тамъ почти никого знакомаго. «Такъ позвольте же мнѣ на васъ отплатить благодѣянія вашего батюшки, сказалъ онъ съ живостью; я дамъ вамъ письмо къ моему другу, Александру Ивановичу Тургеневу, котораго отецъ былъ другомъ вашего отца. Онъ въ Петербургѣ человѣкъ значительный, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, любимецъ князя Александра Николаевича Голицына и въ связяхъ со всѣми важными людьми».

Тургеневъ, когда по прибытіи въ Петербургъ и нѣсколько поосмотрѣвшись, я къ нему явился, принялъ меня радушно, какъ предсказывалъ Мерзляковъ. То былъ молодой еще человѣкъ, не болѣе 35 лѣтъ, красивой наружности, благородныхъ манеръ, обширнаго и вмѣстѣ блестящаго образованія, добрый, любезный, но нѣсколько разсѣянный—вѣроятно, отъ множества предметовъ, занимавшихъ его въ одно время, и въ сферѣ большого свѣта, и въ мірѣ служебномъ, и въ области учености. Онъ оказалъ мнѣ много доброжелательства; ходатайствовалъ у министра просвѣщенія объ увольненіи меня изъ ученаго вѣдомства, даже самъ подалъ ему мою просьбу, и научилъ, какъ и гдѣ дѣйствовать далѣе. Не легко однакожъ было мнѣ выкарабкаться: рѣшено тѣмъ, чтобы я откупился, т. е. внесъ деньги за все время воспитанія моего на казенномъ содержаніи. Когда-жъ получилъ я увольненіе—Александръ Ивановичъ предложилъ мнѣ мѣсто помощника столоначальника въ своемъ департаментѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда занимался я у него по дѣламъ Женскаго патріотическаго общества; но я отказался, не желая посвящать службѣ всего моего времени, а главное потому, что

мнѣ непремѣнно хотѣлось служить подъ начальствомъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, бывшаго тогда министромъ юстиціи, о которомъ еще съ дѣтства наслышался я отъ стариковъ, какъ о важномъ государственномъ человѣкѣ. Меня всегда привлекали люди, снискавшіе славное или, по крайней мѣрѣ, уважительное имя; но въ департаментѣ юстиціи не было свободнаго штатнаго мѣста по моему чину коллежскаго секретаря. Я рѣшился выжидать.

Хлопоты мои объ увольненіи изъ университета и опредѣленіе въ службу требовали частыхъ и иногда раннихъ выѣздовъ со двора, а сентябрь былъ уже на исходѣ, становилось холодно: я простудился и занемогъ опасно нервическою горячкою, прохворавъ до декабря мѣсяца.

Пріѣхавшій съ нами Лихачевъ нашелъ въ Петербургѣ родственника, свояка своего статсъ-секретаря Александра Александровича Витовтова, и, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, представилъ ему моего меньшого брата. При имени послѣдняго, Витовтовъ тотчасъ спросилъ, не родня ли ему Панаевъ, написавшій похвальное слово императору Александру, которое недавно читалъ онъ въ «Трудахъ казанскаго Общества любителей отечественной словесности»? Отвѣтъ былъ утвердительный, съ добавленіемъ со стороны Лихачева, что онъ конечно и меня представилъ бы, еслибъ въ настоящее время не находился я въ тяжкой болѣзни. Александръ Александровичъ изъявилъ сожалѣніе, и потомъ, то у Лихачева, то у брата, навѣдывался о моемъ здоровьи, нерѣдко говоря, что ему хотѣлось бы поскорѣе со мною познакомиться; узнавъ же, что я могу прохаживаться по комнатѣ, вздумалъ самъ навѣстить меня, безъ всякаго о томъ предваренія. Вдругъ, въ одно утро, входитъ ко мнѣ высокій, видный господинъ въ сѣромъ фракѣ, съ владимирскою звѣздою (скромный сѣрый фракъ былъ тогда въ употребленіи, особливо между значительными людьми). «Я—Витовтовъ—сказалъ онъ—пришелъ навѣстить васъ и тѣмъ ускорить наше знакомство.» Разумѣется, что первый визитъ мой по выздоровленіи былъ къ нему. Я нашелъ въ немъ человѣка весьма просвѣщеннаго, благороднаго, деликатнаго. Онъ любилъ литературу, особливо англійскую, изъ наукъ же — химію и философію. Семейство его заключалось въ сынѣ и четырехъ дочеряхъ, дѣвицъ тоже весьма образованныхъ и самаго милаго обращенія. Образъ жизни ихъ былъ на-манеръ англійскаго; въ каминѣ неугасимо горѣлъ каменный уголь; за столомъ, при небольшомъ числѣ блюдъ, преобладала мадера или тенерифъ; вмѣсто пирожнаго подавали изюмъ и миндальные орѣхи. Обращеніе его со мною было самое обязательное, и потому я часто посѣщалъ

домъ ихъ, танцуя иногда съ его дочерьми, или занимаясь съ ними разнаго рода играми, но болѣе бесѣдуя съ нимъ самимъ о предметахъ политическихъ и ученыхъ, особенно метафизическихъ, которымъ любилъ онъ предаваться, и которые имѣли впослѣдствіи вредное вліяніе на его разсудокъ.

Мечтая еще въ Казани о прибытіи въ столицу, всего нетерпѣливѣе желалось мнѣ видѣть двухъ человѣкъ — императора Александра, вознесшаго Россію на такую высокую степень славы, и Державина, пѣвца Екатерины. Но императоръ не возвращался еще съ Вѣнскаго конгресса, а Державинъ — мы пріѣхали въ Петербургъ въ августѣ — находился еще въ новгородской деревнѣ своей Званкѣ, и возвратился только въ декабрѣ.

Приступая къ разсказу о знакомствѣ моемъ съ знаменитымъ нашимъ поэтомъ, прежде всего, съ нѣкоторою, думаю, позволительною гордостью, долженъ я сказать, что, Гавріилъ Романовичъ причитался мнѣ, по матери моей, урожденной Страховой, внучатнымъ дѣдомъ. Родной братъ ея, а мой дядя, слѣдственно племянникъ Державина, часто упоминаемый Александръ Васильевичъ Страховъ, жившій, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины и въ первые — императора Павла, въ Петербургѣ, былъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ Державина, пользовался особеннымъ его расположеніемъ, дѣлилъ съ нимъ и радостныя и горькія его минуты, а послѣднихъ, какъ видно изъ записокъ Гавріила Романовича, [1]) было въ ту пору у него не мало. Поселясь впослѣдствіи въ казанскомъ своемъ имѣніи, дядя мой любилъ, бывало, особливо за ужиномъ, завести рѣчь о Державинѣ, о высокомъ его талантѣ, благородныхъ качествахъ, стойкости за правду, смѣлости при докладахъ по дѣламъ государственнымъ. Хотя ужины эти продолжались по большей части за полночь, но дядя мой говорилъ о любимомъ своемъ предметѣ съ такимъ одушевленіемъ, что я, не смотря на дѣтскій мой возрастъ, не только не дремалъ — слушалъ его съ жадностью, и мало по малу усвоилъ себѣ понятіе о Державинѣ, о его личности, даже о его домѣ и нѣкоторыхъ, болѣе оригинальныхъ, въ немъ комнатахъ. Хотя дядя мой вовсе не занимался литературою, но любилъ читать вслухъ стихотворенія Гавріила Романовича, помѣщенныя въ первой части его сочиненій, изданной въ 1798 году, экземпляръ которой подарилъ ему авторъ, съ слѣдующею собственноручною надписью: «Любезному племяннику

[1]) Записки Державина, писанныя имъ въ 1812 году и въ высшей степени любопытныя, хранятся у дѣвицы Бороздиной, дочери покойнаго Константина Матвѣевича Бороздина, которому передала ихъ Дарья Алексѣевна, вдова Державина.

Александру Васильевичу Страхову, въ знакъ дружбы.—Гаврила Державинъ» [1]). Старшіе братья мои, а вслѣдъ за ними и я, не только читали ихъ и перечитывали, но и выучили наизусть. Кстати разсказать здѣсь объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, какъ чтилось дядею нашимъ имя Державина. Мы сидѣли за обѣдомъ. Это было уже въ городѣ предъ поступленіемъ моимъ въ гимназію. Докладываютъ, что почталіонъ привезъ съ почты какую-то посылку. Приказано позвать его въ столовую. Почталіонъ подаетъ письмо и небольшую посылочку, въ формѣ книги. Дядя распечатываетъ письмо и съ восторгомъ вскрикиваетъ: *отъ Гавріила Романовича!* Державинъ увѣдомлялъ его о назначеніи своемъ въ министры юстиціи, звалъ въ Петербургъ, надѣясь быть ему полезнымъ въ тяжебныхъ дѣлахъ его, а въ заключеніе препровождалъ къ нему Хемницеровы басни, изданіе которыхъ, года за четыре предъ тѣмъ, принялъ на себя Державинъ и Оленинъ, и на которыя дядя мой подписался тогда у Державина. Не одна радость, а какое-то счастіе разливалось по благородному лицу дяди, когда онъ читалъ письмо; но всѣ присутствующіе были поражены, когда онъ изумленному почталіону подалъ, — какъ бы вы думали? бѣленькую пятидесяти-рублевую ассигнацію. Пятьдесятъ рублей въ то время, въ 1802 году, за письмо! Видно, что оно было драгоцѣнно.

Независимо отъ объясненной выше родственной связи семейства нашего съ Державинымъ, отецъ мой, принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами, еще до женитьбы на моей матери пользовался знакомствомъ и добрымъ расположеніемъ Державина. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служитъ нижеслѣдующее письмо отца моего, которымъ поздравлялъ онъ Державина съ полученіемъ ордена св. Владимира 2-й степени [2]):

Милостивый Государь,
Гаврила Романовичъ!

По искреннѣйшей преданности и привязанности къ вамъ моей сердечной, судите о той радости, какую я чувствовалъ, получа извѣстіе о послѣдовавшемъ къ вамъ во 2-й день сентября Монаршемъ Высочайшемъ благоволеніи. Моя радость была одна

[1]) Этотъ экземпляръ принадлежитъ нынѣ мнѣ.

[2]) Письмо это, и еще другое, отыскалъ въ бумагахъ Державина послѣ его кончины и доставилъ мнѣ, домашній секретарь его, Абрамовъ, находившійся при немъ продолженіе многихъ лѣтъ, и оставшійся въ его домѣ по самую смерть свою, согласно завѣщанію Державина. Другое письмо, болѣе любопытное, и начинающееся дружескимъ упрекомъ: *Неужели я никогда не буду имѣть удовольствіе читать вашей Фелицы*, передано мною М. П. Погодину, для богатаго собранія его автографовъ, находящагося нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

изъ тѣхъ, коихъ источникъ въ самой душѣ находится. Больше я не могу изъяснить. Примите мое поздравленіе съ новыми почестями на васъ возложенными. Богъ, любящій добродѣтель и правоту сердца, да умножитъ награды и благополучіе ваше — къ удовольствію добрыхъ и честныхъ людей. Съ симъ чисто-сердечнымъ желаніемъ и совершеннымъ высокопочитаніемъ пребуду на всегда,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга

Октября 11 дня 1793 года. Пермь. *Иванъ Панаевъ.*

Отецъ мой не могъ лично передать мнѣ никакихъ подробностей объ отношеніяхъ своихъ къ Державину, потому-что скончался, когда мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ; напротивъ, мать моя нерѣдко о немъ разсказывала слышанное отъ покойнаго своего супруга, сама же видала его только въ дѣтствѣ, въ домѣ матери своей, въ Казани, гдѣ находился онъ по случаю Пугачовскаго бунта, состоя въ свитѣ генераловъ, — сначала Александра Ильича Бибикова, а послѣ — графа Петра Ивановича Панина, командовавшихъ войсками, назначенными противъ самозванца. Она нерѣдко вспоминала объ этомъ времени, о родственныхъ ласкахъ къ ней Державина, и между прочимъ разсказывала, какъ однажды пріѣхалъ онъ къ нимъ для перевязки легкой раны, шпагою въ палецъ, полученной имъ на какой-то дуэли, прося объ этомъ не разглашать [1]). Будучи уже вдовою, она постоянно, передъ наступленіемъ новаго года, писала къ Гавріилу Романовичу поздравительныя письма и получала отвѣтныя поздравленія.

Такимъ образомъ, сперва семейныя преданія о Державинѣ, а потомъ его творенія, достоинства коихъ, по мѣрѣ возраста моего и образованія, становились для меня яснѣе и выше, произвели то, что онъ сдѣлался какимъ-то для меня кумиромъ, которому я въ душѣ моей покланялся, и часто говорилъ самъ себѣ: неужели я никогда не буду имѣть счастія видѣть этого великаго поэта, этого смѣлаго и правдиваго государственнаго мужа [2]).

---

[1]) Въ запискахъ Гавріила Романовича не упоминается о этой дуэли. Можетъ быть, случай былъ ничтожный. Пожалуй за карты, потому-что въ молодости своей, какъ и самъ въ запискахъ признается, велъ онъ азартную игру; часто проигрывалъ, но однажды выигралъ 50,000 рублей.

[2]) Кромѣ случаевъ, сообщенныхъ мнѣ дядею моимъ, изъ упомянутыхъ словъ Державина видно, какъ много полезнаго сдѣлано было, или предложено имъ въ теченіе многолѣтней его службы, въ какой постоянной борьбѣ за правду находился онъ съ

Университетскіе товарищи мои, посвятившіе себя словесности, тоже бредили Державинымъ, и въ свободное отъ классовъ время читали на-перебой звучные, сочные стихи его. Во всѣхъ углахъ, бывало, раздаются: то ода *Богъ*, то *На смерть Мещерскаго*, *На взятіе Измаила*, *На рожденіе Порфиророднаго отрока*, то *Къ Фелицѣ*, *Къ богатому сосѣду*, *Вельможа*, *Водопадъ* и проч.... Мы были признательнѣе настоящаго поколѣнія.

Въ 1814 году, когда я, будучи уже кандидатомъ, оставался еще при университетѣ, получилъ я однажды отъ брата моего, Александра, служившаго въ гвардіи, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что обѣдалъ на-дняхъ у Державина, и что Гавріилъ Романовичъ, между прочимъ, спросилъ его: «Не знаешь ли, кто это такой у васъ въ Казани молодой человѣкъ, Панаевъ же, который занимается словесностью и пишетъ стихи, именно идилліи?» — «Другой фамиліи Панаевыхъ (отвѣчалъ братъ), кромѣ нашей, въ Казани нѣтъ; это, вѣроятно, меньшой братъ мой, Владиміръ, который въ ребячествѣ оказывалъ наклонность къ поэзіи.» — «Такъ пожалуйста напиши къ нему, чтобы прислалъ мнѣ, что у него есть.»

Можете представить мое удивленіе, мою радость! Державинъ интересуется мною, моими стихами!

Тогда было написано у меня пять идиллій: я озаботился чистенько переписать ихъ и при почтительномъ письмѣ отправилъ къ Гавріилу Романовичу, прося сказать мнѣ, отъ кого узналъ онъ объ упражненіяхъ моихъ въ поэзіи. Но радость моя не имѣла предѣловъ, когда вскорѣ получилъ я благосклонный отвѣтъ его. Цѣлую зимнюю ночь не могъ я сомкнуть глазъ отъ пріятнаго волненія. Самый университетъ принялъ въ томъ участіе, профессора, товарищи—всѣ меня поздравляли. Такъ цѣнили тогда великихъ писателей, людей государственныхъ! Вотъ этотъ отвѣтъ, доселѣ мною сохраняемый:

Милостивый Государь мой, Владиміръ Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 26 октября и при немъ сочиненія вашего идиллій съ удовольствіемъ получилъ и прочелъ. Мнѣ не остается ничего другого, какъ ободрить прекрасный талантъ вашъ; но совѣтую дружески не торопиться, вычищать хорошенько слогъ, тѣмъ паче когда онъ въ свободныхъ стихахъ заключается. Въ семъ родѣ у насъ мало писано. Возьмите образцы съ древнихъ, ежели вы знаете греческій и латинскій языки, а ежели въ нихъ не искусны, то нѣмецкія Геснера могутъ вамъ послужить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинности нравовъ. Хотя климатъ нашъ суровъ, но и въ немъ можно найти красоты и въ физикѣ и въ морали, кото-

---

сильными людьми своего времени, какъ смѣло отстаивалъ ее предъ лицомъ Екатерины, Павла и Александра.

рыя могутъ тронуть сердце, безъ нихъ же все будетъ сухо и пусторѣчіе. Прилагаю при семъ и русскій образчикъ, который заслуживаетъ вниманіе наилучшихъ знатоковъ. Матушкѣ вашей свидѣтельствую мое почтеніе. Братецъ вашъ живетъ почти все въ Стрѣльнѣ; его здѣсь никогда почти не видно. Впрочемъ пребываю съ почтеніемъ

вашъ
Милостиваго Государя моего
покорный слуга

Гавриила Державина.

P. S. Мнѣ первый сказалъ о вашихъ Идиліяхъ г. Бередниковъ, который у васъ теперь въ Казани [1]).

Прилагаю здѣсь и присланные стихи; они дѣйствительно очень хороши, но не идиллія:

ЖАТВА.

Заплети волнисту косу,
Платье легкое надѣнь;
Серпъ возьми, а мнѣ дай косу;
Даша! въ полѣ встрѣтимъ день.

Споритъ свѣтъ еще со тьмою;
Но заря уже взошла.
Взглянь, какъ огненной струею
Весь востокъ она зажгла.

Все воскресло, оживилось:
Всходитъ Царь веселыхъ дней;
Море золота открылось
Съ зрѣлой жатвою полей.

Все, что глазъ нашъ ни окинетъ,
Мы легко съ тобой пожнемъ;
Лель на мигъ насъ не покинетъ,
Не устанемъ мы втроемъ.

Хлѣбъ себѣ трудомъ достанемъ;
Лишекъ съ бѣднымъ раздѣлимъ;
И чужимъ довольствомъ станемъ
Веселиться, какъ своимъ.

Копитъ пусть скупой доходы,
Пусть въ засѣкахъ рожъ гноитъ,
Самъ себя лиша свободы,
Надъ казной своей не спитъ.

Недостатокъ и забота
Съ роскошью отъ насъ ушли:
Ключъ златый намъ дастъ работа
Общей житницы — земли.

Такъ на что же плавить слитки,
Злато въ ямѣ хоронить?
Жизни не прибавить нитки,
Какъ ее ни золотить.

Кто сохой свой хлѣбъ находитъ,
Роясь вѣкъ въ землѣ сырой,
Тотъ безъ страха въ гробъ нисходитъ:
Онъ давно знакомъ съ землей!

Скуки, праздности не знаетъ;
Для него болѣзней нѣтъ:
Онъ на вѣткѣ увядаетъ,
Какъ плоды принесшій цвѣтъ.

Пусть богачъ одѣтъ парчами,
Пьетъ вино изъ чашъ златыхъ;
Пусть гордится теремами:
Не найдетъ покоя въ нихъ.

Взглянь на стебли возвышенны,
Что въ ихъ колосѣ пустомъ?
Тѣ, что скромно наклоненны,
Тѣ обильнѣе зерномъ.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Бередниковъ, впослѣдствіи извѣстный археологъ, членъ Археографической Коммиссіи и Академіи наукъ. Въ молодости своей, онъ два раза пріѣзжалъ въ Казань слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ.

Будемъ же судьбѣ покорны;
Низкость намъ отъ бури щитъ:
Вѣтръ ломаетъ дубъ нагорный —
По лозамъ онъ лишь скользитъ.

Страшно въ ровъ тому свалиться,
Кто юлитъ все на скалѣ;
Какъ паденья намъ страшиться?
Близко мы живемъ къ землѣ.

Но ужъ полдень наступаетъ;
Прячется подъ лѣсомъ тѣнь;
Насъ дубрава призываетъ
Подъ свою прохладну сѣнь.

Уберемъ снопы златые;
Щи горячія насъ ждутъ:
Сдобритъ кушанья простыя
При здоровьѣ легкій трудъ.

Пообѣдавъ, въ нашей волѣ
Лечь подъ липовымъ кустомъ;
Утро мы трудились въ полѣ;
Сладко часъ другой уснемъ.

Изголовье намъ душисто
Изъ цвѣтовъ положитъ Лель,
И подъ тѣнью ивы мшистой
Приготовилъ ужъ постель.

Лель! нашъ богъ и другъ сердечный,
Счастьемъ насъ благослови;
Вѣкъ нашъ былъ бы скукой вѣчной
Безъ подруги и любви.

О любовь! останься съ нами,
Какъ минетъ и юность дней;
Вмѣсто розъ, надъ сѣдинами
Ландышны вѣнки намъ свей.

Въ старости любить утѣшно;
Смерть, хотябъ пришла въ тѣ дни,
Мимо насъ пройдетъ поспѣшно,
Скажетъ: молоды они!

Бакунинъ.

Въ благодарственномъ отвѣтномъ письмѣ я, по студенческой совѣсти, никакъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать откровеннаго своего мнѣнія о стихахъ Бакунина; помню даже выраженія: «Если (писалъ я) литература есть своего рода республика, гдѣ и послѣдній изъ гражданъ имѣетъ свой голосъ, то позвольте сказать, что прекрасное стихотвореніе г. Бакунина едвали можетъ назваться идилліею; оно, напротивъ, отзывается и увлекаетъ любезною философіею вашихъ гораціанскихъ одъ.»

Признаться, я долго колебался—оставить или исключить изъ письма моего эту педантическую выходку, но школьное убѣжденіе превозмогло, и письмо было отправлено. Впослѣдствіи, будучи уже въ Петербургѣ, съ удовольствіемъ узналъ я отъ одного изъ ученыхъ посѣтителей Державина, что онъ остался доволенъ письмомъ моимъ, читалъ его гостямъ своимъ, собиравшимся у него по воскресеньямъ, и хвалилъ мою смѣлость.

Выше сказано, что мы пріѣхали въ столицу въ августѣ 1815 года. Петербургъ ликовалъ тогда славою недавнихъ побѣдъ нашей арміи, славою своего государя и вторичнымъ низверженіемъ Наполеона. На всѣхъ лицахъ сіяло какое-то веселіе, — въ домахъ пѣли еще:

Хвала, хвала тебѣ герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Заглохшая впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговля была въ полномъ развитіи. Погода, какъ нарочно, стояла прекрасная. Я спѣшилъ воспользоваться ею, чтобы осмотрѣть достопамятности столицы. Вскорѣ послѣдовала выставка Академіи художествъ, начинавшаяся тогда 1-го сентября. Отправляюсь туда; къ особенному удовольствію нахожу тамъ портретъ Державина, писанный художникомъ Васильевскимъ, и, какъ говорили мнѣ, очень схожій. Знаменитый старецъ былъ изображенъ въ малиновомъ бархатномъ тулупѣ, опушенномъ соболями, въ палевой фуфайкѣ, въ бѣломъ платкѣ на шеѣ и въ бѣломъ же колпакѣ. Дряхлость и упадокъ силъ выражались на морщиноватомъ лицѣ его. Я долго всматривался; невольная грусть мною овладѣла: ну, ежели, думалъ я, видимая слабость здоровья не позволитъ ему возвратиться на зиму въ Петербургъ; ну, ежели я никогда его не увижу [1]). На мое счастіе, въ декабрѣ мѣсяцѣ, какъ мы уже видѣли, Державинъ возвратился. Спустя нѣсколько дней ѣду къ нему.

Онъ жилъ, какъ извѣстно, въ собственномъ домѣ, построенномъ въ особенномъ вкусѣ, по его поэтической идеѣ, и состоявшемъ изъ главнаго въ глубинѣ двора зданія, обращеннаго лицомъ въ садъ, и двухъ флигелей, идущихъ отъ него до черты улицы, въ видѣ двухъ полукруговъ. Будучи проданъ по смерти вдовы Державина, домъ этотъ принадлежитъ теперь римско-католическому духовенству, нѣсколько измѣненъ, украшенъ въ фасадѣ; но главный чертежъ остался прежній. Смотря на него, невольно приводишь себѣ на память чьи-то старинные стихи:

Домъ Ломоносова, великаго піиты,
Жилищемъ сдѣлался Демидова Никиты!

У подъѣзда встрѣтилъ меня очень уже пожилой, небольшого роста, швейцаръ, и когда я сказалъ ему, кто я, онъ вскричалъ съ добродушнымъ на лицѣ выраженіемъ: «Да вы, батюшка, казанскіе, вы наши родные!» Швейцаръ этотъ, какъ я послѣ узналъ, былъ изъ числа тѣхъ трехъ Кондратьевъ, которыхъ Державинъ вывелъ на сцену въ одной шуточной своей комедіи [2]). Онъ принадлежалъ къ родовому имѣнію своего господина, и потому-то встрѣтилъ меня такъ привѣтливо. «Пожалуйте за мною на верхъ — продолжалъ онъ — я сейчасъ доложу.»

---

[1]) Дядя мой, по первому моему увѣдомленію объ этомъ портретѣ, купилъ его за 400 руб. По раздѣлу достался онъ брату моему Александру, у меня же—прекрасная съ него копія.

[2]) «Кутерьма отъ Кондратьевъ».

Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ кабинетъ великаго поэта. Онъ стоялъ посреди комнаты, въ томъ же колпакѣ, галстукѣ и фуфайкѣ, какъ на портретѣ, только вмѣсто бархатнаго тулупа, — въ сѣренькомъ серебристомъ, бухарскомъ халатѣ, и медленно, шарча ногами, шелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ овладѣвшаго мною замѣшательства не помню хорошенько, въ какихъ словахъ ему отрекомендовался; помню только, что онъ два раза меня поцѣловалъ, а когда я хотѣлъ поцѣловать его руку, онъ не далъ, и поцѣловавъ еще въ лобъ, сказалъ: «Ахъ, какъ похожъ ты на своего дѣдушку!»

— На котораго?—спросилъ я—и тотчасъ же почувствовалъ, что вопросъ мой былъ не кстати, ибо Гавріилъ Романовичъ не могъ знать дѣда моего съ отцовской стороны, невыѣзжавшаго никогда изъ Тобольской губерніи. «На Василія Михайловича (Страхова), съ которымъ ходили мы подъ Пугачева»—отвѣчалъ Державинъ.—«Ну, садись, продолжалъ онъ: вѣрно пріѣхалъ сюда на службу?»—«Точно такъ, и прошу не отказать мнѣ въ вашемъ, по этому случаю, покровительствѣ.»—«Вотъ то-то и бѣда, что не могу быть тебѣ полезнымъ. Иное дѣло, еслибы это было лѣтъ за 12 назадъ: тогда бы я тебѣ пригодился; тогда я служилъ, а теперь отъ всего въ сторонѣ.» Слова эти меня поразили. «Какъ—вскричалъ я—съ вашимъ громкимъ именемъ, съ вашею славою, вы не можете быть мнѣ полезнымъ?» «Не горячись—возразилъ онъ съ добродушною улыбкою—поживешь, такъ узнаешь. Впрочемъ, если гдѣ намѣтишь, скажи мнѣ, я попробую, попрошу.» Потомъ онъ сталъ разспрашивать меня о родныхъ, о Казани, о тамошнемъ университетѣ, о моихъ занятіяхъ, совѣтуя и на службѣ не покидать упражненій въ словесности; прощаясь же, просилъ посѣщать его почаще. Раскланявшись, я не вдругъ догадался, какъ мнѣ выдти изъ кабинета, потому-что онъ весь, не исключая и самой двери, состоялъ изъ сплошныхъ шкафовъ съ книгами.

Дней черезъ пять, часовъ въ десять утра, я опять отправился къ Державину, и въ этотъ разъ, не для одного наслажденія видѣть его, говорить съ нимъ, а для исполненія возложеннаго на меня Казанскимъ Обществомъ любителей отечественной словесности (котораго былъ я членомъ) порученія—исходатайствовать копію съ его портрета и экземпляръ новаго изданія его сочиненій. «Копію? да вѣдь это стоитъ денегъ»—сказалъ Державинъ, улыбаясь. Не ожидая такого возраженія, я нѣсколько остановился, но вскорѣ продолжалъ:—«За-то съ какою благодарностью приметъ Общество изображеніе великаго поэта, своего почетнаго члена, своего знаменитаго согражданина. Да и гдѣ прилич-

нѣе, какъ не тамъ, стоять вашему портрету?» — «Ну, хорошо, но съ котораго же списать копію? съ Тончіева, что̀ у меня внизу? да онъ очень великъ, поколѣнный.» — «А съ того, что былъ на нынѣшней академической выставкѣ?» подхватилъ я, и опять не кстати. — «Какъ это можно, помилуй, возразилъ онъ; тамъ написанъ я въ колпакѣ и въ тулупѣ. Нѣтъ, лучше съ того, который находится въ Россійской академіи, писанный отличнымъ художникомъ, Боровиковскимъ. Тамъ изображенъ я въ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ. Когда будетъ готовъ, я пришлю его къ тебѣ для отправленія; а сочиненія можешь, пожалуй, взять и теперь; ихъ вышло четыре тома, пятый отпечатается лѣтомъ; его пошлемъ тогда особо.» Я забылъ сказать, что въ этотъ разъ нашелъ я Гавріила Романовича за маленькимъ у окна столикомъ, съ аспидною доскою, на которой онъ исправлялъ или передѣлывалъ прежніе стихи свои, и съ маленькою собачкой за пазухой. Такъ, большею частью, заставалъ я его и въ послѣдующія утреннія мои посѣщенія; впродолженіе же нашего разговора о портретѣ и книгахъ, мы уже сидѣли на диванѣ. Этотъ диванъ былъ особаго устройства; гораздо шире и выше обыкновенныхъ, со ступенькою отъ полу, и съ двумя по бокамъ шкафами, верхнія доски коихъ замѣняли собою столики. Державинъ кликнулъ человѣка, велѣлъ принести четыре тома своихъ сочиненій и вручилъ ихъ мнѣ. Принимая, я позволилъ себѣ сказать: «Не будете ли такъ милостивы, не означите ли на первомъ томѣ вашею рукою, что дарите ихъ Обществу? Съ этою надписью они будутъ еще драгоцѣннѣе.» — «Хорошо, такъ потрудись, подай мнѣ перышко.» Я подалъ. Онъ положилъ книгу на колѣно и спросилъ: «Что же писать-то?» — «Что вы посылаете ихъ въ знакъ вашего вниманія къ обществу.» Онъ не отвѣчалъ, но, вмѣсто *вниманія*, написалъ: *въ знакъ уваженія*. Съ книгами этими и портретомъ случилась, впослѣдствіи, бѣда. Портретъ былъ изготовленъ и отправленъ, вмѣстѣ съ книгами, не ранѣе марта мѣсяца (1816 года). Дорогою захватила ихъ преждевременная ростопоть; посылка попала гдѣ-то въ зажору и привезена въ Казань подмоченною. Что касается до портрета, то университетскій живописецъ Крюковъ успѣшно очистилъ его отъ плесени и хорошо реставрировалъ; книги же, разумѣется, очень пострадали, такъ-что секретарь Общества, по порученію онаго, умолялъ меня выпросить у Державина другой экземпляръ. Не легко мнѣ было сообщить объ этой бѣдѣ Гавріилу Романовичу, и не безъ сожалѣнія онъ меня выслушалъ; но успокоился, когда я объяснилъ ему, что портретъ не потерпѣлъ никакого существеннаго поврежденія; книги же онъ обѣщалъ доставить,

когда выйдетъ пятая часть, но не успѣлъ этого исполнить, и въ библіотекѣ Общества остался, вѣроятно хранится еще и теперь, подмоченный экземпляръ.

Описанное второе свиданіе мое съ Державинымъ случилось дней за пять до праздника Рождества Христова. Прощаясь, онъ потребовалъ, чтобы 25 числа я непремѣнно у него обѣдалъ. «Такіе дни—примолвилъ онъ—должно проводить съ родными. Я познакомлю тебя съ женою. Да привези съ собою и брата. Онъ, кажется, насъ не любитъ.»

Здѣсь надобно сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Когда я отъѣзжалъ въ Петербургъ, дядя мой выразилъ мнѣ полную надежду, что Гавріилъ Романовичъ приметъ меня благосклонно, родственно, — и большое сомнѣніе въ томъ со стороны супруги его, Дарьи Алексѣевны. По его словамъ, она старалась отклонить старика отъ казанскихъ родныхъ его и окружала его своими родственниками. То же подтвердилъ мнѣ братъ мой; то же замѣтилъ и я, когда явился къ обѣду въ день Рождества Христова. Она приняла меня очень сухо.

Въ этотъ разъ я почти не узналъ Державина — въ коричневомъ фракѣ, съ двумя звѣздами, въ черномъ исподнемъ платьѣ, въ хорошо причесанномъ парикѣ. Гостей было человѣкъ тридцать, большею частью людей пожилыхъ. Одинъ изъ нихъ, съ необыкновеннымъ даромъ слова, заставившій всѣхъ себя слушать, обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Кто это? спросилъ я кого-то, сидѣвшаго подлѣ меня. Тотъ отвѣчалъ: Лабзинъ! Тогда вниманіе мое удвоилось: я вспомнилъ, что въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина, подъ псевдонимомъ: *Безъерова*, вѣроятно потому, что онъ нигдѣ *ерова* не ставилъ. Въ письмахъ этихъ, замѣчательныхъ по прекрасному изложенію, онъ постоянно сообщалъ отцу моему о современномъ ходѣ французской революціи. Впослѣдствіи я познакомился съ Лабзинымъ, и это знакомство составляетъ довольно любопытный эпизодъ въ исторіи моей петербургской жизни.

Впродолженіе праздниковъ, я два раза, по приглашенію Державина, былъ на его балахъ по воскресеньямъ; но отъ застѣнчивости посреди чужого мнѣ общества и отъ невниманія хозяйки, скучалъ на нихъ, не принималъ участія въ танцахъ, хотя, танцуя хорошо, могъ бы отличиться. Въ эти два вечера занимали меня только два предмета: нѣжное обращеніе хозяина съ тогдашнею красавицею г-жею Колтовскою, женщиною лѣтъ тридцати пяти, бойкою, умною. Гавріилъ Романовичъ почти не отходилъ отъ нея и казался бодрѣе обыкновеннаго; второй предметъ — это очаровательная граціозность въ танцахъ меньшой

племянницы Дарьи Алексѣевны, П. Н. Львовой, впослѣдствіи супруги упомянутаго выше сенатора Бороздина. Она порхала, какъ сильфида, особливо въ мазуркѣ.

Холодность хозяйки сдѣлала то, что я старался избѣгать ея гостиной и положилъ бывать у Гавріила Романовича только по утрамъ, въ его кабинетѣ, гдѣ онъ всегда принималъ меня ласково. Разскажу нѣсколько болѣе замѣчательныхъ случаевъ изъ этихъ посѣщеній. Въ началѣ 1816 года, явился въ Петербургъ Карамзинъ съ осьмью томами своей «Исторіи». Это произвело огромное впечатлѣніе на мыслящую часть петербургской публики. Всѣ желали видѣть его, если можно послушать что-нибудь изъ его «Исторіи». Дворъ также былъ заинтересованъ прибытіемъ исторіографа: положено было назначить ему день, для прочтенія нѣсколькихъ лучшихъ мѣстъ изъ его «Исторіи», во дворцѣ, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ.

«Видѣлись ли вы съ Карамзинымъ? — спросилъ я однажды Гавріила Романовича. — «Какъ же! онъ у меня былъ и по просьбѣ моей обѣщалъ прочесть что-нибудь изъ своей «Исторіи», не прежде однакожъ, какъ прочтетъ у двора; но какъ я не могу одинъ насладиться этимъ удовольствіемъ, то просилъ у него позволенія пригласить нѣсколькихъ моихъ пріятелей. На дняхъ поѣду къ нему и покажу списокъ, кого пригласить намѣренъ; тебя я также включилъ. Но меня вотъ что̀ затрудняетъ: Александръ Семеновичъ Шишковъ—мой давній пріятель и главный сотоварищъ по Бесѣдѣ [1]). Не пригласить его нельзя, а между тѣмъ это можетъ быть непріятно Николаю Михайловичу, котораго, ты знаешь, онъ жестоко преслѣдовалъ въ книгѣ своей: «О старомъ и новомъ слогѣ»?—Чрезъ нѣсколько дней Гавріилъ Романовичъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ у Карамзина, показывалъ ему списокъ и объяснилъ затрудненіе свое относительно Шишкова; но Карамзинъ отозвался, что ему будетъ весьма лестно видѣть въ числѣ слушателей своихъ такого человѣка, какъ Александръ Семеновичъ, и что онъ не только не сердитъ на него за бывшія нападки, но, напротивъ, очень ему благодаренъ, потому-что воспользовался многими его замѣчаніями. «Я увѣренъ—примолвилъ Державинъ, съ одушевленіемъ—что исторія будетъ хороша: кто такъ мыслитъ и чувствуетъ, тотъ не можетъ писать дурное [2])». Предположенное чтеніе однакожъ не состоялось, потому что во

---

[1]) Бесѣда любителей русскаго слова. Такъ называлось литературное общество, собиравшееся въ домѣ Державина.

[2]) Изъ этого отзыва можно заключить, что корифеи Бесѣды сомнѣвались въ достоинствѣ творенія Карамзина и не скрывали того предъ Державинымъ.

весь великій постъ не могло состояться и у двора; оно было отложено до переѣзда императорской фамиліи въ Царское село, а вскорѣ послѣ Пасхи Державинъ, какъ увидимъ ниже, уѣхалъ на Званку.

Возвратившійся съ конгресса императоръ Александръ Павловичъ уже два мѣсяца оживлялъ столицу своимъ присутствіемъ. Онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ по Невской набережной и по Фонтанкѣ; сани его, съ брошенною на нихъ шинелью, тихо ѣхали позади. Всякой, кто только могъ, кому позволяло время, спѣшилъ встрѣтиться съ нимъ, взглянуть на него. Живши тогда у Симеоновскаго моста, я каждый день во второмъ часу торопился выйти на Фонтанку, чтобы насладиться счастіемъ видѣть обожаемаго государя, а онъ—рѣдкое соединеніе красоты и величія, казался мнѣ не человѣкомъ, а чѣмъ-то свыше, какимъ-то неземнымъ существомъ. Это время, было конечно, лучшимъ временемъ его жизни; великодушный побѣдитель, возстановитель падшихъ царствъ, успокоитель потрясенной, облитой кровью Европы, предметъ любви и удивленія цѣлаго свѣта, онъ, казалось, сознавалъ въ душѣ своей, что вполнѣ совершилъ великій подвигъ, на который призванъ былъ Провидѣніемъ. Это внутреннее довольство скромно выражалось на прекрасномъ лицѣ его, а блестящія супружества двухъ сестеръ, великой княгини Екатерины Павловны и великой княжны Анны Павловны, имъ же устроенныя, довершали тогдашнее его счастіе. Увеселенія двора отражались въ увеселеніяхъ города. Вскорѣ благочестивый государь пожелалъ явить столицѣ торжество вѣры. День побѣды подъ Фершампенуазомъ, и въ особенности день вступленія россійскихъ войскъ въ Парижъ, почтилъ онъ молебствіемъ и великолѣпнымъ парадомъ на площади Зимняго дворца. Петербургъ былъ въ восторгѣ отъ давно невиданнаго зрѣлища, отъ славныхъ воспоминаній: Державинъ написалъ стихи.

Новость эта быстро разнеслась по городу. Я отправился къ Гавріилу Романовичу. Это было въ воскресенье послѣ обѣдни. Онъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ своимъ, а отъ него, полукругомъ, пятеро гостей, въ томъ числѣ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ и Гаврила Герасимовичъ Политковскій, критиковавшихъ какое-то стихотвореніе Жуковскаго. Какъ скоро они умолкли, я попросилъ позволенія прочитать вновь написанные стихи. Державинъ мнѣ ихъ подалъ. А когда обратился я къ нему съ новою просьбою—дозволить мнѣ взять ихъ съ собою и списать,—онъ отвѣчалъ: «У меня только и есть одинъ экземпляръ; между тѣмъ пріѣзжаютъ, спрашиваютъ. Лучше сядь сюда къ столу и спиши здѣсь.» Я сѣлъ. Державинъ оторвалъ отъ ка-

кой-то писанной бумаги чистые поллиста, подалъ мнѣ и придвинулъ чернилицу.

Выписываю эти стихи; они, конечно, не прежніе Державинскіе; но грѣхъ было бы и взыскивать. Довольно того, что всякое событіе, къ славѣ отечества относящееся, находило отзывъ въ теплой душѣ его, и не смотря на преклонность лѣтъ, воспламеняло въ немъ искру поэзіи.

СОНЕТЪ

на торжество, бывшее въ Петербургѣ марта 19 дня 1816 года, на память о взятіи Парижа.

ВОСПОМИНАНЬЕ ПАРИЖСКАГО ПЛѢНЕНЬЯ.

Представя Александръ на невскихъ берегахъ,
Неизреченный духъ влилъ въ Россахъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ полкахъ;
Казалось, неба сводъ, полкъ ангеловъ склонились,
Чтобъ зрѣть царей, царицъ, ликъ пастырей, войскъ строй
Но паче красотѣ души того дивились,
Кто въ благочестьи семъ былъ истинный герой.
За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью,
Но прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.
Се образъ доблестей, который, какъ гора,
Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды — не увянетъ,
Ничто такъ радовать тебя, монархъ, не станетъ,
Какъ память сладкая содѣянна добра.

Стихи эти, переписанные мною въ кабинетѣ Державина, его перомъ, на его бумагѣ, и теперь хранятся у меня въ томъ же видѣ.

Великій постъ 1816 года замѣчателенъ двумя торжественными собраніями «Бесѣды любителей русскаго слова», происходившими, какъ и прежнія, въ домѣ Гавріила Романовича. Они въ полномъ смыслѣ могли назваться блестящими. Многочисленная публика наполняла обширную, великолѣпно освѣщенную залу. Въ числѣ посѣтителей находились почти всѣ государственные сановники и первенствующіе генералы. Тутъ въ первый разъ видѣлъ я графа Витгенштейна, графа Сакена, графа Платова, котораго маститый хозяинъ встрѣтилъ съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ. На послѣднюю «Бесѣду» ожидали государя императора. Но когда всѣ заняли мѣста свои, вошелъ въ залу с.-петербургскій главнокомандующій, графъ Вязмитиновъ, и объявилъ Державину, что государь, занятый полученными изъ-за границы важными депешами, къ сожалѣнію, пріѣхать не можетъ. Тогда

началось чтеніе, и всѣ вскорѣ догадались объ истинной причинѣ отсутствія государя: членъ «Бесѣды», Политковскій, произнесъ ему похвальное слово. Не говоря уже о томъ, что оно было плохимъ подражаніемъ Плиніева Траяну,—возможно ли было ожидать, чтобы тотъ, кто постоянно уклонялся отъ похвалъ цѣлаго свѣта, согласился выслушать ихъ, лицомъ къ лицу, отъ доморощеннаго оратора, говорившаго битый часъ.

Наступила страстная недѣля. Гавріилъ Романовичъ предложилъ мнѣ говѣть съ нимъ, для чего я долженъ былъ каждый день пріѣзжать обѣдать и оставаться до вечера, чтобы слушать всенощную. Но я воспользовался этимъ предложеніемъ одинъ только разъ, въ понедѣльникъ; холодность хозяйки поставляла меня въ непріятное, затруднительное положеніе: я отговорился большимъ разстояніемъ моей квартиры отъ ихъ дома и тогдашней распутицей.

Въ Свѣтлое воскресенье я однакожъ пріѣхалъ обѣдать и потомъ не былъ цѣлую недѣлю. Прихожу во вторникъ на Ѳоминой. Гавріилъ Романовичъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ; нѣкоторые изъ шкафовъ стояли отворенными; на стульяхъ, на диванѣ, на столѣ лежали кипы бумагъ. Спрашиваю о причинѣ: «Во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ я уѣзжаю на Званку; не знаю, приведетъ ли Богъ возвратиться; такъ хочу привести въ порядокъ мои бумаги. Ты очень кстати пожаловалъ, пособи мнѣ.» Съ искреннею радостью принялся я за работу. Беру съ дивана большую пачку, вижу надпись: *Мои проекты.* «Проекты! Вы такъ много написали проектовъ и по какимъ разнообразнымъ предметамъ»—сказалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ, заглянувъ въ оглавленіе. «А ты развѣ думалъ, что я писалъ одни стихи? Нѣтъ, я довольно потрудился и по этой части, да чуть-ли не напрасно: многія изъ полезныхъ представленій моихъ остались безъ исполненія. Но вотъ что̀ болѣе всего меня утѣшаетъ (онъ указалъ на другую пачку): я окончилъ миромъ слишкомъ двадцать важныхъ запутанныхъ тяжбъ; мое посредство прекратило не одну многолѣтнюю вражду между родственниками.» Я взглянулъ на лежащій сверху реестръ примиренныхъ: это по большей части были лица знатнѣйшихъ въ государствѣ фамилій. Подхожу къ столу, на которомъ лежали двѣ кучки бумагъ, одна по-больше, другая по-меньше. «Трагедіи?! Оперы?! спрашиваю я, тоже съ нѣкоторымъ, по неожиданности, удивленіемъ: — я и не зналъ, что вы такъ много упражнялись въ драматической поэзіи; я думалъ, что вы написали одну только трагедію: *Ирода и Маріанна.*»—«Цѣлыхъ пять, да три оперы», отвѣчалъ онъ. «Играли-ли ихъ на театрѣ?»—«Куда тебѣ; теперь играютъ только

сочиненія князя Шаховского, потому-что онъ всѣмъ тамъ распоряжаетъ. Не хочешь ли прочитать которую-нибудь?» — «Очень хорошо.» — «Такъ возьми хоть *Василія Темнаго*, что̀ лежитъ сверху; тутъ выведенъ предокъ мой Багримъ. Да кстати возьми ужъ и одну изъ оперъ; но съ тѣмъ, чтобы по прочтеніи пришелъ къ намъ обѣдать въ субботу и сказалъ бы мнѣ откровенно свое мнѣніе.» Слова эти удивили меня по неожиданному лестному довѣрію къ моему мнѣнію и въ тоже время смутили при мысли, что произведенія эти, судя по трагедіи «Иродъ и Маріанна», вѣроятно, найду я недостойными таланта великаго поэта, что родъ драматическій — не его призваніе. Но нечего было дѣлать; я взялъ и *Василія Темнаго* и оперу *Эсфирь*, которая тоже лежала сверху.

Возвратившись домой, принялся читать. Ни та, ни другая мнѣ не понравилась — можетъ быть по предубѣжденію, по привычкѣ къ строгимъ классическимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что трагедія имѣла форму почти романтическую, начиналась сценою въ крестьянской хижинѣ; можетъ быть, прочитавъ ее теперь, я судилъ бы о ней иначе, былъ бы справедливѣе, снисходительнѣе. Чѣмъ ближе подходила суббота, тѣмъ сильнѣе возрастало мое смущеніе. Могъ ли я нагло солгать предъ человѣкомъ, столь глубоко мною чтимымъ: похвалить его произведеніе, когда убѣжденъ былъ въ противномъ. Съ другой стороны, какъ достало бы у меня духа сказать ему правду?! Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать, какъ выйти изъ труднаго моего положенія? Думалъ, думалъ и рѣшился не ѣхать обѣдать. Въ этой рѣшимости подкрѣпляла меня мысль, что можетъ быть по старости лѣтъ, по сборамъ въ дорогу, Гавріилъ Романовичъ какъ-нибудь забудетъ, что далъ мнѣ эти піэсы, что звалъ меня обѣдать. Вышло однакожъ напротивъ. Въ субботу, въ седьмомъ часу вечера, докладываютъ мнѣ, что пришелъ швейцаръ Державина, извѣстный Кондратій. Я тотчасъ надѣлъ халатъ, подвязалъ щеку платкомъ, легъ на кровать и велѣлъ позвать посланнаго. «Гаврила Романовичъ, сказалъ Кондратій, приказали вамъ сказать, что они сегодня дожидались васъ кушать, и очень сожалѣли, что вы не пожаловали; да приказали взять у васъ какія-то ихнія книги.» — «Ты видишь, отвѣчалъ я, что я нездоровъ, у меня сильно разболѣлись зубы; я таки перемогался, но кончилось тѣмъ, что не въ силахъ былъ пріѣхать, а дать знать о томъ было уже поздно; бумаги же хотѣлъ отослать завтра утромъ. Теперь возьми ихъ съ собою; да пожалуйста извини меня предъ Гавріиломъ Романовичемъ.»

Мнѣ и теперь кажется, что я поступилъ хорошо, уклонившись, хотя правда и неделикатно и съ примѣсью лжи, отъ обя-

занности высказать Гавріилу Романовичу откровенное мнѣніе мое о его трагедіи и операѣ. Но увы, эта студенческая честность стоила мнѣ дорого: я лишился удовольствія съ нимъ проститься, взглянуть на него въ послѣдній разъ. Гавріилъ Романовичъ дѣйствительно уѣхалъ въ наступившій вторникъ, и чрезъ два мѣсяца, 8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, скончался въ сельскомъ своемъ уединеніи, пропѣвъ эту лебединую пѣснь, достойную лучшаго времени его поэзіи:

Рѣка временъ, въ своемъ теченьи,
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если, что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Прахъ великаго поэта покоится въ Хутынскомъ монастырѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода. Для чего не въ Казани, не на родинѣ? Тамъ, кажется, ему было бы теплѣе. Туда любилъ онъ переноситься душою. Посмотрите, съ какимъ чувствомъ, съ какою любовью взывалъ онъ къ мѣстамъ, гдѣ протекли дѣтскіе и юношескіе его годы:

О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны поля я буду зрѣть,
Васъ лубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ, между селъ, на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны [1]).

Кромѣ семейства Витовтова, я, вскорѣ по выздоровленіи, познакомился еще въ двухъ, трехъ домахъ, не важныхъ, но весьма пріятныхъ по любезности молодыхъ дамъ и дѣвицъ, мною тамъ встрѣчаемыхъ. Былъ очень обласканъ всѣми, принимаемъ съ са-

[1]) Родители Державина погребены въ селѣ Егорьевѣ, въ 35 верстахъ отъ Казани, на проселочной оренбургской дорогѣ. Тутъ, не доходя до церкви саженъ 10, на замѣтной съ лѣвой стороны возвышенности, лѣтъ 45 назадъ, стояли уединенно, одинъ подлѣ другого, два небольшіе надгробные камня, когда-то покрытые масляною зеленою краскою. По этой же дорогѣ ѣзжалъ я каждое лѣто на вакацію въ нашу Лашевскую деревню, и пока перемѣняли въ Егорьевѣ лошадей, всходилъ на эту возвышенность поклониться праху тѣхъ, кому обязанъ былъ жизнью великій поэтъ, прославившій именемъ своимъ дотолѣ неизвѣстное ихъ имя и свою родину.

мымъ предупредительнымъ вниманіемъ, особливо въ одномъ изъ этихъ домовъ, въ которомъ бывали извѣстные люди: А. И. Тургеневъ, И. И. Ястребцовъ, И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, М. Е. Лобановъ, А. И. Красовскій, С. С. Лошкаревъ, и гдѣ между мною и молодою хозяйкою, женщиною умною, энергическою, возникли мало по малу отношенія болѣе нѣжныя. За нѣсколько дней до Новаго года (1816), дама эта (бывшая членомъ Женскаго патріотическаго общества) сказала мнѣ, что 2 января назначено торжественное собраніе въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ, кромѣ годового отчета, директоръ оной, Оленинъ, будетъ читать рѣчь; Крыловъ — двѣ басни; Гнѣдичъ — поэму: рожденіе Омира; Лобановъ — какую-то оду; что она будетъ на хорахъ по билету, который обѣщалъ ей секретарь Библіотеки, Красовскій (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и предсѣдатель Комитета цензуры иностранной), что если я желаю, она и мнѣ достанетъ чрезъ него такой же билетъ. Какъ было не пожелать? Вручая потомъ мнѣ билетъ, она прочитала отвѣтную записку Красовскаго. Онъ писалъ: «Если Владиміръ Ивановичъ, желающій посѣтить наше собраніе, тотъ самый Панаевъ (тогда я еще не былъ съ нимъ знакомъ), какъ я догадываюсь, который написалъ похвальное слово императору Александру, помѣщенное въ «Трудахъ казанскаго Общества любителей отечественной словесности», то съ особеннымъ удовольствіемъ посылаю для него прилагаемый билетъ.» Такимъ образомъ, это похвальное слово пригодилось мнѣ въ третій разъ.

Витовтовъ, продолжавшій оказывать мнѣ самое доброе расположеніе, узнавъ отъ друга своего, генералъ-маіора Александра Александровича Саблукова, члена Совѣта путей сообщенія и весьма вліятельнаго тамъ человѣка, что у нихъ открывалась ваканція младшаго секретаря Совѣта, просилъ его опредѣлить меня на это мѣсто. Саблуковъ обѣщалъ и сказалъ, чтобы я къ нему явился. Когда Витовтовъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я почти испугался. Убѣжденный внутренно, что, нигдѣ еще не служа, не зная хорошо канцелярскаго порядка, не могу достойнымъ образомъ занять такого мѣста, я откровенно объяснилъ все это моему покровителю и отказывался; но онъ не хотѣлъ ничего слушать и настаивалъ, чтобы я на другой же день поѣхалъ къ Саблукову. Саблуковъ, котораго я много разъ видалъ у Витовтова, очень удивился, услышавъ отъ меня тоже самое, то-есть отказъ отъ предлагаемаго имъ мѣста; старался уговорить меня, но напрасно; наконецъ, разсердился и холодно сказалъ: «Ну такъ Богъ съ вами, если не хотите.»

Мысль служить у Трощинскаго не оставляла меня, но какъ

я ни навѣдывался чрезъ Николая Ильича Ѳедорова, занимавшаго въ департаментѣ юстиціи должность столоначальника, человѣка весьма способнаго и благороднаго (впослѣдствіи отличнаго юрисконсульта), съ которымъ знакомъ былъ еще по университету, гдѣ онъ нѣкоторое время слушалъ лекціи, у нихъ все не открывались ваканціи помощника столоначальника, которую прилично было бы мнѣ занять. Въ случаѣ открытія ея, у меня была надежда на Гавріила Романовича; онъ могъ попросить обо мнѣ стараго сослуживца своего, Дмитрія Прокофьевича [1]). Но Державинъ, какъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, уѣхалъ съ весны въ деревню, а наступившее лѣто, съ посѣщеніями дачъ, съ отъѣздами гдѣ-нибудь погостить въ окрестностяхъ столицы, у ласковыхъ знакомыхъ, въ обществѣ любезныхъ женщинъ, еще болѣе меня разсѣяло. Время уходило напрасно; приближалась осень. Занятый мыслью о безвыходномъ моемъ положеніи, совѣстясь себя самого, опасаясь праздношатательствомъ своимъ подать невыгодное о себѣ мнѣніе, особливо матушкѣ и дядѣ, сидѣлъ я однажды вечеромъ въ маленькомъ лѣтнемъ саду, нынѣ дворцовомъ Михайловскомъ. «Что вы такъ задумались, Владимиръ Ивановичъ?» — кто-то вдругъ спросилъ меня съ боку. Оглядываюсь: это былъ Красовскій, сидѣвшій на той же скамейкѣ; а я такъ погруженъ былъ въ тревожныя мои мысли, что и не слыхалъ, какъ онъ подошелъ. Надобно было исповѣдываться; разсказываю, что у меня на душѣ.

— Давно уже, говоритъ Красовскій, хочу я вамъ сказать, что вы напрасно тратите золотое время. Вотъ уже годъ, какъ вы здѣсь, и до сихъ поръ не поступили на службу.

— Да что жъ мнѣ дѣлать? почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ. Это все болѣе оттого, что мнѣ непремѣнно хочется служить подъ начальствомъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не скажете: я коротко знакомъ съ весьма близкимъ къ Дмитрію Прокофьевичу человѣкомъ, товарищемъ его по воспитанію, Николаемъ Максимовичемъ Яновскимъ. Я повидаюсь съ нимъ и переговорю о васъ.

— Сдѣлайте милость!

Не прошло трехъ дней, какъ Александръ Ивановичъ зашелъ ко мнѣ сказать, что Яновскій ожидаетъ меня къ себѣ и берется доложить обо мнѣ Дмитрію Прокофьевичу.

Николай Михайловичъ Яновскій, человѣкъ весьма уже пожилыхъ лѣтъ, но еще бодрый, служившій по почтовому вѣдомству, былъ извѣстенъ, по своимъ добрымъ качествамъ, учености и

[1]) Трощинскаго.

любви къ музыкѣ. Библіографамъ знакомъ словарь его иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ русскомъ. Онъ принялъ меня ласково, выслушалъ внимательно, и обѣщаясь объясниться на мой счетъ съ министромъ, просилъ зайти на другой день; когда же я вторично пришелъ къ нему, объявилъ мнѣ, что Димитрій Прокофьевичъ охотно принимаетъ меня въ департаментъ юстиціи, жалѣетъ только, что на первый разъ сверхъ комплекта, безъ жалованья, и чтобы я въ слѣдующій пріемный день, въ четвергъ, лично подалъ ему просьбу.

Трощинскій жилъ тогда въ Моховой улицѣ, въ домѣ земляка своего и пріятеля графа В. П. Кочубея, принадлежащемъ нынѣ г. Мальцову. Въ назначенный день и часъ являюсь туда. Мнѣ показываютъ маленькую комнату, съ двумя окнами, предъ самымъ кабинетомъ. Въ ней было уже человѣкъ десять просителей, но число ихъ стало постепенно увеличиваться. Видя, что будетъ не очень просторно, тѣмъ болѣе, что никто не садился, или, лучше сказать—не осмѣливался сѣсть, я выбралъ выгодное мѣстечко, прислонясь спиною къ зеркальному столику. Скоро вошелъ какой-то молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, красивой наружности, но гордаго вида, съ владимирскимъ въ петлицѣ крестикомъ, и началъ съ важностью ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Всѣ ему кланялись, кромѣ меня, вовсе его незнавшаго, а онъ изрѣдка бросалъ на меня не очень ласковые взгляды. Когда наступило время аудіенціи, два дежурныхъ въ мундирахъ и башмакахъ стали у дверей кабинета, разстворяя и затворяя ихъ для входящихъ и выходящихъ просителей. Я не торопился и вошелъ послѣ многихъ. При входѣ моемъ министръ всталъ съ кресель (такъ принималъ онъ всѣхъ просителей). На немъ былъ канифасный сюртукъ, такой же бѣлый, какъ его волосы. Сказавъ, кто я, почтительно подалъ ему просьбу.

— Я уже слышалъ о васъ отъ Николая Максимовича, произнесъ онъ благосклоннымъ тономъ; а прочитавъ просьбу мою, въ которой было выражено, что я съ тѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы служить у него, прибавилъ съ улыбкою: «благодарю васъ, что предпочли меня; мнѣ пріятно будетъ имѣть васъ въ числѣ моихъ подчиненныхъ, но теперь, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одной штатной ваканціи. Можете ли нѣкоторое время пробыть безъ жалованья?»

— Если я провелъ здѣсь цѣлый годъ въ ожиданіи чести поступить подъ начальство вашего высокопревосходительства, то нѣкоторое время готовъ служить безъ жалованья.

— А если это затянется на нѣсколько мѣсяцевъ?

— Все равно, хотя бы на полгода. Я имѣю отъ матери моей небольшое содержаніе, и могу имъ существовать.

— Ну такъ вы будете опредѣлены. Явитесь во вторникъ въ департаментъ, вотъ къ Алексѣю Петровичу.

При этомъ словѣ онъ указалъ рукою вправо; я взглянулъ,— тамъ стоялъ, за высокимъ бюро, тотъ красивый гордаго вида человѣкъ, который расхаживалъ передъ кабинетомъ. Это былъ начальникъ 2-й экспедиціи департамента, Пещуровъ, исправляющій должность директора.

Вотъ его монографія. Отецъ его, мелкій чиновникъ одного изъ казанскихъ присутственныхъ мѣстъ, записавъ его съ дѣтскихъ лѣтъ на службу въ губернское правленіе, отдалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тамошнее народное училище. Директоромъ этого училища былъ Александръ Логиновичъ Лихачевъ, отецъ того, съ которымъ пріѣхалъ я въ Петербургъ—баринъ богатый, владѣлецъ полутора тысячи душъ, добровольно вызвавшійся принять на себя эту должность, изъ любви къ общественной пользѣ и отчасти изъ подражанія отцу моему, котораго чтилъ, какъ бывшаго наставника своего въ правилахъ масонскихъ, и который также по собственному вызову занималъ нѣкогда подобную должность въ пермскомъ народномъ училищѣ. Старинная эта дружба тѣсно соединяла наши семейства, а впослѣдствіи мы и породнились. Вотъ, однажды, старикъ Лихачевъ пригласилъ насъ на выпускной экзаменъ училища, тѣмъ болѣе кстати, что тутъ учились до двадцати нашихъ, и дяди нашего, дворовыхъ мальчиковъ. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ, но я помню, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня успѣхами и видомъ своимъ первый ученикъ училища, юноша лѣтъ 18-ти, прекрасный собою, напудренный, въ мундирѣ и со шпагою. Сидящіе близъ меня посѣтители говорили, что это Пещуровъ, успѣвшій къ окончанію курса ученія получить чинъ, и отправляющійся на службу въ Петербургъ. Тамъ, какъ-то поступилъ въ департаментъ юстиціи, отличился способностями и въ непродолжительномъ времени получилъ мѣсто прокурора въ той изъ южныхъ губерній, въ которой жилъ въ отставкѣ Трощинскій. Бывшій тогда малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій сильно нападалъ по какому-то дѣлу на Дмитрія Прокофьевича; Пещуровъ принялъ сторону послѣдняго. За-то Трощинскій, сдѣлавшись министромъ, тотчасъ перемѣстилъ его въ экспедиторы департамента, и наконецъ поручилъ управленіе онымъ. Этотъ успѣхъ по службѣ до крайности возгордилъ Пещурова, и безъ того уже человѣка надменнаго. Никому въ департаментѣ не было извѣстно его незавидное происхожденіе, и вдругъ имя мое является какъ

бы уликою въ томъ, приведя ему на память и товарищей его, нашихъ дворовыхъ мальчиковъ. Отъ этого непріятнаго впечатлѣнія произошли невыгодныя для меня послѣдствія.

Во вторникъ, какъ приказалъ министръ, отправляюсь въ департаментъ, вхожу въ комнату второй экспедиціи, кланяюсь Пещурову, сидѣвшему у противоположной стѣны. Онъ взглянулъ на меня сурово и не кивнулъ головой. Не зная, что мнѣ дѣлать, я остался на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ. Хотѣлось бы сѣсть, но ни одного порожняго стула: всѣ заняты безмолвно сидящими чиновниками; раздается скрыпъ перьевъ, да развѣ кто-нибудь кашлянетъ. Стою пять минутъ, десять, пятнадцать — Пещуровъ не обращаетъ на меня вниманія. Столоначальникъ Ѳедоровъ, изъявлявшій мнѣ знаками сожалѣніе, что нахожусь въ такомъ глупомъ положеніи, вдругъ показываетъ мнѣ стулъ, съ котораго только-что всталъ его помощникъ (Сферинъ, несчастный переводчикъ Ѳеокрита); но едва сдѣлалъ я шагъ къ стулу, Пещуровъ подозвалъ меня къ себѣ; пренебрежительно оторвалъ отъ полулиста бумаги безобразный лоскутъ, написалъ на немъ что-то карандашемъ, кликнулъ секретаря своего и велѣлъ ему отвести меня съ этимъ лоскутомъ въ главную регистратуру. Лоскутъ заключалъ въ себѣ приказаніе состоять мнѣ при главномъ регистраторѣ и въ тоже время при экзекуторѣ.

Главнымъ регистраторомъ былъ коллежскій совѣтникъ Юрій Марковичъ Деканскій, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, препочтенный, благовоспитанный. Онъ тотчасъ объяснилъ мнѣ мои обязанности, все растолковалъ, и во все время обращался со мною, какъ нельзя деликатнѣе; экзекуторъ же, неописанный чурбанъ, выслужившійся, кажется, изъ фельдфебелей, не только не могъ быть мнѣ руководителемъ, но вскорѣ я же принялъ на себя, по безграмотству его, главную его обязанность — писать прокурорамъ напоминанія, въ случаѣ неисполненія ими, чрезъ извѣстное время, предписаній министра. По обѣимъ частямъ занимался я съ полнымъ усердіемъ, являлся къ должности въ опредѣленный часъ, отправлялъ въ свою очередь ночное въ департаментѣ дежурство, ночевалъ тамъ съ клопами, утѣшаясь одобреніемъ и ласкою Деканскаго, но не удостоиваясь никакого вниманія со стороны исправляющаго должность директора. Приходя за чѣмъ-нибудь въ нашу комнату — онъ никогда не отвѣчалъ на мой поклонъ, хотя кланялся прочимъ. Примѣтивъ это, добрый Деканскій спросилъ меня однажды, что бы значило такое невниманіе ко мнѣ Пещурова? Я сообщилъ ему мою догадку, что, можетъ быть, имя мое напоминаетъ ему прежнее его ничтожество. «Очень вѣроятно, отвѣчалъ Юрій Марковичъ, особливо судя по его гордости. Да онъ,

пожалуй, думаетъ, что вы станете здѣсь разсказывать объ этомъ.» — «Но я никому еще объ этомъ не говорилъ, кромѣ васъ.» — «Тѣмъ лучше, остерегитесь!»

Такъ проходило около девяти мѣсяцевъ; положеніе мое становилось отъ-часу непріятнѣе, а особливо съ тѣхъ поръ, когда Деканскій въ искреннемъ со мною разговорѣ сообщилъ мнѣ, что онъ два раза отзывался обо мнѣ Пещурову съ похвалою, но тотъ, какъ будто этого не слыхалъ; что, наконецъ, представлялъ меня къ слѣдующему чину; но имя мое оказалось вычеркнутымъ изъ списка. Я убѣдился, что оставаться мнѣ тутъ неблагоразумно; но легко ли найти другое мѣсто? По счастію, въ это самое время явился мнѣ на выручку искренній пріятель мой, Порфирій Васильевичъ Безобразовъ, служившій старшимъ секретаремъ въ Совѣтѣ главнаго управленія путей сообщенія; человѣкъ съ красивою наружностью, соединявшій самый милый характеръ, онъ былъ въ одно время и ловкій свѣтскій кавалеръ, и отличный чиновникъ, и большой музыкантъ на скрипкѣ; учился также въ казанскомъ университетѣ, но по годамъ мнѣ не сверстникъ и рано вступилъ въ службу, лѣтъ за восемь прежде меня; мы сдружились уже въ Петербургѣ. Зная незавидное мое положеніе, онъ пришелъ сообщить мнѣ, что у нихъ открылась ваканція помощника столоначальника, что онъ говорилъ уже обо мнѣ и директору и начальнику отдѣленія, что они согласны принять меня, остается только поспѣшить подачею просьбы, чтобы кто-нибудь не перебилъ.

Пишу немедленно просьбу и являюсь съ нею къ Пещурову въ той же самой комнатѣ, въ которой за девять мѣсяцевъ назадъ онъ заставилъ меня постоять. Пещуровъ беретъ бумагу, но не развертывая, спрашиваетъ: «Что это?» — «Моя просьба.» — «О чемъ?» — «О моемъ увольненіи изъ департамента.» — «Проситесь чрезъ того, чрезъ кого вы опредѣлились.» Съ этимъ словомъ онъ швырнулъ мнѣ по столу неразвернутую просьбу. Обиженный такимъ пріемомъ, я быстро пошелъ къ двери, съ намѣреніемъ, блеснувшимъ въ головѣ моей, ѣхать прямо къ министру, который самъ опредѣлилъ меня, и разсказать ему все. Но въ ту минуту, когда я взялся уже за ручку двери, Пещуровъ закричалъ мнѣ въ слѣдъ: «Не забудьте, что министръ, по случаю кончины дочери, очень огорченъ и никого не принимаетъ.» Срѣзалъ онъ меня этими словами: дѣйствительно, на дняхъ скончалась единственная (побочная) дочь Дмитрія Прокофьевича, княгиня Хилкова, извѣстная своею красотою; и мы слышали, что старикъ съ горя заперся въ своемъ кабинетѣ. Но меня удивила смѣтливость Пещурова: какъ въ одну минуту угадать мое намѣреніе?

Вмѣсто министра поѣхалъ я къ Яновскому. Тотъ сообщилъ мнѣ, что, со времени поступленія моего въ департаментъ, Пещуровъ, встрѣчаясь съ нимъ, почти не глядитъ на него, что онъ, Яновскій, отчасти самъ виною непріятнаго моего положенія, обратившись съ просьбою о моемъ опредѣленіи прямо къ министру, миновавъ директора; что онъ теперь же бы поѣхалъ къ Дмитрію Прокофьевичу съ жалобою, но вотъ его собственноручная записка, которою онъ проситъ не посѣщать его впродолженіе двухъ недѣль. Вслѣдствіе всего этого, Николай Максимовичъ совѣтовалъ мнѣ, если я опасаюсь потерять новое мѣсто, попробовать подать просьбу мою чрезъ кого-нибудь изъ ближнихъ къ Пещурову. Ближе Николая Ильича Ѳедорова я никого не зналъ. Онъ взялъ отъ меня просьбу, но на другой день возвратилъ, сказавъ, что директоръ не принимаетъ ея и требуетъ напередъ письма къ себѣ отъ Яновскаго, въ которомъ бы тотъ выразилъ свое согласіе на перемѣщеніе. Какъ я, такъ и Яновскій—мы оба обидѣлись такимъ требованіемъ. Яновскій не хотѣлъ унизиться—уступить его капризу; я находилъ, что только отецъ мой, или близкій родственникъ, могъ бы имѣть право написать обо мнѣ письмо подобнаго рода. Въ заключеніе, почтенный Николай Максимовичъ убѣдилъ меня вновь идти къ самому Пещурову, а если и тутъ не приметъ просьбы, то онъ, Яновскій, такъ какъ завтра кончается затворничество министра, будетъ знать, что̀ ему дѣлать. На другой день, рано утромъ, когда Пещуровъ собирался ѣхать къ министру, съ первымъ, послѣ двухъ недѣль, докладомъ, прихожу къ нему, на его директорскую квартиру, и, подавая просьбу, рѣшительно говорю, что мнѣ ждать болѣе нельзя, что я могу потерять обѣщанное мѣсто, что Яновскій писать къ нему не хочетъ, да и я не имѣю надобности въ его согласіи, такъ какъ онъ мнѣ не родственникъ. «Что-жъ я скажу министру, о причинѣ вашего выхода?» возразилъ онъ.—«Что мнѣ даютъ тамъ штатное мѣсто, съ тысячью рублей жалованья, а здѣсь я ни того, ни другого не имѣю.»—«Ужъ будто вамъ даютъ тысячу рублей?» примолвилъ онъ,—въ довершеніе прежнихъ обидъ, и взялъ просьбу. Въ тоже утро, проходя въ департаментѣ мимо чиновника, занимавшагося производствомъ объ опредѣленіи и увольненіи, я увидѣлъ лежащую предъ нимъ просьбу мою съ резолюціею министра: *уволить*, а подлѣ нея дѣло о моемъ опредѣленіи; развернулъ его и не вѣрилъ глазамъ своимъ: первая просьба моя была вложена въ листъ почтовой бумаги, на которомъ рукою Дмитрія Прокофьевича написано: *опредѣлить г. Панаева съ жалованьемъ по 800 р. изъ остаточныхъ суммъ, и помѣстить на первую штатную*

вакансію, сообразно его чину. Ничего объ этомъ не было мнѣ прежде объявлено; жалованья я не получалъ, штатнаго мѣста не имѣлъ, хотя впродолженіе этого времени открывались двѣ ваканціи помощниковъ столоначальника, но были замѣщены другими сторонними лицами.

Конецъ служебнаго поприща Пещурова былъ плачевный. При новомъ министрѣ юстиціи, князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, въ короткое время достигъ онъ званія оберъ-прокурора и получилъ орденъ Анны первой степени; но во дни коронаціи императора Николая Павловича былъ обличенъ по какому-то дѣлу во взяткахъ, отставленъ по высочайшему повелѣнію отъ службы; послѣ чего прожилъ недолго. Гордымъ противится Богъ. Напротивъ, Юрій Марковичъ Деканскій спокойно доживалъ въ отставкѣ долгій свой вѣкъ, пользуясь уваженіемъ всѣхъ, кто зналъ его; онъ скончался восьмидесяти слишкомъ лѣтъ, въ совершенной еще бодрости. Нерѣдко, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ, и возвращаясь пѣшкомъ изъ канцеляріи, я спѣшилъ, при встрѣчѣ съ нимъ на Невской набережной, предупредить его поклономъ, первый снималъ шляпу, останавливался, почтительно съ нимъ разговаривалъ и выражалъ иногда благодарность мою за прошедшее. Старика до слезъ трогало такое мое вниманіе.

Въ числѣ образованныхъ товарищей моихъ по департаменту юстиціи: Ѳедорова, Шидловскаго, Капниста, Родзянки, былъ еще другой Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ, извѣстный нашъ писатель. Еще тогда, имѣя не болѣе 17 лѣтъ, онъ уже заявилъ себя своими стихотвореніями и изданіемъ небольшого журнала. Надѣленный отъ природы поэтическимъ талантомъ, страстный къ занятіямъ литературою, исписавшій бездну бумаги, бездну перечитавшій, одушевленный любовью къ отечеству, стремленіемъ къ добру, человѣкъ безукоризненной нравственности, нѣжнаго сердца, онъ пользовался покровительствомъ Державина, Дмитріева, Карамзина, Тургенева, Шишкова, и постоянно былъ преслѣдуемъ журналистами. Не оттого ли, что всякая излишняя страсть къ чему бы то ни было становится наконецъ оригинальною и можетъ привлечь на себя жало сатиры? Вотъ, уже болѣе сорока лѣтъ, какъ мы познакомились, и Борисъ Михайловичъ постоянно сохраняетъ ко мнѣ самое искреннее расположеніе.

Передъ поступленіемъ моимъ въ департаментъ путей сообщенія, добрый Безобразовъ озаботился познакомить меня съ будущимъ моимъ начальникомъ отдѣленія, Александромъ Николаевичемъ Бахтуринымъ, славившимся въ свое время бюрократиче-

скими своими способностями, достаточно образованный и добрѣйшаго сердца. Онъ далъ мнѣ на пробу написать докладную записку въ Комитетъ министровъ о принятіи въ нашу службу одного англійскаго инженера; прочитавъ же ее, отозвался о моей работѣ слѣдующимъ лестнымъ для меня образомъ: «Я думалъ, что вы пришли ко мнѣ учиться, а теперь вижу, что не придется ли и мнѣ брать у васъ уроки.» Къ сожалѣнію, вслѣдствіе горькой домашней жизни, онъ пилъ — но пилъ аристократически — не водку, а сотернъ, по нѣсколько бутылокъ въ день, что̀ разстраивало его здоровье и подавляло служебную дѣятельность. Случалось, что по мѣсяцу, по два, не приходилъ онъ въ департаментъ, а побывши нѣсколько дней, опять оставался надолго дома; когда-жъ принимался за дѣло — оно у него кипѣло; онъ спускалъ разомъ множество залежавшихся бумагъ. За-то, мы подчиненные его, любя своего начальника, работали за него усердно, всячески старались поддержать честь отдѣленія, самаго важнаго по роду дѣлъ. Черезъ годъ я былъ произведенъ въ титулярные совѣтники и назначенъ столоначальникомъ, а еще черезъ годъ долженъ былъ оставить департаментъ, по настоянію Ястребцова—служить подъ его начальствомъ въ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Бахтуринъ до конца жизни оставался по вѣдомству путей сообщенія, числясь при Совѣтѣ онаго. Я за долгъ считалъ навѣщать его иногда по праздникамъ, какъ прежняго начальника, хотя уже былъ старѣе его чиномъ. Если я, по доходящему до меня мнѣнію другихъ, имѣю кое-какія добрыя качества, то чувство благодарности, чувство справедливости были лучшими изъ нихъ.

Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и способностей; характера твердаго, обращенія пріятнаго; рѣчь его сопровождалась постоянно веселостью, а подчасъ самою рѣзкою остротою. Въ литературѣ сдѣлался онъ извѣстенъ прекраснымъ переводомъ Массильона. Состоялъ сначала при князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, потомъ былъ правителемъ дѣлъ Коммиссіи духовныхъ училищъ; наконецъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — членомъ Кабинета. Скончался въ Ревелѣ, не переставая шутить еще наканунѣ смерти. Я познакомился съ нимъ въ домѣ той любезной женщины, съ которой сблизился вскорѣ по прибытіи моемъ въ Петербургъ. Онъ полюбилъ меня, сдѣлался моимъ другомъ, не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, и вслѣдствіе этихъ-то отношеній уговорилъ меня перейти въ Коммиссію, въ которой составлялъ тогда новый штатъ, включивъ въ него, для меня именно, особую должность — начальника исполнительнаго стола,

въ которой, правду сказать, не было надобности. Вмѣстѣ съ тѣмъ дана мнѣ и казенная квартира—чистенькая, просторная. Здѣсь служба и жизнь моя пошли пріятнѣе. Дѣла по столу моему было не много. Я имѣлъ болѣе свободнаго времени заниматься литературою, печаталъ стихи мои и прозу въ «Сынѣ Отечества», въ «Вѣстникѣ Европы», а чаще въ «Благонамѣренномъ», по дружбѣ съ издателемъ Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ; былъ приглашенъ, и поступилъ въ члены двухъ петербургскихъ литературныхъ обществъ: Любителей словесности, наукъ и художествъ, и—Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Кромѣ Карамзина (принявшаго меня благосклонно, и выразившаго между прочимъ благодарность свою покойному отцу моему), Измайлова, Греча, Остолопова, Востокова, Хмѣльницкаго, съ которыми былъ уже знакомъ прежде, я познакомился со всѣми тогдашними писателями: съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Милоновымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Лобановымъ, Буниной, Глинкою, Плетневымъ, Воейковымъ, Булгаринымъ; съ нѣкоторыми, въ которыхъ находилъ болѣе простоты и менѣе самолюбія — довольно коротко, съ другими—только слегка. Литература и тогда дѣлилась на нѣсколько партій или приходовъ. Не любя этого, я не принадлежалъ ни къ одному; если-жъ болѣе помѣщалъ сочиненій моихъ въ журналѣ Измайлова и чаще съ нимъ видѣлся, то это по личной моей къ нему привязанности, какъ человѣку благородному, доброму, столько-жъ умному, какъ и простодушному, совершенному Лафонтену. Подъ его суровою наружностью билось прекрасное мягкое сердце. Съ своей стороны, онъ любилъ меня, кажется, еще болѣе, чѣмъ я его; даже называлъ меня братомъ. Литературное партизанство еще усилилось съ появленіемъ лицеистовъ, къ которымъ примкнули другіе молодые люди, сверстники ихъ по лѣтамъ. Они были (оставляя въ сторонѣ геніальнаго Пушкина) по большей части люди съ дарованіями, но и съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣе войти въ кругъ писателей, поравняться съ ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчасъ сталъ на-ряду съ своими предшественниками, окружили они нѣкоторыхъ литературныхъ корифеевъ, льстили имъ, а тѣ, съ своей стороны, за это ласкали ихъ, баловали. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ: Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій старались войти со мною въ короткія отношенія: мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ, пристрастіе и не очень похвальное поведеніе: моя разборчивость не допускала сближенія съ такими молодыми людьми; я старался уклониться отъ ихъ короткости, даже не заплатилъ имъ визитовъ. Они на меня прогнѣвались, и очень

ко мнѣ не благоволили. Впослѣдствіи они прогнѣвались на меня еще болѣе, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой опрометчивой женщинѣ — съ ними знакомиться. Это была та самая, со множествомъ странностей и проказъ, но очаровательная Софья Дмитріевна Пономарева, которую воспѣвалъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ, влюбленный въ нее по-уши. Да и не мудрено: всякій, кто только зналъ ее, былъ къ ней неравнодушенъ болѣе или менѣе. Въ ней, съ добротою сердца и веселымъ характеромъ, соединялась бездна самаго милаго, природнаго кокетства, перемѣшаннаго съ какимъ-то ей только свойственнымъ дѣтскимъ проказничествомъ. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла въ немъ держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодыхъ блестящихъ людей и литераторовъ; послѣднихъ болѣе изъ тщеславія. Меня ввелъ къ ней, по ея настоянію, Измайловъ — на свою бѣду. Она тотчасъ обратила на меня побѣдоносное свое вниманіе, но вскорѣ и сама спустила флагъ: предпочла меня всѣмъ, даже тремъ окружавшимъ ее, извѣстнымъ тогдашнимъ красавцамъ: флигель-адъютанту Анрепу, преображенскому капитану Поджіо и сыну португальскаго генеральнаго консула Лопецу. Они должны были удалиться. Я остался ближайшимъ къ ней изъ прочихъ ея обожателей, и вполнѣ дорожилъ счастливымъ своимъ положеніемъ. Я очень любилъ ее, любилъ нѣжно, съ заботливостью мужа или отца (ей было только 22 года, а мнѣ уже 29 лѣтъ), остерегалъ, удерживалъ ее отъ излишнихъ шалостей, совѣтовалъ, какъ и съ кѣмъ должна она держать себя, потому-что не всякій могъ оцѣнить ея довѣрчивость, ея милыя дѣтскія дурачества; надѣялся во многомъ ее исправить, требовалъ, чтобы она была внимательнѣе къ мужу, почтительнѣе къ отцу своему, человѣку достойному и умному. Дѣло шло недурно: она во многомъ слушалась меня, въ иномъ нѣтъ; нерѣдко прерывала наставленія и выговоры мои, то выраженіемъ ребяческой досады, впрочемъ мимолетной, то смѣхомъ, прыжками вокругъ меня, или поцѣлуемъ, зажмуривъ однако узенькіе свои глазки. Но вдругъ втерся въ домъ ихъ, чрезъ Александра же Ефимовича, тоже литераторъ, Яковлевъ, очень удачно писавшій въ «Благонамѣренномъ» сатирическія статьи. Говорю: втерся, потому-что приглашенный однажды за темнотою ночи остаться ночевать на дачѣ, что̀ бывало со мною и съ другими, остался совсѣмъ жить у радушныхъ хозяевъ. При всемъ своемъ безобразіи, бросавшемся въ глаза, онъ былъ очень занимателенъ: игралъ на фортепьяно, пѣлъ, хорошо рисовалъ каррикатуры. Тѣмъ и другимъ забавлялъ онъ ребенка-хозяйку, а съ хозяиномъ пилъ на сонъ грядущій

мадеру. Конечно, пріѣхавши въ Петербургъ, за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ, онъ не имѣлъ собственной квартиры, и жилъ у какого-то знакомаго, но все-таки такая назойливость была наглою. Этого мало. Подружившись съ Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ, Баратынскимъ (тогда еще унтеръ-офицеромъ, послѣ разжалованія изъ пажей въ солдаты за воровство), онъ вздумалъ ввести ихъ въ гостепріимный домъ Пономаревыхъ, гдѣ могли бы они, хоть каждый день, хорошо съ нимъ пообѣдать, выпить лишнюю рюмку хорошаго вина, и сталъ просить о томъ Софью Дмитріевну. Она потребовала моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, что не совѣтую, что эти господа не поймутъ ее, не оцѣнятъ; что они могутъ употребить во зло, не безъ вреда для ея имени, ея излишнюю откровенность, ея неудержимую шаловливость. Пока дружескій этотъ совѣтъ, котораго она, повидимому, послушалась, оставался между нами, онъ ни для кого не былъ оскорбителенъ, но коль скоро, по легкомыслію своему, она не могла скрыть того отъ Яковлева — естественно, что пріятели его сильно на меня вознегодовали. Случилось, что въ это самое время, пользуясь лѣтнею порою, отлучился я на мѣсяцъ въ одно изъ загородныхъ дворцовыхъ мѣстъ. Пріѣзжаю назадъ, — и что-жъ узнаю? Пріятели Яковлева введены имъ въ домъ; па счетъ водворенія его пошли невыгодные для бѣдной Софьи Дмитріевны толки; отецъ, сестра перестали къ ней ѣздить. Глубоко всѣмъ этимъ огорченный, я выразилъ ей мое негодованіе, указалъ на справедливость моихъ предсказаній, и прекратилъ мои посѣщенія. Чего не употребляла она, чтобы возвратить меня? и ея увлекательныя записки, и убѣжденія Измайлова — все было напрасно—я былъ непоколебимъ. Но чего мнѣ стоило оторваться отъ этой милой женщины? На другой же день я насчиталъ у себя нѣсколько первыхъ сѣдыхъ волосъ. Спустя годъ, встрѣтившись со мною на улицѣ, она со слезами просила у меня прощенія, умоляла возобновить знакомство. Я оставался твердъ въ моей рѣшимости; наконецъ, уступилъ желанію ея видаться со мною, въ Лѣтнемъ саду, въ пять часовъ, когда почти никого тамъ не бывало. Она пріѣзжала туда четыре раза. Мы ходили, говорили о первомъ времени нашего знакомства — и я постепенно смягчался, даже это было предъ отъѣздомъ моимъ въ Казань — согласился заѣхать къ ней проститься, но только въ одиннадцать часовъ утра, когда она могла быть одна. Прощаніе это было трогательно: она горько плакала, цѣловала мои руки, вышла провожать меня въ переднюю, на дворъ, на улицу. (Они жили близъ Таврическаго сада, въ Фурштадтской улицѣ, тогда мало проѣзжей, особливо въ такое раннее время.) Я уѣхалъ,

совершенно съ нею примиреннымъ, но уже съ погасшимъ чувствомъ прежней любви.

Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года возвратился я изъ Казани помолвленнымъ. Во вторникъ на страстной недѣлѣ она прислала меня поздравить. Въ первый день Свѣтлаго праздника, ѣду къ нимъ похристосоваться. Мужъ печально объявляетъ, что она нездорова, лежитъ въ сильномъ жару. Пошелъ однако спросить, не приметъ ли меня въ постелѣ, но возвратился съ отвѣтомъ, что не можетъ, а очень проситъ заѣхать въ слѣдующее воскресенье. Пріѣзжаю—какое зрѣлище?! Она была уже на столѣ, скончавшись въ самый этотъ день отъ воспаленія въ мозгу!

Когда я, рядомъ съ отцомъ ея, шелъ за ея гробомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Если бы она слѣдовала вашимъ совѣтамъ и сохранила вашу дружбу—мы не провожали бы ее на кладбище.» Не могу сказать положительно, какимъ образомъ узналъ онъ о моихъ дружескихъ совѣтахъ. Можетъ быть, по своей откровенности, въ минуты сожалѣнія о прошломъ, она высказалась сестрѣ, а та передала отцу.

Въ 1820 году рѣшился я издать идилліи. Лучшіе писатели и большая часть читающей публики приняли ихъ съ отраднымъ для меня одобреніемъ; журналы отозвались благосклонно; Россійская академія наградила меня золотою медалью; императрица Елизавета Алексѣевна—золотыми часами. Прилагаю здѣсь отзывы В. А. Жуковскаго и И. И. Дмитріева.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, за вашъ пріятный подарокъ. Сейчасъ получивъ его, не могъ успѣть имъ воспользоваться, т. е., говоря прямо, еще не прочиталъ всей вашей книжки. Но сколько прочиталъ, тѣмъ весьма доволенъ, и могу сказать, что ваши Идилліи, писанныя тѣмъ слогомъ, который приличенъ сему роду стихотвореній, безъ всякаго сравненія, лучшія на языкѣ нашемъ. Ваше появленіе въ собраніи депутатовъ Аполлоновыхъ счастливо; продолжайте ораторствовать на каѳедрѣ сего бога; слушатели должны будутъ кричать вамъ браво!

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю быть
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою и усерднымъ роднею по отцу Ѳебу

Жуковскій.

24 мая.

Милостивый государь мой,
Владиміръ Ивановичъ!

Я имѣлъ честь получить чрезъ Александра Ефимовича Измайлова экземпляръ вашихъ Идиллій съ надписаніемъ вашей руки на мое имя. Спѣшу изъявить вамъ, милостивый государь мой, искреннюю благодарность мою за вниманіе, которымъ изволили почтить поэта-инвалида, и въ тоже время увѣрить васъ, что я съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ ваши Идилліи: вы умѣли соблюсти въ нихъ всѣ красоты, свойственныя буколическому роду.

Продолжайте, милостивый государь мой, украшать вашу молодость и утѣшать старость другихъ цвѣтами прекрасной поэзіи, и вѣрьте между тѣмъ совершенному почтенію, съ которымъ навсегда имѣетъ честь къ вамъ пребыть,

Милостивый государь мой,
покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва, 1820 г. іюня 6.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ жилъ постоянно въ Москвѣ, поэтому я познакомился съ нимъ позднѣе, чѣмъ съ другими извѣстными писателями, именно зимою 1820 года, возвращаясь изъ отпуска въ Петербургъ. Отдохнувъ немного въ одной изъ московскихъ гостинницъ, поѣхалъ я къ нему въ семь часовъ вечера. На дворѣ стояла карета. — У себя ли? — спрашиваю человѣка, сидѣвшаго въ передней. — У себя-съ. — А чья эта карета? — Ихная-съ; они изволятъ куда-то ѣхать. Позвольте спросить фамилію: — Панаевъ, Владимиръ Ивановичъ? — Да! (и до сихъ поръ не понимаю, почему онъ зналъ мое имя? Развѣ не изъ разговоровъ ли своего барина съ литераторами) но лучше не докладывай, я не хочу его задерживать и пріѣду завтра. — Нѣтъ-съ, надобно доложить, — и введя меня въ залу, отправился докладывать. Чрезъ нѣсколько минутъ послышались тяжелые шаги Ивана Ивановича. Онъ предсталъ предъ меня всею своею великолѣпною фигурою, съ прямою, спокойно-гордою осанкою, придававшею ему, при высокомъ ростѣ, весьма важный видъ, изысканно (какъ и всегда) одѣтый; на ногахъ оленьи кеньги.

Пригласивъ въ гостиную, онъ осыпалъ меня вѣжливостью, лестно отозвался о литературныхъ трудахъ моихъ; сказалъ, что въ юности своей зналъ и очень уважалъ отца моего, а въ зрѣломъ возрастѣ хорошо былъ знакомъ съ дядею по дому Державина. Спустя нѣкоторое время, я хотѣлъ встать. — Куда же? спросилъ онъ. — Вы изволите ѣхать. — Нѣтъ, я не поѣду, посвящаю вамъ этотъ вечеръ; человѣкъ! карету отложить, — и просидѣлъ со мною до перваго часа ночи. Большая часть разговора была о недавно умершемъ достопамятномъ Новиковѣ, о Карамзинѣ и его «Исторіи». Иванъ Ивановичъ показалъ мнѣ по крайней мѣрѣ десять статей, вырѣзанныхъ имъ изъ иностранныхъ журналовъ и собранныхъ въ одну тетрадь, въ которыхъ съ похвалою отзывались о твореніи нашего исторіографа; бранилъ Каченовскаго за то, что онъ такъ непочтительно придирается къ Карамзину; жаловался вообще на настоящее состояніе нашей литературы, начинавшей уже отступать отъ установленныхъ правилъ и здраваго вкуса, на порчу языка; попавшееся

ему въ какомъ-то журналѣ слово: *отвѣтилъ* (вмѣсто *отвѣчалъ*) называлъ лакейскимъ; удивлялся числу вновь появившихся сочинителей, да съ такими, притомъ, именами—примолвилъ онъ улыбаясь—что нескоро выговоришь: Карлгофъ, Магазинеръ, Кюхельбекеръ. Въ слѣдующій проѣздъ мой чрезъ Москву, лѣтомъ 1823 года, тоже въ отпускъ, я у него обѣдалъ и провелъ цѣлый день. За столомъ сидѣло насъ всего двое, а служили намъ (по старинѣ) нѣсколько лакеевъ. Именитый хозяинъ часто наливалъ мнѣ вина и самъ пилъ столько же. Послѣ обѣда перешли мы въ кабинетъ, курили, говорили; онъ былъ очень веселъ и занимателенъ; разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о московскихъ литераторахъ, много изъ своей жизни и службы; между прочимъ, со слезами на глазахъ о милостяхъ къ нему Александра Павловича, что̀ было мнѣ по̀-сердцу.

Въ 1824 году, я послалъ ему экземпляръ изданнаго тогда мною похвальнаго слова Кутузову и получилъ слѣдующій лестный отвѣтъ:

Милостивый государь мой,
Владимиръ Ивановичъ!

Не могу довольно изъяснить моей признательности за ваше почтенное письмо и подарокъ для меня драгоцѣнный.

Искренно радуюсь, что Кутузовъ-С. нашелъ достойнаго панегириста. Я со вниманіемъ прочиталъ ваше похвальное слово, во всѣхъ отношеніяхъ отдаю ему справедливость. Всѣ условія искусства оправданы: вѣрное изложеніе происшествій, связь въ періодахъ, точность въ словахъ и мысляхъ, порядокъ въ словотеченіи, ровность, благородство и благозвучіе въ слогѣ.

Продолжайте, милостивый государь мой, украшать нашу словесность и прозою, обѣщающею вамъ столько же успѣха, какъ и поэзія.

Я же съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣю честь быть,

Милостивый государь мой,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1824 г., мая 18.

Въ 1826 году, Иванъ Ивановичъ почтилъ меня препровожденіемъ экземпляра переведенныхъ имъ *четверостишій*, при письмѣ очень миломъ, которое также стòитъ здѣсь помѣстить:

Милостивый государь мой,
Владимиръ Ивановичъ!

Помня вашу пріязнь, препровождаю при семъ къ вамъ переведенныя мною четверостишія. Эта бездѣлка не можетъ быть достаточною отплатою за ваши Идилліи: но да позволится 65-лѣтнему старику въ извиненіи своемъ напомнить вамъ старинную

пословицу: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Съ симъ извиненіемъ прошу васъ принять и свидѣтельство искренняго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть на всегда,

Милостивый государь мой,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва, 1826 г., апрѣля 29.

Послѣ того онъ три раза пріѣзжалъ въ Петербургъ. Всякой разъ посѣщалъ меня и принималъ съ прежнею благосклонностью. Послѣдній пріѣздъ его былъ въ 1837 году, недѣль за пять до кончины, послѣдовавшей въ Москвѣ на 77 году отъ рожденія. Замѣчательно, что въ этотъ разъ, прежде, чѣмъ поѣхать на квартиру, онъ прямо отъ заставы проѣхалъ въ Невскій монастырь, на могилу Карамзина.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

V.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

II.

Судьбы сельскаго населенія въ Италіи, до XII-го вѣка, не представляютъ, въ развитіи своемъ, почти никакой разницы съ положеніемъ крестьянъ во Франціи этого же періода времени, и потому все сказанное выше [1]) о сельскомъ населеніи этой страны можетъ быть примѣнено и къ Италіи, пока въ послѣдней, особенно въ сѣверной ея части, не начался общественный переворотъ, наложившій на историческія судьбы ея особый отпечатокъ. Хотя самостоятельность, которой достигли итальянскіе города, отразилась и на улучшеніи быта сельскаго населенія Аппенинскаго полуострова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла и свои невыгодныя для него послѣдствія. Преобладаніе городского элемента въ этой странѣ способствовало непомѣрному увеличенію числа временныхъ арендаторовъ на счетъ почти исчезнувшихъ наслѣдственныхъ.

Примѣръ Флоренціи (поданный въ началѣ XII вѣка), объявившей, что окрестное сельское населеніе, угнетаемое дворянствомъ и духовенствомъ, примкнувши къ юной республикѣ, имѣетъ

[1]) См. выше, т. II, отд. I, стр. 201—256.

пословицу: «чѣмъ богатъ —
и свидѣтельство»

273

право на ея покровительство и защиту, — нашелъ подражателей почти во всѣхъ городахъ средней и сѣверной Италіи. Правда, дворянство и духовенство, видя въ этомъ предложеніи городовъ явную для себя опасность, угрожавшую опустѣніемъ ихъ владѣній, неоднократно искали противъ нея защиты у нѣмецкихъ императоровъ. Хотя послѣдніе и принимали ихъ сторону, но могло ли такое покровительство быть для нихъ дѣйствительно полезнымъ? Во время мира между гогенштауфенами и ломбардами, первымъ очень рѣдко удавалось заставить послѣднихъ исполнять свои вѣнія, а начинать брань изъ-за дворянскихъ интересовъ — они рѣдко рѣшались. Едвали слѣдуетъ много распространяться на счетъ того, что, во время распрей между нѣмецкими императорами и сильными городами, предписанія первыхъ вызывали только насмѣшки. Не дѣйствительнѣе оказались конфискаціи оставленнаго крестьянами въ деревняхъ имущества. Цѣль ихъ — заставить послѣднихъ возвращаться на прежнее мѣсто жительства, не достигалась. Не говоря уже о томъ, что каждый крестьянинъ старался захватить съ собою самое цѣнное свое достояніе,—онъ могъ, даже явившись въ городъ съ пустыми руками, найти въ немъ вѣрныя и прибыльныя занятія. При неудачѣ, ему всегда оставалась возможность поступить въ ряды наемниковъ, которымъ юныя республики довѣряли защиту своей независимости. Въ этомъ отношеніи, онѣ уклонились отъ правила, которымъ руководствовались римляне и древніе германцы, недопускавшіе несвободныхъ носить оружіе. Средневѣковыя итальянскія республики, щадя жизнь и силы своихъ согражданъ, которыя могли быть употреблены съ пользою на болѣе человѣческомъ поприщѣ ремеслъ, торговли и искуствъ, хищническое призваніе наемнаго военнаго ремесла предоставляли неумѣвшимъ или нежелавшимъ найти дѣятельность, болѣе достойную человѣка.

Обстоятельства эти создали особый классъ полусвободныхъ людей, извѣстныхъ на современномъ языкѣ подъ названіемъ masnaderii (или homines de Masnada), бывшихъ прежде въ полной зависимости отъ привилегированныхъ классовъ. Чтобы удержать крестьянъ отъ перехода въ города, дворяне старались удержать ихъ въ своихъ помѣстьяхъ въ качествѣ стражи, предлагая имъ, за ихъ военныя услуги, извѣстное пространство земли въ видѣ лена, которое имѣло тоже значеніе, какъ жалованье, даваемое городами крестьянамъ-бѣглецамъ. Хотя лица эти не были вполнѣ свободны, но все-таки они пользовались значительнымъ, по понятіямъ тогдашняго времени, преимуществомъ—принимать лены и отъ другихъ лицъ, кромѣ своихъ помѣщиковъ (конечно, съ разрѣшенія послѣднихъ). Составляя, въ XII и XIII вѣкахъ, зна-

чительнѣйшую часть военной силы духовныхъ и свѣтскихъ помѣщиковъ, эти masnaderii достигли значительнаго вліянія, немногимъ уступавшаго вліянію вассаловъ изъ дворянъ. Естественно, что, при такихъ отношеніяхъ, привилегированные классы не рѣшались дѣлать особенныхъ затрудненій желавшимъ выкупиться, охотно соглашаясь на замѣну прежнихъ отношеній арендаторскими сдѣлками. Но даже въ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднія не могли состояться, помѣщики принуждены были обходиться съ крестьянами гуманнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ тогдашней Европы. Возмутительныя права первой ночи, droit de prise, право охоты и т. п. феодальныя преимущества помѣщиковъ, процвѣтавшія тогда въ разныхъ странахъ Европы, исчезли съ территоріи сѣверной и средней Италіи. Повинности были сносныя; сохранилась только тѣнь прежней зависимости. Какъ ни благотворно было вліяніе, оказываемое итальянскими республиками на судьбу крестьянъ, остававшихся еще во власти прежнихъ помѣщиковъ, однако рядомъ съ нимъ развивается и новая опасность для сельскаго населенія, перемѣнившаго только владыкъ. Городскія общины, развившіяся насчетъ дворянства и духовенства, грозили окончательно устранить ихъ вліяніе. Въ виду этой опасности, привилегированнымъ классамъ ничего болѣе не оставалось, какъ положить предѣлъ вновь возникавшей власти тѣмъ, что они сдѣлались сообщниками ея. Исторія представляетъ намъ ежедневные примѣры вступленія членовъ дворянства и высшаго духовенства въ среду мощныхъ горожанъ италіянскихъ республикъ. Не слѣдуетъ однако предполагать, что послѣднія смотрѣли на эти вступленія какъ на особенную честь для себя. Напротивъ, граждане принимали въ среду свою дворянъ и духовныхъ не иначе, какъ подъ разными условіями, наглядно убѣждающими, что не горожане были польщены вступленіемъ въ среду ихъ дворянъ, а напротивъ, послѣдніе, отрѣшившись отъ сословной спѣси и неумѣстныхъ предразсудковъ, считали себя счастливыми попасть подъ защиту первыхъ. Такъ, мы видимъ, напримѣръ, что патріархъ аквилейскій, Бертольдъ, и епископъ фельтрскій и белунскій, Альгерій, приняты были въ граждане Падуи только подъ условіемъ неукоснительнаго исполненія законовъ этого города, съ обязательствомъ выстроить въ немъ большіе дома (которыхъ они, въ залогъ вѣрности, не имѣли права отчуждать, пока они пользовались честью принадлежать къ гражданамъ города Падуи). Кромѣ этого, они несли всѣ городскія тягости наравнѣ съ прочими гражданами. Многіе, получая гражданство городовъ, должны были отказываться отъ прежнихъ правъ объявлять и вести войну иначе, какъ съ согласія «отцовъ города»; въ случаѣ же распрей

города, котораго гражданами они сдѣлались, они были обязаны поставлять подмогу и платить подать на военныя издержки. Помѣстья этихъ лицъ, лежавшія внѣ городской территоріи, управлялись чиновниками городскими. Какъ ни тяжелы были эти условія пріема въ среду гражданства, выгоды вступленія въ него однако превышали неудобства, и число желавшихъ постоянно возрастало. Наплывъ этотъ объясняется тѣмъ, что право гражданства обезпечивало помѣщиковъ отъ принятія ихъ крестьянъ въ составъ городского общества, и доставляло имъ защиту отъ враговъ.

Помѣстья лицъ, вошедшихъ подъ разными условіями въ составъ италіянскихъ городовъ, получали обыкновенно довольно независимое управленіе при посредствѣ ими самими избранныхъ властей. Иногда однако они управлялись чиновниками, назначаемыми отъ владѣльцевъ. Подати крестьянъ, хотя и выше платимыхъ горожанами, не были обременительны. Тяжелую повинность составляла однако обязанность продавать хлѣбъ въ городахъ, подъ управленіемъ которыхъ они находились. Постоянныя войны вынуждали средневѣковыя италіянскія республики налагать на подвластное сельское населеніе чрезвычайные налоги, вскорѣ вызвавшіе ропотъ и нерѣдко сопротивленіе, за которымъ слѣдовало, въ свою очередь, наказаніе ослушниковъ, чаще всего состоявшее въ лишеніи сельскихъ общинъ прежняго свободнаго управленія. Вмѣсто избираемыхъ прежде самими обществами консуловъ, для управленія ими присылались имъ изъ городовъ, въ зависимости которыхъ онѣ находились, подесты. Отдѣльные, и въ началѣ рѣдкіе случаи подобныхъ наказаній, были однако соблазнительны и дѣйствовали заразительно, такъ-что со временемъ города пользовались разными предлогами, чтобы замѣнить своими послушными и исполнительными подестами болѣе или менѣе независимыхъ выборныхъ консуловъ. Такъ какъ они принадлежали, чаще всего, классу ремесленному или торговому, то понятно, что промышленные и коммерческіе разсчеты были нерѣдко единственными мотивами ихъ дѣйствій. Они разными притѣсненіями доводили мелкихъ собственниковъ изъ крестьянъ до необходимости рѣшиться на отчужденіе ихъ недвижимой собственности, которую пріобрѣтали, часто за самую ничтожную плату, подесты, ихъ родственники или друзья, отдававшіе ихъ въ наемъ временнымъ арендаторамъ, которыхъ они могли каждый годъ согнать съ участка, или, въ противномъ случаѣ, ежегодно увеличивать арендную плату. Примѣръ былъ соблазнителенъ, и потому вскорѣ является въ городахъ, кромѣ подесть, цѣлый классъ спекуляторовъ изъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ,

занимавшихся промысломъ вытѣсненія мелкихъ собственниковъ изъ ихъ владѣній въ деревняхъ. Переселившіеся въ города дворяне тоже послѣдовали этой политикѣ, и, въ видахъ полученія большей прибыли, сдавали свои земли временнымъ арендаторамъ. Значительному увеличенію послѣдняго класса не мало способствовало и само законодательство, имѣвшее, правда, благую цѣль поднятія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, но употребившее для этого ошибочныя мѣры. Убѣдившись, что измельченіе поземельной собственности, посредствомъ раздѣловъ при наслѣдствѣ, вредитъ обработкѣ ея, законодательство старалось принудить собственниковъ такихъ разбросанныхъ и мелкихъ участковъ, посредствомъ продажи и обмѣна, сливать ихъ въ большія, округленныя имѣнія. Уже въ концѣ XII вѣка, встрѣчаемъ въ Пармѣ особыхъ чиновниковъ (ingrossatori), которыхъ обязанность состояла именно въ преслѣдованіи этой цѣли. Понятно, что подесты, подъ благовиднымъ предлогомъ рвенія къ исполненію своихъ обязанностей и споспѣшествованія мнимому благу страны, воспользовались этимъ закономъ, чтобы обезземелить мелкихъ собственниковъ и на ихъ счетъ нажиться. Слѣдствіемъ изложенныхъ обстоятельствъ и искусственныхъ законодательныхъ мѣръ было то явленіе, что къ началу XIII вѣка въ сѣверной и средней Италіи почти совершенно исчезли мелкіе собственники, вытѣсненные крупными землевладѣльцами. Только во владѣніяхъ духовенства еще сохранились остатки наслѣдственныхъ арендаторовъ, но и то въ очень незначительномъ числѣ.

Въ XIV вѣкѣ, этотъ переворотъ въ бытѣ сельскаго населенія проникаетъ и въ южную Италію, подготовленную къ воспринятію его воспоминаніемъ римскаго колоната. Единственное различіе между временнымъ арендаторомъ XIII и XIV вѣковъ и римскимъ колономъ состояло развѣ въ томъ, что первый пользовался большею свободой, которая, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается не такъ значительною, какъ съ перваго взгляда кажется. Временные арендаторы, лично свободные, имѣвшіе право, послѣ истеченія срока договора, оставить участокъ обработываемой ими земли (чего не имѣлъ права сдѣлать римскій колонъ), равно могли быть согнаны съ него собственникомъ его. Съ распространеніемъ обычая временной аренды увеличились затрудненія пріобрѣсти земельные участки въ собственность или въ наслѣдственную аренду, а при умножившемся числѣ соискателей уменьшилась возможность заключать на выгодныхъ условіяхъ арендный договоръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилилась зависимость съемщика отъ землевладѣльца. Отношенія между ними сдѣлались похожими на бывшія ирландскія: арендная плата, простиравшаяся вначалѣ

отъ 1/3 до 1/10 части валового дохода, достигла половины его. Впрочемъ, было бы ошибочно выводить заключеніе, что личная свобода, которою пользовались превращенные въ временныхъ арендаторовъ крестьяне, была какъ будто вознагражденіемъ за эту экономическую метаморфозу. Преобразованіе совершилось главнѣйшимъ образомъ потому, что крѣпостное право, личная зависимость въ предѣлахъ италіянскихъ республикъ были уже давно уничтожены, запрещены закономъ или вышли изъ употребленія. Примѣръ этотъ не могъ быть оставленъ безъ вниманія дворянами и высшимъ духовенствомъ сѣверной и средней Италіи.

Нелегко съ точностью опредѣлить, когда именно одержана была эта побѣда гуманности надъ эгоизмомъ и корыстолюбіемъ. Достовѣрно только то, что къ концу XIV вѣка крѣпостное право исчезло во всѣхъ городахъ Италіи. Этому способствовало въ особенности, какъ мы видѣли выше, употребленіе, въ значительномъ числѣ, крестьянъ для образованія ополченій и наемныхъ войскъ, неизбѣжныхъ при постоянныхъ войнахъ и распряхъ италіянскихъ республикъ. Необходимость имѣть въ своемъ распоряженіи значительное количество искусныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, была причиной отмѣны существовавшаго въ остальной Европѣ обычая обращать военноплѣнныхъ въ крѣпостныхъ. Ихъ стали обмѣнивать на собственныхъ солдатъ, попавшихъ къ непріятелю въ плѣнъ, или отпускать на волю за денежный выкупъ. Нѣкоторые города опредѣляли даже цѣну, за уплатою которой каждый, взявшій непріятеля въ плѣнъ, обязанъ былъ выдать его республикѣ. Кромѣ этого обстоятельства, не мало способствовала искорененію крѣпостного права въ Италіи замѣна, въ большей части республикъ, лонгобардскаго права, допускавшаго, за разныя преступленія, лишенія личной свободы, собственными законами, исключавшими этотъ видъ наказанія. Болонья подала первый примѣръ (въ 1256 г.) этой мѣры, даровымъ освобожденіемъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и выкупомъ принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Примѣру ея послѣдовалъ городъ Тревизо (1260), отпустившій на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, въ знакъ своей благодарности за освобожденіе страны отъ гнета ненавистнаго Эццелина IV-го и цѣлаго дома Романо. Флоренція, не рѣшаясь послѣдовать безкорыстному примѣру Болоньи, разрѣшила, въ 1288 г., всѣмъ несвободнымъ, поселеннымъ на ея территоріи, выкупаться собственными средствами, посредствомъ выкупа повинностей. Для того, чтобы облегчить это крѣпостнымъ и принудить къ тому ихъ владѣльцевъ, было постановлено, что всякій иной способъ отчужденія крѣпостного считался незаконнымъ и влекъ за собою денежную пеню въ 1,000

флориновъ, платимую какъ продавцомъ, такъ и покупателемъ. Для большей дѣйствительности этой мѣры было еще прибавлено, что всѣ иные договоры передачи крѣпостныхъ считались недѣйствительными и самый фактъ ихъ отчужденія дѣлалъ ихъ свободными.

Несмотря на эти задатки лучшаго будущаго, сельскому населенію не суждено было имъ воспользоваться. Южная Италія и Ломбардія, попавши, въ началѣ XVI-го вѣка, подъ власть испанской линіи дома Габсбурговъ, утратили всякую возможность свободнаго развитія, мѣсто котораго занялъ возмутительный произволъ. Не лучшая судьба постигла и среднюю Италію. Послѣ призрачнаго вначалѣ подчиненія папскому престолу, ей суждено было впослѣдствіи испытать дѣйствительныя благодѣянія церковнаго управленія: мѣсто республиканскаго управленія Флоренціи заняла чисто-деспотическая монархія. Возстанія, вызванныя притѣсненіями этихъ двухъ правительствъ, были подавляемы при посредствѣ испанскихъ и габсбургскихъ совѣтовъ и штыковъ. Всѣ ужасы среднихъ вѣковъ воскресли вновь; кулачное право, право сильнаго, опять одержали верхъ. Папское и другія италіянскія правительства, не умѣвшія, или не хотѣвшія защитить несчастное сельское населеніе отъ грабежа морскихъ разбойниковъ, дѣлавшихъ постоянные опустошительные набѣги изъ сосѣдственныхъ варварійскихъ гаваней, отдало его внутри края на полнѣйшій произволъ не менѣе грабительнаго чиновничества, грубѣйшаго и нахальнѣйшаго дворянства и алчнаго къ стяжанію земныхъ благъ католическаго духовенства.

Кромѣ безнаказанности за всѣ злодѣянія, совершаемыя этими классами общества во имя ихъ привилегій, ничто такъ не способствовало къ ухудшенію положенія сельскаго населенія Аппенинскаго полуострова, какъ учрежденіе маіоратовъ, до исхода среднихъ вѣковъ совершенно здѣсь неизвѣстныхъ. Равноправность членовъ семейства при раздѣлѣ наслѣдства была общимъ правиломъ до половины XVI вѣка. Самые богатые роды держались ея какъ закона несомнѣннаго. Подобныя воззрѣнія, естественныя и справедливыя, господствовали въ законодательствѣ, пока самые аристократическіе роды италіянскіе не считали труда позорнымъ занятіемъ, и не стыдились заниматься банкирскими дѣлами, вести оптовую и обширную заграничную торговлю, или управлять фабриками. Но эти здравыя воззрѣнія продолжались только до тѣхъ поръ, пока испанская аристократія не заразила италіянскую пустымъ чванствомъ, расточительностью, лѣностью и неуваженіемъ къ труду. Съ этихъ поръ замѣтно въ ней стрем-

леніе—учрежденіемъ маіоратовъ обезпечить средства поддержанія праздности и сословныхъ предразсудковъ.

Если сельское населеніе Италіи имѣло полное право ненавидѣть и проклинать испанскую линію дома Габсбурговъ, то съ другой стороны нельзя не сознаться, что часть Аппенинскаго полуострова, подпавшая подъ власть нѣмецкой линіи этого дома, вначалѣ имѣла всѣ данныя быть довольною своею судьбою. Извѣстно, что война, начавшаяся послѣ прекращенія испанской линіи, за ея наслѣдство, кончилась тѣмъ, что Ломбардія перешла окончательно (1714), Неаполь только временно, подъ власть нѣмецкихъ Габсбурговъ. Въ 1737 г., младшая линія ихъ заняла и престолъ тосканскій. Страна была совершенно разорена испанскими намѣстниками, которые распоряжались жизнью и имуществомъ несчастныхъ ея жителей, подобно сатрапамъ востока. Истощенію ея способствовали не столько чрезмѣрные и неравномѣрно распредѣленные налоги, постоянно увеличиваемые, сколько произвольный сборъ ихъ, отданный въ руки хищныхъ откупщиковъ. Постоянное ухудшеніе цѣнности монеты тоже оказывало вредное на экономическое положеніе страны вліяніе. Естественно, что болѣе всѣхъ страдало отъ этихъ неурядицъ беззащитное сельское населеніе, отданное на произволъ губернаторовъ и откупщиковъ. Города, нерѣдко управлявшіе, какъ мы видѣли выше, деревнями, тоже были повинны въ разореніи страны. Тягости, на нихъ возлагаемыя произвольною администраціею, они безъ зазрѣнія совѣсти сваливали на безотвѣтныя села. Послѣ сказаннаго неудивительно, что Ломбардія, одна изъ самыхъ благословенныхъ странъ Европы, представляла, съ начала XVII столѣтія, безпримѣрную пустыню. Несчастное населеніе ея искало облегченія своей участи въ бѣгствѣ!!

Не лучше было положеніе Тосканы, этого сада Италіи, когда она, послѣ смерти (1737) бездѣтнаго Іоанна-Гастона, послѣдняго правителя изъ дома Медичи, перешла во власть Франца Лотарингскаго, мужа Маріи-Терезіи. Францъ Лотарингскій поднялъ сельское хозяйство страны и нѣсколько улучшилъ бытъ крестьянина. Значительно сокративъ (1738) число праздниковъ, такъ вредно дѣйствующее на сельскую производительность сокращеніемъ количества труда, онъ роздалъ въ аренду, подъ довольно выгодными для крестьянъ условіями, значительную часть удѣльныхъ земель, и способствовалъ, сдѣланными распоряженіями, оживленію вывоза хлѣба за границу. Францъ II былъ первымъ правителемъ италіянскимъ, рѣшившимся наложить руку на вредныя для страны и сельскаго населенія привилегіи дворянства и духовенства. Первымъ шагомъ его на этомъ пути

было ограниченіе маіоратовъ (1747) постановленіемъ, по которому они прекращались въ четвертомъ поколѣніи, считая первое съ основателя, или съ застигнутаго этимъ закономъ обладателя маіората. Затѣмъ, чрезъ два года послѣдовало ограниченіе патримоніальной юрисдикціи помѣщиковъ-дворянъ и духовенства, и наконецъ, въ 1751 — обузданіе непомѣрныхъ завѣщаній въ пользу послѣдняго недвижимыхъ имуществъ и ограниченіе правъ охоты.

Но истинную благодарность жителей Ломбардіи и Тосканы, въ особенности сельскаго населенія ихъ, заслужили Марія-Терезія и сынъ ея Петръ-Леопольдъ, равно-какъ и два намѣстника этихъ областей, графы Кристіани (1744—1758) и Фирміанъ (1759—1782), правители, подобныхъ которымъ вѣнскій дворъ не часто осчастливливалъ подвластные ему народы. Очень возможно, что чувствительныя потери, понесенныя габсбургскимъ домомъ въ Италіи, убѣдили дальновидную императрицу перемѣнить систему политики ея предшественниковъ, чтобы не потерпѣть еще бо́льшихъ лишеній. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что правленіе Маріи-Терезіи было самое счастливое для Ломбардіи со времени утраты ею республиканской самостоятельности, и люди, ею избранные для осуществленія ея предначертаній, были вполнѣ достойны своего назначенія. Первою заботою правительства на этомъ пути было оживленіе сельскаго хозяйства посредствомъ облегченія чрезмѣрныхъ налоговъ, обременявшихъ землю и крестьянина, и болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія. Уже въ началѣ XVIII вѣка правительство ломбардской республики составило, послѣ 14-ти лѣтнихъ работъ, очень удовлетворительный кадастръ, далеко превосходившій тотъ, который былъ составленъ при первомъ владѣтелѣ Ломбардіи изъ дома Габсбурговъ, Карлѣ V, и былъ основанъ не на производительности страны, а на ненасытныхъ потребностяхъ этого императора. Притомъ, этотъ кадастръ былъ такъ составленъ, что онъ очень облегчалъ упомянутыя выше поползновенія городовъ свалить податныя тяжести на сельское населеніе, которому немного оставалось изъ половины валового дохода, первоначально ему предоставленнаго. Попытки, сдѣланныя при Карлѣ VI — исправить эти недостатки, кончились только израсходованіемъ нѣсколькихъ милліоновъ, но участи крестьянъ не облегчили. Поэтому-то опубликованіе, стараніями Кристіани и Фирміани, въ 1759 г., образцоваго кадастра, составляетъ существенную заслугу этихъ государственныхъ мужей и ихъ монархини.

Вторымъ благодѣяніемъ ея было дарованіе Ломбардіи (1755) чрезвычайно либеральнаго общественнаго управленія, какъ го-

родского, такъ и сельскаго. Всѣ податныя сословія имѣли въ немъ своихъ представителей; всѣ они имѣли полное право голоса во всѣхъ мѣстныхъ вопросахъ и избирали мѣстныя власти для управленія ихъ имуществомъ. Замѣчательны правильность взгляда Маріи-Терезіи на опасности, которыя угрожали практическому осуществленію подобныхъ законовъ, и стараніе ихъ избѣжать. Несмотря на свою ревностную привязанность къ католицизму, она запретила избирать въ должности—духовныхъ и военныхъ, изъ опасенія, что вліяніе ихъ на неразвитыхъ и несамостоятельныхъ членовъ можетъ оказать вредныя послѣдствія на интересы общества. Послѣдствія этого замѣчательнаго закона не замедлили заявить себя практически: помѣщикъ, зная, что ему ежегодно предстоитъ необходимость являться на выборы въ средѣ равноправныхъ, въ мѣстныхъ вопросахъ, крестьянъ, не осмѣливался притѣснять ихъ въ качествѣ своихъ арендаторовъ. Кромѣ того, теперь не было уже мѣста сословной гордости и сословнымъ предразсудкамъ. Уровень дворянскихъ правъ понизился, крестьянскихъ—повысился. Маіораты и патримоніальная юрисдикція были мало по малу уничтожены, такъ-что отношенія ломбардскаго арендатора къ помѣщику стали походить на отношенія, существовавшія между этими двумя классами въ Англіи.

Успѣхами земледѣлія Ломбардія тоже обязана была кадастру 1759 г. Основанный на началахъ справедливаго и умѣреннаго обложенія податями земли, онъ не допускалъ никакихъ привилегированныхъ исключеній. Духовенство не было изъято изъ общихъ тягостей. Необыкновенно поучительны средства, при посредствѣ которыхъ достигнуто было столько полезныхъ результатовъ. Они состояли главнѣйше въ неизмѣнно-наблюдаемомъ правилѣ, что всѣ обозначенныя въ кадастрѣ необработанныя земли, не смотря на то, что онѣ будутъ превращены въ пашню и будутъ приносить значительный доходъ, оплачиваютъ такую же подать, какую съ нихъ вносили, когда онѣ были оставлены подъ паромъ. Улучшенія тоже не облагались особою податью: какъ бы ни возвысилась, вслѣдствіе ихъ, производительность почвы, улучшенный участокъ платилъ разъ навсегда въ кадастръ опредѣленную подать. Запущеніе полей наказывалось постановленіемъ, по которому участокъ, вслѣдствіе небреженія и лѣности приносящій менѣе прежняго дохода, все-таки платилъ первоначальную установленную въ кадастрѣ подать. Этими постановленіями счастливо была разрѣшена задача вознагражденія за трудъ, приложенный къ землѣ, и наказанія за небреженіе ея обработки.

Преемникъ и сынъ Маріи-Терезіи, Іосифъ II, пошелъ тоже по стопамъ своей матери. Онъ окончательно уничтожилъ патри-

моніальную юрисдикцію дворянства, старался о распространеніи знаній между крестьянами посредствомъ даровой раздачи книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія, и учредилъ значительныя преміи за успѣхи по части земледѣлія. Плодомъ этихъ мѣръ было: значительное уменьшеніе невоздѣланной земли, увеличеніе народонаселенія и вывозной торговли, сокращеніе податей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ общины стали сами строго слѣдить за издержками, прежде безконтрольно производимыми чиновниками.

Не менѣе благотворно было для Тосканы 25-лѣтнее правленіе Петра-Леопольда, сына Маріи-Терезіи и брата Іосифа II, впослѣдствіи императора Леопольда II. Мѣры, предпринятыя имъ въ этой странѣ, были тѣже, какъ и упомянутыя выше—его предшественниковъ. При очень посредственныхъ умственныхъ способностяхъ, ему удалось, однако, уврачевать раны подвластной ему страны и наглядным образомъ доказать справедливость мнѣнія, что здравый смыслъ и человѣческое сердце правителя важнѣе для блага государства, чѣмъ блестящія умственныя способности безъ этихъ качествъ. Въ особенности онъ старался объ обращеніи временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственные, или въ мелкіе собственники. Вслѣдствіе того, въ Тосканѣ началò возникать цѣлое сословіе наслѣдственныхъ арендаторовъ, и страна эта, къ концу XVIII вѣка, немногимъ только уступаетъ Ломбардіи въ благосостояніи и нравственномъ и умственномъ развитіи.

Рѣзкій и неутѣшительный контрастъ съ этими двумя странами представляютъ остальныя части Италіи, въ особенности же королевство Обѣихъ Сицилій. Но бѣдствія сельскаго населенія южной Италіи начались собственно съ XIII вѣка; до того времени, южная Италія, по судьбѣ своихъ поселянъ, стояла несравненно выше другихъ странъ западной Европы. Сосѣдство мусульманъ и ихъ господство въ Сициліи были даже благодѣтельны для крестьянъ: мусульмане, при образованіи, были вѣротерпимы, и высшее сословіе не смѣло въ виду ихъ тѣснить поселянъ. Господство французскихъ норманновъ было бѣдственно, но кратковременно, а смѣнившіе ихъ Гогенштауфены, и особенно Фридрихъ II, явились покровителями нисшихъ сословій. Со смертью Фридриха II все измѣнилось. Наслѣдство Гогенштауфеновъ, съ половины XIII вѣка и до прошедшаго столѣтія, переходило изъ рукъ въ руки, соединялось, раздѣлялось; чужеземныя династіи смѣняли одна другую, и все это сопровождалось внутреннею борьбою, интригами, кровопролитіемъ, причемъ, конечно, крестьянинъ южной Италіи дошелъ до послѣдней степени паденія. Еще въ концѣ XVIII вѣка въ южной Италіи были въ полной

силѣ разнообразнѣйшія феодальныя права, давно уже забытыя въ остальной Европѣ. Право первой ночи существовало здѣсь даже въ началѣ XIX вѣка, если не въ первобытной, плотской формѣ своей, то въ видѣ, такъ-называемой, свадебной подати, достигавшей значительныхъ размѣровъ. Но еще больше, чѣмъ средневѣковыя обязанности, тяготѣлъ на крестьянинѣ самый способъ ихъ взиманія. Онъ уже свыкся, въ теченіе вѣкового порабощенія, съ мыслью, что ему слѣдуетъ молоть хлѣбъ на помѣщичьей мельницѣ, печь въ его пекарнѣ прессовать маслины или виноградъ въ его прессѣ, и т. п., платя за все это произвольно назначенную плату, и подвергаясь ежеминутно обману помѣщичьихъ прикащиковъ и управляющихъ. Но даже ко всему этому привыкшій крестьянинъ возмущался способомъ взиманія съ него повинностей: такъ, онъ не имѣлъ права собирать свой хлѣбъ, свой виноградъ, свои оливки прежде, чѣмъ часть этихъ плодовъ (обыкновенно половина валового сбора), слѣдовавшая помѣщику, была окончательно свезена въ его амбары. Къ этому присоединилось бремя кратковременной арендной системы, обставленной разными приказными тонкостями, формальностями, ограниченіями, и т. п., открывавшими обширное поле придиркамъ и взысканіямъ. Еще болѣе тяготѣлъ на крестьянахъ обычай, или вѣрнѣе необходимость, продавать помѣщику, за полцѣны, свой хлѣбъ на корнѣ. Не имѣя средствъ существовать, крестьянинъ, для того, чтобы пропитаться отъ одной до другой жатвы, принужденъ былъ уже съ осени дѣлать запродажу произведеній, которыя онъ надѣялся собрать въ слѣдующемъ іюлѣ. Изъ этого образовался обычай, непосредственно послѣ собранной жатвы, опредѣлять цѣну продуктовъ будущей. Повидимому, оцѣнка эта дѣлалась съ возможнымъ безпристрастіемъ, при посредствѣ чиновниковъ, между крестьянами и спекулянтами. Но такъ-какъ послѣдніе были всегда агенты большихъ землевладѣльцевъ, а первые не осмѣливались противъ нихъ протестовать, то обыкновеннымъ послѣдствіемъ такихъ собраній было опредѣленіе не средней цѣны, какъ имѣлось въ виду, а самой низкой. По этой-то оцѣнкѣ крестьянинъ и получалъ отъ землевладѣльца, или, вѣрнѣе, его агента, сумму за предполагаемое количество будущаго урожая; слѣдовательно, всегда оставался ему долженъ извѣстное количество произведеній. Слѣдствіемъ подобнаго порядка дѣлъ было — потеря крестьянину, въ случаѣ вздорожанія продуктовъ, всей разницы между запродажной и возвысившеюся цѣнами, а въ случаѣ собственнаго неурожая — неоплатные долги!

Положеніе сельскаго населенія въ Церковной Области, управляемой самымъ отвратительнымъ образомъ изъ всѣхъ государствъ

христіанскаго міра, было, разумѣется, не лучше, чѣмъ въ Неаполѣ. Подданные папы имѣли достаточно случаевъ убѣдиться уже въ XVII вѣкѣ, что духовное управленіе никуда не годно. Рядомъ съ безнравственностью этого правленія идетъ полнѣйшее невѣжество. Какъ образчики послѣдняго достаточно указать на распоряженія Григорія XIII и Сикста V во второй половинѣ XVI вѣка. Первый, желая получить болѣе почвы для воздѣлыванія хлѣба (недостаточное количество котораго отнюдь не обусловливалось недостаткомъ годной къ обработкѣ земли) приказалъ вырубить всѣ деревья и кустарники въ низменныхъ мѣстностяхъ по берегу моря расположенныхъ. Сикстъ V предпринялъ также очистку отъ лѣсовъ горныхъ вершинъ. Онъ полагалъ этой мѣрой уменьшить количество бандитовъ, ограничивъ число ихъ притоновъ. Плодомъ этихъ безразсудныхъ мѣръ обоихъ папъ были — страшный недостатокъ въ дровяномъ и строевомъ лѣсѣ, которымъ еще до сихъ поръ страдаетъ Папская Область, а съ другой стороны еще большее распространеніе въ римской Кампаніи aria cattiva (злокачественныхъ лихорадокъ).

Гораздо лучше было въ XVIII вѣкѣ положеніе сельскаго населенія на континентѣ юной сардинской монархіи — Піемонта и Савоіи. Въ концѣ XVIII вѣка крестьяне были въ Піемонтѣ лично свободны, хотя немногіе только изъ нихъ владѣли землею: большая же часть состояла изъ временныхъ арендаторовъ, обработывавшихъ участки изъ-полу, по контрактамъ очень кратковременнымъ (не болѣе 3 лѣтъ). При второмъ сардинскомъ королѣ, Карлѣ-Эммануилѣ III, приступлено было къ выкупу всѣхъ существовавшихъ, личныхъ и вещественныхъ, феодальныхъ обязательствъ сельскаго населенія (1771). Крестьяне обязаны были выкупить ихъ по 4-процентному разсчету. Многочисленныя жалобы дворянъ на злоупотребленія учрежденій, на которыя возложено было исполненіе этого закона, побудили короля учредить особую коммиссію для разбора жалобъ. Хотя послѣдняя нашла эти жалобы неосновательными, и потому повелѣно было приводить первый законъ въ исполненіе, но вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая кончина (1773) короля и пристрастіе его наслѣдника къ дворянству и духовенству, остановили окончаніе благодѣтельнаго дѣла, такъ-что только часть Савоіи, сопредѣльной Франціи, освободилась изъ феодальныхъ цѣпей къ тому времени, когда въ этой послѣдней странѣ онѣ были окончательно расторгнуты разгромомъ 1789 года.

Не смотря на то, что съ конца XVIII ст. Италія сдѣлалась театромъ войнъ, и страдала отъ ихъ послѣдствій, — подчиненіе значительной части ея французскому владычеству было для нея

истиннымъ благодѣяніемъ. Передъ трехцвѣтнымъ знаменемъ пали феодальныя привилегіи, потерялись дворянскія права; массы вѣковыхъ бездомныхъ тружениковъ вздохнули свободнѣе. Даже въ тѣхъ частяхъ Италіи, которыя не подпали власти французовъ, долженъ былъ совершиться переворотъ къ лучшему. Такъ, новый король сардинскій, Карлъ-Эммануилъ IV, крайне ограниченный и фанатическій приверженецъ стараго порядка, жестокій ханжа и бездарный правитель, принужденъ былъ сдѣлать уступки духу времени и силѣ обстоятельствъ. Въ 1797 году, онъ принужденъ былъ уничтожить въ континентальныхъ своихъ владѣніяхъ ленныя отношенія, повелѣлъ приступить къ выкупу барщины, запретилъ образованіе новыхъ маіоратовъ и ограничилъ существованіе прежнихъ двумя поколѣніями.

Самымъ благотворнымъ оказалось вліяніе французскаго владычества въ той части Италіи, которая болѣе другихъ страдала отъ средневѣковыхъ порядковъ—въ Неаполѣ. Хотя къ устраненію ихъ было приступлено при восшествіи на престолъ Іосифа Бонапарте, и хотя очищеніе ея отъ этихъ плевелъ продолжалось съ гораздо большею энергіей при преемникѣ его, Іоахимѣ Мюратѣ (1808), однако совершенное уничтоженіе ихъ послѣдовало не вдругъ. Феодализмъ пустилъ корни свои въ этой странѣ не только посреди сельскаго населенія, но и въ городахъ, запроданныхъ неаполитанскими королями и испанскими намѣстниками баронамъ. Изъ числа двухъ тысячъ общинъ—1,616 принадлежали имъ, и только остальныя 384 были собственностью короля. На общинахъ этихъ тяготѣли многообразнѣйшія феодальныя обязанности. О числѣ ихъ можно составить себѣ приблизительное понятіе изъ того обстоятельства, что одно алфавитное перечисленіе ихъ, приложенное, въ видѣ указаній къ замѣчательному труду Вайнспира (Winspeare) о злоупотребленіяхъ феодализма въ Неаполѣ, занимаетъ шестьдесятъ страницъ in 8°. При вступленіи Іосифа Бонапарте на престолъ, числилось ихъ еще на неаполитанской почвѣ 1,395!!! Всевозможныя средства были пущены въ ходъ — интриги придворныя, вліянія женщинъ, и т. п., чтобы устранить грозящую дворянскимъ интересамъ опасность. Самый декретъ 1806 года открывалъ возможность къ тому своимъ постановленіемъ, уничтожавшимъ феодальныя права, не основанныя на неопровержимыхъ документахъ. Каждый, поэтому, старался доказать безспорность своихъ притязаній. Едва ли удалось бы такъ-называемой феодальной коммиссіи, учрежденной для разбора споровъ между дворянами, крестьянами и общинами, рѣшить трудную, возложенную на нее задачу, если бы во главѣ ея не находился энергическій и знакомый съ дѣ-

ломъ Давидъ Вайнспиръ, англичанинъ, родившійся въ Неаполѣ. Его стараніямъ удалось покончить многосложныя и трудныя занятія въ теченіе трехъ лѣтъ, и притомъ не на бумагѣ только, а на дѣлѣ. Барщина, личная служба, зависимость общинъ отъ бароновъ — были уничтожены безвозмездно; натуральныя повинности за землю обращены въ денежныя. Но въ дѣлѣ маіоратовъ Мюратъ вынужденъ былъ сдѣлать уступки. Учрежденіе это такъ вошло въ плоть и кровь неаполитанскаго дворянства, что для успокоенія его и обезоруженія (члены его постоянно сносились съ прежнимъ своимъ королемъ, бѣжавшимъ на островъ Сицилію, и англичанами) Мюратъ отмѣнилъ декретъ своего предшественника, и возстановилъ (1809) маіораты, въ вознагражденіе за особенныя услуги, оказанныя дворянами — новой династіи.

Островъ Сицилія представлялъ, въ отношеніи обращенія дворянъ съ сельскимъ населеніемъ, поразительный контрастъ съ изложенными выше порядками на Апеннинскомъ полуостровѣ. Конечно, оно было вынужденное, неискреннее. Изгнанный изъ Неаполя Бурбонъ, Фердинандъ IV, благодаря защитѣ англичанъ, властвовалъ на островѣ. Послѣдніе однако не даромъ приняли его подъ свою защиту. Они считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ управленіе и пользовались имъ, ко благу страны, до такой степени, что опекаемый ими король, или правильнѣе супруга его, Каролина, сестра Маріи-Антуанетты, прежде заклятый врагъ Наполеона I, вошла съ нимъ въ тайные переговоры, чтобы только избавиться отъ своихъ попечителей. Какъ ни тяжело было Бурбонамъ выносить вмѣшательство англичанъ, однако островъ былъ обязанъ имъ многими благодѣтельными реформами: склоненіемъ дворянъ къ уничтоженію маіоратовъ, аллодификаціей [1]) ленныхъ имѣній (1810), и наконецъ, спустя два года, введеніемъ образцовой конституціи, которой единственный недостатокъ состоялъ развѣ въ томъ, что она была слишкомъ хороша для столь отсталой страны какъ Сицилія. Безвозмездное уничтоженіе феодальныхъ привилегій и правъ, исключая основанныхъ на свободномъ договорѣ, хотя освященное согласіемъ парламента, было рычагомъ, за который впослѣдствіи ухватились Бурбоны и ихъ придворные, чтобы ниспровергнуть, послѣ паденія Наполеона, цѣлое конституціонное зданіе. Дворяне, повидимому преданные новому порядку, немедленно вооружились противъ него, какъ только представился случай возстановить старый. Конечно, со-

[1]) Аллодификаціей называется уничтоженіе лена и превращеніе его въ свободную собственность вассала.

вершенное возстановленіе его, послѣ французскихъ и англійскихъ реформъ, оказалось невозможнымъ, нежелательнымъ даже для такихъ деспотовъ, какими были неаполитанскіе Бурбоны. Убѣдившись, что свободныя учрежденія развили предпріимчивость народа и вмѣстѣ съ тѣмъ его богатство, а слѣдовательно и способность выносить большія подати, эти не совсѣмъ безкорыстные правители, изъ эгоизма, не рѣшались вполнѣ возстановить старые порядки. Менѣе другихъ потеряли жители вновь образованнаго Ломбардо-Венеціанскаго королевства и Тосканы. Какъ ни страннымъ покажется, но нельзя не сознаться, что венеціанскій крестьянинъ выигралъ при переходѣ подъ власть австрійцевъ. Несмотря на то, что феодализмъ былъ чуждъ венеціанскихъ владѣній (исключая Фріоуля), и слѣдовательно имъ не пришлось испытать, подобно прочимъ областямъ Италіи, всѣхъ его ужасовъ, однако безконтрольный и почти безнаказанный гнетъ олигарховъ былъ такъ невыносимъ, что даже австрійцы показались освободителями!!! Въ Ломбардіи и Тосканѣ крестьянинъ потерялъ немного чрезъ возстановленіе прежнихъ порядковъ, потому-что они, даже до французской революціи, были очень сносны, такъ-что послѣдняя немногимъ улучшила ихъ. Болѣе всего пострадало отъ реставраціи этого времени сельское населеніе Папскихъ владѣній и королевства Обѣихъ Сицилій, не смотря на то, что правители ихъ всенародно и торжественно обѣщали не возстановлять разъ уничтоженныхъ феодальныхъ привилегій. Но за обѣщаніемъ не всегда слѣдуетъ исполненіе! Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: имъ не суждено было осуществиться.

На островѣ Сициліи, какъ мы упомянули выше, еще въ 1812 г. предполагалось уничтожить маіораты. Фердинандъ IV, сперва будто бы расположенный къ осуществленію этой мѣры, вскорѣ разубѣдился въ пользѣ ея, и безъ стыда объяснялъ, что политика должна стараться сочетать общественную пользу, проистекающую отъ уничтоженія маіоратовъ, съ сохраненіемъ и блескомъ благородныхъ родовъ, и потому (??) онъ предписалъ вновь возстановить учрежденіе маіоратовъ. Хотя вскорѣ вспыхнувшая на островѣ революція и принудила новаго короля Франца I (1825) вновь уничтожить феодальныя привилегіи, однако дворянамъ удалось исторгнуть у него новое повелѣніе (1829), парализировавшее предъидущее. При сынѣ его и преемникѣ, Фердинандѣ II, открылись, какъ казалось, надежды на улучшенія. Во время двукратнаго путешествія своего онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что островъ этотъ, прежде — житница древняго Рима и Карѳагена, а теперь истомленная голодомъ страна, страдаетъ

отъ непомѣрнаго накопленія поземельной собственности въ рукахъ дворянства и духовенства, и неравномѣрнаго ея распредѣленія, а также отъ средневѣковыхъ привилегій этихъ сословій (монополія продажи съѣстныхъ припасовъ существовала еще въ концѣ 30 годовъ!). Несмотря на то, что всѣ феодальныя права вновь были уничтожены (1838) этимъ правителемъ, они все таки не переставали существовать на практикѣ и въ жизни. Эти легальныя отмѣны повторялись еще нѣсколько разъ съ прежнимъ успѣхомъ! Вообще, неспособностью италіянскихъ правителей послѣдняго времени объясняется рядъ возстаній, потрясшихъ полуостровъ. Не смотря на полную личную свободу, которою давно уже пользуется италіянскій крестьянинъ, нельзя однако сказать, чтобы онъ былъ эманципированъ. Онъ рѣдко—собственникъ, въ большей же части случаевъ—временной арендаторъ, иногда наслѣдственный. Историческій опытъ убѣждаетъ насъ, что съ этою формою владѣнія не сопряжено благоденствіе народа. Англія не можетъ служить опроверженіемъ этого положенія, а развѣ подтвержденіемъ, по исключительности своихъ учрежденій и характера народнаго, указаннымъ выше и не повторяющимся въ другихъ странахъ. Въ Италіи повторились, если и не въ столь значительной степени, тѣ же явленія, которыя указаны нами выше въ Ирландіи. И здѣсь видимъ, что право—сѣчь и истязать своего ближняго, которое отдавалъ феодализмъ въ руки сильнаго, не было еще самымъ жестокимъ; право согнать крестьянина, послѣ истеченія короткаго срока, съ участка, къ которому онъ приложилъ свой трудъ, оказывается и въ Италіи едва ли не болѣе безчеловѣчнымъ какъ первое, ибо трудно рѣшить, чего, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, болѣе опасается крестьянинъ—побоевъ, или голодной смерти. Временная аренда налагаетъ печать проклятія не только на работника, но и на его контрагента, землевладѣльца, а тѣмъ самымъ и на сельское хозяйство государства. Въ этомъ не трудно убѣдиться примѣромъ страны, которая находилась, во все послѣднее время, въ самыхъ лучшихъ, сравнительно съ другими италіянскими провинціями, условіяхъ,—именно Ломбардіи. Каждому сельскому хозяину извѣстно, что, при обработкѣ земли вольнымъ трудомъ, издержки ея, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, достигаютъ не менѣе половины валового дохода; при менѣе благопріятныхъ — они поглощаютъ даже 60, 70 и болѣе процентовъ. Въ Ломбардіи же колоны (этимъ именемъ называютъ въ Италіи временныхъ арендаторовъ) искони платятъ землевладѣльцу половину жатвы, собираемой съ участка. Такимъ образомъ, они орошаютъ потомъ снимаемый ими участокъ за цѣну, меньшую нежели обыкновенный поден-

щикъ. Но и половина эта только номинальная. Арендаторъ платитъ въ дѣйствительности гораздо болѣе. Землевладѣльцы, пользуясь наплывомъ желающихъ снять ихъ участки, выговариваютъ въ свою пользу еще разныя дани: яйцами, птицей, поставкой и подвозкой камня, дровъ, починкой дорогъ, мостовъ и т. п. послугами. Повинности эти—не остатокъ прежнихъ феодальныхъ отношеній, а плодъ мнимо-свободнаго, но въ сущности вынужденнаго обстоятельствами договора. Поверхностный наблюдатель можетъ возразить, что отъ свободнаго, по закону, арендатора, зависитъ вполнѣ перемѣнить землевладѣльца, предлагающаго ему подобныя тягостныя условія. Конечно, по теоріи, онъ можетъ это сдѣлать, но на дѣлѣ такая перемѣна ни къ чему не поведетъ. Условія, предлагаемыя землевладѣльцами цѣлой области на всемъ ея пространствѣ, однѣ и тѣ же, и арендаторъ отъ перемѣны лицъ выиграетъ немного. Онъ можетъ переселиться, могутъ отвѣтить на это. Конечно, какъ человѣку свободному, никто невправѣ запретить ему этого перемѣщенія, но какъ человѣку недостаточному, оно неисполнимо, по отсутствію средствъ къ перемѣщенію. Притомъ землевладѣлецъ рѣдко рѣшится заключить съ человѣкомъ, ему неизвѣстнымъ, арендныя условія. Онъ желаетъ имѣть нравственную гарантію, что живой инвентарь, ему поручаемый вмѣстѣ съ участкомъ (собственнаго арендаторъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти), не подвергнется риску. Понятно, что при подобномъ порядкѣ вещей въ Италіи не можетъ быть и рѣчи о раціональномъ хозяйствѣ, которое уступаетъ во многомъ странамъ, далеко не такъ облагодѣтельствованнымъ природой, какъ этотъ садъ Европы. Въ нравственномъ отношеніи арендная система развращаетъ обѣ стороны: арендаторъ, въ случаѣ значительнаго урожая, находя, что онъ условленной половиной платитъ землевладѣльцу непомѣрно высокую цѣну, старается скрыть настоящій сборъ, чтобы не платить излишняго; въ случаѣ же неурожая онъ тоже скрываетъ, чтобы накопить необходимыя средства существованія для себя и своего семейства. Землевладѣлецъ слѣдитъ конечно зоркимъ глазомъ за подобными утайками, и натянутыя отношенія переходятъ нерѣдко въ открытую вражду. Арендаторъ смотритъ на землевладѣльца какъ на притѣснителя; послѣдній на перваго—какъ на вора-мошенника. Обѣ стороны, конечно, правы, каждая съ своей точки зрѣнія; но землевладѣлецъ оказывается все-таки болѣе виновнымъ, потому, что онъ требуетъ отъ арендатора болѣе, чѣмъ онъ въ состояніи дать ему, и этимъ вынуждаетъ его прибѣгать къ обману. Понятно, что послѣдствій этой несправедливой, нераціональной, безчеловѣчной системы не избѣжали даже страны хорошо управляемыя

(Піемонтъ, Лигурія); до какихъ уродливыхъ явленій она можетъ довести въ странѣ съ развращенною администраціею, это лучше всего можно видѣть на несчастной Папской Области! Сохраненіе арендной системы можетъ довести страну до политическихъ переворотовъ: создавая самый опасный изъ пролетаріатовъ — сельскій, оно приготовляетъ массы недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, безъ разбора становящіяся подъ знамя любого искателя приключеній, обѣщающаго имъ перемѣну къ лучшему. Терять имъ, во всякомъ случаѣ, нечего; выиграть же можно многое!

Трудно понять, почему италіянскія правительства, исключительно существовавшія австрійской поддержкой, такъ долго не догадались исправить громадную политическую ошибку, въ которую они впали. Имъ очень хорошо было извѣстно, что все дворянство Италіи проникнуто къ нимъ, какъ сателлитамъ Австріи, глубочайшей ненавистью. Казалось бы, что ничего не могло быть естественнѣе, какъ желаніе этихъ правительствъ освободить массы народныя изъ-подъ вліянія враждебнаго имъ сословія, а этого можно было очень легко достигнуть превращеніемъ временныхъ арендаторовъ въ поземельныхъ собственниковъ. Но что̀ удерживало эти правительства отъ подобной мѣры? Вѣнская пресса, въ исходѣ истекшаго десятилѣтія, даетъ намъ на это очень наивный отвѣтъ. Она созналась, что Австріи нечего опасаться столь враждебнаго ей ломбардскаго дворянства потому, что она обуздывается его сельскимъ населеніемъ. Стоитъ только погрозить дворянству превращеніемъ временныхъ арендаторовъ въ собственниковъ снимаемыхъ ими участковъ, и оно поневолѣ должно будетъ отказаться отъ своихъ революціонныхъ замысловъ, тогда-какъ вся масса сельскаго населенія станетъ за правительство, надѣлившее его собственностью. Такъ-какъ Австрія, въ теченіе полувѣка, была путеводной звѣздой всѣхъ мелкихъ тирановъ, истязавшихъ несчастную Италію, то понятно, что и они руководствовались этою же безнравственной политикой. Близорукости ея мы были свидѣтелями. Дворянство не было сдержано ею, а народъ ничего, кромѣ безплодныхъ обѣщаній, данныхъ въ минуты опасности, не получившій отъ этихъ коварныхъ правительствъ, имѣлъ столько практическаго смысла, что отнесся совершенно равнодушно къ ихъ погибели. Да иного исхода и ожидать было нельзя. Во-первыхъ, землевладѣлецъ, имѣющій возможность ежеминутно пустить своего арендатора по-міру, составляетъ для него гораздо болѣе непосредственную и опасную власть, нежели отдаленный правитель. Притомъ, дворяне были достаточно хитры, и при приближеніи минуты, когда имъ помощь крестьянина была необходима, смягчали гнетъ и стара-

лись, болѣе патріархальными отношеніями, склонить его на свою сторону. Конечно, мотивомъ этой метаморфозы было не добродушіе, а чистѣйшій разсчетъ. Что могли противопоставить этому сильному вліянію угрожаемыя правительства? Бездну данныхъ и неисполнимыхъ обѣщаній? Но въ XIX столѣтіи даже необразованнѣйшаго крестьянина нельзя подкупить, à la longue, подобной политикой. Его можно обмануть разъ, два, но обманывать себя хронически онъ не позволитъ. Онъ не довольствуется отрицательными благодѣяніями; онъ требуетъ отъ правительства положительныхъ доказательствъ его отеческой заботливости и любви, въ которыхъ оно, по временамъ, въ дни испытанія, или при высокоторжественныхъ церемоніяхъ, для краснаго слова, его увѣряетъ.

Неутѣшительно было положеніе крестьянина и въ Сардинскомъ королевствѣ, непосредственно послѣ реставраціи. Во всѣхъ отрасляхъ управленія видимъ, при Викторѣ-Эммануилѣ I-мъ, этомъ Донъ-Кихотѣ «добраго стараго времени», и братѣ его и преемникѣ, Карлѣ-Феликсѣ, на каждомъ шагу реакцію. Понятно, что объ участіи въ судьбѣ крестьянъ не могло быть и помину. Не лучше было начало царствованія Карла-Альберта, запретившаго всѣмъ, кто не имѣлъ 1,500 лиръ капитала, учиться писать и читать, и кто не имѣлъ ежегоднаго дохода этой же суммы — вообще учиться въ высшихъ заведеніяхъ!! Но вскорѣ онъ обратилъ вниманіе на судьбу сельскаго населенія на островѣ Сардиніи, находившагося въ ужасномъ положеніи. Несмотря на обѣщаніе улучшить его, данное правительствомъ послѣ усмиренія возстанія, вызваннаго въ концѣ XVIII в., страшными притѣсненіями, все осталось по-прежнему. Правительство не имѣло достаточно силы противостоять всемогущей аристократіи. Крестьяне сардинскіе платили, еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка, баронамъ и духовенству, отъ 60 до 70 процентовъ изъ своихъ доходовъ, которые были еще увеличиваемы произвольно подъ самыми смѣшными предлогами. Такъ, нѣкій маркизъ Di Moras увеличилъ платимыя ему крестьянами повинности на $^1/_{16}$ подъ предлогомъ, что мыши пожираютъ именно это количество зерна въ его амбарахъ!! Притомъ дворянство, составлявшее $^1/_{79}$ часть всего населенія острова, имѣло еще въ 1824 г. въ рукахъ своихъ судебную власть, не только гражданскую, но даже и уголовную. Абсентеизмъ былъ развитъ подобно ирландскому. Карлъ-Альбертъ, познакомившись съ положеніемъ дѣлъ еще будучи намѣстникомъ острова, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ подписалъ декретъ объ уничтоженіи феодальныхъ обязанностей. Когда онъ печатался въ типографіи, дворяне сардинскіе, проживавшіе

въ Туринѣ, обратились къ посланникамъ австрійскому и другимъ, подписавшимъ договоръ Священнаго союза, съ объясненіемъ, что нарушеніе патріархальныхъ (?!) отношеній между землевладѣльцами и крестьянами противно условіямъ, подъ которыми островъ подчинился Савойскому дому. Карлъ-Альбертъ принужденъ былъ временно уступить, но не оставилъ своего плана. Приведя въ порядокъ страшно разстроенные финансы, онъ, съ умѣренностью, знаніемъ дѣла, но тѣмъ не менѣе съ большою твердостью вновь занялся временно оставленнымъ планомъ. Онъ поручилъ особенной, составленной ad hoc спеціальной комиссіи, заняться преслѣдованіемъ положенія поземельной собственности, опредѣлилъ доходъ землевладѣльцевъ по 10—15 лѣтней сложности, провѣривъ ихъ данныя по этому вопросу, и наконецъ предложилъ ихъ сельскимъ обществамъ для исправленія. Этимъ путемъ были обнаружены разнообразнѣйшія злоупотребленія во всей ихъ наготѣ. Такъ, оказалось, что бароны пользовались своей патримоніальной юрисдикціей сами, непосредственно, а не назначали судей, которые обязаны были вершать дѣла по законамъ государства, и предъявлять ихъ высшей инстанціи для провѣрки и контроля. Закономъ почиталась воля помѣщика; рѣшалъ споръ — его интересъ, и притомъ безапелляціонно и ничуть не сообразуясь съ общими законами. Такъ-какъ предметомъ споровъ были большею частью отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, то первые, будучи стороной, были въ то же самое время и судьями въ своемъ дѣлѣ, такъ-что на полудикомъ островѣ существовалъ только одинъ видъ права — право сильнаго, кулачное!!

Въ 1836 г. уничтожена патримоніальная юрисдикція, перешедшая въ сферу государственныхъ правъ; въ слѣдующемъ — отмѣнены безвозмездно всѣ личныя послуги и выкуплены прочія феодальныя повинности ежегоднымъ взносомъ опредѣленной платы. Черезъ годъ — феодальныя права, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ между землевладѣльцами и крестьянами, переложены были на деньги, а поземельные участки поступали въ собственность лицъ, доселѣ ихъ воздѣлывавшихъ. Такимъ образомъ положено основаніе свободному сословію сельскихъ землевладѣльцевъ, и уничтожены феодальныя отношенія. Правительство приняло на себя посредничество, капитализировавъ изъ 5% прежнія повинности и выдавъ государственныя долговыя обязательства, приносившія имъ этотъ доходъ. Дворянство, убѣдившись наконецъ въ невозможности дальнѣйшаго существованія прежняго порядка, не сопротивлялось болѣе и предпочло вѣрную ренту прежнимъ поборамъ. Еще болѣе выиграло при этомъ

сельское населеніе: вмѣсто многоголовой гидры — дворянства, оно получило одного господина — короля.

Положеніе крестьянъ въ Германіи начинаетъ улучшаться только съ XII-го вѣка, несмотря на то, что крестовые походы не оказали такого благодѣтельнаго вліянія въ этой странѣ, какъ, напримѣръ, въ сосѣдней Франціи. Своимъ улучшеніемъ земледѣльческій классъ въ Германіи былъ въ особенности обязанъ городамъ, достигшимъ въ этой странѣ гораздо бо́льшаго значенія, чѣмъ во Франціи. Имперскіе города, понимая выгоды, какія представляла имъ защита сельскихъ обывателей противъ угнетенія дворянства, принимали ихъ въ число такъ-называемыхъ «свайныхъ гражданъ» (Pfahlbürger), получившихъ это названіе отъ обычая селить такихъ бѣглецовъ внѣ частокола, окружавшаго городъ, т. е. въ предмѣстьяхъ. Въ концѣ XIII-го вѣка присоединяется къ этому классу еще новый, похожій на bourgeois du roi во Франціи: онъ состоялъ изъ людей, оставшихся подвластными помѣщику, на землѣ котораго они были поселены, но снискавшихъ право гражданства въ сосѣдственномъ имперскомъ городѣ, и подъ его защитою уклонявшихся отъ платежа повинностей. Большая часть войнъ между дворянами и имперскими городами, въ теченіе XIV и XV вѣковъ, были вызваны этими принятіями крестьянъ подъ защиту послѣднихъ. Явленіе это мы видимъ и въ Италіи, но въ Германіи города не впали въ ту ошибку, которая такъ часто повторяется въ первой странѣ. Германскіе города, расширяя постепенно свои территоріи, достигавшія иногда довольно значительныхъ размѣровъ, путемъ покупокъ, рѣдко захватомъ и завоеваніемъ,—обходились съ подвластнымъ сельскимъ населеніемъ довольно гуманно, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ и сравнительно съ дворянами и духовенствомъ. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьянскія возстанія ограничивались дворянскими и духовными владѣніями, только въ видѣ рѣдкихъ исключеній переходя на территоріи, принадлежавшія городамъ. Въ Италіи, напротивъ, сельское населеніе было эксплуатировано капиталистами изъ горожанъ, скупавшими большіе участки земли и заставлявшими сельское населеніе ихъ снимать у нихъ. Постоянное возвышеніе наемной платы и постепенное обращеніе крестьянъ въ временныхъ арендаторовъ, зависѣвшихъ вполнѣ отъ произвола спекулянтовъ, должно было питать вражду первыхъ къ послѣднимъ. Нѣмецкіе имперскіе города не запятнали себя подобнымъ барышничествомъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что въ Германіи ремесленные

цѣхи успѣли пріобрѣсти гораздо большее вліяніе въ городскомъ управленіи, чѣмъ въ Италіи, и изъ понятнаго противодѣйствія ихъ патриціямъ, съ которыми они находились въ постоянной борьбѣ, не допускали, чтобы они пріобрѣтали вліяніе на недостаточныхъ горожанъ тѣми средствами, къ которымъ, какъ мы видѣли выше, прибѣгали италіянскіе патриціи.

Не менѣе способствовали улучшенію быта сельскаго населенія Германіи нидерландскія колоніи, основанныя, съ начала XII вѣка, въ разныхъ ея частяхъ. Послѣ продолжительныхъ кровопролитныхъ войнъ между нѣмцами и славянами, за обладаніе сѣвера и сѣверо-востока настоящей Германіи, кончившихся вытѣсненіемъ послѣднихъ, страны эти обратились въ пустыни. Необходимо было заселить ихъ вновь. Часто въ это время повторявшіяся опустошительныя наводненія Голландіи, стоившія ей многихъ тысячъ жителей, заставили многихъ голландцевъ искать другихъ мѣстъ поселенія, гдѣ жизнь ихъ и собственность не подвергались бы такъ частой опасности. Часть ихъ переселилась въ Англію, другая приняла охотно предложеніе переселиться на опустошенныя огнемъ и мечомъ пепелища славянъ. Они сдѣлали это тѣмъ охотнѣе, что почва страны этой представляла большое сходство съ ихъ родиной и потому пріемы обработки были почти тѣ же, какъ и на ихъ прежней родинѣ; кромѣ того, они пользовались полнѣйшей личной свободой, получали земли въ наслѣдственную собственность, имѣли свой собственный судъ и расправу, и платили за все это очень незначительную подать. Такія голландскія колоніи встрѣчаются съ конца XI-го вѣка возлѣ Бремена, въ Саксоніи, Тюрингіи, и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Благодѣтельныя послѣдствія свободнаго и обезпеченнаго труда не замедлили обнаружиться. Въ особенности чуткое къ матеріальнымъ выгодамъ духовенство убѣдилось въ пользѣ довольствоваться лучше небольшимъ, но вѣрнымъ доходомъ, получаемымъ съ людей свободныхъ, чѣмъ нести бремя управленія надъ рабами, и дѣлиться барышомъ съ обкрадывавшими обѣ стороны, владѣльцевъ и крестьянъ, управляющими. Духовные землевладѣльцы подали, поэтому, первый примѣръ распространенія привилегій, дарованныхъ голландцамъ, и на туземныхъ земледѣльцевъ, а гдѣ этого не случилось, то по крайней мѣрѣ произвольно налагаемыя повинности были замѣнены строго опредѣленными и противъ прежняго сбавленными.

Въ пустѣ лежавшія, вновь завоеванныя земли не могли однакожъ быть обработаны одними колонистами изъ Голландіи. Оставалось достаточно ихъ и для другихъ желающихъ изъ коренныхъ нѣмцевъ. Поэтому мы видимъ въ эту эпоху множество пе-

реселенцевъ нѣмецкихъ, направляющихся туда же. Это обстоятельство тоже не мало способствовало улучшенію быта нѣмецкихъ крестьянъ. Землевладѣльцы, нуждаясь въ рукахъ, поневолѣ должны были придумать средства для удержанія ихъ на своихъ старыхъ поселеніяхъ и положить преграды человѣческому потоку, устремлявшемуся на сѣверъ и востокъ. Надежнѣйшимъ средствомъ оказалось предоставленіе туземному сельскому населенію такъ-называемаго фламскаго права, т. е. распространеніе на нихъ тѣхъ привилегій, которыя даны были, какъ мы видѣли выше, голландскимъ колонистамъ. Это право только и спасло землевладѣльцевъ отъ разоренія, и удержало многихъ крестьянъ въ ихъ помѣстьяхъ, постоянно страдавшихъ отъ повальныхъ болѣзней, войнъ и усобицъ, которыя отличались въ эту эпоху особенною опустошительностью. Совокупности этихъ обстоятельствъ германское сельское населеніе обязано было тѣмъ, что, въ періодъ времени отъ начала XIII и до конца XV, большая часть его сдѣлались наслѣдственными арендаторами, хотя не вполнѣ свободными, но съ неоспариваемымъ правомъ на землю, за которую они несли вообще не черезъ чуръ тяжелыя повинности. Рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ, правда, и крѣпостныхъ въ полномъ значеніи этого слова, но съ другой стороны — и совершенно свободныя сельскія общества, члены которыхъ называли себя сами и были называемы другими «гражданами». Устройство этихъ обществъ представляло сходство съ городскимъ. Но даже и селенія, состоявшія изъ крѣпостныхъ, имѣли право наслѣдственнаго владѣнія поземельными участками, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могли даже располагать своимъ имуществомъ безъ вмѣшательства барина. Вообще, права ихъ были сравнительно гораздо обширнѣе правъ современныхъ французскихъ крестьянъ. Во многихъ мѣстностяхъ вся сельская полиція находилась въ ихъ рукахъ: они имѣли исключительное вліяніе на выборъ сельскихъ должностныхъ лицъ, которыхъ они могли предлагать помѣщику на утвержденіе, или отводить имъ предложенныхъ. Подтвержденіе сказанному представляютъ такъ-называемыя Weistümer или Hofrechte современной эпохи, т. е. акты, въ которыхъ съ необыкновенной подробностью и точностью опредѣлялись взаимныя права и обязанности землевладѣльцевъ и крестьянъ. Конечно, во многихъ мѣстностяхъ существовали еще несправедливые и унизительные поборы, напр. выкупъ права первой ночи.

Съ конца XV-го вѣка, вслѣдствіе юридическихъ и соціальныхъ переворотовъ, совершившихся въ Германіи, этотъ порядокъ вещей измѣняется уже къ худшему. Введеніе римскаго права, которымъ надѣялись исправить современныя злоупотребле-

нія значительно ухудшило бытъ сельскаго населенія. Суды присяжныхъ, публичность судопроизводства, обычное право устранены: юстиція перешла въ руки кабинетныхъ ученыхъ, судопроизводство сдѣлалось тайнымъ. Римскій кодексъ былъ непримѣнимъ къ быту сельскаго населенія Германіи, развившагося подъ другими историческими вліяніями. Римская имперія не знала ни свободныхъ крестьянъ, ни наслѣдственныхъ арендаторовъ, ни фламскаго права, а слѣдовательно кодексъ ея не заключалъ подходящихъ постановленій. Кромѣ того, къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что нѣкоторые виды германской зависимости представляли внѣшними своими чертами сходство съ крѣпостнымъ правомъ, но въ сущности тутъ была огромная разница. Сюда можно отнести такъ называемыхъ Wachszinsige, eigene Leute и проч. Въ представляемыхъ жизнію случаяхъ, тогдашніе юристы, не находя въ кодексѣ статей подходящихъ и мало по малу утративъ смыслъ понимать особенности своего народа, подводили всѣ сельско-хозяйственныя отношенія подъ отдѣлы кодекса de servis, или precarium, хотя въ нихъ не заключалось ничего сходнаго съ существовавшими отношеніями. Такимъ образомъ, римское право сдѣлалось вѣрнымъ союзникомъ сильныхъ міра сего, давно уже пытавшихся обратить свободныхъ сельскихъ обывателей въ крѣпостныхъ. Короли и дворяне вмѣстѣ ухватились за этотъ мощный рычагъ, посредствомъ котораго они могли удобно и, повидимому, законно наполнить свои опустѣвшія кассы, вести разорительныя войны и соперничать роскошью съ разбогатѣвшими горожанами. Междуусобныя войны, принуждавшія крестьянъ искать защиты у ближайшаго дворянства, довершили остальное. Запутанностью этихъ отношеній дворянство умѣло воспользоваться превосходно, не останавливаясь, на пути къ достиженію своей цѣли — обращенія свободнаго сельскаго населенія въ крѣпостныхъ—ни предъ какими средствами, прибѣгая къ обману и подлогу какъ къ средствамъ позволительнымъ и обыкновеннымъ. Крестьянскія войны, начавшіяся возстаніемъ 1525 г., были протестомъ угнетенныхъ противъ этого порядка вещей.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что общераспространенное мнѣніе, будто крестьянскія войны вызваны были желаніемъ крестьянъ освободиться отъ крѣпостного вѣкового ига, ошибочно. Иго это не было давнишнимъ, но напротивъ, его вновь навязали свободному или полусвободному сельскому населенію Германіи при помощи римскихъ юристовъ. Исходъ этого возстанія извѣстенъ, но ни Германія, ни Европа не воспользовались урокомъ, даннымъ имъ. Народы не убѣдились, что возстанія, даже самыя

справедливыя, рѣдко приносятъ благіе плоды; правители тоже не научились дѣлать вовремя уступки справедливымъ требованіямъ народа и не доводить его до необходимости исторгать ихъ силой. Изъ современныхъ владѣтелей немногіе только, болѣе гуманные и дальновидные, маркграфъ баденскій Филиппъ и регентъ (впослѣдствіи императоръ Фердинандъ I-й) габсбургскихъ земель, занялись облегченіемъ народныхъ нуждъ своихъ провинцій: Бадена, верхней Австріи и Тироля. Крестьянскія повинности были уменьшены, барщина опредѣлена и даже переведена на денежный оброкъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разрѣшена даже охота. Но личности эти были только рѣдкими, счастливыми исключеніями. Въ концѣ XVI-го столѣтія, опять видимъ систематическія попытки, съ помощью римскаго права, обращать свободныхъ сельскихъ жителей въ крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ и временныхъ арендаторовъ.

Но всѣ эти злоупотребленія и притѣсненія были ничѣмъ въ сравненіи съ ужасами тридцатилѣтней войны и съ ея послѣдствіями для сельскаго населенія Германіи, сдѣлавшими его совершенно безправнымъ и излившими на него полную чашу несчастія. Солдатчина царила повсюду! Въ союзѣ съ нею дворянство, съ нечеловѣческою жестокостью, угнетало беззащитный народъ. Горе бѣдному крестьянину, осмѣлившемуся отстаивать свое право ссылаясь на законъ, на договоръ или вѣковой обычай!! Истязаніямъ не было предѣловъ! Подъ охраной грубой силы дворянству удалось наложить на народъ новые налоги, новыя тяжести, неслыханныя до того времени обязанности. Прекращеніе этой злосчастной войны тоже не облегчило участи сельскаго населенія. Поработители, послѣ ея окончанія, только и думали о томъ, какъ созданное ими фактическое рабство превратить въ юридическое, наложивъ на него клеймо законности, что̀ оказалось не труднымъ при новомъ учрежденіи, которому тридцати-лѣтняя война положила начало въ Германіи—при постоянномъ войскѣ! Учрежденіе это освободило правителей отъ необходимаго прежде, для созванія военныхъ силъ, согласія государственныхъ чиновъ, сосредоточило силы эти въ однихъ рукахъ, дало средство имъ подавлять, въ самомъ зародышѣ, всякое движеніе, противное ихъ цѣлямъ, и перенесло вначалѣ деспотизмъ лагеря въ среду гражданской жизни. Правители немедленно поняли, какую силу дало имъ введеніе постоянныхъ войскъ, и мы видимъ, что немедленно послѣ него заключаются ими между собою разные оборонительные и наступательные союзы для поданія помощи другъ другу на случай сопротивленія подданныхъ—платить произвольно налагаемыя, безъ ихъ участія, подати и налоги. Даже ссылка на прежнія

вольности, правителями гарантированныя, считались преступленіемъ, которое жестоко наказывалось. Этотъ порядокъ вещей нашелъ даже защитниковъ въ средѣ ближайшихъ совѣтниковъ правителей, старавшихся разными лжеумствованіями теоретически оправдать его. Такъ, одинъ изъ нихъ, канцлеръ Бехампъ, наивно увѣряетъ своего курфирста, что multo enim nobilius est, et propius accedit ad monarchicam dignitatem, tributum imperare, quam impetrare!! Но, смотря на этотъ деспотизмъ, пустившій такіе глубокіе корни въ государственной почвѣ Германіи, съ отвлеченной исторической точки зрѣнія, нельзя отвергать, что онъ принесъ извѣстную долю пользы нивеллированіемъ и приготовленіемъ страны для воспринятія позднѣйшихъ, болѣе здравыхъ государственныхъ началъ; но въ то время деспотизмъ этотъ отразился бѣдственно на бытѣ сельскаго населенія. Изъ этого положенія не слѣдуетъ, однако, выводить заключенія, что уничтоженные государственные чины были защитниками простого народа, который потерялъ, съ закрытіемъ ихъ, органъ своей защиты. Нѣтъ, причины этого бѣдствія были иныя. Первая изъ нихъ состояла въ томъ, что деспотизмъ правителя, увеличиваясь въ геометрической прогрессіи, нисходя по лѣстницѣ чиновничьей іерархіи, разражался страшнымъ гнетомъ на беззащитномъ и безгласномъ крестьянствѣ. Во-вторыхъ, правители, желая вознаградить дворянство за утраченную ими политическую самостоятельность, отдали ему на произволъ судьбу сельскаго населенія, расширяя на счетъ послѣдняго власть, и такимъ образомъ стараясь помирить его съ новымъ порядкомъ вещей. Хотя здѣсь слѣдовало бы изложить юридическое положеніе нѣмецкаго крестьянина въ періодъ времени отъ половины XVII до половины XVIII вѣка, но оно не много послужило бы къ уразумѣнію его дѣйствительнаго быта. Жизнь выработала формы, въ которыя не укладываются юридическія отношенія. Крестьянинъ обязанъ былъ исполнять не только то, чего требовалъ отъ него писанный законъ; онъ въ дѣйствительности исполнялъ и то, чего требовалъ отъ него помѣщикъ, или его управляющій, для которыхъ, какъ говорится, законъ еще не былъ писанъ. Нѣмецкій крестьянинъ этого времени вполнѣ зависѣлъ отъ дворянскаго произвола.

Заслуга и честь первыхъ попытокъ на пути улучшенія невыносимаго положенія несчастныхъ крестьянъ въ Германіи, принадлежатъ правителямъ изъ дому Гогенцоллерновъ. Уже въ 1709 году Фридрихъ I-й старается положить предѣлы непомѣрной щедрости бароновъ въ раздачѣ ими крестьянамъ — «ихъ насущнаго хлѣба — батожьевъ», грозя даже повѣшеніемъ этихъ

амфитріоновъ кулака и палки. Мѣрами защиты не ограничилось участіе его въ судьбѣ крестьянства: онъ первый старается улучшить бытъ его, способствуя уничтоженію крѣпостного права, облегчая освобожденіе разными финансовыми льготами, стараясь переводить крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, изъ временныхъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Совѣтникомъ Фридриха I-го въ этомъ дѣлѣ является просвѣщенный Любенъ фонъ Вульфенъ, который предлагаетъ кромѣ того замѣнить барщину оброкомъ. Къ сожалѣнію, благія намѣренія этого государственнаго человѣка не осуществились, встрѣтивъ препятствія со стороны вліятельнаго дворянства, и они были въ 1711 году отмѣнены.

Фридрихъ Вильгельмъ I-й, желая заселить пепелища, оставшіяся въ пустѣ еще со временъ тридцатилѣтней войны, издалъ нѣсколько законовъ, обнаруживавшихъ благія намѣренія, но онъ же самъ способствовалъ ихъ неисполненію разными распоряженіями, свидѣтельствовавшими объ узкости его взгляда и непониманіи человѣческой природы. Такъ, напримѣръ, желая привлечь колонистовъ въ восточную Пруссію, опустошенную, въ 1709 и 1710 годахъ, страшной моровой язвой, похитившей почти треть населенія, король этотъ уничтожилъ крѣпостное право во всѣхъ королевскихъ помѣстьяхъ этой области, роздалъ крестьянамъ земли въ потомственное владѣніе, даже съ правомъ отчужденія ихъ другимъ земледѣльцамъ. Но эта, повидимому благая, мѣра, разрушена была его же руками: онъ стѣснилъ этихъ крестьянъ разными ограниченіями, затруднявшими ихъ передвиженіе и выборъ рода занятій; самыя повинности не были опредѣлены, а было сказано, что онѣ будутъ зависѣть «отъ высочайшаго благоусмотрѣнія». Такимъ образомъ, крѣпостное право отнюдь не было уничтожено, какъ можно было ожидать, а только нѣсколько смягчено. Точно такимъ же духомъ отличаются и мѣры, которыми онъ старался распространить картофель въ Прусской Литвѣ: онъ приказывалъ садить его подъ угрозой тѣлеснаго наказанія!! Что онъ не успѣлъ освободить казенныхъ крестьянъ Прусской Помераніи отъ крѣпостной зависимости — это не было его виной. Сельское населеніе этой провинціи, запуганное, забитое, видѣло въ каждомъ нововведеніи новую бѣду, новую кару, и потому, когда Фридрихъ Вильгельмъ I-й объявилъ крѣпостное право въ казенныхъ имѣніяхъ Помераніи уничтоженнымъ, крестьяне отказались отъ этой милости, смущенные предписаніемъ пріобрѣтать усадьбы въ собственность и платить за дрова, которыми они до того пользовались даромъ. Но самою существенною мѣрою этого монарха, на пути улучшенія

быта крестьянъ въ Пруссіи, было уничтоженіе такъ-называемаго права холощенія (Recht des Legens) крестьянъ. Именемъ этимъ называлось существовавшее не только въ Бранденбургѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, право дворянъ выкупать, или по-просту сгонять, крестьянъ съ мѣста, которое понадобилось первымъ для возведенія на немъ замка, или иного зданія. Легко себѣ представить въ какомъ положеніи должна была находиться крестьянская собственность, надъ которой постоянно висѣлъ дамокловъ мечь дворянской прихоти. Могъ ли крестьянинъ тратить свой трудъ или капиталъ на улучшеніе своего участка, когда онъ зналъ, что ежеминутно онъ можетъ лишиться его вслѣдствіе этого права? Хотя Бранденбургскіе правители XVI и послѣдующаго вѣка и не отличались экономическимъ смысломъ, но все-таки они не могли не замѣтить всей уродливости этого права холощенія крестьянъ, которое и старались ограничить разными полумѣрами: такъ, напр., они постановили, что дворянинъ имѣетъ право согнать крестьянина съ его участка только тогда, когда онъ самъ намѣренъ поселиться въ его усадьбѣ; когда онъ уплатитъ ему «дѣйствительную» стоимость ея, и притомъ наличными деньгами сейчасъ же, не менѣе половины и т. п. Но предписанія эти были заглушены военными событіями, и Фридрихъ Вильгельмъ I-й, постоянно слыша жалобы, вызываемыя злоупотребленіями этой уродливой дворянской привилегіи, рѣшился наконецъ совершенно ее уничтожить.

Геніальный преемникъ и сынъ его, Фридрихъ II, сознавая, что могущество страны обусловливается преуспѣяніемъ самаго многочисленнаго класса гражданъ, сельскихъ обывателей, сначала своего царствованія заботился объ улучшеніи ихъ быта. Изъ указа его 1742 г. видно, какъ мало исполнялись предписанія его отца. Мы узнаемъ изъ него, что они были недостаточны для защищенія крестьянъ отъ произвола, поборовъ, притѣсненій и побоевъ даже чиновниковъ, не говоря уже о помѣщикахъ. Но видно, что наказанія, которыми грозилъ этотъ законъ, оказались недѣйствительными, потому-что черезъ 7 лѣтъ (въ 1749) изданъ былъ новый, грозившій чиновникамъ, уличеннымъ въ нанесеніи побоевъ крестьянамъ, шестилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости. Но и это не помогло! Крестьянъ били по прежнему!! Фактъ этотъ, въ числѣ тысячи подобныхъ, служитъ доказательствомъ, что самые строгіе законы не защищаютъ гражданъ отъ злоупотребленія, произвола и насилія въ странахъ, гдѣ уровень общественной нравственности низокъ, гдѣ въ народѣ систематически заглушается сознаніе человѣческаго достоинства, гдѣ человѣкъ имѣетъ только значеніе податной единицы, судьба которой на-

ходится въ рукахъ администраціи. Можно ли послѣ этого удивляться, что прусское чиновничество XVII и XVIII-го вѣковъ, взросшее и воспитанное въ началахъ произвола—наслѣдія 30-ти лѣтней войны—не боялось ни королевскихъ угрозъ, ни крѣпостныхъ казаматовъ? Если этотъ энергическій правитель не успѣлъ совладать съ своими непосредственными слугами—чиновниками, то легко себѣ вообразить, что справиться съ дворянами ему было еще труднѣе. Право холощенія крестьянъ, уничтоженное, какъ мы видѣли, уже отцомъ его, въ жизни, на практикѣ, было все еще въ полной силѣ, какъ это видно изъ новыхъ указовъ Фридриха II, грозившихъ тяжелыми пенями чиновникамъ, его допускавшимъ.

Пользуясь спокойствіемъ, послѣдовавшимъ послѣ заключенія Губертсбургскаго мира, Фридрихъ сдѣлалъ первыя попытки къ упраздненію крѣпостного права. Онъ началъ съ Померанія, гдѣ оно проявлялось въ самой дикой формѣ. Когда указъ его объ этомъ былъ объявленъ землевладѣльцамъ, они единогласно объявили, что исполненіе его положительно невозможно, потому, между прочимъ, что право это въ Померанія будто бы вовсе неизвѣстно, что между помѣщиками и крестьянами существуютъ только очень благодѣтельныя для послѣднихъ отношенія, нарушить которыя опасно, потому-что за этимъ послѣдуетъ обезлюдненіе провинціи (нужно замѣтить, что именно Померанія представляла, изъ областей старой Пруссіи, самый бо́льшій процентъ крестьянъ, находившихся въ бѣгахъ!!) и невозможность поставлять королю, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, которое бароны предвидѣли отъ уничтоженія существовавшихъ отношеній, великорослыхъ рекрутъ, такъ любимыхъ королемъ!! Нужно полагать, что это послѣднее опасеніе показалось Фридриху до того правдоподобнымъ, что онъ не настаивалъ на своемъ намѣреніи, какъ это видно изъ крестьянскаго положенія, изданнаго въ 1764 г. и оставлявшаго все по-старому. Тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ приступилъ онъ къ улучшенію быта крестьянъ въ новоприобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ, гдѣ положеніе ихъ было еще гораздо хуже, чѣмъ въ областяхъ старой Пруссіи. Трудно рѣшить, какая была причина, по которой этотъ энергическій монархъ отказался отъ проведенія своей воли въ этомъ отношеніи. Любовь ли его къ дворянству (онъ, подобно Людовику XIV, тоже утверждалъ, что только одно дворянство доступно понятіямъ чести!!), или убѣжденіе, что, располагая такими ненадежными, продажными, развращенными орудіями, какъ чиновники, нельзя предпринять съ успѣхомъ подобной реформы, или же экономическая невозможность вознаградить помѣщиковъ

за утраты — сказать не легко! Фридрихъ II-й искалъ спасенія окольными дорогами: онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы поднять благосостояніе крестьянъ разными льготами, дарованными земледѣлію, которое онъ поощрялъ, стараясь устроить его по образцу англійскаго. Но ни фоліянты указовъ, изданныхъ съ этой цѣлью, ни тюки таблицъ, по которымъ чиновники должны были представлять свои отчеты объ успѣхахъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, не помогли дѣлу. Для процвѣтанія его недоставало главныхъ живительныхъ и оплодотворяющихъ человѣческую дѣятельность элементовъ—свободы и естественнаго права самому пользоваться плодами своего труда. Замѣнить ихъ невозможно никакими указами и угрозами! Поэтому-то Фридрихъ II-й, несмотря на благія намѣренія, въ концѣ своего царствованія жаловался, что Пруссія не производитъ достаточно хлѣба даже для собственнаго употребленія.

Старанія этого монарха на этомъ пути не прошли безслѣдно и въ остальной Германіи. Увлеченные его примѣромъ, германскіе правители стали обращать нѣкоторое вниманіе на судьбу «подлаго народа», доселѣ неудостоившагося ихъ высокаго покровительства. Въ особенности занялась ею политическая соперница Фридриха—Марія-Терезія. Не любовь и чувство справедливости руководили ею однакожъ при этомъ. Ей необходимы были средства, деньги для веденія войны, которыя она принуждена была вымаливать въ видѣ субсидій, у Англіи. Она поняла, что денежныя затрудненія обусловлены были печальнымъ положеніемъ сельскаго населенія, которое, уплачивая высокія подати землевладѣльцамъ, не имѣло средствъ затѣмъ вносить достаточное количество ихъ въ казну. Но при этомъ Марія-Терезія встрѣтилась съ интересами дворянства, которому она была столькимъ обязана въ первые годы своего царствованія. Желая помирить интересы обѣихъ сторонъ, она начала съ ограниченія произвола помѣщиковъ учрежденіемъ уѣздныхъ управленій во всѣхъ нѣмецкихъ областяхъ Австріи (въ Моравіи и Богеміи они существовали и прежде), назначая во главѣ ихъ людей, сочувствовавшихъ новому порядку вещей, и снискавшихъ вскорѣ довѣріе народа. Затѣмъ она приступила къ ограниченію карательной власти помѣщиковъ въ дѣлахъ уголовныхъ, предписавъ представлять приговоры ихъ на утвержденіе упомянутыхъ выше уѣздныхъ управленій. Не менѣе заботилась она объ уменьшеніи гнета непомѣрной барщины и объ обращеніи неимѣвшихъ собственности крестьянъ—въ землевладѣльцевъ. Приступила она къ этому очень ловко, незамѣтно для дворянъ. Съ цѣлью болѣе правильнаго распредѣленія поземельной подати, она предписала

(въ 1748 г.) составить кадастръ въ Ломбардіи, причемъ принято за правило, что крестьянскія земли (т. е. обработываемыя ими) не могутъ быть обращаемы въ помѣщичьи поля, къ чему предлогомъ послужило обстоятельство, что послѣднія (до 1751) были свободны отъ налога, а первыя нѣтъ. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе холостить крестьянъ (уничтоженіе Recht des Legens), а потомъ (1766)—предоставленіе временнымъ арендаторамъ права требовать у помѣщиковъ продажи участка, которымъ они пользовались, въ собственность, по кадастровой оцѣнкѣ, сдѣланной очень низко. Въ заключеніе, контракты эти, для огражденія крестьянъ, предписано заявлять въ уѣздныхъ управленіяхъ. Теперь только дворянамъ спала повязка съ глазъ, и они очень наглядно увидѣли прямую цѣль кадастра! Затѣмъ Марія-Терезія приступила къ реформѣ барщины (называемой въ Австріи «роботы»), самой чувствительной струны крѣпостныхъ отношеній. Барщина была неопредѣленна, т. е. крестьянинъ обязанъ былъ работать столько дней, сколько требовалъ помѣщикъ, нерѣдко цѣлую недѣлю, но никакъ не менѣе 3 дней. Императрица, установила особую коммиссію, на которую возложено было, изслѣдовавши вопросъ, уменьшить барщину и окончательно ее опредѣлить. На первыхъ же порахъ коммиссія эта увидѣла необходимость произвести общую реформу, такъ-какъ частныя улучшенія не достигли бы цѣли. Марія-Терезія предложила два пути: выкупъ, оказавшійся однакожъ невозможнымъ, потому-что обѣ заинтересованныя стороны не сошлись въ условіяхъ его; или же опредѣленіе, посредствомъ такъ-называемыхъ Robot- и Urbarial-Patente (уставныя граматы) maximum'a (3 дня) барщины и той цѣны, по которой она можетъ быть выкупаема. На послѣдней мѣрѣ и остановилось правительство. Но приведеніе ея въ исполненіе встрѣтило затрудненія какъ со стороны дворянства, такъ и со стороны крестьянства. Первое представляло императрицѣ, что «роботы» составляютъ ихъ законно-наслѣдованную отъ предковъ собственность, что она гарантирована имъ присягой, данной ею при вѣнчаніи охранять всѣ ихъ привилегіи, что, наконецъ, отъ уменьшенія «роботъ» крестьяне ничего не выиграютъ: что у нихъ нѣтъ достаточнаго количества скота, чтобы обработывать поля, и что они, потому, предадутся тунеядству, отъ котораго потерпитъ государство и помѣщики; что, наконецъ, дворяне не желаютъ принять на душу упрекъ потомковъ въ томъ, что они не защитили ихъ исконнаго права.

Патентъ все-таки былъ опубликованъ. Крестьяне съ своей стороны сдѣлали не меньше затрудненій, чѣмъ дворяне. Узнавши о льготахъ, имъ дарованныхъ, они стали разсуждать, что если

законъ предлагаетъ уменьшеніе ихъ прежнихъ тягостей, то нѣтъ особенной причины и совершенно ихъ не сбросить. Многіе изъ нихъ обнаружили сомнѣніе въ подлинности патента, утверждая, что настоящій, скрытый управляющими, даруетъ крестьянамъ полную свободу. Броженіе умовъ обнаружилось наконецъ въ 1775 г. открытымъ возстаніемъ, для подавленія котораго употреблена была военная сила.

Въ виду этихъ событій Марія-Терезія, въ патентѣ, изданномъ для Моравіи, объявила, что она имѣла въ виду только облегченіе крестьянъ, а отнюдь не уничтоженіе тѣхъ повинностей, которыя обязаны они отбывать своимъ землевладѣльцамъ, какъ принадлежащихъ по праву и составляющихъ ихъ собственность. Въ тоже самое время она, желая показать крестьянамъ свою незлопамятность и участіе, принимаемое въ ихъ судьбѣ, разрѣшила имъ, въ казенныхъ имѣніяхъ, откупаться отъ барщины за умѣренный денежный оброкъ, а также уничтожила множество повинностей, платимыхъ ими помѣщикамъ, одно перечисленіе которыхъ заняло бы цѣлыя страницы.

Самыя большія препятствія въ исполненіи своихъ намѣреній, относительно крестьянъ, встрѣтила Марія-Терезія въ Венгріи, сельское населеніе которой въ теченіе среднихъ вѣковъ раздѣляло участь своихъ собратій въ остальной Европѣ. Несмотря на то, что св. Стефанъ даровалъ личную свободу всѣмъ лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, венгерскіе крестьяне не пользовались ею, въ особенности во все время правленія дома Анжу, особенно покровительствовавшаго дворянамъ. Даже самый замѣчательный правитель изъ этого дома, Людвигъ Великій, несвободенъ отъ упрека въ этомъ пристрастіи къ дворянству. Хотя постановленіе его, чтобы крестьянамъ платить дворянину девятую часть ($^1/_9$) своихъ сборовъ сельскихъ произведеній, издано было съ цѣлью оградить сельское населеніе отъ произвола, но оно обратилось ему во вредъ, ибо то, что прежде считалось злоупотребленіемъ, получило теперь санкцію закона. Введеніе патримоніальной юрисдикціи (1351) и затѣмъ предписаніе переселяться съ одного помѣстья въ другое не иначе, какъ съ разрѣшенія магната, отдало крестьянъ окончательно въ руки дворянства. Постоянный гнетъ довелъ сельское населеніе до открытаго возстанія (1514), во время котораго около 400 магнатовъ погибло страшной смертью. Послѣдніе, одержавъ вскорѣ верхъ, удовлетворили своему мщенію страшнымъ разсчетомъ. Нетолько виновные погибли въ ужасныхъ мукахъ, но даже ихъ жены и дѣти погибли въ истязаніяхъ. Побѣдители не довольствовались этимъ мщеніемъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ страсти. На

сеймѣ въ Офенѣ, они хладнокровно произнесли приговоръ и надъ грядущими поколѣніями сельскаго населенія: опредѣлено было увеличить однимъ днемъ число работъ въ недѣлю; каждый домохозяинъ обязанъ былъ изъ каждыхъ трехъ червонцевъ дохода уплачивать одинъ помѣщику; девятина распространена была на всѣ произведенія; наконецъ, все сельское населеніе сдѣлано крѣпостнымъ и крѣпкимъ землѣ, на вѣчныя времена — сказано въ законѣ!

Нельзя не отдать справедливости первымъ правителямъ изъ дома Габсбурговъ, что они старались облегчить участь венгерскихъ крестьянъ, уготованную имъ магнатами. Уже императоръ Фердинандъ I-й (1547), представляя вопросъ съ точки зрѣнія того времени, увѣрялъ ихъ, что бѣды, которыми постигнута страна, суть кары Господни за угнетеніе крестьянъ, и потому предлагалъ облегчить ихъ участь. Но старанія его, равно какъ его непосредственныхъ преемниковъ, оказались тщетными. Венгерскіе магнаты, требовательные и алчущіе свободы (понимая подъ нею дворянскія привилегіи), не признавали за низшими классами самыхъ священныхъ правъ человѣческой личности. Только Маріи-Терезіи удалось облегчить нѣсколько судьбу послѣднихъ, но и то не вдругъ. Обязанная дворянству многимъ за помощь, ими оказанную ей въ затруднительныхъ обстоятельствахъ начала царствованія, она рѣшилась сдѣлать шагъ по этому пути только четверть вѣка послѣ своего вступленія на престолъ. Изданное въ 1766 г. урбаріальное положеніе опредѣляло мѣру повинностей, предоставляло крестьянину нѣкоторыя личныя права и по имуществу; такъ, ему предоставлена была свобода передвиженія, барщина была уменьшена и строже опредѣлена; словомъ, положеніе старалось сдѣлать его наслѣдственнымъ арендаторомъ земли, которую онъ обработывалъ. Но эти благія намѣренія Маріи-Терезіи не удалось видѣть осуществленными: помѣщики, при наружной готовности способствовать осуществленію ея желаній, дѣлали все, чтобы сохранить прежній порядокъ вещей, что было нетрудно, при безнравственности и продажности чиновниковъ съ одной стороны, и невѣжествѣ народа съ другой. Противъ послѣдняго она принимала мѣры: учреждала народныя школы, но тоже неудачно. Худое ихъ устройство и необязательность ихъ посѣщенія были причиной, что онѣ не достигли предположенной цѣли.

Преемникъ и сынъ Маріи-Терезіи, Іосифъ II-й, испыталъ еще бо́льшія, чѣмъ она, затрудненія на пути улучшенія быта крестьянъ. Обнародованное имъ (въ 1781 г.) уничтоженіе крѣпостного права въ Богеміи, Моравіи и Силезіи, вскорѣ распро-

страненное на остальныя провинціи имперіи, встрѣтило непреодолимыя препятствія въ дворянствѣ, особенно въ венгерскихъ магнатахъ, осудившихъ, какъ мы видѣли выше, крестьянское сословіе на вѣчное рабство. Причину этой неудачи слѣдуетъ искать въ личномъ характерѣ императора: онъ принесъ съ собою на престолъ прекрасное сердце, благія намѣренія, но этими важными, но не главными качествами, ограничивались его достоинства. Іосифъ II-й самъ былъ необразованъ, не зналъ исторіи и ея уроковъ, окруженъ былъ министрами-невѣждами и развращенными чиновниками. Совокупности этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ приписать, что послѣ неудачъ турецкой войны, за нѣсколько недѣль предъ смертью, императоръ принужденъ былъ сдѣлать важныя, затребованныя венгерскими магнатами, уступки, принося такимъ образомъ имъ въ жертву всѣ благія усилія своего царствованія. Правда, его эдикты о вѣротерпимости и личномъ освобожденіи крестьянъ, были имъ спасены посреди общаго крушенія, но преемникъ его, Леопольдъ II-й, принужденъ былъ пожертвовать и ими для успокоенія волнующейся знати, и считалъ себя счастливымъ, что ему удалось спасти хотя урбаріальное положеніе Маріи-Терезіи. Магнаты домогались даже его уничтоженія, доказывая необходимость и законность рабства, установленнаго, по ихъ объясненію, самимъ Провидѣніемъ!!

Успѣхъ венгерскихъ магнатовъ отразился и на судьбѣ крестьянъ остальныхъ провинцій. Дворянство богемское, нижней и верхней Австріи, подняло тоже голову. Двумя такъ-называемыми патентами—подданства и уголовнымъ (1781), Іосифъ II-й отдалъ сельское населеніе двухъ послѣднихъ провинцій подъ защиту вновь установленныхъ, на подобіе существовавшихъ уже въ Богеміи, уѣздныхъ учрежденій, отъ притѣсненій помѣщиковъ. Въ то же время патримоніальная юрисдикція ихъ была значительно ограничена. Наконецъ (въ 1789), податная система была измѣнена: опредѣлено было, что всѣ барщинныя работы должны быть переложены на оброкъ, причемъ было предписано, что не менѣе 70% чистаго дохода съ земли должно оставаться въ пользу крестьянина. Самое переложеніе должно было совершиться въ теченіе полутора года. Дворянство не дремало въ виду готовыхъ совершиться преобразованій. Воспользовавшись нѣкоторыми мѣстными возстаніями крестьянъ, въ Австріи и революціоннымъ движеніемъ Франціи, оно успѣло до того напугать слабохарактернаго Леопольда II-го, что онъ рѣшился оставить всѣ благія намѣренія своего брата безъ исполненія, пожертвовавъ ими интересамъ торжествующаго дворянства. Только Галиція и Лодомирія, изъ политическихъ причинъ, воспользовались отчасти ре-

формами, задуманными Іосифомъ II-мъ. Крестьяне этихъ, недавно отъ Польши присоединенныхъ провинцій, находились, въ разсматриваемую эпоху, въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ въ теченіе среднихъ вѣковъ. При Казимирѣ великомъ (прозванномъ, въ насмѣшку, польскими магнатами, мужицкимъ королемъ) и его непосредственныхъ преемникахъ, польскіе крестьяне пользовались, сравнительно, благосостояніемъ. Королевская власть защищала ихъ отъ произвола и насилія пановъ. Но когда (въ 1572 г.), вслѣдствіе введенія избирательной системы королей, дворянство захватило власть въ свои руки, крестьянство, не встрѣчая опоры, какъ это случалось на Западѣ, въ среднемъ сословіи, почти несуществовавшемъ въ Польшѣ, было совершенно порабощено магнатами. Подъ благовиднымъ предлогомъ доставить сельскому населенію болѣе скорое и дешевое судопроизводство, дворяне польскіе присвоили себѣ патримоніальную юрисдикцію. Захватъ этотъ совершился безъ затрудненія; избирательные короли легко сдѣлали эту первую уступку. Первый изъ нихъ, Генрихъ Валуа, подъ религіознымъ предлогомъ, разрѣшилъ дворянамъ наказывать крестьянъ-ослушниковъ «по ихъ благоусмотрѣнію», и продавать, дарить и закладывать ихъ, какъ свою собственность. Второй избирательный король клялся дворянству, что жалобы крестьянъ на дворянъ «на вѣчныя времена» не будутъ принимаемы! Неудивительно послѣ этого, что до самаго перваго раздѣла Польши, польскіе крестьяне не пользовались защитою закона. Это свидѣтельствуютъ оффиціально, кромѣ тысячи частныхъ случаевъ, знаменитая клятва Іоанна-Казимира (1655) и слова короля Станислава Лещинскаго. Онъ сознается, что польскій крестьянинъ не пользуется никакими человѣческими правами; что помѣщикъ можетъ, безъ всякихъ формальностей, лишить его жизни, и за преднамѣренное убійство его платитъ пеню около 15 франковъ. Растленіе помѣщикомъ первой понравившейся крестьянской дѣвушки считалось самымъ обыкновеннымъ происшествіемъ. Палочные удары были отвѣтомъ всякому, кто осмѣлился приносить жалобу на дворянина. Положить предѣлъ этой анархіи старались, немедленно послѣ раздѣла Польши, Іосифъ II-й и Фридрихъ Великій. Но народъ польскій былъ до того задавленъ, что на первыхъ порахъ онъ даже не съумѣлъ постичь важности предпринятыхъ въ его пользу реформъ. Неопредѣленная, отъ произвола помѣщика зависѣвшая барщина была въ Пруссіи строго опредѣлена. Повелѣвъ (1773), чтобы крестьяне казенныхъ имѣній отправляли не болѣе 60 дней барщины въ годъ, Фридрихъ II-й предписалъ, чтобы дворяне и иные землевладѣльцы, не дальше какъ въ теченіе года, заклю-

чили, добровольныя условія съ ихъ крестьянами, грозя, что въ противномъ случаѣ они, по истеченіи этого срока, не будутъ имѣть права требовать отъ послѣднихъ работъ больше, чѣмъ опредѣлено для имѣній казенныхъ. Другою, неменѣе важною мѣрою Фридриха II-го было запрещеніе сгонять крестьянъ съ ихъ участковъ, иначе, какъ только вслѣдствіе судебнаго приговора. Отдача казенныхъ земель въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ создало новый видъ земледѣльцевъ, дотолѣ неизвѣстный въ Польшѣ.

Въ Австріи тоже предпринимались мѣры для улучшенія быта польскихъ крестьянъ. Еще Маріей Терезіей предписано было помѣщикамъ давать крестьянамъ зерно на посѣвъ; помѣщики отвѣчали за невзносъ послѣдними податей — мѣрой этой правительство имѣло въ виду заставить первыхъ заботиться о состоятельности послѣднихъ. Наконецъ, уничтожена была обязательная покупка крестьянами у ихъ помѣщиковъ вина и разныхъ другихъ произведеній. Въ 1782, крѣпостное право было уничтожено, и мѣсто его заступила зависимость, сравнительно съ прежнею, довольно сносная. Положеніемъ о «роботахъ» (1786) крестьяне были защищены отъ притѣсненій и произвола помѣщика и его управляющихъ; maximum рабочихъ дней былъ назначенъ три дня въ недѣлю; множество повинностей, несчитавшихся доселѣ барщинными, признаны были таковыми и вошли въ счетъ ихъ (ночные караулы, посылки, и т. п.); число рабочихъ часовъ въ днѣ, прежде неопредѣленное, было ограничено лѣтомъ 12, зимой 8 часами. Естественно, что польскіе магнаты, ограниченные этими мѣрами въ своемъ произволѣ, старались ихъ устранить, воспользовавшись одновременными уступками, сдѣланными дворянству въ Венгріи и другихъ провинціяхъ въ Австріи. Къ счастію сельскаго населенія Галиціи, ни Леопольдъ II-й, ни Францъ II-й, его сынъ и преемникъ, не обратили вниманія на эти представленія и даже угрозы польскаго дворянства.

Этимъ примѣрамъ прусскихъ и австрійскихъ правителей на пути улучшенія быта крестьянъ въ собственной Германіи послѣдовалъ баденскій маркграфъ Карлъ-Фридрихъ. Онъ первый уничтожилъ, хотя и невполнѣ, крѣпостное право, въ своихъ владѣніяхъ. Правда, право это въ предѣлахъ послѣднихъ, давно уже утратило, силою обычая, тѣ уродливыя стороны свои, которыя оставались еще въ полномъ цвѣту въ другихъ германскихъ государствахъ. Помѣщикъ баденскій не имѣетъ права ни продавать крестьянина, ни даже сгонять его съ участка; съ другой стороны, крестьяне могли свободно продавать свою собственность, распоряжаться ею по завѣщанію, заключать браки по про-

изволу, отдавать дѣтей своихъ въ ученіе и т. п. Это обычное право получило законную санкцію въ эдиктѣ 1783 г., уничтожившемъ еще нѣкоторыя уродливыя повинности: поголовную, хотя и умѣренную, подать, отдачу лучшей части изъ наслѣдства (Besthaupt или Todfall), и тяжелую плату, взносимую при выходѣ изъ имѣнія, т. е. при переселеніи отъ одного помѣщика къ другому. Но мѣрами этими послѣдніе слѣды крѣпостного права все-таки не были уничтожены въ Баденѣ; барщина была устранена гораздо позже.

Въ другихъ частяхъ Германіи правители довольствовались большею частью только обѣщаніями облегчить судьбу крестьянъ, или ограничивали одни самыя вопіющія злоупотребленія помѣщичьей власти, высочайше повелѣвая сельскому населенію старательнѣе воздѣлывать обработываемую ими землю. Словомъ, несмотря на старанія Фридриха II-го, Маріи-Терезіи и Іосифа II-го, въ концѣ XVIII вѣка, въ Германіи, сельское населеніе не ощутило особеннаго улучшенія своей участи и находилось почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы видѣли крестьянина французскаго при Людовикѣ XVI-мъ, мѣстами же, особенно въ сѣверной и сѣверо-восточной части Германіи, еще въ болѣе худшемъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжался бы этотъ порядокъ вещей, еслибъ не подоспѣла французская революція съ ея міровыми послѣдствіями. Сколько бѣдствій она ни причинила на германской территоріи, вслѣдствіе близорукости и ограниченности нѣмецкихъ правителей и аристократіи, нельзя однако не согласиться, что переворотъ этотъ не мало способствовалъ улучшенію быта сельскаго населенія въ Германіи. Провидѣніе, сочетаніемъ событій, заставило правителей, путемъ жестокихъ уроковъ, даровать народамъ тѣ, необходимыя для человѣческаго развитія, льготы, которыя они никогда не дали бы имъ добровольно. Члены Рейнскаго союза, послѣ разгрома священной римской имперіи, преклоняясь передъ желѣзной волей Наполеона I-го, волей или неволей принуждены были приступить къ улучшенію положенія сельскаго населенія. Къ этому принуждало ихъ прежде всего введеніе, въ завоеванныя республиканскими войсками и уступленныя по Люневилльскому миру нѣмецкія провинціи—французскаго законодательства съ его послѣдствіями, т. е. уничтоженіемъ всѣхъ феодальныхъ привилегій. Когда, такимъ образомъ четыре съ половиной милліона жителей нѣмецкаго происхожденія воспользовались человѣческими правами, невозможно было долѣе отказывать въ нихъ ближайшимъ сосѣдямъ-соплеменникамъ. Члены-правители Рейнскаго союза не имѣли

даже физической силы удержать прежній порядокъ вещей, который, кромѣ того, пересталъ существовать по статьѣ конфедераціоннаго акта (1806), положительно уничтожавшей всѣ нѣмецкіе законы, опредѣлявшіе отношенія между членами союза и ихъ подданными. Могли-ли отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ остаться при этомъ неизмѣнными? Могъ-ли Наполеоновъ кодексъ дѣлать особую оговорку въ пользу послѣднихъ и во вредъ первыхъ?? Могли-ли члены Рейнскаго союза удовлетворять неимовѣрнымъ требованіямъ энергическаго протектора, оставляя свои владѣнія на той степени непроизводительности, на которую обрекало ихъ крѣпостное право?? Понятно, что они принуждены были какъ можно скорѣе снять оковы, тяготѣвшія на землѣ и на ея воздѣлывателяхъ, чтобы удовлетворить усиленнымъ требованіямъ Наполеона. Примѣръ на этомъ пути подалъ самый легкомысленный и самый революціонный членъ союза, Іеронимъ, король вестфальскій. Декретомъ брата его, Наполеона (1807), уничтожалось, на всемъ пространствѣ его королевства, крѣпостное право со всѣми его послѣдствіями. Но вскорѣ братья убѣдились, что нельзя удовольствоваться подобнымъ лаконическимъ рѣшеніемъ отношеній, созданныхъ вѣками. Вслѣдствіе этого Іеронимъ принужденъ былъ въ слѣдующемъ году «разъяснить» первый декретъ. Объясненіе это состояло въ томъ, что только личное крѣпостное право уничтожено было совсѣми его послѣдствіями, равно какъ неопредѣленная барщина, но вещественныя обязательства и повинности остаются, какъ вознагражденіе за пользованіе надѣломъ, т. е. они лежатъ не на лицѣ, а на землѣ. Въ заключеніе, декретъ объяснялъ, что всѣ эти повинности могутъ быть выкупаемы, по добровольному согласію, или по правиламъ, которыя будутъ впослѣдствіи опредѣлены закономъ. Неопредѣленность этихъ постановленій породила множество споровъ между помѣщиками и крестьянами, вызвавшихъ новыя законодательныя «разъясненія». Такъ, въ 1809 г., для спасенія жатвы, разрѣшено было требовать съ крестьянъ пѣшихъ и тяглыхъ работниковъ, и пояснено, что подъ названною въ предыдущемъ декретѣ неопредѣленною барщиною подразумѣвались только строительные дни, сторожество при замкахъ, и сгоны во время охоты, равно какъ и такія услуги, которыя состояли въ связи съ неупотребительными въ деревняхъ ремеслами и торговлей!! Къ этому еще прибавлено, что не слѣдуетъ считать неопредѣленной барщиной такія работы, количество и число дней которыхъ хотя и неопредѣлено, но если только обозначено пространство воздѣлываемой земли, то онѣ относятся къ числу опредѣленныхъ! Эти очевидныя уступки, сдѣланныя Іеронимомъ въ пользу дво-

рянства, не могли способствовать уменьшенію его требовательности, а еще менѣе — добровольнымъ сдѣлкамъ, указаннымъ первыми декретами. Поэтому онъ рѣшился приступить къ обязательному выкупу повинностей. Въ основу его положена была капитализація ихъ изъ 4 (для натуральныхъ повинностей) и изъ 5 процентовъ (для денежныхъ). Опредѣленіе денежной повинности возлагалось на трехъ экспертовъ, изъ которыхъ одинъ избирался крестьяниномъ, другой — помѣщикомъ, третій — предсѣдателемъ уѣзднаго суда. Для ускоренія этихъ операцій впослѣдствіи сдѣлки эти подчинены вѣдѣнію префектовъ, но и эта мѣра помогла немного, такъ-что паденіе французской имперіи и разложеніе Рейнскаго союза застало крестьянскій вопросъ въ Вестфаліи далеко неразрѣшеннымъ.

Законодательства прочихъ государствъ этого союза отличаются тѣми же чертами легкости, поспѣшности и неопредѣленности, какія мы видѣли въ Вестфаліи, и потому всѣ они отнюдь не достигли своей цѣли — улучшенія крестьянскаго быта, а породили только множество столкновеній и разорительныхъ для обѣихъ сторонъ процессовъ.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается прусское законодательство по этому вопросу: правда, непосредственно послѣ смерти Фридриха Великаго, во все царствованіе Фридриха-Вильгельма II-го, для крестьянъ не сдѣлано ровно ничего. Даже въ изданномъ сводѣ законовъ (Allgemeines Landrecht) всѣ улучшенія въ бытѣ крестьянъ сводятся на наивное замѣненіе слова «крѣпостное право» нѣсколько нѣжнѣе звучащимъ «наслѣдственное подданство» (Erbunterthänigkeit!). На дѣлѣ осталось все по прежнему: ибо къ чему вели совѣты, подаваемые нѣкоторыми статьями свода о томъ, чтобы барщина «по возможности» замѣнялась опредѣленными повинностями; чтобы помѣщики «умѣренно» пользовались дворянскою привилегіею сѣченія розгами своихъ ближнихъ? Подобные совѣты доказываютъ только неискренность законодателя, и нисколько не ограничиваютъ произвола, напротивъ, предоставляютъ ему обширное поле дѣятельности. Въ противоположность съ этою нерѣшительностью своего отца, Фридрихъ-Вильгельмъ III съ большою откровенностью и смѣлостью приступилъ къ достиженію всенародно заявленной имъ цѣли: освободить крестьянина отъ узъ зависимости и барщины и сдѣлать его свободнымъ, вполнѣ самостоятельнымъ гражданиномъ. Онъ началъ съ казенныхъ помѣстій, предписавъ (въ 1799) приступить къ выкупу барщины и приведенію крестьянъ къ собственности. Вопль откупщиковъ казенныхъ имѣній встрѣтилъ эту мѣру. Они отказывались содержать ихъ долѣе, утверж-

дая, что безъ обязательнаго труда и предоставленной имъ помѣщичьей власти, они понесутъ только убытки. Благодаря, однако, энергіи короля и способностямъ министровъ Шретера и фонъ-Фосса, предсказанія ихъ не оправдались. По предложенію этихъ двухъ совѣтниковъ разрѣшено было тѣмъ изъ откупщиковъ, которые согласятся на задуманный правительствомъ выкупъ барщины, превратить ихъ 6-ти лѣтніе договоры съ казною, въ 18-ти лѣтніе. Мѣра эта помирила откупщиковъ съ новымъ порядкомъ вещей; большая часть ихъ воспользовалась предоставленною льготою такъ, что къ 1806 году оставалось уже очень мало имѣній, въ которыхъ барщина еще существовала. Со стороны крестьянъ; въ одной только провинціи (Курмаркѣ) встрѣтилось нежеланіе перейти къ новому порядку вещей, условленное опасеніемъ ихъ потерять право пользованія топливомъ. Но когда крестьянамъ было объявлено, что имъ будетъ предоставлено право пріобрѣтать лѣсъ, за умѣренную цѣну, опредѣленную таксой, изъ ближайшихъ казенныхъ дачъ, они стали сговорчивѣе, приступили къ предписаннымъ сдѣлкамъ, такъ-что къ 1806 году въ Курмаркѣ оставалось немного казенныхъ имѣній, невоспользовавшихся льготами новаго закона. Нашествіе французовъ положило вскорѣ предѣлъ благой реформѣ, отодвинувъ развитіе и окончаніе ея, какъ казалось на неопредѣленное время. Катастрофа при Іенѣ убѣдила самыхъ пристрастныхъ къ дворянству, что прежніе столбы престола оказались сильно подгнившими, и что настоитъ безотлагательная потребность пересоздать государство на болѣе прочныхъ основахъ. Штейнъ, Вилькенъ, Шретеръ совѣтовали королю уничтожить неестественныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Они видѣли въ этой реформѣ первый шагъ къ укрѣпленію государства внутри и вознагражденію пораженій, испытанныхъ извнѣ. Рядомъ эдиктовъ, начавшихся 9 октября 1807 года, личное крѣпостное право (или какъ его тогда называли Erbunterthänigkeit) было уничтожено. Имущественная эманципація начата была съ казенныхъ имѣній: въ нихъ живущимъ казеннымъ крестьянамъ была подарена обрабатываемая ими земля въ полную и наслѣдственную собственность; инвентарь предоставленъ по прежней оцѣнкѣ, изъяты были только лѣсные покосы и пользованіе лѣсомъ. Всѣ натуральныя и денежныя повинности казенныхъ крестьянъ подверглись выкупу, сумма котораго равнялась 25-ти лѣтней ихъ сложности; они могли быть также обращены въ 4-хъ процентную ренту. Мѣры эти были предвѣстницами болѣе широкихъ, имѣвшихъ цѣлью—судьбу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Какъ ни разнообразны были въ разныхъ провинціяхъ Прус-

сіи, отношенія между ними и землевладѣльцами, ихъ можно однако подвести подъ двѣ главныя категоріи. Къ первой относятся крестьяне-собственники, владѣвшіе небольшимъ клочкомъ земли. Послѣ смерти хозяина ему наслѣдовалъ старшій (или, съ разрѣшенія помѣщика, младшій) сынъ, принимая конечно на себя всѣ обязательства умершаго отца. Повинности эти состояли изъ натуральныхъ и денежныхъ, 2-хъ или 3-хъ дневной барщины, и право помѣщика пасти свой скотъ на поляхъ крестьянина. За это первый обязанъ былъ помогать послѣднему въ случаѣ несчастій, дозволять пользоваться валежникомъ и хворостомъ изъ своего лѣса, доставлять строительный лѣсъ для построекъ и починокъ, равно-какъ разрѣшать кошеніе сѣна въ своемъ лѣсу. Второй разрядъ составляли крестьяне, которыхъ отношенія, касавшіяся ихъ правъ и обязанностей, были сходны съ предъидущими наслѣдственными арендаторами, но усадьба и надѣлъ не принадлежали имъ наслѣдственно. Они были временные арендаторы, платившіе помѣщику ежегодный чиншъ за участки, обыкновенно бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ тѣ, которые находились въ рукахъ крестьянъ первой категоріи. Договоры, въ силу обычая, длились нерѣдко пожизненно, но обыкновенно они заключались на болѣе короткіе сроки; притомъ, послѣ смерти крестьянина-хозяина, участокъ переходилъ обыкновенно не къ сыну его, а чаще всего къ предлагавшему болѣе выгодныя условія. Единственное ограниченіе состояло въ томъ, что участки эти не могли быть причисляемы къ дворской (барской) землѣ, а должны были постоянно состоять въ составѣ такъ-называемой крестьянской земли. Законъ 1811 года, имѣя въ виду прекратить эти запутанныя отношенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, старался сдѣлать послѣдняго изъ колона свободнымъ собственникомъ земли. Законодательства Рейнскаго союза стремились къ тому же, какъ мы видѣли выше, но безуспѣшно. Пруссія же обязана счастливымъ исходомъ крестьянскаго вопроса особенно тому обстоятельству, что разрѣшеніе и обсужденіе его было отдано въ руки особой коммиссіи (Immediat Oeconomie-Kommission), состоявшей изъ сорока членовъ-экспертовъ, изъ всѣхъ провинцій и разныхъ сословій, отличавшихся особеннымъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла. За основаніе сентябрьскаго закона было принято правило — дать возможность крестьянину бездоимочно платить свои повинности государству, т. е., чтобы повинности его помѣщику не лишали его возможности исполнять обязанности гражданина. Законодательство надѣялось этого достигнуть, возвращая помѣщику, при сохраненіи прежнихъ повинностей, третью часть крестьянскаго надѣла, — если крестьянинъ былъ

прежде наслѣдственнымъ арендаторомъ, или половину, если онъ былъ только временнымъ арендаторомъ. При этомъ крестьянинъ долженъ былъ отказаться отъ права полученія строительнаго лѣса и пользованія изъ помѣщичьяго лѣса валежникомъ. Опредѣленная уступка $^1/_3$, или $^1/_2$ прежняго надѣла могла быть сдѣлана или натурой, дѣйствительной уступкой его, или уплатой извѣстной ренты, деньгами или хлѣбомъ, или же внесеніемъ извѣстной суммы. Помѣщикъ имѣлъ право выбора, но только въ томъ случаѣ, когда уступкой земли надѣлъ крестьянскій представлялъ еще достаточное количество земли для обработки его парой воловъ, т. е. возможность содержать дворъ ея произведеніями. Кромѣ этого помѣщикамъ предоставлено было право договориться съ крестьянами, на срокъ, не превышавшій 12 лѣтъ, за извѣстную плату хлѣбомъ, требовать извѣстныхъ послугъ при постройкахъ, и т. п.

Послѣдствія этихъ благихъ мѣръ не замедлили обнаружиться. Вмѣсто прежней апатіи, народъ съ воодушевленіемъ бросился къ оружію для освобожденія своего отечества, получившаго для него новый смыслъ и значеніе. Онъ сражался какъ народъ освобожденный, и какъ рабы сражаться не умѣютъ. Но реформа Фридриха-Вильгельма III-го имѣла еще другое значеніе. При наступившей, послѣ сверженія наполеоновскаго ига, реакціи, доходившей до фанатизма, все совершившееся для улучшенія крестьянскаго быта въ Германіи вѣроятно было бы уничтожено, какъ французское нововведеніе, какъ исчадіе 1789 года, если бы не нашло опоры въ послѣднихъ реформахъ Пруссіи, государства, получившаго сильное вліяніе въ центральной Европѣ. Старалось же нѣмецкое дворянство, на вѣнскомъ конгрессѣ, возстановить дореволюціонный порядокъ вещей! Удалось же ганноверскому и гессенскому дворянству возобновить отношенія его къ крестьянству, существовавшія до французскаго нашествія, ухудшивъ ихъ еще сохраненіемъ, изъ періода Вестфальскаго королевства, всего, что было выгодно для дворянства и обременительно для крестьянства.

Послѣ сверженія Наполеона, крестьянство Германіи пользовалось разнообразнѣйшими правами въ разныхъ частяхъ ея. Тѣ провинціи ея, которыя были инкорпорированы Франціею, пользовались самою большою свободою; въ государствахъ бывшаго Рейнскаго союза — уже менѣе, а въ остальныхъ, по направленію отъ запада къ востоку, еще менѣе (въ Саксоніи и Австріи). Трудно сказать, какъ долго оставался бы этотъ порядокъ вещей, еслибъ южногерманское дворянство не догадалось напомнить правителямъ своихъ земель о существованіи статьи 13-й Союз-

наго германскаго акта, которою обѣщано было введеніе представительнаго образа правленія въ Германіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ исполненіи этого обязательства королей, дворянство видѣло средство возстановить утраченное ими, во время наполеоновскаго владычества, сословное свое вліяніе. Правители, воспользовавшись этимъ желаніемъ дворянъ, какъ предлогомъ обвиненія его передъ остальными сословіями народа, отказывали первымъ исполнить данное ими обѣщаніе. Правительство гессенъ-дармштадтское публично обвиняло дворянство своей страны въ томъ, что послѣднее преслѣдуетъ при этомъ только свои сословные интересы, и что на немъ, правительствѣ, лежитъ обязанность защищать остальныя сословія отъ подобныхъ притязаній. Дворянство гессенское, безъ труда, поняло свою задачу. Распростившись съ узкими сословными тенденціями, оно, волей или неволей, принуждено было сдѣлаться бойцомъ за интересы общенародные, и этимъ опровергнувъ обвиненія правительства, заслужило довѣріе остальныхъ классовъ. Этой политикѣ принуждено было слѣдовать и дворянство остальныхъ германскихъ государствъ, находившихся въ подобномъ положеніи. Слѣдствіемъ этого было то, что во всѣхъ конституціяхъ нѣмецкихъ, возникшихъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, положеніе крестьянъ было принято въ уваженіе, и особыми статьями уничтожено крѣпостное право, даже тамъ, гдѣ оно уже не существовало въ дѣйствительности. Такъ, хартіи Бадена, Виртемберга, великаго герцогства Гессенскаго прямо объ этомъ упоминаютъ. Особенно поучительно, во многихъ отношеніяхъ, уничтоженіе крѣпостного права въ Мекленбургѣ. Несчастная страна эта, сильно пострадавшая во время 30-ти лѣтней войны, къ концу ея представляла едва треть прежняго населенія. Можно бы предполагать, что мекленбургскіе помѣщики, при подобномъ обезлюдненіи страны, дорожа рабочими руками, станутъ употреблять всѣ средства, чтобы удержать населеніе на мѣстахъ предоставленіемъ ему разныхъ льготъ. Дворяне мекленбургскіе (die staatlichen Vierundzwanzigender der deutschen Aristocratie, какъ ихъ называютъ въ Германіи) предпочли устроить свои отношенія къ крестьянамъ гораздо проще: они обратили ихъ всѣхъ въ крѣпостныхъ! Мѣра эта удалась имъ тѣмъ легче, что герцоги мекленбургскіе, постоянно безъ денегъ и обремененные долгами, безъ труда согласились на эту уступку дворянскимъ интересамъ, получивъ за нее денежную субсидію. Находившаяся въ рукахъ дворянства патримоніальная юрисдикція, простиравшаяся и на дѣла уголовныя, лишила крестьянъ возможности даже законнаго протеста. Мекленбургскіе крестьяне, имѣвшіе право, до 30-ти лѣтней

войны, пріобрѣтать собственность, платившіе довольно умѣренныя и строго опредѣленныя повинности, вдругъ теряютъ свои прежнія личныя и вещественныя права. Обычай сгонять ихъ съ участка, такъ-называемое холощеніе крестьянъ (Legen), принимаетъ неограниченные и дотолѣ неизвѣстные размѣры. Крестьянинъ мекленбургскій считалъ себя еще относительно-счастливымъ, когда помѣщикъ, захвативъ обработанный первымъ участокъ, сгонялъ его на другой, удаленный отъ его прежняго жилища, меньшаго размѣра, худшей почвы, взыскивая съ него прежнюю или даже высшую барщину. На это, такъ-называемое, Umlegen, крестьянинъ смотрѣлъ какъ на счастіе въ сравненіи съ Niederlegen, т. е., когда отъ него отнимался участокъ и онъ обращался въ поденщика. Эти «мужицкія побоища», какъ ихъ называли мекленбургскіе дворяне, достигаютъ въ половинѣ XVIII вѣка такихъ размѣровъ, что крестьяне искали спасенія въ бѣгствѣ, переселяясь даже въ Россію! Дѣлая будто бы уступку современнымъ идеямъ и снисходя на предложеніе герцога Фридриха-Франца I-го, а въ сущности ища выхода изъ долговъ, которыми оно было обременено, мекленбургское дворянство рѣшилось (въ 1820 г.) на уничтоженіе у себя крѣпостного права. Но это уничтоженіе было мнимымъ только: оно было безземельное, крестьянинъ получилъ право, удалившись съ занимаемаго и обработываемаго участка, умирать голодной смертью!! Существованіе его и семейства, при подобной бездомности, сдѣлалось въ дѣйствительности хуже прежняго, хотя по закону онъ былъ человѣкомъ, пользующимся гражданскими правами? Только крестьянамъ казенныхъ имѣній предоставлено было воспользоваться правами временныхъ арендаторовъ, а съ 1820 — даже наслѣдственныхъ. Но этотъ переходъ совершается очень медленно: изъ 6,000 временныхъ арендаторовъ казенныхъ земель, въ первыя 15-ть лѣтъ сдѣлались наслѣдственными арендаторами только нѣсколько сотень, а въ послѣдующія 20 лѣтъ не болѣе 1,000; остальные все еще находятся въ положеніи временныхъ арендаторовъ, заключая контракты на сроки отъ 12 до 14-ти лѣтъ. Принимая въ соображеніе, что только $^2/_5$ мекленбургской территоріи принадлежатъ казнѣ; что крестьянинъ-арендаторъ ничѣмъ не обезпеченъ въ томъ, что контрактъ не будетъ нарушенъ казною, подъ первымъ благовиднымъ предлогомъ; что участокъ его можетъ быть замѣненъ другимъ, гораздо худшимъ, легко убѣдиться въ незавидномъ положеніи мекленбургскаго крестьянина даже на земляхъ казенныхъ. Отъ этого терпятъ нетолько земледѣлецъ и казна, но и самое хозяйство. Крестьянинъ не рѣшается приложить надлежащаго труда для обработки земли,

зная, что прямымъ послѣдствіемъ ея улучшенія будутъ: или возвышеніе казной арендной платы, или, въ случаѣ несогласія его на этотъ новый налогъ — на его же трудъ и удобреніе, удаленіе его съ участка и передача другому за увеличенную плату. Какъ ни незавидно положеніе мекленбургскихъ крестьянъ, арендующихъ казенныя земли, но все-таки оно несравненно лучше арендаторовъ земель помѣщичьихъ (а послѣдними занята бо́льшая половина территоріи герцогства!). Такъ-называемая эманципація въ Мекленбургѣ улучшила положеніе не крестьянъ, а помѣщиковъ. Первымъ, безземельнымъ, есть три исхода: или безпрекословно подчиниться условіямъ, предложеннымъ помѣщикомъ, или сдѣлаться поденщикомъ, или же, воспользовавшись мекленбургской свободой, какъ бездомному, искать пріюта въ рабочемъ домѣ. Желающему предоставляется еще право умереть голодной смертью. Условія, предлагаемыя обыкновенно помѣщикомъ, состоятъ въ 12-ти часовой ежедневной, въ теченіе 6-ти дней въ недѣлю, работѣ, съ платою отъ 15 до 18 коп. въ сутки мущинѣ, и еще меньше женщинѣ! Изъ платы послѣдней вычитается еще 8 — 14 талеровъ за квартиру! Присоединивши къ этому оставшуюся за помѣщиками патримоніальную юрисдикцію и освобожденіе отъ лежавшей на нихъ прежде обязанности — заботиться о призрѣніи больныхъ, увѣчныхъ, или пострадавшихъ отъ несчастій крѣпостныхъ, — не трудно сказать, кто выигралъ отъ освобожденія. Во всякомъ случаѣ не мекленбургскіе крестьяне, которые теперь еще болѣе крѣпки землѣ, чѣмъ были прежде, когда считались крѣпостными!

1848-й годъ тоже не улучшилъ ихъ положенія. Только право холощенія крестьянъ, согнанія ихъ съ участковъ (Recht des Legens), было уничтожено въ 1849 году въ Шверинскомъ герцогствѣ; но черезъ два года, во время послѣдовавшей реакціи, опять возстановлено и процвѣтаетъ по-прежнему. Когда доклады хозяйственной коммиссіи учредительнаго собранія обнаружили, что управленіе казенными имѣніями поглощаетъ $52\frac{1}{2}$ процента ихъ валового дохода, доставляя не болѣе 2% чистаго, когда сдѣлано было открытіе, что на одномъ герцогствѣ Шверинскомъ состоитъ около 11 милліоновъ талеровъ долгу, палата депутатовъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ, требовала радикальной реформы въ положеніи сельскаго населенія, но безуспѣшно! Герцогъ и аристократія одержали верхъ, и теперь еще около 45% населенія казенныхъ имѣній, и около 60% помѣщичьихъ, состоятъ изъ поденщиковъ! Рука объ руку съ этой необезпеченностью идетъ безнравственность: по проценту незаконнорожденныхъ, Мекленбургъ занимаетъ второе мѣсто въ Германіи: на

5½ законныхъ дѣтей приходится въ немъ одинъ незаконнорожденный, тогда-какъ во Франціи, Англіи и Пруссіи отношеніе ихъ, среднимъ числомъ, равно 14 къ 1, а въ сосѣдственномъ Ольденбургскомъ герцогствѣ даже какъ 24 къ 1-му. Ольденбургъ, въ теченіе пяти вѣковъ, представляетъ рѣдкое и счастливое явленіе — рядъ правителей (первоначально графовъ) бережливыхъ, не имѣвшихъ надобности прибѣгать, для выхода изъ затруднительнаго финансоваго положенія, къ сдѣлкамъ съ аристократіей и духовенствомъ, всегда кончавшимся уступками на счетъ свободы податного сословія крестьянъ. Поэтому здѣсь было возможно явленіе, не повторившееся нигдѣ въ Германіи: уже въ половинѣ XV-го вѣка сдѣланъ былъ шагъ къ улучшенію быта крестьянъ. Всѣ крестьяне церковные и принадлежавшіе дворянамъ объявлены были непосредственными подданными графовъ ольденбургскихъ, чѣмъ положено было основаніе къ освобожденію ихъ отъ крѣпостного ига, которое дѣйствительно исчезаетъ, за немногими исключеніями, въ XVI-мъ вѣкѣ. Тридцатилѣтняя война тоже не оказала такого вреднаго на сельское населеніе Ольденбурга вліянія, какъ въ другихъ частяхъ Германіи. Правители Ольденбурга старались ограничить злоупотребленія помѣщичьей власти, въ особенности патримоніальную юрисдикцію, и показывали хорошій примѣръ дворянамъ, обращая разныя натуральныя повинности крестьянъ казенныхъ имѣній въ легкій денежный оброкъ, такъ-что къ концу XVII-го вѣка оставалось уже немного имѣній, въ которыхъ крѣпостное право еще существовало. Уцѣлѣвшіе остатки его исчезли во время французскаго нашествія. Послѣ сверженія Наполеона оно было уничтожено и въ епископствѣ мюнстерскомъ, присоединенномъ къ Ольденбургу, возведенному въ герцогство, а крестьяне обращены въ свободныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Въ 1820 г. началось регулированіе вознагражденія, слѣдующаго помѣщикамъ за лишеніе разныхъ доходовъ, вытекавшихъ изъ крѣпостного права. Вскорѣ оконченное, оно развязало послѣдніе узы, мѣшавшіе вполнѣ свободному развитію сельскаго населенія Ольденбурга, выдающагося изъ среды собратій германскихъ своимъ богатствомъ и благосостояніемъ.

Іюльская революція отразилась и на судьбѣ крестьянъ средней Европы, въ которой, какъ мы видѣли изъ предъидущаго, отношенія ихъ къ помѣщикамъ не вездѣ получили надлежащее и окончательное рѣшеніе. Но едва ли въ какой-либо странѣ онѣ представляли столько разнообразія и едва ли въ которой изъ нихъ чувствовалась большая необходимость въ улучшеніи ихъ быта, какъ въ Ганноверѣ. На небольшомъ пространствѣ

этого, блаженной памяти королевства, встрѣчаемъ, рядомъ съ наслѣдственными арендаторами, довольно многочисленныхъ временныхъ съемщиковъ, и притомъ на очень короткіе сроки. Рядомъ съ этими, болѣе или менѣе обезпеченными земледѣльцами, видимъ въ другихъ частяхъ Ганновера (въ графствахъ: Гоія, Бентгеймскомъ и въ Оснабрюкской мѣстности) очень замѣтны слѣды крѣпостныхъ отношеній. Такъ, крестьяне обязаны были покупать разрѣшеніе помѣщика на вступленіе въ бракъ (видоизмѣненный выкупъ права первой ночи); помѣщикъ наслѣдовалъ половину, иногда даже все движимое имущество крестьянина; дѣти послѣдняго обязаны были служить безплатно первому полгода, иногда даже годъ, и т. п. Но даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне пользовались личною свободою, на нихъ тяготѣли тяжелыя повинности въ видѣ барщины (доходившей даже до 6 дней!), денежнаго оброка, десятины и т. д. Онѣ были особенно обременительны въ мѣстностяхъ съ тощею почвой; тамъ крестьянинъ принужденъ былъ искать спасенія еще въ постороннихъ занятіяхъ: извозѣ, торговлѣ лѣсомъ, обработкѣ льна и т. п., увеличивая такимъ образомъ еще болѣе бремя и безъ того тяжелаго труда. Революція 1830 года, а еще болѣе совпавшій съ нею голодъ, принудилъ правительство ганноверское подумать серьезно объ устраненіи опасности, тѣмъ болѣе, что здѣсь нельзя было сваливать вину, подобно тому какъ мы видѣли въ Мекленбургѣ, на безпечность и лѣность народа, отличавшагося, даже по свидѣтельству классовъ, ему нерасположенныхъ, противоположными качествами.

Менѣе другихъ способное къ крутымъ переворотамъ, нижнесаксонское племя, населяющее Ганноверъ, едва ли приняло бы участіе въ революціонномъ движеніи, еслибъ оставался хоть лучъ надежды, что правительство или дворянство удовлетворятъ его вѣковымъ и справедливымъ ожиданіямъ. Нравственная связь между обоими лагерями была разорвана, и народъ видѣлъ единственный исходъ изъ своего отчаяннаго положенія — въ переворотѣ. Герцогъ Кембриджскій, желая остановить революціонное движеніе, начавшееся низверженіемъ ненавистнаго перваго-министра, графа Мюнстера, въ качествѣ вице-короля, обѣщалъ немедленныя и существенныя реформы. Сознавая, между прочимъ, недостатки тогдашняго управленія и неестественность положенія сельскаго населенія, ему разрѣшено было приступить къ немедленному избранію 16-ти депутатовъ въ палату (въ февралѣ 1832). За три мѣсяца передъ тѣмъ уничтожена была личная крѣпостная зависимость, со всѣми ея послѣдствіями, безъ всякаго вознагражденія. Подверглись выкупу только повинности

съ недвижимаго имущества, капитализированныя по чистому доходу съ земли, помноженному на 25. Самое примѣненіе и исполненіе этихъ началъ осуществилось позднѣе, какъ мы увидимъ ниже.

Эманципація сельскаго населенія въ королевствѣ саксонскомъ совершилась тоже подъ вліяніемъ іюльской революціи. Хотя личная зависимость крестьянъ существовала здѣсь въ гораздо меньшемъ объемѣ и степени, чѣмъ въ Ганноверѣ, но все-таки она не была еще уничтожена положительнымъ закономъ. Смягченію отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Саксоніи способствовали не мало возстанія послѣднихъ въ концѣ XVIII вѣка, отличавшіяся не противу-правительственнымъ, а по преимуществу анти-дворянскимъ оттѣнкомъ. Крестьяне 120 селъ требовали отъ имени 800 тысячъ своихъ собратій, кромѣ уничтоженія вещественныхъ тягостей, еще представительства въ палатѣ. Послѣднее даровано имъ новою конституціей 1831 года, въ силу которой они получили право на выборъ 25 крестьянскихъ депутатовъ (изъ числа 75, составлявшихъ вторую камеру), а первое—полгода спустя (въ мартѣ 1832) послѣдовавшее, относится, какъ мы увидимъ, къ самымъ полнымъ реформамъ по этой части.

Не смотря на то, что еще въ исходѣ 1814 года курфирстъ гессенъ-кассельскій объявлялъ всенародно, что крѣпостное право во владѣніяхъ его не существуетъ болѣе, какъ отжившее свой вѣкъ (что онъ неоднократно подтверждалъ и на сеймѣ во Франкфуртѣ), оно, тѣмъ не менѣе, процвѣтало въ этой несчастной странѣ. До самаго 1830 г., желающіе отъ него освободиться должны были выкупаться! Когда распространившееся въ курфиршествѣ возстаніе заставило германскій сеймъ отправить туда даже союзныя нѣмецкія войска, курфирстъ рѣшился сдѣлать уступки, предоставивъ выборнымъ отъ крестьянъ 16 мѣстъ въ палатѣ, и уничтоживъ (въ январѣ 1831) крѣпостное право, съ самыми ненавистными его послѣдствіями, барщинами: охотничьею, лѣсной культуры и сгономъ для очистки и поправки прудовъ. Только спустя почти $1\frac{1}{2}$ года приступлено было къ замѣнѣ остальныхъ, произвольно прежде назначаемыхъ въ опредѣленныя, и къ выкупу ихъ.

Мы видѣли, что въ южно-германскихъ государствахъ, еще въ 20-хъ годахъ, обѣщанъ былъ выкупъ повинностей, но, благодаря виртембергской и баденской аристократіи этимъ обѣщаніемъ до 1830 г. все и ограничилось. Въ Баденѣ только былъ изданъ законъ (въ 1820), по которому всѣ повинности, лежавшія на землѣ, капитализированы были посредствомъ помноженія стоимости ихъ на 20, а лежавшія на лицѣ—на 15. Но, несмотря

на это законоположеніе, эманципація здѣсь тоже не сдѣлала большихъ успѣховъ, потому-что крестьяне, получивъ права, не получили еще средствъ къ выкупу. Вообще въ Германіи недостатокъ средствъ крестьянъ былъ такимъ же препятствіемъ къ выкупу, какъ и нежеланіе дворянства разстаться съ своими привилегіями. Одного разрѣшенія приступить къ выкупу, безъ пособія со стороны правительства, нигдѣ не было достаточно. Только въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ за положеніемъ о выкупѣ барщины (1819) послѣдовалъ, чрезъ 5 лѣтъ, выкупъ, средствами государственнаго казначейства—повинностей охотничьихъ. Остальныя, до іюльской революціи, большей частью оставались невыкупленными.

Съ восшествіемъ на престолъ баденскій Леопольда, крестьянскій вопросъ въ этомъ герцогствѣ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ: даровое уничтоженіе казенной барщины, изданіе, при содѣйствіи палатъ, болѣе справедливаго и практическаго закона о выкупѣ, и оказанное крестьянамъ казною для этой цѣли вспомоществованіе, были дѣломъ первыхъ годовъ царствованія этого замѣчательнаго правителя. По новому закону, вмѣсто прежняго постановленія, поземельныя повинности были капитализированы посредствомъ помноженія ихъ стоимости на 18, а личныя на 12 (прежде на 20 и 15). Кромѣ того палаты вотировали вспомоществованіе крестьянамъ, которые обязаны были вносить только $^2/_3$ выкупной суммы поземельной повинности и $^1/_2$ личной. Треть первыхъ принимало на себя государственное казначейство; $^1/_2$ послѣднихъ — подлежащія общества.

Наконецъ, благодаря іюльской революіи, въ 1832 г. появились законы о выкупѣ въ Баваріи, а въ 1836 — въ Виртембергѣ, представлявшіе указанные уже выше недостатки другихъ современныхъ законовъ о томъ же предметѣ. Вопросъ выкупа, кромѣ недостатковъ законодательства, затруднился при самомъ исполненіи. Происками дворянства, а особенно Standesherr'овъ, т. е. нѣмецкихъ князей, графовъ и бароновъ, бывшихъ до медіатизаціи ихъ въ 1806 г. самостоятельными и независимыми членами священной Римской имперіи (заключавшей, по счастливому выраженію одного ученаго, въ самомъ имени своемъ, три неправды). Мы удалились бы отъ предмета, еслибъ рѣшились излагать исторію ихъ интригъ, кляузъ и даже угрозъ [1]), къ чему не мало способствовало самое устройство Германскаго союза и

[1]) Его сіятельство, князь Левенштейнъ-Вертгеймъ, располагавшій, во время существованія священной Римской имперіи, 9 человѣками пѣхоты и 2 кавалеристами, угрожалъ баденскому правительству сопротивленіемъ вооруженной силой!!

двусмысленныя постановленія вѣнскаго конгресса. Достаточно упомянуть объ нихъ, оставивъ мертвымъ хоронить покойниковъ!

Дворянство, разумѣется, было за одно съ Standesherr'ами. Они сообща прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобы отсрочить ненавистный для нихъ выкупъ. Этимъ объясняется сильное замедленіе его во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, и глубокая ненависть сельскаго населенія къ дворянству въ 1848 г. Крестьяне не гнѣвались на него за всевозможныя помѣхи послѣдняго развитію свободныхъ учрежденій: свободы печати, конституціонныхъ началъ, и т. п. Вопросы эти, не совсѣмъ ясные для нихъ, казались имъ не такъ важными, какъ насущные, непосредственно ихъ быта касавшіеся. Поэтому, доколѣ дѣло шло о первыхъ, сельское населеніе оставалось довольно равнодушнымъ; но оно поняло, гдѣ его настоящіе враги, когда, послѣ продолжительныхъ ожиданій, осталось обманутымъ относительно послѣднихъ. Этимъ объясняется фактъ, почему крестьяне приняли такое дѣятельное участіе въ событіяхъ 1848 года. Какъ ни разнообразно разыгралась драма этого года въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, но она повторялась вездѣ какъ будто по одной программѣ, поэтому можемъ ограничиться краткимъ изложеніемъ ея въ одной мѣстности. Измѣнялись только частности и дѣйствующія лица; причины и слѣдствія были вездѣ одни.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, въ первыхъ дняхъ марта 1848 г., въ провинціи Штаркенбургѣ, большая часть которой принадлежала Standesherr'амъ, и въ Оденвальдѣ, сельское населеніе приняло угрожающее положеніе. Перепуганное дворянство поспѣшило сдѣлать уступки, не скупясь ими. Оно, безъ дальнихъ околичностей, безмездно отказалось отъ всѣхъ феодальныхъ тягостей, лежавшихъ на народѣ, десятинѣ, отъ средневѣковыхъ привилегій — права охоты и пастьбы скота на чужой землѣ, — подарило всѣ недоимки, и наконецъ запечатлѣло всѣ эти уступки ложью, объявивъ: что оно дѣлаетъ ихъ «добровольно», и не намѣрено когда-либо требовать назадъ! Впрочемъ, время было таково, что дворянамъ вѣроятно приходилось покривить душой: въ верхнемъ Гессенѣ, напримѣръ, гдѣ ихъ собратья оказались менѣе уступчивыми, имъ пришлось испытать нѣкоторыя физическія непріятности. Правительству, занятому заботами собственнаго спасенія, было не до Standesherr'овъ и ихъ сообщниковъ, и оно само предложило законъ, немедленно принятый камерами и опубликованный (7 августа 1848). Кромѣ очень чувствительнаго ограниченія ихъ правъ и привилегій, законъ опредѣлялъ, что треть выкупной суммы, слѣдующей помѣщикамъ

отъ крестьянъ, по положенію 1836 г. остается въ пользу послѣднихъ, за промедленіе выкупа, причиненное первыми!

Тѣже явленія, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, повторяются и въ другихъ германскихъ государствахъ. Во всѣхъ изданныхъ въ это время «новыхъ» Положеніяхъ [1]) о выкупѣ, встрѣчаемъ, кромѣ вспомоществованія отъ правительства для совершенія выкупа, еще пеню за проволочку. Послѣднею мѣрою правительства желали вознаградить отчасти потери, понесенныя крестьянами отъ неисполненія законовъ о выкупѣ, и успокоить взволнованные умы послѣднихъ. Едва-ли стоитъ прибавлять, что гессенское дворянство и Standesherr'ы, немедленно послѣ возстановленія «законнаго порядка», завопили не только о возвращеніи ими «добровольно» уступленныхъ феодальныхъ правъ, но даже о вознагражденіи понесенныхъ убытковъ! Находя поддержку въ защитникѣ всякой ретроградной мѣры, во Франкфуртскомъ сеймѣ, гессенской казнѣ пришлось уплатить этимъ добровольнымъ жертвователямъ на благо общее восемьсотъ тысячъ!

Тѣже самыя явленія повторяются и въ другихъ германскихъ государствахъ, съ тою только разницею, что дворяне и Standesherr'ы не вездѣ обращались во Франкфуртъ, а чаще искали защиты у мѣстныхъ правительствъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось достигнуть своей цѣли; притязанія другихъ до настоящаго времени еще не разрѣшены блаженной памяти сеймомъ. Такъ, въ Ганноверѣ и Кургессенѣ, слѣды феодальной зависимости еще не исчезли, несмотря на событія 1848 г., и дѣло выкупа далеко еще не окончено. Не подлежитъ сомнѣнію, что Пруссія, принявъ, послѣ разгрома германскаго союза въ 1866 году, населенія этихъ государствъ въ свой составъ, оправдаетъ надежды, ими на нее возлагаемыя.

Мы можемъ пройти молчаніемъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ малыхъ германскихъ государствахъ. Здѣсь повторялось, въ уменьшенномъ видѣ, тоже, что̀ мы видѣли въ среднихъ; съ одной стороны, правители и чиновники, убѣжденные въ необходимости радикальныхъ реформъ, съ другой же — сопротивляющіеся ихъ видамъ дворяне, съ тѣмъ только различіемъ, что роль Standesherr'овъ въ этихъ микроскопическихъ государствахъ играютъ такъ-называемые «юнкера».

Не лучше было, благодаря происканъ дворянъ, исполненіе обѣщанныхъ эдиктомъ 1807 г. улучшеній крестьянскаго быта въ Пруссіи. Несмотря на унизительное положеніе, въ которомъ

---

[1]) Баварскомъ, виртембергскомъ, курфиршества Гессенскаго. Въ Ганноверѣ, Саксоніи и Баденѣ оказалось достаточнымъ только расширить прежнія Положенія.

находилась эта страна, силезское дворянство, преслѣдуя только свои эгоистическіе интересы, потребовало у истощенной казны 50 милліоновъ талеровъ вознагражденія за убытки, имъ понесенные вслѣдствіе эдикта 1807 г.! Не менѣе характеристично было безсовѣстное представленіе дворянскихъ собраній сторковскаго, бресковскаго и лебускаго уѣздовъ, которыя, подъ личиною христіанской любви къ ближнему, патріотизма, и мнимой готовности принести всевозможныя жертвы на алтарь отечества, порицали, въ самой дерзкой формѣ, всѣ мѣропріятія правительства по улучшенію быта крестьянъ. Послѣ войнъ освобожденія, прусское дворянство стало подкапываться и подъ эдиктъ 1811 года. Приписывая всѣ успѣхи этой борьбы только дворянскому сословію, не признавая геройскихъ заслугъ народа, оно старалось убѣдить короля, что недостаточно побороть внѣшняго врага, представителя революціоннаго начала, но что настоитъ еще большая необходимость уничтожить самое это начало, пустившее, по ихъ увѣренію, корни внутри страны. Къ сожалѣнію, Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, не прозрѣвъ западни, уготованной ему и народу, уступилъ требованіямъ придворной и аристократической партіи, и приказалъ въ ноябрѣ 1813, когда лейпцигскія поля еще не успѣли высохнуть отъ прусской крови, приступить къ пересмотру эдикта 1811 г. Пересмотръ этотъ, конечно, не предвѣщалъ ничего хорошаго народу, который съ такой готовностью и воодушевленіемъ проливалъ потоки крови для освобожденія отечества и престола! Явившаяся въ маѣ 1816 г. такъ-называемая «декларація» подтвердила опасенія сельскаго населенія. Составленная въ чисто-реакціонномъ духѣ, она разрѣшала помѣщикамъ требовать съ крестьянъ вознагражденія въ увеличенномъ, чѣмъ прежде то опредѣлялось, размѣрѣ. Кромѣ того, ею облегчалась снова возможность холостить крестьянъ, сгоняя ихъ съ занимаемыхъ участковъ (Recht des Legens). Но этой «декларацiей» прусскіе «юнкера» не удовлетворились. Подъ предлогомъ разъясненія законодательства, касавшагося отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, имъ удалось провести цѣлый рядъ распоряженій, еще болѣе его запутавшихъ и открывшихъ настежь двери произволу. Понятно, что при подобномъ поворотѣ хорошо задуманной реформы, добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, указанныя эдиктомъ 1811 г., составляли рѣдкія исключенія, поэтому правительство нашлось вынужденнымъ издать Положеніе о выкупѣ, которое и было опубликовано въ 1821 г. для древнихъ провинцій Пруссіи и для вновь пріобрѣтенной провинціи Саксоніи. Положеніемъ этимъ всѣ роды повинностей предположено выкупать посредствомъ 4-хъ процент-

ной ренты, а эту послѣднюю — посредствомъ взноса суммы, образовавшейся изъ помноженія ея на 25. Не говоря о высокой капитализаціи, положеніе это, подобно прочимъ постановленіямъ германскихъ правительствъ объ этомъ предметѣ, не помогало крестьянамъ денежными средствами, такъ-что они обречены были довольствоваться своими скудными и недостаточными для достиженія предположенной цѣли, капиталами.

Въ прирейнской Пруссіи, гдѣ господствовалъ кодексъ Наполеона уже болѣе 20 лѣтъ, крестьяне сохранили дарованныя имъ завоевателемъ права. Зато въ новоприобрѣтенныхъ провинціяхъ все оставлено было въ томъ же видѣ, какъ застало ихъ завоеваніе. Правительство не спѣшило изданіемъ для нихъ Положеній о выкупѣ; и хотя въ теченіе періода времени до 1848 г. опубликовано ихъ было до 25, но ихъ можно оставить безъ вниманія, потому-что всѣ они были замѣнены выкупнымъ положеніемъ 1851 г., о которомъ будетъ сказано ниже.

Но самою главною причиною, способствовавшею обезсиленію благихъ намѣреній прусскаго законодательства 1807—1812 г., было оставленіе патримоніальной власти въ рукахъ помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя второстепенныя государства Германіи — Виртембергъ, Баденъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ опередили Пруссію, уничтоживъ ее въ своихъ владѣніяхъ еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Существовавшая въ ней до 1848 г. патримоніальная юрисдикція помѣщиковъ слагалась изъ власти административной и судебной, на всемъ пространствѣ ихъ владѣній. Только въ Познани, изъ политическихъ видовъ, она находилась съ самаго начала въ рукахъ чиновниковъ — уѣздныхъ коммиссаровъ. Пользовавшіеся этою властью помѣщики имѣли право налагать за проступки наказанія до 2-хъ недѣльнаго заключенія и до 5-ти талеровъ пени. Кромѣ того, они имѣли непосредственный надзоръ и участіе въ дѣлахъ сельскаго общества, хотя по закону оно, казалось, пользовалось самостоятельностью, но самостоятельность эта была только мнимая, ибо помѣщикъ составлялъ непосредственно высшую инстанцію сельской администраціи. Судебная власть не только гражданская, но въ извѣстной степени и уголовная, была тоже въ рукахъ помѣщиковъ, усиливалась, если не по закону, то въ дѣйствительности, по мѣрѣ успѣховъ, дѣлаемыхъ реакціей, достигшей своей апогеи во вторую половину царствованія Фридриха-Вильгельма III-го. Если помѣщикъ не представлялъ гарантій юридическаго спеціальнаго образованія, требуемаго прусскимъ закономъ отъ всякаго желающаго занять судебную должность, то и тутъ «юнкера» нашли для него удобный исходъ: въ имѣніе его дѣйстви-

тельно опредѣлялся спеціально-образованный юристъ, но его ставили въ такую матеріальную зависимость отъ помѣщика, что за-частую онъ былъ орудіемъ въ его рукахъ. Изъ сказаннаго можно составить себѣ понятіе, въ какомъ положеніи находился прусскій крестьянинъ въ періодъ времени отъ 1811 до 1848! Патримоніальная юрисдикція парализировала всѣ попытки его воспользоваться правомъ выкупа, и хотя по закону онъ былъ человѣкъ свободный, но въ дѣйствительности онъ находился въ полной матеріальной зависимости отъ помѣщика. Плодомъ ея было явленіе, что до 1848 г. во многихъ провинціяхъ правомъ выкупныхъ сдѣлокъ воспользовалось менѣе четверти сельскаго населенія. 1848-й годъ далъ имъ сильный толчокъ: въ періодъ времени отъ марта 1850 г. (времени изданія новаго закона о выкупѣ) до 1859 г. заключено ихъ на сумму около 80 милліоновъ талеровъ. Число ихъ было бы еще значительнѣе, еслибъ вновь ставшей у руля реакціонной партіи не удалось, закономъ 14-го апрѣля 1856, возвратить помѣщикамъ часть ихъ прежней патримоніальной власти въ видѣ полицейскаго вмѣшательства въ дѣла сельскихъ обществъ.

Со смерти Леопольда II-го до 1848 г. положеніе крестьянина въ Австріи почти не измѣнилось. Сельское населеніе этой имперіи можно раздѣлить, наканунѣ переворота, на 4 группы. Къ первой, состоявшей изъ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, принадлежали крестьяне Тироля, Форарльберга, саксонскіе въ Трансильваніи, часть истрійскихъ и далматскихъ. Ко второй группѣ относились крестьяне ломбардо-венеціанскаго королевства, волошскаго Тироля, часть Истріи и Далмаціи. Они были свободными-временными, а нѣкоторые изъ послѣднихъ—наслѣдственными арендаторами. Третью группу составляли крестьяне Австріи, Штиріи, Каринтіи, Краины, Богеміи, Моравіи, Силезіи, Галиціи и древне-австрійской Истріи, которые, хотя и пользовались по закону личною свободою, но на дѣлѣ зависѣли отъ произвола помѣщика, пользовавшагося судебною властью. Многіе крестьяне въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ, хотя и выкупили обработываемыя ими земли, но помѣщики, несмотря на это, требовали отъ нихъ барщинныхъ работъ. Впрочемъ, первые имѣли право располагать по произволу своей собственностью: продавали, обмѣнивали, дарили ее. Напротивъ, крестьяне богемскіе, моравскіе и галиційскіе лишены были даже права пріобрѣтать землю въ собственность и были наслѣдственными арендаторами. Въ самомъ жалкомъ положеніи находились крестьяне четвертой группы: венгерскіе, славянскіе и валахскіе, населявшіе Венгрію и Трансильванію. Здѣсь между закономъ и дѣйстви-

тельностью была цѣлая пропасть. По закону крестьяне эти были свободны, но въ дѣйствительности помѣщикъ порол ихъ какъ въ прежнія «добрыя времена». Все различіе между прежнимъ и теперешнимъ наказаніемъ состояло въ томъ, что въ былыя времена оно совершалось въ силу патріархально-помѣщичьей власти; теперь уже, наканунѣ 1848 г. — въ силу патримоніально-судебной! По закону крестьянинъ имѣлъ право оставлять помѣщика и переселяться въ другія имѣнія; но такъ какъ онъ обязанъ былъ предварительно уплатить стоимость усадьбы и пріискать себѣ преемника, удовлетворяющаго видамъ и условіямъ помѣщика, то понятно, что крестьянину приходилось рѣдко воспользоваться дарованнымъ ему правомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній только тогда имѣлъ возможность затѣять тяжбу, когда какой-нибудь дворянинъ, или цѣлое общество взялись вести ее. Съ другой стороны, помѣщикъ имѣлъ возможность ежеминутно согнать крестьянина съ участка, несмотря на то, что по закону необходимо было приступить къ этому съ вѣдома и разрѣшенія присутственнаго мѣста. Но достаточно было помѣщику объявить крестьянина негоднымъ работникомъ, или опаснымъ членомъ сельскаго общества, и дѣло было устроено безъ дальнѣйшихъ околичностей. Хотя барщинныя работы и были опредѣлены урочнымъ положеніемъ Маріи-Терезіи, но при беззащитности интересовъ крестьянскихъ, оно почти нигдѣ не исполнялось. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ онъ могъ ихъ найти? Обиженный крестьянинъ принужденъ былъ вчинать искъ противъ обидѣвшаго его помѣщика у сего послѣдняго, какъ первой инстанціи. Рѣшеніе состояло обыкновенно въ присужденіи подвергнуть жалующагося извѣстному числу палочныхъ ударовъ. Если истецъ переносилъ искъ свой въ высшую инстанцію, въ комитатскій судъ, то тамъ обыкновенно разсматривали его жалобу съ нѣжно-патріархальной точки зрѣнія, какъ жалобу сына на отца, рѣшая дѣло въ пользу послѣдняго и наказуя дерзкаго сына!! Но если венгерскій крестьянинъ переносилъ дѣло свое еще въ высшую инстанцію, въ королевскій судъ, составленный тоже изъ магнатовъ, имѣвшій право уменьшить мѣру наказанія, наложеннаго низшими инстанціями, то и тутъ ожидала его только фиктивная защита. Предположивъ, что крестьянинъ былъ присужденъ низшими судами къ сотнѣ палочныхъ ударовъ, высшая инстанція, движимая отческою нѣжностью, присуждала его только къ 99!! Но обыкновенно приговоръ низшихъ инстанцій приводился такъ поспѣшно въ исполненіе, что крестьянской спинѣ не приходилось воспользоваться этой складкой процентовъ, дарованной ему великодушіемъ магнатовъ! Эти паріи между крестьянами Австріи не имѣли даже

права выкупать свои повинности. Оно было запрещено закономъ, даже если бы помѣщикъ согласился на выкупъ, а крестьянинъ имѣлъ необходимыя для того средства. Распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ ему тоже не было дозволено; только дѣти его могли ему наслѣдовать; если ихъ не было, то $^2/_3$ достоянія крестьянинъ могъ отказать по завѣщанію; $^1/_3$ же доставалась помѣщику. Если же онъ не оставлялъ завѣщанія, то помѣщикъ наслѣдовалъ все!

Хотя «роботы» и были опредѣлены еще Іосифомъ II-мъ, но онѣ лежали все-таки тяжелымъ гнетомъ на сельскомъ населеніи, особенно въ провинціяхъ третьей и четвертой группы, поглощая отъ 104 до 156 дней въ году у каждаго работника. Несмотря однако на столько потерянnаго послѣднимъ времени, помѣщикъ не пользовался соотвѣтственнымъ этой тратѣ количествомъ труда. Это объясняется большими разстояніями полей, на которыя крестьяне выгонялись изъ своихъ жилищъ, растрачивая при этомъ большую часть времени на проходъ или проѣздъ къ мѣсту работы. Болѣе дальновидные помѣщики, видя безплодность обязательнаго труда, предлагали крестьянамъ, вмѣсто работы барщинной, брать земли въ аренду. Самый рѣзкій примѣръ представляютъ два имѣнія графа Оштейна, одно въ Богеміи, другое въ Моравіи. До 1790 г. на нихъ накопилось до трехъ сотъ тысячъ гульденовъ долгу: первое изъ этихъ имѣній приносило только, по средней 14-лѣтней сложности доходовъ, семь, а второе восемь съ половиною тысячъ гульденовъ дохода. Переложивъ работы на очень умѣренный оброкъ (въ богемскомъ имѣніи за день работы съ 2 лошадьми отъ 14 до 18 крейцеровъ, а за пѣшій день отъ 7 до 9 крейц.; въ моравскомъ за воловую работу съ парою воловъ 7, и за пѣшую — отъ 4 до 5 крейцеровъ), черезъ 14 послѣдующихъ лѣтъ, по средней сложности, богемское имѣніе приносило графу Оштейну 16, а моравское 20 тысячъ чистаго дохода, а чрезъ послѣдующія 7 лѣтъ онъ возросъ въ первомъ до 30, а въ послѣднемъ до 50 тысячъ гульденовъ. Долги помѣщика были уплачены, а крестьяне сдѣлались гораздо зажиточнѣе.

Но не только подобные примѣры, но и кровавые уроки 1846 г. въ Галиціи, не вывели правительство и дворянство изъ неподвижности и застоя. Вслѣдствіе галиційской рѣзни опредѣлена была только норма для «добровольнаго» выкупа повинностей. Понятно, что подобными полумѣрами нельзя было достигнуть существующихъ улучшеній въ бытѣ крестьянъ, которыхъ возстанія приходилось въ разныхъ мѣстахъ подавлять силою оружія.

Сорокъ-восьмой годъ, приведшій австрійскую династію и

аристократію этой страны на край пропасти, научилъ и ту и другую уступчивости справедливымъ требованіямъ вѣка и народа. Но и тутъ не правительство австрійское, а дворянство нижней Австріи, Штиріи и Каринтіи сдѣлало первый шагъ (въ апрѣлѣ 1848) къ выкупу барщины и другихъ повинностей. Гораздо важнѣе было постановленіе имперскаго сейма въ сентябрѣ того же года, уничтожившее личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и крѣпость ихъ землѣ на всемъ пространствѣ нѣмецкихъ провинцій Австріи. Имперское правительство 4 марта слѣдующаго года подтвердило это рѣшеніе, несмотря на революціонное происхожденіе. Подобное же освобожденіе послѣдовало въ апрѣлѣ 1848 въ Венгріи, нѣсколько уже къ нему подготовленной брошюрами и примѣромъ нѣкоторыхъ передовыхъ магнатовъ, въ особенности же графа Степана Сечени.

Положенія, опредѣлявшія правила приведенія въ дѣйствіе закона 4-го марта 1849 года были изданы въ разное время, и позднѣе всего для Венгріи и Трансильваніи (въ 1854 г.). Причина медленности, съ которой приступало австрійское правительство къ исполненію ихъ въ послѣдней странѣ, состояла въ опасеніи, что примѣненіе правилъ, постановленныхъ для другихъ частей имперіи, окажется невозможнымъ вслѣдствіе особенной бѣдности венгерскихъ крестьянъ, а съ другой стороны — боялись, что венгерскіе магнаты не такъ легко сдѣлаютъ требуемыя Положеніемъ уступки, какъ болѣе сговорчивые и отличавшіеся болѣе вѣрноподданническими чувствами и повиновеніемъ дворяне невенгерскихъ провинцій. Поэтому, послѣ продолжительныхъ совѣщаній въ Вѣнѣ, было рѣшено отступить для Венгріи, Трансильваніи, Кроаціи, Славоніи, Сербскаго воеводства и Темешварскаго баната, отъ правилъ, принятыхъ для другихъ провинцій. Отступленіе это состояло въ томъ, что помѣщики этихъ провинцій получаютъ полное вознагражденіе, безъ уменьшенія, но оно производится единственно средствами этихъ странъ, посредствомъ распредѣленія добавочныхъ податей. Для остальныхъ же провинцій Австріи, нѣмецкихъ и славянскихъ, было постановлено, что изъ суммы вознагражденія вычиталось $^1/_3$, предназначаемая на покрытіе подати, которую помѣщики должны были платить съ своихъ прежнихъ сборовъ, на добавочные къ ней, на издержки взиманія и на недоимки. Изъ остальныхъ $^2/_3$ крестьяне платили только $^1/_3$ собственными средствами; послѣднюю $^1/_3$ платила казна, т. е. жители подлежащей провинціи, на которыхъ она и разлагалась pro rata parte. Если же вознагражденіе, причитавшееся за всѣ повинности, лежавшія на участкѣ,

превосходили $^2/_5$ его чистаго дохода, то излишекъ этотъ платился тоже казною.

Указанныя выше правила распространялись только на тѣ повинности, за которыя помѣщики имѣли право получить «умѣренное вознагражденіе», но не за тѣ, которыя подлежали принудительному выкупу. Новое крестьянское Положеніе австрійской имперіи принимало три категоріи повинностей. Къ первымъ отнесены были такія обязанности и повинности крестьянъ, которыя уничтожались безвозмездно; ко второй — такія, за которыя помѣщикъ получалъ умѣренное вознагражденіе; и, наконецъ, къ третьимъ — за которыя выкупъ былъ принудительный. Разница между вторымъ и третьимъ классомъ повинностей состояла въ томъ, что крестьяне, при упраздненіи послѣднихъ не имѣли права на помощь казны, или вѣрнѣе, провинціи; т. е. они должны были уплатить $^2/_3$ вознагражденія собственными средствами. Исключеніе составлялъ только-что упомянутый случай. Въ Тиролѣ и Краковѣ была доступна только одна категорія «умѣреннаго вознагражденія».

Къ классу безвозмездно упраздняемыхъ повинностей крестьянъ относились всѣ тягости, вытекавшія изъ ихъ личной зависимости, изъ патримоніальной юрисдикціи и изъ защиты, которою будто бы пользовалось сельское населеніе у своихъ помѣщиковъ. Снятіе съ послѣднихъ обязанностей помогать ему во время голода, пожаровъ, несчастій, и т. п. было достаточнымъ вознагражденіемъ за уступку этихъ повинностей. Ко второму классу, которыя отмѣнялись «за умѣренное вознагражденіе», относились: барщина, десятина и т. п. вещественныя повинности, а къ третьему—подати: церковная, на содержаніе причта, школъ, за исключеніемъ десятины и повинностей, вытекавшихъ изъ эмфитевтическаго и подобныхъ договоровъ объ отдачѣ поземельной собственности въ пользованіе.

Кромѣ этой особенности распредѣленія на категоріи, австрійское законодательство о выкупѣ отличается отъ другихъ новѣйшихъ германскихъ еще тѣмъ, что въ немъ не находимъ твердо опредѣленнаго начала, по которому помѣщики вознаграждались; съ другой стороны, оно сходствуетъ съ лучшими изъ нихъ въ томъ, что опредѣляетъ повинности, отмѣняемыя безвозмездно. Особенное преимущество австрійскаго выкупнаго законодательства состоитъ въ томъ, что оно положительно рѣшаетъ вопросъ, возбудившій столько споровъ въ другихъ германскихъ законодательствахъ, именно: кому принадлежитъ право требовать выкупа. Тогда какъ въ этихъ государствахъ предоставлено было право требовать выкупа то крестьянину, то помѣщику, то тому и

другому вмѣстѣ, подъ различными условіями или ограниченіями,— въ Австріи вопросъ этотъ рѣшался очень просто и скоро. Особыя коммиссіи отряжаются правительствомъ на мѣста, собираютъ необходимый для разъясненія вопроса матеріалъ, входятъ въ уговоры съ крестьянами (не съ отдѣльными личностями, а съ обществами), и раздаютъ помѣщикамъ и крестьянамъ граматы, въ которыхъ опредѣлены права первыхъ и денежныя повинности послѣднихъ. Этимъ учрежденіямъ Австрія обязана, что менѣе нежели чѣмъ въ десять лѣтъ вся формальная часть выкупной операціи окончена.

Вопросъ о средствахъ вознагражденія помѣщиковъ рѣшенъ австрійскимъ законодательствомъ тоже своеобразно. Въ Пруссіи, Саксоніи и Ганноверѣ допущено было три способа: денежная рента, уплата капитала и уступка натурою помѣщику третьей части земли, владѣемой крестьяниномъ на правѣ наслѣдственнаго арендаторства. Въ двухъ послѣднихъ государствахъ допущена еще, при обоюдной сдѣлкѣ, рента хлѣбомъ и соломой. Австрійское законодательство, подобно баварскому, допускаетъ только два способа: денежную ренту и уплату капитала. Законодательство это замѣчательно отличается отъ прочихъ еще тѣмъ, что оно облегчило значительно крестьянамъ возможность добыть необходимыя для выкупа деньги, и опредѣлило самый выгодный и удобный для нихъ способъ уплаты.

Денежная рента вносилась, вмѣстѣ съ поземельными податями въ казначейства. Капиталъ уплачивался двумя путями: во первыхъ, посредствомъ 20-ти равныхъ ежегодныхъ взносовъ. Напримѣръ, если крестьянинъ долженъ былъ внести 100 гульденовъ, то онъ уплачивалъ ежегодно 5 гульденовъ вмѣстѣ съ 5% рентою, которую онъ долженъ до полнаго взноса; такъ, въ первомъ году онъ вноситъ 5 гульденовъ, во второмъ — 4 гульдена и 45 крейцеровъ и т. д. Другой способъ уплаты состоитъ въ такъ-называемыхъ годичныхъ взносахъ (Annuitäten), въ нѣсколькихъ, 5, 10, 15-ти равныхъ платежахъ — (Ammortisationsraten), черезъ уплату которыхъ погашался капиталъ вмѣстѣ съ процентами. Къ этому способу уплаты прибѣгали тѣ крестьяне, которые впередъ предвидѣли, что они, до истеченія срока этихъ аннуитетовъ, не будутъ имѣть возможности уплатить всего капитала, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли охоты ждать 20 лѣтъ до окончательнаго разсчета.

Не малое преимущество австрійскаго выкупнаго законодательства состояло въ томъ, что оно разомъ развязало обѣ стороны. Крестьяне не имѣли никакого дѣла съ помѣщиками; слѣдующія съ нихъ $^1/_3$ или $^2/_3$ платили они не имъ, а государству,

казнѣ, которая является кредиторомъ плательщиковъ, и должникомъ землевладѣльцевъ. Дирекція, завѣдывавшая этими сдѣлками въ каждой провинціи, выдавала выкупныя облигаціи, уплачиваемыя въ теченіе 40 лѣтъ по ихъ нарицательной цѣнѣ, посредствомъ тиража, или черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ предъявленія, смотря по наличнымъ средствамъ. Во многихъ провинціяхъ при тиражѣ выдавалась еще премія въ 5% сверхъ нарицательной цѣны.

Мы выше видѣли, что бо́льшая часть германскихъ законодательствъ страдала большимъ недостаткомъ, именно: они, предоставляя крестьянамъ право выкупаться, не промышляли средствъ добыть необходимыя для этого деньги. Поэтому только незначительное число зажиточныхъ крестьянъ могло порѣшить свои отношенія къ помѣщикамъ; большинство же недостаточныхъ не могли воспользоваться правомъ выкупа, за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Саксонія и Кургессенъ первыя основали банки (въ 1832) для вспомоществованія крестьянамъ; за ними послѣдовалъ позже Ганноверъ (1841), Баварія (1848), и наконецъ Пруссія (1850). Въ послѣдней странѣ они возникли, какъ частныя явленія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея и прежде въ уѣздахъ: Падернборнскомъ, Гёкстерскомъ, Бюренскомъ, Варбургскомъ въ Вестфаліи (1834—1836), въ графствѣ Витгенштейнъ (1839) и въ Эйхсфельдѣ (1845). Банки эти, подъ названіемъ погасительныхъ кассъ, предназначены были помогать крестьянамъ выкупаться. Подобные имъ, подъ названіемъ рыцарскихъ кредитныхъ учрежденій, существовали уже давно въ Пруссіи, съ цѣлью вспомоществованія дворянамъ, и поэтому непонятно, какъ прусское правительство такъ долго пренебрегало оказаніемъ помощи крестьянству средствами, неоднократно уже выводившими дворянство изъ затрудненій.

Основанные, закономъ 1850 года, въ Пруссіи рентовые банки, сходны съ упомянутыми выше рыцарскими кредитными обществами, отличаясь отъ нихъ очень цѣлесообразнымъ и легкимъ способомъ амортизаціи. Кредиторы, имѣя достаточную гарантію въ вѣрности уплаты, вѣроятно согласились бы оставить выкупныя суммы, за умѣренный, но вѣрный процентъ, на довольно продолжительное время, безъ востребованія, еслибы правительство даже не позаботилось, какъ мы увидимъ ниже, согласиться на эту сдѣлку вслѣдствіе выгодъ, вытекающихъ изъ этого оставленія. Помѣщики получаютъ, на слѣдующую имъ выкупную сумму, рентовые билеты на предъявителя, которые исподоволь выкупаются, по ихъ нарицательной цѣнѣ, тиражемъ, по мѣрѣ поступленія выкупныхъ платежей крестьянъ. Банкъ требуетъ съ по-

слѣднихъ нѣсколько бо́льшій процентъ, чѣмъ платимый имъ помѣщикамъ-кредиторамъ. Посредствомъ этой незначительной разницы между процентами банкъ погашаетъ (конечно, въ теченіи опредѣленнаго довольно продолжительнаго періода времени, но почти нечувствительнымъ для должниковъ образомъ) суммы, выданныя рентовыми билетами, для выкупа барщинскихъ и иныхъ повинностей крестьянъ. Примѣръ уяснитъ эти простые обороты банка. Ганноверскій и саксонскій банки выдаютъ облигаціи, приносящія $3\frac{1}{3}$ процента, а получаютъ отъ своихъ должниковъ, первый $4\frac{1}{4}\%$, а послѣдній только 4%. Такъ какъ издержки управленія очень незначительны (достигаютъ въ ганноверскомъ банкѣ едва $\frac{1}{8}\%$), то заемъ во 100 талеровъ, при ежегодной уплатѣ $4\frac{1}{4}\%$ погашается въ теченіе 50 лѣтъ, при $4\frac{1}{2}\%$ — въ 43 года, и при 5% — въ 34 года. Само собою разумѣется, что банкъ охотно допускаетъ скорѣйшее погашеніе посредствомъ взноса болѣе высокаго процента.

Для опредѣленія мѣры вознагражденія помѣщиковъ, австрійское законодательство обратилось къ такъ-называемымъ кадастральнымъ цѣнамъ, опредѣленіе которыхъ началось еще въ 1748 году, и потомъ по временамъ возобновлялось. Цѣны ржи и другихъ продуктовъ, равно стоимость барщины и прочихъ повинностей, опредѣленныя кадастровыми коммиссіями, составляли основаніе таксаціи. При извѣстной продажности и взяточничествѣ австрійскихъ чиновниковъ прежняго времени, работы австрійскихъ крестьянъ вездѣ были оцѣнены слишкомъ низко. Помѣщики мечтали, что они устроили прекрасную аферу; во время совершенія ея они дѣйствительно обманули страну и правительство, платя подати не съ дѣйствительно ими получаемыхъ доходовъ, а съ значительно уменьшенныхъ, при посредствѣ мошенничества чиновниковъ; но теперь плутовство это обратилось имъ же во вредъ. Въ Вѣнѣ знали объ этомъ, и именно потому избрали, для вознагражденія помѣщиковъ за отходящія отъ нихъ земли и крестьянскій трудъ, способъ вознагражденія ихъ, основанный на томъ же разсчетѣ, которымъ они обманывали страну.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, напримѣръ, въ Пруссіи и Ганноверѣ, вознагражденіе опредѣлялось, на каждыя 10 лѣтъ впередъ, особыми оцѣночными коммиссіями. Въ послѣднемъ они учреждались для цѣлой провинціи, въ первой — они совпадали географически съ предѣлами учрежденій, назначенныхъ для окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ обоихъ государствахъ коммиссіи эти состояли изъ экспертовъ, избранныхъ крестьянами и помѣщиками по-ровну, подъ предсѣдательствомъ члена отъ правительства, а въ Ганноверѣ — съ приглашеніемъ

еще двухъ, не участвующихъ въ дѣлѣ выкупа, опытныхъ сельскихъ хозяевъ. На обязанность этихъ коммиссій возлагалось опредѣленіе нормальныхъ цѣнъ разныхъ сортовъ хлѣба и сельскихъ работъ. Первыя опредѣлялись на основаніи рыночныхъ цѣнъ, послѣднія — наемныхъ, но при этомъ принималось въ уваженіе меньшая стоимость барщиннаго труда. Остальныя германскія законодательства, за исключеніемъ баварскаго, представляютъ по этому вопросу болѣе или менѣе сходства съ прусско-ганноверскимъ. Саксонское отличается странной и нераціональной аномаліей: оно назначаетъ, для каждаго отдѣльнаго случая выкупа, особую коммиссію; плодомъ этого было большое разнообразіе произведенныхъ оцѣновъ.

Своеобразный путь избрало для рѣшенія этого вопроса австрійское законодательство: выходя изъ хозяйственныхъ началъ, оно приняло одну общую мѣру, весьма благопріятную для сельскаго населенія. Содержаніе пары лошадей обходится по цѣнѣ 180, пары воловъ — 108 метцовъ [1]) ржи. Первые работаютъ въ теченіе года 260, послѣдніе 240 дней. Отсюда выходитъ, что издержки ежедневнаго содержанія пары лошадей равняются $^{7}/_{10}$, а пары воловъ $^{9}/_{20}$ метца ржи. Помножая эти количества ржи на число рабочихъ упряжныхъ (лошадиныхъ или воловыхъ) дней, опредѣляется цѣнность барщинной работы въ количествѣ хлѣба. Но оцѣнка эта, справедливо замѣчаетъ австрійскій законодатель, была бы вѣрною только при вольномъ трудѣ. Такъ какъ, по принятому австрійскимъ законодательствомъ правилу (см. выше) «роботы» составляютъ только $^{1}/_{3}$ цѣнности свободнаго труда, то слѣдуетъ полученную, по указанному разсчету, цѣну, выраженную во ржи, уменьшить на $^{2}/_{3}$, и по кадастральнымъ оцѣнкамъ переложить ее на деньги. «Робота» съ одною лошадью равнялась $^{2}/_{8}$, съ тремя лошадьми — $1^{2}/_{5}$, съ четырьмя лошадьми — $1^{2}/_{3}$ пароконной «роботы».

Но самымъ либеральнымъ закономъ о выкупѣ является баварскій 1848. Онъ уничтожилъ всѣ опредѣленныя и неопредѣленныя натуральныя повинности совершенно безвозмездно, оставивъ только тѣ, которыя уплачивались деньгами. Законъ этотъ можетъ быть и не прошелъ бы въ верхней палатѣ, но толпы крестьянъ, вооруженные цѣпами и косами, окружавшіе палату, смягчили нѣсколько неуступчивыхъ бароновъ и заставили принять ее проектъ, прошедшій уже въ палатѣ депутатовъ. Не помогли и угрозы разныхъ епископовъ, протестовавшихъ противу

[1]) Метцъ=2,34 русск. четверика.

этого, по ихъ словамъ «разбойничьяго закона», лишившаго ихъ десятинъ и иныхъ средневѣковыхъ удобствъ.

Исчисленная, для опредѣленія капитала, слѣдующаго помѣщику, рента, въ Австріи, помножается на 20; въ Баваріи же и Пруссіи — на 18, но въ послѣдней только по буквѣ закона, ибо помѣщикъ могъ возвысить до 20. Обстоятельство это объясняется слѣдующимъ образомъ: мы видѣли выше, что прежнимъ прусскимъ законодательствомъ, равно какъ и саксонскимъ и ганноверскимъ, исчисленная для уплаты капитала рента помножилась на 25. Такъ какъ сдѣланная новымъ закономъ сбавка не ограничивалась сдѣлками, совершенными послѣ его изданія, а распространялась и на такіе договоры о выкупѣ, по которымъ капиталъ не былъ еще внесенъ, а только уплачивались съ него проценты, то послѣдствіемъ этого были значительныя потери для тѣхъ помѣщиковъ, которые не успѣли получить всей договорной суммы. Такъ, напримѣръ, если до 1850 г. состоялся договоръ о выкупѣ извѣстной величины участка, положимъ, за 20,000 талеровъ, и съ капитала этого крестьяне уплачивали помѣщику 4%, то по новому закону они могли пріобрѣсти этотъ же участокъ, уплативъ только 14,400 талеровъ. Мотивомъ этого, повидимому тяжелаго для помѣщиковъ, постановленія, было однако очень разумное намѣреніе — принудить тѣхъ изъ нихъ, которые уже окончательно условились въ выкупной суммѣ, къ принятію, вмѣсто звонкой монеты, полученіе которой, по прежнему закону, отодвигалось на неопредѣленное время, рентовыхъ билетовъ вновь устроенныхъ банковъ. Этимъ способомъ предоставлялась возможность воспользоваться благодѣяніями этихъ учрежденій и недостаточному крестьянину, а помѣщикамъ, согласившимся на принятіе этихъ билетовъ, предоставлялось право получать, вмѣсто вознагражденія, опредѣленнаго (при взносѣ ея наличностью) посредствомъ умноженія чистаго дохода на 18, на сумму, равную этому доходу, помноженному на 20. Такимъ образомъ, послѣдніе теряли уже не 28%, а только 20%.

Законъ баварскій, тоже прибѣгая къ указанному выше средству для склоненія помѣщиковъ принимать, вмѣсто наличныхъ денегъ, облигаціи «выкупной кассы», не распространялъ однако благодѣяній этого закона на крестьянъ, уже вступившихъ въ выкупныя сдѣлки. Онъ отличался еще одною особенностью, именно: рента, исчисленная для опредѣленія капитала, слѣдующаго помѣщику, помножалась на 18 (а не на 20) даже въ томъ случаѣ, когда она и не выкупалась наличными деньгами. Такъ, если онъ состоялъ должнымъ помѣщику ренту въ 100 гульденовъ, то слѣдовательно имѣлъ право освободиться отъ ея уплаты обращеніемъ въ ка-

питалъ 1800 гульденовъ, которые онъ не имѣлъ нужды платить, а только уплачивать съ нихъ 4%; слѣдствіемъ этого было то, что помѣщикъ вдругъ терялъ 28%, получая изъ прежней капитальной суммы только 72%.

Но еще болѣе ощутительныя потери понесли помѣщики виртембергскіе, несмотря на то, что выкупной законъ 1848 г., недозволявшій безвозмезднаго уничтоженія феодальныхъ обязанностей, казался съ перваго взгляда болѣе для нихъ выгоднымъ, чѣмъ законы только-что разсмотрѣнныхъ государствъ. Выше уже было упомянуто, что прежній законъ о выкупѣ (1836 г.) представлялъ большую пестроту выкупныхъ нормъ: они были разнообразны смотря по тому, принадлежалъ-ли землевладѣлецъ къ медіатизированнымъ Standesherr'амъ, или къ дворянскому сословію, или же былъ простой смертный.

Изъ изложеннаго выше мы видимъ, что германскія законодательства 1848 г. нанесли помѣщичьимъ интересамъ чувствительные удары, но тѣмъ не менѣе они были вполнѣ заслужены дворянствомъ нѣмецкимъ, и кромѣ того политичны. Льготы, дарованныя этими новыми крестьянскими Положеніями крестьянамъ, подѣйствовали успокоительно на взволнованные, долговременнымъ сопротивленіемъ дворянъ, умы ихъ; а потери послѣднихъ были обусловлены ими самими. Прежнія Положенія, гораздо болѣе удовлетворявшія ихъ интересамъ, цѣлые десятки лѣтъ оставлены были ими безъ исполненія.

Мы не останавливаемся на выкупныхъ законодательствахъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ германскихъ государствъ. Это было подражаніе постановленіямъ Австріи, Пруссіи и Баваріи.

А. Скребицкій.

Боннъ на Рейнѣ.
Мая 16-го, 1867.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

VI.

ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ.

V.

Греческое возстаніе.

Обозрѣвъ исторію отношеній между европейскими государствами въ первыя шесть лѣтъ послѣ окончательнаго разрушенія первой французской имперіи, мы не могли не замѣтить въ ней слѣдующихъ самыхъ видныхъ явленій: революціонное движеніе, повидимому прекращенное въ 1814 — 1815 году разнаго рода реставраціями и сдѣлками стараго съ новымъ, снова начинается и обходитъ всю Европу. Во Франціи поднимаются разныя партіи и начинаютъ борьбу съ возстановленными Бурбонами; но среди подробностей этой борьбы нельзя не усмотрѣть главной причины движенія, главной причины неудовольствія: воинственному, славолюбивому, привыкшему къ игемоніи въ Европѣ народу было не по себѣ, не могъ онъ ужиться съ правительствомъ, которое, въ его глазахъ, не было способно исполнять свою главную обязанность—давать народу славу и величіе; вопросы внутренніе, вопросъ конституціонный не былъ на первомъ планѣ: они были только предлогомъ къ движенію, начало же и цѣль движенія были другія. «Славы, игемоніи!» вотъ крики французскаго народа правительству, которое, если хочетъ удержаться, должно, по возможности, удовлетворять этимъ требованіямъ, какъ въ старину властители Рима должны были удовлетворять народнымъ

крикамъ: «Зрѣлищъ и хлѣба!» Въ Германіи также обнаружилось революціонное движеніе и прилило къ самому чувствительному здѣсь мѣсту, къ университетамъ; но среди либеральныхъ плановъ и мечтаній у стариковъ и молодыхъ можно замѣтить также одну главную цѣль, одну главную потребность—единство Германіи. Въ революціонныхъ судорогахъ Италіи была явственна таже цѣль, но еще съ бо́льшимъ освященіемъ: съ стремленіемъ къ единству страны соединялось стремленіе къ освобожденію отъ чужого ига. Въ Испаніи революціонное движеніе присоединялось, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, къ преобразовательному движенію, которое началось для страны еще въ XVIII вѣкѣ, и нельзя было не замѣтить, что эти движенія мѣшали другъ другу, а раздѣлить ихъ или примирить не было ни силы, ни разумѣнія. Всѣ эти движенія застали европейскія правительства въ союзѣ, происшедшемъ вслѣдствіе общаго дѣйствія противъ Наполеона. Между союзниками сначала господствовали различные взгляды: императоръ русскій отличался либеральнымъ направленіемъ, т. е. онъ думалъ, что революціи должны быть прекращены уступками новому на счетъ стараго, уступками правительствъ извѣстнымъ законнымъ требованіямъ народовъ. Революціонныя движенія, начавшіяся въ разныхъ углахъ Европы, повели къ ограниченію, къ опредѣленію этого взгляда: перемѣны въ правительственныхъ формахъ должны исходить отъ самихъ правительствъ, а не должны вымогаться народами у правительствъ путемъ возмущеній; во-вторыхъ, не всѣ народы одинаково созрѣли для либеральныхъ правительственныхъ формъ.

Либеральному взгляду русскаго императора противополагался взглядъ австрійскаго министра, князя Меттерниха, нежелавшаго никакихъ сдѣлокъ съ революціею. Революціонныя движенія Франціи, Германіи и южныхъ полуострововъ дали Меттерниху большую выгоду: либеральный взглядъ опредѣлялся, ограничивался, и въ этомъ ограниченіи уже заключалось важное обезпеченіе противъ революціонныхъ движеній; Меттернихъ съ уступками шелъ на встрѣчу уступкамъ со стороны либеральнаго направленія (разумѣется, не безъ надежды, что благопріятныя обстоятельства освободятъ его отъ обязанности дѣлать эти уступки), лишь бы только скрѣпить союзъ между государями, заставить ихъ сообща дѣйствовать противъ революціонныхъ движеній. Но союзъ правительствъ противъ революціонныхъ движеній былъ уже не тотъ, какой образовался противъ французской имперіи: Англія, провозгласивъ начало невмѣшательства, вышла изъ союза; съ другой стороны, Франція должна была играть междоумочную, нерѣшительную роль: какъ державѣ конституціонной ей было неловко примкнуть

прямо къ тройному союзу неограниченныхъ государей, направленному противъ движеній, происходившихъ съ цѣлью получить либеральныя правительственныя формы; съ другой стороны, какъ держава континентальная, Франція не могла, подобно Англіи, уединиться, не принимать дѣятельнаго участія въ общихъ дѣлахъ Европы; наконецъ, зная свою слабость и вражду къ Франціи другихъ державъ, французское правительство видѣло единственнаго союзника и защитника въ императорѣ Александрѣ, и потому должно было заботиться о поддержаніи его пріязни, что̀ могло быть достигнуто только сближеніемъ съ русскою политикою: это сближеніе было тѣмъ легче для Франціи, что направленіе русскаго императора могло служить среднимъ звѣномъ между политикою Франціи, условленною ея правительственными формами, и политикою союза неограниченныхъ государей. Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ присоединенія Франціи къ общему дѣйствію и по сознанію важнаго значенія этой державы, и по особенному расположенію къ французскому народу, и по той помощи, какую Франція должна была оказывать ему при общихъ дѣйствіяхъ, становясь всегда на сторонѣ болѣе либеральныхъ мѣръ, въ противоположность стремленіямъ Австріи и теперь сильно сочувствующей ей Пруссіи.

Такъ образовались отношенія между важнѣйшими державами Европы въ 1821 году, когда пришло извѣстіе о греческомъ возстаніи. Это неожиданное событіе если, въ первую минуту, не поражало такимъ ужасомъ, какъ уходъ Наполеона съ Эльбы во Францію или вспышка піемонтской революціи, то, по зрѣломъ обсужденіи, представляло страшныя затрудненія. Только-что согласились считать непозволительнымъ возстанія подданныхъ противъ правительствъ, согласились поддерживать въ такихъ случаяхъ правительства, и вдругъ обнаруживается возстаніе, которое должно составить исключеніе изъ принятаго правила, а извѣстно, какъ ослабляется правило, изъ котораго немедленно же должно допустить исключеніе. Была пора, когда интересъ религіозный господствовалъ, когда европейское человѣчество сознавало свое значеніе, свое единство въ христіанствѣ, и борьбу съ иновѣрцами считало своею самою священною обязанностью; эта пора высказалась лучше всего въ Крестовыхъ походахъ, самомъ блистательномъ подвигѣ героическаго періода европейской исторіи; какъ героическій періодъ древней Греціи ознаменовался движеніемъ на востокъ, въ Колхиду, подъ Трою, такъ и героическій періодъ христіанской Европы—движеніемъ на востокъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ и подъ религіознымъ знаменемъ. Послѣ господства религіознаго интереса, которое кончилось реформою, розныо

и злою усобицею въ западномъ христіанствѣ, наступаетъ пора, когда господствуютъ чисто-политическіе интересы: здѣсь видимъ стремленіе извѣстныхъ государствъ усилиться на счетъ другихъ, распространить, округлить свою область и получить первенствующее вліяніе; съ другой стороны, видимъ стремленіе сдержать подобное движеніе; въ этой борьбѣ вмѣстѣ съ пугаломъ всемірной монархіи выставлено было знамя политическаго равновѣсія. Подъ этимъ знаменемъ отношенія христіанскихъ государствъ Европы къ государству мусульманскому, занявшему Балканскій полуостровъ, должны были, разумѣется, измѣниться: христіанскіе государи сочли возможнымъ вступить въ сношеніе, въ союзъ съ врагомъ Креста Христова, поднимать его противъ государствъ христіанскихъ; потомъ сочли необходимымъ поддерживать его существованіе для охраненія политическаго равновѣсія. На то, что въ Европейской Турціи христіанское большинство народонаселенія находилось подъ варварскимъ гнётомъ мусульманскаго меньшинства, не обращали вниманія. Кромѣ общаго направленія эпохи, этому способствовало еще то, что государства протестантскія—Англія, Голландія невнимательно относились къ страданіямъ турецкихъ христіанъ по обычной протестантской холодности къ религіознымъ вопросамъ и по торгашескимъ взглядамъ; державы же католическія питали и враждебное чувство къ христіанамъ восточнаго исповѣданія, и послѣдніе объявляли, что имъ выгоднѣе оставаться подъ властью турокъ, не посягающихъ на ихъ вѣру, чѣмъ перейти подъ власть западныхъ христіанъ, которыхъ первымъ дѣломъ будетъ религіозное преслѣдованіе, насильное обращеніе къ папѣ. Западныя державы обращали вниманіе на турецкихъ христіанъ только по отношенію къ Россіи: когда надобилось поднимать Россію противъ турокъ, то царямъ указывали на ихъ священную обязанность — освободить единовѣрныхъ братій отъ варварскаго ига; когда же Россія въ XVIII вѣкѣ получила возможность мало по малу исполнять эту священную обязанность, то связь турецкихъ христіанъ съ Россіею, по единовѣрію и единоплеменности, явилась пугаломъ для западныхъ державъ, явилась какъ лучшее средство для Россіи разрушить турецкое владычество и вмѣстѣ разрушить политическое равновѣсіе Европы. Когда Россія громомъ «преславной викторіи» извѣстила Европу о своемъ вступленіи въ общую жизнь ея народовъ, то на западѣ, привыкшемъ руководиться преданіями Рима, сейчасъ же представили себѣ, что подлѣ западной римской имперіи должна вскорѣ явиться восточная, и восточнымъ императоромъ, «цесаремъ оріентальнымъ», долженъ быть царь русскій; и хотя Петръ Великій порѣшилъ

со всѣми этими ветхостями, принялъ титулъ императора, но императора русскаго, а не римскаго восточнаго, хотя Фридрихъ II, ближе другихъ знавшій Россію, прославлялъ Петра за мысль не расширять русскіе предѣлы, а сократить ихъ, сосредоточивъ малочисленное по пространству народонаселеніе во внутреннихъ губерніяхъ:—однако на западѣ постоянно подозрѣвали Россію въ намѣреніи овладѣть европейскими областями Турціи, пользуясь сочувствіемъ единовѣрнаго и единоплеменнаго народонаселенія, и выдумывали завѣщаніе Петра Великаго. Это подозрѣніе было перенесено изъ осьмнадцатаго вѣка въ девятнадцатый, и продолжало служить основаніемъ политическаго взгляда на восточный вопросъ. Но съ конца XVIII вѣка, политическое направленіе, господствовавшее послѣ религіознаго, не могло проводиться во всей чистотѣ; вслѣдствіе революціонныхъ движеній, оно должно было считаться съ извѣстными требованіями народовъ и съ общимъ сочувствіемъ къ этимъ требованіямъ; отсюда взглядъ на восточный вопросъ долженъ былъ измѣниться: съ одной стороны, правительствамъ было важно, изъ страха предъ Россіею, поддержать турецкую имперію, чтобы, вслѣдствіе ея паденія, не усилить Россіи новыми подданными или новыми естественными союзниками; но, съ другой стороны, правительства должны были считаться съ сочувствіемъ своихъ подданныхъ къ требованіямъ христіанскаго народонаселенія турецкихъ областей, къ освобожденію народовъ, высшихъ по христіанской основѣ своей цивилизаціи, изъ-подъ ига варварскаго правительства. Такимъ образомъ, греческое возстаніе повело въ Европѣ къ новой, сильной борьбѣ между двумя направленіями, старымъ чисто-политическимъ, и новымъ, которое назовемъ либеральнымъ; въ этой борьбѣ, кончившейся побѣдою послѣдняго, исторія посмѣялась надъ мудростью человѣческихъ разсчетовъ, порвала союзы, основанные, повидимому, на самыхъ могущественныхъ интересахъ, перемѣшала отношенія, заставила враговъ дѣйствовать за-одно противъ друзей, правительства самыя своекорыстныя сознательно дѣйствовать противъ своихъ интересовъ.

Мы видѣли, что въ 1821 году на политическомъ горизонтѣ Европы на первомъ планѣ обозначались два лица: русскій императоръ Александръ и австрійскій канцлеръ Меттернихъ, выдвинувшійся, благодаря революціоннымъ движеніямъ, какъ представитель охранительной политики, и торжествовавшій уступки, сдѣланныя въ пользу охранительнаго начала русскимъ императоромъ. Оба эти лица поставлены были греческимъ возстаніемъ въ самое затруднительное положеніе. Только-что было провозглашено, что возстаніе подданныхъ противъ правительствъ непоз-

волительно, что союзъ правительствъ долженъ вмѣшиваться въ такихъ случаяхъ и уничтожать революціонное движеніе. Императоръ Александръ спасалъ свое либеральное направленіе въ томъ смыслѣ, что стремился въ Священномъ союзѣ создать общее европейское правительство, которому должно было принадлежать право устранять столкновенія между частными правительствами и ихъ подданными, утверждая всюду начала религіи, нравственности и правосудія, вслѣдствіе чего вооруженное возстаніе подданныхъ являлось самоуправствомъ и не могло быть терпимо по отношенію къ союзу; но это стремленіе русскаго императора не было достаточно уяснено и признано. Греки возстали противъ своего правительства, точно такъ, какъ испанцы и итальянцы возставали противъ своихъ правительствъ, и если союзъ объявилъ себя противъ возставшихъ, на сторонѣ правительствъ, то и теперь долженъ былъ объявить себя противъ грековъ на сторонѣ султана; по крайней мѣрѣ, для избѣжанія крайняго противорѣчія, не долженъ былъ заступаться за бунтовщиковъ. Но, съ другой стороны, возстали христіане для сверженія ига мусульманскихъ поработителей. Отказаться отъ сочувствія этому явленію для Россіи, для русскаго царя значило вступить въ вопіющее противорѣчіе съ собственною исторіею: Россія также находилась подъ игомъ мусульманскихъ варваровъ, освободилась отъ него съ оружіемъ въ рукахъ, и освобожденіе это прославлялось наукою и религіею какъ великое дѣло народа и великое благодѣяніе Божіе. Но противорѣчіе не ограничивалось одною древнею русскою исторіею. Продолжая, и послѣ освобожденія своего, борьбу съ мусульманскими варварами, Россія находилась въ постоянно-тѣсной связи съ оставшимися въ порабощеніи у нихъ христіанами, съ этими греками, съ которыми русскіе исповѣдывали одну, *греческую* вѣру; греки, ихъ представители и власти—духовенство, видѣли въ русскихъ царяхъ своихъ естественныхъ защитниковъ и будущихъ освободителей; царскую казну они считали своею, потому-что никогда имъ не было отказа въ ихъ просьбахъ; но одною денежною помощью дѣло не ограничивалось. Мысль объ освобожденіи, которая никогда не покидала турецкихъ христіанъ, была у нихъ неразрывно соединена съ мыслью о Россіи, которая своею исторіею, своимъ политическимъ ростомъ воспитывала ихъ для свободы. Какъ только начались у Россіи непосредственныя войны съ Турціею, онѣ были немыслимы безъ возстанія турецкихъ христіанъ на помощь *своимъ*. Постепенное усиленіе русскаго вліянія въ Константинополѣ имѣло слѣдствіемъ постепенное облегченіе участи турецкихъ христіанъ, которые, благодаря русскому покровитель-

ству, имѣя точку опоры, все болѣе и болѣе расправляли свои силы, все болѣе и болѣе воспитывались для свободы; мысль Екатерины II-й о необходимости постепеннаго образованія изъ разлагавшейся Турціи независимыхъ христіанскихъ владѣній,—одна эта мысль сколько способствовала успѣхамъ этого воспитанія! Екатерининская мысль не умерла вмѣстѣ съ Великою императрицею: сознательно или безсознательно она осуществлялась постепенно, чему доказательствомъ служила судьба Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Теперь, когда между греками явилась мысль, что приспѣло время освобожденія, могли ли они подумать, что Россія будетъ равнодушна и даже враждебна ихъ дѣлу, станетъ въ противорѣчіе со всею своею древнею и новою исторіею? Когда Россія вступала въ войну съ Турціею, то самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ для нея было обращаться къ турецкимъ христіанамъ, и эти считали своею обязанностью отзываться на ея призывъ; а теперь, когда греки вступятъ въ борьбу съ турками и обратятся къ Россіи, то неужели это не будетъ сочтено самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, и Россія откажетъ въ помощи! И когда же! Когда Россія на верху могущества, когда ея императоръ безспорно занимаетъ первое мѣсто между европейскими государями, и когда этотъ императоръ поставилъ себѣ цѣлію—утвержденіе всюду началъ религіи, нравственности и правосудія? Стать въ вопіющее противорѣчіе съ своимъ народомъ, съ его исторіею! Но этого мало: въ борьбѣ грека съ туркомъ какой порядочный человѣкъ въ образованной Европѣ станетъ на сторонѣ турка противъ грека? Чтобы, по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ и интересамъ, дать себѣ право сочувствовать турку, для этого нужно придумать какой длинный рядъ политическихъ и всякихъ хитросплетеній?—Но, съ другой стороны, помогать подданнымъ въ ихъ возстаніи противъ правительства — значитъ стать въ противорѣчіе съ только-что объявленными рѣшеніями Союза, и, кромѣ того, возбудить подозрѣніе въ честолюбивыхъ замыслахъ, подозрѣніе въ томъ, что греки подняли возстаніе не безъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что грекъ Каподистріа, отъявленный покровитель либеральныхъ движеній, человѣкъ близкій къ русскому императору. Если дать усилиться этому подозрѣнію, то Союзъ рушится; нужно будетъ начать борьбу съ прежними союзниками; а кто воспользуется этою борьбою? Революціонеры!

Не одобрить возстанія, остаться равнодушнымъ къ борьбѣ: но если турки станутъ тушить возстаніе варварскими средствами, если Порта, сознавая очень ясно тѣсную связь между христіанскими подданными и Россіею, станетъ враждебно относиться и

къ послѣдней? Тутъ выказалась вся тяжесть блистательнаго положенія главы европейскаго Союза, положенія, необходимо соединеннаго съ ущербомъ въ свободѣ дѣйствій императора всероссійскаго. Благодаря этому положенію, надобно было избрать такой путь: не принимать участія въ борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ; въ случаѣ же варварскаго поведенія и враждебности турокъ къ Россіи — требовать отъ европейскихъ державъ, чтобъ онѣ образумили Порту и не поставили Россію въ необходимость взяться за оружіе.

Затруднительное положеніе Меттерниха условливалось затруднительнымъ положеніемъ императора Александра, потому-что австрійскій канцлеръ долженъ былъ трепетать при мысли, что глава охранительнаго Союза имѣетъ могущественныя побужденія измѣнить провозглашеннымъ началамъ Союза. Меттерниху, разумѣется, нужно было выставить съ неблаговидной стороны эту непослѣдовательность; но такъ-какъ у сторонниковъ греческаго возстанія былъ сильный аргументъ, что это возстаніе не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями въ остальной Европѣ, и потому во враждебныхъ отношеніяхъ къ испанской и итальянской революціи и въ сочувственныхъ, въ то же время, отношеніяхъ къ греческому возстанію не будетъ непослѣдовательности, то Меттерниху нужно было настаивать, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями и произведено по общему революціонному плану, чтобъ повредить Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ.

Много было сказано о причинахъ греческаго возстанія, сказано съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы въ предшествовавшихъ строкахъ уже коснулись этого предмета. Причины возстанія грековъ лежатъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя вскрылись немедленно же послѣ паденія восточной или греческой имперіи, послѣ взятія Константинополя турками. Какія явленія видимъ мы на Балканскомъ полуостровѣ послѣ знаменитаго 1453 года? Покорители—турки въ маломъ числѣ, сравнительно съ покоренными христіанами, поддерживающіе себя только матеріальною силою, благодаря разрозненности покоренныхъ племенъ; турки малочисленны и неспособны къ развитію, кромѣ того, не могутъ получить матеріальной поддержки отъ своихъ, отъ народовъ единовѣрныхъ и живущихъ съ ними подъ однѣми формами быта, ибо магометанскій востокъ, въ лицѣ ихъ, сдѣлалъ послѣднее наступательное движеніе; онъ выбросилъ турокъ на европейскій берегъ и оставилъ ихъ тамъ безъ поддержки; куда туркамъ обратиться на востокъ съ требованіемъ помощи? Къ слабой и враждебной по расколу Персіи? Малочисленные покорители

могли бы получить силу и питаніе, слившись съ покоренными; но это для нихъ невозможно по религіи, по основамъ ихъ народной жизни. Подлѣ этихъ безпомощныхъ матеріально и нравственно покорителей—покоренные, имѣющіе средства постоянно расти, усиливаться и получать поддержку извнѣ. Эти покоренные, по христіанской основѣ своей цивилизаціи, способны сами къ дальнѣйшему развитію; съ первой минуты покоренія для нихъ уже начинается процессъ возстановленія силъ, приготовленіе къ освобожденію. Въ своей религіи, въ церкви они находятъ объединяющее начало, которое безпрестанно напоминаетъ имъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ покорителями, что они выше послѣднихъ, что они временно могутъ быть только подъ варварскимъ игомъ, но рано или поздно освободятся; они живутъ будущимъ и работаютъ для него, у нихъ великая цѣль, которая бодритъ ихъ и даетъ имъ ростъ; они идутъ впередъ, тогда какъ турки неподвижны; при своемъ движеніи, ростѣ, христіане пользуются всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобъ подниматься выше и выше, пріобрѣтать матеріальныя средства, занимать правительственныя должности. Но кромѣ собственныхъ силъ, христіанскіе подданные Порты имѣли громадную выгоду въ томъ, что опирались на Европу, на цѣлое христіанство, составляя нераздѣльную ихъ часть, естественно и необходимо тянули къ нимъ, получали отъ нихъ питаніе, поддержку. Мы видѣли, какъ они это питаніе и поддержку находили въ единовѣрной Россіи, съ которою, въ извѣстномъ отношеніи, жили одною жизнью, расли ея ростомъ. Новая жизнь, новое сильнѣйшее умственное движеніе начинается у нихъ въ то же время, въ какое оно начинается и въ Россіи, именно съ XVIII вѣка: распространяются школы, переводятся книги, богачи не жалѣютъ ничего для распространенія просвѣщенія между своими. Такъ дожили они до XIX вѣка, постоянно идя впередъ, постоянно приготовляясь къ перемѣнѣ своей участи, ибо чѣмъ дальше они шли, тѣмъ шире становилась бездна, отдѣлявшая ихъ отъ турокъ, тѣмъ тягостнѣе становилось варварское иго. Но въ то время, какъ греки шли все дальше и дальше, турецкая правительственная машина, остановившись, подвергалась все болѣе и болѣе естественному слѣдствію остановки, гніенію, разложенію; между пашами начали являться люди, стремившіеся къ самостоятельности. Въ султанѣ Махмудѣ II-мъ судьба какъ бы нарочно дала Турціи человѣка, который для борьбы съ враждебными обстоятельствами способенъ былъ употребить всѣ средства, какими можетъ располагать восточный владыка, не дрожавшій ни передъ какимъ изъ этихъ средствъ; но дѣятельность

Махмуда всего лучше показала несостоятельность этихъ азіатскихъ средствъ, когда надобно спасать азіатское гніющее общество, которое находится въ осадномъ положеніи, обхваченное европейскимъ движеніемъ. Съ 1815 года греки стали принимать особенное участіе въ этомъ движеніи: въ западной Европѣ, съ одной стороны, исчезла прежняя католическая узкость взгляда на восточныхъ христіанъ, съ другой—могущественно было либеральное направленіе; грекамъ сильно сочувствовали не столько какъ христіанамъ, но болѣе какъ потомкамъ Мильтіадовъ, Эпаминондовъ, Сократовъ, и еще болѣе, какъ народу, находящемуся подъ варварскимъ игомъ и стремящемуся освободиться отъ него. Между Греціею и западною Европою обнаружилась тѣсная связь, скрѣпляемая взаимными посѣщеніями: если молодые греки являлись въ западныхъ университетахъ и здѣсь получали сильное возбужденіе къ освобожденію своего славнаго отечества, то, съ другой стороны, европейскіе путешественники стали толпами посѣщать Грецію и тѣмъ поднимали ее значеніе въ глазахъ народа, возбуждая надежды на сочувствіе и помощь; Европа видимо принимала Грецію во владѣніе. Такъ въ высшемъ слоѣ греческаго народонаселенія выработалось сознаніе необходимости освобожденія и вмѣстѣ сознаніе того, что условія для него благопріятны. Тайное общество, такъ-называемая *гетерія*, основанное Николаемъ Скуфасомъ въ Одессѣ съ цѣлію «дать торжество кресту надъ луною», сильно распространилось между греками. Подготовка была сдѣлана; но для успѣха возстанія понадобились матеріалы особаго рода, которые также были готовы. Такими матеріалами служила масса христіанскаго народонаселенія, которая въ своемъ религіозномъ одушевленіи, въ своей ненависти къ врагамъ Креста должна была поддержать борьбу; борьба между двумя національностями, одною, долго порабощенною, но сознававшею свои жизненныя силы, свои права на независимое существованіе, и другою — поработившею, но которой грозила потеря господства, борьба между двумя національностями, поставленными въ такія отношенія, да еще при ненависти религіозной, разумѣется, должна была съ самаго начала принять характеръ самый ожесточенный, истребительный, не допускать соглашеній и сдѣлокъ; такая борьба могла кончиться только истребленіемъ одной національности другою, и потому, чтобъ не довести ея до такого исхода, необходимо было разнять борющихся, отдѣлить ихъ совершенно другъ отъ друга. Но масса христіанскаго народонаселенія Греціи, не смотря на все ея сочувствіе къ борьбѣ, не могла вести ее непосредственно: для этого нужна была вооруженная сила. Такую силу въ Греціи представ-

ляли *армато́лы*, мѣстная милиція, охранявшая порядокъ и спокойствіе, сохранившаяся отъ времени паденія византійской имперіи по договорамъ нѣкоторыхъ областей (горныхъ) съ турецкимъ правительствомъ, и особенно *клефты*, имѣвшіе одинаковое происхожденіе и характеръ съ нашими старинными казаками. Люди отважные, богатые физическою силою и ловкостью, неспособные къ мирной работѣ при тяжкихъ рабскихъ отношеніяхъ къ туркамъ, удалялись въ горы, какъ наша удалая голутьба стремилась въ степь, чтобъ тамъ гулять, вести свободную жизнь на счетъ чужихъ и своихъ. Когда вспыхнула борьба съ турками, клефты явились на первомъ планѣ, дали войско. Таковы были побужденія и средства къ возстанію. Но при этомъ не надобно забывать и большихъ препятствій къ успѣху борьбы. Первое и главное препятствіе заключалось въ разрозненности силъ и національныхъ интересовъ христіанскаго народонаселенія турецкой имперіи; это народонаселеніе, по національностямъ, дѣлилось на три главныя группы: греческую, славянскую и румынскую. Благодаря вліянію Россіи, ея поддержкѣ, постепенное выдѣленіе изъ разлагавшейся Турціи болѣе или менѣе независимыхъ отъ нея во внутреннемъ управленіи владѣній началось съ сѣвера, по близости къ русской границѣ. Самые энергическіе и храбрые изъ турецкихъ славянъ, сербы, уже находились подъ управленіемъ князя изъ своего народа, имѣли уже свой опредѣленный кругъ отношеній, интересовъ, при чемъ ихъ дѣйствія зависѣли отъ личныхъ взглядовъ правителя, обязаннаго прежде всего заботиться о своемъ, о своихъ, обязаннаго осторожно и зорко смотрѣть во всѣ стороны, преимущественно на сѣверъ. Румынскія княжества, составлявшія отдѣльное цѣлое по своей національности, давно уже привыкли жить въ страдательномъ ожиданіи улучшенія своей участи, своей независимости и свободы не отъ какихъ-либо внутреннихъ движеній, но отъ военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ могущественнаго народа, у котораго возникла мысль о дакійскомъ королевствѣ; притомъ неправильныя отношенія высшаго класса, бояръ, къ остальному народонаселенію въ Дунайскихъ княжествахъ и вражда къ грекамъ, которые являлись здѣсь съ своими господарями изъ фанаріотовъ (знатныхъ константинопольскихъ грековъ) съ цѣлію высасывать деньги изъ страны, не могли побудить народонаселеніе Дунайскихъ княжествъ принять дѣятельное участіе въ греческомъ возстаніи. Такимъ образомъ, греки должны были бороться одни; но и между ними самими не было единства; природныя условія, которыя въ древности раздробили Грецію на множество мелкихъ отдѣльныхъ владѣній, дѣйство-

вали и теперь, заставляя отдѣльныя области ея бороться въ одиночку; арматолы и клефты не могли образовать единаго войска, сколько-нибудь дисциплинированнаго, способнаго повиноваться единому вождю; да и такого вождя, человѣка способнаго подняться надъ всѣми и дать единство движеніямъ — не было. При подобныхъ препятствіяхъ, не смотря на все одушевленіе, храбрость и выдержливость грековъ, дѣло ихъ грозило кончиться неуспѣхомъ, еслибъ они не имѣли поддержки въ Европѣ, и преимущественно — въ Россіи.

Понятно, что глаза всѣхъ людей, желавшихъ освобожденія Греціи, всѣхъ членовъ гетеріи были обращены на грека, который занималъ важное мѣсто между тогдашними европейскими дѣятелями, который стоялъ послѣ Меттерниха въ значеніи главнаго его соперника, на графа Каподистріа; если помощь Европы, и особенно Россіи была необходима для грековъ, то никто скорѣе Каподистріа не могъ склонить русскаго императора къ поданію этой помощи. Но никто лучше Каподистріа не понималъ, что время, избираемое гетеристами для начала дѣйствія, неблагопріятно, и потому онъ находился въ самомъ неловкомъ положеніи относительно гетеристовъ, которые приступали къ нему съ представленіями, что пора начинать, и что они не пропустятъ этой поры; ему оставалось одно: отклонить отъ себя участіе въ дѣлѣ; но онъ не могъ поставить себя во враждебное къ нему отношеніе, не могъ открыть объ немъ, не могъ не желать ему успѣха; съ этимъ желаніемъ могло соединяться и другое, чтобы греческое возстаніе, будучи иного рода, чѣмъ революція, испанская или италіанская революція, спутало установившіеся взгляды и отношенія и нанесло ударъ врагу—Меттерниху. Какъ бы то ни было, Каподистріа оставался въ сторонѣ, и гетеристы обратились къ другому греку, находившемуся въ русской службѣ. Храбрый генералъ-маіоръ, потерявшій руку подъ Кульмомъ, князь Александръ Ипсиланти, живой, сочувствующій всему хорошему и возбуждавшій къ себѣ сочувствіе, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые считаются достойными власти до тѣхъ поръ, пока не получатъ эту власть въ свои руки. Гетеристы не могли не остановить своего выбора на Ипсиланти, какъ на человѣкѣ, болѣе другихъ способномъ начать дѣло и съ успѣхомъ вести его; Ипсиланти не могъ не увлечься мыслью — быть главнымъ вождемъ греческаго возстанія, Ипсиланти, сынъ того валахскаго господаря, Константина Ипсиланти, который сильнѣе другихъ принималъ къ сердцу знаменитый проектъ образованія Дакійскаго царства,—и потерявъ свое господарство въ 1806 г., долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Россію. Александръ Ипси-

ланти, способный, по природѣ своей, къ увлеченіямъ, принимавшій во вниманіе одно общее направленіе, не разсуждая частностей, особенныхъ условій, которыя ускоряютъ или задерживаютъ явленіе, рано или поздно необходимое, неспособный останавливаться на вопросѣ: пора или рано? когда сильно желается, чтобы была пора,—Александръ Ипсиланти, увѣренный въ томъ, что Россія, по своимъ общимъ необходимымъ условіямъ, должна немедленно же подать помощь возставшимъ грекамъ, увѣрялъ въ этомъ другихъ уже однимъ положеніемъ своимъ: генералъ русской службы, другъ Каподистріа, могъ ли онъ рѣшиться на дѣйствіе безъ самыхъ вѣрныхъ обнадеживаній со стороны Россіи? Было увлеченіе; могъ быть и разсчетъ поднять грековъ и вообще турецкихъ христіанъ именемъ Россіи, а Россію заставить помогать возстанію именемъ грековъ и христіанъ.

Нельзя много упрекать Ипсиланти за то, что мѣстомъ начальнаго дѣйствія онъ выбралъ Дунайскія княжества: прежде всего они были близки къ Россіи; во-вторыхъ, они имѣли извѣстную степень самостоятельности; въ-третьихъ, что было всего важнѣе, Турція по трактатамъ не могла въ нихъ дѣйствовать свободно, безъ согласія Россіи, которая такимъ образомъ, волею-неволею, втягивалась въ дѣло, при чемъ не могла дѣйствовать противъ своихъ; въ Греціи такихъ благопріятныхъ условій не было: здѣсь турки могли дѣйствовать свободно, не спрашиваясь ни у кого, и могли скорѣе задавить возстаніе. Чтобы возстаніе въ Греціи могло быть успѣшно, нужно было отвлечь отъ нея вниманіе и силы турокъ на сѣверъ, туда, гдѣ они должны будутъ необходимо столкнуться съ Россіею.

Въ мартѣ 1821 года, въ Лайбахѣ императоръ Александръ получилъ письмо изъ Яссъ отъ Ипсиланти съ увѣдомленіемъ о возстаніи: «Благородныя движенія народовъ исходятъ отъ Бога—писалъ Ипсиланти — и безъ сомнѣнія по Божію вдохновенію поднимаются теперь греки свергнуть съ себя четырехвѣковое иго. Долгъ въ отношеніи къ отечеству и послѣдняя воля родительская побуждаютъ меня посвятить себя этому дѣлу. Болѣе 200 адрессовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 600,000 именъ лучшихъ людей Греціи, призвали меня стать въ челѣ возстанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди грековъ образовалось тайное общество, имѣющее единственною цѣлію—освобожденіе Греціи; оно выросло быстро и его вѣтви распространяются повсюду, гдѣ только есть греки. Божественное Провидѣніе, покровительствующее всегда правое дѣло, удостоило бросить взглядъ состраданія на мое несчастное отечество и ослѣпить глаза его тирановъ. Они остались въ совершенномъ бездѣйствіи, не смотря на частыя пред-

остереженія англичанъ и духъ независимости, сильно обнаруживавшійся между греками. Государь! неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говоритъ намъ, что Васъ, Государь, избрало Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите мольбы 10,000,000 христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностью нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, Государь, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ Вами управляемый!» Впечатлѣніе, произведенное на императора этимъ письмомъ, и результаты его должны были отразить на себѣ условія, въ какихъ Александръ находился въ Лайбахѣ. Императоръ, по характеру своему, прежде всего былъ пораженъ благородствомъ чувствъ Ипсиланти: у Россіи и Турціи шли переговоры о возвращеніи Ипсиланти имѣнія, конфискованнаго Портою; дѣло шло о нѣсколькихъ милліонахъ, и молодой человѣкъ, не думая объ этихъ милліонахъ, повинуясь только внушеніямъ долга, становится въ челѣ возстанія противъ турокъ. «Я всегда говорилъ, что этотъ достойный молодой человѣкъ питаетъ благородныя чувства,» сказалъ императоръ, прочтя письмо. Но послѣ оцѣнки человѣка человѣкомъ, должна была слѣдовать оцѣнка дѣла государемъ, главою европейскаго союза государей въ 1821 году. Неловкое указаніе на *тайное общество* способно было уничтожить все доброе впечатлѣніе трогательнаго письма. Императоръ Александръ только-что высказалъ свою программу, и въ данномъ случаѣ не хотѣлъ отступить отъ нея: народы должны пріобрѣтать извѣстныя степени свободы не революціоннымъ путемъ, но путемъ мирнымъ, путемъ общаго соглашенія правительствъ, причемъ степень свободы должна соотвѣтствовать степени ихъ развитія. Отвѣтъ Ипсиланти, заключавшійся въ письмѣ Каподистріа, былъ составленъ по этой программѣ. «Получивъ ваше письмо, императоръ испыталъ тѣмъ болѣе скорбное чувство, что всегда цѣнилъ благородство чувствъ, которое вы обнаруживали, находясь въ его службѣ. Императоръ былъ далекъ отъ опасенія, что вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждаетъ людей въ забвеніи своихъ главныхъ обязанностей искать блага, достигаемаго только точнымъ исполненіемъ обязанностей религіи и нравственности. Безъ сомнѣнія, человѣку врожденно желаніе улучшенія своей участи; безъ сомнѣнія, многія обстоятельства заставляютъ грековъ желать не всегда оставаться чуждыми своимъ соб-

ственнымъ дѣламъ; но развѣ они могутъ надѣяться достигнуть этой высокой цѣли путемъ возмущенія и войны междоусобной? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнѣніе Императора. Онъ старался обезпечить грекамъ свое покровительство договорами, заключенными между Россіею и Портою. Теперь эти мирныя выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя съ событіями, которыхъ Его Императорское Величество никакъ не одобряетъ. Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества поддержку великаго Государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ, всею своею тяжестью, ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи, ни прямой ни косвенной, не получите вы отъ Императора, ибо мы повторяемъ, что недостойно его подкапывать основанія Турецкой Имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества. Если вы намъ укажете средства прекратить смуту безъ малѣйшаго нарушенія договоровъ, существующихъ между Россіею и Портою, то Императоръ не откажется предложить Турецкому правительству принять мудрыя мѣры для возстановленія спокойствія въ Валахіи и Молдавіи. Во всякомъ другомъ случаѣ Россія останется только зрительницею событій, и войска Императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію.» Чтобъ отклонить всякое подозрѣніе въ участіи со стороны Россіи, императоръ послалъ приказаніе русскому главнокомандующему въ Бессарабіи, князю Витгенштейну, соблюдать строгій нейтралитетъ, и уволилъ Ипсиланти изъ русской службы.

Строгое соотвѣтствіе этихъ рѣшеній уже прежде высказанной программѣ не даетъ намъ права утверждать, что они состоялись подъ вліяніемъ новыхъ внушеній Меттерниха, хотя австрійскій канцлеръ, разумѣется, долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы удержать русскаго императора при его программѣ. Меттернихъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свой взглядъ на греческое возстаніе: «Монархи, соединившіеся для поддержки принципа *охраненія всего законно существующаго*, не могутъ нисколько колебаться въ прямомъ приложеніи этого принципа къ плачевнымъ событіямъ, совершившимся недавно въ Оттоманской имперіи. Приложеніе принципа требуется съ наибольшею силою къ этимъ важнымъ событіямъ, ибо несомнѣнно, *что греческое возстаніе (какъ бы оно ни связывалось съ общимъ движеніемъ*

умовъ въ Европѣ, какъ бы ни приготавливалось въ стремленіи чисто національномъ, какъ бы наконецъ ни естественно было возстаніе народа, страдающаго подъ самымъ страшнымъ гнетомъ), — греческое возстаніе есть непосредственное слѣдствіе плана, заранѣе составленнаго и прямо направленнаго противъ самаго страшнаго для революціонеровъ могущества, противъ союза двоихъ монарховъ съ цѣлію охраны и возстановленія [1]). Событіе не одиночно; оно находится въ связи съ общимъ планомъ. Оно имѣетъ не преходящее только значеніе; его слѣдствія будутъ долго давать себя чувствовать. Настоящіе виновники его задумали его не въ интересѣ греческаго народа; они не могутъ скрыть отъ себя того нравственнаго паденія, до какого доведенъ этотъ народъ вѣками. Событія задуманы съ цѣлію поссорить Россію съ Австріею; они служатъ средствомъ не дать потухнуть огню, поддержать либеральный пожаръ; средствомъ поставить въ затруднительное положеніе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія и всѣхъ его единовѣрцевъ, взволновать русскій народъ въ смыслѣ противоположномъ движенію, какое его государь даетъ своей политикѣ; заставить русскаго государя отвернуться отъ запада и сосредоточить свое вниманіе на востокѣ. Падетъ ли или освободится народъ, въ пользу котораго, повидимому, произведено движеніе, — до этого нѣтъ дѣла людямъ, назначившимъ день взрыва. Демагоги имѣютъ въ виду только свои собственныя выгоды, и никакое пожертвованіе не кажется слишкомъ велико человѣку, который не значитъ ничего и хочетъ быть чѣмъ-нибудь! Все, что можно постановить въ принципѣ, ограничивается тѣмъ, что Ваше Императорское Величество удостоили сказать мнѣ сами. Должно приложить къ турецкимъ дѣламъ, точно также какъ и ко всѣмъ дѣламъ, могущимъ занимать насъ теперь и въ ближайшемъ будущемъ, консервативное начало. Это начало неразрывно со святостью договоровъ. Съ точки зрѣнія политической нѣтъ нужды, кто управляетъ, турки или греки, лишь бы только не господствовала революція и неминуемое ея слѣдствіе — *пропаганда.*»

Меттерних боялся революціи и пропаганды; но, въ настоящемъ случаѣ, этимъ страхомъ прикрывался еще другой страхъ, страхъ предъ новымъ могуществомъ Россіи, которое было бы слѣдствіемъ разрушенія Турецкой имперіи; планъ раздѣла, возможный при Іосифѣ II-мъ, теперь былъ болѣе невозможенъ; христіанское народонаселеніе Турціи не для того желало свергнуть иго султана, чтобъ перейти подъ католическо-нѣмецкое иго Ав-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

стріи; притомъ не было двухъ Константинополей, и раздѣлъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть равный; если Россія и удержится отъ властолюбивыхъ стремленій, если изъ развалинъ Европейской Турціи образуется рядъ независимыхъ владѣній, то они, по единовѣрію и единоплеменности, будутъ тянуть къ Россіи, находиться подъ ея вліяніемъ.

Рѣшимость императора Александра—отстраниться отъ всякаго участія въ дѣлѣ Ипсиланти не надолго успокоила австрійскаго канцлера. Возстаніе, потухнувшее въ Дунайскихъ Княжествахъ по недостатку матеріала и благопріятныхъ условій, по отсутствію русской помощи, возстаніе вспыхнуло въ Греціи, и турки позволили себѣ страшныя неистовства противъ христіанъ, не разбирая праваго и виноватаго, при чемъ правительство султана не только позволяло эти неистовства, но еще и подстрекало къ нимъ своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе этого, враждебное столкновеніе Турціи съ Россіею было неминуемо, тѣмъ болѣе, что турки, привыкшіе впродолженіе вѣковъ признавать необходимую и страшную для себя связь христіанскаго народонаселенія своихъ областей съ Россіею, привыкшіе слышать постоянныя внушенія отъ европейскихъ кабинетовъ на счетъ опасности этой связи, не могли не отнестись подозрительно и враждебно къ Россіи, заслышавъ о возстаніи въ Дунайскихъ Княжествахъ и Греціи; они понимали по-своему *Священный Союзъ*: они видѣли въ немъ явныя стремленія христіанскихъ государей къ уничтоженію магометанства, а главою Союза былъ русскій императоръ; турки имѣли тѣмъ болѣе права придавать такое значеніе Союзу, что и прежде союзы христіанскихъ государствъ противъ нихъ носили названіе *священныхъ*. Бухарестскій миръ, заключенный, по обстоятельствамъ, слишкомъ поспѣшно, давалъ поводъ къ спорамъ объ опредѣленіи границъ; споры тянулись до сихъ поръ, ничего не было рѣшено, а между тѣмъ русское правительство возбудило сильное раздраженіе въ Диванѣ тѣмъ, что не позволяло туркамъ производить чрезъ Россію торговлю рабами, которыхъ освобождали въ Ѳеодосіи. Туркамъ тѣмъ легче было вѣрить въ участіе Россіи въ греческомъ возстаніи, что въ христіанской Европѣ такъ легко этому вѣрили. Турки знали, какъ русское вліяніе распространено повсюду въ ихъ областяхъ, и знали связь Россіи съ греками, съ греческимъ духовенствомъ, знали также, что всѣ русскіе консулы изъ грековъ, что русская морская торговля на Черномъ морѣ и въ Левантѣ производится посредствомъ грековъ — гидріотовъ, спеціотовъ, ипсаріотовъ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, баронъ Строгановъ былъ извѣстенъ какъ другъ грековъ; при немъ находился Катакази, род-

ственникъ Ипсиланти, братъ бессарабскаго губернатора, у котораго въ Кишиневѣ Ипсиланти приготовилъ походъ свой въ Молдавію. Драгоманъ Порты, Мурузи былъ совершенно преданъ Строганову. Спустя нѣсколько дней послѣ назначенія валахскимъ господаремъ князя Каллимахи, на мѣсто умершаго Александра Суццо, въ Константинополѣ получено было первое извѣстіе о возстаніи въ Малой Валахіи. Рейсъ-эффенди сдѣлалъ русскому посланнику оффиціальное сообщеніе, въ которомъ говорилось, что хотя каймакамы новаго господаря, которые должны немедленно отправиться, получили приказаніе употребить всѣ средства для поддержанія порядка въ провинціи и для обезпеченія спокойствія жителей, съ помощью тамошняго гарнизона, чтобъ не было нужды вводить въ княжества мусульманскія войска,—однако Порта проситъ посланника написать съ своей стороны къ генеральному консулу русскому въ Бухарестѣ, чтобъ тотъ способствовалъ каймакамамъ въ этомъ дѣлѣ. Баронъ Строгановъ не поколебался ни минуты удовлетворить требованіямъ Порты. Вечеромъ 22-го февраля (6-го марта), онъ получилъ изъ Бухареста донесеніе генеральнаго консула Пини, что возстаніе усиливается. Строгановъ сейчасъ же сообщаетъ Портѣ полученныя имъ депеши и предлагаетъ публиковать въ Валахіи прокламацію, чтобы именемъ покровительствующей державы вывести умы жителей изъ заблужденія, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказать неодобреніе людямъ, заведшимъ смуту въ княжествахъ, одинаково виновнымъ и противъ Россіи и противъ Порты. Рейсъ-эффенди обѣщалъ отвѣчать на это,—и не отвѣчалъ. 24-го февраля, рейсъ-эффенди сообщилъ Строганову оффиціальную ноту, что Порта дала приказаніе комендантамъ дунайскихъ крѣпостей держать свои войска на-готовѣ къ походу при первомъ требованіи валахскихъ каймакамовъ. Посланникъ отвѣчалъ, что эта мѣра сама по себѣ не соотвѣтствуетъ въ принципѣ существующимъ договорамъ и, даже какъ исключеніе, можетъ быть допущена только по предварительному согласію русскаго консула, при чемъ призывъ турецкихъ войскъ долженъ быть сдѣланъ мѣстными властями. Между тѣмъ Пини прислалъ новыя вѣсти о движеніяхъ Ипсиланти: Строгановъ сообщаетъ Портѣ и консульскія донесенія, и письмо самого Ипсиланти, и письмо господаря молдавскаго, и 9-го марта публикуетъ декларацію купцамъ и подданнымъ русскимъ противъ внушеній инсургентовъ; но въ тотъ же день турки берутъ подъ арестъ архіепископа эфесскаго, потомъ многихъ знатныхъ грековъ. 12-го марта, посланникъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди, которому сообщилъ депеши изъ Лайбаха относительно валахскихъ смутъ. Депеши показывали

ясно охранительные принципы Россіи; турокъ очень доволенъ: «увѣренія, которыми онъ отвѣчалъ на эти сообщенія именемъ Порты, носили очень замѣтный характеръ теплаго чувства и искренности». Но 17-го марта посланникъ узналъ, что четверо знатныхъ грековъ казнены, и на другой день, 18-го, вышелъ султанскій манифестъ, имѣвшій цѣлью возбудить фанатизмъ турокъ. 20-го марта происходило обезоруженіе всѣхъ грековъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ султана, при содѣйствіи константинопольскаго патріарха; 25-го марта схвачены архіепископы терапійскій и никомидійскій; митрополиты адріанопольскій, салоникскій и тарновскій отданы подъ надзоръ. 29-го марта, янычары, которымъ назначенъ походъ въ Валахію, начинаютъ буйствовать противъ христіанъ. 1-го апрѣля Строгановъ имѣлъ свиданіе съ рейсъ-эффенди по поводу новыхъ депешъ изъ Лайбаха: здѣсь онъ увидалъ, что Порта рѣшилась свирѣпствовать противъ христіанъ. 4-го апрѣля посланникъ разослалъ циркуляръ русскимъ консуламъ въ Левантѣ, что императоръ не одобряетъ предпріятія Ипсиланти, и сообщилъ копію Портѣ, но въ тотъ же самый день пришло извѣстіе о возстаніи морейскихъ грековъ; за это немедленно поплатились греки константинопольскіе; драгоманъ Порты, князь Константинъ Мурузи былъ схваченъ въ своемъ бюро и обезглавленъ вмѣстѣ съ многими другими греками; а 5-го числа янычары разграбили греческія деревни по Босфору. Самую важную жертву турки приберегали къ 10-му апрѣля, къ свѣтлому празднику христіанъ: въ первый день пасхи, у патріаршей церкви, былъ повѣшенъ цареградскій патріархъ Григорій вмѣстѣ съ тремя митрополитами; жиды таскали за ноги тѣло патріарха по улицамъ съ страшными ругательствами и бросили въ море. Русскій посланникъ протестовалъ, но буйства черни продолжались безнаказанно; нанесено было оскорбленіе русскимъ судамъ, убиты русскіе матросы. На новые протесты Строганова Порта отвѣчала пустыми извиненіями: преступленіе янычаръ оправдывалось радостью и сильною ревностію солдатъ, идущихъ на войну противъ мятежниковъ. Тогда посланникъ объявилъ, что онъ испроситъ у императора вооруженное судно, которое будетъ стоять при входѣ изъ канала въ Черное море и защищать русскихъ. 19-го апрѣля новыя казни: обезглавлено семеро грековъ, между ними два брата русскаго драгомана князя Ханджери и племянникъ ихъ, кромѣ того греческій епископъ. 22-го числа толпа школьниковъ и черни опустошила патріаршую церковь и церковь синайскаго епископа вмѣстѣ съ пятью другими церквами. Строгановъ подалъ новую ноту, на которую рейсъ-эффенди объявилъ, что во-1) турецкія

войска войдутъ въ Молдавію и Валахію, не смотря на покорность тамошнихъ бояръ. 2) Греки, спасшіеся въ Россіи, должны быть выданы. 3) Паши будутъ управлять княжествами до назначенія господарей; а господари назначатся только тогда, когда бѣглые греки будутъ выданы Россіею, наказаны, и спокойствіе возстановится въ княжествахъ. Строгановъ, съ своей стороны, потребовалъ: 1) Немедленнаго отправленія господарей въ княжества вмѣстѣ съ войскомъ. 2) Приказа войскамъ дѣйствовать только противъ вооруженныхъ инсургентовъ, а не противъ безоружныхъ жителей. 1-го мая рейсъ-эффенди объявилъ, что всякій корабль съ хлѣбомъ, идущій изъ Чернаго моря, долженъ отдавать свой грузъ въ правительственные магазины. Строгановъ протестовалъ энергическою нотою, а между тѣмъ буйство черни продолжалось, потому-что само правительство подстрекало ее, объявивъ, чтобъ мусульмане удвоивали бдительность и дѣятельность. 17-го мая Порта отвергла приведенныя выше предложенія русскаго посланника относительно Дунайскихъ княжествъ и настаивала на своихъ мѣрахъ; Строгановъ не согласился. 21-го мая пришелъ первый русскій пакетботъ: рейсъ-эффенди далъ знать посланнику, чтобъ пакетботъ вышелъ немедленно изъ Босфора, иначе капитанъ-паша употребитъ силу; наконецъ, Порта запретила перевозить вещи посланника изъ Перы въ лѣтнее пребываніе, въ Буюкдере. Тогда Строгановъ объявилъ, что императорская миссія не можетъ продолжать сношенія съ Портою, а пакетботъ не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы депеши.

«Мой языкъ и особенно мои услуги, оказанныя въ началѣ возстанія, казалось, тронули турокъ, доносилъ Строгановъ. Нѣкоторое время турки думали, что я буду содѣйствовать ихъ кровавой и мстительной системѣ дѣйствія относительно грековъ. Но скоро потомъ Порта, убѣждаясь, что Россія *не смѣетъ* объявить ей войну, подумала, что мы тайкомъ поджигаемъ возмущеніе. Она въ этомъ смыслѣ истолковала помощь, которую я оказалъ несчастнымъ, и убѣжище, которое они нашли въ русскихъ владѣніяхъ. Она съ неудовольствіемъ видѣла мои усилія предотвратить опустошеніе княжествъ и убійства въ столицѣ; она съ трудомъ принимала мои представленія объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ христіанской религіи. Заявленія Россіи остановили, по возможности, общее возстаніе. Но это благодѣяніе было заплачено удвоенными жестокостями и преступленіями. Средства защиты у грековъ этимъ ослаблены, тогда-какъ реакція стала кровожаднѣе прежняго. Кровь христіанская льется повсюду и невинный лишается жизни въ видахъ отомщенія нѣкоторымъ виновнымъ.

Покровительственное вмѣшательство въ дѣла княжествъ, признанное за Россіею трактатами, допущено правда по формѣ, но совершенно отстранено на дѣлѣ. Я здѣсь игрушка коварной медленности Порты, меня занимаютъ пустыми переговорами, тогда какъ войска оттоманскія дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаютъ предложенія справедливыя и гораздо болѣе полезныя утѣснителямъ, чѣмъ утѣсненнымъ, ибо если бы они были приняты, то не доставили бы достаточнаго ручательства для великодушныхъ видовъ императора. Услуги, оказанныя императорскимъ посольствомъ, забыты. Каждое событіе ведетъ къ новому оскорбленію, и мои старанія удалить все то, что̀ можетъ оскорбить интересы турокъ, не производятъ на нихъ никакого дѣйствія. Права русскихъ подданныхъ, интересы торговли явно нарушены. Нашъ флагъ подвергся оскорбленію, матросы убиты или ранены, и это оправдывается радостью и жаромъ войскъ мусульманскихъ! Мѣры произвольныя, нарушающія наши привилегіи, приняты, не удостоивъ насъ совѣщаніемъ объ нихъ. Проходъ чрезъ Дарданеллы запрещенъ нашимъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ. Велѣно осматривать корабли вопреки смыслу договоровъ.»

Изъ донесеній Строганова видно, что онъ считалъ войну необходимою, и думалъ, что медленность со стороны Россіи ведетъ только къ большему кровопролитію. Въ отвѣтъ на свои донесенія онъ получилъ слѣдующую депешу: «Мы не можемъ скрыть отъ себя, что ходъ событій и особенно ошибки, которыя Порта дѣлаетъ одну за другою, съ самою пагубною поспѣшностью, предвѣщаютъ Турціи близкую и неизбѣжную катастрофу. Вмѣсто того, чтобъ затушить революціонный духъ, Порта его распространяетъ; вмѣсто того, чтобъ погубить окончательно дѣло революціи, она старается его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, чтобъ доказать греческому народу, что заводчики смуты его обольщаютъ и вводятъ въ заблужденіе, она всѣми мѣрами доказываетъ ему, что ему больше ничего не остается кромѣ отчаянія или смерти. Она вооружается не для собственной защиты и безопасности: она нападаетъ на христіанство. Она сама подаетъ знакъ къ безпорядку, призывая на помощь ярость слѣпого фанатизма; сама уничтожаетъ для себя возможность существовать вмѣстѣ съ христіанскими правительствами, какъ будто греческіе революціонеры засѣдаютъ въ ея совѣтахъ и ведутъ ее къ погибели. Если крайности, которымъ предаются турки, продолжатся, если въ ихъ владѣніяхъ наша святая религія будетъ каждый день предметомъ новыхъ оскорбленій, если они будутъ стремиться къ истребленію греческаго народа, то, понятно, что Рос-

сія, равно какъ и всякая другая европейская держава, не останется спокойною зрительницею такого нечестія и такихъ жестокостей. Мы не смѣшиваемъ заводчиковъ смуты и ихъ приверженцевъ съ людьми, которыхъ турецкое правительство, въ своей безпокойной свирѣпости, преслѣдуетъ съ такимъ варварскимъ ожесточеніемъ; мы не будемъ оспаривать у Порты права поставить первыхъ въ невозможность исполнить ихъ планы; но Порта должна признать справедливымъ и необходимымъ успокоить вторыхъ. Здѣсь вся трудность. Но Россія, сильная сознаніемъ добра, которое она сдѣлала грекамъ, и желаніемъ доставить имъ спокойное пользованіе уступками, необходимыми для ихъ гражданскаго существованія и для ихъ счастія, Россія будетъ искренно трудиться для полученія этого полезнаго результата, если только турецкое министерство дастъ ей къ тому средства. Если же турецкое правительство будетъ продолжать свою систему разрушенія и нечестія, то вы должны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми, принадлежащими къ посольству.»

Понятно, что эти событія и вѣроятнѣйшій исходъ ихъ сильно безпокоили австрійское правительство, которое должно было стараться всѣми силами не допускать до войны между Россіею и Турціею: война съ Россіею отвлечетъ турецкія силы, поддержитъ возстаніе, необходимо поведетъ къ связи между Россіею и греками, тогда-какъ сохраненіе дружественныхъ отношеній между Россіею и Турціею отниметъ у возставшихъ всякую надежду, заставитъ ихъ положить оружіе, и надолго уничтожитъ русское вліяніе на востокѣ, ибо Россія оставитъ безъ помощи своихъ единовѣрцевъ. Узнавши о константинопольскихъ кровавыхъ сценахъ, о казни патріарха, Меттернихъ написалъ для австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, графа Лютцова, инструкцію, въ которой говорилось: «Вся Европа исповѣдуетъ христіанство, имперія русская принадлежитъ къ греческой церкви; движеніе не замедлитъ сообщиться христіанамъ, и правительства, самыя пріязненныя къ султану, легко могутъ быть вовлечены въ такія дѣйствія, которыя, по своимъ результатамъ, будутъ гораздо опаснѣе для Порты, чѣмъ для государствъ христіанскихъ, взятыхъ вмѣстѣ.» Въ тоже время Меттернихъ написалъ графу Нессельроде: «Императоръ приказалъ мнѣ составить инструкцію для своего интернунція, которую я спѣшу сообщить вамъ. Вы убѣдитесь, что правота чувствъ моего августѣйшаго государя нисколько не потерпитъ отъ разности исповѣданій въ религіи истины и мира; казнь верховнаго пастыря греческой церкви возбудила въ императорѣ такое же чувство негодованія, какъ

еслибы это преступленіе было совершено надъ верховнымъ пастыремъ церкви римской». По поводу этого письма, графу Головкину, русскому посланнику въ Вѣнѣ, поручено было представить австрійскому министерству, что турецкое правительство объявило войну религіи, которую исповѣдуетъ Россія, и предаетъ истребленію цѣлый народъ, въ которомъ императоръ принимаетъ постоянное и искреннее участіе по единству вѣроисповѣданія и по договорамъ. Императоръ требуетъ одного, чтобъ Порта отказалась отъ системы, разрушающей ея собственное владычество, и приняла другую систему, которая позволила бы ей существовать вмѣстѣ съ другими европейскими государствами. Императоръ приглашаетъ всѣхъ своихъ союзниковъ соединить всѣ свои усилія, и дать почувствовать турецкому министерству необходимость такой перемѣны. Но каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ турецкой стороны, императоръ никогда не отступитъ отъ пути, имъ себѣ начертаннаго; его всегдашнее желаніе поддерживать во всей неприкосновенности союзъ, столь счастливо установленный и наблюдаемый европейскими державами, слѣдовательно не иначе, какъ *по соглашенію* со всѣми союзниками. Императоръ желаетъ видѣть возстановленіе порядка на Востокѣ, чтобъ обезпечить для Европы и съ этой стороны консервативную систему. Императоръ не думаетъ, чтобъ христіанская Европа могла согласиться на истребленіе цѣлаго христіанскаго народа, да и оставя въ сторонѣ религію, одно человѣколюбіе не можетъ допустить до такого печальнаго снисхожденія. Чѣмъ болѣе императоръ, по согласію со всѣми союзниками, не одобряетъ предпріятія зачинщиковъ греческой революціи; чѣмъ прискорбнѣе для него мысль, что это событіе, быть можетъ, связывается съ ненавистными происками заводчиковъ смуты въ другомъ государствѣ: тѣмъ важнѣе, по его мнѣнію, не дать людямъ преступнымъ опаснаго торжества, или предоставивъ въ ихъ пользу послѣдствія революціи, если она получитъ успѣхъ, или позволивъ туркамъ истребить цѣлый народъ. Къ этимъ общимъ разсужденіямъ присоединяются частныя относительно Россіи, ея положенія, вѣры ею исповѣдуемой, и договоровъ, заключенныхъ ею съ Оттоманскою имперіею; но Россія никогда не будетъ дѣйствовать въ своихъ исключительныхъ видахъ и безъ соглашенія съ другими государствами. Россія требуетъ отъ этихъ державъ, чтобъ онѣ прямо сообщили ей свои намѣренія, свои желанія, средства, по ихъ мнѣнію, наилучшія, для счастія Востока, если турецкое правительство, не принявъ болѣе благоразумныхъ и умѣренныхъ мѣръ, вызоветъ событія, предупрежденіе которыхъ для ней самой всего выгоднѣе: русское войско, готовое отразить

всякое нападеніе съ ея стороны, будетъ готово тогда осуществить планъ, который союзные дворы начертятъ по общему соглашенію для отвращенія несчастій, которыми турецкія смуты могутъ грозить другимъ государствамъ европейскимъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, русское войско пойдетъ не для распространенія границъ имперіи, не для доставленія ей перевѣса, котораго она не желаетъ, но для возстановленія мира, для утвержденія европейскаго равновѣсія, для доставленія странамъ, изъ которыхъ слагается европейская Турція, благодѣяній политическаго существованія счастливаго и для другихъ неопаснаго.

Смыслъ этихъ внушеній былъ очень ясенъ. Турецкое правительство, по своему характеру, не можетъ уладиться съ своими христіанскими подданными такимъ способомъ, какой можетъ быть терпимъ христіанскою Европою вообще и Россіею въ особенности; слѣдовательно, необходимо уладить вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, по общему ихъ соглашенію; Порта не согласится допустить это вмѣшательство, надобно принудить ее къ тому силою — и русское войско будетъ готово привести въ исполненіе приговоръ новаго конгресса, при чемъ русскій императоръ обязывается не думать о своихъ частныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, Союзъ будетъ поддержанъ, и система, принятая Союзомъ, не будетъ нарушена: походъ въ Турцію будетъ предпринятъ также противъ революціонеровъ, ибо если возставшіе греки восторжествуютъ, то это будетъ торжество революціи; если же восторжествуютъ турки, то извѣстно, какъ они воспользуются своимъ торжествомъ, и это опозоритъ Союзъ, опозоритъ правительства передъ народами. Императоръ Александръ писалъ къ императору Францу: «Я не буду разбирать причинъ греческаго возстанія, но имѣю основаніе думать, что революціонеры произвели революцію на Востокѣ съ цѣлію разобщить союзныя державы. Я думаю также, что Союзъ, который побѣдилъ ихъ въ Неаполѣ и Туринѣ, предохраняя отъ заразы остальную Италію, побѣдитъ ихъ въ Левантѣ, сопротивленіемъ этому новому испытанію и свидѣтельствуя предъ цѣлымъ свѣтомъ несокрушимость связей мира и дружбы, существующихъ между европейскими державами».

Европейскія державы сочли опаснымъ для себя принять русскія предложенія, къ счастію для грековъ, разумѣется, потому что въ 1821 году конгрессъ, собравшійся по восточнымъ дѣламъ, не могъ бы постановить для грековъ такихъ выгодныхъ условій, какія были постановлены въ тридцатыхъ годахъ. Не могли освободиться отъ страха предъ могуществомъ Россіи, предложенія которой поэтому казались дарами Данаевъ, и потеряли

самое удобное время для рѣшенія восточнаго вопроса наиболѣе сообразно съ своими желаніями. Для Англіи и Австріи была противна мысль о вмѣшательствѣ, и о вмѣшательствѣ подъ русскимъ знаменемъ. Впустить русское войско въ турецкія владѣнія! Русскій императоръ, правда, обязывается, что его войско будетъ только приводить въ исполненіе общія рѣшенія державъ; но успѣхи этого войска (и какъ далеко будутъ простираться эти успѣхи?) развѣ останутся безъ вліянія на будущія общія распоряженія? Турки будутъ противиться и, благодаря этому сопротивленію, русское войско займетъ Константинополь; что тогда постановитъ конгрессъ для счастія жителей Балканскаго полуострова, конгрессъ, на которомъ будетъ предсѣдательствовать владыка Византіи? Во всякомъ случаѣ, какъ бы въ Петербургѣ ни золотили пилюлю, какъ бы ни представляли, что походъ будетъ направленъ противъ революціи, допустить этотъ походъ—значитъ допустить противорѣчіе принятой системѣ: въ Италію войско ходило противъ возмутившихся подданныхъ для возстановленія законнаго правительства, а въ Турцію войско пойдетъ противъ правительства, чтобъ заставить его не очень строго поступать съ возмутившимися подданными. Быть можетъ, это все равно для людей, желающихъ установленія общаго европейскаго правительства, обязаннаго умѣрять движенія и сверху и снизу, водворяя всюду правила человѣколюбія, религіи и нравственности, исполняя законныя требованія всѣхъ; но австрійскій канцлеръ и англійскіе министры вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ людей, для нихъ это не все равно.

Какъ же быть? Надобно стараться протянуть время и не допустить до войны между Россіею и Турціею. Средство къ тому можно найти въ самой сложности вопроса, въ темнотѣ, отсюда проистекающей. Вопросъ представляетъ двѣ стороны: обще-европейскую, и частную русскую; надобно сначала, для уясненія вопроса, раздѣлить эти двѣ стороны, заняться прежде требованіями Россіи, которая считаетъ себя оскорбленною, ищетъ удовлетворенія, надобно уяснить, опредѣлить точнѣе эти требованія. Они основываются на трактатахъ: надобно опредѣлить съ точностью смыслъ трактатовъ, такъ ли толкуются извѣстныя статьи; можно начать длинные переговоры по этому случаю, а между тѣмъ султанъ покончитъ съ греками, тогда можно будетъ уговорить его быть посговорчивѣе, а Россію оставить въ сторонѣ, занять ее чѣмъ-нибудь на Западѣ.

Въ Вѣнѣ было положено дѣйствовать осторожно, не раздражать русскаго императора, сдерживать султана. Лютцовъ, получивши инструкціи въ этомъ смыслѣ, началъ дѣйствовать ревно-

стно, ревностнѣе, чѣмъ даже сколько желало его правительство, потому-что былъ грекофилъ и вполнѣ сочувствовалъ русскому посланнику. Иначе поступалъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Странгфордъ, который съ островитянскою безцеремонностью выражалъ свое сочувствіе къ Турціи и несочувствіе къ Россіи. Графъ Головкинъ долженъ былъ заявить австрійскому министерству, что въ печальномъ положеніи барона Строганова въ Константинополѣ единственнымъ утѣшеніемъ были ему почти ежедневные знаки участія, оказываемаго ему австрійскимъ интернунціемъ; министры шведскій и датскій слѣдуютъ благородному примѣру графа Лютцова; но англійскій посланникъ не раздѣляетъ великодушныхъ чувствъ своихъ товарищей. Вмѣсто того, чтобъ поддерживать барона Строганова въ печальной обязанности уяснять турецкому правительству его собственные интересы, лордъ Странгфордъ, наоборотъ, одобряетъ Порту въ ея странныхъ расположеніяхъ. Его постоянно холодное и не очень приличное обхожденіе съ барономъ Строгановымъ, возрастающая день ото дня пріязнь къ Дивану могли только усилить въ турецкомъ правительствѣ опасныя надежды, что его ложныя и жестокія мѣры найдутъ одобреніе и поддержку въ британскомъ кабинетѣ.

Дѣйствительно, между Диваномъ и представителемъ Англіи была большая дружба. Порта съ надеждою и сочувствіемъ обращалась къ Англіи, какъ къ державѣ, не участвующей въ Священномъ Союзѣ, котораго турки такъ боялись. Всевозможныя, даже неслыханныя почести были расточаемы лорду Странгфорду и его женѣ; предложенъ былъ и подарокъ — собраніе медалей, конфискованныхъ у казненнаго Ханджери, и благородный лордъ принялъ его. За-то Странгфордъ призналъ за турецкимъ правительствомъ право забирать хлѣбъ съ иностранныхъ судовъ въ свои магазины, противъ чего протестовалъ Строгановъ; разумѣется, при этомъ англійскій посланникъ опредѣлилъ цѣну, безобидную для своихъ купцовъ. Турецкіе министры съ восторгомъ выставляли разницу въ поведеніи Россіи и Англіи: русскій консулъ въ Патрасѣ явился главнымъ виновникомъ возстанія, англійскій консулъ тамъ же первый предостерегъ Порту; Россія принимаетъ къ себѣ измѣнниковъ, іоническая республика отсылаетъ ихъ назадъ; англійскій флагъ въ Архипелагѣ будетъ защищать турецкіе корабли противъ греческихъ разбойничьихъ судовъ, русскій флагъ развѣвается на этихъ судахъ; они плаваютъ съ русскими паспортами, и русскій консулъ въ Хіосѣ, убѣжавши въ Ипсару, вооружилъ тамъ корабли, которые потомъ соединились съ кораблями Гидры и Спеціи; лордъ Странгфордъ, въ

своей рѣчи, увѣрялъ султана, что Англія никогда не допуститъ, чтобъ кто-нибудь напалъ на турецкія владѣнія; Строгановъ, вопреки договорамъ, отказывается возвратить азіятскія крѣпости и хочетъ отнять у Порты право управлять провинціями, ей принадлежащими, и наказывать возмутившихся подданныхъ.

Позволяя или предписывая своему посланнику такое поведеніе въ Константинополѣ, англійскій кабинетъ старался убѣдить русское правительство, что оно должно терпѣть все, что бы ни происходило въ Турціи. 16-го іюля, онъ сообщилъ въ Петербургъ, что Англія оплакиваетъ крайности, какія позволили себѣ турки, свирѣпствуя противъ грековъ; порицаетъ поведеніе Порты относительно барона Строганова и даетъ своему посланнику приказаніе употребить всѣ средства для обращенія турецкаго правительства къ болѣе умѣреннымъ принципамъ и къ мѣрамъ, въ которыхъ русскій императоръ могъ бы найти доказательство уваженія къ особѣ его представителя. Въ случаѣ, если Порта позволитъ себѣ какое-нибудь насиліе противъ барона Строганова или кого-либо изъ его товарищей, лордъ Странгфордъ немедленно оставитъ Константинополь и объявитъ турецкому правительству, что англійскій король не можетъ держать своего посольства въ странѣ, гдѣ международное право и характеръ представителей иностранныхъ государствъ болѣе не уважаются. Если фанатизмъ и упорство турокъ сдѣлаютъ безполезными всѣ усилія лорда Странгфорда, Англія желаетъ, чтобъ Россія продолжала свою систему долготерпѣнія, дабы дать туркамъ время успокоиться, покинуть свои заблужденія, перестать питать недовѣрчивость. Англія ласкаетъ себя надеждою, что Россія продолжитъ свою систему долготерпѣнія: во-1) потому-что смуты турецкія нисколько не нарушаютъ внутренняго спокойствія Россіи; во-2) потому-что вооруженное вмѣшательство нарушитъ миръ между Россіею и Портою не только для настоящаго времени, но и на будущее, и, быть можетъ, будетъ имѣть печальныя послѣдствія для Европы; въ-3) потому-что разрывъ Россіи съ Портою будетъ торжествомъ для враговъ порядка, ибо эти преступные люди были виновниками греческой революціи и возбудили ее для того, чтобъ занять Россію и воспрепятствовать ей слѣдить за ихъ пагубными заговорами и уничтожить ихъ въ другихъ государствахъ европейскихъ.—Графу Каподистріа поручено было написать замѣчанія на эти странныя сообщенія. Относительно первой причины, почему Россія должна была спокойно смотрѣть на турецкія событія, онъ замѣтилъ: турецкія смуты сильно вредятъ самымъ существеннымъ интересамъ южныхъ областей Россіи. Торговля черноморская остановилась.

Княжества Валахія и Молдавія пользуются особеннымъ покровительствомъ Россіи, и, не смотря на то, турки опустошаютъ ихъ, истребляютъ жителей. Относительно второй причины: если вооруженное вмѣшательство должно раздражать турокъ и увѣковѣчить вражду между двумя имперіями, то какія средства предложатся для того, чтобы успокоить Порту и возстановить между нею и Россіею дружественныя отношенія? Умѣренность одной стороны — это безнаказанность другой. Съ марта мѣсяца какое вышло слѣдствіе нашей умѣренности? Турки не откажутся отъ системы, которую преслѣдуютъ, добровольно, и нельзя ихъ принудить къ тому однѣми угрозами. Англія болѣе всякаго другого государства должна быть убѣждена въ этой истинѣ. Въ 1807 году, адмиралъ Дукуартъ грозилъ бомбардировать сераль и Константинополь, если Порта не порветъ союза своего съ Бонапартомъ. Порта осталась непоколебима. Халибъ-эффенди, уполномоченный оттоманскій, объяснилъ это явленіе одному изъ русскихъ уполномоченныхъ во время бухарестскихъ переговоровъ: «Порта знала хорошо, что Англія не хотѣла ни овладѣть сама Константинополемъ, ни отдать его Россіи, и потому она знала, что ни сераль, ни столица не подвергаются никакой опасности». Турки такимъ же образомъ будутъ смотрѣть и теперь на угрозы разрыва. Относительно третьей причины: бездѣйствіемъ всего лучше помогать революціонерамъ. Пока въ Турціи будетъ происходить рѣзня, вниманіе Россіи будетъ приковано здѣсь. Самое лучшее средство разрушить замыслы революціонеровъ — это, какъ можно скорѣе, покончить греческую революцію.

И въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ сильно желали покончить какъ можно скорѣе греческую революцію, но желали, чтобы она была покончена турками безо всякаго вмѣшательства, тогда-какъ въ Россіи считали турокъ неспособными покончить революцію и требовали вмѣшательства. Въ отвѣтъ на требованіе русскаго правительства — перемѣнить систему дѣйствія, Порта отвѣчала, что эта система естественна и необходима; по объясненіямъ турецкаго правительства, «греческій народъ былъ осыпанъ благодѣяніями Порты, и за эти благодѣянія отплатилъ гнусною неблагодарностью, внявъ дьявольскимъ внушеніямъ. Порта, дѣйствуя по началамъ справедливости, ее характеризующимъ, и высокаго милосердія, которое постоянно испытываютъ ея подданные, вначалѣ употребила только средства кротости и убѣжденія относительно измѣнниковъ; она заставила патріарха проклясть заблудшихъ членовъ греческой націи. Однако открылось, что этотъ самый патріархъ, глава націи, былъ главою возмущенія, ибо жители всѣхъ мѣстъ, куда были посланы граматы съ проклятіями, вмѣсто

того, чтобы покориться—первые возстали. Жители области Калавраты въ Морећ, родины патріарха, возставъ первые, осмѣлились перебить попавшихся въ ихъ руки мусульманъ и надѣлали множество жестокостей всякаго рода: *отсюда ясно*, что патріархъ былъ главнымъ виновникомъ возмущенія, и было доказано перехваченными письмами и документами нѣкоторыхъ вѣрныхъ подданныхъ, что жители Мореи, и особенно Калавраты, не могли бы начать возмущенія, еслибъ не были въ согласіи и не были поддержаны патріархомъ. Каждое правительство имѣетъ право брать и наказывать безъ милосердія подобныхъ злодѣевъ для поддержанія добраго порядка и блага націи, и такъ какъ, въ подобныхъ случаяхъ, не можетъ быть вопроса о различіи религіи, исповѣданія, званія или характера, то высокая Порта, убѣдившись въ виновности патріарха и его приближенныхъ, свергла его съ патріаршества, назначила другого на его мѣсто, и старый патріархъ, ставшій простымъ священникомъ, понесъ заслуженное наказаніе. Исторія оттоманской имперіи представляетъ много примѣровъ наказанія патріарховъ по статутамъ имперіи, и хотя Порта не имѣетъ нужды прибѣгать къ статутамъ государствъ иностранныхъ, однако при случаѣ можно привести, что во время царя Петра I русскій патріархъ былъ наказанъ смертію за совершонное преступленіе, и потомъ патріархатъ былъ совершенно уничтоженъ. Удивительно, что такой образованный и ученый министръ, какъ баронъ Строгановъ, могъ не знать этого факта! По соглашенію съ русскимъ дворомъ, Порта отправила войско въ Дунайскія княжества, и успѣла истребить большое количество бунтовщиковъ; но всѣмъ извѣстно, что княжества еще не совершенно очищены отъ нихъ, слѣдовательно войска должны оставаться. Порта, согласно съ договоромъ, требовала выдачи бывшаго господаря Михаила Сутцо и многихъ другихъ бѣглецовъ, нашедшихъ убѣжище въ Россіи. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ русскій посланникъ упомянулъ, что его дворъ принялъ бѣглецовъ подъ свое покровительство изъ великодушія. Высокая Порта не можетъ не замѣтить, что договоры, установляющіе взаимныя отношенія правительствъ — одно, а личное великодушіе — другое. Между правительствами, связанными посредствомъ договоровъ, нѣтъ бо́льшаго великодушія, какъ исполненіе этихъ самыхъ договоровъ. Выдача этихъ бѣглецовъ особенно важна для Порты въ настоящую минуту; въ ней заключается самое вѣрное средство къ возстановленію порядка и спокойствія въ княжествахъ, ибо страхъ, что бѣглецы могли найти убѣжище въ Россіи, особенно питалъ подозрѣніе между побѣдоноснымъ народомъ магометанскимъ. Высокая Порта сама

не можетъ избавиться отъ справедливаго недовѣрія, пока эти бѣглецы находятъ покровительство. Но когда бѣглецы будутъ выданы на основаніи договоровъ, тогда будущіе господари будутъ имѣть поразительный примѣръ передъ глазами, Порта получитъ довѣріе и поспѣшитъ назначить и отправить господаря.»

Въ концѣ іюля, баронъ Строгановъ уѣхалъ изъ Константинополя. Въ Вѣнѣ сочли нужнымъ, чтобъ самъ императоръ Францъ въ письмѣ къ императору Александру выразилъ порицаніе барону Строганову за его поспѣшный отъѣздъ и торжественнымъ, таинственнымъ тономъ представилъ печальное состояніе Европы, подкапываемой революціею, которая ожидаетъ новой помощи — отъ войны Россіи съ Турціею: «Если общество обязано, быть можетъ, своимъ сохраненіемъ нашему Союзу, то надежда, что оно можетъ выдержать самый сильный кризисъ, можетъ основываться только на этомъ же Союзѣ. Настоящій кризисъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе, потому-что міръ въ послѣдніе годы сдѣлалъ огромные шаги къ своей гибели, и потому-что настоящій кризисъ грозитъ подкопать самыя могущественныя основы и единственное средство спасенія для Европы отъ нашествія самой неистовой демагогіи. Все теперь поставлено на линію громаднѣйшихъ рисковъ. Ваше Величество и я, мы, съ перваго раза, угадали планъ дезорганизующей партіи, мы до сихъ поръ счастливо съ нею боролись; наша обязанность—не заблудиться на дорогѣ, которую мы проходимъ вмѣстѣ, и доказать этой партіи, что ея разсчеты никогда не сдѣлаются нашими и что сознаніе нашихъ обязанностей съумѣетъ всегда преодолѣть ея хитрости и ея смѣлость. Я не могу выразить ту скорбь, которая объяла меня при извѣстіи объ отъѣздѣ посланника Вашего Величества изъ Константинополя». Высказывая порицанія русскому посланнику за его неразсчетливость, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, императоръ Францъ продолжаетъ: «Знаю, что отъѣздъ русскаго министра не есть еще война между Вашимъ Величествомъ и Портою; но Европа этого не знаетъ, и зло, съ которымъ мы должны бороться, болѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Турціи. Выводъ, который сдѣлаетъ публика изъ событій, который революціонеры внушатъ жертвамъ своего обмана — этотъ выводъ будетъ состоять въ томъ, что между союзными дворами нѣтъ уже болѣе солидарности. Я знаю личное положеніе Вашего Величества при нынѣшнихъ жестокихъ обстоятельствахъ; потребна вся сила Вашей души, чтобы эти обстоятельства не повели къ великимъ несчастіямъ. Каждый день доставляетъ мнѣ доказательства обширности и силы зла, произведшаго катастрофу, ко-

торая насъ теперь занимаетъ, каждый день обнаруживаетъ пружины, приводимыя въ движеніе для поддержанія пожара, и силу, направляющую всецѣло машину. Вѣрьте, Государь, моимъ словамъ; я поставленъ такъ, что часто могу предчувствовать истины, прикрытыя обманчивою наружностью. Достаточно наблюдать за людьми, которые теперь съ необыкновеннымъ жаромъ защищаютъ самозванные христіанскіе интересы. Въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, это тѣ самые люди, которые не вѣрятъ въ Бога, не уважаютъ ни Его заповѣдей, ни законовъ человѣческихъ. Не думайте, Государь, что я не раздѣляю Вашихъ желаній и Вашихъ заботъ о благѣ христіанскаго угнетеннаго народа; но мы сдѣлаемъ зло, если противопоставимъ одну религію другой, и если, удалясь съ политической почвы, мы поставимъ себя на почву борьбы, которая имѣетъ мало границъ и которой результаты трудно предвидѣть.»

Итакъ, не должно сходить съ политической почвы. Но это чрезвычайно трудно въ восточномъ вопросѣ; трудно даже для князя Меттерниха, который, въ своихъ инструкціяхъ графу Лютцову, принужденъ былъ сойти съ политической почвы и смотрѣть русскимъ взглядомъ: «Порта, писалъ австрійскій канцлеръ, имѣетъ несомнѣнное право требовать выдачи грековъ, бѣжавшихъ въ Россію; но, въ то же время, мы видимъ невозможность исполнить эту статью договора, невозможность, заключающуюся въ общемъ положеніи дѣлъ европейскихъ и въ особенномъ положеніи русскаго императора. Султанъ не можетъ отказаться отъ корана и русскій императоръ не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ мечу оттоманскому. Все сдѣлано, чтобъ бунтъ превратить въ религіозную войну, и цѣль, къ несчастію, достигнута; такимъ образомъ, дѣло нейдетъ болѣе о бунтовщикахъ, но объ единовѣрцахъ, и не русскій императоръ установилъ это различіе! Пусть султанъ пойметъ, что теперь государствамъ легче ввести въ Турцію милліонъ солдатъ, чѣмъ удержаться на линіи, соотвѣтствующей ихъ договорамъ и, признаемся откровенно, соотвѣтствующей интересу всѣхъ сторонъ. Если Дивану извѣстно настоящее расположеніе умовъ въ Европѣ, то онъ не усомнится, что страсть къ приключеніямъ двинетъ на азіятскія поля цѣлые народы, снабженные всѣми средствами къ войнѣ, привыкшіе къ дисциплинѣ, неизвѣстной въ средніе вѣка, и которымъ тѣсно въ предѣлахъ государствъ европейскихъ. Итакъ, оттоманское правительство имѣетъ неоспоримое право настаивать на выдачѣ своихъ бунтовщиковъ, убѣжавшихъ въ Россію; но этому праву мы противополагаемъ наше чувство невозможности, въ какой находится императоръ Александръ выполнить свой договоръ».

Князь Меттернихъ требовалъ отъ султана и Дивана, чтобъ они вникнули въ состояніе умовъ въ Европѣ и сошли съ политической почвы въ интересѣ Россіи и Европы, тогда-какъ султанъ, естественно и необходимо, давно уже сошелъ съ политической почвы, только въ собственномъ интересѣ, въ интересѣ и духѣ своей религіи. «Султанъ не можетъ отказаться отъ корана, и русскій императоръ не можетъ выдать своихъ единовѣрцевъ» — этими словами высказывалась вся сущность восточнаго вопроса, вся невозможность рѣшить его тѣми средствами, которыя хотѣлъ употребить австрійскій канцлеръ, а именно, напугать Диванъ, заставить его отказаться отъ требованія выдачи бѣжавшихъ грековъ, быть податливѣе къ требованіямъ Россіи относительно частныхъ русскихъ интересовъ, и обходить главный вопросъ.

Россія продолжала предлагать другія средства; она говорила Австріи и Англіи: «Вы сами убѣждены, что теперь турецкое правительство, *«въ безвыходномъ хаосѣ своихъ непослѣдовательностей»*, не имѣетъ никакихъ средствъ быстраго и вѣрнаго спасенія, и еще менѣе она можетъ найти эти средства, *«когда будетъ истощена собственными конвульсіями»* [1]). Въ Молдавіи и Валахіи почти всѣ начальственныя лица и огромное большинство жителей остались вѣрны султану, и однако мусульманскія войска опустошили страну. Въ виду южныхъ областей Россіи турки совершаютъ свои неистовства, подробности которыхъ возмущаютъ человѣческое чувство. Развѣ такое поведеніе можетъ внушать надежду, что турецкое правительство возвратится къ принципамъ умѣренности? Оно произведетъ то, что греки не повѣрятъ никакимъ обѣщаніямъ султана и откажутся навсегда подчиниться его власти. Опытъ показываетъ, что и въ странахъ цивилизованныхъ революція есть продолжительное бѣдствіе, отъ котораго могутъ излечить только медленное дѣйствіе времени и мудрость просвѣщеннаго правительства. Чего же надобно ожидать отъ восточной революціи и отъ турецкаго правительства, которому будетъ предоставлено лѣчить отъ нея? Наконецъ, если борьба продолжится, здравая политика можетъ ли позволить видѣть равнодушно — здѣсь разрушеніе и мщеніе, тамъ постоянную анархію? Русскій императоръ будетъ простирать свое долготерпѣніе до крайней возможности; но всему есть предѣлы: обязанности религіозныя и политическія, заботы о благосостояніи самыхъ прекрасныхъ областей Россіи, интересы торговли,

---

[1]) Подчеркнутыя строки заимствованы изъ письма Кесльри къ императору Александру.

торая насъ теперь занимаетъ, каждый день обнару[illegible]ъ сомнѣнія, жины, приводимыя въ движеніе для поддержанія [illegible] съ принципами направляющую всецѣло машину. Вѣрьте, Го[illegible]віе и счастіе. Нѣтъ вамъ; я поставленъ такъ, что часто могу пр[illegible]дѣйствія укрѣпить еще прикрытыя обманчивою наружностью. [illegible]лѣе русскаго императора людьми, которые теперь съ необыкн[illegible] такого мира, какого долженъ ютъ самозванные христіанскіе ин[illegible] бы ему исполнить всѣ его обя- Франціи и Англіи, это тѣ са[illegible] единовѣрцевъ, мира, какой былъ Бога, не уважаютъ ни Его [illegible] скихъ. Не думайте, Гос[illegible] понять, что для Россіи главное ланій и Вашихъ забот[illegible] Меттернихъ и Кесльри свидѣлись осенью рода; но мы сдѣлае[illegible] что греческое возстаніе гораздо богію другой, и ес[illegible] турецкое дѣло, гораздо болѣе дѣло ревимъ себя на [illegible] образованныхъ странахъ Европы, чѣмъ которой рез[illegible] грековъ свергнуть турецкое иго. Порѣшили,

Итакъ [illegible] революціонная партія желаетъ изгнанія турокъ изъ чрезвыч[illegible] желать противоположнаго, т. е. сохраненія князя [illegible] то надобно [illegible] Европѣ. Ибо что̀ поставить на мѣсто Турцову [illegible] турецкой имперіи въ Европѣ. Ибо что̀ поставить на мѣсто Турцову [illegible] средствами дѣйствовать тутъ? Всякое крупное трѣ[illegible] и какими [illegible] на политическомъ полѣ они признали вреднымъ; рѣ- и[illegible] что прежде всего надобно возстановить дипломатическія [illegible] между Россіею и Портою. «Можно ли думать о мирѣ— отвѣчало имъ русское министерство — когда въ Молдавіи и Валахіи турецкія войска увеличиваются, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, укрѣпляются, вмѣсто того, чтобъ очищать княжества? Военная и мусульманская администрація продолжаетъ увеличивать здѣсь число бѣдствій. Турецкіе солдаты безпрестанно производятъ новые безпорядки. Священники еще разъ были истреблены и монастыри превращены въ пепелъ. Даже сцена неистовствъ и рѣзни расширяется. Островъ Кипръ, который никогда не принималъ участія въ возстаніи, залитъ христіанскою кровью; жители доведены до такого отчаянія, что многіе изъ нихъ отказались отъ христіанства. Какую возможность имѣетъ турецкое правительство удовлетворить нашимъ требованіямъ, видно изъ собственныхъ вашихъ утвержденій, что турецкое правительство слабо, что янычары наводятъ на него ужасъ, что Порта очень часто не бываетъ въ состояніи прекратить безпорядки и заставить себя слушаться. Старайтесь всѣми силами, чтобы турецкое правительство исполнило немедленно наши предварительныя требованія; но мы желаемъ не однодневнаго мира, а мира прочнаго. Повторяемъ, что когда ничто не будетъ въ состояніи открыть глаза Дивану, насчетъ собственныхъ его интересовъ, и тогда императоръ, принужденный прибѣгнуть къ

употребить это оружіе не для расширенія русскихъ пре-
ле для усиленія своего политическаго вліянія, а только
чтобы выполнить свои обязанности къ своему народу
ороны, къ своимъ единовѣрцамъ—съ другой: отъ вы-
хъ обязанностей онъ никогда не откажется. Импе-
ъ сражаться не за исключительные интересы Рос-
тересы всѣхъ, и среди своей арміи онъ будетъ
къ, какъ бы былъ окруженъ представителями Ав-
ціи, Великобританіи и Пруссіи.»

Австрія и Англія, продолжая обходить греческій во-
осъ, старались всѣми силами заключить миръ между Россіею и Турціею, хотя бы *однодневный*: и въ одинъ день извѣстіе объ этомъ мирѣ отниметъ руки у грековъ и заставитъ ихъ покориться Портѣ. Турецкое правительство уже объявило, что не будетъ требовать выдачи бѣжавшихъ въ Россію грековъ, но упорствовало въ очищеніи княжествъ и въ назначеніи для нихъ господарей. Лордъ Странгфордъ, для прекращенія этого упорства, прибѣгнулъ-было къ подкупу: англійское правительство предоставило въ его распоряженіе на этотъ случай 50,000 фунтовъ стерлинговъ; но попытка не удалась. Окончательный разрывъ Порты съ Россіею пугалъ дипломатовъ еще въ другомъ отношеніи; лордъ Странгфордъ писалъ Кесльри въ концѣ 1821 года:

«Мои товарищи и я, зная обстоятельства страны и духъ, развитый ими въ народѣ, испытываемъ жестокое безпокойство, чтобы война не навлекла на греческій народъ жесточайшія бѣдствія, хотя для своего оправданія и для своей цѣли и будетъ имѣть интересы человѣчества. Ярость турокъ не сдержится мыслью о вѣрномъ возмездіи, и несчастный народъ, въ пользу котораго война будетъ объявлена, пострадаетъ до послѣдняго человѣка. Дней десять тому назадъ янычарскому отряду было дано приказаніе готовиться къ походу; начальники его отвѣчали, что готовы къ выступленію, но двинутся не прежде, какъ всѣ греки въ Константинополѣ будутъ умерщвлены или изгнаны въ Азію.»

Въ началѣ 1822 года, въ Константинополѣ, между лордомъ Странгфордомъ и рейсъ-эффенди шли любопытные переговоры:

Рейсъ-эффенди: Мы увѣрены въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ; все, что вы ни скажете, не будетъ истолковано нами въ дурномъ смыслѣ. Вы нашъ другъ, и мы вамъ вѣримъ.

Л. Странгфордъ: Дай Богъ, чтобъ было такъ. Вопросъ, который насъ занимаетъ, поставленъ въ самые узкіе предѣлы. Очи-

стите княжества, возстановите тамъ прежнее управленіе, излечите зло, которое произведено въ несчастныхъ областяхъ вашими войсками, незнающими дисциплины; назначьте господарей (если не изъ грековъ, то изъ тамошнихъ бояръ), и такимъ образомъ докажите намъ, что вы не противны системѣ общаго замиренія, столь счастливо установленной въ Европѣ. *Сдѣлайте это*, и всѣ европейскія государства будутъ вашими друзьями, всѣ будутъ помогать вамъ уладиться съ Россіею. *Откажитесь* это сдѣлать, или, что̀ также плачевно, *медлите* этимъ, и черезъ мѣсяцъ вы увидите у себя громадную армію, какой еще никогда не выставляла Россія. Вы увидите русскій флотъ въ Архипелагѣ, готовый помогать вашимъ врагамъ; наконецъ, вы потеряете дружбу всѣхъ державъ европейскихъ, которыя своими стараніями отклоняли войну до сихъ поръ. Пришло время, когда вы должны отвѣчать: *да* или *нѣтъ*. Какой же изъ этихъ отвѣтовъ я долженъ отъ васъ услышать?

Рейсъ-эф.: Но съ какой стати у насъ будетъ война? Мы требуемъ только немного времени для улаженія нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Русскій императоръ справедливъ, онъ не можетъ почитать наши требованія несправедливыми. Онъ не желаетъ войны, но есть люди подлѣ него, которые ея желаютъ.

Л. Странг.: Не давайте вводить себя въ заблужденіе мыслью, что европейскія правительства завидуютъ другъ другу, и что они станутъ опасаться Россіи, когда она будетъ въ войнѣ съ вами. Напротивъ, они знаютъ, что Россія заступается за ихъ дѣло, защищая святость договоровъ.

Рейсъ-эф.: Но отчего вы не хотите дать намъ немного времени? Зачѣмъ принуждать насъ сейчасъ же очищать княжества? Мы васъ увѣряемъ, что сдѣлаемъ это, какъ скоро греческій мятежъ будетъ достаточно укрощенъ и мы будемъ въ состояніи очистить княжества безъ опасности для себя.

Л. Странг.: Укрощеніе мятежа зависитъ существенно отъ мира съ Россіею, а послѣдній не можетъ состояться безъ очищенія княжествъ. Выполните ваши договоры съ Россіею, и главная надежда мятежниковъ исчезнетъ. Во время войны у васъ съ Россіею, ваши настоящіе враги сдѣлаются друзьями, быть можетъ союзниками Россіи, которой тогда уже нельзя будетъ ихъ оставить. Греки получатъ время образовать что̀-нибудь похожее на правильное правительство, и когда вы будете

принуждены заключить миръ, то должны будете признать это правительство. Если бы какая-нибудь изъ дружественныхъ державъ предложила вамъ двѣнадцать линейныхъ кораблей и 30 или 40,000 войска противъ мятежниковъ, то вы сочли бы себя очень счастливыми и были бы очень признательны: мы вамъ предлагаемъ, для укрощенія мятежа, средство равно дѣйствительное, да еще гораздо выгоднѣе, потому-что не будетъ стоить Портѣ ни гроша, ни капли крови мусульманской. Объявите по всей имперіи возобновленіе вашихъ дружественныхъ сношеній съ Россіею, и вы увидите, что греки будутъ просить у васъ помилованія, ибо они смотрятъ на русскую войну и насильное отвлеченіе, какое она произведетъ въ ихъ пользу, какъ на послѣднее средство спасенія.

Рейсъ-эф.: Но зачѣмъ Россія требуетъ немедленнаго очищенія княжествъ? Какая выгода ей отъ этого немедленнаго очищенія?

Л. Странг.: Выгода та, что она освободится отъ униженія въ глазахъ цѣлой Европы, отъ униженія оставаться спокойною зрительницею вопіющаго нарушенія своихъ договоровъ; выгода—успокоить собственныхъ подданныхъ, недовольныхъ тѣмъ, что правительство не защищаетъ ихъ единовѣрцевъ; наконецъ, выгода—освободиться отъ этого несноснаго междоумочнаго состоянія, которое не есть ни миръ, ни война.

Рейсъ-эф.: Но мы также должны уважать національную волю. Если бы мы захотѣли вывести свои войска изъ княжествъ, то народъ скажетъ: «Вы теряете изъ виду очагъ возмущенія, оно возгорится тамъ опять»; и если мы назначимъ господарей изъ грековъ, то каждый мусульманинъ завопитъ: «Вы ободряете и награждаете измѣнниковъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ наказывать».

Л. Странг.: Константинопольская чернь не знаетъ, сколько у васъ войска въ княжествахъ, — 500 человѣкъ, или 50,000; и скажите пожалуйста, какъ свѣдаетъ константинопольская чернь о вашихъ нотахъ къ намъ и вашихъ обязательствахъ, напримѣръ, если вы обяжетесь, что въ опредѣленное время въ княжествахъ не будетъ ни одного турецкаго солдата и господари будутъ назначены? Но я вамъ скажу, что чернь можетъ узнать, и что она пойметъ очень хорошо, это именно, должна ли она будетъ или нѣтъ умирать съ голоду — вопросъ, который долго не останется нерѣшеннымъ, если война возгорится. Точно также

народъ пойметъ свое настоящее положеніе, когда узнаетъ, что въ одно прекрасное утро англійское посольство и англійскіе консулы выѣдутъ изъ Константинополя. Тотъ, кто возьметъ на себя распространять эту новость, гораздо скорѣе произведетъ мятежъ, чѣмъ тотъ, кто станетъ толковать о внутреннемъ устройствѣ двухъ отдаленныхъ провинцій, которыхъ имя даже неизвѣстно половинѣ константинопольскаго народонаселенія.

Рейсъ-эф.: Въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ замѣтно неудовольствіе; люди неблагонамѣренные ждутъ только предлога, чтобъ приступить къ дѣйствію, и они получатъ предлогъ, когда узнаютъ, что господари назначены изъ грековъ, изъ того народа, который положилъ уничтожить исламизмъ и имя мусульманское. Мы не можемъ вывести свои войска и послать ихъ опять въ случаѣ новаго мятежа въ княжествахъ. Это было бы слишкомъ жестоко относительно жителей, ибо тогда войска, въ слѣпой ярости, опустошили бы въ конецъ княжества.

Л. Страф.: Такъ вы опустошаете княжества *теперь*, чтобъ не опустошать ихъ *потомъ;* я не понимаю такого особаго рода милосердія къ жителямъ.

Рейсъ-эф.: Это неправда, мы не опустошаемъ княжествъ, наши войска ведутъ себя хорошо.

Л. Страф.: Я могу вамъ доказать противное. Я видѣлъ оффиціальныя сообщенія. Но, чтобъ возвратиться къ нашему предмету, позвольте напомнить вамъ, что вы обѣщали очистить княжества въ короткое время: не угодно ли точно опредѣлить это время, напримѣръ: въ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго дня?

Рейсъ-эф.: Мы не можемъ опредѣлить времени: можетъ быть меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, можетъ быть меньше, чѣмъ въ недѣлю. Только мы одни можемъ судить о нашемъ внутреннемъ положеніи и рѣшать, *когда* оно намъ позволитъ исполнить требуемое вами. Будьте увѣрены, что мы его исполнимъ скоро. Мы не хотимъ войны; мы не сдѣлаемъ ничего, чтобъ ее вызвать. Мы выполнимъ наши договоры буквально—но имѣйте къ намъ довѣріе и позвольте намъ управлять своимъ народомъ посвоему.

Турки никакъ не могли понять того, что такъ хорошо понимали въ Вѣнѣ и Лондонѣ, что миръ Порты съ Россіею убьетъ гре-

ческое возстаніе. Но какъ же въ Вѣнѣ и Лондонѣ могли надѣяться, что въ Петербургѣ позволятъ русскимъ миромъ убить греческое дѣло; если въ Вѣнѣ и Лондонѣ били на то, чтобъ отдѣлить русскій миръ отъ греческаго замиренія, то могли ли на это согласиться въ Петербургѣ? Въ Вѣнѣ и Лондонѣ ласкали себя надеждою, что это раздѣленіе можетъ произойти вслѣдствіе предполагаемаго раздѣленія между русскимъ императоромъ и его кабинетомъ. Меттернихъ писалъ Лютцову: «Императоръ Александръ вполнѣ убѣжденъ, что война будетъ бичемъ для него и для Европы... Онъ не желаетъ ничего больше, какъ быть выведеннымъ изъ ложнаго положенія, въ какое вовлеченъ своимъ кабинетомъ. Дѣйствія послѣдняго разсчитаны на сопротивленіе Дивана всѣмъ русскимъ требованіямъ; если Диванъ будетъ противиться немедленному очищенію княжествъ, то это будетъ торжествомъ для кабинета. Я вамъ представляю здѣсь вопросъ во всей его простотѣ. Я понимаю, что Порта находитъ нѣкоторое затрудненіе при переводѣ нашихъ бумагъ; но эти бумаги предназначаются не для одной Порты, а для другихъ дворовъ, которые ихъ понимаютъ. Наши разсужденія — для Петербурга, наши простыя требованія — для Константинополя. Если бы мы могли составлять наши бумаги отдѣльно для обоихъ мѣстъ, то дѣло было бы легче. Въ такомъ случаѣ наша послѣдняя нота Дивану заключалась бы въ слѣдующемъ: «Ваше дѣло правое передъ Богомъ и передъ людьми. Интриги, которыя всѣ сходятся въ русскомъ кабинетѣ, приготовили, начали и поддерживаютъ возстаніе вашихъ подданныхъ. Однако вы должны были вести себя иначе, чѣмъ какъ вы вели себя; вы должны были намъ вѣрить и отдѣлить намѣреніе русскаго монарха отъ дѣйствій нѣкоторыхъ изъ его министровъ. Все это, впрочемъ, дѣло прошлое. Займемся настоящимъ. Хотите войны, такъ ведите ее. Не хотите войны, такъ не играйте игры вашихъ противниковъ. Чѣмъ больше вы будете уступать ихъ требованіямъ, тѣмъ меньше вы сдѣлаете имъ удовольствія. Вы можете согласиться на все, чего отъ васъ требуютъ, потому-что требованія справедливы; они не были бы справедливы, еслибъ люди, желающіе смуты, не разсчитывали на то, что вы ихъ отвергнете, и тогда они оснуютъ разрывъ съ вами на видимой умѣренности съ своей стороны. Слѣдуйте нашимъ совѣтамъ, потому-что они подаются въ вашемъ интересѣ, а не въ интересѣ партіи, которая разсчитываетъ на ваши ошибки гораздо болѣе, чѣмъ на справедливость своего дѣла».

Графъ Головкинъ былъ человѣкомъ кабинета въ глазахъ Меттерниха, человѣкомъ, не имѣвшимъ достаточно довѣрія къ Ав-

стріи, который позволялъ себѣ не соглашаться съ «дипломатическимъ геніемъ» относительно восточнаго вопроса. Меттернихъ старался показать ему, что въ этомъ вопросѣ двѣ части, т. е. возстановленіе силы договоровъ, что̀ предоставляется Россіи, и замиреніе грековъ, что̀ можетъ быть предметомъ коллективнаго дѣйствія. Головкинъ замѣтилъ на это, что, предоставляя первую часть одной Россіи, союзники лишаютъ ее средствъ помочь имъ во второй, ибо, въ такомъ случаѣ, должно произойти одно изъ двухъ: или война, или совершенный застой въ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ. Въ обоихъ случаяхъ замиреніе грековъ становится невозможнымъ для союзниковъ; для достиженія этого замиренія единственное средство — присоединиться къ Россіи и заставить Порту возстановить силу договоровъ, ибо только въ такомъ случаѣ Россія можетъ въ свою очередь присоединиться къ коллективному дѣйствію въ пользу грековъ. Канцлеръ настаивалъ на невозможности смѣшенія обѣихъ частей вопроса; признался, что провести демаркаціонную линію между ними чрезвычайно трудно, но, при *взаимномъ довѣріи*, трудности проблеммы могутъ быть отстранены ко всеобщему удовольствію. Къ несчастію, замѣтилъ Меттернихъ, этой взаимности нѣтъ; Австрія питаетъ болѣе довѣрія къ Россіи, чѣмъ Россія къ Австріи. Головкинъ такъ отзывался о ходѣ дѣлъ по восточному вопросу: «Если прослѣдить всѣ бумаги, полученныя нами отъ двухъ кабинетовъ, лондонскаго и вѣнскаго по поводу дѣлъ турецкихъ, то непремѣнно придемъ къ заключенію, что всѣ они содержатъ въ себѣ только слѣдующія немногія слова: «Вы правы, а турки виноваты, если вы будете сохранять миръ; если же возгорится война, то вы будете виноваты, а турки правы, что̀ бы вы ни дѣлали для избѣжанія войны». *Интересы* частной политики исключительно замѣнили *обязанности* политики общей».

Въ началѣ 1822 года, въ Вѣну пріѣхалъ на помощь Головкину для веденія труднаго дѣла по восточному вопросу другой уполномоченный русскаго императора, сенаторъ Татищевъ, который получилъ такой рескриптъ отъ своего государя: «Я не хочу войны. Я это доказалъ. Я это доказываю еще вашимъ отправленіемъ и приказаніями, данными моимъ представителямъ у дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго. Но предотвратить войну можно только обратившись къ туркамъ отъ имени Европы и говоря съ ними языкомъ, ея достойнымъ. Дѣло нейдетъ о томъ, чтобъ сдѣлать изъ Турціи державу европейскую: дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставить ее снова занять мѣсто, которое она занимала въ политической системѣ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Надобно спасти ее силою. Попытки, постоянно

возобновляемыя и всегда безполезныя, поведутъ къ тому, что Союзъ потеряетъ всякое уваженіе. Порта сдѣлается неисправимою, и конечно не такую сосѣдку хотятъ завѣщать союзные дворы Россіи для упроченія системы, на которой основывается спокойствіе Европы».

Впечатлѣніе, произведенное Татищевымъ въ Вѣнѣ, было таково, что онъ пріѣхалъ не только безо всякаго опредѣленнаго плана, но безо всякой ясной идеи о средствахъ прекратить настоящую запутанность въ дѣлахъ; подобно тѣмъ, которые его прислали, онъ единственно разсчитывалъ на дружественное расположеніе вѣнскаго двора и на дипломатическій геній князя Меттерниха; не зная, что̀ должно дѣлать для избѣжанія войны съ честью и особенно для успокоенія императора, онъ питалъ неопредѣленную надежду, что сыщетъ въ Вѣнѣ средство къ рѣшенію этой проблеммы. Впослѣдствіи Меттернихъ хвалилъ Татищева за то, что онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніями вѣнскаго кабинета; если его объясненія и представляли оттѣнки, то они происходили отъ затруднительнаго положенія посланника, у котораго были двѣ инструкціи, не только различныя, но даже противоположныя (инструкція императора и инструкція кабинета!). Съ своей стороны, Татищевъ убѣдился, что австрійскій канцлеръ желаетъ продолжить систему обмана, которую онъ принялъ относительно Россіи, и что онъ откажется отъ нея только тогда, когда увидитъ, что Россія его поняла и рѣшилась не даваться болѣе въ обманъ. Тогда онъ уступитъ Россіи все, въ чемъ не посмѣетъ отказать. Татищевъ приступилъ къ греческому вопросу. «Я думаю — сказалъ онъ Меттерниху — что греки скорѣе дадутъ себя истребить до одного человѣка, чѣмъ согласятся идти въ прежнее рабство; съ другой стороны, силы султана недостаточны для ихъ порабощенія: какъ же союзники могутъ смотрѣть равнодушно на продолженіе подобной борьбы?» Меттернихъ замѣтилъ, что союзники должны согласиться насчетъ будущей участи грековъ. Татищевъ разсказалъ ему, что въ Петербургѣ думаютъ устроить эту участь высвобожденіемъ грековъ изъ непосредственныхъ отношеній къ турецкому правительству. Меттернихъ отвѣчалъ, что невозможно получить отъ Дивана такія важныя уступки подъ формою политическою, но, быть можетъ, можно доставить грекамъ тѣ же выгоды мѣрами законодательными. Татищевъ объявилъ, что Россія согласится поручить веденіе новыхъ переговоровъ Австріи, если будетъ опредѣлено, какое положеніе приметъ Австрія относительно Порты, когда послѣдняя не согласится на предложенныя ей условія. «Чего же вы отъ насъ хотите?» спросилъ Меттернихъ. — «Чтобъ вы по-

рвали съ нею сношенія», отвѣчалъ Татищевъ. — «Какъ, отозвать интернунція?» — «Безъ сомнѣнія». — «Такъ вы хотите бросить Порту совершенно въ объятія Англіи, англійскій посланникъ тамъ останется, и султанъ будетъ видѣть въ немъ единственную опору!» — «Мы не завидуемъ довѣрію, какое Порта оказываетъ Англіи и, во всякомъ случаѣ, мы примемъ послѣдствія на свой счетъ. Но отъ васъ мы требуемъ этого доказательства согласія, царствующаго между нашими двумя монархами». — «Но лучше, чтобъ всѣ согласились; надобно узнать мнѣніе англійскаго кабинета». — «Условимся вдвоемъ и потомъ вмѣстѣ будемъ работать въ Лондонѣ, чтобъ и тамъ принято было наше рѣшеніе». — «Это значитъ все потерять, Союзъ разрушится». — «Отчего же?» — «Увидятъ, что мы болѣе связаны съ вами, чѣмъ съ другими». — «По моему мнѣнію, ничто не можетъ дать такой прочности Союзу, какъ искреннее единеніе между двумя императорскими дворами». — «Безъ сомнѣнія, но не должно этого выказывать; впрочемъ, мы еще поговоримъ обо всемъ этомъ».

Изъ Константинополя пришли дурныя вѣсти. Диванъ, видя, съ одной стороны, настойчивость Англіи и Австріи, чтобъ Порта удовлетворила русскимъ требованіямъ, съ другой, видя раздраженіе между мусульманами противъ христіанъ, не хотѣлъ взять дѣла на свою отвѣтственность, и созвалъ совѣтъ изъ главныхъ сановниковъ государственныхъ, членовъ администраціи, янычарскихъ депутатовъ и ремесленныхъ старостъ въ Константинополѣ; число призванныхъ было болѣе двухъ сотъ. На другой день послѣ совѣщанія началось волненіе въ Константинополѣ, которое правительство утишило безъ труда; но интернунцій получилъ извѣщеніе, что Порта отлагаетъ на неопредѣленное время выводъ войскъ своихъ изъ княжествъ, что она не нарушила ни въ чемъ договоры, и требуетъ, чтобы Россія очистила азіятскія провинціи, занимаемыя ею съ Бухарестскаго мира, и выдала бѣжавшихъ грековъ. Меттернихъ, именемъ императора Франца, объявилъ Головкину и Татищеву, что нота турецкаго правительства не можетъ быть принята, что интернунцію послано приказаніе возвратить ее Портѣ съ краткимъ заключеніемъ, что неприлично было поручать вѣнскому кабинету подобную передачу союзному кабинету русскому. Меттернихъ объявилъ, что императоръ Францъ не только признаетъ за императоромъ Александромъ право принять всѣ мѣры, какія онъ сочтетъ нужными, относительно Порты, но и не поколеблется присоединиться къ иниціативѣ, какую императоръ Александръ приметъ въ этомъ случаѣ, и поддерживать ее всѣми зависящими отъ него средствами; что сообщенія, составленныя въ этомъ смыслѣ, будутъ отправлены ко всѣмъ

союзнымъ дворамъ для соглашенія о томъ, какое положеніе принять относительно Порты, при чемъ вѣнскій кабинетъ подастъ мнѣніе объ отозваніи изъ Константинополя посольствъ и объ оставленіи тамъ только агентовъ для покровительства торговлѣ. Но при этомъ Меттернихъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ журнала австрійской миссіи въ Константинополѣ, въ которыхъ указаны интриги грековъ въ столицѣ, чтобъ заставлять Порту поступать вопреки ея интересамъ, также указаны интриги революціоннаго комитета въ Одессѣ. Цѣль всѣхъ этихъ интригъ — заставить Порту думать, что настойчивыя требованія Англіи и Австріи клонятся только къ тому, чтобъ напугать ее и склонить къ уступкамъ.

Въ этомъ заявленіи Меттерниха русскимъ министрамъ выразился весь страхъ, нагнанный на него извѣстіями изъ Константинополя: Турція отвергла рѣшительно требованія Россіи, значитъ послѣдней ничего болѣе не остается, какъ двинуть свои войска: какое торжество для бунтовщиковъ-грековъ, для воинственнаго русскаго кабинета, для Каподистріа, какое пораженіе и опасность для Австріи! Единственный выходъ для послѣдней — не дать Россіи дѣйствовать одной. Потомъ страхъ началъ проходить, явилась надежда. Императоръ Александръ не хочетъ войны — это ясно, войны хочетъ только кабинетъ. Императоръ Александръ, по своей любимой мысли, не хочетъ дѣйствовать одинъ, слѣдовательно можно протянуть время въ переговорахъ съ союзниками, а между тѣмъ можно заставить и турокъ перемѣнить свое рѣшеніе: ихъ нота оффиціальнымъ образомъ не передана въ Петербургъ, оффиціально петербургскій кабинетъ не знаетъ объ оскорбительномъ отвѣтѣ Порты. 12 апрѣля, былъ составленъ протоколъ конференціи между Татищевымъ, Головкинымъ и Меттернихомъ: «Русскіе уполномоченные объявили, что е. в. императоръ, питая искреннее желаніе доказать союзнымъ монархамъ, какъ онъ дорожитъ сохраненіемъ мира съ Оттоманскою Портою, ограничилъ такимъ образомъ условія, на которыхъ дружественныя сношенія между Россіею и Турціею могутъ быть поддержаны: императоръ удовольствуется заявленіемъ, сдѣланнымъ прямо его министерству Портою, что она признаетъ право Россіи, на основаніи договоровъ, требовать неприкосновенности греческой религіи, возобновленія разрушенныхъ церквей и, по отношенію къ возставшимъ грекамъ, справедливаго различенія между невинными и виновными. Предварительно, Порта очищаетъ совершенно и немедленно княжества Молдавію и Валахію; временно поручаетъ управленіе этихъ странъ диванамъ подъ предсѣдательствомъ греческихъ каймакамовъ, избраннымъ Портою

по правиламъ, установленнымъ для назначенія господарей; высылаетъ уполномоченныхъ для соглашенія съ русскими уполномоченными о мѣрахъ, которыя она, соединенно съ Россіею, приметъ для доставленія мирнаго и счастливаго существованія своимъ христіанскимъ областямъ, которыя договорами поставлены подъ покровительство Россіи и которыя плачевными событіями увлекаются въ бездну революціи. Если Порта не согласится исполнить этихъ требованій, императоръ австрійскій объявитъ ей, что онъ не будетъ помогать ей ни прямо, ни посредственно, и признаетъ справедливымъ дѣло Россіи. Для доказательства заводчикамъ смутъ европейскихъ, что Союзъ между державами крѣпче прежняго, императоръ австрійскій отзоветъ изъ Константинополя своего интернунція и порветъ всѣ сношенія съ Портою, по крайней мѣрѣ ограничится оставленіемъ въ Турціи дипломатическихъ агентовъ для торговли. Относительно грековъ общія мѣры должны состоять въ слѣдующемъ: прекращается война въ возставшихъ областяхъ; Портѣ обезпечивается спокойное обладаніе ими; постановляется, что мирные жители возставшихъ областей и тѣ, которые положатъ оружіе, будутъ пользоваться религіозною свободою, ихъ имущество, личность и жизнь будутъ находиться подъ постояннымъ и дѣйствительнымъ обезпеченіемъ. Князь Меттернихъ, воздавъ хвалу чистотѣ намѣреній императора всероссійскаго и умѣренности предложеній, сдѣланныхъ его уполномоченными, объявилъ, что императоръ, его государь не можетъ совѣтовать своему августѣйшему другу и союзнику никакой перемѣны въ своемъ ультиматумѣ, признаетъ, что оттоманское правительство не сможетъ замирить возставшія греческія провинціи безъ содѣйствія Россіи, что это замиреніе не будетъ прочно, если участь грековъ не будетъ рѣшена на основаніяхъ, предложенныхъ русскими уполномоченными, и если ихъ отношенія къ турецкому правительству не будутъ поставлены подъ могущественную гарантію Великаго Союза. Несмотря на то, такъ какъ предложеніе русскаго вмѣшательства не основывается ни на какомъ предшествующемъ договорѣ, и Порта можетъ отвергнуть его, а союзники не будутъ въ состояніи его поддержать, то необходимо основать переговоры на другомъ принципѣ. Для достиженія этой цѣли императоръ австрійскій готовъ совѣщаться съ союзниками относительно основанія и способа негоціаціи. Но, желая дать своему августѣйшему другу и союзнику самое сильное доказательство своего безграничнаго довѣрія къ его правосудію, умѣренности и мудрости, императоръ австрійскій объявляетъ, что за однимъ русскимъ императоромъ остается право рѣшить: настоящее положеніе его имперіи относительно

Порты можетъ ли быть продолжено, или необходимо прибѣгнуть къ оружію; въ послѣднемъ случаѣ, императоръ австрійскій не только не окажетъ Портѣ никакой помощи, ни прямой, ни посредственной, но признаетъ обязательнымъ для себя и для своихъ союзниковъ отозваніе изъ Константинополя ихъ представителей, и будетъ съ новою силою настаивать у кабинетовъ на принятіе этой мѣры. Русскіе министры, принявъ объявленіе господина канцлера относительно отозванія миссій, предоставили себѣ повергнуть на рѣшеніе императора, своего государя, предложенія насчетъ греческихъ возставшихъ провинцій».

Меттернихъ отказался подписать этотъ протоколъ, настаивая на то, что Россія, по договорамъ, не имѣетъ права покровительства надъ христіанскими областями Турціи, которыя теперь возстали противъ власти султана. Вмѣсто подписанія протокола, канцлеръ прислалъ ноту, сущность которой состояла въ слѣдующемъ: «Столкновеніе между Россіею и Турціею должно рѣшиться или путемъ переговоровъ, или оружіемъ. Въ первомъ случаѣ, необходимо соглашеніе съ союзниками относительно основанія и способа, какъ начать переговоры съ Портою; въ плачевномъ случаѣ разрыва императоръ не поколеблется отозвать изъ Константинополя своего представителя и прекратить дипломатическія сношенія съ Портою, но онъ убѣжденъ, что такое рѣшеніе должно быть общее для всѣхъ союзниковъ, для чего уже и сдѣланы надлежащія сообщенія кабинетамъ французскому, великобританскому и прусскому». Одновременно съ этою нотою Меттернихъ составилъ слѣдующій меморандумъ, который Татищевъ долженъ былъ взять съ собою въ Петербургъ для представленія императору Александру: «Е. в. императоръ русскій заявилъ неизмѣнное рѣшеніе въ своихъ дѣйствіяхъ по восточному вопросу — не нарушать политической системы, которая теперь служитъ основаніемъ спокойствія Европы и сохраненія общественнаго порядка. Это рѣшеніе обязываетъ кабинеты соединить всѣ свои силы для такого рѣшенія вопроса, которое соотвѣтствовало бы и справедливымъ желаніямъ его величества и охранило бы Европу отъ опасностей, какія могутъ произойти для нея изъ восточныхъ безпорядковъ. Передъ нами двоякаго рода вопросы: юридическій, касающійся исполненія договоровъ, и вопросъ общаго интереса. Исполненіе договоровъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія: уваженіе къ договорамъ есть основа народнаго права въ Европѣ. Вопросы общаго интереса должны имѣть свой источникъ въ желаніяхъ, одобренныхъ предъ трибуналомъ благоразумной политики и человѣколюбія. Они должны соединять интересы тѣхъ, къ которымъ обращены требованія, съ интересами тѣхъ,

въ пользу которыхъ дѣлаются уступки. Такъ-какъ дѣло нейдетъ объ ограниченіи верховной власти султана, то желанія кабинетовъ не выйдутъ изъ круга законовъ и управленія. Австрія, наравнѣ съ другими державами, не признаетъ права вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, если перемѣны, въ немъ происходящія, не угрожаютъ непосредственно безопасности сосѣднихъ державъ. Но въ настоящемъ положеніи турецкой имперіи существуютъ отношенія, которыя заставляютъ державы искать способовъ успокоить Турцію не посредствомъ утишенія смуты, купленнаго потоками крови, но посредствомъ прочнаго мира, безъ котораго нѣтъ обезпеченія для существованія турецкой имперіи и для спокойствія Европы. Эта необходимость есть единственное основаніе права и единственное средство относительно Порты. Чтобъ работать на этомъ основаніи, прежде всего необходимо, чтобъ Порта объявила дѣйствительную амнистію, и необходимо, чтобъ инсургенты подчинились ей. Что касается княжествъ, то достаточно ихъ очищенія, возстановленія прежняго порядка и сохраненія правъ, выговоренныхъ трактатами. Морея и острова имѣютъ многообразное управленіе; разумныя, съ верховною властью Порты удобосоединимыя желанія христіанскаго народонаселенія этихъ странъ, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ условіяхъ: свободное исповѣданіе религіи; юридическія опредѣленія для безопасности личной и собственности; правильное судопроизводство. Такъ-какъ Диванъ готовъ выполнить трактаты, и споръ идетъ только о времени и способѣ исполненія, то надобно требовать отъ Дивана немедленнаго очищенія княжествъ и возстановленія въ нихъ прежняго порядка; надобно настоять, чтобъ Порта въ извѣстный срокъ дала амнистію, и увѣрить ее, что союзники готовы всѣми силами понуждать инсургентовъ къ ея принятію; надобно требовать назначенія уполномоченныхъ, которые съ уполномоченными Россіи и союзныхъ державъ должны совѣщаться о средствахъ доставить турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ.

Императоръ Александръ, желая прежде всего скораго разрѣшенія восточнаго вопроса по той связи, въ какой онъ представлялся ему съ общимъ положеніемъ Европы, принялъ австрійскій меморандумъ въ основаніе этого рѣшенія, и Татищевъ возвратился въ Вѣну, чтобъ здѣсь, вмѣстѣ съ представителями другихъ четырехъ великихъ державъ, участвовать въ конференціяхъ, которыя должны были подготовить дѣло для конгресса, назначеннаго осенью 1822 года въ Веронѣ.

Таково было рѣшеніе восточнаго вопроса, выработавшееся въ австрійскихъ или англо-австрійскихъ рукахъ въ первый годъ

греческаго возстанія. Повидимому, австрійскій канцлеръ торжествовалъ: дѣло было въ его рукахъ, воинственная, грекофильская партія въ Россіи была поражена, Каподистріа признанъ нужнымъ выйти въ отставку. Не смотря однако на эту наружность явленій, «дипломатическій геній» потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ о томъ, чтобъ не допустить до войны между Россіею и Турціею, будучи увѣренъ, что извѣстіе о возстановленіи между ними дружественныхъ сношеній отниметъ руки у возставшихъ грековъ и заставитъ ихъ безусловно покориться султану. Но, удерживая Россію отъ войны, Меттернихъ этимъ самымъ придавалъ духъ Портѣ, которая считала неопаснымъ для себя упорствовать въ неисполненіи русскихъ требованій, считала настаиванія англійскаго посланника и австрійскаго интернунція только пустыми угрозами; греки, одушевляемые надеждою, что не нынѣче, такъ завтра война возгорится, продолжали борьбу, и дѣло пришло къ тому, что, для избѣжанія войны, вопросъ былъ переданъ на общее рѣшеніе великихъ державъ, при чемъ надобно было опредѣлить и уступки возставшимъ грекамъ; какъ бы ни были умѣренны эти уступки, но Австрія признала необходимость ихъ сдѣлать; скрѣпя сердце, съ оговорками, ничего невыражающими, признала необходимость вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, и не съ тѣмъ, чтобъ поддержать султана противъ бунтующихъ грековъ, но чтобъ заставить его сдѣлать уступки мятежнымъ подданнымъ. Но это еще только первая неудача «дипломатическаго генія» въ его борьбѣ — противъ исторіи.

Второго пораженія для австрійскаго канцлера нельзя было ожидать на новомъ конгрессѣ, который собирался при обстоятельствахъ, чрезвычайно благопріятныхъ для системы вѣнскаго кабинета. Тайныя общества продолжали дѣйствовать. Испанская революція доходила до крайностей, напоминавшихъ исходъ французской революціи. 1 января 1822 года, Меттернихъ писалъ императору Александру: «Для Испаніи наступилъ кризисъ. Судьба, ожидающая эту страну, поставлена внѣ всякихъ разсчетовъ. 1793-й годъ былъ для Франціи естественнымъ, необходимымъ и полезнымъ результатомъ 1789 года. 1822-й годъ будетъ для Испаніи результатомъ 1720 года. Примѣръ Франціи забытъ въ Европѣ и такимъ образомъ потерянъ для нея. Провидѣніе, въ своихъ тайныхъ намѣреніяхъ, поставило предъ очами людей второй примѣръ. Оно напоминаетъ людямъ простой и вѣрный фактъ, что одно и тоже зло должно всегда вести къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Философы, идеологи и диктринеры снова провели цѣлые годы въ доказываніи невѣрности этого принципа.

Вѣчный разумъ будетъ сильнѣе ихъ софизмовъ, и факты заговорятъ громче ихъ тезисовъ.»

Изъ Англіи, отъ Кесльри тѣже внушенія: «Первое, что заслуживаетъ полнаго вниманія императора,—это широкое и усиливающееся распространеніе революціоннаго движенія по американскому и европейскому континенту. Послѣднія событія въ Мексикѣ, Перу, Каракасѣ, Бразиліи, рѣшили, что обѣ Америки увеличатъ каталогъ государствъ, управляемыхъ на основаніи республиканскомъ или демократическомъ. Тотъ же духъ быстро распространяется и по Европѣ: Испанія и Португалія испытываютъ тѣже волненія. Франція носится между противоположными видами и интересами, серьёзно и, быть можетъ, равно опасными для ея внутренняго спокойствія. Италія, хотя на время и вырвана изъ когтей революціонеровъ, однако сдерживается только австрійскими оккупаціонными войсками. Тотъ же духъ глубоко проникъ въ Грецію. Возстаніе въ европейской Турціи, въ своей организаціи, цѣляхъ, дѣйствіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, ничѣмъ не отличается отъ движеній въ Испаніи, Португаліи и Италіи, кромѣ прибавочныхъ затрудненій, происходящихъ отъ связи возстанія съ безобразною системою турецкаго управленія, ненавистью къ которому возстаніе прикрываетъ свое настоящее стремленіе, возбуждаетъ интересъ и такимъ образомъ достигаетъ своей цѣли. Императоръ долженъ видѣть, что начало революціоннаго потока—въ Греціи, и оттуда распространяется по его южнымъ областямъ, въ неразрывной связи съ потокомъ, стремящимся изъ-за Атлантическаго океана, и я не сомнѣваюсь, что е. и. в. будетъ основывать свои дѣйствія на этомъ принципѣ, а не на мѣстныхъ видахъ политики. Принципъ, на которомъ должно дѣйствовать британское правительство, есть принципъ невмѣшательства, доведенный до послѣдней крайности, но я увѣренъ, что если бы то, что́ происходитъ теперь въ Греціи, преимущественно въ Морeѣ, подъ вліяніемъ иностранныхъ искателей приключеній, оказалось въ какой-нибудь другой сосѣдней съ Россіею странѣ, то императоръ сталъ бы дѣйствовать какъ въ Лайбахѣ, и никакой споръ съ турками не удержалъ бы его выставить сопротивленіе общему и болѣе опасному врагу. Русская армія не можетъ двинуться въ Турцію противъ революціонеровъ, какъ австрійская армія въ Неаполитанское королевство, не столкнувшись враждебно и съ турками и съ греками. Но если императоръ не можетъ уничтожить зла собственными средствами, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ мѣшать оттоманскому правительству въ истребленіи мятежа, который грозитъ и общему спокойствію, и его собственной власти. Сравнивая обѣ борющіяся стороны, мы

видимъ, что Турція не представляетъ революціонной опасности; греческое дѣло глубоко проникнуто ею, и не можетъ, по крайней мѣрѣ теперь, быть отдѣлено отъ нея. Русскій императоръ долженъ отстать отъ греческаго дѣла, какъ существенно революціоннаго. Онъ долженъ скорѣе благопріятствовать, чѣмъ отвлекать оттоманское правительство отъ его уничтоженія, долженъ смотрѣть на свое столкновеніе съ Портою, какъ на дѣло второстепенное, пока мятежъ не будетъ укрощенъ».

Внушенія изъ Австріи и Англіи могли быть заподозрѣны. Но были внушенія и изъ любимой страны. Бергассъ, одинъ изъ видныхъ членовъ роялистской партіи во Франціи, сблизившійся съ императоромъ Александромъ по единству религіознаго взгляда, писалъ ему:

«Швейцарія, которую волнуютъ, болѣе чѣмъ когда-либо, искусные и неутомимые революціонеры, требуетъ теперь особеннаго вниманія государей. Недавно здѣсь произошло соединеніе многихъ масонскихъ ложъ самаго дурного рода, гдѣ догматъ народнаго господства, разрушающій всякую нравственность, всякое правительство и всякую религію, составляетъ первый членъ исповѣданія вѣры адептовъ. Въ Испаніи, какъ небезъизвѣстно в. в-ству, солдатское возстаніе вспыхнуло, благодаря французскимъ революціонерамъ и значительной суммѣ денегъ, отправленной одною изъ нашихъ главныхъ масонскихъ ложъ. На предстоящемъ конгрессѣ не только должно заняться истребленіемъ адской секты, грозящей цивилизованному міру, но и ученія этой секты, ибо секта не истребится, если не докажется торжественно ложность ея ученія. Чего хочетъ нечестивая секта, которую пора наконецъ уничтожить? Она хочетъ, чтобъ на конгрессѣ, возвѣщенномъ съ такою торжественностью, и отъ котораго зависитъ судьба общественнаго порядка, государи, сдержанные преувеличенными препятствіями и на самомъ дѣлѣ ничтожными, если сравнить ихъ съ высокою обязанностью, возложенною на нихъ Божествомъ, — чтобъ государи запутались въ сѣтяхъ ложнаго благоразумія и представили изумленному міру зрѣлище своей нерѣшительности, тогда-какъ люди съ помыслами возвышенными ждутъ отъ нихъ блестящаго заявленія могущества. Что̀ читается въ журналахъ защитниковъ королевской власти? Что дѣло Фердинанда есть дѣло всѣхъ государей; что дѣло испанское есть дѣло всѣхъ народовъ, желающихъ сохранить у себя религію и нравственность; что есть высшее международное право, право обезпечивать себя отъ нравственной заразы, которая уже произвела въ Европѣ такія опустошенія. Почему либеральные журналы такъ пламенно желаютъ, чтобъ намъ

загражденъ былъ путь въ Испанію? Потому, что они хорошо видятъ, что возстановленіе порядка въ этой монархіи нанесетъ ихъ партіи неизбѣжный ударъ; тогда-какъ защитники королевской власти понимаютъ, что уничтожить въ Испаніи либеральную партію значитъ приготовить ея будущее уничтоженіе и во Франціи, и ускорить минуту, когда общественный порядокъ найдетъ свои вѣчныя основанія».

При такихъ внушеніяхъ собрался Веронскій конгрессъ.

С. Соловьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

VII.

РУССКОЕ МАСОНСТВО

ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ.

Новиков и московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Лонгинова. Москва, 1867 г.

II.

Переходя къ опредѣленію внутренняго содержанія нашего масонства, мы имѣемъ въ виду не подробности, — онѣ завлекли бы насъ слишкомъ далеко,—а только существенныя черты, которыя достаточно могутъ указать намъ историческое значеніе масонскихъ понятій въ судьбахъ нашего общественнаго развитія. Мы видѣли [1]), что масонство нашло въ самомъ русскомъ обществѣ условія, дѣлавшія возможнымъ его успѣхъ; но во всякомъ случаѣ оно было, существеннымъ образомъ, заимствованной формой понятій, и потому намъ опять придется останавливаться на его иностранныхъ источникахъ. Два основные элемента, требующіе вниманія при опредѣленіи масонства — его мистицизмъ и его нравственно-общественное значеніе.

Этотъ мистицизмъ составлялъ вообще одну изъ главнѣйшихъ особенностей нашего масонства, какъ и цѣлаго нравственно-религіознаго движенія въ европейскомъ обществѣ XVIII-го вѣка. Присутствуя въ масонствѣ первоначально только легкимъ оттѣнкомъ его идеальныхъ тенденцій, мистицизмъ потомъ все сильнѣе и сильнѣе проникалъ его, особенно въ континентальныхъ ложахъ, гдѣ онъ находилъ поддержку въ туземномъ піэтизмѣ, и

[1]) См. начало выше: т. II, отд. II, стр. 51—106.

дошелъ до крайнихъ предѣловъ фантастики во второй половинѣ XVIII-го вѣка, когда всѣ направленія европейской мысли достигли послѣдней степени напряженія. Названіе мистицизма прилагается, вообще, къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не доставляютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистицизма является сильно возбужденное религіозное чувство и вмѣстѣ предположеніе полной недостаточности разума, безсильнаго постигать высокія и таинственныя истины (изъ которыхъ мистикъ дѣлаетъ свою исключительную принадлежность), а потому не имѣющаго и словъ для ихъ выраженія. Чѣмъ сильнѣе возбуждаются въ человѣкѣ эти сверхъестественныя стремленія, и чѣмъ меньше онъ находитъ помощи въ разумномъ знаніи и мышленіи, тѣмъ больше онъ склоненъ впадать въ мистицизмъ. Мистикъ живетъ только чувствомъ и фантазіей, и стремленіе знать истину естественно превращается у него въ фантастическое желаніе проникнуть въ иной сверхъ-человѣческій міръ и найти успокоеніе въ единеніи съ «причиной всего», божественнымъ духомъ...

Понятно, что это настроеніе можетъ имѣть множество различныхъ степеней, отъ спокойнаго чувства религіозности, которое ищетъ только личнаго нравственнаго удовлетворенія и такъ часто выражается въ формѣ скромнаго благочестія, до крайней неясности мысли, блуждающей въ теософскомъ туманѣ, до чрезмѣрнаго возбужденія, переходящаго въ патологическій экстазъ и галлюцинаціи, или до фанатическаго ожесточенія, отвергающаго всякія права человѣческаго разума и доходящаго до послѣднихъ крайностей обскурантизма. Эти различныя степени и характеры мистицизма опредѣляются и вызываются различными обстоятельствами — цѣлымъ характеромъ времени, степенью его знаній, общественными условіями, дающими мистицизму дорогу въ тѣ или другіе классы общества, наконецъ личными свойствами индивидуумовъ, болѣзненными неправильностями организаціи, которыя дѣлаютъ людей склонными къ фантастикѣ, экстатическому самозабвенію и сомнамбулизму. Всѣ эти различныя проявленія мистики трудно, конечно, подвести подъ одно точное опредѣленіе, и мистическія направленія въ общественной жизни могутъ быть весьма различны и подлежать разной исторической оцѣнкѣ. Была большая разница между Фенелономъ, Сенъ-Мартеномъ и

Жозефомъ де-Местромъ; мы указывали уже разницу между Новиковымъ и Магницкимъ.

Основная черта, раздѣляющая эти оттѣнки мистицизма, есть ихъ отношенія къ правамъ человѣческой мысли. Всякій мистицизмъ уже до нѣкоторой степени отказывается слѣдовать за простыми индуктивными внушеніями разума; но есть мистицизмъ, который положительно презираетъ эти внушенія, вступаетъ въ открытую вражду съ разумомъ, — и этотъ мистицизмъ способенъ стать злѣйшей язвой для умственнаго развитія общества. Это — прямой источникъ невѣжества и вражды къ наукѣ. Онъ ссылается на внутреннія указанія чувства; но въ этой темной области чувства онъ всего меньше бываетъ способенъ отдѣлить разумное отъ неразумнаго, достойное отъ недостойнаго; повинуясь одному неясному и обманчивому чувству, составляющему только слабѣйшую степень разума, и отвергая самый разумъ, этотъ мистицизмъ гораздо скорѣе обращается на зло, чѣмъ на добро, — въ особенности, когда онъ становится дѣятельной пружиной въ общественной и политической жизни, и когда при этомъ гнусное лицемѣріе дѣлаетъ его своимъ орудіемъ, злоупотребляя священнымъ именемъ религіи для низкой, своекорыстной интриги. Исторія, и между прочимъ исторія русскаго просвѣщенія, представляетъ *), къ сожалѣнію, немало примѣровъ этого послѣдняго рода.

Исторически, судьба мистицизма представляетъ необозримо длинную лѣтопись господства его надъ человѣческою мыслью и трудной борьбы, которую вела противъ него раціональная мысль и наука. Представленія мистическаго характера являются у всѣхъ народовъ, при первомъ выходѣ ихъ изъ грубаго фетишизма въ болѣе идеальныя религіи. Эти представленія и вообще остаются наиболѣе популярнымъ разрядомъ понятій въ народныхъ массахъ, соотвѣтственно низкой степени ихъ умственнаго развитія, и эти массы всегда представляли удобную почву для всѣхъ крайностей и преувеличеній мистицизма. Примѣромъ могутъ служить безчисленныя фантастическія секты, господствовавшія въ народныхъ массахъ, съ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Но мистицизмъ игралъ свою роль и въ обществахъ цивилизованныхъ, какъ литературное и философское направленіе. Главнѣйшей эпохой такого мистицизма былъ александрійскій періодъ, когда историческое развитіе греческой философіи завершилось неоплатонизмомъ и другими мистическими школами того же вре-

*) «Воспоминанія В. И. Панаева», печатаемыя нами съ настоящаго тома, представятъ читателямъ, въ своемъ продолженіи, исторію одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русскаго мистицизма, разсказанную, такъ сказать, въ лицахъ свидѣтелемъ и очевидцемъ. — *Ред.*

мени, искавшими въ мистикѣ исхода изъ философскаго скептицизма. Мистика, въ значительной мѣрѣ выходившая изъ этихъ источниковъ, стала господствующимъ характеромъ средневѣкового міровоззрѣнія, къ которому, какъ мы замѣчали прежде, примыкаетъ и мистическо-нравственное настроеніе средневѣковыхъ цѣховъ, составляющихъ первый зародышъ новѣйшаго масонства. Съ тѣхъ поръ традиція мистицизма не прекращалась до самаго послѣдняго времени—и въ литературѣ, гдѣ онъ являлся реакціей противъ сухого школьнаго догматизма или рѣзкихъ крайностей матеріалистической философіи (какъ въ періодъ нѣмецкаго піэтизма и въ XVIII-мъ вѣкѣ), и въ общественной массѣ, гдѣ его фантастика соединялась съ алхиміей и магіей, или производила болѣе или менѣе экзальтированныя религіозныя секты. Въ этой длинной своей исторіи мистицизмъ получалъ иногда смыслъ оппозиціи противъ умственнаго застоя и нравственнаго гнета, но въ концѣ концовъ, если ему случалось пріобрѣтать силу и власть въ обществѣ, онъ всегда переходилъ въ преслѣдованіе науки и свободы мысли [1]). Обѣ эти роли играло и мистическое масонство XVIII-го вѣка.

Почему мистика ведетъ естественно къ обскурантизму, это слѣдуетъ изъ самой ея природы. Отличительная особенность мистицизма та, что онъ ставитъ себя внѣ и выше обыкновенной науки и раціональнаго мышленія, и единственнымъ руководителемъ своимъ признаетъ индивидуальное чувство и напряженное внутреннее созерцаніе: онъ лишенъ поэтому всякаго критеріума кромѣ произвольнаго вкуса и личнаго удовлетворенія. Такимъ образомъ, мистицизмъ и точное знаніе противоположны по самой сущности, какъ враждебны строгая мысль и произволъ, точный фактъ и фантазія. Таково и было дѣйствительно ихъ историческое отношеніе. Въ средніе вѣка господство мистицизма было упадкомъ всѣхъ начатковъ точной науки, которые были оставлены классическою древностью; произвольная фантастика сдѣлала безплодными всѣ прежніе результаты научнаго знанія, и сама безсильна была создать какіе-нибудь новые. Въ людяхъ исчезла всякая способность смотрѣть на предметы съ научной точки зрѣнія. «Такъ — говоритъ Уэвелль*) — вмѣсто того, чтобы отно-

---

[1]) Для бо́льшихъ подробностей см.: *Ewald*, Briefe über die alte Mystik und den neuen Mysticismus, Tübing. 1822; — *H. Schmid*, Der Mysticismus des Mittelalters, Iena, 1824;—*Heinroth*, Gesch. und Kritik des Mysticismus, Leipz. 1830;—*Дрэперъ*, Ист. умств. развитія Европы, съ англ. 2 т. Спб. 1865;—*Lecky*, History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe, 2 voll. Lond. 1865;—*Noack*, Die christliche Mystik, Königsb. 1853.

*) См. о трудѣ Уэвелля выше, въ т. II, отд. III, стр. 31. — *Ред.*

сить событія внѣшняго міра къ пространству и времени, къ осязательной связи и причинамъ, люди старались подвести такія явленія подъ *духовныя и сверхчувственныя отношенія* и зависимость; они относили ихъ къ высшимъ разумнымъ существамъ, къ теологическимъ обстоятельствамъ, къ прошедшимъ и будущимъ событіямъ въ нравственномъ мірѣ, къ состояніямъ ума и чувствъ, къ созданіямъ воображаемой миѳологіи или демонологіи. И такимъ образомъ, ихъ физическая наука сдѣлалась магіей, а ихъ астрономія сдѣлалась астрологіей, изученіе состава тѣлъ стало алхиміей, математика стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, и философія сдѣлалась теософіей.» Какъ мы увидимъ, мистицизмъ такъ вѣренъ себѣ, что эти превращенія точной науки въ фантастическія блужданія мысли по той же самой программѣ повторяются и у нашихъ масонскихъ мистиковъ XVIII-го столѣтія, несмотря на всѣ громадные успѣхи, сдѣланные точными науками послѣ среднихъ вѣковъ. Тотъ же писатель говоритъ дальше о характерѣ средневѣкового мистицизма слѣдующими словами, которыя можно буквально приложить и къ мистическимъ кружкамъ европейскаго общества въ XVIII-мъ вѣкѣ: «Различные результаты наклонности человѣческаго ума къ мистицизму, нами указанные (астрологія, алхимія, магія и т. д.), составляютъ выдающуюся характеристическую черту умственнаго міра въ теченіе многихъ вѣковъ. Теософія и теургія ново-платониковъ, мистическая ариѳметика пиѳагорейцевъ и ихъ преемниковъ, предвѣщанія астрологовъ, притязанія алхиміи и магіи довольно ясно выражаютъ собой общій характеръ и наклонности тогдашняго образа мыслей относительно философіи и науки. Правда, бывали болѣе сильные умы, которые въ большей или меньшей степени сбрасывали съ себя эту массу обманчивыхъ и пустыхъ идей; но, съ другой стороны, въ толпѣ и между людьми немыслящими мистицизмъ часто доходилъ до такихъ крайностей суевѣрія, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ понятіе.... Господствовавшія представленія были произвольны и неопредѣленны, и они разсматривались съ болѣзненно-возбужденной фантазіей и энтузіазмомъ, которые не подчинялись здравому и спокойному размышленію ни на какихъ условіяхъ. Эта мысль, управлявшаяся энтузіазмомъ, нѣкоторымъ образомъ замѣнила разумъ, создавая вѣру; но мнѣнія, пріобрѣтаемыя такимъ образомъ, не имѣли прочнаго значенія; въ нихъ не было постояннаго напоминанія старыхъ истинъ и твердаго основанія для новыхъ. Опытъ напрасно собиралъ свои запасы.... и люди такъ были заняты сверхъестественными сокровищами, которыя должны были свалиться для нихъ съ облаковъ, что они

мало замѣчали или не замѣчали вовсе тѣхъ богатствъ, которыя они могли бы найти возлѣ себя»[1]).

Уэвелль справедливо находитъ весь періодъ этого мистицизма безплоднымъ для точнаго знанія, потому-что мнимыя открытія алхимистовъ въ химіи были только случайными находками, для которыхъ алхимистъ не зналъ никакого разумнаго объясненія. И эти мистическія науки среднихъ вѣковъ невдругъ уступили свое мѣсто новой наукѣ. Со временъ «Возрожденія» имъ наносимы были сильные удары, со стороны гуманизма, который возвращалъ умы къ положительности древнихъ, и со стороны точныхъ наукъ, которыя уже начинали владѣть оружіемъ строгаго научнаго метода, разрушавшаго, мало по малу, всѣ прибѣжища стараго суевѣрнаго невѣжества. Но въ XVII-мъ столѣтіи Кеплеръ, которому такъ много обязана астрономическая наука, все еще вѣрилъ въ астрологію: такъ медленно совершалась побѣда. Въ теченіе XVII-го и XVIII-го вѣковъ, здравыя знанія и критика сдѣлали однако такіе громадные успѣхи, что, кажется, трудно было бы представить себѣ, чтобы послѣ открытій Галилея и Ньютона, послѣ Декарта, Локка, Спинозы, послѣ знаменитыхъ математиковъ и физиковъ, послѣ рѣзкихъ вызововъ англійскаго и французскаго скептицизма, въ умахъ второй половины XVIII-го вѣка могли найти мѣсто тѣ фантастическія представленія о міровомъ порядкѣ, какія мы находимъ въ масонскомъ мистицизмѣ, и какія приличны были развѣ только среднимъ вѣкамъ. И однакоже, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, распространеніе мистицизма привело опять къ алхиміи, магіи, мистической ариѳметикѣ и каббалистическимъ умствованіямъ. Нельзя представить себѣ болѣе рѣзкаго примѣра соединенія въ одной эпохѣ двухъ противоположныхъ вещей.

Объясненіе этой видимой странности находится въ томъ, что мистицизмъ воспользовался слабой стороной общества, обратился къ тѣмъ слоямъ этого общества, которые, хотя и знали точныя науки по имени, но были въ нихъ совершенно невѣжественны, и при этомъ соблазнялись однако перспективой получить знаніе тайнъ природы. Для людей мало образованныхъ тайна природы является обыкновенно въ видѣ секрета, извѣстнаго только немногимъ, въ видѣ удивительнаго фокуса и волшебства. Такъ было и здѣсь. Понятно послѣ этого, что мистики этого разряда должны были съ озлобленіемъ обрушиваться на ту науку, которая въ тѣ времена уже способна была раскрывать эти нелѣпости и называла ихъ по имени. Мистики-лицемѣры, распространявшіе эти нелѣпости по особеннымъ соображеніямъ, были

[1]) Исторія индукт. наукъ, т. I, стр. 353, 381.

конечно еще злѣйшими врагами науки, потому-что видѣли въ ней явнаго врага своихъ замысловъ. Тѣ и другіе не уставали обвинять науку въ легкомыслiи (за непризнаніе ею мистическаго глубокомыслія), въ вольнодумствѣ и безбожіи, и эти нападенія и доносы не разъ были поводомъ къ гоненіямъ противъ раціональной науки — какъ было напр. въ концѣ XVIII-го столѣтія въ Германіи, и въ періодъ бурбонской и іезуитской реставраціи въ XIX-мъ вѣкѣ почти во всей Европѣ.

Возвращеніе къ алхиміи и магіи было, со стороны мистиковъ, весьма послѣдовательно. По незнанію элементарныхъ требованій науки, мистики не понимали, что̀ творили; и мистицизмъ, въ противоположность наукѣ, отличается тѣмъ, что онъ неподвиженъ и неспособенъ къ развитію. Когда мысль не имѣетъ никакого прочнаго исходнаго пункта, когда все предоставляется экзальтированной фантазіи, человѣку нужны не факты и выводы знанія, а вещи, дѣйствующія на воображеніе—какъ бы они ни противорѣчили здравой логикѣ. Оттого мистическія фантазіи неподвижны и долговѣчны, въ противоположность развивающемуся движенію науки. Для мистика нѣтъ постепеннаго и труднаго открытія научныхъ знаній; его глубочайшія знанія открываются ему не путемъ изученія, а послѣ извѣстнаго мистическаго искуса, путемъ самоуглубленія, созерцаній и непосредственныхъ вдохновеній; и мистики, раздѣленные многими вѣками научныхъ открытій, могутъ однако совершенно сходиться въ своихъ воззрѣніяхъ,—потому-что повторяютъ одну общую тему, предаются одной универсальной фантастикѣ. Относительно происхожденія цѣлой системы своихъ тайноученій, мистическія секты ссылаются очень часто на глубочайшую древность и вѣрятъ въ преемственность тайны, соединяющую новѣйшія времена съ этой древностью. И здѣсь опять та же противоположность наукѣ: послѣдняя мало по малу накопляетъ запасъ своихъ истинъ, начиная съ простѣйшихъ наблюденій и постепенно увеличивая количество фактовъ, и расширяя объемъ обобщеній; въ мистикѣ, напротивъ — полнѣйшее знаніе приписывается древнѣйшимъ людямъ: новыя времена и люди не прибавляютъ къ нимъ ничего, и только сберегаютъ — въ тайнѣ, извѣстной немногимъ — старое сокровище, стараясь подготовить и другихъ людей къ воспринятію этого сокровища.

Вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ назадъ, мистики естественно готовы видѣть отрывки этихъ древнѣйшихъ сверхъ-естественныхъ знаній во всякомъ мистицизмѣ старыхъ временъ, какой имъ случается узнать; мы увидимъ дѣйствительно, что для масонскихъ мистиковъ XVIII-го вѣка получали равный авторитетъ

и мистики XIII—XIV вѣковъ и мистики III—IV столѣтій. Эта мистика удовлетворялась безъ особеннаго разбора всякимъ умозрительно-фантастическимъ туманомъ — поэтому въ масонскомъ мистицизмѣ XVIII-го вѣка, европейскомъ и русскомъ, почти нѣтъ возможности разграничить опредѣленныхъ направленій: идеально-фантастическая философія, похожая на неоплатонизмъ, соединялась съ каббалистикой и алхиміей, сведенборгизмомъ и животнымъ магнетизмомъ Месмера, съ вызываніемъ духовъ и чудесными исцѣленіями. Наиболѣе усердные адепты проходили всѣ степени мистическихъ таинствъ: экзальтированная мысль легко переходила въ теософію, а теософія въ практическомъ выраженіи своего содержанія легко становилась настоящей теургіей, похожей и на магическія манипуляціи, и на обрядность мистической религіи: мистикъ легко сближается съ «вдохновеннымъ», предвѣщателемъ, ясновидящимъ, тавматургомъ,—и точно также съ дѣлателемъ золота, добывателемъ жизненнаго эликсира и философскаго камня. Такъ было всегда въ мистическихъ сектахъ: у камизаровъ были свои пророки, какъ у нашихъ раскольниковъ; въ новѣйшія времена всѣ роды сверхъестественнаго совершались въ мистическихъ кружкахъ Европы XVIII вѣка; у піэтистовъ были свои «вдохновенные» и дѣлатели золота; Гаснеръ дѣлалъ чудесныя исцѣленія; Шрепферъ вызывалъ духовъ; даже въ XIX-мъ столѣтіи баронесса Крюднеръ пророчествовала.

Чтобы ближе ознакомиться съ характеромъ источниковъ, изъ которыхъ почерпался мистицизмъ новиковскаго кружка, мы взглянемъ еще на нѣкоторыя подробности европейской мистики прошлаго вѣка, имѣющія ближайшее отношеніе къ нашей школѣ. Обозначенныя нами основныя черты мистицизма повторяются и здѣсь. Для краткости мы остановимся на двухъ главнѣйшихъ школахъ мистицизма, имѣвшихъ у насъ своихъ прозелитовъ — на мистикѣ Сенъ-Мартена и розенкрейцерствѣ. Сенъ-Мартенъ пользовался въ нашихъ масонскихъ кружкахъ большимъ уваженіемъ, вѣроятно съ самаго появленія его книги «О заблужденіяхъ и истинѣ» (1775 г.), хотя книга была издана по-русски уже позднѣе (1785 г.). Книга Сенъ-Мартена, говорящая о всевозможныхъ сюжетахъ религіи, общественной жизни, естествознанія, политики, нравственности и т. д. [1]), не можетъ впрочемъ

[1]) Вотъ заглавіе русскаго перевода, по которому можно составить нѣкоторое понятіе о разнообразіи ея содержанія:

«О заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается Примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности, о про-

считаться какой-нибудь полной системой его ученія; это—мистическій фельетонъ. Самъ авторъ также едва ли есть положительный представитель мистицизма, потому-что при всѣхъ увлеченіяхъ одаренъ еще нѣкоторой долей осторожности, старается смягчать рѣзкости мистицизма, когда онъ переходитъ у другихъ въ родъ грубаго волхвованія, хотя въ глубинѣ души все-таки вѣритъ въ него. Среди сумасбродствъ Пасквалиса, Сведенборга, Эккартсгаузена, Лафатера и крайняго легкомыслія людей, вѣрившихъ во всякія шарлатанства, его можно иногда принимать за умѣреннаго. Тѣмъ не менѣе понятія его совершенно мистическія. Міръ есть эманація божественнаго Слова, которое онъ понимаетъ не столько въ христіанско-догматическомъ, сколько въ гностическомъ смыслѣ, — дававшемъ, очевидно, больше простора для фантазіи. Понятіе объ эманаціи нужно было для объясненія того особеннаго міра духовъ, который вообще играетъ такую важную роль въ мистицизмѣ, и изученіе котораго составляло для Сенъ-Мартена, какъ для множества другихъ фантастовъ XVIII-го вѣка, предметъ мучительныхъ усилій. Въ этомъ понятіи о мірѣ духовъ находится центръ тяжести въ ученіи Сенъ-Мартена. Въ общихъ чертахъ дѣло состояло въ слѣдующемъ. Вселенная и человѣкъ оживотворяются однимъ общимъ принципомъ, изъ котораго эманируютъ спиритуальныя силы, дѣйствующія и во внѣшней природѣ и въ человѣкѣ; низшія силы управляютъ матеріальной природой; высшіе агенты управляютъ умственной жизнью человѣка. Человѣкъ выше природы и вообще ближе къ этимъ высшимъ силамъ, и величайшее усиліе его духовныхъ способностей должно состоять въ «великомъ дѣлѣ» (grand oeuvre), о которомъ Сенъ-Мартенъ всегда говоритъ крайне неопредѣленно и уклончиво и которое, безъ сомнѣнія, должно было состоять въ стремленіи къ непосредственному сліянію съ высшими силами,—эти силы и сообщаютъ тогда знаніе высочайшихъ тайнъ созданія и божества. Ни Сенъ-Мартенъ, ни наши мистики не даютъ ближайшаго объясненія своимъ трансцендентальнымъ выраженіямъ о высшихъ силахъ и о возвышеніи въ высшія сферы, такъ-что въ иныхъ случаяхъ эти выраженія представляются черезъ мѣру туманнымъ идеализмомъ, въ другихъ нельзя не видѣть въ нихъ весьма опре-

---

исхожденіи Добра и Зла, о Человѣкѣ, о Натурѣ вещественной, о Натурѣ невещественной, и о Натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ типографической компаніи. Въ Москвѣ. Въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785 года.» XII и 542 стр., 8°.

дѣленнаго смысла—экстаза, духовидѣнія и галлюцинацій [1]). Силы, управляющія матеріальной природой, не суть физическіе законы, какъ мы понимаемъ ихъ теперь, а дѣйствующія спиритуальныя существа. Замѣтимъ, что мистики вообще смѣялись надъ химиками, изучавшими матеріально разныя вещества природы, и сожалѣли о нихъ, что они тратятъ напрасно время, потому-что не изучаютъ *духа* веществъ (esprit, spiritus), въ которомъ однако и заключается ихъ сущность: такъ сами мистики говорятъ о духѣ соли, духѣ меркурія и т. д.; но въ то же время эти духи получаютъ у нихъ отвлеченное и нравственное значеніе, такъ-что химическая формула пріобрѣтаетъ смыслъ нравственнаго или теософическаго положенія — прямой отголосокъ средневѣковой алхиміи.... Спиритуальныя силы, стоящія выше человѣка, имѣютъ различныя градаціи: между міромъ земнымъ и высшимъ спиритуальнымъ міромъ, къ которому стремились всѣ желанія мистика, есть средній міръ, имѣющій свои области различнаго спиритуальнаго достоинства,—иныя изъ нихъ имѣютъ даже свои опасности, потому-что исполнены сѣтями и соблазнами. Не всѣ умѣютъ отличать истинный путь въ высшія сферы, и истинное «просвѣщеніе» (въ мистическомъ смыслѣ) есть трудный подвигъ. Человѣку мудрено отрываться отъ земной ограниченности, и ему необходимы для этого особенныя усилія.... Здѣсь начало теургіи, мистическихъ обрядовъ и пріемовъ, потому-что усилія, которыми достигалось сверхъестественное вѣдѣніе, были несомнѣнно не только усилія трансцендентальной мысли, но и извѣстныя матеріальныя манипуляціи. Около этого ходятъ всѣ пламенныя стремленія мистиковъ древнихъ и новыхъ; мистики искали и были увѣрены, что могутъ достигать особеннаго сверхъестественнаго развитія способностей физическихъ и нравственныхъ, необыкновенныхъ вдохновеній, сношеній съ высшими существами, дара предвѣщанія и экстаза, и т. д.

Что съ цѣлью пріобрѣтенія этихъ способностей употреблялись матеріальныя манипуляціи, это не подлежитъ сомнѣнію,—хотя мистики, относительно этого, очень скрытны, и Сенъ-Мартенъ, даже въ дружеской перепискѣ съ посвященными въ по-

[1]) Въ книгѣ «О заблужденіяхъ и истинѣ», говоря «о воспроизведеніи образовъ» и «о истеченіяхъ изъ единицы», Сенъ-Мартенъ дѣлаетъ такого рода намекъ (по русск. перев., стр. 84):

«Не присовокуплю я къ сему разсужденію тѣхъ доводовъ, которымъ *не повѣрятъ*, хотя они *такого свойства*, что такъ невозможно мнѣ въ нихъ сомнѣваться, какъ бы *я самъ присутствовалъ* при сотвореніи вещей.» Находя въ его книгѣ подобныя вещи, легко понять, почему Николаи, нѣмецкій масонъ-раціоналистъ, о которомъ мы упомянемъ еще дальше, человѣкъ весьма разсудительный, называлъ книгу Сенъ-Мартена гнуснымъ обманомъ («ein niederträchtig hinterlistiges Werk»).

добные секреты, говоритъ объ этомъ такъ темно, что часто невозможно понять, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ дѣла, знаменитый Эккартсгаузенъ—котораго зачитывался впослѣдствіи гоголевскій почтмейстеръ — прямо утверждаетъ, что на человѣческомъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, какія нужны были бы для объясненія этихъ вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что сюда относится и «великое дѣло» Сенъ-Мартена. Его учитель въ масонствѣ и мистикѣ, Мартинецъ Пасквалисъ ревностно занимался теургическими операціями; ученикъ его, аббатъ Фурнье, разсказываетъ, что путемъ такихъ практическихъ упражненій онъ достигъ наконецъ чудесныхъ видѣній; эксперименты Месмера, духовидѣніе Сведенборга, относились именно къ тому разряду спиритуальнаго «дѣла», надъ которымъ хлопоталъ и самъ Сенъ-Мартенъ.

Быть можетъ, Сенъ-Мартенъ былъ только умѣреннѣе или идеальнѣе въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ расположенъ къ Месмеру, котораго считалъ «матеріалистомъ, но матеріалистомъ, владѣющимъ большимъ могуществомъ»; Сведенборгъ казался ему болѣе сильнымъ въ «наукѣ душъ», чѣмъ въ наукѣ духовъ; онъ возстаетъ противъ «мнимыхъ миссій» и «мнимыхъ манифестацій» (ясновидѣніе, магнетизмъ, сообщенія съ низшими духами): ему самому представлялись болѣе возвышенныя цѣли, сближеніе съ болѣе высокими сферами, и достигать ихъ ему хотѣлось, повидимому, безъ грубыхъ матеріальныхъ пріемовъ. Тѣмъ не менѣе онъ проходилъ школу Пасквалиса, и впослѣдствіи занимался какими-то таинственными операціями съ графомъ д'Отривомъ (d'Hauterive), который пріобрѣлъ себѣ потомъ большую славу этими дѣлами: онъ, говорятъ, достигъ до «физическаго знанія дѣятельной и разумной причины» (или «Слова») и пріобрѣлъ способность освобождаться отъ своего тѣла во время своихъ мистическихъ восхожденій въ высшія спиритуальныя области. Сеансы Сенъ-Мартена съ нимъ не могли имѣть другой цѣли. Не знаемъ, чего онъ достигалъ въ этихъ операціяхъ, но дѣло шло именно объ этомъ. Изъ положительныхъ свидѣтельствъ его фантазёрства остался только его «Трактатъ о числахъ»—нѣчто въ родѣ мистической ариѳметики или опыта въ каббалистикѣ, гдѣ онъ признаетъ за числами мистическое значеніе («каждое число выражаетъ божественный законъ, или спиритуальный — добрый или злой, или стихійный», и т. д.) и въ чемъ онъ считалъ себя повидимому очень сильнымъ, потому-что критиковалъ пріемы другихъ счетчиковъ [1]). И среди своихъ отказовъ отъ

[1]) Именно Эккартсгаузена; см. Matter, ib., p. 263. Въ книгѣ «О заблужденіяхъ и

грубаго мистицизма онъ все-таки остается вполнѣ вѣренъ мистической программѣ: подъ конецъ онъ дѣлается крайнимъ почитателемъ Якова Бёма и удивляется его ученику Гихтелю, человѣку и писателю, на-половину, если не вполнѣ, сумасшедшему.

Сенъ-Мартенъ отдѣляется нѣсколько выгодно отъ другихъ мистиковъ своего времени и своимъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, который въ массѣ фантастическаго тумана обнаруживается иногда чертами ума и наблюдательности. Онъ умѣлъ уважать Руссо, который не былъ, конечно, писателемъ въ его духѣ, хотя конечно и представлялъ родственныя стороны; но онъ умѣлъ удивляться и Вольтеру, «cet homme extraordinaire, qui est un monument de l'esprit humain»; онъ могъ вступать въ диспутаціи съ сенсуалистомъ Гарà, оставаясь на почвѣ логики, что̀ было бы совершенно невозможно для многихъ другихъ людей этого разбора. Но при всемъ томъ, онъ совершенно не понимаетъ науки и относится къ ней враждебно. Въ своей книгѣ «О заблужденіяхъ и истинѣ» онъ силится доказать тщету обыкновенной науки и возбудить къ ней недовѣріе: по словамъ его, онъ не понимаетъ, какимъ образомъ люди, знающіе сладость разума и духа, могутъ хоть на минуту заниматься матеріей. Нѣтъ конечно сомнѣнія, что эта матерія безжалостно отомщала за себя: Сенъ-Мартену приходилось становиться въ весьма глупыя положенія, которыя весьма характеристично представляютъ и всю роль мистицизма. Біографъ Сенъ-Мартена разсказываетъ (стр. 265), что онъ, какъ вѣроятно очень многіе другіе мистики, былъ непріятно пораженъ открытіемъ планеты Урана, потому-что новая планета совершенно разстроивала принятое мистическое число *семь*, на которомъ было построено много самыхъ капитальныхъ мистическихъ умозрѣній. Сенъ-Мартену приходилось имѣть и другія непріятныя встрѣчи съ областью науки. Кажется, еще прежде этого открытія Урана, Сенъ-Мартену, желавшему пропагандировать свои идеи въ широкихъ размѣрахъ и въ самомъ ученомъ мірѣ, хотѣлось побесѣдовать объ этихъ вещахъ съ знаменитымъ и совсѣмъ разсудительнымъ астроно-

---

истинѣ» есть уже примѣры этой каббалистики. Разсуждая о суетности наукъ, о «торопливости астрономовъ» и исправляя ихъ своими умствованіями, онъ, напримѣръ, замѣчаетъ о «востокѣ» (стр. 393, по русск. перев.):

«Я говорю о истинномъ Востокѣ, котораго восхожденіе солнца есть токмо указательный знакъ, и который оказывается видимымъ образомъ и гораздо точнѣе въ уровнѣ (или ватерпасѣ) и въ перпендикулѣ (или отвѣсѣ), о томъ Востокѣ, который числомъ своимъ *четыре* можетъ одинъ обнять все пространство, понеже, соединяя съ числомъ *девять*, или съ числомъ протяженія, то есть, соединяя дѣйствующее съ страдательнымъ, составляетъ онъ число *тринадцать*, которое есть *число Натуры*».

момъ Лаландомъ. Звѣзды играютъ важную роль въ мистическихъ соображеніяхъ, и Сенъ-Мартенъ воображалъ, повидимому, что они съ Лаландомъ занимаются однимъ дѣломъ, или что онъ, Сенъ-Мартенъ, поможетъ Лаланду понять вещи какъ слѣдуетъ. Но Лаландъ не захотѣлъ и слушать его.... Онъ радуется впрочемъ, что, несмотря на эту неудачу, его идеи часто «подтверждались» въ его бесѣдахъ съ «другими» людьми; — эти «другіе» были свѣтскіе маркизы, шевалье, герцогини и подобные знакомцы Сенъ-Мартена, въ Парижѣ, въ Англіи, Италіи, Эльзасѣ, гдѣ бывалъ Сенъ-Мартенъ, и многіе представители Россіи, которыхъ ему случалось видѣть и имѣть въ числѣ своихъ друзей. Сенъ-Мартенъ не понималъ, что всѣ подтвержденія со стороны людей этой научной силы падали передъ однимъ нежеланіемъ Лаланда слушать его. Въ сущности, Сенъ-Мартенъ отказывается отъ всѣхъ земныхъ наукъ, потому-что онѣ принадлежатъ низшимъ способностямъ, и заботится только о мнимо-«небесныхъ»: вѣря во всякую фантастику, онъ искалъ только ея и даже нападалъ на ревнителей религіи за то, что они пренебрегаютъ или безсильны творить чудеса [1]).

Мораль Сенъ-Мартена столько же туманна. Нравственное совершенствованіе сопутствуетъ, по его понятіямъ, возвышенію въ высокія спиритуальныя сферы. Сенъ-Мартенъ не даетъ никакого опредѣленнаго нравственнаго кодекса, — его не было и въ тѣхъ лекціяхъ о морали, которыя онъ читалъ въ 1774 г., въ ліонской ложѣ благотворительности. Мораль его стоитъ вообще на религіозномъ основаніи и оттѣнена мистическими фантазіями: какъ человѣку нечего искать знанія въ книгахъ, такъ нечего искать тамъ и правилъ морали; онъ найдетъ ихъ въ самомъ себѣ, потому-что онъ есть отраженіе высшаго Начала, и руководствомъ долженъ служить ему внутренній свѣтъ. Человѣкъ не долженъ забывать своего высокаго человѣческаго достоинства; долженъ стараться, чтобы и другіе также уважали его: любовь къ ближнему является сохраненіемъ чистоты самаго Начала, которое оживотворяетъ человѣка.

Вотъ образчикъ мистицизма, который, между прочимъ, давалъ теоретическую основу для понятій нашего масонства. Съ этой фразеологіей мы безпрестанно встрѣчаемся въ книгахъ и раз-

[1]) Matter, p. 182. О наукѣ онъ говоритъ такъ: «C'est mâcher à vide que de courir après la matière. J'ai vu (!) les sciences fausses du monde, et j'ai vu pourquoi il ne peut rien comprendre à la vérité: elles ne mettent en jeu que les facultés inférieures. Pour les sciences humaines, il ne faut que de l'esprit: elles ne demandent pas d'âme; tandis que pour les sciences divines il ne faut point d'esprit, parce que l'âme les *engendre* toutes». Ibid. p. 417.

сужденіяхъ нашихъ масоновъ. Мистическія идеи шли къ намъ вообще широкой струей, разными путями: черезъ прямое посредство ложъ, черезъ личныя сношенія и путемъ литературы. Теперь еще трудно сказать, имѣлъ ли Сенъ-Мартенъ вліяніе на наше масонство черезъ пропаганду ложъ, принимавшихъ его взгляды; но, какъ мы указывали выше, личное вліяніе его не подлежитъ сомнѣнію, а тѣмъ больше вліяніе литературное. Книга его, странная и фантазёрская для людей серьёзныхъ, произвела большое впечатлѣніе въ мистическихъ кружкахъ, и наши масоны не даромъ конечно получили названіе мартинистовъ. У нашихъ мартинистовъ замѣтна такая же неопредѣленная смѣсь идеализма, иногда еще понятнаго, съ грубой мистикой, — какая отличаетъ ихъ учителя. Впослѣдствіи, мы находимъ, что наши масоны отзываются какъ будто съ высока о книгѣ Сенъ-Мартена. Такъ, кн. Трубецкой въ письмѣ къ Ржевскому, въ 1783 г., насмѣхаясь надъ хвастовствомъ масона Рибаса, который хвалился, что знаетъ «внутреннія познанія ордена», — говоритъ: «видно, что для него природа скачокъ сдѣлала, и поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго, изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ.... Когда же онъ называетъ познаніемъ (этихъ внутреннихъ орденскихъ тайнъ) размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ: *Des Erreurs et de la Verité*, я вамъ скоро *изобиліе* таковыхъ толкованій *доставлю;* и кто, подобно Рибасу, думаетъ, что онъ по онымъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется *мальчику*, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему быть уже инженеромъ» [1]). Эти слова означаютъ только, что наши масоны въ это время полагали себя уже гораздо дальше тѣхъ общихъ и элементарныхъ понятій масонской мистики, какими они стали считать эту первую книгу Сенъ-Мартена съ тѣхъ поръ, какъ сами вступили въ настоящій «внутренній орденъ», т. е. въ розенкрейцерство. Въ немъ, по ихъ убѣжденію, и заключались всѣ высшія теоретическія и практическія таинства ордена, наслѣдованныя отъ Адама и патріарховъ.

Это розенкрейцерство была другая форма масонскаго мистицизма, на которой намъ надо остановиться при объясненіи новиковскаго масонства: по своему основному смыслу она очень близка къ первой, но мистицизмъ ея былъ грубѣе. Розенкрейцерство было завершеніемъ исканій «истиннаго масонства» въ новиковскомъ кружкѣ: оно явилось въ этомъ кружкѣ съ 1782 г., съ возвращенія Шварца изъ путешествія, и, повидимому, оста-

[1]) Ешевск., Р. Вѣстн. 1865, № 8, стр. 25—26.

лось въ убѣжденіяхъ Новикова до самаго конца. Розенкрейцерство было однимъ изъ тѣхъ наростовъ, которые пристали къ масонству въ XVIII-мъ столѣтіи и вносили въ него свои собственныя тенденціи, употребляя для этого новыя прибавочныя степени. Новыя степени и выдавались обыкновенно за настоящую масонскую тайну; онѣ возбуждали любопытство и открывали путь для всѣхъ тѣхъ интригъ, шарлатанства и обмана, которые были ихъ цѣлью. Такъ явились шотландскія степени, тампліерство, lata observantia или циннендорфство (у насъ — Рейхелева система), наконецъ розенкрейцерство и иллюминатство. Такимъ образомъ, въ низшихъ степеняхъ розенкрейцерство сохранило обычное масонское содержаніе, — настоящее дѣло заключалось въ дальнѣйшихъ степеняхъ. Что же было это розенкрейцерство?

Розенкрейцерство есть одно изъ тѣхъ фантастическихъ произведеній мистицизма, которыми такъ богаты были XVII-е и XVIII-е столѣтія [1]). Первое появленіе этого имени относятъ къ 1614 году, — но только *имени*, а не ордена, потому-что собственно розенкрейцерство явилось тогда только какъ проектъ ордена. Авторомъ этого проекта былъ Валентинъ Андреэ. Среди религіозныхъ и политическихъ смутъ начала XVIII-го вѣка онъ возъимѣлъ мысль объ обществѣ, которое составилось бы для всеобщаго преобразованія и улучшенія государственныхъ и церковныхъ отношеній и воспитанія, въ противодѣйствіе гностическому мистицизму, который въ то время имѣлъ много приверженцевъ въ Германіи, и вмѣстѣ въ противодѣйствіе схоластической теологіи: онъ самъ хотѣлъ основываться на чистомъ ученіи Писанія. Этотъ планъ онъ изложилъ въ нѣсколькихъ книгахъ [2]); и въ одной изъ нихъ разсказана слѣдующая исторія. Христіанъ Розенкрейцъ, къ имени котораго привязана вся исторія этого общества (Розенкрейцъ, т. е. типъ истиннаго христіанина съ его

---

[1]) Исторія розенкрейцерства до сихъ поръ еще обстоятельно не разъяснена; главныя данныя можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: Missiv an der Brüderschaft des Ordens des Goldenen- und Rosenkreuzes, Leipz. 1783 (здѣсь списокъ розенкрейцерскихъ книгъ 1614—1783 г.);—Les plus secrets mystères des hauts grades de la Maçonnerie devoilés, ou le parfait Rose-croix, trad. de l'anglais. Jérusalem (Orléans), 1768;—*Semler*, Sammlungen zur Historie des Rosenkreuzer, Leipz. 1786—88;—*Buhle*, Ueber Ursprung und die vornehmsten Schicksale der Freimaurer und Rosenkreuzer, Gött. 1804;—*Fr. Nicolai*, Einige Bemerkungen über den Ursprung und die Geschichte der Rosenkreuzer und Freymaurer (по поводу книги Буле). Berlin u. Stettin 1806;—Die beiden Hauptschriften der Ros., die Fama u. die Confession, kritisch geprüfter Text etc. Frankf. 1827;—изслѣдованіе *Гуругэра* о Fama и пр. въ Niedner's Zeitschrift für historische Theologie, 1852.

[2]) Это были: Fama Fraternitatis R. C. oder Bruderschaft des hochlöblichen Ordens des R. C., Kassel. 1614; Confession und Bekandnüss der Societät und Bruderschaft R. C., ib. 1615; Chymische Hochzeit des Christian Rosenkreutz (напис. 1603). 1616.

радостями и страданіями въ жизни, изображаемыми Розой и Крестомъ, и въ его отношеніяхъ къ Богу и природѣ), родившійся будто-бы въ 1388 г., былъ молодой дворянинъ, который, оставивши свой монастырь, отправился въ святую землю, и затѣмъ въ Дамаскѣ, Египтѣ и Фецѣ узналъ таинства физики, математики и магіи. Возвратившись въ Германію, онъ построилъ себѣ прекрасный домъ (domus Scti. Spiritus), и для основанія братства Розы и Креста выбралъ себѣ трехъ друзей изъ прежняго монастыря, съ которыми онъ и хотѣлъ начать трудъ своей міровой реформы; затѣмъ онъ выбралъ еще четырехъ, которые, получивши должныя наставленія, отправились трудиться для той же цѣли на дѣлѣ. Члены общества должны были собираться разъ въ годъ въ домѣ общества для отчета о своей дѣятельности; каждый долженъ былъ при жизни выбрать себѣ преемника; въ теченіе ста лѣтъ общество должно было сохраниться въ тайнѣ. Въ награду за участіе въ дѣлѣ обѣщалось обладаніе высшими знаніями и, при нравственно-чистой жизни, безболѣзненность; смерть и мѣсто погребенія должны были быть взаимно скрываемы, и были извѣстны только имена братьевъ. Общество существовало сто двадцать лѣтъ подъ управленіемъ Христіана и его преемниковъ, и послѣ того въ домѣ общества найдена была могила Розенкрейца, съ различными мистическими фигурами и предметами, и съ книгами, заключавшими въ себѣ таинства ордена. Андреэ въ своихъ книгахъ приглашалъ ученыхъ изслѣдовать правила братства, а государей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ призывалъ вступать въ него: въ церковномъ отношеніи для этого нужно было признаніе евангельскаго Христа и принятіе двухъ таинствъ, въ политическомъ—признаніе нѣмецкой Римской имперіи; дѣланіе золота, считавшееся высшей задачей тайной философіи, здѣсь отклонялось, на томъ основаніи, что братство, хотя и могло дѣлать золото, но могло сдѣлать много другихъ вещей, гораздо лучшихъ.

Мы сказали, что это былъ только проектъ; въ самомъ дѣлѣ, исторія Розенкрейца есть просто романъ, въ формѣ котораго Андреэ хотѣлъ изложить свои задушевныя стремленія. Валентинъ Андреэ былъ уважаемый писатель своего времени, духовный поэтъ и сатирикъ. Въ томъ религіозномъ настроеніи, которое диктовало и его фантазіи о братствѣ Розы и Креста, существеннымъ предметомъ его стремленій была нравственно-совершенствующая сила христіанства въ искреннемъ и дѣятельномъ примѣненіи; вездѣ, гдѣ дѣйствовалъ онъ самъ, являлись благотворительныя общества и учрежденія; ему казалась идеаломъ строгая нравственная дисциплина женевскаго кальви-

низма [1]). Сатира противъ безплодныхъ умствованій теософовъ и сухой схоластической теологіи наполняетъ всю его писательскую дѣятельность. Когда явились его книги о розенкрейцерствѣ, онѣ имѣли странную судьбу; общество, возбужденное религіозными вопросами и пріученное къ теософской таинственности, приняло фантазію Андреэ за дѣйствительно существующій орденъ, который и произвелъ разнообразные толки: одни возставали противъ него, другіе увлекались характеромъ новаго братства и желали быть его членами, напр., традиціонные алхимисты, Майеръ, Шперберъ, англійскій мистикъ Флоддъ и др. Австрійскіе католики заподозрили общество, въ которомъ чуялась имъ протестантская пропаганда. Андреэ издалъ потомъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ старался разъяснить дѣло; но впечатлѣніе было уже произведено. Разные значительные люди вступали въ сношенія съ Андреэ, чтобы дѣйствительно основать орденъ, чему однако помѣшали тревоги 30-тилѣтней войны. Тѣмъ не менѣе, мистическіе фантазеры, алхимисты и вѣроятно католическіе обскуранты овладѣли планомъ Андреэ, и съ 1622 г. появляется дѣйствительное розенкрейцерское общество съ развѣтвленіями въ Германіи, Голландіи, даже Италіи. Члены его именовались *истинными* розенкрейцерами, называли основателемъ своего ордена Христіана Розе, и въ своихъ собраніяхъ надѣвали голубую орденскую ленту, на которой висѣлъ золотой крестъ съ розой. Эти «истинные» розенкрейцеры не были конечно тѣмъ, чѣмъ желалъ бы видѣть послѣдователей своихъ идей Валентинъ Андреэ. Исторія этихъ розенкрейцеровъ еще мало опредѣлена; несомнѣнно, что въ немъ пріобрѣтаютъ господство—идеи полнаго мистицизма, алхиміи и католическаго обскурантизма. Новое видоизмѣненіе розенкрейцерства, разыгравшееся въ масонствѣ второй половины XVIII-го столѣтія, имѣетъ еще меньше связи съ идеями Андреэ, и обязано своимъ появленіемъ тѣмъ интригамъ, которыя, какъ мы видѣли, стали въ это время овладѣвать масонскими ложами. Трудно конечно сказать, какими путями соединялись всѣ элементы, составившіе розенкрейцерство Вёльлнера и его сотоварищей, сколько было здѣсь суевѣрнаго невѣжества и мистицизма, простодушнаго легковѣрія и прямой, сознательной и злостной интриги; но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти черты присутствовали

[1]) Онъ говоритъ въ своей автобіографіи, что къ этой нравственной дисциплинѣ «онъ будетъ стремиться всю свою жизнь, и что онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы ввести нѣчто подобное въ свою церковь» — онъ самъ былъ тогда лютераниномъ (Nicolai, стр. 83, Anm.). Нѣтъ сомнѣнія, что основой его стремленій было вообще чистое протестантство и нравственное улучшеніе общества.

въ образованіи этой формы масонства. Новое розенкрейцерство явилось въ 1756—1768 г. сначала въ южной Германіи (гнѣздѣ іезуитства), выдавая свой орденъ за высшія степени масонства и утверждая, что настоящая глубокая тайна масонства именно и заключается въ той теософіи, алхиміи и магіи, которыя открываются въ высшихъ розенкрейцерскихъ степеняхъ. Такъ основалось то розенкрейцерство, къ которому примкнуло въ 80-хъ годахъ и масонство новиковскаго кружка. Въ Германіи ревностнымъ дѣятелемъ его былъ упомянутый нами прежде шарлатанъ Шрепферъ, но въ особенности Вёльнеръ, съ которымъ наши масоны были въ прямыхъ отношеніяхъ. Розенкрейцерство утвердилось въ берлинской ложѣ «Трехъ Глобусовъ», гдѣ сначала алхимическія и теософскія таинства ограничивались, повидимому, только теоріей, посвященіемъ въ «теоретическіе братья» или «теоретическій градусъ»; но потомъ на этомъ градусѣ основана была цѣлая алхимическая и магическая іерархія (Juniores, Theoretici, Practici, Philosophi, Minores, Majores, Adepti Exempti, Magistri и Magi). Вёльнеръ, мистикъ и ханжа самаго дикаго свойства, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ ордена: онъ усердно занимался каббалистикой и магіей и прельщалъ этимъ легковѣрнаго Фердинанда Брауншвейгскаго. Другой алхимикъ и розенкрейцеръ подобнаго свойства, Бишофсвердеръ довелъ шарлатанство до послѣдняго безстыдства.

Впослѣдствіи—по смерти Фридриха Великаго (1786), — нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ сносились съ берлинскими розенкрейцерами наши масоны, — оба эти дѣятели «Соломонскихъ наукъ» сдѣлались министрами и вмѣстѣ съ г-жей Рицъ (или графиней Лихтенау), которой они были кліентами, играли самую позорную роль въ исторіи прусскаго двора и прусской политики. Столпъ розенкрейцерства, министръ Вёльнеръ, «религіознымъ эдиктомъ» оставилъ по себѣ память преслѣдователя и обскуранта — прямая дорога, по которой приходится въ новѣйшее время идти всякому послѣдовательному мистику и алхимисту.

Чего же хотѣлось этимъ розенкрейцерамъ и въ какой степени розенкрейцерство именно играло политическую роль? Повторяемъ, что, по недостаточности данныхъ, трудно опредѣлить съ точностью, насколько въ руководителяхъ и сотрудникахъ этого предпріятія могло быть простого суевѣрнаго невѣжества, заставлявшаго ихъ вѣрить въ магію, или сознательной политической интриги и бездѣльничества; но, судя по отзывамъ современниковъ, едва ли можно сомнѣваться въ присутствіи этого послѣдняго мотива. Розенкрейцерство, на-ряду съ другими подобными явленіями, вызвало въ людяхъ просвѣщенныхъ и разсу-

дительныхъ живѣйшія опасенія и противодѣйствіе. Николаи, одинъ изъ ревностнѣйшихъ «просвѣтителей», и его друзья видѣли въ розенкрейцерствѣ положительную интригу, видѣли въ «тайныхъ начальникахъ» ордена, въ строгомъ «повиновеніи», которое требовалось отъ его членовъ, несомнѣнные признаки іезуитства. Новѣйшій писатель, вполнѣ компетентный для внутренней исторіи нѣмецкаго общества, говоритъ объ этихъ мнѣніяхъ такъ: «Что Николаи и его друзья были вообще правы въ своихъ опасеніяхъ относительно тайнаго проникновенія папизма, это достаточно доказали наступившія вскорѣ времена романтиковъ. Что они были правы въ частности, когда утверждали продолжающееся втихомолку существованіе іезуитовъ и ихъ большое вліяніе на тайные ордены, а черезъ нихъ дальше, и когда они опасались новаго помраченія умовъ даже въ протестантскихъ странахъ,—это доказали реакція іезуитства на югѣ Германіи и успѣхи розенкрейцерства въ Берлинѣ, тотчасъ по смерти великаго короля (Фридриха II), — успѣхи, послѣдствія которыхъ Николаи пришлось испытать на самомъ себѣ. Люди, какъ Броннеръ, хорошо знавшій положеніе вещей на югѣ и совершенно посвященный, какъ Форстеръ, который самъ участвовалъ въ розенкрейцерствѣ на сѣверѣ—это такіе свидѣтели, голосъ которыхъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Послѣдній тѣмъ болѣе, что сначала совершенно враждебно относился къ «просвѣщенію» и къ Николаи... А Форстеръ, какъ будто противъ воли признавался, что берлинскіе просвѣтители, т. е. Николаи и его друзья, не безъ основанія чуяли здѣсь интриги папизма [1]).» Самъ Николаи, впослѣдствіи, когда можно было свободнѣе и яснѣе говорить о тогдашнихъ временахъ, разсказываетъ объ общественномъ положеніи розенкрейцерства слѣдующимъ образомъ:

«...Въ то время въ Германіи, и особенно въ Берлинѣ, пустилъ корни и такъ-называемый орденъ Златорозоваго Креста, когда наскучили маскарады тамплiерства.... Но, вмѣсто этого шутовства, здѣсь люди еще болѣе вреднымъ образомъ попались въ руки «неизвѣстныхъ начальниковъ» черезъ посредство системы розенкрейцерства; потому-что эта система (какъ и всякое дѣло ловкихъ «неизвѣстныхъ начальниковъ») въ концѣ концовъ совпадала съ тамплiерствомъ въ своей высшей степени, именно — въ *магическомъ клерикатѣ!* Правда, я тогда еще не зналъ подлиннаго происхожденія, обширнаго распространенія и могущества шарлатанскаго (betrügerisch) ордена розенкрейцеровъ; я еще не видѣлъ съ точностью, какъ онъ могъ распро-

[1]) *Gervinus*, Gesch. der deutschen Dichtung, 4-e изд. V, 251, 275.

странить столько свою силу посредствомъ невѣроятно послѣдовательной связи всѣхъ его частей: впослѣдствіи, я достаточно узналъ все это, чтобы возненавидѣть этотъ столько же хитро придуманный, сколько наглый обманъ (bübische Betrügerey), больше чѣмъ какое-нибудь другое тайное общество, рожденное изъ нѣдръ «неизвѣстныхъ начальниковъ». Но я и тогда уже имѣлъ случай столько узнать объ этомъ орденѣ, что могъ видѣть, что черезъ него, кромѣ раздора и ненависти, распространялись также суевѣріе, теософія, магія, духовидѣніе, католицизмъ и алхимія. Въ особенности распространялась также и нелѣпая вѣра въ крайне древнее происхожденіе ордена.

«Мало по малу я слишкомъ хорошо узналъ, какое множество послѣдователей имѣли эти «розенкрейцеры старой системы» въ большей части европейскихъ странъ, особенно въ Германіи. Уже съ 1783 года, многія лица дѣлали предположенія о близкой смерти Фридриха Великаго и по этому поводу строились различные проекты. Директоры розенкрейцерскихъ кружковъ въ Берлинѣ довольно ясно высказывались въ дружескомъ обществѣ, какое вліяніе ихъ орденъ получитъ при новомъ правительствѣ, не только черезъ уничтоженіе всякаго, отъ нихъ независящаго, масонства, но и относительно многихъ другихъ предметовъ въ государствѣ. Люди, знавшіе положеніе дѣла, легко могли видѣть возможность такого результата, а послѣдующее время показало также нѣсколько и дѣйствительность, въ особенности же обширные планы «неизвѣстныхъ начальниковъ» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдующее время могло объяснить многое, когда Вёльнеръ и Бишофсвердеръ становились при новомъ правительствѣ министрами, и въ особенности, когда раскрылась вся постыдная исторія придворнаго кружка, въ которомъ эти люди занимали самую дѣятельную роль. Такъ какъ эта роль существеннымъ образомъ изобличаетъ смыслъ этого прусскаго розенкрейцерства, которое грозило пріобрѣсти у насъ вліяніе, и такъ какъ здѣсь обнаружилось между прочимъ, къ чему могли быть пригодны и теоретическіе и практическіе пріемы розенкрейцерской теософіи, алхиміи и магіи, — мы приведемъ нѣкоторыя подробности словами, также близкаго свидѣтеля, Шлоссера:

«Старый прусскій король умеръ 17-го августа 1786 года; его наслѣдникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II, по своей природѣ, вслѣдствіе соблазновъ и воспитанія, уже весьма рано упалъ также глубоко, какъ Людовикъ XV упалъ только въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ, какъ Людовикъ XV и какъ многіе мужчины и женщины,

[1]) *Nicolai*, Einige Bemerk. стр. 10, 12.

преданные чувственной любви, былъ весьма приверженъ, какъ говорится, къ церкви. При этомъ онъ былъ во власти своихъ любовницъ и ихъ родственниковъ, и такіе люди, какъ Бишофсвердеръ и Вёльнеръ, фанатики, мистики и ханжи мистифировали его для своихъ цѣлей.... Вёльнеръ, Бишофсвердеръ, Рицъ и сообщники ихъ никому, кромѣ своихъ креатуръ, не давали хода.... Дочь вальторниста Энке, которую король обвѣнчалъ съ своимъ камергеромъ Рицомъ, исполняла такія же дѣла, какъ Помпадуръ, обязанностью которой было, какъ извѣстно, заботиться о Людовикѣ XV-мъ, какъ только она одна то умѣла. Рицъ сдѣлалась главнымъ лицомъ въ государствѣ, и что тамъ творилось, какую роль играла она подъ именемъ графини Лихтенау,—она разсказываетъ намъ устами своего защитника. Книга, ею продиктованная, низкая и безстыдная, наполненная отвратительными и подлыми документами, издана въ настоящемъ столѣтіи (Apologie der Gräfin Lichtenau. Leipz. 1808)....

«Въ это время (въ 90-хъ годахъ), царствованіе Фридриха-Вильгельма походило на конецъ царствованія Людовика XV; прусскій король, также какъ и Людовикъ, надѣялся примириться съ Богомъ за прегрѣшенія плоти—слѣпою вѣрою и дикимъ мистицизмомъ. Вёльнеръ, который сначала хоть по наружности долженъ былъ сдерживаться, потому-что король не хотѣлъ тотчасъ выказаться реакціонеромъ, окружилъ себя толпою слѣповѣрующихъ, издалъ, такъ-называемый, религіозный эдиктъ и неистовствовалъ противъ раціонализма.... Еслибы кто захотѣлъ писать скандалезную хронику или сатиру вмѣсто исторіи, то прусская исторія времени Фридриха-Вильгельма II представила бы для этого такой же богатый матеріалъ, какъ и исторія Людовика XV.... Одни письма Мирабо содержатъ въ себѣ значительный запасъ сплетенъ истинныхъ и ложныхъ; а послѣ 1803 года появилась, какъ извѣстно, цѣлая библіотека сочиненій о прусской придворной исторіи. Уже общеизвѣстные разсказы о ежедневной жизни короля, слабаго отъ чувственности и фантазіи, и поэтому обладаемаго суевѣріемъ и мистицизмомъ, достаточно соблазнительны; тайная исторія скандаловъ того времени заняла бы многіе томы [1]).» Шлоссеръ не любитъ вообще подобныхъ подробностей и не сообщаетъ ихъ; но по тону его читатель можетъ видѣть, какъ могли быть чисты люди, дѣйствовавшіе въ союзѣ съ графиней Лихтенау. Прибавивъ, для большей ясности,

[1]) Шлоссеръ, Исторія XVIII-го стол. т. IV, (по русск. перев.) стр. 360—375 и также т. V. — Финдель (Gesch. der Freim., 2-е изд., стр. 290—297) разсказываетъ эти частныя подробности о розенкрейцерахъ съ нѣкоторыми варіаціями.

одну подробность изъ этого времени [1]), мы замѣтимъ только, что со вступленіемъ Фридриха-Вильгельма III (въ 1797 г.), отличавшагося другими свойствами, по словамъ того же Шлоссера, «произошла благодѣтельная перемѣна при дворѣ и въ частныхъ дѣлахъ королевской фамиліи, потому-что король и его супруга были образцами семейныхъ добродѣтелей и истинной религіозности» (т. VI, стр. 101), — хотя въ политикѣ еще сохранилъ силу соучастникъ розенкрейцеровъ Гаугвицъ, и хотя нужны еще были испытанія Іены и Ауэрштедта, чтобы и здѣсь открыть путь для болѣе здравыхъ общественныхъ началъ и для благотворной дѣятельности Штейна. Достойная графиня и Бишофсвердеръ должны были, по воцареніи новаго короля, немедленно оставить Берлинъ; вскорѣ за ними удаленъ былъ и Вёльнеръ. Розенкрейцерство кончилось.

Такова была настоящая сущность и практическая общественная цѣнность мистической школы, у которой думало подъ конецъ поучаться масонство новиковскаго кружка. Впрочемъ, едва ли настоящимъ образомъ оно научилось чему-нибудь, потому-что наше розенкрейцерство остановилось, сколько мы знаемъ, на первыхъ степеняхъ.... Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности о другихъ видоизмѣненіяхъ европейскаго мистицизма, проникавшаго въ наши ложи,—изъ сказаннаго нами уже достаточно ясно, какого рода тенденціи грозили овладѣть нашимъ масонствомъ, подобно тому, какъ онѣ овладѣвали масонскими ложами въ Европѣ. Наше масонство было очень воспріимчиво ко всѣмъ подобнымъ вліяніямъ; мы видѣли, что въ немъ принимались самыя разнообразныя «системы»: англійская, шведская, французская, разныя нѣмецкія, — и хотя не всѣ могли утверждаться прочно и нѣкоторыя, послѣ извѣстной критики, положительно отвергались, но всѣ могли оставлять слѣды сво-

---

[1]) Bischofswerder hatte sich dem König, während dieser noch Kronprinz war, durch Bereitung künstlicher Stimulantien, der sogenannten Diavolini, unentbehrlich zu machen gewusst und ihn tief in die Netze mystischer Ordensgaukeleien (т. е. Розенкрейцерства) verstrickt, so tief, dass er und seine Creaturen es unbedenklich wagen durften, die Majestät mit dem handgreiflichstem Betrug von Geisterbeschwörungen zu äffen und zu ängstigen. Es existirt eine Erzählung aus dem Munde der Gräfin Lichtenau, wodurch wir erfahren, dass Friedrich-Wilhelm durch eine solche mit der plumpsten Taschenspielerei veranstaltete Geistercitation, wobei man ihn Marc Aurel, Leibnitz und den grossen Kurfürsten sehen liess, in die lächerlichste Todesangst versetzt wurde». *J. Scherr*, Deutsche Kulturgesch. 2-е изд., стр. 425.

его присутствія. Въ орденѣ были люди, крайне преданные его интересамъ — мы называли циннендорфиста Рейхеля, розенкрейцера Шварца, князя Репнина и др.; московскіе мистики имѣли даже постояннаго делегата при очагѣ розенкрейцерства, и этотъ делегатъ, Кутузовъ, быть можетъ, сдѣлался бы іерофантомъ новыхъ мистерій, еслибы смерть не унесла его. Не безъ вліянія должны были оставаться и странствующіе искатели истиннаго масонства и любители мистики, какъ кн. Репнинъ, Голицынъ, Воронцовъ, Строгановъ, и т. д. Очень вѣроятно, что этими путями должно было переходить къ намъ много разнообразныхъ мистическихъ воззрѣній, и наши масоны должны были познакомиться съ обширнымъ запасомъ мистическихъ идей и книгъ, въ которыхъ имъ указывали истинную мудрость. Мы увидимъ дальше, что запасъ, въ самомъ дѣлѣ, представлялся огромный. Распространеніе масонскихъ идей въ русскомъ обществѣ пошло двумя путями — посредствомъ ложъ и литературнымъ образомъ. Въ то время, какъ масонскіе секреты могли распространяться только въ ограниченной средѣ избранныхъ и испытанныхъ людей, путемъ посвященія — литературная пропаганда могла дѣйствовать на всю массу общества, подготовляя его къ настоящимъ тайнамъ. Предпріимчивость и ревность Новикова явились сильнымъ средствомъ для дѣйствія на общество въ духѣ масонства. Переходя теперь къ тому, что̀ представляли въ этомъ смыслѣ русскія ложи и литературныя проявленія нашего масонства, мы должны возвратиться еще къ главнѣйшему представителю нашего стараго масонства, Новикову: развитіе его личныхъ воззрѣній имѣетъ въ этомъ смыслѣ характеристическое значеніе.

Историки нашей литературы, говоря о масонствѣ Новикова, нерѣдко принимаютъ его мистицизмъ, во-первыхъ, за направленіе, рѣзко отдѣляющееся отъ его первой дѣятельности, за совершенно новый періодъ въ исторіи его понятій; во-вторыхъ, склонны считать этотъ мистицизмъ ненужнымъ, случайнымъ заблужденіемъ, въ которое странно было впадать неглупому человѣку. Мы думаемъ иначе, и именно относительно перваго полагаемъ, что между этими двумя предполагаемыми періодами вовсе не было такого рѣзкаго и глубокаго различія, какъ представляютъ, а что, напротивъ, одинъ весьма послѣдовательно развивается въ другой; и относительно второго мнѣнія мы полагаемъ, что новиковскій мистицизмъ, говоря исторически, не только былъ совершенно естественнымъ явленіемъ, но въ обстоятельствахъ тогдашняго общества былъ даже серьезнѣе, нежели то представляли себѣ его противники. Мы объяснимъ это дальше.

Развитіе понятій Новикова въ самомъ дѣлѣ было очень послѣдовательное, безъ всякихъ внезапныхъ перерывовъ и безъ всякой «перемѣны направленія». Замѣтимъ прежде всего, что образованіе Новикова, по его собственному признанію, было очень недостаточно; и этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію въ то время слишкомъ общій, становился весьма серьёзнымъ недостаткомъ въ человѣкѣ, способномъ такъ глубоко предаваться общественному интересу и нравственнымъ требованіямъ, какъ Новиковъ. Въ людяхъ посредственныхъ и ничтожныхъ такой недостатокъ безвреднѣе, потому-что самыя дѣла ихъ посредственны и ничтожны; въ людяхъ талантливыхъ и съ практической энергіей этотъ недостатокъ только усиливаетъ ошибку, если они впадаютъ въ нее. У Новикова это дѣйствительно увеличило силу его личнаго заблужденія, — хотя впрочемъ отъ такого же заблужденія вовсе не были свободны и болѣе образованные его друзья; назовемъ хоть Шварца и Лопухина, или другихъ аристократическихъ членовъ ордена, которыхъ модное образованіе не спасало отъ фантастики, — такъ-что можно дѣлать весьма естественное заключеніе, что обыкновенное тогдашнее образованіе, пожалуй, также могло бы не спасти Новикова отъ его заблужденія. Этотъ недостатокъ въ личномъ развитіи Новикова высказался не вдругъ; онъ обнаружился въ полной силѣ только впослѣдствіи, именно тогда, когда передъ нимъ стала задача теоретическаго опредѣленія и положительнаго установленія его принциповъ. Въ первое время, когда эти вопросы теоріи и идеала еще не выросли до настоятельнаго требованія, Новиковъ руководился въ своихъ взглядахъ на общественныя отношенія непосредственными инстинктами честнаго, доброжелательнаго сердца. Дѣло его развитія и практическая общественная дѣятельность начались съ весьма простого и естественнаго нравственнаго чувства. Его журнальная сатирическая дѣятельность, — которую онъ началъ молодымъ человѣкомъ 25-ти лѣтъ и которая составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія — была вызвана именно этимъ глубокимъ чувствомъ, слишкомъ оскорбленнымъ жалкой дѣйствительностью и горячо желавшимъ другихъ, лучшихъ порядковъ и отношеній. Въ этомъ журналистѣ, — весь журналъ котораго составлялъ въ годъ маленькую книжку, и то на-половину занятую почти обязательными панегириками, — мы видимъ замѣчательно смѣлаго представителя нравственныхъ требованій, уже являвшихся въ сознаніи лучшихъ людей, писателя, возмущеннаго свѣтской пустотой и общественной несправедливостью и ищущаго справедливости и просвѣщенія. Достаточно припомнить нѣкоторыя стра-

ницы его журналовъ, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о его стремленіяхъ. Въ посвященіи «Живописца» императрицѣ (какъ автору комедіи: «О время») онъ выражаетъ желаніе, чтобы «дарованная вольность умамъ россійскимъ» была употреблена на пользу общества; онъ указываетъ недостатки и пороки этого общества и обращается къ Екатеринѣ съ словами: «Истребите изъ сердца своего всякое *пристрастіе;* не взирайте на *лица:* порочной человѣкъ *во всякомъ званіи* равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными». Онъ указываетъ автору комедіи «О время» обширное поле для исправленія нравовъ, осмѣянія пороковъ и предразсудковъ; и изъ его пожеланій видно, что сатира, существовавшая тогда въ русской литературѣ, казалась ему еще слишкомъ тѣсна и ничтожна. Онъ даетъ чувствовать и всю трудность своего собственнаго положенія, когда говоритъ императрицѣ: «*Вы открыли* мнѣ дорогу, которой я всегда *страшился;* вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ — исправлять нравы своихъ единоземцевъ.» Въ одномъ изъ слѣдующихъ листковъ журнала, онъ представляетъ картину жалкаго положенія литературы, въ которой «годится въ писатели даже онъ, человѣкъ, который россійской грамотѣ учился у дьячка, который и самъ не зналъ никакихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ....» Правда, замѣчаетъ онъ, «нѣкоторые ненавистники письмянъ (т. е. литературы) новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ»,— но все это пустяки, замѣчаетъ онъ: «посмотрите только на молодыхъ нашихъ писателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ....» Знаніе русскаго языка, ученіе — все это не нужный вздоръ, по мнѣнію этихъ «молодыхъ писателей», отъ лица которыхъ говоритъ здѣсь авторъ, иронически причисляя себя къ ихъ числу. Онъ также считаетъ знаніе не нужнымъ, и въ этомъ мнѣніи многіе крѣпко его поддерживаютъ, наприм. поддерживаютъ «благородные невѣжды, вѣтреные щеголи» — и люди стараго вѣка. «И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: «дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль,

одно разоренье!» Дѣтямъ своимъ вы говорите: «расти только великъ, да будь счастливъ, а умъ будетъ». Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы!» [1]).

Эта глубокая иронія, или «отрицаніе», по нынѣшнему способу выраженія, вполнѣ раскрываетъ передъ нами, какъ хорошо понималъ Новиковъ всю ограниченность тогдашняго русскаго просвѣщенія и ничтожество литературы, занимавшейся пустяками, для которыхъ годились даже совсѣмъ безграмотные писатели, какихъ онъ изображаетъ. Онъ чувствовалъ, что литература имѣетъ серьезныя задачи, требующія отъ писателя знаній, таланта, критики; но ничего подобнаго не оказывалось въ русской литературѣ — печальное сознаніе, которое не одинъ разъ повторяется у лучшихъ дѣятелей нашей литературы и повторяется совершенно естественно.

Также мало утѣшительнаго Новиковъ видѣлъ и въ отношеніи самаго общества къ дѣлу просвѣщенія. Рядъ картинъ, которыя онъ проводитъ передъ читателемъ, поражаетъ своей безотрадной правдивостью. Свѣтскій щеголь—типъ екатерининскихъ временъ, едва ли достаточно понятый историками нашей литературы во всемъ его объемѣ — доказываетъ, что ему и безъ наукъ совершенно хорошо, что изъ нихъ, пожалуй, еще стоитъ вниманія стихотворство, потому-что иной разъ можетъ придти охота написать (любовную) пѣсенку. «Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскова языка. Покойный батюшка терпѣть его не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ: и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился» и т. д.,— характеристика тѣхъ избалованныхъ и извращенныхъ людей, которыхъ такъ много бывало въ XVIII-мъ столѣтіи, и которые отличались только совершенной негодностью для служенія обществу и умѣньемъ проживать въ свое удовольствіе огромныя помѣстья.

Образованіе вовсе ненужно и «Худовоспитаннику», «котораго вся наука въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ.» Но безъ науки ему однако не повезло и въ службѣ. «Вмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги.... Онъ идетъ въ отставку, и говоритъ: достоинства не награждаются! Худовоспитанникъ пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него

[1]) (Стр. 13 — 14, изд. Ефрем.)

и здѣсь никому и никакой пощады....» (стр. 17). Далѣе, науки нисколько не нужны модной щеголихѣ, ненужны Кривосуду и т. д.

Крѣпостной вопросъ выставленъ вообще въ такой рѣзкой формѣ, какъ это рѣдко случалось въ русской литературѣ. Дикіе нравы и своеобразное міровоззрѣніе захолустья изображены въ нѣсколькихъ страницахъ «Писемъ уѣзднаго дворянина къ сыну», съ такой наблюдательностью, которая, по нашему мнѣнію, далеко заслоняетъ комедіи Фонъ-Визина, потому-что здѣсь картина не испорчена никакой утрировкой. «Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ што великіе затеи. Колокольню строютъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли это дѣло; то дѣлалось по благословенію Патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать. Вѣра-та тогда была покрѣпче, во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некресть цѣлаетъ: отъ Нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ.... Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ *Кормчей книгѣ* положено за это проклятіе. Нынче *все ничего;* и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей ничего не написано.... Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ даетъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать...,» (стр. 93—94),—въ этихъ немногихъ чертахъ читатель видитъ настоящій, неподдѣльный XVIII-й вѣкъ.

Упомянемъ наконецъ переписку съ «пречестнымъ отцомъ Тарасіемъ», который въ письмѣ къ «Живописцу» сѣтуетъ о развращеніи вѣка и замѣчаетъ относительно его самого: «Мы же ничесоже противу тебѣ дерзаемъ рещи, яко и самъ ты являешися чтити священный чинъ духовный, и весь причетъ церковный. *Аще же* что возмниши написати во обличеніе иноческаго житія, *блюди себѣ, да не како....*» Живописецъ отвѣчаетъ ему между прочимъ, въ его же тонѣ: «Оле безумія нашего! поучати бо токмо навыкохомъ, а не поучатися. Всякъ, аще и юнъ сый, дерзновенно укоряетъ брата своего, и затыкаетъ ушеса своя, егда рекутъ ему: ты кто еси, судяй. Возведи, премудрый старецъ, очи твои окрестъ тебѣ и виждь братію твою. Сѣмо поучаютъ: а гдѣ же поучаются? ондѣ исправляютъ: и гдѣ исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся

поучающіи. *Но блюду себѣ*, по словеси твоему, *да не како...* [1])». Эта небольшая переписка весьма характеристична для опредѣленія понятій Новикова въ этомъ отношеніи, и очень хорошо объясняетъ, почему онъ могъ увлекаться мистицизмомъ, который находилъ онъ въ масонствѣ. Очевидно, что уже съ самаго начала своей дѣятельности онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ относительно религіозной нравственности.

Замѣтимъ, наконецъ, что уже здѣсь Новиковъ съ большимъ интересомъ говоритъ объ обществѣ для печатанія книгъ (стр. 261), уже здѣсь даетъ мѣсто самому рѣшительному отрицанію французской философіи, которую считалъ атеистической и безнравственной. Въ «Живописцѣ» помѣщено довольно туманное описаніе сна (форма, къ которой любили тогда обращаться), гдѣ авторъ описываетъ сначала мудрыхъ людей, заботящихся о здравомъ воспитаніи, и восклицаетъ: «Благополучна та страна, гдѣ юношество къ пользѣ государя, ко *благосостоянію общества*, ко *преодолѣнію* господствующихъ въ народѣ *предразсужденій*, и къ собственному своему благополучію хорошо воспитывается.» Затѣмъ слѣдуетъ любопытное мѣсто, которое мы выпишемъ вполнѣ, потому-что оно, кѣмъ бы ни было написано (статья подписана: «отечеству своему всякаго блага желающій Р...», т. е. вѣроятно «россіянинъ»), даетъ довольно ясное понятіе о взглядахъ Новикова на французскую философію, которую онъ очевидно смѣшивалъ съ ея отрепьями въ тогдашнемъ русскомъ модномъ воспитаніи:

«По удаленіи моемъ изъ оныхъ садиковъ (гдѣ авторъ видѣлъ образчики мудраго воспитанія), увидѣлъ я въ дали огромные храмы: но лишь только сталъ я приближаться къ одному изъ нихъ, то встрѣтили чрезвычайно ласково какъ меня, такъ и другихъ для богомолія идущихъ людей *мудрецы*, которые то *французскими*, то *русскими* выраженіями по *физикѣ* доказывали, что солнце, луна, звѣзды, земля, и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія. Многіе изъ тѣхъ, которые твердо знали французской языкъ (вспомнимъ, что Новиковъ по-французски не зналъ), принимали доказательства ихъ за справедливыя, и не входя въ храмъ возвращались домой съ сердцами грубыми, памятозлобными, и равномѣрно какъ на друзей, такъ и на недруговъ своихъ неугасимою ненавистію пылающими. Другіе, напротивъ того, *не слушали* мечтательныхъ и богопротивныхъ ихъ *доказательствъ*, но проходили, оглядываясь на нихъ съ *презрѣніемъ*, во внутренность храма. Съ сими послѣдними вошелъ и я, и имѣя покорное сердце къ Существу

[1]) (Стр. 129 — 131.)

непостижимому для разума человѣческаго, безднами заблужденія окруженнаго, со слезами просилъ его, дабы обратилъ на путь истинный заблудшихъ моихъ сограждан. Отсюда пошелъ я во слѣдъ за незнакомымъ старикомъ, который, идучи тихо ворчалъ про себя слѣдующее: — Неужели и во всѣхъ государствахъ такіе произрастаютъ отъ наукъ плоды? — Никакъ! — Науки приносятъ обществу великія пользы и связываютъ его самыми крѣпкими узами здраваго разсудка: они учатъ жить добродѣтельно и Богу достодолжное воздавать почтеніе; а что люди, не изслѣдовавъ еще совершенно и того, что всегда у нихъ въ глазахъ, желаютъ знать и сокрытое черною завѣсою отъ слабаго ихъ зрѣнія, тому причиною собственное ихъ безуміе. Такъ, подлинно такъ, продолжалъ онъ, и этой заразы ничѣмъ другимъ предупредить не можно, какъ только частымъ напоминаніемъ молодымъ людямъ того, что кто Бога забываетъ, тотъ вѣрно навлекаетъ на себя праведный его гнѣвъ» (стр. 280—281).

Приведенныя цитаты довольно полно и достаточно ясно выражаютъ общественные и нравственные взгляды Новикова въ эту первую пору. Содержаніе этихъ взглядовъ уже теперь составляютъ вражда къ свѣтской пустотѣ, т. е. отсутствію нравственныхъ интересовъ, пламенное стремленіе къ исправленію общественной несправедливости (и именно къ улучшенію быта крестьянъ), къ разсѣянію «предразсужденій» посредствомъ воспитанія и книгъ, крайняя вражда къ французской философіи, мало однако понимаемой, и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство духовными учителями, неумѣвшими исполнять своей обязанности. Однимъ словомъ, это была съ самаго начала религіозно-гуманная или филантропическая точка зрѣнія, и ей онъ остался вѣренъ до конца. По самому характеру этого человѣка, всѣ эти вопросы становились для него жизненнымъ дѣломъ, а не пустымъ литературнымъ хвастовствомъ или дешевой сатирой,—какъ это слишкомъ часто бывало у его современниковъ. Къ этимъ первоначальнымъ понятіямъ могли привести Новикова его собственная чистая натура и вліяніе идей, уже проникавшихъ въ нашу литературу изъ европейскаго настроенія: если въ литературѣ и въ самыхъ оффиціальныхъ актахъ говорилось уже о благодѣтельности наукъ, о возвышеніи человѣческаго достоинства образованіемъ, объ улучшеніи нравовъ и искорененіи невѣжества, то честно думающій человѣкъ легко могъ вывести изъ этого заключенія, какія мы видимъ въ понятіяхъ Новикова. Отсюда его борьба противъ общественной несправедливости, невѣжества и «предразсужденій.» При этомъ онъ не могъ не видѣть всей нелѣпости моднаго образованія на французскій ладъ, которое, кромѣ

немногихъ исключеній, конечно было пародіей настоящаго образованія; но, не владѣя хорошенько понятіями этого образованія и будучи самъ человѣкомъ патріархальнаго воспитанія, онъ былъ не въ силахъ понять его настоящаго смысла, — и, обличая модныхъ франтовъ, онъ смѣшалъ съ ними и новую французскую литературу, которая, по его мнѣнію, ихъ воспитывала. При своей недоступности для него и при сильномъ противорѣчіи его традиціоннымъ убѣжденіямъ, французская литература и ея идеи легко могли представиться ему чѣмъ-то въ родѣ превышенія власти со стороны разума, выходомъ изъ должнаго повиновенія, легкомысліемъ или дерзостью: изъ того, что онъ слышалъ о французской философіи, Новиковъ заключалъ, что она безбожна, а онъ отличался искренней религіозностью; въ ней представлялся ему одинъ грубый матеріализмъ, когда онъ самъ искалъ возвышеннаго религіозно-нравственнаго идеала.

Въ этомъ исканіи и заключается объясненіе его внутренняго развитія. Человѣкъ, отдавшійся подобной идеѣ, естественно становился сатирикомъ въ своемъ отношеніи къ общественной дѣйствительности, и мистикомъ, когда ему надо было рѣшать внутренніе личные вопросы. Новиковъ былъ и тѣмъ и другимъ безъ всякой «перемѣны направленія.»

Какъ человѣкъ патріархальный, какъ человѣкъ положительно незнакомый съ лучшими успѣхами тогдашняго знанія и неприготовленный къ принятію научныхъ истинъ, онъ долженъ былъ искать идеала мистическаго; онъ не способенъ былъ ни къ модному невѣрію или индифферентизму, потому-что искалъ нравственнаго удовлетворенія, а для невѣрія не видѣлъ и достаточныхъ основаній; съ другой стороны его не удовлетворялъ и корреспондентъ его Тарасій,—и потому съ этой стороны онъ былъ вполнѣ открытъ новымъ вліяніямъ, которыя могли бы затронуть въ немъ эту струну. Такія вліянія явились, и онъ сдѣлался масономъ. Мы уже говорили о томъ, какъ долго и нерѣшительно онъ думаетъ о вступленіи въ орденъ, какъ мучительно ищетъ потомъ «истиннаго» масонства въ той пестрой путаницѣ масонскихъ «системъ», которая окружила его по вступленіи; эта нерѣшительность и тревожное исканіе показываютъ, что для него шелъ серьезный вопросъ о жизненномъ убѣжденіи, о давнишней и глубокой потребности. Разъ вступивши на дорогу мистицизма, онъ, плохо вооруженный противъ его крайностей, естественно идетъ дальше и дальше. Масонская тайна завлекала любопытство; примѣръ окружавшихъ его почтенныхъ людей: Рейхеля, Репнина, Шварца, Лопухина, дѣйствовалъ все сильнѣе, и Новиковъ подъ конецъ дѣлается розенкрейцеромъ. Дальше увлекаться было нельзя.

Мы сказали выше, что новиковскій мистицизмъ едва ли можно считать ненужнымъ и случайнымъ заблужденіемъ, и что, напротивъ, онъ былъ явленіемъ совершенно естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, при крайней неразвитости понятій въ *массѣ* тогдашняго общества, мудрено представить себѣ, чтобы въ этой массѣ могло бросить прочный корень направленіе болѣе строгое, требующее больше мысли и больше рѣшимости отказываться отъ мистическихъ предразсудковъ. Новиковъ, по объему своего образованія и средствамъ логики, былъ представителемъ именно этого средняго уровня общества. И когда въ этомъ обществѣ пробудилась потребность стать на собственныя ноги и принять какое-нибудь послѣдовательное направленіе, то послѣдовательность всего возможнѣе была въ сравнительно нисшей умственной сферѣ, какою и было мистическое масонство... Другое направленіе, вносившее нѣкоторую свободу мысли изъ французской литературы, имѣло также своихъ послѣдователей, такъ-называемыхъ тогда «волтеріянцевъ»,—но при оцѣнкѣ этого направленія у насъ не надобно забывать во-первыхъ, что ему благопріятствовали вкусы императрицы и ея придворнаго общества; во-вторыхъ, что внѣ предѣловъ, полагаемыхъ этими вкусами, оно было очень слабо: большинство волтеріянцевъ вѣроятно еще боялось домовыхъ, а другіе мало извлекали пользы изъ знакомства съ французской литературой. Надъ масонствомъ смѣялись — прежде чѣмъ стали преслѣдовать его, — но насмѣшки были безсильны, потому-что не стояли на-равнѣ съ его содержаніемъ. Мы скажемъ объ этомъ дальше, въ особенности по поводу насмѣшекъ Г. Р. Державина....

Новиковъ, мы видѣли, сдѣлался чрезвычайно ревностнымъ масономъ, и сдѣлался потому, что масонство, въ главныхъ чертахъ, наконецъ удовлетворяло его. Прежде всего, оно давало ему мистическую религіозность, которая казалась ему широкой, потому-что открывала далекія перспективы знаній таинственныхъ и оттого еще особенно привлекательныхъ,—и вмѣстѣ нравственный кодексъ, отвѣчавшій его давнишнимъ стремленіямъ: эта новая религіозность казалась ему выше традиціонныхъ понятій и нравовъ; а въ нравственномъ кодексѣ масонства онъ именно встрѣчалъ уваженіе къ человѣческому достоинству, взаимную любовь и помощь, призывы къ совершенствованію и освобожденіе отъ мелочей и грязи жизни. То «истинное» масонство, которому Новиковъ хотѣлъ собственно слѣдовать, удовлетворяло его и тѣмъ, что совершенно отстраняло всякіе политическіе вопросы, отъ которыхъ онъ положительно уклонялся; религіозная терпимость масонства оставляла ему спокойную совѣсть относительно его

православныхъ обязательствъ, и вѣроятно казалась ему вещью достойной возвышеннаго значенія религіи; національная и сословная терпимость ордена, нравственная равноправность людей была дѣломъ просвѣщенныхъ понятій, къ которымъ онъ издавна былъ склоненъ,—вспомнимъ напр. его обращенія къ автору комедіи: «О время», и его постоянную мысль объ угнетенныхъ классахъ. Наконецъ, онъ находилъ въ масонствѣ и подтвержденіе своихъ враждебныхъ отношеній къ свободному мышленію: религіозность масонскихъ ложъ, уже въ самомъ началѣ оттѣненная мистицизмомъ, въ его время уже сильно заражена была мистическими элементами; ретроградныя политическія интриги, овладѣвавшія орденомъ, оставляли ретроградный слѣдъ и въ самыхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ масонства, и въ этой формѣ масонство становилось положительно враждебно просвѣтительнымъ стремленіямъ: таковъ былъ, какъ мы видѣли, мартинизмъ и всего больше розенкрейцерство; въ меньшей степени таковы же были и всѣ предшествовавшія мистическія формы масонства, съ которыми былъ знакомъ Новиковъ,—и потому онъ былъ удовлетворенъ масонствомъ и съ этой стороны.

Такимъ образомъ, вступленіе въ орденъ не было для Новикова отказомъ ни отъ какого изъ основныхъ его убѣжденій; скорѣе напротивъ, это было полное завершеніе ихъ, утвержденіе ихъ въ прочное, положительное ученіе. Ново было здѣсь только то, что масонство выводило его на опредѣленную общественную дѣятельность, гдѣ онъ съ рѣшимостью, какой не было у другихъ, взялъ на себя иниціативу дѣла.

До какихъ же размѣровъ шелъ мистицизмъ Новикова и особенно его крайняя форма — розенкрейцерство? Мы, кажется, имѣемъ возможность сказать, что этотъ мистицизмъ не дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, какъ это было въ западныхъ мистическихъ сектахъ и ложахъ. Прямое показаніе Новикова говоритъ слѣдующее: «О дѣланіи золота, исканіи камня философскаго и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ предписанныхъ, во взятыхъ бумагахъ, хотя и находится тамъ: но какъ изъ насъ не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ, то посему всѣ предписанія и оставались безъ всякаго исполненія. Предъ отъѣздомъ же Кутузова изъ Берлина сказано было; о чемъ въ показаніяхъ моихъ не упомню въ которыхъ мѣстахъ упомянуто, что Кутузовъ въ Берлинѣ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ; но исполнилось ли сіе обѣщаніе или нѣтъ, не знаю, а слышалъ я отъ князя Трубецкаго, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ»

(Лонг., стр. 0105). «Въ магіи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, какъ то по бумагамъ видно, находясь въ нижнихъ только еще градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ кромѣ названія ихъ не извѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ и потому, что ни первыхъ основаній показать намъ было еще не кому» (тамъ же, стр. 0112). Это показаніе едва ли можно заподозривать; потому что послѣ смерти Шварца, послѣ удаленія Шрёдера, при отсутствіи Кутузова, до самой смерти остававшагося за границей, не было, кажется, никакихъ прямыхъ связей, черезъ которыя новиковскій кружокъ могъ бы получить дальнѣйшія практическія степени розенкрейцерства. Новиковъ и его друзья вѣроятно и не покушались дѣлать золото и искать философскаго камня: онъ избавился отъ этихъ послѣднихъ нелѣпостей,—хотя, по всему видно, считалъ ихъ возможными. Тоже впечатлѣніе оставляютъ показанія Трубецкаго, Лопухина и Тургенева. Лопухинъ признается относительно «философскаго дѣла, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ», т. е. относительно алхиміи и магіи, что «дѣла сего онъ никогда не опровергалъ, *не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго....*» «*Но ежели* оно возможно, думалъ я (прибавляетъ къ этому Лопухинъ), не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея (sic), то и сіе дѣло безполезное быть не можетъ» (Лонг. 0130). Эта грамматически-темная фраза едва ли не выражаетъ темноты самой мысли Лопухина объ этихъ вещахъ; отъ Лопухина въ этомъ отношеніи не отличались вѣроятно и другіе. Впослѣдствіи, въ «Духовномъ Рыцарѣ» Лопухинъ относитъ къ «антихристовой церкви» тѣхъ «духовныхъ сластолюбцевъ», которые «прилежатъ къ тайнымъ наукамъ *не по любви къ истинѣ*, но для удовлетворенія самолюбію своему», которые «прилѣпляются къ златодѣланію, къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи», и пр.,—изъ чего прямо слѣдуетъ, что къ этой антихристовой церкви онъ не причислялъ тѣхъ, кто занимался подобными вещами не для удовлетворенія самолюбію своему, а по любви къ истинѣ: очевидно, что здѣсь говорятъ въ немъ воспоминанія недоученаго розенкрейцерства и что пристрастіе къ игрѣ тайными знаніями онъ скрашиваетъ аскетической «любовью къ истинѣ»,—потому-что онъ тутъ же говоритъ объ *истинной* химіи, *тайной* философіи, *божественной* алхиміи и магіи,—пустая фразеологія, которая была бы просто глупа, еслибъ не находилось людей, которые дѣлали ее орудіемъ обскурантизма. А это, къ сожалѣнію, было.

Точно также, какъ мы не предполагаемъ у нашихъ розенкрейцеровъ какого-нибудь практическаго знанія и занятій алхиміей и магіей, — кромѣ развѣ немногихъ элементарныхъ попытокъ, принадлежавшихъ ихъ низшимъ «градусамъ», — мы не предполагаемъ, чтобы имъ извѣстна была и та гнусная закулисная интрига, надъ которой работали ихъ руководители, берлинскіе розенкрейцеры. Мы не знаемъ для этого никакихъ данныхъ, и, кажется, не имѣемъ основаній заподозривать показанія всѣхъ нашихъ розенкрейцеровъ, единогласно отвергающихъ въ своемъ (т. е. московскомъ) орденѣ всякія политическія тенденціи. «Повиновеніе великому мастеру — показываетъ Лопухинъ — и откровенность ему, я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслящіе (члены) общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству.... И послѣ во всѣхъ актахъ (ордена) не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оные обѣты (розенкрейцерская присяга) учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и ежелибъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Также еслибы изъ членовъ онаго, отъ кого-либо услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалиться, но и правительству открыть должно и полезно» (стр. 0130). Онъ несомнѣнно такъ и думалъ; до политическихъ идей наше общество еще слишкомъ далеко не доросло въ тѣ времена, и наши розенкрейцеры въ этомъ отношеніи остались конечно совершенными младенцами въ сравненіи съ ихъ берлинскими наставниками. Наставники внушили имъ покамѣстъ только одно — вражду къ иллюминатамъ, о которыхъ наши масоны думали не иначе, какъ объ извергахъ рода человѣческаго. Съ оффиціальной точки зрѣнія, за это ихъ можно было бы только похвалить. Впослѣдствіи мы скажемъ еще объ этомъ предметѣ, а теперь обратимся къ литературной дѣятельности новиковскаго кружка, которая подъ конецъ стала главнѣйшимъ орудіемъ мистическо-масонской пропаганды.

Масонство, какъ система понятій, распространялось двумя способами: посредствомъ ложъ, т. е. прямого посвященія, и посредствомъ литературной пропаганды, и этимъ послѣднимъ путемъ

понятія распространялись конечно сильнѣе, потому-что книга относилась къ гораздо бо́льшему числу людей: эти читатели (если книга на нихъ дѣйствовала) еще не становились, правда, непосредственными членами общества, но по характеру воззрѣній они уже мало отличались отъ нихъ и были приготовлены къ дальнѣйшимъ откровеніямъ масонской мудрости. Черезъ литературу масонство становилось гораздо болѣе обширнымъ явленіемъ, чѣмъ еслибъ оно ограничивалось распространеніемъ ложъ: поэтому Новиковъ, какъ дѣятельный и предпріимчивый издатель, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ исторіи русскаго масонства и въ распространеніи мистическихъ идей, — отголоски которыхъ слышатся во все время царствованія императора Александра.

Литературную дѣятельность нашего масонства вѣроятно безошибочно можно назвать эклектической. Изданія новиковскаго кружка не представляютъ одной строгой системы — напротивъ, при основномъ мистическомъ характерѣ, они имѣютъ весьма разнообразные оттѣнки. Это было естественно: во-первыхъ, самый мистицизмъ допускаетъ огромное разнообразіе произвольной фантастики, которое одинаково удовлетворяетъ мистика, недостаточно самостоятельнаго, т. е. не выбравшаго себѣ одной опредѣленной idée fixe; во-вторыхъ, русскій мистицизмъ, какъ тенденція, и былъ именно слишкомъ новъ и мало самостоятеленъ, —и потому въ самыхъ различныхъ источникахъ искалъ удовлетворенія для своей блуждающей мысли. Наконецъ, русское масонство, какъ орденская «система», долго не устанавливалось въ одну прочную форму, и избранный московскій кружокъ только съ 1782 г. остановился на розенкрейцерствѣ, т. е. на низшихъ степеняхъ его.

Изданія Новикова, выражавшія его мистическое направленіе, представляютъ главнымъ образомъ книги троякаго свойства [1]):

Во-первыхъ, въ эти изданія входили книги, не имѣвшія собственно никакого отношенія къ масонству, но отличавшіяся мистическими свойствами, въ которыхъ новиковскій кружокъ считалъ христіанскую философію и книги аскетическія. Въ этомъ пунктѣ наши масоны какъ бы примыкаютъ къ общепринятой церковной литературѣ, и примыкаютъ совершенно искренно, — по-

[1]) Въ слѣдующемъ далѣе перечетѣ книгъ мы называемъ вообще книги, выходившія изъ типографіи Новикова, Типографической Компаніи, Лопухина,—хотя не всегда имѣемъ увѣренность въ происхожденіи книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи, отъ иниціативы новиковскаго кружка. Подробное библіографическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко; но въ общемъ выводы останутся вѣрны.

тому-что, кромѣ того, что наши масоны могли оставаться строго православными, какъ оставался Новиковъ,—въ частности масонство въ ихъ глазахъ сближалось съ церковью и тѣмъ обстоятельствомъ, что обряды ордена, а слѣдовательно и ихъ таинственный смыслъ представляли, по ихъ мнѣнію, большое сходство съ обрядами греко-восточной церкви. При общепринятомъ тогда мнѣніи о незапамятной древности масонства и о томъ, что масонство было первоначально именно формальной религіозной мистеріей, нашимъ масонамъ приходила въ голову мысль искать объясненія масонскихъ таинствъ въ монастырскихъ архивахъ. Въ своемъ отвѣтѣ на циркулярное посланіе гроссмейстера, приглашавшее депутатовъ русскихъ ложъ на конгрессъ въ Вильгельмсбадѣ и предлагавшее предварительные вопросы о сущности и формахъ масонства, они выставляли на видъ это свое мнѣніе и полагали, что наши древнія церковныя эмблемы, полученныя изъ Греціи, и писанія восточныхъ отцовъ церкви, объясненныя въ этомъ смыслѣ, придали бы масонству особенное уваженіе (Лонг., стр. 171). Вѣроятно, не безъ связи съ этимъ обстоятельствомъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ масонскихъ изданій 1785 г., посвященномъ П. А. Татищеву [1]), помѣщено между прочимъ «описаніе одного мистическаго изображенія въ Софійскомъ монастырѣ (sic) въ Кіевѣ....» Конечно, упомянутое сходство можно было найти только при особенномъ желаніи, и давать ему подобное объясненіе—только при неисправимомъ масонскомъ увлеченіи, но наши масоны искренно думали, что оно есть, и должны были предполагать, что оно не случайно и имѣетъ свою причину въ древнемъ источникѣ, общемъ для обоихъ учрежденій. Мы увидимъ дальше, что книги о разныхъ древнихъ религіозныхъ таинствахъ составляли важную принадлежность масонской библіотеки. Такимъ образомъ, общепринятыя мистическія и аскетическія книги совершенно естественно стоятъ въ новиковскихъ изданіяхъ рядомъ съ подобными книгами, имѣющими положительный масонскій оттѣнокъ. Къ первому изъ означенныхъ нами отдѣловъ мы именно относимъ эти общепринятыя книги, которыя соотвѣтствовали мистическимъ стремленіямъ масонства, и тѣ, которыя хотя и не были общеприняты и даже казались сомнительными съ православной точки зрѣнія, но вовсе не составляли «орденскихъ» книгъ, т. е. писанныхъ въ специфически-масонскомъ смыслѣ.

Такъ, напримѣръ, изъ типографіи Новикова выходили различныя писанія Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія

[1]) Указаніе сдѣлано у Ешевскаго, Русск. Вѣстн. 1857, № 21, стр. 183.

Назіанзина, Діонисія Ареопагита («о небесной іерархіи»), Іустина Философа (1782—87);—далѣе: блаженнаго Августина (нѣсколько книгъ). Лактанція, Анзельма, Ѳомы Кемпійскаго (1783—87),— книги Димитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Платона; — далѣе, цѣлый рядъ религіозно-мистическихъ поэмъ: «Избіеніе младенцевъ», Марино, съ итальянскаго (1779); «Авелева смерть», Геснера; «Искушеніе Авраамово», съ нѣмецкаго; «Іосифъ», Битобе (перев. фонъ-Визина, 2-е изд.); «Потерянный рай», Мильтона, перев. съ франц. (1780); «Даніилъ во рвѣ львиномъ», Мозера (1781); «Плачь или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: Страшный судъ и Торжество вѣры», извѣстнаго англійскаго меланхолика Эдуарда Юнга, перев. съ нѣм. (1785); «Любопытное и достопамятное путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности», Іоанна Бюніана, т. е. знаменитый Pilgrim's Progress Джона Боньяна, и «Собраніе сочиненій» этого писателя (1786); «Мессіада», Клопштока (1785—87); «О происхожденіи зла», поэма Галлера, перев. Карамзина (1786); — наконецъ, рядъ книгъ по мистической философіи: «Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ», Гуго Гроція (1781); «Христіанинъ, воинъ Христовъ и побѣдоносное оружіе», Эразма Роттердамскаго (1783); «Объ истинномъ христіанствѣ», Іоанна Арндта, книга, пользовавшаяся великимъ уваженіемъ у нашихъ мистиковъ (1784); «О познаніи самого себя», Іоанна Масона (1783, 2-е изд. 1786), также книга очень уважаемая [1]); «Естественная богословія, или доказательство бытія Божія и свойствъ Божіихъ, почерпнутыхъ изъ дѣлъ творенія», Дергама, перев. съ франц. (1784), также книга авторитетная [2]); далѣе, «Божественная и истинная метафизика», Пордэджа, англійскаго послѣдователя Якова Бёма, перев. съ нѣм. 1787 г. и др.

Мы назвали въ этомъ отдѣлѣ книги Арндта, Масона и др.,

---

[1]) Джонъ Масонъ (John Mason), одинъ изъ очень извѣстныхъ нонконформистскихъ духовныхъ въ Англіи, въ половинѣ XVIII-го стол., род. 1705 или 1706 г., умеръ въ 1763. Репутація этого писателя основывается, главнымъ образомъ, на книгѣ, которая и была у насъ переведена: Self Knowledge; a Treatise, shewing the nature and benefic of that important Science, and the way to attain it. 1745. Книга эта имѣла много изданій, и въ 1811 была стереотипирована.

[2]) Дергамъ (William Derham), извѣстный въ свое время англійскій духовный писатель и серьезный естествоиспытатель, род. 1657, ум. 1735. Изъ книгъ его, подлинникъ нашего перевода есть вѣроятно: Physico-Theology, or a Demonstration of the Being and Attributes of God, from his works of Creation etc. Lond. 1713, и много другихъ изданій. Кромѣ того, въ томъ же смыслѣ были написаны имъ: Astro-Theology, астрономическое доказательство бытія Божія, и Christo-Theology, доказательство божественнаго авторитета христіанской религіи.

которыя, собственно говоря, не принадлежатъ къ «орденской» литературѣ, но тѣмъ не менѣе имѣли въ глазахъ нашихъ масоновъ тоже «орденское» значеніе. Іоаннъ Аридтъ (род. 1555, ум. 1621), книга котораго, какъ извѣстно, была издана и запрещена еще при Аннѣ, и теперь вышла вновь, былъ кальвинистскій аскетъ XVI—XVII-го вѣка, по самому времени не имѣющій отношенія къ масонскому обществу; но его мистическая нравственность (которая, надобно сказать, была искренняя и, посвоему, возвышенная нравственность, а не мораль берлинскаго розенкрейцерства) до такой степени отвѣчала мистическимъ наклонностямъ, которыя овладѣвали масонствомъ больше и больше, что Арндъ сталъ классическимъ авторитетомъ масонскаго мистицизма. Тоже надобно сказать о современникѣ Арнда, знаменитомъ башмачникѣ Яковѣ Бёмѣ (1575—1624). Это былъ мистикъ по преимуществу, быть можетъ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ, какіе появлялись въ новой европейской литературѣ, по чрезвычайной силѣ фантазіи и геніальнымъ проблескамъ трансцендентальной мысли. Бёмъ не разъ выдавалъ свое сочиненіе за прямое божественное вдохновеніе, и мистики XVIII-го вѣка, сами искавшіе духовидѣнія и экстазовъ, не сомнѣвались, что это было такъ: Сенъ-Мартенъ считалъ себя недостойнымъ завязать сапогъ его (что и было справедливо, потому-что французскій писатель XVIII-го вѣка могъ бы быть разсудительнѣе), и въ послѣднее время началъ переводить его сочиненія на французскій языкъ; для нашихъ масоновъ онъ былъ крайнимъ предѣломъ мудрости, которую они впрочемъ едва ли могли понять. Бёмъ имѣлъ много ревностныхъ приверженцевъ; и въ Англіи, еще въ концѣ XVIII-го вѣка, почитательница его Джэни Лидъ (Jane Leade) основала особое общество для изученія его сочиненій, а Пордэджъ пріобрѣлъ у мистиковъ большой авторитетъ своими комментаріями къ Бёму. Въ русскую литературу сочиненія Бёма проникли еще въ концѣ ея стараго періода; они обращались между масонами въ рукописяхъ, и новиковскій кружокъ, не рѣшаясь (или же только не желая передъ посторонними) выдавать ихъ прямо за «орденскія», считалъ ихъ крайне-полезной школой для воспитанія мистицизма. Эти и подобныя книги были переходомъ къ прямому посвященію и къ чисто-масонской литературѣ.

Во-вторыхъ. Эти собственно масонскія книги, — писанныя масонами и въ чисто-масонскомъ смыслѣ, — до сихъ поръ еще не были разсмотрѣны въ историко-литературномъ отношеніи въ ихъ полномъ составѣ, а это могло бы очень наглядно опредѣлить пути, которыми распространялся у насъ масонскій мистицизмъ. Трудность опредѣлительнаго вывода объ этомъ предметѣ

въ настоящую минуту увеличивается тѣмъ, что книги эти—печатавшіяся нерѣдко тайно, подвергавшіяся запрещеніямъ, конфискаціямъ и истребленію, потомъ потерявшія интересъ — сдѣлались чрезвычайно рѣдки [1]); другія масонскія сочиненія и переводы ходили только въ рукописяхъ между адептами. Наши масоны, какъ и естественно, должны были особенно заботиться объ усвоеніи того обширнаго матеріала, какой уже представляла западная масонская литература. Изъ масонской переписки 1780-хъ годовъ, приведенной у Ешевскаго, мы дѣйствительно видимъ, что собираніе различнаго масонскаго матеріала составляло для нашихъ масоновъ предметъ внимательнѣйшихъ заботъ, и авторъ одного письма радуется, что московскій архивъ ихъ такъ богатъ, какъ едва ли какой-нибудь другой въ Европѣ [2]): русскіе масоны, искавшіе этого матеріала, повидимому, не возбуждали къ себѣ того недовѣрія, какое имѣли другъ къ другу западныя ложи различныхъ системъ. Русская масонская литература того времени точно также есть почти исключительно переводная и эклектическая. Мы назовемъ важнѣйшія изданія новиковскаго кружка, относящіяся къ масонству вообще.

По вступленіи въ орденъ, Новиковъ издавалъ журналы: «Утренній свѣтъ» (1777—1780), «Московское Ежемѣсячное изданіе» (1781), «Вечерняя Заря» (1782) и «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784), посвященные тому содержанію, которое Новиковъ считалъ полезнымъ для нравственнаго воспитанія общества. Выборъ нравоучительныхъ статей и разсказовъ, наполняющихъ эти журналы, дѣлался уже подъ прямымъ вліяніемъ масонскихъ вкусовъ, и можетъ характеризовать эти вкусы, какъ многое изъ упомянутаго нами выше въ первомъ отдѣлѣ. Но затѣмъ являются и изданія чисто-масонскія, относящіяся прямо къ ордену, выражающія его мысли, защищающія его отъ обвиненій, пригото-

---

[1]) Нѣкоторыхъ изъ нихъ недостаетъ, повидимому, даже въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ мы искали ихъ.

[2]) «Депутаты, посланные нами (по поводу Вильгельмсбадскаго конвента), не жалѣя ни труловъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архивъ ордена *все то*, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что *всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ*, и еще, что недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что соединясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ какъ средоточіемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается; и наша архива *богатѣе* становится, *нежели во всей Европѣ*, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи, и не объявляясь ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ....» Р. Вѣстн. 1864. 8, стр. 376.

вляющія и призывающія ко вступленію въ него. Вотъ нѣсколько такихъ книгъ: «Карманная книжка для В. К. (т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ) и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ» (1783); «Простосердечное наставленіе о молитвѣ» (1783); «Духъ масонства; нравоучительныя и изтолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона» (1783); «Апологія или защищеніе ордена Вольныхъ Каменьщиковъ» (1784); «О заблужденіяхъ и истинѣ», Сенъ-Мартена (1785); «Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ Свободнаго Каменьщичества» (въ «Магазинѣ Свободн. Каменьщ.» 1784, т. I, стр. 25—61); «О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ» (1785); «Новая Киропедія», Рамзая (1785) и мн. друг. [1]).

Само собою разумѣется, что масонская *тайна* нисколько не раскрывалась въ этихъ изданіяхъ; напротивъ, ее старательно прятали, или же только самыми неопредѣленными и неясными намеками давали понять читателю, что еслибъ онъ вступилъ въ орденъ, то нашелъ бы въ немъ раскрытіе всѣхъ глубочайшихъ истинъ, о которыхъ онъ и не подозрѣваетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно встрѣтить здѣсь и филиппики противъ ложнаго масонства въ томъ родѣ, какъ ужасался и избѣгалъ его Новиковъ. Обыкновенно, эти книги представляютъ нравственно-религіозныя разсужденія съ оттѣнкомъ масонскаго мистицизма, насколько это возможно сдѣлать для постороннихъ, или защиту масонскихъ принциповъ отъ различныхъ обвиненій. «Духъ масонства» и книжки о древнихъ таинствахъ болѣе или менѣе прямо объясняютъ древнее происхожденіе ордена, идущее отъ первыхъ временъ міра; «Духъ масонства» объясняетъ и самую символику масонской ложи и ея обрядовъ. «Апологія» защищаетъ общія осно-

---

[1]) О «Карманной книжкѣ» см. библіографическое замѣчаніе у Ешевскаго, Русск. Вѣстн. 1857, № 21, стр. 176. «Духъ масонства» есть переводъ книги: Spirit of Masonry in moral and elucidatory lectures, Lond. 1776; нѣмецкій переводъ вышелъ въ Берл. 1780. Вильямъ Гучинсонъ (Hutchinson) есть англійскій писатель второй половины столѣтія. «Опытъ о таинствахъ» по указанію издателей есть переводъ книжки: Essai sur les Mystères et le veritable objet de la confrérie des Francs-Maçons. Seconde édition, revue et corrigée. Amsterd. 8°. 40 стр. «Опытъ» изданъ въ первый разъ, въ 1771, въ Парижѣ, хотя на заглавіи стоитъ «Гага»; второе изданіе сдѣлано въ Амстердамѣ, 1776, съ нѣкоторыми поправками. «Новая Киропедія», изданная по-русски въ первый разъ еще въ 1765 г., есть масонскій романъ во вкусѣ Телемака «Les Voyages de Cyrus» 1730, того шотландскаго баронета Рамзая (1688—1743), который былъ приверженцемъ претендента и однимъ изъ изобрѣтателей масонскаго тампліерства. Книга Сенъ-Мартена, Des Erreurs et de la Verité, ou les Hommes rappelés au principe universel de la science, par un Phil.... inc..., 2 part. Edimbourg, 1775, вышла вовсе не въ Эдинбургѣ, а въЛіонѣ; авторъ очень любилъ всякую таинственность, даже совсѣмъ не нужную.

вания масонства съ нравственной и общественно-политической стороны, не касаясь никакой спеціальной системы. «Карманная книжка» наполнена общими нравственными изрѣченіями и разсужденіями, которыя также могли бы относиться ко всякой системѣ, и т. п.

Въ-третьихъ. Особый отдѣлъ можно наконецъ составить изъ книгъ, носящихъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкій оттѣнокъ розенкрейцерства, или алхимической фантастики. Книги эти могли быть и не чисто-розенкрейцерскаго происхожденія, потому-что, какъ мы видѣли, алхимическія наклонности уже издавна сопровождаютъ мистику, и сама старая средневѣковая алхимія была не только практической наукой добыванія золота, но вмѣстѣ и высшею тайною философіей и теософіей. И въ самомъ масонствѣ алхимія и магія появляются, кромѣ розенкрейцерства, и въ другихъ «системахъ». Здѣсь мы ставимъ подобныя вещи подъ розенкрейцерскую рубрику потому, что въ нашемъ масонствѣ онѣ должны были служить въ особенности этому его оттѣнку, какъ изложеніе понятій, признаваемыхъ въ тѣсномъ кружкѣ московскаго розенкрейцерства, и вѣроятно какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его впослѣдствіи. Этихъ книгъ въ особенности много является именно съ того времени, когда въ новиковскомъ кружкѣ утвердилось розенкрейцерство.

Сюда принадлежатъ слѣдующія изданія: «Должности братьевъ З. Р. К. (Злато-Розоваго Креста), древнія системы, говоренныя Хрисофирономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ» и пр. (1784); руководство для нисшихъ степеней розенкрейцерства; — «Хрисофиронъ» было одно изъ масонскихъ именъ Вёльднера; — «Рѣчи, говоренныя въ присутствіи Н. Н. братомъ Розоваго Креста», напечатанныя вѣроятно въ тайной типографіи около того же времени; — «Gemma Magica или магическій драгоцѣнный камень, то-есть краткое изъясненіе Книги Натуры по седми величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость, вписанную перстомъ Божіимъ», М. въ тип. Лопухина 1784; одинъ изъ самыхъ характеристическихъ образчиковъ алхимическаго и теософскаго вздора, въ который вѣрили наши простодушные мистики; здѣсь изложена цѣлая система алхимическаго и теософскаго естествознанія, по характеру совершенно средневѣковая и отличающаяся крайней фантастикой и конечно крайнимъ невѣжествомъ; — «Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ его пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, существѣ и дѣйствіи ихъ» (вѣроятно 1784); — «Магиконъ» (также); — «Химическая

псалтырь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ», Парацельса,—знаменитаго средневѣкового врача, алхимика и теософа (1784); — «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго и весьма важнаго содержанія» (1783); аллегорическое наставленіе о «великомъ дѣлѣ», т. е. добываніи золота и философскаго камня. Сюда же надобно отнести и слѣдующія книги: «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней и Моисейской философіи: какое есть свойство верхнихъ и нижнихъ водъ, какъ оттуда все имѣетъ происхожденіе свое», и проч. (безъ года и мѣста печатанія);—«Колыбель камня мудрыхъ, описанная неизвѣстнымъ Шевалье» и проч. Москва. 1783; алхимико-мистическое описаніе приготовленія философскаго камня [1]); — «Словарь библейный и эмблематическій» (по Лонг. 1786; см. стр. 271);—«Крата Репоа, или описаніе посвященія въ тайное общество египетскихъ жрецовъ» (1784); одна изъ тѣхъ фантастическихъ книгъ, которыя масоны старыхъ временъ принимали за чистую монету и изъ которыхъ они извлекали аргументы о древности своего ордена: описаніе египетскихъ таинствъ снабжено, какъ слѣдуетъ, египетскими именами мѣстъ, божествъ, жрецовъ и фантастическими подробностями, и вмѣстѣ сохраняетъ извѣстную степень сходства съ масонскими обрядами, а также и съ розенкрейцерской мудростью и магіей—изъ чего и извлекались упомянутые аргументы. Сюда же относятся и «Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбдним. кмнщкм.», (1784), которыя въ туманно-алхимическомъ стилѣ розенкрейцеровъ говорятъ о духѣ, объ изученіи человѣка и природы и т. п. [2]). Наконецъ, сюда же принадлежитъ цѣлый разрядъ рукописныхъ переводовъ, какъ напр. «Платоново Кольцо или физико-химическое изъясненіе природы», и т. д., которому придавалось значеніе классической книги розенкрейцерскаго ученія и друг. [3]).

Русскія сочиненія, о которыхъ мы скажемъ дальше нѣсколько словъ, представляютъ вообще мало оригинальнаго въ сравненіи

---

[1]) О книгѣ «Шестидневныхъ дѣлъ» и пр. см. Ешевскаго, Рус. Вѣстн. 1865, № 8, стр. 43; г. Лонгиновъ указываетъ другое изданіе по Сопикову; «Колыбель камня мудрыхъ» въ экземплярѣ, мною читанномъ, имѣетъ положительное указаніе года—1783, и мѣста печатанія—«Москва, въ вольной типографіи И. Лопухина, *съ указанія дозволенія*». Г. Лонгиновъ ошибочно думаетъ, что изданіе печаталось въ тайной типографіи и около 1786 года (стр. 271).

[2]) Всѣ эти книги очень рѣдки. «Должности», конечно, переведены съ нѣмецкаго: Pflichten der G. u. R. C. alten Systems, 1782. «Крата Репоа» явилось первоначально понѣмецки, въ книгѣ Crata Repoa oder Einweihungen in der alten geheimen Gesellschaft der ägyptischen Priester, 1770 и др.

[3]) См. Ешевск., ibid., стр. 44—45.

съ различными перечисленными здѣсь иностранными источниками: очевидно, что въ этихъ источникахъ были существенные образцы, дальше которыхъ наши масоны едвали въ состояніи были идти на пути алхимическаго фантазерства.

Изъ этого одного перечета такъ-называемыхъ «масонскихъ книгъ», читатель можетъ видѣть, что эти книги, идущія изъ самыхъ различныхъ историческихъ періодовъ и настроеній, никакъ не могутъ представлять собою одной цѣльной системы понятій, которую можно было бы счесть опредѣленнымъ кодексомъ убѣжденій нашего масонства: между тѣмъ, каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ свое положительное значеніе въ глазахъ русскихъ масоновъ, — очевидно потому, что всѣ оттѣнки мистицизма сливались для нихъ въ одну туманную теософію, какая собственно и требовалась для смутныхъ понятій нашего масонства, совершенно лишеннаго всякой серьезно-научной опоры. Прежде всего, любопытно встрѣтить здѣсь мистическія и аскетическія книги древнихъ вѣковъ христіанства. Присутствіе здѣсь этихъ книгъ, конечно, не случайное, и то упомянутое нами выше обстоятельство, что московскіе масоны находили въ обрядахъ ордена сходство съ церковными преданіями и символами, показываютъ, что Новиковъ вѣроятно совершенно искренно думалъ, что масонство вполнѣ идетъ «по стопамъ христіанскаго нравоученія». Вспомнимъ здѣсь и тотъ не лишенный особаго значенія фактъ, что архіепископъ Платонъ, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми умствованіями нашихъ масоновъ, но вообще относился благосклонно къ дѣятельности новиковскаго кружка, давалъ свое благословеніе на открытіе Дружескаго Общества и вполнѣ благопріятно отзывался о христіанскомъ характерѣ понятій и жизни Новикова. Замѣтимъ и высокое уваженіе Платона къ графу Чернышеву, покровителю московскаго кружка и также, кажется, бывавшему масономъ. Итакъ, Новиковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, думалъ, что его масонство есть только болѣе глубокое пониманіе и практическое примѣненіе традиціонныхъ истинъ религіи. Мы приведемъ дальше отрывки изъ его мнѣній за послѣднее время его жизни, изъ которыхъ видно, что нравственная сторона его понятій развивалась въ немъ въ положительный аскетизмъ, а розенкрейцерскія представленія о природѣ — для повѣрки (а затѣмъ, конечно, и полнаго отверженія) которыхъ онъ не имѣлъ даже самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній — перешли въ поразительно-нелѣпое суевѣріе, которое странно видѣть въ книгѣ, напечатанной въ XIX-мъ столѣтіи.

Такимъ образомъ, однимъ изъ элементовъ, составлявшихъ кругъ понятій новиковскаго масонства, была религіозная мистика,

въ которой Новиковъ надѣялся оставаться вполнѣ вѣрнымъ православному преданію.

Далѣе. Мы видѣли, что различныя масонскія системы сохраняли обыкновенно три основныя, такъ-называемыя Іоанновскія степени стараго англійскаго масонства. Самые ритуалы нѣсколько измѣнялись въ различныхъ системахъ, но они удерживали первоначальный основной характеръ, и вообще представляли собой символику нравственныхъ понятій и того, что̀ называлось тогда естественной теологіей; въ эту символику уже издавна входили легендарныя подробности, напр. воспоминанія о строеніи Соломонова храма, но вовсе не было ни алхиміи, ни магіи. Наше масонство принимало этотъ ритуалъ въ той или другой редакціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало представленія стараго англійскаго масонства, свободнаго отъ позднѣйшихъ извращеній и примѣсей. Это была, безъ сомнѣнія, наиболѣе здравая доля масонства, которая могла имѣть свое нравственное вліяніе. Итакъ, вторымъ элементомъ нашего масонскаго кодекса понятій являются идеи стараго англійскаго масонства — идеи естественной теологіи и уваженія къ человѣческому достоинству, съ которымъ соединялось требованіе братскихъ отношеній къ людямъ.

Въ изданіяхъ кружка найдется не мало примѣровъ присутствія этого элемента. Такова книга Гучинсона, переведенная въ самомъ разгарѣ масонскихъ предпріятій Новикова, и сохраняющая черты англійскаго масонства. Она состоитъ изъ объясненія масонской символики, толкованія исторіи человѣчества съ масонской точки зрѣнія, и спеціальной масонской наукой считаетъ не алхимію, а *геометрію*, какъ это и слѣдуетъ по средневѣковымъ воспоминаніямъ [1]).

Принятіе въ орденъ членовъ всѣхъ вѣръ, всѣхъ національностей, сословій и общественныхъ положеній, сохранившееся изъ стараго масонства, предполагало особенное расширеніе національнаго чувства въ чувство космополитическое, религіозную терпимость и понятіе объ общественно-нравственной равноправности; — вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ заявлялъ о своемъ повиновеніи государству. Масонскія книги говорили объ этомъ совершенно положительно:

«По обязательствамъ нашимъ — говорилось въ книгахъ, при-

---

[1]) Ср. Ист. Индукт. Наукъ I, 425—о мистицизмѣ въ средневѣковой архитектурѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что Гучинсонъ слишкомъ охотно пускается въ толкованія о древнихъ таинствахъ, связывая ихъ косвенно съ масонствомъ; и что, безъ сомнѣнія, поэтому требовательный масонъ-раціоналистъ Николаи причисляетъ «Духъ масонства» также къ фальшивымъ (betrüglich) книгамъ. Einige Bemerk., стр. 13, Anm.

знаваемыхъ нашими масонами — смотримъ мы на міръ яко на *общій домъ*. Должность наша повелѣваетъ намъ оказывать любовь и дружбу всѣмъ чадамъ дома сего. Не наше званіе (т. е. обязанность) пещись объ особливыхъ мнѣніяхъ каждаго, и мы бы были уже не члены, но Деспоты, разрушающіе всеобщую тишину, ежели бы отъ всѣхъ требовали согласія съ нашими мыслями; превосходною любовію обращаемся мы къ тѣмъ, кои соединены съ нами крѣпчайшимъ союзомъ, не дѣлая изъ того заговора или шайки. О противящихся волѣ всеблагаго Домодержца сожалѣемъ; но, между тѣмъ, не равно мы почитаемъ христіанина съ жидомъ, съ язычникомъ или магометаниномъ. Христіанскій законъ почитаемъ мы единымъ и необходимымъ путемъ, учрежденнымъ отъ Бога къ приведенію насъ къ вѣчному блаженству, и превозносимъ (т. е. предпочитаемъ) изъ христіанъ тѣхъ, кои имѣютъ чистѣйшія и правдѣ сходственнѣйшія понятія; впрочемъ, отдаемъ каждаго его собственному увѣренію (т. е. убѣжденію). Никакое общество по мнѣнію нашему не состоитъ безъ законовъ, безъ головы и членовъ, кои вообще обязаны споспѣшествовать благу цѣлаго по возможности своей. Все состоитъ въ отношеніи одного къ другому, такъ, какъ члены тѣла. Ежели ноги не хотятъ ходить, то кровь приходитъ въ огустѣніе.

«Если уста не хотятъ принимать пищи, то тѣло будетъ чувствовать въ сокахъ недостатокъ. Гдѣ всѣ члены откажутся отъ обязанностей своихъ, тамъ и премудрый разумъ не можетъ распредѣлять и назначать дѣйствія. Итакъ, то, что требуемъ мы отъ членовъ нашихъ въ разсужденіи нашего общества, то самое должны они и государству оказывать. Ибо не перестаютъ они быть членами государства сего, хотя купно они и нашими суть, и мы бы конечно ничего добраго отъ нихъ не могли надѣяться, ежелибъ не восхотѣли они, каждый по своему состоянію и званію, совѣстнымъ образомъ исполнять то, къ чему они, яко члены государства обязаны суть.

«Обязанности наши требуютъ отъ членовъ нашихъ добраго поведенія по правиламъ *христіанскаго* и *естественнаго предписанія*; правила наши основываются на добродѣтели. Кто преступаетъ то, къ чему онъ, яко человѣкъ и яко христіанинъ, обязанъ, тотъ конечно преступаетъ и наши законы, становяся гнилымъ общества членомъ, котораго отрѣшить должно. Вольный Каменьщикъ, сказующій о всѣхъ сихъ должностяхъ, оныя хваля, одобряетъ предъ другими, а самъ не исполняетъ, подобенъ указующему прямый путь, но стоящему неподвижно на своемъ мѣстѣ.

«Вотъ истинное понятіе о нашихъ обязательствахъ въ разсужденіи религіи, государства и нравовъ!» [1]).

О религіозной терпимости таже книга говоритъ въ другомъ мѣстѣ:

«Вольнокаменьщической орденъ не имѣетъ цѣлію своею никакихъ въ христіанствѣ толковъ. До Франкмасоновъ, яко Вольныхъ каменьщиковъ, разные сіи пункты, до разныхъ дѣлъ принадлежащіе, отнюдь не касаются. Обращать къ христіанству не наше дѣло, но духовныхъ. Права ихъ для насъ столь священны, что мы никакъ вмѣшиваться въ нихъ не желаемъ. Увѣреніе и обращеніе есть дѣло Божіе. Намъ ли слабымъ, толикимъ порокамъ и заблужденію подверженнымъ людямъ властвовать надъ душами другихъ людей? Мы идемъ въ семъ случаѣ тѣмъ путемъ, который сообразнѣйшій есть и божеству и натурѣ. Натура во всѣхъ своихъ дѣлахъ разнообразна: ни одинъ цвѣтокъ на другой не походитъ; и сей-то различности наиболѣе дивиться должно; ибо, не смотря на то, все соединено общимъ союзомъ. Такъ для чего же и намъ принуждать къ совершенному сходству въ мысляхъ. Всюду и здѣсь разнообразіе да послужитъ въ честь Богу. Довольно, что связуютъ насъ союзы человѣчества и христіанства: довольныя причины къ человѣколюбію, братолюбію и терпѣнію (т. е. терпимости).

«Законы *терпѣнія* почитаемъ мы дѣлающими честь человѣчеству и истинной вѣрѣ...

«Неужели въ семъ находятъ что либо наказанія достойнаго?... Я думаю, что сіе было бы несправедливо... Кто насъ за сіе осуждаетъ, тотъ весьма еще удаленъ отъ пути добродѣтели, естества и отъ ученія, Божествомъ проповѣдуемаго» (стр. 109—110).

Въ своихъ практическихъ отношеніяхъ наши масоны оставались вѣрны этой космополитической вѣротерпимости: они совершенно спокойно принимали орденскія установленія отъ иностранцевъ, въ ихъ собственной средѣ дѣйствовали протестанты... И это не лишено своего значенія; если у аристократическихъ масоновъ такая вѣротерпимость могла иногда имѣть свое основаніе въ индифферентизмѣ, который способно было внушать модное воспитаніе, то Новиковъ былъ здѣсь человѣкъ патріархальныхъ преданій.....

Въ другой книгѣ, понятіе о внутренней сущности масонства и значеніи его въ обществѣ передается въ такихъ словахъ:

«Просвѣщенія (т. е. наблюденія, опыты) столѣтія нашего довольно научаютъ насъ, что человѣкъ развращенъ, и что при-

[1]) Апологія, 1784, стр. 188—190.

чину сего надлежитъ искать въ общественномъ состоянiи. Погрѣшности перваго воспитанiя, ужасное различiе благъ щастiя, а сверхъ сего еще страсти, отъ могущества и знатности раждающiяся, испортили первоначальныя чувствованiя натуры въ человѣческомъ сердцѣ; чрезъ то сдѣлали они его нещастнымъ и оплакиванiя достойнымъ. Нѣкотораго рода метафизика, которая чѣмъ болѣе надута была софизмами и заблужденiями, тѣмъ высочайшею и основательнѣйшею почиталась, запутала разумъ человѣческой еще и съ другой стороны. По сему основатели масонства главною цѣлiю поставили себѣ то, чтобъ возвратить человѣковъ къ *первой* ихъ *натуральной доброть* и заставить *законы натуры* прозябнуть паки въ сердцахъ ихъ въ величайшемъ совершенствѣ. Сiя была также цѣль религiи; ее же стараются достигнуть и гражданскiе законы всѣхъ возможныхъ образовъ правленiя. Можетъ быть Свободному только Каменьщичеству извѣстны были истинные къ достиженiю сего способы.

«Итакъ, намѣренiе сего Общества есть то, чтобъ образовать человѣка разумнымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; а въ семъ отношенiи старалось оно разсѣять его заблужденiя, умягчить нравы его безвиннымъ въ жизни удовольствiемъ, вспомоществовать ему и подкрѣплять его въ его потребностяхъ.

«Всѣ члены общества сего суть Братiя, и ни языки, ни одежды, ни мнѣнiя, ни достоинства, ни состоянiе, ни богатства, ни малѣйшаго не дѣлаютъ между ими различiя. Равенство есть первый ихъ законъ. По сей системѣ весь свѣтъ почитается якобы республикою; каждая нацiя есть фамилiя и каждый членъ сынъ оной. А какъ всѣ особенные члены общества сего суть Братiя, Братiя, предположившiе себѣ дѣйствовать разумно и добродѣтельно,—то должны они любить другъ друга и помогать одинъ другому; поступать съ другими людьми также честно и пристойно, и быть добрыми вѣрными гражданами государства.

«Человѣчество (т. е. человѣколюбiе), сiя изящная и благородная добродѣтель, объемлющая всѣ другiя, составляющая предметъ здравой философiи и основанiе христiанства; она есть душа Каменьщиковъ» [1]).

Это человѣколюбiе — опять вѣрно сохраненная черта первоначальнаго масонства—также находило у нашихъ масоновъ практическое выполненiе, особенно у Новикова, въ которомъ эта черта, еще до поступленiя въ орденъ, была существенной чертой личнаго характера. Послѣ вступленiя въ орденъ, онъ устроиваетъ, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько филантропическихъ заведе-

[1]) «Опытъ» и пр. въ «Магазинѣ Своб.-Каменьщ.» ч. I, стр. 28—33.

ній, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ: это были благотворительныя школы, семинаріи при университетѣ, больница, аптека, посылка молодыхъ людей за границу и — распространеніе книгъ. Разсказываютъ, что онъ раздавалъ свои изданія и даромъ, чтобы пріохотить къ чтенію, и покупалъ по нѣсколько переводовъ одной книги, чтобы не отталкивать молодыхъ людей отъ литературныхъ занятій. Его горячее участіе къ народному бѣдствію (голодъ въ 1787 г.), вызвавшее извѣстный поступокъ богача Походяшина, который отдалъ въ распоряженіе Новикова большія деньги для раздачи неимущимъ,—показываетъ, что масонское «человѣчество» (для этого понятія, какъ видимъ, еще только придумывалось русское слово) было для него не одной фразой. Упомянутая выше «Апологія», оправдывая орденъ отъ разныхъ взводившихся на него обвиненій, приводитъ (по словамъ автора, съ дозволенія орденскихъ властей) слѣдующій отрывокъ изъ масонской присяги: — «быть сострадательному ко всѣмъ человѣкамъ, а особливо моимъ братьямъ; повиноваться власти, законамъ государства, въ которомъ я живу, быть ему вѣрну, доброжелательну и готову на службу его, дѣлать добро и ненавидѣть зло, и вообще, таковымъ быть, каковымъ истинному Вольному Каменьщику приличествуетъ» (стр. 69). Этотъ мотивъ постоянно повторяется въ масонскихъ книгахъ, переводныхъ и русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ видѣ понималъ и Новиковъ свои обязанности къ государству и обществу, и называть его филантропическую дѣятельность — его «промысломъ», какъ она была названа, значило наносить ему слишкомъ незаслуженное и несправедливое оскорбленіе.

Масонскія понятія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были положительнымъ нравственнымъ содержаніемъ, которое могло имѣть свои благотворныя примѣненія въ общемъ уровнѣ русской жизни, — правда, общество наше уже встрѣчало нѣкоторыя подобныя понятія въ своей новой литературѣ, но встрѣчало только отрывочно и случайно и еще не видѣло, чтобы они излагались какъ требованіе, какъ глубокое убѣжденіе и практически-выполняемое правило. Въ этомъ смыслѣ, масонскія правила терпимости и человѣколюбія, выставляемыя какъ нравственное обязательство каждаго мыслящаго члена общества, — эти правила были въ русской общественной жизни особенно нужнымъ и благотворнымъ возбужденіемъ. Но затѣмъ въ содержаніи нашего масонства мы встрѣчаемся и съ другой оборотной стороной дѣла, съ тѣми крайними преувеличеніями мистицизма, переходившими въ шарлатанство и наглость, о которыхъ мы достаточно говорили выше. Этотъ новый элементъ масонскаго міровоззрѣнія — ми-

стическое блужданіе мысли—занимаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много мѣста въ нашемъ масонствѣ и крайне повредилъ въ немъ и тому, что было въ немъ дѣйствительно полезнаго и благороднаго. Какъ и другія черты нашего масонства, его преувеличенная мистика была вещь заносная, и у насъ тѣмъ болѣе прискорбная, что средства русской литературы были слишкомъ слабы, чтобъ оказать ей должное сопротивленіе. Иначе было, напр., въ Германіи, гдѣ этой преувеличенной мистикѣ сопротивлялись люди изъ самаго ордена, какъ Бистеръ, Боде, Николаи, Фёрстеръ и т. д., не говоря о раціоналистахъ и людяхъ точной науки внѣ ордена... Но если и въ самой Германіи критика благоразумныхъ людей не могла удержать фантастическаго легковѣрія, то наше общество, и сами масоны прежде всего, оказывались противъ этой фантастики совершенно беззащитными. Мы выше замѣчали, что само старое масонство своими легендарными элементами уже подавало поводы къ этимъ преувеличеніямъ, которыя совершали люди слишкомъ ревностные не по разуму, или наглые обманщики, и которымъ вѣрили люди простодушные. Если уже старое масонство говорило о томъ, что познаніе истины идетъ по преданію отъ древности и отъ строенія Соломонова храма, то при увлеченіи орденомъ естественно являлись мнимоисторическія изслѣдованія этой традиціи: Соломонова храма было не довольно, заговорили о египетскихъ жрецахъ и халдеяхъ, усердные люди стали искать египетскихъ и халдейскихъ таинствъ, и напали на алхимію. За Андерсономъ, за «Естественнымъ Богословіемъ» Дергама, за Іоанномъ Масономъ и Арндомъ, послѣдовательно шли Бёмъ и Пордэджъ, и за ними Сенъ-Мартенъ и розенкрейцерство. Мы также говорили, что наши масоны, повидимому, далеко не дошли въ этомъ направленіи до своихъ наставниковъ, но, обращаясь къ ихъ книгамъ, мы находимъ все-таки чрезвычайно странныя вещи. «Теоретическій градусъ Соломонскихъ наукъ» и подобныя наставленія, которыми наглые берлинскіе интриганы снабжали простодушныхъ москвичей [1]), откры-

[1]) «Теоретическій градусъ», т. е. изложеніе познаній, сообщаемыхъ въ этой степени, есть нѣчто въ родѣ азбуки или первыхъ четырехъ правилъ алхиміи. Ешевскій (Р. Вѣсти. 1865, № 3, стр. 20) приводитъ слѣдующее оглавленіе этого «градуса»: — «Предувѣдомленіе. — Принятіе. — Наставленіе гл. надз. — Законы для собранія Т. Ф. (теоретическихъ философовъ). — Обряды столоваго собранія. — Вопросы и наставленія Т. брр. — Заключеніе. — Собранія. — Наставленіе для Т. брр. — О стихіяхъ вообще. — Объ огнѣ. — О воздухѣ. — О водѣ. — О землѣ. — О стихійныхъ вещахъ и духахъ. — О тѣлесныхъ вещахъ. — О соли. — О сѣрѣ. — О меркуріѣ. — О сѣмени всѣхъ вещей. — Рожденіе. — Соблюденіе. — Разрушеніе. — Дѣйствіе верхнихъ звѣздъ. — О метеорахъ. — О металлахъ. — Рожденіе металловъ. — Золото. — Сере-

вали путь ко всевозможнымъ фантастическимъ нелѣпостямъ, — и ужасающій объемъ этихъ нелѣпостей мы поймемъ только тогда, когда представимъ себѣ, что всѣмъ этимъ вещамъ благочестиво и серьозно вѣрилось. Московскіе масоны искали мудрости въ «Хризомандерѣ», въ «Химической Псалтыри» и другихъ подобныхъ книгахъ, выше нами перечисленныхъ; ихъ западные наставники выкапывали въ библіотекахъ мирно покоившіяся книжки средневѣковыхъ алхимиковъ и почерпали въ нихъ средства для приготовленія Diavolini и для распространенія обскурантизма,— а простодушные москвичи нетерпѣливо дожидались, когда имъ пришлютъ новый «градусъ», выкраденный у этихъ алхимиковъ. Правда, москвичи не занимались дѣланіемъ золота и исканіемъ философскаго камня, но эти вещи однако были «предписаны» и не исполнялись (какъ говоритъ Новиковъ) только потому, что изъ нихъ «не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ». Новиковъ не говоритъ, чтобы это было невозможно. Правда, Лопухинъ причисляетъ къ «антихристовой церкви» тѣхъ, кто «прилежитъ къ златодѣланію,» но мы видѣли, что главную причину осужденія составляетъ мотивъ: если это дѣлается изъ суетнаго любопытства; но «истинная алхимія» и «божественная магія» пользуются у него высокимъ уваженіемъ. Мы уже замѣчали, что это раздѣленіе или это смѣшеніе понятій объясняется самыми свойствами алхимическаго языка, который смѣшиваетъ терминологію матеріальнаго химическаго процесса съ терминологіей нравственной и метафизической. Наши масоны научались этому въ своихъ книгахъ и въ «градусахъ», которыя именно и старались прикрывать свои алхимическія нелѣпости мнимыми высшими цѣлями и таинственной философіей. Для образчика алхимической метафизики, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ книжки, писанной для профановъ или готовящихся въ высшимъ знаніямъ: книжка смѣется надъ невѣжествомъ тѣхъ грубыхъ алхимиковъ, которые не знаютъ настоящаго способа изыскивать тайны «натуры».

«Вотъ примѣръ весьма къ сему приличный! Древніе мудрецы, писавшіе о философскомъ камнѣ, говорятъ о *соли*, *сѣрѣ* и *меркуріи*. Химисты, не разумѣя ихъ загадочныхъ и иносказательныхъ реченій, и не вѣдая философской (sic) соли, сѣры и меркурія, работаютъ безъ размышленія наудачу, и вмѣсто кучъ зо-

---

бро. — Меньшіе металлы. — Дорогіе камни. — Простые камни. — Минералы. — О растительныхъ. — О животномъ царствѣ. — Человѣкъ. — О болѣзняхъ человѣческихъ,— тѣла. — О болѣзняхъ ума. — О болѣзняхъ души. — О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей». Здѣсь очевидно заключается программа мнѣній, какія мы видимъ у Новикова и его друзей относительно предметовъ природы: это — ихъ «тайная философія».

лота и всеобщаго врачества, вырабатываютъ себѣ дрожаніе членовъ и нищетскую суму....

«Итакъ, не довольствуйся никогда однимъ звукомъ аллегорическихъ словъ; но старайся и тщись испытать внутренній смыслъ оныхъ, по примѣру древнихъ....» [1])

Отсюда слѣдуетъ, повидимому, что авторъ понимаетъ алхимію, какъ метафизическую науку, скрывающую подъ химическими терминами гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ собственно выражаютъ эти термины. Онъ продолжаетъ въ томъ же стилѣ:

«Такимъ образомъ, напр., истинный испытатель изъ слова *соль*, а знающій древніе химическіе знаки изъ сего знака (знакъ соли), коимъ древніе соль означали, видитъ болѣе о *соли вещей*, нежели сколько могутъ научить насъ всѣ новѣйшія описанія солей и раздѣленія ихъ на роды (основанныя на наружныхъ видахъ, вкусѣ и видимыхъ, но еще не основательно познанныхъ дѣйствіяхъ). Ибо познаніе во внутренность вещей вселенной существенной соли, которую сыны Гермеса (sic) *солію натуры* называютъ, есть для большей части химистовъ еще глубоко сокровенное таинство. Ищущій истины алхимистъ разсматриваетъ искуство свое совсѣмъ изъ другой точки зрѣнія, нежели новые плавильщики: тотъ изыскиваетъ самъ даже до средоточія земли (Centrum terrae); а не довольствуется такъ, какъ сіи, раздробленіемъ такихъ тѣлъ, кои въ лавкахъ и аптекахъ купить можно» и т. д. (стр. 119).

Весь этотъ туманъ, прикрашенный дальше ссылками на Гермеса Трисмегиста, говорившаго иносказательно о соли, на библейскія изреченія и т. п., разсчитанъ, конечно, для профановъ или для начинающихъ, какими были и наши масоны, и если отсюда еще мудрено было научиться алхиміи, то это было уже хорошей программой обскурантизма и удовлетворительнымъ средствомъ для внушенія людямъ, довѣрчивымъ къ этой мудрости, самыхъ дикихъ понятій о вещахъ, или даже для совершеннаго умопомраченія. Способъ, которому слѣдуетъ «истинный испытатель» природы и божественной премудрости объясняется дальше такъ:

«Мы должны отнизу вознестися выспрь, извнѣ обратиться внутрь себя, естьли хотимъ надѣяться достигнуть высокаго и глубокаго познанія» (стр. 134), — а это дѣлается слѣдующимъ образомъ:

«Читай, братъ мой, читай священное твореніе, читай его постепенныя слѣдствія, читай его яснымъ внутреннимъ окомъ мудрыхъ, *имущихъ око свое во главѣ* (курсивы въ подлинникѣ),

[1]) Братскія увѣщанія и проч., стр. 117.

какъ говоритъ премудрый Соломонъ. Читай не спѣшно, какъ читаетъ большая часть чтецовъ, спѣшащихъ только до другаго листа скорѣе дочесться. *Читая неправильно на семъ листѣ, не можешь ты надѣяться пользы на другомъ листѣ, развѣ обратишься назадъ;* итакъ, читай правильно и сначала. Естьли желаешь читать исторію сотворенія, то придержися перваго стиха:

Bereschith bara Elohim eth haschamajim weeth haaretz;

и читай его нѣсколько лѣтъ, а потомъ уже читай далѣе. (Въ примѣчаніи прибавлено: «Когда же ты сіе, и далѣе, основательно прочиталъ, тогда читай тамъ, гдѣ еще ничего не писано».) Естьли же ты не чтецъ Священнаго Писанія, и краткозрящь для примѣчанія шаговъ натуры, — то по крайней мѣрѣ дѣлай небольшое физическое и нравственное разсмотрѣніе себя самаго: ибо самого себя имѣешь ты всегда при себѣ», и т. д. (стр. 134).

Не знаемъ, говорится ли это въ прямомъ смыслѣ или опять аллегорическомъ, есть ли это мистификація или симптомъ помѣшательства... Книжка написана очевидно въ розенкрейцерскомъ духѣ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ о великой мистической силѣ имени Iehovah, которому даетъ каббалистическія числовыя толкованія, и которое было также могущественнымъ «grand nom» для Сенъ-Мартена.

Мы не будемъ пускаться въ изслѣдованіе алхимическихъ секретовъ нашего розенкрейцерства; они были простымъ повтореніемъ западныхъ образцовъ, которые въ свою очередь брали эту мудрость въ значительной степени изъ готовыхъ средневѣковыхъ источниковъ. Изъ немногихъ подробностей, нами указанныхъ, читатель можетъ достаточно видѣть свойство этихъ странныхъ подновленій алхиміи и каббалистики, имѣвшихъ притязаніе построить высшую философію и строившихъ ее на совершенномъ отрицаніи здраваго смысла.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о масонскихъ сочиненіяхъ самаго кружка. Книжки, изданныя имъ, представляютъ мало самостоятельнаго; это—повтореніе обще-масонскихъ и потомъ розенкрейцерскихъ темъ, вражда противъ «злоупотребленій разума», мистическая теософія и защита ордена. Таковы книжки: «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми писателями» (1780 и 1787), Лопухина,—тетрадка въ нѣсколько страничекъ съ ребяческими обличеніями энциклопедистовъ; «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости» (1791), его же, маленькая книжка, гдѣ напечатанъ и «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-масоновъ», составляющій апологію ордена противъ несправедливыхъ обвиненій и представляющій ма-

союзъ истинными христіанами и вѣрными подданными; его же книжка «О внутренней церкви», изданная уже при Павлѣ (1798) и наполненная обычнымъ туманнымъ мистицизмомъ. Книжка Тургенева: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ?» изданная сначала по-французски, и уже послѣ (въ 1796) по-русски, есть опять апологія ордена, доказывающая, что таковымъ гражданиномъ и подданнымъ именно бываетъ масонъ. Журналъ новиковскаго кружка: «Магазинъ Свободно-Каменьщической» (1784), заключаетъ въ себѣ, кромѣ упомянутаго прежде «Опыта», разсужденія и рѣчи, говоренныя въ ложахъ и главнымъ образомъ трактующія о спеціальныхъ нравственныхъ обязанностяхъ масона въ орденѣ: о довѣренности къ ордену и мастерамъ, о повиновеніи, о скромности, о любви къ отечеству и т. п. Тема повиновенія повторяется довольно часто, и это усиленное требованіе повиновенія, едва ли не стоитъ въ связи съ розенкрейцерствомъ, потому-что «неизвѣстные начальники» именно требовали отъ розенкрейцеровъ слѣпого повиновенія и предостерегали ихъ отъ употребленія собственнаго разума. Затѣмъ въ «Магазинѣ» помѣщенъ цѣлый рядъ масонскихъ хоровъ и пѣсенъ, гдѣ воспѣвается Екатерина, Павелъ, восхваляется орденъ и его мудрыя правила, обличаются пороки и вольнодумство, передъ которыми затворяется ложа:

«Бѣги отъ насъ, злой вольнодумецъ,
«Распутный, мѣстъ сихъ удались!
«Бѣги, неистовый безумецъ,
«Безбожникъ адскій, здѣсь не зрись!» и т. п.

Упомянемъ еще послѣдняго могикана этой литературы новиковскаго кружка, книгу: «Письма С. И. Г.» (въ 2-хъ ч. Москва, 1832). Это были письма Гамалѣи, вѣрнаго друга и товарища Новикова, писанныя имъ къ другу одному и представляющія характеристическій образчикъ понятій, на которыхъ окончательно остановились московскіе розенкрейцеры [1]): это была довольно странная помѣсь христіанской мистики и строгаго аскетизма съ воспоминаніями тайной философіи, — письма изобилуютъ цитатами изъ Св. Писанія, понимаемыми въ самомъ мистическомъ смыслѣ, и когда разсужденія автора касаются внутренней человѣческой природы, мы видимъ, что онъ остается вѣренъ фантастикѣ Сенъ-Мартена и розенкрейцерства. Но несравненно любопытнѣе помѣщенныя въ этой же книгѣ письма

[1]) Замѣтимъ, что письма принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ жизни Новикова и Гамалѣи: Гамалѣя дѣлилъ уединеніе Новикова въ селѣ Авдотьинѣ и немного пережилъ его: Новиковъ умеръ въ 1818, Гамалѣя въ 1822 году.

Новикова къ Карамзину, по поводу изданія сочиненій этого послѣдняго. Въ одномъ изъ писемъ Новиковъ выражаетъ свое несогласіе съ философіей Карамзина и находитъ въ ней «болѣе пылкости воображенія и увлеканія въ царство возможностей, нежели *основательности*». Мы увидимъ сейчасъ, въ чемъ онъ полагалъ основательность. Рѣчь идетъ по поводу писемъ Мелодора и Филалета и разговора ихъ о счастіи, гдѣ въ Мелодорѣ Новиковъ узнаетъ самого Карамзина, а въ Филалетѣ его друга Петрова — воспитанника новиковскаго кружка и, между прочимъ, переводчика «Хризомандера». Затѣмъ Новиковъ самъ разсуждаетъ объ истинной философіи, — такой, какою она должна быть по его мнѣнію. Мы приведемъ это разсужденіе, потому-что оно чрезвычайно характеристично опредѣляетъ послѣдній пунктъ, къ которому пришли наши розенкрейцеры, — старыя, мнимо-философскія притязанія мистическаго масонства и странное положеніе, въ которое приходилось имъ становиться передъ здравымъ смысломъ и самыми элементарными понятіями науки:

... «Философія холодная мнѣ не нравится — говоритъ Новиковъ. Истинная Философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго произхожденія.... И у меня есть свой Филалетъ, Англичанинъ, Философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ, между прочимъ: «покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія! — которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! чрезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщія и невидимыя сущности Ему подвластныя! — науку, чрезъ которую могу я вѣрно придти къ познанію всѣхъ таинъ, въ натурѣ сокрытыхъ! — такова есть та наука, въ которой физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла, и которая ему была открыта.

«Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, что̀, кажется, и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ,—такъ философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Какія же начала? а вотъ какія: что̀ есть Богъ? — что̀ есть Богъ въ единицѣ? что̀ есть Богъ въ Троицѣ? что̀ есть натура? одна ли есть натура, или болѣе? — таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ? — что̀ есть небо и одно ли оно, или болѣе? — впечатлѣна ли троичность Божія во всей его твари, или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны?—

какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ *сотворенъ по образу Божію и по подобію?* Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда когда Адаму уже нужно было спать? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? какъ мы это должны разумѣть?... Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ Ангелы? гдѣ Божественный Престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ [1]), находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч. Что есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ, или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ, во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ [2]).

---

[1]) Вспомнимъ, что открытіе Урана точно также смутило и Сенъ-Мартена, потому-что разстроивало мистическое число *семь*. Что бы они сказали теперь!

[2]) Новиковъ воображалъ, что имѣетъ о стихіяхъ высшее, алхимическое понятіе, переданное розенкрейцерствомъ: онъ считалъ ихъ *четыре*, какъ это и сказано въ «Теоретическомъ градусѣ».

Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни изчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы и Патріархи не такъ разумѣли философію...» (ч. II, стр. 254—261).

Слова Новикова едва ли еще требуютъ комментаріевъ. Это былъ конечно обскурантизмъ, — хотя, повторяемъ, эта темнота мысли и бѣдность знаній могутъ найти больше «облегчающихъ обстоятельствъ» въ исторіи русскаго общества, чѣмъ можетъ находить ненавистный обскурантизмъ европейскихъ мистиковъ XVIII-го и XIX-го вѣка, и у насъ—обскурантизмъ Магницкаго. Новиковскій кружокъ находился въ заблужденіи по незнанію,— въ которомъ до извѣстной степени не былъ виноватъ; но европейскіе обскуранты, какъ Сенъ-Мартенъ и подобные, были совершенно виноваты въ незнаніи, если дѣйствовали по незнанію, — или же, какъ Вёллнеръ и его розенкрейцеры, виноваты были въ прямой злоумышленной враждѣ къ просвѣщенію, когда дѣйствовали съ сознательной іезуитской цѣлью распространять невѣжество и развращать общественную нравственность. Когда въ XIX-мъ столѣтіи, въ періодъ господства меттерниховской реакціи, обскурантизмъ сталъ цѣлой системой, онъ становился уже настоящимъ преступленіемъ противъ просвѣщенія и народовъ,— преступленіемъ, для котораго нѣтъ никакихъ оправданій.

Мы видѣли, какъ глубоко упалъ новиковскій кружокъ въ вопросахъ о наукѣ и просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, при всей крайности мистицизма, овладѣвавшаго масонствомъ, за нимъ остается извѣстная доля положительнаго нравственнаго вліянія. Прежде всего, не все масонство было розенкрейцерскимъ, и сами розенкрейцеры не измѣняли и не мѣшали тѣмъ преданіямъ стараго масонства, на которыя мы выше указывали и въ которыхъ было много нравственно-полезнаго для общества, только-что начинавшаго серьезно задавать себѣ нравственные вопросы. И у насъ, это вліяніе масонства, быть можетъ, было цѣннѣе, чѣмъ въ западномъ обществѣ, потому-что самая жизнь была бѣднѣе и ограниченнѣе. Для европейскаго масона общественная жизнь представляла несравненно больше умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; на литературной и ученой аренѣ шла открытая борьба, которая втягивала всѣ сильные умы и характеры,—масонство во многихъ случаяхъ становилось только предваритель-

ной элементарной школой, изъ которой общественный человѣкъ выходилъ на болѣе широкое поприще, оставляя тѣсную сферу закрытой и окруженной молчаніемъ ложи для живыхъ вопросовъ, волновавшихъ массу общества, и для прямой практической дѣятельности. Такъ это дѣйствительно и было: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Николаи, Лессингъ прошли черезъ ложи, какъ черезъ элементарную школу, которая не осталась для нихъ безъ теплыхъ впечатлѣній. У насъ дѣло стояло иначе: общественная мысль едва зарождалась, и масонскіе идеалы, какъ ни были они отвлеченны и неясны, дольше могли оставаться единственнымъ нравственнымъ руководствомъ и стремленіемъ. Это была особенно популярная форма нравственнаго воспитанія. Какъ нѣчто невиданное и неслыханное, оно могло имѣть успѣхъ между людьми, неспособными ни къ какой другой формѣ нравственнаго обузданія. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе масоны, посылая свои мнѣнія на Вильгельмсбадскій конгрессъ, говорятъ, что обряды тамплiерской системы, особенно сложные и пышные, производили большое впечатлѣніе на русскихъ, какъ «націю военную», гдѣ въ первое время поступали въ члены ордена люди изъ знатнаго дворянства, которое, будучи «воспитано весьма чувственнымъ образомъ», всего лучше понимаетъ подобные способы «показывать ему отношенія умозрительныя». Понимаемое сколько-нибудь серьезно, масонство способно было оставлять въ этихъ людяхъ благотворныя впечатлѣнія. Вступая въ ложу, новый членъ уже на первыхъ шагахъ встрѣчалъ оригинальную фантастическую символику, которая завлекала воображеніе и своимъ нравственнымъ смысломъ могла возбуждать хоть какую-нибудь работу сознанія. Съ тѣмъ же характеромъ являлась передъ читателемъ и масонская книга. Книги, собственно «орденскія», въ публику не пускались, а въ другихъ, при всемъ ихъ мистицизмѣ, проходили однако мотивы о нравственномъ достоинствѣ человѣка, о національной и религіозной терпимости, о нравственной равноправности людей, о человѣколюбіи, обязательномъ для мыслящаго человѣка и т. д., такъ-что передъ читателемъ являлся нравственный идеалъ, въ первый разъ проповѣдуемый съ увлеченіемъ и настойчиво. Каковъ бы ни былъ этотъ масонскій идеалъ въ его послѣдней редакціи у розенкрейцеровъ новиковскаго кружка, во многихъ книгахъ и въ обыкновенной практикѣ ложъ сохранялись его основныя понятія, и это, конечно, были понятія просвѣщенныя и прогрессивныя: эти относительно широкія религіозныя воззрѣнія (во всякомъ случаѣ выходившія изъ обычной мѣрки), сознаніе человѣческаго достоинства, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ человѣчествомъ, едва ли не въ пер-

вый разъ являлись теперь въ кодексѣ литературныхъ идей въ такой положительной формѣ. Опредѣляя это нравственное вліяніе масонства, мы не должны въ особенности забывать свойства той среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать: эта среда, очень вѣрно нарисованная «Живописцемъ», не можетъ не входить въ разсчетъ при оцѣнкѣ его историческаго значенія. «Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить (замѣчаетъ Ешевскій), въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II-й и Александра I-го?» Такое вліяніе едва ли подлежитъ сомнѣнію; мы думаемъ только, что оно основано на нравственной, а не на мистической сторонѣ масонскаго содержанія, на преданіяхъ стараго англійскаго масонства, а не на розенкрейцерствѣ.

Въ нравственной оцѣнкѣ нашего масонства должна быть принята во вниманіе и другая сторона его, которая, едва ли справедливо, до сихъ поръ упускалась изъ виду. Мы уже замѣчали, что въ дѣятельности Новикова было то̀ новаго для русскаго общества, что эта дѣятельность была свободной общественной иниціативой. Каково бы ни было собственное содержаніе понятій Новикова, онъ, во всякомъ случаѣ, заявлялъ права индивидуальной свободы мысли противъ обязательности авторитета, до тѣхъ поръ господствовавшей — въ такъ-называемомъ образованномъ классѣ — безъ возраженій. Заявленіе его было, какъ мы видѣли, до послѣдней степени скромно; оно безпрекословно подчинялось всѣмъ существовавшимъ оффиціальнымъ условіямъ, но затѣмъ, въ этихъ опредѣленныхъ границахъ, оно требовало необходимаго простора для развитія личныхъ нравственныхъ стремленій. Противники Новикова не понимали, что это заявленіе было естественнымъ послѣдствіемъ того, что общественная мысль начинала пробуждаться и, по обыкновеннымъ законамъ развитія, сама искала формы для своего выраженія, и что для успѣха дѣла (если онъ былъ желателенъ) надо было дать ей возможный просторъ и средства высказаться; эти противники поддались личной антипатіи, не хотѣли допустить ни содержанія, ни формы этой мысли, или, если отчасти одобряли содержаніе, не допускали формы и пріемовъ. Новикова нельзя было упрекнуть съ легальной точки зрѣнія (и впослѣдствіи его можно было упрекнуть только въ неважныхъ вещахъ); но имъ уже хотѣлось

обязать его къ ходячимъ мыслямъ и ходячей морали; подъ конецъ его совершенно заставили замолчать и прекратить всякую дѣятельность. Это было крайне прискорбнымъ событіемъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія и крайне вреднымъ антецедентомъ для послѣдующихъ временъ. Если только легальныя требованія въ сущности исполнялись, общественное явленіе должно было быть предоставлено его собственному теченію: если направленіе было ошибочно, полезнѣе было бы дать ему высказаться, и оно всегда нашло бы въ самомъ обществѣ противодѣйствіе, которое лучше всего раскрыло бы его ошибки, — и тогда въ результатѣ сохранились бы только его лучшія и благотворныя стороны, которыхъ, напримѣръ, даже противники не отвергали въ нашемъ масонствѣ. Насильственная остановка часто имѣетъ свойство только укрѣплять тѣ принципы, противъ которыхъ употребляются подобныя средства, и вызывать другія насилія. Слѣдующій историческій періодъ принесъ господство тѣхъ идей, которыя наканунѣ преслѣдовались, и это господство едва ли пріобрѣло отъ того мягкости и умѣренности: случилось, какъ извѣстно, совсѣмъ напротивъ.... Личность и дѣятельность Новикова тѣмъ въ особенности и интересны для насъ, что онъ — мистикъ, враждебно относившійся къ разумной наукѣ, и наконецъ почти готовый обскурантъ — своими убѣжденіями и дѣятельностью именно выражалъ эти требованія свободы мысли и общественнаго развитія. Какъ это ни странно, но въ этомъ именно и заключается историческое значеніе труда Новикова и нравственный интересъ его личности, — потому-что въ самомъ содержаніи его понятій, какъ мы сейчасъ видѣли, было слишкомъ много страннаго и непривлекательнаго. Къ сожалѣнію, противники Новикова, желавшіе заставить его идти по рутинной дорогѣ, не видѣли, что просвѣщеніе подъ ферулой всегда будетъ только пародіею на просвѣщеніе: становясь въ первый разъ на ноги, оно, конечно, можетъ иногда падать, но ему надо предоставить свободу двигаться, и оно окрѣпнетъ само, не будетъ нуждаться въ помочахъ, и только тогда оно будетъ прочнымъ національнымъ просвѣщеніемъ и дастъ свои настоящіе плоды.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы остановимся подробнѣе на этихъ отношеніяхъ дѣятельности Новикова, и разсмотримъ характеръ нападеній на него противной стороны и свойство его послѣдняго процесса.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

VIII.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

НАКАНУНѢ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

G. Gervinus, Geschichte des neunzehnten Jarhunderts seit den Wiener Verträgen. Bd. VIII. 1866.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Всякій разъ, когда намъ случается пережить какое-нибудь болѣе или менѣе тяжелое событіе, мы бросаемся въ недавнее прошедшее и въ немъ ревностно подмѣчаемъ такіе признаки, которые могли бы на будущее время намекнуть о приближеніи той или другой опасности, той или другой бѣды. Такъ дѣйствуетъ нашъ умъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, какого бы размѣра они ни были. Въ обыденной жизни и въ такъ-называемой великой исторической жизни — пріемы человѣческаго разума одни и тѣже, съ тѣмъ только различіемъ, что ошибки въ житейскихъ мелочахъ обнаруживаются скорѣе, и въ борьбѣ съ такими ошибками мы справляемся легче. Между тѣмъ, ошибки въ посылкахъ исторической жизни превращаются въ колоссальныя теоріи, которыя долгое время правятъ обществомъ, которыми думаютъ спасти общество отъ опасности, и которыя часто сами ведутъ къ новымъ опасностямъ. Отыскавъ признаки какого-нибудь тяжелаго

совершившагося факта въ событіяхъ предшествовавшихъ ему, мы начинаемъ весьма естественно отправляться обратнымъ путемъ, а именно, мы начинаемъ боязливо и пугливо присматриваться и прислушиваться къ настоящему: нѣтъ-ли въ немъ подобныхъ же признаковъ, и не наканунѣ ли мы какой-нибудь подобной бѣды, предъ появленіемъ которой наблюдались подобные же признаки? Въ мелочахъ жизни подобный пріемъ порождаетъ суевѣріе, а въ высшихъ ея отправленіяхъ — доктрину и доктринёрство.

Такъ, когда закончилась большая французская революція, когда гроза пронеслась, всѣ устремились, какъ послѣ пожара, отыскивать, на пожарищѣ, причины пережитой бѣды. Это судебно-историческое слѣдствіе произведено было самымъ незамысловатымъ образомъ. Поймали литературу XVIII-го столѣтія и привлекли ее къ суду: по сравненіи идей, высказанныхъ въ революціонныхъ собраніяхъ, и ихъ стремленій, съ содержаніемъ произведеній французскихъ до-революціонныхъ писателей, не было, повидимому, никакого сомнѣнія въ томъ, кто виноватъ, и приговоръ состоялся. Никому не пришло въ голову, что эта литература лежитъ и теперь предъ глазами всѣхъ, а между тѣмъ она оказывается безсильною, чтобы возбудить малѣйшее волненіе; никто не подумалъ, что французская литература прошедшаго столѣтія развивалась, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ англійскихъ мыслителей, и что въ Англіи тоже литературное направленіе не привело ни къ какой революціи. Но тѣмъ дѣло не кончилось: въ двухъ прямо-противоположныхъ лагеряхъ явилось, страннымъ образомъ, одно и тоже ученіе, одна и таже доктрина. Одни напали на мысль, что для постановки на исторической сценѣ какого-нибудь факта достаточно направить литературу въ извѣстномъ смыслѣ и къ извѣстной цѣли. Другіе, думая противодѣйствовать первымъ, собственно выходили изъ того же заблужденія и, преслѣдуя литературу, хотѣли тѣмъ самымъ предотвратить зло въ будущемъ; но въ сущности они боролись съ призраками, между тѣмъ какъ настоящіе источники зла оставались благополучно открытыми, и настоящее орудіе блага оставалось въ бездѣйствіи.

Если бы современный намъ авторъ «Исторіи девятнадцатаго столѣтія», приступая къ изложенію іюльской революціи 1830 г., ограничился представленнымъ уже нами *) анализомъ интеллектуальнаго движенія двадцатыхъ годовъ нашего вѣка, съ цѣлью открыть въ этомъ одномъ движеніи причины самаго переворота,— то онъ повторилъ бы такимъ образомъ старую ошибку. Въ интел-

*) См. 1866, т. III, отд. II, стр. 327 и слѣд.

лектуальномъ движеніи 20-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе, именно одно обстоятельство: оно было также повсемѣстно, какъ повсемѣстно отдался и самъ переворотъ. Въ области мысли происходитъ нѣчто подобное тому, что̀ мы наблюдаемъ въ области матеріальныхъ интересовъ: чѣмъ сильнѣе связаны, напримѣръ, торговые интересы различныхъ странъ, тѣмъ быстрѣе чувствуется пониженіе или повышеніе курса въ одной странѣ на всѣ прочія страны; чѣмъ живѣе обмѣнъ мысли, тѣмъ однороднѣе ея движенія въ различныхъ обществахъ.

Не ограничиваясь однимъ интеллектуальнымъ движеніемъ въ Европѣ наканунѣ 30-хъ годовъ, ища повсюду причинъ этого движенія, Гервинусъ предпослалъ самому изложенію исторіи такъ-называемой «Великой недѣли» еще два мастерскихъ очерка, посвященныхъ собственно двумъ личностямъ, въ судьбѣ и характерѣ которыхъ заключалось многое, поясняющее весь ходъ іюльской революціи и послѣдующаго за нею времени. Это были— Людовикъ-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, сынъ Филиппа-Равенство, и князь Полиньякъ, министръ Карла X, сынъ того Полиньяка, который бѣжалъ въ Россію наканунѣ самой революціи, еще при Екатеринѣ II и умеръ въ Петербургѣ, въ 1817 году.

Людовикъ-Филиппъ, мы видѣли, служилъ, въ 20-хъ годахъ, живымъ идеаломъ для той части французскаго общества, которая стремилась къ перевороту; онъ самъ сознавалъ свое положеніе и потому старался невольно дорисовывать себя по тому идеалу, который составлялся внѣ его въ литературѣ и въ наукѣ для будущаго вождя государства. Съ одной стороны, такимъ образомъ, въ характерѣ Людовика-Филиппа и въ прежнихъ событіяхъ его жизни были дѣйствительно черты и обстоятельства, непридуманныя имъ, и которыя обратили на него вниманіе общества, недовольнаго своимъ порядкомъ вещей; съ другой стороны, самое это вниманіе общества порождало въ Л.-Филиппѣ почти невольное желаніе создавать обстоятельства и выражать такія наклонности въ своемъ характерѣ, которыхъ въ дѣйствительности не было въ немъ. Такова судьба всѣхъ общественныхъ дѣятелей, подобныхъ Людовику-Филиппу: въ ихъ жизни біографъ долженъ строго отличить дѣйствительность отъ сценической обстановки, въ которую они вовлекаются почти невинно и кончаютъ иногда тѣмъ, что обманываютъ даже самихъ себя. Потому часто случается, что такіе люди съ необычайною ловкостью достигаютъ своихъ цѣлей, но уже не такъ легко успѣваютъ сохранить то, чего однажды достигли. По той же причинѣ, подобныя личности рѣдко находятъ для себя безпристрастныхъ историковъ: при малѣйшей личной привязанности, ихъ біографъ легко смѣши-

ваетъ въ нихъ хорошую дѣйствительность съ игрою въ добродѣтель, и при малѣйшей враждѣ можетъ также легко заподозрить и дѣйствительное, отнеся его въ область политической игры. Такъ случилось и съ Людовикомъ-Филиппомъ: Гервинусъ признаетъ трудъ Буллѐ (A. Boullée, Études biographiques sur Louis-Philippe d'Orléans. 1849) единственною безпристрастною біографіею единственнаго пока короля изъ Орлеанскаго дома. Но и самъ Гервинусъ не остался свободнымъ вполнѣ отъ голоса противниковъ Людовика-Филиппа, который, весьма естественно, раздавался чаще и громче послѣ февральской революціи. Гервинусъ не довольно, по нашему мнѣнію, принялъ въ соображеніе то психологическое обстоятельство, о которомъ мы говорили выше, а именно, фатальную неизбѣжность для подобныхъ лицъ играть до конца навязываемую имъ роль со стороны общественнаго мнѣнія, и наконецъ доходить до полнаго самообмана. Гервинусъ приводитъ блестящую характеристику Людовика-Филиппа, какую когда-либо мы читали на страницахъ исторіи, но всякій легко замѣтитъ, что усиліе автора быть безпристрастнымъ не разъ уступаетъ вліянію современныхъ враговъ памяти Людовика-Филиппа.

«Изъ цѣлаго ряда неопровержимыхъ фактовъ—говоритъ Гервинусъ — мы видимъ, что дѣйствительно, съ самыхъ юныхъ лѣтъ Филиппа, шлака кая-то игра; что великія міровыя событія служили къ тому сценою, что если главный актеръ (Людовикъ-Филиппъ) и не самъ напалъ на первую мысль, то ему внушили съ ранней поры разыгрывать пьесу сначала про себя, въ видѣ монолога; и что, наконецъ, онъ, отступивъ на задній планъ для молчаливаго содѣйствія, предоставилъ другимъ самую постановку на сцену. Впрочемъ, было невозможно, чтобы этотъ человѣкъ, на такомъ мѣстѣ, при такомъ происхожденіи, при такой обстановкѣ, созрѣвшій въ своей опытности, прошедшій школу въ тѣ времена, когда жалкіе выскочки могли легко удовлетворить свои стремленія и властолюбіе,— чтобы Людовикъ-Филиппъ остался чуждъ честолюбивыхъ стремленій; возможно ли, чтобы при такомъ состояніи міра, при такомъ положеніи своей земли, при томъ настроеніи своего народа, не улыбалась бы его честолюбію, не манила бы его воображеніе корона, которая уже разъ свалилась съ головы Бурбоновъ, была возвращена и снова колебалась? Обольстительныя обстоятельства запутали бы и слабѣйшую натуру, и сильнѣйшій характеръ увлекли бы еще сильнѣе.»

Изъ этихъ словъ мы могли бы заключить, что Гервинусъ, повидимому, уступаетъ широкое мѣсто въ жизни Людовика-Филиппа духу времени, обстоятельствамъ, предшествовавшимъ

его общественному положенію, однимъ словомъ, всему тому, что не зависитъ отъ человѣка, и что человѣкъ находитъ готовымъ въ минуту своего появленія въ свѣтъ. Но, по всему видно, что авторъ «Исторіи девятнадцатаго столѣтія», не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ финала царствованія Людовика-Филиппа, и несчастный конецъ его жизни заставляетъ его болѣе заботиться объ объясненіи характеромъ описываемаго лица его неудачи, чѣмъ остаться вѣрнымъ дѣйствительности. Снявъ какъ будто бы съ Людовика-Филиппа половину отвѣтственности за участіе въ борьбѣ страстей, Гервинусъ возлагаетъ съ другой стороны на него одного полную отвѣтственность — за неудачу.

«У Людовика-Филиппа, какъ и у его отца (Филиппъ-Равенство)—продолжаетъ авторъ—честолюбіе отъ природы было скорѣе похотью, нежели дѣятельнымъ стремленіемъ. Онъ предпочиталъ переносить судьбу, нежели творить ее. Предусмотрительнымъ ученикамъ поучительнѣйшаго опыта казалось, что всякое народное движеніе будетъ ему пагубно также, какъ и Бурбонамъ. Будучи движимъ по своей природѣ страхомъ предъ всякою отвѣтственностью, Людовикъ-Филиппъ отступалъ предъ всякимъ дѣятельнымъ возстаніемъ и заговоромъ. Душевной силы, силы воли на всяческіе замыслы не было дано этому человѣку, которому всегда недоставало въ экстренныхъ обстоятельствахъ возвышенности характера, широкаго круговора мысли, великихъ принциповъ; у него всегда исчезали твердость, простота сердца, благородство души—качества, которыя онъ никакъ не могъ замѣнить всѣмъ своимъ личнымъ мужествомъ, ловкостью и другими разнообразными способностями своей головы; ему, какъ то уже высказала его воспитательница (м-мъ Жанлисъ), недоставало тѣхъ добродѣтелей, которыя во Франціи считаются истинно-королевскими: величія и любви къ славѣ, этихъ двухъ великихъ двигателей народовъ. Вслѣдствіе того происходило, что не мало было такихъ, которые особенно боялись его честолюбія, но считали его боязливымъ для того, чтобы переходить къ дѣйствію; а другіе, желавшіе страстно съ его стороны подобнаго шага, приходили въ отчаяніе отъ его нерѣшительности..... *«Воздержись въ сомнительныхъ случаяхъ»* —было его поговоркою даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и рисовало всего человѣка. Спрятаться сзади, отойдя въ сторону, лавировать, ни съ кѣмъ не столкнуться, не нападать, быть податливымъ, незамѣтно уклоняться, составлять заговоры въ воображеніи, на дѣлѣ избѣгать всякой иниціативы,—все это было въ его характерѣ, все это служило его политикою въ минуту кризиса, когда колебалась его жажда власти отъ ожиданія множества людей: онъ смотрѣлъ не безъ боязни впередъ

кризиса и въ тоже время стремился къ нему всѣми силами; при случаѣ, онъ прямо упрекалъ Бурбоновъ за ихъ пагубную систему, которой онъ втайнѣ радовался; онъ спасалъ такимъ образомъ наружное приличіе и совѣсть, не причиняя себѣ вреда, потому-что былъ увѣренъ въ неисправимости своихъ родственниковъ..... Такимъ образомъ, относительно Людовика-Филиппа, не смотря на то, что онъ былъ прикрытъ всегдашнею умѣренностью, во всѣ времена ходили самыя противорѣчивыя сужденія, и въ нихъ во всѣхъ нельзя не признать хоть одного грана истины. Когда онъ сбросилъ съ себя достоинство принца, его побудилъ Дюмурье обойти міръ въ качествѣ простого странника съ посохомъ въ рукахъ и въ блузѣ, потому-что было выгоднѣе быть героемъ Одиссеи, нежели пастушескаго эпоса. Озлобленные ройялисты охотнѣе свели бы многостранствовавшаго Одиссея на роль Жиль-Блаза, такъ-какъ Людовикъ-Филиппъ все передѣлалъ и былъ всѣмъ: принцемъ, республиканцемъ, солдатомъ, эмигрантомъ, школьнымъ учителемъ, путешественникомъ, американскимъ гражданиномъ, англійскимъ лордомъ, сицилійскимъ дворяниномъ и испанцемъ по найму; они находили, что въ его характерѣ сохранились слѣды всѣхъ игранныхъ имъ ролей, и въ особенности даръ превращеній сценическаго артиста, съ которымъ онъ умѣлъ обходиться со всѣми людьми по-своему, хотя и не безъ натянутости. Въ своемъ портретѣ онъ являлся, какъ хамелеонъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, и не столько природа, сколько судьба образовала въ немъ не разносторонность, но двусмысленность, противорѣчіе и противоположность. Такъ, съ самой юности онъ былъ попеременно лѣнивъ и прилеженъ, восторженъ и трезвъ, откровененъ и обманчивъ; въ 1792 г. клубистъ, въ 1795 г. претендентъ на тронъ. Шатобріанъ считалъ его свободнымъ отъ ненависти къ добру, что̀ было такъ свойственно его предкамъ, но и сильное отвращеніе къ злому также не было ему дано.... Его воспитательница называла его рожденнымъ для жизни частнаго человѣка, а люди расположенные высказывали, что онъ самъ считалъ себя предназначеннымъ для сана короля. Онъ называлъ себя англичаниномъ по принципамъ и наклонностямъ; Наполеонъ хвалилъ въ немъ французскую душу. Для однихъ—говаривалъ онъ самъ,—онъ былъ слишкомъ, для другихъ мало — Бурбономъ....

«Такимъ образомъ, дальновидный сердцевѣдъ, заключаетъ Гервинусъ — могъ бы впередъ предсказать, что въ этомъ человѣкѣ и на престолѣ никогда не разойдутся противоположности, встрѣченныя еще въ юности — революціонера и принца, монархиста и республиканца, и что его правленіе можетъ быть на-

звано такимъ именемъ, которое соединитъ въ себѣ двусмысленность, половинчатость, средину, противорѣчіе: буржуазнаго королевства, монархіи съ республиканскими порядками, подобія легитимности, французскаго le juste milieu, *наполеонизма мира.*»

Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ восемнадцатилѣтняго правленія Людовика-Филиппа оцѣнивается многими невольно подъ вліяніемъ восемнадцатилѣтняго правленія, которое смѣнило его. Людовику-Филиппу исторія отвела мѣсто между двумя имперіями; это былъ «Наполеонъ мира», говоритъ авторъ, какъ бы желая увѣнчать всѣ изложенныя имъ противорѣчія въ характерѣ Людовика-Филиппа, и вмѣстѣ объяснить причину его паденія. Оцѣнка, основываемая на сравненіи съ тѣмъ, что еще не имѣло своего конца, никогда не можетъ быть названа послѣднимъ словомъ исторіи. Отрицаніе заслугъ Людовика-Филиппа и его правительства, конечно, должно было сдѣлаться силою наслѣдовавшей ему власти и временнымъ масштабомъ современнаго историка; но это отрицаніе приближается къ своимъ предѣламъ, за которыми можетъ настать эпоха оправданія и для Людовика-Филиппа. Современная Франція не можетъ сказать, чтобы ея будущая судьба была совершенно обезпечена, чтобы она могла не бояться никакой случайности, и потому надобно думать, что взгляды на время Людовика-Филиппа, подвергавшіе его критикѣ, сами могутъ испытать на себѣ критику времени.

Людовику-Филиппу предстояла въ жизни тяжелая задача: очистить въ своемъ лицѣ Орлеанскій домъ отъ пороковъ грязи, въ которыхъ утопали его предки, начиная отъ самаго основателя Филиппа, единственнаго брата Людовика XIV, и до самаго его отца Филиппа-Равенство; но, въ тоже время, это очищеніе должно было совершиться безъ того, чтобы сдѣлаться Бурбономъ. О Людовикѣ-Филиппѣ нельзя было никакъ сказать, чтобы онъ въ своей жизни «ничему не научился и ничего не позабылъ.» При началѣ большой французской революціи, ему не было еще 16-ти лѣтъ (род. 6-го октября 1773). Мать Людовика-Филиппа, изъ фамиліи герцоговъ Пентьевръ, поручила его воспитаніе м-мъ Жанлисъ, съ которою была въ самой тѣсной дружбѣ. Вмѣстѣ съ нимъ воспитывалась и обучалась его сестра, принцесса Адель. Литературные враги воспитательницы и политическіе ненавистники Людовика-Филиппа говорили въ насмѣшку, что Людовикъ-Филиппъ былъ «лучшимъ произведеніемъ м-мъ Жанлисъ»; но Гервинусъ, при всей своей склонности къ голосу противниковъ Орлеанскаго дома, не могъ однако не отдать справедливости этой же самой Жанлисъ, если не въ отношеніи Людовика-Филиппа, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи его сестры Адели: «Воспитательница,

подвергшенная поучительнѣйшею школою судьбы, умѣла поддержать въ Адели природные дары и выработать ихъ къ жизни, для строгаго порядка въ домашнихъ отношеніяхъ, для познанія людей и опытности въ мірѣ, къ религіозно-духовной жизни, къ твердому, прямому взгляду на окружающее, который доставилъ возможность принцессѣ, не выступая изъ женской сферы, имѣть большой здравый смыслъ и рѣшительность, дѣлавшую ее настоящею главою и королемъ въ фамиліи, и добрымъ геніемъ своего брата до самаго конца.»

Исторія воспитанія Людовика-Филиппа представляетъ рѣдкій случай руководительства женщины, которое простиралось далеко за предѣлы не только ребяческаго, но и отроческаго возраста. Начала самаго воспитанія были извѣстны подъ именемъ *à la Jean-Jacques*. Жанлисъ занимала его различными мастерствами и обратила все вниманіе на изученіе новѣйшихъ языковъ; Людовикъ-Филиппъ сначала обнаружилъ крайнее нерасположеніе къ труду, которое однако Жанлисъ преодолѣла, и ея ученикъ предался занятіямъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Соотвѣтственно идеямъ, внушаемымъ Жанлисъ, Людовикъ-Филиппъ относился сочувственно къ первому появленію революціоннаго движенія, и вмѣстѣ съ своею воспитательницею посѣщалъ національное собраніе и клубъ якобинцевъ. При началѣ процесса Лудовика XVI, Людовикъ-Филиппъ совѣтовалъ своему брату эмигрировать, но, получивъ отказъ, онъ удалился въ республиканскую армію и мужественно дрался при Жемаппѣ, подъ начальствомъ Дюмурье. Казнь короля произвела переворотъ въ Дюмурье и въ Людовикѣ-Филиппѣ, который писалъ ему въ мартѣ 1793 года, что «розовый свѣтъ начинаетъ пропадать и превращаться въ мрачный». Вмѣстѣ съ Дюмурье онъ бѣжалъ въ австрійскій лагерь и оттуда въ Швейцарію.

«Тогда наступила—говоритъ Гервинусъ—минута для молодого принца, призваннаго къ самостоятельной дѣятельности и стоявшаго предъ мрачною будущностью—показать, будетъ ли въ состояніи питомецъ новаго времени и новой школы, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ казни отца главою семейства, сообщить новый характеръ прежней репутаціи своего дома—отказаться отъ наслѣдія безнравственности, вести жизнь въ чистотѣ отъ грязи и уничиженія своихъ предковъ, и рядомъ съ согнившею вѣтвью бурбонскаго древа отпустить новую и здоровую вѣтвь. И, безъ сомнѣнія, будучи иначе образованъ, нежели предки, и иначе нежели его родственники старшей линіи, онъ удалился въ то время въ печальную ссылку. Это было поученіе для всего свѣта, когда позже, послѣ продолжительной неизвѣстности о принцѣ, узнали,

что между тѣмъ, какъ Бурбоны при всѣхъ дворахъ вымаливаютъ себѣ королевскихъ почестей, молодой Орлеанскій, лишенный всѣхъ средствъ, удалился въ Швейцарію и тамъ при одномъ пансіонѣ въ Рейхенау принялъ на себя бѣдное мѣсто подъ именемъ Шабо-Латура, а его сестра Адель, по просьбѣ графа Монтескью, бывшаго ангеломъ-хранителемъ всей семьи, нашла себѣ пріемъ въ монастырѣ Бремгартенѣ. Людовикъ-Филиппъ считалъ самъ себя счастливымъ въ своемъ несчастьи, потому-что у него не было времени пріобрѣсть дурныя привычки, отъ которыхъ трудно отдѣлаться въ высокомъ положеніи, и что у него отняли могущество прежде, нежели онъ научился имъ злоупотреблять.»

Что Людовикъ-Филиппъ не остался до конца жизни вѣрнымъ своей новой жизни въ Швейцаріи, что онъ не отрѣшился совершенно отъ міра, что, наконецъ, судьба отечества не перестала быть ему чуждою — все это мы очень хорошо знаемъ. Остается вопросъ: какъ біографъ долженъ отнестись къ такой новой перемѣнѣ въ судьбахъ своего субъекта? Какъ отнесся къ этому явленію именно нашъ авторъ Гервинусъ?

«Несчастнымъ образомъ — говоритъ онъ, анализируя дальнѣйшую жизнь Л.-Филиппа въ Швейцаріи — одно высокое рожденіе изгнанника и наслѣдственные грѣхи, въ которыхъ обвиняли всегда его родъ, враждебныя побужденія въ немъ самомъ, которыя должны были его скоро бросить въ привычки, отъ которыхъ трудно отдѣлаться — все это устремляло его къ тому, чтобы всѣми средствами постараться возвратить утраченное имъ свое высокое положеніе и, по возможности — съ выгодою.»

Разсуждая такимъ образомъ, авторъ только изобличаетъ свои отношенія къ описываемому имъ предмету; историкъ не долженъ, если только онъ не желаетъ сознательно или безсознательно стать въ ряды той или другой партіи, ограничиваться при оцѣнкѣ образа дѣйствій историческаго лица однимъ фатализмомъ, и смотрѣть на его дѣйствія, какъ на результатъ рожденія и наслѣдственныхъ пороковъ, осуждающихъ человѣка дѣйствовать такъ или иначе. Перемѣна въ Л.-Филиппѣ тѣсно связана съ тѣмъ, что происходило въ то время во Франціи. Въ іюлѣ 1794 года палъ Робеспьеръ, и общественное мнѣніе, точно также какъ и Л.-Филиппъ, разочаровалось въ дальнѣйшемъ успѣхѣ революціи. Настоящее намѣреніе Л.-Филиппа было отправиться въ Америку, но извѣстія, полученныя изъ Франціи, принудили его перемѣнить свое намѣреніе и отправиться въ Гамбургъ къ Дюмурье. Но и тамъ Л.-Филиппъ оставался въ сторонѣ, даже удалился въ Скандинавію, и Дюмурье работалъ за него и безъ него. Письмо Дюмурье къ Шаретту въ Парижъ, отъ 18 октября 1795

года, было первою программою, которая осуществилась только тридцать пять лѣтъ спустя. Франція—писалъ Дюмурье—нуждается въ монархіи, но не въ монархіи Людовика XIV; ей нуженъ король, который далъ бы третьему сословію тѣ гарантіи, которыя давались Бурбонами дворянству и духовенству; единственно возможное соглашеніе между республикою и монархіею представляетъ молодой Орлеанскій, за согласіе котораго онъ ручается; Шаретту предстоитъ прекрасная роль Монка «дать революціи короля».

Въ этомъ письмѣ Гервинусъ видитъ первое ясное стремленіе Людовика-Филиппа вступить на ту дорогу честолюбія, которая должна была сдѣлать изъ него другого человѣка и выкинуть туда, куда манили его рожденіе и наслѣдственные пороки предковъ. Но полгода спустя, въ мартѣ 1796 года, воспитательница Л.-Филиппа писала другое письмо, содержаніе котораго показываетъ, что его друзья рѣшали безъ него его будущую участь, и которое было бы дурною услугою со стороны м-мъ Жанлисъ ученику, если послѣдній питалъ бы еще въ ту эпоху честолюбивые замыслы овладѣть престоломъ. Она говорила Орлеанскому герцогу о его партіи, которая желаетъ возвести его на престолъ, и о которой онъ знаетъ или долженъ узнать. Она присоединила, что въ немъ она не нашла ни малѣйшаго зародыша честолюбія, и считаетъ его неспособнымъ питать такія намѣренія, какія ему приписываютъ. Если Франція пожелаетъ возстановить королевство, то она отдастъ справедливость притязаніямъ брата Людовика XVI; его же, который принесетъ съ собою ненавистнѣйшія изъ всѣхъ притязаній на престолъ, изгонятъ новыя партіи, и тогда онъ въ изгнаніи найдетъ единственное, невыносимое несчастіе, котораго онъ еще не испыталъ—безчестіе и раскаяніе. Даже и съ законными притязаніями она не охотно встрѣтила бы его вступленіе на престолъ, потому-что онъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, взглядахъ и добродѣтеляхъ, не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ короля великимъ. Онъ, по своему характеру и наклонностямъ, рожденъ для частной жизни, но не для того, чтобы выступить съ блескомъ и достоинствомъ, быть въ постоянной дѣятельности и управлять великимъ государствомъ.

Такъ писала м-мъ Жанлисъ полгода спустя послѣ Дюмурье. Ея письмо было тогда же обнародовано. Во всемъ этомъ видятъ желаніе м-мъ Жанлисъ достигнуть эгоистическихъ цѣлей и «купить своимъ письмомъ возвращеніе себѣ во Францію», а потому относятъ самое письмо къ шагу медвѣжьихъ услугъ по отношенію къ Людовику-Филиппу. Но трудно представить себѣ, чтобы

м-мъ Жанлисъ, даже и въ 1796 году, могла думать угодить общественному мнѣнію, приписывая Франціи мысль о преимущественныхъ правахъ брата Людовика XVI на престолъ, и считая Л.-Филиппа неспособнымъ управлять такимъ государствомъ, какъ Франція, только потому, что онъ имѣетъ отличное образованіе и прекрасную душу, но не владѣетъ какими-то другими качествами, которыя во Франціи дѣлаютъ короля великимъ человѣкомъ. Это было бы больше, нежели ироніею надъ французами и едва ли можно было купить ихъ расположеніе обнародованіемъ подобнаго письма. Предсказанія м-мъ Жанлисъ 1796 года дѣйствительно сбылись надъ Людовикомъ-Филиппомъ въ 1848 году, но въ эту эпоху «безчестіе и раскаяніе» должны были быть уже не съ его стороны.

Между тѣмъ какъ Людовикъ-Филиппъ странствовалъ по Скандинавіи, два его брата, Монпансье и Божолэ, были освобождены въ Парижѣ, подъ условіемъ удалиться въ Америку. Это обстоятельство побудило Л.-Филиппа возобновить оставленныя планы и послѣдовать за братьями въ Америку, въ самомъ началѣ 1797 года. Только въ концѣ 1800 года, послѣ паденія директоріи, братья Л.-Филиппа сочли себя свободными отъ обязательства, и всѣ вмѣстѣ возвратились въ Европу. Къ этой же эпохѣ относится примиреніе Орлеанскаго дома съ Бурбонами, положившее конецъ тяжелому положенію Л.-Филиппа. До того времени, во Франціи онъ казался, по его собственному выраженію, «слишкомъ Бурбономъ», мало республиканцемъ, и потому его изгнали; въ западной Европѣ на него смотрѣли какъ на революціонера, и ему былъ всюду закрытъ доступъ. Примиреніе съ старшею линіею служило для него примиреніемъ и съ европейскими дворами. Но Л.-Филиппъ поселился, по возвращеніи изъ Америки, въ Англіи, именно въ Твиккенгэмѣ, гдѣ и велъ жизнь самую уединенную, въ сообществѣ виговъ и валлійскаго принца, бывшаго въ дружбѣ еще съ его отцомъ. До 1805 года, до начала имперіи, Л.-Филиппъ тщательно воздерживался отъ всякихъ попытокъ противъ правительства во Франціи; но съ того времени произошла въ немъ большая перемѣна. Бурбоны сдѣлались во Франціи ненавистны своими усиліями возвратить власть при помощи иноземныхъ государствъ. Л.-Филиппъ хорошо понималъ, что, идя по такой дорогѣ, онъ долженъ будетъ бояться одинаково и успѣха и неуспѣха: нельзя было одержать побѣды Бурбонамъ надъ республиканцами, безъ того, чтобы иноземцы не одержали побѣды надъ французами. Но съ той минуты, какъ верховная власть во Франціи была, повидимому, похищена Наполеономъ на столько же у Бурбоновъ, на сколько и у самой страны, фран-

цузскіе легитимисты могли думать объ отдѣленіи своей вражды къ Наполеону отъ любви къ отечеству, и вотъ почему Л.-Филиппъ именно въ 1805 году въ первый разъ показался на поприщѣ дѣйствія, между тѣмъ какъ до того времени онъ тщательно избѣгалъ идти по дорогѣ съ Бурбонами и выступить въ явную борьбу съ французскимъ правительствомъ.

Л.-Филиппъ, какъ извѣстно, всегда гордился тѣмъ, что онъ никогда не стоялъ, какъ Бурбоны, въ ряду враговъ Франціи, что онъ никогда не призывалъ въ свое отечество иноземцевъ, лишь бы достигнуть своей личной цѣли. Гервинусъ, приводя эти слова Л.-Филиппа, указываетъ на событія его жизни послѣ 1805 года, какъ бы въ доказательство постояннаго двусмыслія въ жизни герцога Орлеанскаго. Но Людовикъ-Филиппъ былъ правъ послѣ 1805 года, и послѣдующія событія оправдали образъ его дѣйствія: въ 1815 году, французская нація сама совершенно отдѣлила свою судьбу отъ Наполеона, но начало этому отдѣленію было положено еще въ 1805 году. Съ 1805 года въ первый разъ можно было уже выступить противъ правительства во Франціи, не бывъ вмѣстѣ врагомъ самой національности французской.

Возстаніе Испаніи предоставило Л.-Филиппу лучшій случай къ тому. Опасаясь вызвать подозрѣніе Бурбоновъ, онъ вынужденъ былъ писать имъ увѣренія въ томъ, что онъ не руководится личными цѣлями, и будетъ только испанскимъ солдатомъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся водрузить знамя его величества. Англичане содѣйствовали ему къ высадкѣ въ Испанію, но недовѣрчивые Бурбоны боялись столько же побѣдъ Наполеона, какъ и успѣховъ Л.-Филиппа. Благодаря ихъ происканъ, англичане не допустили герцога Орлеанскаго высадиться въ Гибралтарѣ, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Сицилію, куда переѣхалъ еще прежде, сопровождая больного брата Божолэ. Его чрезвычайное сожалѣніе о невозможности воспользоваться народнымъ движеніемъ въ Испаніи доказываетъ только необыкновенную его проницательность: онъ предвидѣлъ, что Испанія будетъ отчасти началомъ паденія Наполеона I, какъ то дѣйствительно и случилось.

Послѣдовавшая затѣмъ женитьба Л.-Филиппа на Маріи-Амаліи неаполитанской не отвлекла его отъ политическихъ плановъ. Въ началѣ 1810 года, Л.-Филиппъ, поддерживаемый герцогомъ Веллингтономъ, получилъ приглашеніе принять начальство надъ королевскою арміею, съ тѣмъ, чтобы, перейдя Пиринеи, «обѣщать Франціи свободу и освободить престолъ своихъ предковъ». Но таже Англія и помѣшала ему, какъ въ первый разъ: испанскіе кортесы не приняли Л.-Филиппа къ себѣ на

службу; Людовика-Филиппа обвинили даже въ намѣреніи провозгласить самого себя регентомъ въ Испаніи. Этимъ и ограничились попытки герцога Орлеанскаго противъ Наполеона, при чемъ ему пришлось болѣе бороться съ Бурбонами, чѣмъ съ императоромъ французовъ. Послѣ того Людовикъ-Филиппъ отказался совсѣмъ отъ политики и продолжалъ жизнь частнаго человѣка въ Палермо. Неустройство неаполитанскаго королевства, народныя волненія противъ правительства вывели снова на сцену герцога Орлеанскаго: оставаясь болѣе вѣрнымъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, нежели узамъ родства, Л.-Филиппъ выразилъ сочувствіе оппозиціи, и королева обвиняла его въ замыслахъ отнять у нея власть.

Между тѣмъ судьба Наполеона шла быстро къ своей развязкѣ. Наступилъ 13-й годъ. Л.-Филиппъ предложилъ Англіи планъ напасть на Тоскану; но и тутъ Людовикъ XVIII обнаружилъ тоже недовѣріе, и союзники рѣшились держать всѣхъ французскихъ принцевъ въ сторонѣ. На жалобы Дюмурье, Веллингтонъ отвѣчалъ пророчески: «Если бы я захотѣлъ погубить принца (Орлеанскаго), то я его поддерживалъ бы въ его стремленіяхъ». Паденіе Наполеона и быстро послѣдовавшее затѣмъ паденіе Людовика XVIII и Сто дней придали особый смыслъ словамъ Веллингтона.

Послѣ всего испытаннаго Л.-Филиппомъ легко представить всякому непредубѣжденному, каково должно было быть положеніе его въ Палé-Ройялѣ, съ 1814 года, когда совершилась первая, кратковременная реставрація Бурбоновъ. Самъ Гервинусъ соглашается, что «въ подобныхъ обстоятельствахъ не только ему, но и честнѣйшему, безъ сомнѣнія, человѣку, который происходилъ бы изъ столь заподозрѣнной фамиліи,— трудно было бы освободить себя съ одной стороны отъ подозрѣній и ябедъ враговъ, и съ другой — отъ надеждъ и стремленій своихъ друзей». Въ обществѣ только и было разговору о неспособностяхъ Бурбоновъ, и объ отличныхъ качествахъ герцога Орлеанскаго, и усердные ройялисты «считали одно простое пребываніе Людовика-Филиппа во Франціи постояннымъ заговоромъ». Каждое оброненное слово герцога Орлеанскаго поднималось, комментировалось: пришлось ли ему сказать, что онъ ни въ какомъ случаѣ больше не оставитъ Франціи,—всѣ видѣли въ этомъ выраженіи его надежды на новый переворотъ, въ которомъ на его долю выпадетъ такая роль, что ему не нужно будетъ удаляться изъ Франціи. Людовикъ-Филиппъ совершенно уклонился отъ дѣлъ, не присутствовалъ ни въ совѣтѣ, ни въ палатѣ пэровъ, и, не смотря на то, во Франціи образовывалась цѣлая партія «за него,

безъ него и въ противность ему». Почти въ одно время на сѣверѣ Франціи готовилось вспыхнуть возстаніе во имя Людовика-Филиппа, а на югѣ Наполеонъ готовился къ высадкѣ съ острова Эльбы.

Герцогъ Орлеанскій самъ довелъ до свѣдѣнія короля о замыслахъ противъ Бурбоновъ, и Людовикъ XVIII, притворно или искренно, обнаружилъ на этотъ разъ такое довѣріе Л.-Филиппу, что послалъ его въ Лилль для команды. Торжество Наполеона заставило герцога Орлеанскаго удалиться: отправляясь въ Англію, онъ объявилъ гарнизону, что его никогда не увидятъ въ рядахъ враговъ Франціи. Король требовалъ отъ него, чтобъ онъ удалился въ Гентъ, но Л.-Филиппъ отказался, напоминая королю 1792 годъ, и говоря, что Гентъ можетъ сдѣлаться «новымъ Кобленцомъ», мѣстомъ собранія французскихъ эмигрантовъ, которые введутъ во Францію чужеземцевъ; и въ то же самое время представилъ на Вѣнскій конгрессъ мемуаръ, въ которомъ объяснялись откровенно причины паденія Бурбоновъ и средства успокоить Францію на будущее время. Наполеонъ I отдалъ справедливость своему врагу и именно при этомъ случаѣ, и далъ Людовику-Филиппу названіе «французской души». Гервинусъ, излагая эти же самыя обстоятельства, и видя, что совѣты Л.-Филиппа, при всемъ ихъ благоразуміи, приводили однако къ заключенію, что Бурбоны невозможны во Франціи и возможенъ, слѣдовательно, только тотъ, кто даетъ такіе хорошіе совѣты, — произноситъ о герцогѣ Орлеанскомъ совершенно иной приговоръ, и видитъ въ его образѣ дѣйствій во время Ста дней столько коварства и козней, что «поэтъ, изобразившій Яго и Ричарда III, могъ бы найти въ Людовикѣ-Филиппѣ новыя черты ихъ характера: Шекспиръ представилъ бы намъ совѣтодателя, котораго идеи выдержали бы строжайшую пробу истины и благорасположенія, и которыя въ тоже время были направлены къ тому, чтобы подкопать лицо, къ которому совѣты обращались; эти совѣты не вытекали ни изъ грубаго, преступнаго честолюбія, ни изъ злого умысла». Такой взглядъ Гервинуса тѣмъ болѣе трудно объяснить, что послѣдующія обстоятельства доказали, въ какой степени были благоразумны совѣты Л.-Филиппа», и наконецъ даже самъ авторъ, развивая внутреннее положеніе Франціи того времени, какъ бы невольно высказалъ оправданіе герцогу Орлеанскому: «въ такое время, столкнуть Бурбоновъ, представить другимъ правительствамъ самого себя, не было для Людовика-Филиппа въ данныхъ обстоятельствахъ какимъ-нибудь преступленіемъ». Что именно и главнымъ образомъ совѣтовалъ герцогъ Орлеанскій членамъ Вѣнскаго конгресса? Они въ это время совѣща-

лись, кого бы посадить на французскій престолъ; называли при этомъ Богарне, эрцгерцога Карла, саксонскаго короля; говорили также и о герцогѣ Орлеанскомъ. Онъ же совѣтовалъ имъ обратиться къ Франціи, узнать ея желанія чрезъ палату, и особенно обратить вниманіе на условія, при которыхъ они согласятся отречься отъ Наполеона. Трудно обвинить Людовика-Филиппа въ коварствѣ такого совѣта: надобно было имѣть слишкомъ большую увѣренность въ томъ, что Франція, ненавидя и Бурбоновъ и имперіализмъ, обратитъ вниманіе именно на него.

Бурбоны дѣйствительно припомнили совѣты Л.-Филиппа посовѣтоваться съ страною относительно избранія короля, и Людовикъ XVIII, возвративъ власть вторично, удалилъ его немедленно подъ почетнымъ предлогомъ въ Англію. Усердныя протестаціи герцога возвратили его во Францію, но не возвратили ему довѣрія короля. Людовикъ XVIII отказалъ ему въ титулѣ королевскаго высочества, находя, что «онъ и безъ того стоитъ слишкомъ близко къ престолу». Когда герцогиня Берри пожелала имѣть такой же кабріолетъ, какъ у Людовика-Филиппа, король отсовѣтовалъ ей и прибавилъ: «если герцогъ сломитъ шею, это мнѣ совершенно все равно». Эти немногія слова Людовика XVIII, приводимыя лордомъ Кастельре въ его письмахъ, говорятъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ объ отношеніяхъ короля къ герцогу Орлеанскому. Послѣднему ничего не оставалось, какъ совершенно стушеваться и похоронить себя въ семейной жизни. Смерть герцога Берри, приблизившая Л.-Филиппа къ престолу, и рожденіе послѣ его смерти сына, уменьшившее опять его шансы, весьма естественно послужили канвою для враговъ. Слѣдуя совѣтамъ Дюмурье, Л.-Филиппъ съ того времени держалъ себя тише, нежели когда-нибудь. Когда Людовикъ XVIII, быть можетъ испытывая герцога Орлеанскаго, предложилъ ему однажды, противъ обычая, политическій вопросъ, Л.-Филиппъ отвѣчалъ: «Я такъ углубленъ въ воспитаніе своихъ дѣтей, что совсѣмъ не интересуюсь политикою; я — простой пассажиръ и ѣду на кораблѣ, благословляя руку того, кто имъ управляетъ». Свидѣтель этой сцены замѣчаетъ, что король, при этомъ отвѣтѣ, улыбнулся и какъ бы сказалъ про себя: онъ хитрѣе меня! Но какъ было отвѣчать иначе тому лицу, который выразилъ однажды такое равнодушіе къ цѣлости шеи герцога Орлеанскаго?

Впрочемъ, въ отвѣтѣ Людовика-Филиппа король могъ заподозрить только одинъ тонъ; самый фактъ его удаленія отъ дѣлъ и преданности семейнымъ заботамъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Частная жизнь его была безупречна; самые враги должны были отдавать ему справедливость всякій разъ, когда дѣло шло

о его семейной средѣ. Сыновья Людовика-Филиппа посѣщали лекціи въ Collège de France, не теряя чрезъ то нисколько достоинства своего сана, и этотъ методъ воспитанія дѣтей послужилъ главною основою популярности Орлеанскаго дома. Людовика-Филиппа упрекали въ излишней бережливости, въ чрезмѣрныхъ заботахъ объ улучшеніи и увеличеніи имущества, но никто не могъ упрекнуть его въ томъ, чтобы онъ дурно употреблялъ свое сбереженіе: напротивъ, Людовикъ-Филиппъ былъ щедръ, когда дѣло шло о поощреніи художника, ученаго, литератора или поддержки общеполезнаго предпріятія. Нельи было центромъ, гдѣ собиралось все лучшее во Франціи, а такъ-какъ при Людовикѣ XVIII все лучшее было болѣе всего преслѣдуемо, то Нельи мало по малу превращался въ пунктъ, гдѣ собирались всѣ недовольные около Людовика-Филиппа.

Смерть Людовика XVIII (1824), призвавшая на престолъ Франціи графа Артуа — Карла X, шестидесяти-лѣтняго брата умершаго короля, могла измѣнить положеніе Бурбоновъ только къ худшему и усилить начинавшуюся оппозицію при его преемникѣ. Очертаніе характера послѣдняго Бурбона у Гервинуса принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ лучшихъ страницъ его исторіи.

«Въ отношеніи политическомъ—говоритъ авторъ «Исторіи девятнадцатаго столѣтія»—нельзя себѣ представить бо́льшей противоположности, какъ Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ. Карлъ X съ молодыхъ лѣтъ былъ погруженъ въ легкомысленныя и разслабляющія человѣка удовольствія, что̀ Людовикъ-Филиппъ испыталъ весьма мало; эти грѣхи прощались теперь престарѣлому правителю тѣми, которые восхваляли въ особенности его рыцарскій характеръ, привѣтливыя, изящныя манеры, послѣдній остатокъ его юношескихъ силъ. Въ своемъ домашнемъ обращеніи онъ былъ мягокъ, любезенъ, вспыльчивъ, но на короткое время и безъ желчи, въ своимъ—добръ до слабости, благотворителенъ и щедръ, неспособенъ нарушить слова, поступить жестоко, несправедливо. Но эти человѣческія добродѣтели не распространялись у него на королевскія обязанности. Рыцарскія манеры, сами по себѣ безсодержательныя и сомнительныя, не составляли еще далеко благороднаго характера; при всей своей домашней честности, онъ былъ способенъ къ величайшему притворству въ дѣлахъ политическихъ; при всей своей любви въ частныхъ дѣлахъ къ справедливости, онъ никогда не умѣлъ отстаивать понятіе права въ дѣлахъ государственныхъ; его кротость переплеталась съ наслѣдственною гордостью, которая такъ обыкновенно граничитъ съ черствымъ сердцемъ; его доброта не имѣла

цѣнности, потому-что не сопровождалась никакимъ убѣжденіемъ. Правда, придворные хвалили умъ короля, и его удачныя слова снискали ему у нѣкоторыхъ славу острява; но кто зналъ его ближе, тотъ не находилъ у него даже и простого дара къ бесѣдѣ, который такъ свойственъ всѣмъ государямъ, потому-что они, вслѣдствіе одного своего положенія, свободны отъ сдержанности и скромности, и слышатъ обо всемъ въ самыхъ обдѣланныхъ и легкихъ формахъ. Между тѣмъ, какъ герцогъ Орлеанскій изумлялъ своимъ познаніемъ всевозможныхъ отношеній, которое онъ излагалъ то въ формѣ профессорской лекціи, то въ смыслѣ общихъ мѣстъ и изреченій мудрости, бесѣда короля, исключая случаевъ охоты и верховой ѣзды, была тоща, сводилась на короткое *да* или короткій вопросъ, изобличавшій часто притомъ въ своей наивности недостаточность образованія или способности мышленія. Одно появленіе короля, его шатающая походка, отвислыя губы, тупой взглядъ, обличали пустоту и узкость духовной жизни. Какъ легко было его окружающимъ подѣйствовать на его сердце, такъ каждому было трудно найти доступъ къ его головѣ. Только между охотою и обѣднею, между верховою ѣздой и карточной игрою, давалъ онъ себѣ трудъ вникать въ простѣйшіе вопросы по управленію, не касаясь запутанныхъ вопросовъ политики. Вообще, всѣмъ Бурбонамъ не было дано обобщать идеи; но дофинъ пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что не могъ связать двухъ мыслей; потому всякое обращеніе къ нему и совѣтъ были невозможны. Его мнѣніе и рѣшимость опредѣлялись, какъ всегда бываетъ въ такихъ натурахъ, случайными обстоятельствами, а не доводами разума. Представляя рѣзкую противоположность съ герцогомъ Орлеанскимъ, Карлъ X сохранилъ настоящій типъ эмигранта, который ничему не выучился и ничего не позабылъ. Онъ оставался съ тѣми же предразсудками, съ какими онъ вышелъ изъ дурныхъ рукъ де-Вогіона, во времена Версаля. Между тѣмъ какъ Орлеанскій сравнивалъ себя по сочувствію новому образу мыслей съ Лафайеттомъ, Карлъ X гордился тѣмъ, что только *онъ* и Лафайеттъ не измѣнились нисколько съ 1789 года, оставаясь радикально противоположными другъ другу. Длинная школа бѣдствія, составившая счастье Людовика-Филиппа, ничего не принесла королю. Скорѣе наоборотъ — изгнаніе навсегда раздражило его; жало огорченія, пронзившее его душу во времена несчастія, оставалось въ ней и теперь, при счастіи настоящаго. Въ немъ образовалась потребность—всегда представлять себѣ раны, нанесенныя революціею его дому; это обстоятельство уничтожало всякую возможность для него, подобно Орлеанскому, ужиться съ

новою эпохою, отдать справедливость потребностямъ настоящаго, или, по крайней мѣрѣ, подобно Людовику XVIII, дѣлать уступки ихъ временнымъ притязаніямъ. Постоянно онъ считалъ своею обязанностью возвращаться къ добрымъ старымъ временамъ и мстить революціи, которая вышла побѣдоносною только вслѣдствіе неспособности Людовика XVI, какъ въ этомъ онъ былъ убѣжденъ въ теченіе всей своей жизни.... Не будучи достаточно проницательнымъ, чтобы видѣть опасность тамъ, гдѣ она дѣйствительно была, онъ ударялся въ пустой страхъ воображаемыхъ опасностей; а его окружающіе пользовались этимъ, чтобъ увеличивать этотъ страхъ намалеванными привидѣніями новыхъ революцій. Угодить королю можно было тѣмъ, чтобы говорить объ опасностяхъ для трона, явныхъ заговорахъ, о близости революціи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался набожнымъ, устраненія религіи увеличивали его политическій страхъ. Самое простое движеніе конституціонной жизни казалось ему подозрительнымъ безпорядкомъ; онъ никакъ не могъ разобрать предѣловъ, въ чертѣ которыхъ игра общественной свободы безвредна. Въ своемъ отвращеніи онъ смѣшивалъ выраженіе настоятельной необходимости съ заблужденіями распущенности; всякій свободномыслящій человѣкъ казался ему якобинцемъ; всякая простая оппозиція была, въ его глазахъ, враждою и безначаліемъ. Камерамъ онъ давалъ скромную роль — поддерживать мѣры правительства, или устранять препятствія. Англійское государственное устройство внушало ему омерзѣніе; «я лучше желаю пилить дрова—говаривалъ онъ—нежели быть государемъ на однихъ условіяхъ съ англійскимъ королемъ». Во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ все тѣмъ же лицомъ, которое въ 1789 сопротивлялось всякой реформѣ, въ 1792 вооружало всю Европу противъ свободы во Франціи, въ 1814 было ученикомъ императора Франца и Меттерниха и смотрѣло на хартію, какъ на продуктъ поспѣшности.»

Нужно ли прибавить ко всему этому, что портретъ Карла X-го, какъ его изобразилъ мастерски Гервинусъ, есть вмѣстѣ и большое оправданіе для Людовика-Филиппа, хотя, безъ сомнѣнія, не такова была цѣль автора, писавшаго, какъ мы имѣли случай убѣдиться не разъ, подъ очевиднымъ вліяніемъ какъ антиорлеанской партіи, такъ и вообще неуспѣха, которымъ заключилось правленіе Людовика-Филиппа.

Карлъ X-й сначала даже колебался принять хартію и успокоился только тѣмъ, что ея § 14 могъ, повидимому, быть обращенъ противъ конституціи. Онъ не понималъ, что хартія полагала предѣлы одинаково и его власти и радикаламъ, а по-

тому, если могла быть употреблена противъ короля, то въ тоже время давала королю лучшее орудіе противъ его враговъ. Правда, въ первые годы правленія Карла X-го, его преклонный возрастъ и умѣренная политика первыхъ министровъ, Виллеля и Мартиньяка, отклонили разрывъ: король предпочиталъ всему спокойствіе, его министры усердно заботились сблизить правительство Бурбоновъ съ духомъ новой эпохи. Но Карлъ X не терялъ своего времени, и параллельно съ исторіею правительства совершалась въ тайнѣ исторія камариллы, тѣсно окружавшей короля, и которая должна была наконецъ подорвать самое правительство.

Во главѣ этой камариллы и стоялъ князь Полиньякъ; въ его лицѣ, задушевныя мысли Карла X, составлявшія при Виллелѣ и Мартиньякѣ предметъ интимныхъ разговоровъ королевскаго кружка и его мечтаній, выступали на божій свѣтъ, облеченныя властью; но въ подобныхъ обстоятельствахъ люди находятъ врага въ самихъ себѣ болѣе, нежели въ своихъ врагахъ, хотя и любятъ искать этихъ враговъ вездѣ, кромѣ самихъ себя.

Полиньякъ пользовался издавна въ обществѣ нерасположеніемъ, которое было вмѣстѣ и благопріобрѣтеннымъ и наслѣдственнымъ. Дружба его матери съ Маріею-Антуанеттою принесла несчастіе послѣдней и вмѣстѣ оставила для сына невыгодное наслѣдство. Дѣйствія Полиньяка въ эмиграціи еще болѣе вооружили противъ него антибурбонскую партію во Франціи. Въ 1804 г. онъ вмѣшался въ извѣстный заговоръ Пишегрю-Моро, что̀ ему стоило десятилѣтняго заключенія. Онъ предложилъ Наполеону I-му освободить его подъ условіемъ расположить къ имперіи въ шесть мѣсяцевъ всѣ парижскіе салоны. Наполеонъ принялъ его за глупца, который вѣритъ въ то, что̀ онъ говоритъ. Этотъ характеръ Донъ-Кихота Полиньякъ сохранилъ всю свою жизнь, и посвятилъ себя, по освобожденіи изъ Венсенна, на борьбу съ революціонными идеями, никогда не сознавая, что борьба съ революціею, когда ея вовсе нѣтъ, можетъ сама сдѣлаться возбудительницею революціонныхъ стремленій. Послѣ реставраціи, Шатобріанъ, въ угоду графу Артоа, возвысилъ Полиньяка въ званіе посланника въ Лондонѣ. Полиньякъ и тутъ съумѣлъ извлечь изъ своего пребыванія въ Англіи только то, что̀ въ англійской конституціи подходило къ его идеямъ враждебнымъ всякому прогрессу. Смѣнивъ въ 1829 г. Мартиньяка, новый министръ приступилъ прямо къ исполненію своей любимой мысли — уничтожить хартію и поставить высоко свою власть. Но съ Полиньякомъ сбылись слова Шатобріана: «честолюбіе, которому недостаетъ таланта — пагубно»!

Средства къ достиженію вышеуказанныхъ цѣлей, по программѣ Полиньяка, были весьма просты: нужно отвлечь глаза французовъ отъ конституціонной борьбы, а для того необходимо, во-первыхъ, разсѣять вниманіе ихъ внѣшнею политикою, какимъ-нибудь предпріятіемъ, которое увлекло бы воображеніе націи, и, во-вторыхъ, заботами о матеріальномъ благостояніи заставить молчать своихъ противниковъ и купить расположеніе большинства, для котораго внѣшнее, хотя бы и временное благополучіе всегда имѣетъ болѣе цѣны, нежели отдаленные разсчеты. Позднѣйшія правительства во Франціи не разъ слѣдовали методѣ Полиньяка, и мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ дѣйствій Полиньяка обратили на себя вниманіе даже Наполеона III.

Начало министерства Полиньяка послѣдовало за годомъ наваринской битвы; слѣдов., на политической аренѣ былъ тотъ же вопросъ, который занимаетъ Европу и въ настоящую минуту, подъ именемъ восточнаго вопроса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, никто не сомнѣвался въ неизбѣжности паденія Турціи, но въ то же время европейскія державы употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы гальванизировать трупъ Оттоманской Порты, какъ иногда врачи усиливаются поддержать жизнь преступника, чтобы дать возможность окончить судебное слѣдствіе. А это слѣдствіе далеко еще не было окончено: мнѣнія и желанія были различны. Еще предъ началомъ турецкой войны, императоръ Николай I-й самымъ откровеннымъ образомъ выразилъ свой взглядъ на Турцію въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Зичи, и считая паденіе Турціи весьма вѣроятнымъ событіемъ, предлагалъ условиться напередъ относительно неминуемой катастрофы. Въ своемъ шестомъ томѣ, исключительно посвященномъ возстанію Греціи въ 20-хъ годахъ, Гервинусъ, какъ онъ и самъ сознается теперь, основалъ свои показанія по восточному вопросу на слухахъ, и потому спѣшитъ теперь исправить свою ошибку. Впрочемъ, и на этотъ разъ онъ оставляетъ главное дѣло нерѣшеннымъ: «До сихъ поръ—говоритъ онъ—этотъ эпизодъ меттерниховскаго государственнаго искусства не объясненъ: какъ случилось, что Австрія клюнула на закинутую удочку со стороны Россіи», т. е. на предложеніе ея кабинета выразить напередъ свои мысли и планы относительно будущихъ случайностей въ судьбахъ Турціи. Негодуя на планы Франціи—порѣшить восточный вопросъ въ союзѣ съ Россіею, Меттернихъ предложилъ Петербургу и Берлину свой проектъ дѣленія Турціи, въ которомъ Франція была совершенно устранена. Основываясь на новыхъ данныхъ, Гервинусъ утверждаетъ, что

Пруссія воспротивилась этому проекту и выразила противоположное желаніе поддерживать тѣнь Турціи до послѣдней возможности.

Полиньякъ, преслѣдуя, какъ мы видѣли, цѣль внутренней политики, старался въ то время выиграть какое-нибудь блестящее дѣло иностранной политики, и побѣдою надъ искусственными внѣшними врагами поразить вмѣстѣ дѣйствительныхъ внутреннихъ враговъ бурбонскаго правительства. Восточный вопросъ казался ему готовымъ поприщемъ для новой игры, въ которую предстояло пуститься. Такимъ образомъ, явился на сцену проектъ Полиньяка — передѣленія всей Европы, въ которомъ дѣло шло какъ будто бы о Турціи, но въ сущности французскому министерству необходимо было дать богатую пищу воображенію французовъ. Планъ Полиньяка заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ потому, что онъ объясняетъ многія стремленія позднѣйшихъ правительствъ во Франціи, такъ и потому, что въ 1856 г. императоръ Наполеонъ III обратилъ серьезное вниманіе на идеи Полиньяка. Три главные документа по этому дѣлу исчезли при разграбленіи парижской ратуши въ іюлѣ 1830 года. Но сохранились копіи съ нихъ у графа Боа-ле-Колетъ, на основаніи которыхъ онъ и представилъ нынѣшнему императору французовъ обстоятельное ихъ изложеніе.

Въ сентябрѣ 1829 г., Полиньякъ читалъ въ совѣтѣ свой первый мемуаръ о восточномъ вопросѣ. Основная мысль его заключалась въ томъ, что паденіемъ Турціи необходимо воспользоваться для пониженія морской силы Англіи, которая, вслѣдствіе ошибки на Вѣнскомъ конгрессѣ, пріобрѣла слишкомъ большое значеніе. Задача Франціи состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о свободѣ морей; Англія всегда пугаетъ Европу колоссальностью Россіи, но уже самая обширность Россіи препятствуетъ всякому наступательному ея дѣйствію, между тѣмъ, какъ флотъ Англіи представляетъ всѣ удобства къ нападенію. Далѣе, Вѣнскій конгрессъ обвинялся въ томъ, что онъ чрезмѣрно ослабилъ Пруссію и открылъ ее для нападеній со стороны Россіи, а Францію укоротилъ. Такимъ образомъ, Полиньякъ, выражая большое негодованіе противъ Вѣнскаго трактата, предлагалъ, для обезпеченія Парижа, овладѣть Бельгіею до Мааса и устьями Шельды. Россіи предполагалось дать въ вознагражденіе Дунайскія Княжества, Арменію и Анатолію, а болѣе съ цѣлью обезпокоить тѣмъ Англію, которая могла бы въ этомъ видѣть угрозы Индіи. Австріи уступалась Сербія и Боснія. Пруссія получала Нидерланды, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться морскою державою; къ Пруссіи же присоединялась и Саксонія; король ни-

дерландскій назначался въ Константинополь быть главою новаго королевства; внѣ-европейскія земли Турціи уступались Мегемету-Али. Англію предполагалось утѣшить голландскими колоніями.

На этотъ первый проектъ Полиньяка возражалъ дофинъ, доказывавшій, что для Франціи важнѣе владѣть берегами Рейна, нежели Антверпеномъ. Въ послѣдующія засѣданія проектъ былъ измѣненъ и отправленъ въ Петербургъ и Берлинъ. Предполагалось созвать конгрессъ для восточнаго вопроса, согласивъ предварительно намѣренія Россіи и Пруссіи; затѣмъ думали пригласить Австрію и Баварію; такимъ образомъ, Англія осталась бы вполнѣ уединенною. Но прежде нежели инструкція вышла изъ Парижа, война съ Турціею окончилась Адріанопольскимъ миромъ, и планы Полиньяка разрушились сами собою.

Въ рукахъ Полиньяка осталась только небольшая частица восточнаго вопроса: по общему плану предполагалось, чтобы Франція въ союзѣ съ Мегеметъ-Али потрясла Турцію въ Африкѣ. Такъ началось завоеваніе Алжира. Морскіе грабежи берберовъ уже давно тревожили берега Средиземнаго моря, и Франція напрягала давно всѣ усилія, чтобы положить имъ предѣлъ. Кромѣ того, Полиньякъ видѣлъ въ завоеваніи Алжира славу пріобрѣтеній и надежду сбыть безпокойную часть населенія Франціи. Положено было возложить самое дѣло завоеванія на египетскаго пашу, который могъ бы такимъ образомъ стать въ вассальныя отношенія къ Франціи. Но и на этотъ разъ Полиньякъ встрѣтилъ неодобреніе своимъ планамъ въ средѣ самаго совѣта, и Англія также выразила свое неудовольствіе: подъ ея вліяніемъ, турецкій султанъ строго запретилъ своему египетскому вассалу безпокоить владѣнія берберовъ.

Такимъ образомъ, правительство Полиньяка испытало неудачу во внѣшней политикѣ; но оно собственно и не искало удачи: внѣшняя политика была нужна Полиньяку для тѣхъ цѣлей, которыя особенно часто преслѣдуются различными правительствами во Франціи, гдѣ курсъ на славу всегда стоитъ весьма высоко. Полиньяку ничего не оставалось, какъ произвести эффектъ внутреннею политикою. Были пущены въ ходъ слухи о новомъ законѣ о печати и о выборахъ; были начаты нѣкоторыя улучшенія по администраціи и хозяйству; но все шло какъ-то вяло, безжизненно; всѣ партіи смотрѣли со страхомъ и съ сомнѣніемъ, не зная точной программы министерства. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; всѣ убѣдились тогда, что ничего не будетъ; страхъ прошелъ, но осталось сомнѣніе и недовѣрчивость, доходившая до озлобленія. Среди этой неурядицы, правительство еще болѣе разслабло, когда изъ министерства начали удаляться

послѣдніе честные люди. Лабурдоннэ, одинъ изъ членовъ министерства Полиньяка, вышелъ въ отставку, сказавъ откровенно: «Тамъ ставятъ на карту голову; но въ такомъ случаѣ надобно держать, по крайней мѣрѣ, карты въ рукахъ!» Эти слова облетѣли Парижъ, и, конечно, не содѣйствовали успокоенію умовъ. Новые совѣтники короля вмѣстѣ съ Полиньякомъ совѣтовали, въ виду опасностей, обратить вниманіе на печать и свободу выборовъ, а во ожиданіи того Полиньякъ рѣшился не читать журналовъ, чтобъ не безпокоить себя. Въ началѣ 1830 года явился между тѣмъ новый журналъ «National», съ весьма опредѣленною и враждебною программою, подъ руководствомъ Тьерра, Минье и Армана Карреля. «National» увѣрялъ, что новая революція невозможна, потому-что болѣе нѣтъ Бастиліи, которую приходилось бы брать, и нѣтъ трехъ сословій, которыя нужно было бы соединить; а также и потому, что въ Англіи въ 1688 году не повторили революціи 40-хъ годовъ, а только удалили Іакова II, перемѣнили личность и посадили на ея мѣсто другую династію, представитель которой своими честными нравами, образованіемъ и умомъ могъ болѣе содѣйствовать чести трона. Всѣмъ стало ясно, о комъ и о чемъ идетъ дѣло.

Среди такого броженія появился королевскій ордонансъ, опредѣлившій на 2-е марта собраніе палатъ, которыя и были послѣдними при Бурбонахъ. На языкѣ всѣхъ былъ одинъ вопросъ: утвердятъ ли палаты бюджетъ правительства, или нѣтъ? Самъ король, до открытія засѣданія, совѣщался съ Ройэ-Колларомъ, и спрашивалъ его о томъ же. Ройэ-Колларъ былъ жестоко откровененъ: «Можетъ быть и нѣтъ, отвѣчалъ онъ королю; но, во всякомъ случаѣ, при обсужденіи бюджета коснутся такихъ вопросовъ, которые до основанія потрясутъ монархію.» Одинъ Полиньякъ не отчаявался, и въ одно и тоже время сѣялъ слухи о твердой рѣшимости правительства остаться вѣрнымъ хартіи, и велъ переговоры съ отдѣльными членами палатъ. Наконецъ, наступило 2-е марта, и рѣчь короля была произнесена имъ самимъ, при торжественнѣйшей обстановкѣ. Содержаніе рѣчи не представляло въ началѣ ничего особенно замѣчательнаго: король коснулся внѣшней политики, объявилъ объ окончаніи русско-турецкой войны, о своихъ видахъ на Алжиръ, и заключилъ обычными обѣщаніями сдѣлать Францію счастливою и передать потомству неприкосновенными права короны, подъ охраною которыхъ хартія поставила политическую свободу страны. Но за этимъ онъ присоединилъ, взволнованнымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ голосомъ, слова, которыя были приписаны особо, по его собственному желанію; въ этихъ словахъ заключались угрозы всему,

что̀ вздумаетъ сопротивляться стремленію правительства сохранить внутренній миръ, и увѣренность въ томъ, что «французы пребудутъ вѣрными въ любви, которую они всегда питали къ своимъ королямъ». При послѣднихъ словахъ, король сдѣлалъ движеніе рукою и уронилъ свою шляпу; герцогъ Орлеанскій подхватилъ ее и, преклонивъ колѣно, подалъ королю. Настроеніе палаты было таково, что достаточно было самой ничтожной случайности, чтобъ увидѣть въ ней недобрый знакъ. Правая сторона разразилась рукоплесканіями; лѣвая сохранила мрачное молчаніе, и Гизо по этому поводу замѣтилъ: «Трудно сказать, что̀ означало это молчаніе: холодность или подчиненіе?» Финалъ рѣчи обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и всѣ невольно сравнивали слова Карла X съ словами Людовика XVI, когда этотъ объявилъ свою волю быть истиннымъ представителемъ народа, если государственные чины оставятъ его. Въ отвѣтномъ адресѣ Ройэ-Колларъ былъ намѣренъ пародировать слова короля и объявить ему, что «палата также, какъ и король, намѣрена передать преемникамъ свои права неприкосновенными, и, если будетъ нужно, то съумѣетъ повторить присягу въ jeu de Paume»; но его уговорили опустить это мѣсто, не раздражать противниковъ словами, но за-то обнаружить твердость въ дѣйствіи. Особая коммиссія, составленная изъ доктринеровъ, соединившихся на этотъ разъ съ крайними либералами, приступила къ составленію адресса.

16 и 17 марта, дни совѣщаній объ адрессѣ, рѣшили на-долго судьбу Франціи, именно потому, что этотъ адрессъ былъ не по силамъ министерству Полиньяка и ускорилъ его ложный шагъ. Палата вовсе не оказалась единодушною при прочтеніи адресса, и рѣзкое заявленіе о разрывѣ правительства съ народомъ дѣлало то, что адрессъ прошелъ большинствомъ 221 противъ 181. Совѣтъ министровъ рѣшилъ отсрочить засѣданіе палаты до 1 октября (которое, какъ оказалось послѣ, уже не принадлежало Бурбонамъ) только потому, что этимъ временемъ думали воспользоваться для подготовленія новыхъ выборовъ. Между тѣмъ, министры дали поводъ парижскому населенію вмѣшаться въ борьбу палаты съ министерствомъ: *221* сдѣлались предметомъ различныхъ торжествъ и демонстрацій въ печати и на улицахъ. Все это зло разсчитывали уравновѣсить усиленными приготовленіями къ завоеванію Алжира, который предназначалось поднести новой палатѣ и подавить военною славою всякую парламентскую оппозицію.

О французахъ говорятъ, что они готовы простить всѣхъ и все за военную славу: 9 іюля 1830 года было однимъ изъ бле-

стящихъ дней въ военной исторіи Франціи: въ этотъ день телеграфъ принесъ извѣстіе о взятіи Алжира 5 іюля, того Алжира, съ которымъ боролся христіанскій міръ напрасно чуть не со временъ Людовика IX, почти 600 лѣтъ. Но едва ли это не единственный случай, когда, повидимому, французы измѣнили своему характеру, и мѣсяцъ взятія Алжира былъ въ то же время мѣсяцемъ паденія Бурбоновъ. Можно поэтому только судить, какъ грубы и велики были ошибки министерства Полиньяка! Въ одно время съ отправленіемъ экспедиціи въ Алжиръ, по настоянію Полиньяка, король совсѣмъ распустилъ палату и назначилъ новую на 3 августа, между тѣмъ какъ въ прежней палатѣ министерство было побито всего 40 голосами. При такомъ ничтожномъ большинствѣ противниковъ, распустить палату можно было только съ цѣлью—увеличить ряды оппозиціи. Такъ и случилось: почти всѣ 221 прежней палаты были избраны вновь, а изъ прежнихъ друзей министерства многіе были замѣнены, при новыхъ выборахъ, его врагами. Взятіе Алжира, на которое такъ разсчитывалъ Полиньякъ, содѣйствовало только къ его погибели: самое счастье должно было послужить орудіемъ противъ него. Не будь взятъ Алжиръ, Полиньякъ не рѣшился бы такъ скоро произвести coup d'état; теперь ему казалось возможнымъ невозможное; оппозиція умѣренныхъ членовъ министерства должна была умолкнуть. Полиньякъ и король оставались слѣпыми и глухими къ тому равнодушію, съ которымъ встрѣтили въ обществѣ и въ печати извѣстіе о взятіи Алжира; нѣкоторые журналы даже явно принимали сторону алжирскаго дея. Полиньякъ видѣлъ въ этомъ одну простую измѣну, между тѣмъ какъ, зная характеръ своей націи, онъ долженъ былъ бы скорѣе придти къ другому заключенію и подумать, до какой же степени глубоко было оскорбленіе націи, когда она рѣшилась подавить чувство естественной національной гордости и торжества, только чтобы не радоваться вмѣстѣ съ Полиньякомъ. Іезуиты и клерикалы довершили ослѣпленіе короля своимъ патріотизмомъ: въ самый день извѣстія объ Алжирѣ, архіепископъ парижскій въ своемъ пастырскомъ посланіи писалъ: «Такъ да погибнутъ *повсюду* враги нашего государя и короля! Такъ да исчезнутъ *всѣ*, которые дерзаютъ подниматься противъ него!» А на слѣдующій день (11 іюля), когда пѣли Te Deum, онъ встрѣтилъ короля словами: «Желаю, чтобы ваше величество вскорѣ вступили сюда вновь — благодарить Господа за *другія*, не менѣе пріятныя и блестящія побѣды!» Слова архіепископа были мало двусмысленны, а рѣчь епископа Нанси высказала все на прямикъ: «Наполнимъ божественный колчанъ нашихъ отцовъ пламенными стрѣлами! И да пуститъ онъ эти

побѣдныя стрѣлы не во внѣшняго врага, а въ нѣдра отечества, во всѣ заблудшіяся и преступныя сердца, которыя не могутъ быть врагами нашего короля безъ того, чтобы не быть врагами Бога».

Ставъ такимъ образомъ на точку зрѣнія, что надобно спасти націю и государство отъ горсти измѣнниковъ, которые будто бы подтачиваютъ основы порядка, Полиньякъ почти уже имѣлъ въ своихъ рукахъ короля, а камарилла додѣлала то, чего не успѣли сдѣлать іезуитскія рѣчи. Въ самый день заключенія выборовъ, къ королю подвели депутацію угольщиковъ и носильщиковъ, которые будто бы желали поздравить его со взятіемъ Алжира. «Государь, говорила эта депутація, угольщикъ — полный хозяинъ въ своемъ домѣ; будьте и вы властелиномъ въ своемъ государствѣ!» Такою обстановкою старались увѣрить Карла X, что церковь и простой народъ на сторонѣ династіи, что борьба предстоитъ съ интригою и измѣною. Надобно было склонить короля прибѣгнуть къ § 14 хартіи, которымъ разрѣшалось правительству, въ виду опасности для государства, избирать крайнія мѣры. Результаты выборовъ и поддѣльныя демонстраціи въ пользу Бурбоновъ довершили усилія Полиньяка, и въ теченіе четырехъ дней — 21, 22, 23 и 24 іюля, въ совѣтѣ министровъ составились тѣ пять ордонансовъ, которымъ суждено было ниспровергнуть правительство реставраціи: ограниченіе права печати и выборовъ занимали въ нихъ первое мѣсто. Нѣкоторые изъ приближенныхъ короля и дипломаты, видя, что само правительство приготовляетъ coup d'état, старались предупредить Карла X. Поццо-ди-Борго и нашъ кабинетъ убѣждали отказаться отъ всякой неконституціонной мѣры. Но король и Полиньякъ, разсчитывая на то, что успѣхъ всегда есть и оправданіе, не побоялись прибѣгнуть ко лжи. Такъ, Карлъ X приказалъ увѣрить русскаго императора, что онъ останется вѣрнымъ конституціи. Клевретъ Полиньяка, Пейронне, чтобы отвести глаза, пожертвовалъ даже своими друзьями, и шепнулъ имъ, что ничего не будетъ и чтобы они смѣло играли на биржѣ à la hausse. Полиньякъ, также наканунѣ подписанія ордонансовъ, призвалъ Таллейрана къ засѣданію въ палатѣ пэровъ и тѣмъ обманулъ Поццо-ди-Борго. Послѣдній, узнавъ о томъ, бросился къ Полиньяку и поздравлялъ его съ рѣшимостью созвать палаты. Полиньякъ принялъ поздравленіе и оставилъ Поццо-ди-Борго при его увѣренности. Въ воскресенье, 25 іюля, король подписалъ ордонансы; въ 11 часовъ вечера ордонансы были доставлены въ редакцію «Монитёра». Редакторъ Совò пробѣжалъ текстъ и остановился въ изумленіи. Что такое? — спросилъ его одинъ изъ при-

сутствовавшихъ. «Боже, сохрани короля и Францію — отвѣчалъ Совò; я уже пережилъ всю борьбу революціи, а потому имѣю причины страшиться всякихъ новыхъ потрясеній!» Въ слѣдующее воскресенье, 1 августа, Карлъ X-й былъ уже далеко отъ Парижа.

М. Стасюлевичъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

1) Французская литература.

Géographie de Ptolémée, reproduction photolithographique du manuscrit grec du Monastère de Vatopedi au Mont Athos, exécutée d'après les clichés obtenus sous la direction de M-r Pierre de Séwastianoff et précedée d'une introduction historique sur le mont Athos, les monastères et les dépôts littéraires de la presqu'île sainte, par *Victor Langlois*. Paris. 1867. Préface p. VIII. 117. Texte p. CVIII.

Это сочиненіе представляетъ превосходный образчикъ фотолитографированной рукописи извѣстной географіи Клавдія Птоломея, греческаго астронома II-го вѣка. Рукопись, одна изъ самыхъ древнихъ, относясь къ XIII вѣку нашей эры и найдена въ Ватопедскомъ монастырѣ Аѳонской горы. Послѣ паденія Константинополя, аѳонскіе монахи были хранителями древнихъ религіозныхъ и національныхъ преданій Византіи; увеличивая свои артистическія богатства и драгоцѣнности своихъ библіотекъ, они упорно сопротивлялись мусульманской пропагандѣ и наводненію оттоманскаго варварства. Но не смотря на все стараніе сохранить драгоцѣнный складъ науки, монахи не могли воспрепятствовать туркамъ занять Святую гору, и при этомъ исчезла значительная часть рукописей.

Между греческими рукописями, сохранившимися отъ гибели, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ — та, которая содержитъ географію Страбона и Птоломея. Ни англійскіе изслѣдователи, ни Миноідъ Минасъ (+ 1860) не сомнѣвались въ ея существованіи. Графъ Орловъ-Давыдовъ, русскій путешественникъ, открылъ эту рукопись въ 1840 году въ Ватопедскомъ монастырѣ, въ которомъ она хранилась. По этимъ указаніямъ, архимандритъ Порфирій Успенскій отправился въ 1846 году на Святую гору и сдѣлалъ подробное

описаніе этой рукописи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1847 года.

Напечатанный теперь фотолитографическій текстъ рукописи, по увѣренію этого ученаго, заключалъ тогда, кромѣ географіи Страбона и Птоломея, также «Периклъ» Арріена. Порфирій исчисляетъ и карты, сопровождавшія текстъ географіи Птоломея, и воспроизводитъ въ факсимиле карту европейской и азіятской Сарматіи. Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ Порфирія, знаменитый изслѣдователь археологіи, недавно похищенный смертью, Петръ Ивановичъ Севастьяновъ, вздумалъ посѣтить Аѳонскую гору,—изучить артистическія богатства, хранившіяся въ монастыряхъ Святой горы, и воспроизвести ихъ съ помощію фотографіи. Ученый изслѣдователь не забылъ рукописи, заключавшей географіи Страбона и Птоломея, и возъимѣлъ счастливую мысль сдѣлать фотографическіе клиши каждой изъ страницъ рукописи.

Въ десятилѣтній промежутокъ съ 1846 по 1857 годъ, рукопись подверглась значительнымъ искаженіямъ; «Периклъ» Арріена и многія карты географіи Птоломея были похищены. Недоставало общихъ картъ трехъ частей свѣта, извѣстнаго древнимъ, спеціальныхъ картъ Британіи, западной части Иберіи, восточной части Аравіи, западной части Скиѳіи съ Каспійскимъ моремъ, Маргіаны, Драгіаны и Бактріаны. Кромѣ того, Севастьяновъ увѣрялъ, что текстъ VII и VIII книги былъ вырванъ изъ рукописи уже послѣ посѣщенія Порфиріемъ горы Аѳонской. Не смотря на такія похищенія, сдѣланныя въ рукописи географіи Птоломея, она составляетъ капитальное пріобрѣтеніе классической науки, такъ-какъ изъ всѣхъ извѣстныхъ экземпляровъ, хранящихся въ большихъ европейскихъ библіотекахъ, этотъ экземпляръ, безъ всякаго сомнѣнія, самый древній, потому-что списанъ въ концѣ XII вѣка или немного позже, въ началѣ XIII в.

Рукопись географіи Птоломея писана на пергаментѣ; размѣръ ея 37 центиметровъ въ длину и 25 въ ширину. Клиши, исполненныя подъ надзоромъ Севастьянова, почти натуральной величины; разница между оригиналомъ и фотографическимъ снимкомъ такъ незначительна, что не заслуживаетъ упоминовенія.

Изданіе Фирмена Дидо этой рукописи выполнено весьма добросовѣстно. Издатель не позволилъ никакого исправленія ни клиши, ни камней, для того, чтобы каждый могъ воспользоваться сочиненіемъ съ полною довѣрчивостью, безъ всякой боязни быть вовлеченнымъ въ ошибку чрезъ поправки, могущія облегчить чтеніе текста, но въ то же время измѣняющія его смыслъ.

Тексту предшествуетъ историческій обзоръ Аѳонской горы и ея монастырей, исчисленіе литературныхъ и дипломатическихъ сокровищъ, сохраненныхъ въ различныхъ религіозныхъ центрахъ святого полуострова. Каталогъ греческихъ и славянскихъ актовъ, заботливо хра-

нныхъ въ архивахъ аѳонскихъ монастырей, можетъ послужить важнымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей Святой горы. Кромѣ того, по указанію двухъ русскихъ ученыхъ, Севастьянова и Броссе, составленъ списокъ самыхъ драгоцѣнныхъ рукописей греческихъ, славянскихъ и грузинскихъ. Въ заключеніе историческихъ свѣдѣній объ Аѳонской горѣ и ея драгоцѣнностяхъ, приложенъ библіографическій указатель всѣхъ сочиненій, относящихся къ ея описанію, съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣлы путешествій западныхъ и восточныхъ.

Русскій отдѣлъ составленъ для этого изданія извѣстнымъ нашимъ ученымъ и археологомъ Бычковымъ.

Въ своемъ введеніи, составитель историческихъ подробностей Викторъ Ланглоа особенно благодаритъ русскихъ ученыхъ гг. Бычкова, Броссе, Ханыкова, Коссовича и славанскаго ученаго Миклошича за ихъ содѣйствіе его труду.

Этотъ трудъ останется навсегда прекраснымъ памятникомъ полезной дѣятельности покойнаго П. И. Севастьянова, составившаго себѣ почтенное имя у насъ и за-границею.

Histoire des Chevaliers Romains, considérée dans ses rapports avec les différentes constitutions de Rome depuis le temps des rois jusqu'au temps des Gracques, par Emile *Belot*, ancien élève de l'Ecole Normale, professeur au Lycée de Versailles. Paris. 1866. p. 432.

Подъ спеціальнымъ заглавіемъ «Исторіи римскихъ всадниковъ» авторъ изложилъ религіозное, военное, политическое, экономическое и судебное состояніе древняго Рима. Онъ пользовался всѣми сочиненіями, написанными объ этомъ предметѣ, въ теченіе 40 лѣтъ, во Франціи и Германіи. Значительное разногласіе новѣйшихъ писателей заставило автора прямо обратиться къ самимъ источникамъ.

Римская исторія, изучаемая въ своихъ писателяхъ, вполнѣ оправдываетъ систему Нибура. Онъ — первый объяснилъ, что римская нація образовалась не изъ двухъ классовъ гражданъ, но изъ двухъ различныхъ народовъ: городского населенія (populus), составившагося изъ патриціевскихъ родовъ и ихъ кліентовъ, и деревенскаго (plebs), которое сложилось изъ мелкихъ владѣльцевъ деревенскихъ трибъ. Эта двойственность, выражающая собою всю тайну римской исторіи, одна только разъясняетъ образованіе народныхъ трибуновъ, ихъ управленіе, независимое отъ всего остальнаго римскаго устройства. Она одна даетъ возможность понять, напр., законъ, воспрещавшій, до 240 года до Р. Х., патриціямъ вступать въ плебейскія трибы. Слава Нибура состояла въ этомъ великомъ открытіи, которое онъ объяснилъ со всѣхъ сторонъ сравненіями, заимствованными изъ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Трибуны не были правителями римскаго народа; это — представители одного плебса, т. е. внѣшняго народа. Въ Римѣ и на разстояніи

мили отъ его стѣнъ они были неприкосновенны, какъ послы иностраннаго государства, связаннаго съ римскимъ государствомъ одними трактатами, гарантированными словомъ феціаловъ. Покровительство, оказываемое трибунами плебеямъ въ Римѣ, было тоже самое, какое послы новѣйшаго времени оказываютъ своимъ соотечественникамъ въ чужомъ городѣ. Оскорбитель плебейскаго «величества» (majestas) объявлялся чрезъ трибуновъ врагомъ плебса (perduellis); его схватывали, заключали въ тюрьму или даже безъ суда низвергали съ Тарпейской скалы. Судъ надъ оскорбителемъ (perduellio) былъ настоящимъ объявленіемъ войны, сдѣланнымъ среди форума десятью вождями плебса патриціи города. Для избѣжанія послѣдствій, обвиненный могъ прибѣгнуть къ милосердію самаго плебса, который, въ большей части случаевъ, довольствовался изгнаніемъ.

До конца первой пунической войны, т. е. до той эпохи, въ которую патриціи стали вступать въ собраніе трибъ, а плебеи — въ городскія куріи, трибуны не стремились въ сенатъ, въ собраніе 300 квиритовъ. Они, какъ иностранцы въ городѣ, оставались въ предверіи куріи. Допущеніе ихъ въ число сенаторовъ было знáкомъ сліянія городского народа и деревенскаго плебса, около 240 года до Р. Х.

Если же предположить это сліяніе ранѣе, томногія событія изъ первыхъ временъ республики останутся непонятными. Сецессіи, или-такъ называемыя удаленія плебса, представили бы собою рядъ неправдоподобій или невозможностей, еслибъ мы захотѣли въ нихъ видѣть періодическое переселеніе цѣлаго народа, оставляющаго свои городскія или деревенскія жилища для безполезнаго уединенія на горѣ. Чтобы вразумить плебеевъ въ нелѣпости такой демонстраціи, сенату стоило бы только выждать дѣйствія голода, скуки, лишеній, и онъ увидалъ бы возвращеніе недовольныхъ къ своимъ жилищамъ, не употребляя въ дѣло краснорѣчія Менения Агриппы. Но сецессіи были по другому обстоятельству страшны! Это была угроза деревенскаго народа отдѣлиться отъ городского и перенести рынокъ «нундинъ» (ярмарку, nundinae, въ девятый день) въ другую часть, а не на форумъ. Горы Священная, Авентинская, Яникулъ были постепенно назначаемы къ замѣнѣ Рима, какъ коммерческаго центра земледѣльческой дѣятельности плебеевъ. Патриціи, поставленные чрезъ это въ своего рода блокаду, должны были создать трибуновъ, какъ защитниковъ плебеевъ отъ насилія городскихъ притѣснителей, чтобы снова возвратить себѣ хлѣбные склады и земледѣльцевъ. Народнымъ трибунамъ помогали въ ихъ обязанностяхъ эдили, т. е. надзиратели рынка. Сецессіи были возможны до реформы 240 года до Р. Х., которая соединила плебеевъ и патриціевъ, деревню и городъ. Послѣдняя сецессія плебса на Яникулъ была въ 286 году до Р. Х. Итакъ, нужно принять, что до половины III-го вѣка до Р. Х. въ римскомъ государ-

ствѣ было два народа въ одномъ, или два пояса концентрическихъ населеній. Населеніе внѣшняго пояса, т. е. плебсъ деревни, владѣло среди внутренняго пояса, въ центрѣ города, своимъ пространствомъ, на которомъ былъ рынокъ или форумъ, куда плебеи приходили въ ярмарочные дни (нундины) продавать произведенія своихъ полей. Національное единство населеній этихъ двухъ поясовъ не имѣло ничего опредѣленнаго, пока каждое изъ нихъ управлялось своими законами и своими правительственными лицами, и Римъ до конца первой пунической войны былъ часто угрожаемъ настоящимъ отпаденіемъ сельскихъ трибъ въ отмщеніе за жестокое обращеніе патриціевъ.

Нибуръ опредѣляетъ прекращеніе этой двойственности плебса и городского населенія временемъ XII-ти таблицъ, двумя вѣками ранѣе, и вѣритъ въ сближеніе двухъ элементовъ подъ вліяніемъ одного и того же законодательства. Бело́, авторъ разбираемаго сочиненія, допуская справедливость такой мысли въ отношеніи гражданской жизни римлянъ, доказываетъ существованіе политическаго дуализма до великой реформы собраній по центуріямъ и трибамъ, совпадающей съ экономическою и финансовою революціею въ концѣ первой пунической войны.

Трудъ Бело́ есть добросовѣстный анализъ политическихъ переворотовъ въ Римѣ, въ которомъ всадники были главными лицами представительной системы управленія. Бёкъ и Момзенъ нашли въ авторѣ разбираемаго сочиненія серьезнаго противника своихъ теорій. Критикою и ученостью своею онъ примыкаетъ къ ученію Нибура и дополняетъ его теорію. Вся внутренняя исторія римской республики выражена имъ въ слѣдующей формулѣ: «Пока республика существовала, ея жизнь была борьбою деревни противъ города, деревенскаго плебса противъ коалиціи римской аристократіи съ городскою чернью».

Néron, sa vie et son époque, par *Latour St. Ybars*. Paris. 1867 p. 615.

Основная идея сочиненія не нова, но еще ни одно не заходило такъ далеко въ панегирикѣ Нерону. Вотъ образчикъ аргументаціи автора:

«Мы обязаны для насъ самихъ — восклицаетъ онъ — разыскивать, нельзя ли среди преступленій открыть возможность снисхожденія къ человѣку, цѣнившему свой талантъ болѣе своего достоинства, къ артисту, любившему болѣе плѣнять свою публику, а не порабощать, къ государю, сожалѣвшему на одрѣ смерти болѣе свое искусство, чѣмъ власть. «Qualis artifex pereo!»

«Неронъ, столь униженный, столь жестокій и ужасный былъ недостойнымъ образомъ оклеветанъ самыми знаменитыми историками; оказывая ему справедливость, мы возвращаемъ истину. Извѣстно, что память Нерона, дорогая народу, была непріятна Флавіямъ. Неронъ давно уже не существовалъ, а народъ упорно вѣрилъ въ его возвра-

щеніе; смотря съ Марсова поля на гробницу Домиція, расположенную на холмѣ садовъ, въ которую были положены остатки трупа Нерона, онъ ропталъ противъ надгробнаго памятника, разочаровывавшаго римлянъ въ ихъ самыхъ горячихъ желаніяхъ. Нужно было, какою бы ни было цѣною, уменьшить и ослабить это сожалѣніе, сдѣлать ненавистнымъ предметъ обожанія, заставить исчезнуть великую тѣнь, подымавшуюся между народомъ и новыми кесарями! Въ числѣ ученыхъ, послужившихъ этимъ политическимъ интересамъ, нужно считать натуралиста Плинія, друга Веспасіана; Плинія младшаго, великаго обожателя своего дяди; Светонія, занимавшаго придворную должность при Домиціанѣ и Адріанѣ; наконецъ, Тацита, самаго замѣчательнаго между ними, который началъ свою публичную дѣятельность при Веспасіанѣ, былъ возвеличенъ Титомъ и осыпанъ милостями Домиціана. Кліенты и креатуры новыхъ кесарей,—всѣ эти люди писали противъ Нерона съ столь явнымъ пристрастіемъ, что оно никѣмъ не оспаривается: Іосифъ, современникъ, торжественно обвиняетъ ихъ въ искаженіи истины и въ оклеветаніи Нерона. Другіе историки, правда, очень благосклонно отзывались объ этомъ же государѣ. Іосифъ упрекаетъ ихъ также въ пристрастіи, но сочиненія этихъ лицъ не дошли до насъ. Послѣ Тацита и Светонія появляются отцы церкви, проникнутые справедливымъ ужасомъ къ личности перваго гонителя христіанъ. Голоса въ пользу Нерона остались заглушенными предъ всеобщимъ неодобреніемъ, до такой степени, что намъ извѣстно только то, что́ говорили его враги и жертвы. Ни одна личность не устояла бы при такихъ сужденіяхъ!»

Авторъ былъ бы несравненно справедливѣе, еслибъ онъ, повторивъ всѣмъ извѣстную исторію Нерона, къ которой нельзя прибавить ни убавить ни строчки, такъ какъ никакихъ новыхъ источниковъ не открыто, — ограничился однимъ замѣчаніемъ, а именно, что въ этой исторіи многое преувеличено; но Неронъ, по своему характеру, могъ легко подѣйствовать на самое спокойное воображеніе, и исторія не можетъ не простить его жертвамъ, когда подъ вліяніемъ ужаса о Неронѣ разсказывали больше, нежели онъ дѣлалъ. Если о комъ-нибудь говорятъ, что онъ убилъ десятерыхъ, а между тѣмъ, по слѣдствію окажется, что всего было пять жертвъ, то ложность перваго показанія не даетъ права на силлогизмъ: «онъ не убилъ десятерыхъ, слѣдовательно онъ правъ!»

Histoire des idées morales et politiques en France au dix-huitième siècle, par M. *Jules Barni*. Tome deuxième Paris. 1867 p. 495.

Въ первомъ томѣ этого сочиненія профессоръ Женевской академіи охарактеризовалъ въ своихъ лекціяхъ нравственныя и политическія убѣжденія аббата Сенъ-Пьерра, Монтескье, Вольтера. Въ только-что

изданномъ второмъ томѣ «Идей нравственныхъ и политическихъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ» авторъ подробно анализировалъ сочиненія Жанъ-Жака-Руссо, Дидеро и д'Аламбера. Руссо, женевскій гражданинъ, занимаетъ въ ряду лекцій самое обширное мѣсто. Авторъ изъявляетъ еще сожалѣніе, что предѣлы его курса не позволили ему коснуться многихъ значительныхъ сторонъ вліянія этого знаменитаго человѣка и исключить совершенно его религіозный взглядъ. Поставивъ себѣ цѣлью нарисовать картину нравственныхъ и политическихъ идей въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются философами XVIII вѣка, безъ всякаго отношенія къ метафизической или богословской доктринѣ, авторъ упустилъ изъ виду «исповѣданіе вѣры савойскаго викарія» и все, что только относилось къ области религіи. Въ исторіи же нравственныхъ и политическихъ идей Руссо является у него на свѣтъ, какъ будто нарочно, чтобы дополнить собою дѣло, начатое Вольтеромъ и Монтескье.

Съ точки зрѣнія Монтескье—принципъ нравственности чаще всего предназначенъ служить опорою разсужденіямъ чисто историческаго и критическаго характера. Вольтеръ съ своей стороны доказываетъ, что великимъ стремленіемъ вѣка было разрушеніе соціальныхъ предразсудковъ и остатковъ феодальнаго варварства, которое еще составляло удивительный контрастъ съ утонченностью образованія. Онъ цѣнилъ въ человѣкѣ только соціальный элементъ, забывая, что самая глубокая порча нравовъ можетъ быть и часто существуетъ при самой высшей утонченности нравовъ. Руссо былъ моралистъ XVIII вѣка и всегда краснорѣчиво протестовалъ противъ недостатка принципа, который господствовалъ среди его соотечественниковъ, хотя, какъ замѣчаетъ Барни, его собственный примѣръ грустно ослаблялъ авторитетъ его ученія. Въ своемъ ученіи Руссо признаетъ, въ порядкѣ нравственныхъ идей, возвращеніе души къ себѣ самой, призывъ къ сознанію, какъ къ тому внутреннему голосу, съ которымъ необходимо всегда совѣтоваться, признаетъ чувство вообще, или «естественный инстинктъ».

Авторъ подробно изложилъ жизнь Руссо, коснулся вопроса: была ли его смерть самоубійствомъ, опредѣлилъ его характеръ и потомъ уже перешелъ къ подробному анализу его нравственныхъ и политическихъ идей.

Остальныя восемь лекцій посвящены Дидеро и д'Аламберу. Эти лица не были людьми геніальными и не могутъ быть поставлены въ одинъ разрядъ съ тѣми тремя личностями, но вліяніе, ими оказанное, было могущественно и содѣйствовало къ значительному развитію вновь образуемаго новаго общества. Сила Дидеро выражалась въ блескѣ: онъ имѣлъ всѣ качества удивительнаго импровизатора, но ему недоставало той твердости, которая одна доставляетъ большіе результаты, и потому

онъ не оставилъ ни одного памятника, равносильнаго своему несомнѣнному вліянію.

Хорошо извѣстный, какъ издатель Энциклопедіи, отличавшійся своими литературными достоинствами и учеными розысканіями, д'Аламберъ является поклонникомъ новыхъ идей. Онъ пріятнымъ образомъ представляетъ ихъ высшему классу общества, сближаетъ съ ними посѣтителей Французской академіи и академіи наукъ и пріобрѣтаетъ для нихъ родъ оффиціальнаго положенія, хотя и съ нѣкоторою потерею извѣстнаго количества свободы.

Histoire de la puissance pontificale depuis Saint Pierre jusqu'à Innocent III, par *M. Viennet*, de l'Academie Française. Tome premier. p. 424. Tome deuxième p. 354. Paris, 1866. in 8°.

Это сочиненіе почтеннаго академика, начальника значительнаго отдѣла масонскихъ ложъ, было уже давно задумано и никакъ не можетъ представляться, какъ трудъ, приспособленный къ вопросамъ современности. Объ немъ давно носилась молва, что онъ составляетъ памфлетъ противъ папства.

Въ 1816 году, въ эпоху полнаго возстановленія власти римскаго папы, авторъ началъ изслѣдованіе, и первыя три главы были написаны въ два первые года реставраціи. Въ 1844 и 1845 году авторъ читалъ ихъ въ двухъ засѣданіяхъ Французской академіи.

Все сочиненіе было окончено въ 1860 году въ моментъ возстанія противъ папскаго престола, но авторъ не желалъ поставить себя въ число нападающихъ. Римскій вопросъ не имѣлъ никакого отношенія къ его книгѣ, онъ хотѣлъ только разсказать пройсхожденіе и успѣхи власти, явившейся изъ катакомбъ для преобладанія надъ міромъ. Онъ остановился на первыхъ годахъ XIII-го вѣка, когда Иннокентій III-й увѣнчалъ дѣло своихъ предшественниковъ. Чувство истины руководило имъ на этой дорогѣ между преувеличеніями ультрамонтановъ и диссидентовъ.

Папство прошло много фазисовъ, и впродолженіе 12-ти вѣковъ, описанныхъ въ сочиненіи, истинное не всегда было доброе. Все это высказано безъ всякой пощады; но книга была оставлена для выхода въ свѣтъ послѣ смерти автора. Вдругъ вся Европа огласилась анаѳемой неслыханной, непредвидѣнной, самой грубой противъ франкмасоновъ, какъ атеистовъ, революціонеровъ, бандитовъ, дѣлающихъ безчестіе человѣчеству и долженствующихъ быть отвергнутыми изъ нѣдра общества. Языкъ Ватикана оказался даже недостаточнымъ для выраженія гнѣва со стороны главы церкви; заимствовали изъ уличнаго языка слова самыя оскорбительныя. Авторъ, бывшій масонскимъ начальникомъ значительнаго отдѣла и извѣстный по своимъ честнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ, пришелъ въ негодованіе; книга

его была тотчасъ напечатана даже не перечитанная. Вотъ причина появленія въ свѣтъ означеннаго сочиненія, по объясненію самого автора.

Въ первой главѣ авторъ опровергаетъ коренное убѣжденіе римскаго католическаго міра о двукратномъ путешествіи апостола Петра въ Римъ. Легенда объ этомъ основалась на двухъ авторахъ, изъ коихъ одинъ, можетъ быть, никогда не существовалъ, другой же не былъ признаваемъ за церковный авторитетъ.

Первый изъ этихъ писателей, присвоившій себѣ имя Авдія, обнародовалъ новые апостольскіе акты въ шести книгахъ подъ заглавіемъ «Исторія апостольской борьбы». Чтобы придать значеніе своему обману, онъ разсказываетъ, что онъ даже жилъ во время Іисуса Христа, видѣлъ его своими глазами и былъ поставленъ апостолами на епископскую каѳедру въ Вавилонѣ. Первая изъ его десяти легендъ посвящена св. Петру. Самозванный Авдій описываетъ борьбу главы апостоловъ съ волшебникомъ Симономъ, въ присутствіи Нерона и римскаго народа. Никто не говорилъ объ этой борьбѣ, объ этомъ романѣ, основанномъ на свиданіи Симона и св. Петра въ Самаріи. Странныя подробности романа обличаютъ ложь. Не смотря на то, книга принята во второмъ вѣкѣ, и нѣсколько позже допущена, какъ достовѣрный документъ. Онъ появился подъ именемъ Юлія африканскаго, который будто бы его перевелъ съ еврейскаго на латинскій языкъ. Борьба св. Петра съ волшебникомъ и присутствіе апостола въ столицѣ Нерона сдѣлались статьями вѣры. Но имя Авдія не внесено въ списокъ церковныхъ писателей, обнародованный святымъ Іеронимомъ. Въ шестой книгѣ, посвященной св. Іакову младшему, Авдій говоритъ объ историкѣ Гегезиппѣ, жившемъ гораздо позже. Какимъ же образомъ современникъ Спасителя могъ говорить о писателѣ, появившемся 300 лѣтъ послѣ? Въ этой же книгѣ Авдій называетъ исторіографа африканскаго своимъ латинскимъ переводчикомъ. Юлій Африканскій писалъ только по-гречески, и ни одинъ списокъ изъ первыхъ временъ не заключаетъ на своихъ страницахъ этого перевода.

Эти основательныя возраженія были однако приняты въ половинѣ VI-го вѣка папою Павломъ IV, который отвергаетъ и осуждаетъ книгу Авдія, какъ апокрифическую. Но долгое вѣрованіе не легко разрушить, особенно, когда оно опирается на сверхъестественномъ основаніи.

Другое доказательство, можетъ быть первое, потому-что трудно обозначить время сочиненія Авдія, принадлежитъ Папію, епископу Гіераполиса во Фригіи. Онъ былъ ученикомъ св. Іоанна-евангелиста, по другимъ извѣстіямъ, Іоанна, священника эфесскаго, и процвѣталъ въ первые годы второго вѣка. Онъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ собиралъ разговоры лицъ, обращавшихся съ апостолами, и изъ различ-

ныхъ разсказовъ, въ которыхъ воображеніе разсказчиковъ болѣе имѣло участія, нежели истина, составилъ: «Изложеніе словъ Іисуса Христа».

Папскіе историки приписываютъ ему особенную честь открытія, что обозначеніе Вавилона въ первомъ посланіи апостола Петра было аллегорическое, что посланіе было писано въ Римѣ, котораго развращенные нравы имѣли много сходства съ нравами города, обозначеннаго въ Св. Писаніи именемъ «старой развратницы». Вина ихъ уже состоитъ въ томъ, что они утверждаютъ, что Папій такимъ образомъ говорилъ о путешествіи св. Петра въ Римъ, и еще бо́льшая въ томъ, что приводятъ на этотъ случай свидѣтельство Евсевія. Это объясненіе, приписываемое Папію, никакимъ образомъ не истекаетъ изъ текста кесарійскаго епископа. Добросовѣстный историкъ, разобравшій многія древнія книги, вспоминаетъ мнѣніе епископа Гіерополя о характерѣ св. Марка, какъ истолкователя св. Петра, но не говоритъ, что Папій поставилъ имя Рима вмѣсто Вавилона. Онъ только смотритъ на это толкованіе, какъ на мнѣніе уже принятое.

Существуетъ важный документъ, въ которомъ путешествія св. Петра въ Римъ могли бы найти неотразимое доказательство. Это — посланіе св. Климента, писанное отъ имени римской церкви къ церкви коринеской. Это посланіе, единственное произведеніе папы, котораго достовѣрность вообще признана, разрушиваетъ всѣ вышесказанныя преданія. Климентъ занималъ каѳедру римскую съ 91 года по 101 годъ. Онъ писалъ посланіе 30 лѣтъ послѣ смерти св. Петра, говоритъ о страданіи этого апостола и не приписываетъ его той церкви, которою управляетъ. Переходя къ страданію св. Павла, онъ заботливо прибавляетъ, что́ случилось на Западѣ во время преслѣдованія Нерона. Если бы слова св. Климента подтверждали пребываніе св. Петра въ Римѣ, не было бы нужды приписывать этому епископу вымышленный указатель путешествія св. Петра, осужденный соборами, какъ апокрифическій. Никто не вѣрилъ ни въ бредни Авдія, ни въ комментаріи епископа Гіерополиса. Таковы доводы Вьенне.

Oeuvres de Vergniaud, Gensonné, Guadet, recueilies et annotées par *A. Vermorel.* Paris. 1866, p. 332 in 8°.

Петръ Верньо родился 31-го мая 1753 года въ Лиможѣ, учился въ іезуитской коллегіи этого города. Тюрго, управлявшій лиможскою провинціею, замѣтилъ его дарованія и перевелъ въ коллегію Плесси въ Парижъ. Оставшись въ раннемъ возрастѣ сиротою, безъ средствъ — отецъ его, купецъ, разорился въ несчастливыхъ предпріятіяхъ — онъ рано ознакомился съ трудностями жизни. По протекціи президента Дюпати онъ записался въ адвокаты въ парламентъ этого города въ 1781 году. Первое время молодой Верньо боролся съ бѣдностью и съ затрудненіями начала своей дѣятельности, но вскорѣ онъ оправился и въ 1783 году считался въ числѣ первыхъ бордосскихъ адвокатовъ.

По природѣ безпечный и лѣнивый, онъ занимался только тогда дѣлами, когда нуждался въ деньгахъ для жизни. Разсказываютъ одно происшествіе, хорошо обрисовывающее его характеръ. Негоціантъ изъ Реэля утромъ приходитъ въ кабинетъ адвоката, хочетъ передать ему чрезвычайно важное дѣло, такъ-какъ вполнѣ на него полагается, и кладетъ предъ нимъ большую связку бумагъ. Верньо, устрашенный ея толщиною и предвидя множество хлопотъ, молча подымается со своего мѣста, открываетъ свой письменный столъ, измѣряетъ взглядомъ находившіяся въ немъ деньги и объявляетъ своему кліенту, что онъ не беретъ на себя этого дѣла.

Верньо съ энтузіазмомъ встрѣтилъ преобразовательное движеніе 1789 года и былъ избранъ вмѣстѣ съ Гаде въ общій совѣтъ департамента.

Въ 1790 году, въ Бордо образовалось «Общество друзей конституціи», имѣвшее цѣлію сдѣлать популярнымъ въ Жирондѣ акты собранія и ознакомить народъ съ его интересами. Общество поручило Женсонне редакцію своего устава; Гаде долженъ былъ приготовить адресъ, чтобы извѣстить національное собраніе о существованіи и цѣли общества, и Верньо составилъ циркуляръ для департамента.

Въ 1791 году, Верньо былъ избранъ въ законодательное собраніе представителемъ Жирондскаго департамента вмѣстѣ съ Гаде, Женсонне, Дюко.

Законодательное собраніе открылось 1-го октября, а 6-го Верньо уже поддерживалъ предложеніе уничтожить въ церемоніалѣ старыя формы этикета.

Авторъ разбираемаго сочиненія слѣдитъ день въ день за каждымъ сколько-нибудь значительнымъ событіемъ изъ жизни Верньо до самой его гибели на эшафотѣ, и потомъ излагаетъ и самыя его рѣчи.

Вмѣстѣ съ Верньо авторъ не забылъ и двухъ другихъ знаменитыхъ представителей жиронды: Жансонне и Гаде, которыхъ имена неразлучны съ главою жирондистовъ.

Vies des Savants illustres du moyen Âge avec l'appreciation sommaire de leurs travaux, par Louis *Figuier*. Ouvrage accompagné de portraits et de gravures. Paris, 1867. p. 496 in grand 8°.

Авторъ, вѣрный принятому имъ тройному девизу: «instruire, instruire, instruire,» излагаетъ въ настоящемъ сочиненіи краткую картину развитія естественныхъ наукъ въ Европѣ въ средніе вѣка. Еще не такъ давно было издано имъ жизнеописаніе знаменитыхъ ученыхъ древности *); теперь онъ знакомитъ читателей съ важнѣйшими учеными еще недостаточно объясненной средневѣковой эпохи.

*) Vies des savants illustres de l'antiquité (Thalès, Pythagore, Platon, Aristote, Hippocrate, Théophraste, Archimède, Euclide, Apollonius, Hipparque, Pline, Dioscoride,

Много писано объ этомъ времени, служащемъ переходомъ отъ жизни древняго человѣчества къ событіямъ возрожденнаго общества въ XV вѣкѣ, но чисто-научная сторона и біографическо-критическое изученіе знаменитостей этой эпохи не были еще выработаны въ стройномъ цѣломъ. Біографіи великихъ людей среднихъ вѣковъ говорятъ о ихъ тяжеломъ отношеніи къ современному обществу. Ихъ жизнь была долгимъ страданіемъ за роковое назначеніе сохранить, увеличить и завѣщать потомству рядъ научныхъ фактовъ, созданныхъ древностью. Таково было существованіе этой горсти лицъ, отмѣченныхъ геніемъ науки, одаренныхъ драгоцѣннымъ даромъ изобрѣтенія или только проникнутыхъ страстью знанія; ненависть, суевѣріе преслѣдовали ихъ въ обществѣ. Аверроэсъ, Авиценна, Рожеръ Бэконъ, Ѳома Аквинскій, Раймундъ Лулль, Гуттенбергъ, Христоферъ Колумбъ представляютъ изъ своей жизни драмы, полныя великаго интереса.

Авторъ разбираемаго сочиненія начинаетъ очерками состоянія науки у арабовъ въ средніе вѣка, когда Европа еще была добычею грубаго варварства, Востокъ же славился образованіемъ. Мавры, завоевавъ Испанію, сдѣлали изъ нея очагъ просвѣщенія. Они съ успѣхомъ занимались положительнымъ знаніемъ: математикой, астрономіей, химіей и естественными науками. Мы имъ обязаны многими открытіями, и если ихъ образованность продолжалась недолго, то она не прошла безслѣдно въ исторіи образованности, оставивъ намъ имена Гебера, Мезюе, Разеса, Авиценны, Аверроэса и Абулюзиса.

За этимъ очеркомъ слѣдуетъ обзоръ состоянія наукъ въ Европѣ въ это же время, когда еще дымились развалины послѣ движенія сѣверныхъ варваровъ, и впродолженіе многихъ столѣтій царилъ величайшій хаосъ. Мощный геній Карла В. ищетъ средствъ возвысить уничтоженный древній міръ; повсюду устраиваются школы; въ отдаленныхъ странахъ отыскиваютъ этихъ учителей языковъ, грамматики, реторики, діалектики, философіи и богословія. Нѣкоторые изъ нихъ посвящаютъ себя изученію наукъ математическихъ, физическихъ и астрономическихъ. Но послѣ Карла В. вкусъ къ образованію исчезъ, школы покинуты. Явилось даже общее нерасположеніе къ наукѣ. Усилія Альфреда Великаго пробудить въ Англіи занятія литературой и наукой уничтожены нападеніемъ датчанъ. Одни только монашескіе ордена распространяютъ въ своихъ монастыряхъ значительную умственную дѣятельность. Здѣсь еще хранятся тексты древнихъ авторовъ, и знаніе находитъ себѣ убѣжище.

Съ X вѣка, Франція производитъ замѣчательныхъ людей. Гербертъ, монахъ изъ Орильяка, вступивъ на папскій престолъ подъ именемъ

Galien, Ptolémée et l'école d'Alexandrie), 1 vol., accompagné de 38 portraits ou gravures.

Сильвестра II, возстановляетъ изученіе наукъ и распространяетъ на Западѣ употребленіе арабскихъ чиселъ. Являются первые университеты: университетъ Салернскій, процвѣтавшій въ XI вѣкѣ, университетъ въ Монпелье, основанный въ XII вѣкѣ. Въ XIII вѣкѣ обученіе и науки получаютъ новый сильный толчокъ подъ вліяніемъ увлекательнаго доминиканца — Альберта Великаго, его друга, глубокаго богослова—Ѳомы Аквинскаго, великаго средневѣкового ученаго, непризнаннаго и гонимаго монаха — Рожера Бэкона, энциклопедиста — Винцента Бове, и другихъ. Арно Вильнёвъ, знаменитый медикъ, химикъ медицинскаго факультета въ Монпелье, Раймундъ Луллъ, великій проповѣдникъ вѣры, Гюи Шоліахъ, отецъ французской хирургіи, продолжаютъ дѣло своихъ великихъ предшественниковъ.

Въ XV вѣкѣ совершились двѣ великія революціи, измѣнившія міръ: изобрѣтеніе и усовершенствованіе книгопечатанія и открытіе Америки. На нихъ и останавливается авторъ въ своемъ мастерскомъ осуществленіи мысли, положенной имъ въ основаніе своего изящнаго, по изданію, и ученаго, по значенію, труда.

Essai sur les oeuvres et la doctrine de Machiavel, avec la traduction littérale du Prince et de quelques fragments historiques et littéraires, par *Paul Delaÿ*, Paris, 1867. p. 513.

Авторъ соглашается, что много было писано о Макіавелѣ, но онъ не совершено разъясненъ. Мысль автора изучить этого писателя, дурно понимаемаго, иногда оклеветаннаго, но безспорно замѣчательнаго, изучить въ связи съ его вѣкомъ, среди современнаго ему общества, заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ чувствуетъ полную симпатію къ своему герою, любитъ его, и съ увлеченіемъ разъясняетъ. По его мнѣнію, Макіавель, такъ дурно понятый, былъ лучшимъ человѣкомъ своего времени. Политическая его жизнь почти безукоризненна, частная жизнь оправдывается лицами, хорошо знакомыми съ итальянскими нравами въ началѣ XVI вѣка. Но авторъ недостаточно очертилъ соціальное положеніе Италіи и, вообще, Европы. Самая біографія итальянскаго историка не довольно тщательно обработана авторомъ разсматриваемаго сочиненія: она представляетъ сухіе факты, достаточно извѣстные.

Николай Макіавель, или, какъ его называютъ итальянцы, Николо Макіавели, былъ дворянской фамиліи, хотя и недовольно извѣстной. Мать его изъ графской фамиліи Борго-Ново-ди-Фуччіо, извѣстной въ X вѣкѣ, была замѣчательна по своей учености и поэтическому дарованію. Отецъ службою помогалъ недостаткамъ своего состоянія. Самъ Николо умеръ въ бѣдности, въ которой онъ прожилъ всю свою жизнь. Даже враги не осмѣливаются посягнуть на его честность. Николо родился 14 мая 1469 г. во Флоренціи и имѣлъ своимъ учите-

лемъ Марцелла Виргилія, ученаго и государственнаго человѣка. Двадцати девяти лѣтъ Николо, по конкурсу, получилъ званіе секретаря второй канцеляріи и занималъ его впродолженіе 14 лѣтъ. Это было время его полнаго значенія, такъ-какъ его должность соединялась съ различными важными порученіями къ разнымъ дворамъ и учрежденіямъ. Къ 1521 году относится его замѣчательная поѣздка въ Карпи къ братьямъ-минёрамъ (Frères-Mineurs), послужившая поводомъ къ переписке съ Гвичіардини, полной безграничной веселости и школьной шалости. Бывъ секретаремъ лиги противъ Карла V въ 1526 г., Гвичіардини старался увлечь своего друга къ политической жизни и доставить ему службу при себѣ.

Съ 1512 по 1521 г. Макіавелли былъ въ немилости. Участвуя въ заговорѣ противъ кардинала Іоанна Медичи, впослѣдствіи Льва X, Макіавелли былъ лишенъ своихъ должностей, изгнанъ, потомъ заключенъ въ тюрьму и преданъ пыткѣ. Авторъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ участіе своего героя въ заговорѣ противъ Медичи и видитъ его преданность фамиліи Медичи въ его уваженіи даже къ ихъ политическимъ заблужденіямъ. Вступивъ на папскій престолъ, Левъ X ознаменовалъ свое блестящее правленіе освобожденіемъ Макіавелли, но здоровье подверженнаго пыткѣ писателя было уже утрачено. Онъ умеръ въ 1527 г., 58 лѣтъ, совершенно разоренный.

Авторъ останавливается болѣе всего на произведеніяхъ Макіавелли; но и въ этомъ отношеніи онъ не блестящимъ образомъ исполнилъ свою задачу. Макіавелли мало выяснился изъ его скучнаго и недовольно глубокаго изслѣдованія.

Bertrand Du-Guesclin et son époque, par P. F. Jamison, traduit de l'anglais par ordre de S. Exc. le Maréchal Comte Randon, ministre de la guerre, par *I. Baissac.* Avec Introduction, Notes originales, Portraits, Plans de bataille. Edition illustrée de 11 gravures sur acier. Paris. 1866. p. 586.

Великолѣпное изданіе перевода англійскаго сочиненія Джемисона о Бертранѣ Дю-Гесклене, коннетаблѣ Франціи и его времени, сдѣлано на французскій языкъ по приказанію военнаго министра, маршала графа Рандона. Англичанинъ поставилъ себѣ задачею спасти отъ забвенія имя человѣка, малоизвѣстнаго его соотечественникамъ по своимъ подвигамъ, хотя онъ боролся всю свою жизнь противъ Англіи. Слава Дю-Гесклена въ теченіе XIV вѣка ничѣмъ не была меньше славы Эдуарда III, короля Англіи и его отважнаго сына — Принца Чернаго. Происходя изъ дикихъ лѣсовъ Бретани, безъ всякихъ преимуществъ воспитанія и рожденія, какъ сынъ бѣднаго и ничтожнаго рыцаря, онъ сдѣлался вождемъ толпы авантюристовъ во время Жана Монтфортскаго и Карла Блоа, споривших за наслѣдство Бретанскаго герцогства. Съ помощью личной храбрости, мужества и ловкости онъ распространилъ свою славу далѣе предѣловъ своей родной страны, обра-

тилъ на себя вниманіе французскаго короля своимъ безстрашіемъ при осадѣ Мелюна и своею блестящею кошерельскою побѣдою, совершилъ въ Испанію нѣсколько походовъ, низложилъ Петра Жестокаго и замѣнилъ его на кастильскомъ престолѣ Генрихомъ Трастамарскимъ. По возвращеніи во Францію, онъ сдѣланъ былъ коннетаблемъ; возвышенный до степени самыхъ блестящихъ бароновъ королевства, онъ, своею мудростью, твердостью, воинскимъ талантомъ мало по малу изгналъ англичанъ изъ всѣхъ своихъ обширныхъ французскихъ владѣній, оставивъ имъ на нихъ только городъ Бордо, на сѣверѣ — Кале. Это — его подвиги.

Ни одна прошедшая эпоха не кажется столь интересною, ни болѣе наставительною, какъ та часть средневѣковой исторіи, которая служитъ содержаніемъ настоящаго сочиненія. Эти переходные періоды изъ одного государственнаго быта въ другой, старые соціальные элементы начинаютъ уступать новымъ формамъ, принимать новыя обязанности. Феодальная система, достигшая своего высшаго значенія въ теченіе XI, XII и XIII вѣковъ должна была уступить свои преданія, свою изолированность, свое могущество возрастающей власти правительства, увеличивающемуся значенію общинъ и людей, вліяющихъ на массы. Крестовые походы, возбудившіе одну часть свѣта противъ другой, остались только въ воспоминаніи, и Европа не наполнялась болѣе энтузіазмомъ по зову церкви. Глава церкви, имѣвшій впродолженіе вѣковъ огромную власть надъ германскими народами, переселившимися на латинскую землю, былъ изгнанъ изъ Рима расколомъ и партіями и мало уважаемъ, какъ государями, такъ и народами, въ своемъ семидесятилѣтнемъ плѣну авиньонскомъ. Рыцарство, имѣвшее въ частности образовательное вліяніе на человѣка, смягчившее нравы варварскаго вѣка своими романами, турнирами и торжествами, начинало упадать. Женщина, до супружества обожаемая, послѣ же брака совершенно уединенная, стала имѣть болѣе благодѣтельное вліяніе на общество. Съ изобрѣтеніемъ пороха появилась необходимость въ огнестрѣльномъ оружіи и въ постоянныхъ войскахъ. Романтическая литература исчезаетъ вмѣстѣ съ пѣснями трубадуровъ; латинскій языкъ дѣлается менѣе употребительнымъ въ актахъ и даже въ историческихъ сочиненіяхъ; Чаусеръ въ Англіи и Фроассаръ во Франціи употребляютъ родной языкъ для своихъ произведеній и событій прошедшаго времени.

Французскій переводчикъ приводитъ подлинныя цитаты своихъ хроникёровъ вмѣсто переводовъ съ англійскаго, и живой разсказъ англичанина еще болѣе выигрываетъ отъ родной рѣчи самого героя сочиненія. Портреты и картины придаютъ еще большій интересъ этому достойному памятнику прошедшаго времени. Англійскій историкъ столь безпристрастно изложилъ свое сочиненіе, что далъ возможность фран-

цузамъ усвоить его изслѣдованіе цѣликомъ для своей исторической литературы.

Lettres inédites de Diane de Poytiers, publiées d'après les manuscrits de la bibliothèque impériale avec une introduction et des notes, par *Georges Guiffrey*. Paris. 1866, XCIV et p. 284 in 8°.

Многія обстоятельства жизни Діаны де-Поатье, по мнѣнію издателя, искажены: Обыкновенно представляли ее на изображеніяхъ въ олимпійскомъ сіяніи, какъ идеалъ красоты и женской прелести. Но это также мало заключало въ себѣ истины, какъ и любовные разсказы о ней, получившіе начало отъ Брантома. Принято въ исторіи приводить сагу объ ея сближеніи съ королемъ Франциской I: будто бы она просила за своего отца, замѣшаннаго въ заговорѣ коннетабля Карла Бурбона, и жертвовала собою за помилованіе. Издатель относитъ это показаніе къ вымысламъ Ренье де-ла-Планшъ, пятнавшаго всѣхъ, кто не раздѣлялъ его религіозныхъ убѣжденій. Діана же постоянно была привержена къ католическому ученію.

На пятнадцатомъ году Діана вступила въ бракъ (1514) съ великимъ сенешалемъ Людовигомъ Брезе и не нарушала брачной вѣрности. Мужъ ея умеръ въ 1533 г. и она, какъ вдова, по увѣренію венеціанца Контарини, сдѣлалась близкою особою короля Франциска I. Начало этихъ сношеній можно отнести къ 1536 году, когда Діана не была уже молода, и когда ея намѣренія клонились не столько къ королю, сколько къ Дофину.

Много любовныхъ безъименныхъ писемъ къ Франциску I приписываются Діанѣ, но издатель, на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, считаетъ ихъ авторомъ — прекрасную графиню Шатобріанъ. Во всякомъ случаѣ Діана владѣла своимъ положеніемъ въ качествѣ ментора, если не любовницы короля Генриха II, даже послѣ его брака съ Катериной Медичи. Въ введеніи говорится объ этомъ въ чрезвычайно наивномъ тонѣ ссылкою на Контарини и Мишле: «Діана проникла такъ глубоко въ интимность августѣйшей четы, что она составляла нѣкоторымъ образомъ вершину брачнаго треугольника и дополняла гармонію. Вліяніе ея простиралось даже до алькова, въ которомъ мало по малу она сдѣлалась высшею распорядительницею. Чрезъ нее король любитъ королеву, при ея посредничествѣ исполняются обязанности супруга. Вечеромъ она побуждаетъ его къ той обязанности, къ которой не влечетъ его никакое желаніе. Можетъ быть, Катерина Медичи еще обязана признательностью Діанѣ Поатье за это ненавистное посредничество, вслѣдствіе котораго она сдѣлалась матерью цѣлаго ряда государей».

Издатель оригинальнымъ образомъ придаетъ этимъ страннымъ отношеніямъ значеніе придворной пышности того времени и платониче-

скаго рыцарства. Онъ предполагаетъ, что можно носить въ сердцѣ образъ своей дамы, какъ идеалъ, безъ малѣйшаго нарушенія брачныхъ обязанностей, и что такою нематеріальною привязанностью нисколько не нарушается брачная вѣрность.

Изъ 106 напечатанныхъ писемъ Діаны, кончающихся 1564 годомъ, можно составить вѣрное изображеніе ея характера и стремленій. Это — постоянная интрига, безпрерывное домогательство королевской щедрости для своихъ родственниковъ, друзей и сторонниковъ, выпрашиваніе мѣстъ и милостей, старанія удержать въ строгой отъ себя зависимости совѣтниковъ, начальниковъ войска, придворныхъ, и въ той мысли, что «если Генрихъ II есть могущественный государь Франціи, Діана де Пуатье — могущественная повелительница государя». Съ какимъ результатомъ она умѣла играть свою роль, доказываютъ многочисленныя и обширныя владѣнія, которыя приведены въ завѣщаніи, составленномъ въ 1564 году и приложенномъ къ изданію писемъ.

Champfleury, Histoire des faïences patriotiques sous la révolution. Paris 1867. p. 401.

При настоящемъ стремленіи французской литературы напоминать своимъ читателямъ чаще событія и личности 89 года нисколько не покажется удивительнымъ появленіе исторіи даже патріотическаго фаянса этой эпохи. Шамфлёри, авторъ исторіи карикатуръ въ древнее, среднее и новое время [1]), употребилъ двадцать лѣтъ на отысканіе и изученіе памятниковъ искусства и литературы, отмѣченныхъ признаками революціонной эпохи конца XVIII вѣка. Подарокъ тарелки съ изображеніемъ пѣтуха на пушкѣ и съ надписью: «я бодрствую надъ націею», сдѣланный другомъ автора, навелъ его на мысль изслѣдовать фабрикацію фаянса въ этотъ періодъ времени, и съ помощью этихъ ничтожныхъ народныхъ памятниковъ разъяснить принципы 1789 года. Поиски его дѣлались по берегамъ Лоары и Ньевры, въ Нормандіи, Бовези, на югѣ и другихъ мѣстахъ.

Идея, воодушевлявшая автора, удивляла другихъ и дѣлала ихъ равнодушными къ убѣжденію энтузіаста. Авторъ твердо вѣрилъ въ ея осуществленіе и въ представленныхъ имъ снимкахъ тарелокъ, соусниковъ, кувшиновъ старался видѣть выраженіе стремленій вѣка, отразившихся въ искусствѣ. Но признаки, по которымъ придавалось значеніе этимъ произведеніямъ, политическія надписи и выраженія употреблялись въ то время повсюду и на разныхъ предметахъ; большая часть этихъ эмблемъ носила на себѣ древній, классическій характеръ и никакъ не можетъ быть приписана французской изобрѣтательности.

---

[1]) Histoire de la caricature antique. 1 vol. gr. in 18 illustré 60 gravures. — Histoire de la caricature moderne. 1 vol. gr. in 18 illustré 80 gravures.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи не нашлось ничего особенно любопытнаго для изыскателей революціонной эпохи французской монархіи, но все это мелочи, не имѣющія строго-историческаго характера.

2) Нѣмецкая литература.

Die Entstehung der Mythologie und die Entwickelung der griechischen Religion nach Hheesiods Togonie dargestellt von *D. Friedrich Leitschuh*. Ein religion-philosophischer Versuch. Würzburg. 1867. S. 98.

Сочиненіе автора состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) образованіе политеизма, 2) развитіе греческой религіи по «Теогоніи» Гезіода, 3) стремленіе къ монотеизму. Цѣль сочиненія—доказать въ краткомъ обзорѣ, что всякая религія древности, преимущественно греческая, не теряла совершенно изъ виду, послѣ отпаденія отъ истиннаго Бога, это единое божество, но вездѣ снова возвращалось къ нему; «что монотеистическое направленіе было темное стремленіе, свѣтъ, сіяющій въ темнотѣ, но непонятый», и что боги Греціи, о которыхъ многіе, незнакомые съ греческою миѳологіею, имѣютъ ужасныя понятія, не суть страшилища, но изображенія, которыхъ создала греческая фантазія, чтобы уяснить себѣ жизнь міра и человѣка.

Гезіодъ безспорно является лучшимъ руководителемъ на запутанной дорогѣ греческой миѳологіи, служитъ миѳологически-философскимъ кодексомъ древности, представляющимъ почитаніе всѣхъ греческихъ божествъ, до того времени, какъ началась развиваться система двѣнадцатибожія.

Авторъ, изъяснивъ религіозное представленіе древнихъ грековъ по Гезіоду, далъ ему особенное значеніе своимъ философскимъ взглядомъ. Онъ доказалъ, что греки не могли представить никакого обстоятельства въ человѣческой жизни или въ природѣ, которое не происходило бы отъ божества. Большое же количество этихъ божествъ нужно объяснять существованіемъ у грековъ того же принципа, какъ у египтянъ: другія мѣста имѣютъ другихъ боговъ или, лучше сказать, для тѣхъ же идей другія названія.

Наконецъ, онъ признаетъ, что переселеніе въ Грецію впервые началось тогда, когда народы Востока отпали отъ Бога и начали обожаніе звѣздъ, и т. д., но воспоминаніе о Творцѣ не исчезало. Это доказываетъ Эросъ — дающій жизнь и во всемъ видимо дѣйствующій. Если мы примемъ въ соображеніе, въ какое короткое время создалось новое ученіе или только преобразовалось старое, мы не будемъ сомнѣваться, что въ теченіе 500—600 годовъ греческая религія могла легко развиться такъ, какъ мы ее находимъ у Гомера и Гезіода. Она начинается съ обожанія неба и земли, переходитъ къ почитанію

солнца, луны и земли въ лицѣ титановъ, которыхъ имена не выражаютъ ничего другого, какъ солнце, луна, земля, вода, господинъ и повелитель. Теперь только начинается безпредѣльная сила фантазіи! Чтобы олицетворить виновниковъ грома, молніи, зарницы явились циклопы; чтобы произвести отъ божества землетрясеніе, потопъ и сильныя бури, воображеніе создало центимановъ. Для разъясненія различныхъ сообщеній на землѣ, олицетворяются рѣки и т. п. въ представленіи океанидъ, нереидъ и разныхъ рѣчныхъ боговъ.

Классическое изученіе нашло себѣ значительную опору въ сочиненіи Лейтшу, который видитъ въ судьбахъ Греціи волю Провидѣнія, дающаго ей значеніе воспитательницы всего послѣдующаго человѣчества, чрезъ которое христіанство распространилось во всѣ земли земного шара. Онъ душевно скорбитъ, что настоящее время считаетъ «безполезнымъ для жизни древнюю жизнь, какъ убивающую духъ, потому-что сама она мертва.» Полагаютъ — говоритъ онъ — что только въ природѣ заключается жизнь, и такъ какъ человѣкъ почерпаетъ жизнь изъ самой жизни, то естественныя науки должны имѣть преимущество, древнее же искусство и знаніе исчезать.» — «Но если справедливо—возражаетъ авторъ противникамъ—что человѣкъ долженъ отвѣчать на вопросы»: «что», «почему» и «къ чему», то онъ обязанъ устремить свои взоры на прошедшее и имѣть предъ собою будущее Для него недостаточно имѣть предъ своими глазами развитую природу, онъ долженъ углубиться въ пониманіе прошедшаго, чтобы наконецъ придти къ руководителю и правителю великой вселенной.» Прибавимъ къ этому, что такое высокое значеніе жизни грековъ и вліяніе на человѣка можетъ быть пріобрѣтено только такими людьми, которые, какъ Лейтшу, посвящаютъ своему предмету всю жизнь, а не тѣми, которые ограничиваются школьною латынью. Это постоянная ошибка спеціалистовъ, которая нынѣ встрѣчается все рѣже и рѣже.

Athen und Hellas. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen, von *D. Wilhelm Oncken*, Privatdocent der Philologie und Geschichte an der Universität zu Heidelberg. Zweiter Theil. Perikles, Kleon, Thucydides. Leipzig. 1866. S. 352.

Изданіемъ второй части своихъ изслѣдованій авторъ заканчиваетъ исторію Греціи во время Перикла и начала Пелопонезской войны. Съ тѣмъ же воодушевленіемъ, какъ и въ первой части, съ тою же своеобразностью взгляда, отличнаго отъ обыкновеннаго, до сихъ поръ усвоеннаго всѣми историками, изложилъ онъ общественный характеръ Перикла, его положеніе среди борьбы партій, соціальное и національное движеніе, миръ съ варварами и войну съ пелопонезцами, опровергнулъ господствующее въ исторіи сужденіе о Клеонѣ и его характерѣ, разсказалъ дѣла Митилена, Лакедемона, Сфактеріи, смерть Клеона и его политику и закончилъ дѣйствіями Бразида и историка Ѳукидида подъ Амфиполемъ.

Полнота изслѣдованій казалась автору необходимою при изложеніи новыхъ воззрѣній. Кто отклоняется отъ стараго взгляда въ новую сферу, долженъ употребить всѣ свои силы, чтобы быть какъ можно болѣе яснымъ и ничего не оставить безъ отвѣта, такъ какъ самый худшій врагъ «новизны» представляется не въ «противорѣчіи», которое имѣетъ по большей части очистительную и объяснительную силу, но въ «неумѣньи оцѣнить», въ «недоразумѣніи», котораго избѣжать при обстоятельствахъ очень трудно.

Своимъ желаніемъ быть яснымъ читателю авторъ даже навлекъ на себя упрекъ въ представленіи въ новѣйшей формѣ (des Modernisirens) предметовъ древности. Этотъ способъ передачи жизни древняго міра не только не искажаетъ его особенныхъ явленій, но, напротивъ, сближаетъ читателя съ ними, тѣмъ болѣе, что авторъ при всякомъ важномъ случаѣ самъ точно разграничиваетъ различіе новѣйшаго слова отъ того выраженія, которое онъ передаетъ изъ древности.

«Гуманизмъ (названіе, принадлежащее новѣйшему времени и совершенно чуждое XIV, XV и XVI столѣтіямъ) есть не что иное, говоритъ авторъ, какъ углубленіе въ себя чрезъ изученіе древности, сознаніе внутренняго превосходства, которое въ то время все западное человѣчество впервые переживало, и еще въ настоящее время въ маломъ размѣрѣ каждый болѣе или менѣе глубоко испытываетъ его на себѣ, смотря потому, какъ велико его соприкосновеніе съ древностью.

«Идея чисто-человѣчественнаго не есть созданіе одной древности и столь же мало твореніе одного новаго времени, это — «общее» проявленіе внутренняго сближенія между живущимъ христіанскимъ и возрожденнымъ древнимъ языческимъ міромъ, плодъ того чрезвычайно замѣчательнаго соединенія двухъ цивилизацій, которыя, въ началѣ среднихъ вѣковъ, не сходились другъ съ другомъ, какъ полярныя противоположности, а въ концѣ ихъ взаимно обнялись съ брачною любовью. Древнее государство и въ немъ проявившаяся вся жизнь древняго міра — разъяснилась въ поэзіи, далекой отъ того, чтобы выразить все чисто человѣчественное и не ложное. Въ особенности греческое государство, подъ защитою котораго взросли и созрѣли изящныя искусства и памятники литературы гуманнаго образованія, не достигало этого идеала, иначе — существенныя его особенности: униженіе брака и женщины, крѣпостной трудъ, варварское право войны считались бы доказательствами «благородной человѣчности», съ чѣмъ однако же никто не согласится. Человѣчественное, по своей натурѣ, не есть готовое, однажды данное, но образующееся, медленно возрастающее; оно дано *всему* человѣчеству, не могло быть положено въ колыбель какого-нибудь одного отдѣльнаго народа, оно есть конечная цѣль безпрерывной работы многочисленныхъ поколѣ-

ній и не можетъ окончиться въ опредѣленное время. Это развитіе имѣетъ свои ступени и обрывы, свои побѣды и пораженія; этотъ трудъ имѣетъ прекрасные дни, въ которые, какъ бы волшебствомъ, совершаетъ быстрые успѣхи, и опять свои мрачныя ночи, которыхъ ужасы научаютъ насъ, что никогда чувство варварское не умираетъ въ человѣкѣ, и что всякій ослѣпительный блескъ культуры есть только наружность неулучшеннаго сердца. Поэтому классическая древность не можетъ похвалиться, какъ блестящее время гуманности!

«Здѣсь не было недостатка ни въ добрыхъ зародышахъ, ни въ рѣдкомъ количествѣ развитыхъ способностей, — между поэтами этихъ народовъ находились краснорѣчивые и теплые проповѣдники яснаго, человѣческаго, благороднаго пониманія свѣта и жизни, но обстоятельства дѣйствительности довольно сильно противорѣчатъ золотому очарованію, усвоенному нами отъ поэтовъ.

«Въ трехъ обстоятельствахъ ясно доказывается негуманность классической и именно греческой древности: въ неуваженіи женщины, въ крѣпостномъ трудѣ и въ варварскомъ правѣ народовъ. Всѣ эти три признака не суть случайные, наружные; они вытекаютъ съ неотразимою необходимостью изъ существенныхъ условій древней жизни, они не соприкасаются только къ поверхности греческаго быта, но проникаютъ его во всю глубину и тѣсно коренятся въ его существованіи. Греческое государство есть государство мужчинъ и праздности; женщина, семейство — въ тѣни, и работу за насущный хлѣбъ для свободнаго, благороднаго человѣка отправляетъ несвободнорожденный родъ людей.

«Далѣе, греческое государство есть государство городского устройства и городской замкнутости; гражданскія и человѣческія права его членовъ начинаются и оканчиваются городскими стѣнами, которыя часто заключаютъ въ себѣ очень малый и самодовольный міръ. Только полноправный «гражданинъ» ведетъ жизнь, достойную жизни, подъ защитою права, которое онъ или его предки себѣ создали, всѣ прочіе дѣлятся относительно большей или меньшей либеральной терпимости.

«Но внѣ своего отечества никакое общенародное право не защищаетъ гражданина во время мира, въ войнѣ же побѣжденный, подвергается онъ съ жизнью и имѣніемъ, съ женою и дѣтьми закону варварской дикости, противъ котораго ропщутъ истинные патріоты и которому гражданскія и междоусобныя войны грековъ принесли въ жертву многочисленныя гекатомбы».

Довольно и этого свѣтлаго взгляда на древность, чтобы увѣриться въ томъ, что авторъ смотритъ на классическую древность, какъ на предметъ изученія, но не обоготворенія.

Diderot's Leben und Werke. Von Karl Rosenkranz. Erster Band. S. 371. Zweiter Band. S. 431. Leipzig. 1866.

Нѣмецкій авторъ жизнеописанія Дидро хотя и не придалъ своему

сочиненію той живости и одушевленія, какого заслуживаетъ знаменитый писатель XVIII-го вѣка, но за-то подробно анализировалъ каждое изъ его твореній. Самое мелкое изъ нихъ не укрылось отъ взора добросовѣстнаго изыскателя и нашло соотвѣтствующую оцѣнку. Мы надѣемся доставить нашимъ читателямъ обширную критическую статью по поводу сочиненія Розенкранца, и потому ограничимся сказаннымъ.

Mysterien des Vaticans, oder die geheimen und offenen Sünden des Pabstthums. Zeit- und Geschichts-Bilder von *Theodor Griesinger*. Vierte Auflage. Erster Band. S. 352. Zweiter Band, S. 347. Leipzig und Stuttgart. 1866.

Ни одинъ хроникёръ иностранной исторической литературы не можетъ пропустить безъ вниманія это сочиненіе, имѣвшее съ 1861 года четыре изданія. Въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ сдѣланы авторомъ значительныя прибавки. Цѣлая глава: «Папство и христіанство» вновь написана. Замѣчательно, что книга болѣе всего расходится между католиками. Антипапское вліяніе продолжается, и вышеозначенное сочиненіе съ своей стороны много способствуетъ къ распространенію образованія терпимости.

«Многимъ—говоритъ авторъ—покажется удивительнымъ появленіе этой книги, другіе останутся недовольными, что такимъ образомъ затронута папская закваска. «Оставьте мертвыхъ въ покоѣ, скажутъ они, времена папскаго владычества давно миновали, зачѣмъ же напоминать католикамъ, въ чемъ согрѣшили ихъ прежніе церковные вожди?» Но развѣ папство умерло, развѣ оно не собрало въ послѣднія десять лѣтъ снова своихъ силъ и не употребило всю свою власть, чтобы возвратить средніе вѣка? Развѣ въ послѣднія десять лѣтъ не все сдѣлано, что́ только могло сдѣлаться, чтобы придать папству древній блескъ и погрузить христіанское человѣчество въ мракъ, бывшій до реформаціи? Развѣ не пришли снова къ тому, чтобы считать каждаго, кто осмѣливался обличать папскія злоупотребленія и ультрамонтанскую нетерпимость, врагомъ католичества и, при намѣренномъ смѣшеніи понятій, разсматривать врага папизма, какъ врага католичества?

«Ультрамонтанство не умерло, также какъ не исчезла попытка папства возстановить свою древнюю власть! Доказательствомъ этого служатъ отчасти заключенные конкордаты, отчасти попытки къ нимъ, еще болѣе дѣйствіе клира въ земляхъ, въ которыхъ конкордатъ получилъ силу закона.»

Вотъ, программа сочиненія Гризингера: папство и бѣдность, папство и смиреніе, папство и цѣломудріе, папство и христіанство, папство и терпимость, папство и непогрѣшимость, папство и современность.

Папское владычество проведено такимъ образомъ чрезъ существен-

ные элементы своего значенія съ добросовѣстностью лѣтописца и закончено древними стихами смѣлаго Амвросія Блаурера:

Ir Gewalt ist veracht
Ir Kunst wird verlacht
Ir Lügen nit g'acht.
G'schwächt ist ir Macht,
Recht ist's, wie's Gott macht.

Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur von den ersten Anfängen historischer Kunde bis zur Gegenwart, von *S. Sugenheim*. Erster Band. Bis zum Ende der Karolingerzeit. Leipzig. 1866. S. 559.

При настоящихъ историческихъ розысканіяхъ и сочиненіяхъ, во множествѣ появившихся въ Германіи, недостаетъ «исторіи нѣмецкаго народа», которая стояла бы на высотѣ настоящаго требованія науки и заключала всѣ результаты современныхъ изслѣдованій. Выборъ издателя для приведенія въ исполненіе этой прекрасной и трудной задачи палъ на ученаго, извѣстнаго своими сочиненіями въ германской литературѣ, Зугенгейма. Его «Исторія уничтоженія крѣпостного состоянія въ Европѣ» (Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa) получила премію въ петербургской Академіи наукъ. «Исторія образованія и развитія церковной области» (Geschichte der Entstehung und Ausbildung des Kirchenstaates) получила премію Геттингенскаго ученаго общества. «Исторія іезуитовъ въ Германіи», «Вліяніе Франціи и ея отношенія къ Германіи съ 1517 по 1789 годъ» доказываютъ его разнообразныя занятія на историческомъ поприщѣ, умѣнье совладать съ матеріаломъ и искусство передачи. Кромѣ того, настоящія обстоятельства осуществили его тридцатилѣтній идеалъ, бывшій задачею его жизни.

Авторъ этого сочиненія, либеральный въ своихъ воззрѣніяхъ, выше всего считаетъ единство Германіи, для котораго онъ еще въ 1856 году считалъ необходимымъ желѣзнаго человѣка, сильнаго государя, способнаго всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ подъ одну шапку согнать (unter einen Hut zu zwingen und seine vielen kleinen Brüder davon zu jagen), чего добровольно нѣмцы не могли достигнуть. Теперь его идеи о единствѣ, о германскомъ флотѣ, защищающемъ интересы нѣмецкіе, реализированы; остается обратить къ сознанію заблуждающуюся Австрію; и авторъ, въ обширномъ предисловіи къ новому сочиненію, совѣтуетъ ей отклониться отъ папства и его конкордатовъ, секуляризировать имущество духовныхъ, преобразовать священниковъ въ государственныхъ служителей съ вознагражденіемъ, освободить юношество отъ ядовитаго вліянія клира, установить свѣтскихъ экзаменаторовъ, уничтожить монастыри и всѣ другія духовныя корпораціи, установить принципъ равенства всѣхъ вѣроисповѣданій, ввести гражданскій обязательный бракъ, и т. д.

«Еще есть время — такъ кончаетъ онъ свои совѣты Австріи — но «двѣнадцатый» часъ; еще прядетъ Лахеза, но Атропосъ острить лезвее!»

Судя по первой части, оканчивающейся Карловингами, мы должны предположить, что будущая исторія нѣмецкаго народа подъ перомъ автора представитъ стройное, любопытное, ученое и воодушевленное изложеніе судебъ нѣмецкой націи, чего недоставало исторической германской наукѣ.

Die Hohenzollern-Könige in der Kulturgeschichte. Nach den Quellen dargestellt von *Venanz Müller*, Verfasser von «Maximilian II, König von Bayern». Frankfurt am Main. 1866. S. 269.

«Германія собирается во-едино» подъ управленіемъ Пруссіи. Большая часть нѣмецкой земли уже въ рукахъ Гогенцоллерновъ. Поэтому полезно и интересно знать, какъ короли этого дома исполняли свои обязанности къ счастію народа».

Такъ авторъ высказываетъ въ предисловіи цѣль своего труда. Достаточно этихъ словъ, чтобы предугадать и направленіе его сочиненія, и тотъ результатъ, къ которому авторъ долженъ придти по своему образу мыслей.

Онъ пользуется источниками, приводитъ изъ нихъ доказательства и выводитъ заключеніе, что прусская монархія обязана не столько «творчеству» своихъ государей, сколько «незадержанію» (Nichthindern) ими народа на пути движенія къ умственному и матеріальному благосостоянію.

Одни факты служатъ основаніемъ этого труда; проникать, догадываться, обдумывать развитіе поступковъ, плановъ, взглядовъ дѣйствующихъ личностей предоставляется другимъ.

Для истины разсказа требуется разскащикъ съ независимымъ образомъ мысли, а потому замѣчательнѣйшіе прусскіе историки, профессоры, разсматриваются авторомъ, какъ чиновники, зависимые отъ государства, еще болѣе, какъ стипендіаты. Большая же часть историческихъ сочиненій низшаго достоинства, по мнѣнію автора, составлена въ видахъ личной косвенной рекомендаціи авторовъ правительству. Разбираемое сочиненіе предлагается нѣмецкой націи и имѣетъ въ виду краткость и легкость изложенія, не смотря на строгій выборъ матеріала.

Предки Гогенцоллернскихъ королей были въ XII вѣкѣ нюрнбергскіе бургграфы.

Бургграфы жили въ императорскомъ замкѣ Нюрнберга и какъ высшіе императорскіе чиновники повелѣвали замкомъ и его гарнизономъ. Въ ихъ рукахъ былъ судъ надъ принадлежащими къ замку имѣніями и надзоръ надъ начальствующими тамъ лицами. Подлѣ бургграфа, но независимо отъ него, управлялъ финансами императорскій шенкъ, им-

йерскими лѣсами — императорскій оберфорстмейстеръ. Бургграфы получали вознагражденіе отъ пользованія многими имѣніями и доходами съ нихъ. Городъ Нюрнбергъ ранѣе уже успѣлъ освободиться отъ всякихъ къ нимъ обязанностей.

Бургграфы изъ дома Гогенцоллернскаго пріобрѣли, мало по малу, множество разбросанныхъ имѣній, доходовъ и привилегій чрезъ покупку, залогъ, наслѣдство и подарки императоровъ. Они распространили свои владѣнія чрезъ завоеваніе и разрушеніе хищническихъ замковъ на имперской дорогѣ во Франконіи.

Императоръ Карлъ IV, глава Люксембургскаго дома, отдалъ свою дочь Маргариту въ супружество бургграфу Іоанну II и сдѣлалъ бургграфовъ имперскими князьями; кромѣ того, онъ одарилъ ихъ владѣнія большими привилегіями. Въ то время, какъ императоры стали пренебрегать все болѣе и болѣе своею властью касательно нѣмецкой имперіи, мѣстныя отношенія бургграфовъ совершенно исчезли и они сдѣлались владѣтельными лицами и князьями. Въ концѣ XIV вѣка, являются двѣ главныя половины ихъ владѣній: земля на горномъ хребтѣ (княжество Байретъ) и земля подъ горнымъ хребтомъ (княжество Ансбахъ). Бургграфъ Фридрихъ VI, владѣтель Ансбаха, далъ въ займы нуждавшемуся въ деньгахъ императору Сигизмунду изъ дома Люксембургскаго значительныя суммы денегъ и получилъ въ обезпеченіе марку бранденбургскую (1411 г.). Прибавивъ еще 250 тысячъ венгерскихъ золотыхъ гульденовъ, онъ формально, съ согласія курфирстовъ, купилъ это владѣніе. Документъ обозначенъ 30-мъ апрѣля 1415 года. Императоръ предоставилъ своему потомству мужескаго пола и своего брата, Венцеслава, короля Богеміи, право выкупа за 400 тысячъ венгерскихъ золотыхъ гульденовъ, но при торжественномъ пожалованіи этого лена 18 апрѣля 1417 года не было болѣе упомянуто о выкупѣ. Такимъ образомъ, достигли гогенцоллерны чрезъ свои деньги и курфирстской шапки, и бранденбургской марки.

Любопытно описаніе праздниковъ коронованія перваго прусскаго короля Фридриха. Празднество въ Кёнигсбергѣ продолжалось 49 дней: иллюминаціи, звѣриная травля, фейерверки, театры, торжественные обѣды. Во всѣхъ церквахъ, на всѣхъ каѳедрахъ Фридрихъ I провозглашался, какъ новый Соломонъ. Весь огромный запасъ боговъ древняго міра былъ истощенъ для лести. Безчисленные летучіе листки возвѣстили великолѣпіе коронованія. Король былъ представленъ, какъ Аполлонъ и какъ солнце; королева, очень нѣжная — какъ увеличивающаяся луна; кронъ-принцъ — какъ планета Юпитеръ, прочіе члены семейства — какъ звѣзды первой величины, и т. д. Члены кёнигсбергскаго университета сдѣлали открытіе, что новая прусская корона не можетъ быть другою, какъ radiata corona бога Аполлона.

Даже философъ Лейбницъ примѣшалъ свой финіамъ къ дурной толпѣ льстецовъ.

Еще не исчезли въ Кёнигсбергѣ развалины отъ бывшаго за два года предъ тѣмъ сильнаго пожара, еще оставались многіе бездомные скитальцы, еще существовали въ ужасающемъ обилiи несчастія, бѣдность, голодъ,—но фейерверкъ былъ сожженъ предъ королемъ 26 января 1701 года. Онъ стоилъ гораздо болѣе, сколько нужно было, чтобы превратить мѣста несчастія въ новые дома, изгнать изъ угловъ бѣдности ужасный голодъ. Изъ 70 пушекъ и 15 мортиръ сдѣланы были салюты; многіе ящики, заключавшіе въ себѣ 500 и даже 1,000 ракетъ были разомъ зажжены.

8 марта, дворъ удалился изъ Кёнигсберга. 6 мая 1701 года, съ необыкновеннымъ торжествомъ совершенъ былъ въѣздъ короля въ Берлинъ чрезъ семь тріумфальныхъ воротъ. Король ѣхалъ верхомъ на очень дорогомъ конѣ, котораго чепракъ былъ вышитъ неоцѣненными драгоцѣнными камнями. Королева находилась въ своей придворной каретѣ, запряженной восемью лошадьми. Пальба была безпрерывная. Самыя большія тріумфальныя ворота имѣли три этажа со множествомъ статуй и надписей. Это было подражаніе въѣзда Септимія Севера въ Римъ. Статуя самого короля Фридриха красовалась въ римской одеждѣ на манеръ Марка-Аврелія. Въ довершеніе всего главная надпись гласила: «senatus populusque Berlinensis fieri fecit» (такъ повелѣлъ сенатъ и берлинскій народъ).

Дворъ Фридриха I былъ устроенъ совершенно на образецъ французскаго двора Людовика XIV. Недоставало королевской метрессы, которая являлась бы въ придворныхъ кружкахъ. Выборъ короля палъ на супругу его любимца Кольбе. Она была красивою дочерью кіевскаго мундшенка, привезена въ Берлинъ камердинеромъ курфирста Фридриха-Вильгельма и вышла за него за мужъ. Кольбе сдѣлалъ ее своею метрессою, а потомъ, вступивъ въ бракъ послѣ смерти камердинера Бидекапа, великодушно уступилъ ее курфирсту-королю. Бывшая г-жа Бидекапъ, теперь же графиня фонъ Вартенбергъ управляла королемъ и своимъ названнымъ супругомъ, а чрезъ нихъ и несчастною страною.

Вартенбергъ имѣла при дворѣ преимущество предъ всѣми принцессами незамужними или находящимися за-мужемъ за нецарствующими князьями. Герцогиня Голштинская отказалась отъ своего преимущества за 10,000 талеровъ, которые ей выплатилъ король. Тогда требовательность пошла далѣе. При крещеніи дочери кронъ-принца супруга голландскаго посланника Лантло опередила фаворитку. Тогда она стала доказывать свои права кулаками, и оберъ-церемоніймейстеру стоило много труда разлучить озлобленныхъ соперницъ. Слабый король угрожалъ нидерландскому правительству вызвать свои войска изъ

Фландріи, если жена посланника не испроситъ прощенія у его метрессы. Генеральные штаты нуждались въ бранденбургскихъ вспомогательныхъ войскахъ, потому супруга республиканскаго посла должна была извиниться предъ королевскою любовницею. Всѣ бывшіе въ Берлинѣ посланники, раздраженные этимъ поступкомъ, сдѣлали королю настоятельныя представленія. Напуганный король угрожалъ любовницѣ строгими мѣрами за дальнѣйшія выходки.

Королева презирала супруга и имѣла свой особенный дворъ въ Люцценбургѣ, гдѣ все было безцеремонно. Существовалъ въ то время придворный обычай: когда король, какъ супругъ, вечеромъ поздно думалъ посѣтить королеву, онъ предупреждалъ ее объ этомъ посылкою подушекъ. Однажды въ 1702 году захваченная неожиданно такою посылкою, въ то время, какъ писала письмо къ своей подругѣ Пельницъ, королева поспѣшно заключила его слѣдующими словами: «il faut finir, ma chère amie, les coussins formidables arrivent. Je vais à l'autel. Qu'en pensez vous? La victime sera-t-elle immolée?» Три года спустя жертва была принесена. Софія-Шарлотта неожиданно умерла 36-ти лѣтъ отъ пренебреженной горловой болѣзни (1705). Король имѣлъ случай справить великолѣпные похороны, стоившіе 200,000 талеровъ. Это было предсказано королевою: «Королю, моему супругу, я готовлю зрѣлище похоронъ, которое дастъ ему новый случай выказать свою пышность».

28 ноября 1708 г. старый король вступилъ въ третій бракъ съ 23-хъ лѣтнею мекленбургскою принцессою Софіею-Луизою. Медовые мѣсяцы престарѣлаго новобрачнаго пришлись къ началу 1709 года. Этотъ новый годъ—разсказываетъ біографъ Фридриха—былъ для большей части Европы несчастнымъ годомъ, не только отъ необыкновенно жестокой зимы, причинившей неисчислимый вредъ людямъ, скоту и плодамъ, но также отъ распространившейся чумы. «Въ Пруссіи черная смерть и ужасный голодъ косили народъ и животныхъ, какъ траву. Невыразимое бѣдствіе! Но въ Берлинѣ и Потсдамѣ господствовали удовольствіе и роскошь. За хлѣбомъ, за кускомъ хлѣба рвались тысячи въ восточной Пруссіи. Въ замкахъ же Потсдама и Берлина съ неслыханными издержками воздвигались въ бальныхъ залахъ искусственные фонтаны и волшебные сады для увеселенія присутствующихъ королей датскаго и польскаго. Праздники увеличились чрезъ разрѣшеніе крон-принцессы дочерью; при крещеніи присутствовали три короля: прусскій, датскій и польскій. Всѣ трое назывались Фридрихами. Новорожденной обѣщали столько же коронъ, сколько присутствовало королей при крещеніи. Ничего не исполнилось. Одинъ гессенскій дворянинъ, вѣроятно голодный, сравнилъ окрещенную съ новорожденнымъ Христомъ и присутствовавшихъ королей съ тремя волхвами съ Востока. Тысячу дукатовъ получилъ за эту мысль авторъ отъ перваго короля прусскаго. Бѣдственный плачъ изъ восточной Пруссіи не до-

стигъ Берлина. Но профессоръ университета Гюттернъ возвѣстилъ, что, «въ тотъ же день, когда было собраніе этихъ вѣнценосцевъ, астрономы видѣли на небѣ три прекрасныя тѣла: Солнце, Сатурнъ и Венеру, стоящихъ въ одной прямой линіи».

Довольно и приведенныхъ мѣстъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторъ посвятилъ весь свой трудъ на то, чтобы освѣтить свой предметъ съ одной стороны. Впрочемъ, въ его трудѣ собрано много любопытныхъ чертъ нравовъ прошедшаго времени, хотя въ то же время достовѣрное такъ перемѣшано со слухами, что нѣтъ возможности отнестись къ нему серьезно: подобныя филиппики страдаютъ тѣмъ же, чѣмъ страдаютъ и панегирики.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

9 сентября, 1867.

Короткій промежутокъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ исторіи нашего образованія, ознаменовался двумя событіями, давно желанными, но отъ устройства ихъ судьбы на практикѣ зависитъ, чтобы мы впослѣдствіи порадовались исполненію своего желанія. Открытъ императорскій историко-филологическій институтъ, и преобразованы духовныя училища.

Если бы мы даже и не имѣли ничего сказать противъ самыхъ уставовъ, то и тогда воздержались бы вывести изъ того выгодныя заключенія и основать на добрыхъ качествахъ устава всѣ наши будущія надежды: между уставами и ихъ выполненіемъ — огромное разстояніе, а потому подождемъ, чтобы видѣть на дѣлѣ то, что въ эту минуту можно представлять однимъ воображеніемъ.

Теперь мы въ правѣ говорить только о томъ, что, ни при всякомъ выполненіи не можетъ быть достигнуто, и недостатокъ чего зависитъ единственно отъ самыхъ уставовъ. Впрочемъ, нѣкоторое уже и приведено въ исполненіе, а потому мы имѣли бы возможность высказать свое мнѣніе о зарождающейся дѣйствительности, — но подождемъ.

Ровно годъ тому назадъ, въ сентябрьской хроникѣ, мы едва ли не первые осмѣлились заговорить о необходимости возстановить Главный Педагогическій Институтъ, о необходимости позаботиться о томъ, чтобы имѣть «армію» преподавателей, которыхъ пополненіе было бы гарантировано какимъ нибудь учрежденіемъ. «Уничтоживъ Главный Педагогическій Институтъ и не замѣнивъ его ничѣмъ — говорила наша хроника — мы какъ будто поставили интеллектуальное развитіе нашего общества выше общества французскаго (считающаго необходимымъ для себя и до сихъ поръ такое учрежденіе, какъ Ecole Normale); но опытъ показалъ, что разсчетъ былъ не совсѣмъ вѣренъ. Говоря такъ, мы не думаемъ защищать бывшаго педагогическаго института.

такимъ, какимъ онъ былъ особенно въ послѣднее время, и сознаемся, что вообще защитнику его придется сдѣлать тотъ же рѣшительный шагъ, который сдѣлалъ Гнѣдичъ, рискнувъ взяться за экзаметры послѣ Тредьяковскаго; но, во первыхъ, нашъ бывшій педагогическій институтъ не во всемъ и не всегда былъ Телемахидой, а во вторыхъ, мы никогда бы не подумали, что основать учительскій институтъ нельзя безъ того, чтобы не воскресить бывшаго Главнаго Педагогическаго Института».

Мы весьма довольны послѣднею оговоркою: она избавляетъ насъ отъ необходимости радоваться безусловно при какомъ нибудь новомъ учрежденіи въ родѣ Главнаго Педагогическаго Института. Наконецъ, мы предъ собой даже и не видимъ никакого педагогическаго института: насъ ожидаетъ *историко-филологическій* институтъ. Если не имѣется въ виду открыть, въ дополненіе *физико-математическаго* института, въ самомъ скоромъ времени, то вопросъ о преподаваніи въ нашихъ гимназіяхъ такихъ важныхъ отраслей человѣческаго познанія, останется попрежнему предоставленнымъ самому себѣ. Люди, понимающіе и, внѣ всякаго самолюбія, оцѣнивающіе вѣрно истинныя требованія нашихъ національныхъ выгодъ, среди огромныхъ успѣховъ западныхъ народовъ на поприщѣ естествознанія, не будутъ успокоены тѣмъ, что наше молодое поколѣніе черезъ 10 лѣтъ такъ хорошо изучитъ римскую и греческую литературу, какъ только можно было изучать ихъ въ знаменитыхъ языческихъ латинскихъ школахъ Галліи III и IV вѣка. Можно совершенно справедливо замѣтить, что мы немного выиграемъ, если наши дѣти когда нибудь сравняются въ знаніи латинскаго языка даже съ воспитанниками школъ западной римской имперіи и останутся при томъ же горизонтѣ міровѣдѣнія; но конкуррируя такимъ образомъ съ воспитанниками римскихъ школъ, даже одержавъ надъ ними верхъ, они должны будутъ уступить современнымъ воспитанникамъ школъ Франціи, Германіи и даже Англіи. Читатели наши найдутъ ниже достаточный очеркъ того, какъ нынѣ смотрятъ въ самой Англіи на классицизмъ. Во Франціи, римской странѣ, мы читали въ прошедшемъ году циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, указавшаго ясно на невозможность прежнихъ отношеній къ классицизму, какъ основѣ народнаго образованія. Эти идеи входятъ во французскую литературу, и мы на дняхъ получили превосходную статью Лакомба: «Critique de l'enseignement secondaire», которая блестящимъ образомъ разбираетъ основы средневѣковой латинской школы, преобразованной въ новѣйшія классическія лицеи и коллегіи (гимназіи). Онъ совѣтуетъ весьма правильно: подражать римлянамъ и грекамъ до конца, и при томъ въ томъ, что составляло сущность древняго образованія; древніе греки и въ особенности римляне были по преимуществу реалисты, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, хотя, конечно

въ размѣрѣ тѣхъ средствъ, какія представляли имъ ихъ реальныя познанія. Безсильные средніе вѣка не въ состояніи были жить и дѣйствовать какъ римляне и греки, и потому для нихъ считалось огромнымъ успѣхомъ — думать по крайней мѣрѣ и говорить, какъ говорили и думали великіе образцы древности.» Слѣдуя реальному методу воспитанія, говоритъ Лакомбъ, ваше воспитаніе будетъ новое только по отношенію среднихъ вѣковъ; — но оно въ тоже время будетъ и древнее. Эти древніе, предъ которыми вы такъ благоговѣете, не дѣлали ничего другого, какъ только то, что́ я предлагаю вамъ»; т. е. они были великими реалистами. Наши враги реальнаго направленія должны были бы подумать, что ихъ защиту классицизма отвергли бы сами древніе, которыхъ они претендуютъ обоготворять.

Въ уставѣ училищъ духовнаго вѣдомства мы встрѣтились съ тѣми же стремленіями, которыя замѣтили въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы посвятимъ имъ со временемъ особую статью, а теперь ограничимся однимъ указаніемъ на обстоятельство, поставившее насъ въ крайнее недоумѣніе. Духовныя училища не предназначаются спеціяльно для подготовки въ семинаріи; это видно изъ самаго устава; кончившіе курсъ получаютъ право на вступленіе въ государственную службу. И что же?! Въ духовныхъ училищахъ множество уроковъ греческаго и латинскаго языка, и *пропущенъ такой предметъ, какъ отечественная исторія*. Едва ли наши классики найдутъ на этотъ разъ оправданіе въ подобныхъ школахъ въ Германіи или во Франціи. Мы отказываемся объяснить такой фактъ, и только ограничиваемся его указаніемъ.

такимъ, каким
что во
шагъ,
слѣ
стит
ни
бе
И

ИДЕИ О КЛАССИЧЕСКОМЪ И РЕАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ АНГЛІИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Защитники теоріи рѣшительнаго преобладанія классическаго элемента въ обученіи молодыхъ людей имѣютъ привычку ссылаться въ особенности на Англію, гдѣ, дѣйствительно, до сихъ поръ, классическій элементъ господствуетъ въ школахъ. Но, можетъ быть, не безъинтересно посмотрѣть, какъ въ *наше время* лучшіе умы въ самой Англіи смотрятъ на это дѣло; и на этотъ вопросъ, какъ нельзя болѣе кстати, отвѣчаетъ недавно вышедшій сборникъ Юманса (*Edward L. Joumans:* «Modern culture; its true aims and requirements. A series of addresses and arguments on the classical or scientific education». London, 1867). Онъ состоитъ изъ 11 большихъ статей Тиндалля, Добени, Генфри, Гэксли, Пэджета, Юэля, Фарэдэя, Гаджсона, Герберта Спенсера, Массона и самого Юманса объ общихъ вопросахъ обученія и объ изученіи отдѣльныхъ отраслей наукъ [1]). Затѣмъ слѣдуютъ два приложенія: отрывки изъ разныхъ авторовъ, касающіеся вопроса о научномъ преподаваніи, и отвѣты пяти англійскихъ ученыхъ (Кэрпентера, Лайеля, Фарэдэя, Оуэна и Гукера) на вопросы парламентской комиссіи по дѣлу объ общественныхъ школахъ. Изъ упомянутыхъ 11 статей, 6 входили въ курсъ лекцій, читанныхъ предъ Королевскимъ институтомъ, и были публикованы Норкеромъ; но въ продажѣ уже не находятся. Другіе элементы сборника, кромѣ статьи самого автора («Научное изученіе природы человѣка»), также были помѣщены въ разныхъ изданіяхъ. Самыя раннія восходятъ за 12 лѣтъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою не дѣло кружка, собравшагося для пропаганды какой-нибудь мысли и стремящагося общими силами провести ее; это мысли, выработанныя одновременно во многихъ замѣчательныхъ умахъ, совершенно независимыхъ одинъ отъ другого,—мысли, высказанныя по поводу разныхъ обстоятельствъ, въ разное время, иныя предъ высшимъ ученымъ собраніемъ Великобританіи, другія — предъ лицами, производившими изслѣдованіе отъ правительства, нѣкоторыя — случайно въ сочиненіяхъ, относившихся совсѣмъ къ другимъ вопросамъ. Имена личностей, высказавшихъ эти мысли, достаточно извѣстны, чтобы можно признать во многихъ изъ нихъ ученыхъ, занимающихъ мѣсто въ первыхъ рядахъ европейскихъ двигателей науки; другіе—менѣе громкія знаменитости, но тѣмъ не менѣе личности высоко образованныя и серьезно-мыслящія. Это не случайные литераторы, толкующіе о вопросахъ, съ которыми сами лишь вчера познакомились;

[1]) Мы уже имѣли случай объявить о выходѣ въ свѣтъ русскаго перевода этого сборника.

это не юноши-полузнайки, съ опрометчивымъ жаромъ бросающіеся въ политику. Это зрѣлые, даже иные довольно уже пожившіе люди, посвятившіе всю свою жизнь наукѣ и образованію юношества. Могутъ сдѣлать одно возраженіе, что это спеціалисты изъ области естествознанія или математики. Бо́льшею частью оно такъ, но надо замѣтить, что эти спеціалисты прошли почти всѣ обычнымъ образомъ чрезъ англійскія школы, слѣдовательно, уже по необходимости, подчинялись преобладанію классическаго курса при своемъ обученіи, и впослѣдствіи могли очень хорошо судить какъ по себѣ, такъ и по своимъ ученикамъ о степени вліянія классическаго обученія въ наше время и о его недостаткахъ. Напримѣръ, математикъ Морганъ прошелъ чрезъ Кембриджскій университетъ; Лайель былъ въ Оксфордскомъ и, кромѣ того, готовился быть юристомъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ у насъ нѣтъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи, но иныхъ даже трудно назвать и спеціалистами по математикѣ или естествознанію. Напримѣръ, Юэль (Whewell) конечно занимался математикою и преподавалъ ее послѣ того, какъ былъ въ Кембриджскомъ университетѣ, но потомъ онъ былъ профессоромъ нравственной философіи; и, кромѣ того, всякій знакомый съ его «Исторіею индуктивныхъ наукъ» и «Исторіею научныхъ идей» долженъ согласиться, что авторъ обладаетъ такими обширными и разнообразными свѣдѣніями, что едва ли у него можно отнять право быть компетентнымъ судьею по вопросу объ обученіи. Знакомые съ трудами Герберта Спенсера тоже должны признать въ немъ вовсе не человѣка увлеченнаго какою-нибудь спеціальностью и чуждаго другимъ отраслямъ знанія, но мыслителя, изучающаго, и весьма тщательно, факты самыхъ разнообразныхъ областей науки, искусства, исторической и современной жизни. Наконецъ, мы имѣемъ въ книгѣ Юманса отрывокъ, принадлежащій историку Смиту (Smith), и анекдотъ весьма остроумный, приводимый Маколеемъ, компетентность котораго едва ли кто рѣшится отвергнуть.

Одинъ Фарэдэй, можетъ быть, составляетъ исключеніе. Сынъ бѣднаго мастерового, онъ работалъ у переплетчика, когда ему въ первый разъ попали въ руки ученыя книги. Онъ самъ говорилъ въ коммиссіи: «Я не прошелъ курсъ ученія (J am not an educated man) въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, и потому не могу сравнивать изученіе языковъ и естествознаніе, развѣ только въ отношеніи пользы языковъ для передачи мыслей» (412). Но трудно отвергнуть и этого геніальнаго самоучку; мы не станемъ указывать на его великія открытія въ области физики: великія открытія могутъ быть сдѣланы и спеціалистомъ, ничего не знающимъ и не видящимъ за стѣнами *своей* лабораторіи, ничего не понимающимъ и не допускающимъ, кромѣ *своей* мысли. Но мы укажемъ на одну особенность Фарэдэя, до которой весьма трудно дойти самымъ замѣчательнымъ умамъ во всѣхъ отрасляхъ: онъ до та-

кой степени допускаетъ критику всякаго факта, требуетъ подчиненія лишь доказательству въ самыхъ ненаучныхъ мнѣніяхъ, что даже современные волшебники, вертящіе столы и заставляющіе ихъ говорить, вызвали съ его стороны не презрительное молчаніе, не насмѣшку, а опытъ. Фарэдэй придумалъ инструментъ для того, чтобы они могли сами повѣрить себя. Человѣкъ, выработавшій въ своемъ умѣ такую сдержанность мысли и такую привычку къ чисто научной критикѣ можетъ быть признанъ авторитетнымъ судьей въ вопросахъ обученія, *даже* если онъ спеціалистъ собственно по естествознанію, создатель цѣлыхъ отдѣловъ физики, и *хотя бы* онъ не изучалъ классиковъ.

Поэтому мы полагаемъ, что Юмансъ былъ въ правѣ сказать, что статьи и отрывки, входящіе въ его изданіе, представляютъ «продукты и выраженіе настоящаго состоянія мысли. Одинъ взглядъ на имена убѣждаетъ, что говорили тѣ, кто имѣлъ право говорить, и каждый со своей точки зрѣнія» (VI). Даже можно сказать, что издатель могъ бы увеличить свой сборникъ прекрасными статьями въ томъ же направленіи. Напримѣръ, изъ Спенсера можно было привести еще нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ. Въ послѣднемъ появившемся выпускѣ русскаго перевода этого автора читатель найдетъ статьи о воспитаніи, которыя проводятъ ту же основную мысль, которою проникнуты разнообразные элементы книги Юманса, и по ясности, по отчетливости выраженія, по наглядности аргументовъ, англійскій мыслитель не уступаетъ ни одному изъ прочихъ авторовъ, вошедшихъ въ сборникъ Юманса, гдѣ изъ него взята лишь статья о политическомъ воспитаніи, да еще небольшой отрывокъ о порядкѣ открытій въ развитіи знаній, отрывокъ, мало относящійся къ общему вопросу.

Этотъ вопросъ, «болѣе глубокій чѣмъ вопросы о количествѣ потребляемаго каменнаго угля или о политической реформѣ, есть: какого рода образованіе долженъ получить развивающійся умъ народа?» Юмансъ привелъ многихъ «замѣчательныхъ мыслителей» Англіи по рѣшимости «подвергнуть критикѣ господствующую систему обученія», и общій результатъ былъ одинъ для всѣхъ: «Необходимость дать въ курсахъ ученія болѣе широкое мѣсто научному обученію чувствуется и признается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе» (V). Далеко не всѣ элементы сборника искусно выбраны. Иныя статьи нейдутъ къ дѣлу [1]), или ограничиваются частнымъ вопросомъ о пользѣ знанія той или другой спеціальности и о лучшемъ способѣ ея преподаванія; другія статьи, весьма идущія къ дѣлу, упущены Юмансомъ изъ виду, какъ уже было сказано. Можно было бы составить сборникъ тщательнѣе

[1]) Укажемъ на лекцію профессора Массона (289—319), о которой мы не будемъ имѣть случая говорить, хотя авторъ разбираетъ весьма важный педагогическій вопросъ объ участіи преподаванія и самостоятельнаго чтенія въ занятіяхъ учениковъ.

и искуснѣе, но и то, что́ онъ даетъ, доставляетъ богатый матеріалъ для размышленія, и весьма желательно, чтобы тѣ, которые могутъ имѣть вліяніе на систему образованія нашего юношества, обратили вниманіе на то обстоятельство, какъ смотрятъ въ Англіи лучшіе умы на результаты системы воспитанія, которую ея почитатели хотѣли бы перенести цѣликомъ въ Россію.

Мы сказали, что нѣкоторыя статьи сборника Юманса не идутъ къ дѣлу, но за то иныя, на первый взглядъ имѣющія въ виду совсѣмъ другой предметъ, весьма важны для общей мысли сборника. Мы не намѣрены разбирать всѣ статьи его, или, при изложеніи ихъ содержанія, слѣдовать тому порядку, который избранъ издателемъ. Относительно порядка, гораздо удобнѣе указать на то развитіе, которому слѣдуетъ сама мысль сборника, совершенно независимо отъ воли различныхъ и разновременныхъ его участниковъ, а повидимому и не совсѣмъ сознательно для самого издателя.

Въ такомъ случаѣ, на первомъ мѣстѣ должна стоять рѣчь Фарадэя «Объ воспитаніи сужденія» (On the education of the judgment) [1]). Она вся посвящена доказательству истины, что въ обществѣ и даже въ развитыхъ людяхъ сужденія составляются весьма поверхностно, что вѣроятность ошибки ежечасна, и что надо подвергать собственныя сужденія самой строгой критикѣ, прежде чѣмъ довѣрять имъ, какъ положительной истинѣ. Авторъ указываетъ на необходимость воспитывать наши чувства для правильнаго наблюденія; на постоянную наклонность человѣка, при воспріятіи фактовъ, обманывать самого себя въ пользу своихъ желаній, не довѣряя результату, котораго не желаешь получить, и принимая безъ достаточной критики результатъ, совпадающій съ нашими ожиданіями. Воспитаніе сужденія въ человѣкѣ онъ считаетъ возможнымъ, указывая на необходимость пріучаться къ составленію «ясныхъ и точныхъ представленій», къ взвѣшиванію аргументовъ *за* данное положеніе и *противъ* него, къ составленію сужденій *пропорціональныхъ* доказательству, а, въ случаѣ нужды, къ сознанію нашего незнанія. «Если — говоритъ Фарадэй — разсмотрѣвъ предметъ, какъ мы обыкновенно это дѣлаемъ, мы вернемся къ нему, съ спеціальною цѣлью опредѣлить состояніе нашихъ мыслей, мы удивимся малой точности, которую въ нихъ найдемъ (212)... Особенно необходимо, чтобы доказательства, противныя нашимъ ожиданіямъ или желаніямъ, были тщательно взвѣшены... Я думаю, едва ли есть изслѣдователь въ области оригинальныхъ работъ, который не испыталъ бы

---

[1]) Предпочитаемъ передать здѣсь judgment — *сужденіемъ*, хотя тутъ возможенъ двойной смыслъ; но слова *разсудокъ* и *разсудительность* были бы еще менѣе точны. Фарадэй говоритъ собственно объ *обсуждающей дѣятельности разсудка*. Всего вѣрнѣе было бы — *обсужденіе*.

искушенія не обращать вниманія на доказательства и результаты, противныя его взглядамъ. Признаюсь, что я испыталъ это часто (216). Умъ, по своей природѣ, желаетъ остановиться на томъ или другомъ, успокоиться на утвержденіи или отрицаніи, и онъ желаетъ этого такъ безусловно, что его стремленіе становится неразумнымъ и неправильнымъ. Приходя къ заключенію, весьма трудно, но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы оно было *пропорціонально* его основаніямъ; кромѣ случая достовѣрности (крайне рѣдкаго), всѣ наши рѣшенія мы должны признавать лишь вѣроятными (218)... Иногда, и даже часто, обсужденіе вопроса должно ограничиваться *безусловнымъ воздержаніемъ* относительно рѣшенія. Можетъ быть непріятно и весьма тягостно воздерживаться отъ заключенія, но такъ какъ мы не непогрѣшимы, то должны быть осторожны (219)... Воспитаніе, которое я защищаю, требуетъ *терпѣнія* и *работы мысли* во всякомъ занятіи, съ цѣлью исправить наши сужденія. Все равно, какимъ предметомъ занятъ умъ изслѣдователя, онъ долженъ приступить къ изслѣдованію съ убѣжденіемъ, что отъ него требуется работа мысли (220)... Свѣтъ мало знаетъ о томъ, какое множество мыслей и теорій, прошедшихъ чрезъ умъ научнаго изслѣдователя, были подавлены въ тишинѣ и въ тайнѣ его собственной строгой критики и всесторонняго разбора; что въ самыхъ успѣшныхъ случаяхъ не осуществлено и десятой доли предположеній, надеждъ, желаній, предварительныхъ заключеній» (222). Фарэдэй приходитъ къ заключенію: «Желательно, чтобы мы признали, что въ цѣломъ мы вообще недостаточно развиты въ нашихъ сужденіяхъ... Если кто сколько-нибудь убѣдился въ этомъ, тотъ сдѣлалъ уже большой шагъ впередъ; если пріучатся только *воздерживаться* въ сужденіяхъ, то получатъ неоцѣненный успѣхъ» (228—229). Мимоходомъ, онъ бросаетъ замѣчаніе: «Я убѣжденъ, что предметы природы представляютъ превосходную школу для самообразованія, весьма разнообразное поле для необходимой умственной практики, и что люди, на нихъ упражняющіеся, могутъ легко приложить свои привычки мысли къ общественному дѣлу» (213).

Юэль идетъ совсѣмъ инымъ путемъ. Его рѣчь есть развитіе мысли: «Всякій значительный шагъ въ умственномъ воспитаніи былъ результатомъ значительнаго научнаго открытія или группы открытій. Всякому улучшенію умственнаго развитія въ личностяхъ, занимающихъ первые ряды человѣчества, предшествовала какая-нибудь замѣчательная побѣда ихъ предводителей. Всякая прибавка къ средствамъ умственной культуры была результатомъ какой-либо необычной жатвы, какого-либо необычнаго плодородія умственной почвы за предшествующіе годы» (167). Юэль показываетъ, что школа Сократа и Платона была результатомъ успѣховъ геометріи въ древней Греціи, что выработка правовѣдѣнія въ Римѣ послужила основаніемъ юридическому

развитію міра въ послѣдующее время. Онъ говоритъ, что и теперь «молодой человѣкъ, пропитанный этими руководящими элементами аѳинскаго и римскаго воспитанія, превосходилъ бы, по умственному развитію, три-четверти молодыхъ людей нашего времени, получившихъ всѣ совершенства такъ называемаго хорошаго воспитанія... Но... я долженъ указать и *недостатки* древняго воспитанія сравнительно съ умственнымъ воспитаніемъ нашего времени, или, скорѣе—сравнительно съ тѣмъ, каково должно бы быть воспитаніе въ наше время... Геометрія и правовѣдѣніе суть *выводныя* науки... Но какъ бы прекрасно привычки *вывода* ни были переданы этими предметами изученія, они не могутъ составить полнаго умственнаго развитія согласно расширившимся взглядамъ новаго времени. Не столько выводъ, какъ *наведеніе* представляетъ источникъ великихъ научныхъ истинъ, составляющихъ славу новаго времени и предметъ его удивленія; современное воспитаніе не можетъ считаться доставляющимъ уму культуру, полезную и необходимую по требованіямъ времени и по накопленію сокровищъ науки, если оно не позволяетъ уму оцѣнить надлежащимъ образомъ и усвоить *индуктивный* процессъ, которымъ добыты эти сокровища науки» (178 — 180). Упомянувъ о важныхъ успѣхахъ науки въ XVII вѣкѣ, Юэль говоритъ: «Было естественно и желательно, чтобы здѣсь, какъ и прежде, обладаніе массою новыхъ истинъ и удивленіе къ методу, которыми онѣ были добыты, подѣйствовало бы на умственное образованіе тѣхъ, которые желали образоваться наилучшимъ образомъ; это введетъ новые элементы въ либеральное воспитаніе; въ умственное развитіе наилучше обученныхъ классовъ войдетъ обученіе такого рода, что они почувствуютъ силу и увидятъ преимущество доказательства по *наведенію*.... Мы приходимъ естественно къ вопросамъ: было ли это сдѣлано? Воспитаніе въ его высшей формѣ получило ли подобное развитіе? Находимъ ли мы въ обычной культурѣ ума, въ высшей системѣ воспитанія, слѣды привычки или хотя бы оцѣнки индуктивнаго метода въ наукѣ?» (184). Юэль уклоняется отъ отвѣта на эти вопросы, но полагаетъ, что дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія цѣли, имъ указанной, было бы *точное* и *основательное* изученіе какого-либо отдѣла естественныхъ наукъ, а также ихъ исторіи. «Исторія науки.... *можетъ*, а, при тщательномъ изученіи, *должна* много содѣйствовать развитію надлежащаго пониманія и оцѣнки индуктивныхъ открытій; индуктивныя же открытія, послѣ того какъ они подвигались съ чрезвычайною силою въ послѣднія триста лѣтъ у народовъ Европы, должны составить, мы рѣшаемся сказать это, особенную и важную часть умственнаго воспитанія молодого поколѣнія этихъ народовъ» (186—187).

Спеціальнѣе разсматриваетъ вопросъ историческаго преемства предметовъ въ преподаваніи Голдуинъ Смитъ (Goldwin Smith). «Дворян-

ство и джентри, какъ классъ, стояли, конечно, по образованію выше въ періодъ послѣднихъ Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ нашей исторіи. Образованіе тогда было классическое, но изученіе классиковъ состояло не въ гимнастическомъ упражненіи ума въ философіи, но въ глубокомъ погруженіи въ то, что́ было великимъ и почти единственнымъ источникомъ философіи, науки, исторіи и поэзіи въ это время. Наша древнѣйшая латинская грамматика приглашаетъ ученика не къ филологическимъ упражненіямъ; она ему обѣщаетъ не изощреніе его способностей. Она приглашаетъ его къ изученію языка, заключающаго въ себѣ большія сокровища мудрости и знанія, и наградою труда ученику должны были служить мудрость и знаніе... Кромѣ того, латинскій языкъ былъ еще въ Европѣ языкомъ литераторовъ, духовныхъ, дипломатовъ, юристовъ, ученыхъ; усвоеніе его было въ то время первымъ и необходимѣйшимъ качествомъ (accomplishment) не только джентльмена но и женщины высшаго происхожденія... Высказано было положеніе, что шесть мѣсяцевъ занятій языкомъ Шиллера и Гетё доставятъ ученику болѣе высокаго наслажденія, чѣмъ шесть лѣтъ изученія языковъ Греціи и Рима. Навѣрное шесть мѣсяцевъ занятій французскимъ языкомъ откроютъ ученику болѣе значительную часть Европы, чѣмъ шесть лѣтъ изученія того, что было нѣкогда европейскимъ языкомъ» (399—400). — И. Тиндаль прямо говоритъ: «Примите съ благодарностью то, что́ можетъ намъ предложить древность, но не забудемъ, что настоящій вѣкъ имѣетъ такое же право на *свои* формы мысли и методы образованія, какъ которое-либо изъ предшествующихъ столѣтій имѣло на свои, и что тѣ же самые источники силы открыты для насъ нынче, которые были открыты для человѣчества во всѣ періоды существованія міра».

Итакъ, Фарэдэй указалъ на необходимость критики всѣхъ предвзятыхъ идей, всѣхъ любимыхъ предположеній. Юэль, Смитъ, Тиндаль указываютъ на историческую вѣроятность того, что воспитаніе въ наше время не можетъ опираться на тѣ же основанія, какъ прежде, что оно должно быть согласно съ общимъ развитіемъ человѣческой мысли. Что же сдѣлано для воспитанія? спрашиваетъ Юэль. Ему отвѣчаетъ Уайлендъ (Wayland): «Вся наша система обученія требуетъ совѣстливаго, основательнаго и безпристрастнаго пересмотра. Впродолженіе вѣковъ она была произведеніемъ авторитета и преданія» (388). — Ему отвѣчалъ тому двадцать пять лѣтъ назадъ Уайзъ (Wyse): «Безспорно странно, что изо всѣхъ задачъ, къ задачѣ воспитанія до сихъ поръ прилагали наименьшее количество постояннаго и энергическаго вниманія. Тотъ же эмпиризмъ, который нѣкогда царствовалъ безусловно въ области химіи, астрономіи, медицины, удерживается, во многихъ случаяхъ, въ воспитаніи» (355). — «Всякій наблюдательный человѣкъ — прибавляетъ къ этому Юмансъ — не станетъ оспаривать,

что наше общее обученіе находится въ жалкомъ хаотическомъ состояніи, представляя смѣсь идеаловъ, лишенныхъ основанія, несогласныхъ одинъ съ другимъ практическихъ пріемовъ и неудовлетворительныхъ результатовъ. Мы всѣ чувствуемъ невозможность, чтобы это положеніе дѣлъ продолжалось навсегда, и столь же ясно для разсуждающаго человѣка, что замѣна этого положенія другимъ, въ будущемъ, можетъ произойти лишь путемъ того искусственнаго орудія, которому мы обязаны успѣхами въ другихъ областяхъ общественной дѣятельности» (356).

Наконецъ, Гэксли говоритъ: «Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что если бы можно было перенести молодого римлянина-христіанина, кончившаго свое образованіе, въ одну изъ нашихъ общественныхъ школъ, и онъ прошелъ бы въ ней курсъ обученія, онъ не встрѣтилъ бы ни одного необычнаго направленія мысли. Изъ новыхъ фактовъ, которымъ бы онъ научился, ни одинъ не возбудилъ бы въ немъ другого взгляда на міръ, чѣмъ взглядъ, обычный въ его время.—Между тѣмъ конечно существуетъ большая разница между цивилизаціей IV и цивилизаціей XIX вѣка, и еще бо́льшая между умственными привычками и строеніемъ мысли этого времени и нашего.—Что же произвело эту разницу? Я смѣло отвѣчаю: громадное развитіе естествознанія въ послѣдніе два вѣка.—Вся современная цивилизація опирается на естествознаніе. Отнимите его дары у нашего отечества, и наше мѣсто между руководящими націями міра потеряно завтра же, потому-что лишь естествознаніе даетъ уму и нравственной энергіи преобладаніе надъ грубою силою. Вся современная мысль пропитана наукою... Но на все это ваша стереотипная система воспитанія не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Естествознаніе, его методы, его задачи, его затрудненія встрѣтятся самому бѣдному мальчику на каждомъ шагу, и между тѣмъ мы учимъ его такъ, что онъ войдетъ въ общество столь же невѣжественнымъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какъ въ минуту своего рожденія. Новый міръ всюду вооруженъ артиллеріей, а мы посылаемъ нашихъ дѣтей сражаться въ немъ, со щитомъ и мечомъ древняго гладіатора» (121—122).

Итакъ, пересмотръ существующей системы необходимъ. Но какъ поставить вопросъ? Можно при воспитаніи имѣть тройную цѣль: практическую приложимость доставляемыхъ знаній; обогащеніе ума ученика фактами, ставящими его въ уровень съ современнымъ ему научнымъ движеніемъ; дисциплину ума, т. е. развитіе его способностей. Въ сборникѣ Юманса мы находимъ разборъ вопроса о воспитаніи во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ, и конечно, по практическому строю англійскаго ума, аргументы перваго рода особенно многочисленны; также очень коротко указано то обстоятельство, что въ ранніе годы всего скорѣе можно заохотить ученика къ изученію конкретныхъ предметовъ, требующихъ наблюденія. Но мы особенно на этомъ не остановимся,

преимущественно потому, что выгоды научнаго образованія сравнительно съ классически-филологическимъ въ первыхъ двухъ отношеніяхъ слишкомъ очевидны; ихъ можетъ не замѣтить лишь тотъ, кто *не хочетъ* ихъ видѣть. Всего важнѣе возраженіе противниковъ научнаго образованія въ отношеніи развитія умственныхъ способностей, и на эту сторону обращено было вниманіе многихъ изъ участниковъ сборника, въ особенности же вопросы парламентской коммиссіи имѣли въ виду эту сторону вопроса. Мы на ней преимущественно и остановимся, хотя конечно практическія соображенія часто перемѣшиваются въ этомъ случаѣ съ чисто-педагогическими.

Уайлендъ ставитъ вопросъ: «Возьмемъ, напримѣръ, занятія, имѣющія цѣлью только дисциплину ума. Вызываютъ ли они дѣятельность одной или многихъ изъ нашихъ способностей? Допустимъ, что они развиваютъ способность умозаключенія и способность поэтической комбинаціи; имѣютъ ли они дальнѣйшее вліяніе? Если нѣтъ, чѣмъ мы будемъ развивать способности наблюдательности, сознанія, обобщенія, комбинаціи, эти самыя важныя и цѣнныя способности наши? Если ихъ дѣйствіе такъ ограничено, то стóитъ изслѣдовать, не могутъ ли иногда занять ихъ мѣсто предметы, развивающіе большее число нашихъ способностей; и далѣе: слѣдуетъ ли знаніямъ перваго рода занимать въ нашемъ воспитаніи столь значительное время, какъ теперь?» (367).

«Мнѣ кажется — отвѣчаетъ профессоръ Кэрпентеръ (Carpenter) на вопросъ коммиссіи — что занятія естественными науками развиваютъ отдѣлъ умственныхъ способностей, о которыхъ какъ будто не хотятъ знать системы чисто-классическаго или чисто-математическаго образованія, или обѣ вмѣстѣ. Наблюденіе внѣшнихъ явленій, направленіе разсуждающей способности на эти явленія, постоянно оставляются въ сторонѣ въ обычномъ воспитаніи общественныхъ школъ» (402). — На вопросъ: «Находите ли вы, что изученіе естествознанія вызываетъ къ дѣятельности и развиваетъ способности ума, оставляемыя безъ дѣйствія классическими или математическими занятіями?» Лайель отвѣчаетъ: «Да, я положительно нахожу это. Я полагаю, что способность умозаключать и разсуждать болѣе развивается этими предметами, чѣмъ исключительно классическими занятіями. — *Вопр.* Классическими и математическими вмѣстѣ? — *Отв.* Да. — *Вопр.* Занятіями чистою математикою? — *Отв.* Да. Я думаю, что прикладная математика часто дѣйствуетъ такъ, какъ чистая дѣйствовать не можетъ.» (410).

На подобный же вопросъ Фарэдей отвѣчаетъ: «Слова: «развитіе ума» (training of the mind) имѣютъ для меня весьма неопредѣленное значеніе. Я желалъ бы, чтобъ глубокій ученый объяснилъ мнѣ, что онъ понимаетъ подъ «развитіемъ ума» въ смыслѣ литературнаго обу-

ченія, включая туда и математику. Какое ихъ дѣйствіе на умъ? Какого рода результатъ называется «развитіемъ ума»? Или чему научается умъ при этомъ развитіи? Онъ, конечно, научается чему-либо. Самымъ процессомъ занятій онъ научается быть внимательнымъ, настойчивымъ, логическимъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это «логика». Но развиваютъ ли эти занятія умъ въ томъ отношеніи, чтобы человѣкъ сталъ способенъ объяснять, въ естественномъ теченіи явленій, дѣйствіе, происходящее отъ опредѣленныхъ причинъ? или причину, почему онъ поступаетъ, или долженъ поступать такъ или иначе въ данномъ случаѣ или въ данныхъ обстоятельствахъ. Упомянутыя занятія ничего не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи. Именно люди, получившіе высшее образованіе, приходятъ къ намъ снова и снова дѣлаютъ самые простые вопросы изъ химіи и механики, и когда мы говоримъ о сохраненіи силы, о неуничтожаемости вещества, о неизмѣнности законовъ природы, они весьма далеки отъ пониманія этого, хотя все это имѣетъ отношеніе къ каждому дѣйствію нашей жизни. Многіе изъ этихъ людей, получившихъ образованіе, такъ мало способны судить объ этихъ вещахъ, какъ будто ихъ умъ вовсе не былъ развитъ.» И на вопросъ: «Вы полагаете, что исключительное направленіе вниманія на одинъ родъ занятія въ молодости лишаетъ воспріимчивости къ этимъ представленіямъ?» Фарэдей отвѣчаетъ: «Да. Оно не притупляетъ ума — я этого не думаю — но оно сообщаетъ уму взрослаго нѣкоторую привычку, желаніе и готовность воспринимать общія представленія изъ области литературы, и говорить, что все остальное — вздоръ, и свойственно лишь ремесленнику, не приготовленному воспринять и не воспринимающему другого высшаго знанія». На вопросъ: «Предположивъ, что главный предметъ (умственнаго) воспитанія есть развитіе ума въ томъ отношеніи, чтобъ онъ убѣдился въ связи опредѣленнаго заключенія съ опредѣленными посылками, въ открытіи ложнаго умозаключенія, въ исправленіи ошибочнаго обобщенія, или, вообще въ устраненіи неправильныхъ заключеній — полагаете ли вы, что естественныя науки столь же полезны, какъ классическое обученіе?» Фарэдей отвѣчаетъ: «Я не вижу ясно, какъ воспитываютъ классическія занятія умъ для этого рода сужденій; но, что́ касается до развитія сужденій на законахъ вещества, они мнѣ кажутся самымъ богатымъ источникомъ для упражненія въ этихъ сужденіяхъ, и настоящею логикою фактовъ, которую только я могу понять и которая дѣлаетъ человѣка способнымъ, имѣя въ рукахъ факты, прилагать ихъ во всякой формѣ.... Мнѣ кажется, что даже въ людяхъ, получившихъ высшее образованіе, я нахожу жалкій недостатокъ этого рода логики.... Они не знаютъ своего незнанія по окончаніи такого курса ученія.» (412—414).

Ричардъ Оуэнъ отвѣчаетъ на подобные же вопросы, ему предложенные: «Грамматика и классика, ариѳметика и геометрія, можетъ

быть, самыя важныя занятія для дисциплины ума. Мы знаемъ, на воспитаніе какихъ способностей ума онѣ преимущественно разсчитаны. Но они недостаточны для вызыванія къ дѣйствію тѣхъ, которыя спеціально совершенствуетъ естественная исторія. Я говорю о способности точнаго наблюденія, классификаціи фактовъ, распредѣленія классовъ и группъ» (416); и онъ приводитъ слова Кювье: «Рѣдко говорятъ о привычкѣ, необходимо пріобрѣтаемой при изученіи естественной исторіи — мысленно классифицировать большое число идей, привычкѣ, составляющей одну изъ выгодъ этой науки, и эта выгода сдѣлалась бы главною, еслибъ естественная исторія была введена въ систему общаго воспитанія: она упражняетъ ученика въ той части логики, которая называется *методикою*, какъ изученіе геометріи упражняетъ его въ *силлогистикѣ*, потому-что естественная исторія требуетъ самыхъ точныхъ методовъ, какъ геометрія — самыхъ строгихъ доказательствъ. Но искусство методики, однажды пріобрѣтенное, можетъ быть приложено съ чрезвычайною выгодою къ предметамъ самымъ чуждымъ для естественной исторіи. Всякое разсужденіе, предполагающее классификацію фактовъ, всякое разысканіе, требующее распредѣленія предметовъ, совершаются тѣмъ же способомъ» (419).

Тиндаль опредѣляетъ такъ программу своей рѣчи: «Разсматривая развитіе умственныхъ способностей, какъ цѣль умственнаго воспитанія, я постараюсь показать вамъ нѣкоторыя права естествознанія, какъ средства для достиженія этой цѣли» (4). — Добени ставитъ первою цѣлью начальнаго воспитанія «дисциплинированіе и развитіе различныхъ способностей ума» (35) и выходитъ изъ положенія: «методъ (воспитанія), который придалъ бы зрѣлость разсудку, не вызывая къ дѣятельности изобрѣтательность, или методъ, развивающій вкусъ на счетъ способностей классификаціи, комбинаціи и размышленія надъ предметами, представляющимися уму, — должны быть осуждены, какъ ошибочные» (36). Разбирая, въ концѣ рѣчи, полученные результаты, онъ первымъ изъ нихъ ставитъ слѣдующій: «Желательно обучать и развивать способность подробнаго наблюденія, яснаго воспринятія и правильной классификаціи представляющихся предметовъ; эти способности всего удобнѣе развить въ ранній періодъ жизни, и никакимъ путемъ нельзя ихъ развить удобнѣе, какъ посредствомъ курса занятій химіею» (62). Джозефъ Гукеръ сослался предъ комиссіею на профессора Генслоу (Henslow), который ввелъ преподаваніе ботаники въ сельскую школу. Ему предложили вопросъ: «Не знаете ли вы, полагалъ ли профессоръ Генслоу, что изученіе ботаники развиваетъ способности ума? что она научаетъ дѣтей думать? и не знаете ли вы, замѣтилъ ли онъ отъ того усовершенствованія въ ихъ умственныхъ способностяхъ?» Гукеръ отвѣчалъ: «Онъ полагалъ всегда, что это изученіе было самымъ важнымъ дѣятелемъ, который лишь

могъ быть употребленъ для развитія наблюдательности и для укрѣпленія разсудительности» (421).

Но въ этомъ отношеніи всего интереснѣе замѣчаніе Гэксли, такъ какъ онъ одинъ указалъ, хотя предположительно, на причину различія результатовъ изученія литературныхъ и естественныхъ знаній. «Я весьма уважаю и люблю литературу.... но не могу не видѣть факта, что существуетъ огромное различіе между людьми, получившими чисто-литературное образованіе, и тѣми, которые получили образованіе серьёзно-научное. Отыскивая причины этого различія, я думаю, что понялъ ихъ въ фактѣ, что въ мірѣ литературы изученіе и знаніе совпадаютъ и книги составляютъ источникъ того и другого; между тѣмъ въ наукѣ, также какъ въ жизни, изученіе и знаніе не совпадаютъ, источникъ же знанія заключается въ изученіи вещей, а не книгъ» (116).

Но, читая предъидущее, читатель можетъ вывести ошибочное заключеніе, что дѣло идетъ о противоположеніи *естествознанія* классическому обученію. Конечно, большинство участниковъ сборника говорило о естествознаніи, или даже объ одномъ изъ отдѣловъ его, во-первыхъ потому, что эта область имъ болѣе знакома и ея важность въ педагогіи имъ легче было указать; во-вторыхъ потому, что, по историческому развитію науки въ наше время, самую значительную часть дѣйствительной *науки* составляетъ естествознаніе и математика; о послѣдней же вопросъ никогда не возбуждался. Но всѣ тѣ изъ участниковъ сборника, которые, по задачѣ своихъ рѣчей или статей, разсматривали вопросъ обученія не только въ отношеніи къ одному какому-либо предмету, но въ болѣе общемъ смыслѣ, всѣ они противополагали классическому образованію не естествознаніе въ частности, а *науку* вообще.

Тиндаль не только говоритъ, подъ конецъ своей рѣчи, о наукѣ вообще, но, сопоставляя ее съ филологіей, прибавляетъ: «Развѣ въ Англіи нѣтъ ума, достаточно широкаго, чтобы признать важность обѣихъ, и доставить обѣимъ свободное развитіе» (28).

Джонъ Гершель писалъ Адамсону: «Хорошая практическая система общественнаго воспитанія должна быть, по моему мнѣнію, болѣе реальна, чѣмъ формальна, именно должна доставлять болѣе положительныхъ свѣдѣній.... Прилагая принципъ въ частности, надѣемся, что надо придать изученію языковъ гораздо менѣе вѣсу, чѣмъ обыкновенно считаютъ нужнымъ въ большихъ общественныхъ школахъ, гдѣ, въ сущности, на знаніе языковъ, повидимому, смотрятъ какъ на единственную цѣль воспитанія. Напротивъ, слѣдуетъ придать бо́льшую важность всѣмъ отраслямъ практическаго и теоретическаго знанія, обладаніе которыми входитъ въ понятіе о человѣкѣ съ хорошими свѣдѣніями (well informed gentleman); напримѣръ, знаніе природы и уст-

ройства міра, нами обитаемаго, его животныхъ, растительныхъ и минеральныхъ произведеній, ихъ употребленія и свойствъ, полезныхъ человѣку, знаніе отношеній земли ко вселенной, естественныхъ и политическихъ дѣленій земли и, наконецъ, самое важное, знаніе природы и наклонностей человѣка, выражающихся въ исторіи народовъ и въ біографіи личностей; устройства человѣческаго общества, включая и обязанности наши относительно личностей и всего общества, въ которое мы входимъ, какъ его члены. Словомъ, нужно знаніе настоящей системы и законовъ природы, физическихъ и нравственныхъ, знаніе столь обширное, какое лишь можетъ быть внесено въ элементарный курсъ» (365). Указывая далѣе на гражданскія обязанности человѣка, въ особенности англичанина, Гершель прибавляетъ: «Поэтому, кажется, нѣкоторое знаніе началъ политической экономіи, правовѣдѣнія, торговли и промышленности, существенно входитъ въ понятіе здраваго воспитанія». Потомъ онъ говоритъ: «Употребленіе и развитіе разсужденія составляетъ другую важную цѣль воспитанія; обыкновенно полагаютъ и, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо, что этой цѣли легче всего достигнуть хорошимъ курсомъ математическаго обученія; тогда какъ эта цѣль, если не противорѣчитъ, то и не находится ни въ какой естественной связи съ областями формальнаго и условнаго знанія (какъ, напримѣръ, грамматикою и такъ-называемою аристотелевскою логикою)» (366). Говоря о возраженіяхъ, сдѣланныхъ противъ расширенія преподаванія математики, въ особенности по односторонности умственнаго развитія, ею сообщаемаго, Гершель прибавляетъ: «Но тѣ, которые сдѣлали это возраженіе, не указали—какъ помочь дѣлу. Между тѣмъ необходимо пополнить огромный пробѣлъ всѣхъ предшествовавшихъ курсовъ обученія, занятіями, которыя побѣдили бы это затрудненіе, указывая, какъ истинныя положенія могутъ быть получены не изъ посылокъ, заключающихъ уже собственно эти положенія въ самыхъ выраженіяхъ посылокъ, какъ это бываетъ при отвлеченныхъ положеніяхъ математики, и не изъ сопоставленія другихъ положеній, принятыхъ за истинныя, какъ въ логикѣ Аристотеля, но изъ широкаго разсмотрѣнія собранія фактовъ и обстоятельствъ, подлежащихъ разбору. Это дѣло индуктивнаго изслѣдованія [1]), приложеннаго и долженствующаго имѣть приложеніе ко всѣмъ сложнымъ обстоятельствамъ человѣческой жизни, къ политикѣ, нравственности и законодательству, къ руководству личностей и народовъ» (366—367).

Весь отрывокъ изъ Спенсера, помѣщенный у Юманса, посвященъ политическому воспитанію, именно развитію мысли, что для англичанъ, необходимо знакомство съ наукою общества, наукою, предполагающею

[1]) Гершель говоритъ: *философіи*, но извѣстно, что въ Англіи это слово имѣетъ весьма часто значеніе чистой науки.

всѣ другія науки, превышающею всѣ другія въ тонкости и сложности вопросовъ.... Въ какой же степени наши (англійскіе) законодатели знакомы съ нею? Выказываютъ ли они это знакомство хотя бы въ умѣренной степени? Приближаются ли сколько-нибудь къ нему? Несомнѣнно, что многіе изъ нихъ обладаютъ классическою ученостью; не малое число писало латинскіе стихи перваго сорта и можетъ наслаждаться греческою драмою, но нѣтъ очевидной зависимости между памятью, обогащенною словами, произнесенными тому 2,000 лѣтъ и умомъ, приготовленнымъ къ дѣламъ современнаго общества» (278). Разобравъ знанія молодыхъ людей, вступающихъ въ парламентъ, Спенсеръ говоритъ: «Между многими изъ нихъ, прошедшими чрезъ curriculum общественной школы и университета.... нѣтъ ни одного, который получилъ бы развитіе, нужное для настоящаго законодателя. Ни одинъ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній изъ науки вообще, вершину которой составляетъ наука жизни, единственно способная дать основаніе для науки общества» (279). Далѣе онъ говоритъ: Можно подумать, что вся система современнаго политическаго воспитанія основана на такихъ положеніяхъ: «Искусство лечить трудно, а искусство управленія легко. Для пониманія ариѳметики нужно изученіе: пониманіе общества приходитъ инстиктивно. Для того, чтобы изготовлять часы, надо долго учиться; для изготовленія учрежденій этого вовсе не нужно. Чтобы надлежащимъ образомъ вести дѣла въ лавкѣ надо приготовленіе, но можно приняться за веденіе дѣлъ народа совсѣмъ не приготовляясь къ тому» (280—281) [1]).

Приведемъ еще слова американца Дрэпера: «То, что́ называютъ классическимъ обученіемъ, присвоиваетъ себѣ объемъ, исключающій множество важныхъ предметовъ.... Это зло вытекаетъ изъ того обстоятельства, что наша система (воспитанія) была принесена изъ Англіи. Это остатокъ строя мысли въ этой странѣ въ XVI-мъ вѣкѣ, строя мысли, имѣвшаго свою заслугу и свое оправданіе тогда, но теперь устарѣлаго. Неопредѣленное представленіе.... что этимъ путемъ воспитывается умъ, долго поддерживало этотъ порядокъ, несоотвѣтствующій требованіямъ. Его оправдываютъ еще предполагаемою возможностью передавать этимъ путемъ мудрость прежняго времени. Но великіе склады человѣческаго знанія не древніе, а новые языки. Немного фактовъ стоющихъ изученія, если есть такіе, исключительно получается чрезъ знаніе латинскаго и греческаго языковъ; что касается

[1]) По невозможности очень распространять выписки, мы устранили почти все, что говорится въ сборникѣ Юманса о практической важности научнаго обученія, но считаемъ полезнымъ указать на замѣчанія Лайеля предъ комиссіею, что онъ, въ политическомъ отношеніи, признаетъ опаснымъ недостатокъ свѣдѣній о явленіяхъ природы, существующій въ высшихъ классахъ англійскаго общества (411).

до развитія ума, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ спросить: что выигрываетъ молодой человѣкъ, переводя ежедневно нѣсколько прекрасныхъ латинскихъ и греческихъ выраженій на дурной и ломанный англійскій языкъ? Если же нужно приготовленіе къ будущей борьбѣ жизни, къ различенію намѣреній соперниковъ и предупрежденію ихъ дѣйствій, къ умѣнью избирать дѣйствія и осуществлять ихъ съ успѣхомъ, къ развитію яснаго пониманія чужихъ характеровъ и побужденій и къ сообщенію рѣшительности нашимъ собственнымъ дѣйствіямъ,— въ отношеніи всего этого остроумный человѣкъ безъ затрудненія поддержалъ бы забавное положеніе, что молодые люди болѣе выиграютъ, научившись мастерски играть въ шахматы, чѣмъ переведя всѣхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ» (377—378).

Если читатель улыбнулся этому предположенію, то не знаю, улыбнется ли онъ, когда подумаетъ, что многочисленныя поколѣнія въ Европѣ воспитывались, воспитываются, а у многихъ и будутъ воспитываться съ цѣлью доставить имъ развитіе, которое, по сознанію самыхъ *замѣчательныхъ* представителей науки приводитъ къ *такимъ* результатамъ.

П. И.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Сентябрь, 1867.

Закрытіе дѣйствія земскихъ учрежденій въ с.-петербургской губерніи, послѣдовавшее въ началѣ нынѣшняго года, было продолжительнѣе, нежели какъ то полагали въ началѣ, и возвращеніемъ къ общему порядку вещей ознаменовался только нынѣшній лѣтній триместръ. Но это возвращеніе не было полнымъ и не прошло безъ послѣдствій для земства другихъ губерній, хотя другія губерніи, впрочемъ, до сихъ поръ не подали повода къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ с.-петербургской губерніи. Тринадцатаго іюня было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ печатанія постановленій, отчетовъ о засѣданіяхъ, а также сужденій преній и рѣчей, состоявшихся въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ относительно вышеупомянутаго предмета, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе къ законоположенію о печати 6-го апрѣля 1865 года постановить, что состоявшіяся въ означенныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и проч., а равно предшествовавшія имъ сужденія, пренія и рѣчи, печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства. Общая цѣль всякой законодательной мѣры—ограждать общество отъ всякаго вреда, который можетъ быть ему нанесенъ словомъ или дѣломъ. На этотъ разъ законодательная мѣра, очевидно, направлена противъ вреда, могущаго произойти для общества отъ слова, впрочемъ, не отъ самой свободы слова внутри самыхъ учрежденій, а именно отъ болѣе свободной его циркуляціи въ обществѣ, посредствомъ печати. Для законодателей во всѣхъ подобныхъ вопросахъ предстоитъ всегда рѣшить одно важное затрудненіе, а именно: какимъ образомъ, запретивъ вообще публичность слова въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, запретить его такъ, чтобы предполагаемая польза запрещенія могла уравновѣшивать дѣйствительное зло,

которое бываетъ при этомъ возможно? какимъ образомъ, съ другой стороны, не дѣлать самое запрещеніе источникомъ новаго вреда и для общественныхъ и для государственныхъ выгодъ, чтобы чрезъ то, какъ говоритъ пословица, не попасть изъ огня да въ полымя? Нѣтъ возможности, во-первыхъ, запрещая вообще всякую публичность слова общественныхъ и сословныхъ собраній, запретить вредное слово, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не запретить и добраго слова. Намъ скажутъ, что въ настоящемъ случаѣ мѣстное губернское начальство является именно спасительнымъ клапаномъ: оно различитъ вредное отъ полезнаго; задержитъ первое и дастъ ходъ второму; зло будетъ устранено, а доброе слово пойдетъ въ ходъ. Допустивъ, что мѣстное губернское начальство обладаетъ такими всесторонними познаніями въ разнообразныхъ вопросахъ по земскому хозяйству, городскому, сословнымъ дѣламъ и т. д., и притомъ само такъ мало заинтересовано во всѣхъ этихъ дѣлахъ, что безпристрастно и съ глубокимъ почти нечеловѣческимъ знаніемъ дѣла отберетъ плевелы отъ чистаго зерна,—мы встрѣтимся еще съ бо́льшимъ затрудненіемъ: какъ возвратятъ доброму слову, пропущенному мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, то благодѣтельное вліяніе на общество, которое неизбѣжно утрачивается имъ, именно вслѣдствіе предварительной сортировки? Можно установить сортировку, но нельзя устранить психическаго общественнаго закона, въ силу котораго люди теряютъ мгновенно довѣріе и къ доброму, если они знаютъ, что это доброе явилось безъ условія свободы, и прошло предварительно чрезъ такія же человѣческія руки, какъ и ихъ собственныя руки. Такимъ образомъ, запрещеніе зла, невольно, въ противность видамъ нашихъ законодателей, становится вмѣстѣ не только запрещеніемъ добра, но и лишеніемъ его всѣхъ выгодныхъ вліяній на общество. Къ этой нравственной невыгодѣ присоединяется не менѣе чувствительная матеріальная невыгода: въ наше время кредитъ играетъ самую важную роль въ общественной и государственной жизни; на него мы возлагаемъ всѣ надежды и въ нашемъ затруднительномъ финансовомъ положеніи. Въ отношеніи же кредита, ничто не можетъ быть опаснѣе какъ преграда свободному обращенію публичнаго слова. И это понятно! Для человѣка дѣлового весьма важно знать въ свое время подробности засѣданій; онъ осужденъ теперь выслушивать одну сторону ихъ, одобренную извѣстнымъ органомъ, который всего менѣе руководится, напримѣръ, коммерческими интересами; при такомъ положеніи вещей, дѣловой человѣкъ видитъ опасность съ одной стороны не выслушать противниковъ и темноту своего положенія—а это болѣе всего вредно для дѣлъ; дѣла такимъ образомъ слабѣютъ, и если наложена узда на злой языкъ, то съ другой стороны неизбѣжно связаны и дѣловыя руки. Но все это еще не самое худшее: никакія ограничительныя

мѣры не въ состояніи остановить того колоссальнаго типографскаго станка, который называется стоустою молвою. Праздное слово, изъ-за котораго запрещается невольно и доброе слово, прибѣгаетъ къ этому станку и выходитъ изъ него болѣе вреднымъ, нежели какимъ оно явилось бы изъ-подъ обыкновеннаго станка типографіи. Вотъ затрудненія, о которыхъ всегда думаютъ законодатели, когда они считаютъ нужнымъ прибѣгнуть къ ограничительнымъ мѣрамъ относительно свободнаго обращенія слова: имъ предстоитъ выборъ между довѣріемъ къ благоразумному большинству и между сужденіемъ быстро иногда смѣняющихся органовъ относительно того, что́ вредно или полезно для общества, между возможностью открыто преслѣдовать открытое зло, или оказаться безсильнымъ въ борьбѣ съ ложными слухами, для которыхъ запретительная система есть лучшее условіе живучести и силы: только при запрещеніи зла, зло имѣетъ шансы выдать себя за гонимую истину.

Иностранная политика, въ противность обычаю бездѣйствовать въ лѣтнее время, можно сказать, оставалась всѣ три мѣсяца на ногахъ и бодрствовала, какъ Аргусъ. Къ борьбѣ грековъ съ турками присоединилась въ заключеніе испанская революція. Австрія, по своему старинному обычаю, не переставала быть чревата внутренними вопросами національностей. Въ Пруссіи, на долю лѣта выпало рожденіе перваго германскаго парламента, и неизбѣжно связанный съ нимъ вопросъ: что же будетъ теперь съ прусскимъ парламентомъ? По времени, онъ старшій сынъ, и для Пруссіи германскій парламентъ является пасынкомъ; между тѣмъ все говоритъ, что необходимо со временемъ германскому парламенту сдѣлаться прусскимъ. Нѣмецкіе либералы видятъ, что графъ Бисмаркъ похитилъ у нихъ программу; и находится въ положеніи легендарнаго архитектора Кёльнскаго собора, у котораго неожиданный ночной посѣтитель оторвалъ кусокъ плана, почему, заключаетъ легенда, Кёльнскій соборъ не можетъ быть и до сихъ поръ оконченъ, какъ не можетъ покончить Германія отдѣлку храма своего государственнаго единства. Италія, опять нынѣшнимъ же лѣтомъ убѣдилась, что французы бываютъ двоякаго рода, и что Римъ освободился трактатомъ 15-го сентября только отъ оффиціальныхъ французовъ; но теперь оказались французы неоффиціальные. Одна Англія сдѣлала потихоньку шагъ впередъ и благополучно довершила дѣло парламентской реформы, подъ шумъ всемірной выставки. Все это покрылось въ настоящую минуту рѣчами, которыми августѣйшій ораторъ буквально засыпалъ Францію и столбцы европейскихъ газетъ. А Европа, какъ и прежде, стоитъ предъ вопросомъ: миръ или война?

I.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗЕМСТВА ВЪ 1866 ГОДУ.

«Новгородское земство полутора-годовымъ опытомъ, къ величайшему своему удовольствію, удостовѣрилось, что можно вести земское дѣло безъ ссоры съ администраціей: для этого слѣдуетъ обѣимъ сторонамъ только строго исполнять одно правило — дѣлать каждому свое дѣло и не вторгаться въ область распоряженій, ему не принадлежащихъ».

Заключеніе въ отчетѣ Новгород. управы г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Очеркъ третій.

Вопросы, переданные на обсужденіе земскихъ собраній высшимъ правительствомъ: 1) о лѣсахъ; 2) о строительномъ училищѣ; 3) о селитрованіи въ Россіи. — Вопросы, возбужденные самими земскими собраніями: 1) земскіе банки; 2) наблюденіе за правильностью торговли; 3) покровительство внутренней промышленности; 4) сложеніе акциза съ соли; 5) распространеніе права на винокуреніе; 6) разрѣшеніе сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ; 7) разрѣшеніе ярмарокъ и базаровъ; 8) переселеніе латышей; 9) введеніе ипотечнаго права; 10) измѣненіе въ порядкѣ избранія мировыхъ судей; 11) уменьшеніе формальностей при выдачѣ подорожныхъ; 12) освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія; 13) преобразованіе волостей; 14) объ арендаторскихъ пошлинахъ.

Земскія собранія, въ 1866 году, не ограничивали свою дѣятельность одними предметами, порученными ихъ заботливости самимъ «Положеніемъ» и разсмотрѣнными нами въ предъидущемъ очеркѣ *). Имъ были предложены на обсужденіе не маловажные вопросы со стороны самого высшаго правительства, и сверхъ того они сами возбудили вопросы по многимъ вопросамъ народнаго хозяйства. Разсмотрѣніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ мы и заключимъ наши очерки изъ исторіи земства въ 1866 году.

Начнемъ съ тѣхъ вопросовъ, которые были переданы земскимъ собраніямъ высшимъ правительствомъ. Между ними первое мѣсто безспорно принадлежитъ вопросу о лѣсахъ.

1. *Вопросъ о лѣсахъ.* На обсужденіе губернскихъ земскихъ и дворянскихъ собраній переданъ былъ вопросъ собственно о лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ. Вопросъ этотъ возникъ въ нашихъ южныхъ гу-

*) См. выше, т. I, отд. V, стр. 6—29, и т. II, отд. V, стр. 5—32.

берніяхъ, вслѣдствіе ходатайства, возбужденнаго сельско-хозяйственнымъ съѣздомъ при обществахъ сельскаго хозяйства южной Россіи, и доведеннаго до Высочайшаго свѣдѣнія ново-россійскимъ генералъ-губернаторомъ; на него было обращено вниманіе государя императора, и самое дѣло поручено г. министру государственныхъ имуществъ. Въ этомъ министерствѣ составлена была особая записка, разосланная губернаторомъ чрезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ (2-го августа 1865 года за № 100) и переданная имъ дворянскимъ и земскимъ собраніямъ. Въ этой запискѣ мѣры къ сбереженію частныхъ лѣсовъ раздѣлены на четыре главные предмета: 1) порядокъ охраненія лѣсовъ; 2) способъ ихъ сбереженія; 3) мѣры разведенія и 4) установленіе порядка надзора за исполненіемъ правилъ, внесенныхъ въ первые три пункта и взысканіе за нарушеніе ихъ. По первому предмету министерство предлагало слѣдующія мѣры: a) учрежденіе обязательной лѣсной стражи; b) установленіе правилъ предупрежденія и прекращенія лѣсныхъ пожаровъ и порчи лѣсовъ какъ насѣкомыми, такъ и домашними животными, и c) установленіе таксъ взысканій за убытки, причиняемые нарушителями законовъ о частныхъ лѣсахъ. По второму предмету предполагалось извѣстное ограниченіе правъ пользованія лѣсомъ со стороны ихъ владѣльцевъ, какъ, напримѣръ, воспрещеніе вырубки лѣсовъ цѣлыми дачами или вообще вырубки, несогласной съ требованіями правильнаго хозяйства, и также запрещеніе безграничныхъ расчистокъ лѣса и уменьшеніе лѣсныхъ пространствъ. По третьему и четвертому пунктамъ министерство обращало вниманіе на возможность обязательнаго разведенія лѣсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и на установленіе надзора за соблюденіемъ установленныхъ въ отношеніи къ частнымъ лѣсамъ правилъ со стороны особыхъ уполномоченныхъ отъ земства.

Рядомъ съ этою запискою разосланъ былъ проектъ лѣсоохранительной системы, выработанный особою коммиссіею изъ шести лицъ, избранною петербургскимъ собраніемъ сельскихъ хозяевъ. По особенному вниманію министра государственныхъ имуществъ, эта коммиссія, въ соединенныхъ засѣданіяхъ съ лѣснымъ департаментомъ разсматривала выработанный въ этомъ департаментѣ законодательный проектъ охраненія частныхъ лѣсовъ и, по общему соглашенію, внесла въ этотъ проектъ нѣсколько болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій, изъ которыхъ важнѣйшее составляетъ опредѣленіе убытковъ при лѣсопохищеніяхъ и лѣсоповрежденіяхъ по таксѣ, утвержденной губернскими собраніями, а не по оцѣнкѣ для частныхъ случаевъ, какъ предполагалось прежде. Но независимо отъ того коммиссія составила довольно сложный проектъ лѣсоохранительной билетной системы, который она разослала вовсе не въ видѣ всюду пригодной и для всѣхъ необходимой помощи лѣсоохраненія, а какъ сводный образецъ билет-

ной системы, обнимающей всѣ отрасли лѣсной промышленности, откуда данная мѣстность могла бы почерпнуть пригодные для нея матеріалы, по своимъ мѣстнымъ соображеніямъ. Сущность этой системы заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ охраненіе лѣсовъ внутри самыхъ дачъ посредствомъ введенія достаточной лѣсной стражи и судебнаго преслѣдованія лѣсопохищеній и лѣсоистребленій не представляетъ въ лѣсоизобильныхъ мѣстностяхъ, по экономическимъ условіямъ лѣсной промышленности, полнаго обезпеченія лѣсныхъ дачъ отъ расхищенія, то, независимо отъ двухъ названныхъ мѣръ лѣсоохраненія, коммиссія предполагаетъ удержать существующую билетную систему на улучшенныхъ основаніяхъ, какъ мѣру охраненія лѣсовъ за предѣлами дачъ, въ тѣхъ сборныхъ пунктахъ лѣсной торговли, гдѣ лѣсные матеріалы скопляются въ значительномъ количествѣ для распродажи или переработки, и на этомъ основаніи легко могутъ быть повѣрены. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ самымъ энергическимъ образомъ за свою сложность всѣми разсматривавшими его собраніями. Къ нему мягче другихъ и съ затаенною симпатіею отнеслось одно костромское собраніе, выразившись, что проектъ этотъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы его можно было примѣнить на практикѣ, безъ значительныхъ сокращеній и измѣненій. Это проистекаетъ впрочемъ изъ самой задачи, которую выполняетъ этотъ проектъ, заключающій въ себѣ указаніе, какимъ образомъ установить билетный надзоръ, при всѣхъ возможныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ лѣсныхъ губерніяхъ Россіи. Впрочемъ, уѣздныя собранія, при составленіи правилъ мѣстной лѣсохранительной билетной системы, могутъ найти въ немъ много практическихъ указаній.

Записка министерства государственныхъ имуществъ надѣлала много шуму въ уѣздныхъ собраніяхъ и вообще не была принята съ сочувствіемъ. Особенно рѣзко выразилась въ этомъ случаѣ коммиссія Московскаго собранія, признавая предложенныя въ запискѣ мѣры къ сбереженію и разведенію лѣсовъ — истекающими изъ основанія *извѣстнаго ограниченія правъ владѣльца на пользованіе своими собственными лѣсами*. Указывая на текстъ записки, гдѣ говорится объ ограниченіяхъ правъ вырубки и расчистки лѣсныхъ участковъ по произволу, коммиссія отзывается, что «таковое начало, стѣсняющее права собственности и влекущее за собою прямое вмѣшательство казны въ частныя распоряженія владѣльцевъ, коммиссія не можетъ не признать *вреднымъ*, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно неудовлетворительное положеніе казенныхъ лѣсовъ, ясно доказывающее всю несостоятельность казеннаго управленія». Нижегородское собраніе заявило чрезъ свою коммиссію, что примѣръ сбереженія государственныхъ лѣсовъ и способъ ихъ хозяйства не внушаетъ земству особеннаго довѣрія. Извѣстно, что казенные крестьяне, на обязанности и отвѣтственности ко-

торыхъ состоятъ сбереженіе лѣсовъ и производство разныхъ въ нихъ работъ, чрезвычайно тяготятся этою повинностью, хотя въ вознагражденіе за работы свои получаютъ лѣсъ за полупопенныя деньги. Ярославское губернское собраніе признало совершенно основательными доводы уѣздныхъ собраній, которыя въ мѣрахъ, предложенныхъ запискою министерства, видятъ поводъ къ разоренію лѣсовладѣльцевъ, къ стѣсненію лѣсной промышленности, къ искусственному возвышенію цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ, къ уничтоженію уваженія къ правамъ частной собственности и безъ того весьма шаткимъ и, наконецъ, къ сокращенію доходовъ земства, такъ-какъ средства его находятся въ полной зависимости отъ развитія частныхъ хозяйствъ. Подобныя заявленія были устранены разъясненіемъ, помѣщеннымъ въ «Сѣверной Почтѣ», гдѣ записка министерства государственныхъ имуществъ объяснялась въ смыслѣ совѣта и указанія, необязательнаго для земскихъ собраній, а вовсе не въ видѣ обязательной программы, которое министерство желало бы провести законодательнымъ путемъ.

Возраженія со стороны земскихъ собраній направлены были главнымъ образомъ противъ возможности ограниченія правъ на пользованіе лѣсами, въ видахъ сбереженія. Собранія сѣверныхъ губерній (Костромской и Новгородской) открыто признали, что при настоящемъ положеніи лѣсного хозяйства, лѣсоистребленіе составляетъ для нихъ естественный экономическій законъ. Новгородское собраніе полагаетъ, что въ мѣстностяхъ, столь лѣсистыхъ, какъ Новгородская губернія, ограниченіе собственниковъ въ правѣ пользованія и распоряженія ихъ лѣсами не вызывается требованіями общественной пользы; при томъ оно было бы теперь еще болѣе несвоевременно, при переживаемомъ нынѣ большинствомъ землевладѣльцевъ кризисѣ; продажа ими на срубъ своихъ лѣсовъ часто представляется единственнымъ для нихъ способомъ къ выходу изъ самаго тяжкаго положенія; введеніе же правильнаго лѣсного хозяйства сопряжено съ такими издержками, которыя несоразмѣрны съ малою въ настоящее время цѣнностью нашихъ лѣсовъ. Костромское собраніе говоритъ, что конечно желательно, чтобы лѣсовладѣльцы вели правильное хозяйство, но, при существующихъ условіяхъ сбыта лѣсныхъ произведеній, такое хозяйство доступно только крупнымъ и среднимъ лѣсовладѣльцамъ. Для мелкаго лѣсовладѣльца, могущаго по правиламъ науки вырубать лишь по нѣскольку десятинъ въ годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнаго тратиться на охраненіе и администрацію дачи, такое хозяйство экономически невыгодно. Признаніе обязательности составленія плана хозяйства равносильно установленію обязательной таксаціи лѣсовъ. Для производства же хорошей таксаціи требуется значительная затрата капитала, вполнѣ несоразмѣрная съ существующими низкими цѣнами на лѣсъ. Если производство таксаціи будетъ вполнѣ предоставлено усмотрѣнію владѣль-

цевъ, и лѣсное хозяйство ихъ вполнѣ изъято отъ правительственнаго контроля, то установленіе обязательности составленія правильнаго плана хозяйства останется мертвою буквою. Если же будетъ установленъ контроль, то потребуются для него мѣста и лица, содержаніе которыхъ ляжетъ новымъ тяжелымъ налогомъ на земельную собственность. Такой контроль стѣснителенъ для собственниковъ и лѣсопромышленниковъ, даже при полной добросовѣстности тѣхъ лицъ, которымъ онъ будетъ порученъ. Въ случаѣ же злоупотребленій, или неспособности (а нигдѣ не представляется бо́льшаго удобства для злоупотребленій, какъ въ этомъ дѣлѣ, гдѣ самыя вопіющія притѣсненія могутъ производиться безнаказанно во имя лѣсной науки) этихъ дѣятелей, — владѣльцы легко могутъ быть доведены до разоренія; лѣсная промышленность, стѣсняемая на каждомъ шагу, можетъ упасть, а съ нею уменьшится благосостояніе цѣлаго населенія, которое во многихъ мѣстахъ губерніи исключительно питается лѣснымъ промысломъ. Съ сочувствіемъ ко введенію у насъ правильнаго лѣсохозяйства отнеслось только Черниговское собраніе, но и оно находитъ, что *обязательное введеніе правильнаго лѣснаго хозяйства во владѣльческихъ лѣсахъ, при настоящемъ положеніи вещей, преждевременно.* Но намъ нельзя не предвидѣть, что въ будущемъ, быть можетъ не весьма отдаленномъ, хозяйственныя условія измѣнятся и введеніе правильнаго лѣсоводства сдѣлается возможнымъ, — а потому не должно и въ настоящее время опускать мѣръ подготовленія къ этому. Такими мѣрами Черниговское собраніе признало: a) обученіе лѣсныхъ таксаторовъ, — что́ отложено имъ до будущаго времени; b) распространеніе общепонятныхъ свѣдѣній о правильномъ лѣсоводствѣ; c) въ видѣ поощренія, взиманіе въ уменьшенномъ размѣрѣ налога при введеніи обязательной стражи съ лѣсовъ окопанныхъ и огороженныхъ, и d) обязательная посадка деревъ по всѣмъ транспортнымъ и проселочнымъ дорогамъ.

Съ другою частью записки министерства — о необходимости мѣръ къ охраненію лѣсовъ, безусловно согласны всѣ собранія, и они высказали по этому предмету самыя разнообразныя мнѣнія, которыя сводятся по слѣдующимъ пяти главнымъ системамъ:

a) Систему обязательной лѣсной стражи приняли Черниговское и Московское губернскія собранія. Необходимость такой системы Черниговское собраніе мотивировало слѣдующимъ образомъ: владѣльческіе лѣса въ Черниговской губерніи до такой степени подвержены расхищенію и порчѣ всякаго рода, что весьма часто владѣльцы принуждены ихъ рубить или продавать на срубъ для того, чтобы получать съ нихъ какую-нибудь пользу. Кража лѣсныхъ матеріаловъ распространена въ высшей степени; преслѣдованіе ея ничтожно и затруднено нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ суда и расправы. Лѣсные пожары, истребляющіе огромныя пространства лѣсовъ, производятся без-

препятственно или съ умысломъ, или по неосторожному обращенію съ огнемъ. Молодыя заросли на порубяхъ совершенно уничтожаются безпорядочною пастьбою скота, и вырубленный лѣсъ не возобновляется. Таково, въ короткихъ словахъ, положеніе лѣсовъ; и, несмотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ, и то весьма немногихъ лѣсовладѣльцевъ, къ устройству въ ихъ дачѣ хорошей лѣсной стражи для предупрежденія кражи и порчи лѣсовъ, они рѣдко достигаютъ этой цѣли по той причинѣ, что лѣсная стража, въ отдаленныхъ участкахъ или дачахъ, окруженныхъ лѣсами, въ которыхъ господствуетъ всякое отсутствіе порядка, должна быть очень многочисленна, чтобы защитить охраняемый лѣсъ отъ порчи. А такъ какъ необходимость лѣсной стражи сознается большинствомъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ лѣсовладѣльцевъ, то и стража тогда только можетъ исполнить свое назначеніе, когда она будетъ повсемѣстно введена обязательно. Выгоды обязательной лѣсной стражи заключаются въ томъ, что она можетъ получить одну общую организацію и быть подчинена дисциплинарному порядку, и что будучи распространена на всѣ владѣльческіе лѣса безъ различія, она можетъ быть гораздо многочисленнѣе, нежели стража, устроенная каждымъ отдѣльнымъ лѣсовладѣльцемъ. Сообразно этому, Черниговское собраніе признало необходимость введенія повсемѣстно обязательной лѣсной стражи, вооруженной и пользующейся правами и преимуществомъ полевой стражи. Количество лѣсныхъ стражей и назначеніе числа лѣсныхъ участковъ опредѣляется въ каждомъ уѣздѣ земскимъ собраніемъ сообразно количеству владѣльческихъ лѣсовъ, степени ихъ раздробленности, и расположенію лѣсныхъ пространствъ въ разныхъ частяхъ уѣзда. Для содержанія лѣсной стражи и начальника ея опредѣляется въ каждомъ уѣздѣ, по усмотрѣнію земскаго собранія, повемельный сборъ, *налагаемый исключительно на земли, занятыя подъ лѣсомъ и лѣсными зарослями, и распредѣленный между лѣсовладѣльцами.*

Коммиссія, представившая свой проектъ обязательной лѣсной стражи первому Московскому собранію, основала его на экономическихъ соображеніяхъ. По ея разсчету, одно Удѣльное вѣдомство расходуетъ на лѣсную стражу въ Московской губерніи 11,797 рублей, что̀ составляетъ болѣе 28 коп. съ десятины. По вѣдомству Государственныхъ Имуществъ ежегодно расходы доходятъ до 7,844 руб., но за-то крестьяне Государственныхъ Имуществъ несутъ натуральную повинность и ставятъ 1,020 полѣсовщиковъ по губерніи [1]). Частнымъ владѣльцамъ

[1]) Въ Нижегородскомъ губернскомъ собраніи гласный крестьянинъ Писаринъ заявилъ, что государственные крестьяне несутъ весьма обременительную натуральную повинность на охраненіе казенныхъ лѣсовъ выборомъ сторожей или полѣсовщиковъ, которыхъ приходится 1 на 282 души, и что наемъ каждаго изъ нихъ стоитъ отъ 50 до 70 р., или отъ 20 до 25 коп. сер. съ души, и что имъ выгоднѣе отказаться отъ льготъ, пре-

статья эта обходится не дешевле, а среднимъ и мелкимъ лѣсовладѣльцамъ, особенно тѣмъ, коихъ лѣса не сосредоточены въ однихъ мѣстахъ, стража обходится еще дороже, — въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ положительно извѣстно, издержки эти доходятъ до 80 к. и даже до 1 руб. съ десятины. Между тѣмъ сбереженіе лѣсовъ есть жизненная потребность всего земства, снабжающая одинаково всѣхъ жителей топливомъ и строительными матеріалами; быстрое же уничтоженіе, вслѣдствіе лѣсокрадства, вынуждая владѣльцевъ къ скорѣйшему, хотя бы и дешевому сбыту, понижаетъ только временно цѣны, которыя тѣмъ болѣе возвышаются впослѣдствіи. На этомъ основаніи коммиссія признаетъ справедливымъ: разложить на все земство расходы на содержаніе лѣсной стражи, хотя не въ одинаковой мѣрѣ: а именно, по пяти копѣекъ *съ лѣсной десятины, и съ остальныхъ удобныхъ земель—по одной копѣйкѣ съ десятины.* Но въ собраніи, по выслушаніи этого проекта, во время преній главнымъ образомъ было заявлено сомнѣніе, чтобы численный составъ лѣсной стражи, предполагаемый коммиссіею, былъ достаточенъ для Московской губерніи (Павловъ). Въ Московской губерніи—около 800,000 десят. лѣсу, безлѣснаго же пространства слишкомъ 2,000,000 десят. Объѣздчиковъ по проекту предполагается около 1,000 человѣкъ; слѣдовательно, на каждаго объѣздчика придется участокъ лѣса въ 800 десятинъ, расположенныхъ на пространствѣ около 3,000 десят. Усмотрѣть за такимъ пространствомъ одному человѣку нѣтъ физической возможности, потому-что крадутъ лѣсъ обыкновенно не дальніе, а сосѣдніе жители. Все это приводитъ къ тому заключенію, что безъ своей стражи владѣльцы обойтись не могутъ; слѣдовательно, кромѣ расхода, предлагаемаго коммиссіею, стража принесетъ мало пользы. Сверхъ того сборъ съ удобныхъ земель, незанятыхъ лѣсомъ, совершенно несправедливъ (Масловъ).

b) Большинство собраній (Харьковское, Рязанское, Смоленское, Псковское, Орловское, равно какъ Черниговское и Московское для своей обязательной стражи) придерживается системы охраненія лѣсовъ внутри дачъ посредствомъ присяжной лѣсной стражи. Сущность этой системы, которая ранѣе всего выдвинута была впередъ самимъ министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и взята имъ изъ французскаго кодекса, заключается въ томъ, что лѣсъ охраняется внутри дачъ вооруженною лѣсною стражею, присяжныя показанія которой считаются полнымъ судебнымъ доказательствомъ, если они не отвергнуты въ судѣ надлежащимъ образомъ отвѣтчикомъ, что

доставленныхъ министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, нежели отправлять эту повинность. Нижегородское земство отстранило себя отъ ходатайства по этому предмету, такъ-какъ повинность эта есть *частная*, и у казенныхъ крестьянъ есть свои органы для заявленія нуждъ.

и называется присяжнымъ характеромъ лѣсной стражи. Самый полный проектъ правилъ лѣсохраненія по этой системѣ составленъ Смоленскимъ губернскимъ собраніемъ, другіе же отличаются одною краткостью, опущеніемъ многихъ статей и весьма *несущественными* измѣненіями [1]).

c) Курское, Нижегородское и Казанское собранія желаютъ, главнымъ образомъ, уравненія правъ лѣсныхъ сторожей съ полевыми, не поясняя съ достаточною подробностью, чѣмъ именно такое уравненіе обезпечиваетъ цѣнность лѣсовъ.

d) Билетная система, сущность которой мы изложили выше, нашла себѣ послѣдователей только въ Костромскомъ и Новгородскомъ губернскихъ собраніяхъ. По мнѣнію Костромскаго и Новгородскаго собраній, малая доходность лѣсовъ въ этихъ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ не представляетъ для лѣсовладѣльцевъ экономической возможности содержать такое число сторожей, которое вполнѣ оберегало бы лѣса отъ воровскихъ выработокъ. Поэтому въ Костромской и Новгородской губерніяхъ охраненіе лѣсовъ возможно только при сохраненіи билетной системы на измѣненныхъ основаніяхъ, такъ-какъ существующая билетная система не достигаетъ цѣли.

По мнѣнію Костромскаго собранія, при учрежденіи билетной системы могли бы быть приняты слѣдующія основныя пополненія: 1) Необходимо отмѣнить 1434 ст. Устава лѣсного, которая на практикѣ открываетъ легкій сбытъ украденныхъ дровъ и другихъ лѣсныхъ издѣлій. 2) Необходимо отмѣнить 773 и 774 ст. Устава лѣснаго, которыя на практикѣ дѣлаютъ возможнымъ оптовый торгъ воровски пріобрѣтенными лѣсными матеріалами и издѣліями. 3) Всѣ обязанности по соблюденію правильнаго дѣйствія билетной системы должны быть сняты съ полицейскихъ управленій и возложены на всю уѣздную управу, или на особеннаго лѣснаго смотрителя. 4) Въ каждомъ уѣздѣ должно быть созвано уѣзднымъ предводителемъ дворянства собраніе лѣсовладѣльцевъ на основаніи цензовыхъ правилъ, заключающихся въ Положеніи о губерн. и уѣздн. земск. учрежденіяхъ. Собраніе это должно: а) по мѣстнымъ условіямъ выработать подробныя правила охранительнаго билетнаго надзора, если оно не рѣшитъ, что въ билетной системѣ въ уѣздѣ не представляется надобности; б) установить размѣръ содержанія лѣсного смотрителя, падающаго исключительно на лѣсовладѣльцевъ, и избраніе его, буде они сами не будутъ ходатайствовать о передачѣ надзора цѣлой управѣ; в) избрать для присутствованія въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ качествѣ экспертовъ, отъ

---

[1]) Рязанское собраніе, какъ самую дѣйствительную мѣру къ экономическому и правильному пользованію лѣсомъ, а также сбереженію отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ (?), признаетъ, между прочимъ, учрежденіе въ каждой мѣстности *особыхъ обществъ лѣсоводства*, не поясняя впрочемъ ихъ состава и назначенія.

двухъ до четырехъ лѣсовладѣльцевъ. 5) Составленный на основаніи пункта 4 проектъ правилъ билетнаго надзора предъявляется очередному уѣздному земскому собранію. Вмѣстѣ съ экспертами и собраніе обще съ ними: а) рѣшаетъ вопросъ, принимается ли для уѣзда охраненіе посредствомъ билетной системы; б) разсматриваетъ и исправляетъ, или измѣняетъ поименованный проектъ. 6) Избранный на основаніи пункта 4, лѣсной смотритель считается состоящимъ при уѣздной управѣ, и его отношенія къ ней опредѣляются уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. 7) Утвержденный уѣзднымъ земскимъ собраніемъ уставъ, относительно билетнаго надзора, входитъ въ законную силу порядкомъ, установленнымъ для всѣхъ уѣздныхъ собраній. Новгородское собраніе признало нужнымъ возложить на управу составленіе проекта объ устройствѣ билетной системы наблюденія за лѣсною торговлею, съ цѣлію согласовать, по возможности, интересъ лѣсовладѣнія съ интересомъ торговли лѣсными произведеніями и матеріалами. Но, считая необходимостью сохраненія въ измѣненномъ видѣ существующей билетной системы, Костромское и Новгородское собранія не отвергаютъ совмѣстной пользы охраненія лѣсовъ посредствомъ присяжной вооруженной стражи [1]) и скорѣйшаго преслѣдованія судебнымъ порядкомъ лѣсопохищеній.

5) Гласный баронъ Корфъ заявилъ въ с.-петербургскомъ собраніи, что присяжный характеръ лѣсной стражи не совмѣстенъ съ введеннымъ новымъ уставомъ о судопроизводствѣ, отвергающимъ *теорію судебныхъ доказательствъ*. С.-петербургское собраніе, послѣ весьма оживленныхъ преній, выработало слѣдующую систему лѣсоохраненія, основанную единственно на безотлагательномъ преслѣдованіи лѣсопохищенія [2]). 1) Лѣсные сторожа, учреждаемые для

---

[1]) Костромское собраніе права присяжнаго лѣсного сторожа полагаетъ утвердить только за прослужившимъ безпорочно въ теченіе двухъ лѣтъ и съ тѣмъ, что, въ случаѣ обнаруженнаго ложнаго показанія сторожа, сверхъ преданія суду послѣдняго, владѣлецъ подвергается штрафу въ 25 руб. за легкомысленную аттестацію.

[1]) Въ Нижегородскомъ собраніи гласный крестьянинъ Богдановъ, при разсужденіи о необходимости присяжнаго характера лѣсной стражи, настаивалъ на прибавленіе въ редакціи статьи о правѣ лѣсныхъ сторожей быть обвинителями и свидѣтелями противъ пойманныхъ ими въ лѣсу лицъ, чтобы обвиняемый, въ свою очередь, имѣлъ право представлять въ оправданіе свои доказательства,—иначе всякій будетъ въ рукахъ лѣсного сторожа. Собраніе приняло заявленіе г. Богданова.

Въ Харьковскомъ собраніи 12 гласныхъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ заявили противъ присяжнаго характера лѣсной стражи, что установленіе присяги для лѣсныхъ сторожей, не говоря уже о томъ, что частое повтореніе этого акта можетъ ронять въ глазахъ народа его всякое значеніе,—представляетъ опасность въ томъ отношеніи, что можетъ повести къ предоставленію обвиненіямъ, заявленнымъ лѣсными сторожами, силу свидѣтельскихъ показаній, что подало бы поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Ср. статью мою «Лѣсное слово и дѣло» въ Р. Инв. за 1863 г.

Къ этой же системѣ относятся заявленія, сдѣланныя, между прочимъ, слѣдую-

охраненія частныхъ лѣсовъ, утверждаются въ должности судебною властью (мировыми судьями) и должны быть приводимы къ присягѣ при вступленіи ихъ въ должность. 2) Они утверждаются по представленію землевладѣльцевъ, преимущественно изъ людей грамотныхъ, судомъ не опороченныхъ и извѣстныхъ своею нравственною жизнью. 3) Они непремѣнно носятъ внѣшній знакъ отличія ихъ должности, во время ея исправленія. 4) Присяжный лѣсной сторожъ, безъ внѣшняго своего знака или не во время исправленія своихъ обязанностей, не имѣетъ никакихъ правъ, его должности присвоенныхъ. 5) Лѣсовладѣльцы снабжаютъ лѣсную стражу оружіемъ, по своему усмотрѣнію. 6) Обязанности лѣсной стражи состоятъ: а) въ сбереженіи и охраненіи лѣса отъ воровства лѣсныхъ матеріаловъ и отъ самовольныхъ порубокъ; б) въ охраненіи лѣса отъ всякой порчи, какъ-то: сдиранія луба, бересты, долбленія деревъ для добыванія сока и т. д.; в) въ запрещеніи пасти скотъ въ мѣстахъ, не исключительно предназначенныхъ для сей цѣли; г) въ наблюденіи за безопасностью отъ огня, а въ случаѣ замѣченнаго уже пожара, въ принятіи строгихъ и безотлагательныхъ мѣръ къ тушенію онаго; д) въ запрещеніи охотиться въ лѣсу, безъ особаго на то разрѣшенія, и е) въ недозволеніи прокладывать по лѣсу зимніе пути, безъ особаго на то разрѣшенія лѣсовладѣльца. 7) Показаніе присяжнаго лѣсного сторожа, хотя и не подкрѣпленное свидѣтелями, принимается судомъ за доказательство, если обвиняемымъ не будетъ представлено противъ этого показанія достаточныхъ опроверженій. 8) Лѣсная стража должна пользоваться помощью сельскаго населенія, по распоряженію сельскаго начальства, въ случаяхъ насильственнаго отъ кого-либо нападенія на лѣсъ, съ цѣлію воровства или порчи онаго, распространенія по лѣсу пожара и проч. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, отказъ или замедленіе въ доставкѣ лѣсной стражѣ необходимой помощи ставитъ сельское начальство въ отвѣтственность предъ судомъ. 9) Если присяжный лѣсной сторожъ приглашаетъ кого остановиться или слѣдовать за нимъ и тотъ не повинуется, то отвѣчаетъ предъ закономъ. 10) Оскорбленіе присяжнаго

щими собраніями, относительно ускоренія дѣлопроизводства по преступленіямъ противъ нарушенія лѣсной собственности: Московское и Ярославское собранія ходатайствуютъ о предоставленіи разбирательства дѣлъ по порубкамъ не только участковымъ но и почетнымъ мировымъ судьямъ, вмѣняя имъ въ обязанность принимать подобныя дѣла къ разсмотрѣнію. Послѣднее сверхъ того считаетъ необходимымъ назначеніе кратчайшаго срока по дѣламъ о самовольныхъ порубкахъ съ тѣмъ, чтобы лица, виновныя въ преступленіи, подлежали имущественной отвѣтственности въ пользу потерпѣвшихъ убытокъ.

Казанское собраніе ходатайствуетъ, чтобы мировымъ посредникамъ, кромѣ предоставленнаго права рѣшать безапелляціонно дѣла по лѣснымъ порубкамъ цѣною до 30 руб., разрѣшено было принимать къ разбирательству дѣла и свыше 30 рублей, съ правомъ обжалованія рѣшеній на мировомъ съѣздѣ.

лѣсного сторожа, при исполненіи имъ возложенныхъ на него обязанностей, ведетъ за собою ту же отвѣтственность по законамъ, какъ и оскорбленіе полицейской власти, при исполненіи ея обязанностей. 11) Присяжный лѣсной сторожъ, уличенный въ нерадѣніи или неисполненіи своихъ обязанностей, отрѣшается отъ должности. 12) Присяжный лѣсной сторожъ, уличенный въ злоупотребленіяхъ, отвѣчаетъ за всѣ убытки и предается уголовному суду. 13) Присяжные лѣсные сторожа не обязательны для землевладѣльцевъ, которые могутъ, по своему желанію, вовсе не имѣть сторожей, или имѣть обыкновенныхъ; но тогда эти послѣдніе не пользуются преимуществами присяжныхъ.

Тверское собраніе пошло еще далѣе въ развитіи этой системы.

Коммиссія тверскаго губернскаго собранія, разсмотрѣвъ проектъ лѣсоохраненія посредствомъ введенія билетовъ и присяжной лѣсной стражи, представленный гласными Спазинымъ-Тортозовымъ и Митрофановымъ, пришли къ слѣдующему заключенію, принятому собраніемъ послѣ долгихъ преній: «Въ виду затруднительности билетной системы и невозможности основывать виновность въ порубкѣ на одномъ показаніи лѣсного сторожа или сельскаго старосты, хотя бы и подъ присягою, но безъ фактовъ виновности, для приложенія къ дѣлу тѣхъ строгихъ взысканій, которыя возлагаются судебными уставами,—коммиссія находитъ право присяжныхъ полѣсовщиковъ противонравственнымъ, и билетную систему вполнѣ неудобной и могущей подѣйствовать на пониженіе цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ.»

Но какъ представленныя въ собраніе мнѣнія составляютъ слишкомъ громкое заявленіе о тѣхъ истребленіяхъ и разстройствѣ, которымъ подвергаются лѣса, о томъ ущербѣ и безвозвратныхъ потеряхъ, которымъ обречены лѣсовладѣльцы, и о томъ ненормальномъ положеніи, при которомъ систематически организованное воровство получаетъ права гражданства, а право собственности теряется въ недосягаемыхъ стремленіяхъ. Въ виду этого, коммиссія сочла своею обязанностью обратить серьезное вниманіе на столь насущную потребность земства и оградить собственность лѣсовладѣльцевъ отъ самовольнаго и безнаказаннаго расхищенія.

Изъ всѣхъ существующихъ видовъ истребленія лѣсовъ, крупныя порубки для сплава и вообще для продажи встрѣчаются не часто и по большей части могутъ быть обнаружены и предупреждаемы присмотромъ завѣдывающихъ лѣсами и своевременнымъ заявленіемъ о томъ полиціи; но мелкія порубки для удовлетворенія нуждъ въ лѣсномъ матеріалѣ производятся сельскимъ населеніемъ къ сожалѣнію слишкомъ часто, и взятыя вмѣстѣ становятся значительнымъ, разстраиваютъ состояніе дачъ и доводятъ ихъ до уничтоженія. Достигнуть совершеннаго прекращенія зла нельзя иначе, какъ вырвавъ его съ корнемъ, но здѣсь источникъ самовольнаго пріобрѣтенія матеріала

соприкасается съ одной стороны съ неимѣніемъ его въ собственныхъ дачахъ крестьянъ, и съ другой—съ правомъ собственности владѣльцевъ лѣса, стѣсненіе или ограниченіе котораго немыслимо. Между тѣмъ привычка удовлетворять обыденнымъ потребностямъ посредствомъ своеволія и насилія перешли границы необходимости и обратились въ промыслъ: самовольно-вырубленный лѣсъ сталъ уже поступать въ продажу, въ лѣсъ безъ дозволенія и безпошлинно ходятъ для скобленія сѣры, для сдиранія коры, лыкъ, для смолы и дегтя и тому подобныхъ промышленныхъ цѣлей.

Несомнѣнно, что охранить свои лѣса можетъ владѣлецъ лишь посредствомъ найма хорошихъ и добросовѣстныхъ сторожей; но эта, безспорно единственно-охранительная мѣра, не оградитъ лѣсовъ отъ расхищенія и истребленія, если, вмѣстѣ съ тѣмъ, не явится на помощь законъ, неотложно преслѣдующій похитителей, немедленно и строго взыскивающій за неуваженіе чужой собственности, и ограждающій личность стражи, придавъ ей, въ глазахъ сельскаго населенія, авторитетъ и неприкосновенность.

Законъ тогда лишь внушаетъ къ себѣ уваженіе и страхъ нарушителямъ, когда примѣненіе его производится вслѣдъ за нарушеніемъ права; нельзя ожидать боязни взысканія при томъ порядкѣ, который нынѣ существуетъ, когда изслѣдованіе порубокъ, пожаровъ и другихъ лѣсоистребленій составляетъ послѣднюю заботу слѣдователей, заваленныхъ арестантскими и другими дѣлами, и когда судъ, если и обвинитъ нарушителей лѣсной собственности, то приговоръ произноситъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ преступленія; подобный порядокъ поддерживаетъ убѣжденіе въ безнаказанности и вызываетъ цѣлый рядъ новыхъ порубокъ и лѣсоистребленій.

Въ глубокомъ убѣжденіи, что огражденіе собственности и преслѣдованіе укоренившейся безправности составляетъ вопіющую и неотложную необходимость; что охраненіе лѣсовъ возможно лишь при бдительномъ надворѣ за ними тщательно выбираемой лѣсной стражи, и что безъ содѣйствія законодательной власти никакія усилія лѣсовладѣльцевъ не приведутъ къ желаемымъ результатамъ, коммиссія предположила ходатайствовать объ установленіи слѣдующихъ мѣръ:

I. Такъ-какъ сторожъ извѣстенъ преимущественно владѣльцу лѣса, то весьма важно, чтобы личность сторожа была извѣстна всякому, имѣющему нужду или покушеніе идти въ лѣсъ,—а потому предоставить лѣсовладѣльцамъ право, впрочемъ необязательное для нихъ, заявлять земской управѣ о нанятыхъ ими сторожахъ и получить для нихъ бляхи, подобныя существующимъ для полевыхъ сторожей.

II. Такъ-какъ существующія нынѣ въ законахъ взысканія оказываются недѣйствительными для огражденія лѣсной собственности, то предоставить земскимъ управамъ составить по волостямъ таксу за

порубки и другія истребленія, и таксу эту принять, какъ обязательную при разборѣ дѣлъ о лѣсоистребленіяхъ.

III. Независимо порубокъ и другихъ похищеній, лѣса истребляются въ значительныхъ размѣрахъ отъ лѣсныхъ пожаровъ, причина которыхъ заключается преимущественно въ разведеніи огней пастухами и проѣзжающими и въ выжиганіи лѣсовъ для хлѣбопашества при лядиномъ и нивномъ хозяйствѣ. Ближайшимъ средствомъ къ прекращенію распространенія пожаровъ въ лѣсахъ представляется вмѣненіе въ строгую обязанность сельскихъ старостъ и волостного начальства слѣдить за тѣмъ, чтобы пастухи въ недозволенное время года не разводили огней въ лѣсахъ и на ихъ опушкахъ, и чтобы при выжиганіи лѣсовъ для пашни соблюдались всѣ предписанныя законныя мѣры осторожности. А такъ какъ время, въ которое не дозволено разводить огонь въ лѣсахъ, опредѣлено закономъ отъ весны до осени, то, для большей точности и огражденія лѣсовъ, воспретить разводить огонь въ лѣсахъ и на опушкахъ отъ 1-го апрѣля и по 1-е ноября, исключая сженія лѣса для пашни, для чего назначеніе сроковъ было бы стѣсненіемъ сельскаго хозяйства.

Затѣмъ огражденіе личности лѣсной стражи и скорый, строгій и справедливый судъ надъ похитителями лѣсной собственности хотя и не осуществился еще на дѣлѣ, но законодательство, — въ высокомъ попеченіи монарха: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ»,— обратило уже вниманіе на дѣла о лѣсоистребленіяхъ, и въ новыхъ судебныхъ уставахъ оскорбленіе и ослушаніе лѣсныхъ сторожей преслѣдуется наказаніями строгими, налагаемыми мировыми судьями, а насиліе судится общими судебными мѣстами. Самыя дѣла о лѣсоистребленіяхъ подчинены вѣдомству мировыхъ судей въ границахъ широкихъ—до 500 руб. причиненнаго вреда и убытка, и подвергаютъ виновныхъ наказанію до 300 рублей штрафа и заключенія до годоваго срока, такъ-что большинство лѣсныхъ преступленій будетъ преслѣдоваться чрезъ мировыхъ судей судомъ скорымъ. Въ виду столь благодѣтельной реформы, ожидающей насъ въ близкомъ будущемъ, остается надѣяться, что право собственности займетъ почетное мѣсто въ общемъ гражданскомъ строѣ государства.

При видѣ такого разнообразія мнѣній и сужденій чисто-противоположныхъ, высказанныхъ собраніями сосѣднихъ губерній, представляется весьма труднымъ вывести отсюда общее заключеніе. Но дѣло въ томъ, что общее заключеніе — одинъ общій лѣсной уставъ, подводящій подъ свой бумажный уровень всѣ разнообразныя мѣстности такого обширнаго государства, какъ Россія — едвали и возможенъ.

Мѣстныя условія имѣютъ рѣшительное вліяніе на систему лѣсоохраненія: система, имъ противорѣчащая, какъ бы она ни казалась теоретически правильно выработанною — не пригодна и оставляетъ

лѣсную собственность въ томъ же печальномъ состояніи расхищенія, на которое жалуются всѣ собранія до одного.

Какъ различны не только мѣстныя условія, а вслѣдствіе того и мѣстныя потребности, но даже взгляды самихъ лѣсовладѣльцевъ на лѣсоохраненіе, можно убѣдиться, взявъ любую губернію, напримѣръ Ярославскую и прослѣдивъ различныя мнѣнія уѣздныхъ собраній. Изъ самыхъ лѣсистыхъ уѣздовъ Ярославской губерніи, Мологскій [1]) и Рыбинскій, сверхъ присяжнаго характера лѣсной стражи, требуютъ билетной системы, въ видѣ письменнаго удостовѣренія, обязательнаго къ предъявленію со стороны покупщика лѣса. Рыбинскій же уѣздъ, сверхъ того, желаетъ придать обязательный характеръ и самой лѣсной стражѣ. Напротивъ, Ростовскій уѣздъ, въ которомъ лѣсу всего около 47,000 десятинъ ($^1/_8$ часть площади уѣзда), указываетъ, что лѣса сберегаются владѣльцами весьма удовлетворительно, такъ-что нѣтъ надобности прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, кромѣ скораго производства суда по порубкамъ и лѣсопохищеніямъ; тотъ же уѣздъ предлагаетъ узаконить отпускъ временно-обязаннымъ крестьянамъ лѣсу изъ казенныхъ дачъ, наравнѣ съ государственными, признавая за одну изъ причинъ порубокъ — недостатокъ у крестьянъ топлива. Угличскій уѣздъ возлагаетъ отвѣтственность за неоказаніе содѣйствія лѣсному сторожу, имѣющему присяжный характеръ, на сельское и волостное начальства и вводитъ начало имущественной отвѣтственности за промедленіе въ преслѣдованіи лѣсопохищенія со стороны судебной инстанціи. Романово-Борисоглѣбскій уѣздъ главнымъ образомъ налегаетъ на введеніе таксъ за лѣсопохищенія. Мышкинскій желаетъ учрежденія для надзора за лѣсами особыхъ уполномоченныхъ отъ земства, а Даниловскій находитъ принятіе какихъ-либо мѣръ — сверхъ полицейскаго и судебнаго охраненія правъ собственности — неудобнымъ и несвоевременнымъ... Между тѣмъ этотъ печальный вопросъ — о необходимости дѣйствительныхъ мѣръ противъ расхищенія лѣсовъ, — тянется вотъ уже осьмой годъ, нисколько не приближаясь къ своему разрѣшенію: онъ начался въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, вмѣстѣ съ эманципаціею, переданъ въ министерство государственныхъ имуществъ, о немъ толкуютъ, печатаютъ, собираютъ коммиссіи, предлагаютъ на обсужденіе... но конца нѣтъ! По нашему мнѣнію, единственный возможный конецъ — признать, что общее огражденіе лѣсной собственности не требуетъ никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ праваго и скораго суда, какъ для всякой вообще собственности; особое же мѣстное охраненіе не есть дѣло закона, а должно быть поручено, какъ это уже высказало Тульское губернское собраніе, мѣстнымъ уѣзднымъ собра-

[1]) Пошехонскій, Любимскій и Ярославскій не доставили отзывовъ въ губернское собраніе.

ніямъ, съ тѣмъ, чтобы они, признаваемыя ими необходимыми, по мѣстнымъ условіямъ, мѣры, представляли на просмотръ губернскаго собранія и утвержденіе правительства, что́ и будетъ служить гарантіею, что эти мѣстныя мѣры не нарушаютъ общихъ правительственныхъ и общественныхъ интересовъ.

2) *О содержаніи пансіонеровъ въ Строительномъ училищѣ на счетъ земства.* По положенію о семъ училищѣ, перешедшемъ въ завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ немъ полагается 106 губернскихъ воспитанниковъ, содержимыхъ на счетъ земскихъ сборовъ, независимо отъ воспитанниковъ, содержащихся изъ государственнаго сбора. Такъ какъ училище это смѣтнымъ назначеніемъ обезпечено до 1868 г., то министръ внутреннихъ дѣлъ заблаговременно пригласилъ земскія собранія объявить, согласны ли они на будущее время имѣть своихъ пансіонеровъ въ училищѣ, добавивъ, что училище подвергается коренному преобразованію, для приготовленія техниковъ по строительно-дорожной службѣ? Большинство губернскихъ собраній (Нижегородское, Смоленское, Ярославское, Тульское, Тверское, Симбирское, Костромское) отказались отъ этого предложенія. Одни (какъ напр. Смоленское, мотивировали этотъ отказъ тѣмъ, что ассигнованіе какой-либо суммы слѣдуетъ производить только въ такомъ случаѣ, когда можно контролировать ея расходованіе, и что центральныя спеціальныя училища до сего времени вообще не приносили ожидаемой пользы. Другія (какъ Тверское) отзывались неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о стоимости содержанія воспитанниковъ, вслѣдствіе чего нельзя судить и о выгодности такого предложенія для земства. Но, по нашему мнѣнію, отказъ этотъ со стороны земскихъ собраній слишкомъ поспѣшенъ. Необходимость техниковъ чувствуется вездѣ, а между тѣмъ трудность отысканія медиковъ—спеціяльности болѣе у насъ распространенной—показываетъ, что земству необходимо самому подготовить для себя людей, съ нужными для него техническими познаніями. Неудобство же обязательной службы можетъ быть предотвращено постояннымъ возвышеніемъ окладовъ земскихъ техниковъ, приносящихъ дѣйствительную пользу для земства. А потому послѣднее Воронежское собраніе весьма основательно признало за лучшее съ сочувствіемъ принять предложеніе министра.

3) *Развитіе селитрованія въ Россіи* — предметъ, переданный на обсужденіе земскихъ собраній военнымъ министромъ. Заводчикамъ Приволжскаго края, добывающимъ селитру изъ навозныхъ накопленій и устроившимъ правильные бурты, въ 1856—1857 г. разрѣшено было ставить въ теченіе 5 лѣтъ нелитрованную селитру по 5 р. 70 к. за пудъ, съ доставкою на казанскій пороховой заводъ. Привилегія эта продолжена на 3 года, начиная съ 1866 г., но селитры поставлено до сихъ поръ очень мало. Поэтому военный министръ вопросъ о раз-

витіи селитрованія въ Приволжскомъ краѣ передалъ на обсужденіе мѣстныхъ земскихъ собраній; но какъ этотъ вопросъ возбужденъ былъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года, то заключеній земскихъ собраній не могло быть сдѣлано, кромѣ экстреннаго Нижегородскаго, передавшаго его въ уѣзды.

Переходимъ затѣмъ къ вопросамъ, возбужденнымъ, на основаніи предоставленныхъ земству правъ ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ—*къ вопросамъ, возбужденнымъ самими земскими собраніями.* Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста заставляетъ ограничиться только важнѣйшими и изложить ихъ въ самомъ сжатомъ видѣ, только какъ перечень или указаніе для справокъ съ подлинными трудами земскихъ собраній. Первое мѣсто между такими вопросами занимаютъ вопросы о пользахъ и нуждахъ, собственно до промышленности и торговли относящихся. Но періодъ земской дѣятельности слишкомъ кратокъ для того, чтобы въ этомъ важномъ и такъ малоизвѣстномъ предметѣ прійти къ какимъ-нибудь правильнымъ и сколько-нибудь общимъ, для цѣлой даже губерніи, заключеніямъ. Всего лучше эта сторона вопроса понята была Новгородскою управою. Обращая вниманіе собранія на недостаточность произведенныхъ до сихъ поръ изысканій въ Новгородской губерніи по нахожденію въ ней различныхъ минераловъ, хорошихъ сортовъ глины, каменнаго угля и проч. и на несомнѣнность нахожденія этихъ богатствъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли, управа полагала бы весьма полезнымъ произвесть обстоятельное ученое изслѣдованіе земель Новгородской губерніи; такое изслѣдованіе чрезъ спеціалистовъ, могло бы также повести къ указанію землевладѣльцамъ улучшенія ихъ настоящихъ производствъ и открытія новыхъ источниковъ дохода, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь предпріимчивыхъ капиталистовъ къ такой промышленности въ губерніи, на какую они не могли рѣшиться безъ собранія обстоятельныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе чего собраніе признало за нужное: 1) просить А. И. Макшеева, при составленіи проекта положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ статистическихъ комитетахъ, включить въ обязанности ихъ собираніе свѣдѣній мѣрами, предложенными управою о мѣстонахожденіяхъ минераловъ, сортовъ глины, каменнаго угля и проч.; — 2) просить губернскую управу войти въ сношеніе черезъ уѣздныя управы съ землевладѣльцами и фабрикантами, не пожелаютъ ли они вызвать, за опредѣленное вознагражденіе, въ свои имѣнія техника, какъ для изслѣдованія земли, такъ и для улучшенія ихъ техническихъ производствъ. По полученіи достаточнаго количества заявленій, пригласить опытнаго техника или горныхъ инженеровъ во время лѣтнихъ вакацій и затѣмъ командировать ихъ въ имѣнія владѣльцевъ,

отъ которыхъ получены заявленія;—3) отпустить для этого въ вѣдѣніе управы изъ остатковъ губернскаго сбора 1,000 р. сер.

Вотъ перечень мѣръ, которыя намѣтили до сихъ поръ по этому вопросу губернскія собранія:

1) На первомъ планѣ стоитъ, конечно, *вопросъ о банкахъ*, какъ самомъ лучшемъ и вѣрномъ, испытанномъ средствѣ поднять торговлю и промышленность, даже во время ихъ застоя, вызваннаго всеобщимъ экономическимъ и финансовымъ кризисомъ въ странѣ. Почти всѣ собранія еще въ прошломъ году признали необходимость учрежденія земскихъ банковъ и выразили желаніе воспользоваться для этой цѣли капиталами, передаваемыми земству (продовольственнымъ, общественнаго призрѣнія и др.) и свободными остатками отъ земскихъ сборовъ. Но до сихъ поръ ни одинъ изъ земскихъ банковъ не состоялся: даже саратовскій банкъ, разрѣшенный правительствомъ еще 2-го ноября 1865 г., и получившій въ ссуду 100,000 р. изъ продовольственнаго капитала, остановился на полдорогѣ, и саратовское губернское собраніе (засѣданіе 30-го мая 1866 г.) поручило губернской управѣ къ будущему съѣзду изложить ея соображенія, на основаніи которыхъ *возможно было бы* устройство банка, если управа *найдетъ возможнымъ собрать нужный для этого капиталъ*. Большая часть собраній поручили впрочемъ составленіе проектовъ банка управамъ и разсматривали ихъ уже на декабрьскихъ собраніяхъ. Между тѣмъ направленіе, которое принято въ этомъ земскими собраніями, выяснилось. Губерніи земледѣльческія (Саратовская, Пензенская, Симбирская) имѣютъ въ виду преимущественно центральные банки долгосрочнаго или поземельнаго кредита, съ выпускомъ облигацій или закладныхъ листовъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Губерніи промышленныя (Ярославская, Костромская, Тверская), напротивъ, придерживаются мѣстныхъ банковъ (съ уѣздными отдѣленіями или агентствами) краткосрочнаго или промышленно-торговаго кредита, съ ссудою наличныхъ денегъ подъ залогъ товарныхъ цѣнностей или личный кредитъ (векселя). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе банки легко могутъ осуществиться, если правительство не откажетъ въ ссудѣ, и что они принесутъ огромную пользу всему населенію. Но обстоятельства, въ которыхъ находится наша поземельная собственность, такъ тяжелы, что едва ли осуществленіе губернскихъ поземельныхъ банковъ возможно въ томъ смыслѣ, чтобы найти удобное и выгодное помѣщеніе для ихъ облигацій. Въ этомъ случаѣ, нашимъ землевладѣльцамъ выгоднѣе образовать изъ себя мѣстныя отдѣленія центральнаго банка, если бы такой банкъ сложился на сколько-нибудь подходящихъ условіяхъ. Судя по уставу, такимъ банкомъ обѣщаетъ сдѣлаться общество взаимнаго кредита, одно изъ всѣхъ центральныхъ банковъ оказавшееся на столько прочнымъ, чтобы на самомъ дѣлѣ начать свои дѣйствія.

2) *Мѣстное наблюденіе за правильностью торговли.* Въ Угличскомъ земскомъ собраніи, гласный крестьянинъ Семеновъ сдѣлалъ заявленіе по поводу безбилетной торговли въ селахъ и деревняхъ, въ ущербъ остальныхъ торгующихъ лицъ. Подобное заявленіе сдѣлано было въ мологскомъ уѣздномъ собраніи. На этомъ основаніи ярославское губернское собраніе (2 сессіи) рѣшило ходатайствовать, не признаетъ ли правительство возможнымъ—право надзора за торговлею распространить какъ на членовъ управы, такъ и на всѣхъ гласныхъ собранія. Собраніе мотивировало это ходатайство тѣмъ, что всѣ промышленныя и торговыя свидѣтельства и билеты подлежатъ обложенію въ пользу земства, и, слѣдовательно, оно тѣмъ самымъ заинтересовано въ возможно большемъ взятіи ихъ изъ казны. Еще ранѣе того Псковское собраніе 1-й сессіи представило правительству о необходимости имѣть отъ земскихъ управъ въ городахъ и уѣздахъ особыхъ агентовъ за правильностью торговли, но, какъ видно изъ доклада управы собранію 2-й сессіи, отвѣта на это ходатайство не получено.

3) Тульское губернское собраніе, по заявленію Чернскаго уѣзднаго, ходатайствуетъ о принятіи во вниманіе убѣжденія Тульскаго земскаго собранія *въ необходимости общихъ мѣръ, споспѣшествующихъ развитію внутренней промышленности и особенно свекло-сахарной чрезъ сложеніе съ нея установленнаго акциза и сохраненіе нынѣ существующаго тарифа на привозный сахаръ.* Въ Чернскомъ собраніи вопросъ этотъ, какъ сказано въ журналѣ, возбудился «подъ вліяніемъ неумолкающихъ слуховъ о предполагаемомъ пониженіи многихъ статей таможеннаго тарифа на ввозные фабрикаты»; присемъ гласные отъ крестьянъ единогласно заявили, что свеклосахарные заводы до сихъ поръ давали сельскому населенію, на мѣстѣ его осѣдлости, обильный источникъ заработковъ, облегчавшій уплату повинностей. Во время преній въ губернскомъ собраніи на выраженное однимъ изъ гласныхъ сомнѣніе въ возможности правильнаго обсужденія земскимъ собраніемъ вопроса о свободной торговлѣ или объ охранительной системѣ, принимаемыхъ на основаніи тѣхъ или другихъ высшихъ государственныхъ соображеній, большинство собранія высказалось въ смыслѣ поддержанія въ Россіи охранительной системы, не отрицая важнаго значенія началъ свободной торговли для странъ, въ коихъ промышленность дошла до извѣстной степени развитія. Поощреніе свеклосахарной промышленности признано было особенно важнымъ потому, что она вызываетъ необходимость введенія плодопеременной системы сельскаго хозяйства, научно признанной за наиболѣе правильную, а возможное пониженіе таможенныхъ доходовъ при охранительномъ тарифѣ—вполнѣ возмѣщаемымъ сохраненіемъ денегъ внутри государства и развитіемъ мѣстной промышленности, не убиваемой заграничною конкурренціей, съ которой русская промышленность бо-

роться еще не въ силахъ. Кромѣ того заявлено было, что для развитія промышленности уменьшеніе пошлинъ на внутреннее производство совершенно равносильно увеличенію тарифа и ввозные товары, и что при ходатайствѣ о средствахъ развитія свеклосахарной промышленности слѣдуетъ упомянуть о необходимости помочь развитію всей промышленности вообще, потому-что главная промышленность Россіи—сельско-хозяйственная, находится въ тѣсной связи съ фабричною, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ у насъ въ полѣ не работаетъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, и что только подобными заявленіями можно уничтожить ложную мысль, будто Россіи должно развивать торговлю однимъ суровьемъ.

4) *Объ акцизѣ съ соли.* Вопросъ объ акцизѣ съ соли возбужденъ былъ въ коммиссіи при Нижегородскомъ (1) собраніи слѣдующимъ образомъ:

Во всѣхъ государствахъ выработалось общее правило не облагать предметы первой потребности налогомъ, и не дѣлать изъ этого государственной регаліи. Соль необходимо отнести къ подобнаго рода потребностямъ. Удешевленіе ея благотворно отразится на здоровьи нашего народа, улучшитъ скотоводство и дастъ возможность развитію новыхъ производствъ, выписываемыхъ нынѣ изъ заграницы. Все это было выражено очень ясно и подкрѣплено научными изслѣдованіями на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, при празднованіи столѣтняго юбилея Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, гдѣ принято было предложеніе о ходатайствованіи предъ правительствомъ о сложеніи соляного налога. Слѣдовательно, коммисія находитъ, что земскимъ людямъ Нижегородской губерніи остается заявить свое полное сочувствіе къ такому предмету. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Русиновъ привелъ собственный примѣръ: въ 1840 году, принявъ въ свое завѣдываніе хозяйство, онъ нашелъ скотъ въ самомъ жалкомъ положеніи и выписалъ для его поправленіи изъ Тироля опытнаго скотовода Готтера. Послѣдній тотчасъ по пріѣздѣ потребовалъ дачи скоту соли въ размѣрѣ 2 пуд. на корову и 1 пуд. на холостую скотину въ годъ; но когда г. Русиновъ объявилъ ему, что онъ не въ состояніи, по причинѣ дороговизны соли отъ 70 до 80 к. за пудъ, затрачивать значительную сумму на этотъ предметъ, то, по обоюдному согласію, положено было соль употреблять какъ гигіеническую мѣру, по увѣренію Готтера чрезвычайно способствующую къ предупрежденію развитія заразительныхъ болѣзней, въ пропорціи 1 пуда на корову и 12 ф. соли на холостую скотину въ теченіе года. Средство это сохранилось въ теченіе 24 лѣтъ и на опытѣ доказано: 1) Что, несмотря на падежи, бывшіе нѣсколько разъ въ томъ же селѣ у крестьянъ, скотъ г. Русинова остался невредимъ. 2) Коровы прибавили значительно молока, давая въ округѣ съ дойной и недойной 2 п. 30 фун. масла въ годъ. 3) Смертность телятъ уменьшилась на 25% противъ прежняго, такъ-что стадо, оставаясь въ полномъ комплектѣ, давало ежегодный доходъ отъ продажи излишка. Такой фактъ заслуживаетъ вниманія.

Крестьяне Нижегородской губерніи, при скудномъ содержаніи скота зимою и несчастныхъ лѣтнихъ пастбищахъ на паровыхъ поляхъ, всего чаще теряютъ свой скотъ отъ заразительныхъ болѣзней, а потому болѣе всего нуждаются въ употребленіи соли для скота въ гигіеническомъ отношеніи. Надо видѣть жалкое измельченное состояніе падающаго у насъ въ губерніи скотоводства; и на вопросъ, почему крестьяне не даютъ соли своему скоту, всегда услышится одинъ отвѣтъ: «не только скоту давать соль, но и сами безъ соли насидимся». Дѣйствительно, соль употребляется у крестьянъ, смотря по состоянію, отъ 12 до 18 ф. въ годъ на человѣка; и если про-

фессоръ Каттары находитъ, что въ гигіеническомъ отношеніи каждому человѣку необходимо 25 ф. соли, то изъ этого слѣдуетъ, что уничтоженіе налога на соль дозволитъ нашему крестьянину потреблять самому такое количество соли, которое ему необходимо, что̀ спасетъ его отъ развитія гнилостныхъ болѣзней, часто свирѣпствующихъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Если соль даетъ государству отъ семи до восьми милліоновъ, то дефицитъ нашего государственнаго бюджета показываетъ, что этотъ налогъ покуда незамѣнимъ. Многіе предлагаютъ сложить его на вино, но тогда онъ падетъ преимущественно на потребителей вина, т. е. на народъ, а это будетъ несправедливо. Ученые люди, приводя въ примѣръ Англію, говорятъ, что со времени уничтоженія акциза на соль, 40 лѣтъ тому назадъ, чрезвычайно выиграло скотоводство, рыбный промыселъ, земледѣліе, развилось производство содовыхъ заводовъ, удешевились разные мануфактурные товары, наконецъ, выигралъ самъ народъ. Имѣя въ виду такой опытъ и такія выгоды, но не имѣя возможности лишиться, при ограниченности средствъ, отъ 7 до 8 милліоновъ рублей, не найдетъ ли возможнымъ правительство — переложить этотъ косвенный налогъ на прямой, а именно, раздѣлить 8 милліоновъ на число гласныхъ или на число душъ въ государствѣ, чѣмъ и обозначится сумма, падающая на губернію: взимать ее слѣдуетъ вмѣстѣ въ государственной повинностью со всѣхъ сословій. Тогда и государственный доходъ останется неприкосновеннымъ, и соль — какъ предметъ первой потребности — освободится отъ налога, мы же земскіе люди будемъ совершенно удовлетворены въ ожиданіи тѣхъ благъ, которыя намъ обѣщаютъ, по примѣру Англіи, русскіе ученые.

Собраніе, согласно съ заключеніемъ коммиссіи, постановило ходатайствовать о сложеніи налога съ соли, но изъ доклада управы собранію 2-й сессіи видно, что отвѣта на это ходатайство не получено.

Вопросъ объ употребленіи соли въ пищу скоту возбужденъ былъ съ особенною настойчивостью на югѣ Россіи, гдѣ скотоводство составляетъ главный промыселъ, и гдѣ, слѣдовательно, это есть одинъ изъ самыхъ насущныхъ, жизненныхъ вопросовъ края. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи для обсужденія въ Херсонскомъ собраніи, поставленъ вопросъ о необходимости изыскапія мѣръ къ распространенію соли для скотоводства. Секретарь этого Общества, въ запискѣ своей, представленной земскому собранію, такъ объясняетъ, съ научной точки зрѣнія, необходимость и средства къ удешевленію соли, употребляемой въ пищу скоту:

Самыя положительныя данныя, выведенныя изъ указаній химіи, физіологіи и многолѣтней практики лучшихъ хозяевъ Европы, доказываютъ, что соль необходима нѣкоторымъ изъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Овца и у нашихъ хозяевъ пользуется этою приправою къ пищѣ. Но рогатый скотъ, который, какъ мѣстные опыты доказываютъ, въ дачѣ соли находилъ бы для себя спасительное средство противъ главнаго бича его — чумы, — рѣдко у кого получаетъ соль, и этого нельзя не отнести къ дороговизнѣ соли. Стало быть, чтобы ввести соль въ употребленіе для скотоводства, нужно изыскать мѣры къ удешевленію ея, и для этого могутъ быть только два пути: а) или уменьшить акцизъ съ соли, и такимъ образомъ отпускать ее безъ разбора цѣлей, съ которыми она покупается; или б) сдѣлать ее чрезъ извѣстную примѣсь годною только для скота, и въ такомъ видѣ отпускать соль или вовсе безъ акциза, или съ пониженіемъ его до $^1/_4$ противъ существующей акцизной платы. Первый путь

былъ бы самый вѣрный и легкій для введенія соли во всеобщее употребленіе, какъ приправы къ скотской пищѣ; и правительство, уменьшивши, положимъ, на половину существующій акцизъ, впослѣдствіи, даже въ самомъ непродолжительномъ времени, не только не потеряло бы въ бюджетѣ своихъ доходовъ, напротивъ, значительно выиграло бы. Предположеніе это въ настоящее время доказано цифрами тѣхъ государствъ, гдѣ, въ видахъ распространенія соли для скотоводства, была уменьшена на нее пошлина: отъ этой мѣры, какъ показываютъ цифры, потребленіе соли въ нѣкоторыхъ государствахъ удвоилось, даже утроилось. Второй путь, т. е. примѣсь къ соли какихъ-нибудь постороннихъ элементовъ, чрезъ которые соль дѣлалась бы негодною для человѣка и безвредною для скота — путь, сопряженный съ значительными неудобствами: во-первыхъ, здѣсь усложняется самая покупка соли, потому-что правительство не иначе согласится на эту мѣру, какъ подъ условіемъ портить соль при самой покупкѣ ея на складахъ; во-вторыхъ, здѣсь дѣло не будетъ обходиться безъ различнаго рода формальностей и бюрократическихъ формъ, и всякій порядочный хозяинъ скорѣе согласится платить двойной акцизъ, чѣмъ имѣть дѣло съ бюрократическими формами. Въ-третьихъ — и это самое важное — трудно найти дешевый элементъ для примѣси соли.

Изъ записки предсѣдателя Херсонской губернской управы видно, что правительствомъ приняты уже мѣры (высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 19 апрѣля 1865 г.):

1) Впредь до утвержденія новаго проектируемаго соляного устава, разрѣшить, въ видѣ опыта—добывать изъ казенныхъ источниковъ: одесскихъ, крымскихъ и астраханскихъ, глауберовую и другія горькія соли, безъ платежа акциза, для обращенія ихъ исключительно для приправы корма скоту.

2) Безакцизный отпускъ глауберовой и горькихъ солей изъ озеръ или лимановъ, предоставленныхъ въ пользованіе частныхъ лицъ, допускать не иначе, какъ съ согласія содержателей.

3) Добычу таковой соли производить съ разрѣшенія мѣстныхъ соляныхъ управленій, примѣняясь къ смыслу 461 ст. сол. Уст. т. VII Свод. Зак., и съ тѣмъ, чтобы за производство добычи горькихъ солей, безъ разрѣшенія, а равно и за добываніе, подъ видомъ горькой, поваренной соли, подвергать виновныхъ взысканіямъ, установленнымъ въ уложеніи о наказаніяхъ за корчемство солью.

Въ виду этихъ правилъ, предсѣдатель херсонской управы излагаетъ:

Изъ данныхъ, добытыхъ наукою, опытами достаточно подтвержденныхъ, видно, что ни глауберовая соль, ни вообще горькія соли не употребляются въ кормъ скоту: по своему разрушительному вліянію на животный организмъ, онѣ употребляются, только при нѣкоторыхъ болѣзняхъ скота, какъ сильное слабительное средство; даже поваренная соль, содержащая въ себѣ въ значительномъ количествѣ примѣси горькихъ солей, положительно вредна.

Вслѣдствіе положительныхъ выводовъ науки и долговременныхъ опытовъ во многихъ иностранныхъ государствахъ — отодвигая на второй планъ интересы фиска — разрѣшено уже поваренную соль допускать какъ подспорье корму скота, смѣшивая въ опредѣленномъ процентѣ съ окрашивающими веществами (древеснымъ углемъ и т. п.), придающими соли грязновато-красноватый, желтоватый и черноватый цвѣтъ; или же смѣшивать ее съ горькими растительными веществами (полынью и т. п.) въ количествѣ, непревышающемъ двухъ процентовъ.

На этихъ основаніяхъ онъ предлагаетъ ходатайствовать:

1) О допущеніи для скота обыкновенной поваренной соли (запасы которой у насъ неистощимы), съ тѣмъ, чтобы эта соль была отпускаема въ склады съ разсрочкою акциза по залоговымъ квитанціямъ, и смѣшиваема съ окрашивающими веществами (окисью желѣза и угля) или же горькими растительными веществами (полынью и горячевкою) на мѣстѣ добычи, или по доставленіи въ городскіе склады, въ присутствіи акцизныхъ чиновниковъ, и затѣмъ освобождалась отъ платежа акциза.

2) Ходатайствовать о томъ, чтобы не обусловливать пріобрѣтеніе соли для корма скота предъявленіемъ письменнаго свидѣтельства одной мѣстной полиціи о количествѣ имѣющагося у пріобрѣтателя соли скота и овецъ, а распространить правило выдачи подобныхъ свидѣтельствъ на волостныя правленія, подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ, если это нужно.

Херсонское собраніе утвердило ходатайство въ этомъ смыслѣ и отстранило заявленіе Одесскаго собранія о наложеніи акциза въ пользу земства на соль, добываемую въ Куяльницкомъ лиманѣ г. Новосельскимъ, на томъ основаніи, что оно желало бы видѣть соль, какъ предметъ первой необходимости для народа.

О сложеніи акциза съ соли, съ переложеніемъ его на предметы роскоши, ходатайствуетъ Смоленское собраніе. Воронежское и Тульское собранія, имѣя въ виду, что Остзейскимъ губерніямъ разрѣшенъ привозъ соли изъ-за границы съ пониженною пошлиною, для употребленія ея, въ видѣ фальсифированной, на кормъ скоту, ходатайствуетъ о предоставленіи тѣхъ же правъ велико-россійскимъ губерніямъ.

5) Псковское собраніе 1-й сессіи ходатайствуетъ *о разрѣшеніи права винокуренія лицамъ всѣхъ сословій* [1]), но отвѣта на это ходатайство еще не было получено.

6) *О разрѣшеніи сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ.* Гласный Гордѣенко, въ превосходной запискѣ, прочтенной имъ Харьковскому губернскому собранію, разсматривая недостатки нашего общественнаго развитія и обязанности въ отношеніи къ земству всѣхъ элементовъ, его составляющихъ, обратилъ вниманіе на необходимость содѣйствія земскимъ учрежденіямъ со стороны всѣхъ общественныхъ силъ. Пусть управы дѣлаютъ свое дѣло какъ слѣдуетъ; гласные самаго собранія, изолированные и лишенные возможности познакомиться съ дѣломъ, всегда будутъ ограничиваться выборами и подписью отчетовъ; «дѣло земское всею тяжестью ляжетъ на управы; по управамъ, составленнымъ изъ 4—6 членовъ, удаленнымъ отъ общества, окруженнымъ разными вѣдомствами съ другими направленіями,— трудно будетъ сохранить свою самостоятельность и характеръ общественнаго управленія: быть можетъ онѣ будутъ плыть на буксирѣ бюрократіи».... Что же нужно—спрашиваетъ г. Гордѣенко—чтобы наши земскія учрежденія были прочны и отвѣчали цѣли?

[1]) До сихъ поръ это право составляетъ привилегію дворянъ-землевладѣльцевъ.

Для этого нужно, чтобы установилось общественное мнѣніе, кредитъ, нужно пріучить себя къ совокупному труду, изучить земство въ хозяйственномъ и личномъ отношеніяхъ; однимъ словомъ — нужно создать общественную жизнь, и чтобы этого достигнуть, нуженъ обмѣнъ мыслей, что дѣлается или совѣщаніями на съѣздахъ, или печатью. Намъ необходимо нужны общественныя собранія для того, чтобы мы могли разсудить сообща о своихъ пользахъ и нуждахъ хозяйственныхъ, узнать лучше себя и свое дѣло. Собранія эти послужатъ къ скорѣйшему образованію общества, къ его воспитанію гражданскому и экономическому, и къ установленію нашей общественной жизни. Члены управъ, совѣщаясь съ обществомъ на этихъ собраніяхъ, будутъ находить въ немъ поддержку, лучше и вѣрнѣе удовлетворятъ желаніямъ своихъ земскихъ сочленовъ.

Мы должны просить правительство о дарованіи земству того права, которымъ уже пользуются крестьяне въ своихъ волостяхъ. Только подъ условіемъ свободнаго обмѣна мыслей, устно и печатно, могутъ установляться общественное мнѣніе, сила и кредитъ, безъ которыхъ наши учрежденія не могутъ развиваться плодотворно.

Вслѣдствіе этого, г. Гордѣенко предложилъ собранію ходатайствовать о разрѣшеніи губернскихъ и уѣздныхъ землевладѣльческихъ съѣздовъ, что и было принято собраніемъ.

7) *Разрѣшеніе ярмарокъ и базаровъ.* Земство всѣхъ губерній высказалось совершенно категорически въ пользу свободнаго разрѣшенія ярмарокъ и базаровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ потребность ихъ вызывается экономическими условіями и заявляется мѣстными ходатайствами: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни одно земское собраніе не отказывало въ немедленномъ ихъ открытіи, измѣненіи сроковъ и пр. — По заявленію Херсонскаго собранія ново-россійскій генералъ-губернаторъ отмѣнилъ стѣснительное распоряженіе о переводѣ базаровъ, вмѣсто воскресныхъ и праздничныхъ дней, на будни, и т. д.

8) *Переселеніе латышей.* Въ Новгородскую губернію началось значительное переселеніе латышей. Вслѣдствіе этого, губернская управа вошла въ сношеніе въ г. Вольдемаромъ, который водворилъ до 200 семействъ въ Крестецкомъ уѣздѣ; но при этомъ встрѣтилось затрудненіе отъ того, что значительная часть латышей, прибывшихъ въ Новгородскую губернію, не нашли земель для своего поселенія и должны были возвратиться домой съ несправедливымъ убѣжденіемъ, что въ Новгородской губерніи нѣтъ земель для поселенія. Сношенія съ г. Вольдемаромъ также не повели къ желаемымъ результатамъ; онъ уклонился отъ продолженія ихъ, вѣроятно потому, что это было лично для него неудобно. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернская управа, сознавая всю важность для Новгородской губерніи въ привлеченіи къ ней поселенія крестьянъ Остзейскихъ губерній, людей трудолюбивыхъ и съ капиталами, считала полезнымъ публиковать во всеобщее свѣдѣніе объ усадьбахъ Новгородской губерніи, которыя продаются или отдаются въ аренду; публикаціи эти можно было бы послать въ Остзейскія губерніи и тогда желающіе поселиться могли бы сойтись съ хозяевами усадебъ

и тѣмъ избѣгнуть комиссіонеровъ; собраніе, раздѣляя такой взглядъ управы, признало за нужное просить ее:

а) Продолжать свои сношенія съ уѣздными управами по доставленію обстоятельныхъ свѣдѣній объ усадьбахъ, которыя продаются или отдаются въ аренду, съ обозначеніемъ подробныхъ условій; б) по полученіи заявленій отъ уѣздовъ, вносить ихъ въ справочную книгу и публиковать въ латышскихъ газетахъ; в) войти въ непосредственное сношеніе съ латышами, или чрезъ особыхъ лицъ, которыхъ управа для сего уполномочитъ, или чрезъ поселенныхъ уже въ губерніи латышей; г) представить къ будущему созванію собранія подробный проектъ устройства при управахъ справочныхъ книгъ.

9) *Вопросъ о введеніи ипотечныхъ книгъ* тѣсно связанъ съ вопросомъ о кадастрѣ. Вопросъ о введеніи у насъ ипотекъ поднятъ былъ на Московскомъ собраніи гл. Кирѣевымъ, представившимъ цѣлый проектъ ипотечнаго устава. На ходатайство о томъ Московскаго губернскаго собранія дано знать, что вопросъ о введеніи у насъ ипотекъ разсматривается въ законодательномъ порядкѣ особою коммиссіею. Между тѣмъ вопросъ этотъ поднятъ былъ въ собраніяхъ Смоленскомъ, Калужскомъ Новгородскомъ 2-мъ, Нижегородскомъ, Орловскомъ, Костромскомъ 3-мъ, и вездѣ ходатайство о немъ отложено, въ виду выше приведеннаго правительственнаго разрѣшенія. Между тѣмъ съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ о кадастрѣ. Харьковское собраніе въ отношеніи къ кадастру пришло къ тому заключенію:

1) что производство его сопряжено съ весьма большими издержками, которыя не соотвѣтствуютъ нынѣшнему экономическому положенію нашему; 2) что для кадастра нужно много свѣдущихъ людей, а таковыхъ у насъ мало; 3) что при настоящемъ колеблющемся состояніи цѣнностей, вслѣдствіе разныхъ экономическихъ и общественныхъ причинъ, кадастръ, разъ произведенный, не можетъ служить вѣрнымъ основаніемъ на продолжительное время, и потому, для имѣнія вѣрнаго кадастра, пришлось бы повторять его въ близкіе одинъ отъ другого періоды; даже прежде, чѣмъ кадастръ былъ бы оконченъ, пришлось бы всю работу передѣлывать; 4) что даже предварительныя техническія соображенія и изысканія потребовали бы довольно значительныхъ затратъ, что, при скудости нашихъ средствъ, было бы обременительно для земства. Вслѣдствіе всѣхъ изложенныхъ причинъ, едвали не слѣдуетъ признать, что, не смотря на всю пользу, какую можно бы ожидать отъ кадастра при другихъ условіяхъ, но при нынѣшнихъ—кадастръ представляетъ затрудненія, заставляющія отказываться отъ желаннаго приведенія въ точную извѣстность посредствомъ кадастра качества, цѣнности и доходности имуществъ.

Калужское собраніе, разсуждавшее о кадастрѣ вслѣдствіе заявленія гл. Осоргина, нашло, что примѣръ другихъ странъ показываетъ, что для достиженія этой цѣли требуются громадныя средства и многолѣтній трудъ,— земство же въ настоящее время никакими свободными суммами не располагаетъ, новый налогъ не мыслимъ. А потому, чтобы положить хотя начало этому дѣлу, собраніе признаетъ полезнымъ пре-

доставить управѣ собрать свѣдѣнія для первоначальнаго разъясненія дѣла: а) о хозяйственныхъ планахъ, имѣющихся у землевладѣльцевъ и у разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и въ военно-топографическомъ депо; б) о количествѣ земель съ подраздѣленіемъ на угодья по каждому уѣзду; в) о густотѣ народонаселенія въ различныхъ мѣстностяхъ; г) о наемной цѣнѣ на земли; затѣмъ собранныя свѣдѣнія послужатъ матеріаломъ по этому вопросу для будущаго губернскаго собранія.

Зная, что положеніе о гипотекахъ и предоставленіе земству участія въ собираніи свѣдѣній о поземельной собственности имѣется уже въ виду правительства,—остается только пожелать, чтобы правила и формы будущихъ уставовъ составлены были съ такою широтою, которая могла бы обнять всѣ разнообразныя, мѣстныя условія,—или чтобы ходатайство о необходимыхъ измѣненіяхъ въ подробностяхъ со стороны земскихъ учрежденій получило должное удовлетвореніе, что было бы удобнѣе сдѣлать, передавъ на обсужденіе ихъ выработанные проекты, прежде законодательнаго ихъ утвержденія.

10) *Объ измѣненіи порядка избранія мировыхъ судей.* Калужское собраніе, по заявленію гл. Потулова, ходатайствовало въ слѣдующемъ случаѣ:

Статья 34 Учр. Суд. Устан. говоритъ: «Земское собраніе можетъ постановленіемъ, состоявшимся по *единогласному* постановленію *полнаго, закономъ опредѣленнаго* числа своихъ членовъ предоставить званіе мироваго судьи и такимъ членамъ, которые хотя и не совмѣщаютъ качествъ, требуемыхъ законами (ст. 19 и 20), но пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью.» Гл. Потуловъ находитъ, что въ этомъ видѣ законъ всегда останется мертвою буквою, такъ какъ: 1) *полнаго, закономъ опредѣленнаго* числа гласныхъ никогда не является въ собраніе, и 2) условіе единогласнаго мнѣнія въ такомъ многочисленномъ собраніи, какъ земское, почти невыполнимо [1]). Собраніе, соглашаясь съ первою половиною предложенія гл. Потулова, положило ходатайствовать о замѣнѣ словъ: *постановленіемъ полнаго, закономъ опредѣленнаго числа*—выраженіемъ: *постановленіемъ всѣхъ наличныхъ гласныхъ, прибывшихъ въ земское собраніе, если число ихъ не менѣе* $^4/_5$ *полнаго числа, закономъ опредѣленнаго.* Но собраніе не согласилось измѣнить требованія о *единогласномъ избраніи.* Такъ объясняется впрочемъ эта статья на практикѣ, ибо мы видимъ случаи единогласнаго избранія мировыхъ судей собраніями, въ наличномъ составѣ которыхъ недоставало нѣсколькихъ гласныхъ.

11) Харьковское собраніе постановило ходатайствовать о *сохра-*

---

[1]) Подобное предложеніе высказано было гл. гр. Шуваловымъ въ С.-Петербургской градской думѣ, при избраніи мировыхъ судей.

менія формальностей при полученіи подорожныхъ, по предложенію гл. Карпова въ слѣдующемъ видѣ:

1) чтобы подорожную могъ получить всякій человѣкъ, безъ предъявленія своихъ документовъ, прямо изъ казначейства, днемъ или ночью, безпрепятственно; 2) если же путешественникъ выѣзжаетъ не изъ города, а изъ деревни, и, подъѣхавши къ станціи, желаетъ продолжать путь на почтовыхъ, то обязать почтосодержателей — имѣть на каждой станціи по нѣсколько подорожныхъ, чтобы проѣзжающій не могъ потерпѣть остановки за недостаткомъ ихъ, въ употребленіи которыхъ почтосодержатели должны ежемѣсячно давать отчётъ казначействамъ; 3) подорожныя могутъ быть безъименныя, какъ письменныя марки.

12) Нижегородское 1-е собраніе ходатайствовало, по предложенію гласнаго гр. Толстаго *объ освобожденіи гласныхъ крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія на всю жизнь*. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ дѣла управы собранію 2-й сессіи, отвѣчалъ, «что на основаніи пункта 5, § 10 высочайшаго указа 17 апрѣля 1863 г., лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности, изъяты отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній. Что же касается ходатайства Нижегородскаго губернскаго земскаго собранія о распространеніи означеннаго изъятія на лицъ крестьянскаго сословія, выбывшихъ изъ должностей членовъ земскихъ управъ, или же изъ гласныхъ, то въ виду того же пункта, приведеннаго выше указа, ограничивающаго установляемое имъ изъятіе временъ дѣйствительнаго занятія должностей, г. министръ *нашелъ невозможнымъ* входить съ представленіемъ по этому предмету».

Нѣсколько ранѣе, по случаю ходатайства о томъ же не названнаго земскаго собранія, въ «Сѣверной Почтѣ» (№ 254 г. 1865) разъяснено было, что, на основаніи 39 ст. Пол. земск. учр. нѣтъ основанія примѣнить законъ 17 апрѣля къ гласнымъ земскихъ собраній, и что не *предполагается даже возможности въ болѣе настоятельномъ возникновеніи этого вопроса*.

13) Новгородская губернская управа обратила вниманіе на то, что временно-обязанные крестьяне, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, должны были понести довольно значительныя издержки на управленіе:

За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, каждый сельскій староста получаетъ нѣкоторую плату, волостной старшина съ квартирою и канцеляріею отъ 150 до 300 руб. сер., волостной писарь примѣрно до 15 руб. въ мѣсяцъ, въ годъ до 180 руб. Полагая сельское общество въ 100 душъ, а волость въ 1,000 душъ, расходы эти на волость составятъ примѣрно до 500 руб. въ годъ; это придется по 50 коп. на каждый душевый надѣлъ. Въ 46 ст. общ. положенія 19 февраля 1861 года, составъ волостей опредѣленъ по числу душъ отъ 300 до 2,000 съ примѣрнымъ разстояніемъ селеній отъ волостного правленія не далѣе 12 верстъ.

По обширнымъ пространствамъ Новгородской губерніи и рѣдкому населенію, волости далеко не достигаютъ двухъ-тысячнаго состава; нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ даже и по 300 душъ.

При введеніи положенія 19 февраля 1861 года, нѣкоторыя сельскія общества состояли на оброкахъ, другія на издѣльной повинности и, наконецъ, нѣкоторыя на повинности смѣшанной, по которымъ безпрерывно возникали недоумѣнія и споры, для чего необходимо было весьма часто обращаться для разбора въ волостныя правленія, а потому въ началѣ дѣла, по новости его для крестьянъ и старшинъ, и для удобнѣйшаго наблюденія со стороны посредниковъ за правильнымъ ходомъ дѣла, небольшіе составы волостей имѣли свои основанія и были полезны.

Но въ настоящее время, когда уже ходъ дѣла установился, обязанности крестьянъ выяснились, многіе изъ нихъ уже поступили на выкупъ и потому необходимость обращаться въ волостное правленіе представляется рѣже, то, казалось бы, необходимо подумать о соединеніи волостей, двухъ или трехъ ближайшихъ—въ одну, съ переводомъ волостнаго правленія въ одно изъ центральныхъ селеній, безъ различія наименованій (т. е. временно-обязанныхъ, бывшихъ удѣльныхъ и казенныхъ).

Въ административномъ отношеніи лучшею единицею, при составленіи сельскихъ обществъ и волостей, смотря по величинѣ ихъ, слѣдуетъ признать приходы, какъ единицу, выработанную жизнью народа и тѣсно связывающую между собою всѣхъ прихожанъ, соединяя два и болѣе приходовъ вмѣстѣ, тамъ, гдѣ они слишкомъ малы.

Мѣра соединенія волостей значительно сократила бы расходы крестьянъ на управленіе.

Собраніе, признавая эти соображенія справедливыми, положило *ходатайствовать о соединеніи крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ въ болѣе крупныя волости по приходамъ.*

То же самое заявленіе сдѣлано было въ Рязанскомъ губернскомъ собраніи 9 гласными отъ крестьянъ въ слѣдующемъ видѣ: «Въ Рязанской губерніи есть волости, къ которымъ причислено незначительное число душъ, а расходы на содержаніе волостныхъ правленій, какъ для малыхъ, такъ и для большихъ обществъ, почти одни и тѣже, и слѣд. для первыхъ весьма обременительны, почему находящіеся въ губернскомъ собраніи гласные крестьяне желали бы внести *единственное ихъ ходатайство* правительству чрезъ посредство губернскаго собранія: о сокращеніи волостей, и чтобы право сокращенія волостей предоставлено было уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Собраніе (по предположенію гласныхъ Титова и Аксенова) постановило: *оставить заявленіе крестьянъ безъ послѣдствій*, но такъ-какъ желательно, чтобы разсужденія по этому предмету не оставались безъ слѣда для предложившихъ вопросъ, упомянуть въ журналѣ, что какъ временно-обязанные, такъ и государственные крестьяне имѣли и имѣютъ полное право ходатайствовать о соединеніи или измѣненіи состава волостей, первые — съ согласія помѣщиковъ, а вторые — палаты государственныхъ имуществъ.

14) Тульское губернское собраніе ходатайствуетъ *объ уменьшеніи пошлинъ съ арендныхъ контрактовъ на земли*, въ виду развитія арендаторства. Предложеніе это внесено гл. Бибиковымъ на томъ основаніи, что, по мнѣнію его, «наше законодательство по контрактамъ о поземельной собственности, составленное тогда, когда всякое арендаторство населенныхъ имѣній было воспрещено, можетъ теперь только тор-

мозить развитіе арендной системы. Взять аренду менѣе, нежели на 12 лѣтъ, почти невыгодно арендатору, а между тѣмъ разсчетъ платы въ казну, при совершеніи контракта аренды на 12 лѣтъ съ арендною платою отъ 3 р. 50 к. до 4 руб. за десятину, выходитъ около 10% годовой арендной платы; эта сумма такъ велика, что можетъ останавливать отдачу имѣній въ аренду, а тѣмъ останавливать у насъ и успѣхи сельскаго хозяйства».

Мы далеко не исчислили всѣхъ вопросовъ, поднятыхъ земскими собраніями въ первый полный годъ ихъ существованія; но и указаннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что, до послѣдняго времени, нашему государственному хозяйству недоставало важнаго органа жизни, а слѣдовательно, и въ будущемъ — экономическое развитіе нашихъ силъ тѣсно связано съ безпрепятственною дѣятельностью этого органа, близко знакомаго съ мѣстными потребностями и средствами. При дальнѣйшемъ распространеніи образованности въ народныхъ массахъ, при увеличеніи полезныхъ свѣдѣній, земскія собранія будутъ дѣйствовать съ бо́льшимъ и бо́льшимъ успѣхомъ, а съ другой стороны, отъ просвѣщенныхъ усилій земства надобно ожидать всего болѣе заботъ о просвѣщеніи народа.

Н. КОЛОПАНОВЪ.

Кострома, 5 марта 1867.

II.

ПЕРВОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Очеркъ второй [1]).

Дѣятельность европейской дипломатіи въ теченіе двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ была совершенно безплодна для греко-славянскаго міра; но затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, отношенія этой дипломатіи къ восточному вопросу приняли еще болѣе странное направленіе. Турція дѣлается, въ теченіе слѣдующаго затѣмъ періода, какой-то ареной, на которой различныя европейскія державы и ихъ государственные люди состязаются въ дипломатической ловкости, и на которой ведется упорная борьба изъ-за вліянія, борьба, можетъ быть, очень интересная для участниковъ ея, но, въ сущности, по-прежнему въ высшей степени жалкая и незавидная.

Помощь, оказанная Россіею турецкому правительству въ тридца-

---

[1]) См. выше т. II, отд. V, стр. 32 — 55.

тыхъ годахъ противъ египетскаго паши Мегеметъ-Али, стремившагося къ пріобрѣтенію полной независимости отъ Турціи; договоръ, заключенный въ 1833 году въ Ункіаръ-Скелесси, между Россіей и Турціей, которымъ обѣ державы обязывались оказывать другъ другу взаимную помощь для охраненія спокойствія въ своихъ владѣніяхъ — все это возбуждало въ западно-европейскихъ державахъ зависть и опасеніе насчетъ увеличивающагося вліянія Россіи. Началась извѣстная агитація англичанина Урквартa противъ насъ, начался цѣлый рядъ дипломатическихъ столкновеній между Англіей и Россіей. Когда въ 1840 году Мегеметъ-Али снова сдѣлалъ попытку къ созданію независимаго египетскаго государства, и сынъ его Ибрагимъ-паша даже подступилъ къ Константинополю; когда Россія собиралась помочь Портѣ, на основаніи договора, заключеннаго въ Ункіаръ-Скелесси,—снова начались со стороны Англіи, Франціи и Австріи усиленные происки. Каждая изъ этихъ державъ имѣла притомъ въ виду умалить вліяніе въ Константинополѣ другой державы, и усилить свое собственное вліяніе. Результатомъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ хитросплетеній было то, что договоромъ, заключеннымъ въ 1841 году, входъ въ Дарданеллы былъ закрытъ для судовъ всѣхъ европейскихъ націй. Все это чрезвычайно занимало тогдашній европейскій политическій міръ: запереть Дарданеллы другъ для друга—оказалось лучшимъ средствомъ къ разрѣшенію восточнаго вопроса, а о серьезной сторонѣ его, объ отношеніи мусульманскихъ властителей къ христіанскимъ подданнымъ, объ отношеніи османскаго племени къ славянскимъ и греческимъ племенамъ, населяющимъ Турцію, почти никто и не заикнулся. Вѣроятно, это считалось дѣломъ второстепеннымъ. Притомъ сторонники сохраненія status quo въ Турціи, опасающіеся всякихъ сколько-нибудь радикальныхъ переворотовъ на юго-востокѣ Европы, имѣли обыкновеніе тогда, какъ и теперь, указывать на то, что Порта, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, серьезно занималась вопросомъ о положеніи райевъ въ турецкой имперіи, что она сдѣлала немало попытокъ къ тому, чтобы улучшить положеніе христіанскихъ подданныхъ своихъ, и представляютъ намъ цѣлый списокъ благодѣтельныхъ гатти-шерифовъ, во главѣ которыхъ помѣщается торжественно такъ-называемый *гатти-шерифъ гюльхане,* изданный въ 1839 году, вскорѣ по вступленіи на престолъ султана Абдулъ-Меджида.

Происхожденіе этой законодательной мѣры, на которую долгое время съ гордостью указывали Порта и защитники ея, но которая въ сущности не имѣетъ никакого внутренняго достоинства, и результаты которой равняются нулю, объясняется весьма просто. Въ то время изъ Лондона въ Константинополь возвратился одинъ изъ самыхъ способныхъ государственныхъ людей Турціи нынѣшняго столѣтія, Решидъ-паша, и занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ.

Решидъ-паша, во время пребыванія своего въ Лондонѣ, замѣтилъ, что въ теченіе всей продолжительной и упорной борьбы между Портой и честолюбивымъ вассаломъ ея, египетскимъ пашею, симпатіи французской, и даже англійской журналистики, равно-какъ и общественнаго мнѣнія, склонялись болѣе на сторону новаго государства, выказавшаго стремленіе къ нѣкоторымъ реформамъ во вкусѣ европейскаго государственнаго устройства, между тѣмъ, какъ Турція, не смотря на все благорасположеніе къ ней западной Европы, все еще являлась въ глазахъ ея представительницей азіатскаго деспотизма. Решидъ-паша захотѣлъ доказать западной Европѣ, что и Турція способна къ прогрессу и къ реформамъ. Онъ успѣлъ въ Лондонѣ познакомиться съ конституціонными и парламентскими формами правленія, и вообразилъ себѣ, что стóитъ только въ Турціи завести названіе конституціи, съ ея номенклатурою гражданскихъ правъ, и отмѣнить на бумагѣ разныя злоупотребленія, — и такая конституція немедленно поставитъ Турцію рядомъ съ либеральными государствами Европы, и заслужитъ ей защиту Англіи и Франціи противъ честолюбивыхъ стремленій Мегеметъ-Али, и противъ мнимыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи. Въ сущности, дѣло шло о томъ, чтобы въ турецкихъ канцеляріяхъ было одною бумагою больше; но тѣмъ не менѣе, Решидъ-пашѣ удалось не безъ труда сломить сопротивленіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ личностей при константинопольскомъ дворѣ—напр., стараго визиря Хозревъ-паши—противившихся такимъ неслыханнымъ нововведеніямъ, — новый законъ былъ наконецъ созданъ въ глубокой тайнѣ, и провозглашенъ съ необыкновенною торжественностью въ султанскомъ кіоскѣ Гюльхане — оттуда и названіе самаго закона—въ присутствіи всѣхъ сановниковъ и знатнѣйшихъ лицъ мусульманскаго населенія Константинополя, а также въ присутствіи депутатовъ отъ грековъ, армянъ, евреевъ, и т. д. Въ этомъ новомъ законѣ, уже 30 лѣтъ тому назадъ, султанъ обѣщалъ всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія національностей и исповѣданій, заботиться о безопасности ихъ жизни, чести и имущества; далѣе, всѣмъ турецкимъ подданнымъ обѣщано было равномѣрное распредѣленіе и правильный сборъ податей и налоговъ; султанъ обѣщалъ также позаботиться объ отмѣнѣ тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ съ давнихъ временъ наиболѣе страдало населеніе, а именно отдачу на откупъ налоговъ, монополій, конфискаціи имущества, и т. д.; въ новомъ законѣ было также обѣщано, что впредь никто не можетъ быть подвергнутъ смертной казни безъ предварительнаго тщательнаго разслѣдованія дѣла и безъ судебнаго приговора; наконецъ, мусульманамъ обѣщаны были еще улучшенія въ постановленіи о рекрутскомъ наборѣ и о срокахъ военной службы. Но уже самая редакція новаго закона была довольно странная: съ одной стороны въ немъ говорилось, что упадокъ и слабость Турецкой имперіи происходятъ вслѣдствіе

частыхъ отступленій отъ древнихъ постановленій корана, и что должно искать средствъ для исправленія этого зла въ возвращеніи къ старымъ обычаямъ и преданіямъ; съ другой стороны, подданнымъ Порты предлагались новыя учрежденія, мало согласовавшіяся съ духомъ мусульманскихъ законовъ, къ которымъ предполагалось возвратиться. Видно было сразу, что при изданіи этого закона правительство имѣло въ виду достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны,—пріобрѣсти расположеніе христіанскихъ подданныхъ своихъ и европейскихъ державъ обѣщаніями нововведеній; съ другой стороны—расположить въ свою пользу мусульманъ указаніемъ на старые обычаи и порядки. Весьма понятно, что законодательная мѣра, преслѣдовавшая двѣ столь діаметрально-противоположныя цѣли, не достигла ни одной изъ этихъ цѣлей; мусульмане были недовольны тѣмъ, что хоть на бумагѣ дѣлался шагъ впередъ къ введенію гражданской равноправности между райями и мусульманами; христіане, если и радовались въ началѣ тѣмъ нововведеніямъ, которыя обѣщаны были въ законѣ, то должны были убѣдиться въ скоромъ времени въ той истинѣ, что легче издавать хорошіе законы, нежели однимъ почеркомъ пера уничтожать всѣ недостатки въ управленіи, проистекающіе изъ самой сущности мусульманства. Въ одномъ только отношеніи Решидъ-паша достигъ своей цѣли: ему дѣйствительно удалось пустить пыль въ глаза западно-европейскимъ дипломатамъ и западно-европейской журналистикѣ. Во всей западной Европѣ стали раздаваться, какъ то́ дѣлается и въ настоящую минуту, похвалы либеральному турецкому министру, и всѣ прославляли турецкія реформы, которыя приближаютъ Турцію къ европейскимъ государствамъ. Только русскій посланникъ въ Константинополѣ, Бутеневъ, и египетскій паша оцѣнили по достоинству пресловутый гатти-шерифъ-гюльхане, назвавъ его «театральнымъ представленіемъ».

Ободренный успѣхомъ первыхъ quasi-либеральныхъ начинаній своихъ, Решидъ-паша хотѣлъ пойти далѣе, и поразить всю Европу новымъ спектаклемъ въ томъ же родѣ. Онъ вздумалъ разыграть въ Константинополѣ комедію представительнаго образа правленія, и поэтому рѣшился созвать парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ. Понимая, что нельзя предоставить народу, ничѣмъ не подготовленному къ такому политическому шагу, право самому избрать своихъ представителей, турецкое правительство взяло на себя трудъ назначать тѣхъ людей, которые должны были удостоиться чести засѣдать въ Константинополѣ вмѣстѣ со многими другими высшими и низшими чиновниками. Султанъ, какъ слѣдуетъ, открылъ собраніе тронною рѣчью, которая составлена была по образцу англійскихъ тронныхъ рѣчей, и касалась вкратцѣ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Собраніе отвѣтило на тронную рѣчь адрессомъ, ко-

торый былъ поднесенъ султану нарочно-назначенною для того депутаціей. Но вся эта комедія была поставлена и разыграна уже слишкомъ грубо, и поэтому авторъ ея, Решидъ-паша, напрасно ожидалъ, по окончаніи ея, рукоплесканій со стороны константинопольскихъ дипломатовъ и европейской журналистики: на этотъ разъ, всѣ были того мнѣнія, что Решидъ-паша считалъ Европу уже черезъ-чуръ легковѣрною: самые рьяные друзья Порты отнеслись къ этой выходкѣ съ недовѣріемъ и насмѣшками. Жалкій успѣхъ комедіи заставилъ автора ея отказаться отъ повторенія. Единственной, сколько-нибудь полезной реформой, предпринятой въ это время Решидъ-пашей, было то, что у пашей отнято было право распредѣленія податей между различными мѣстностями и жителями отдѣльныхъ провинцій, и право сбора ихъ, подававшее поводъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ и грабительствамъ: это дѣло было поручено особымъ чиновникамъ, назначаемымъ отъ министерства финансовъ. Но эта, и подобныя ей реформы слишкомъ противорѣчили частнымъ интересамъ многихъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ турецкой администраціи, и слишкомъ были несогласны съ обычаями и нравами, вкоренившимися въ Турціи, для того, чтобы отъ нихъ можно было ожидать полнаго успѣха. Въ скоромъ времени злоупотребленія и грабительства при сборѣ податей стали проявляться при новыхъ порядкахъ не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ при прежнихъ порядкахъ.

Хотя турецкіе христіане уже должны были бы привыкнуть къ тому, что всѣ обѣщанія Порты остаются обѣщаніями, и всѣ реформы совершаются только на бумагѣ, однако вначалѣ этотъ пресловутый гатти-шерифъ не могъ не возбудить нѣкоторыхъ надеждъ въ христіанскомъ населеніи Турціи. Но въ самомъ непродолжительномъ времени болгары, босняки и другія христіанскія племена въ Турціи убѣдились въ томъ, что всѣ реформы, обѣщанныя Портой, въ полномъ смыслѣ слова остались реформами только на бумагѣ. Оказалось, что и послѣ изданія гатти-шерифа, какъ и до того, ни одинъ христіанинъ не могъ занимать въ Турціи общественныхъ должностей, ни одинъ изъ нихъ не могъ явиться свидѣтелемъ противъ мусульманина, однимъ словомъ названіе *«райя»* по-прежнему сохранило все свое зловѣщее значеніе.

Справедливыя жалобы христіанъ на притѣсненія, справедливыя требованія ихъ о дарованіи имъ на дѣлѣ правъ, обѣщанныхъ имъ на бумагѣ, вели только къ новымъ наказаніямъ, къ новымъ преслѣдованіямъ ихъ, однимъ словомъ ухудшали ихъ положеніе вмѣсто того, чтобы улучшить его. Въ Босніи и Герцеговинѣ такое положеніе дѣлъ вызвало сильнѣйшее броженіе въ мѣстномъ христіанскомъ населеніи, принявшее наконецъ характеръ совершенно хроническій. По временамъ, это хроническое зло принимало острый характеръ, и выражалось въ отдѣльныхъ вспышкахъ, въ попыткахъ возстанія со стороны насе-

ленія, окончательно выведеннаго изъ терпѣнія. Эти попытки къ возстанію были болѣе или менѣе упорны и продолжительны, но всѣ онѣ кончились разумѣется тѣмъ, что послѣ отчаянной обороны возставшее христіане были побѣждаемы, и подвергались еще худшей участи, чѣмъ прежде. Эти попытки возстанія конечно не имѣли особаго важнаго политическаго значенія. Ихъ можно уподобить, по весьма удачному выраженію одного нѣмецкаго писателя, «болѣзненнымъ крикамъ и стонамъ, испускаемымъ человѣкомъ, подвергающимся пыткѣ». Но какъ эти крики и стоны замираютъ, не произведя никакого дѣйствія, и не принеся облегченія несчастному мученику, такъ до сихъ поръ проходили, почти совершенно безслѣдно, попытки возстанія боснійскихъ и герцеговинскихъ христіанъ, не возбуждая въ европейской дипломатіи ни малѣйшаго сочувствія. Причину ихъ приписывали обыкновенно не турецкому гнету, а политическимъ происканъ, направленнымъ противъ существованія Порты; а судьбу ихъ, какъ и вообще всѣхъ турецкихъ христіанъ, считали вполнѣ обезпеченною, съ тѣхъ поръ, какъ султанъ обѣщалъ имъ равноправность съ турками, равноправность, которая не перешла и не могла перейти въ область дѣйствительности.

Въ Болгаріи обманутыя надежды повели къ подобнымъ же результатамъ, какъ напр. въ Босніи и Герцеговинѣ. Болгары всегда считались, и считаются до сихъ поръ, самымъ кроткимъ, самымъ покорнымъ племенемъ изъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, населяющихъ турецкую имперію. Они всегда сносили свою печальную судьбу съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, и утѣшались болѣе воспоминаніемъ о прошломъ величіи своей родины, и надеждами на избавленіе, которое, какъ они ждутъ, должно прійти съ сѣвера. Подъ вліяніемъ турецкаго ига въ Болгаріи образовались двѣ главныя политическія партіи (если не считать партіи фанаріотовъ, которые заключили союзъ съ турецкими угнетателями, для удовлетворенія личныхъ выгодъ насчетъ несчастныхъ болгаръ): партія русская и партія собственно національная. Первая изъ этихъ партій считаетъ единственнымъ средствомъ къ освобожденію Болгаріи—присоединеніе ея къ Россіи, видитъ въ русскихъ—единственныхъ избавителей своей родины, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ того времени, когда Болгарія войдетъ въ составъ могущественнаго, православнаго русскаго государства. Другая партія, еще болѣе значительная, нежели первая, преслѣдуетъ иную цѣль. Эта партія тоже считаетъ неизбѣжнымъ близкое распаденіе оттоманской имперіи, причемъ, разумѣется, наслѣдниками турокъ на Балканскомъ полуостровѣ должны явиться южно-славянскія племена. Между тѣмъ, болгары составляютъ самое значительное и многочисленное племя среди другихъ южно-славянскихъ племенъ, и поэтому имъ должно принадлежать, по мнѣнію болгарской національной партіи, преобладаніе въ новомъ южно-славянскомъ государствѣ, которое, если будетъ простираться если не до

Босфора, то по крайней мѣрѣ займетъ все пространство между Дунаемъ, Балканскими горами, Адріатическимъ и Чернымъ морями, и столица котораго будетъ въ Софіи. Такова въ общихъ чертахъ программа болгарской національной партіи. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, на сколько осуществленіе этой программы возможно и вѣроятно, насколько она согласна съ видами и планами европейской дипломатіи, и преимущественно Австріи, которая конечно употребитъ всѣ свои усилія для того, чтобы воспрепятствовать образованію независимаго южно-славянскаго государства. Мы замѣтимъ здѣсь только, что образованіе этой партіи, составленіе болѣе или менѣе опредѣленной программы ея, является, главнымъ образомъ, результатомъ обманутыхъ надеждъ болгаръ, которые тоже готовы были ожидать нѣкотораго облегченія своей участи отъ реформъ, обѣщанныхъ столь торжественнымъ образомъ въ гатти-шерифѣ «гюльхане», и которые тоже должны были убѣдиться въ самомъ непродолжительномъ времени въ томъ, что обѣщанія эти никогда не перейдутъ въ дѣйствительность. До сороковыхъ годовъ не было замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ существованія національной партіи. Она стала формироваться только съ начала сороковыхъ годовъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ, по мнѣнію Решидъ-паши и черезъ-чуръ довѣрчивыхъ и наивныхъ европейскихъ дипломатовъ, должно было послѣдовать полное примиреніе мусульманскихъ повелителей съ подданными христіанами.

Въ христіанскихъ провинціяхъ Порты, населенныхъ греками, результаты этой законодательной мѣры, на которую въ Константинополѣ возлагали такія блестящія надежды, были столь же неудовлетворительны, какъ и въ славянскихъ провинціяхъ. Эпиръ и Ѳессалія, оставшіеся подъ управленіемъ турецкихъ пашей, равно-какъ и островъ Самосъ, которому, вслѣдствіе ходатайства великихъ державъ, данъ былъ губернаторъ изъ христіанъ, дѣлали, впродолженіе сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ неоднократныя, но тщетныя попытки освободиться отъ турецкаго ига. Кандійцы, которые послѣ девятилѣтняго египетскаго управленія снова перешли подъ непосредственное управленіе турокъ, тоже не могли никакъ помириться съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, явившимся результатомъ велемудрыхъ рѣшеній европейской дипломатіи. Пытавшись не разъ освободиться отъ египетскаго ига, кандійцы сдѣлали, въ 1841 году, когда островъ ихъ сдѣлался снова турецкимъ владѣніемъ, отчаянную попытку свергнуть съ себя владычество турокъ. Возстаніе охватило весь островъ, и турецкія войска, находившіяся на островѣ, были вынуждены искать убѣжища въ укрѣпленныхъ мѣстностяхъ. На островѣ образовалось временное правительство, и оно обратилось къ великимъ европейскимъ державамъ съ воззваніемъ о помощи. Наивные кандійцы и не подозрѣвали, что въ Европѣ давно уже остыло увлеченіе въ пользу Греціи, что,

напротивъ, теперь Порта стала любимцемъ европейской дипломатіи, и что сохраненіе неприкосновенности Турецкой имперіи считалось уже въ то время краеугольнымъ камнемъ европейскаго равновѣсія. При такихъ обстоятельствахъ воззваніе инсургентовъ, конечно, не могло повести къ желаемому результату: великія державы не обратили на него ни малѣйшаго вниманія, представители ихъ въ Константинополѣ прямо высказали свое неодобреніе возстанію кандійцевъ, и ничто не мѣшало Портѣ принять, для подавленія возстанія, тѣ мѣры, которыя она считала необходимыми. Порта послала къ берегамъ Кандіи значительную эскадру, состоявшую изъ 14 военныхъ судовъ и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной борьбы, инсургенты были оттѣснены въ горы, и наконецъ должны были покориться, и обратиться къ милосердію султана. Волонтеры же, прибывшіе на островъ изъ Греческаго королевства, были вынуждены возвратиться въ Грецію.

Между тѣмъ, какъ христіанскія провинціи, находившіяся подъ непосредственнымъ управленіемъ Турціи, горькимъ опытомъ должны были убѣдиться въ томъ, что̀ значатъ благодѣтельныя реформы, обѣщанныя Портой на бумагѣ, и доставившія ей столько восторженныхъ похвалъ со стороны западно-европейскихъ друзей ея — тѣ провинціи, которыя находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, тоже не могли похвалиться тѣмъ, что положеніе, созданное для нихъ европейской дипломатіей, удовлетворяло желаніямъ и истиннымъ интересамъ населенія этихъ провинцій. Дунайскія княжества и Сербія, подобно греческому королевству, были, въ теченіе многихъ десятилѣтій, ареной, на которой боролись многочисленныя туземныя и иноземныя партіи, на которой европейскіе, и преимущественно константинопольскіе дипломаты выказывали свое искусство, на которой каждая изъ многочисленныхъ туземныхъ партій, а также иностранныя державы и отдѣльные государственные люди старались пересилить своимъ вліяніемъ вліяніе другихъ державъ, другихъ партій и другихъ дипломатовъ. При этомъ, разумѣется на истинные интересы большинства населенія обращалось столь же мало вниманія, какъ и при устройствѣ судьбы Греціи, при опредѣленіи отношеній Порты къ христіанскимъ ея подданнымъ, и такъ далѣе. Интересы большинства сербовъ, молдаванъ, валаховъ и пр. являлись въ глазахъ европейской дипломатіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ чѣмъ-то второстепеннымъ, пожалуй даже третьестепеннымъ. На первомъ же планѣ стояло то, чтобы при устройствѣ управленія этихъ провинцій, и при опредѣленіи отношеній ихъ къ Портѣ и къ другимъ европейскимъ державамъ не дать усилиться вліянію одной какой-либо державы въ ущербъ вліянію другихъ державъ. Болѣе всего какъ Порта, такъ и западно-европейскія державы боялись, разумѣется, усиленія вліянія Россіи въ этихъ вассальныхъ владѣніяхъ Турціи. Это вліяніе Россіи, какъ кошемаръ, преслѣдуетъ европей-

скихъ и турецкихъ дипломатовъ впродолженіе послѣдняго пятидесятилѣтія, и противодѣйствіе этому вліянію проходитъ кровавою нитью чрезъ всю исторію Турціи, Греціи, Сербіи, Дунайскихъ княжествъ, однимъ словомъ, черезъ исторію всего грекославянскаго вопроса.

Уже въ 1812 году, въ Букарестскомъ трактатѣ, Россія выговорила извѣстную автономію въ пользу сербскаго народа, соединеннаго съ ней племеннымъ и религіознымъ сродствомъ, и сражавшагося, во время послѣдней войны, вмѣстѣ съ русскими войсками противъ турокъ. Но великія событія, послѣдовавшія затѣмъ на западѣ Европы, отвлекли вниманіе всей Европы, и въ томъ числѣ отъ Россіи, отъ Балканскаго полуострова; и это дало Турціи возможность не только не исполнить обѣщаній, данныхъ Россіи относительно Сербіи, но и жестоко отмстить сербамъ за послѣднее ихъ возстаніе. Только нѣсколько лѣтъ спустя, Михаилъ Обреновичъ завоевалъ независимость для своей родины, и на этотъ разъ уже безъ всякой иноземной помощи; но отношенія Сербіи къ Турціи не были еще формальнымъ образомъ опредѣлены дипломатическимъ путемъ. Лишь въ 1826 году, въ Аккерманскомъ трактатѣ Россія потребовала отъ Порты не только подтвержденія того, что́ было выговорено въ пользу Сербіи въ 1812 году, но еще расширенія правъ Сербіи: однимъ словомъ, отношенія Сербіи къ Портѣ были опредѣлены правильнымъ, дипломатическимъ путемъ. Сербы очень хорошо понимали, что главная, или даже единственная заслуга въ этомъ дѣлѣ, принадлежала Россіи. Но Порта, при извѣстной медлительности ея въ исполненіи принимаемыхъ ею на себя обязательствъ, еще не успѣла привести въ исполненіе всѣхъ постановленій Аккерманскаго договора, какъ началась новая война между Россіей и Турціей, которая снова отодвинула на задній планъ разрѣшеніе сербскаго вопроса. Однако, при заключеніи Адріанопольскаго мирнаго договора Россія возвратилась въ третій разъ, въ теченіи какихъ-нибудь 17-ти лѣтъ, къ вопросу объ опредѣленіи отношеній Сербіи къ Турціи: въ этомъ договорѣ еще разъ были подтверждены обѣщанія, данныя Портой относительно Сербіи въ Букарестскомъ и Аккерманскомъ договорахъ, и Россія выговорила еще для сербскаго княжества новую, болѣе выгодную для него пограничную черту. Но Порта никакъ не хотѣла помириться съ мыслью о томъ, что Сербія обязана будетъ своей независимостью, всѣмъ своимъ новымъ положеніемъ, ненавистному для Порты русскому вліянію. Между тѣмъ, она не видѣла возможности не исполнить обязательствъ, принятыхъ на себя въ недавнихъ договорахъ. Поэтому она рѣшилась, дѣйствуя отчасти по собственному влеченію, отчасти повинуясь внушеніямъ западно-европейскихъ державъ, ослабить вліяніе Россіи на дѣла Сербіи тѣмъ, что дала Сербіи различныя права и привилегіи, которыя шли далѣе условій, выговоренныхъ въ пользу ея Россіей: такъ напр., султанъ Махмудъ

по собственному побужденію объявилъ княжеское достоинство наслѣдственнымъ въ семействѣ Обреновичей. Съ другой стороны, самъ князь Милошъ тоже опасался черезъ-чуръ подпасть вліянію Россіи, которой онъ и безъ того былъ обязанъ весьма многимъ, и поэтому онъ старался объ ослабленіи русской партіи въ Сербіи, и объ усиленіи партіи собственно національной. Такимъ образомъ, уже въ первое десятилѣтіе послѣ Адріанопольскаго мирнаго договора въ Сербіи сложились различныя, враждебныя другъ другу партіи — партіи, національная или, лучше сказать, правительственная, русская, австрійская, турецкая, и т. д.; все вниманіе было обращено, какъ мы говорили уже выше, на борьбу этихъ партій, а не на охраненіе интересовъ населенія страны; интересы эти требовали между тѣмъ особой заботливости, для излеченія всѣхъ ранъ, нанесенныхъ странѣ войною за независимость. Но еще болѣе усилились интриги различныхъ партій, когда князь Милошъ, не исполнившій постановленій органическаго статута, изданнаго съ согласія Порты и Россіи, навлекшій на себя всеобщее нерасположеніе своимъ корыстолюбіемъ и своею чрезмѣрною строгостью, былъ вынужденъ бѣжать изъ Сербіи вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, и когда революція 1842 года возвела на сербскій княжескій престолъ князя Александра Карагеоргіевича. Порта приняла сторону революціонной партіи въ Сербіи, и утвердила еще въ томъ же году княземъ сербскимъ Александра Карагеоргіевича, не снесшись предварительно съ русскимъ правительствомъ, и не узнавши—согласно ли это послѣднее на такое измѣненіе престолонаслѣдія въ Сербіи. Россія, какъ держава, покровительствующая Сербіи, какъ держава, устроившая судьбу Сербіи посредствомъ трехъ трактатовъ, заключенныхъ съ Портой, протестовала противъ этого поступка Порты. Турецкое правительство оправдывалось тѣмъ, что оно признаніемъ князя Александра не нарушало ни одного изъ постановленій, обезпечивающихъ автономію Сербіи, что признаніе наслѣдственности княжескаго титула въ семействѣ Обреновичей было сдѣлано помимо трактатовъ, и что поэтому Порта никому не обязана отдавать отчета въ томъ, что она нарушила наслѣдственныя права Обреновичей признаніемъ князя Александра; трактаты давали ей полное право поступать такимъ образомъ. Русское правительство не удовольствовалось этими объясненіями: оно потребовало отъ Порты удаленія князя Александра, отозванія чрезвычайнаго коммиссара въ Сербіи, покровительствовавшаго партіи Карагеоргіевичей, и изгнанія главныхъ виновниковъ недавней сербской революціи. Порта, не найдя въ настоящемъ случаѣ поддержки у европейскихъ державъ, принуждена была исполнить требованія Россіи. Впрочемъ, во время выборовъ, произведенныхъ въ 1843 году подъ наблюденіемъ турецкаго и русскаго чрезвычайнаго коммиссаровъ, князь Александръ снова былъ избранъ единогласно княземъ сербскимъ, и

утвержденъ на этотъ разъ какъ Портой, такъ и Россіей. Но этимъ не прекратилась въ Сербіи борьба различныхъ партій; она продолжалась, напротивъ, съ усиленною дѣятельностью, въ теченіе всѣхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, къ ущербу истинныхъ народныхъ интересовъ.

Въ Молдавіи и Валахіи дѣла находились приблизительно въ такомъ же положеніи, съ тою только разницею, что здѣсь было еще гораздо болѣе отдѣльныхъ партій, большихъ и малыхъ, туземныхъ и иноземныхъ, нежели въ Сербіи. Здѣсь Россіи предоставлено было право покровительства еще съ 1792 года. Съ тѣхъ поръ до 1826 года княжества эти пользовались нѣкоторой степенью автономіи, подъ покровительствомъ Россіи, и подъ управленіемъ господарей, назначаемыхъ или изъ семействъ константинопольскихъ грековъ-фанаріотовъ, или изъ мѣстныхъ боярскихъ семействъ; Порта имѣла право во всякое время смѣнить этихъ господарей. Но въ Аккерманскомъ договорѣ 1826 года было установлено, что господари назначаются мѣстными національными собраніями на семилѣтній срокъ, и что Порта, до истеченія этого срока, не имѣетъ права смѣнять этихъ господарей безъ согласія Россіи. Адріанопольскій договоръ 1829 года еще болѣе ограничилъ верховныя права Порты: господари должны были назначаться пожизненно, и смѣна ихъ дозволялась только въ крайнихъ случаяхъ, для чего каждый разъ должно было состояться особое соглашеніе между Россіей и Турціей. Съ этихъ поръ происходили неоднократныя столкновенія между Россіей и Портой, по вопросу о назначеніи или смѣнѣ того или другого господаря для Валахіи и Молдавіи; такъ, напр., въ 1842 году вопросъ о смѣнѣ валахскаго господаря Гика, которому покровительствовала Порта, и о замѣнѣ его княземъ Бибеско, пользовавшимся покровительствомъ Россіи, подалъ поводъ къ довольно-серьезному дипломатическому столкновенію.

Въ такомъ положеніи греко-славянскій міръ застигнутъ былъ 1848-мъ годомъ. Собственно событія этого года мало коснулись оттоманской имперіи. Это обстоятельство можетъ быть объяснено весьма удовлетворительно тѣмъ, что населеніе Турціи не находилось ни въ какомъ умственномъ общеніи съ населеніемъ остальной Европы, и что даже торговыя сношенія ихъ были весьма незначительны. Но тогдашніе турецкіе государственные люди приписали этотъ результатъ своему искусному управленію: великій визирь Решидъ-паша увѣрялъ даже, что событія эти могутъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія для Турціи, что Турція должна считать разрушающееся могущество Австріи исходной точкой для новой эпохи могущества и блеска оттоманской имперіи. Событія однако не оправдали этихъ оптимистскихъ надеждъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что для «больного человѣка» не только не

насталъ періодъ выздоровленія, но что онъ былъ, напротивъ, опаснѣе, нежели когда-либо.

Если въ провинціяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ управленіемъ Порты, вслѣдствіе различныхъ, совершенно случайныхъ обстоятельствъ, именно въ концѣ сороковыхъ годовъ не было особыхъ переворотовъ и вспышекъ, то того же нельзя сказать о вассальныхъ владѣніяхъ Порты, гдѣ европейскія революціонныя бури сороковыхъ годовъ не прошли совершенно безслѣдно.

Въ Молдавіи и Валахіи лѣтомъ 1848 года обнаружилось нѣкоторое революціонное движеніе. Между тѣмъ въ 5-й статьѣ Адріанопольскаго мирнаго договора сказано было, что Россія заботится о благосостояніи Дунайскихъ княжествъ и о порядкѣ въ нихъ. Поэтому, когда въ княжествахъ этихъ произошла революція, хотя и имѣвшая въ сущности довольно мирный характеръ, русскія войска вступили въ княжества, съ цѣлью уничтожить анархію въ областяхъ, поставленныхъ подъ русское покровительство. «Русское правительство объяснило въ циркулярной нотѣ къ европейскимъ державамъ, что съ одной стороны революціонная партія въ княжествахъ стремится къ анархіи и безпорядкамъ, а съ другой стороны она имѣетъ въ виду совершенное отдѣленіе княжествъ отъ Турціи. Россія, объяснено было далѣе въ этомъ циркулярѣ, не можетъ допустить ни перваго, ни послѣдняго, потому-что и то и другое было бы противно существующимъ трактатамъ: поэтому она рѣшилась, по соглашенію съ Турціей, занять княжества, съ тѣмъ, чтобъ очистить ихъ по возстановленіи порядка. Румыны послали въ Константинополь протестъ противъ этого занятія княжествъ русскими войсками: они увѣряли въ этомъ протестѣ, что никогда и не думали отдѣляться отъ Порты, и просили содѣйствія ея для удаленія русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи. Порта вошла по этому предмету въ переговоры съ Россіей, и результатомъ этихъ переговоровъ было то, что лѣтомъ 1849 года между Россіей и Портой состоялось новое соглашеніе относительно Дунайскихъ княжествъ, извѣстное подъ именемъ договора Балта-Лимана. Договоръ этотъ былъ заключенъ на 7 лѣтъ; всѣ другіе договоры, заключенные между Россіей и Турціей, не теряли своей силы вслѣдствіе этого договора, и по истеченіе семилѣтняго срока снова должны были вступить въ дѣйствіе. Между тѣмъ, по балта-лиманскому договору Россія пріобрѣтала въ теченіи семи лѣтъ почти одинаковыя права съ Портой относительно Дунайскихъ княжествъ. Рѣшено было произвести, подъ наблюденіемъ Порты и Россіи, новые выборы господарей, и стараться о томъ, чтобъ выборъ упалъ на достойнѣйшихъ; господарей этихъ предполагалось утвердить на семь лѣтъ. Совѣтъ бояръ упразднялся. Конституцію княжествъ предполагалось подвергнуть пересмотру «для согласованія ея съ потребностями времени»; этимъ дѣломъ должны были заняться двѣ

коммиссіи, въ Яссахъ и Букарестѣ, назначенныя по соглашенію между Портой и Россіей. При новыхъ господаряхъ должны были состоять особые коммиссары отъ Россіи и Порты. До осуществленія новыхъ реформъ, и до окончательнаго возстановленія порядка въ княжествахъ, а также до окончательнаго возстановленія порядка въ пограничныхъ съ княжествами областяхъ, и именно въ Венгріи, въ княжествахъ долженъ былъ оставаться смѣшанный, русско-турецкій оккупаціонный корпусъ, въ количествѣ отъ 25 до 30,000 человѣкъ.

Все это сдѣлано было только по взаимному соглашенію между Россіей и Турціей, безъ всякаго участія остальныхъ европейскихъ державъ. Австрія и Франція были исключительно заняты въ это время внутренними революціонными смутами своими. Англія устремила вниманіе свое преимущественно на то, что дѣлалось въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ революція коснулась гораздо болѣе, чѣмъ юго-востока Европы, а именно въ Германіи, Италіи, Венгріи и пр. Поэтому восточныя дѣла были нѣсколько упущены изъ виду западно-европейскими державами, и дѣйствующими лицами въ восточномъ вопросѣ, кромѣ христіанскаго населенія Турціи и вассальныхъ владѣній ея, являлись на этотъ разъ только двѣ державы — сама Турція и Россія. Но, справившись съ домашними дѣлами, западно-европейская дипломатія не выразила удовольствія тому обороту, который приняли дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, и усиленію вліянія Россіи въ Константинополѣ. Начались интриги, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, такъ-что съ самаго начала пятидесятыхъ годовъ отношенія Порты къ Россіи стали уже принимать чрезвычайно натянутый характеръ.

Первымъ поводомъ къ столкновенію между Россіей и Турціей былъ вопросъ о пребываніи многочисленныхъ польскихъ выходцевъ въ Константинополѣ. Уже втеченіи 15 лѣтъ въ Константинополѣ образовалась колонія польскихъ эмигрантовъ, къ которой принадлежали нѣкоторыя изъ вліятельнѣйшихъ лицъ польской революціи 1831 года. Русское правительство давно уже обращало вниманіе на эту колонію, тѣмъ болѣе, что оно пріобрѣло самыя несомнѣнныя доказательства, что всякій ударъ, наносимый русскому владычеству на Кавказѣ, или въ Дунайскихъ княжествахъ, былъ поддерживаемъ, или даже подготовляемъ, польскими эмигрантами въ Турціи. Наконецъ, русское правительство потребовало отъ Порты, чтобы та положила конецъ этимъ интригамъ, и изгнала изъ Турціи безпокойныхъ революціонеровъ 1831 года. Это требованіе привело Порту въ немалое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ министровъ ея находились въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ польскими эмигрантами, и что большая часть этихъ послѣднихъ имѣли сильныя связи въ Англіи и Франціи. Однако англійскіе и французскіе дипломаты въ Константинополѣ съумѣли вывести Порту изъ затруднительнаго положенія ея: по совѣту ихъ большая часть поль-

скихъ эмигрантовъ поспѣшила, оставаясь въ Турціи, перейти въ англійское, французское и американское подданство, и Порта могла отвѣтить на русскія предложенія объ изгнаніи ихъ изъ Турціи, что Россія должна обратиться съ своими требованіями къ вышеозначеннымъ державамъ; лишь самая незначительная часть польскихъ эмигрантовъ вынуждена была покинуть Константинополь.

Послѣ избранія новыхъ господарей для Молдавіи и Валахіи порядокъ въ этихъ провинціяхъ былъ, повидимому, возстановленъ. Вслѣдствіе того, Порта, по внушенію западно-европейскихъ дипломатовъ, начала обращаться къ Россіи съ требованіемъ объ удаленіи изъ Дунайскихъ княжествъ русско-турецкаго оккупаціоннаго корпуса, согласно съ постановленіями балто-лиманскаго договора. Россія сначала отказывалась отъ исполненія этого требованія на томъ основаніи, что еще не разрѣшенъ вопросъ объ удаленіи польскихъ эмигрантовъ изъ Турціи, и о средствахъ къ прекращенію польскихъ интригъ. Но когда окончательно разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ, Россія не видѣла болѣе необходимости продолжать занятія княжествъ своими войсками, и вывела ихъ оттуда. — Но этого было недостаточно для западно-европейскихъ державъ. Событія послѣднихъ двухъ десятилѣтій ясно показали имъ, что вліяніе Россіи въ Константинополѣ, вліяніе ея на судьбы и на исторію греко-славянскаго міра на юго-востокѣ Европы не только не уменьшилось, но, напротивъ, скорѣе еще усилилось въ ущербъ вліянію Франціи, Англіи, Австріи. Въ то время западно-европейская дипломатія задалась уже мыслью—предотвратить на будущее время преобладаніе Россіи на юго-востокѣ, и сдѣлать невозможнымъ повтореніе такихъ договоровъ, какіе были заключены между Портой и Россіей въ 1833, 1841 и 1848 году. Рѣшено было нанести при первомъ удобномъ случаѣ рѣшительный ударъ вліянію Россіи на греко-славянскій міръ, и западно-европейскимъ державамъ пришлось только выждать случая.

Сначала казалось, что черногорскія дѣла именно представятъ этотъ желанный случай. Въ политическихъ отношеніяхъ этого небольшого княжества уже съ давнихъ временъ было много неопредѣленнаго и неяснаго. Въ географическомъ отношеніи оно составляло часть европейской Турціи, да и въ политическомъ отношеніи оно считалось составною частью турецкой имперіи. Но между тѣмъ оно, собственно, никогда не было завоевано Турціей, и никогда не входило въ составъ административнаго раздѣленія Турціи на провинціи; поэтому жители этого княжества изъявляли притязаніе на нѣкотораго рода независимость. Порта оспаривала эту независимость, дѣлала многочисленныя, но постоянно неудачныя попытки къ совершенному покоренію княжества. Европейскія державы съ своей стороны никогда не дѣлали попытокъ вмѣшиваться въ отношенія Порты и Черногоріи, и привыкли смотрѣть на черногорцевъ какъ на христіанскихъ под-

данныхъ Турціи, райевъ, которые отъ времени до времени дѣлали попытки къ сверженію турецкаго ига. Только Россія усвоила себѣ, еще начиная съ XVIII столѣтія, нѣкотораго рода нравственное покровительство надъ Черногоріей, и оказывала ей поддержку деньгами; черноморскіе владыки, по вступленіи своемъ въ это званіе, ѣздили въ Петербургъ, какъ бы для того, чтобы быть утвержденными въ этомъ званіи главою православной церкви, русскимъ императоромъ. Но эти отношенія Россіи къ Черногоріи никогда не были выражены въ правильной дипломатической формѣ, что однакоже не мѣшало Россіи дѣлать иногда Портѣ представленія касательно Черногоріи, и Порта принуждена была допускать эти представленія, хотя конечно и не слишкомъ охотно. Между тѣмъ въ 1851 году черногорцы стали помогать боснійскимъ и герцеговинскимъ христіанамъ, которые возстали въ то время противъ Порты. Около того же времени умеръ послѣдній духовный владыка Черногоріи, и преемникомъ его сдѣлался мірянинъ (племянникъ его, Данило Нѣгошъ), который и перемѣнилъ духувное званіе владыки на свѣтское званіе князя. Порта увидѣла въ этомъ обстоятельствѣ желаніе черногорцевъ совершенно отдѣлиться отъ Турціи, и основать у себя самостоятельную и наслѣдственную княжескую династію; а это показалось Портѣ весьма опаснымъ, такъ-какъ подобное независимое княжество должно было оказывать сильную притягательную силу на сосѣднія, родственныя племена, находившіяся въ постоянномъ волненіи. Кромѣ того, Порта опасалась, что иноземныя державы рано или поздно признаютъ Черногорію самостоятельнымъ княжествомъ, и поэтому она рѣшилась употребить всѣ свои усилія для окончательнаго покоренія Черногоріи, чѣмъ она хотѣла доказать Европѣ, что эта область составляетъ неотъемлемую часть Оттоманской имперіи. Омеръ-пашѣ, послѣ подавленія возстанія въ Босніи и въ Герцеговинѣ, велѣно было двинуться въ Черногорію съ отборной турецкой арміей въ 60,000 человѣкъ. Хотя черногорцы сражались съ отчаянной храбростью, и хотя имъ удалось даже одержать верхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однако при огромномъ превосходствѣ силъ турокъ геройское сопротивленіе ихъ оказалось бы безсильнымъ спасти ихъ отъ турецкаго ига, еслибъ въ рѣшительную минуту не послѣдовало дипломатическаго вмѣшательства въ ихъ пользу. Но и это вмѣшательство носило на себѣ тотъ же самый отпечатокъ, который лежитъ на всѣхъ дѣйствіяхъ европейской дипломатіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе: оно не было результатомъ желанія дипломатіи устроить на прочныхъ и справедливыхъ основаніяхъ отношенія христіанъ, обитающихъ Балканскій полуостровъ, съ мусульманами; оно явилось результатомъ личной зависти, мелкихъ дипломатическихъ разсчетовъ, борьбы изъ-за вліянія. Западныя державы, услыхавъ, что князю Меньшикову, посланному въ то время въ Константинополь,

велѣно было протестовать противъ черногорскаго похода Омеръ-паши, и требовать прекращенія военныхъ дѣйствій, испугались, чтобы это обстоятельство не повело къ усиленію вліянія Россіи въ Константинополѣ, и къ увеличенію той популярности, которою Россія и безъ того уже пользовалась въ греко-славянскомъ мірѣ. Особенно испугалось этого австрійское правительство, которое знало, что южно-славянскіе подданные его, которые еще недавно спасли отъ погибели Австрійскую монархію, глубоко сочувствуютъ черногорцамъ, герцеговинцамъ и т. д.; оно знало, что многіе изъ австрійскихъ славянъ, подобно турецкимъ, смотрятъ на русскаго царя, какъ на единственнаго защитника турецкихъ христіанъ противъ притѣсненій мусульманъ; поэтому оно рѣшилось доказать своимъ славянскимъ подданнымъ, что и Австрія можетъ, при случаѣ, явиться ходатаемъ и защитникомъ угнетаемыхъ турецкихъ христіанъ, что для этого имъ не нужно обращать своихъ взоровъ непремѣнно на Россію — однимъ словомъ, оно рѣшилось явиться спасителемъ Черногоріи. Въ Константинополь посланъ былъ генералъ-адъютантъ австрійскаго императора, графъ Лейнингенъ, который побудилъ Порту прекратить военныя дѣйствія въ Черногоріи, отказаться отъ намѣренія завоевать эту область, признать Данилу Нѣгоша княземъ Черногоріи, и во всемъ остальномъ сохранить status quo въ отношеніяхъ Порты къ этому княжеству. Франція и Англія поддерживали въ Константинополѣ старанія Австріи, руководствуясь конечно тѣми же побудительными причинами, какъ и она, и такимъ образомъ черногорскій вопросъ былъ удаленъ благополучно съ политическаго горизонта, и это дѣло еще не повело къ давно ожидаемому кризису.

Но только-что былъ улаженъ черногорскій вопросъ, какъ возникъ новый вопросъ, который послужилъ ареной для борьбы изъ-за вліянія между различными европейскими державами, а именно извѣстный вопросъ о святыхъ мѣстахъ, въ которомъ рядомъ съ Россіей выдающуюся роль играла не Австрія, и не Англія, а Франція. Съ 1848 до 1852 года, русскому вліянію въ Константинополѣ противодѣйствовала преимущественно Англія, которая не была потрясена революціями, подобно Франціи и Австріи. Но какъ вѣнское, такъ и тюльерійское правительства тяготились тою второстепенной ролью, которую приходилось имъ играть въ Константинополѣ. Австрія спѣшила воспользоваться черногорскимъ вопросомъ, для того, чтобы нанести ударъ вліянію Россіи въ Константинополѣ. Правительство президента Людовика-Наполеона, возстановивъ извѣстнымъ образомъ порядокъ и спокойствіе внутри страны, тоже искало случая отвлечь вниманіе французской націи отъ внутреннихъ дѣлъ большимъ блескомъ своей иностранной политики; для этого ему казалось необходимымъ поднять вліяніе Франціи въ Константинополѣ, увеличить блескъ фран-

цузскаго имени на дальнемъ юго-востокѣ Европы, на границѣ Европы и Азіи, однимъ словомъ—поднять французскую дипломатію изъ того ничтожества, въ которое она была приведена ошибками и неудачами министровъ Людовика-Филиппа. Французское правительство замѣтило, что однимъ изъ главныхъ поводовъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи постоянно былъ религіозный вопросъ, вопросъ объ отношеніи мусульманскаго правительства къ христіанскимъ подданнымъ своимъ православнаго вѣроисповѣданія; оно замѣтило также, что защита, оказываемая Россіей многочисленнымъ турецкимъ райямъ, желаніе и готовность ея покровительствовать своимъ единовѣрцамъ на юго-востокѣ Европы, и даже готовность ея вести ради этого войны съ Турціей, что все это было одной изъ главныхъ причинъ популярности Россіи среди христіанскаго элемента Турціи, и однимъ изъ главныхъ элементовъ вліянія этой державы на юго-востокѣ Европы. Поэтому французское правительство рѣшилось измѣнить нѣсколько характеръ своего вмѣшательства въ восточныя дѣла; оно рѣшилось отказаться отъ той безплодной, непонятной для массы борьбы изъ-за дипломатическаго вліянія, которую мы видѣли въ Константинополѣ въ теченіе всѣхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и явиться въ глазахъ христіанскаго населенія Турціи покровительницею горсти турецкихъ подданныхъ католическаго исповѣданія, подобно тому, какъ Россія являлась естественной покровительницей турецкихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. Поэтому оно стало обращаться къ Портѣ съ требованіями различныхъ гарантій для католическихъ подданныхъ Порты, и отчасти добилось исполненія своихъ требованій, такъ-какъ Порта въ виду двухъ золъ, русскихъ и французскихъ требованій, рѣшилась выбрать, по ея мнѣнію, меньшее, и, исполнивъ требованія Франціи, найти въ ней поддержку противъ Россіи, требовавшей исполненія обѣщаній, сдѣланныхъ Портою райямъ. Этотъ разсчетъ оказался довольно вѣрнымъ. Требуя отъ Порты гарантій для подданныхъ ея католическаго исповѣданія, Франція, вмѣстѣ съ Англіей, старалась внушить Турціи, что желаніе Россіи подчинить своему вліянію 10 милліоновъ подданныхъ турецкой имперіи православнаго исповѣданія равносильно разрушенію турецкой имперіи. Подобныя внушенія не оставались безплодными,

Не станемъ слѣдить за всѣми подробностями происходившихъ въ то время между Портой и Россіей переговоровъ о правахъ райевъ, о положеніи православной церкви въ Турціи, о святыхъ мѣстахъ и т. д. Замѣтимъ здѣсь только, что французской, англійской и австрійской дипломатіи удалось внушить Портѣ, что посольство князя Меншикова въ Константинополь и предложенныя имъ требованія относятся вовсе не къ обладанію ключемъ отъ святыхъ мѣстъ, даже не къ положенію православныхъ подданныхъ Порты, а имѣютъ единственною цѣлью—

совершенно подчинить Порту русскому вліянію при помощи покровительства, оказываемаго Россіей значительной части турецкихъ подданныхъ. Результатомъ этихъ внушеній было то, что Порта, повинуясь преимущественно совѣтамъ англійскаго посланника, пресловутаго лорда Страффорда-Редклиффа, послѣ многихъ проволочекъ и дипломатическихъ ухищреній, послѣ неудавшейся попытки—разрѣшить возникшія затрудненія посредствомъ дипломатической конференціи въ Вѣнѣ, отказала на-отрѣзъ въ исполненіи тѣхъ требованій, для предъявленія которыхъ былъ присланъ князь Меншиковъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовало занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя возгорѣлась восточная война.

Оставимъ изложеніе всѣхъ фазисовъ великой борьбы, извѣстной въ исторіи Европы подъ именемъ восточной войны, и остановимся только на вопросѣ, какъ отнеслось христіанское населеніе Турціи къ этой войнѣ, и какъ взглянули западно-европейскія державы на попытки христіанскихъ подданныхъ Турціи принять, болѣе или менѣе, прямое и дѣятельное участіе въ великой борьбѣ, охватившей весь юго-востокъ Европы?

Опасаясь, чтобы подданные Турціи православнаго исповѣданія не приняли стороны Россіи въ предстоящей борьбѣ, или чтобы они вообще не стали во враждебныя къ Турціи отношенія, турецкое правительство, еще до начала военныхъ дѣйствій съ Россіей, въ іюнѣ 1853 г., повторило старую комедію, т. е. издало фирманъ, въ которомъ подтверждались самымъ торжественнымъ образомъ всѣ права и привилегіи, когда-либо данныя всѣмъ христіанскимъ подданнымъ Турціи, въ особенности же православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ. Писатели, сочувствующіе Турціи, увѣряли, что этотъ фирманъ произвелъ самое удовлетворительное и успокоивающее дѣйствіе на христіанскихъ подданныхъ Турціи, и что необразованная масса оставалась во все время войны совершенно равнодушной къ событіямъ, между тѣмъ, какъ люди болѣе образованные, и изъ духовнаго званія, и изъ свѣтскаго, смотрѣли даже, на основаніи опытовъ, будто бы сдѣланныхъ жителями Дунайскихъ княжествъ, на русское покровительство какъ на несчастіе, какъ на зло, которое сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ всякую національную самостоятельность, всякое свободное развитіе; и поэтому высшіе классы, утверждаютъ туркофилы, повсюду рѣшительно становились на сторону Порты.

Подобныя увѣренія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны основательными и сообразными съ истиной; хотя конечно, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что не во всѣхъ христіанскихъ провинціяхъ нерасположеніе къ Портѣ было одинаковое, не всѣ слои общества въ означенныхъ провинціяхъ смотрѣли на Россію одинаковыми глазами, и не всѣ они въ равной степени видѣли въ Россіи защит-

ницу своей религіи и освободительницу отъ турецкаго ига. Такъ напр., Молдавія и Валахія никогда не отличались особенною привязанностью къ Россіи. Притомъ ихъ положеніе было болѣе сноснѣе, нежели положеніе другихъ христіанскихъ провинцій Турціи, находящихся въ непосредственной отъ нея зависимости. Всякая война между Россіей и Турціей навлекала на нихъ многія тягости, отъ которыхъ онѣ были избавлены въ мирное время. Поэтому весьма понятно, что обитатели княжествъ не могли особенно сочувствовать войнѣ и тѣмъ, кто предпринималъ войну, съ какою бы цѣлью она ни предпринималась. Въ населеніи Сербскаго княжества тоже не было замѣтно особеннаго энтузіазма въ пользу войны: съ одной стороны, то обстоятельство, что положеніе Сербіи было сравнительно болѣе удовлетворительное; съ другой стороны, то, что Сербіи угрожала опасность на тотъ случай, если бы она выказала желаніе принять участіе въ борьбѣ противъ Турціи, заставили Сербское княжество сохранять строжайшій нейтралитетъ во все время восточной войны, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ симпатіи ея были на сторонѣ Россіи, а не на сторонѣ враговъ ея.

Но съ гораздо бо́льшимъ сочувствіемъ относились къ начавшейся борьбѣ славянскіе подданные Турціи, находившіеся въ непосредственной зависимости отъ Порты, какъ напр. болгары, босняки, герцеговинцы. Болгары только ожидали вступленія русскихъ войскъ въ Болгарію, и рѣшительнаго наступленія ихъ противъ турокъ, для того, чтобы принять рѣшительное участіе въ борьбѣ; и не ихъ вина была, если обстоятельства и счастіе войны не позволили имъ принять такое дѣятельное участіе въ войнѣ, какое они желали бы принять. Въ Босніи и Герцеговинѣ тоже замѣтно было сильное броженіе, далеко неблагопріятное для Порты, и если бы не близкое сосѣдство и угрожающее положеніе Австріи, которая сочла даже необходимымъ выставить къ границамъ Босніи обсерваціонный корпусъ въ 25,000 человѣкъ, то Портѣ, по всей вѣроятности, пришлось бы вести войну и съ босніискими инсургентами одновременно съ войной, загорѣвшейся на Дунаѣ.

Но если болгары, босняки и герцеговинцы вынуждены были обстоятельствами ограничиться только сердечнымъ сочувствіемъ къ Россіи, то греческія провинціи турецкой имперіи, — Эпиръ, Ѳессалія, а отчасти и Македонія, отнеслись къ этой войнѣ съ гораздо большей энергіей, и приняли рѣшительное и дѣятельное участіе въ великой борьбѣ, охватившей юго-востокъ Европы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Населеніе этихъ провинцій, увидѣвши, что все вниманіе Порты обращено на защиту дунайской линіи своей противъ наступленія русскихъ войскъ, думали, что для нихъ настало время довершить то, въ исполненіи чего помѣшала имъ европейская дипломатія въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, т. е. свергнуть съ себя ту-

рецкое иго, присоединиться къ свободному греческому королевству, и даже возстановить древнюю византійскую имперію. Поэтому населеніе этихъ провинцій не ограничилось однимъ только простымъ сочувствіемъ къ борьбѣ Россіи противъ Турціи, но захотѣло принять въ нихъ дѣятельное участіе, и само способствовать освобожденію своему отъ турецкаго ига. Къ тому же, населенію этихъ провинцій не угрожали австрійскія войска, предназначенныя для подавленія всякаго національнаго движенія въ турецкихъ провинціяхъ, прилегающихъ къ Дунаю: Австрія была слишкомъ отдалена отъ греческихъ провинцій Турціи, а со стороны морскихъ европейскихъ державъ, Англіи и Франціи, греки никакъ не опасались дѣятельнаго противодѣйствія попыткѣ своей отдѣлиться отъ Порты, потому-что у нихъ еще было въ свѣжей памяти филэллинство двадцатыхъ годовъ, и они въ наивности своей никакъ не хотѣли вѣрить тому, что европейское филэллинство давно уже перешло въ область преданій, и замѣнилось самымъ ярымъ туркофильствомъ: событія должны были принести, въ непродолжительномъ времени, самое горькое разочарованіе этимъ наивнымъ греческимъ патріотамъ. Когда возстаніе разгаралось все съ большею и большею силою въ пограничныхъ съ Греціею округахъ Ѳессаліи и Эпира, западноевропейскія державы стали немало тревожиться при видѣ той опасности, которою возстаніе это угрожало Портѣ, сосредоточившей въ то время всѣ свои войска на Дунаѣ. Особенно встревожилась Австрія, которая увидѣла въ этомъ возстаніи начало распаденія турецкой имперіи, а для австрійскихъ политиковъ распаденіе оттоманской имперіи немыслимо безъ болѣе или менѣе значительныхъ потрясеній въ австрійскомъ государственномъ строѣ. Поэтому австрійское правительство обратилось къ англійскому съ предложеніемъ, чтобы то поскорѣе исполнило просьбу Порты, и приняло на морѣ и на сушѣ мѣры для противодѣйствія возстанію ѳессалійцевъ и эпиротовъ. Рвеніе австрійскихъ министровъ зашло въ это время такъ далеко, что они обѣщали даже дѣятельное содѣйствіе Австріи къ подавленію возстанія въ христіанскихъ областяхъ Турціи, если то окажется необходимымъ. Въ то время австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буоль, обратился къ русскому правительству съ представленіями о томъ, что Россіи, защитницѣ законности и консерватизма, не слѣдуетъ поддерживать возстанія христіанскихъ подданныхъ Порты противъ законнаго правительства ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ с.-петербургскому правительству представленія насчетъ того, что Россіи не слѣдовало прибѣгать къ такой революціонной мѣрѣ, какъ образованіе легіона волонтеровъ изъ христіанскихъ подданныхъ Турціи. Русское правительство, разумѣется, не обратило вниманія на эти представленія австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, явившагося вдругъ такимъ ревностнымъ защитникомъ неприкосновенности турецкой имперіи. Оно

ответило на эти представленія, что Россія не считаетъ себя въ правѣ отказать въ сочувствіи своимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ, которые пытаются свергнуть съ себя невыносимое турецкое иго; оно прямо объявило, что если возстаніе греческихъ подданныхъ султана приметъ такіе же размѣры, какъ греческое возстаніе 1826 года, то Россія никогда не согласится содѣйствовать усиліямъ Порты и союзниковъ ея, направленнымъ къ тому, чтобы снова подчинить возмутившихся подданныхъ Порты ненавистному для нихъ игу. Но не такъ смотрѣли на дѣло западно-европейскія державы. Въ эпирскихъ и ѳессалійскихъ водахъ появились англійскія и французскія суда, которыя должны были противодѣйствовать всякой попыткѣ оказать инсургентамъ помощь со стороны моря; вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли, вмѣстѣ съ Портой, всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры для того, чтобы возстаніе не дошло до размѣровъ всеобщаго поголовнаго возстанія, о которомъ говорила Россія въ отвѣтѣ своемъ на австрійскія представленія.

Греческое королевство не принимало непосредственнаго участія въ эпирскомъ и ѳессалійскомъ возстаніи 1854 года. Но населеніе Греціи не оставалось равнодушнымъ къ борьбѣ своихъ соплеменниковъ противъ турецкаго ига, подобно тому, какъ оно въ настоящее время, на нашихъ глазахъ, не остается равнодушнымъ къ борьбѣ кандійцевъ противъ турокъ. Изъ Греціи отправлялось въ возмутившіяся провинціи значительное количество волонтеровъ, какъ простыхъ солдатъ, такъ и предводителей; въ числѣ послѣднихъ было не мало офицеровъ регулярной греческой арміи; полковники, генералы регулярной арміи, даже адъютанты короля выходили въ отставку, для того, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Ѳессалію и Эпиръ отправлялись изъ Греціи военные припасы, деньги и т. д. Порта, конечно, неоднократно протестовала противъ этого, и сваливала на греческое правительство всю отвѣтственность въ ѳессалійскомъ и эпирскомъ возстаніи, подобно тому, какъ она не перестаетъ сваливать на него въ настоящее время отвѣтственность въ кандійскомъ возстаніи. Западно-европейскія державы энергически поддерживали протесты Турціи, и обратились къ греческому правительству съ коллективной нотой, въ которой онѣ требовали, чтобы это послѣднее запретило своимъ подданнымъ принимать участіе въ возстаніи греческихъ провинцій Турціи. Греческое правительство, съ своей стороны отвѣчало на эти представленія, что оно не дѣлало ничего для поддержки инсургентовъ, что оно не дѣлало никакихъ нападеній на турецкія владѣнія, а что, напротивъ, турки позволяли себѣ дѣлать вторженія въ греческіе предѣлы. Но вмѣстѣ. съ тѣмъ, оно съ твердостью объявило, что не имѣетъ ни малѣйшаго права, не нарушая греческой конституціи, мѣшать своимъ подданнымъ заявлять симпатіи свои къ инсургентамъ Ѳессаліи и Эпира, и что оно не имѣетъ никакого права отзывать оттуда грече-

скихъ подданныхъ. Порта и западныя державы не удовольствовались этими объясненіями, и сочли необходимымъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ относительно греческаго правительства. Порта прежде всего отозвала своего посланника изъ Аѳинъ; затѣмъ она приняла еще болѣе рѣшительныя мѣры: всѣмъ греческимъ должностнымъ лицамъ, живущимъ въ Константинополѣ, и всѣмъ греческимъ консуламъ въ городахъ турецкой имперіи, велѣно было немедленно выѣхать изъ предѣловъ Турціи; всѣмъ прочимъ же подданнымъ Греціи велѣно было выѣхать изъ предѣловъ турецкой имперіи въ теченіе 15 дней; объявлено было также, что, по истеченіи этого срока, ни одно греческое судно не будетъ допущено въ турецкія гавани. Войны не было объявлено со стороны Турціи, но вышеупомянутыя условія были не менѣе тягостны для Греціи, нежели война. Но всѣхъ этихъ насильственныхъ мѣръ, относительно Греціи, западно-европейскимъ державамъ показалось недостаточно. Онѣ обратились къ Греціи еще съ болѣе строгимъ ультиматумомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительства Англіи и Франціи предписали судамъ своимъ преслѣдовать греческія транспортныя суда, которыя выходили изъ гаваней Іоническаго моря и Архипелага, для того, чтобы доставить помощь ѳессалійскимъ, эпирскимъ и македонскимъ инсургентамъ. Но и этимъ не ограничилось вмѣшательство западно-европейскихъ державъ, имѣвшее цѣлью прекратить возстаніе въ греческихъ областяхъ турецкой имперіи. Франція и Англія рѣшились занять Грецію своими войсками, и этимъ принудить греческое правительство принять рѣшительныя мѣры противъ греческихъ подданныхъ, поддерживавшихъ возстаніе. Онѣ сначала обратились къ Греціи съ ультиматумомъ, въ которомъ напоминали всѣ «благодѣянія», оказанныя Франціей и Англіей Греціи, упрекали греческое правительство въ неблагодарности и неосмотрительности, и увѣряли, что Грецію заставила означенныя двѣ державы сожалѣть о томъ, что онѣ сдѣлали для Греціи, хотя Грецію имѣла болѣе причинъ сожалѣть о томъ же. Такъ-какъ Грецію отвѣчала на этотъ ультиматумъ съ такою же твердостью, съ какою она отвѣчала и на всѣ прежнія представленія Порты и союзниковъ ея, то послѣдніе рѣшились занять часть греческой территоріи англо-французскими войсками, для того, чтобы «напомнить Греціи о ея международныхъ обязанностяхъ и заставить ее исполнить ихъ». Дивизіи французскаго генерала Форея велѣно было занять Пирей. Эти мѣры насилія Англіи, Франціи и Порты, наконецъ, сломили сопротивленіе слабаго греческаго королевства. Власть перешла въ руки благопріятнаго для англійской политики министерства Маврокордато, которое и стало хлопотать объ установленіи соглашенія съ западно-европейскими державами, и вполнѣ склонилась къ ихъ политикѣ. Греческое правительство вынуждено было извиниться передъ Портою, согласилось дать вознагражденіе за потери, причиненныя въ Ѳессаліи

и въ Эпирѣ турецкимъ подданнымъ по винѣ греческихъ подданныхъ; оно должно было также принять самыя строгія мѣры противъ тѣхъ подданныхъ греческаго королевства, которые принимали какое-либо участіе въ возстаніи Ѳессаліи и Эпира.

Такимъ образомъ, попытки христіанскихъ подданныхъ турецкой имперіи принять участіе въ борьбѣ Россіи противъ Турціи и содѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ къ освобожденію себя отъ турецкаго ига и къ фактическому разрѣшенію греко-славянскаго вопроса, разбились съ одной стороны объ угрожающее положеніе Австріи — въ сѣверныхъ, славянскихъ областяхъ турецкой имперіи, съ другой стороны о противодѣйствіе Англіи и Франціи — въ южныхъ, греческихъ провинціяхъ Турціи. И турецкіе славяне, и турецкіе греки должны были на опытѣ убѣдиться въ томъ, что туркофильство рѣшительно заступило въ западно-европейской политикѣ мѣсто прежняго филэллинства; самые отчаянные оптимисты изъ нихъ должны были убѣдиться въ томъ, что забота о сохраненіи неприкосновенности турецкой имперіи и такъ-называемаго политическаго равновѣсія на юго-востокѣ Европы выступила на первый планъ въ политическихъ соображеніяхъ западно-европейскихъ политиковъ, и что желаніе и интересы турецкихъ христіанъ самымъ безцеремоннымъ образомъ приносятся въ жертву разнымъ хитрымъ дипломатическимъ соображеніямъ и комбинаціямъ.

Между тѣмъ Севастополь палъ; Австрія рѣшительно перешла на сторону западно-европейскихъ державъ; Пруссія и Германія начинали колебаться. При такихъ обстоятельствахъ русскому правительству представленъ былъ, въ формѣ ультиматума, новый проектъ предварительныхъ мирныхъ условій, выработанный Австріею, съ согласія Англіи и Франціи, проектъ, въ основаніе котораго были положены тѣ же четыре пункта, которые поставлялись при самомъ началѣ войны. Относительно перваго пункта, т. е. положенія Дунайскихъ княжествъ, въ этомъ проектѣ сказано было, что русскій протекторатъ надъ княжествами совершенно отмѣняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняется право исключительнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла княжествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено, что княжества сохраняютъ всѣ данныя имъ прежде права и привилегіи, подъ верховною властью султана, который дастъ имъ государственное устройство, соотвѣтствующее желаніямъ населенія. Относительно четвертой статьи англо-французской программы и самой существенной, а именно устройства внутреннихъ дѣлъ Турціи и эмансипаціи райевъ, въ австрійскомъ проектѣ сказано было, что всѣ европейскія державы берутся опредѣлить на справедливыхъ основаніяхъ отношенія райевъ въ Портѣ, причемъ однако независимость и цѣлость Порты должны остаться неприкосновенными. Далѣе въ проектѣ сказано было, что такъ какъ теперь между Англіей, Франціей, Австріей и Портой происходятъ переговоры, имѣющіе цѣлью

обезпеченіе за турецкими христіанами религіозныхъ и политическихъ правъ ихъ, то Россія будетъ приглашена, послѣ заключенія мира, приступить къ этимъ переговорамъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Россія согласилась на принятіе проекта, слѣдствіемъ чего явилось начало переговоровъ о мирѣ, и наконецъ заключеніе Парижскаго трактата.

Остановимся впрочемъ только на тѣхъ условіяхъ этого трактата, которыя касаются отношеній турецкихъ райевъ къ мусульманамъ, и вассальныхъ владѣній Порты къ константинопольскому правительству; разсмотримъ внимательнѣе то положеніе, которое было создано для турецкихъ христіанъ стараніями западно-европейскихъ покровителей ихъ, въ силу Парижскаго трактата.

Западно-европейскія державы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, очень хорошо понимали, что преобладаніе Россіи въ греко-славянскомъ мірѣ зависѣло не столько отъ ея громадной физической силы, отъ многочисленности ея армій, и отъ трактатовъ, предоставлявшихъ ей значительныя права; если онѣ и не сознавались громко, то тѣмъ не менѣе ясно видѣли, что такое сочувствіе основано было, главнымъ образомъ, на симпатіи, которую питали къ ней милліоны христіанскаго населенія Турціи, поставленные въ подчиненное положеніе относительно мусульманъ, и къ тому же страдавшіе матеріально отъ постояннаго дурного управленія. Противники Россіи очень хорошо поняли, что имъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на этотъ источникъ русскаго могущества, что нельзя будетъ надѣяться уничтожить русское вліяніе въ Турціи и перенести симпатіи турецкихъ христіанъ съ русскаго царя на турецкаго султана. Поэтому еще въ союзномъ договорѣ между Англіей, Франціей и Турціей, къ которому впослѣдствіи приступила и Австрія, сказано было, что дружественныя отношенія между Россіей и Портой не могутъ быть возстановлены, если Россія не откажется отъ всякаго единичнаго покровительства турецкимъ подданнымъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Это была главная цѣль, къ которой стремились западно-европейскія державы. Но онѣ очень хорошо видѣли, что этимъ нельзя ограничиться, и что, уничтоживши русское покровительство надъ турецкими христіанами, имъ придется, хотя бы только для виду, замѣнить его обще-европейскимъ покровительствомъ. Поэтому онѣ постановили въ томъ же союзномъ договорѣ своемъ, что великія европейскія державы должны совокупно стремиться къ тому, чтобы турецкое правительство, «по собственной иниціативѣ своей», даровало турецкимъ христіанамъ религіозныя и политическія права, чтобы, однимъ словомъ, пустить въ ходъ великодушныя намѣренія султана относительно единовѣрцевъ европейскихъ державъ, не нанося ущерба верховнымъ правамъ повелителя правовѣрныхъ.

Конечно, западно-европейскія державы, стремясь къ одной только

главной цѣли—ослабленію вліянія Россіи, представили себѣ слишкомъ легкимъ перерожденіе Турціи, и за слишкомъ неумѣренными ожиданіями ихъ неминуемо должно было слѣдовать немалое разочарованіе. Посланники ихъ вовсе не встрѣтили со стороны турецкихъ министровъ той готовности исполнить желанія союзниковъ, на которую они, повидимому, разсчитывали. Напротивъ, когда они указали турецкому правительству принять радикальныя мѣры, которыя касались бы въ одно и то же время гражданскихъ правъ и религіозныхъ предразсудковъ турокъ, то имъ стало ясно, что Порта охотнѣе всего устранила бы совершенно русское вліяніе, не допуская въ то же время никакого другого вліянія, и не касаясь ни въ чемъ безобразной организаціи турецкой имперіи. Поэтому турецкіе министры отвѣчали сначала уклончивымъ образомъ на предложенія союзниковъ Порты, до тѣхъ поръ пока западно-европейскіе дипломаты заговорили съ Портой тономъ, который скорѣе приличествовалъ разсерженному повелителю, нежели доброму союзнику. Прежде всего турецкому правительству сталъ дѣлать настоятельныя представленія англійскій посланникъ, а затѣмъ и французскій посланникъ.

Еще въ началѣ 1854 года англійскій посланникъ въ Константинополѣ обратился къ Портѣ съ представленіемъ касательно отмѣны нѣкоторыхъ узаконеній, крайне невыгодныхъ и унизительныхъ для райевъ; онъ потребовалъ отмѣны поголовной подати, существовавшей только для христіанъ (хараджа), и отмѣны запрещенія христіанамъ являться въ судахъ свидѣтелями противъ магометанъ. Послѣднее изъ этихъ требованій было исполнено Портою довольно скоро; но на первое изъ нихъ Порта согласилась только послѣ долгихъ колебаній и проволочекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она распространила на христіанъ право—или обязанность, какъ кто хочетъ — поступать въ военную службу; впрочемъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, издала особыя постановленія, въ силу которыхъ процентъ христіанъ долженъ былъ оставаться въ арміи гораздо менѣе значительнымъ, нежели процентъ мусульманъ.

Добиваясь отъ Порты съ такимъ упорствомъ, въ теченіе болѣе нежели года, изданія подобнаго закона, англійское правительство имѣло конечно въ виду свои личные, эгоистическіе интересы: оно желало образовать изъ христіанскаго контингента особые отряды, которые были бы поставлены подъ начальство англійскихъ офицеровъ, и которые могли бы замѣнить отчасти на театрѣ войны англійскія войска. Но этотъ планъ его не удался. Турецкіе христіане вовсе не были обрадованы постановленіемъ, въ силу котораго они должны были поступать въ военную службу; они видѣли въ этомъ не драгоцѣнное право, а тяжелую обязанность. Въ то же время мусульмане были возмущены этимъ постановленіемъ, потому-что они видѣли въ немъ сильный, почти даже непоправимый ударъ, нанесенный господству ихъ надъ райями,

Тогдашній турецкій министръ-президентъ Решидъ-паша не могъ не обратить вниманія на это раздраженіе. Не рѣшаясь совершенно отмѣнить постановленія о поступленіи христіанъ въ военную службу, онъ отсрочилъ на неопредѣленное время приведеніе въ исполненіе этого постановленія; и все это дѣло ограничилось такимъ образомъ тѣмъ, что была отмѣнена не поголовная подать, а только названіе ея, хараджъ; поголовная же подать продолжала существовать подъ другимъ именемъ.

Такое начало въ заступничествѣ западно-европейскихъ державъ за турецкихъ христіанъ не обѣщало ничего хорошаго. Но такъ какъ это заступничество было необходимо имъ, не само по себѣ, не ради дѣйствительнаго улучшенія участи турецкихъ христіанъ, а ради ихъ собственныхъ, совершенно постороннихъ цѣлей, то они не переставали дѣйствовать въ смыслѣ этого заступничества. Уже во время вѣнскихъ переговоровъ о мирѣ предполагалось коснуться этого вопроса; но конференція, въ ту эпоху, не дошла даже до разсмотрѣнія 4-ой статьи предварительныхъ мирныхъ условій, въ которой именно говорилось о правахъ христіанъ, такъ-какъ переговоры разбились о третью статью. За-то въ договорѣ, заключенномъ послѣ того между западными державами и Австріей, сказано было, что договаривающіяся стороны будутъ оказывать другъ другу взаимную поддержку, для того, чтобы достигнуть «при добровольной иниціативѣ Порты» торжественнаго дарованія и подтвержденія религіозныхъ правъ и привилегій турецкимъ христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій.» Но вмѣстѣ съ тѣмъ договаривающіяся стороны обязывались «избѣгать всего, что могло наносить ущербъ достоинству, чести и независимости верховной власти султана.» Трудно было согласовать это условіе и толки о «собственной иниціативѣ» султана съ тѣмъ строгимъ, чтобы не сказать угрожающимъ тономъ, которымъ дѣлались представленія союзниковъ Портѣ. Впрочемъ, мало обращали вниманія на это противорѣчіе. При всѣхъ своихъ толкахъ объ иниціативѣ султана и о независимости его короны они имѣли, главнымъ образомъ, въ виду нанести косвенный ударъ Россіи, которой доселѣ принадлежала инициатива всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ охраненію правъ турецкихъ христіанъ, и которая, по мнѣнію союзниковъ Порты, наносила ущербъ независимости султана. Тогдашній турецкій великій визирь ловко воспользовался этимъ противорѣчіемъ, которое такъ замѣтно бросалось въ глаза въ дѣйствіяхъ западно-европейскихъ дипломатовъ. Онъ указалъ въ одной изъ отвѣтныхъ нотъ своихъ на настоятельныя представленія ихъ на то противорѣчіе, которое заключалось бы въ дѣйствіяхъ западныхъ державъ, еслибы онѣ, послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ ими для сохраненія матеріальной и моральной неприкосновенности турецкой имперіи, стали бы вмѣшиваться принудительнымъ образомъ въ отно-

шенія ея къ ея подданнымъ, и этимъ сами ослабили власть султана и нанесли ударъ независимости Порты. Это ловкое возраженіе не могло не повліять на тонъ, которымъ союзники Порты требовали отъ нея привилегій для христіанъ: онѣ рѣшились отказаться отъ требованій гарантій для христіанъ и ограничиться одними только «совѣтами» Портѣ, чтобы та предприняла административныя реформы, необходимыя для улучшенія участи христіанъ. Въ концѣ ноября 1855 года союзники Порты обратились къ ней съ заявленіемъ о томъ, что «они готовы помочь султану своимъ совѣтомъ и своими соображеніями при совершеніи имъ того торжественнаго дѣйствія, посредствомъ котораго онъ даруетъ райямъ, по собственной иниціативѣ своей, недостающія еще имъ религіозныя и политическія права.» Западно-европейскіе дипломаты, повидимому, неслишкомъ заботились о томъ, какова будетъ дальнѣйшая участь этихъ совѣтовъ. Здѣсь дѣло шло не столько о томъ, чтобы дѣйствительно улучшить положеніе турецкихъ христіанъ, сколько о томъ, чтобы избѣжать въ глазахъ Европы упрека, будто союзники Порты, сражаясь противъ русскаго вліянія, укрѣпили на вѣчныя времена турецкій абсолютизмъ относительно райевъ. Для достиженія этой цѣли казалось достаточнымъ, чтобы Порта приняла совѣты и предложенія союзниковъ своихъ. Турецкіе государственные люди съ своей стороны разсчитали очень вѣрно, что имъ ничего не стóитъ принять эти предложенія, и обѣщать послушаться этихъ совѣтовъ, если въ замѣнъ того постановлено будетъ въ трактатахъ, что впредь не послѣдуетъ никакого вмѣшательства европейской дипломатіи во внутреннія дѣла Турціи. Очевидно, она изъявляла свое согласіе на выслушаніе совѣтовъ западныхъ державъ съ заднею мыслью оттянуть по возможности исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, и совершенно отдѣлаться, по заключеніи мира, отъ исполненія постановленій, казавшихся ей съ самаго начала непрактическими и вредными. Руководствуясь, по всей вѣроятности, такими соображеніями, Порта согласилась на то, чтобы въ началѣ января 1856 года въ Константинополѣ открыта была особая конференція, подъ предсѣдательствомъ великаго визиря Аали-паши, между посланниками Англіи, Франціи и Австріи, и турецкимъ уполномоченнымъ, христіаниномъ княземъ Каллимахи. Конференція эта должна была заняться разработкой реформъ, которыя предполагалось произвести въ положеніи турецкихъ христіанъ. Турецкіе коммиссары возбуждали, по обыкновенію, разныя затрудненія, и хотѣли протянуть переговоры эти подольше. Но европейскіе дипломаты старались ускорить занятія этой конференціи по мѣрѣ того, какъ увеличивалась вѣроятность близкаго заключенія мира, и подобный образъ дѣйствій съ ихъ стороны весьма понятенъ. Имъ хотѣлось явиться при предстоящихъ переговорахъ о мирѣ уже съ готовыми реформами относительно райевъ, и отвѣчать на возможныя

представленія Россіи касательно этого вопроса уже совершившимся фактомъ. Они считали это необходимымъ, во 1-хъ, для того, чтобы предупредить возможныя предложенія Россіи, которыя могли бы идти далѣе достигнутыхъ ими реформъ, и которыя имъ пришлось бы отвергнуть, что̀, по ихъ мнѣнію, должно было дать новый толчекъ къ возбужденію сочувствія райевъ къ Россіи; во 2-хъ, они хотѣли избѣжать того, чтобы райи приписали дарованныя имъ реформы вліянію русскаго правительства, что̀, по ихъ мнѣнію, неминуемо случилось бы, еслибъ Россія приняла участіе въ переговорахъ объ этомъ предметѣ. Поэтому они старались ускорить переговоры о предполагаемыхъ реформахъ, и сломить сопротивленіе Порты, которое касалось преимущественно слѣдующихъ трехъ пунктовъ: во 1-хъ, провозглашенія безусловной вѣротерпимости и отмѣны всякихъ наказаній за отпаденіе отъ мусульманства; во 2-хъ, допущенія не-магометанъ ко всякимъ должностямъ; и въ 3-хъ, права иностранцамъ пріобрѣтать поземельную собственность Турціи. Совѣтники Порты настаивали съ непреклонною твердостью на исполненіи этихъ требованій, согласившись только на нѣкоторыя, довольно незначительныя измѣненія въ формулированіи этихъ постановленій, не касавшіяся сущности вопроса. Въ такомъ видѣ наконецъ состоялся тотъ знаменитый гати-гумаюнъ 18-го февраля 1856 года, на который и до сихъ поръ не перестаютъ ссылаться Порта и ея защитники, какъ скоро рѣчь зайдетъ объ отношеніяхъ Порты къ христіанскимъ подданнымъ ея.

Послѣ постановленія, написаннаго, по обыкновенію, самымъ высокопарнымъ и напыщеннымъ слогомъ, излагались самыя постановленія новаго закона. Въ первыхъ параграфахъ гати-гумаюна подтверждались гарантіи, данныя султаномъ въ гати-шерифѣ Гюльхане и въ позднѣйшихъ постановленіяхъ касательно безопасности личности, чести и имущества всѣхъ его подданныхъ, равно-какъ права и привилегіи, предоставленныя въ послѣднее время всѣмъ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Патріархи и высшее духовенство на будущее время должны были заниматься исключительно церковными дѣлами, и получать вознагражденіе отъ государства; для завѣдыванія же свѣтскими дѣлами христіанскихъ племенъ установлялись особые совѣты, избранные изъ среды христіанъ, и состоящіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; обѣщаны были разныя облегченія касательно постройки христіанскихъ церквей; объявлено было, что впредь ни одно племя и ни одно вѣроисповѣданіе не будетъ пользоваться административными преимуществами, и что запрещено будетъ употреблять презрительныя названія для обозначенія христіанскихъ вѣроисповѣданій. Провозглашена была полная свобода совѣсти, и постановлено было, что никто не можетъ быть принуждаемъ силою къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Далѣе, установлена была полная гражданская равноправность между

христіанами и магометанами, и объявлено было, что всѣ подданные султана, безъ различія вѣроисповѣданій и происхожденія, способны поступать на службу и въ общественныя школы. Для разрѣшенія споровъ между магометанами и христіанами установлялись смѣшанные суды изъ мусульманъ и христіанъ. Обѣщано было введеніе хорошей полиціи, и улучшеніе тюремъ, преобразованіе провинціальнаго и общиннаго управленія съ участіемъ въ немъ христіанъ. Христіанамъ предоставлено было право или поступать въ военную службу, или откупаться отъ нея посредствомъ взноса денежной суммы. Подданнымъ иностранныхъ государствъ предоставлено было право пріобрѣтать въ Турціи, на извѣстныхъ условіяхъ, поземельную собственность. Обѣщаны были улучшенія въ системѣ распредѣленія и взиманія налоговъ, причемъ опять-таки предполагалось уничтожить всѣ различія между христіанами и мусульманами; султанъ обѣщался произвести общественныя работы, имѣющія въ виду всеобщую пользу, улучшеніе дорогъ и каналовъ и исправленіе монетной системы; обѣщаны были представленіе ежегоднаго бюджета, допущеніе представителей христіанскихъ націй въ государственной совѣтъ, установленіе строгихъ наказаній за подкупы.

Такимъ образомъ, желанія западно-европейскихъ державъ исполнились, и они могли явиться на парижскую конференцію уже съ совершившимся фактомъ, съ готовымъ закономъ, опредѣлявшимъ отношенія христіанъ къ Портѣ, и чѣмъ, по ихъ мнѣнію, отнятъ былъ всякій поводъ къ дѣятельному вмѣшательству Россіи въ разрѣшеніе этого вопроса. Еще при представленіи Россіи со стороны вѣнскаго кабинета предварительныхъ условій мира, сказано было, что Россія приглашена будетъ приступить къ соглашенію, которое состоится по этому предмету между Австріей, Франціей, Англіей и Портой. Теперь, при обсужденіи условій мира, Россіи было предложено признать постановленія гати-гумаюна 18-го февраля 1856 года. Россія не имѣла никакого основанія отказывать въ своемъ согласіи такому прекрасному на словахъ и либеральному на бумагѣ закону, какъ вышеозначенный гати-гумаюнъ, и поэтому объ этомъ предметѣ весьма скоро состоялось соглашеніе на парижской конференціи. Договаривающіяся стороны условились въ томъ, что послѣ того, какъ султанъ, въ *постоянной заботливости своей о благѣ своихъ подданныхъ*, издалъ фирманъ, которымъ улучшается положеніе всѣхъ подданныхъ его безъ различія вѣроисповѣданій и происхожденія, доказываются великодушныя намѣренія его относительно христіанскаго населенія его имперіи, онъ рѣшился сообщить, по собственной иниціативѣ своей, этотъ фирманъ договаривающимся сторонамъ. Договаривающіяся стороны оцѣниваютъ по достоинству это «добровольное» сообщеніе фирмана, и видятъ, въ этомъ поступкѣ султана, новый залогъ улучшенія быта турецкихъ

христіанъ. Но, само собою разумѣется, что это сообщеніе договаривающимся сторонамъ султанскаго фирмана ни въ какомъ случаѣ не даетъ означеннымъ державамъ права вмѣшиваться, въ совокупности или отдѣльно, въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннюю администрацію турецкой имперіи. Такимъ образомъ, союзники Порты не только отняли этимъ постановленіемъ у Россіи всякое право вмѣшательства въ отношенія Порты къ турецкимъ христіанамъ, но, повидимому, постарались отнять на будущее время тоже самое и у самихъ себя. Но это только казалось; на дѣлѣ же преслѣдовались совершенно иныя цѣли, и обстоятельства сложились совершенно инымъ образомъ.

Несмотря на то, что Порта и союзники ея съ такою силою ударяли на то, что Порта приняла всѣ вышеозначенныя мѣры *по собственному побужденію своему*, эти увѣренія никого не обманули ни въ предѣлахъ Турціи, ни внѣ предѣловъ ея. Всѣ очень хорошо поняли, что всѣ эти прекрасныя обѣщанія, столь рѣзко противорѣчившія какъ исторіи и преданіямъ Турціи, такъ и религіозному ученію ея, были результатомъ давленія на Турцію трехъ могущественныхъ союзниковъ и совѣтниковъ ея. Что касается до мусульманскихъ подданныхъ Порты, то для нихъ участіе иностранныхъ совѣтниковъ въ составленіи гати-гумаюна, конечно, служило весьма плохой рекомендаціей. Султанское правительство такъ хорошо понимало отношенія мусульманъ ко всевозможнымъ нововведеніямъ, что еще при изданіи гати-шерифа гюльхане оно сочло необходимымъ напомнить, что всѣ несчастія Турціи въ теченіе послѣднихъ 150 лѣтъ произошли вслѣдствіе отступленій отъ корана; поэтому означенный гати-шерифъ былъ представленъ, какъ мы видѣли выше, дѣломъ, имѣющимъ въ виду возстановленіе силы корана и точное соблюденіе всѣхъ его весьма извѣстныхъ ученій. Несмотря даже на такое оригинальное мотивированіе тогдашнихъ реформъ, мусульмане остались очень недовольны постановленіями гати-шерифа относительно христіанъ, хотя они въ самомъ непродолжительномъ времени должны были убѣдиться въ томъ, что постановленія эти существуютъ на бумагѣ. Мусульмане очень хорошо помнили, что коранъ предписываетъ насильственное обращеніе или истребленіе невѣрныхъ, что война противъ невѣрныхъ дѣлается въ силу постановленій корана религіозною обязанностью всякаго правовѣрнаго и совершенно нормальнымъ явленіемъ, и что не только дружба и союзъ, но даже простой только миръ съ невѣрными есть явленіе ненормальное; иначе сказать, истинный мусульманинъ не допускалъ возможности мира съ невѣрными, а признавалъ возможнымъ одно вынужденное перемиріе. Точно также и во время Парижскаго трактата, мусульмане, искренне преданные своей религіи, были глубоко убѣждены въ томъ, что союзники султана, внушившіе ему но-

выя узаконенія, имѣли въ виду не что иное, какъ уничтоженіе исламизма; они глубоко были убѣждены въ томъ, что всѣ «гяуры» составляютъ только одну націю, и что въ отношеніи къ исламизму между Россіею и западно-европейскими державами не было никакой разницы. Поэтому всѣ ревностные мусульмане проклинали министровъ, призвавшихъ въ страну невѣрныхъ друзей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Турціи это раздраженіе повело даже къ неистовствамъ противъ христіанъ, причемъ мѣстныя власти старались болѣе замять дѣло, нежели наказать виновныхъ. Болѣе образованные и менѣе фанатичные мусульмане тоже были недовольны нововведеніями, во-первыхъ потому, что они опасались, что массы христіанскаго населенія, вслѣдствіе новыхъ узаконеній, выйдутъ изъ-подъ ихъ вліянія; во-вторыхъ, потому, что для новыхъ реформъ нужны были значительныя денежныя суммы, которыхъ не было у разоренной Турціи. (Хотя, какъ мы увидимъ ниже, опасенія мусульманъ снова оказались сильно преувеличенными, и не оправдались даже и на половину.) Но гораздо интереснѣе то, что и христіанское населеніе Турціи, въ пользу котораго хлопотали европейскіе дипломаты, далеко не было восхищено новыми узаконеніями. Долговременный опытъ уже успѣлъ сдѣлать его подозрительнымъ ко всѣмъ турецкимъ реформамъ. Турецкіе христіане никакъ не могли и не хотѣли вѣрить въ возможность братскаго единенія съ турками, которыхъ они считали варварами, и далеки были отъ мысли отказаться отъ преслѣдованія своихъ національныхъ интересовъ ради единенія съ этими варварами. Они не вѣрили также въ искренность расположенія къ нимъ западно-европейскихъ державъ. Они глубоко были убѣждены въ томъ, что эти державы, только-что проливавшія кровь своихъ солдатъ для того, чтобы поддержать владычество дряхлой оттоманской имперіи надъ христіанами, и чтобы отсрочить на неопредѣленное время освобожденіе христіанъ, что эти державы хотятъ окончательно лишить ихъ національной самостоятельности подъ видомъ разныхъ лживыхъ обѣщаній. Турецкіе христіане были убѣждены въ томъ, что новые правители, хотя и изъ христіанъ но будутъ назначены изъ самыхъ корыстолюбивыхъ и низкопоклонническихъ личностей, и что подъ управленіемъ этихъ новыхъ правителей интересы христіанъ будутъ соблюдены ничуть не болѣе, нежели подъ управленіемъ пашей. Они знали впередъ, что, за разрѣшеніе построить новую церковь, имъ придется теперь платить мѣстнымъ властямъ вдвое болѣе значительныя суммы, нежели какія они платили доселѣ. Они спрашивали себя, какую пользу принесетъ имъ допущеніе христіанскихъ представителей въ провинціальные совѣты или даже въ константинопольскій государственный совѣтъ, если выборъ этихъ представителей будетъ постоянно падать на самыя недостойныя личности, и если, при существующихъ въ Турціи юридическихъ установленіяхъ,

всякая порядочная личность, попавшая въ эти совѣты, при первомъ самостоятельномъ и смѣломъ словѣ, подвергалась безпощадной мести турецкихъ властей. Они не вѣрили въ добросовѣстное и точное исполненіе того постановленія, въ силу котораго христіане могли поступать во всѣ отрасли государственной службы, а дѣти ихъ — въ несуществующіе еще государственныя школы. Однимъ словомъ, въ глазахъ христіанъ изъ всѣхъ громкихъ турецкихъ реформъ оставалось только право или обязательство военной службы, въ которомъ они уже предчувствовали новое средство къ вымогательству съ нихъ денегъ, послѣ того какъ опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ доказалъ имъ, что Порта вовсе не думаетъ серьезнымъ образомъ объ образованіи полковъ изъ христіанъ.

Въ сущности только въ одномъ отношеніи знаменитый гати-гумаюнъ вполнѣ достигъ своей цѣли — а именно въ томъ отношеніи, что въ эпоху заключенія мира онъ послужилъ преданной Турціи дипломатіи и прессѣ документомъ, которымъ они могли парадировать въ глазахъ Европы, и на который они могли ссылаться, какъ на доказательство зрѣлости Турціи, дающей ей право вступить равноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ народовъ.

Послѣ заключенія мира, это вступленіе Порты въ семью европейскихъ народовъ, превращеніе временнаго покровительства европейскихъ державъ надъ Турціей въ покровительство постоянное, и обезпеченіе за Турціей прочнаго положенія на будущее время, явилось первою заботою союзниковъ ея. Въ самомъ мирномъ договорѣ (въ 7 статьѣ) сказано было только въ общихъ чертахъ, что договаривающіяся стороны согласились допустить Порту къ пользованію привилегіями международнаго, публичнаго права, и къ участію въ совѣщаніяхъ европейскихъ державъ. Договаривающіяся стороны—сказано было далѣе—обязываются уважать независимость Порты и неприкосновенность территоріи ея; они сообща гарантируютъ точное и добросовѣстное исполненіе этого обязательства, и сообразно съ этимъ онѣ будутъ видѣть во всякомъ поступкѣ, направленномъ къ нарушенію этого обязательства, вопросъ, въ которомъ заинтересованы всѣ договаривающіяся стороны. Но этого постановленія показалось еще недостаточно для покровителей Порты, и поэтому Англія, Франція и Австрія, нѣсколько дней спустя послѣ подписанія Парижскаго договора, и еще до обмѣна ратификацій его, заключили между собою особый договоръ, цѣль котораго состояла въ гарантированіи независимости и неприкосновенности Турціи. Этимъ тремъ державамъ показалось, что въ Парижскомъ договорѣ, и именно въ 7-й статьѣ, заключается опасный пробѣлъ; имъ показалось недостаточнымъ, что въ статьѣ этой всякая попытка къ нарушенію неприкосновенности Турціи объявлена была «вопросомъ всеобщаго интереса», а не вопросомъ войны. Поэтому онѣ рѣшились, какъ сказано было

въ договорѣ 15 апрѣля, точнѣе опредѣлить тотъ видъ совокупнаго вмѣшательства, къ которому обязывало ихъ всякое нарушеніе постановленій Парижскаго договора. Онѣ постановили еще разъ гарантировать, сообща и поодиночкѣ, независимость и неприкосновенность турецкой имперіи, о которыхъ упомянуто было уже въ 7-й статьѣ Парижскаго договора 30 марта. Далѣе онѣ постановили, что всякое нарушеніе означенной статьи будетъ признано Англіей, Франціей и Австріей поводомъ къ войнѣ; онѣ въ такомъ случаѣ немедленно войдутъ въ соглашеніе съ Портой насчетъ тѣхъ мѣръ, которыя имъ слѣдуетъ принять, а между собою онѣ войдутъ въ соглашеніе насчетъ употребленія сухопутныхъ и морскихъ силъ своихъ противъ нарушителей постановленій Парижскаго договора. Ясно было для всѣхъ, что этотъ трактатъ направленъ былъ исключительно противъ Россіи. Трактатъ этотъ служилъ яснымъ доказательствомъ того, что западныя державы продолжали смотрѣть съ величайшимъ недовѣріемъ на намѣренія Россіи относительно Турціи; заключая этотъ трактатъ, онѣ признавались въ томъ, что видѣли въ парижскомъ мирѣ не миръ, а перемиріе. Обыкновенно, при окончаніи войны заключаютъ договоръ съ бывшимъ врагомъ своимъ; въ настоящемъ же случаѣ, западныя державы заключили при окончаніи войны договоръ, между собою, противъ бывшаго врага своего; такимъ образомъ, онѣ собственно сами заявили этимъ, что, при окончаніи войны, они въ дипломатическомъ отношеніи стояли на той же точкѣ, на которой онѣ стояли и до начала войны. Но въ трактатѣ 15 апрѣля, кромѣ этой стороны, есть также и другія, весьма интересныя стороны. Трактатъ этотъ, по отношенію Турціи, служитъ самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ извѣстной фразы о «больномъ человѣкѣ», сказанной объ этой державѣ, и въ этомъ отношеніи онъ служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ оптимистскихъ увѣреній друзей Турціи. Трактатъ этотъ есть собственно свидѣтельство въ бѣдности и безсиліи, выданное Турціи ея союзниками, и эти послѣдніе, заключая этотъ трактатъ, избрали нѣсколько странный путь для того, чтобы доставить Турціи самостоятельное и твердое положеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ, въ которую она была только-что введена столь торжественнымъ образомъ. Заключая этотъ договоръ не съ Портой, а между собою, союзники Порты явно показали, что они считаютъ Турцію неспособною къ самозащитѣ и къ самодѣятельности; опекуны Турціи постановили между собою, что слѣдуетъ помогать Турціи, такъ-какъ она не можетъ помочь сама себѣ, и они предоставили опекаемой ими державѣ право условиться съ ними только о тѣхъ способахъ, посредствомъ которыхъ слѣдуетъ оказать помощь Турціи. Они поступили въ настоящемъ случаѣ именно такъ, какъ поступаетъ консиліумъ врачей относительно больного: врачи сами помогаютъ больному по своему усмотрѣнію и по всѣмъ правиламъ науки,

предписываютъ ему лекарства, не спрашивая его согласія, и условливаются съ нимъ только насчетъ способа употребленія этихъ лекарствъ. Къ тому же, по остроумному заключенію одного публициста, заключивъ настоящимъ трактатомъ договоръ взаимнаго страхованія жизни Турціи, они тѣмъ не менѣе не могутъ спасти ее этимъ договоромъ отъ смерти, какъ никакой договоръ о застрахованіи жизни не спасаетъ того или тѣхъ, кто заключаетъ его.

Со времени изданія константинопольскаго гати-гумаюна 1856 года, и заключенія парижскихъ трактатовъ 30 марта и 15 апрѣля того же года прошло уже болѣе одиннадцати лѣтъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ изложеніе событій, происходившихъ во все это время на юго-востокѣ Европы, въ греко-славянскомъ мірѣ, какъ мы то сдѣлали для событій, въ предшествовавшія десятилѣтія. Тамъ мы сочли нужнымъ напомнить читателямъ нашимъ общую связь событій, въ которыхъ выразилось отношеніе европейской дипломатіи къ судьбѣ греко-славянскаго міра, и которыя могли нѣсколько изгладиться изъ памяти ихъ послѣ крупныхъ событій 1853 — 1856 года. Событія же послѣдняго десятилѣтія, какъ мы полагаемъ, еще слишкомъ въ свѣжей памяти у всѣхъ, кто хоть поверхностно слѣдилъ за исторіей и развитіемъ восточнаго вопроса. Всѣ очень хорошо знаютъ, что пресловутые фирманы и трактаты 1856 года не устранили возможности смутъ, насильственныхъ переворотовъ и столкновеній на юго-востокѣ Европы, и не установили прочныхъ, здоровыхъ отношеній между Портой и тѣми христіанскими провинціями турецкой имперіи, которыя находятся какъ въ косвенной, вассальной зависимости отъ нея, такъ и въ непосредственномъ владѣніи ея. Достаточно будетъ напомнить здѣсь о томъ, что и послѣ 1856 г. между Портой и Сербіей происходили неоднократныя столкновенія, что Черногорія еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ выдержала упорную борьбу съ Турціей, что въ Дунайскихъ княжествахъ происходили неоднократные перевороты, что во всѣхъ этихъ областяхъ населеніе почти постоянно держитъ оружіе на-готовѣ въ виду всевозможныхъ случайностей; достаточно вспомнить все это для того, чтобы стало яснымъ, какъ ненормальны и непрочны отношенія Порты къ вассальнымъ владѣніямъ ея. Мы не станемъ также говорить здѣсь о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ, о рѣзнѣ христіанъ въ Сиріи, о героической борьбѣ кандійцевъ свергнуть съ себя турецкое иго, о неоднократныхъ попыткахъ къ возстанію, происходившихъ и происходящихъ до настоящаго времени среди христіанъ Эпира, Ѳессаліи, Албаніи, Македоніи, и, наконецъ, даже среди скромныхъ, терпѣливыхъ и выносливыхъ болгаръ. Мы не станемъ останавливаться на фактической сторонѣ этихъ явленій, и безъ того уже достаточно хорошо извѣстной; но мы считаемъ нелишнимъ, въ заключеніе нашей статьи, бросить взглядъ на внутренній смыслъ ихъ, и посмотрѣть, на основа-

ніе одиннадцати-лѣтняго опыта, насколько сбылись сангвиническія надежды друзей Турціи, которые видѣли въ изданіи гати-гумаюна 1856 года и въ парижскихъ трактатахъ 30 марта и 15 апрѣля — начало новой эры для Турціи.

«Портѣ предстояло доказать Европѣ — говоритъ Розенъ въ своей «Новѣйшей исторіи Турціи»—что она, несмотря на свой исламизмъ, способна къ обновленію и къ возрожденію на новыхъ началахъ. Ей предстояло замѣнить дѣломъ дешевыя фразы о любви султана ко всѣмъ своимъ подданнымъ, и приступить на дѣлѣ къ эмансипаціи райевъ. Ей предстояло сдѣлать для безопасности жизни и имущества своихъ подданныхъ что-нибудь болѣе дѣйствительное, нежели одни только обѣщанія. Ей слѣдовало ввести прежде всего хорошее судебное устройство, эту главную основу гражданскаго порядка; ей слѣдовало позаботиться о созданіи хорошаго, дѣльнаго и честнаго сословія чиновниковъ; ей предстояло осуществить обѣщанія свои касательно общеполезныхъ работъ, провести хорошіе дороги, мосты, желѣзныя дороги, каналы, и т. д.; ей слѣдовало показать подданнымъ, что на будущее время «развитіе огромныхъ средствъ государства» заключается въ чемъ-нибудь другомъ, нежели во взиманіи новыхъ налоговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся болѣе невыносимыми, тѣмъ болѣе, что средства страны и плательщиковъ въ дѣйствительности нисколько не увеличивались. Иначе Порта не можетъ разсчитывать на сочувствіе и поддержку Европы въ виду новыхъ бурь, которыя предстоятъ ей; она не должна забывать, что она обязана была поддержкой западной Европы во время Восточной войны не столько своимъ заслугамъ, сколько непопулярности своего противника и нерасположенію къ нему западной Европы. Но, судя по тому, что́ мы видимъ—продолжаетъ Розенъ (который вообще тоже принадлежитъ къ числу ревностныхъ сторонниковъ Порты и еще болѣе ревностныхъ противниковъ русскаго вліянія на юго-востокѣ Европы)—мы сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы Порта серьезно желала и могла переродиться. Турція ничѣмъ не доказала, чтобы она научилась чему-либо, кромѣ дипломатическихъ претензій, чтобы она забыла что-либо изъ своихъ племенныхъ притязаній. Турецкіе министры, повидимому, считаютъ самымъ лучшимъ средствомъ къ исцѣленію Турціи—ибо Турція больна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія и въ этомъ не сомнѣваются сами турецкіе министры — подавленіе всякаго свободнаго заявленія внутри страны, домогательство похвалъ продажной публицистики, и забавное важничанье въ государственныхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ своихъ (что́, съ своей стороны, является результатомъ тѣхъ комплиментовъ, которыми во время и послѣ Восточной войны осыпали Порту союзники ея). Въ то время, какъ Россія, въ послѣднее время безспорно вступила на путь исцѣленія — она тоже была больна въ то время, когда впервые заговорили о болѣзни Тур-

ціи — эта послѣдняя, напротивъ, вступила на путь разложенія, какъ будто зависть и нерасположеніе западной Европы къ Россіи могутъ и должны избавить ее отъ всякой заботы о своемъ существованіи. Но она можетъ ошибиться въ этомъ разсчетѣ своемъ; очень легко можетъ случиться, что державы, которыя уже разъ спасли ее отъ паденія, не спасутъ ее въ другой разъ, когда онѣ увидятъ, что всѣ ихъ старанія о возрожденіи турецкой имперіи разбиваются объ апатію, о неспособность къ развитію и образованію, и о тупое близорукое корыстолюбіе турокъ»..... «Не подлежитъ никакому сомнѣнію — говоритъ Розенъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія о Турціи — что въ послѣднее время турецкіе христіане сдѣлали нѣкоторые, хотя и весьма незначительные, успѣхи по пути къ прогрессу. Но было бы весьма ошибочно приписывать эти результаты вліянію султанскихъ фирмановъ и дѣятельности турецкихъ правителей; это, напротивъ, исключительно только является результатомъ болѣе дѣятельныхъ сношеній народовъ, которыя разливаютъ нѣкоторый свѣтъ тамъ, гдѣ доселѣ была глубокая тьма. Гати-гумаюнъ 1856 г. не оказалъ ни малѣйшаго вліянія на достиженіе этихъ результатовъ. Даже тамъ, гдѣ произошли нѣкоторыя, весьма впрочемъ незначительныя административныя улучшенія, гдѣ проведены желѣзныя дороги, телеграфы и т. д., это случилось совершенно независимо отъ гати-гумаюна, даже независимо отъ воли турецкихъ правителей».

Подобные отзывы писателя, который въ цѣломъ, обширномъ сочиненіи своемъ, выказалъ самые недвусмысленные признаки глубокаго сочувствія своего къ Турціи и нерасположеніе къ русскому вліянію на юго-востокѣ, не лишены интереса и даже довольно важнаго значенія. И подобные отзывы друзей Турціи далеко не представляютъ одиночнаго явленія. Такъ напр., одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей, который въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ ходатаевъ за Турцію въ англійскомъ парламентѣ и въ англійскихъ народныхъ собраніяхъ, сэръ Ричардъ Кобденъ слѣдующимъ образомъ отзывался о внутреннемъ положеніи Турціи и объ отношеніяхъ мусульманъ къ христіанскимъ подданнымъ Порты (рѣчь Кобдена отъ 22 мая 1863 года, произнесенная въ англійской палатѣ депутатовъ):

«Намъ предстоитъ рѣшить вопросъ: должны ли мы руководствоваться въ нашей иностранной политикѣ заботами объ интересахъ незначительнаго мусульманскаго меньшинства Турціи, или объ интересахъ христіанскаго большинства? У меня подъ руками отчеты положенія христіанъ въ Турціи, доставленные нашими консулами въ этой странѣ, и эти отчеты представляютъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ въ отношеніяхъ христіанъ къ туркамъ — а именно допущеніе на судѣ свидѣтельства христіанъ противъ турокъ

(обѣщаннаго, какъ извѣстно, самымъ торжественнымъ образомъ гати-гумаюномъ 1856 года). Консулъ Лонгвортъ (извѣстный своею любовью къ Портѣ и нерасположеніемъ къ турецкимъ христіанамъ) утверждаетъ, что христіанъ не допускаютъ къ свидѣтельствамъ противъ турокъ, между тѣмъ какъ существуетъ цѣлая правильно организованная система лжесвидѣтельствъ со стороны мусульманъ. Нашъ бухарестскій консулъ тоже говоритъ въ своемъ донесеніи, что, при настоящихъ порядкахъ, въ турецкихъ провинціяхъ свидѣтельство мусульманина-бродяги значитъ гораздо болѣе, нежели свидѣтельство самаго богатаго и образованнаго христіанина. Однимъ словомъ, христіанское населеніе Турціи поставлено внѣ закона. Неужели можно допустить такой порядокъ вещей, при которомъ самая образованная, самая развитая часть турецкаго населенія, та часть ея, въ рукахъ которой находится вся промышленность, вся торговля, однимъ словомъ, вся цивилизація Турціи, поставлена внѣ закона. Турецкое судопроизводство находится еще въ столь варварскомъ состояніи, что дѣлаются совершенно необходимыми спеціальныя судебныя установленія для христіанъ. Конечно, было бы страннымъ требовать подобныхъ спеціальныхъ судовъ для англичанъ, обитающихъ во Франціи, или для французовъ, обитающихъ въ Англіи. Но до тѣхъ поръ, пока въ Турціи будетъ существовать настоящій порядокъ вещей, до тѣхъ поръ, пока паши будутъ продавать защиту и покровительство закона, до тѣхъ поръ нельзя будетъ обойтись безъ такихъ спеціальныхъ судовъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что никто изъ васъ, мм. гг., не захочетъ допустить, чтобы турецкіе суды судили англійскихъ подданныхъ. Вездѣ, по всей турецкой имперіи, англійскіе подданные подчинены особому законодательству, суду консуловъ. Такимъ образомъ, семь лѣтъ послѣ парижской конференціи, которая должна была ввести Турцію въ семью европейскихъ государствъ, мы еще должны заботиться о томъ, чтобы защитить каждаго изъ нашихъ подданныхъ отъ турецкихъ законовъ; а между тѣмъ турецкіе христіане подчинены суду мусульманъ. Неужели слѣдуетъ оставить ихъ въ такомъ положеніи? Неужели мы употребимъ все свое могущество и вліяніе нашей дипломатіи для поддержанія такого порядка вещей? Намъ возражаютъ, что Турція самымъ рѣшительнымъ образомъ идетъ по пути къ улучшеніямъ, что мы слышимъ только отзывы одной стороны, христіанъ, и судимъ по нимъ, не выслушавъ противной стороны, турокъ. Но если мы не слышимъ отзывовъ самихъ турокъ о своихъ судахъ и администраціи, то мы слышимъ отзывы о томъ друзей ея. Вотъ, что́ говоритъ сэръ Генри Бульверъ, въ депешѣ своей отъ 24 апрѣля 1860 года: «Вездѣ, гдѣ турки преобладаютъ, преобладаніе это ознаменовано развратомъ, лѣностью, расточительностью и нищетою; они всюду являются необузданными повелителями и не имѣютъ никакого уваженія къ закону». Христіан-

ское населеніе Турціи, не смотря на всѣ усилія, дѣлаемыя безпрерывно для того, чтобы оно оставалось въ невѣжествѣ, все-таки дѣлаетъ нѣкоторые, хотя конечно очень незначительные успѣхи по пути къ прогрессу; и по мѣрѣ того, какъ увеличивается развитіе его, увеличивается нерасположеніе его къ Портѣ. Семилѣтній опытъ показалъ, что турки не исполнили ничего изъ того, чего ожидали отъ нихъ. Поэтому, нечего удивляться тому, что турецкіе христіане наконецъ потеряли всякую надежду на улучшеніе положенія своего вслѣдствіе иноземнаго вмѣшательства, и что они стали подумывать объ изысканіи другихъ средствъ для осуществленія своихъ желаній. Весьма понятно, что угнетенная нація рѣшается, наконецъ, сама попытать своего счастія, и что она старается избавиться отъ своего угнетателя собственными силами своими».

Французскій консулъ въ Кандіи, г. Дерше, въ одномъ изъ послѣднихъ донесеній своихъ вполнѣ подтверждаетъ то, что Кобденъ говорилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ о турецкихъ судахъ; онъ напр. говоритъ въ этомъ донесеніи своемъ, что губернаторъ всегда заранѣе указываетъ судьямъ, въ какомъ смыслѣ имъ слѣдуетъ постановить свои рѣшенія, и что лжесвидѣтельство одного мусульманина въ главахъ турецкихъ судей имѣетъ болѣе важное значеніе, нежели всѣ правдивыя свидѣтельства христіанъ, взятыя вмѣстѣ.

Извѣстно также, что одна изъ главныхъ причинъ постояннаго броженія и частыхъ вспышекъ въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи заключается въ увеличивающейся съ каждымъ днемъ тягости налоговъ, и въ невыносимыхъ злоупотребленіяхъ при взиманіи ихъ, которыя, по крайней мѣрѣ, удвоиваютъ эту тягость. (Между тѣмъ гати-гумаюнъ 1856 года обѣщалъ равномѣрное распредѣленіе и правильную систему взиманія налоговъ.) Такъ напр., за вино во многихъ провинціяхъ взимается налоговъ въ 30 проц. съ стоимости его; съ каждой лошади платится налогъ въ 15 піастровъ, а съ каждаго мула налогъ въ 10 піастровъ. Кромѣ того, не смотря на торжественныя обѣщанія, данныя въ 1853 и 1856 году, съ христіанъ собирается поголовная подать въ 30 піастровъ въ годъ, только съ тою разницею, что она не называется харадженъ, какъ она называлась прежде, а извѣстна теперь подъ другимъ именемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ меморандумовъ своихъ Порта увѣряетъ, что она совершенно добросовѣстно исполняетъ постановленія гати-гумаюна 1856 года, и что она взимаетъ съ христіанъ означенную подать только для того, чтобы избавить ихъ отъ обязательства военной службы, къ которой они чувствуютъ крайнее нерасположеніе. Это послѣднее увѣреніе справедливо только отчасти. Христіане дѣйствительно крайне неохотно поступаютъ въ полки, въ которыхъ они должны служить вмѣстѣ съ турками, и которые, большею частью, посылаются въ отдаленныя турецкія провинціи: Малую

Азіи, Сиріи и т. д., въ то самое время, когда исключительно мусульманскія войска распредѣляются по христіанскимъ провинціямъ Турціи. Но христіане вовсе не имѣли бы никакого нерасположенія къ военной службѣ, и охотно избавились бы отъ поголовной подати поступленіемъ въ военную службу, еслибъ они могли поступать въ полки, составленные исключительно изъ христіанъ, и еслибъ они могли надѣяться на то, что ихъ оставятъ въ христіанскихъ провинціяхъ европейской Турціи, гдѣ имъ было бы легче служить, и чѣмъ они избавили бы своихъ соплеменниковъ отъ присутствія мусульманскихъ войскъ.

Десятилѣтній опытъ убѣдилъ, какъ мы видѣли выше, самыхъ горячихъ защитниковъ Турціи въ томъ, что оптимистскія надежды ихъ на перерожденіе Турціи оказались несбыточными мечтами. Хотя и теперь въ западной Европѣ раздаются голоса, увѣряющіе, что Турція можетъ идти, и дѣйствительно идетъ впередъ; хотя еще недавно правительство, высшіе классы и пресса Франціи, Англіи и Австріи осыпали султана любезностями и комплиментами, и очень много говорили о тѣсномъ союзѣ Турціи и Европы,—однако не трудно замѣтить, что всѣ эти увѣренія вовсе не выражаютъ истиннаго мнѣнія проницательныхъ политиковъ западной Европы о современномъ положеніи восточнаго вопроса. Въ теченіе послѣдняго времени вліятельнѣйшіе изъ органовъ англійской, французской и австрійской журналистики, не разъ выражали мнѣніе, что «больной человѣкъ» не только не вылечился отъ своей болѣзни, но что болѣзнь его, въ послѣднее время, сдѣлала значительные успѣхи, и что слѣдуетъ ожидать близкой смерти отчаяннаго больного.

Въ газетѣ «Times» не разъ можно было встрѣтить выраженіе этого мнѣнія. Газета «Morning Post», которая, какъ органъ покойнаго лорда Пальмерстона, принадлежала постоянно къ самымъ ревностнымъ защитникамъ Порты, не далѣе, какъ во время недавняго пребыванія султана въ Лондонѣ, слѣдующимъ образомъ отозвалась о современномъ положеніи Турціи, по поводу вышеприведенной рѣчи Ричарда Кобдена: «Если бы этотъ великій человѣкъ былъ живъ въ настоящее время, то онъ врядъ ли нашелъ бы достаточно поводовъ измѣнить приговоръ свой о Портѣ, произнесенный имъ въ 1863 году. Среди всѣхъ претензій на реформы, которыя постоянно обнаруживаетъ Турція, всякій безпристрастный наблюдатель замѣтитъ новыя и самыя несомнѣнныя доказательства ея упадка. Даже тѣ изъ друзей Турціи, которые постоянно говорятъ о прогрессѣ ея, не могутъ отрицать того факта, что численность турецкаго населенія быстро уменьшается, что самыя плодородныя страны древняго міра превращаются постепенно въ пустыни подъ турецкимъ владычествомъ, и что внутреннее положеніе турецкой имперіи и положеніе её правительства можетъ быть обозначено двумя словами: упадокъ и разрушеніе».

Нѣкоторые изъ французскихъ и австрійскихъ публицистовъ видятъ главную цѣль и главное значеніе недавняго зальцбургскаго свиданія въ томъ, что оба императора, французскій и австрійскій, имѣли главнымъ образомъ въ виду условиться насчетъ раздѣленія наслѣдства въ случаѣ смерти больного человѣка. «Мы часто слышимъ—говоритъ одинъ изъ нихъ (Journal des Débats, 13 августа)—что Турція въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ подвергалась уже не малымъ измѣненіямъ, что и теперь вся она находится въ состояніи броженія, и что въ непродолжительномъ времени можно ожидать совершеннаго распаденія ея: Европа допустила уже многія изъ этихъ преобразованій, и, повидимому, не видитъ возможности избѣжать и дальнѣйшаго распаденія ея. Распаденіе это сдѣлалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ судьбахъ Европы стали играть такую видную роль два великихъ принципа: принципъ національностей и принципъ народнаго самоуправленія. Эти принципы, повидимому, должны найти особенно частое примѣненіе въ европейскихъ провинціяхъ Турціи; они безъ сомнѣнія быстро разовьются въ этихъ провинціяхъ, и произведутъ тамъ не малое дѣйствіе, потому-что въ этихъ провинціяхъ можно найти не мало національностей, которыя сохранили свои племенныя особенности, не смотря на вѣковой гнетъ, подъ которымъ онѣ находились. Духъ національной особенности пробудился одновременно во всѣхъ этихъ провинціяхъ, и ихъ обитатели, повидимому, твердо рѣшились добиться своихъ правъ въ области гражданской, политической и религіозной. Въ этихъ увѣреніяхъ заключается весьма много справедливаго, и государственные люди, управляющіе Австріей, повидимому, убѣдились въ справедливости ихъ. Они всѣ согласны въ томъ, что оттоманская имперія осуждена на постепенное распаденіе, которое подъ конецъ должно повести ее къ окончательной гибели. Западная Европа не должна допустить того, чтобы при этомъ распаденіи ея Россія осуществила свои честолюбивыя намѣренія. Эта опасность можетъ быть устранена только посредствомъ прочнаго и твердаго союза Австріи и Франціи. Отдѣлившіяся отъ Турціи небольшія греко-славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ были бы въ сущности не что иное, какъ вассальныя владѣнія Россіи, и такимъ образомъ власть Россіи распространялась бы на всю обширную и богатую страну, населенную многочисленнымъ христіанскимъ населеніемъ, страну, которая омывается Адріатическимъ, Средиземнымъ и Чернымъ моремъ, орошается Дунаемъ и другими значительными рѣками. Тогда Россія окружала бы, посредствомъ вассальныхъ владѣній, тѣснымъ поясомъ значительную часть австрійскихъ владѣній, и угрожала бы немалою опасностью Италіи и всей западной Европѣ. Подобный непредусмотрительный образъ дѣйствій рѣзко противорѣчилъ бы той предусмотрительной и осторожной политикѣ, которая повела къ войнѣ 1853—

1856 годовъ, и уничтожила бы всѣ плоды, пріобрѣтенные этой войною. Восточный вопросъ достигъ въ настоящее время такой точки, что онъ по необходимости долженъ обратить на себя вниманіе Франціи и Австріи. Несомнѣнно, что во время зальцбургскихъ совѣщаній приняты были рѣшенія по восточному вопросу, сообразныя съ интересами Франціи и Австріи. Неизбѣжное распаденіе оттоманской имперіи даетъ Австріи возможность найти вознагражденіе за тѣ потери, которыя она понесла во время прошлогодней войны». (Мы замѣтимъ здѣсь кстати, что многіе придавали этой статьѣ газеты «Journal des Débats» оффиціальный характеръ, и видѣли въ ней выраженіе мнѣній барона Бейста и австрійскаго посланника при французскомъ правительствѣ, князя Меттерниха.)

Этимъ мы закончимъ нашъ очеркъ перваго пятидесятилѣтія восточнаго вопроса. Мы видимъ такимъ образомъ, что послѣ полувѣковаго существованія этого вопроса, послѣ упорной дипломатической борьбы за дипломатическое преобладаніе въ Константинополѣ, послѣ потоковъ крови, пролитыхъ для защиты независимости и неприкосновенности Турціи, послѣ потоковъ чернилъ, пролитыхъ съ тою же цѣлью, послѣ изданія множества фирмановъ, имѣющихъ цѣлью опредѣленіе отношеній христіанъ къ мусульманамъ, и послѣ заключенія множества трактатовъ, имѣющихъ во виду ту же цѣль, равно какъ и обезпеченіе независимости Турціи—самые ревностные и преданные друзья Турціи принуждены произнести надъ ней самый строгій, безапелляціонный приговоръ, въ которомъ они громко провозглашаютъ полную неспособность ея къ перерожденію. Мы видимъ, что союзники Турціи, ревностно старавшіеся спасти ее отъ русскаго вліянія и ввести ее полноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ государствъ, упорно доказывавшіе, что «больной человѣкъ» вовсе не боленъ, и можетъ еще совершенно окрѣпнуть и оживиться, теперь сами пришли уже къ тому, что совѣщаются о раздѣлѣ наслѣдства послѣ «больного человѣка».

Такъ оканчивается первое пятидесятилѣтіе восточнаго вопроса, и неужели тотъ новый періодъ восточнаго вопроса, который открывается предъ нами, будетъ не менѣе продолжителенъ? w.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА 1867 ГОДА *).

Письмо второе изъ Парижа.

Нужно сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы отъ французской школы живописи перейти въ англійскую школу. Во Франціи, за отсутствіемъ серьезной мысли въ искусствѣ, мы нашли, по крайней мѣрѣ, много чувства, много вкуса, граціи и, ко всему этому, хорошую технику. Не нужно искать ничего подобнаго у англичанъ. Тяжелый и разсчетливый ихъ характеръ какъ нельзя болѣе сказался въ ихъ искусствѣ, если можно назвать искусствомъ почти безвкусіе, эксцентричность, негармоническую смѣсь всевозможныхъ красокъ. Многіе хотятъ видѣть въ этой школѣ какіе-то неизвѣстные задатки, принимая за оригинальность то, что̀ правильнѣе было бы назвать полнымъ отсутствіемъ эстетическаго чувства, пониманія красоты. Съ легкой руки талантливаго человѣка прошлаго столѣтія Вильяма Гогарта, отца англійской школы, всѣ англичане набросились преимущественно на жанръ, схватились за реализмъ, но Гогартовъ между ними нашлось немного. Главное стремленіе современной англійской школы — во что бы то ни стало обратить на себя вниманіе публики и чѣмъ бы то ни было. Чтобы достигнуть своей цѣли, они преимущественно выбираютъ сильныя краски, рѣзкіе тоны, кидающійся въ глаза колоритъ, но при этомъ, къ несчастью, позабываютъ, что сильныя краски, колоритъ не состоятъ въ томъ, чтобы набросать рядомъ желтый, синій, оранжевый, голубой, красный и другіе цвѣта; нужно гармоничное отношеніе тоновъ между собою, ихъ единство, ихъ связь. Но чѣмъ ниже общій уровень, тѣмъ за-то больше выдаются отдѣльныя произве-

*) См. выше, т. II, отд. V, стр. 80 — 94.

денія, за которыми нельзя не признать болѣе или менѣе серьёзнаго таланта. Въ англійскую школу попали три или четыре картины, на которыхъ нельзя не обратить вниманія: въ нихъ есть много и истиннаго комизма и юмора. Я прежде всего назову двѣ картины *Николя:* «Плата за наемъ дома», и потомъ «Школьный учитель и мальчикъ». Въ первой изъ этихъ картинъ представлена вѣроятно контора, за которою сидятъ два господина, одинъ изъ нихъ внимательно чинитъ карандашъ, другой съ перомъ въ зубахъ что-то читаетъ, у стола расположено нѣсколько фигуръ, изъ которыхъ особенно хороша одна, изображающая собою англійскаго «кулака», достающаго изъ кармана кошелекъ. Разбирая эту картину по мелочамъ, въ ней находишь бездну прекрасно выполненныхъ подробностей. Колоритъ ея очень хорошъ, безъ всякихъ претензій на какую-то оригинальность, безъ черныхъ, синихъ или лиловыхъ пятенъ. Другая его же картина показываетъ всю прелесть англійскихъ нравовъ: на стулѣ сидитъ тотъ самый господинъ, который въ первой картинѣ достаетъ кошелекъ, съ тѣмъ же выраженіемъ и почти въ той же позѣ, держа въ одной рукѣ розгу; предъ нимъ стоитъ мальчишка, сконфуженный, покраснѣвшій, и съ привычнымъ страхомъ дожидающій экзекуціи. Другой англійскій художникъ, удостоившійся медали, это—*Philippe Calderow.* Онъ тоже выставилъ двѣ картины: «Англійское посольство въ Парижѣ во время Варѳоломеевской ночи» и «Высокая, благородная и могущественная дама» Въ первой картинѣ очень хорошъ весь второй планъ, эти толпящіяся у окна фигуры, на лицахъ которыхъ очень вѣрно переданъ и страхъ и ужасъ. Передній планъ картины, на которомъ выведены три женщины, изъ которыхъ одна сидитъ на креслѣ, другая на колѣнахъ спрятала свою голову у ея ногъ, и третья смотритъ на дѣвушку, стоящую на колѣняхъ, нравится меньше: ихъ лица холодны, не оживлены; онѣ составляютъ слишкомъ рѣзкій контрастъ мужчинамъ, стоящимъ позади. Хотя должно сказать, что головки ихъ написаны очень хорошо. Наконецъ, налѣво у дверей отличная головка встревоженнаго старика, но она портится фигурою дѣвушки, которая жмется къ нему, фигурою, поставленною слишкомъ въ академическую позу. Другая картина хорошо передаетъ придворную сцену: и старые и молодые, все сгибаетъ свою спину и низко кланяется проходящей могущественной дамѣ — маленькой дѣвочкѣ. Картина эта и скомпанована и выполнена очень интересно. Послѣ этихъ двухъ именъ, можно назвать еще автора маленькой картины «Вызовъ на дуэль», *Orchardson'a*, въ которомъ есть много комичности, да еще Newton'a, давшаго большую прекрасную акварель. Вотъ и все! За исключеніемъ этихъ трехъ-четырехъ картинъ, вся англійская школа представляетъ одну неестественность, крикливость красокъ и экспрессій, отъ которыхъ хочется бѣжать и бѣжать.

Въ одной залѣ съ англійскою живописью помѣщены и произведенія Америки. Между ними есть много сходства: и тутъ, какъ и въ Англіи есть двѣ-три интересныя вещи. Я прежде всего назову эффектные пейзажи *Чёрча* (Church), изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою Ніагару. Вода, радуга, пѣна, воздухъ—все это передано очень живо. Точно также есть интересъ въ картинахъ *Jhonson'a*, берущаго сюжеты изъ жизни черныхъ; замѣтимъ еще картину, которая неизвѣстно какъ попала въ эту среду, картину, въ которой есть много чувства и правды: она написана *Лембденомъ* (Lambdin). Въ большой комнатѣ на кровати лежитъ умершая женщина, вся въ бѣломъ, и на трупъ ея, къ ея груди припалъ въ отчаяніи близкій ей человѣкъ. Сцена эта, которая легко могла перейти въ мелодраму, передана такъ просто, такъ естественно, что поневолѣ производитъ впечатлѣніе. И письмомъ, и въ особенности своимъ тономъ эта прочувствованная вещь выдается изъ всего остальнаго, которое я очень радъ, что могу наконецъ оставить.

Пройдя Египетъ, Турцію, живопись которой крайне интересна по своему допотопному состоянію, входишь наконецъ въ небольшія двѣ залы, въ которыхъ можно отдохнуть послѣ тяжелой эксцентричности. Залы эти принадлежатъ Италіи, которая каждый день вдыхаетъ въ себя новую жизнь, что́ какъ нельзя лучше доказывается выставкой ея художественнаго отдѣла. Здѣсь видно стремленіе къ тому высокому искусству, которое не сказывается во Франціи, и котораго не нужно искать въ Англіи, къ искусству, воодушевленному идеею, мыслью, на которомъ отзывается и богатая фантазія, и пониманіе человѣческихъ страстей. Современная итальянская школа, насколько ее можно судить по Выставкѣ, реальна, но заслуга ея, мнѣ кажется, именно заключается въ томъ, что она показываетъ собою, чѣмъ долженъ быть этотъ реализмъ въ искусствѣ. Она громко говоритъ, что реализмъ нисколько не заключается въ фотографіи, рабской копировкѣ обыденной жизни, что далеко не все въ этой жизни заслуживаетъ передачи, что въ этой жизни нужно выбирать только то, что́ пропитано мыслью, сильнымъ чувствомъ и страстью. Задача художника-реалиста—это уловить и изобразить такое явленіе, которое захватывало бы собою и передавало какую-нибудь цѣлую сторону жизни народа или вообще человѣка, чтобы въ картинѣ его былъ какой-нибудь общій интересъ, кромѣ интереса исполненія. Въ большей части итальянскихъ картинъ мы именно видимъ ту мысль, которую мы такъ рѣдко встрѣчали во французскомъ отдѣлѣ. Такія три имени какъ *Уси*, *Морелли* и *Фаруфини*, должны были бы, кажется, заставить замолчать тѣхъ, которые утверждаютъ, что въ итальянскомъ отдѣленіи нѣтъ ничего замѣчательнаго. Большая картина Уси, который получилъ почетную медаль, представляетъ «Изгнаніе флорентинскаго князя». На первомъ планѣ, на креслѣ сидитъ въ красномъ одѣяніи

изгоняемый князь съ перомъ въ рукахъ, около него на столѣ отреченіе, которое онъ долженъ подписать. На лицѣ его выражается очень живо безпокойство, страхъ, какое-то раздумье; видно, что онъ не можетъ рѣшиться, что внутри его куется какой-то планъ, можетъ быть надежда спасенія или надежда обмануть народъ. Около, съ замѣчательно сильнымъ выраженіемъ, стоитъ простолюдинъ, съ перевязанной головой, можетъ быть только-что получившій рану, и съ чисто-итальянскимъ жестомъ — обѣими руками на воздухѣ — убѣждаетъ его скорѣй подписать и вмѣстѣ грозитъ ему. Налѣво отъ князя стоятъ различные вельможи, стоятъ молча, ожидая его рѣшенія. На лицахъ ихъ написано: «Ну что же, скорѣй, подписывай, настала минута расплатиться тебѣ за всѣ твои злодѣянія». Позади, со всѣхъ сторонъ, народъ врывается, бѣжитъ въ ярости, въ злобѣ; нѣсколько солдатъ, чувствуя свое безсиліе, не смѣютъ даже удерживать его. Когда смотришь на эту картину, такъ и кажется, что вотъ пришла минута, минута, когда народъ набросится на этого князя, кажется, что все задвигается, послышится сейчасъ крикъ, шумъ, радость торжествующей толпы. Всѣ выраженія, всѣ позы, движенія, вся драма, трагедія передана съ такою жизнью, съ такою правдою, съ такою удивительною вѣрностью, что въ недоумѣніи спрашиваешь себя: отчего все притихло, что́ значитъ это, что всѣ люди остановились въ одной позѣ, отчего не раздается въ самомъ дѣлѣ ни одного крика. Это прекрасное изображеніе одной изъ самыхъ сильныхъ человѣческихъ страстей, сильно разгорѣвшейся политической страсти, выполнено какъ нельзя лучше; можно смѣло сказать, что человѣкъ, написавшій такую картину, понимаетъ значеніе искусства; онъ понимаетъ, что въ основаніи его, его краеугольнымъ камнемъ должна быть мысль, идея. Другая картина, предъ которой я останавливаюсь съ большою любовью, принадлежитъ Морелли. Въ свѣтлой комнатѣ сидитъ посрединѣ Тассо, который въ одной рукѣ держитъ исписанный листъ бумаги, другою дѣлаетъ спокойный жестъ. Онъ весь погруженъ въ свое чтеніе, на лицѣ его выражается полное поэтическое вдохновеніе; видно, что онъ ничего больше не видитъ, ничего не слышитъ, онъ поглощенъ только плавными, звучными и сильными стихами. Напротивъ него, въ креслѣ, полулежитъ молодая хорошенькая дѣвушка, голова ея покоится на подушкѣ; по ея виду всякій сейчасъ угадаетъ, что въ ней кроется какая-то злая болѣзнь. Она смотритъ на полураскрытый, говорящій ротъ Тасса, и смотритъ съ такою нѣжностью, съ такою грустною улыбкою, что не нужно и прибавлять, что она влюблена въ него. Ея глаза говорятъ точно: «всю жизнь хотѣла бы такъ остаться и слушать и смотрѣть на тебя», а между тѣмъ жизнь убѣгаетъ отъ нея. У окна сидитъ другая молодая дѣвушка, которая все забыла, которая ничего не понимаетъ, кромѣ одного: около нея

Тассо, котораго она боготворитъ! Что ей за дѣло до чтенія, до стиховъ, до всѣхъ, которые сидятъ въ комнатѣ: она смотритъ на вдохновенные глаза Тасса, и она спокойна и счастлива. Почти наравнѣ съ Тассомъ, чуть-чуть позади сидитъ третья дѣвушка, и напряженно, внимательно слушаетъ его, стараясь не проронить ни одного слова. Въ этой простой, повидимому, картинѣ, простой по своему содержанію, разлито столько поэзіи, такъ глубоко захвачена эта вѣчная въ человѣкѣ струна, эта безсмертная страсть, это сильное живое чувство — любовь, что она долго не позволяетъ свести съ нея глазъ, отойти отъ нея, подумать о чемъ-нибудь другомъ. Воздухъ въ этой картинѣ до того прозраченъ, свѣтъ, падающій на Тасса, до того живъ, во всѣхъ этихъ фигурахъ столько плоти и крови, столько жизни, все такъ естественно, такъ просто, что вглядываясь пристальнѣе, внимательнѣе, хочется самому подойти къ нимъ, и опуститься на первый попавшійся стулъ и самому послушать этого вдохновеннаго поэта. Я не говорю уже о широкой кисти Морелли, объ его краскахъ, рисункѣ, объ общемъ тонѣ картины — все это прекрасно. Третья картина, которая выдѣляется изъ общаго уровня итальянскаго отдѣленія, представляетъ собою «Макіавеля и Цезаря Борджіа», Фаруфини. Что можетъ быть типичнѣе, лучше этой полусолдатской деспотической фигуры Борджіа, который сидитъ подбоченившись, съ протянутыми ногами и слушаетъ напротивъ него въ скромной позѣ сидящаго Макіавеля. Какъ умно, какъ удачно это сопоставленіе разума и произвола, одного едва позволяющаго себѣ возвысить голосъ, униженнаго, другого — торжествующаго, господствующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченнаго. Обѣ эти фигуры написаны очень хорошо, выраженія ихъ просты, безукоризненны, въ ихъ позѣ, посадкѣ, во всей компановкѣ картины столько ловкости, столько пониманія, умѣнія, столько наконецъ оригинальности, самобытности, что за авторомъ ея нельзя не признать серьёзнаго и большого таланта. Все, въ чемъ мнѣ кажется можно упрекнуть Фаруфини, это то, что картина его нѣсколько темна, что изъ большого окна его комнаты должно бы выходить больше свѣта. Если я назвалъ только этихъ трехъ художниковъ, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, что кромѣ нихъ въ итальянскомъ отдѣлѣ никто не заслуживаетъ вниманія; напротивъ, то, что именно особенно пріятно поражаетъ здѣсь, это—видѣть довольно высокій общій уровень школы. Кромѣ упомянутыхъ картинъ есть еще нѣсколько крайне интересныхъ. Я обращу вниманіе на картину *Busi:* «Тассо и кардиналъ Альдобрандини въ монастырѣ Св. Онуфрія въ Римѣ». Вообще нужно сказать, что Торквато Тассо повидимому, одна изъ любимыхъ историческихъ фигуръ итальянскихъ художниковъ. Кромѣ этой картины есть еще одна недоконченная картина, представляющая сумашедшаго Тасса. Небольшая картина, которая останавливаетъ на себя весьма справедливо вниманіе

публики, представляетъ сцену изъ инквизиціи. Она очень проста по композиціи: три монаха разговариваютъ между собою, четвертый стоитъ у стола и спокойно, съ святою кротостью, смотритъ на лежащаго въ другомъ концѣ комнаты стиснутаго въ какой-то инструментъ окровавленнаго человѣка. Этотъ контрастъ наслаждающагося спокойствія и страшнаго страданія дѣйствуетъ очень сильно, не смотря на то, что по исполненію эта картина совсѣмъ не замѣчательна. Вещь эта принадлежитъ *Гота*. Недалеко отъ нея стоитъ картина *Focosi*, очень сильная по краскамъ: «Катерина Медичи заставляетъ подписывать Карла IX приказъ Варѳоломеевской ночи». Въ головѣ Катерины Медичи много экспрессіи. Тутъ же очень недурная вещь *Міоли:* она изображаетъ Плавта, читающаго свое сочиненіе въ римскихъ баняхъ. Во всѣхъ позахъ, движеніяхъ, лицахъ бездна простоты, правды, комизма. Не могу не упомянуть еще жанриста *Induno*, въ которомъ есть много чувства; потомъ, очень удачны пейзажи *Palizzi*. Вообще нужно сказать, что кромѣ одной или двухъ картинъ рѣшительно негодныхъ, въ итальянскомъ отдѣлѣ нѣтъ почти вещи, которая не заключала бы въ себѣ чего-нибудь интереснаго; если про многое нельзя сказать хорошо, то про малое тоже можно рѣшиться произнести слово: дурно. Французское отдѣленіе живописи значительно выше итальянскаго въ техническомъ исполненіи, но Италія за-то двадцать разъ выкупаетъ эту технику, тою мыслью, идеею, безъ которой невозможно всякое движеніе искуства впередъ. Вотъ отчего, оставляя итальянское отдѣленіе, выходя изъ небольшой залы, гдѣ собраны Морелли, Уси и Фаруфини, естественно задаешь себѣ вопросъ: не наступитъ ли въ Италіи и для искусства та эпоха возрожденія, къ которому стремится она въ политическомъ отношеніи?

Рядомъ съ италіянскимъ отдѣленіемъ живописи находится русское, которое съ большимъ достоинствомъ, съ большою честью выдерживаетъ это опасное сосѣдство. Масса иностранцевъ, вступая въ русское художественное отдѣленіе, и оглядываясь во всѣ стороны, должна быть, мнѣ кажется, нѣсколько поражена, и внутренній голосъ долженъ былъ шептать имъ: «какъ! неужели! возможно ли, чтобы эти картины были писаны сѣверными варварами? тѣми самыми, которыхъ мы желаемъ видѣть оттиснутыми въ Азію?» Удивленіе, въ самомъ дѣлѣ, большое, русская зала полна народомъ! Вмѣсто ожидаемой мазни они увидѣли серьёзныя, сильно прочувствованныя произведенія, вмѣсто маляровъ они встрѣтили не мало талантливыхъ, отличныхъ художниковъ. Сильно должно быть предубѣжденіе противъ искусства въ Россіи, если тѣ, которые хотя нѣсколько внимательно останавливаются передъ русскими картинами, могли оставить залу, сохранивъ прежнее, ни на чемъ неосновательное мнѣніе. Искренніе и честные цѣнители искусства должны по всей справедливости сказать, что русскій художе-

ственный отдѣлъ нисколько не отстаетъ отъ общаго уровня европейскаго искусства, и что, напротивъ, русское искусство многимъ и многимъ выше напр. такого, какъ англійское.

Картина, предъ которой больше всего толпится народу, картина, которой воздаютъ такую справедливую и должную хвалу, принадлежитъ талантливой кисти, къ несчастію, слишкомъ рано утраченнаго нами художника Флавицкаго. Я не стану описывать этой полной драматическаго интереса фигуры княжны Таракановой, которая со страхомъ слышитъ незнакомый дикій шумъ подымающейся воды, предъ глазами которой предстало грозное зрѣлище: она слышитъ какъ бушуютъ волны, она видитъ какъ черезъ полъ, черезъ узкое окно ея узкаго жилища, каземата Алексѣевскаго равеллина, врывается пѣнящаяся водяная масса, и какъ стремглавъ подымается и приближается она къ ней. Объятая ужасомъ, инстиктивно она вскакиваетъ на свою кровать, но силы оставляютъ ее, она едва стоитъ на ногахъ, въ ея воображеніи рисуется близкая уже мучительная смерть, она испытываетъ самыя страшныя муки, она переходитъ черезъ предсмертную тяжелую агонію. А вода все подымается и подымается. Безсильно опустила она свои руки, на лицѣ ея выражается нѣмой ужасъ, нѣмое страданіе; еще одно мгновеніе, и, кажется, что вотъ раздастся сейчасъ глухой плескъ воды, принявшей почти безжизненное, безчувственное тѣло. Все ищетъ спасенія, и ничто не находитъ его; двѣ, три крысы, выползшія изъ щелей, и тѣ карабкаются на кровать, но вода покрываетъ уже и ее. Нужно было имѣть много чувства, много силы, много таланта, чтобы выполнить такую задачу, не впавъ въ фальшь, мелодраму, неестественность. Флавицкій достигъ своей цѣли — трагедія полна. Съ драматическимъ сюжетомъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ и тонъ картины, въ которой все хорошо; и письмо и сильныя краски, не говоря уже о мастерской композиціи.

Другая выдающаяся картина, это—«Тайная вечеря» г. Ге, слишкомъ извѣстная въ Россіи, чтобы нужно было о ней говорить. Если бы и нашлось, что̀ сказать противъ нѣкоторыхъ частей композиціи, противъ постановки нѣкоторыхъ фигуръ, какъ напр. Св. Іоанна, противъ, можетъ быть, слишкомъ чернаго пятна, изображающаго Іуду, противъ рисунка, вообще противъ технической стороны, за-то со стороны мысли, идеи, силы ея передачи на полотно, оригинальности, произведеніе это остается безукоризненнымъ. Здѣсь, на Всемірной Выставкѣ, среди всѣхъ другихъ картинъ, заимствованныхъ изъ священной исторіи, картинъ, на которыхъ цѣликомъ лежитъ традиція, картина г. Ге особенно выдается. Отрѣшиться, сбросить съ себя иго прошедшаго, раздѣлаться съ традиціей, рука которой такъ тяжела, представить великую фигуру Христа, тотъ моментъ, который всѣ, начиная съ Леонарда-да-Винчи, Рафаэля и другихъ мастеровъ, изображали болѣе или менѣе одинаково, отнестись ко всему этому иначе, самобытно, по-своему, пока-

зать на такомъ сюжетѣ всю разницу, все разстояніе мысли отъ XV до XIX столѣтія, это большая заслуга, это признакъ серьёзнаго и сильнаго таланта, которому охотно прощаются нѣкоторые техническіе недостатки. Оригинальность, своеобразность, глубина мысли не встрѣчаются на каждомъ шагу; качества же эти слишкомъ рѣдки, чтобы не указывать настойчиво на нихъ тамъ, гдѣ они попадаются.

Говоря объ историческихъ художникахъ, мы должны сказать еще о двухъ: гг. Зимлерѣ и Якоби. Г. Зимлеръ выставилъ двѣ картины, представляющія собою совершенный контрастъ; въ одной: «Смерть Варвары Радзивиллъ», жены польскаго короля Сигизмунда-Августа,—есть столько же хорошаго, сколько дурного въ другой его картинѣ, представляющей польскую королеву, которая клянется въ своей невинности. Техническое исполненіе «Смерть Варвары Радзивиллъ» смѣло можно назвать хорошимъ; что же касается чувства, влитаго въ эту вещь, то оно удовлетворяетъ только на половину. Въ головѣ умирающей или вѣрнѣе умершей женщины, которая лежитъ на постели, есть много интереса, на лицѣ ея отражается только-что улетѣвшая жизнь, прекратившіяся наконецъ страданія. Художникъ положилъ въ нее столько чувства, что у него почти не хватило его на другую фигуру, мужа этой женщины, который сидитъ, скрестивши свои руки, на ея кровати. Эта вторая фигура своимъ, нѣсколько неестественнымъ выраженіемъ портитъ то сильное впечатлѣніе, которое производитъ главное лицо картины. Во второй его вещи нѣтъ за-то ничего хорошаго: вмѣсто людей стоятъ какія-то деревянныя фигуры, написанныя крайне-сухо, краски всѣ какія-то мертвыя, композиція вялая, скучная. Хорошимъ художникомъ Зимлеръ снова выказывается въ одномъ женскомъ портретѣ, исполненномъ очень хорошо, какъ въ рисункѣ, такъ и въ письмѣ.

Картинъ г. Якоби на выставкѣ двѣ. Одна, которая была уже въ Петербургѣ, которой всѣ отдали должную справедливость, это «Смерть Робеспьера» другая, которая выставлена въ первый разъ: «Кардиналъ Гизъ». Я не знаю, что можно было бы сказать противъ первой. Композиція, экспрессіи, краски, тонъ все хорошо въ этой картинѣ, все обличаетъ въ художникѣ энергическій талантъ. Всѣ позы, всѣ движенія носятъ на себѣ такъ много правды, во всей этой сильной драматической сценѣ, такъ полно сказывается жизнь, что картина эта ничего не оставляетъ желать. Другой его картинѣ можно сдѣлать больше упрековъ, правда, что и задача въ ней была гораздо труднѣе. Вотъ ея сюжетъ: «Кардиналу Гизу, живущему въ Римѣ, братъ его герцогъ Гизъ посылаетъ въ подарокъ отрубленную голову ихъ врага — Колиньи». Г. Якоби взялъ именно ту минуту, когда кардиналъ Гизъ сидитъ въ своей молельнѣ, окруженный распятіемъ, святыми книгами, четками и другими принадлежностями своего сана; около него стоитъ только-что пріѣхавшій курьеръ съ дорогою шкатулкою, которую онъ

поставилъ на табуретъ. Гизъ слегка повернулъ свою шею, отвелъ свои глаза отъ раскрытой передъ нимъ священной книги и искоса смотритъ на то, что́ лежитъ въ этой шкатулкѣ, на драгоцѣнный кладъ — голову Колиньи. На губахъ его пробѣгаетъ сдержанная улыбка, и въ знакъ удовольствія онъ только потираетъ одну свою руку другою. Я скажу прежде всего, что экспрессія кардинала недостаточно удалась г. Якоби; замѣчу точно также, что трудный жестъ потиранія руки переданъ не совсѣмъ удовлетворительно; все остальное — сильныя краски, тонъ картины, композиція, экспрессія курьера, кардинальское платье, все это исполнено очень хорошо. Одно изъ главныхъ достоинствъ г. Якоби, это то, что всѣ его произведенія скрываютъ въ себѣ всегда сильную и глубокую мысль; можетъ быть даже по мимо самого автора.

Однимъ изъ характерныхъ представителей современнаго русскаго жанра нужно поставить г. Перова. На выставкѣ есть нѣсколько его произведеній, которыя привлекаютъ на себя вниманіе публики. Успѣхъ г. Перова, достоинство и большое его достоинство заключаются въ выборѣ сюжетовъ. Онъ беретъ ихъ изъ русской жизни, и беретъ на первый взглядъ самые простые, обыденные факты, но онъ умѣетъ придать имъ такой характеръ, онъ вкладываетъ въ нихъ столько ѣдкой, наболѣвшей мысли, что картины его такъ и проникаютъ въ душу и захватываютъ въ ней самыя нѣжныя струны. Въ его совершенно реальныхъ произведеніяхъ есть столько чувства, столько теплоты, искренности, онѣ такъ пропитаны сильною идеею, какъ немногія такъ-называемыя идеальныя картины. Тяжела его поэзія, наводитъ она грусть и тоску, открываетъ она передъ вами глубокую, безконечную, невеселую перспективу, но это не вина г. Перова. Жизнь, сама жизнь даетъ ему эти сюжеты, на нее, значитъ, и приходится роптать. Лучшею его вещью можно безспорно назвать маленькую картину: «Погребеніе». На дворѣ морозно и холодно. По широкой пустынной дорогѣ плететея несчастная тощая кляча; запряжена она въ большія розвальни. На саняхъ стоитъ гробъ, изъ-подъ крышки его торчитъ кусокъ простыни, въ которую обернутъ покойникъ. Маленькая дѣвочка, сидящая по одну сторону гроба, обхватила его ручонками и смотритъ прямо, безцѣльно. Нѣтъ на ея лицѣ ни горя, ни отчаянія, не понимаетъ она еще своего несчастія. По другую сторону гроба сидитъ мальчишка, холодно ему, онъ кутается въ свой тулупчикъ и смотритъ на свою сестренку, смотритъ также беззаботно, какъ и она. Забота, печаль — вотъ у кого, у этой несчастной бабы, которая опустила возжи, оставила плестись свою лошадку, поникла головою, и можетъ быть думаетъ крѣпкую думу: каково-то ей теперь будетъ, какъ похоронитъ она своего мужа! Что́ станется съ осиротѣлыми ребятишками, остались они безъ отца, безъ подпоры. Тяжело имъ жить будетъ, ужъ какъ тяжело! А можетъ быть она и ничего не думаетъ.

Несчастіе черезчуръ ужъ пришибло! Тащутся они одни по большой дорогѣ, вокругъ никого нѣтъ, ни одной родной, близкой души. Трудно себѣ и представить что-нибудь драматичнѣе этой сцены! Точно вся жизнь отливается тутъ, и жизнь куда не отрадная. Г. Перовъ глубоко окунулся въ нее, и заставилъ прозвучать, въ этой бездонной пропасти, самую тоскливую, самую раздирающую душу ноту. Баба посажена спиною, не видно лица ея, а между тѣмъ она передъ вами какъ живая. Конечно, этотъ самый сюжетъ не произвелъ бы почти никакого впечатлѣнія, еслибъ онъ не былъ прекрасно исполненъ. Картинка эта такъ просто и вмѣстѣ такъ сильно скомпанована, въ дѣтяхъ, въ позѣ сидящей спиной бабы столько естественности, правды; лошадь, сани, снѣжная дорога, все такъ хорошо написано, что вещь эта просто вѣетъ на васъ дѣйствительностью. Другая его большая картина производитъ меньшее впечатлѣніе: трое ребятишекъ лѣтъ десяти, двѣнадцати, силятся тащить салазки съ огромнымъ чаномъ воды. Написана она далеко не такъ хорошо какъ первая, въ типахъ ребятишекъ, бѣгущей въ переди собаченки, много однообразія въ выраженіяхъ, картина какъ-то блѣдна, не колоритна, хотя въ ней точно также, какъ и въ первой, есть много чувства.

Кромѣ г. Перова у насъ есть еще нѣсколько болѣе или менѣе хорошихъ жанристовъ. Я назову гг. Соколова и Трутовскаго, которые оба берутъ сюжеты изъ русской народной жизни,

Кто не передаетъ италіянской жизни, кому не служитъ она сюжетомъ?! и у насъ, какъ и во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ, есть нѣсколько жанристовъ-италіянцевъ. Изъ нѣсколькихъ картинъ г. Реймерса, болѣе другихъ удачны: «Похороны въ Италіи». Во всей картинѣ не видно кажется ни одного лица; но тѣмъ не менѣе по композиціи, по хорошей перспективѣ, по краскамъ, по какой-то таинственности, разлитой въ произведеніи, она производитъ сильное впечатлѣніе. Въ большія церковныя двери нѣсколько человѣкъ вносятъ гробъ, входя по лѣстницѣ, за гробомъ слѣдуетъ одна только женщина вся въ черномъ. Архитектурныя линіи этой вещи очень красивы, и даже величественны.

Другой художникъ, которому все мерещится Италія, это г. Рицони. Онъ пишетъ то, что онъ видитъ, не прибавляя къ подмѣченнымъ сценамъ ничего своего, никакой фантазіи, никакой идеи, но онъ видитъ иной разъ очень интересныя вещи, въ этомъ ему нужно отдать справедливость. Его двѣ синагоги, изъ которыхъ онъ одну назвалъ: «Синагогою въ Лифляндіи», хотя въ ней рѣшительно тѣ же фигуры, тѣ же выраженія, тѣ же самые типы, какъ въ его «Римской синагогѣ», обращаютъ на себя вниманіе своею законченностью, своими удачными группами, хорошо подобранными выраженіями и наконецъ огромнымъ, гигантскимъ терпѣніемъ. На его отдѣланныя картинки, которыя доказываютъ и вкусъ, и умѣніе, и добросовѣстность, смотришь съ удо-

вольствіемъ, хотя и желательно было бы, чтобы онъ писалъ не такъ сухо, чтобы въ письмѣ его было больше сочности, ширины. Упомяну еще удачную по тону, по выраженіямъ, картину барона Клодта: «Монахи-портные въ францисканскомъ монастырѣ».

Изъ двухъ картинъ г. Брониикова, первая: «Горацій читаетъ свои сатиры въ присутствіи Августа», гораздо удачнѣе другой его картины, представляющей какого-то художника, который выбираетъ себѣ модель изъ нѣсколькихъ голыхъ натурщицъ. Какой-то розовато-лиловатый тонъ, сахарная фигурка художника, отсутствіе простоты, манерность— производятъ невыгодное впечатлѣніе. Надъ картиною г. Брониикова виситъ небольшая вещь г. Мясоѣдова, взявшаго свой сюжетъ изъ драмы Пушкина: «Борисъ Годуновъ», и именно тотъ моментъ, когда самозванца уличаютъ и онъ выскакиваетъ изъ окна. Въ картинѣ есть много движенія, типы удачно подобраны, къ сожалѣнію только она нѣсколько темна, чему впрочемъ помогаетъ еще и то, что она виситъ слишкомъ высоко. При этомъ нельзя не замѣтить мимоходомъ, что размѣщеніе картинъ въ русскомъ художественномъ отдѣлѣ не совсѣмъ удачно, какъ и вообще размѣщеніе вещей во всемъ русскомъ отдѣлѣ выставки. Картины мало заслуживающія вниманія, какъ напр. картина г. Бронникова, одна картина г. Зимлера и одна г. Сверчкова, цѣлый рядъ перспективныхъ акварелей, лишенныхъ всякаго интереса, помѣщены самымъ выгоднымъ образомъ, между тѣмъ вполнѣ достойныя произведенія, какъ напр. вещи гг. Коцебу, Якоби, и другихъ, развѣшены такъ, что ихъ едва видно.

Мы назовемъ еще двухъ пейзажистовъ гг. Мещерскаго и барона Клодта I. Картина г. Мещерскаго: «Зимній вечеръ въ Финляндіи», чрезвычайно эффектна по своему освѣщенію и по свѣтлому сильному колориту. «Большая дорога во время осеннихъ дождей» г. Клодта представляетъ большой интересъ по своей глубокой правдѣ. Такого пейзажа или похожаго на него, мы конечно не встрѣтимъ ни въ одномъ отдѣленіи, на немъ со всею силою лежитъ печать оригинальности, самобытности. Въ немъ много чувства, много грустной думы. Пейзажи г. Лагоріо на Всемірной Выставкѣ далеко не принадлежатъ къ его лучшимъ произведеніямъ. Что хорошо, это рисунки перомъ г. Мышкина; они заслуживаютъ очень большого вниманія. Его деревья полны правды, силы и жизни. Нужно назвать еще баталическія картины г. Коцебу, единственнаго изъ русскихъ художниковъ, получившаго медаль, на столько интересныя, на сколько вообще могутъ быть интересны баталическія картины. Въ его «Сраженіи при Чертовѣ мостѣ» есть много фантазіи; пейзажъ помогаетъ поэтичности картины.

Говоря вообще о русской живописи, мы должны замѣтить, что у насъ нѣтъ того, что́ называется своею школой; да впрочемъ въ эту минуту ея и нигдѣ нѣтъ. Мы идемъ за другими или, вѣрнѣе, мы

идемъ рядомъ съ другими. Выставкой 67 года мы доказали, что не смотря на то, что геркулесовы столпы послѣдняго времени — Ивановъ и Бруни — совсѣмъ не были представлены здѣсь, но наше искусство нисколько не ниже общаго уровня европейскаго искусства.

Пройдя быстро черезъ Швецію и Норвегію и замѣтивъ только здѣсь очень сильную вещь по экспрессіямъ, по движенію, по драматическому содержанію, картину Tideman'a: «Поединокъ на топорахъ стараго времени», и потомъ двѣ три полныхъ вкуса и граціи картины Fagerlin'a, изъ которыхъ одна изображаетъ деревенскую сцену ревности, другая — согласіе на бракъ, поневолѣ остановившься въ испанскомъ отдѣлѣ предъ одною изъ лучшихъ картинъ можетъ быть всей Выставки. «Изабелла кастильская диктуетъ свое завѣщаніе». г. Розалесъ (Rosales)—замѣчательный художникъ, если судить только по этому произведенію. Вся картина написана съ большою силою. Композиція вещи, всѣ выраженія, всѣ фигуры, всѣ позы, движенія, умирающая Изабелла, все это удивительно хорошо. Сильныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкія, нѣжныя краски, какой-то прозрачный воздухъ, тонъ картины, какое-то спокойствіе, торжественность и вмѣстѣ простота, дѣлаютъ то, что вы воображаете себя присутствующимъ при этой сценѣ. Кромѣ автора этой картины, въ Испаніи есть еще нѣсколько именъ, которыя нельзя не назвать. Palmarogi написалъ «Проповѣдь въ Сикстинской капеллѣ», картину сильную по колориту, Gisbert — очень удачную по композиціи, по выраженіямъ: «Прибытіе Пуританъ въ Сѣверную Америку»; и еще нѣсколько другихъ, какъ напр. Valles, который вдохновился несчастною жертвою папскаго корыстолюбія — Беатричею Ченчи.

Художественный отдѣлъ въ Австріи куда какъ не завиденъ. Кромѣ огромной картины г. Матейко, изображающей «Сеймъ въ Варшавѣ въ 1773», гдѣ есть очень удачныя группы, много движенія, хорошія, но только однообразныя экспрессіи, и которая къ несчастію отталкиваетъ отъ себя самыми несчастными красками, какимъ-то отсутствіемъ желтаго цвѣта, что́ дѣлаетъ ее неявственною,— въ Австріи нѣтъ тоже ничего. Если я назову еще очень недурного жанриста Löffler'a, то Австрію можно и оставить.

Проходя изъ Австріи въ Пруссію, я останавливаюсь передъ двумя картинами, которыя обѣ принадлежатъ герцогству Баденскому. Одна изображаетъ «Смерть Филиппа II», Келлера, а другая «Фонтенеблоскій лѣсъ при лунномъ освѣщеніи», Зааля. Въ первой картинѣ много драматическаго чувства, эффекта; хорошій колоритъ — ея отличительное качество. Вторая картина даетъ такую славную ночь, какую я когда-нибудь видѣлъ. Всю прусскую или лучше дюссельдорфскою школу резюмируетъ собою Кнаусъ, одна изъ самыхъ большихъ звѣздъ современнаго жанра. На Выставкѣ онъ представленъ очень полно: тутъ одна изъ лучшихъ его картинъ: «Скоморохъ» и еще нѣсколько другихъ полныхъ наивности и

граціи. Въ его «Скоморохѣ» представлена съ большою живостью, правдою, съ большимъ веселіемъ, умомъ, одна изъ деревенскихъ забавныхъ сценъ: въ какое-нибудь село является фокусникъ, устраивается гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ и начинаетъ свое представленіе; черезъ нѣсколько минутъ сбѣжалась вся деревня. Крестьяне и крестьянки, молодые и старые, всѣ ребятишки окружаютъ его, карабкаются, и со страстью, съ чудовищнымъ любопытствомъ смотрятъ на выдѣлываемыя имъ штуки. И удовольствіе, и страхъ, и недовѣріе, и полная вѣра въ чудесную силу, и боязнь какого-то демонскаго навожденія улепетывающей старухи, все сказывается на лицахъ, у всѣхъ выражается удивленіе и уваженіе къ фокуснику, начиная съ него самого, гордаго своимъ успѣхомъ, и кончая послѣднимъ мальчишкой. Все это съ необыкновенною ловкостью передано у Кнауса. Какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ его картинахъ, экспрессіи, позы, движенія, всегда хороши. Въ этой картинѣ, экспрессіи одна лучше другой. Рисунокъ его, очень смѣлый и увѣренный, почти безукоризненъ. Краски его, безъ особенной силы, всегда полны свѣжести, что́ впрочемъ не дѣлаетъ ихъ крикливыми и не лишаетъ картину гармоничности. Письмо его очень ловко и широко. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подмѣчаетъ комическія народныя сцены, стороны, прибавляетъ къ нимъ своего юмора и заставляетъ смѣяться. Кромѣ этой картины на выставкѣ есть еще одна, въ которой грація оспариваетъ мѣсто у юмора. Двое мальчишекъ играютъ въ карты, одинъ проигрываетъ и строитъ самую жалкую мину; другой выигрываетъ, улыбается и не обращаетъ вниманія — до-того занятъ игрой — на жалобно ревущаго ребенка, который валяется у него на колѣняхъ. Въ экспрессіяхъ этихъ ребятишекъ столько подвижного, столько наивности, правды, что смотришь на такую картину съ удовольствіемъ. За Кнаусомъ идетъ цѣлая школа, но въ ней нѣтъ никого, кто бы особенно выдавался. Да собственно говоря, у такого художника, какъ Кнаусъ, у котораго все такъ легко, такъ поверхностно, главная сила котораго заключается въ юморѣ, въ весельи, не должно было быть никакихъ учениковъ и тѣмъ болѣе цѣлой школы: всѣ его качества слишкомъ личныя, и потому у тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ, которые подражаютъ ему, это веселье, эта наивность, его грація обращаются во что-то тяжелое, скучное.

Четыре маленькихъ государства, Баварія, Бельгія, Голландія и Швейцарія, недовольныя тѣмъ ничтожнымъ мѣстомъ, которое отвели имъ въ зданіи Выставки, выстроили для своихъ художественныхъ произведеній отдѣльныя залы въ паркѣ, и потому, оставивъ на короткое время желѣзный дворецъ, я отправлюсь въ ихъ храмы искусства. Преобладающимъ элементомъ въ швейцарскомъ отдѣлѣ является пейзажъ; оно и понятно: роскошная, чаще грандіозная природа больше всего воодушевляетъ ея художниковъ. Жизнь Швейцаріи та-

хая, мирная и узкая не имѣетъ другой поэзіи какъ горы, озера, деревья. Прежде всего я назову талантливаго пейзажиста Castan'a, котораго сильные, и по композиціи и по краскамъ, пейзажи трудно не замѣтить; потомъ Berthoud, Bodmer, у котораго есть прекрасный пейзажъ: кабаны укрываются подъ деревьями, и еще нѣсколько другихъ. У всѣхъ этихъ пейзажистовъ есть много правды, силы, часто встрѣчаются эффектныя освѣщенія, широкая кисть и хорошій колоритъ. Изъ ихъ жанристовъ нужно замѣтить одного Vautier, у котораго есть очень хорошія выраженія, особенно въ одной его картинѣ: «Продажа земли крестьяниномъ». Вообще, экспрессіи составляютъ его сильную сторону, къ которой прибавляются и хорошія краски. Бавар'ія, если можно такъ выразиться, представляетъ собою историческое направленіе, основаніемъ котораго служитъ Каульбахъ, пославшій огромной величины картину: «Эпоха Реформаціи»; но по ней, разумѣется, нельзя судить о знаменитомъ художникѣ, украсившемъ Берлинскій музей своими превосходными фресками. Лучше скажемъ о Пилоти, у котораго на Выставкѣ есть нѣсколько картинъ. Между ними найдутся удачныя и неудачныя; къ первымъ я отнесу: «Монахъ-доминиканецъ своею проповѣдью воодушевляетъ солдатъ къ битвѣ при Вейсенбергѣ». Тутъ есть и много движенія, жизни, прекрасныя группы, въ нѣкоторыхъ изъ безчисленныхъ фигуръ очень хорошія экспрессіи, правильный рисунокъ; если нельзя сказать, чтобы колоритъ былъ очень силенъ, за-то въ немъ есть гармонія, тонъ картины очень удаченъ. Потомъ я долженъ упомянуть прекрасную баталическую картину Горшельта: «Взятіе окопа Шамиля на горѣ Гунибъ». Бездна страсти, жизни, великолѣпные типы русскихъ и черкесовъ, сильныя краски, хорошая композиція выдвигаютъ ее изъ ряду обыкновенныхъ баталическихъ картинъ. Есть много оригинальности, много фантазіи, нѣсколько странной, дикой, въ картинахъ Габріеля Макса, изъ которыхъ одна изображаетъ какую-то мученицу, другая — удушенную св. Людмилу. Потомъ есть еще нѣсколько учениковъ Пилоти, все разумѣется, историки, но впрочемъ довольно жалкіе. Есть кромѣ того одинъ или два удачныхъ пейзажиста, изъ которыхъ назову одного Шлейха. При общемъ распространеніи жанра удивляешься, встрѣчая его здѣсь гораздо меньше.

Въ Вельгіи — очень много интереснаго. Два направленія оспариваютъ другъ у друга игемонію. Первое представляется Лейсомъ, направленіе это чисто-археологическое! Глядя на его картины, невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ онъ занимается искусствомъ, гораздо было бы лучше, еслибъ археологія была его исключительнымъ занятіемъ. Очевидно, что въ немъ борятся два человѣка, или, по крайней мѣрѣ, боролись—артистъ и археологъ, и послѣдній одержалъ самую полную побѣду. Онъ забываетъ все, что̀ сдѣлано въ живописи

со временъ Гольбейна и Луки Кранаха, и изъ всѣхъ силъ стремится уподобиться имъ. Нарочно, съ умысломъ, онъ отказывается отъ перспективы, ставитъ всѣ фигуры на одинъ планъ, все выписываетъ въ одинаковой степени, отчего картины его получаютъ жесткость и сухость. Всѣ его недостатки произвольны, но они составляютъ его славу и мнимую оригинальность. Другой, который, къ несчастію, во многомъ подражаетъ ему, это — Hamman, безъ чего онъ былъ бы хорошимъ художникомъ. Всѣ вещи того и другого—историческія. Другое направленіе, которое дѣлаетъ славу Бельгіи, представляется двумя художниками: Альфредомъ Стевенсомъ (Alf. Stevens) и Виллемсомъ (Willems). Тотъ и другой замѣчательны отсутствіемъ всякаго содержанія въ своихъ картинахъ, но за-то у нихъ великолѣпно писаніе шелковыхъ, бархатныхъ и всякихъ другихъ матерій. Въ самомъ дѣлѣ, оба пишутъ вещи ничего собою не говорящія, ничего не выражающія, но у обоихъ много граціи въ фигурахъ, хорошій тонъ, освѣщеніе, хорошо подобранные аксесуары. Роскошь обстановки, нарядовъ, элегантность— вотъ вся ихъ цѣль. Stevens не пишетъ ничего кромѣ женщинъ, но за-то одѣваетъ ихъ съ такою роскошью, съ такимъ вкусомъ, такъ хорошо подбираетъ къ ихъ лицамъ цвѣты бархата и шелковыхъ матерій, какъ не съумѣетъ другая красавица, занятая собою. Въ его композиціи много вкуса, тонкаго пониманія, и подчасъ попадаются сюжеты, въ которыхъ есть чувство. Въ сюжетахъ Виллемса чувства никакого, но за-то, кромѣ женщинъ, онъ иногда, изрѣдка пишетъ и мужчинъ. Сказать: у кого лучше написанъ бархатъ и атласъ—я не берусь. Въ бельгійской школѣ есть еще талантливый художникъ, который не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому направленію, это Pauwels. Въ его историческихъ сюжетахъ всегда очень хорошая композиція, въ его фигурахъ много чувства, благородства, картины его хороши и по колориту и по письму, которое скорѣе широко, свободно, нежели сухо. Кромѣ Pauwels'a, необходимо назвать имя Clays, который даетъ прекрасные морскіе виды, лучшіе во всей Выставкѣ.

Отправлюсь наконецъ въ послѣдній художественный отдѣлъ, именно — въ пристроенный павильонъ Голландіи. Тутъ тоже есть три крупныхъ имени, это: Alma Tadema, Бишопъ и Израельсъ (Israels). Альма Тадема, также какъ и Лейсъ, представляетъ собою археологическое направленіе, но онъ углубляется въ болѣе древнія времена; Египетъ, Птоломеи — его любимые сюжеты. Нѣкоторыя изъ его картинъ крайне интересны, такъ напр. сцена, которая представляетъ собою, какъ двое мальчишекъ бросаютъ топоры въ доску, написана вся очень хорошо, и по выраженіямъ, и по краскамъ, и по тону, и по удачнымъ группамъ, постановкѣ фигуръ. Но лучше всего у него—это мелочи, подробности, доска, полъ, коверъ; все это такъ написано и выписано, что можно обмануться. Вообще говоря, взявъ вмѣстѣ всѣ его

картины, мы найдемъ въ нихъ очень много какой-то сухости и рѣзкости. У Израельса преобладающее и главное качество, это чувство, которое разлито во всѣхъ его произведеніяхъ; съ чувствомъ онъ соединяетъ и хорошій рисунокъ и удивительно пріятный, нѣсколько сумрачный колоритъ. Въ его двухъ картинахъ «Сирота» и «Послѣдній вздохъ» столько простого, естественнаго драматизма, такъ много тяжелой, убивающей правды, какъ у немногихъ европейскихъ жанристовъ. Назвавъ, въ заключеніе, Бишопа, у котораго есть замѣчательно сильныя акварели и по исполненію и по чувству, какъ напр. «Пустая люлька», и картины, писаныя масляными красками, въ которыхъ есть много граціи, наивности, чувства, мы можемъ и выйти изъ голландскаго павильона.

Нельзя оставить художественнаго отдѣла Всемірной выставки, не сказавъ ни слова о скульптурѣ. Я не стану ходить по всѣмъ отдѣленіямъ, какъ сдѣлалъ то для картинъ, не стану, потому-что большинство выставленныхъ статуй слишкомъ неудовлетворительно, чтобы стоило о нихъ говорить. За исключеніемъ двухъ-трехъ порядочныхъ статуй во французскомъ отдѣленіи, однѣ итальянскія статуи привлекаютъ къ себѣ толпу народа; безспорно, что въ отношеніи скульптуры Италія занимаетъ первое мѣсто. Прежде всего назову итальянскаго скульптора Vela, который выставилъ нѣсколько статуй, и между ними двѣ очень замѣчательныхъ: «Послѣдніе дни Наполеона I», представляютъ его сидящимъ на креслѣ, съ исхудалымъ лицомъ, съ глубокимъ задумчивымъ взглядомъ, съ картой, брошенной на ручку кресла, колѣни его покрыты одѣяломъ. Все до послѣднихъ подробностей выполнено съ большимъ и серьёзнымъ талантомъ. Другая статуя представляетъ колоссальнаго Колумба и около него молодая женщина, изображающая Америку. Фигура Колумба какъ нельзя болѣе хороша. Argenti сдѣлалъ прелестную спящую дѣвушку лѣтъ пятнадцати, которая такъ и дышетъ жизнью, невинностью, простотою, наивностью. Потомъ слѣдуетъ назвать статую Tantardini, представляющую Арнольда Брешіанскаго статую, въ которой чрезвычайно много силы въ лицѣ, простоты въ движеніи, которая, однимъ словомъ, полна жизни: такъ и ждешь, что она заговоритъ. Я не назвалъ еще флорентійскаго скульптора Дюпрэ, который выставилъ отличную вещь: Pietà. Вещь г. Tabacchi, изображающая Уго Фосколо, этого чуднаго итальянскаго поэта конца прошлаго и начала нашего столѣтія, заключаетъ въ себѣ большое достоинство: она сильно прочувствована. Уго Фосколо сидитъ на стулѣ, въ рукахъ держитъ газету, которая объявила ему о несчастномъ для Италіи Кампо-формійскомъ мирѣ. Въ лицѣ Фосколо выражается отчаяніе, злоба, ненависть, все, что̀ испытывалъ этотъ славный поэтъ и славный гражданинъ, когда узналъ, что его дорогая Венеція отдана Австріи. Около него стоитъ молодая женщина, которая положила свою руку на его плечо и отвернула свое лицо, чтобы скрыть слезу, кото-

рая скатывается по ея щекѣ. Не смотря на то, что въ статуѣ этой есть какая-то миньятюрность, мелочность въ исполненіи, она производитъ большое впечатлѣніе. Есть еще нѣсколько талантливыхъ скульпторовъ, какъ Miglioretti, Corti, Magni. Рядомъ съ итальянскими статуями поставлены нѣсколько русскихъ, принадлежащихъ гг. Забѣлѣ, Каменскому, Бродкому, но онѣ слишкомъ много теряютъ отъ невыгоднаго сосѣдства Италіи.

На этомъ мы и остановимся, бросивъ въ заключеніе общій бѣглый взглядъ на цѣлую Выставку. Съ чего начать, не знаю.... Ну хоть съ Франціи. Отличительный характеръ выставки французскаго отдѣленія, которое взяло львиную часть во всемъ зданіи, это необыкновенная роскошь вездѣ и во всемъ, но вмѣстѣ нужно сказать и большой, очень большой вкусъ въ устройствѣ. Куда ни заглянешь, на всемъ лежитъ печать граціи, изящества, какъ будто бы все было только сдѣлано для нѣсколько сотъ тысячъ богатыхъ людей; что же касается до простыхъ, но хорошихъ вещей, которыя должны служить массѣ населенія, то ихъ кажется совсѣмъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, онѣ пропадаютъ въ этомъ океанѣ роскоши, становятся незамѣтны. Куда ни заглянешь здѣсь, въ отдѣленіе ли мебели, видишь только тысячныя вещи, шкапы, кровати, буфеты изъ краснаго, розоваго, чернаго и всякихъ другихъ деревъ, предназначенныя только для того, чтобы украшать какой-нибудь дворецъ или замокъ. Обыкновенныхъ простыхъ, но хорошихъ вещей нѣтъ и помину. Заглянешь ли въ отдѣленіе посуды, видишь стекло, фарфоръ такого свойства, которое подается можетъ быть въ Тюльери да еще въ нѣсколькихъ домахъ. Правда, все это сдѣлано съ такимъ вкусомъ, такъ изящно, что противъ своей воли любуешься. Чего нѣтъ въ отдѣленіи Vêtement? есть тутъ, нужно отдать справедливость, и матеріи, ткани, которыя могутъ служить для всѣхъ грѣшныхъ, но эти простыя вещи тщательно прикрыты бархатомъ, толстымъ шелкомъ, кружевами и т. д. Встрѣчаются иногда такія надписи подъ инымъ платьемъ, которыя возмущаютъ до-нельзя. Подъ однимъ кружевнымъ платьемъ подписано: «за этимъ платьемъ работница провела десять тысячъ пятьсотъ дней» и больше ни слова. Въ самомъ дѣлѣ, достойный предметъ гордости! Просто непонятно, до какого совершенства доведены произведенія мануфактуры; иныя достигаютъ даже художественной красоты; такъ напр. во французскомъ отдѣленіи Гобеленовъ есть одинъ коверъ, на которомъ съ удивительною вѣрностью изображена извѣстная фреска Гвидо Рени «Аврора», да и одинъ ли такой! Но нигдѣ не толпится, можетъ быть, столько народу, какъ въ комнатѣ, которая заключаетъ въ себѣ золотыя вещи, въ которыхъ отлился весь французскій вкусъ въ его полномъ блескѣ. Конечно, между этою массою безполезныхъ, роскошныхъ, слишкомъ богатыхъ вещей, которыя можно видѣть во всевозможныхъ парижскихъ магазинахъ, тутъ собраны вещи,

которыя безъ Выставки никогда бы не увидѣлъ. Есть тутъ одна интересная комната, наполненная фигурами, одѣтыми въ костюмы всѣхъ провинцій Франціи; впрочемъ подобныя фигуры, носящія національные костюмы, есть во всѣхъ почти странахъ, но нигдѣ онѣ не представляютъ столько интереса, какъ въ Даніи, Швеціи, Норвегіи. Фигуры эти сдѣланы изъ какого-то состава, который до-того напоминаетъ человѣческое тѣло, что можно совершенно добросовѣстно ошибиться. Изъ этихъ фигуръ въ этихъ трехъ странахъ сдѣланы чрезвычайно милыя группы: тутъ старуха съ ребенкомъ, тутъ молодой юноша съ дѣвушкой, тамъ старикъ сидитъ, упершись на палку, и все это такъ просто, такъ естественно, такъ хорошо передаетъ, не говоря уже о костюмахъ, типы, характеръ страны, что просто прелесть. Въ отдѣленіи сырыхъ продуктовъ Франціи и Алжира точно также есть много интереснаго; собраны напр. съ большимъ вкусомъ всѣ сорта деревьевъ, которыя есть въ странѣ, собраны.... да впрочемъ чего тутъ не собрано! Рядомъ съ этимъ отдѣленіемъ стоятъ машины, но я рѣдко рискую вступать въ этотъ кругъ ада, хотя люди понимающіе и говорятъ, что тутъ много интереснаго. Тутъ такой шумъ, такой гвалтъ, какъ въ какомъ-нибудь.... даже сравненія не нахожу. Показываютъ тамъ, какъ дѣлаются шапки, шляпы, отливается въ минуту какое-то баснословное число медалей въ память Выставки, печатаются какія-то объявленія и т. д., но чтобы видѣть все это, нужно, нѣкоторымъ образомъ, жизнь свою подвергать опасности. На дняхъ проходилъ какой-то господинъ передъ типографскою машиною, которая печатала не знаю какіе листы, онъ хотѣлъ взять одинъ изъ нихъ, но въ эту минуту машина оторвала ему руку. Это не анекдотъ. И потому лучше возвратиться въ болѣе спокойные отдѣлы, даже въ самый спокойный, гдѣ меньше всего народу, это въ тѣ три комнаты, которыя заняты министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Цѣлую комнату занимаютъ нѣсколько шкаповъ, въ которыхъ стоятъ прекрасно переплетенныя, очень толстыя книги, на корешкахъ которыхъ написано: отчеты министерства народнаго просвѣщенія по такой-то части, по такой-то, и т. д. Помѣщены тутъ книги съ отчетами о первоначальномъ образованіи, о высшемъ, о ремесленномъ, о состояніи разныхъ школъ, образовательныхъ учрежденіяхъ, институтахъ, академіяхъ и проч. и проч. Но шкапы эти преисправно заперты, такъ-что у человѣка со скептическими наклонностями можетъ въ головѣ явиться вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ тамъ есть какіе-нибудь отчеты, свѣдѣнія, или книги эти выставлены только для красы? Другая большая комната занята всевозможными географическими аппаратами, безчисленнымъ количествомъ картъ, глобусовъ и тому подобныхъ вещей. Видно, что для этого отдѣла дали слишкомъ много мѣста, такъ-какъ однѣ и тѣже карты повторяются въ нѣсколькихъ экземплярахъ, что необходимо для магази-

новъ, но никакъ не для Выставки; нужно было завѣсить чѣмъ-нибудь стѣны, ими и завѣсили! Третья комната наполнена различными изобрѣтеніями, тѣми придуманными аппаратами, которые предназначены для легчайшаго обученія дѣтей чтенію, счету, и т. д. По отзыву людей, всю жизнь занимавшихся дѣтскимъ обученіемъ, всѣ эти аппараты, или по крайнѣй мѣрѣ, большинство ихъ, ровно ни къ чему не служатъ и совершенно не нужны. Тутъ же находятся различныя принадлежности воспитанія, какъ напр. все, что̀ нужно для гимнастики. Есть различныя работы первоначальныхъ школъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, рисунки, шитье и всякая-всячина. Тутъ же показаны разные способы обученія въ школахъ музыки, и на самомъ видномъ мѣстѣ красуется цифирная система Шеве. Но если министерство народнаго просвѣщенія устроило этотъ отдѣлъ, чтобы показать все, что̀ дѣлается для народнаго образованія, способы обученія, то оно не достигло своей цѣли: оно поступило бы гораздо лучше, еслибъ сдѣлало то, что̀ сдѣлали Пруссія и Швеція. И та и другая выстроили въ паркѣ по образцу своихъ первоначальныхъ школъ. Въ прусской школѣ устроено какъ нельзя лучше; на каѳедрѣ постоянно, цѣлый день сидитъ школьный учитель, который объясняетъ посѣтителямъ все, что̀ имъ пожелается. Въ этой образцовой школѣ есть нѣсколько комнатъ, одна со скамейками и столами, на которыхъ разбросаны нѣмецкія элементарныя книги, по которымъ обучаются въ Пруссіи, тетради воспитанниковъ и воспитанницъ, исписанныя ихъ руками, чтобы показать, какъ дѣти пишутъ въ извѣстные года; на стѣнахъ—карты, доски, всевозможные рисунки, изображенія различныхъ птицъ, звѣрей, рыбъ, всякія картинки, относящіяся къ естественнымъ наукамъ, чтобы обученіе было болѣе наглядно и легче понимаемо; однимъ словомъ тутъ все, что̀ нужно для того, чтобы понять прусскую систему первоначальнаго обученія. Недостаетъ только дѣтей, которыя наполнили бы школу, да чтобы сидящій тутъ учитель сталъ давать свой урокъ. Другая комната представляетъ собою школьную библіотеку, а третья — занимается обыкновенно школьнымъ учителемъ. Шведская школа устроена въ матеріальномъ отношеніи роскошнѣе прусской, но учебныя пособія не находятся здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ тамъ. Столы, скамейки все это здѣсь устроено удобнѣе и покойнѣе для дѣтей, чѣмъ въ прусской школѣ; на стѣнахъ точно также развѣшаны коллекціи картинъ, принадлежащихъ къ естественной исторіи, картины священнаго содержанія, различные виды, карты, поставлены глобусы, счеты, словомъ, образецъ такой народной школы, который заставляетъ позавидовать не только близкихъ сосѣдей Швеціи, но можетъ заставить позавидовать и Францію.

Кромѣ этихъ двухъ школъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ болѣе или менѣе есть отдѣлы, посвященные первоначальному образованію, но всѣ они,

по сравненію съ Пруссіею и Швеціею, въ этомъ отношеніи оказываются бѣдны, ничтожны. Въ Англіи положено нѣсколько книгъ, глобусовъ, картъ, сдѣланы маленькія модели столовъ и скамеекъ, но все это не даетъ никакого понятія объ ихъ первоначальныхъ школахъ. Я напрасно искалъ въ англійскомъ отдѣлѣ хоть нѣсколько пучковъ розогъ: не знаю отчего, не хотѣли ихъ выставить. Рядомъ съ комнатами народнаго просвѣщенія во французскомъ отдѣлѣ есть очень интересная часть: книжная торговля. Всѣ большіе дома выставили образцы своихъ изданій, роскошныхъ и дешевыхъ, и отсюда можно вывести, при помощи каталога, самыя интересныя замѣчанія, можно видѣть до какой цифры возвышается число печатаемыхъ въ годъ книгъ. Такъ напр., здѣсь, во Франціи, число напечатанныхъ, какъ новыхъ книгъ, такъ и перепечатанныхъ въ 1866 году было 13,880 сочиненій. Большая изъ нихъ часть относится къ области поэзіи, романовъ, изящной литературы; религіозныхъ и политическихъ книгъ напечатано всего 2,000; исторія, географія и путешествія — 1,500; науки — 1,900; земледѣліе и торговля занимаютъ 1,000 книгъ. Этотъ отдѣлъ крайне интересенъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность судить объ умственномъ движеніи страны, о развитіи мысли, объ успѣхѣ того или другого направленія въ литературѣ. Ни въ какомъ отдѣлѣ, разумѣется, нельзя такъ полно составить себѣ мнѣнія объ этой отрасли выставки, какъ во Франціи, которая располагаетъ такимъ большимъ пространствомъ. Книжная торговля оказываетъ Франціи большую услугу; своими дешевыми, демократическими изданіями она популяризируетъ науку, литературу, искусство и т. д. По этому отдѣлу можно видѣть, какъ спеціализировалась здѣсь книжная торговля, издательская дѣятельность. Каждый издатель посвящаетъ свою дѣятельность какому-нибудь одному отдѣлу мысли, и строго, неотступно слѣдуетъ по избранному пути. Франція можетъ хвастать передъ другими странами дешевизною и вмѣстѣ хорошимъ качествомъ, по отношенію изданія, своихъ книгъ, и особенно передъ Англіею, гдѣ мы видимъ великолѣпнѣйшія и самыя роскошныя изданія, бумагу толщиною въ палецъ, печать черную, элегантную, переплеты такіе, что до нихъ страшно и дотронуться; если все это сначала возбуждаетъ восторгъ и зависть, то такое настроеніе тотчасъ проходитъ какъ только вы взглянете на цѣну книги, исключительно предназначенную для богатаго класса, для аристократіи страны. Есть правда и болѣе дешевыя изданія, напр. ихъ великихъ поэтовъ, но за-то тутъ такая противоположность въ печати, шрифтъ такой мелкій, бисерный, который отобьетъ хоть у кого охоту къ чтенію.

Въ англійской книжной торговлѣ видно глубокое пренебреженіе къ тѣмъ классамъ, которые не могутъ заплатить за книгу фунтъ или два стерл.; образованіе, чтеніе, знаніе того, что дѣлается въ литературѣ,

пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ книгъ составляетъ, можно подумать, привилегію палаты лордовъ.

Заговоривъ объ англійскихъ книгахъ, мы никакъ не можемъ не похвалить почтенной дѣятельности, рвенія ихъ библейскаго общества. Переходъ отъ дороговизны изданій англійскихъ книжныхъ торговцевъ къ изданіямъ этого общества поразительный. Тамъ книга стоитъ нѣсколько фунтовъ, тутъ ее даютъ даромъ, совсѣмъ даромъ, и даже просятъ васъ взять маленькую, хорошо напечатанную и на хорошей бумагѣ, книжечку. Если часто ходить въ англійскій отдѣлъ Выставки, то можно пріобрѣсть себѣ даромъ все Евангеліе и всю Библію и еще нѣкоторыя священныя книги. Въ одномъ изъ угловъ той части, гдѣ выставлены англійскія книги, стоитъ шкапъ, наполненный маленькими книжечками на всѣхъ языкахъ, которыя вамъ вручаетъ какой-то господинъ. Я былъ въ англійскомъ отдѣленіи нѣсколько разъ, и всегда находилъ тамъ на русскомъ языкѣ: Псалтирь или книга хваленій, Дѣянія святыхъ Апостоловъ и Евангеліе отъ св. Іоанна. Чѣмъ еще могутъ смѣло хвастаться англичане, это выставкою своихъ періодическихъ журналовъ, число которыхъ превышаетъ полторы тысячи. То, что́ я сказалъ о дороговизнѣ ихъ книгъ, совсѣмъ уже не относится къ ихъ журналамъ, цѣна которымъ очень низка, что, разумѣется, доказываетъ развитіе и главное — свободу ихъ политической жизни. Кто съ завистью и съ внутреннею скорбью не глядитъ на такое распространеніе свободной политической прессы. Съ невольнымъ уваженіемъ даже смотришь на лежащія тутъ же газеты какихъ-то дикихъ, едва обитаемыхъ англійскихъ колоній. Французы клянутся, что къ слѣдующей выставкѣ они догонятъ въ этомъ отношеніи англичанъ. Рядомъ съ книжнымъ отдѣленіемъ стоятъ во Франціи всевозможные инструменты, физическіе, географическіе, химическіе, анатомическіе, и больше всего музыкальныхъ. Флейты, скрипки, органы, фисъ-гармоники — все тутъ есть; къ счастью только, что вообще духовые инструменты остаются въ покоѣ, а то хоть бѣги, и теперь уже часто спасаешься отъ этого шума, гама, который производится игрою на фортепіано, органахъ и т. д. Правда, что иногда услышишь просто концертное исполненіе какой-нибудь вещи, такъ-что невольно остановишься и заслушиваешься. Музыка аккомпанируетъ ваше странствованіе по выставкѣ. Вообще нужно сказать, что рѣшительно всѣ пять чувствъ находятъ себѣ во французскомъ отдѣленіи полное удовлетвореніе... и даже обоняніе! Вы оставляете французское отдѣленіе, чтобы перейти напр. въ сосѣднее, въ бельгійское, и по дорогѣ вы встрѣчаете очень изящный фонтанъ: подставляешь свой платокъ, на него упало нѣсколько капель самыхъ лучшихъ духовъ!

Какой страшный контрастъ между Франціею и Бельгіею: послѣ роскоши вы видите самую большую простоту, всѣ вещи сдѣланы и

назначены не для нѣсколькихъ богачей, а для людей обыкновенныхъ, для большинства; бездна вещей, которыя купитъ себѣ и простой работникъ! Даже слава Бельгіи — кружева, и тѣ здѣсь гораздо проще, нежели во французскомъ отдѣленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ все расположено со вкусомъ, вещи сгруппированы съ умѣньемъ, все обличаетъ толковость и пониманіе. По другую сторону французскаго отдѣленія красуются англійскія произведенія съ печатью практичности, комфортабельности, внутренняго достоинства вещи. Но самое интересное здѣсь, это не богатыя матеріи европейской Англіи, не ея выставленные брилліанты, не ея покойная мебель, не удивительное стекло, ни бронза, въ которой все-таки гораздо меньше вкуса, чѣмъ во французской бронзѣ,—интересны здѣсь въ высшей степени произведенія ея обширныхъ колоній. Что́ за тонкость деревянной работы, что́ за прелестныя инкрустаціи, кубки, бокалы; вазы изъ серебра сдѣланы съ такимъ искусствомъ, съ такою артистичностью, рѣзьба такъ мелка, такъ изящна, что съ ними ничто европейское не можетъ сравниться.

Въ индѣйскихъ серебряныхъ вещахъ есть такая грація въ формѣ, такая элегантность отдѣлки, какъ нигдѣ. Въ шелковыхъ матеріяхъ, въ тканяхъ англійскихъ колоній есть также удивительныя вещи. Столько блеска въ цвѣтахъ, такіе роскошные рисунки, богатство ихъ такъ оригинально, что нашъ глазъ, не привыкшій къ этому, пораженъ и пораженъ пріятно. Индія точно также выставила всевозможныя, употребляемыя туземцами оружія, которыя возбуждаютъ большой интересъ. Вообще нужно сказать, что не для спеціалиста, который пріѣхалъ изучать то и другое, одну отрасль или другую, Востокъ на выставкѣ гораздо интереснѣе Запада, потому разумѣется, что съ нимъ мы гораздо меньше знакомы.

Понятно, что народъ толпится въ Египтѣ, гдѣ выставлены навьюченные верблюды, показывающіе наглядно способъ передвиженія; останавливаются также съ большимъ интересомъ въ турецкомъ отдѣлѣ, гдѣ представлено цѣликомъ нѣсколько турецкихъ комнатъ, съ покоющимися на диванахъ турками, хотя они и не живые; останавливаются надъ китайскими произведеніями, и хотѣли бы остановиться въ персидскомъ отдѣлѣ, еслибъ онъ былъ открытъ; къ несчастію, у нихъ еще не готово, и я не могу засвидѣтельствовать ихъ успѣха въ мануфактурѣ, машинахъ и т. д. Пройдя черезъ Востокъ, мы доходимъ до Италіи, гдѣ есть интересныя стеклянныя вещи съ фабрикъ Венеціи, интересныя мозаики, камэ, и что̀ еще привлекаетъ большое вниманіе, это какой-то новый способъ приготовленія человѣческаго тѣла. Его засушиваютъ какимъ-то особеннымъ способомъ, который позволяетъ прекрасно сохранять наши бренные останки. Тутъ выставлена одна такимъ образомъ засушенная голова женщины, которая умерла всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Изъ Италіи мы входимъ въ Россію, которая возбуждаетъ къ себѣ общій интересъ. Но когда ходишь по русскому отдѣлу, дѣлается какъ-то досадно и обидно: видишь, съ какимъ безвкусіемъ, съ какимъ замѣчательнымъ незнаніемъ, непростительною небрежностью размѣщены наши произведенія. Все какъ-то сброшено въ кучу: тутъ стоитъ великолѣпнѣйшая мозаика, честь русскаго отдѣленія, и рядомъ съ нею какая-то деревянная мебель, со всѣхъ сторонъ она загорожена шкапчиками и шкапами, которые не позволяютъ ее видѣть въ цѣломъ; тутъ собрано и серебро, дѣйствительно, сдѣланное съ огромнымъ вкусомъ, крайне оригинальное, а рядомъ съ нимъ какая-то деревянная модель; немножко дальше наставлены простыя глиняныя вещи; все тутъ, и ковры и сѣдла, все, что́ нужно, чтобы вышелъ полный хаосъ. Больше всего, разумѣется, жаль эту прекрасную огромную мозаику императорской фабрики, сдѣланную съ большой картины г. Нефа, которая притиснута большими канделябрами, мебелью, шкапами, и такимъ образомъ страшно проигрываетъ отъ негармонирующей обстановки.

Такой безпорядокъ, такая безпечность, что стыдно дѣлается за своихъ экспонентовъ! То, что́ у насъ есть хорошаго, то такъ поставлено, забито, что и не увидишь; напр., какъ развѣшены наши мѣха? ихъ никто и не замѣчаетъ, а будь они расположены такъ, какъ сравнительно бѣдные мѣха Франціи, пусть въ расположеніи былъ бы тотъ же вкусъ, тоже умѣнье, тогда все кидалось бы на нихъ. Мнѣніе это не принадлежитъ мнѣ лично, я бы и не высказалъ его тогда. Всѣ, которые говорили со мною и которыхъ я слышалъ, повторали эти слова. Но утѣшимся: честь русскаго отдѣленія поддержана нашимъ художественнымъ отдѣломъ и потомъ постройками въ паркѣ, но о нихъ послѣ.

Еще болѣе становится обидно за русскій отдѣлъ, когда входишь въ сосѣдніе намъ отдѣлы: датскій, шведскій, норвежскій; тутъ все, что́ у нихъ есть, и что́ никакъ не лучше чѣмъ у насъ, расположено съ такимъ тактомъ, стараніемъ, каждой вещи такъ найдено должное мѣсто, такъ все прибрано одно къ одному, такъ все сдѣлано, чтобы показать вещь въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, что невольно становится завидно.

Гдѣ еще болѣе вкусу — это въ Швейцаріи; всѣ комнаты устроены красивыми салонами, все прибрано къ стѣнамъ, все красиво, изящно. Простыя хорошія ткани и несмѣтное изобиліе всевозможныхъ часовъ всевозможныхъ фабрикъ — вотъ чѣмъ отличаются швейцарцы. Испанія не свидѣтельствуетъ о большихъ промышленныхъ успѣхахъ, въ ея отдѣлѣ какъ-то пусто, скучно; кромѣ довольно хорошихъ толедскихъ оружій, да дурно сдѣланныхъ, но все-таки интересныхъ испанскихъ костюмовъ, почти ничего нѣтъ. Отсюда мы заглянемъ на

секунду въ Пруссію и Австрію, чтобы ужаснуться и устрашиться только ихъ всевозможныхъ калибровъ пушекъ, которыми онѣ хвастаютъ другъ передъ другомъ, чтобы полюбоваться богемскимъ стекломъ, прусскими дѣтскими игрушками, чтобы подивиться этому грозному количеству трубокъ, которыми онѣ могутъ закурить всю планетную систему, да пожалуй послушать какую-то нѣмку, которая постоянно играетъ на фортепіано и, главное, играетъ очень хорошо.

Если ко всему, что́ я говорилъ о желѣзномъ дворцѣ, вы прибавите въ своемъ воображеніи великолѣпныя чучела животныхъ: тамъ левъ, здѣсь тигръ, въ другомъ мѣстѣ нѣсколько шалашей прекрасно сдѣланныхъ съ всадниками и всадницами, слоновъ съ цѣлымъ обозомъ, верблюдовъ; если вы дополните это пирамидами, возвышающимися въ большихъ проходахъ, украшенныхъ кораллами, прекрасными вещами изъ алюминія, цѣлую маленькую скалу, усѣянную настоящими изумрудами, одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ самородковъ; если вы вообразите цѣлую комнату фальшивыхъ цвѣтовъ, которыя нельзя отличить отъ настоящихъ, и черезъ нѣсколько шаговъ цѣлый анатомическій кабинетъ; если вы вообразите себѣ, что съ одной стороны вы видите бѣлыхъ людей, работающихъ при машинахъ, коричневыхъ, которые сидятъ въ своемъ восточномъ отдѣлѣ и шьютъ башмаки, сапожки изъ золотой и серебрянной ткани, далѣе красивыхъ черныхъ какъ смоль, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ костюмахъ; если вы наполните свой слухъ дикою смѣсью всевозможныхъ языковъ и въ вашихъ глазахъ заставите промелькнуть всѣ типы; если ко всему этому прибавите какой-то гулъ, адскій шумъ голосовъ и шаговъ, оглушительный гвалтъ дѣйствующихъ машинъ, нѣсколько заводовъ и фабрикъ въ движеніи, бѣготню, суету, и т. д., и т. д., — тогда, и только тогда передъ вами предстанетъ желѣзный дворецъ во всей его реальности. Если мнѣ сдѣлаютъ упрекъ, что я слишкомъ скоро его покидаю, то я приведу въ свою защиту то, что еслибъ я исписалъ еще двадцать, тридцать, сто листовъ, то я все-таки не описалъ бы всего, что́ въ немъ есть, и всегда могли бы найтись люди, которые сказали бы мнѣ, качая головою: «а какъ же вы объ этомъ-то не сказали?» Что жъ дѣлать, я оставляю его, и оставляю тѣмъ болѣе охотно, что можно выйти насвѣжій воздухъ, въ паркъ, гдѣ столько и столько интереснаго, что я вынужденъ и здѣсь повторить: всего не опишу!

Въ этомъ паркѣ, окружающемъ желѣзный дворецъ, въ самомъ дѣлѣ все такъ переполнено, все такъ набито западными и восточными дворцами, домами и избушками, павильонами и хижинами, фермами и конюшнями, церквами и мечетями, фарами и такъ далѣе безъ конца, что не знаешь о чемъ говорить или, по крайней мѣрѣ, съ чего начать. Чтобы лучше можно было себѣ представить эту смѣсь, этотъ хаосъ, я сохраню этотъ хаосъ и въ своемъ описаніи этого парка. Выходя изъ зданія,

пройдя нѣсколько домиковъ не обращая на нихъ никакого вниманія, я войду въ большой отгороженный садъ, устроенный съ удивительнымъ вкусомъ. Чтобы попасть въ этотъ эдемъ, нужно внести 50 сантимовъ, причина, по которой въ этомъ саду никогда не бываетъ особенной давки. Двѣнадцать или пятнадцать оранжерей всевозможныхъ размѣровъ и устройствъ, наполненныхъ самыми рѣдкими цвѣтами и деревьями, начиная отъ великолѣпнаго привезеннаго пальмоваго дерева и кончая нашимъ роднымъ ельникомъ, розы, камеліи, кактусы, и потомъ бесчисленное количество цвѣтовъ съ самыми варварскими латинскими именами, выставлены въ такихъ граціозныхъ, роскошныхъ группахъ, какъ рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчаешь. Кромѣ оранжерей, устроено два большихъ акваріума, которые полны рыбами, раками, лягушками, всѣми диковинами озеръ, и пожалуй морей; есть тутъ великолѣпные гроты, каскады, фонтаны, павильоны, цѣлая галерея рѣдкихъ фруктовъ, изящные легкіе мостики, цѣлое большое зданіе, гдѣ помѣщено café, однимъ словомъ все есть, кромѣ времени, чтобы подольше здѣсь остановиться. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого привилегированнаго сада выстроены двѣ образцовыя фермы со всѣми принадлежностями хозяйства, вдоволь снабженными масломъ и настоящимъ молокомъ, не фальшивымъ, не поддѣльнымъ, и которое въ Парижѣ также рѣдко, какъ и птичье. Недалеко отъ французской фермы красуется своею чистотою, бѣлизною голландская ферма, гдѣ можно видѣть какъ дѣлаются ихъ знаменитые сыры. Почти рядомъ съ французскими фермами выстроенъ громаднѣйшій ресторанъ для рабочихъ, которые умерли бы конечно съ голоду, еслибъ не было на выставкѣ другихъ цѣнъ какъ тѣ, которыя взимаются въ трактирахъ, помѣщенныхъ въ зданіи выставки. Впрочемъ, еслибъ всѣ работники имѣли по такому домику, какъ тѣ модели, которыя выстроены въ паркѣ, тогда быть можетъ они могли бы себѣ позволить для праздника позавтракать въ одномъ изъ этихъ безчисленныхъ ресторановъ. Тутъ есть нѣсколько домиковъ для рабочихъ, выставленныхъ какъ модели. Цѣна одного изъ нихъ, состоящаго изъ комнаты внизу, маленькаго чулана и двухъ спаленъ на верху—3,000 fr. Конечно, цѣна эта очень умѣренна, если принять во вниманіе, что весь домикъ изъ кирпичей, но я боюсь только, во-первыхъ и прежде всего, что въ западной Европѣ найдется куда какъ мало работниковъ, которые имѣли бы три тысячи франковъ, а во-вторыхъ, что если бы и оказались случайно такіе Крезы рабочаго міра, то домики эти обойдутся нѣсколько дороже. Болѣе интересенъ образецъ домика мюльгаузенской рабочей колоніи, можетъ быть оттого, что онъ полнѣе показываетъ, какъ устраивается въ немъ цѣлое рабочее семейство. Въ этомъ домикѣ дѣйствительно живетъ такое семейство, и иногда заходя сюда, на дверяхъ комнаты читаешь надпись: «входъ запрещенъ, такъ какъ ребенокъ

спитъ». Но и тутъ нужно прибавить, что тотъ, кто станетъ судить о рабочемъ помѣщеніи по этимъ чистенькимъ, всякимъ хозяйственнымъ добромъ наполненнымъ домикамъ, тотъ получитъ самое превратное понятіе о жизни рабочей массы.

Домики эти назначены только для того, чтобы вызывать всеобщій восторгъ, всеобщее одобреніе, съ цѣлью показать жизнь работника въ розовомъ свѣтѣ; они являются какъ желаніе, а не какъ дѣйствительность, между которыми такая же разница, какъ между небомъ и землею. Говоря объ этихъ постройкахъ для рабочихъ, нельзя не упомянуть тутъ же выстроенной модели дѣтскаго пріюта, въ который принимаются дѣти отъ пятнадцати дней до трехъ лѣтъ и только на тѣ часы дня, когда матери ихъ работаютъ на фабрикахъ или въ другомъ мѣстѣ; возвращаясь домой онѣ должны брать дѣтей назадъ.

Этотъ образцовый пріютъ на 15 кроватокъ очень хорошо устроенъ, очень чисто; есть тутъ и ванны, и маленькая аптечка, все это приноситъ нѣкоторое облегченіе для матерей, но... когда хорошенько подумаешь, невольно пожелаешь, чтобы на одной изъ слѣдующихъ выставокъ подобныхъ моделей больше не встрѣчалось, пожелаешь, чтобы мать, едва вставъ съ постели, не должна была покидать двухнедѣльнаго ребенка на чужія руки, а сама идти десять и двѣнадцать часовъ сряду высиживать за станкомъ... Это разсужденіе я подслушалъ, осматривая пріютъ. Кромѣ этихъ французскихъ моделей зданій для простолюдиновъ, есть нѣсколько подобныхъ же построекъ и у другихъ націй. Америка выстроила очень удобный домикъ начинающейся гдѣ-нибудь колоніи. Англія дала только имя сельскаго котэджа двумъ великолѣпнымъ заламъ, украшеннымъ съ страшною роскошью, считая вѣроятно неприличнымъ показывать домикъ простого поселянина или городского работника. Австрія, Швеція, Пруссія, всѣ выстроили по простому маленькому домишку, какъ типъ народнаго жилища. Но болѣе всѣхъ остальныхъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе русская изба и конюшни. Надѣюсь, что описывать русской избы не нужно; скажу только, что она выстроена съ большимъ вкусомъ, мнѣ кажется даже слишкомъ съ большимъ. Изба эта наполнена всевозможными произведеніями, сухою рыбою, крестьянскими костюмами, хозяйственною утварью и т. д. Когда ни войдешь, здѣсь всегда много народу, который съ любопытствомъ разсматриваетъ самоѣдскія чучела и во второмъ этажѣ—большую лежанку. Въ русскихъ конюшняхъ нѣтъ проходу, лошади пользуются большимъ уваженіемъ; когда ихъ выводятъ изъ конюшенъ, мѣсто, гдѣ ихъ прогуливаютъ, просто запружено народомъ. Около избы сдѣлана очень бѣдная выставка русскихъ колоколовъ, всего три или четыре, особенно, когда сравнишь ихъ съ прусскими и австрійскими, которые такъ гудятъ, что нужно бѣжать. Во французскомъ отдѣленіи парка выставка колоколовъ очень

хороша. Въ круглomъ павильонѣ развѣшано колоколовъ сорокъ разныхъ калибровъ, которые въ опредѣленный часъ звонятъ всѣ вмѣстѣ, образуя страшную гармонію; это — карильонъ.

Я не могу перечислить всѣхъ европейскихъ отдѣльныхъ маленькихъ зданій, изъ которыхъ одно назначено для гальванопластики, другое для фотоскульптуры, третье зданіе, или скорѣе заводъ, гдѣ показываютъ, какъ дѣлаютъ ледъ искусственнымъ образомъ, какъ замораживаютъ графины; далѣе, зданіе, гдѣ дѣлается зельцерская вода, потомъ бездна зданій, наполненныхъ машинами. Тамъ, гдѣ такие вѣчно тѣснится народъ, показываютъ, какъ обдѣлываютъ бриллианты; собрана большая коллекція, начиная съ ихъ первобытнаго вида и кончая уже полированными бриллiантами. Рядомъ съ бриллiантами лежатъ всевозможные камешки, которые ихъ окружаютъ, песокъ между которымъ ихъ отыскиваютъ, и т. д. Идешь съ другой стороны и натыкаешься на какое-то довольно низкое зданіе, входишь и видишь предъ собою римскія катакомбы, очень удачно исполненныя, которыя даютъ, если не полное, то приблизительное о нихъ понятіе. На-право, на-лѣво—вездѣ домики, модели, фонтаны, издали видишь выстроенную румынскую церковь, собственно говоря неизвѣстно для чего; дальше возвышается громадный электрическій фаръ, еще нѣсколько шаговъ и передъ вами возстаетъ великолѣпный образчикъ испанскаго зáмка и модель португальскаго маленькаго дворца, на которомъ видна смѣсь двухъ вкусовъ — восточнаго и западнаго. Но обо всемъ этомъ нельзя ни говорить, ни писать; какъ ни будешь стараться живо представить, цѣли не достигнешь.

Но какъ ни интересна эта часть парка, тутъ ничего все-таки особенно не поражаетъ своею новизною, чѣмъ-то страннымъ, незнакомымъ; глазъ тутъ болѣе или менѣе ко всему привыкъ, все впередъ знаетъ, все ожидаетъ; но картина перемѣняется, когда мы входимъ въ ту часть парка, которая принадлежитъ Востоку. Тутъ все для насъ ново, все оригинально, все полно интереса, и къ выставкѣ, которая въ состояніи познакомить насъ вдругъ съ архитектурою, постройкою и даже отчасти съ образомъ жизни Турціи, Египта, Туниса, невольно начинаешь чувствовать уваженіе.

Турціи принадлежатъ три зданія: мечеть, вилла на Босфорѣ и турецкія бани, всѣ три полныя интереса. Что̀ можетъ быть роскошнѣе, напримѣръ, этой виллы, я право не знаю. Когда вдоволь наглядишься на тѣ казармы, въ которыхъ мы обыкновенно живемъ, на нашу западную современную архитектуру, человѣкъ, мнѣ кажется, долженъ остановиться съ раскрытымъ ртомъ предъ архитектурою Востока, полную фантастической прелести, капризной гармоніи, долженъ преклониться предъ этими роскошными линіями, которыя съ такою красотою и граціею рисуются въ воздухѣ. Непріятно только подумать

о нравахъ обитателей подобныхъ виллъ. Внутренность этой виллы представляетъ одну огромную залу, въ которую проходитъ какой-то странный полусвѣтъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и отъ стѣнъ, замѣчательныхъ фантастическою рѣзьбою, рисункомъ и, главное, силою своихъ цвѣтовъ. Полъ выложенъ роскошнымъ ковромъ, кругомъ всей комнаты, вдоль стѣнъ, тянется одинъ диванъ, покрытый великолѣпною пестрою шелковою матеріею, съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ. По серединѣ мраморный фонтанъ, который лѣниво разбрасываетъ капли чистой прозрачной воды. Залу эту окружаютъ съ четырехъ концевъ четыре небольшія комнаты. Въ мечети много таинственности, по стѣнамъ раскинуты арабески и изреченія корана, полъ покрытъ ковромъ. Я замѣтилъ, что одинъ турокъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ смотрѣлъ на пеструю массу, входившую въ его мечеть, которая по закону доступна только для однихъ вѣрныхъ. Ихъ мраморныя бани отлично объясняютъ самую сильную привычку древнихъ— въ баняхъ проводить часть дня: такъ все тянетъ здѣсь къ нѣгѣ и какой-то пріятной лѣни! Недалеко отъ турецкихъ зданій возвышаются египетскія. Кромѣ небольшого дворца удивительной роскоши, возвышается египетскій храмъ, къ которому ведутъ огромныя ворота и потомъ небольшая дорожка между двумя рядами сфинксовъ. Когда входишь въ этотъ храмъ, видишь огромную залу, окруженную колоннами, которыя поддерживаютъ галлерею вокругъ всего зданія. Во всѣхъ углахъ этого зданія сидятъ египтяне, занимаясь различными работами, и ихъ присутствіе даетъ еще больше этому храму печать оригинальности, мѣстности. Всѣ стѣны покрыты разноцвѣтными рисунками, іероглифическими надписями. Третье зданіе, принадлежащее Египту, собственно принадлежитъ современной цивилизаціи: на огромныхъ столахъ разосланы карты Нила, его береговъ, что̀ очень наглядно представляетъ его теченіе и мѣстность, гдѣ онъ протекаетъ. Тутъ же на другомъ столѣ представленъ рельефный планъ старой Александріи, ка̀къ она была во времена Антонія и Клеопатры, и такой же планъ настоящаго вида Александріи. Недалеко отъ этого навильона красуется другой, гдѣ еще рельефнѣе представлены всѣ планы и всѣ уже сдѣланныя работы Суэзскаго перешейка. Кромѣ этихъ зданій, выстроенъ еще большой обыкновенный египетскій домъ и зданіе для верблюдовъ, которые каждый день прогуливаются кругомъ зданія Выставки. Въ глубинѣ зданія, за небольшой оградой, которая сдѣлана вѣроятно для того, чтобы напомнить великую китайскую стѣну, расположенъ точно такой домикъ, какой мы видимъ на китайскихъ рисункахъ. Вы входите въ садикъ, окружающій китайское жилье, нижній этажъ котораго превращенъ въ музей. На лѣстницѣ сидятъ двати китайца, продающіе произведенія своей страны: чашечки, вазы, вѣера, бумажки, въ которыя китайцы сморкаются, и т. д. Верхній

этажъ превращенъ въ ресторанъ; у кого хватаетъ духу, тотъ спрашиваетъ себѣ порцію китайскаго кушанья, напр. гнѣздо ласточки — яство, котораго порція стоитъ 20 фр. Чай тутъ пьютъ съ утра до вечера, и способъ питья чисто-китайскій. Вамъ подаютъ маленькую чашечку съ крышкой, блюдечко сухого чая и горячую воду; вы насыпаете въ вашу чашечку чая, наливаете воды, закрываете ее блюдечкомъ и пьете черезъ маленькое отверзтіе, оставляемое блюдечкомъ. Китайцы, разумѣется, пьютъ безъ сахару, но европейцы слѣдуютъ своимъ привычкамъ. Внизу за столомъ сидятъ три молоденькія китайки. Одна изъ нихъ очень хорошенькая. При китайскомъ café устроенъ китайскій театръ, въ которомъ упражняются ихъ ловкіе фокусники. Кромѣ китайскаго café, есть еще арабское, гдѣ подаютъ очень сильный, дѣйствующій на нервы, кофей. Но ничто не можетъ быть роскошнѣе, великолѣпнѣе дворца тунисскаго бея, который замыкаетъ собою цѣлый рядъ зданій Востока. Лѣстница, по которой поднимаешься, украшена шестью величественными львами, охраняющими входъ во дворецъ. Первая зала, которая поражаетъ посѣтителя, потолкомъ своимъ считаетъ небесный сводъ. Она носитъ названіе Patio; тутъ собираются въ хорошую погоду сидѣть, курить и смотрѣть на брызги посреди красующагося фонтана. Зала, примыкающая къ Patio, великолѣпна и роскошна до-нельзя; но въ этомъ великолѣпіи есть такой вкусъ, такой выдержанный стиль, такъ все идетъ одно къ одному, что ничто не выдается, не бросается въ глаза излишнимъ богатствомъ. Эту главную пріемную залу окружаютъ нѣсколько другихъ комнатъ, всѣ въ одинаковомъ стилѣ, но уже не столь богатыя. Кто не любитъ роскошнаго, фантастическаго, но вмѣстѣ гармоническаго въ пестротѣ мавританскаго стиля, тотъ помирится съ нимъ во дворцѣ тунисскаго бея. Конечно, этимъ дворцомъ, въ точности скопированнымъ съ дворца въ Тунисѣ, извѣстнаго подъ именемъ Bardo, можетъ любоваться только тотъ, кто не видѣлъ Альгамбры; но не слѣдуетъ забывать, что это зданіе выстроено въ нѣсколько мѣсяцевъ, и выстроено для того, чтобы чрезъ нѣсколько же мѣсяцевъ обратиться въ ничто....

Я обѣщалъ не описывать всего, и нѣсколько разъ собирался сдержать слово; остановимся хоть на дворцѣ тунисскаго бея, чтобъ наконецъ остановиться на чемъ нибудь. Е. О.

Парижъ. 2/14 августа, 1867.

Всего 624 страницы.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Драматическая хроника въ двухъ частяхъ. Соч. А. Островскаго. 2-е изд. Спб. 1867. Ц. 1 р.

Нашимъ читателямъ уже знакомо это новѣйшее произведеніе А. Н. Островскаго, вышедшее нынѣ особымъ изданіемъ. Кромѣ обычной вѣрности языку, оборотамъ рѣчи и міровоззрѣніямъ той эпохи, въ которую насъ переноситъ драматургъ, его произведеніе замѣчено было, какъ поэтическая попытка рѣшить загадочный вопросъ о самозванцѣ путемъ психологическаго анализа, а въ лицѣ Василія Шуйскаго дать намъ понятіе о состояніи умовъ и характеровъ той эпохи въ высшихъ сферахъ нашего общества. Потому-то личность Василія Шуйскаго, хотя и второстепеннаго лица, по сравненію съ самозванцемъ, вышла у автора весьма богатою по своему содержанію.

Исторія индуктивныхъ наукъ, отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени, Вильяма Уэвелля. Въ 3 т.—Перев. съ 3-го англ. изд. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Т. II. Спб. 1867.

Авторъ во второмъ томѣ приступаетъ въ первый разъ къ главному своему предмету, а именно исторіи индуктивныхъ, т. е. естественныхъ наукъ, и проходитъ исторію физики, физической астрономіи, акустики, оптики, термотики и атмологіи. Умѣнье, при небольшомъ объемѣ, изложить съ большою полнотою и ясностью крупные факты дѣятельности человѣческаго ума и его усилій овладѣть законами природы — составляетъ неотъемлемое достоинство труда Уэвелля. Только въ такомъ ретроспективномъ обзорѣ мы можемъ найти вѣрныя данныя для оцѣнки значенія естественныхъ наукъ въ исторіи цивилизаціи, и отсюда заключить, въ какія отношенія должна стать современная цивилизація къ естественнымъ наукамъ, и чего она должна отъ нихъ ждать и требовать для себя.

Отзывы и мнѣнія военноначальниковъ о польской войнѣ 1831 года, изданы на нѣм. яз. Ф. Смитомъ, и пер. В. Квитницкимъ. Спб. 1867.

Покойный Ф. Смитъ имѣлъ цѣлью въ этомъ изданіи дополнить свою «Исторію польскаго возстанія и войны 1830—31 гг.» тѣми документами, которыя хранились въ спб. военномъ архивѣ и не были ему извѣстны при составленіи первыхъ двухъ томовъ. Изъ числа изданныхъ документовъ особенно замѣчательны секретныя донесенія фельдмаршала Дибича и «Краткій журналъ графа Толя», направленный противъ Паскевича и долгое время потому не публикованный.

Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи. Н. Дубровина. Спб. 1867.

Мы указывали недавно на обширный и весьма интересный трудъ г. Дубровина: «Закавказье». Его новая монографія обращаетъ на себя такое же вниманіе по богатству матеріаловъ, которыми авторъ воспользовался какъ нельзя лучше. Подробности присоединенія Грузіи изложенныя авторомъ, подтверждаютъ тотъ вѣчный историческій законъ, что потеря политической самостоятельности есть дѣло прежде всего внутренняго разложенія страны, а потому задача принимающихъ въ себя подобныя общества весьма тяжела и стоитъ дорого. Подобныя сочиненія, какъ трудъ г. Дубровина, должны въ особенности служить къ выясненію той истины, что присоединеніе всегда рождаетъ для присоединяющихъ болѣе обязанностей, чѣмъ правъ.

Записки охотника восточной Сибири. (1856—63). Соч. А. Черкасова. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1867. Ц. 3 р.

При всей спеціальности труда автора, ограничившагося одною охотою, его записки представляютъ во второй части интересъ для естествоиспытателя по множеству наблюденій надъ нравами богатаго царства животныхъ; этнографъ и историкъ страны встрѣтитъ не менѣе любопытныя свѣдѣнія о сибирскихъ охотникахъ, цѣломъ классѣ людей, руками которыхъ совершается одинъ изъ значительныхъ промысловъ нашей внутренней торговли.

Исторія французской революціи и ея времени (1789—1795). Соч. Г. Зибеля. Перев. подъ ред. В. Ососова и А. Путяты. 4 части въ 2 т. Спб. 1863—67.

При всемъ богатствѣ литературы французской революціи, сочиненіе нѣмецкаго писателя заняло съ перваго раза самое почетное и видное мѣсто, благодаря глубокому изученію источниковъ и личному таланту автора. Переводъ такихъ классическихъ книгъ необходимъ для всѣхъ литературъ, и мы сожалѣемъ только, что внимательность издателей къ своему труду далеко не соотвѣтствовала его важности. Четыре страницы съ указаніемъ опечатокъ къ одному первому тому, почти заставляютъ читателя взять на себя обязанности корректора и вмѣстѣ говорятъ объ опасности встрѣтить сверхъ того опечатки, не указанныя переводчиками.

СЪ 1868 ГОДА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ПЕРВАГО ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА:

ВЪ ГОДЪ

ШЕСТЬ ТОМОВЪ

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ КНИГАХЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ редакціи «Вѣстника Европы»: при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста — отъ **городскихъ** подписчиковъ.

Гг. **иногородные** обращаются съ требованіями по почтѣ исключительно: 1) въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ; или 2) въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20. — Только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за *своевременную и точную сдачу* экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Книжные магазины С.-Петербурга и другихъ городовъ, обращаясь въ Главную Контору, пользуются, при 5 экземплярахъ, извѣстною уступкою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ	Полугодіе
Безъ доставки	14 р.	7 р. 50 к.
Съ доставкою	15 „	8 „ — „
Съ пересылкою	16 „	9 „ — „

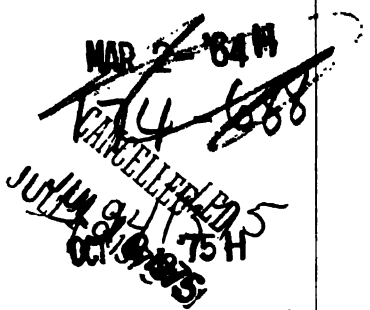
Съ пересылкою на полный годъ за границу: въ *Пруссію* и въ *Германію* — 18 руб.; въ *Бельгію* — 19 руб.; во *Францію* и *Данію* — 20 руб.; въ *Англію, Швецію, Испанію* и *Португалію* — 21 руб.; въ *Швейцарію* — 22 руб.; въ королевство *Нидерландовъ* и *Грецію* — 23 руб.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1866 годъ (четыре тома: 8 руб., съ пересылкою 9 руб.) обращаются въ Главную Контору Редакціи; тамъ же можно получить (на тѣхъ же условіяхъ) вышедшіе три тома за 1867 г. съ билетомъ на четвертый и послѣдній томъ. — Гг. иногородные обращаются прямо въ Редакцію.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ,
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3:3 D
76

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.